

ВЕРНУТЬСЯ В СКАЗКУ

Мир магии и волшебства может исчезнуть. А всё из-за того, что люди перестали верить в чудо, стали меньше сопереживать друг другу, стали злее... Единственной надеждой сказочного королевства тогда была дочь короля Генриха, Кассандра, но она сбежала на Землю вместе со своим возлюбленным... Прошло двадцать лет, и король, в отчаянии от перспективы полностью разрушенного мира, посылает на Землю мага, который должен найти принцессу.

===== Пролог. Такая-сякая сбежала из дворца... =====

Наивна эта вера в чудеса,
И всё смешнее кажется с годами,
Давно истлели где-то паруса,
Прекрасные и алые, как пламя...
А в душном переходе в суете
Играет музыкант на старой скрипке
Свой реквием по счастью и мечте...
Играет за гроши и за улыбки.
Смешна кому-то странная печаль,
И в суете не так заметно горе...
А он всё чаще видит по ночам
Забывтый город, корабли и море...*

В последнее время часто слышно мнение, что люди перестали верить в чудо... Почему?
Что мы подразумеваем под верой?

Сказочный мир, сказочное королевство... Что под этим представляется? Одни люди видят, услышав эти словосочетания, какой-то райский уголок, где постоянно слышно прекрасное пение птиц, другие — полную приключений жизнь, третьи — умение летать, парить в воздухе, пользоваться магией, четвёртые — верить в чудо, верить в невозможное, верить в нереальное...

Так что же такое сказочный мир? В принципе, это обычный, ничем не примечательный мирок, почти такой же, как и наша матушка-Земля. Только вот одно отличие есть точно... Сказочная держава слишком зависит от нас. Да, именно от нас. Ведь никакая сказка, даже самая известная, которая существует во многих вариантах, даже самая добрая и справедливая, не может существовать тогда, когда в неё совсем не верят...

А разве может во что-то верить человек подлый, который готов обмануть того, кто в него верит, того, кто его любит и прощает, несмотря ни на что? Разве может во что-то верить человек, не способный сопереживать, сочувствовать, любить? Разве это возможно? И почему-то иногда оказывается, что возможно... Правда, это даже не вера. Это фанатизм.

Всё в мире зависит от самих людей. На что-то оказывает своё влияние их фантазия, часто странная и даже жуткая, на что-то — их поступки, нередко бессердечные и продиктованные лишь заботой о собственной выгоде, на что-то — их желания, часто такие, в которых вовсе нет даже интереса к судьбе других... Всё в мире зависит лишь от самих людей. Хорошо это или плохо? Скорее, всё-таки, второе... Во всяком случае, сейчас.

Поверить в чудо. Что это такое? Что такое вера вообще? Может, сознательный обман самого себя, который помогает жить? Или доверие к чему-то такому, что не подтверждено

логическими доводами? Что это? Этим может оказаться всё, что люди вкладывают в это слово... Вера — это доверие, которое образовалось из любви, это полностью осознанное доверие, это выбор.

Сказочный мир начинал рушиться. Слишком уж мало было людей, которые ещё в него верили. И с каждым днём их становилось всё меньше и меньше... Ситуация становилась всё хуже для этого небольшого мирка.

Королевство, конечно, ещё можно было полностью спасти. Ведь для этого нужно было только правильно применить силу дочери короля, Кассандры. Девушка могла писать книги, рассказы, и всё, что в них было написано её рукой, сбывалось. Если бы она написала совсем небольшое произведение, в котором к людям снова возвращалась бы эта детская вера в чудо, в волшебство...

Тогда мир вернулся бы на круги своя. А вот что стало бы с Землёй? Действительно, на какой виток развития вернулись бы люди в такой ситуации? Конечно, нравственность людей, возможно, и стала бы лучше и выше, но разве это точно? Скорее всего, наш мир, как и много лет назад, впрочем, вовсе не факт, что много, населяли бы фанатики.

Итог этого был бы только один — рушиться начала бы уже Земля. А с ней и все остальные миры...

Только вот принцесса вовсе не планировала оставаться в нелюбимом ею мире. Когда опасность немного миновала, её же силами, а король и жители, успокоившись, расслабились, Кассандра вместе со своим возлюбленным, магом Теодором, сбежала на Землю, куда ей уже очень давно предлагала отправиться одна её давняя и близкая подруга.

Все люди абсолютно разные. И в то же время слишком одинаковые. Парадокс нашего мира. Хотя, и не только нашего... Это парадокс абсолютно всего. Всех миров, всех существ, всех граней.

Почти каждому, впрочем, не так... Каждому присуще право ошибаться, но не каждому это позволено. Как, например, не имеет права ошибиться врач, оперирующий больного, как не имеет права ошибиться учитель, которому доверили совсем ещё несмышлёных ребятишек, как не имеет права ошибиться правитель, на плечах которого находится ноша власти.

Принцесса Кассандра сделала свой выбор в пользу земного населения и их жизней, решив пожертвовать миром, который был ей родным. Она сбежала к тем, из-за кого сказочный мир начинал рушиться.

Так чем же, всё-таки, был её выбор? Предательством или благородством? Наверное, на этот вопрос нет однозначного ответа, и вряд ли он когда-нибудь появится.

Итак, принцесса Кассандра, одна из тех, кто смог бы спасти королевство сказок и снов, навсегда его покинула. Но навсегда ли? Многие считают, что навсегда, уже только единицы надеются, что мир будет спасён...

Прошло уже почти двадцать лет с этой страшной поры. Королевство уже было почти на той же грани разрушения, что и в тот день, когда наследница престола исчезла из этого мира, в тот день, когда перестала звучать одна милая песенка, которую так любила напевать Кассандра...

Так устроен мир...

Всё, что есть сейчас,

Не мило тому,

Кто живёт, кто жил,

Тем, кто будет жить,

Тем, кто хочет быть
Кем-то, а не так...
Кем-то здесь, сейчас...
Для чего? Кому?
Почему? Зачем?
Кто поймёт теперь...
Горы и моря, острова,
Сады, реки и мосты,
Всё, что в мире есть,
Существует здесь,
Быть достойней нас,
В этом мире, может...
Этот мир — хорош.
Всё в нём — хорошо.
Мы живём, но ведь,
Мы не слышим... Нет!
Мы не видим же,
Как цветут сады,
Как журчит ручей,
Как ползёт змея,
Где живёт другой,
Как ты или как я.
Где шумят ветра,
Дышит где вода,
Где поёт огонь,
И молчит земля?
Нет! Не знаем мы!
Мы спешим... Куда?
Мы бежим? К кому?
Жизнь идёт. А мы?
Мы не слышим то,
Для чего живём.
Так устроен мир.
Поважней же нам
Злато и зерно,
Замки, острова,
Власть или казна...
Мы живём? Живём...
Видим ли мы? Что?
Слышим ли кого?
Нет? А почему?
Вряд ли есть у нас
То, ради чего
Нам и стоит жить,
Нам и стоит быть

Кем-то, а не так...

Кем-то здесь, тогда...

Для чего? Кому?

Почему? Зачем?

Так почему же это, всё-таки, произошло?

Комментарий к Пролог. Такая-сякая сбежала из дворца...

*Дарья Яшенко

P.s. Моё вдохновение ко мне почти вернулось! Только вот приходит оно по ночам...

Поэтому, прошу вас не слишком удивляться, если появится какой-то бред...

===== I. Глава первая. С чего всё, в общем-то, и начиналось... =====

Устроен мир так странно!

Не могут вместе жить

Два близких человека,

Что ж про чужого говорить?!

Не могут жить, дерутся,

Пытаются убить...

А в жизни нужно часто

Уйти иль отступить.

Нужна тогда поддержка.

Ну а к кому идти?!

Идут тогда к любому,

Кто встретится в пути.

Ну а тому подавно

Уж безразличен ты,

Но делать поздно что-то.

К кому ж тебе идти?!

Нет никого на свете,

Кто захотел б помочь!

Ну почему? За что мне

Всё это досталось?!

А почему тогда так?

Ведь и семья тут есть!

А потому, что как-то

Забыл и ты про них...

За всю историю мира вы найдёте очень мало поистине благородных людей. Благородных, умных, честных, справедливых и смелых в нашем мире не очень-то любят. Они всегда гонимы и несчастны. Их считают безумцами. Но почему? Наверное, потому, что люди не хотят справедливости — им нужно лишь милосердие, не хотят правды — им нужна лишь сладкая иллюзия, не хотят любви — им нужно лишь одно благополучие. И почти никто не может и не хочет понимать, что благополучие нередко является лишь видимостью...

С такими приоритетами невозможно далеко уйти в нравственном смысле от плохих воспоминаний прошлого. Люди просто не хотят этого. “Всё ли зависит от нашего желания?” — спросите вы. От желания — нет. Всё зависит лишь от цели, которую мы ставим перед собой, и оттого, как именно мы её добиваемся.

Можно не прийти к тому результату, который был нужен, но если сделано всё, что для

этого нужно, то не должно быть стыдно. Нужно просто попробовать поискать ошибку в своих действиях. Если человек на самом деле чего-то захочет, то обязательно этого добьётся, несмотря на все препятствия, которые встанут на его пути. Он обязательно добьётся, получит то, чего он когда-то захотел. Все важные сейчас события когда-то совершались из-за желания что-то изменить, что-то сделать, что-то изменить, перевернуть, переделать. Сделать что-то, на что ещё никто и никогда не осмеливался.

Нужно просто захотеть...

Сказочный мир был на грани исчезновения. А вместе с ним и огромная лаборатория, и библиотека ведьмы. Это было единственное, что омрачало Джулии её долгожданный праздник. Король был почти повержен! Этого она добивалась уже очень долго... Почти с того самого момента, как молодой и неопытный Генрих вступил на престол. Кем была Джулия? О! Это была одна колдунья.

Колдунья, как колдунья, скажете вы. Но был один нюанс. Нюанс, нужно заметить, весьма значительный, особенно в странах, которыми управляет монарх. И не конституционный, а абсолютный. Джулия была внебрачной сестрой короля. Личность она, надо сказать, была весьма противоречивая. С одной стороны, её ненависть к королю Генриху можно было понять. Всё-таки она была его старше. Пусть и всего на два года.

Джулия была самым старшим ребёнком в семье. У неё было два брата, которых она ненавидела и презирала всей душой. Впрочем, с одним из них у неё была общая цель. Почти общая...

Первый и был сейчас королём. Он родился где-то через два или, может быть, три года после рождения Джулии, был с самого детства слаб здоровьем, до жути наивен и правилен, строго следовал всем правилам морали и чести, чем невероятно раздражал свою старшую сестру. Хотя, наверное, не только сестру.

Второго — и самого младшего — брата ведьмы звали Теодор. Он был младше герцогини на довольно большой промежуток времени. Когда он только появился на свет, Джулии Траонт было уже двадцать лет. Она была взрослым человеком, давно достигшим возраста наследования в случае смерти кого-нибудь из родственников. Она была уже довольно сильной ведьмой. Впрочем, Теодор был достаточно умён и хитёр. Пожалуй, именно поэтому она любила его чуть больше.

А девушке очень хотелось вырваться из того ада, что ей приходилось переживать. В то время она жила у своей наставницы, старой, как сам свет, ведьмы Элинор, почти беззубой старухи со злыми серыми глазками.

Эта старуха славилась своими жестокими методами обучения. Впрочем, её ученицы добивались лучших успехов, нежели ученицы других. Но сбежать хотелось всем её подопечным. Джулия не была исключением. И тогда молодая ведьма решила подстроить смерть одной своей тётки. Наверное, это было первое звено всех её несчастий... Или их окончания.

Колдунье это удалось. Наследство девушке из почти нищей семьи — ведь старый король бросил её мать сразу после рождения девочки — досталось немаленькое. Это было приличное по размерам поместье, почти что замок, в котором находилось около сорока различных жилых комнат и два больших зала, в одном из которых волшебница обустроила огромную библиотеку, куда попали книги почти со всего мира. Джулия так радовалась тогда... Почти. Поместье пришлось немного перестроить. Пришлось убрать пару почти развалившихся флигелей, заменить их, отстроить заново почти всё правое крыло. Да,

конечно, возни было достаточно, но... теперь это было только её поместье, куда никто не смел приезжать без её ведома.

Были там, по большей части, книги по чёрной, белой и нейтральной магии, произведения лучших алхимиков сказочного мира, а также труды земных учёных. В другом зале находилась лаборатория. Она была пригодна и для экспериментов с магией, и для обычных химических и физических опытов.

А ещё через два года умер король, отец Джулии и Генриха. Для девушки это стало неприятностью. Она всегда ненавидела короля, ведь тот оставил её с матерью одних, без средств к существованию. Хотя, возможно, она и не ненавидела его, как ей почему-то думалось сейчас. Отец был не таким уж плохим человеком. Она, пожалуй, несколько преувеличивала, что он оставил её совсем без денег. Да, её мать он не слишком любил, но... Всё-таки он почти сразу после смерти той тётки, благодаря которой Джулия получила старенькое поместье в Алимандаре, подарил ей куда большее поместье в Мэрифэйлии, где было лучше всё — природа, политическое расположение.

Кажется, отношения отца и дочери стали налаживаться — он всё чаще приглашал её во дворец, сажал рядом с собой, делился с ней практически всем, полностью узаконил её, сделал принцессой и герцогиней.

В тот день, когда правитель умер, она возненавидела его ещё сильнее. Наверное, именно за то, что он умер, что теперь ей придётся жить без неожиданно близкого человека. Разве не мог он умереть хотя бы на год пораньше?! Они тогда ещё не общались так много, она ещё почти не успела привязаться к нему. Да и... Тогда королевство досталось бы ей, молодой, но уже довольно опытной ведьме, а не этому нескладному, неспособному даже за собой-то уследить подростку Генриху!

С восхождением младшего брата на престол колдунья так и не смогла смириться. Ведь девушке так хотелось стать правительницей, а всё, к чему она так долго стремилась, досталось ему, Генриху, у которого никогда не хватало ни воли, ни внимания, ни способностей к управлению государством.

Через три года после коронации у Генриха родилась дочка, Кассандра. Малышка была очень милой, её любили все. Почти все. Тогда в Джулии во второй раз вспыхнуло чувство зависти и всепоглощающей обиды. Первый раз — это была коронация нового правителя. Это она была старшей сестрой, старшей дочерью...

Девушка начала заниматься интригами. Это ей удавалось, хоть не без труда и не без преступления через собственные идеалы и принципы. Однажды нового короля чуть ли не прямым текстом обвинили в измене собственному же королевству. Пресечь эти обвинения Генриху удалось не сразу. Он много нервничал в те дни. На радость мадемуазель Траонт.

А через восемнадцать лет после рождения принцессы Кассандры все планы ведьмы обратились в прах. Мир мог быть разрушен. А тогда ни королевства, ни даже своих любимых библиотеки и лаборатории ведьме было не видать. Даже ребёнок, которого она родила всего месяц назад, мог погибнуть.

От кого был ребёнок? Ведьма сама плохо помнила. Этого человека она убила ещё во время своего первого месяца беременности. Кажется. Вероятнее всего... Кого она, впрочем, не убила?! Пожалуй, только тех людей, которых она, собственно, уже давно хотела уничтожить. Интересно, а где был отец Седрика? Ведьма помнила только невероятно ужасное настроение во время беременности — и всё.

Вот тогда-то и возникла у Джулии идея попросить о помощи своего младшего брата,

Теодора. В тот день, двадцатого мая, ведьма ожидала его в своём поместье, которое вовсе не казалось ей, как когда-то, большим. И вот на лестнице уже слышались такие долгожданные шаги.

— Что тебе нужно, сестрёнка? В первый раз ты меня сама видеть хочешь! — усмехается молодой черноволосый мужчина, буквально влетая в комнату.

Ведьма отрывается от чтения и смотрит на молодого парня, выраженного в до невозможности смешной из-за своей роскоши чёрный камзол, расшитый жемчугом и серебром. Теодор стоит, гордо задрав голову, и от этого кажется ещё более нелепым и смешным.

— Тс-с! Ребёнка мне разбудишь! — сердится на него ведьма и тут же замолкает, вспоминая, что Теодор сейчас — самая важная часть её плана. — Я просто недавно узнала, что тебе не слишком нравится наша власть, а...

Теодор раздражённо смотрит на неё. Да... А когда они в последний раз смотрели друг на друга не раздражённо? Кажется, когда Тео было лет семь. Какой же он тогда был милашка! И роскошные камзолы ему тогда ещё шли. Не то что сейчас. В свои двадцать три года он выглядел в них нелепо. И смешно. И, кажется, не осознавал этого.

— Кому она нравится может?! Мирок-то на грани разрушения! — перебивает ведьму Теодор.

Джулия бросает на него красноречивый взгляд, и тот замолкает, решив пока не спорить с сестрой, которая, всё-таки, была старше его на целых двадцать лет и, следовательно, знала куда больше вещей, которые могли заставить заткнуться кого угодно. И она, разумеется, не избегнет к ним прибегнуть, если её «любимый» младший братец не соизволит вовремя замолчать.

— Заткнись! — строго произносит герцогиня. — Итак, мне это тоже не нравится... А как ты знаешь, помочь нашему миру может моя милая племяшка, Кассандра... На сколько лет она тебя младше, Тео?

Теодор театрально вздыхает. Джулия всегда умела драматизировать. Как и Генрих. Он вот все нервы уже истрепал с этой «неправильностью», которой отличались так называемые отношения между Теодором и принцессой Кассандрой. Если и Джулия сейчас начнёт об этом говорить... Нет. Джулия не начнёт. Это не в её стиле. Она скорее промолчит, многозначительно ухмыльнётся, после чего придётся думать, одобряет она это или не одобряет.

— На пять, вроде... — подумав, отвечает Теодор. — Эй! Не смей меня называть Тео!

Джулия привычно усмехается. Предсказуемо. Слишком предсказуемо для неё. Она всегда усмехается, когда он начинает кипятиться и раздражаться. Это стало уже почти традицией для их разговоров.

— Ничего страшного, жить сможешь... Так, ты не против будешь соблазнить её и утащить на Землю, а? — Джулия натянуто улыбнулась.

Натянутая улыбка ей совсем не к лицу. Слишком неестественно она начинает выглядеть. Теодору думается, что лучше бы уж она совсем не улыбалась, главное, чтобы не улыбалась так.

Теодору кажется, что из него в одну секунду вышибли весь воздух. Ну, не может же всё быть так. Ну не может же! Неужели Джулия всё давно знает? Хотя... Да, всезнание — в её стиле.

— Что?! — вскрикивает он удивлённо.

Нет, он совсем не ожидал такого поворота событий. Хотя, с его-то сестрицей следовало ожидать всего. И в каком угодно масштабе.

— Так и знала, что ты не будешь против! Спасибо тебе, милый мой Тео! Вот! Ознакомься с моим планом! — колдунья, вручив тёмному магу небольшой сплошь исписанный корявым почерком листочек, решила выбежать из комнаты, взяв своего маленького сына на руки.

Теодор, прочитав план своей старшей сестрицы по захвату власти в королевстве, ухмыльнулся. Да, пожалуй, в семье Траонт были весьма схожие нравы. Впрочем, планы на принцессу Кассандру у молодого чародея были вовсе другие.

Комментарий к I. Глава первая. С чего всё, в общем-то, и начиналось...

P. s. Глава писалась ночью, редактировалась вечером. На сюжетные ошибки сразу автору указывать, так как мозг у него во время написания данной главы работал плохо.

С наступившими каникулами всех!

===== I. Глава вторая. Принцессы бывают разные... =====

Странные люди в мире теснятся,
Спешат всё куда-то, спорят, говорят,
Понять же не могут, что смысла не может
В такой бесполезной, обыденной жизни,
Не то чтобы быть, даже тени там нет!
Нельзя бесполезно, нелепо, ужасно
Всегда проводить весь тот срок, что нам дан!
Для этого в жизни почти у любого есть смысл,
Хоть какой-то, но должен он быть!
Иначе назвать человеком уж трудно
Того, кто всю жизнь проведёт просто так...
Зачем? Для чего? И кому же он нужен?!
Ведь всё бесполезно тогда для него...

Королевство, называемое Орандором, было весьма большим королевством в Осмальерде. Оно располагалось на тридцати двух островах, три из которых были весьма большими. Столица королевства находилась на берегах озера Сердце Королевы и называлась Розфарнелли, что в переводе с какого-то древнего языка означало «величие». Впрочем, великим королевство давно уже перестало быть. Лет так... Сколько там правил король Генрих? Вот примерно столько. Или даже больше. Столица находилась на самом большом из островов, именуемым Земли Аниндара. Седрик не так уж часто здесь бывал. Его мать владела довольно большим поместьем в Мэрифэйлии — втором по величине острове в королевстве Орандор. По правде говоря, в Мэрифэйлии всё было лучше, чем в Землях Аниндара. Воздух там был свежее и чище, вероятно, по той причине, что крупных промышленных комплексов там не было, люди вежливее и здоровее, цветов больше, и все они были ярче. Там не было всей той суеты, которая присутствовала в остальном королевстве. Так же можно было никогда не заботиться о том, что могло бы произойти — жизнь была спокойно и размеренной. Именно в материнской библиотеке он проводил время, будучи ещё ребёнком. В тихом, уединённом месте, где всегда можно было расслабиться и не думать о будущем.

В Академии магов, где юноша учился довольно долго и довольно успешно, жизнь протекала несколько по-другому. Во-первых, было очень много детей, которые суетились,

бегали, толкались, спорили. Во-вторых, учителя не могли уделять много времени каждому, следовательно, и материала он проходил намного меньше, чем мог бы пройти дома, рядом с матерью, готовой всегда поддержать его и нанять, в случае неудач, новых гувернёров и гувернанток. А, в-третьих, Седрику почти ни с кем не удалось подружиться. Кроме одной рыжей девочки по имени Хельга, у которой был очень вредный брат. Учителя мальчика замечали редко по сравнению с тем, как замечали его дома — хотя, вероятно, довольно часто для того, как обычно замечали детей учителя в Академии — и от этого становилось грустно. Мальчику всегда хотелось снова оказаться в Мэрифэйлии, рядом с любимой матерью и... почти любимым дядей. Там всё было родным, привычным. Там его всегда ждали, он мог прийти в любой момент и не испытывать смущения или неудобства.

Юный маг Седрик уже два часа стоял около короля и слушал его наставления перед отправлением на Землю. Конечно, маг мог понять этого человека, если бы захотел, но почему-то парню этого вовсе не хотелось. Возможно, хотя бы потому, что король никогда не был его кумиром, как для многих других жителей королевства. Почему? Тут, скорее всего, сыграло роль то, что Седрик воспитывался своей матерью и своим дядей. Те ненавидели короля всеми своими силами, всеми чувствами, всей природой. И хоть ненависть не передалась юному магу от его предков, зато осталось чувство пренебрежения и превосходства над остальными. Король был слишком слабым правителем и не был достоин править таким прекрасным и большим королевством, по мнению мага.

Чародей с детства славился некоторыми своими умениями, доставшимися ему по материнской линии. Отца своего он не помнил. А мог ли он его помнить? Ведь парнишке не удалось его даже увидеть. Он не мог даже узнать, что это был за человек. Мать Седрика всегда начинала жутко нервничать, когда речь заходила о каком-либо мужчине. Даже когда речь заходила о её брате, леди Траонт мгновенно менялась в лице, голос её становился гораздо выше и звонче, чем обычно, а привычные спокойствие и надменность исчезали. Что же можно говорить об остальных?!

Седрик боялся расспрашивать её. Можно было, конечно, поинтересоваться об этом у его дяди, лорда Траонта, но тот лишь многозначительно фыркнул в ответ, показывая всем своим видом, что вовсе не намерен говорить о подобной ерунде, которой, по его мнению, являлось всё, что не было связано с чёрной магией. Впрочем, с матерью Теодор ладил не слишком хорошо, поэтому не факт, что он вообще знал отца Седрика. Герцогиня Джулия Траонт могла ничего не рассказать брату. И, наверное, правильно сделала, что не рассказала. Тот иногда любил болтать и рассказывать всякие удивительные истории всем подряд, даже тем, кому, по идее, лучше было не доверять.

Король, к которому юношу вызвали три дня назад, пылко расписывал волшебнику, какие перспективы его ждут, если удастся вернуть в сказочный мир наследную принцессу. Это мало привлекало молодого мага. Ведь перспектив у него и так всегда было предостаточно. Сказывался характер его матери. Сколько же пришлось от неё натерпеться! Джулия Траонт, конечно, была очень хорошим родителем. Она умела уговаривать, умела объяснять, но, пожалуй, её вспыльчивость мешала очень многому. Хотя бы тому, чтобы спокойно жить с каким-то человеком, не ссорясь каждый день по пустякам. Впрочем, Седрик всегда любил её. Она любила его, воспитывала, как умела, всячески поддерживала и поощряла, беспокоясь из-за каждой разбитой коленки.

Чародею было очень интересно, какова на самом деле та, за кем он скоро должен отправиться в незнакомый ему мир, на ненавистную всем жителям волшебного мира Землю.

У принцессы Кассандры наверняка уже были свои дети. Тогда возвращать нужно будет и их тоже, ведь, скорее всего, дар у ребёнка окажется куда сильнее, чем у наследницы престола. Вероятно, если делать выводы по тем книгам, которые Седрик прочёл в материнской библиотеке, та чудесная сила принцессы Кассандры уже давно исчезла, передавшись старшему ребёнку.

— Да, Ваше Величество! Я всё понял! — заверил перенервничавшего и заговорившего монарха Седрик.

Всё-таки слушать древние легенды сказочного мира, выученные магом в раннем детстве под давлением матери и дяди, в интерпретации короля было немного странно, особенно если учитывать то, что правитель не знал даже половины из них. Во всяком случае, знал далеко не всё. Мать умела рассказывать сказки куда лучше! Во всяком случае, не возникало того ужасного чувства, будто тебе врут, принимая за маленького ребёнка. А в случае с дядей Теодором хоть и возникало чувство, будто тебе врут, но эта ложь распространялась на всех и на всё по причине того, что не лгать Теодор Траонт просто не умел. Но это было лучше, чем слушать заговаривающегося короля, который, очевидно, легенды эти слушал в далёком детстве и уже забыл больше половины важных деталей и нюансов. А именно нюансы и мелкие детали помогали легендам казаться почти настоящими. Не казаться просто глупой сказкой.

— Могу я отправиться прямо сейчас?

Король удивлённо посмотрел на юношу, как бы не веря тому, что наконец-то кто-то из волшебников решил посетить Землю без особых уговоров и любимых ими контрактов, которые, нужно заметить, никогда не приносили выгоды для кого-то, кроме самого этого мага. Будущий лорд Траонт же был готов отправиться куда угодно и за чем угодно, лишь бы только не слышать больше этого взволнованного, визгливого, непонятно почему такого противного голоса.

— Да, конечно! — радостно воскликнул монарх.

Седрику даже подумалось, что его мать была, в общем, права в том, что Генриху на троне не место. Разве может править людьми человек, который воли не имеет и для того, чтобы что-то самому сделать!

— Сейчас! Нужно открыть портал, чтобы вы...

— Своим ходом доберусь, — заверил его маг, не желая находиться в этом дворце ни минутой больше.

Парню уже хотелось попасть на Землю: там наверняка не было этой приторной, слащавой изысканности, за которой прятались недоверие, ложь, непонимание и всепоглощающая зависть. Видеть эти пороки неприкрытыми казалось куда лучшим вариантом, чем понимать, что они завуалированы так, что мало кто сможет догадаться, как к тебе на самом деле относятся. Мы часто не видим то, что лежит на поверхности, зато замечаем то, что от нас сокрыто...

Земной город, куда переместился Седрик, был не очень населённым. Тем более, сейчас было лето, и многие люди уехали из него. Кто на дачу, кто в другой город, кто за границу. Для мага это особого значения не имело. Лишь бы наследная принцесса оказалась тут.

Зазевавшись, юноша и не заметил несущегося на полной скорости прямо на него велосипеда. От его мыслей о безбедной жизни на ту премию, которую выдаст ему король, его отвлек только чей-то крик «С дороги!», громкий звук торможения и последовавшего по причине слишком позднего нажатия на тормоз столкновения.

В итоге уже спустя пару секунд на тротуаре — к счастью, никто из ребят на проезжую часть не выходил и не выезжал — валялись двое подростков: ругающаяся шёпотом на нерасторопность и невнимательность всех людей в мире девушка и маг Седрик, решивший больше никогда не думать ни о чём постороннем на своих заданиях.

— Ты кто? — пробормотал парень, критически разглядывая неожиданную знакомую.

Да... У этой девушки не было ни манер, ни той внешности, которой обладали придворные дамы, наряд у неё был странный. Хотя... Может, на Земле все так одеваются? В таком случае найти принцессу будет весьма трудно. Впрочем, вероятно, принцесса всё же должна обладать хорошим вкусом. Это должно было достаться ей по наследству от матери, принцессы Кассандры, которая, судя по тому, что о ней говорили в Орандоре, умела очень красиво одеваться. А эта девушка... С перепачканными в чём-то вроде чёрного масла руками, в потрёпанной старой одежде, которая была ей несколько великовата, с растрёпанными короткими светлыми волосами, с короткими обгрызенными ногтями. Что ж... Эта внешность была вовсе не для принцессы. А Кассандра, разумеется, была той женщиной, которая обязательно попыталась бы привить дочери хорошие манеры, которых у этой незнакомки, очевидно, не было и в помине. Эта девчонка была больше похожа, скажем, на дядю Седрика, Теодора, с его неумением одеваться и дурным характером.

— Конь в пальто! — грубо бросила девушка, потирая ушибленную коленку. — Как ты вообще очутился здесь?! Все нормальные люди почему-то слышат крики водителя, да и видят транспорт... И почему я тебя не знаю?! Ты кто такой, а?

Маг возмущённо посмотрел на собеседницу. А та почти раздражённо смотрела на него. Он узнавал этот взгляд. Дядя Теодор всегда смотрел именно так на всех, кто его только окружал. Почти капризно, но всё-таки беззлобно. В прочем, эта девушка Седрику несколько не нравилась. Она лишь заставляла его напоминать себе, что Земля — не Осмальерд и придётся хорошенько постараться, чтобы поскорее найти принцессу Кассандру и её ребёнка или детей.

Хотя, судя по всему, найти принцессу будет не так уж и трудно, если все люди на Земле отличаются таким поведением, как эта девчонка, вместе с которой он сейчас развалился посередине дороги.

«Как хорошо, что она не может быть принцессой! — думал он. — От такой особы проблем не оберёшься! Посмотреть, хотя бы, на её внешний вид! А речь...»

— Ты что застыл? Меня, кстати, Мария зовут. А тебя-то как?

Девчонка дружелюбно протянула парню руку. Видно, она уже совсем забыла о недавнем происшествии. Чем-то она напоминала такого мальчишку-сорванца: короткие взлохмаченные светлые волосы, удобная и несколько мешковатая одежда, в некоторых местах которой были наложены заплатки, немного грубоватая и простодушная манера общения, смелый, задорный и очень ясный взгляд, уверенный звонкий голос.

Звонкий... Почти как у матери Седрика. Чистый и звонкий. Почти приятный. Его мать Джулия Траонт тоже всегда отличалась таким. Пожалуй, следовало немного снисходительнее относиться к этой девушке. Она была тем человеком, который, возможно, мог что-то рассказать или показать — если она на самом деле всё знала здесь.

— Седрик... — немного недовольно пробормотал чародей. Почему этой девчонке нужно было обязательно его сбить, да ещё и отвлекать непонятными разговорами?

Маг огляделся. Улицы здесь были, всё же, совсем другие, нежели в Орандоре. Несколько шире и чище, хотя это, вроде, был не основной проспект этого городка, которому

и следовало быть широким по всем традициям и приличиям. Как планировались города, Седрика, если честно, никогда не интересовало. В Академии было несколько занятий по этой теме, но маг решил ходить на что-то другое, более полезное, как ему казалось.

— Понятно... — вздохнула его собеседница и вдруг, вскочив на ноги, подняв свой велосипед, схватила мага за руку и куда-то повела. Такого обращения к себе тот явно не ждал. Надо ли говорить, что немного наглое поведение земной девушки ему не понравилось?

Впрочем, снова говорить с этой невоспитанной особой парню не очень-то хотелось, поэтому он предпочитал молчать, не сопротивляться и просто идти за ней. Ведь так, к тому же, представлялась возможность хорошенько разглядеть тот город, в который его послали по «секретному поручению». Конечно, новая знакомая ему не слишком нравилась, но делать было нечего. Тем более, она вполне могла знать принцессу.

— Слушай... — пробормотал Седрик, решившись спросить у этой девушки что-нибудь про наследницу престола.

Нужно было спросить это, говорил он сам себе. Хотя бы потому, что ему нужно просто вернуться домой. В материнское поместье в Мэрифэйлии. Возможно, получить от короля в награду небольшой домик в Алимандаре или Землях Аниндара. Возможно, перебраться из мэрифэйлийского поместья матери в алимандарское. Быть на Земле оказалось совсем не так здорово и весело, как ему казалось вначале. Всё-таки нужно было отказаться и спихнуть миссию на кого-нибудь другого. Та же Хельга давно мечтала об этом, а её брат и вовсе прекрасно подходил на эту роль со своей неутомимой тягой к приключениям и всему новому...

— Чего тебе? — немного устало и обречённо пробормотала она. — Устал, что ли? Мы же совсем немного прошли! Вот эти детки богачей!

Юноша чуть было не сказал, что ей-то, этой невоспитанной и грубой девчонке, дворянкой быть точно не грозит. Правда, сдержался, понимая, что если он сейчас что-нибудь ляпнет, то узнать что-либо ему не светит. Во всяком случае, в ближайшие дни. А ведь ему так хотелось поскорее выполнить эту проклятую миссию, вернуться к себе домой и лечь на диван в маминой библиотеке с одной из её книжек...

Подумать только — ещё прошлым летом он так устал от тишины в библиотеке, так хотел каких-нибудь подвигов и приключений. А теперь... Теперь он думал только о том, как поскорее от этих приключений отделаться и оказаться дома, на диване с горячим чаем, вкусным печеньем и интересными книгами.

— Ты, ведь всех здесь знаешь? — спросил парень, всё ещё вспоминая фразу своей матери: «При правильном подходе все двери открыты»...

Девушка сердито посмотрела на него, кивнула и возмущённо пробормотала себе под нос что-то вроде: «Я тут с рождения живу! Неужто кого-то не знаю?!» — вероятно, она хотела ещё и врезать незадачливому попутчику, но решила, что с того хватит и того, что она в него уже врезалась сегодня. В конце концов, Ал уже давно говорил ей, что пора быть несколько менее вспыльчивой. И снисходительной к недостаткам других.

«Может, у него просто сотрясение мозга?» — думала Мария, пытаясь хоть как-то умерить свой пыл.

Через какое-то время подростки очутились в небольшом дворике, посередине которого находилась детская площадка, где сидело двое ребят: парень лет шестнадцати, чем-то до жути напоминающий его, Седрика, но, бесспорно, куда более высокий и крепкий, и девчушка лет двенадцати с ярко-рыжими волосами. Эта девочка сразу представилась парню

той самой принцессой. Она была похожа на ту принцессу Кассандру, которую он видел на портретах. Красивая, нежная, скромная, тихо улыбающаяся какой-то шутке.

«А что? — думал он. — Девочка она, видно, весьма кроткая. Не то что эта... — при взгляде на Марию парень содрогнулся. — Вполне может оказаться из наших. Почему бы нет?»

— Что ты на неё так смотришь? — недовольно буркнула велосипедистка. — Это моя сестра, Роза. И не смей к ней подходить. Ты мне не нравишься.

Седрик снова посмотрел на девушку, что сбила его сегодня. Что-то от короля и принцессы Кассандры в ней точно было. Но больше она напоминала его дядю, что ли. Такая же... Прямолинейная, наглая и грубоватая. Она была тем, с кем он никогда бы не стал общаться по своей воле. Но если она принцесса, к тому же, видимо, старшая, стало быть, чародею некуда деваться.

Комментарий к I. Глава вторая. Принцессы бывают разные...

Прошу меня простить за долгое отсутствие продолжения! Моё вдохновение меня оставило, да и к экзаменам готовиться надо.

===== I. Глава третья. Даже если ты говоришь правду, тебе могут не поверить.

Люди видят лишь иллюзии,
Лишь то, что увидеть хотят.
И каждый может оказаться
Предателем, никого не предав.
Люди видят лишь тени,
Лишь то, что им нужно, себя
Так все обожают и любят,
Но о других и слышать не хотят.
Люди видят лишь блики
Того, что на деле живёт.
И верят они лишь в те слухи,
Что ближе им по душе...
Люди не слышат крика,
Им чужды страданья других.
Люди забыли правду,
Врёт каждый, кому даже лень...
Мы забыли о горе,
Забыли о счастья словах.
Мы забываем радость
И честь, и об истине.
Вот почему так странно
Теперь на Земле мы живём.
Вот почему так трудно
И ему, и мне, и тебе...

Бывают ситуации, в которых тебе приходится делать то, чего ты очень не хочешь. Бывают люди, ради которых ты должен забыть свои интересы. Бывают вещи, которые управляют тобой, заставляют тебя подчиняться и делать то, что им нужно. Бывает всякое.

Почему-то люди не очень верят правде. Может быть, это потому, что мы так часто врём,

что правда кажется нам уже невозможной? А может быть, просто потому, что не хотим что-то менять в своей жизни?

Мария была несколько другим человеком, нежели другие. Иным, не таким, как все люди в этом проклятом всеми забытом прозябающем королевстве, которому, наверное, и не стоило давать второго шанса на жизнь, на счастье. Но этот шанс был дан.

Значит, его стоит использовать, правда? Ведь, может быть, ситуация не так безнадежна, как кажется, не так смешна, как видят наши глаза, как слышат наши уши, не так глупа, как думается, и не так горестна, как чувствует человек? Может, королевство, в котором когда-то рождалась самая добрая и самая наивная сказка, ещё сможет когда-нибудь вернуться на ту ступень величия, на которой оно когда-то находилось?

Жители этого государства уже не тешились этими надеждами. Страна будто бы умирала. Самое страшное, когда умирает вовсе не человек, а целая держава вместе со всеми жителями, шедеврами, культурой. Но всё зависит от самих людей.

Если человек захочет, он обязательно поднимется с колен.

В мире нет справедливости. Где бы её не искать. Это уже давно забыто. Почему? Потому что никто не хочет получить по заслугам.

Когда Седрик попытался рассказать Марии, её сестрёнке Розе и тому парню, которого, как оказалось, звали Альфонс, и который был близким другом этих двух, те его чуть ли не на смех подняли. Мария, которая, между прочим, была наследницей этого королевства, вообще сначала подумала, что её новый знакомый просто пошутил, а потом, поняв, что тот говорил об этом на полном серьёзе, предложила свою помощь в поиске.

Маг вздохнул. Нет! Эти трое явно над ним издеваются! Ну зачем ему что-то придумывать? Хотя... Вариант с обычной шуткой, который был не таким уж и плохим, парень понял тогда, когда будущая королева пошла искать в интернете информацию о недавно сбежавших из психбольницы, а потом, не найдя ничего, рыться в справочниках в поиске ближайшей из них. Почему же они ему не верят? Может, стоит повторить эту историю ещё раз? Или лучше не надо?

Остановившись на втором варианте, парень тяжело вздохнул и думал побыстрее отправиться к королю с известием, что принцессу он уже нашёл, даже двух, но верить ему они не собираются, как Мария, всучив ему в руки кружку с апельсиновым соком, задумчиво заявила:

— А если этот мир, как ты выражаешься, сказка, существует, то зачем вы к нам-то пожаловали? У вас, должно быть, всё куда круче, чем тут... Знаешь, я, наверное, поверю в твою эту историю с другими мирами...

— Мария! Ты совсем уже?! — возмущённо воскликнул Альфонс. — Ты же сама понимаешь, что всё, что пишут в книгах — выдумка, хоть и весьма желательная...

— А я не согласна... — пробормотала Роза. — Это было бы здорово, если бы мы могли туда попасть...

— Роза! — окликнула её старшая сестра. — Во-первых, этот мир вряд ли существует. Хотя жаль. Это было бы просто замечательно. В школу, небось, ходить не надо. Сиди себе на диване и сочиняй... Во-вторых, без меня ты всё равно никуда не поедешь. Тем более, мама сейчас в командировке. Ты хоть представляешь, как она волновалась бы, если это действительно было правдой... В-третьих, он сказал, что я принцесса. Да какая из меня принцесса?! Альфонс, перестань уже надо мной смеяться!

Седрик, соглашаясь, смотрел на Марию. Он никогда не представлял себе девушку с

характером, похожим на характер его матери, сидящую на троне их прекрасного королевства. Что же... Придётся, всё-таки, представить. Делать же всё равно нечего.

Принцесса, выговорившись, замолчала и побрела в свою комнату. На кухне сразу стало как-то непривычно тихо. Слышно было даже то, как старшая сестра Розы и наследница престола странного сказочного королевства что-то печатала. Интересно, что это было?

Ни Альфонс, ни малышка Роза больше ничего не говорили. В чём же была причина? Может, в том, что рядом с ними сидел незнакомый им человек? Или в том, что эти двое были куда менее разговорчивы, нежели Мария?

Маг устало рассматривал стены на кухне этой небольшой квартирki. Да... В особняке его матери было куда просторнее. Обстановка там была, по сравнению с этим жилищем, даже роскошная. И это ещё учитывая то, что замок Джулии Траонт не считался, по меркам сказочного королевства, чем-то грандиозным.

Внезапно Мария выбежала из комнаты. В руке у неё была какая-то старая, измятая и в некоторых местах порванная тетрадь, исписанная даже на обложке, такая, какие порой носят некоторые люди с собой.

— Альфонс! Я с тобой поговорить хочу! — воскликнула она.

Роза, решив, что её оставят на какое-то время наедине с Седриком, жалобно что-то пропищала. Что именно, разобрать было трудно. Но знакомый принцессе кивнул, и маг, который даже не понял, что именно произошло, оказался за пределами квартиры принцессы Кассандры.

Девочку это, видимо, успокоило. Во всяком случае, она замолчала и спокойно отправилась в свою комнату. Она вообще росла тихим ребёнком, в отличие от старшей сестры.

— Альфонс! Смотри, что я откопала в своих старых записях! — как-то неверяще и с необычным для неё сомнением пробормотала принцесса и протянула другу тетрадку. — Ты только прочитай это! Страница шестая или седьмая!

Парень усмехнулся и начал читать то, что протянула ему его давняя знакомая. По мере прочтения лицо его почти не менялось. Впрочем, можно было с уверенностью сказать, что хоть немного, но удивлён он был. Да уж... Марию иначе, как экстрасенсом, назвать он не мог. Только она могла что-то написать, а потом это же превращалось в реальность. Во всяком случае, из его окружения.

Мария была самым настоящим талантом по этой части.

Таланты, впрочем, в наши дни встречаются крайне редко. Особенно у взрослых людей. Ведь практически все дети рождаются с тягой к чему-то прекрасному, со способностью творить это. Но мало кто может это реализовать. Конечно, от самого человека зависит многое, даже почти всё, но часто кто-то должен подтолкнуть, помочь дотянуться. А вот это нечасто представляется возможным.

— И что? — спросил он, протягивая рукопись обратно девочке.

Та дрожала от негодования. И спрашивать, что такое случилось, было довольно вредно. Для вас. А точнее, для вашего физического и морального здоровья. Тетрадку свою она у друга буквально вырвала.

— Да ничего такого! Этот гад как-то узнал о том, о чём я в детстве мечтала! Да это так давно было! Да где он только мог это прочитать?! И как он только посмел ко мне явиться?! Убью гада! И того, кто ему об этом всё рассказал — тоже!

Альфонс тяжело вздохнул. Конечно, у него самого характер был вспыльчивый, но всё же

не настолько, чтобы кидаться на людей из-за непонятной истории, написанной в детстве. Нет. Ему, конечно, этот Седрик не слишком понравился, а если говорить честно, то вообще не понравился, но сейчас он даже жалел этого горе-знакомого, на голову которого прямо сейчас могли посыпаться проклятия. В лучшем случае. В худшем... Ну... Об этом ведь лучше не думать, правда?

Комментарий к I. Глава третья. Даже если ты говоришь правду, тебе могут не поверить.

P. s. Опять-таки извиняюсь за долгое отсутствие продолжения, но сейчас мне не до написания чего-либо. У меня вчера племянник родился!

===== I. Глава четвёртая. Предсказывающая будущее. =====

Есть в каждом человеке что-то,
Что будет его отличать от других.
Но многие губят своё превосходство,
А кто-то из праха восстанет, взлетит...
Есть в каждом живом необъятный и сильный,
Свободный и дикий, смертельный, живой.
Бушующий пламень, ревущий и буйный,
Тот, что внушает: есть боль — ты живой.
Но следует ли нам гасить это пламя?
Оно ведь так хочет гореть и расти...
И ведь безрассудно, нелепо и глупо
Всю жизнь доверять лишь жестокой судьбе.
Ведь это так больно, ведь это так странно:
Доверить себя и других, и друзей,
Тому, кто безумен, тому, кто боится,
Тому, кто слабее, чтоб ты не сказал.
Ведь, если ты хочешь, ведь если ты жаждешь,
Тебя не волнует, что скажет другой.
Но так почему же, себе не внимая,
Ты гасишь то пламя, что жило в тебе?
Без этой стихии нам жить невозможно.
Ты хочешь погибнуть для дел и зари?
Наверно, не хочешь, наверно, боишься,
Ведь это страшнее, чем, собственно, смерть...
Не стоит ломать то, что нужно другому,
Даже если уверен ты в том, что один.
Стоит знать, стоит думать и верить нам стоит,
Что есть тот, для кого ты важнее всего...
Человек — всего лишь существо.
Он не может всего знать, он не может всё понять,
Всем сочувствовать и верить...
Человек — всего лишь существо,
Но ведь все мы умеем думать,
И чувствовать, и доверять,
Конечно, многие того не стоят...
Но стоит жить, а не существовать...

Но стоит ошибаться, падать, подниматься,
А не лежать, бояться и ворчать,
Ведь жизнь всего одна, и в ней ведь нету правил...
Нам стоит дышать полной грудью,
Нам стоит идти, напролом, напрямик.
Нам стоит любить, ненавидеть и всё же идти,
Всё же так же стремиться, как раньше стремились.
И так же дышать, как ты раньше дышал.
Но, собственно, всё происходит иначе,
Чем было бы, скажем, неделю назад.
И всё точно-точно намного поярче,
Чем чувствуешь ты, как когда-то давно...
А помнишь, как ждал ты ребёнком кого-то?
Как чисто любил и как верил всему?
А помнишь, как в первый раз взял хризантемы,
Идя в первый класс, словно в новую жизнь?
И всё изменяется в мире. Напрасно
Пытаться молчать, когда нужно сказать.
Ведь, всё-таки, скажешь. И, может быть, глупость.
Зачем же стыдиться? Так все говорят!
Но всё затихает... Когда-нибудь споры
Затихнут навеки. И ты всё поймёшь.
Но нужно тогда лишь принять и смириться,
Понять, что былого уже не вернёшь...
Простить и проститься, понять и смириться
Лишь с тем, что навеки забудут тебя.
Иль будешь сильнее, иль будешь умнее,
Чем все говорят. Пойми — ты творец и тебя не убить.
Убить можно тело, конечно. И душу
Возможно навек убедить замолчать.
Но если захочешь, и если возьмёшься,
Ты вечен, бессмертен и, может, кумир...
Убить невозможно творящего благо.
Хоть кто-то, да вспомнит, что ты им помог,
Но только хоть что-то оставить же нужно,
Для тех, кто придёт, когда ты уж уйдёшь...

Что же нужно человеку? На этот вопрос однозначного ответа не найти. Всем нужны разные возможности, средства. Но, в любом случае, человеку нужно что-то такое, чтобы он просто был бы счастлив. И это, обычно, меньше всего этому человеку достаётся. Кому-то нужны знания, но ему не поступить в учебное заведение по какой-то причине; кому-то нужна свобода, но он вынужден томиться в клетке, пусть и в золотой...

Природа всегда наводит на размышления... Огромный сад, в котором собраны практически все виды растений. Осенью он был особенно красивым. В небольшом монастыре, который находился посреди всего этого великолепия, этот сад особенно любили. И было за что. Когда-то тут находился целый город, но лет пятнадцать назад он был сожжён

дотла. От бывшего величия и красоты остались лишь обгоревшие развалины. И сад. Это единственное, что почти полностью сохранилось. Странно, не правда ли?

От монастыря, постоянно оглядываясь, бежала девушка. Её лица видно не было, она пыталась скрыть его за каким-то безобразным серым порванным платком. Одетая девчушка была бедно. Плащ, который та накинула на себя, скорее всего, ни капли не согревал. Но, похоже, надеть он был вовсе не для тепла. Эта девушка собиралась сбежать из монастыря, что было, по мнению многих, совершенно не обосновано. В этом заведении было практически всё, что нужно человеку для жизни: хорошая еда, тёплая, пусть и залатанная, одежда, кров для детишек, живших под его опекой, хорошее образование...

Добежав до огромного дуба, находящегося где-то в глубине сада, девушка остановилась и снова огляделась. Так и есть. За ней уже была погоня. Кем же была эта беглянка? Неужели, обыкновенной воровкой, похитившей какую-то церковную утварь или часть пожертвований? Нет. Эта девушка вовсе не была способна сотворить что-то такое. Но кем же она тогда была? Ответ оказался довольно простым: юная воспитанница настоятельницы монастыря умела предсказывать будущее.

Поняв, что погони уже не избежать, беглянка довольно быстро успела залезть на ветку того старого дуба и прислониться к стволу. Благо, что ветви этого дерева были достаточно крепкими, чтобы её выдержать. Крона у легендарного дуба была густой и могла спокойно скрыть девушку от ненужных ей глаз.

Кто же гнался за этой несчастной девушкой? Один из гвардейцев, приглашённых для охраны монастыря от возможных нападений со стороны разных тёмных магов, мать-настоятельница, воспитывавшая девочку с самого рождения, вот уже пятнадцать лет, да девушка лет семнадцати, одетая в форму, которую носили все ученицы монастырской школы.

— Реми! Ты где? — закричала настоятельница, ещё даже не подойдя к дубу. Впрочем, она и не видела, куда делась её воспитанница. — Возвращайся обратно! Слышала, что я тебе сказала?!

Беглянка почти не дышала от страха. Ведь если и сейчас всё пойдёт прахом, оправдаться она не сможет, и ей придётся всю оставшуюся жизнь провести в этом проклятом месте. Девушка предпринимала попытки бегства уже много раз, но ни разу она не была ещё так близка к своей цели и так близка к поражению.

Гвардеец отчего-то пристально смотрел прямо на то дерево, где притаилась девочка. Неужели, он понял, где она пряталась? Настоятельница злилась. Её лицо было искажено бессильной злобой. К сожалению, её предсказывающая будущее воспитанница больше не будет такой сильной защитой монастыря от гнева монарха. Генрих, конечно, не был умным и образованным человеком, как, скажем, его сводная сестра Джулия, или хитрым и беспринципным, как его младший сводный брат Теодор, но наивным дураком он также не был. Всё-таки, сможет ли дурак держать власть в своих руках хотя бы год? А Генрих правил намного больше... К тому же, мало кто спокойно отнесётся к новости, что его обманывали на протяжении нескольких лет, тем более, король.

Девушка, шедшая вместе с ними, охнула и попросила военного продолжить искать эту «бестолковую оборванку Реми», пока она отведёт мать-настоятельница обратно в здание, чтобы та отдохнула и пришла в себя от этой вопиющей неблагодарности со стороны юной предсказательницы.

Гвардеец согласился, и Реми уже думала, что ей, может, придётся провести на этом

дереве целые сутки. Но как только женщины скрылись за стенами монастыря, служащий в королевской гвардии, подошёл к дереву и спокойно проговорил:

— Слезай оттуда и иди, куда шла!

Девушка от удивления чуть не упала. Ей позволяли бежать. Бежать, куда бы она не захотела! Это был лучший день в её короткой жизни! Реми довольно скоро соскочила с дерева и с благодарностью посмотрела на военного.

— Спасибо... — проговорила она и бегом направилась к ограде, пока её благодетель не передумал.

Перемахнув через не слишком высокую ограду, девочка оглянулась и помахала гвардейцу рукой. На фоне зелёной травы, голубого ясного неба, она казалась небольшим солнцем — растрёпанные ярко-рыжие волосы, веснушки, совсем не портившие прелести её лица.

Затем, беглянка отправилась туда, где больше всего хотела очутиться — в портовый город Заолэ. Говорили, оттуда можно довольно легко добраться до столицы. Вот только, если у тебя есть деньги...

Денег у Реми совсем не было. Да и откуда им взяться? Ведь росла девочка в монастыре, под надзором матери-настоятельницы. Кто бы мог дать ей денег? И так хорошо, что этот гвардеец дал ей сбежать. Надо будет ей ему письмо послать с пожеланиями и советами... Ведь она может уберегать людей от их худших ошибок в жизни.

Да уж... Заолэ находился так далеко от того монастыря. Девушка сильно устала, добираясь сюда: ноги у неё сильно болели, ей ужасно хотелось пить и есть, её клонило в сон.

Обессилевшая девочка зашла в трактир и, присев за ближайший свободный стол, заснула. Она уже не слышала, как к ней подходят.

***

Мария нерешительно смотрела на Седрика, который тихонечко устроился около двери в её с Розой квартиру, после того, как она, Мария, его выгнала оттуда. Девушке отчего-то было стыдно. Было уже довольно поздно. Кто потянул её выбрасывать мусор именно сейчас? Теперь, если она не пустит этого рассказчика, её совесть не позволит ей уснуть в эту ночь.

Роза уже давно спала в своей комнате. Альфонс устроился на диванчике в гостиной. У него были ужасные отношения в семье. Отец пил, а мать днями и ночами работала, поэтому он уже года четыре часто ночевал у этих двух сестёр. Те не были против. Их мама всё равно так редко приезжала. Всегда в командировках. Как же надоела Марии такая жизнь! Хотелось чего-то такого, что не могло бы произойти с другими. Может, поэтому она выгнала этого паренька?

— Входи... — устало пробормотала она, тряся мага за плечо, в попытке разбудить.

Тот, проворчав что-то невнятно, заворочался. Принцесса вздохнула. Как же он был похож на ребёнка в этот момент! Она даже не представляла его таким часа три назад. Решив для начала выполнить то, зачем она и выходила из квартиры, девочка отошла от гостя. Когда же чародей, наконец, проснулся, Мария уже успела и вынести мусор, и чуть ли не затащить его в квартиру.

— Ой... Ты меня убивать не будешь? — с опаской поинтересовался он.

Наследница сказочного престола пожала плечами. Ну... Вряд ли бы она, конечно же, кого-то убила, но видеть, что твои угрозы не считают пустыми, всё же довольно приятно.

Седрику сразу как-то стало спокойнее. Его уже не выгоняли. Может, есть шанс, что ему поверят. Как бы в подтверждение его мыслей и надежд прозвучал задумчивый голос

принцессы:

— Расскажи ещё что-нибудь. Я люблю разные истории. Только потише: Альфонс и Роза спят. Не нужно их будить, а то они на меня набросятся! Рассказывай же... Что же ты ещё хотел мне сказать?

Комментарий к I. Глава четвёртая. Предсказывающая будущее.

P. s. С праздником вас!

===== I. Глава пятая. Сказка — мир для путешествий... =====

Каждый Божий день

Ждём чего-то мы,

Любим иль творим,

Рушим, создаем...

Так в природе есть

Вечный цикл побед,

Поражений, бед,

Горя и удачи...

Этот цикл большой

Важен ли для нас?

И боимся ли,

Верим ли в него?

Жизнь для нас идёт

Вечным чередом,

Забываем то,

Для чего ж живем...

Седрику с большим трудом удалось разговорить Марию и убедить её в том, что Сказка действительно существует и что ей на самом деле следует пройти за ним туда. Девушка, подумав, согласилась. Оставалось уладить некоторые... формальности. Роза вообще была ребёнком смирным и слушалась свою старшую сестру. С ней проблем не было, чего нельзя было сказать про этого проклятого Альфонса! Парень, когда Мария сказала о своём решении, мило ей улыбнулся, а когда девушка и её маленькая сестрёнка пошли собирать вещи, подошёл к магу и грозно потребовал оставить сестёр в покое и убираться восвояси. На что чародей ответил, что восвояси уберётся только вместе с Марией, и за что практически мгновенно получил кулаком в челюсть.

На шум прибежала принцесса, заявившая, что если ещё кто-то, когда-нибудь посмеет драться в её доме, то она, не разбираясь в том, кто прав, кто виноват, выставит обоих на улицу. Волшебник хотел было возразить и рассказать о произошедшем, но взгляд хозяйки дома убедил его в искренности её намерений и в том, что она действительно их выполнит, если они не послушают её.

Альфонс вздохнул, снова мило улыбнулся Марии и кивнул, словно бы подписываясь под тем, что она только что сказала. Девушка с немым укором посмотрела на Седрика и вышла. Тот не мог понять, что бы это могло значить. Это не он был виноват! И вообще, именно его ударили, а не этого... Могла бы и пожалеть для приличия. Придворные дамы бы пожалели. Да даже Джулия Траонт, мать мага, пожалела бы его. Хотя... Наверное, не слишком удачный пример. Ведьма, хоть и была весьма эксцентричной особой, матерью оказалась довольно хорошей. Сына она своего обожала и убила бы любого, кто посмел бы к нему прикоснуться на её глазах.

Единственной радостью для чародея было то, что в скором времени в комнату ворвалась малышка Роза, держа в руках сумку, в отличие от рюкзака Марии, чистую, без заплаток, и собранную спокойно и аккуратно, и не запикивала в неё всё, что только может и не может поместиться.

— Мы уже скоро отправляемся? — спросила принцесса, опять-таки с укоризной глядя на волшебника. — Время не трать, а?

Седрик машинально кивнул и пробормотал заклинание, изученное им так недавно. Появился какой-то яркий, непривычный для Марии, Розы и Альфонса, но уже более привычный для мага свет. А потом... Потом, они оказались посреди поля. Обычного, как и многие на Земле, такого, где растёт только не слишком высокая трава.

Вокруг не было никого, и маг считал, что это более удачный вариант знакомства с миром для будущей королевы. Всё-так, к местности тоже нужно привыкнуть. Что уж говорить о людях? Конечно, в сказочном мире люди были самые обыкновенные, если не брать во внимание всех этих ведьм, колдунов, предсказателей. Но обычаи везде разные. Стоит начинать знакомство с чем-либо с чего-то приятного, не так ли? Вот и юный волшебник считал так же. Тем более, на него и так смотрел Альфонс, готовый в любой момент сделать с парнем что-то такое, до чего сам Седрик вряд ли бы смог додуматься. А по злому, даже, казалось, кровожадному взгляду друга принцессы маг понял: этот тип может додуматься до чего угодно.

Чародей решил рассказать девушке о природе их мира, возможно даже о всей богатой флоре и фауне Сказки, когда та его довольно грубым образом прервала.

— Ну?! Куда нам идти-то нужно?! Где этот король?! — спросила она раздражённо. Её друг лишь кивнул, молча соглашаясь с Марией.

Розе, правда, похоже, было бы очень интересно послушать рассказ мага, но сестру она почему-то считала важнее, сильнее и опаснее, нежели Альфонса с Седриком даже вдвоём. Тем более, первый был на стороне принцессы. Девчушка лишь испуганно прижалась к старшей сестре и тихо вздохнула. Та этого, казалось, не заметила вовсе. Похоже, в её привычке не было той сентиментальности, которой обладала её мать, принцесса Кассандра, и её дед, король Генрих.

Друг будущей правительницы шептал себе под нос какие-то ругательства — Седрик был на все сто процентов уверен, что Альфонс именно ругается, ведь вид его был весьма отталкивающим сейчас. Горящие какой-то жуткой яростью глаза, плотно сжатые губы, вмиг побледневшее от напряжения лицо. Всё это навело юному волшебнику мысли о возможной скорой плачевной своей кончине. А кому хочется умирать в таком юном возрасте? Правильно, практически никому. Вот и Седрик не хотел.

Поэтому паренёк как можно быстрее предложил этой компании отправиться в любое место, где можно было бы спокойно присесть, покушать, поговорить и не опасаться летящего в свою сторону ножа или кинжала. Конечно, трактиры в сказочном мире не самые безопасные места, но другого варианта сейчас не было.

Мария была очень довольна таким вариантом. Найти ближайший трактир было довольно простой задачей, ведь люди всегда любили места, где можно спокойно отдохнуть, поговорить с кем-либо, и не только.

А Седрик довольно хорошо знал территорию, поэтому уже через пять минут весёлая и странная, по меркам Сказки, компания находилась в странном деревянном здании и пыталась разбудить странную рыжеволосую девчонку, что улеглась спать прямо за столом.

Люди, что находились рядом с ней, ворчали, кто-то предлагал сдать её королевской гвардии, ведь та уже давно ищет какую-то принцессу, а девочка по возрасту вполне подходила на эту роль.

Толпа сначала не хотела пропускать эту довольно шумную компанию. Обычно не слишком-то доверяют людям, которых видишь впервые. А маг раньше никогда по подобным заведениям не шатался; Мария, Альфонс и Роза вообще были здесь впервые, их никто видеть-то и не мог.

Но всё-таки люди расступились, как только заметили форму, в которую был одет чародей. Никто, конечно же, не собирался спорить с человеком, который принадлежал к личной охране короля.

Принцесса, воспользовавшись моментом, подскочила к спящей и удивилась, какой нежной та казалась. Неудивительно, что люди приняли девочку за принцессу. Она и правда казалась удивительно хрупкой. Довольно странно, если она окажется какой-нибудь крестьянкой. Вон и руки удивительно тонкие. Мозолей, вроде, нигде не виделось.

— Эй! — крикнула Мария, осторожно тряся спящую за плечо. — Просыпайся! Тут люди волнуются!

И девочка проснулась. Испуганно поглядев своими огромными серыми глазами на всех собравшихся здесь, она попыталась резко подняться и выбежать из трактира, но принцесса держала её крепко. Со злостью, такой, которая присуща часто зверькам, загнанным в угол, девчушка посмотрела на Альфонса и показала ему язык.

Парень удивился и пожал плечами. Жестом спросив у Марии, что делать дальше, но так и не дождавшись ответа, парень вздохнул, подошёл к рыженькому чудовищу, как он окрестил новую знакомую, подхватил её на руки и спокойно вышел из трактира, предварительно смерив злым взглядом разнообразную публику, что собралась здесь.

Девочка вырывалась и шипела, пыталась укунить или лягнуть того, кто нёс её из этого здания. Укусить, правда, ей удалось. Седрика, который хотел сказать Альфонсу, чтобы тот отпустил несчастное создание.

А вот чародей, похоже, обиделся.

Ну а зачем иначе он с гневным видом подошёл к Марии и стал ей что-то говорить? Девушка махнула рукой и подошла к своему другу, поручив присмотр за сестрой магу. Ну или присмотр за магом сестре.

— Как тебя зовут, птица? — спросила принцесса, с любопытством глядя на этот ценный, как она решила, рыжеволосый экземпляр.

«Экземпляр» предпринял последнюю попытку вырваться из лап Альфонса. Попытка провалилась. И девочка заголосила:

— Реми меня зовут! Отпусти меня, гад! — с презрением посмотрев на парня, на руках у которого она находилась, «птица» обиженно выдавила: — Поставь меня на землю! Извращенец!

Почему его обозвали “извращенцем”, Альфонс так и не понял. Но Реми на землю поставил. Точнее, уронил. От неожиданности. Девчушка рухнула, испуганно взвизгнув. Уже сидя на довольно грязной дорожке, она, наконец, вроде бы успокоилась и стала потирать ушибленные коленки, на которые, собственно, и упала.

— Ты чего такая нервная? — спросила Мария.

Реми не ответила. Только обиженно засопела и что-то пробормотала себе под нос. Как же принцесса не любила, когда кто-то так говорил! Тихо, будто бы боясь, что тебя услышат,

и в то же время на виду у всех. Ну, если не можешь промолчать — говори, а если не хочешь, чтобы тебя все слышали — молчи. Варианта с бормотанием себе под нос девушка не принимала.

— А ну перестала так делать! — прикрикнула на девчужку будущая королева.

Та показала ей язык и отвернулась, опять обиженно сопя, одновременно строя различные гримасы и снова что-то нашёптывая. Альфонс осторожно присел рядом с ней и развернул девочку к себе.

— Отчего ты такая? Какая муха тебя укусила?

Реми злобно посмотрела на него. Какая муха укусила?! Можно подумать, сам не знает, из-за чего она так хотела убежать! Девочка возмущённо фыркнула, но говорить ничего не стала.

Роза и Седрик стояли в стороне и молча наблюдали. Им было даже немного жаль эту дувчужку, но к Марии и Альфонсу никто из этих двоих подходить не собирался. Оба понимали — бесполезно их от чего-то отговаривать. Они сами себе возразят быстрее, нежели, если пытаться им что-то сказать.

— Сами будто не знаете?! — наконец взорвалась под пристальными взглядами четверых людей рыжеволосая «птица». — Думаете, я такая тупая, чтобы самой отправляться обратно в монастырь?! Не дождётесь! И к королю я тоже не пойду! Это из-за него я в ту обитель попала! Не хочу!

Мария изумлённо перевела взгляд на Седрика. Возмущению её не было предела. Парень даже сделал шаг назад на всякий случай. Стоило опасаться эту девушку, особенно когда она была в таком настроении...

— Хороший король, говоришь...

***

Теодор Траонт был в своём обычном настроении. То есть, мрачен и страшно зол на весь мир. Сегодня был самый обычный для него день: утром, в пять часов утра, новая служанка забыла приготовить ему завтрак. Эта девчонка вообще проспала! Такого ещё никогда в поместье Теодора не случалось. Все слуги были достаточно ответственными и умными. Как только сестра могла её рекомендовать?! Джулия всегда отличалась хорошим вкусом во всём. И слуг она тоже всегда подбирала неплохих. Ответственных. Преданных. Понимающих, когда и что можно делать. Эта служанка была исключением. Как же её звали, эту недотёпу? Теодор помнил плохо. Джулия определённо ему говорила её имя. Карина? Нина? Или... Катрина, может? Впрочем, запоминать имена нерадивых служанок — а ему попадались почему-то только такие — Теодор не собирался. Он и так был зол и на сестру, и на эту девушку за то, что те не оправдали его ожиданий. Сегодня вообще был какой-то странный день. Неудачный. Очень неудачный. Всю ночь его мучила бессонница, так болела голова, что нельзя было ни спать, ни заняться чем-то ещё, а когда он под утро, наконец, смог задремать, его разбудили крики мальчишек, во что-то игравших в саду. Выходя из спальни, герцог поскользнулся и сильно ушиб ногу. А потом... Потом эта дурёха пролила его утренний кофе прямо на тот дорогой персидский ковёр, что когда-то подарила Кассандра.

Эх! Кассандра, Кассандра! Вот глупая девчонка! Как она вообще додумалась влюбиться в него и сбежать с ним на Землю?! Наверное, сестрица Джулия была права — нынешний король действительно не самая лучшая кандидатура на трон, а его дочь унаследовала эти его качества. Глупость... Глупость — худшее, что только может быть в человеке. Куда хуже злобы или зависти. Худшее, что может быть на свете — глупость, сопряжённая с

безответностью и добротой. Хуже нет дурака, чем услужливый дурак — вроде так? Девчонка-служанка была глупа. И пыталась, насколько у неё было сил, делать всё правильно. Она чем-то напоминала Кассандру в том голубом почти детском платьице с цветами и оборочками. Кассандру, начитавшуюся тех дешёвых любовных романчиков и искренне верящую в то, что то, что написано в её книжках, существует и на самом деле.

Рыцарское благородство. Прекрасные дамы. Шикарные балы, цветы, приёмы. Красивая музыка, изысканные разговоры. Всё это, пожалуй, существовало, но... не таким, каким это представляла Кассандра. Более грязным, мелким, неприятным. Но и более настоящим живым, а не сказочным. Она была полностью похожа на своего безвольного мягкого отца, которому не следовало бы быть королём.

Воли на исправление чего-либо у него, короля, просто не было. Или прятал он её где-то глубоко. Очень глубоко. Никто этого даже не видел. За всё его правление. Даже Джулия или Теодор, его сестра и брат, которые общались с Генрихом наиболее близко по сравнению с остальными.

Впрочем, это только сыграло на руку молодому, образованному, начитанному красавцу из небольшой, но очень известной своими учёными, актёрами, литераторами, музыкантами и художниками провинции, каким являлся Теодор лет восемнадцать или двадцать назад. Сейчас, конечно, волосы у него на висках поседели, появились морщины, хоть их и было немного. Он был уже не так красив, как прежде, но... что и говорить, он был уверен, что Кассандра обратила бы на него внимание и сейчас. Если бы между ними не произошло то, что... произошло.

Теодор поймал себя на мысли, что страшно хочет кофе. Потому как эта девчонка, которая разлила тот, что ему приготовили утром, так и не соизволила сделать ещё. Всё-таки прав он был, думая, что не стоит слишком доверять Джулии.

— Карэн! — крикнул герцог, окликая служанку. — А ну подойди сюда!

Из-за дверей высунулась худенькая фигурка девушки. Она была невысокого роста, с копной светлых пшеничных волос, доходивших ей где-то до лопаток, с голубыми, ясными, как летнее небо, глазами, на которые время от времени наворачивались слёзы. Это сильно раздражало. Он вообще не любил, когда кто-то начинал плакать. Он прекрасно помнил свою постоянно плачущую мать. И его теперь это сильно раздражало. Разве недостаточно в детстве он натерпелся этих слёз?

Кассандра вон тоже в последнюю фазу их отношений постоянно редела. Может быть, всё сложилось бы иначе, не плачь она постоянно. Может быть, у Теодора даже проснулась бы совесть.

— Меня зовут Кая, господин... — пробормотала служанка, испуганно прижимаясь к двери.

Теодор угрюмо посмотрел на неё. Как будто ему было дело до того, как именно зовут эту дурёху. Он вообще ненавидел большую часть людей. Ну, а если говорить честно, то всех, с которыми когда-либо общался. А сейчас... Ладно с ним, с кофе. Ему нужно было срочно кое-кого навестить. Она точно должна была ему пригодиться. Только вот как к ней было подобраться?

— Мне плевать! — прикрикнул он на девчонку, начинавшую ему порядком надоедать. — Принеси мне ту книгу, где я записывал адреса. Я хочу встретиться с моей сестрой.

===== I. Глава шестая. Возможно ли уйти навсегда? =====

А солнце отликает золотым.
И носятся детишки спозаранку,
Теряют смысл волнения
В мыслях их и тают,
Словно свечки, злые думы.
Но снятся год за годом,
День за днём мне злые
Очертания порока, того,
Из-за которого я погибал, того,
Из-за которого пришлось воскреснуть.
Проходит время, тают сны,
Сказанья, мифы и легенды, но
Мне до сих пор во снах
Приходит боль, которую
Когда-то все питались.
Приходят страх и ужас
От того, что это всё,
Увы, так неизбежно.
Наверное, всего лишь,
Я устал, но, может быть,
И правдой очутятся
Те злые сны и думы,
Страхи те, которые
Родители пороков.
И станет былью всё,
Что видим мы.
И станет ложью то,
Чего не видим?
Чего не видим...
Чувствуем зато!
Мораль — есть что?
Имеет очертанья?
Наверное, пора забыть мне всё.
Под сенью человеческого,
Под сенью чувств и мыслей
Пусть сны мои навек останутся.
Наверное, всё это — просто бред,
Бред сумасшедшего поэта.
Но, может быть, и в этом правда есть?
Быть может, всё-таки,
Я прав, хоть в этом?
Седрик сидел на траве и потирал ушибленный затылок.

Мария так разозлилась на него, что парень просто не успел применить какое-либо защитное заклинание, когда девушка к нему буквально подлетела и дала весьма ощутимый подзатыльник. Роза что-то заверещала, пытаясь поддержать сестру. Из всей её речи маг

понял, что единственного возможного защитника у него нет. Девочка сердилась на него за то, что он обманул её сестру. Альфонс стоял и довольно улыбался, всем своим видом показывая, что он очень рад такому исходу событий. Реми, это огневолосое чудовище, сначала просто с любопытством наблюдала за всей этой картиной, а потом звонко рассмеялась. Но, как оказалось, одним подзатыльником чародею было не отделаться. Девушка успокоилась только после трёх или четырёх таких затрещин. Да и то только потому, что предусмотрительный Альфонс испугался, что Седрик не сможет потом колдовать, а вместе с этим — доставить их домой.

И вот теперь, после того, как ребята отошли подальше от трактира, паренёк сидел на траве, под берёзой, когда остальная компания расположилась под соседним деревом и довольно увлечённо что-то обсуждала. Что именно, магу было ну очень интересно, но подойти он не решался.

Рыжая «птица», похоже, уже помирилась с Альфонсом, что, если говорить честно, очень злило чародея. Ну почему так всегда? Почему его никогда никто не хочет принимать в свои компании? Ведь Реми они приняли, хотя знали её ещё меньше. А ему... Вчера за дверь выставили, предварительно перепугав до полусмерти, сегодня сначала в челюсть врезали, потом подзатыльников надавали. Вот за что, а?

Мария, казалось, заметила перемены в поведении мага и подошла к нему. Посмотрев ему внимательно в глаза, девушка вздохнула, улыбнулась и взяла его за руку.

— Поднимайся. И хватит дуться! Сам виноват. Пошли! — поняв, что никаких решительных действий от Седрика не дожидаться никогда, принцесса просто подтащила его к остальным.

«Птица» лишь весело смеялась, глядя на неудачливого посла. Эта девчушка казалась какой-то немного нереальной. Весёлая, будто бы сияющая. Роза заплетала ей косички. Конечно... Сестре кос она заплести не могла. Волосы-то у Марии были короткие.

Альфонс о чём-то думал. О чём — Седрик не мог догадаться, как бы не пытался. Ну... Всё-таки, это его дядя любил и, главное, умел определять практически все тайные мысли и желания только по одному взгляду на человека. Мать, конечно, тоже умела, но она в основном предпочитала другие методы воздействия.

— Я считаю, что, прежде всего, нам следует добраться до ближайшего города... — задумчиво произнёс друг принцессы. — Надеюсь, этот идиот... Нет! Мария! Стой! Я хотел сказать...

Парень задумался над тем, чем бы он мог заменить то слово, которое, судя по реакции девушки, не очень-то ей понравилось.

— Ты хотел сказать «идиот»? Так ты это и сказал! — Реми хихикнула.

Роза обиженно посмотрела на Марию. Девочке было не совсем понятно, почему её старшая сестра до сих пор не среагировала на такое грубое нарушение их общих правил, что принцесса придумала лет пять назад, оставаясь с маленькой сестрёнкой дома. Других дел той зимой у девочек не было, а заняться чем-то было нужно.

Девушка лишь пожала плечами. Альфонс, пожалуй, был единственным человеком, который — конечно же в те моменты, когда малышки Розы не было рядом — мог нарушить эти правила, общаясь с Марией. Ему она почему-то это прощала. Впрочем, принцесса могла бы простить многое своему лучшему и единственному старому другу. Он был, пожалуй, единственным, кто её понимал.

Города в сказочном мире были не слишком-то привлекательными для жизни человека,

который привык к современным технологиям и удобствам. Они были похожи на те, что существовали на Земле в Средние века. Узкие мощённые улочки, порой грязные, где жили и работали люди, самые обычные, часто до безобразия алчные, скупые, злые и жестокие, где присутствовало огромное количество разнообразных запахов. Наверное, ко всему этому вполне можно привыкнуть, хотя это и довольно сложно для тех, кто всегда жил в несколько иных условиях.

— У вас все города такие? — не без разочарования спросила Мария. — Это не слишком-то похоже на сказочные места...

Седрик с грустью посмотрел на тот город, который, по рассказам его матери, когда-то был совсем другим. Люди были другими, везде виднелись растения (пусть не цветы, но всё равно), были некоторые отголоски живой природы, когда все улочки, хоть и были такими же узенькими и маленькими, красовались чистые...

— Нет... Не всегда было так. Поверь. Это люди с Земли разрушают наш мир, — паренёк тяжело вздохнул. — Извини... Я для этого и приходил к вам. Мы хотим всё вернуть.

Девушка пожалала плечами. Мария плохо понимала, как сможет помочь этому миру, к тому же, она вообще не понимала, почему должна ему помогать. Тем более, знает она этого странного парня, в которого вчера врезалась на велосипеде, даже меньше, чем сутки.

Маг умоляюще смотрел на неё. Он... нет, весь сказочный мир надеялся на то, что принцесса, обладательница уникальной способности, когда-нибудь придёт и спасёт всех. Конечно, были и те, кто не тешил себя этим. Но надеялись всё равно. А теперь эта самая принцесса всем видом показывает, что ей этот мирок нисколько не интересен! Катастрофа!

Мария, казалось, этого не заметила. Во всяком случае, её поза, её настроение говорили о том, что ей сейчас куда более важно поговорить с другом, сделать самолётик из цветной бумаги, взятой из дома, для сестрёнки, рассказать про свою богатую событиями, как казалось магу, школьную жизнь, всё время прерываясь на замечания вроде: «Ты даже не представляешь, как иногда бывает скучно»...

Конечно! Эти вещи куда важнее спасения целого мира! Всё важнее этого! Седрик попытался было привлечь внимание всей этой весёлой компании, которая решила во что бы то ни стало перезнакомиться с половиной всех жителей, посетить все возможные развлекательные комплексы, как сказал Альфонс, заглянуть в пару библиотек, найти, что можно взять на память об этом месте. Конечно, «на память»! Места-то этого скоро, может быть, и не останется!

Надо было срочно что-то предпринимать. И чародей не нашёл лучшего варианта, как просто сбежать теперь. Ребята вряд ли заинтересуются его исчезновением. Их вообще он не интересовал. Ничего страшного не произойдёт, если сейчас Седрик просто исчезнет из их жизни.

Он просто развернулся и ушёл. Как думал он — навсегда.

***

Джулия сидела в своей любимой комнате, отделанной в красных тонах, в своём любимом оранжевом кресле, и разглядывала свой любимый фотоальбом, где практически на каждой фотографии был маленький Седрик, когда к ней ворвался Теодор Траонт, крайне чем-то взволнованный.

— Зачем припёрся? Кого прибил? Зачем тебе теперь нужна моя помощь? — спросила женщина, не отрываясь от своего занятия.

Некромант побледнел от злобы, притом довольно бессильной — в доме сводной

сестрёнки он не имел права использовать какую-либо магию. Впрочем, как побледнел... Лицо его будто бы стало совершенно мертвенно-белым, оно словно побелело и почернело одновременно.

Ведьма отложила альбом и с вызовом посмотрела на своего «любимого» братца, коих у неё было даже два, вроде бы. Ну, может, даже больше. Джулия уже не помнила об этом. Как не помнила о количестве своих поклонников. Что же говорить об именах?! Свою забывчивость в этом плане колдунья списывала на обычную «девичью память», но, пожалуй, многие могли поклясться, что дело совсем в другом.

Впрочем, Теодора волновало совсем не это, когда он, стоя на середине комнаты, вдруг прохрипел:

— Все планы рушатся, сестра! Принцесса уже в нашем мире!

===== I. Глава седьмая. Не лезь — убьёт. Ну... Или почти. =====

Не слышим мы порой
Тот глас, что возвещает
О том, что мы давно,
Пытаемся узнать,
Хоть даже умерев.
Не слышим мы порой
Ту музыку, которой
На свете нет важней,
Которая из боли всегда
Рождает то, чего забыть нельзя.
Не слышим мы порой
Тех слов, в которых правда
Живёт и дышит нам
На счастье иль на зло,
То ведь от нас зависит.
Не слышим никогда,
Того, что нужно нам,
Не слышим ничего мы,
Того, что важно нам,
Другим и всем, вообще...

Уже около часа Мария бродила по улицам незнакомого ей города, стараясь не выпускать из вида этого пройдоху Седрика. Странно, что она ему вообще поверила. Наверное, без гипноза не обошлось. А вот перед Альфонсом придётся извиниться. Он был прав. Магу действительно не следовало доверять.

Подумать только, этот парень практически силой затащил их, принцессу, её сестру и друга, в свой мир, а теперь решил сбежать от них! Вот гад! А кто их теперь домой-то возвращать будет? Тётушка Изольда, живущая где-нибудь в Америке и страдающая ревматизмом? Кто-то ведь должен вернуть их на Землю, так? Или ребятам придётся остаться здесь навечно? Девушка не хотела бы такого исхода для себя и своих близких, поэтому, как только заметила, что маг решил уйти, она бросилась за ним вдогонку, стараясь, всё же, не показываться ему на глаза. Мало ли, вдруг есть какой-нибудь подвох?

Чародей, казалось, просто шатался по городу, будто бы безо всякой цели. Возможно, так и было. Мария не могла сейчас это понять. Её на данный момент занимало нечто другое.

Если она даже выяснит что-то про этого Седрика, как она сможет вернуться к ребятам? Конечно, уходить, не предупредив никого — дурной тон, но времени терять было нельзя. К тому же маг ведь сможет, если что, перенести себя и её, будущую королеву, к Альфонсу, Розе и Реми? Она надеялась на это.

— Эй! Парень! Беги потише! — прервал её размышления чей-то негромкий, но при этом довольно резкий голос.

Решив не обращать на это внимание, девушка собиралась продолжить свой путь, как кто-то схватил её за запястье. Она хотела было вырвать свою руку из хватки неизвестного, но тот крепко держал.

— Да что тебе нужно?! — разозлилась она, обернувшись.

Незнакомец улыбнулся. Принцессу разозлило это ещё больше. Стояли они так довольно долго, особенно по меркам Марии, которая хотела поймать Седрика и за шкуру притащить туда, где сейчас находились её лучший и единственный друг, сестра и просто весёлая незнакомая девочка. Она уже хотела врезать наглецу, как тот соизволил, наконец, заговорить с ней.

— Парень, я просил тебя бежать потише. Ты так кого-нибудь точно сбил бы... — человек этот был довольно молод.

Принцесса фыркнула. Значит, её приняли за парня... Из-за чего, девушка искренне недоумевала. Вроде бы, и не так уж она не женственно выглядит. Спортивный костюм, короткие волосы. Что в этом такого? Так многие одеваются, да и стрижки такие тоже популярны. Что, если она представитель прекрасного пола, то ей только косы заплетать и платья с рюшечками и бантиками носить? Не дождётесь!

Незнакомец странно посмотрел на Марию, нахмурился; та даже решила, что он узнал в ней кого-то. Отпускать будущую королеву он не торопился. Впрочем, он вряд ли догадывался, что перед ним стоит внучка короля, иначе...

Представить, что было бы «иначе», принцесса не успела. Человек куда-то направился, не забывая тащить её за собой. На возмущённые вопли он не оборачивался. Девушка уже придумывала, чем бы разmozжить ему голову, как тот остановился и наставительным тоном произнёс:

— Юноша! Советую вам пересмотреть своё поведение и извиниться...

Мария, не дослушав этого совершенно ей незнакомого человека, воспользовавшись тем моментом, что он немного ослабил свою хватку, вырвалась и отбежала на некоторое относительно безопасное, по её мнению, расстояние.

— Да отстаньте вы от меня! Я вообще-то девушка, если у вас со зрением проблемы!

Принцесса уже немного жалела, что она сорвалась и высказала ему свои мысли в тот момент. Мало ли, что может с ней тут случиться? Она же не дома... Что придёт в голову этому психу? И что ей с этим нужно будет делать?

Незнакомец стоял, будто бы поражённый громом среди ясного неба. Он удивлённо смотрел на Марию и пока что не предпринимал никаких действий, что могли бы как-то насторожить девушку, напугать её. Молодой мужчина отчего-то в этот момент напомнил принцессе статую, похожую на те, на которые могла часами, не отрываясь, смотреть малышка Роза. И хоть увлечений младшей сестрёнки будущая королева никогда не разделяла, сейчас она чувствовала тягу задать незнакомому человеку вопрос: «Какая он, всё-таки, статуя, на творения каких известных мастеров более похож?».

— Девушка? — наконец, проговорил он.

Принцесса отошла от него ещё подальше. «Никогда и никуда не ходи с незнакомыми людьми. Кто знает, что они от тебя хотят?» — так говорила ей года два назад мама. А сегодня утром она уже нарушила это ценное указание, когда поверила тому пареньку Седрику. Сейчас, похоже, перед ней стоит второй пример того, что маму иногда следует слушаться.

Незнакомец был потрясён. Чем? Девушка вряд ли могла это сказать. Впрочем, может быть, своей ошибкой? Мария не представляла себе такую ошибку, на которую она бы так среагировала.

— Почему ты тогда так одета? Тебя кто-то преследует? Ты от кого-то прячешься?

Мария фыркнула от сдерживаемого изо всех сил смеха. Теперь ей, скорее всего, захотят помочь. Интересно, куда её отправят? В полицию, в сумасшедший дом? Она была на все сто процентов уверена, что подобные заведения тут есть.

Хотелось что-нибудь ответить этому странному человеку, но ничего, кроме правды, в этот момент в голову к девушке не лезло.

— Нет, — ответила она, — за мной никто не гонится, меня никто не преследует. Это делаю я.

Посмотрев на лицо незнакомца, которое приняло ещё более изумлённый вид, что минутою раньше казалось просто невозможным, принцесса решила, что всё-таки зря она с ним заговорила. Какие тут все, однако, впечатлительные. На Земле в этом плане как-то более спокойно. Мало людей — во всяком случае, по сравнению с этим миром — которых придётся отпаивать валерьянкой после каждого сказанного слова.

— Успокойтесь... — проговорила она, тяжело вздохнув. — Я никого не убиваю. Мне просто нужен один человек, который кое-что мне должен. Я не хочу сделать ему ничего плохого, хочу только попросить то, что мне очень нужно.

Молодой человек, казалось, плохо понял то, что ему сказали, — по его выражению лица это было видно, — но немного успокоился. Может, что-то придумал...

Мария на всякий случай отошла от него ещё дальше. Она не знала его и хотела бы поскорее броситься догонять Седрика, который, впрочем, уже давно скрылся из виду.

Незнакомец стоял на том же месте, где и прежде, что немного успокаивало девушку, однако не давало ей расслабляться. Она не знала этого человека и не могла угадать, что может от него ожидать. Это её сильно раздражало и пугало. Принцесса хорошо представляла, что может случиться, если он сможет её снова поймать. Впрочем, эти мысли были далеки от возможного исхода по законам королевства, но Мария этих законов не знала, поэтому по своей старой привычке готовилась к самому худшему.

— Как вас зовут? — отчего-то тихо пробормотал он, глядя на девушку, что стояла уже на противоположной стороне улицы.

Та хотела отойти ещё, но ей помешала стена здания, в которую она уперлась спиной. Мария никогда не любила тех, кого она не слишком-то знала. Знакомых у неё было очень мало. Пожалуй, круг её общения, — в основном, даже не столько общения, сколько просто примерного представления о них, — ограничивался лишь Альфонсом, мамой, Розой, классом, учителями. Вот у её маленькой сестрёнки было много подруг. Она была общительнее, чем старшая.

А незнакомец принцессе, мало того, не понравился ещё тем, что он попытался влезть в её личное пространство, взяв её за руку. Да такое вообще могли себе позволить только три человека! Как он посмел?!

— Какое тебе дело?! — бросила в ответ девушка, просчитывая в голове все пути к отступлению.

Человек этот снова удивился. Мария даже подумала, что это единственная эмоция, которая ему присуща. Остальных на его лице она пока не видела. Не было ни раздражения, ни злорадства, ни злобы, ни каких-либо проявлений симпатии или дружелюбности. Он просто удивлялся. Как будто не мог выразить ничего другого.

Принцесса уже и забыла, что какое-то время назад он улыбался, схватив её за руку и куда-то потащив. Она уже не помнила практически ничего, кроме того, что этот человек ей совсем не нравится.

— Почему же вы так грубо... — пробормотал незнакомец немного уязвленно и обиженно, посмотрев на Марию. Та в тот момент могла подумать лишь одно: «О! Так он ещё и обижаться умеет!» Он смотрел на неё, будто пытаясь вызвать раскаяние. — Меня, например, Клемент зовут...

Девушка нахмурилась. Ох! Не нравился ей этот тон. Ох! Совсем не нравился. Она не хотела общаться с ним. И, если бы незнакомец в грубой форме её послал, ей бы не пришлось этого делать. Она бы ответила ему тем же и убежала подальше. А тут... Придётся что-нибудь ответить.

Всей душой надеясь, что этот человек не какой-нибудь маньяк-убийца, а просто обычный прохожий, которому не понравилось то, что кто-то бежит слишком быстро, принцесса придумала, что ему ответить. Своё настоящее имя она говорить ему не хотела, а на ум ей быстро пришло ложное, имечко одной героини из её любимой книги.

— Меня зовут Нэн! — ответила Мария.

Незнакомец улыбнулся и, как показалось будущей королеве, издал звук, очень похожий на приглушённый смешок. Наверное, на его месте девушка среагировала бы похожим образом. Если бы ей сказали какое-то странное имя, да ещё и персонажа из книжки, то она бы не поверила. Ни за что на свете!

А вот когда он стал к ней подходить, принцесса перепугалась не на шутку. Мало ли, что этот псих решит с ней сделать? Поэтому неудивительно, что через несколько секунд на её отчаянный вопль сбежалась половина населения того района и городская охрана.

Нужно сказать, Клемент пострадал намного сильнее девушки, которая с перепугу умудрилась ему врезать да ещё применить одно из самых страшных оружий девушек и женщин того времени — ультразвук, который производится сам собой при экстремальных ситуациях.

Городская охрана, правда, не стала разбираться, кто из этих двоих прав, а кто виноват, и временно посадила их под арест, чему и Клемент, и Мария изо всех сил сопротивлялись, доказывая то, что виноват другой из них.

***

Теодор Траонт изо всех своих сил пытался изобразить из себя Зевса или Юпитера. Он ходил по комнате, которая своим ярко-алым цветом несколько отражала его кровожадность в тот момент, кричал, пытаясь довести до своей сестры мысль цензурными и нецензурными словами.

Получалось у него не слишком хорошо. Ни на кого из древних божеств он похож в тот момент не был. Разве что, на кого-нибудь довольно буйного, но ничем остальным не примечательного узника в царстве Аида — Тартаре. Впрочем, наверное, Теодор попадёт именно туда после своей бесславной кончины где-нибудь в кабинете своей сестры от удара

подсвечником по голове. Весьма тяжёлым подсвечником.

Джулия ни на минуту не потеряла своего самообладания и не попыталась что-либо предпринять. Теодору даже показалось, что она его просто не слышала, поэтому он заорал ещё громче, причина чего, конечно же, не могла укрыться от ведьмы.

— Да всё я слышу, придурок! — очень любезно ответила она, снова беря в руки альбом с фотографиями её обожаемого сына. — Мог бы и поспокойнее говорить. Тебе не три года, чтобы добиваться своего лишь криками. Будь мужчиной. Даже я, женщина, абсолютно спокойна.

Некромант со злостью швырнул в сестру подушкой, прекрасно расшитую цветами, о которых можно было лишь читать — таких в сказочном мире не было, — которую он вместе с другим «барахлом» сбавил ей лет пятнадцать назад, когда вся его оставшаяся совесть решила вдруг вспомнить принцессу Кассандру.

Подушка в свою основную цель попасть не смогла — Джулия успела пригнуться, — зато разбила дорогую старинную вазу, которая, как оказалось, тоже подарок той же принцессы.

— Между прочим, девочка тебе может быть очень полезна. Ты же знаешь, какой у неё дар?

Теодор посмотрел на Джулию и задумался. А его сестрица прекрасно разбиралась в магии и всяких магических штучках, которые он вынужден был познавать самостоятельно, без всякой литературы. Действительно, её идея была вполне реальной и совсем не противоречила тем задачам, которые волшебник поставил перед собой.

Женщина вздохнула, достала из одной из книг какую-то карту, провела по ней рукой, плюнула, пробормотала пару ругательств и, улыбнувшись, окликнула братца.

— Если что, девчонка в городской тюрьме, это недалеко от твоего замка. Если хочешь успеть её перехватить — иди туда...

Некромант кивнул и направился туда, куда указала ему путь Джулия Траонт, одна из самых занимательных колдуний сказочного мира. Наверное, ему стоило её послушать. Всё-таки эта женщина была его сестрой, хоть и сводной, хоть и нелюбимой, но сестрой, старшей сестрой, которая была готова поддержать его, помочь ему, не дать умереть где-нибудь в канаве просто потому, что ей не позволяла гордость своими семейными узами, её родственниками, гордость, так странно сочетавшаяся со всей той нелюбовью, нежеланием как-то помогать, нежеланием что-то делать для них порой, но всегда остававшаяся на первом месте, иногда уступавшая личным чувствам, эмоциям, оставляя только ту гордость, то желание быть первой, лучшей, а лучшей нужно было быть среди кого-то. И семья должна была быть этим кем-то. Джулия была рада, что у неё есть братья, хоть сама не всегда была готова признаться самой себе в этом.

Комментарий к I. Глава седьмая. Не лезь — убьёт. Ну... Или почти.

P. S. Пишите, пожалуйста, отзывы. А то я не знаю, что мне думать, да и мотивация пропадает.

===== I. Глава восьмая. Никогда не делайте выводов, которые нельзя было бы проверить. =====

Шёлк струится, течёт,
Покрывало спадает,
С головы той, что нам
Возвещает порой.

Это глупость, не больше,
Это тайна, не меньше,
Оттого ли всегда
Мы так жаждем весны?
Это тот отголосок,
Отклик солнечной девы,
Что когда-то смеялась
Над нами всегда.
Что когда-то любила,
Что когда-то жалела,
Что когда-то боялась,
Но всё же ждала.
Она жизнью была нам,
Солнцем нам освещала
Все дороги, все тропы,
Все леса и поля.
Шёлк струится, спадает
С головы покрывало.
Все смеются, не плачет
Никто. Ну... Почти.
И, наверное, глупость.
Что тут может быть больше?
Но, пожалуй, и тайна.
Меньше? Нет. Ну никак!
Это те были звуки,
Плач той солнечной девы,
Когда солнце погасло.
Не для нас, для неё...

Мария сидела — а точнее лежала — в одной камере с Клементом и скучающим взглядом смотрела в потолок, обычный, плохо выбеленный, с иногда отваливающимися и падающий на голову кому-нибудь из визитёров тюрьмы. Оказалось, тот придурок просто хотел помочь ей догнать Седрика. Сказать не мог, что ли? Она, всё-таки, человек с такими же расшатанными нервами, как и у большинства. Пусть теперь и расплачивается фингалом и головной болью. Сам виноват. Нечего было лезть к незащитной девушке. Ну... Не совсем, конечно, незащитной, но мало ли?

Принцесса перевела взгляд на нынешнего сокамерника. Да... Сильно ему досталось, ничего не скажешь. Возможно, она немножко перестаралась. А чего можно было ждать от человека, которого так сильно напугали? Откуда она могла знать, что он ей помочь собирается? Вот и защищалась, как могла.

Молодой мужчина теперь, казалось, её немного побаивался. Впрочем, это будущей королеве даже нравилось. Бойся — не будет беспокоить и задавать лишних вопросов и, что самое главное, не подойдёт к ней ближе того расстояния, с которого она сможет его ещё чем-нибудь огреть. Поэтому единственная койка в этой камере досталась Марии, которая была очень рада этому — ведь побегать ей пришлось немало.

Единственное, что беспокоило девушку — то, как сейчас без неё справляются со всем её

друзья. За Альфонса она была спокойна. Он умный и сильный парень, что-нибудь придумает, если что случится. А вот Реми и Роза такого доверия в этом плане не внушали. Они вели себя слишком... по-детски, что ли? Наверное, это было нормально для их возраста, но от беспокойства Марию это не спасало, даже наоборот.

В камеру вошёл один из охранников. Принёс еду. Что ж... Пусть её съест Клемент. Если, конечно, она окажется ему по вкусу. Девушка не была голодна, а её сокамернику прилично досталось от неё. В отличие от того же самого Теодора, принцесса не особенно хотела зла всем, кто ей не очень-то нравился. Тем более, в этой ситуации виновата она сама.

Жаль ей было только одного: она упустила этого пройдоху Седрика. Что она теперь должна будет сказать другу и сестре? «Извините, но, боюсь, мы не вернёмся домой из-за моей глупости и нерасторопности»? Так? Нет. Этот вариант ей не нравился. Должен же быть способ вернуть этого горе-мага? А то... Нет, сидеть в этом мирке девушке совсем не хотелось. Ну ни капельки!

— Как думаешь, когда нас отсюда должны выпустить? — спросила Мария, переворачиваясь на бок.

Тот пожал плечами. Надо же! И он тоже не знает! Отлично! Теперь остаётся только надеяться на благосклонность стражей города и на то, что они люди не злые и легко внушаемые. Иначе принцесса с ума сойдёт от ожидания. Ей, между прочим, надо узнать, чем Альфонс решил накормить Розу и Реми, если они, конечно, ели.

Интересно, как Клемент раньше тут жил? Надо было бы это спросить. И почему к еде даже не притронулся? Неужели отраву? Однако то, что он сказал в следующий момент, повергло девушку в шок.

— Вы местная, вы и должны знать! — воскликнул он.

Принцесса чуть не поперхнулась сухариком, который она нашла в кармане своей куртки, от удивления. Оказывается, путешествует не только она со своей весёлой компанией! Интересно, а как этот тип сюда попал, и почему он тогда выразил удивление по поводу её одежды? А... Ну да... Её любимая куртка порвалась, а заботливый Альфонс предложил ей свою.

Этот человек... Клемент, кажется, так его звали? Не был ли он какой-нибудь ловушкой? В том, что таковой являлся тот Седрик, она уже не сомневалась. Зачем иначе ему тащить их всех сюда, а потом сбегать?

— Я — местная?! Ты издеваешься?! Я думала, что ты отсюда! — воскликнула девушка, возмущённая тем фактом, что мага она, всё-таки, упустила, к тому же, помешал ей не местный житель, а тоже какой-то путешественник с Земли, который вряд ли знает, как отсюда уйти. Замечательная ситуация! Всё просто отлично!

Мария тяжело вздохнула. Конечно, вздохами и слезами сделать ничего нельзя, но эмоции иногда следует выпускать наружу. Принцесса хорошо понимала это.

Задумавшись над решением своих проблем, она и не заметила, как в камеру вошёл какой-то человек в тёмных одеждах, который, пробормотав что-то, перенёс Клемента и Марию-Нэн куда-то.

— Буду рад видеть вас в своём поместье! — сказал человек, ухмыльнувшись. — Надеюсь, вам здесь понравится.

***

Седрик бежал по городу. Просто бежал. Куда? Он и сам этого не знал, пожалуй. Ему просто хотелось скрыться от своих нерадостных мыслей. Для чего, как и что делать потом —

он не мог и предположить.

К матери юный чародей идти не хотел. Не потому, что он ей не доверял, нет! Джулия Траонт была единственным человеком, кто заботился о нём и любил его, а он платил ей тем же. Нет, это было из-за того, что маг всегда считал себя слишком слабым, слишком бездарным, слишком...

Его мать была одной из самых могущественных колдуний сказочного мира, если не самой могущественной. Она была умна, обаятельна, красива. В неё влюблялись, её обожали, её ненавидели. Эта женщина была богата и происходила из знатного рода. Её слушали, ей подчинялись. Ведьма владела многими видами магии, предпочитая, всё-таки, черную или нейтральную, зная практически всё, что было с этим связано. Она была не слишком хорошей старшей сестрой, зато замечательной матерью.

Седрику было бы стыдно признаться ей в том, что он чего-то не смог. Опять. Как и всегда. Да, парень в совершенстве знал теорию, которую преподавали в школе и в Академии, которую он в детстве учил под руководством матери. Но он не мог практически ничего сделать на самом деле. Практическую магию он освоил. Все заклинания, которые он знал, у него получались хорошо, без особенных спецэффектов и побочных действий. Но выполнить что-либо, для чего нужно было бы общаться с людьми, убеждать их, что-либо доставать, сталкиваться с какими-то препятствиями... Нет. Это не удавалось совершенно.

Мария не хотела спасти свой мир. Нет, наверное, именно его мир. Не свой. Девушке не нужны были лишние проблемы, связанные с тем, о чём она даже не подозревала долгое время. Она была не тем человеком, который нужен был Сказке. То есть...

— Эй, ты! Я тебя спрашиваю, где она?! — услышал маг голос за секунду до того, как буквально отлетел к стене одного из домов.

Перед ним стоял Альфонс. Очень разозлённый. Только вот чем? Седрик, ещё не пришедший в себя после удара, соображал плохо. Он даже не смог бы сейчас вспомнить какое-нибудь элементарное заклинание, если захотел бы отомстить.

Однако парень почему-то и не думал успокаиваться. Он не обращал внимания даже на испуганную малышку Розу, стоявшую за ним. Реми же просто улыбалась, сверкая своими белыми и — на личном опыте чародея — довольно-таки острыми зубками.

«Вот гадина-то!» — только и подумал волшебник перед тем, как разъярённый Альфонс схватил его за ворот «классического одеяния магов», уже почти трещащий по швам, и не стал с неприкрытой угрозой смотреть ему в глаза.

— Быстро сказал, где она! — прошипел парень. — Иначе, знай, от тебя даже мокрого места не останется!

Маг непонимающе, с постепенно угасающей надеждой посмотрел на Розу, которая, заметив это, тут же надулась и отвернулась от него. Реми только хихикала. Да... В положении Седрика она не самый лучший возможный адвокат. Совсем не самый лучший. Интересно, а где сейчас Мария? Зашла купить чего-нибудь? Они, вроде бы, есть хотели.

В положении волшебника не самым лучшим было бы и слишком много думать о вещах, не касающихся того, что он сейчас находится «под прицелом», вися, не касаясь ногами гранитной мостовой. Альфонс потрянул его ещё раз, и маг заголосил.

— Да кто тебе нужен, чёрт возьми?! Я просто ушёл! Вам все равно плевать на наш мир, на мой мир! Я даже не знаю, что ты от меня хочешь!

Всё ещё болтаясь в воздухе, хоть и на совсем небольшой высоте, Седрик изо всех сил пытался вырваться из хватки друга принцессы. Он уже собирался предпринять ещё какие-

нибудь действия, как Рассел — такова была фамилия Альфонса — отпустил его.

От неожиданности маг упал прямо на мостовую. Хорошо, что никаких карет, кэбов или повозок в это время суток обычно не бывает, иначе, наверное, колдун рисковал бы очутиться под одной из них. Реми, воспользовавшись мгновением, подбежала к нему и приложила свою тоненькую ручку ко лбу волшебника.

— Он не видел Марию с тех пор, как убежал сам... — пробормотала она, растерянно глядя на Розу и Альфонса.

Те переглянулись и удивлённо уставились на рыжеволосую девчонку, которая, произведя операцию по извлечению некоторых воспоминаний, уселась прямо на дороге.

Видимо, «птице» было абсолютно все равно, где сидеть — за столом в таверне или на мостовой посреди улицы. Она была предсказывающей будущее. Поэтому девчушка не боялась кареты, которая могла бы выскочить из-за угла, какого-нибудь бандита, который бы мог напасть на неё. Она была предсказательницей. Она могла видеть то, чего не видит никто. В то же время единственное прошлое, которое она никогда не могла увидеть, — её прошлое, её детство до того, как она попала в тот странный монастырь.

***

Кассандра когда-то любила Теодора Траонта. Она прекрасно помнила о тех чувствах. Она уже давно простила его за всё. Бывшая наследная принцесса уже шестнадцать лет была матерью двух замечательных девочек. Эта женщина была красива, хоть усталость и подпортила её черты, бывшие в молодости идеальными.

Мария... Старшая дочь Кассандры была в детстве живым и бойким ребёнком, постоянно лезущим туда, куда не следовало. Она смогла подружиться даже с очень замкнутым и серьёзным мальчиком из их подъезда. Её характер начал меняться с того момента, как девочка пошла в школу; тогда её матери пришлось иногда уезжать из города — сначала на день, потом и дольше. Девочка стала относиться ко всему буквально, начала придирается к словам. В какой-то момент она стала сочинять разнообразные истории.

Роза... Жизнерадостная малышка, младшая дочь Кассандры, родилась, когда её старшей сестре было четыре года. Девчушка была тихой и спокойной. В отличие от сестры, она никогда не доставляла матери особых хлопот.

Сейчас женщина, вернувшись домой и не обнаружив там дочерей, очень беспокоилась. Сначала она сходила к матери Альфонса — спросить, не заходили ли девочки к ней. Та устало пробормотала, что нет, не заходили, и продолжила собираться на работу.

Кассандра волновалась. Её воображение то и дело подкидывало ей картинки ужасных событий, что могли бы произойти с дочерьми. В одно мгновение она вдруг немного успокоилась, вспомнив, что по закону королевства, в котором она когда-то жила, Мария уже около месяца является законной наследницей престола.

— Как бы мне попасть туда... — пробормотала дочь нынешнего короля. — Как бы мне туда попасть... Теодор же, вроде, оставлял мне телепортационный камень... Где мне его найти?

Найдя через полчаса то, что было нужно для возвращения её девочек домой, женщина произнесла несколько строчек одного заклинания и перенеслась во дворец к своему отцу.

Дворец был таким же, как и в тот день, когда ей пришлось покинуть его. Те же цветы, те же расшитые золотом занавески, те же нарядные паркеты, тот же шум из комнаты для фрейлин. Дворец был таким же, как и раньше. Кассандре даже стало больно от этого. Как она могла покинуть отца, родных, даже если из-за этого пострадало бы её самолюбие и

жажда к справедливости и истине?

— Кассандра... — услышала бывшая наследница чей-то очень усталый голос.

Она обернулась и увидела, что перед ней стоял король. Её отец, уставший от долгих лет своего правления, уставший от интриг, козней, подавленный побегом своей родной дочери, возможной гибелью своего королевства. Он был уже сед. Женщина даже не сразу смогла узнать его. Это был её отец. Уставший. Измождённый. Отец, которого она сама оставила здесь, одного, уже почти не способного противостоять всем тем бурям и невзгодам. Это была её вина. Но разве могла она оставаться в этом мире? Разве могла она быть той, кого знал весь этот мир? Кассандра не чувствовала в себе сил тогда. Как не чувствует их и сейчас. Ей просто нужно вернуть её дочерей. Её девочек. Девочек, которых у неё хочет забрать этот мир.

— Я хочу видеть своих дочерей, — твёрдо сказала принцесса Кассандра.

В душе её больно кольнула мысль: бывшая принцесса Кассандра...

===== I. Глава девятая. Несколько — часть одного. =====

Несколько — часть одного.

Это осколки — не более.

Впрочем, неважно теперь уже,

Что же скрывала принцесса та.

Взойдя на трон в пятнадцать лет,

Она забыла о себе,

Пытаясь лучше для всех стать,

Для всех тираном сделалась.

Война в себе — война других,

Коль стала ты правителем.

Война в тебе — страшной чумы.

Она несёт лишь смерть и глад.

Забудь. Про всё и про других,

Стань той, кем ты была тогда...

Обычной девочкой, другой...

Забудь. Забудь про это всё.

Забудь и снова стань другой.

Поверь, ты будешь тому рада.

Поверь, не будет той войны,

Что жжётся и всё разъедает.

В тебе нет большей искры той,

Что провела тебя сквозь горе.

В тебе осталась лишь вражда.

Вражда, которой смысла нету.

Ты понимаешь — ты умна,

Ты нравишься — ведь ты красива,

Тебя боятся — властна ты,

И обожают — ты всё можешь.

Забудь о этой злой войне.

Забудь. Тебе же легче станет.

Забудь о нас, забудь о том,

Кто из тебя тирана сделал.
Он мёртв. Лежит в гробу давно.
Тебе уже давно не важно,
Как он лежит, кто там стоит
И плачет, утирая слёзы.
Ты стала тем, кем быть должна.
Ты — королева, ты — правитель.
В твоей душе чего-то нет.
Наверное, и быть уже не может.
Забудь! Прошу тебя — забудь!
Мы брат с сестрою? Уж не помнишь?
Аделаида! Я прошу!
Я умоляю, если можно.
Осколки... Больше ничего.
И ничего уж не осталось.
Прошу тебя: «не покидай»,
В свои слова давно не веря...

Осколки разбитого зеркала со звоном упали на пол прекрасного бального зала, что находился во дворце королей династии Карбонерро. Это место славилось своей роскошью.

— Почему?!

Молодой человек, находящийся в зале, снова ударил кулаком по хрустальному зеркалу, правда, уже разбитому. Звон. Те мелкие кусочки, что ещё не успели обрушиться на паркет, каскадом упали прямо на руку графу, да так, что несколько осколков впились ему в ладонь. Но он даже не заметил этого.

— Почему?!

На красивый дубовый паркет упала капля крови. Еще одна. И еще.

— Почему?!

Зеркал в зале уже не было. Все были разбиты молодым графом в этот злополучный день. В день, когда он узнал о смерти королевы. Той, которую он любил и будет любить всегда.

— Почему?! — в который раз за день прокричал военный. — Почему ты?! Почему ты, Аделаида?! Я же так люблю тебя!

Ещё неделю назад в этом самом зале проходили балы. Танцы, музыка, шутки. Дамы сплетничали, кавалеры вызывали друг друга на дуэль, люди более старшего возраста смотрели на это всё с улыбкой.

Это время закончилось так неожиданно... Никто и понять ничего не успел.

Революция. Страшное слово, не так ли? Сколько смертей она за собой несёт... Даже в том случае, если люди, что её творят, хотят справедливости.

В этом мире не может быть хорошо всем. Кому-то, в любом случае, будет хуже. Кто-то всё равно будет страдать. Такова уж истина. Пожалуй, она несправедлива.

***

Мария очнулась в тёмном тёплом помещении. Она лежала на мягком диване из чёрной кожи. Возможно, из чёрной. В этой комнате было плохо видно. Освещения явно не хватало. Не было слышно ни звука, ни шороха, ни чьего-либо дыхания. Девушка забеспокоилась. Она не знала, где находится, кто её сюда доставил и что ей с этим делать. Её это порядком нервировало.

Принцесса встала с дивана и на ощупь попыталась найти выход из помещения, где её, скорее всего, заперли. Этого сделать у неё не получилось. Мария, наткнувшись на какой-то предмет, потеряла равновесие и упала.

Вероятно, хозяина этого дома привлёк грохот, который вызвало её падение. В комнату вошёл человек. Он был высокого роста, неплохо сложен, у него были тёмные волосы, давно не стриженные, поэтому доходящие где-то до середины скул, нечёсанные, разной длины. Глаза этого человека отталкивали — немного безумные, девушка даже могла бы сказать: бешеные. Они смотрели на неё с неподдельным любопытством, которое не сдерживало ничто. Ни правила приличия, ничто... Любопытство это было смешано с корыстью. Она хорошо смогла это понять.

Глаза его казались чёрными, хотя в этой комнате чёрным казалось практически всё. Скорее всего, они были просто карими. Но человека, который находится наедине с тем, кого не знает, к тому же, когда тот, кого именно не знают, превосходит тебя по физической силе, обычно боятся. Бывают исключения. Но этот случай исключением не был. Внучка короля боялась того, кто вошёл в комнату. Он казался ей исчадием ада. Она бы отдала всё, что имела, только за то, чтобы никогда больше его не видеть. Девушка панически боялась его.

Отшатнувшись от этого человека и воспользовавшись тем, что вместе с ним вошёл в комнату и лучик света, пусть маленький, пусть не слишком яркий, но лучик света, который частично осветил помещение, она упала на диван, на тот, где лежала минут пятнадцать назад.

— Что же вы, леди? — спросил незнакомец, удивившись. Возможно, удивившись. Голос его был слишком сладким, слишком приторным, но в нём чувствовалась какая-то угроза, принцессе ещё не до конца понятная. — Отчего же вы меня боитесь? Я ничего плохого не сделал.

У девушки, когда-то пытавшейся обучить сестру игре на скрипке и фортепиано, был довольно хороший чуткий слух. Он смог уловить, что человек этот, договорив свою речь, в сторону бросил совсем тихое: «Пока что...»

Это не могло не насторожить Марию, и без этого напуганную. Пожалуй, волнения её почти ничто не выдавало. Почти. Редко кто может силой воли изменить свой взгляд.

Незнакомец подошёл поближе, однако он не подходил на то расстояние, с которого мог ударить её чем-либо. Это принцессу, правда, пугало ещё больше. Она не знала, чего ожидать от того, кто вошёл к ней.

В какой-то момент приняв непоправимое решение, девушка дождалась, когда человек отвернулся, чтобы... Ей было абсолютно всё равно, зачем он мог отвернуться. Схватив первое, что попало под руку, даже не понимая, что это, Мария огрела незнакомца по башке и, воспользовавшись его замешательством, выбежала из комнаты.

Дом был ей незнаком. Однако, он напоминал ей чем-то ту картинку, которую она нашла, ковыряясь в вещах матери два года назад, чтобы отыскать что-нибудь интересное для Розы. Поэтому, руководствуясь только своей интуицией, которая иногда выводила её из особо трудных ситуаций, принцесса забежала в комнату, которая на том листочке значилась под номером «4» с пояснением «столовая».

“Столовая” оказалась весьма светлой, хоть и несколько захламлённой. Было, где спрятаться, к огромному счастью внучки короля. Она почти за мгновение нашла небольшой шкаф с непрозрачными дверями, в котором вполне могла бы поместиться. Никаких вещей там не было. Полки тоже. Марию это немного удивило, однако, услышав чьи-то шаги, она,

недолго думая, залезла туда.

В комнату вошло двое людей. Один из них сел в кресло, находившееся неподалёку от того шкафчика. Второй уселся напротив. Дверцы шкафа были закрыты, поэтому у Марии не было возможности разглядеть их. Один из них засмеялся. Смех был звонким и чистым. Смеялась женщина. Или девушка. Она же и начала говорить.

— Не говори только, что ты её упустил! Я же сделала всё для того, чтобы девчонка сейчас была у тебя!

Голос принадлежал всё ей же. Сейчас он был резким и не слишком-то приятным. Обладательница голоса возмущённо фыркнула, затем встала и куда-то отошла. Следующее, что услышала девушка — звук бьющегося стекла.

Женщина продолжила свой разговор с неизвестным.

— Эта девчонка — твоя дочь! Если бы ты остался с её матерью тогда, у нас не было бы проблем! — неожиданно незнакомка на несколько секунд замолкла, а потом уже более мягко продолжила. — Как её зовут? И сколько ей лет?

Человек, сидящий неподалёку, дышал тяжело. Все его вздохи были слышны Марии, которая старалась не дышать вовсе, чтобы её не смогли обнаружить. Здесь, сейчас, за подслушиванием разговора, который её не касался.

— Её зовут Марией. Во всяком случае, Кассандра хотела назвать её так. Ей шестнадцать с половиной, сестра, — это был голос того человека, который вошёл в комнату. Он звучал более рассержено. — Ты не представляешь, эта поганка ударила меня по голове твоим сборником зелий! Знаешь, какой он тяжёлый?!

Принцесса чуть не задохнулась от возмущения, услышав это. Женщине, очевидно, это тоже не понравилось, потому что в следующую секунду Мария услышала быстрые шаги, а следом — звук пощёчины.

— Не смей так говорить! Эта «поганка» — твой ребёнок! Ты поступил так же, как и мой отец! Я бы тебя на её месте убила!

Нельзя сказать, что юной принцессе эти слова не понравились. Она сразу же прониклась какой-то симпатией к незнакомке. Захотелось даже выйти, поблагодарить её, но девушка удержала себя от таких действий.

***

Комнаты слуг часто бывают наполнены разнообразными интригами. Здесь всегда живут — даже считают своим законным местом обитания — различные сплетни про хозяев этих самых слуг. Почему-то этим особенно славятся комнаты служанок.

Личная служанка леди Джулии была девушкой амбициозной и гордой. Она выполняла только те поручения, которые отдавала сама ведьма, чем очень гордилась. Она была выше всех остальных слуг, что её несказанно радовало. Эта девушка обожала плумиться над остальными горничными, которых у графини или герцогини — впрочем, у этой женщины было несколько имён и несколько титулов, поэтому ей присущи были оба этих и ещё другие — было много. Особенно Милене нравилось смеяться над наивной и частенько довольно беспомощной во многих делах Каей.

Та никогда не пыталась пожаловаться или избежать насмешек со стороны «старшей по званию», только плакала после каждого такого «замечания». Ей совсем недавно исполнилось шестнадцать лет. Она была самой молодой служанкой у леди. Двадцатилетней красавице нравилась такая реакция девушки. Она нередко смеялась над ней вместе со своими подругами, часто выставляя Каю в неприглядном свете при всех, кто был в

услужении у одной из самых могущественных ведьм в сказочном мире.

Сама Джулия, однажды заметив это, решила перевести девочку в услужение к своему брату. Во всяком случае, горничных у него больше не было: кухарка являлась простодушной доброй женщиной, у которой из-под носа сама сестра короля воровала пряники и сушки, дворецкий был обычным человеком, погружённым только в работу, а конюхи в самом поместье почти не бывали.

Кая была рада этому. Даже недовольство графа Теодора не шло ни в какое сравнение с нападками Милены. Девушка хотя бы понимала, за что именно он сердится, что для неё было очень важно. Остальные обитатели замка отнеслись к ней вполне доброжелательно.

Всё шло хорошо. Вплоть до самого приезда герцогини. Вместе с частью своей библиотеки она, разумеется, взяла с собой свою личную служанку Милену вместе с ещё несколькими. Сейчас личный кошмар Кая стоял напротив неё и мерзко улыбался.

— Сбежать от меня решила? Да, дурочка? — заявила вдруг та.

Личная служанка леди подошла к совсем ещё юной девочке почти вплотную. Её светлые локоны спадали ей на лицо, девушка была среднего роста, но из-за чего-то казалась ощутимо выше.

— Ты чего?! Отойди от меня! — испуганно прошептала служанка графа, пытаясь отодвинуться как можно дальше от той, которую она боялась больше всего на свете.

Милена не отступала. Что ей было нужно, знала, пожалуй, она одна. Никто больше не мог понять, что же творится в голове у этой белокурой красавицы, ангела только на вид. В её руке оказался нож. Кая сжалась от испуга. Служанка леди Джулии стала обрезать светло-русые волосы юной горничной графа Теодора. Меньше чем за пять минут девушка была коротко острижена и оставлена там же. В комнате для горничных. Там, где ей было самое место. Во всяком случае, по мнению блондинки Милены.

Наверное, служанка Траонта просидела бы в этой комнате ещё дольше, если бы туда не вошла Каталина. Она была новенькой. Джулия наняла её вместо Кая. Она была ровесницей Милены, в отличие от которой имела каштановые волосы и голубые глаза.

Девушка подбежала к своей предшественнице, охнула, помогла ей подняться — от пережитого волнения служанка графа сползла по стене и почти лежала на полу — и направилась вместе с ней на кухню: благодаря Нели, кухарке, там всегда можно было хорошо поесть.

Старушка, увидев горничных, запричитала, заахала, не забывая при этом смотреть за готовящимся супом. Кая уже не чувствовала этого. Она была на той грани, достигнув которой человек уже ничего не соображает, однако, что-то делать, если ему говорят, ещё может.

— Кто это сделал? — рассержено спросила Нели у Каталины. — Эта милая девочка, насколько я знаю, никому не могла насолить.

Та только пожалала плечами, хотя уже давно была не в слишком хороших отношениях с Миленой. Она подозревала личную служанку леди, но доказательств у неё пока не было. Вот бы эта девчушка поскорее очнулась! Тогда было бы всё проще. Джулия Траонт обязательно уволит того, кто это сделал. Она не терпит разборок между слугами.

Но Кая не очнулась ни в этот день, ни на следующий. Она пролежала в постели больше недели. Герцогиня со своими служанками тогда уже успели уехать. Каталине тоже пришлось, хоть она и не хотела покидать эту девочку, которая напомнила ей сестру, что пропала много лет назад. Такая наивная...

***

Альфонс, наконец, нашёл место, где можно было бы позавтракать, а также брошенный дом, в котором можно было переночевать. Завтракали — а точнее, ужинали — только Роза и Реми. Ни себе, ни Седрику, который был совсем не против перекусить, парень не купил ничего. Пришлось довольствоваться лишь видом двух очень довольных девочек.

Маг сидел и грустил. Он даже подумать не мог о том, что Мария может пойти его искать. Он считал, что не нужен ни ей, ни её другу. Оказалось, что для чего-то ещё нужен. Например, для того чтобы вернуться домой.

— Ты извини, что мы подумали, что это ты виноват! — прошептала малышка Роза, доев свой завтрак-ужин и заметив, что с чародеем что-то не так.

Тот посмотрел сначала на неё, потом на Альфонса, который всем своим видом показывал, что извинений от него ждать абсолютно бесполезно.

Реми уже больше не смеялась, только думала о чём-то. Её ярко-рыжие волосы сейчас казались просто каштановыми. Впрочем, освещение в той небольшой лачуге, где они остановились, оставляло желать лучшего. Она вся была будто бы серая. Пыльная, ветхая. Это было то место, где человек меньше всего захотел бы находиться.

Но в той ситуации, в которой оказались эти четверо, лучшего варианта ждать не приходилось. Нужно было довольствоваться тем, что уже было.

— Извини... — пробормотал Седрик, в темноте наткнувшийся на кого-то.

— Ничего... — ответил ему голос Альфонса.

Маг почему-то отшатнулся и упал, запутавшийся в собственной одежде.

— Ты девчонка, что ли, платье носить? — усмехнулся друг принцессы.

Чародей нахмурился. Девчонкой его даже в Академии не обзывали! А этот... Нужно успокоиться и ложиться спать. Он просто неуч. Обыкновенный. Нет! Не совсем обыкновенный! Грубый неуч. Ему только на конюшне и место. В другие места требуются более приличные люди.

Комментарий к I. Глава девятая. Несколько — часть одного.

Автор старался и ждёт отзывов:)

===== I. Глава десятая. Демоны прошлого. =====

Вот почти что с четверть века, как шмыгнула в белый свет,

А чудные человеки ведьмой кличут двадцать лет.

Мол девчонкой пятилетней при сияющей луне

Мать меня порою летней подарила Сатане.

Плюнуть или каяться — кто же разберет.

Кто не испугается, в жены пусть берет.

Только есть одна проблема — в город толком не войти,

Люди с криком: “Ведьма! Ведьма!” разбегаются с пути.

Люди прячут злые морды в обывательском тепле,

Ну а я над ними гордо пролетаю на метле.

Плюнуть или каяться — кто же разберет.

Кто не испугается, в жены пусть берет.

Чтоб позлить сою соседку и прибавить к ней воров,

Я топор втыкаю в стенку и дою ее коров.

До сих пор она икает, увидавши со двора,

Как молоко ручьем стекает с рукоятки топора.

Плюнуть или каяться — кто же разберет.

Кто не испугается, в жены пусть берет.

Через улицу соседу, что противен толст и лыс,

Я в компанию к обеду под окно пускаю крыс.

Крысы роют в доме норы и порядка нет как нет —

Обвалилось пол забора, то-то будет рад сосед.

Плюнуть или каяться — кто же разберет.

Кто не испугается, в жены пусть берет.

Я который день лью слезы — присмирела, егоза:

В сердце нож воткнули острый гордо синие глаза.

Месяц ядом вновь налился и себе желаю я,

Чтоб в меня скорей влюбился тот, кого хочу в мужья.

Согрешишь, покаешься и пойдешь домой:

Песне улыбаешься — значит, будешь мой. *

Она не знала, почему ей хотелось плюнуть на всё, что она долгие годы строила, и пожалеть ту совершенно незнакомую, чужую ей девчонку. Да, конечно, она была сестрой её брата, но это же не повод! Тем более, для неё — Джулии Траонт, герцогини, сестре короля, одной из самых красивых женщин в сказочном королевстве, могущественной ведьме, волшебной богатой. У неё был сын, которого она обожала. У неё были братья, которых она ненавидела. Из-за чего? Эта женщина вряд ли могла сказать об этом. Она имела всё, о чём другие не могли бы и мечтать. Что же тогда могло её беспокоить? Совесть, вроде, уже должна была давно умереть, навсегда скрыться за этой самовлюблённой улыбкой, властным взглядом. Что же беспокоило ведьму из рода Траонтов?

Наверное, пожалуй Марию она могла, вспомнив себя совсем ещё ребёнком. Хотя, не совсем ребёнком. Скорее, подростком. В детстве ведьма была очаровательным вредным ребёнком, с чёрными волосами, заплетёнными в две тугие коротенькие косички, одетым в салатного цвета платице, этот цвет в далёком прошлом очень нравился ведьме, постоянно строящим пакости всем людям, которые находились рядом. Росла она, постоянно слыша ворчание матери и крики бабушки. Не самая лучшая атмосфера для воспитания ребёнка, тем более, и так, вредного.

А потом, в день семилетия малышки, в дом пришла незнакомая старая ведьма, о чём-то долго разговаривавшая с бабушкой девочки. Так и очутилась кроха в доме старой колдуньи. У той тогда было всего лишь трое учениц, таких же маленьких, как и леди Траонт. С первого же дня своего обучения девочка возненавидела свою наставницу Хилдэгейр. Джулия и сейчас прекрасно помнила тот день.

Войдя в небольшую пещеру, весьма холодную и сырую, черноволосая девчушка увидела ещё троих, сидящих у костра. Старуха прикрикнула на них, и те отошли от огня. Одна из них заплакала, за что ведьма прикрикнула на неё снова.

— Что стоишь?! — закричала колдунья на маленькую наследницу рода Траонт. — Ишь, рот разинула! Вас, этаких обормоток, кормить ещё просто так надо! А ну живо сходила в лес, набрала хвороста для костра! Видишь, совсем скоро огонь погаснет?!

Испуганная Джулия тут же побежала в совершенно незнакомый ей лес собирать хворост, как ей и было велено. Она слишком боялась той старухи, чтобы попытаться сделать что-то не так, как та просила. Однако хворост юная волшебница так и не смогла принести. Тогда, вечером, было уже довольно холодно, а местности она не знала. Немудрено, что

девочка заблудилась.

Её, уже совсем замёрзшую, исцарапанную и напуганную, ведьма нашла где-то под утро. Наверное, именно после этого появилась эта боязнь лесов — фобия, которая осталась у Джулии до сих пор. Тогда ей за это ещё и крепко влетело, после чего неприятное впечатление, произведённое той страшной злобной старухой, усилилось. Это был первый важный урок, усвоенный девочкой: “Не верь никому и никого не бойся”.

Она обожала читать. Читала всё, что только могла найти в той угрюмой пещерке-хижине. Чёрная магия? Что же... Неплохо, совсем неплохо... Вот только как теперь расколдовать свою подругу по несчастью, превращённую в крысу и приклеенную к котлу с зельем? А может и не нужно её расколдовывать? Пусть так побудет. Всё равно она не давала Джулии спать всю эту ночь своими разговорами во сне...

А метла! Она превратилась в великолепную прыгающую лягушку! Ой... Этой карге прямо на нос села... Пора прятаться... Спрятаться девчушка успела. Попало за такую магию не ей, а Дее, самой старшей из учениц и самой самоуверенной. Ташу, однако, старая ведьма расколдовывает пока не стала. Решила, что это она её так наказала. Склероз и у волшебниц бывает. Что поделаешь?!

В следующий раз юная колдунья использовала магию более уверенно. Тогда пострадала та же самая Таша, на этот раз ни в кого не превращённая, но видевшая иллюзии, которые причиняли ей боль, не физическую, конечно, моральную; Дея, у которой на носу появились бородавки, а сама она стала ярко-зелёного цвета; Саманта, превращённая в беленького котёнка; чёрный кот колдуньи, который вдруг стал мышкой, за которой погнался котёнок-Саманта, и сама наставница, которой на голову свалился котёл с ещё горячим зельем отравления.

В итоге: совершенно невменяемая Таша, которая стала истерить по поводу и без, Дея примерно в таком же состоянии, напуганные Саманта и кот, а также заболевшая разозлённая старуха-ведьма. Джулии пришлось заботиться о них два долгих месяца, чтобы привести в более-менее адекватное состояние. Под конец этого продолжительного сеанса трудотерапии восьмилетняя девочка валилась с ног.

Зато ещё один урок, который она тоже усвоила на всю оставшуюся жизнь, был пройден. “Не делай того, в чём не до конца уверен. Кто знает, какими серьёзными окажутся последствия?” Впрочем, на любви к чтению эта ситуация никак не сказалась.

Через два года девочки решили искупаться в реке, что находилась неподалёку. Она была бурной, крестьянские ребята никогда не плавали в ней. Но юные волшебницы решили, что они могут всё. Они — исключения из любых правил. Им можно делать всё, ведь они владеют тем, чего нет у других.

Бурные потоки, вода, которая из-за порогов пенилась, река, которая могла поглотить любого, кто входил в неё. Что может быть сильнее природы? Магия? Редкие опытные маги могли спорить с природой, командовать ей. В любом случае, четверо девчонок, которым едва исполнилось десять лет, спорить с матерью-природой вряд ли могли.

Дея шла впереди всех. Эта самоуверенная девчонка была уверена в том, что она сможет обогнать Джулию, плывая по этой реке. Вот дура! Впрочем, так думала и Таша. Саманта молча шла сзади и оглядывалась, беспокоясь, что старуха следит за ними.

Остальные девчонки не беспокоились ни о чём. Сейчас всем маленьким ведьмам хотелось искупаться, соревноваться между собой, отдохнуть и ни о чём не думать. Правда, увидев реку, Джулия не на шутку испугалась. Она неплохо плавала, но такие пороги

преодолеть было ей не под силу. А где-то дальше был водопад...

— Что же ты не идёшь?! — кричала ей Дея. — Струсил! Ты струсил! Ты меня не обгонишь!

Сказать, что те слова разозлили юную колдунью — не сказать практически ничего. Девочка была в ярости. А многим известно, что именно состояние ярости нередко толкает людей на необдуманные поступки.

Джулия вслед за Ташей и Деей бросилась в воду. Стоит ли говорить, что уже через минуту девочки начали тонуть, точнее, их стало уносить от того места. Бороться с течением не могла ни одна из троих. Саманта стояла на берегу и искала какой-нибудь предмет, за который одна из её подруг могла бы ухватиться и вылезти на берег.

Траонт с трудом удалось ухватиться за толстую ветку ивы, что росла на берегу. Залезть на эту ветку было ещё труднее. Девочка еле-еле смогла добраться до того места, где оставила свою одежду.

Дея, как более проворная из всех четверых, кое-как смогла доплыть до камня, что вылезал над поверхностью воды. Не повезло только Таше. Её унесло течением. Девочка разбилась о скалы на глазах у перепуганных подруг, побежавших вслед за ней.

Старая ведьма пожала плечами на просьбы своих учениц воскресить девочку. Сказала, что пусть этот случай будет для них всех уроком. “Не поддавайся на провокации. Это может дорого стоить”.

Шли годы. Джулия стала девушкой, ей было уже четырнадцать, красивой, умной, сильной в магическом плане. Был единственный недостаток, который никак не хотел исправляться, несмотря на все старания наставницы. Девушка не хотела подчиняться указаниям. Однажды эта девчонка даже влюбилась. Он был обычным деревенским парнем, добрым, приветливым. Остальное юной колдунье было неважно. Ей хотелось быть счастливой. Как практически все люди. Она хотела просто иметь выбор.

Она и сейчас прекрасно помнила тот разговор.

— Здравствуй, извини, что опоздала, я...

Джулия не успела тогда договорить, когда увидела странную улыбку на губах у горячо любимого ей тогда человека. Впрочем, наверное, он был единственным из всех её ухажёров, имя которого она всегда помнила. Она назвала его именем своего единственного сына, её надежду и радость. Она тогда была влюблена в него.

Тогда этот парень не ответил. Он только смеялся. Потом, бросив, что её слова любви нужны были ему только для того, чтобы выиграть в споре, ушёл, всё так же смеясь. Молодая ведьма убежала. Её школьные подружки не знали, что она тогда проплакала весь день в своём любимом месте, недалеко от тех развалин, которые воспевают в легенде про Солнечную деву.

Уже в самый последний день своего обучения девушка узнала, что того человека заколдовала её наставница, считая, что так будет лучше для её ученицы. Парень тот погиб за год до окончания обучения колдуньи, добровольно отправившись на войну. Джулия теперь понимала из-за чего. Память ему старая карга не стёрла. Он прекрасно помнил, что сказал в тот день своей возлюбленной.

Девушка перестала винить его в том, в чём винила долгие для неё четыре года. Однако доверие к мужчинам было уже подорвано. Сначала отцом, потом Седриком. Она понимала, что парень был не виноват в той ситуации, но от этого легче всё равно не становилось. Это был последний важный урок, усвоенный Джулией. “Не верь никому, иначе будет больно”.

Ведьма сидела в своём любимом кресле и пила свой самый любимый чай, нервно оглядываясь по сторонам. Она даже не помнила уже, кто привил ей эту любовь к зелёному чаю. Однако она когда-то ненавидела его. Это было совершенно точно.

В комнате будто кто-то был, кроме самой колдуньи. Этого человека — или не человека, животного, существа — не было видно. Но кто-то будто неслышно ходил по комнате и... Смеялся или плакал. Скорее всего, это привидение мешало Джулии спокойно находиться в своём доме. Оно преследовало ведьму везде в пределах её особняка. Женщина, скорее всего, не знала, кем было это существо. Наверное, это пугало её ещё больше.

Джулия, не выдержав напряжения, царившего в помещении, выбежала из гостиной. Призрак не собирался никуда спешить. Внезапно существо стало видимым. Это был уже не ребёнок, но ещё и не взрослый человек. Подросток лет шестнадцати. Он не был осязаемым. Он не был живым. Мертвец? Души мёртвых людей редко являются призраками. Кто же это был?

Этот парень был чем-то похож на Джулию, или же она была на него похожа. Чёрные волосы, серо-голубые глаза, правда, у этого существа в этих глазах не было той самоуверенности и той амбициозности.

***

Мария тихонько прокралась в гостиную. Она хотела узнать как можно больше о том, что её ждало в этом мире. Девушка чуть не взвизгнула от испуга, увидев неизвестного.

— Ты... Призрак? — спросила она, немного успокоившись.

Существо кивнуло и улыбнулось, пожав при этом плечами. Принцесса нервно хихикнула. Впрочем, наличие призрака было для неё более удачным, нежели наличие живого существа. Тем более, это привидение буйным вроде не было. Она не слишком хорошо разбиралась в устройстве и нравах потустороннего мира.

— Да! — весело сказало привидение. — Я действительно призрак! Меня, кстати, Деми зовут! А тебя как? — существо протянуло руку для рукопожатия.

Мария попыталась пожать протянутую руку, но ладонь принцессы прошла сквозь протянутую ладошку. Приведение вздохнуло. Никто не мог трогать его. Он не мог есть, не мог спать, пить. Он не мог ничего. Только присутствовать и говорить. Это расстраивало его ещё больше.

— Жаль... — прошептал Деми и убрал руку.

Принцесса попробовала улыбнуться, но отчего-то не смогла. Она так бы и стояла, если бы привидение не поманило её за собой. Куда она шла, девушка не знала. Но почему-то доверие к этому существу было. Он был каким-то... странным, что ли?

“Он призрак! Что ты от него хочешь?” — одёрнула себя девушка, идя за Деми.

Они остановились, когда достигли какой-то странной стены. Почему была странной стена? Да потому, что сделана она была не из того материала, из которого был сделан сам особняк. Кирпичная стена, когда весь дом сделан из камня... Когда же воздвигли эту стену?

— Когда я умер... — пробормотало привидение.

Мария удивлённо посмотрела на него.

— Я умею читать мысли... Преимущество призрака! — заявил Деми, улыбнувшись.

Девушка сама улыбнулась. Почему-то ей стало намного легче и спокойней. Но... Что же ей делать дальше? Между прочим, никто не заставлял её гнаться за Седриком и попадать в новые неприятности. Она сама во всём виновата.

— Ты можешь зайти в мою комнату. — Заявил призрак.

Мария уставилась на стену и чуть не расхохоталась во весь голос, как вдруг заметила, что в коридоре, где они стояли есть окно. Запертым оно не было, так что...

— Окно в твоей комнате открыто? — спросила принцесса.

Деми лишь кивнул. Это была удача. Большая удача для будущей королевы, впрочем, как и для личного привидения замка леди Траонт. Не было понятно, кто он такой, но... Всё-таки, иногда нужно идти на компромиссы, даже не зная собеседника. Это часто самые выгодные сделки из всех возможных. Тогда вы не знаете, что можно ожидать от сотрудника и не строите ему лишней раз козни, не подозреваете. То же самое происходит с его стороны. Да. Это одни из самых выгодных союзов.

* Канцлер Ги. “Ведьма I”

===== I. Глава одиннадцатая. Черновики судьбы. =====

Чёрно-белые картинки,
Ветер, тучи, солнца нет,
На душе скребутся кошки.
Их десяток, может, два.
Всё тускнеет, с моря веет
Той прохладой, что всем нам
Так не нравится. И гложет
Совесь. За всё то, что сделал ты.
Солнце, может быть, светило.
Дату точно не скажу,
Это так давно ведь было.
Сам, наверно, виноват,
Что то солнце вдруг погасло.
Навсегда, ведь не на миг.
Нет его. И вряд ли будет.
То вина уже всех нас.
Нету больше солнечной той девы,
Что нам освещала путь в ночи.
Нет той королевы, что когда-то
На престол в пятнадцать лет взошла.
Вряд ли мы когда-нибудь увидим что-то,
Что б напомнило о тех годах.
Надо настоящим жить, и точка.
Впрочем, это ваше дело. Так?
Мы живём грядущим и прошедшим,
Забывая делать что-то в миг,
В котором что-то можешь сделать,
Миг, который можешь изменить.
Забывают все. И ты забудешь,
То, чего уже не изменить.
Забывают всё. На то мы люди.
Мы не можем помнить вечно всё.
Отчего же этот мир тускнеет?
От того ли, что забыли мы,

Все легенды, все преданья тоже,
Забываем мы и то, что есть?
Оттого ли этот мир темнеет,
Погружаясь навсегда в ту тьму,
Из которой больше нет возврата.
И в которой станешь ты другим?
Оттого ли плачут и рыдают
Вдовы и сироты в год войны?
Оттого ли мы боимся правды,
Той, которую не изменить.
Правда — это правда,
Все те факты, о которых
Разговорам нет числа,
О той боли все мы забываем.
Хоть, наверно, правда есть она.
Мы боимся лишний раз заметить,
То, о чём и вслух не говорят,
И подумать даже все боятся.
Оттого ли всё тускнеет мир?
Забываем мы всё то,
Чего боимся. Ну и то,
Что нам так дорого сейчас.
Чёрно-белые картинки.
Ветер, тучи... Солнца нет.
И на душе темно. Ты боишься,
Как почти все люди.
Нет того, что дорого тебе.
Знай, коль если сильно любишь.
Ни природа, люди, ни друзья
Помешать тебе никак не смогут.
Ты считаешь, что ты всё же прав?
Нет. Я с этим точно не согласен.
Не забудешь, если не захочешь
Ты забыть. Что ж... Прощай!
Совет мой — только слово.
Дело делать должен сам ты. Сам.

У каждого свои вкусы, свои интересы, свои взгляды. В общем-то, и мораль у каждого разная, если докапываться до деталей, хоть и очень похожая. Что такое мораль? Программа поведения, которой придерживается общество. Хм... Общество... Люди... Две разные вещи, между прочим... Общество — какой-то сгусток, комок определённого цвета, размера... Однородная смесь. Оно диктует законы, следовать которым должны, по его мнению, все. Дело даже не в тех простых правилах, приведённых в одной древней книге... Конечно, не нужно лгать, воровать или убивать... Общество нередко искажает эти законы. Оно осуждает невиновных и возносит преступников, само того не ведая. Общество отвергает всех, кто когда-то оступился. Оно не смотрит на причины... Оно либо поглощает, навсегда закрывая

доступ, навсегда заглывая в ту бездну, из которой уже человеку выбраться не под силу, либо отвергает... Отвергает тех, кто часто, сам того не ведая, оказывается другим, отличным ото всех своих собратьев. А что люди? Они либо подчиняются, оставаясь на тех тёплых местах, на которых были до этого, либо протестуют, оказываясь отверженными от всех тех, кто им дорог... Если ты другой — либо уходи, либо меняйся. Почему же многие выбирают второй вариант? Инстинкты... Человек подчиняется инстинктам. Без них нельзя выжить. Это так: нельзя взять и полностью забыть о них, иначе погибнешь, окажешься в той бездне. Но и полностью подчиняться им нельзя. Тогда превратишься в животное, которое не может управлять своими чувствами и мыслями. Тогда перестанешь быть человеком...

Реми было пятнадцать лет. Миловидная рыжеволосая девочка с даром, которого нет почти ни у кого. На неё сразу началась охота. Сидя на стоге сена между Розой и Седриком, она думала о своём. Она не потеряла ещё ту детскую наивность души, которая нередко исчезает к достижению взрослого возраста. Конечно, не у всех. Некоторые люди хранят её до самой старости.

За дар Реми не слишком любили. Мать боялась лишней раз выводить её на улицу в детстве. Она, наконец, встретила тех, кто не боялся её. Однако эти люди, похоже, и не верили в то, что она что-то умеет. Впрочем, разве она что-то умела? Сказать по справедливости, за толстыми стенами монастыря, в золотой клетке не особенно есть мотивация да и возможность чему-то учиться.

Действуя по только ей понятному порыву, девочка испуганно вскочила, огляделась и начала трясти Альфонса за плечо. Тот почти моментально проснулся, недовольно глядя на спутницу. Он не смог выспаться этой ночью. Сначала нужно было накормить всю это весёлую компанию, попутно ища Марию, затем, когда место для ночлега было найдено, Реми с Розой не могли уgomониться: им было не слишком удобно ложиться спать в старом сарае, где ни кроватей не было, ни печки, потом Седрик, который обиделся на то, что его мантию обозвали платьем... Да откуда Альфонсу знать, что это мантия?! Он такими вещами, в отличие от Марии, не увлекался! У него другие проблемы! Парень очень устал. Он хотел хоть немного отдохнуть и был отчасти рассержен, если не сказать большего, действиями юной предсказательницы.

Проснувшись до конца, недовольно фыркнув, немного пригладив взъерошенные ото сна волосы, Ал посмотрел на девочку, как бы говоря, что если она зря его разбудила, то ей несдобровать.

— Чего тебе?! — прошипел он, боясь разбудить малышку Розу. — Что тебе посреди ночи понадобилось?!

Реми пожала плечами и тихонько рассмеялась, с изумлением глядя в лицо старому другу принцессы. Она поднесла ладошку к своим губам, прикоснувшись к ним тыльной её стороной, затем рукой убрала волосы со лба Альфонса и снова хихикнула.

— В туалет надо? — с сомнением выразил свою догадку он.

“Птица” обиженно надула губки и покачала головой. Ее рыжие волосы запутались и больше напоминали воронье гнездо, нежели тот милый творческий беспорядок, что был вчера утром в тот момент, когда Мария увидела её в том трактире.

— Скоро здесь полиция будет... А мы, вроде как, нелегалы... Нас арестовывать нужно... — вдруг выдала она и забралась обратно на стог сена, на который улеглась вчера вечером.

Альфонс вскочил. Волосы его всё ещё были всклокоченными, куртка изрядно помята.

Парень как можно более спокойно разбудил Розу. Седрика он будил, правда, не слишком задумываясь о том, как новый знакомый встанет и будет ли у него болеть голова весь день...

Маг спал крепко, поэтому добудиться до него обычно было делом не слишком лёгким, но другу принцессы это удалось сделать весьма быстро. Нервы у парня были покрепче, нежели у чародея, который в дневное время вздрагивал чуть ли ни от каждого шороха, а на ночь просто отрубался, хоть ситуация дома у Альфонса была ещё хуже. Джулия много занималась своим сыном. Он для неё был смыслом, жизнью...

— Вставай! Иначе здесь бросаем! — крикнула Реми, спрятавшись за Розой, которая в то же время спряталась за Альфонсом, снова хихикнув.

Её манера смеяться почти после каждого слова раздражала, но вряд ли это была её вина. Нервы — штука странная, непредсказуемая... Неизвестно, когда шалить начнут. С ними шутки плохи...

— Она права, — сказал парень, подавая руку ничего не понимающему Седрику. — Нам срочно нужно уходить. С нами или остаёшься?

Чародей подскочил и начал судорожно искать свои вещи, которых, разумеется, у него сейчас не было: всё-таки, паренёк думал, что вернуть принцессу в её родной мир очень простая задача. Конечно же, он ошибался. Правильно ему мама перед этим говорила: никуда не лезь и не выпендривайся. И почему он её слушать не хотел? Права ведь была. Никуда лезть просто так не стоит. Вот сейчас он оказался вместе с этой компанией, которая не ставила его способности ни во что, в этом наполовину разрушенном сарайчике, из которого нужно было куда-то бежать. И это в тот момент, когда ещё даже не рассвело?!

— Что ищешь? У тебя вчера ничего не было, — заметил Альфонс, попутно пытаясь объяснить Розе, что им просто обязательно отсюда уйти.

Седрик посмотрел на новоиспечённого врага и, наконец, вспомнил, что никаких вещей он не брал. Маг вздохнул и, измученно поглядывая на всех троих своих знакомых, поплёлся к выходу.

Пройти первым ему не дали. Друг наследной принцессы сказочного королевства загородил ему путь. Он осторожно выглянул на улицу, посмотрел, убедился, что там никого не было и только после этого жестом показал, что можно выходить. Эта предосторожность была не более, чем инстинктом, выработанным за все семнадцать лет жизни этого парня.

Вся не выспавшаяся компания вышла на улицу. Было ещё довольно темно и холодно. Меньше всего хочется выходить на улицу в такой час. Но иногда делать такое всё же приходится. Ничего не поделаешь. Что лучше — оказаться в ловушке или выбраться из неё не слишком приятным для тебя способом? Думаю, многие выберут второе. Люди боятся ловушек, боятся неизвестности. Непонятно, почему именно? Неужели неизвестность страшнее смерти?

***

Мария кое-как смогла забраться в комнату Деми. Сейчас она сидела там и рассматривала фотоальбомы, книги, блокноты, которые принадлежали привидению. Странно только, что комнату, в которой когда-то жил этот парень, не отдали кому-то другому, а замуровали.

— Тебе тут нравится? — спросил призрак, смотря будто сквозь принцессу.

Та кивнула. Ей действительно нравилось находиться в этой небольшой комнатке. Мебель тут была очень простая, не слишком красивая, но довольно прочная. Вещей было немного. Только огромный, на всю стену, книжный шкаф напоминал о возможном

происхождении своего владельца.

— Деми... Отчего ты умер? И когда? — спросила девушка, вставая с небольшого кресла, на котором она сидела.

Призрак пожал плечами и вздохнул. Он посмотрел в окно и вдруг начал что-то напевать.

“У солнца в небе есть закон,
Который всем известен.
Оно не светит ночью, нет,
Но днём оно сияет.
Не каждый день мы видим свет,
От тех его лучей.
Но каждый день живём всё тем,
Что есть его тепло.
Забудешь всё иль вспомнишь всё
Ему совсем неважно.
Убил ли ты, украл, сказал —
Забудет солнце завтра...
И песнь огня давно звенит.
Ведь это наша совесть.
Коль если грех ты совершил,
Забыть то не позволит.
Сияет солнце в небесах,
А ты всё слёзы льёшь.
Из-за чего, из-за кого
Имеешь право это?
А солнцу, право, всё равно,
Кто ты, как жил и сколько.
Оно всё светит в небесах
И согревает нас...”

Мария слушала и о чём-то вдруг задумалась. Ей очень хотелось помочь Деми. Ну просто очень. Она не знала, с чего начинать, но... Может быть, стоит начать с самого начала?

— Хорошая песенка... — пробормотала она, улыбнувшись. — Ты сочинил?

Призрак буквально засиял от гордости и кивнул. Деми начинал всё больше нравиться принцессе: не был похож на этого Теодора, который лгал и уже даже не помнил того дня, когда последний раз сказал правду, на того Седрика, который обманом затащил её в этот мир, на Джулию, которую девушке было просто жалко. Она не знала, отчего родилось в ней это чувство, но... Деми нравился ей больше всех обитателей сказки. Даже Реми была какой-то другой...

Мария снова улыбнулась... Как же были похожи имена у этих двух, только вот у привидения ударение ставилось на первый слог, а у девочки наоборот. Характерами они тоже были несколько похожи, но всё-таки различия в людях всегда можно найти и уловить. Идеальных клонов не бывает.

— Понравилось? Я тебе потом ещё сочиню. Хочешь, можешь записать.

Принцесса кивнула и вдруг перевела взгляд на какой-то блокнот. Жестом она спросила у привидения, может ли она посмотреть те записи. Призрак не возражал, и девушка открыла

одну из этих тетрадок.

Это была обычная тетрадка с каракулями. Непонятный почерк, порой кляксы, смешные рисунки... Мария не обратила бы на них внимания, если бы не одно "но". В левом нижнем углу страницы была сделана корявая роспись. Это была её роспись. Приглядевшись, будущая королева заметила, что почерк был похож на те её детские записи...

— Откуда это у тебя? — спросила она, повернувшись к Деми.

Тот лишь пожал плечами.

===== I. Глава двенадцатая. Седьмое небо. =====

Седьмое небо, странный сон,
Не видно звёзд и солнца,
Не видно боли и обид,
Но на душе так пусто.
Не видно горя и беды,
Не слышно томных вздохов,
Всё это будто чудный сон,
Но это только с виду.
Коль ты не видишь ничего,
То ты всё забываешь.
И ты не чувствуешь того,
Что чувствовал бы точно.
Седьмое небо — рай иль ад?
Нет ничего, что можно
Понять не так, как в мире есть,
Понять не так, как нужно.
Всё тленно в мире,
Знаешь ты про всё про это точно.
Но отчего ж тогда забыл?
Неужто всё не важно?
Седьмое небо... Может, рай?
Там ангелы ликуют,
Поют на восемь голосов,
Про то, как хорошо всё.
Не слышно боли и обид,
Не знаешь ничего ты,
Всё забывается, порой
Не видишь дальше носа.
Седьмое небо... Может, ад?
Ведь нет там воли чувствам,
Не можешь думать так,
Как мог бы думать сам.
Одни иллюзии, одна
Лишь сказка в этом мире.
Нет войн, раздоров, крови нет,
Но нет любви в том мире.
Седьмое небо... Злобный рок...

Как будто всей планеты
Уже давно на свете нет.
Как будто нет людей всех.
Они живут. Ну... Так сказать...
Разве боятся люди?
Должны бояться. И мечтать
О том, где было б лучше.
Седьмое небо... Счастья сонм.
Живёшь всегда в достатке,
Так думаешь, как каждый здесь,
Живёшь так, как другие.
Седьмое небо... Горя нет
В том месте превосходном.
Все счастливы здесь.
Отчего ж не хочешь быть ты больше?
Седьмое небо — ад иль рай?
Ни то и ни другое.
Другой мирок, иной мирок,
Чего же жаждать боле?
Седьмое небо, странный сон.
Нет ничего на свете,
Чтобы могло тебя привлечь.
Забудь. Не нужно. Полно.

Она была обычной девочкой. Фантазировала, писала рассказы, ругалась с младшей сестрой, смеялась вместе со своим лучшим и единственным другом. В школе её не особенно любили, но и не презирали. Она просто ходила туда. Отметки у неё были хорошие, ни в чём другом успехов не было. Она стремилась быть другой. Всегда стремилась.

Сейчас же она сидела перед совершенно незнакомым ей человеком. Нет, это был не человек. Существо, которое когда-то было им. Когда-то в прошлом... Возможно, далёком.

Он был милым. Это привидение странного замка понравилось Марии больше, чем все его живые обитатели. Призрак не пытался никого убить, никому насолить, однако было кое-что, что пугало девушку. На полях старой тетрадки, которая когда-то принадлежала Деми, была её роспись. Она помнила это. Тогда, в восемь с половиной лет, она придумала её и писала на всех тетрадках, блокнотах, листочках, даже в дневнике. Она была сделана довольно коряво. Кривые букочки, большая с завитком буква “М”, написанная с сильным нажимом, остальные помельче, неровные, написанные почти без него... Мария...

— Откуда это у тебя? — повторила она.

Привидение снова пожало плечами. Отчего-то он немного испуганно отошёл от неё. Принцесса снова посмотрела на него. Правда, уже намного более серьёзно. Она была раззадорена поведением своего нового знакомого.

— Это мои тетради... — вдруг прошептал призрак.

Девушка усмехнулась, раскрыла тетрадь на той странице, на которой заметила росчерк. Тот в какой-то момент стал меняться. Вместо слова “Мария” теперь появилось имя “Деми”.

— Почему? — Мария посмотрела на привидение.

То осторожно подошло к ней и заглянуло в свой блокнот. В этот же момент слово,

которым была эта подпись, снова поменялось. Парень отшатнулся и посмотрел на девушку. Та лишь посмотрела на него в ответ. Она тоже ничего здесь не понимала. Пожалуй, даже больше, чем другие.

Спасать мир тогда, когда ничего о нём толком не знаешь? Странно, не правда ли? В детстве она обожала смотреть сериал “Доктор Кто”. Она никогда не понимала этого чего-то инопланетянина. Как можно спасти всех подряд, ничего о них не зная? Часто даже имени.

— Я не понимаю, что это... — пробормотало привидение.

Девушка вздохнула. Если бы она что-то здесь понимала... Хоть что-нибудь... Зачем её сюда притащили? Почему именно её? Могли взять Жюли, что училась у них в школе. Эта чудачка постоянно читала книги про магию, знала практически все заклинания из книжек, в которых они были. Вот она точно мечтала куда-то попасть... Вот сюда, например. Она, а не Мария.

Принцесса из-за нараставшего напряжения вдруг схватилась за виски. Не то чтобы у неё заболела или закружилась голова. Нет, ничего такого не было! У неё никогда не болела голова, в отличие от малышки Розы, у которой с самого детства была мигрень.

Отчего же похожи подписи? Есть какая-то наука, которая занимается этим. Что-то там с графикой связано, насколько помнила Мария. Однако девушку это никогда раньше не интересовало, да и вряд ли они с Деми похожи... Чем же они связаны?

— Чем мы связаны... Чем мы с тобой связаны, Деми? Расскажи про себя! Пожалуйста Я тебя очень прошу...

Привидение снова пожало плечами. Вряд ли он знал что-то, что нужно было наследнице престола. Вряд ли он вообще что-то знал из того, что действительно нужно было знать. Он ведь был просто призраком...

— Подожди, тебя назвали избранной, которая может спасти этот мир? — вдруг спросил Деми.

Девушка замерла и кивнула. Она не знала, откуда он мог бы это... Стоп! Он же умеет читать мысли! Конечно! Если он умеет читать мысли, то он может знать всё, что угодно, если только найдётся человек, который бы знал это. Значит, он просто прочитал её мысли. Тут нет ничего удивительного. Ну... Относительно...

Привидение, стоявшее перед Марией, растворилось в воздухе. Принцесса охнула и стала озираться по сторонам. В комнате никого не было. Сбежать отсюда было уже нельзя: за стеной кто-то довольно громко разговаривал. Если она выйдет отсюда, то погибнет. Если Деми кому-то про неё расскажет, она погибнет. Если закроют окно, она погибнет. С высоты этой башни девушка прыгнуть не сможет. Слишком высоко. Она разобьётся.

Деми же в то мгновение оказался в одном из тех душных кабинетов, которые проклинают. Притом все. От человека, который зависит, до человека, который распоряжается. Такие места ненавидят все. Слишком душные, маленькие... В них человек чувствует себя не слишком комфортно. Призраки тоже.

Никто не любит подобные места. Призрак Траонтского замка совсем не был исключением. Так зачем же он оказался здесь? Явно не из простого любопытства. Тогда бы он уже давно сбежал.

В какой-то момент Деми заметил, что верхний ящик письменного стола приоткрыт. Из него торчал край какой-то рукописи. Бумага была старая, пожелтевшая от времени и, как парень понял, не слишком хорошего качества. Его сестра всегда обожала читать... Она бы точно устроила истерику, увидев такую бумагу. А если через несколько десятков или сотен,

да даже если через тысячу лет это всё рассыпется? Как можно допускать подобную халатность?!

Насколько привидение помнило, его младшая сестрёнка всегда больше любила книги, нежели людей. Не то чтобы людей любил он сам тогда... Они были двойняшками. Наверное, она сильно переживала, когда он умер... Впрочем, может быть и нет. Всё возможно...

Призрак попытался рассмотреть, что здесь было написано. Взять эту бумагу в руки он не мог. Всё-таки, иметь материальное тело довольно хорошо и удобно. Можно брать предметы, есть, пить, дышать... Вещи не проходят сквозь твои руки, когда ты пытаешься их взять.

Старыми чернилами была сделана надпись. Почерк у того, кто когда-то это писал, был красивый, но не слишком понятный. Впрочем, несколько слов можно было разобрать. “Не забудь, что...”, далее следовали не слишком понятные для восприятия слова, “ты зависишь от этого”...

Интересно, кто мог это писать? Деми не помнил, чтобы когда-то, ещё при жизни, видел эту рукопись или встречал человека с подобным почерком. После его смерти это послание кому-то тоже не могли написать. Значит, написано это было ещё до его рождения. Интересно, кто мог это писать?

***

Она всегда была довольно своенравной. Полюбить непонятно кого и сбежать от всего, что можно считать подарком богов — тому пример. Не выйти замуж только потому, что это не он... Не тот подонок, который бросил её во время беременности. Остаться матерью-одиночкой и воспитывать двух дочерей вместо того, чтобы вернуться к отцу, который был бы рад её видеть...

Кассандра не слишком любила сказочное королевство. Ей нравилось бы иногда бывать тут, прогуливаться по королевскому садику, сидеть на поребрике фонтана, пить сок или вино... Ей нравилось бы то, что её детей воспитывали бы няньки. Но больше ничего не держало бывшую принцессу на её Родине.

Король Генрих, сидя сейчас с ней в одной из её старых комнат, что никогда со времён того побега не перестраивались в надежде, что она вернётся, чувствовал это, и потому ему было больно. Когда-то он тоже не слишком хотел быть правителем, хотел сбежать на Землю, где, по мнению всех обитателей Сказки, намного лучше. Это было давно. Когда он ещё не пришёл к власти.

Теперь всё изменилось, и монарх жалел лишь об одном: у него было слишком мало времени на дочь, которая, повзрослев, просто сбежала от него. Генрих понимал, что он сам виноват, но... Разве от этого становится хоть чуточку менее больно?

Кассандра пила чай. Во всех её жестах чувствовались торопливость и нежелание оставаться в отчем доме.

— Мои дочери здесь, — произнесла принцесса. — Я хочу их найти и вернуться на Землю. Не хотелось бы мне, чтобы они жили здесь.

Король лишь кивнул. Он никогда не умел спорить. Да и не любил этого делать. Министры не имели такой привычки, а вот женщины, с которыми он когда-либо общался... Его сестра ненавидела его и никогда не упускала возможности подколоть и вдоволь посмеяться над его наивностью, жена была женщиной очень строгой, он никогда бы не осмелился перечить ей, дочь не спрашивала ни о чём. Она обычно просто уходила, не говоря ни слова.

Что оставалось этому человеку?

Мужчине хотелось иметь обычную, нормальную семью, спокойную работу, пусть низкооплачиваемую, но стабильную, маленький домик где-то в глуши, много детей, вкусную домашнюю еду вечером...

Но он был королём. Его никогда ни о чём не спрашивали. Всё делали без него. Приёмы, балы, банкеты... Где тут достать времени на личную жизнь? А ему гораздо больше хотелось собирать с детьми конструкторы, помогать штопать платья и косыночки для кукол, понарошку пить чай из игрушечного сервиза...

— Я помогу. Выслать патруль? — спросил король кротко.

Кассандра, фыркнув, отвернулась. Ей самой уже давно было стыдно за тот побег. Но она даже не могла представить, как бы сложилась её жизнь без этого. Не было бы Марии и Розы... Её маленьких дочерей... Возможно, был бы кто-то другой. Впрочем, это не так важно... Той жизни, к которой она уже успела привыкнуть, не было бы.

Не было бы ничего... Так казалось дочери нынешнего короля...

Не было бы жизни...

***

Идея найти дорогу к замку Теодора Траонта и попросить его о временном приюте была не самой хорошей идеей Седрика. Но соображать, стоя под проливным дождём в тоненькой курточке, которая моментально намокла, он не слишком умел.

К счастью или несчастью, месторасположение поместья своего дяди маг прекрасно знал. Он не слишком часто бывал там со своей матерью: та почему-то не очень жаловала своего младшего брата, но и этого оказалось вполне достаточно.

Сейчас четверо промокших, озябших и очень голодных ребятишек стояли в кабинете графа и наперебой просили разрешить остаться переждать ливень и ночь. Тот, вроде бы, не особенно возражал. Мужчина спокойно выслушал своих гостей и позвал служанку.

Через какое-то время в комнату вошла худенькая невысокого роста девушка, волосы у неё были светлые, короткие, почти такие же, как у Марии, правда, стриженные совсем неровно, а в голубых глазах будто бы стояли слёзы.

— Кая, отведи гостей в их комнаты, — приказал лорд Траонт, и девушка попросила всю четвёрку следовать за ней.

Служанка провела их по длинному коридору, поднялась по лестнице и рукой показала на одну из дверей. Альфонс открыл её. Комната была самой обычной: невысокий диванчик, обшитый зелёной тканью, несколько стульев, книжная полка, на которой были преимущественно детективы и бульварные романчики, зелёный ковёр...

— Спасибо... — пробормотала Роза, садясь на диванчик.

Девушка слабо улыбнулась и спросила, не нужно ли им чего-то принести. Седрик ответил, что её позовут, если будет что-то нужно. Кая тихонько кивнула и вышла из комнаты.

— Да... Хорошо у тебя дядя живёт... — заметил Альфонс. — Для гостей — отдельная комната...

Маг, удивившись, заявил, что у его дяди самая обычная жизнь и так, как он, живут многие, наоборот, странно, что у кого-то намного меньше денег и хуже условия проживания.

Реми фыркнула, не соглашаясь с волшебником. Она во время жизни в монастыре видела людей, приходящих туда. У многих не было денег, чтобы купить чёрствый кусок хлеба.

“Мы — собственность лордов...” — пропела она тихо.

Альфонс подпел ей. Он знал, откуда эти слова... Виктор Гюго — замечательный писатель. Его романы отражают ту часть жизни, которую люди видеть не хотят. Впрочем, эта часть жизни является преобладающей. Когда большинство бедствует, меньшинство наслаждается. И никогда наоборот.

Нередко человек слеп тогда, когда сам не хочет видеть...

Странное свойство человечества, не так ли? Стараются запрятать проблему, забыть её, закопать насколько можно глубже. Почему же так? Почему нельзя поднять это и решить? Почему хотят просто не трогать это?

— Ты не понимаешь... — прошептала Реми. — И вряд ли поймёшь... Твоя мать — сама герцогиня Траонт, самая влиятельная особа при дворе... Вы богаты...

Седрик поднялся со стула. Он был возмущён таким заявлением. Да когда он учился в Академии, он встречал учеников, у которых ситуация было гораздо лучше! Почему они не хотят брать это во внимание?

— Реми права, — сказал Альфонс. — Ты вряд ли сможешь это понять.

Парень подошёл к окну и вдруг отчего-то побледнел. Роза от испуга подскочила к нему.

***

Быть герцогиней Траонт. Быть богиней. Быть светской львицей и сердцеедкой. Быть самой сильной ведьмой... Она, пожалуй, не была самой богатой женщиной сказочного мира, но, разумеется, была одной из самых богатых.

Джулия была красива. За счёт магии ей никогда нельзя было дать больше двадцати пяти, хоть биологический возраст её уже достиг точки “шестьдесят” и медленно переваливал за него. Она вспоминала свою наставницу. Той было около трёхсот лет, когда она взяла её на воспитание. Ведьмы долго живут...

Она была матерью, но, в отличие от Кассандры, никогда не считала себя образцом материнства. Если копнуть глубже, та была обычной женщиной, которой просто приписали титул “принцесса”...

Герцогиня Траонт же могла быть королевой. Когда-то у неё был ещё один брат, она уже плохо помнила его. Спокойный, тихий мальчик, которых никогда не мешался под ногами и не возражал. Джулия вряд ли смогла бы припомнить, когда именно он говорил...

Она уже не помнила его, но помнила, как почему-то больно ей стало, когда ей рассказали о его смерти. Им было по шестнадцать... Он тогда заболел туберкулёзом. В сказочном королевстве такие болезни было невозможно вылечить без применения чёрной магии, а все маги были тогда далеко от поместья Траонт...

Они были двойняшками... Она бы и сейчас отдала бы всё на свете, чтобы увидеть его ещё разок, но...

Пытаясь сбежать от воспоминаний о нём, шестнадцатилетняя девушка попросила мать приказать замуровать комнату, в которой он жил... Сейчас Джулия бы с удовольствием побывала там. Интересно, окно в ту комнату предварительно тоже замуровали или нет? Есть ли туда вход сейчас?

P.s. Жду отзывов. Это хорошая мотивация для написания следующих глав.

===== I. Глава тринадцатая. Первый осколок действительности. =====

Белеет одинокий парус,
И забываешь всё вокруг,
И то, что есть, вдруг исчезает,
Того, что нет, поднялось вдруг.

Сереет небо над тем морем,
Поёт душа после разлук,
Однако нет больше того лишь,
Что помогает нам всем жить.
Синеет море, дует ветер,
И жизнь бежит, бежит, бежит.
Так отчего же ты на воле
Не можешь жить? Свободно жить?
И листья жёлтым покрывалом
На землю падают теперь.
Зачем же так? Чего же боле?
Зачем тебе про всё забыть?
Герой? Забудь! Всё в мире тленно!
Подлец? Вот это лучше вспомнь.
Осколки чувств и мира — грёзы.
Ты видишь их, коль одинок.
Осколки жизни и несчастий,
По миру быстро разошлись,
Забудешь всё, коль ты увидишь,
Как они тают на руках.
Когда лежит в земле осколок,
Он безобиден, очень прост.
Но коль в руке твоей осколок,
То берегись, то берегись.
Опасность есть. Она большая.
Забыть про всё. И про семью.
И про друзей, и про забавы,
Ну и, конечно, про себя.
Белеет одинокий парус,
Но ты осколок в руки взял.
Забудь и положи на место.
Иначе, точно быть беде.

Деми снова был в своей комнате. Рассерженная Мария точно убила бы его, если бы он уже не был мёртв. Девушке не слишком понравилось сидеть непонятно в каком помещении, одной, почти без возможности выбраться наружу. Да и кому бы понравилось?

Принцесса сидела на кровати и увлечённо калякала что-то на вырванном листочке из тетрадки призрака. Конечно, рисовала она не слишком хорошо, но всё же... Заняться больше было нечем: ничего писать ей не хотелось, Розы, чтобы рассказывать ей что-то, не было, и Альфонса, который сам мог подать какую-то идею, тоже. Не было даже Седрика, который рассказал ей сказку тогда.

— Я кое-что нашёл... — пробормотало привидение.

Мария удивлённо посмотрела на него и фыркнула. Что же именно это ходячее, а точнее, летающее недоразумение могло найти? Неизвестную этому миру жевательную резинку, упаковку от которой она уронила там, в шкафу, в котором пряталась?

— Письмо... А что такое жевательная резинка? — спросил призрак.

Девушка ойкнула, внезапно вспомнив про то, что это существо ещё и читает мысли. Да уж... Как ему теперь объяснять, что это? Дать попробовать? Очень смешно! Как будто это поможет! Она просто в замечательной ситуации! Кстати, что за письмо могло привлечь внимание Деми? Вряд ли обычное, с пожеланиями здоровья и разговором о том, какой завтра будет суп у такого-то герцога или графа.

— Кто-то угрожал...

Принцесса поднялась с кровати и положила листочек с незаконченным рисунком на тумбочку, что стояла рядом. На этом рисунке была изображена старая рукопись. Точно такая же, какую видел призрак в том кабинете. Парень осторожно посмотрел на творение своей временной компаньонки.

— Дело в том... Что ты избранная... Ты владеешь даром предсказания, а точнее, предреkania. Я потом объясню, чем это отличается. Такая сила передаётся по наследству старшему ребёнку. Если этот человек умирает, не оставив наследника, то сила передаётся одному из его племянников, правда, временно. До рождения этим племянником ребёнка...

Будущая королева чуть не засмеялась. Что за чушь он нёс?! Какие избранные?! Какая сила?! Что она, обычная девчонка с Земли, ни капельки не желающая оказаться здесь, может сделать и чем может обладать?! Ей уже все надоели с этими постоянными намёками! Нельзя нормально объяснить?

— Ну... Не беспокойся... Я пытаюсь это сделать, между прочим. В общем, если ты избранный или избранная, а не просто носительница силы, то...

Договорить Деми наглým образом не дали. Девушка, даже не слушая, видимо, то, что ей сейчас говорили, перебила его вопросом: “В чём разница между избранным и носителем силы”, сказала, что объяснять нужно более понятно и что говорить надо прямо, переходя к тому, что она должна сделать.

— Не перебивай! — воскликнуло привидение. — Так вот, то твои силы не передадутся никому до самой твоей смерти, даже если ты родишь ребёнка, а если носитель, то передадутся. Вот... Кто твоя мать?

Мария ухмыльнулась и снова фыркнула. Похоже, столь частое общение с Альфонсом сказывается на поведении, подумала бы девушка, если бы заметила это.

— Она? Обычная женщина. Тебя должен куда больше интересовать вопрос, кто мой отец.

Деми вздохнул. Вот вечно эти родители скрывают от тебя правду! Ему самому далеко не сразу сказали, кто он. Если говорить честно, и не сказали бы, если бы он не устроил истерику почти с полным разнесом одного поместья... Ну... В котором тогда он находился.

Призрак точно помнил, что после его смерти носителем силы стала девушка. А если эта Мария избранная... Ну не могла же она кого-то родить, а тот ребёнок вдруг умереть, родиться второй ребёнок, вырасти, родить Марию... Ну... Не слишком много времени прошло с его кончины. Да и почувствовал бы он эти изменения...

— Но хотя бы имя сказать-то ты можешь?

Девушка хмыкнула и с вызовом бросила: “Кассандра”, на что привидение задумалось. Вроде бы дочку его младшего брата, Генриха, тоже так называли... Впрочем, помнить это наверняка он не мог. Или принцесса вполне могла воспитываться в приёмной семье?

Как бы проверить, кто на самом деле та женщина?

***

Альфонс осторожно рукой отстранил Розу от окна и подозвал к себе Седрика. Тот

подошёл к нему и ужаснулся. Прямо перед их окнами зачем-то готовили виселицу, разжигали костёр и точили топоры.

— Только не говори, что у твоего дяди хобби такое... Просто так приготавливать все предметы для казни и пыток...

Маг покачал головой. Ему самому плохо стало от тех мыслей, что брат его матери, Теодор, который любил такого рода развлечения... Говорили, да впрочем, один раз чародей и сам видел, что в саду у него на деревьях часто висели скелеты, клумбы были сделаны из костей, да и...

Но мама говорила волшебнику, что это у её “любимого” братца такое развлечение. Некромант хренов... И зачем только они сюда пошли?! Уж лучше было мокнуть где-то на улице или, в конце концов, взять в долг денег и добраться до замка герцогини Траонт.

— Ой! — вдруг заявила Реми весёлым голосом. — Альфонс, тебя повесят, как простолюдина, меня сожгут на костре, как ведьму, а Розе с Седриком отрубят голову! Ну... Как дворянам. Правда, мило?! — она хлопнула в ладоши, пробежалась по комнате и плюхнулась в одно из кресел.

Роза недоуменно посмотрела на “птицу” и испуганным голосом спросила, правда ли это или всего лишь шутки. Седрик растерянно кивнул и снова с ужасом уставился во двор.

— Спасибо за прогноз... — прошептал друг принцессы.

Девчушка в резком тоне парня подвоха, казалось, не заметила и радостно кивнула ему, всем своим видом показывая, что всегда рада стараться. Тот лишь снова вздохнул. И зачем он только согласился с Марией тогда? Можно было попытаться отговорить её от данного путешествия. Сидели бы дома, смотрели ужастики, пили чай...

В двери тихо постучали. Седрик сказал “войдите”, и в комнату вошла та самая служанка, что привела их сюда. Кая, кажется? Девушку от чего-то трясло, она еле стояла на ногах.

— Чего надо? — грубо спросил Альфонс, судорожно пытаюсь придумать выход из сложившейся ситуации.

Девушка всхлипнула и вдруг упала на колени. Она была похожа на испуганного зверька, которого загнали в угол, но оставили в том положении, когда он ещё может о чём-то думать.

— Господин хочет казнить вас... Недавно отсюда сбежала девушка... Она — его дочь... Но раньше мы её никогда не видели... — служанка снова всхлипнула, достала из кармашка передника носовой платок и стала вытирать слёзы со своего лица. — Она для чего-то нужна ему... Я подслушала... — Кая продолжала плакать, отчего её речь казалась ещё более сбивчивой. — А потом... Потом господин Седрик говорил про принцессу Марию... А ту девушку тоже звали Марией... И я...

Альфонс подошёл к ней и присел рядом. Неужели она тоже была здесь? Но неужели тот человек, тот мрачный и злой помещик — её отец? Или служанка ошибается? Или говорит неправду?

Реми вскочила с кресла, взмахнула руками и подбежала к другу принцессы, коснулась его плеча, потом наклонилась к Кае, подержала её за руку, дёрнула за волосы. Так же предсказательница дала подзатыльник Седрику, пытаюсь последовать примеру Марии, и всунула в руки Розы пригоршню леденцов, которые успела найти в ящике стола в этой комнате.

— Я хочу вам помочь... — пробормотала служанка, испуганно косясь на радостно прыгающую по всей комнате Реми.

Седрик и Альфонс переглянулись. Выбор у них всё равно не слишком велик. Либо остаться в этой комнате и быть казнёнными в самое ближайшее время, либо довериться неизвестной девушке, которая вполне могла солгать, чтобы привести их в ловушку.

Маг никогда не бывал в таких ситуациях. Самое страшное, что раньше могло его ожидать — плохая отметка по одному из предметов в Академии. Мать его почти никогда не ругала. Она вообще довольно хорошо умела себя контролировать, если, конечно, не приходил один из её братьев. Этим двоим ведьма просто ненавидела.

— Как ты это сделаешь? — недоверчиво поинтересовался друг принцессы.

Служанка достала из другого кармашка передника какую-то бумагу и протянула её парню. На ней красовались королевский вензель и подпись первого министра, фактически управлявшего страной.

Что можно сказать об этом первом министре? Пожалуй, то, что человек этот был уже немолодой, но ещё и не старый, на вид ему вряд ли можно дать больше сорока, но было прекрасно известно, что уже тридцать пять лет как он приступил к своей должности. Волосы у него казались тёмно-серыми из-за прослеживающейся седины, которая, однако, ещё не покрыла всю его голову. Так же имел он пронзительно-ясные серые глаза, которые видели и запоминали всё, что возможно было увидеть и запомнить.

Когда он пришёл на свой пост? Дата была хорошо известна, это был пятый день рождения единственной дочери короля, Кассандры. Это было прекрасное время, которое редко выпадает государству и народу — двум понятиям, которые должны быть неразделимыми, но являются вполне самостоятельными.

Сколько лет ему было тогда? Вряд ли больше тридцати. Тогда он был ещё очень молод и вступил в должность только благодаря помощи подруги своей сестры, возраста которой также никто не мог дать, так же, как не было известно и то, старше она была его или моложе, Джулии Траонт, которой он был обязан и так. Как именно? Никто не знал.

Так же про него было известно, что человек этот был, в общем, добрый, хоть и суровый. Он прекрасно справлялся со своими обязанностями, добросовестно выполнял свою работу.

Женщины его обожали, он их тоже, что, впрочем, не помешало ему остаться холостяком. Он прекрасно находил время для развлечений, даже решая самые сложные государственные задачи.

Его вряд ли кто мог застать за требованием или присвоением какой-либо суммы денег, которую он не имел право брать. Он также никогда не пытался дать кому-либо взятку, что в его положении вряд ли было бы оправданным.

Это был тот человек, который любил быть почвой для слухов и сплетен, но сам подобными вещами не занимался.

Это был человек, к которому обращались за помощью в особо трудных ситуациях, но... Для того, чтобы попасть к нему на приём, нужна была всего лишь одна вещь — его подпись на каком-либо документе. А свои автографы ставить он не любил.

Седрик изумлённо посмотрел на подпись, потом на Каю. Откуда простая девчонка могла это достать? Если не всем знатным людям королевства выпадала подобная честь? О чём, впрочем, маг и спросил у служанки.

— Да какая разница?! — был он перебит всё ещё раздражённым Альфонсом. — Для начала хорошо было бы узнать, что это!

Кая осторожно приблизилась к другу принцессы, оглянулась кругом, уточняя, нет ли по близости кого-либо из тех, кто мог подслушать её признание в том, что она смогла из-под

носа воровки в доме госпожи Траонт стащить письмо, которая та хотела своровать.

— Это телепортационный лист. Если произнести определённое заклинание, окажешься в кабинете первого министра... Откуда? У леди Траонт одна служанка украла письмо, а я...

Чародей возмущённо посмотрел на горничную. Он не понимал, почему нельзя было просто вернуть бумагу его матери. Девушка посмотрела на него своими огромными голубыми глазами и вздохнула.

— Вы удивлены, почему я не вернула это хозяйке? Я хотела, правда! Но... Кое-что случилось, и меня перевели сюда...

Альфонс понимающе посмотрел на девушку и спросил, что именно надо произносить. Та пожала плечами и ответила, что никогда не интересовалась этим, а идя сюда, думала, что это должен знать молодой герцог Траонт, сын её хозяйки.

Реми подскочила к Седрику и, подёргав его за рукав и заметив, что реакции не последовало, подошла ещё поближе и попыталась укусить его. Роза засмеялась. Альфонс и Кая всё так же стояли и перешёптывались о чём-то. Вероятно, о возможности побега из этого замка.

— Ну, пожалуйста, Рик! Пожалуйста! — всё прыгала вокруг мага “птица”, пытаясь хоть как-то уговорить его произнести то пресловутое заклинание, чтобы они отправились к министру.

Волшебник лишь отнекивался, ссылаясь на магические законы и на то, что его матери могло бы это не понравиться, и возмущённо фыркал, прося не коверкать его имя.

Рыжеволосая предсказательница зло посмотрела на него и, наконец, отошла, возмущённо размахивая руками и наигранно пожимая плечами, проходя рядом с Альфонсом.

— Если мы тут все подохнем — ты будешь виноват! — отгрызнулась она, плюнув Седрику под ноги.

Роза вскочила и спряталась за спиной друга своей сестры. Тот молча пригрозил магу кулаком, так же показывая жестом, что умрёт чародей первым и не на плахе.

Седрик тяжело вздохнул, подошёл к Альфонсу, попросил всех приблизиться и что-то пробормотал. В следующую секунду эта весёлая компания оказалась в совершенно незнакомом для них месте.

===== I. Глава четырнадцатая. Второй осколок фантазий. =====

Огромных зеркал в этом мире полно,

Куда захотел — ты заглянешь,

Но разве из всех ты найдёшь ли одно,

В котором твои жизнь и совесть?

То зеркало, может, поменьше на вид,

Но разве всё это так важно?

Оно, может быть, ввысь, как птица, взлетит,

Когда ты его приоткроешь.

В нём нет ни следа от той жизни,

Которой в тебе больше нет,

Зато, там есть то, что отныне,

К мечте тебя приведёт.

Там нет ни цветов, ни оврагов,

Ведь ты их не любишь. Как быть?

Зато океаны и море шумят,

Хоть они и вдали.
Забудешь ли ты или вспомнишь,
То зеркало рядом всегда,
Но разве его ты заметишь,
Когда вокруг столько зеркал.
Огромных зеркал — миллионы,
А то, хоть одно, ты пройдёшь,
Но именно там эти горы,
Ты так их любил... Так давно...
Там мысли и чувства, и горе
Бушуют. Но вряд ли поймёшь.
Там нет ничего, чего ты бы,
Увидеть не захотел.
То зеркало — ты, а не кто-то,
Но вряд ли захочешь понять,
Ведь чужих тех зеркал — миллионы,
А оно, хоть своё, но одно.

Кое-как устроившись на узеньком подоконнике в комнате приютившего её призрака Деми, едва ли Мария могла теперь думать о возвращении домой, где её мало кто ждал. Конечно, была мама, которая наверняка сильно волновалась, не застав дома двух своих дочерей, та ведь должна была приехать уже сегодня, была Роза, которую туда обязательно нужно было вернуть, та ведь была ещё такой маленькой и наивной, но...

Пожалуй, ей уже даже совсем не хотелось возвращаться туда, в пыльный, маленький провинциальный городок, в трёхкомнатную квартиру на его окраине. Чего хорошего было в той скучной жизни, чтобы так страстно хотеть вернуться к ней? Разве что спокойствие...

Но разве спокойствие — самое главное?

Но не признаваться же в этом тому дубине Седрику, которого придётся также и благодарить! Всё-таки, для гордости это было бы довольно большим и весомым ударом и потрясением.

Деми был тем существом, которое может увидеть лишь тот, кого оно само захочет видеть. Но почему парню для этой цели понадобилась именно она, обычная земная девушка, хоть и фантазёрка?

Едва ли она могла заинтересовать его своей внешностью. Самая обычная девушка-подросток, довольно высокого, но, всё-таки, не слишком роста, со светлыми короткими волосами, торчащими во все стороны и лезущими иногда прямо в глаза, что особенно злило Марию.

Чем тогда? Внутренним миром, в котором принцесса сама не могла разобраться из-за тех существ, которые были выдуманы ей? Своими размышлениями о побеге, смысле всего происходящего и конкретной точки зрения, или эмоциями, которые она тогда испытывала? Вряд ли... Они ведь тогда ещё даже разговаривать не начали! Что уж говорить о более близком знакомстве?!

Конечно, Мария теперь уже знала и даже почти не удивлялась тому, что призраки, оказывается, умеют читать чужие мысли. Она где-то читала про такое, но... Разве будешь верить всему, что написано в книгах?

Но вряд ли будешь думать о чём-то грандиозном в тот момент, когда тебя хотят поймать

и неизвестно что с тобой сделать. Вот и Мария не особенно думала о чём-то, кроме того, что здесь ей делать точно нечего.

Вряд ли она в тот момент думала о чём-то таком, что можно было бы, прочитав её мысли, понять, что она за человек, как жила, какие имеет принципы и убеждения, какую цель преследует, какие взгляды считает правильными... Вряд ли Деми мог это увидеть и понять в тот момент...

— Что, думаешь, я должна теперь делать? — задумчиво проговорила она, взглядываясь в те просторы, которые открывались ей.

Привидение удивлённо посмотрело на неё, как девушке показалось, даже что-то пискнуло от неожиданности. Оно пожало плечами и тоже уставилось в окно. Эти виды ему были хорошо знакомы, они даже успели поднадоесть ему, хоть паренёк и любил природу. Ему хотелось видеть что-то новое, кроме этого. Но тела не было, а духом он не мог путешествовать за пределами замка.

Вдруг он исчез. Мария повернулась и никого не нашла взглядом, что заставило её снова заволноваться и даже слезть с подоконника и закрыть окно. Деми снова материализовался, правда, в этот раз у огромного стеллажа с книгами, пыльными и серыми.

Принцесса потянулась к ним рукой, но паренёк одёрнул её, сказав, чтобы пока ничего не трогала, никуда не лезла и ничего не говорила, пока он не найдёт то, что может ей пригодиться.

— Это есть решение... — нерешительно прошептал он. — Я думаю, именно это... Ну... Надеюсь...

Приведение на время замолчало, перебирая кое-какие книги, которые, по его мнению, могли послужить какой-то помощью для этой странной девушки, которая пряталась некоторое время назад в шкафу, стараясь быть никем не замеченной. Она определённо казалась ему странной, но он понимал её.

Когда-то Деми сам был Избранным...

Это было давно, воспоминания уже притупились, но в груди ещё было то ощущение слепой гордости и довольство, которые даются вместе с какой-то отличительной чертой человеку.

Так же молчал мальчик ещё оттого, что взвешивал свои слова. Не дал ли он ложную надежду этой своей новой знакомой? Не слишком ли это жестоко? Говорить, когда сам в этом не уверен...

— В этой книге — обучение для Избранных... — пробормотал паренёк, показывая на один из всех тех томов, стоящих на полках его стеллажа. — Как только ты дотронешься до неё, пути назад не будет...

Мария заинтересованно протянула руку, но Деми снова одёрнул её. Девушка что-то возмущённо зашипела, но привидение, казалось, не слышало этого. Оно продолжало... стоять? Стоять к ней спиной.

— Дотронувшись до неё, ты по очереди попадёшь в семь разных сказок, которые тебе известны... Они — история для нас, для вас — лишь глупая детская выдумка... Ты не сможешь перейти в другую сказку или вернуться сюда, пока не разберёшься с каждой из них.

Принцесса кивнула, пытаясь подтвердить этим, что она всё слышала, всё понимает и не будет никого винить, если что-то произойдёт. Мария снова посмотрела на ту книгу и протянула руку к ней, потом остановилась, будто одёргивая саму себя, посмотрела на призрака, который тоже кивнул, и, наконец, дотронулась до краешка той книги.

Что происходило дальше, она вряд ли могла внятно объяснить. Поднялся какой-то странный вихрь непонятного нежного светло-лилового цвета, словно обнявший девушку. Она заволновалась, хоть и не настолько сильно, как тогда, оказавшись в покоях у некоего Теодора.

Ей вдруг по-настоящему захотелось помочь этому миру, даже не именно ему, захотелось помочь самой себе понять то, что она, всё-таки, “кто-то, а не так...” Песенку с такими словами пела ей когда-то мама, но...

Это было так давно...

Мария повернула голову, чтобы посмотреть, что происходит. Ничего не менялось. Она по прежнему была в том странном вихре. Он будто состоял из очень мелкой блестящей пыли, которая при всех этих качествах почему-то не пыталась залезть в глаза или в рот. В этом столбе кружащейся пыли не хотелось предпринимать ничего, чтобы как-то выйти или поменять местоположение.

В душу лезло то спокойствие, которое, при взгляде на него со стороны, леденит душу. Принцесса, наверное, могла бы испугаться, но... Было это “бы”...

Однако, вихрь вдруг утих, и девушка оказалась в совершенно незнакомом ей месте. Это был пыльный и грязный, с невысоким потолком и местами провалившимся полом, чердачок. Окошечко было маленьким, света оно почти не пропускало.

Было темно, будущая королева, пытаясь сделать хоть какие-то шаги, умудрилась грохнуться, сделав этим самым много шума. Между прочим, не столько даже падением, сколько руганью.

Дверь, которую едва могла разглядеть Мария, приоткрылась, и в комнатку вошла пожилая женщина. Роста она была довольно высокого, имела худощавое телосложение. Руки её дрожали мелкой дрожью, глаза, имевшие довольно тёмный цвет, смотрели зло и резко, лицо было испещрено глубокими морщинами, которые почему-то казались несколько неестественными.

Девушка отшатнулась от этой женщины. Что-то было в хозяйке этого дома пугающее. В первое мгновение принцессе подумалось, что она попала в дом к какой-то старой ведьме, но потом мысль показалась ей не слишком правдоподобной.

— Перестань прохлаждаться! — прикрикнула женщина. — Спускайся вниз! Полы сами себя не вымоют!

Мария недоуменно посмотрела на неё. Удивление, пришедшее в первую минуту, начинало сменяться раздражением. Да кто эта старая тётка такая, чтобы приказывать ей, свободному человеку?!

Она не помнила, как подскочила к этой женщине, как скинула что-то с невысокой тумбочки, случайно ударившись при этом рукой, как чуть не вцепилась в волосы хозяйки этого дома. Как что-то прокричала.

Ей снова приказали, но девушка даже не думала о том, что следовало бы просто сделать то, что ей говорили. Тогда не было бы многих проблем. Но она не слушала тот странный внутренний голос, шептавший ей, чтобы она перестала досаждать этой бедной женщине и всё исполнила.

— И не подумаю! — крикнула она. — Найдите себе служанку и заваливайте её работой! А меня оставьте в покое!

Женщина сдавленно что-то пискнула, вскинула руками и замерла. Потом, она, словно выйдя из некоей спячки, подошла к Марии, схватила её за шиворот, потянула на себя и...

отпустила.

— Ты не Золушка... — растерянно, чуть не плача, пробормотала та “тётка”.

Принцесса кивнула. Она только сейчас поняла, в какую именно сказку попала. “Золушка”... Её самая нелюбимая сказка... Почему? Потому что ей всегда больше было жалко мачеху, а не эту смазливую дурочку, которой в конце достались и принц, и карета, и туфелька, и королевство...

Перед ней стояла та самая мачеха.

Странно... В сказке она была описана совсем по-другому. Это была усталая, измождённая женщина, которой, скорее всего, пришлось многое пережить. Её худоба была слишком неестественной, весь её вид говорил о том, что она вынуждена была одна поднимать двоих дочерей перед тем, как снова выйти замуж.

Когда эта женщина отпустила её, Мария рухнула на пол; не сказать, что она уж слишком больно при этом ударилась, но... больно было. Отпускать её можно было и осторожнее!

Мачеха развернулась и пошла к выходу из той маленькой комнатки. Девушка задумалась. Ей было сказано устраивать судьбы сказочных персонажей... Но ведь никто не сказал, каких именно...

— Подождите! Пожалуйста! — крикнула принцесса вдогонку хозяйке этого дома. — Я могу как-то вам помочь?

Женщина повернулась к ней и совершенно беспомощно кивнула. Она казалась настолько жалкой и несчастной, что мало кто смог бы пройти мимо, решившись не помогать ей.

— Да... Если можно... — прошептала она и заплакала.

Мария подошла к ней, та осторожно спустилась по лестнице, девушка пошла следом и очутилась в большой просторной комнате, отделанной строго и просто. Тут было светло и чисто. Около одной из дверей сидела девочка лет двенадцати и играла с куклой.

— Ой... — пробормотала девочка. — Мама! А кто это?

Женщина всхлипнула и отвернулась, невнятно прошептав что-то про то, что это подруга одной из сестёр девочки. Та подошла к Марии и протянула свою маленькую кукольную ладошку.

— Меня зовут Бэтти! — представилась она.

Принцесса могла лишь кивнуть в ответ на это. Отчего-то в этом доме всё казалось ей привычным и знакомым. Она не знала, отчего именно: мысли на этот счёт старательно не хотели приходить ей на ум.

— Меня — Мария! — ответила Бэтти девушка, судорожно пытаясь вспомнить то, что она забыла.

Женщина подошла к девочке и ласковым голосом попросила спуститься в детскую. Та, на удивление будущей королевы, послушалась и выбежала из этой странной пустой комнаты.

— Я нигде не могу найти Золушку... — прошептала мачеха обессиленно. — Скоро бал, а никто не готов...

Мария кивнула, вспоминая про бал, описанный в той книжке, которую она читала.

“Кавалеры в красивых расшитых золотом мундирах приглашают на танец дам, одетых в не менее красивые платья. Они начинают кружиться в танце, напоминая золотую осеннюю листву, сдуваемую и подхваченную сильным ветром. Всё это сверкает. Горят сотни свечей, зеркала отражают их свет. Всё выглядит так, будто ничего этого быть не может...”

— Я помогу вам её найти, — уверенно проговорила девушка.

Р.С. Дорогие читатели! Я понимаю, что, может быть, у вас нет времени на отзывы, но всё же...

===== I. Глава пятнадцатая. Третий осколок желаний. =====

Сияет в небе солнце золотое,
Но почему-то меркнут небеса,
На небе радуга и радуются взоры,
Но скоро рухнет мир. Всему конец.
Ты появился там совсем случайно,
Тебе не нужен этот мир. Ему — чужой.
Ты одинок, хоть этого не хочешь
Признать хоть даже перед палачом.
Тебе двадцать пять лет. Ещё ты молод,
Хоть думаешь, что знаешь всё.
Неправда. Нет того на свете,
Кто всё бы знал и всё, вообще, умел.
Ты видел горе? Нет, его не видел.
Ты знаешь радость? Нет, её забыл.
Ты можешь всё спасти, но ты не хочешь.
Ты — здесь чужой. Зачем тебе спасать?
Миф, сказка иль предание, легенда...
Ты в этот мир пришёл ещё вчера.
Уже мрачнеют люди, плачут дети,
Но ты не думаешь о них. Лишь о себе.
Сияют звёзды, дует лёгкий ветер,
Ночное небо — вот где благодать.
Ты это видел, это тебя тронет
До глубины души, хоть ты не рад.
Листва уже желтеет. Скоро осень.
Ты видел это всё уже не раз.
И вряд ли тронет это твоё сердце,
То, что известно, для тебя скучно.
Дороги в ямах, ты там не проедешь.
Тебе не больно видеть наш развал,
Не больно видеть то паденье, горе.
Ты тут чужой. Тебе всё всё равно.
И хоть сияет в небе солнце золотое,
Но почему-то меркнут небеса.
Ты — здесь чужой. Тебя здесь не жалеют.
А ты забыл, что можно сожалеть.
Один всегда. Везде. Один на воле.
Просторы любишь ты больше людей.
Свобода для тебя — главное слово,
Но может быть ты вспомнишь о себе?
Тебе едва ли было пять, когда впервые
Грозу ты увидал и услышал.

Её боялся. Что тогда свобода?
Тебя никто не пожалел, ты не забыл.
Ты никогда не забывал то зло,
Которое тебе оказано людьми,
Но почему-то, забывал добро,
Которое они тебе дарили.
Ты одинок, хоть этого и не хотел.
Твоя же жизнь всё это сотворила.
Ты не любил людей, они — тебя.
Кого теперь винить? Теперь уж поздно.
Сиял весь небосвод, ты не заметил,
Ты просто уходил, не зная сам куда.
Бежал от всех, чтобы стать ближе к солнцу,
Но отчего тогда ты — тёмный маг?
Всегда ты шёл своей дорогой,
Из человеческих страстей строя мосты,
Ты презирал, любви не зная вовсе.
Ты умирал, но тут же воскресал.
Тебя не примет ад. Ты даже для него ужасен.
Убийца той семьи, которой след в тебе
Остался навсегда, хоть ты того не хочешь.
Твоя, ведь, совесть не совсем же умерла.
Сияет в небе солнце золотое,
Но для тебя всё также меркнет небосвод.
Смеются люди, дети — отзывается всё болью
В измученной, истерзанной душе.
Твоя душа давно уже разбита
О тот кинжал, которым убивал.
Убийца, ренегат и чернокнижник.
Тебе нет места на этой Земле.
И рушатся желанья, которым
Всегда был верен, несмотря на то,
Что все врагами тебе стали, сам виновен.
“Но в чём?!” — кричит твоя душа.
Виновен ты в предательстве кого-то,
Но ведь ты спас весь мир же от него.
Виновен в том, что ты не тот ребёнок,
Которого никто не пожалел.
Ты стал другим. Что может быть дурного?
Ты — человек, меняешься порой.
Ты ненавидишь всех, кто ненавидит мага,
Тебя, познавшего запретный дар.
Тот дар в твоей груди живёт и дышит,
Ты забываешь всё, почувствовав его.
Твоя душа робеет, его видя,

Ты стал великим, слушая его.

Сияет в небе солнце золотое,

Но почему-то меркнут небеса...

И только ты всё это видишь.

За что всё это? Ты разве лучше стал?

Нет, нет. Не стал...

Паул был тем человеком, которого мало кто любил. Про него немногие могли сказать хорошее слово. Он был молод, ему скоро должно было исполниться двадцать шесть лет. Жил он совершенно один, все боялись приближаться к его жилищу, обходили стороной, маленьким детям рассказывали страшные сказки про него. Он был отшельником и совершенно не жалел об этом.

Ему едва минуло десять лет в тот день, когда он впервые начал заниматься тёмной магией. Детское увлечение переросло в страсть, потом — в потребность, а следом — и в дело всей его жизни. Он просто боготворил Тёмные Искусства, уже не мог жить без этого, считал их вершиной могущества человека и как мог приносил свой вклад в эти Искусства.

Лет пять назад он почему-то связался с Теодором Траонтом, помогал ему, начал заниматься киллерством, но год назад предал лорда. Он сам не понимал, зачем это сделал. Это был скорее секундный порыв, нежели что-то тщательно спланированное. Чернокнижник корил себя за это предательство. Даже не столько за само предательство — это он бы мог понять в себе, — сколько за минутную слабость, когда он поддался эмоциям и испортил всё хорошее, что мог сказать о себе Теодору за четыре года службы.

С герцогиней Джулией он никогда не пересекался. Зачем ему это было нужно? Вряд ли бы он получил что-то полезное от встречи с ней. Да, она была богата, знатна, красива, хорошо владела многими видами магии, но молодому магу было от этого не холодно и не жарко. Хотя... Один раз встречи с ней был. Чёртова болезнь одного из почтальонов лорда Траонта, когда он устраивался на работу!

Гораздо более плодотворными были огромные труды, литературные, энциклопедические, практические по тёмной магии. Это был его конёк. Это одновременно была и его жизнь.

После своего предательства Паул не мог больше оставаться в замке графа. Это было бы равносильно самоубийству, а умирать в таком молодом возрасте, да ещё и не окончив свою работу, молодому мужчине совсем не хотелось.

Он остановился в довольно большой пещере. Там уже сорок лет никого не было. Раньше она принадлежала старой наставнице леди Джулии. Маг не знал об этом. Просто это было хорошее место для того, чтобы остановиться и спокойно заняться тем, о чём он всегда мечтал.

Туда никто не должен был заходить, там было спокойно. Так же географическое положение говорило о том, что магией можно заниматься, абсолютно не опасаясь чужих взглядов: ближайшая деревушка была в десяти километрах от пещеры.

Но кто мог предположить, что именно в жилище довольно безобидного — если, конечно, ему не мешать, — чернокнижника явится странная компания из пяти человек. То была рыжеволосая пятнадцатилетняя предсказательница будущего, по глазам которой было прекрасно видно, что ей всё интересно и что она везде сунет свой нос, маг-недоучка, выглядевший чуть постарше этой девочки, но оттого не менее смешно, семнадцатилетний парень, совершенно не обладавший какими-то магическими способностями, из чего тёмный

маг сделал вывод, что он не из их мира, перепуганная бледная девушка-служанка и маленькая девочка, которую обижать было бы стыдно даже Паулу.

Тот отвык от общества за последний год, и любое общение причиняло ему неудобства. За всё то время он говорил лишь с трактирщиком, которого время от времени пугал до полусмерти своими трюками для того, чтобы тот отдал ему какое-то количество еды бесплатно. Всё-таки, чернокнижник был человеком, которому нужно и кушать иногда, хоть и обладающим магическими способностями.

Он с интересом наблюдал за этими детьми. Те с некоторым ужасом смотрели на него и не решались ничего сказать. Магу это нравилось. Он всегда любил, когда его боялись, а теперь...

— Э-э-э... — замялась рыжая предсказательница. — Здрате?

Мужчина мрачно посмотрел на неё. Это был весёлый нескладный подросток, видимо, ещё не вышедший из психологического состояния, называемого “маленький любопытный ребёнок”. Она смеялась совершенно искренне. Чернокнижник не мог понять этого.

Девочка внезапно подскочила к одному экспериментальному, ещё не опробованному зелью, сваренному некромантом на досуге. Он лишь махнул на это рукой. В конце-концов, надо же на ком-то это испытать!

— Здравствуйте... Кажется, нас не туда перенесло... — пробормотал семнадцатилетний парень без способностей, с укором глядя на мальчика-мага, который растерянно смотрел в пол.

Паул резко кивнул головой и подошёл к одной из своих недописанных книг, всем своим видом показывая, что его отвлекли от важного дела и что этим детям нечего делать в его доме.

Мальчик-маг был постарше предсказательницы и учился в Академии магов, самой бессмысленной и глупой Академии во всём этом мире, по мнению чернокнижника. Тот, сам нигде никогда не учившись, знал много больше любого выпускника того учебного заведения.

Внезапно мужчина услышал звук бьющегося стекла и снова переключил всё своё внимание на предсказательницу, которая с многозначительным “ой!” пыталась запихнуть в щель между шкафом и полом осколки разбитого ей стакана с зельем.

— Реми! — воскликнула испуганно маленькая девочка.

Её голос был настолько жалким и беспомощным, что магу даже стало отчего-то стыдно, что он рассердился на ту дурочку, которая вылила его бесценное зелье. Это было странное чувство, которое он хотел запрятать поглубже, чтобы больше оно никогда не появлялось.

— Ничего страшного, — мрачно сказал Паул. — Это было всего-то бесценное зелье в единственном экземпляре...

Малышка всхлипнула и разрыдалась. Чернокнижнику снова стало стыдно. И при этом он же ничего плохого ей не сказал, вроде бы. Он услышал шёпот того парня, который не обладал магической силой: “Как ему не стыдно! Она же ребёнок!”

— Я зелье целый день варил... Не помню, из чего, поэтому такого больше не будет... — заметил маг не менее пессимистично, чем всё то, чем он занимался.

Альфонс с укором посмотрел на него, давая понять, что тот неправ. Мужчина лишь пожал плечами, сел за стол и начал строчить что-то в одном из многочисленных разбросанных по полу блокнотов.

Седрик испуганно озирался по сторонам. Так ему напоминало это место ту пещеру, в которой его мать, по её же рассказам, училась. Джулия порой любила немного пугать своего

ребёночка, чтобы тот “вырос умненьким и разносторонним мальчиком”, но получалось, скорее, наоборот. Чародей никогда не любил страшилки, которыми его без конца пичкали и мама, и “любимый” — ну, теперь уже точно в кавычках — дядя.

“Сынок! Запомни на всю жизнь: никогда не позволяй кому-либо манипулировать тобой и куда-то завлекать! Я тебе говорю, как человек опытный в этом деле. Притом, с обеих сторон. Когда-то меня забрала к себе в обучение одна карга. Ты не подумай, сынок, ничего такого, я ей даже немного благодарна. Она заставляла нас выполнять чёрную работу, заниматься магией. Фу! Бр-р... Как вспомню, что занималась светлой магией, так всю передёргивает... Я тебя, Седрик, не отдам никому в обучение. Лучше в Академию поступишь... Там все методы воспитания в кодексе прописаны... Так вот, та пещера была тёмной, сырой, мрачной. Отовсюду капало! Ужас! Куда смотришь?! Вот... Там не было ни одного окошка... Я говорила, что там было темно? Эта старая дура... Эй! Отойди от окна! Не высовывайся! Короче... Я пойду пока чай прикажу заварить...”

Тот рассказ матери нынешний выпускник Академии запомнил надолго, хоть он и был похож на большинство её историй. Просто это был тот день, когда к ней приехал один странный человек. Впервые. Седрик раньше никогда не видел его до этого.

Он был молод, это мальчик видел, а точнее, чувствовал, даже несмотря на то, что и фигура, и голос незнакомца были от него скрыты. От него веяло холодом и какой-то сухой одержимостью. Почему он, будучи ещё совсем ребёнком, так решил? Маг и сам не знал этого. А теперь, стоя перед жителем пещеры, ему почему-то вспоминался этот человек.

— Я нигде не мог вас видеть? — спросил паренёк осторожно.

Паул хмыкнул и посмотрел на назойливых посетителей. Он никогда не любил больших скоплений народа. Теперь даже группа в три-четыре человека казалась ему толпой.

— Ты как-то относишься к Траонтам? — усмехнулся чернокнижник и снова погрузился в переписывание чего-то из книги в свой блокнот.

Седрик ошарашенно посмотрел на него. Он начинал узнавать его. Узнавать его голос, походку... Узнавать то ощущение холода и фанатичного увлечения. Теперь парень видел, чем именно увлекался тот “гость”.

— Вы — тот человек, что приходил к моей матери пять лет назад... — прошептал он.

Некромант с вызовом посмотрел на него, словно бы говоря: “И что с того?”. Глаза — зеркало души? Сыну леди Траонт очень хотелось, чтобы это утверждение оказалось ложным.

Внезапно взгляд этого человека смягчился.

— К кому вы хотели попасть? — проговорил он абсолютно спокойным тоном без капли язвительности.

Реми закружилась по импровизированной комнатке, подбежала к нему, без тени смущения чмокнула в щёку и бросилась на шею. По её поведению нельзя было сказать, что ей уже исполнилось хотя бы десять лет, не то что пятнадцать. Она снова закружилась по пещере в своём собственном танце, который вряд ли мог кто-то понять.

Роза последовала её примеру и подбежала к чернокнижнику, который так и продолжал сидеть на своём табурете за столом, всё ещё держа каким-то чудом не выпавшую из рук книгу.

Кая тоже подошла к нему, но гораздо более осторожно, ещё тая в своей душе опасения насчёт того, что может сделать с ними этот человек. Она подошла к нему и сбивчиво рассказала о той ситуации, что произошла с ними. Паул расхохотался.

— Так это я, я леди Траонт фальшивое письмо подсунул! Зачем только телепорт

наложил?! Ну и ну! Не думал, что такое может произойти.

Тёмный маг продолжал смеяться. Редко кто мог привести его в такое состояние, что, однако, удалось хрупкой и робкой служанке лорда Траонта, Кае Файр. Фамилия несколько не подходила девушке. Над этим всегда любили посмеиваться её одноклассники, когда она училась в начальной приходской школе.

— Произошло... — мрачно пробормотал Альфонс, пытаясь уговорить Реми хоть минутку постоять на одном месте.

Мужчина прекратил смеяться, сделав над собой усилие, и подошёл к одному из своих сундуков, где хранились книги, артефакты и похожие на это вещи, относящиеся к тёмной магии.

Он достал один амулет, посмотрел на него, пробормотал какие-то непонятные другу принцессы слова, тот потемнел, одновременно засветившись непонятным цветом. Чернокнижник довольно оглядел дело своих рук и подошёл к перепуганной малышке Розе, надевая этот медальон ей на шею.

— Вот это, — показав жестом на амулет, сказал Паул, объясняя той части аудитории, которая абсолютно ничего не понимала во всех этих магических штучках, — артефакт детей и родителей. Он не слишком сильный по магическим меркам. Зато может перенести ребёнка к матери, мать — к ребёнку.

Седрик рассматривал медальон, вспоминая, как проходил это в этом учебном году.

— Он, — продолжил мужчина, — перенесёт вот её, — на этот раз он показал на Розу, — к её маме. А вы сможете спокойно заниматься поисками любого человека, который вам нужен, не беспокоя меня!

Маг снова что-то прошептал, и девочка словно растворилась в воздухе. Он знал, что этот ребёнок перенёсся в совершенно нужном направлении. Это был один из тех артефактов, который приходил в действие от нейтральной магии, а этот вид заклинаний бывший работник Теодора Траонта не слишком любил, но изучить кое-что пришлось.

Вот только как теперь успокоить этого парня? Он же магией не владеет, да и в то, что она существует, не верит, несмотря на то, что уже видел, как она приходит в действие, что совершает и...

— Говорите, не беспокоя вас... — медленно проговорил Альфонс, подходя к Паулу.

Седрик хотел схватить своего знакомого за плечи, чтобы тот не натворил глупостей, но был почти что отброшен в сторону. Чернокнижник абсолютно спокойно смотрел на друга принцессы, пока что никак не пытаясь защититься или перейти в наступление.

Тёмный волшебник осознавал своё преимущество. Ему нравилось это чувство.

***

Принцесса Кассандра чуть не потеряла сознание от радости, когда увидела свою младшую дочь здоровой и невредимой. Та подбежала к матери и бросилась к ней на шею, только увидев.

— Роза... — облегчённо вздохнула женщина. — Как вы меня напугали! Обе! Где Мария?

Малышка посмотрела на маму и разрыдалась. Она сбивчиво рассказывала ей всё, что произошло с ними, как только Седрик перенёс их в этот мир. Рассказывала, как встретили смешную девчонку Реми, как Мария куда-то ушла, а Альфонс помогал найти её, как приходилось спать в развалившемся сарае, как потом они попали в дом к злому дяде, который хотел их убить, как служанка того лорда спасла их, случайно отправив в

непонятную пещеру, как человек из этой пещеры отправил её сюда.

В комнату вошёл Генрих. Он был бледен. Никто не сумел найти ни одну из его внучек. Увидев Кассандру, которая крепко обнимала своего ребёнка, которого наконец нашла, старый король вздохнул.

— Это — твой дедушка, Роза, познакомься... — прошептала Кассандра, заметив отца.

Девочка осторожно взглянула на него и абсолютно искренне улыбнулась. Ей было приятно увидеть его. Она никогда не видела этого человека, но, смотря на многих девочек из класса или со двора, всегда мечтала об отце или хотя бы о дедушке.

Теперь её мечта начинала сбываться...

P.s. Развёрнутые, подробные отзывы, с критикой и без, стимулируют автора на написание проды.

===== I. Глава шестнадцатая. Четвёртый осколок воспоминаний. =====

Воспоминаний сонм всего дороже.

Та жизнь была, давно уже прошла,

Но ты всё веришь, ждёшь и поминаешь,

Хоть сам уже давно решил, что всё.

Теперь не будет той спокойной жизни,

Не будет света и тепла в душе,

Не будет песен радости и горя,

Воспоминаний сонм — вот всё, что есть.

Осколки зеркала валяются повсюду.

Один возьмёшь — и всё, увидел ты

Не то, чтобы всю тьму или всё горе,

Всю серость, нет которой ведь страшней.

Не помнишь то, кем был когда-то,

Не знаешь то, кем можешь стать,

Ты видишь только боль, страданье,

Которым больше нет в тебе ответа.

Ты забываешь то, что должен помнить.

То — вера, свет, надежда и любовь,

И узнаешь всё то, что знать не должен.

То — злость и страх, и боль, и торг.

Боишься видеть и боишься вспомнить,

Хоть ты уже давно теперь никто.

Без снов и горечи, без слов и страха

Уже ты можешь жить. Как странно то...

А помнишь, был ребёнком златокудрым,

Любил, прощал и просто жил,

Ты не смотрел на горе и обиды,

Тебе они всегда были чужды?

Ты помнишь? Мы всегда дружили.

Потом прошло. Хоть горько вспоминать.

Ты помнишь? Ты смеялся над влюблённым,

Считая его просто дураком...

Но, полюбив, теперь всё забываешь.

Мне не понять. Теперь уж не понять.
Ты помнишь? Ты всегда был оптимистом,
Всегда умел сказать иль пошутить.
Меня нигде ты не найдёшь теперь уж.
Я зеркало. И зеркало души.
Меня увидеть ты уже не можешь.
Тебя увидеть я уж не могу.
Прощай навеки, вряд ли сожалеешь,
Что никогда не сможешь стать другим.
Воспоминаний сонм всего дороже.
Та жизнь была, давно уже прошла,
Но ты всё веришь, ждёшь и поминаешь,
Хоть сам уже давно решил, что всё.

Помочь найти того, кого ни разу не видел, довольно трудно, согласитесь. Мария уже думала об этом. Конечно, детям часто читают сказку про такого персонажа, как Золушка, но внешность её там никто детально не описывает. Будто слово “красивый” есть какое-то конкретное определение!

Принцессу сейчас дико раздражало всё, что могло ей помешать в поисках той странной девицы, на которые она согласилась. Даже не согласилась, почти добровольно ведь предложила.

Теперь она с самым глупым видом, который только могла представить, ходила туда-сюда по саду и периодически орала: “Золушка, отзовись!”. В голову никаких других мыслей не лезло, так что...

Хотя... Девушка вдруг задумалась и поняла, что по сказке этой проклятой оборванке, из-за которой ей приходилось носиться по саду в самый солнцепёк, помогала какая-то крёстная. Фея, что ли?

Мария присела на лавочку, что стояла где-то в глубине сада, решив немного подремать до того времени, когда все поедут на бал. Там наверняка она сможет найти эту Золушку.

По той сказке, которую ей читали в детстве, эта девушка появилась во дворце короля в полночь... Или она оттуда смоталась в полночь? Принцесса вздохнула. Ну, вот так всегда! Почему нельзя было указать в той проклятой книжке, когда именно эта оборванка в платье-иллюзии туда приехала и когда именно она оттуда сбежала, оставив на ступеньке... Веер? Или что там... А! Точно! Башмак свой!

Но Марии та фея-крёстная на помощь точно не придёт. Только мешать ещё будет... Что же тогда делать? Да и на бал тоже в таком виде не явишься. Там же дресскод! Может, платье у одной из тех девиц тихонько стырить? По сказке та дура, Золушка, об этом почему-то не подумала...

Дождавшись заката, сидя, даже почти лёжа на покрашенной недавно скамеечке, которую она облюбовала, девушка осторожно прокралась в комнату одной из дочерей мачехи и взяла платье, самое обычное, простое, зелёного цвета, длинное, без всяких оборочек, кружев и рюш....

Да... Конечно, в таком наряде на этот карнавал идти тоже не самый лучший вариант, но пересилить себя и одеть что-то более праздничное и нарядное принцесса так и не смогла. Единственным огорчением было то, что её любимый спортивный костюм, который она на себя напялила перед началом путешествия в сказку, в некоторых местах был окрашен в

красный цвет. Ну... Скамейка зато осталась с белым силуэтом посередине сидения... И то неплохо...

Туфли она надевать не стала — вся обувь была ей мала — и осталась в своих любимых серых кроссовках, которые было видно, даже несмотря на то, что платье было довольно длинным.

До отправления на бал время ещё было, хоть и не так много, как хотелось бы, поэтому Мария нашла чистый стакан, взяла его, тихо спустилась в сад, собрала себе побольше ягод в дорогу и уселась на подножку для лакеев, которых она без проявления всякой злости или агрессии, как ей казалось, оттуда согнала. Лакеи не посмели даже пожаловаться своей хозяйке.

Скоро появились и мачеха, и её дочери, и лесоруб, отец этой Золушки. Они сели в карету, не заметив исчезновения некоторых лиц и появления одного нового.

Марии это было на руку, поэтому обращать их внимание на себя любимую девушка не стала, хотя чуть не выдала своё присутствие кашлем, когда этот транспорт тронулся с места. Она даже вдруг вспомнила, как ей в детстве всегда говорили: “Не ешь в транспорте во время движения!”. Правда, принцесса не совсем была согласна с этим. Как раз во время движения жевалось ей вполне неплохо. Ужасно было, когда только начиналось движение или внезапно прерывалось.

Путь до дворца был довольно странным. Вся дорога оказалась усеяна камнями различной величины, за счёт чего карета постоянно подпрыгивала, а девушка поминутно давилась ягодами, которые ей было жалко выкинуть или часть из них выплюнуть.

Также эта дорога была очень узкая, ветки деревьев и кустарников не подстригались, видимо, годами и постоянно хлестали карету. Будущей правительнице сказочного королевства это совсем не нравилось. Приходилось постоянно руками придерживать ветки, чтобы они не хлестнули ей по лицу. Было совершенно невозможно есть!

Наконец, где-то вдалеке показался замок, который был очень похож на ту “диснеевскую хрень из мультика”. Так же, наконец, стала хорошей дорога. Не было теперь камней, веток... Можно было спокойно поесть чёрную смородину и наслаждаться видами.

Вот, правда, сделать последнее было затруднительно.

Ну, не нравился девушке этот замок! Да и сад тоже. Всё было слишком искусственно и... сказочно... Вот в замке графа Дракулы Мария с удовольствием побывала бы. Даже на месте жертвы! А тут...

Наконец, карета остановилась, девушка снова поперхнулась доедаемыми ягодами и даже грохнулась со своего укромного местечка. Грохнулась она с громкой руганью, но этого почему-то никто не заметил. Наверное, так были заняты этим праздником. А что это был за праздник?

В какой-то книге, которую читала младшей сестре принцесса, было сказано, что это был день рождения принца, в какой-то другой — короля, в третьей — просто помолвка с кем-то. Или помолвка после?

Мачеха с дочерьми и мужем прошла во дворец. Мария тоже хотела это сделать, но решила дождаться удобного момента. Всё-таки, если ее обнаружат прямо сейчас, будет неинтересно.

Войдя, наконец, в танцевальный зал, девушка чуть не грохнулась. И не от того, что была поражена убранством этого зала — хоть это и имело место, правда, в плохом смысле этой фразы, — а просто оттого, что паркет был скользким, платье — длинным и узким, а один

криссовок каким-то чудом слетел с ноги не без помощи незнакомого толстого дяденьки, который помог нашей “Золушке” рухнуть, а также удивительным было то, что этот предмет обмундирования “шпионки” по сказкам попал в лоб одному парню. Вроде бы, даже принцу, который от появления такой возможной невесты был просто в шоке.

— Блин! Ну почему так?! — орала будущая правительница, тщетно пытаясь подняться с пола, но только усугубляя ситуацию.

Король, низенький толстенный человечек, — совсем как в том мультике, почему-то вспоминалось лежавшей на паркете Марии, — толкнул принца, и тот был вынужден помочь странной девушке, наконец, подняться с пола.

— С Вами... Всё в порядке? — пробормотал парень, с опаской глядя на неизвестную ему гостью его отца.

Принцесса, стараясь понять, а всё ли с ней в порядке, небрежно кивнула. Принц оглянулся и с надеждой посмотрел на своего отца, который радостно закивал головой, показывая, что он будет очень рад, если его сын потанцует с этой девушкой.

— Приглашаю Вас на танец... — неловко, совсем без желания спросил несчастный юноша, которому предстояло танцевать с “вот этой вот, неуклюжей”.

Будущая правительница сказочного королевства посмотрела на предлагаемого ей кавалера. Её передёрнуло даже от первой мысли о том, что её могут выдать за него замуж.

— Я танцевать не умею... — довольно громко сказала девушка, пытаясь как-то отвязаться от возможного жениха, которого она в первый раз видела, да и не хотела видеть в будущем.

Принц наигранно вздохнул и торжествующе посмотрел на своего отца. Тот обиженно сложил руки на груди, показывая, что он всё равно хочет, чтобы его единственный ребёнок танцевал с этой гостьей.

Мария поморщилась. Тогда, может, бежать?

С этим вариантом проблемы возникли почти сразу же. Во-первых, как бежать? Вон там, у самых дверей, стоят два здоровенных бугая. И откуда такие охранники в детской и безобидной, казалось бы, сказочке? Да и принц туда испуганно косится постоянно... Во-вторых, куда бежать? Она же тут ни кустика, ни тропиночки не знает. В-третьих, а зачем бежать? Вон, сынок короля тоже убежать хочет. Пусть он бежит, а она тут постоит... Да и вернуться хотя бы к Деми возможности не было. Поэтому стой и наслаждайся жизнью. Других вариантов всё равно на горизонте не наблюдается.

Музыка заиграла. Принц попробовал как-то расшевелить гостью своего отца, дабы не навлечь на себя его гнев и не лишиться ненароком наследства. Тогда не будет ему ни королевства, ни денег, ни слуг, ни вообще нормальной и привычной жизни.

Девушка, боясь снова растянуться на скользком паркете, вцепилась в своего “кавалера”, а если быть точнее, в воротник его рубашки, который от её хватки почти трещал по швам; несчастный парень даже пискнул от неожиданности. Пол был скользким, видимо, его специально таким сделали, чтобы танцующие падали или даже сами сразу ложились на пол. Так можно даже проехаться. Отсюда до двери...

— Потанцуем и туда... На балкон... От нас отстанут... — пробормотал юноша, безразлично морщась при каждом взгляде на партнёршу по танцу.

Марии это было совершенно безразлично. Она теперь сама не хотела никуда уходить. Вон как этот принц постоянно охает при каждом шаге! Это же такое великолепное зрелище! Вон как ему тяжело её по всему залу на себе тащить! Так ему и надо! А то морщится он...

Брезгует!

Когда танец, наконец, закончился, принц, еле-еле таща на себя будущую правительницу сказочного королевства, внучку другого короля, о котором он даже не догадывался, наверное, смог добраться до заветного балкона и скрыться вместе с “невестой” за тяжёлой гардиной, которая отделяла зал от этой, девушка даже сказала бы, террасы.

Принцесса, наконец, смогла оставить воротник этого парня в покое и встать на пол, который, в отличие от пола в главном зале, к счастью, не был скользким.

— Фух... — выдохнул сын короля. — Ты тяжёлая...

Девушка зло посмотрела на парня и подошла к самому краю балкона, бормоча себе под нос что-то вроде “шестьдесят килограмм для моего роста вполне нормальный вес”. Ограждения там почему-то не было, можно было, если, конечно, постараться, спуститься в сад, дальше можно было перелезть через садовую ограду и оказаться, наконец, на свободе.

— Ты кого-то видеть хотел? — спросила Мария.

Принц с грустью кивнул. Только сейчас принцесса поняла, что он действительно кого-то ждал. Кого только? Не Золушку ли? Тогда понятно, почему он так не хотел с ней танцевать.

— Её Золушка зовут... Она дочь лесника... — словно слыша мысли новой знакомой, пробормотал сын этого короля.

Девушка пожала плечами и, присев на каменный пол, достала из кармана стакан с ягодами, который вполне нормально помещался в кармане её штанов, и протянула принцу.

— А тебя как зовут? Ты со мной танцевать не хотела...

Будущая правительница сказочного королевства смотрела вдаль. Там, где-то далеко-далеко, виднелись горы. Она когда-то тоже была в горах. Не тут, конечно. На Земле. Мама тогда отпуск взяла... Они по миру покатались. Роза еще совсем маленькая была. Ей всего-то пять лет было. А она, Мария, тогда впервые за пять лет дружбы с Альфонсом поссорилась...

— Мария меня зовут. А танцевать не хотела по двум причинам. Во-первых, никогда не училась и, следовательно, не умею. Во-вторых, у меня, как бы, есть парень. Правда, он этого пока не знает, но всё-таки...

Принц впервые с уважением посмотрел на неё. Обычно девушкам нужны были от него его корона, титул... Золушка ему тоже понравилась из-за того, что она полюбила его, во всяком случае, ему так казалось, ещё не зная, кто он на самом деле.

— Пошли... Будем искать твою Джульетту. Есть варианты, где она может быть?

Парень задумался и кивнул. Про себя он ещё подумал: “А при чём здесь какая-то Джульетта? Её же совсем по-другому зовут”.

***

Теодор Траонт никогда не считал себя глупым человеком. Скорее, совсем наоборот. Он считал себя чуть ли не самым умным. Но вот уже в третий раз его гордость принимала на себя довольно тяжёлые и болезненные удары.

Сначала было предательство того мальчишки, Паула. Мальчишки весьма неглупого, хитрого и совершенно бессовестного! Он занимался чёрной магией, что некроманта не слишком напрягало. Ну, занимается человек, и ладно! Он никогда не требовал большей заработной платы, что было уже странным, учитывая то, что Теодор, в отличие от своей сестры, всегда был жутким скрягой. Этот самый Паул никогда не возражал. В основном, он молчал. Лорд Траонт уже не помнил его голоса, хотя прекрасно знал и помнил голоса всех людей, с кем общался. Возможно, парень вообще не говорил. Тогда впервые самолюбие

графа было ущемлено. Во всей округе знали, что он через какое-то время слѣг — ну, так сказать — с нервной болезнью. В это время было казнено очень много людей в его владениях...

Затем был побег Марии, девчонки довольно смелой и находчивой, которая смогла перехитрить лорда, куда-то спрятаться от него и таинственно исчезнуть. Куда именно, Теодор плохо догадывался. Не могла же она исчезнуть вместе с тем шкафом, который у него отняла Джулия для доработки интерьера в её любимой комнате!

Ну, а потом — побег тех ребят, на которых он хотел сорвать всю свою злость; мужчина только потом вспомнил, что один из ребят был его племянником, следовательно, если бы он его убил, даже случайно, потом на нём сорвалась бы его сестра, и предательство его горничной, Каи. Последнее было даже более чем просто неприятно. А если бы она решила отравить его?!

Мысли Теодора Траонта были бесцеремонно прерваны вошедшей в его кабинет Джулией. Та, как обычно, была безукоризненно одета и причёсана, хоть в её взгляде и читалась усталость. Что она такого могла делать? Опять, что ли, книги по ночам решила читать? Да нет. У неё на такое уже иммунитет. Кругов под глазами точно не будет.

— Братик... — ласково прошептала она.

По её тону некромант сразу понял, что его дела плохи, как никогда. Она улыбалась, но смотрела так же холодно и бесстрастно, как смотрела на каждого из своих кавалеров перед тем, как убить их. Мужчина очень надеялся, что сына она пока не видела. Он же ей всё рассказывает! О чём он только думал, когда захотел его укокошить?

— Как думаешь, мне тебя сначала изжарить или есть в сыром виде? — так же ласково сказала женщина.

Лорд Траонт вскочил со стула и попробовал спрятаться за его спинкой. Всё-таки, хоть какая-то защита... Конечно, хрупкая, бесполезная, но... Людям свойственно надеяться.

— Ты мне что подсунул?! Почему в шкафу была куча фантиков?! — взвизгнула Джулия Траонт, и Теодор позволил себе расслабиться. Что было, конечно, напрасно. — Ты меня за дуру держишь?! Да?!

Некромант еле успевал увёртываться от летящих в его сторону предметов. Его сестра неизвестно откуда их брала и совсем непонятно как успевала кинуть такое их количество в своего “любимого” брата. Тот был лишь рад тому, что она пока не знает, что он хотел убить её сына.

Как же хорошо, что она ничего не знает!

Наконец, ведьма успокоилась и снисходительно посмотрела на спрятавшегося за занавеску мужчину. Она уже несколько не сердилась на то, что ей прислали вот такой вот шкаф. Она уже совсем об этом забыла! К счастью, её служанки в её отсутствие уже успели прибрать ту комнату. А то лорду Траонту светил бы сердечный приступ с вот таким тёплым и домашним общением с “любимой” сестрой.

Наконец, Джулия села на небольшой диванчик и пробормотала: “Вылезай. Я больше не сержусь”. Правда, Теодор ей не поверил, за что получил ещё один выговор, сопровождаемый полѣтом всех мелких, но тяжѣлых вещей в комнате.

***

Исход драки между Альфонсом и Паулом абсолютно случайно получился таким: оба драчуна оказались совершенно здоровы, ни у одного из них не было телесных повреждений. Реми каким-то образом забралась на высокий книжный шкаф, откуда ей, бесспорно, было

лучше видно происходящее, и наблюдала за дракой, весело дрыгая ногами и хлопая в ладоши. Кая отошла в сторону и заглянула в одну из книг по нейтральной магии. Ей было жаль свои волосы. Она отращивала их с самого детства, а тут... Может, есть магический способ их быстренько нарастить? Пострадал только Седрик, который изо всех сил пытался разнять дерущихся.

В итоге, в той же книге Кае пришлось искать ещё и рецепт какого-то исцеляющего зелья, потому что незадачливого волшебника те двое задир отмузузили весьма... неплохо. Паренёк был без сознания. Ситуацию усугубляло ещё и то, что кровати в логове отшельника не было. Спал он, сидя за столом ну, или, в крайнем случае, на полу, постелив себе свой же плащ. Зачем ему нужно было ещё что-то? А вот юного мага, который привык к более хорошим условиям, положить было не на что.

Когда служанка обратилась ко всей компании за советом, Паул ответил, что около пещеры всегда можно вырыть могилку, положить туда этого чародея-недоучку и засыпать землёй. Альфонс идею поддержал. Он до сих пор был зол на этого мальчишку за то, что они не могли найти Марию. Мало ли, что с ней могло случиться! Реми, правда, была не совсем согласна. Она предлагала для разнообразия бросить его пока что бессознательную тушку в речку, которая находилась неподалёку.

Кая поняла, что на этих троих она рассчитывать не может, если не хочет, чтобы этот Седрик действительно умер. Всё-таки, она могла отличить уже мёртвого человека от ещё живого. Видимо, в отличие от этой компании.

Правда, через какое-то время Паул предложил весьма дельную мысль: он найдёт в книге исцеляющее заклинание, и никого никуда класть не придётся. Все согласились.

— Чёрт! Да где же это проклятое заклинание?! — орал на всю пещеру чернокнижник.

Летучие мыши от такого крика проснулись и вылетели. Реми радостно завизжала, Паул поймал одну из мышек, Альфонс ошарашенно оглядывал все укромные уголки этого логова, про себя отмечая, что всё тут обустроено очень даже неплохо. Кая осторожно смотрела на мужчину, который готов был уже разорвать эту самую книгу с заклинаниями.

— Может, Вам помочь? — прошептала девушка.

Своим вопросом она только нарвалась на множество проклятий и ругательств в свой адрес. Какие, однако, нервные существуют люди! Даже удивительно! Вроде, ничего особенного не случилось, а они...

Оказалось, что от возгласа души тёмного волшебника проснулись не только летучие мыши. Седрик всё так же лежал на полу, но уже с открытыми глазами и тщетно пытался подняться.

— Лежи! — пробормотала служанка лорда Траонта, садясь рядом с пострадавшим чародеем.

Тот сумел лишь пробормотать что-то невнятное в ответ. Пожалуй, он бы и не потерял сознание, если бы Паул и Альфонс совершенно случайно не решились бы стукнуть друг друга по голове чем-то тяжёлым. А так как между ними оказался несчастный паренёк, которого они даже не заметили, удар, а точнее, два удара принял на себя именно он.

— Он жив? — холодно поинтересовались чернокнижник, предсказательница и друг принцессы.

Кая кивнула, сердито посмотрев на всех троих, пытаясь показать всем своим видом, что драка, во-первых, не вариант, а во-вторых, довольно травмоопасный вид выяснения отношений.

— Тогда, может быть, вы пойдёте? — спросил некромант, помогая Реми слезть с его книжного шкафа.

Рыжеволосая девочка радостно кивнула, а потом, посмотрев на бывшую служанку, спряталась за “широкую спину” тёмного волшебника, что в данный момент казалась ей таким безопасным местом.

P.s. И опять я прошу какой-либо критики.

===== I. Глава семнадцатая. Пятый осколок поступков. =====

Всё меркнет в глухом шелесте страниц,
И сказка вдруг становится реальной,
Герои часто кажутся живыми нам,
Мы верим им намного больше, чем всем людям.
И иногда герой становится почти тобой,
И ты тогда не замечаешь всё вокруг,
И чувствуешь ты только его боль,
Порой совсем уж забывая о своей.
А запах книги всё к себе манит,
И там всё: совершенство, идеалы,
Влюбляешься ты в ту, иную жизнь,
Которая твоей, увы, не станет.
Живёшь лишь тем, забыв про сон и воду,
Забыв про то, что в этом мире кто-то есть,
Становишься собой и понимаешь,
Что всё на свете можно пережить.
Мерцает позолота из покоев
Того несуществующего короля,
И замолкают голоса людей, героев,
Вся слава их навеки выжжена
В той хрупкой, нежной вещи — этой книге,
Которую убить может любой.
Там годы, там столетья, миллионы,
Там все страдания, радости людей.
В той книге, что читаешь ты, наверно,
Есть правда, вымысел и даже просто ложь.
Там сон, который видела планета,
Которой в наказание мы даны.
В той книге есть всё то, чего боишься,
И то, что любишь, также — что хранишь.
Там есть гроза, трава и горы,
Которых ты теперь уж не найдёшь.
Там есть герои предыдущего столетья,
Там есть предатели, которых не простить.
Там есть все люди те, которых ты не знаешь,
Которые всё так же не знают и тебя.
Там есть трава, есть море, далёкое, большое,
Где двести лет сраженья без отдыха велись.

Там есть любовь, там есть и приключения,

Там есть судьба, и есть поступок там.

Всё меркнет, только книгу открываешь.

Там сказка, как реальность, оживёт.

И что же, всё-таки, нужно человеку? Людям — понятно. Нужно, чтобы не было войн, не случалось аварий, наводнений, извержений вулканов или землетрясений, были бы живы все близкие... Перечень можно при желании продолжить. Но вот что нужно человеку? Какому-нибудь отдельному человеку, которого ты в первый раз видишь? Который готов помочь тебе, если, конечно, ты поможешь ему.

Но как помочь, если ты даже не можешь понять, что именно он хочет? Люди не понимают друг друга. А если и встречаются те, кто понимают, их почему-то не слишком любят. Такое уж человеческое общество.

Но иногда бывает, что у двух совершенно разных и незнакомых людей есть что-то общее. Что-то такое, о чём можно вместе вспомнить, вместе поразмышлять, над чем можно вместе посмеяться или поплакать... В некоторых случаях это — общее дело, общая цель, в других — общая трагедия, общее горе, в третьих — общие места и воспоминания.

Реми и Паул даже предположить не могли, что воспитывались они в одном и том же приюте одного и того же монастыря. Чернокнижник умудрился сбежать оттуда в восемь лет, случайно подслушав разговор настоятельницы о том, что некоторых детей можно будет посылать на Землю, откуда мало кто из сказочных обитателей возвращался живым. Вполне естественно, что мальчику такой близкий и определённый конец своей только что начавшейся жизни совершенно не нравился. Способностей у него особых не было, магия тогда вообще была ему неизвестна... Кто его искать-то будет?

Конечно, основная недоработка плана была в том, куда именно может бежать маленький восьмилетний ребёнок, особенно ничего не умеющий, без родителей или старших брата или сестры — друг или подруга относится к тому же пункту, — совершенно не ориентирующийся в пространстве.

Дело было зимой. Было холодно, а у сбежавшего из приюта не имелось даже тёплой одежды. За стены монастыря никогда никто не выходил. Таким было правило. А сад тот всегда оставался цветущим...

И Паул, наверное, погиб бы от голода или ещё отчего-то, если бы на помощь не пришла небольшая школа в соседнем городке. Её директор, а точнее, он и его бесплодная жена, только увидев мальчика, приняли в свою небольшую семью. Так начался второй круг в жизни этого человека.

До восемнадцати лет его воспитывала эта добрейшая женщина, которую парень за десять лет привык называть “мамой”. Она, казалось, была не способна сердиться. Тем более на весьма безобидные “шалости” своего приёмного сына. Тот ведь уже тогда занимался тёмной магией...

Про себя некромант отметил, что уже неделю не присылал маме Хейг открыток или писем. Так же вспомнил, что хорошо было бы прислать ей немного денег. Вряд ли это окажется лишним. Тем более сейчас у всех людей были проблемы с финансами.

Реми тоже росла в том приюте, правда, сбежала в более позднем возрасте. Она совсем не помнила своих родителей, только знала по рассказам одной из старушек-нянечек, что у неё была старшая сестра. Она видела её однажды на небольшой старой и измятой фотокарточке, показываемой ей простодушной старушкой Гайде. На этой фотокарточке

была изображена маленькая девочка лет пяти, имевшая довольно густые и длинные для своего возраста каштановые волосы. Эта девочка стояла рядом с коляской, в которой тогда лежала Реми.

Предсказательнице очень хотелось найти её. Та, наверное, была бы рада увидеть её... А “птице” так хотелось иметь старшую сестру. Она видела ещё до того, как Седрик куда-то убежал, как Мария утешала малютку Розу, которой скорее хотелось домой. Ей хотелось почувствовать себя нужной. А разве почувствуешь тогда, когда тебя все и за человека не считают?!

Паул сидел за столом и снова что-то писал. Что именно? Наверное, как обычно. Впрочем, его записи было невозможно разобрать. И зачем он только это делает? Всё равно проку нет. Отвлекать его от работы было небезопасно. Мало ли, что он пробормочет? А если превратит в зверушку какую-нибудь?!

Кая хлопотала над снова потерявшим сознание Седриком. Ей было не до рыженькой девчонки, которой всё хотелось что-нибудь узнать. Девушка старалась вылечить сына своей бывшей хозяйки. Тем более, тогда будет больше шансов попасть обратно на работу. И лорд Траонт тогда не казнит её...

Альфонсу вообще ни до кого дела не было. Он лишь о ком-то думал. Наверное, о Марии, которую они сейчас искали. Что же... Но к другу принцессы подойти было безопаснее всего. Девушек он, видимо, принципиально не бил, что для Реми уже было хорошо.

— Альфонс! Пойдём на речку! Ну, пожалуйста! — пристала к парню рыжеволосая предсказательница.

Услышав звук её голоса, чернокнижник на секунду отвлёкся от написания очередной книги по тёмной магии, усмехнулся и почти про себя добавил, что речка очень глубокая и бурная, что в ней много народу утонуло.

Девочка всхлипнула и повисла на друге принцессы, взглядом просившего поддержки у Паула, который, видимо, смеялся над всей этой ситуацией. Губы мага немного дрожали, сам он старался не смотреть на двух своих гостей, но, казалось, он не видел тех текстов, в которых старался просверлить дыру взглядом.

— Да спаси же ты меня от неё! — воскликнул Альфонс, пытаясь привлечь внимание тёмного мага.

Девочка обиженно посмотрела на парня, слезла с него, отошла подальше и, снова залезая на облюбованный ей шкаф, уже проговорив разные ругательства, относящиеся к обидчику и пророчащие ему не самую лучшую жизнь, крикнула, что больно он ей нужен, а на речку мог бы и сводить, ничего плохого от этого не случилось бы.

Кая хихикнула, на секунду отвлекаясь от лечения Седрика. Она чуть ли не в первый раз видела всех этих ребят, и стоит отметить, что ни один из них, кроме, разумеется, безобидной малышки Розы, ей не нравился.

Паул, уже не скрывая этого, смеялся. Видимо, и реакция друга принцессы, и реакция юной предсказательницы будущего его очень порадовали. Чернокнижник просто светился от счастья, что при его теперь уже довольно мрачной внешности выглядело довольно жутко.

— Что?! — воскликнул Альфонс, отвечая уставившимся на него обитателям волшебного мира. — Как я, по-вашему, должен был реагировать на её объятья?! — Реми, услышав это, обиженно всхлипнула, пробормотав, что её никто не любит и никто не хочет обнять. — Да у меня, между прочим, девушка есть! Правда, она об этом не знает, но всё же...

Тёмный маг расхохотался. Он уже, пожалуй, не сердился на этих ребят, заявившихся к

нему. Всё-таки, он редко мог вдоволь насмеяться. А так... Он не понимал, как эта компания ещё смогла продержаться и не попасть в первый бродячий цирк, которых тут было много.

***

Найти Золушку, когда теперь был под рукой принц, Марии не составило особого труда. Та пряталась в странном неухоженном садике, в котором её и повстречал единственный ребёнок короля, непонятно как там оказавшийся. На месте отца этого “ребёночка” девушка бы его вряд ли куда-то пустила бы. Она, конечно, судила по тому, как относилась к Розе, но...

Это же вовсе не её дело, правда?

Почему-то, когда вокруг неё снова появился тот странный вихрь, принцесса снова удивилась. Всё, что с ней происходило ранее, ни в какое сравнение не шло с тем, что происходило сейчас. Возможно, для жителей сказочного мира это и считается нормальным, но для будущей правительницы всё было в новинку. Она никогда не чувствовала того, что ощущала сейчас.

Вихрь кружился, казалось, не затрагивая её, но почему-то менялось то, что было вокруг. Конечно, можно было сказать, что это была лишь иллюзия и Мария сейчас находилась в комнате у Деми, но... как же она тогда могла передвигаться, не врезаясь в стены и не выпадая из окна?

Подумать девушке снова не дали. Она оказалась на берегу какого-то моря. Принцесса никогда не бывала тут раньше. В этом не было никаких сомнений. Она прекрасно запоминала все те места, где когда-то была.

Тут было прохладно, и будущая правительница этого королевства сразу пожалела о том, что не взяла в злосчастное путешествие хоть одну свою тёплую шерстяную кофту. Тогда бы не было так холодно, и молодой королеве не пришлось бы думать о том, как бы согреться.

На берегу сидела незнакомая девушка. Она на вид была того же возраста, что и Избранная, которой теперь приходилось тут мёрзнуть. Что поразило Марию в ней, так это то, что она была почти совершенно раздета. Да кто пустил эту девчонку на улицу в таком виде?!

Подбежав к незнакомке и заглянув ей в глаза, принцесса, наконец, смогла понять, в какую именно сказку она попала. Русалочка... Конечно... Как она не догадалась сразу, только увидев эту девушку?!

— Привет, я Мария... — представилась внучка короля Генриха, не зная, что же сказать и что нужно делать. — Ты кого-то ждёшь, да?

Русалочка кивнула, уставившись на сказавшую ей своё имя девушку своими выразительными голубыми глазами. В них, казалось, отражалось то ли море, то ли небо. Она была совсем ещё ребёнком...

Будущая правительница сказочного мира чуть не затряслась от злости. Да почему эта несчастная девушка вообще влюбилась в какого-то там принца, которому на неё плевать с высокой башни?! Жила бы себе под водой... Триста лет — огромный срок! Ничего с ней бы не случилось...

— Ты не можешь говорить? — спросила Мария.

Русалочка кивнула и, обречённо пожав плечами, снова посмотрела на незнакомку. В её глазах, казалось, вот-вот должны были заблестеть слёзы, но этого почему-то не происходило.

Плохо помня саму сказку, трудно пытаться что-то в ней исправить. При этом, если сказку “Золушка” девушка ещё помнила — Роза всегда любила, когда ей читали её, — то

сказку “Русалочка” она помнила не слишком хорошо, потому как всегда перевернула младшей сестрёнке конец, чтобы та не плакала. Так что теперь делать?

— Слушай, ты принца ждешь, так? — дочь морского короля снова кивнула. — Помочь тебе его найти?

Нет, конечно, переделывать сказку так, чтобы её было совсем не узнать, дело не совсем хорошее, но что делать? Если кто-то тут погибнет, её, Марию, могут не перенести в следующую сказку, и тогда уже не будет шанса вернуться хотя бы в комнату к Деми, который сейчас неизвестно чем занимается. И зачем она только решила взять ту книгу? Делать ей, что ли, нечего было?! Похоже, именно так.

Русалочка с радостью и благодарностью смотрела на встретившуюся ей девушку. Та, вопреки рассказам морской ведьмы, не казалась такой уж страшной и злой...

— Встать сможешь? — спросила принцесса.

Бывшая обитательница того бескрайнего и красивого океана, куда будущей королеве всегда хотелось попасть в детстве, даже если не каким-то сказочным существом, то на корабле, снова кивнула и, пытаясь доказать это, поднялась, но чуть не упала снова.

Мария задумалась. Нет, куда-то идти с этой морской принцессой было не слишком хорошей идеей. У неё же кожа на ногах слишком нежная, тем более, идёт она босиком. Да и одеться ей необходимо. Нужно будет обязательно зайти в магазин одежды и желательно в аптеку.

Тут ведь есть аптека?

Да уж... Ситуация будущей правительнице сказочного мира не нравилась даже больше, чем тогда, когда она попала в самую нелюбимую ей сказку — “Золушку”: там хотя бы не было таких несчастных лиц. Да и ситуация была получше. Всё-таки, Золушка не умерла бы, если не вышла бы за принца. А тут... Да уж... Как теперь этого принца к ней приваживать? Русалочка... Сидела бы дома, отлично бы себя чувствовала... Нет! Надо было пойти, ну, или поплыть к этой старой ведьме за ногами вместо хвоста. Теперь у кого-то будет много работы... И принцесса прекрасно чувствовала, что этот “кто-то” — именно она.

Дойдя до самого крайнего дома, девушка постучалась в дверь. Открыла ей невысокая полная женщина, которой было на вид лет сорок. Чем-то она Марии не понравилась. Да и Русалочка жалась к ней, пытаясь как-то спрятаться от этой женщины.

— Извините, мы ошиблись дверью! — крикнула принцесса первое, что пришло ей в голову, захлопывая дверь, беря новую знакомую за руку и таща её к другому дому.

Вскоре попался человек, который помог двум девушкам, дал Русалочке старое платье из сундука, которое будущая правительница сказочного мира предпочла сразу натянуть на дочь морского короля, помог забинтовать ступни морской гостьи, которые уже кровоточили, а также предложил остаться на ночлег.

***

Каталина никогда не была в дружеских отношениях с Миленой. Она презирала личную служанку леди Траонт, хоть та и была выше её по положению среди слуг. А в тот момент, когда девушка узнала, что робкую служанку лорда Траонта обижала именно эта жаба, которая почему-то считала себя и красивее, и лучше... Хотя, может и не считала.

Когда-то у новой служанки леди была семья. Была маленькая сестрёнка... Родители называли её Реми. Какая же она была миленькая! Каталина надеялась, что с девочкой всё было в порядке. Когда девочка, которой гадалка предрекла судьбу будущей предсказательницы будущего, была ещё маленькой, их семью убили. Выжили тогда только

две девочки: сама предсказательница, за которой тогда и пришли, и её старшая сестра.

Тогда старшей дочери того небогатого крестьянина было всего шесть лет. Она как-то смогла оказаться в одном из приютов, росла там до пятнадцати лет. Потом ей предоставили диплом об окончании приходской школы и попросили уйти. И она ушла.

Целых пять лет ей пришлось перебиваться случайными заработками и подачками до того момента, как леди Траонт наняла её своей горничной. Работать служанкой в таком богатом доме было не слишком сложно. Милена, которая по своей природе была довольно труслива, не обижала её, понимая, что может наткнуться на довольно сильную и опасную соперницу.

Девушка, прожившая около пяти лет на улицах нескольких городов, не была настолько беззащитной, чтобы не отомстить пристававшему к ней человеку. Старшая служанка в доме герцогини прекрасно это понимала и не досаждала новенькой, хотя обычно придиралась ко всем.

Сейчас же Каталине хотелось отомстить за ту девчушку, Каю. Тем более, что та вряд ли в чём-то могла провиниться перед кем-либо. Ей был доволен даже славившийся своей привередливостью граф Траонт. Что же можно было говорить об остальных.

— Никки! — крикнула новенькая служанка в доме герцогини, спускаясь по лестнице. — Подмени меня сегодня, пожалуйста! В долгу не останусь.

Никки всегда была очаровательной егзой, которую все любили и которой все покровительствовали. Джулия Траонт нередко прощала ей мелкие шалости, которые та устраивала, хотя многих служанок за это ждало бы довольно суровое наказание.

— Без проблем! — пропела девушка, съезжая по перилам.

Каталина усмехнулась. Через какое-то время новая горничная в этом доме стояла около двери в комнату Милены. Та уже проснулась, хоть и спала обычно до полудня: её услуги редко требовались Джулии раньше. Она что-то передавала незнакомому человеку через окно. Это были какие-то документы, которые Каталина раньше видела на столе леди Траонт.

Вряд ли это было с разрешения леди. Та рассердилась бы, узнав, что кто-то ворует её бумаги. Не нужно было придумывать что-то, чтобы как следует насолить Милене. Достаточно было только одного.

Каталина поднималась в кабинет к герцогине.

===== Бонусная глава. Седрик и Академия. =====

Завтра утром, словно птичьи трели,

Прозвенят звонки по всей стране.

Отдохнули мы и загорели,

К школе подготовились вполне.

Словно космонавты перед стартом

Мы чуть-чуть волнуемся сейчас.

Мы уже соскучились по партам,

Да и им невесело без нас...

У ребят восторженные лица,

Все вокруг кричат наперебой.

Время впечатленьями делиться

Мне с тобою и тебе со мной.

Кто расскажет о морских приливах,

Кто припомнит горный перевал.

Сколько нас, веселых и счастливых!

Каждый где-нибудь да побывал.

На ветру трепещет наше знамя,

На него равняемся в строю.

Мы вперед идем дорогой знаний,

Крепко любим Родину свою.

(Леонид Сорока)

В сказочном мире, как и в нашем, перед первым школьным днём очень волнуются и дети, первый раз идущее в то заведение, которое год будут любить, а остальные года — ненавидеть, и родители, отправляющие своё драгоценное чадо туда, где его смогут многому научить.

Семья Траонт не была исключением. Джулия носилась по замку, отбирая любимому сыну самые лучшие книги и одежду, служанки суетились, боясь навлечь на себя гнев леди, которая вряд ли пощадила бы их сейчас, кухарки и повара готовили праздничный ужин, в конце которого должен был уехать их молодой господин, а повара удивлённо-испуганно смотрели на то, как собирали их ровесника, пятилетнего герцога Траонта.

Маленький Седрик непонимающе смотрел на людей, которые бегали вокруг него. Надо сказать, что в шикарной мантии, в которой он стоял посреди комнаты, на табуретке, мальчик смотрелся несколько глупо и смешно, что слуги боялись объяснять буквально сошедшей с ума герцогини Джулии, которая убила бы их за критику в адрес её единственного ребёнка.

Академия магов, в которую отправляли юного волшебника, находилась далеко от его дома, поэтому ближайшие два месяца оказаться в этом поместье снова не удастся. Маленький чародей ещё не понимал этого. Ему нравилось, что вокруг него суетились и бегали, а остальное в такие моменты несколько его не занимало.

Сестра короля собирала книги в школу своему сыну. Тут лежал и красивый ярко-красный букварь, совершенно не нужный маленькому лорду, которого любимая мама уже выучила читать, тут лежал и сборник с волшебными сказками с фиолетовой обложкой, с которого начиналось ознакомление детей с практической и теоретической магией, тут лежала и книга с красивым, но пока непонятным ребёнку названием “Арифметика” — она была синего цвета и разукрашена какими-то простыми и не слишком красивыми узорами... Так же тут лежали и другие сборники. Тут был и сборник бытовых сказок, и книга с названием “Окружающий мир”, в которой, по мнению юного чародея, должны были непременно быть единороги, драконы и другие магические существа, с которыми его пока по непонятным причинам не знакомили.

Седрик свысока смотрел на суесящихся вокруг него. В какой-то момент он стал догадываться, что что-то в происходящем было не то. Обычно все суетились тогда, когда он заболел. А просто так...

— Мы куда-то едем, мама? — спросил мальчик, с любопытством смотря на мать своими большими серыми глазами.

Ту отчего-то передёрнуло. Она отвернулась, незаметно от него смахнула слезу и стала показывать разные книги, которые почему-то называла учебниками, одежду, которую собирала ему, она почему-то называла её формой. Разве маленький маг не знал, что форма есть у слуг, которые живут в поместье? Но вряд ли эта одежда предназначалась слугам...

Маленькому лорду Траонту хотелось знать, куда именно его собирают. Ведь не на

собственные похороны, как говорил иногда его дядя. Это ведь не так? Недолго думая, ребёнок спросил об этом.

Слуги замолчали. Несмотря на то, что они и раньше не слишком болтали, сейчас в зале воцарилась просто гробовая тишина. Служанки, которые куда-то собирали сына герцогини, отошли в сторону, будто бы занимаясь другим делом. Например, беря иголку или нитку, чтобы подшить костюм своего будущего господина.

Джулия снова отвернулась, смахнув появившиеся в уголках глаз слёзы, так ничего и не отвечая сыну. Тот с опасением посмотрел на маму, но также ничего не сказал, боясь, что это её расстроит, что всегда гарантировало хорошую взбучку всем обитателям дома.

В комнату, на свою беду, вошёл дядя Теодор, всегда несколько нервный, а сегодня почему-то больше, нежели обычно. Леди Траонт кинула в него подсвечник, который, как ни странно, в него попал, хоть граф всегда уворачивался от таких вот покушений.

— Да что я сделал-то?! — завопил лорд, в которого метнули ещё один подсвечник, которых в доме герцогини всегда хватало.

Ведьма зло посмотрела на брата, который так не вовремя появился в её доме. Впрочем, он всегда появлялся не вовремя.

Мальчик с нескрываемым любопытством смотрел на рассерженного дядю, который пытался подняться с пола. Седрик впервые видел свою маму такой. Она часто раньше злилась, но никогда при этом без причины.

Ведь дядя только вошёл в комнату...

Или это случилось оттого, что он, пятилетний мальчик, сказал про собственные похороны? Но не может же мама так нервничать из-за ерунды! Или может...

— Да как ты посмел, гад! — кричала леди Джулия, не спрашивая, а скорее утверждая что-то. — Сволочь! Придурок! Что ты ещё наговорил моему сыну?! Живо отвечай!

Ребёнок с опасением смотрел на рассерженную маму. Служанки и слуги, увидевшие, что гнева их леди больше не стоит бояться, так как она изольёт его на своего брата, снова засуетились около маленького лорда, который чуть ли не плакал.

— Что с вами? — осторожно спросила одна из девушек.

Мальчик разрыдался. Герцогиня Траонт мгновенно отвлеклась от удушения своего брата, Теодора, который уже посинел от нехватки кислорода, и подбежала к сыну.

— Маленький мой... — шептала она, взяв своего ребёнка на руки. — Что с тобой? Хорошенький мой... — она укачивала Седрика, как тогда, когда он был совсем ещё крошкой. — Теодор! А ну живо говори, что ты ещё сказал моему сыну?!

Граф с ужасом посмотрел на сестру. Он был просто не в состоянии что-либо сказать. После того, как Джулия набросилась на него и стала душить, Теодор еле-еле дышал. Что же говорить о том, что бы что-то сказать?

Та же его молчание расценила, как неуважение.

— Plandá! — воскликнула женщина раздражённо.

В ту же секунду лорд Траонт позеленел и... превратился в растение! Это был просто замечательный кактус! Кактус с глазками. Взглянув на него, маленький Седрик расхохотался.

— Маленький мой... Больше не плачешь? — пробормотала леди. — Что случилось? Почему ты плакал?

Мальчик серьёзно посмотрел на маму, сказав, что он очень перепугался, когда она начала душить бедного дядю Теодора. Кактус соорстил жалобные глазки, пытаясь показать,

что он уже всё понял, но герцогиня не заметила этого. Она уверяла, что не хотела сделать своему брату ничего плохого. Это был просто небольшой урок насчёт того, как следует себя вести.

— Мама... — прошептал Седрик, которого, наконец, усадили в кресло. — А куда вы меня собираете?

Женщина снова чуть не заплакала, но, впрочем, сдержала себя и, показывая сыну новые книги, среди которых был даже сборник по элементарной алхимии с кучей разноцветных и движущихся картинок, которую изучали в первом классе магической Академии, объяснила, что её ребёнок стал уже совсем взрослым и теперь поступает в одно из самых элитных учебных заведений.

— А что я там буду делать? — с любопытством спросил мальчик.

Леди Джулия уже стала рассказывать свои учебные будни, но потом почему-то решила, что рассказы о том, как они вскрывали труп какого-то сельчанина, убитого их наставницей, могут шокировать пятилетнего ребёнка и оставить непоправимый урон его психике.

— Теодор! Объясни ребёнку, что делают в школе!

Кактус моргнул и уставился своими огромными глазами на сестру, которая и превратила его в растение. Он будто спрашивал, как именно он может рассказать своему племяннику о школе, если у него нет ни рта, ни голосовых связок.

— Ах, да! *Ar ais!* — воскликнула колдунья.

Теодору моментально вернулся его прежний облик. Он подбежал к зеркалу и стал себя осматривать, беспокоясь, как бы Джулия не обманула его, как три года назад: превратив в совершенно другого человека. Тогда графа выгнали из его же поместья, не узнав своего хозяина.

— Отвечай, а то ещё во что-нибудь превращу! — недовольно буркнула леди Траонт.

Седрик посмотрел на своего дядю, а потом — на маму, которая жестом показала ребёнку, что сейчас дядя что-нибудь расскажет, если не хочет превратиться в жабу или ещё во что похуже.

Маленький лорд вдруг вспомнил, что однажды дядя Теодор был превращён в поросёнка, за которым всё бегала кухарка, которой приказали готовить свиные отбивные.

— Да подожди ты! — рявкнул граф, сразу же получивший порцию оплеух и подзатыльников, которые его сестра просто обожала раздавать всем подряд. — Да когда ты угомонишься, дура?!

То, что произошло дальше, стоило бы показывать на сценах больших и малых театров: хорошо одетая, причёсанная женщина гонялась по комнате за мужчиной примерно такого же возраста, периодически бросая в него всё, что попадалось ей под руку. Это были и детские игрушки, и одежда, и даже книги, которые непонятно по каким причинам вдруг на несколько мгновений перестали быть для леди святынями.

Ребёнок всё так же сидел в кресле посреди комнаты и наблюдал за происходящим. Около него стояла девушка-горничная, которая периодически не могла сдерживать смешков, наблюдая эту картину. Немного успокоившись, служанка нагнулась к маленькому лорду и что-то шепнула ему.

Мальчик поднялся с кресла, слуги, которым эта же горничная подала знак рукой, взяли в руки книги, одежду, приготовленные для их юного хозяина, и вышли из комнаты. Их примеру последовал и сын леди Траонт, всё так же бегущей за братом.

Усевшись в карету, Седрик первым делом проверил, все ли из его вещей на месте.

Вещами считались самые любимые игрушки и книги, которые ему мама позволяла брать самому в руки и даже переносить в свою комнату.

— Пока, мама! — крикнул ребёнок уже из кареты, заранее для него приготовленной, когда та тронулась с места.

Только в этот момент герцогиня опомнилась, пихнула брата ногой в бок, отчего тот буквально съёжился, подбежала к окну и стала остервенело махать сыну вслед.

Уже после, думая над тем, почему она не заметила, как её маленький мальчик вышел из комнаты и сел в карету, женщина выпила рюмочку коньяка и, посмотрев на Теодора, снова превращённого в кактус с глазками, тихонько всхлипнула и произнесла:

— Как же дети быстро взрослеют! Вот ещё совсем недавно я отправляла в школу тебя, а теперь... А теперь отправляю туда же своего сына... Как же летит время!

Кактус хотел бы возразить, но не смог: ни рта, ни связок у него не было и в этот раз...

P.s. Глава написана для того, чтобы первое сентября не казалось таким уж ужасным днём. Автор понимает, что это полнейший бред, но что, как не такого рода произведения, поднимает настроение?

===== I. Глава восемнадцатая. Шестой осколок решений. =====

Ее глаза чернее неба зимою,
А руки тонки, словно ласточки крылья,
И голос звонкий, как стекло ледяное;
Она идет и не касается пыли...
Она смотрит на меня —
И взгляд, как солнце, горит,
Она кричит — убегай!
А я ей шепчу — погоди...
И дни летят серой пеленой;
Жизнь пуста — без нее одной;
Жизнь идет, как в глухом плену —
Тень чужая крадется по сну...
Я мчался бешено по мерзлой дороге,
Шварцкольм уж близко, свечи в кирхе сверкают,
Но снова мельница — стою на пороге,
В моей душе надежда вмиг умирает.
Магистр смеется опять —
Черно его колдовство;
Ты можешь вечно бежать,
Но снова встретишь его!
Другого не было нам пути —
Лишь ей самой к колдуну прийти,
Узнать меня без имен и лиц,
Средь других, обращенных в птиц!
В обличье воронов теснились мы вместе;
Она вошла — звездой с неба упала;
Я пятым был на том проклятом насесте;
Она смотрела — только не узнавала!

Магистр смеялся над ней:

«Ну хоть кого укажи!

Но ошибиться не смей —

Тогда отдашь свою жизнь!»

Магистр смеялся — она рыдала.

И той же ночью ее не стало

На омута илистом дне уснула

И лед обратился ей в одеяло.*

Отчего-то Мария проснулась посреди ночи. Такое случалось с ней редко. Нет! Конечно, были ночи, когда она не ложилась вовсе. Но просыпаться... Просто так... Без будильника, да ещё и ночью... Нет! Такого либо не было вообще, либо случалось так редко и так давно, что принцесса не помнила этого. Обстановка показалась ей не слишком знакомой. Это были старые стулья, на которые нельзя было садиться без опаски: выглядели они так, будто вот-вот развалятся, — две старые кровати, на одной из которых лежала она, Мария, а на второй — та странная девушка, которую она назвала русалочкой. Где-то посреди комнаты лежал ещё и какой-то уже немолодой человек, плохо известный девушке. Наверное, это он предложил им остаться у него на ночлег. Что же... Неплохо...

Будущая правительница сказочного королевства была очень благодарна ему. Он чем-то напоминал ей... Напоминал Альфонса, что ли... Он бы тоже оказал блуждающим по городу девушкам помощь, предложил бы две свободные кровати, а сам бы улёгся на полу.

Мария чуть слышно вздохнула и осторожно поднялась с кровати. Та недовольно скрипнула, будто не собираясь отпускать принцессу. Девушка взяла одеяло, которым была накрыта, тихонько набросила его на хозяина дома и вышла из комнаты на улицу.

Шёл дождь. Даже ливень. Хорошее время, чтобы постоять на полуразвалившемся крыльце и подумать. Подумать о том, что именно привело тебя сюда, подумать о том, зачем именно ты это делаешь, почему это для тебя так важно.

Мария не считала себя человеком, способным на долгие философские размышления. Впрочем, иногда состояние, в котором хочется именно думать, но ничего не делать, периодически накатывает на людей. У кого-то оно бывает чаще, у кого-то — реже. Суть всё равно одна и та же.

Спать будущей королеве не хотелось совершенно. То и дело вспоминались Седрик, Альфонс, Реми... Про Розу девушка помнила постоянно. Она была частью её жизни.

Такой же частью жизни, души, которую нельзя было отнять, был и Альфонс, о котором Мария порой не вспоминала, когда он был рядом. Он просто был рядом и всё. Он был тем, кого никогда не надо было звать, просить. Он всегда приходил сам. Без напоминаний и просьб... Он, пожалуй, являлся полноценной частью жизни дочери принцессы Кассандры.

Теперь, оказавшись в незнакомом городе, с непонятной девушкой, без средств к существованию — та мелочь, которая была в карманах, вряд ли была пригодна для того, чтобы расплатиться хотя бы за хлеб — принцессе всё чаще вспоминалось, как в детстве она соревновалась с незнакомым ей мальчиком, всегда до этого сидевшем в стороне от развлечений прочей детворы, в езде на велосипеде, как они подрались, как потом их разнимали родители. Так и познакомились... Первоначальная вражда прошла почти сразу же. Когда её новый знакомый помог ей противостоять трём соседским мальчишкам, отчего-то приставшим к годовалой Розе, на которых Мария, естественно, набросилась с кулаками.

С тех пор они почти всегда ходили вместе. Когда принцесса пошла в первый класс, в

школу за руку её вёл именно второклассник Альфонс, который решил взять на себя эту обязанность. Потом, после уроков, они залезали на старый дуб, где порой сидели до позднего вечера...

Девушка прогнала от себя эти мысли. Как бы ей не было хорошо там, дома, где были два самых важных в её жизни человека — младшая сестра и лучший друг — сейчас она находилась не там. Она была в сказочном мире, в одной из его альтернативных реальностей. Находилась рядом с одной из сказочных героинь, Русалочкой, которую обязана была спасти. Иначе ей никогда не вернуться хотя бы в комнату Деми...

Решив, что стоять тут долго — не лучший вариант, внучка короля Генриха присела на одну из ступенек. Небольшой навес защищал её от воды, лившейся с неба. Лучшего сейчас было не придумать.

— Эй! Чего тут сидишь? Холодно же! — услышала она голос позади себя.

Рядом с Марией оказался тот человек, который приютил их и которого она недавно накрыла одеялом. Неужели он проснулся из-за этого? Что ж... Жалко, конечно, что она не ниндзя, чтобы ходить и делать всё абсолютно бесшумно и не беспокоить этим остальных — особенно это понадобилось дома, когда она забывала свой ноутбук в комнате Розы, — но не так уже страшно. Переживёт.

Человек тем временем сел рядом с ней и накинул то одеяло, которым минут пятнадцать назад его укрывали, ей на плечи. Принцесса недовольно хмыкнула, проворчала что-то, но отказываться от своеобразной накидки не стала. Всё-таки, было действительно холодновато...

— Спасибо... — буркнула девушка осипшим голосом.

Человек поинтересовался, всё ли у его гостыи в порядке, на что та пробормотала, что да, у неё всё в порядке. Но хозяин этого бедного полуразвалившегося домика почему-то не отставал. Он спросил, не сделать ли чаю, спросил, не хочет ли она вернуться в дом, не хочет ли... Этих “не хочет ли” было слишком много, чтобы перечислять.

Будущая королева снова хмыкнула. Правда, в этот раз не так недовольно. Да... Сидеть на ступеньке крыльца под протекающим навесом, закутавшись в дырявое одеяло, и разговаривать со странным человеком, который приютил двух не менее странных девушек... Что может быть лучше?

— Не простудишься? — спросил Человек.

Принцесса покачала головой и улыбнулась. Хозяин этого дома был тем человеком, который напоминал ей о сразу нескольких людях. В какой-то момент она подумала, а что если бы он был её отцом? По возрасту он вполне подходил для этой роли.

— Уже простудилась... — прошептала Мария вдруг.

Человек осторожно положил руку ей на лоб. Пробормотав что-то про высокую температуру, он взял девушку за руку и потянул за собой. Та не сопротивлялась. Желания сопротивляться не было. Его вообще не было после того, как она проснулась.

Снова оказавшись в комнате, девушка не сразу узнала её. Перед глазами всё плыло. Думать теперь не хотелось. Воспоминаний было много, но они просто сменяли друг друга, оставляя в уме след, который пока ещё был просто следом, не заметкой.

Незнакомец дал ей градусник. Откуда этот прибор появился в его руках, Марию не волновало совершенно, хоть ещё пару дней назад она заметила, что никаких приборов, использование которых совершенно нормально в реальном мире, тут не действуют. Точнее, их просто нет. Мобильник её работал, но связи не было. То есть, можно было послушать

музыку, были бы только наушники, можно было завести будильник, но позвонить — никак.

Градусник всё-таки является продуктом цивилизации. Вряд ли где-нибудь в Древнем мире или в Средние века вы сможете найти такой предмет в доме какого-нибудь простого горожанина (вы вообще вряд ли сможете найти такой прибор до эпохи Возрождения).

Сказочный мир, по мнению принцессы, а точнее его обустройство, порядки и технологии, напоминали об истории Средних веков: узкие грязные улочки со странными полуразвалившимися домами, со странными законами — в частности, со своими монастырями, в которые отправляли по принуждению, а не по доброй воле, с технологиями на столь низком уровне, что девушка про себя думала, не стать ли ей королевой и не показать им технику хотя бы на уровне века Восемнадцатого или Девятнадцатого, и то было бы хорошо.

Конечно, плюсом этого мира была возможность колдовать. Но не у всех были такие способности. Например, та же Мария, которая хоть и считалась тут почему-то Избранной, не обладала никакими способностями, кроме хорошего знания английского и немецкого языков, алгебры, геометрии, физики и истории, что изучаются в каждой школе, которых довольно много, в каждой из которых есть ученики, успевающие лучше остальных.

Человек разбудил русалочку, попросив её помочь ему. Температура у наследной принцессы сказочного королевства была довольно высокая, впрочем, не настолько, чтобы уж сильно переживать: тридцать восемь и один.

Хозяин дома уложил свою гостью на кровать, на которой та лежала до этого, и закутал её в одеяло, непонятно откуда появившееся, поставил чайник на плиту, про которую эта девушка обязательно спросила бы, обратив на неё внимание, но сейчас это её несколько не волновало.

Русалочка пыталась как-то помочь, но в итоге человек понял, что помощи у дочери морского короля ждать не стоит, потому как та несколько не смыслит в медицине. Поэтому девушка была также отправлена спать.

А Мария Фаррел заснуть не могла даже после того, как её заставили выпить чай с малиной, от которого, по идее, температура должна была спастись. Ей не хотелось читать или писать, было как-то не до этого, но и спать тоже не хотелось. Было скучно, но в то же время присутствовала невероятная слабость и нежелание что-либо делать...

Человек вздохнул, достал с полки какую-то книгу и, присев около своей гостьи, стал тихо читать ей вслух.

***

Паул предложил свою помощь в поиске принцессы Марии и сестры Реми, про которую та так вовремя вспомнила. Впрочем, помощь тёмного мага не была безвозмездной. Он потребовал, если он находит этих двоих девчонок, подать прошение королю о создании Научно-Исследовательского института, где мог бы работать.

Те в тот же миг согласились. Альфонс не считал это таким уж трудным делом, Реми считала, что легче будет достучаться до короля, нежели одной продолжать поиски, а Кае было не до этого: она лечила Седрика, который хоть и очнулся, но всё же вряд ли считался способным что-либо сделать. Сын леди Траонт же хотел что-то возразить, но служанка из дома его дяди не дала ему этого сделать, сказав, что ему сейчас лучше не нервничать и не беспокоиться по разным пустякам.

— Думаю, раз все довольны, то можно начать серьёзно заниматься этим! — сказал Паул, вставая из-за письменного стола.

Мужчина подошёл к своим книгам, которые были подобраны и составлены в порядке, известном лишь одному чернокнижнику. Он окинул их взглядом, стал рассматривать, позже — читать. Когда отшельник читал одну из своих огромных энциклопедий с самыми сложными и редкими заклинаниями по чёрной магии, он вдруг резко встрепенулся, не выпуская книгу из рук, подошёл к своему столу, скинул письменные принадлежности и исписанные тетрадки, оставив только одну из них и пробормотав “Это ради науки...”, погрузился в чтение, иногда записывая в ту приготовленную чистую тетрадку что-то из этой книги.

Альфонс уже не стоял посередине своеобразной комнаты. Парень предпочёл выйти из пещеры, предварительно спросив у присутствующих о самых ближайших селениях. Он отправился в ближайшую деревушку, мелкое поселение беднейшего сорта крестьян, какой только может быть. Они не были крепостными. Где вы видели владение помещика в таких местах? Но, пожалуй, эти люди, часть которых умирала зимой во время холодов и весной во время голода, хотели бы лучше быть живыми рабами, нежели свободными мертвецами.

До селения было идти довольно долго. Хотя дорога и имелась, но денег на её ремонт не было у населения, а чернокнижнику это было ни к чему: он любил быть один. А десять километров — даже по хорошей дороге — весьма серьёзное испытание для пешего человека.

Наконец, уже к вечеру добравшись до деревеньки, друг принцессы увидел жалкие деревянные прогнившие домики, почти целиком ушедшие в землю. На улице стояла и плакала маленькая девочка, которой было года четыре; босая, одеждой ей служили обрывки какой-то грубой ткани, вся она была в различных ссадинах и царапинах. Этот ребёнок стоял на улице почти ночью и плакал.

Альфонс подошёл к девочке и спросил у неё, что такое случилось. Та заплакала ещё громче и сказала, что королевские войска собирают налоги, а у её семьи не было денег, чтобы заплатить эту сумму. Теперь мама, старшая сестра, брат и старенький дедушка девчушки оказались в тюрьме, где их по закону о не сдаче налогов должны будут казнить. Она же спаслась совершенно случайно, в самый последний момент убежав и спрятавшись в лесу.

Парень про себя со злостью отметил, что лучше бы ни он, ни Мария, ни тем более Роза не появлялись в этом мире, в котором кажется всё просто замечательно — путешественникам, видимо, показывали только дворцы знатных и богатых людей, — но на самом деле всё обстоит куда хуже. Да, конечно, такое и было, и есть, и будет на Земле тоже, но... Как-то всё кажется менее утрированным. Возможно, оттого что мы часто живём довольно хорошо. Конечно, не у каждого есть то, о чём он мечтал, конечно, и у нас бывают трудности с деньгами, но как-то всё кажется таким далёким и странным, что мы думаем, что такого нет вообще.

— Ничего. Я тебе помогу. Только расскажи мне немного о том, что и как вы должны сдавать? Я тут не местный, хотелось бы узнать и понять ваши законы.

Девочка кивнула и вытерла глаза краем самодельной рубашки. Она ещё продолжала плакать. Из стоявшего рядом дома высунулась молодая женщина, тоже бедно одетая, и попросила малышку и парня зайти к ней в дом.

— Да, тётя Милли... — пробормотала девочка, бросаясь к женщине.

Та, улыбнувшись, позвала к себе и Альфонса, всё продолжавшего стоять посреди улицы. Друг принцессы принял её приглашение и уже скоро сидел вместе с ней, девчушкой и ещё тремя маленькими детьми в землянке, принадлежавшей, видимо, этой Милли.

***

Рассказ Каталины до глубины души впечатлил и даже разгневал леди Траонт, которая в тот момент красила свои длинные ногти, о которых Теодор отзывался только как о когтях какого-нибудь хищного животного, чёрным лаком. Она всегда любила пускать такое оружие в ход в любом, даже самом незначительном, споре. В таких случаях на собеседнике обычно оказывалось несколько царапин самой различной глубины.

Служанка, поведавшая ей о тайне постоянно исчезающих писем, о которых сама Джулия думала, что выбросила их, несмотря на то, что большинство из них были безусловно важны.

— Ты уверена в этом? — строго спросила герцогиня.

Девушка кивнула. Врать леди Траонт, которая в любой момент могла “залезть в мозг” человека и прочитать все его мысли, фобии, желания, которые он скрывал ото всех, Каталина просто бы не решилась. Это было ей и не нужно. Сама же ведьма воспользовалась этой своей способностью и, увидев в памяти новой служанки момент, где Милена передавала бумаги какому-то незнакомому человеку, поднялась со своего кресла и быстрым шагом направилась вниз, позвав с собой и горничную, донесшую ей на старшую служанку.

В комнате Милены и герцогиня, и служанка оказались очень скоро. Эта девушка всё ещё беседовала с тем незнакомцем, когда Джулия вошла к ней, ведя за собой Каталину.

— Что это вы передаёте, Милена?! Не могли бы вы мне это сказать?! — спросила леди Траонт.

Незнакомец поспешил скрыться. Старшая горничная должна была одна отвечать за свой проступок. В глазах девушки виднелся страх. Неукротимый, стихийный, животный страх, когда человек не может контролировать сам себя.

— Ваша сознательность, Каталина, будет вознаграждена. Ступайте, можете продолжить выполнять свои обязанности! — та кивнула и поспешила так же удалиться, чтобы гнев леди не был сорван и на ней. — А от вас, Милена, я этого не ожидала. Будьте готовы понести своё наказание. Я предупреждаю вас: те, кто когда-то перешёл мне дорогу, дорогая моя, долго не живут. Поверьте, коль вы предали моё доверие к вам один раз, предадите и второй. Жан! Подойдите ко мне! — в комнату к Милене вошёл здоровенный детина, которому нельзя было дать меньше тридцати лет. — Отведите эту девушку во двор. Она сегодня же будет казнена!

С этими словами герцогиня удалилась из комнаты провинившейся служанки. Бумаги, похищенные этой девушкой, были проданы одному из самых нежелательных и опасных людей — Эрику Картеру, известному своими дерзкими выходками и покушением на короля.

Леди Траонт никогда даже подумать не могла, что такие страсти могли кипеть прямо под её носом, а она не замечала этого... Никогда не стоит никому доверять...

Джулия была в бешенстве от своей недалёковидности. Она сердилась даже больше на себя, нежели на эту гадину Милену, которую только что приказала казнить.

---

* Канцлер Ги. Легенда чёрной мельницы.

===== I. Глава девятнадцатая. Седьмой осколок возможностей. =====

Волшебник смеялся, идя по краю.

По краю бездны идя один,

Он приобрёл, потеряв немало,

Лишь злобу, лишь горе, а душу забыл.

Он помнил, знал не так уж мало.

Он помнил и видел, как люди живут.
Но он много лет уже не видел сердцем,
Но он много лет всё равно был один.
Война — горе многим, другим же — пища,
Другим же она создаёт ремесло.
Ремёсла убийцы, ремёсла героя...
Оно — всё одно, как ты не смотри.
Край бездны... Не видно ни солнца, ни неба...
Край бездны... Темно, нет нигде никого...
Край бездны... Далёко, но так уже близко.
Край бездны... Вот-вот, и пропала душа.
Волшебник смеялся, не видя подвоха,
Не видя того, кто над ним хохотал,
Не видя беспечно всех тех, кого видят.
Не видя, уже погрузившись во тьму.
Волшебник один был. Никто не поможет.
Никто не придёт, как он бы не звал.
Никто не заметит, коль его не станет.
Никто не увидит, коль будет он труп.
И всем безразличен волшебник теперь уж.
“Ведь он так смеялся! Ему ж всё равно!
Над нами смеялся и горя не видел!
Так что ж, почему мы должны всех спасать?!”
Волшебник — гость бездны, коль та привлекает.
Волшебник — гость мира, коль примут его.
Но как бы ни шёл он и как бы ни звал он,
Не слышат его, как не слышал и он.
Волшебник смеялся, когда оступившись,
Он в бездну вдруг стал погружаться. Во тьме
Не видел он горя, не слышал он криков,
Он мог наслаждаться ночной тишиной.
Волшебник смеялся, идя по краю.
По краю бездны идя один,
Он приобрёл, потеряв немало,
Лишь злобу, лишь горе, а душу забыл.

Отговаривать Марию от уже принятого решения было полным самоубийством. Хозяин дома, приютивший двух девушек, в этом убедился на собственном опыте. Она была решительно настроена пойти, завалиться во дворец местного принца или короля и просто потребовать от него, чтобы он женился на бедной девушке.

Что и произошло. Только вот жениться на Русалочке, как оказалось, должен был король, а не принц, как в случае с Золушкой. Молодой человек был в шоке, когда к нему в ванную комнату завалилось такое вот чудовище, каким-то образом миновавшее охрану — мисс Фаррел сама не понимала этого, ведь охранников она просто не заметила у двери в ванную, все пятеро здоровенных бугаев сидели на ступеньках лестницы, находившейся метрах в десяти от месторасположения короля, и играли в карты — и потребовало жениться на

бедной девушке.

Король от неожиданности перепугался и, решив, что жениться придётся на вот этом монстре, судорожно дал согласие, попытавшись что-то пискнуть своим стражникам. Из-за двери в тот момент раздался жуткий хохот и голос: “Твоя карта бита, кретин!”

Мария, получившая в этот момент согласие на брак, радостно хлопнула парня по плечу и стала рассказывать, кто именно его невеста. Из всей её речи молодой правитель этого королевства понял лишь то, что его невеста — не это странное чудовище непонятного пола и возраста.

Чему король, надо сказать, был бесконечно рад.

“Странные дела творятся в этом мире... — думала принцесса. — Неужели достаточно было явиться в тот момент, когда он принимал ванну? Надо же... Какие тут все стеснительные... Альфонс никогда так не вёл себя, когда я случайно приходила к нему домой и, никого не застав в прихожей и комнатах, осматривала весь дом. Нужно будет полюбопытствовать насчёт традиций и обычаев этого мира...”

В конце концов, скоро объявили о помолвке короля Эдуарда и Русалочки, которой дали имя Элизабет. Все были счастливы. Всё замечательно, значит, следует отправляться в следующую сказку.

Мария снова начала замечать, что вокруг неё образовывался тот вихрь. Это не нравилось девушке, но делать было нечего — дизайнеров в этом мире не существовало, раз они до сих пор не изменили жуткий цвет этой странной пыли. Впрочем, обычной аллергии на цветочную пыльцу не наблюдалось, а значит, всё было в полном порядке. Вдруг человек, хозяин того дома, подбежал к ней и схватил за руку.

— Подожди! Ты... Ты ведь тоже с Земли... Правда?

Принцесса отстранёно кивнула. Так вот почему у этого мужчины нашёлся градусник! Но... он, что ли, врач по профессии? Она вот в это путешествие градусника не брала. Только микстуру от кашля сунула Розе в сумку: вдруг у малышки горло разболится?

Цвет пыли, окружавшей теперь их обоих, вдруг резко переменялся. Он стал какого-то грязного сероватого цвета. Он не слишком понравился Марии, но всё-таки был лучше того приторного светло-сиреневого.

Потом девушка уже не слишком хорошо понимала, что именно происходило, но в какой-то момент у неё появилось странное ощущение свободного падения, а после... После она оказалась в какой-то грязной луже, где потирала ушибленные колени. Как она там оказалась?

Мужчина был рядом. Он судорожно смотрел по сторонам, пытаясь сообразить, где именно они находятся. Место было незнакомым и ему, и ей. Поблизости не было видно никакого жилья.

Это определённо была не сказка. Во всяком случае, не та её часть, где девушка уже побывала. Грязевое месиво, которое, видимо, считалось дорогой: кое-где виднелись довольно свежие следы от колеса телеги. А если кто-то тут проехал...

— Пойдёмте отсюда...

Мария осторожно, стараясь не упасть, побрела по этой странной дороге. Было непонятно, куда именно она вела. Но раз кто-то проезжал здесь, значит, по обеим сторонам есть какое-то жильё или что-то в этом роде. Ведь откуда-то телега появилась... Не могла же она спуститься с неба?! Человек не менее осторожно встал и пошёл за ней.

Идти было тяжело. Вот что значит отсутствие асфальтоукладчиков и вообще более-

менее сносных дорог! Многие ноют, когда приходится идти по мостовой, вымощенной булыжниками. Внучка правителя сказочного королевства была бы рада, если бы эта дорога была вымощена камнями. Тогда бы она не проваливалась каждые полметра по пояс.

Пришли эти двое в непонятное место. Было уже довольно темно, а это место... Обычный старый трактир... В этом заведении, казалось, собралась самая нелюбезная публика, которая могла бы быть. То были обезображенные мужчины, явно сильно выпившие; они приставали к молоденьким девушкам-официанткам, ну или как они называются, бессовестно лапали их, что-то шептали и заливались противным смехом.

Увидев в этом помещении новую молоденькую девушку, хозяин, лысеющий толстяк, которому было лет сорок, неприятно ухмыльнулся и направился прямо к ней. Наверное, в любое другое время Мария испугалась бы его поведения, но сейчас...

— Что делает в моём скромном заведении столь очаровательная юная леди? — противным голосом спросил он.

Принцесса отступила на шаг. Мужчина был ей слишком неприятен. Даже не внешне, это можно было бы стерпеть, хоть внешность у него и была отталкивающей: почти лысый, толстый, невысокого роста, похожий на надувной мячик, с ужасным, просто отвратительным запахом изо рта... Само его поведение отталкивало от него.

Голос был приторным и писклявым. Пожалуй, даже манера держать себя, что была у лорда Теодора, нравилась девушке больше: тот хотя и говорил слишком слащаво с ней, видимо, мог общаться и по-другому (со своей сестрой он говорил совершенно нормально).

— Она делает тут то, что ей нужно! — бросила в ответ Мария.

Хозяин трактирчика, а если говорить точнее, обыкновенного дешёвого борделя, недовольно хмыкнул, а после вдруг со всей силы ударил девушку по лицу. Принцесса упала от этого удара.

— Леди не умеет держать свой острый язычок за зубами... — гадко прошептал-пропел толстяк.

Будущая правительница сказочного мира медленно поднялась на ноги, вытерла кровь с лица и плюнула под ноги этому мужчине, после этого вдруг ударила его в пах и, воспользовавшись тем, что мужчина стонал и выл, а также смятением в зале, выбежала из борделя. Называть его трактиром она бы больше не смогла...

Человек, что приютил её и русалочку, стоял там, на улице. Только сейчас до Марии дошёл тот факт, что этот мужчина просто не поспевал за ней. Значит, он не заходил с ней в трактир, а значит...

— Э-э-э... Вы не видели, кто заходил со мной вон туда?! — прокричала девушка, а потом, вспомнив, что она нашла в этом здании совсем не друзей, подбежала к знакомому и спряталась у него за спиной.

Из-за двери, за которой и скрывался тот бордель, вышел парень. Он не был похож на основную массу завсегдаев этого заведения. Хотя бы тем, что он был намного моложе оных. А также своим поведением, ну или привычками (он не полез к ней обниматься, только увидев её, не попытался убить, изнасиловать или сделать что-то в этом роде, не выглядел пьяным), да и внешним видом...

Кожа у него была слишком светлая, казалось, он вообще никогда не бывал на солнечном свете, волосы — тщательно расчёсаны, да и вообще были собраны во что-то довольно аккуратное... Что ещё позабавило девушку в нём, так это уши: они были похожи на уши эльфов, про которых Мария читала в книгах.

— Вы заходили туда со мной? — поинтересовалась Фаррел.

Парень кивнул и улыбнулся. Освещаемый фонарями, он казался совсем уж нереальным. Особенно, учитывая посетителей борделя, которые вряд ли выглядели бы так хрупко.

***

У Джулии Траонт началась депрессия. Об этом мог сказать любой обитатель её замка. А особенно — её служанки, которые бегали и сутились, боясь оставаться с герцогиней наедине больше одной секунды.

Каталине в этом плане повезло. В качестве вознаграждения за помощь ей позволили взять отпускные. Да, это была всего лишь неделя, но, учитывая условия работы в замке... Это был огромный отпуск, в течение которого она могла так много сделать.

В частности, снова попытаться найти свою сестру. Той уже пятнадцать... Такая взрослая! Особенно учитывая то, что последний раз Каталина видела её четырнадцать лет назад. Той был всего лишь годик... Какая же она была очаровательная! Интересно, что с ней сейчас?

Каталина вошла в небольшую комнатку в доме, что находился в середине района для бедных. Это было всё, на что она смогла накопить... Конечно, не самый хороший вариант, но лучше, чем ничего.

— Ах, ты! Дура старая! — услышала девушка вопль своего соседа, обращённый к жене.

Раздался звук удара, потом — женский визг, после — звук соприкосновения чего-то тяжёлого с человеческим телом, а в самом конце — звук падения. Пал кто-то грузный: потолок в комнате Каталины чуть не проломился от этого. Вероятно, это был, всё-таки, сосед.

Служанка леди Джулии лишь усмехнулась. Её совсем не касались проблемы этой супружеской четы. Хотя, когда она ночевала в этой своей комнатке, их вопли ей сильно мешали. Но, наверное, их постоянные ссоры, которые нередко кончались чуть ли не поножовщиной, всё же не её дело.

Сегодня всё ещё хорошо закончилось...

В дверь постучали. Девушка бросилась открывать. На пороге стоял тот мужчина, которому Милена передавала бумаги герцогини Джулии. Он был один. Он был совершенно спокоен. Но что-то в нём пугало Каталину.

Возможно, именно то, что он смог совершенно спокойно узнать её адрес, прийти к ней, а также то, что в руке он держал нож. Это был самый обычный кухонный нож, которым мы режем, скажем, хлеб или колбасу...

В следующее мгновение человек вонзил девушке нож в живот. Он сделал это абсолютно спокойно, движения были быстрыми, но не беспокойными. В это время он смотрел в глаза Каталине. Что пугало её ещё больше, так это то, что ни одной эмоции не промелькнуло в его взгляде.

— Это тебе за мою сестрёнку... — сказал он ледяным тоном и вышел из комнаты.

Каталина осталась лежать на полу, истекая кровью. Никто не спешил ей на помощь...

***

Альфонс стоял перед городским судьёй и уже целых два часа пытался объяснить тому ситуацию. Тот лишь заявлял время от времени, что королевские войска ничего такого не делают. Это всё совершается по приказу сверху, то есть по приказу короля или первого министра.

Впрочем, судьё надоедало спорить с навязчивым молодым человеком, которого он, к

тому же, совсем не знал. Это был уже пожилой человек, тщедушный, несколько злой, до безумия ограниченный.

Именно так друг принцессы оказался в городской тюрьме. Темница, куда его бросили, находилась в полу подвальном помещении. Света почти не поступало, было сыро, кое-где шастали крысы...

Да, не самое лучшее место для размышлений... Конечно, Альфонс не простил бы себя, если бы не пошёл два часа назад спорить с судьёй, но сидеть тут было не слишком приятно.

Часовой ходил около камеры. Парень прекрасно видел его. То был ещё молодой мужчина крепкого телосложения; друг принцессы прекрасно понимал, что не сможет справиться с ним в честном бою.

— Эй! — позвал его Альфонс. — Подойдите, пожалуйста!

Часовой с важным видом подошёл к заключённому. Впрочем, и важность, и суровость были напускным. Это было понятно по его взгляду, в котором явно читалась фраза: “Что я тут вообще забыл?”.

— Вы не знаете, почему королевская охрана повысила налоги?

Часовой оглянулся, проверив, что никого рядом нет. Потом снова посмотрел по сторонам, вдруг подошёл к двери и запер её изнутри, а после подошёл к пленнику, что задал ему вопрос.

— Война идёт, парень... Об этом пока население не знает, но... мы воюем. Не хватает средств на армию.

Мужчина отпер дверь, стал снова ходить туда-сюда, больше не отвлекаясь на заключённого, который, казалось, хотел спросить ещё что-то. Впрочем, теперь Альфонс лучше понимал цель путешествия Седрика на Землю. Возможно, паренёк и не знал об этом, но Марию он доставил в сказочный мир лишь для того, чтобы та помогла победить в войне... Это была худшая новость за сегодняшний день, которую парень смог для себя узнать.

***

Седрик, наконец, получил у Каи разрешение встать и попробовать сделать несколько шагов по направлению к выходу из пещеры. Реми, видя, как он постоянно охает, проклиная свой пацифизм, захохотала, но после вдруг замолкла и чуть не заплакала.

Паул, заметив это, встал со своей табуретки, поискал что-то в своих карманах и протянул предсказательнице носовой платок. Та высморкалась и сунула его в карман некроманта.

Мужчина вздохнул, но, однако, решил, что не стоит сейчас как-либо беспокоить этих детишек. Впрочем, мага волновало ещё то, что Альфонс всё ещё не возвращался. Это было плохо для чернокнижника: вряд ли эта компания куда-то отправится без того парня.

— Предлагаю совершить небольшую экскурсию в самый ближний отсюда город... Мне от вас не отвяжаться, видимо... — медленно, чуть ли не по слогам, проговорил Паул.

Седрик радостно кивнул и сказал, что он был бы рад показать Реми и Кае места, в которых он уже бывал. “Птица” подлетела к нему и начала щебетать что-то про то, как было бы здорово много путешествовать, объездить весь мир и всё узнать.

— Боюсь, вы не поняли. — Строго сказал некромант. — Мы совершаем экскурсию в лавку с ингредиентами для моих зелий. Потому как кто-то недавно разбил стакан с бесценным доказательством того, что тёмная магия во много раз превосходит светлую...

Кая буркнула что-то про то, что, зайдя в лавку, где зельевар может купить себе

ингредиенты для ядов или взрывчатых веществ, она, простая служанка, сможет найти ингредиенты для лекарства, которое может им понадобиться.

Реми было всё равно, куда идти. Ей просто не хотелось больше находиться в мрачной пещере, которую чернокнижник считал своим домом. Тут было слишком темно и хмуро, а также не было ничего, над чем можно было бы вдоволь посмеяться или пошутить...

Седрик тяжело вдохнул, сказав, что ему нужно теперь искать Марию, так как от него иначе не отстанут двое, то есть король Генрих, который вручил ему эту миссию, и Альфонс, который голову ему оторвёт, если с девушкой что-то случится...

P.s. Вдохновение пришло после прочтения ориджинала Криллы)

===== I. Глава двадцатая. Зеркало души. =====

Она смотрела на своё отражение,
Не видя больше ничего другого,
Не видя моря, не видя неба,
Не видя дружбы и добродетель,
В её глазах — только отражение,
Ей безразлично, что дальше будет,
Всё промелькнёт — что ж, себе дороже
Вдруг оторваться от созерцания.
А к ней подходят и просят робко,
Она не слышит: ей безразлично.
Но кто-то вдруг одним движеньем
То зеркало, наконец, разбивает.
Осколки эти лежат повсюду,
Она собрать их пыталась тщетно,
Осколок первый поранил руку,
Второй осколок ранил другую.
Она не видит, кроме осколков,
И всё другое ей безразлично,
Она собрать их пыталась тщетно,
Но те лишь больше и больше бьются.
Её зовут, она вряд ли слышит,
А если слышит — не замечает.
Осколки эти дороже дружбы,
Дороже брата, что умирает.
Она смеяться уже не может.
Давно не может, с того момента,
Как появилось в злосчастном доме,
Оно, то зеркало, что проклятое.
Она же видит одни осколки,
Что люди где-то — она не видит,
Так поглощает больную душу
Один из самых страшных пороков.
Когда-то эта девчонка тоже
Смеялась шуткам, смотрела в небо,

Когда-то тоже любила море,
Любила брата, отца и маму.
Тогда, лишь день отделял от горя,
Она смеялась, она шутила,
Но вдруг погиб человек любимый,
Она не помнила себя в тот вечер.
Она рыдала, не переставая,
Она просила убить себя лишь,
Но появилось вдруг снова что-то...
Что именно, сказать вам не смогу.
Её душа вновь восторжествовала,
В том зеркале она увидела себя,
Увидела того, кого уже нет в мире,
Он только там теперь остался жить.
Она смотрела в зеркало, не видя
Себя, других, а только одного...
Она просила, плакала, молила,
Чтоб вместе с ним навек остаться там.
В какой-то день свершилось. Дали боги
Спокойствие измученной душе.
Она не видела, не слышала, забыла
Всё, что касалось мира, той весны.
Теперь она сидела на коленях,
Пытаясь зеркало по стёклышку собрать.
В одном осколке отражалось небо,
В другом осколке — вся её душа...

Незнакомец оказался самым обыкновенным жителем восточной части города. А подумав про эльфов, Мария нисколько не ошиблась. Тут были и эльфы, и демоны, и палладины, и обычные люди... Тут было больше рас, чем во всех фэнтезийных романах, вместе взятых!

Впрочем, девушку это заботило мало. Эльф так эльф. Главное, чтобы помог ей вернуться к друзьям или хотя бы к Деми. А то она сестру и домой, и в школу к первому сентября доставить не сможет... Какая она после этого старшая сестра?!

Дорога к его дому лежала через почти весь город. Но хоть бродить ночью — весьма интересное и занимательное занятие, сейчас ни девушка, ни её спутник не были этому рады. Всё-таки, если весь день до этого ты провёл на ногах, не имея возможности присесть хоть на секунду, то ещё одна прогулка, даже небольшая и интересная, покажется тебе вовсе не раем.

Город был чем-то похож на те города, которые были и в сказочном мире — Мария была уверена, что сейчас она находилась не там. Тут были и узкие грязные улочки, тут были и крысы, бегающие туда-сюда, не обращая никакого внимания на людей, тут были те же невысокие трёхэтажные дома, непонятно почему до сих пор не развалившиеся. Впрочем, тут всё было одновременно и по-другому. Тут было кое-какое освещение, не слишком хорошее, не все фонари горели, но всё же оно было, тут были водосточные желоба, хоть и местами дырявые, в окнах горел свет, то есть уже имелось кое-какое освещение, доступное и рядовым гражданам...

А паренька звали Густав. Он искал по всему городу свою девушку, Элию, которая непонятно куда запропастилась. Он говорил нерешительным голосом, постоянно запинаясь... Услышав это, принцесса вздохнула, про себя замечая, что больше никогда не будет путешествовать, не взяв с собой ноутбука, в котором можно было бы всё записать. А то она и забудет скоро всё с новыми впечатлениями.

Тот лишь смущённо улыбался и краснел при каждом взгляде на него. Мария даже мысленно усмехнулась. “Что это у них за менталитет такой?! Краснеет, как девица на выданье!” А вот её знакомый, которого, оказывается, звали Георг, кажется, не обратил на это никакого внимания. Он вообще был какой-то слишком заторможенный. Это было немного... странно... Особенно учитывая характеры тех, с кем обычно общалась девушка. Взять того же Альфонса...

Вспомнив про своего друга, принцесса загрустила. Он всегда умел найти выход из любой ситуации. Ей сейчас не хватало его... Интересно, а он её сейчас ищет? Наверное, да. Он никогда бы не бросил её в беде. Но именно сейчас и именно тут его не было.

— А вы случайно Элию не видели? — вдруг робко спросил Густав, с надеждой глядя на своих гостей.

Мария покачала головой. Не видела она никого! Только посетителей и работниц борделя! А, ну да, ещё и хозяина того заведения, которому она умудрилась врезать...

А вот Георг задумался. Он спросил, как выглядит эта эльфийка, на что получил странное описание: “Она самая красивая девушка!”. Для бывшего — впрочем, не совсем бывшего, он всем сердцем надеялся на это — жителя Земли это было довольно странным определением.

Принцесса же поперхнулась печеньем, которое она увлечённо поглощала в этот момент. Она хотела было посмеяться и сказать, что самая красивая девушка тут она, потому как других девушек она здесь не видит, но почему-то промолчала. Настроение у неё было самым скверным, каким могло бы быть вообще. Здесь не было тех людей, которых ей хотелось бы видеть рядом с собой, тут была совсем другая обстановка..

Мария определённо скучала по своему ноутбуку, по своему одеялу и по своей кружке с чаем... Ей хотелось сейчас оказаться дома в своей кровати... Тихо пить чай и печатать очередные рассказы...

— А как выглядит-то эта твоя самая прекрасная эльфийка?! — с усмешкой бросила девушка.

Эльф растерянно охнул и стал судорожно перечислять, какая Элия красивая. Но при этом он отчего-то не называл ни одной её черты. Это сильно раздражало. Невозможно вести поиски, не зная, кого ищешь... Мария стукнула кулаком по столу, прерывая его речь.

— Говори конкретно: как выглядит твоя девушка?! — прокричала принцесса.

Густав замолк. Георг в это время пил свой чай. Он не сразу понял, отчего именно его попутчица так взбесилась. Впрочем, вскоре он догадался. По крикам девушки и непонимающему взгляду паренька. Мужчина прекрасно понимал орущую спутницу. Он и сам начинал выходить из себя при виде человеческой тупости. Но имела ли она место сейчас? Казалось, этот эльф искренне не понимает ярости своей гостьи. В какой-то момент человеку пришла в голову мысль, которая могла бы быть гениальной, если бы... впрочем, что было “если бы”, не так важно, и он задал вопрос:

— Слушай, а ты её хотя бы раз в жизни видел?

И Густав, и Мария удивлённо уставились на мужчину. Они оба были просто в шоке от

заданного вопроса. Правда, как оказалось десятью секундами позже, немного в разных смыслах.

— Я не мог её видеть. Она же моя невеста... — пробормотал паренёк.

Георг расхохотался. Нет, конечно, он слышал, что на Земле раньше тоже жених с невестой не видели друг друга до свадьбы. Но тут... Нет, он думал, что хоть часть традиций здесь на уровне двадцать первого или хотя бы двадцатого века на Земле...

Мария же порывалась что-нибудь схватить, что-нибудь разбить, желательно о голову одного из присутствующих здесь, в общем, сказывались гены со стороны её отца, а именно — тётины.

— Ладно, а есть хоть кто-то, кто видел эту твою невесту? — проорала девушка, вконец теряющая терпение.

Паренёк отошёл от неё подальше, спрятался за Георга и пробормотал что-то вроде: “Родители её точно видели”. На что принцесса ответила, задав ещё один вопрос: “Где могут быть родители его невесты?”.

***

Кое-как сбежав из-под стражи, Альфонс чуть снова не попал в тюрьму, наорав на какое-то высокопоставленное лицо, которое ехало в карете, чуть не сбившей маленькую девочку. Впрочем, бегать, как оказалось, парень умел быстрее, чем сам он мог представить. А это, пожалуй, в сказочном мире была одна из самых необходимых способностей.

В итоге друг принцессы скоро оказался в довольно странном районе. Люди тут были совсем иные, нежели в той части города, где он уже был. Они не были беднее, но не были и богаче. Одежда у них была намного ярче, нежели у остальных, но в то же время, если приглядеться, можно было заметить, что это тоже не более чем тряпье. Они оживлённо переговаривались друг с другом. Но язык их парень понять не мог. Это не был английский, французский или немецкий — языки, один из которых был для парня родным, а два других — изучаемыми в школе. Так же их говор не был похож ни на один из языков Земли. Во всяком случае, так сейчас казалось Альфонсу.

Эти люди не замечали его или не хотели замечать. Не видели в упор. Хотя стоял он уже очень близко к ним. Это было странно. Они не оглядывались по сторонам. Будто жили в своём, другом измерении.

Парень подошёл к одному из этих людей и спросил, где он находится. Ему не ответили. Никто не обратил на него никакого внимания: они всё так же продолжали заниматься своими делами. Говор их не прекратился, наоборот, стал даже громче.

— Эй! Кто-нибудь тут меня слышит?! — проговорил Альфонс снова, на всякий случай отойдя на шаг назад.

Какой-то человек направился в его сторону и... прошёл сквозь. Это была деревушка призраков. Странное место. Друг принцессы никогда не видел такого, даже по прибытии в этот проклятый мирок. Такое было впервые. Они не замечали его, зато он прекрасно видел их. Что же это было, всё-таки, за место? И кем были эти люди до смерти?

Рядом никого не было. Эта часть города уже давно стояла заброшенной. Люди боялись приходить сюда: ведь тут каждый день и каждую ночь можно было услышать этот говор, услышать стоны, крики, увидеть странных людей, одетых, как комедианты на ярмарках... Это была та заброшенная часть города, в которую теперь никто не навещался. Разве что какой-то чернокнижник приходил, чтобы, подчинив себе духов, добиться какой-либо своей цели.

Почему-то Альфонсу вспоминался Паул. Возможно, он бы и смог поговорить с этими людьми. Ведь его они совсем не понимали. Или даже Седрик... Хотя... Эту мысль парень отбросил в тот же момент, как она к нему и пришла. Этот мелкий лорд Траонт шарахался от собственной тени. Неужели он смог бы поговорить с этими существами, не говоря уже о том, чтобы как-то подчинить их себе?

Тут было довольно холодно. Свою куртку друг принцессы уже отдал Розе, а свитер использовал для того, чтобы залезть на окно камеры и выбраться из неё, так что сейчас он оставался в одной довольно тонкой футболке, которая была бы хороша в летний солнечный день, но никак не ночью на улице, когда температура уже падала. Не самое лучшее положение...

А Мария была далеко. Парень даже не знал, где она могла бы быть. Он уже был готов сдаться, но... Разве так бы поступила она, если бы куда-то исчез он?! Да и другом она была хорошим. А друзей в беде никто не бросает. Разве что жалкие предатели и лжецы...

Призраки всё так же проходили рядом друг с другом. Никто из них не замечал незваного гостя. Это была совсем глупая и теперь непригодная предосторожность, которую эти существа отмели уже около двухсот лет назад, когда последний человек покинул эти места. Они были абсолютно уязвимы для любого достаточно сильного мага или колдуньи, но для обычных людей они казались опасными и злыми.

Они переговаривались друг с другом, не думая ни о чём... Наверное, парень не обратил бы на это никакого внимания, если бы вдруг не заметил одну девушку среди них, странно похожую на Реми. Только немного старше и волосами другого цвета. Но это была она.

Это тоже был призрак. Она невидящим взглядом смотрела на эту толпу. И вдруг её взор остановился на Альфонсе. Девушка стала медленно подходить к парню. Тот уже было приготовился к неминуемой кончине, впрочем, убежать почему-то не стал.

— Ты тоже недавно умер? — прошептала она.

Друг принцессы ошарашено покачал головой. Эта девушка была слишком странной и слишком... знакомой. Непривычно видеть среди призраков человека, которого ты уже знаешь, хоть и немного. Пусть это была и не Реми, но девушка была так похожа на неё... Парень боялся увидеть среди призраков Марию. Пожалуй, сейчас именно это стало для него самым страшным.

— Нет? А кто ты тогда?

Парень назвал своё имя. Но новый призрак только рассмеялась. От этого становилось не по себе. Впрочем, Альфонс уже стал понимать, что вряд ли кто-то из этих призраков сможет что-то сделать с ним. Но чувство какого-то недоверия всё ещё оставалось.

— Меня зовут Каталина... Я умерла... Меня убили сегодня... — прошептала девушка вдруг.

***

Джулия недовольно смотрела на своего управляющего, который только что принёс ей известие о смерти горничной. Мужчина чуть не трясся от страха, рассказывая своей леди эту новость.

Ведьма, которую отвлекли от чтения, была недовольна даже тройне. Во-первых, книга, которую она только что читала, была очень интересной и, главное, очень редкой, что говорило о том, что новость, при которой герцогиню можно было отвлекать от прочтения столь важного документа, памятника культуры даже, должна была быть важнее жизни самого этого неудачливого человека, что посмел её отвлечь. Во-вторых, Седрик до сих пор

не явился домой, хотя каникулы начались у него уже неделю назад, что Джулии Траонт, как матери, было очень неприятно, вдобавок, она очень волновалась, зная характер своего ребёнка, который ещё ни разу не уезжал куда-либо без её разрешения. В-третьих, ей теперь нужно было найти двоих горничных, так как две уже не смогут приступить к своим обязанностям. Разве что, если вспомнить основы магии, призывающей призраков... Нет. Сейчас ведьме этого совершенно не хотелось.

Управляющего из комнаты выгнали с обещанием высечь на днях. Конечно, леди Траонт забывала о половине своих приказаний, но вот это она, скорее всего, запомнила бы, взяв во внимание, что ей принесли неприятную новость, когда одна уже неприятная была, да ещё и отвлекли от прочтения... Поэтому мужчина предпочёл просто отправиться в свою комнату и постараться всем своим видом показать, что он ничего плохого не сделал, что, конечно, было правдой, а леди просто показалось. И это она сама смогла до себя довести эти новости.

Женщина же всё ещё злилась. Это понимали все слуги, которые предпочли спрятаться где-нибудь на кухне или на конюшне — в тех местах, куда герцогиня заходила реже всего. Правда, некоторым лакеям и горничным, которых, всё-таки, заставили нести хозяйке еду и одежду, а также прибраться в верхних комнатах, не повезло. Одной девушке герцогиня даже залепила пощёчину. Не со зла конечно, но залепила больно.

Паре слуг так же, как и управляющему, была обещана порка. Те даже не вспомнили о том, что девяносто восемь процентов обещаний Джулии насчёт их наказаний не исполняется. Впрочем, возможно, это и было преимущество крика этой дамы — никто даже задуматься не смел о том, что то, что она в данный момент сказала, может оказаться просто пустым звуком.

Так что сегодняшний день для всех слуг поместья Траонт выдался не слишком удачным. Даже, скорее, наоборот. Некоторые горничные плакали от обиды, услышав какие-то весьма резкие замечания в свой адрес от ведьмы Джулии, у которой сегодня было просто ужасное настроение...

***

Паул ненавидел долго находиться в обществе людей. Тем более, не слишком знакомых. Трое ребятшек, что пошли за ним, были для чернокнижника обузой. Которую он мечтал куда-нибудь сбегать. Может, отдать их продавцу ингредиентов зелий? Для каких-то препаратов, например, для зелья, останавливающего время, нужно человеческое сердце, для других, вроде зелья, которым можно было убить сразу армию, нужны были человеческий мозг и печёнка. У этих троих, вроде, на первый взгляд, со здоровьем всё в порядке...

Седрик плёлся за ним, стараясь одновременно рассказывать Реми и Кае о скудных достопримечательностях этого маленького городка, что удавалось ему не слишком хорошо. Во всяком случае, сегодня. Возможно, повлияла недавняя травма, нанесённая Альфонсом и некромантом. Возможно, ещё что... Но рассказ его был не слишком увлекательным.

Реми не слишком хорошо себя чувствовала. Она не знала, отчего именно. Но было ощущение, будто что-то откалывается от её души, навсегда уходя в прошлое. Она видела какую-то странную девушку, что была вся в крови и которая напоминала ей сестру. Это девушка в таком виде снилась ей уже три или четыре дня... А предсказательница даже не могла понять, где находится этот человек...

Кая единственная чувствовала себя прекрасно, несмотря даже на то, что всю ночь ей пришлось помогать делить Седрику и Реми самодельную кровать, на которой каждый из них хотел лежать, помогать этим же двоим спастись от Паула, который вышел из себя, не

понимая, какой это дебил может шуметь в тот момент, когда он работает, пытаться убрать всю пещеру, в которой прогремел взрыв, объясняющийся гневом чернокнижника... Она единственная была в прекрасном настроении, могла ни о чём не думать, никому не завидовать, никого сейчас не бояться и не ненавидеть...

— Как же мне хочется кого-нибудь убить... — мечтательно бормотал тёмный волшебник, которому действительно очень хотелось чьей-нибудь смерти.

Седрик недовольно поинтересовался, не хочет ли он убить себя. Юный маг объяснял это тем, что пользы от тёмной магии всё равно ноль, а значит и тёмные маги пользы никакой не приносят. А без пользы не следует и жить... Даже если ты считаешь, что достоин этого.

Чернокнижник зло посмотрел на парня, уже хотел что-нибудь пробормотать, как вдруг резко обернулся и, увидев своего старого знакомого, улыбнулся и, шепнув детям, чтобы не мешались, а лучше куда-нибудь на время отошли, воскликнул:

— О! Эрик! Как же я рад тебя видеть!

Мужчина, который подошёл к некроманту, был бледен и, вероятно, пьян. Он выглядел несколько несчастным. Он протягивал к Паулу руки, пытаясь что-то сказать, но отчего-то молчал.

Руки у него были в крови. Будто он разбил о них что-то стеклянное или хрустальное. На тыльной стороне одной из рук красовался знак, а попросту — татуировка: буква “V”.

===== I. Глава двадцать первая. Совет у короля враждебной страны. =====

Серебряный снег лежит на вершине
Огромной, седой и жестокой горы,
Блестит и сверкает он в золоте солнца,
Но будто он хочет о чём-то сказать...
Блестящее солнце, оно золотое,
Оно неживое, не знает о горе,
Не знает о страхах и боли людской,
Оно светит ярко, но холодом веет,
Когда покрывается снегом земля.
Оно неживое, но всё в позолоте.
Оно хочет света, который даёт.
Но в мире бывает такое явление:
Закаты империй, закаты всего,
А в них, хоть и жарко, порой бесконечны
Те крови потоки, пролившейся вдруг.
Закаты империй и холод традиций,
Вдруг начал, как лёд на реке, всё трещать.
И треск этот, громкий, никак не заглушит
Тот свет золотой, что всё с неба идёт.
Серебряный снег — его век так недолог,
Коль он на Земле решил выпасть зимой.
Едва ли три месяца и... Снова тает,
Но там, на горе, он так вечен, могуч...
Он там так давно, он король на вершине,
Он правит, не зная о горе людском,
Он так же, как камень, нам кажется вечным,

Конечно, людской-то ведь век очень мал.

А льды Антарктиды не тают столетия,
Хотя, даже не больше не тают те льды....

Они для нас вечны, мы их так боимся,
Что сами их губим порой и всё зря.

Не будет тех льдов — будет наша планета
Под толщей бескрайней, жестокой воды,
Не будет тех льдов и не будет животных,
Которыми мы восхищаться должны.

Не будет планеты, коль что колыхнётся,
Не будет и нас, коль не будет Земли...

А мы всё заметим лишь в миг катастрофы,
Коль даже нам мир всё сказать поспешит.

Серебряный, чуждый, лежит на вершине
Огромной, седой и жестокой горы,

Всё кажется мне, что блестит на вершине
Не снег, а слеза всей планеты Земли...

Король Алан Двенадцатый проявил себя, как правитель нервный, не слишком уравновешенный и уж больно осторожный. Он легко поддавался влиянию. Министры пользовались этой его слабостью. Шпионы тоже. Пожалуй, единственным человеком, кто не смеялся над ним, была Моника. Шпионка вообще не слишком любила смеяться над кем-либо.

А в королевстве этом была далеко не только она одна. Георг, например, один из лучших шпионов, прекрасно разбирающийся в политике и военном деле, обожал подшучивать над королём. Правда, ему позволялось это. Его заслуги были довольно велики, благодаря чему прощались многие провинности, в частности, подтруниванье над начальством.

Королевством фактически управлял первый министр. Человек довольно интересный и даже странный. Что можно сказать об этом первом министре? Пожалуй, то, что человек это был уже не молодой, но ещё и не старый, на вид ему вряд ли можно было дать больше сорока, но было прекрасно известно, что уже тридцать пять лет как он приступил к своей должности. Волосы у него казались тёмно-серыми из-за прослеживающейся седины, которая, однако, ещё не покрыла всю его голову. Так же имел он пронзительно-ясные серые глаза, которые видели и запоминали всё, что возможно было увидеть и запомнить.

Когда он пришёл на свой пост? Дата была хорошо известна: пятый день рождения единственной дочери предыдущего короля, Генриха Шестого, — Кассандры, сестры нынешнего короля. Это было прекрасное время, которое редко выпадает государству и народу — двум понятиям, которые должны быть неразделимыми, но являются вполне самостоятельными.

Сколько лет ему было тогда? Вряд ли больше тридцати. Тогда он был ещё очень молод и вступил в должность только благодаря помощи подруги своей сестры, возраста которой также никто не мог дать, так же, как не было известно и то, старше она была его или моложе, Джулии Траонт, герцогини, которая жила в сказочном и приходилась сводной старшей сестрой тому королю, которой он был обязан и так. Как именно? Никто не знал.

Так же про него было известно, что человек это был, в общем, добрый, хоть и суровый. Он прекрасно справлялся с обязанностями, добросовестно выполнял свою работу.

Женщины его обожали, он их тоже, что, впрочем, не помешало ему остаться холостяком. Он прекрасно находил время для всевозможных развлечений, даже решая самые сложные государственные задачи.

Его вряд ли кто мог застать за требованием или присвоением какой-либо суммы денег, которую он не имел право брать. Он также никогда не пытался дать кому-либо взятку, что в его положении вряд ли было бы оправданным.

Это был тот человек, который является почвой для слухов и сплетен, но сам подобными вещами заниматься не любит.

Это был человек, к которому обращались за помощью в особо трудных ситуациях, но... Для того, чтобы попасть к нему на приём, нужна была всего лишь одна вещь — его подпись на каком-либо документе. А свои автографы ставить он не любил.

Так же было известно, что именно он нанял на работу семь лет назад некоего Георга Хоффмана, амбициозного и умного человека, даже юношу, лет восемнадцати-двадцати, которому через некоторое время был присвоен титул графа. Это был единственный человек, которого молодой шпион уважал. Почему именно?

Никто не видел, чтобы первый министр хоть раз в жизни поднял на кого-то голос или, упаси Господи, руку. Он всегда держал перед всеми репутацию абсолютно спокойного и невозмутимого человека. Вёл себя он всегда спокойно, даже нарочито спокойно, всегда был аккуратно и по моде одет, гладко выбрит, безукоризненно причёсан. Вполне возможно, что все эти качества истекали из гордыни герцога.

Был начитан, никто не помнил случая, чтобы он не мог поддержать разговор, если речь шла о литературе, или не мог возразить в ответ на какое-то оскорбление так, чтобы избежать скандала. Казалось, политик следил и знал все возможные книги, что уже стали классикой, и те, которые только начали печатать.

Он сумел превратить захудалое королевство в сильную военную державу, с которой считалась даже Лунная империя.

Имя его упоминалось редко. А если и упоминалось, было часто различным: кто-то называл его Ибрагимом, кто-то — Абрахамом, кто-то — Гаем, а кто-то — Эдуардом. Как же звали этого человека на самом деле, знали только несколько людей во всём королевстве, да и едва ли больше за его пределами.

Он всегда был неким сочетанием чистоты и порока, что с удивительной гармонией уживались в нём. Возможно, именно эта его черта вызывала уважение у Хоффмана, который сам был странным сочетанием чести и бесчестья.

Нередко люди уважают и любят тех, с кем похожи.

Единственное, что было известно о первом министре наверняка, так это его фамилия, ставившаяся на документах, которая, впрочем, могла оказаться и ложной. Фамилия его была несколько простой для дворянина. Делюжан.

Итак, каждый четверг в этом королевстве проводились малые военные советы, каждый месяц — средние, а каждые три месяца — крупные. Отличались они лишь количеством присутствующих, основные лица были всегда, и решали всегда именно они.

Этих лиц было немного. Всего лишь шестеро. То был король, который никогда и ничего не говорил сам, сидел тихо и был весьма кроток; министр Делюжан, который всегда всё решал, но почти никогда не предлагал; Георг Хоффман, весьма выдающийся член Тайной Канцелярии, у которого всегда были новые идеи, из которых он озвучивал только те, которые считал блестящими, — впрочем, даже самый тщательный отбор не помогал,

говорил он всё равно больше всех, нередко пуская в ход весьма едкие и ядовитые словечки и шутки по отношению ко всем, а в особенности — к королю, что ему, как уже было сказано ранее, прощалось, хотя иногда он предлагал что-то совершенно невообразимое, что оказывалось в последствии единственно правильным решением той проблемы; Гораций Бейнот, человек также молодой, амбициозный, но несколько более вспыльчивый и оттого кажущийся менее умным, предлагающий все свои идеи и планы, из которых некоторые были слишком сырыми и недоработанными, впрочем, актуальности они от этого не теряли; Алесия Хайнтс, племянница короля, девушка непомерно гордая, независимая и тщеславная, одевавшаяся довольно просто и даже грубо, впрочем, не лишённая обаяния, — ей было всего двадцать три года, что не мешало ей манипулировать многими мужчинами и женщинами, ищущими её расположения, — обычно на тайных советах она молчала, ссылаясь на то, что всё равно ничего не понимает, однако слушала всё внимательно и нередко вставляла свои комментарии, весьма резкие и точные, что соответствовало её характеру; а также пожилой военачальник Теодор Норд, полноватый, добродушный, но вспыльчивый и несколько грубый, что очень мешало ему двигаться по карьерной лестнице, выросший на севере королевства и бывший бастардом одного знатного лорда, — когда-то в войне с королевством Кэй был ранен в правое колено, рана была вполне успешно вылечена, но хромота так и осталась с ним на всю жизнь, — он нередко предлагал почти блестящие идеи, которые Делюжан успешно дорабатывал. Это была шестёрка, которая фактически управляла государством. Так же иногда на таких советах присутствовали ещё четверо, которым, правда, право голоса не давали. Это были старший сын короля, наследный принц Эдуард, пятнадцатилетний подросток, слишком худой и тонкий для своего возраста, но уже довольно высокий, которого мать ещё боялась отпускать одного из-за его болезненности в детстве — впрочем, и сейчас тоже, — мальчик несколько заносчивый, но добрый, над горячностью и торопливостью которого посмеивались королевские слуги, пересекавшиеся с принцем; Риттер Тайм, чопорный до мозга костей аристократ, всегда делающий точно так, как велит инструкция, без грамма собственного воображения и фантазии, которая, казалось, у него отсутствовала, впрочем, как и душа, он напоминал всей своей худой вытянутой фигурой, сухой, как он сам, всеми своими поклонами и улыбками маятник, который никогда не идёт против системы; Моника Эливейт, мрачной девушки из Тайной Канцелярии, всегда одетой просто и со вкусом, слишком честно, для человека, работающего в таких кругах, по-своему несчастной, она была спасена графом Вейрдом от самоубийства и теперь работала на него, что не всегда было понятно по их взаимоотношениям; и Демолиш Инсертион, учёный, всегда вежливый, добрый и милый, но слишком незаметный — его присутствие никогда не мешало, его почти никто не замечал, жил он в своём собственном мире и никого не трогал, — пропускающий всё мимо ушей, это был человек, которого не видели в упор, хоть он видел всех и всем пытался как-то помочь, он не умел возражать, точно так же, как и повиноваться, наверное, его облили бы грязью, если бы он был хоть чуточку приметнее или бросался в глаза, как тот же Крекпот, получивший славу великого, хоть и сумасшедшего, химика, но Демолиша никто не видел, что несомненно было бы ему на руку, если бы он попытался извлечь из чего-либо выгоду.

В этот раз в небольшом кабинете собрались все из этой десятки. Король в парадном белом мундире сидел за стоявшим там зелёным письменным столом и рассматривал бумаги. То были различные письма и карты, старые записи, сделанные на тайных советах, и выписки из книг, которые могли бы пригодиться. За правителем стоял принц, наследник престола,

Эдуард, недавно перенёсший очередную простуду и одетый матерью в несколько тёплых шерстяных кофт. Он заметно шурился, разглядывая остальных присутствующих здесь. Делюжан ходил по центру комнаты, он убрал руки за спину и из-за это казался более важным, нежели был на самом деле. Георг Хоффман, единственный, кто уселся на кожаном диване. В его руках была какая-то книга, которую он без всякого зазрения совести читал прямо при короле, одет он был так же, как и всегда: бардовый свитер, которому было, наверное, уже больше десяти лет, надеваемый графом постоянно — на холод или жару — износившийся и потерявший цвет, тёмно-серые штаны примерно такого же возраста, как и свитер, также постоянно одеваемый шпионом, и серые ботинки, которые, в отличие от своих товарищей, были куплены совсем недавно — обувь у этого человека изнашивалась быстро, — и поэтому ещё не потерявшие товарный вид. Над внешним видом этого человека долгое время пытались хлопотать Делюжан и Моника, но безуспешно. Через какое-то время даже они бросили это занятие. Алесия сидела в соседнем кресле и о чём-то думала. Её светлые короткие волосы — она обрезала свои косы около года назад — были растрёпаны, очевидно, девушка торопилась на совет, присутствующим было интересно, откуда именно, но все молчали, боясь вызвать ту бурную реакцию, что могла последовать. Она, как и Хоффман, не стала долго примерять наряды и оделась в ту одежду, в которой всегда ходила. В конце концов, еженедельные советы не всем будут казаться праздником.

Гораций и Теодор предпочли для себя довольно скромные стулья, находившиеся у противоположной стены, дивану и креслу. Оба человека не хотели сейчас ни привлекать чьё-то внимание, ни совсем уж засиживаться в тени. Человек должен что-то делать, иначе совсем раскиснет. Именно поэтому здесь находился лорд Тайм, как всегда очень строго и официально одетый, он сел рядом с военачальниками, выбравшими для себя этот угол. Его присутствие сильно нервировало остальных членов совета. В частности Делюжана, который это, впрочем, не показывал. Для Моника стула не осталось, поэтому она встала между книжным шкафом и Риттером, которого она единственная могла хоть как-то понимать. Около входа, на ковре, робко приютился Инсертон. Учёный так не хотел кого-либо потревожить своим присутствием, что позабыл о собственных удобствах.

— Думаю, вы осведомлены, почему именно созван этот, — Делюжан сделал ударение на последнем слове, — тайный малый военный совет.

Голос у него был низкий и весьма приятный. В нём никогда не прослеживалось ни капли резкости или предвзятости к кому-либо, даже если она на самом деле имела место. Так же голос его всегда слышали, даже учитывая то, что он говорил очень тихо.

Как только были произнесены эти слова, Георг с видимым неудовольствием отложил очень интересную книгу и показал, что готов слушать. Первый министр, заметивший это, чуть улыбнулся.

Этот человек обожал тех, кто был в Тайной Канцелярии, ведь создана она была именно им, и считал тех чуть ли не своими детьми. Наверное, именно поэтому им так много прощалось. Быть кем-то для человека, управляющего страной, пусть даже не на бумагах, довольно выгодно. Особенно если этот человек обладает некоторыми чертами характера.

Делюжан ими обладал.

— Так вот... Надеюсь, у вас есть идеи сегодня? — Спросил он, снова выделив слово, на этот раз «сегодня».

Георг задумался. Вообще-то, он еще утром приготовил несколько довольно интересных идей, но... Он привык выставлять напоказ что-то уже готовое, то, в чём есть не только

смысл, но и внешняя оболочка, на которую люди всегда любят обращать внимание.

Демолиш робко посмотрел на министра, но говорить что-то побоялся, хоть идеи у него были. Впрочем, вряд ли кто-то заметил бы, что он посмел что-то произнести. Его речь воспринималась другими, как ничего не значащий шелест листьев, к которому никогда никто не прислушивается и до которого редко кому есть дело.

Гораций же, только сгенерировав новую свою идею, как всегда решил вставить свои пять копеек, как нередко говорят в простонародье, и заодно выпендриться тем, что именно он до этого додумался первым.

— Я считаю, что... — начал он весьма резко и торопливо, но запнулся из-за того, что попросту забыл свою идею, и был вынужден снова сесть, обдумывать свои гениальные планы дальше.

Эдуард не смог сдержать смешка. Алесия фыркнула. Теодор с сочувствием посмотрел на молодого человека. Он один понимал, как трудно жить и пробиваться с таким характером. Хорошо быть энтузиастом, но на этом одном качестве далеко не выедешь. Пожилой вояка знал это, как не знал никто другой. Георг Хоффман, пытающийся отшлифовать свой очередной план, вдруг задал вопрос, в умах остальных людей, присутствовавших здесь, совершенно ничего не значащий, глупый и противоречивший самой цели данного собрания.

— А что, если поддержать эту девочку?

Делюжан цыкнул на него, Алесия расхохоталась в голос, Инсертсион с сожалением посмотрел на предложившего: он сам разделял это мнение, но сказать это вслух не мог, — наследный принц отступил на шаг назад, пытаясь не показать страха. Мальчик всегда настороженно относился ко всем членам военных советов, кроме троих: Демолиша, Горация и Теодора, которых он явно недооценивал и вообще считал никчёмными и бесполезными.

Граф, увидев реакцию на его предложение, пожал плечами, поднялся с дивана и быстрым шагом вышел, хлопнув дверью. Такое уже неоднократно случалось, и первый министр задумался, не является ли его идея хорошей, но одёрнул себя, решив, что на этот раз всё будет не так, как обычно.

Риттер Тайм осторожно шепнул Монике, что абсолютно не понимает, почему этого шпиона ещё не выгнали, коль тот позволяет себе такую дерзость — выходить из комнаты без разрешения и не попрощавшись — при самом короле. Та слабо улыбнулась и заметила, что сама этого никак понять не может.

Гораций вдруг снова поднялся и спросил, чем не нравится присутствующим идея его конкурента, за которого прежде никогда не заступался, был снова осмеян и удалён с сегодняшнего заседания под предлогом плохого самочувствия.

Дальше всё шло ровно так, как было обычно. Все долго думали над тем, что же именно можно сделать в той ситуации, в которой они находились, никто долго не мог предложить идеи, которая устраивала бы первого министра. В итоге решение предложила Алесия, которой сидеть тут надоело, и она просто решила что-то ляпнуть, чтобы её, как и Горация, попросили удалиться из этого кабинета.

Почему-то именно её идея пришлась по вкусу как Делюжану, так и королю Алану. Так же это предложение устраивало всех остальных членов совета. Впрочем, принца Эдуарда сейчас устроил бы любой вариант. Он устал стоять почти неподвижно и ничего толком не делать: юноше хотелось поскорее уйти отсюда и кое-кого встретить, тем более, что он обещал этому человеку быть сейчас в одном месте, которое считал тайным и непригодным

для чьих-то ещё встреч, что было не совсем верным, потому как вся Тайная Канцелярия любила иногда наблюдать за ним и фрейлиной, которая, в принципе, и должна была туда приходить.

— Думаю, Ваше Величество, принцу следует отдохнуть... Вы в его возрасте вообще не переносили советы, а он... Ребёнку нужны движение и воздух. А тут нет ни того, ни другого. Что скажете? — прошептал на ухо королю первый министр, вспомнивший про время ежедневных встреч принца с этой белокурой Луизой, заботясь о том, чтобы ни мальчик, ни кто другой, кроме короля, не услышал его слов.

Монарх рассеянно кивнул.

— Ваше Высочество, Вы не устали тут находиться? Может, Вы хотели бы выйти подышать свежим воздухом?

Принц поспешил воспользоваться этой благосклонностью к нему и, поклонившись и поблагодарив всех присутствующих здесь, вышел. Нельзя было описать того радостного, почти странного состояния какого-то блаженства, которое завладело наследником престола в ту минуту. Паренёк почти долетел до сада.

Там, у развалин часовни, столь старой, что когда-то в этих местах обожала гулять супруга Ордоангского лорда, леди Кейтилин, тогда ещё принцесса королевства Анэз, темноволосая красавица, когда-то прозванная королевой красоты, мальчик встретил Луизу. В тот момент эта девочка казалась той странной тенью принцессы Кейтилин.

То была многим примечательная девушка, а затем и женщина. С рождения обладая чудесной красотой, она воспитывалась за стенами дворца и никогда не выходила за пределы Великой стены, что была воздвигнута для того, чтобы никакой непосвящённый человек не мог увидеть лиц королевы и её детей.

Кейтилин была очаровательным ребёнком, живым и гордым. Ей позволяли делать всё, что бы она ни пожелала. Её порой называли ребёнком Луны. Она имела необычайно светлую и нежную кожу, которая никогда не была тронута загаром, роскошные чёрные волосы — о косах младшей принцессы мечтали многие девушки, — невероятно ясные и выразительные серые глаза, которые имели необычайную способность смотреть прямо в душу. Её уму и обаянию завидовали многие.

Это была одна из тех совершенно особенных женщин и девушек, которые не отталкивают от себя мужчин чрезмерной женственностью и нежностью, не будучи при этом несколько грубоватыми и мужеподобными. Принцессе пришлось по политическим соображениям выйти замуж за лорда Артура, которого она, всё-таки, сумела полюбить, несмотря на то, что брак был заключён по расчёту.

Эти развалины, которые были развалинами уже в то время, ныне служили наследнику престола королевства Анэз и фрейлине местом для встреч.

Луиза была тоненькой белокурой сообразительной девочкой. Ей едва стукнуло четырнадцать лет, но она считала себя и считалась одной из самых обаятельных фрейлин. Она была слишком худенькой и маленькой, что не портило её. Волосы девочки сильно вились, что, казалось, давало ей возможность в будущем стать похожей на королеву Муд, живущую и поныне мать короля Алана, властную вдову, которая до сих пор оставалась красивой, несмотря на свой преклонный возраст и скверный характер.

У Луизы была младшая сестрёнка. Они являлись близняшками, но похожими почему-то не казались. Файлир была более хрупкой и скромной, чем её старшая сестра. Возлюбленная принца отличалась задорным нравом и взрывным характером. Её трудно было утихомирить,

но остальные фрейлины и даже строгие статс-дамы смотрели на это сквозь пальцы, прощая воспитаннице и подруге мелкие шалости и выходки, порой весьма дерзкие и смелые.

Файлир была замкнутой. Она никогда не принимала участие в забавах сестры и была очень рассержена и напугана, больше, конечно, второе, узнав, что в Луизу влюблён сам принц Эдуард, мальчик, как уже говорилось выше, довольно пылкий и преданный, как многие в его возрасте, но при этом остававшийся наследником престола.

Сейчас четырнадцатилетняя красавица Луиза сидела около фонтана и рассматривала найденный ей цветок. Принц подбежал к девочке, извинился за своё опоздание, объяснив это тем, что его задержали на совете, подарил ей букет, вероятно, прихваченный из вазы на одном из столов в обеденном зале.

Та демонстративно вздохнула, но подарок приняла, при этом заявив, что в следующий раз она ждать своего кавалера не намерена и что опаздывать — привилегия, всё-таки, именно девушек, которой она никогда не пользовалась.

— Но что же мне делать, Луиза, чтобы как-то искупить свою вину? — удивленно прошептал наследник, пытаясь снова расположить к себе леди.

Леди эта в своём юном возрасте уже славилась своей капризностью. Многим мужчинам нравилась эта живая и бойкая фрейлина, но ни одному ещё не удалось получить её благосклонности. Девочка предъявляла столь высокие требования к своим ухажёрам, что те очень быстро сдавались.

Луиза хмыкнула и хотела было что-то сказать, как прямо перед ней через забор перемахнуло какое-то существо, заметило их, извинилось за то, что не вовремя появилось и спросило, не знают ли они, как добраться до дворца короля этого королевства.

Эдуард изумлённо открыл рот.

— А зачем вам это? — спросил парень, на всякий случай отходя на шаг подальше, а заодно и отталкивая любопытную Луизу от неизвестного существа.

Существо кашлянуло, потёрло ушибленные колени и представилось, коротко и сухо бросив только одно слово: “Мария”. После эта девушка поднялась на ноги и направилась к зданию, которое было видно и из этого сада.

***

Эрик оказался старым другом Паула. Они долго разговаривали, не обращая внимания на тихие посвистывания Реми, которая пыталась намекнуть на то, что разговор пора бы уже заканчивать, ни на покашливания Каи, которая хотела сказать то же самое... А Седрик молчал. Точнее, он просто рассматривал и пытался, вероятно, заставить магазин книг по белой магии подарить ему половину — а лучше даже две трети — всех своих товаров.

Чернокнижник же продолжал общаться с этим Эриком. Оказалось, что у того случилась беда — казнили сестру. И всё из-за какой-то девицы лёгкого поведения, что накапала на неё Джулии Траонт!

Паулу — весь вид его говорил об этом — очень хотелось спросить, что именно сестра Эрика делала у леди Траонт, но он воздержался от этого некорректного вопроса, понимая, что в лучшем случае его просто побьют. И никакая магия ему в таком случае не поможет.

— А что с той девицей? — решил направить хоть в какое-то русло своё любопытство некромант.

Революционер осуждающе посмотрел на друга, а после выдал что-то вроде “Что с ней, что с ней... Убил я её. Что с ней...” и снова стал сбивчиво рассказывать, какой прекрасной девушкой была его младшая сестра, Милена... И красавица, и умница, и добрая до

невозможности...

— Милена? — вдруг спросила вышедшая из укрытия Кая. — Умерла?

Эрик кивнул и мрачно посмотрел на девушку. Паул хотел было отправить её обратно к тем двоим, но, увидев, что вопросов вроде “А кто это?” ему пока не задают, не стал этого делать.

— Жаль её... Хоть мы и не очень ладили... — вздохнула бывшая служанка лорда Траонта.

Она присела рядом с Эриком и стала рассказывать легенду, что когда-то читала ей мама. Про город, где живут умершие люди, про то, что живут они в достатке, теперь не зная бед, про то, что каждый после смерти попадает туда...

===== I. Глава двадцать вторая. Ребёнок демона. =====

Она никогда не ходила по краю,
Она боялась увидеть кровь,
Она смеялась, живя беспечно,
Она любила, боясь всего.
Девчонку эту заметил демон,
Не просто демон, а Люцифер,
Она, его не увидев вовсе,
Читала книжку в доме своём.
Она смеялась, шутила глупо,
Когда о ней говорили вслух,
Была никем, просто серой мышкой,
И вряд ли вспомнила бы о нём.
Она здоровалась и прощалась,
Махала вслед, утирая нос,
А после снова читала книжку,
Вновь погружаясь в тот новый мир.
Девчонка эта лгала бездумно,
Не замечая сама вранья,
Шутила, плакала и рыдала,
Не понимая, что всё лишь фальшь.
В какой-то миг вдруг всё изменилось:
Отгул и счастье, измена, крик...
Машина, гонка и вдруг больница...
А после что-то, что не забыть.
Она увидела, испугалась,
Боясь, отвергла, прокляла,
А он смеялся её проклятьям,
Он — только демон, не человек.
Девчонка плакала, нет, рыдала,
Клялась себе, что вот-вот аборт,
Но слишком поздно, ребёнок будет,
Она его ненавидит душой...
Никто не вспомнит и не поможет,
Она забыта, она — никто,

Она, родив, прошептала только:
“Как ненавижу”... И умерла.
Врачи смотрели. Смотрели молча.
Не зная даже, что им сказать,
А акушерка вообще рыдала,
Просила только усыновить.
И демон вряд ли теперь увидит
Своё дитя, кому нет семи,
Смешную девочку, совсем ребёнка,
Какой была тогда и та...

Альфонс очнулся в совершенно непонятном помещении. Это была точно не его комната, не комната в квартире Марии и Розы, не замок того странного лорда Траонта и не пещера Паула. В этой комнате было довольно светло, мебель — старая и шаткая, кое-где видна паутина...

В какой-то момент парень заметил перед собой девочку лет одиннадцати. Она была совсем худенькой, небольшого роста, волосы её были неприятного ржавого цвета, личико — совсем бледным, а большие чёрные глаза смотрели пристально и внимательно. Её тонкие губы скривились то ли от страха, то ли от презрения, то ли от чего-то ещё. Она смотрела на своего гостя. И всё. Просто смотрела, не отрываясь.

Альфонс не знал, что ему думать: перед ним стоит маленькая хрупкая девочка, которую бояться даже смешно, тем более, для него, если он пытается доказать Марии, что может защищать её, что больше никогда не поступит так, как поступил тогда, ещё совсем давно... Ему до сих пор стыдно за ту свою минутную слабость, трусость, ему жалко, что это произошло, что Мария теперь думает, что это он нуждается в её защите. А ведь она, пожалуй, защищала его. Особенно раньше... Могла наорать на любого, кто посмел бы посмеяться над ним, кто посмел бы задеть его чувства. Парень усмехнулся. Да уж... Сейчас он врезал бы любому, кто посмел бы посмеяться над Марией. Но, наверное, девушка сама задаст ему за то, что посмел вмешиваться в её дела. Внезапно Альфонс вновь посмотрел на эту девочку. И ему снова стало не по себе.

— Как тебя зовут? — услышал парень детский голос.

Но он мог поклясться чем угодно, что этот ребёнок не раскрывал рта.

А чёрные глаза девочки всё так же смотрели на него, будто пытались просверлить дыру, сжечь его взглядом — что угодно, но парень не мог понять, как этот взгляд может принадлежать ребёнку...

— Как тебя зовут? — повторил тот же голос.

Парень в тот момент пристально смотрел на девочку. И опять: рта она точно не открывала. Она нахмурила брови, её губы искривились ещё больше: детское прелестное личико казалось теперь некрасивым.

— Альфонс... — тихо произнёс юноша.

Отчего-то он снова вспоминает Марию, как она пригласила его к себе впервые на свой день рождения, как целый вечер читала свои — тогда ещё совсем детские и наивные — рассказы, как рассказывала о младшей сестрёнке Розе, которая ещё не может играть с ней в те игры, которые бы хотелось играть старшей, как она с умным видом расспрашивала его о планах на будущее... А ведь они тогда ещё даже не ходили в школу...

— Кто эта девушка? — прозвучал вопрос.

Парень изумлённо посмотрел на девочку, что стояла перед ним. Ну, не мысли же она читала, в конце, концов! Хотя, если учитывать, куда они сейчас попали... Да... Вряд ли в этом мире можно хоть чему-то удивляться. Но говорить этой особе о Марии не слишком-то хотелось. Мало ли, кем именно является это создание? Альфонс лишь покачал головой.

Девочка хмурится. Затем следует громкий хлопок, после чего парень в ужасе хватается за голову. Кажется, её вот-вот разорвёт на части. Он не может ни на чём сосредоточиться, он уже почти ничего не видит, а в голове пульсирует лишь одна мысль: “Не говорить, не говорить, не говорить...”.

В какой-то момент, Альфонс чувствует, что начинает задыхаться. И тут боль отпускает его...

— Скажи, кто она! — требует детский голос.

Парень со злостью смотрит на девочку. Та лишь снова хмурится, но взгляда не отводит. В этот момент ребёнок казался ему почти демоном. В ней всё было... совсем другое...

— Да, я демон... — произносит голосок. — Правда, нечистокровный: моя мать была человеком. Человеком быть так скучно, не правда ли?

Альфонс обессиленно качает головой, но девочка, кажется, не замечает этого. Она тихонько проходит мимо него, берёт в руку яблоко, впивается в него острыми зубками...

— Говоришь, нескучно? Тогда, расскажи о себе! — требует ребёнок в следующую секунду.

Парень пытается приподняться. Это получается не сразу. Первая, вторая, третья, даже десятая попытка проваливаются. Только с одиннадцатой ему удаётся встать на ноги.

— А что тебе рассказывать?

Голос кажется другу принцессы чужим, незнакомым: охрипший, глухой, более низкий, нежели обычно... Будто бы и не он произносил несколько минут назад своё имя. Девочка подсакивает к нему и заглядывает в глаза.

— А ты говоришь — нескучно... — её губы снова даже не шевельнулись.

Парень смотрит ей в глаза и убеждается в том, что они вряд ли могут принадлежать человеку. Даже Седрик не казался ему настолько странным и, как ни стыдно было это признавать, пугающим...

— А почему ты просишь меня рассказать? Если быть человеком скучно, насколько же интереснее быть демоном?

Губы девочки дрогнули...

— Я не знаю всего, что происходило в моей жизни... Знаешь, у демонов началом жизни считается не рождение, а тот момент, когда его отец и мать впервые встретились... Обычно маленьким демонам об этом рассказывают родители. Но я не знаю своих... Но мы можем передавать те воспоминания, о которых сами не помним. Я покажу их тебе. Расскажешь о том, что увидел?

Девочка снова посмотрела на него, и парень вздрогнул, сначала от неожиданности, а затем — от ужаса. По лицу этого ребёнка текла кровь. Альфонс мог поклясться, что это была кровь. Постоянно общаясь с Марией, он уже должен был привыкнуть к виду постоянных синяков, царапин, кровоподтёков, но тут было совсем другое дело. Что-то совсем иное... Девочка-демон подошла к нему и коснулась рукой его лба.

Девушка, которой едва исполнилось лет шестнадцать-семнадцать, сидела на скамейке и с кем-то общалась. Рядом с ней сидел высокий молодой мужчина, который, очевидно, был старше её лет на десять. Весь его вид казался несколько странным. А девушка лишь тихонько

смеялась, когда он что-то говорил ей серьёзным тоном.

— Это очень мило с вашей стороны, что вы придёте на моё выступление! — произнёс мужчина. — Буду очень рад увидеться с вами вновь.

Девушка вспыхнула. Ей, очевидно, было приятно услышать подобные слова в свой адрес. Она казалась ещё совсем ребёнком — в этом лёгком платьице с кружевными рукавами, с этой странной, подходящей, скорее, ребёнку причёской на голове, с этим яркосиним бантом в волосах...

— Я обязательно приду! Обязательно! — воскликнула она. — Я очень рада, что вы меня пригласили, мистер Малус...

Мужчина улыбнулся. Впрочем, это с трудом можно было назвать улыбкой. Скорее уж, оскалом, злобной ухмылкой, но никак не улыбкой. Но эта девочка — её хотелось называть именно девочкой, никак не девушкой — не видела ничего вокруг себя.

Вскоре этот мистер Малус встал со скамейки и, предварительно снова улыбнувшись собеседнице, ушёл. Девушка же осталась сидеть там же. Она со счастьем сжимала в руках какую-то бумажку.

Вероятно, это и было приглашение на концерт...

Альфонс потряс головой, словно пытаясь вытряхнуть из себя эту картинку, только что возникшую в его сознании. Как ни странно, получилось. Но в следующую же секунду всё снова пронеслось перед глазами. Вдруг отчего-то затошнило.

Когда парень, наконец, смог прийти в себя, девочка-демон стояла прямо перед ним и смотрела ему в глаза. В её глазах читалось удивление. Другу принцессы впервые подумалось: “Неужели она и правда ничего не знает? Обычно родители рассказывают детям, где познакомились...”.

— Дальше? — спросил ребёнок.

Альфонсу оставалось только кивнуть перед тем, как этот демонёнок снова коснулся рукой его лба, и разум опять стал проваливаться во тьму, из которой, собственно, и возникали эти видения.

Эта же девушка восседала на кровати, вероятно, в своей комнате. Она была намного бледнее, нежели в тот раз, когда сидела в том парке на скамейке и сжимала в руках листочек с приглашением. В этот раз она тоже что-то сжимала в руке. Но сейчас, изредка поглядывая на это, она лишь горько всхлипывала.

В комнату вошла женщина, которой на вид можно было дать лет сорок-пятьдесят. Она была худой, как жердь, высокой, с посеревшим вытянутым лицом, которое пересекали несколько глубоких морщин, с тусклыми, но злыми глазами. Женщина выхватила из рук девушки это “что-то” — им оказался тест на беременность, — посмотрела на него и нахмурилась.

— Ну, что же, Сара... Не расскажешь, где могла залететь? — грубо спросила она.

Девушка, которую, как оказалось, звали Сарой, лишь тихо всхлипнула ей в ответ. Женщину, впрочем, такая реакция не устроила. Она подошла к Саре, схватила её за руку и потянула за собой...

— Посмотрите на неё! Я её приютила, когда она сиротой без матери осталась, а она мне ещё и кукушонка решила скинуть! Не хватало мне одной тебя, так ещё и ребёнка хочешь на меня спихнуть?! — завизжала женщина.

На её ор в комнату прибежал немолодой худощавый мужчина невысокого роста. Он нервно теребил в своих руках очки. Посмотрев на несчастную рыдающую девушку, он лишь

вздрыгнул, а затем тихо пробормотал: “Что в этом плохого, Меган? Сара — скромная и милая девушка... Она никому из нас не мешала... Не думаю, что её ребёнок будет помехой...”.

Женщина зло посмотрела на него, и он предпочёл замолчать.

— Ты и вправду так считаешь, Чарльз?! — резко спросила она.

Мужчина весь сжался, покачал головой и, виновато посмотрев на перепуганную Сару, вышел. Женщина же — её, кажется, звали Меган — злорадно посмотрела на воспитанницу и потащила её обратно в комнату, где девушка и сидела до этого.

— Собирай вещи и убирайся! — прикрикнула она. — Мне надоело терпеть твои выходки!

Несчастливая в который раз всхлипнула и начала делать то, о чём её, собственно, и просили.

Альфонс во второй раз будто очнулся ото сна. Видение ещё раз пронеслось у него перед глазами. Девочка грустно смотрела на него. Даже не на него, скорее, сквозь него. Она чуть не плакала.

— Я покажу дальше... — её голос звучал совсем не так уверенно, как раньше.

Измученная чем-то девушка кричала и вырывалась из рук акушерок и медсестёр, которые тщетно пытались куда-то отвести её. Она вырывалась из их рук, не давала никуда положить себя, вопила жутким голосом. Когда девушка увидела врача, она стала осыпать его проклятиями.

— Я не хочу видеть этого ребёнка! Не хочу! Пусть он сдохнет! Я не хочу его видеть! Я не хочу умирать! Я не хочу! Убейте этого демона! Убейте! Я хочу жи-и-и-ить!

Одна из акушерок вздохнула — что ни говори, а таких пациенток за все годы её работы не встречалось: бывало вопили, вырывались, плакали, боялись, но редко кто просил убить их ребёнка. Всё-таки, обычно женщина, которая не хочет родить (сейчас, от этого мужчины или вообще) делает аборт, а не дотягивает до самых родов, чтобы начать кричать такое...

— Этому ребёнку нельзя родиться! Поверьте мне! Пове-е-ерьте! — кричала девушка, всё ещё пытаясь вырваться из рук медработников.

Медсёстры, которых позвали только для того, чтобы затащить эту больную на голову в операционную, выбежали из помещения, более не беспокоясь об увиденном...

Когда друг принцессы пришёл в себя в третий раз, девочка, стоявшая перед ним, уже плакала. Парень попытался дотронуться рукой до её плеча, чтобы успокоить, но она дёрнулась и отбежала в сторону.

— Девочка... — через несколько минут молчания произнёс Альфонс. — Девочка... Мне, правда, жаль, что ты это сейчас узнала... Но не могу ли я спросить у тебя кое-что?

Демонёнок посмотрел на него, утирая своей крошечной ладошкой слёзы, и коротко кивнул.

===== I. Глава двадцать третья. Девушка из зеркала. =====

Как будто больше нету солнца,

Как будто больше нет весны,

И буря в вальсе закружила

Тот отголосок чистоты,

Который был когда-то близок,

Который нужен был всегда,

Сейчас который бесполезен.

Он восстановится ль? Когда?
И в отражении бесконечном,
Всегда бессильным и чужим
Вдруг возникает призрак лета,
И счастьем блещет он своим.
И хочется кричать тогда уж,
Что не потеряна весна,
Что есть ещё на свете правда,
И также всё ещё чиста
Любви потерянной подруга,
Любви теперь уж вечный враг,
Когда-то под руку ходили,
Но повернёшь ли время вспять?
Зеркальная поверхность, маска,
Такая же, но всё ж не та,
Совсем не та, совсем другая,
Она совсем не так проста
И не смеётся благодушно
Над неудачной глупой шуткой,
И не вдыхает аромат цветов,
Что куплены у уличной торговки.
Она совсем другая. Не прошёл
Урок жестокий, гадкий тот, ей даром,
Она совсем иная. Нет... Не та...
Её когда-то славили всем хором...
Теперь она лишь ухмыляется толпе,
Простить не в силах умершие грёзы,
Не видит боли и страдания людей —
Самой бы ей смахнуть не прощенные слёзы.
Она — лишь девушка из зеркала,
Она — всегда была почти никем,
Она — подружка лишь любви,
Она всего лишь хочет стать... Но кем?
Лечить людей? Самой бы стать здоровой.
Им помогать? Хм... Разберись в себе.
Учить иль утешать? Самой бы не заплакать.
Но кем-то нужно быть. На этой-то Земле...
Девчонка, девушка, сказительница, ведьма...
По-разному тебя ведь люди обзовут.
И кто-то скажет: нежить, демон,
А кто-то: ангел иль... палач.
Палач? Неужто? Неужели
На самом деле так и есть?
И кто-то хмыкнет: “да “уже ли”,
Всё так, как было, так и есть”.

И будто меркнут все её заслуги,
И будто ничего хорошего в ней нет,
Она — всего лишь отражение,
Которое хотело кем-то стать.

Хельга сегодня проснулась рано. Не хватало ещё проспать такой важный день — они с братом вчера, наконец, нашли эту треклятую принцессу, по совместительству наследницу престола. Теперь нужно обязательно сообщить это министру обороны, а заодно и министру магии, Петеру Агеру, который и должен был послать их на важнейшее задание — поимку этой самой принцессы.

Юная колдунья сейчас была готова на всё ради исполнения этой миссии. И дело было вовсе не в том, что это было очень важно для всего их мира, который мог просто не пережить войну за престол, вспомнив про войну, девушка поморщилась — уж её-то род обязательно примет участие в восстании, её старший брат Зигмунд вполне мог бы стать новым королём, и ей даже очень хотелось этого, но кто мог дать гарантию того, что мир, оставшись без Существа, сможет продолжить своё существование? Тогда не станет никого из тех, кто живёт здесь... А значит, ей просто необходимо притащить эту принцессу сюда. Хоть за волосы. Тем более, министр обещал хорошую плату за это...

— Леонард! Лентяй! А ну живо вставай! — крикнула Хельга, врываясь в комнату спящего брата.

Тот повернулся на другой бок. Девушка уже успела подумать, что юноша ещё спит, но, увидев, что он тянет руку к подушке, лежавшей прямо перед ним, изменила своё решение: конечно, он собирается опять швырнуть эту проклятую вещь в свою сестру, между прочим, единственную, братьев-то у него было хоть отбавляй...

Колдунья недовольно хмыкнула, как можно быстрее схватила стакан с водой, который её братик Леонард так не предусмотрительно поставил на тумбочку, стоявшую около двери, и плеснула эту воду на брата, который моментально подскочил.

“Пора сматываться”, — подумалось Хельге, и она в одно мгновение выбежала из комнаты брата. Как оказалось, этот шаг был весьма разумным: молодого мага никогда нельзя было назвать спокойным человеком, даже в Академии, где они учились, по вине этой вспыльчивости Леонарда всегда что-то случалось: то он нос кому-нибудь расквасит, то котёл взорвёт по неосторожности, то учебник порвёт, а то и на учителя бросится... Да уж... Девушке постоянно приходилось успокаивать его. И это при её-то капризности и изнеженности — быть единственной девочкой в семье за много-много лет было огромным преимуществом, — о своём характере Хельга вообще старалась умалчивать.

— Хельга! — раздался рёв — по-другому этот крик было назвать нельзя — пришедшего в себя от шока Леонарда. — Как ты могла?! Нельзя было дать мне ещё поспать?!

Колдунья решила промолчать. Не хватало, чтобы брат сердился ещё больше. Можно было, конечно, запустить в него каким-нибудь заклинанием, но... Как ей потом объяснять родителям, почему её братец опять лежит в больнице с кучей переломов?! Опять мама будет возмущаться... Кому это надо? Пусть лучше Хельга сейчас помолчит, а потом, как только братик потеряет бдительность, огреет его по голове сковородкой — вон, она совсем рядышком стоит...

Всё-таки недооценивает её Леонард, недооценивает... Шовинист хренов! Ну, она ему ещё покажет, какую проходят физическую подготовку девушки-маги в Академии, а то раскудахтался — слабый пол, слабый пол... Вот она ему сейчас...

Бац!

Да уж... Кажется, сил она не рассчитала... Теперь точно перед мамой придётся объясняться, почему её драгоценный младший сыночек (которому, между прочим, уже давно шестнадцать стукнуло) снова попал в больницу с сотрясением мозга. Правда, Хельга считала, что сотрясать там особо нечего, но как она будет объяснить это леди Кошендблат, девушке представлять не особенно хотелось.

— Эй! — растерянно пробормотала ведьма. — Ты чего разлётся? А ну, вставай! Нам ещё на собрание идти, помнишь?

Увидев, что брат никак не откликается, Хельга попробовала пнуть его в бок, а поняв, что и это не помогает, вздохнула, взяла стакан, тот самый, из которого она плеснула воду в лицо магу полчаса назад, быстро наполнила его водой из графина и повторила недавнюю процедуру, окатив его. Тот, как ни странно, в себя пришёл.

— Ты что, дура?! — заорал парень, едва придя в себя. — А если бы ты меня убила?!

Колдунья посмотрела на стакан. Нет, убить таким она вряд ли бы сумела. Хотя... Если разбить о чью-нибудь голову... Нет. Так она убивать никого не хотела: а если сама ненароком руку поранит? Или братец думает, что он помрёт от обычной воды?

— Ты, и правда, думаешь, что вода тебе так вредна? Ну-ну...

Парень от возмущения, казалось, потерял дар речи, так убедительно он хватал ртом воздух и не произносил ни звука. Да уж... Его сестрёнка, как никто другой, умела преподносить сюрпризы: то это был вызов родителей в школу по причине плохого поведения (при том, плохо себя вела как раз Хельга, умудрившаяся как-то свалить всё на Леонарда), то очередной взорванный класс (и не из-за вспыльчивости или не выученного урока, а просто “из интереса, что же выйдет”), то отменённая репетиция или тренировка, при том в тот самый день, когда она была назначена, когда всем, кроме любимого брата, Хель сообщала об этом, то вот так — сковородкой по голове, а после ещё и нравоучениями на тот счёт, что он, Леонард, такой-сякой, во всём виноват, а маленькая невинная девочка (которая рада-радехонька тому, что всё получилось именно так) должна страдать....

Впрочем, Леонард понимал, что и сам он не без греха: как только случалось что-то серьёзное, всё валилось на сестру, была то работа, организация чего-либо или серьёзный проступок... Ну что они за близнецы* такие?! Валят всё друг на друга, ругаются, обзываются, дерутся... Притом отец рассказывал, что цапались они постоянно. С самого рождения. Например, Хельга в день своего трёхлетия решила выпихнуть ненавистного братца из окна, что сделать ей удалось. Итог: врачи предсказали, что Леонард всю жизнь будет хромым, так и вышло. Примером же, подтверждающим то, что и парень не являлся “белым и пушистым”, было то, что ровно через год, то есть в четвёртый день рождения близнецов, в озере, находившимся неподалёку от усадьбы герцогов Кошендблат, едва не утонула единственная дочь и любимый ребёнок герцога, собственно — Хельга Кошендблат. В тот самый злополучный день, пытаясь выбраться на берег, девочка сильно ободрала себе левую руку. Лекари сообщили, что теперь об игре на фортепиано юной леди нечего и думать: левая рука маленькой девочки теперь почти не могла двигаться. И это были одни из самых невинных “розыгрышей” близнецов по отношению друг к другу. Притом, как заметил Леонард, отец и старшие братья всегда принимали сторону сестры, тогда как мальчику приходилось довольствоваться утешениями со стороны мамы, бабушки и тёти.

— Хельга... Почему мы с тобой так не ладим? — вдруг спросил парень.

Девушка пожалала плечами. Как можно ответить кому-то на вопрос, если сам не знаешь

ответа? Ведьме самой нередко казалось, что стоило бы уже прекратить всю эту их бессмысленную борьбу за любовь и внимание, но... она не могла. Ей нравилось знать, что дома всегда есть человек, который на неё наорёт, а она швырнёт в него чем-нибудь тяжёлым, огреет той же сковородкой, обольёт водой...

— Так удобнее. — Холодно сказала она. — И нам уже пора. Мы опаздываем.

В следующее мгновение девушка уже вышла из комнаты, оставив брата наедине с своими мыслями. Леонард не успел даже шевельнуться. Что там, он не успел даже подумать что-либо.

“Кому удобнее, сестра?” — застыли у него на губах слова. Кому их теперь говорить?

***

Мария не знала, что ей делать — обратно в тот самый мир, куда её затащил Седрик, она попала. Только непонятно куда, без всяких там спутников, которые могли бы указать дорогу или хотя бы просто что-то сказать, в непонятный лес, притом ещё и в самую его чашу! Обалдеть! Других слов принцесса пока не находила.

Пробираясь через лес, девушка не раз крепко выругалась, зацепилась курткой за ветку, порвала её, грохнулась в грязь, подвернула ногу, снова выругалась, отпугнула своим видом какое-то животное и с энтузиазмом бросилась пробираться дальше.

Внезапно прямо перед ней возникло ещё двое таких же перемазанных и по виду таких же вредных подростков. Это были парень и девушка. Обоим было лет шестнадцать, оба рыжие, оба, как ни странно, с идеальными причёсками (Мария даже хотела поиздеваться и спросить, каким лаком для укладки волос они пользуются), у парня на щеке красовался весьма заметный синяк, у девушки на шее — царапина.

— Стоять! Именем короля! А ну, признавайся, разбойник, где ты прячешь принцессу Марию?! — завопили оба нечеловеческими голосами.

Принцесса остановилась. Да уж... Эти двое впечатляли своей ненормальностью. Останавливать незнакомую путницу, ещё и “именем короля”, орать на неё ни за что, обвинять чуть ли не в государственной измене...

— Боюсь, вы погорячились, ребята... — заметила девушка. — Боюсь, никакой принцессы Марии я не знаю. Но меня саму зовут Мария, и я думаю, что, возможно, вы ищете именно меня. Седрик Траонт же из вашей армии? Или я что-то путаю?

Слова о Седрике подействовали магическим образом: эти двое переглянулись, обменялись тычками в бок, подзатыльниками, обидными словами, снова подзатыльниками и, наконец, облегчённо вздохнули.

— А... — протянула девушка. — Так ты и есть принцесса... По датчикам нашего министра тебя не оказалось в нашем мире... Вот тебя и искали...

Мария с усмешкой оглядела этих двоих. Они чем-то кого-то ей напоминали. Только кого?

— И поэтому я должна идти неизвестно куда с незнакомыми мне людьми? Знаете, меня мама учила просто так этого не делать... — усмехнулась принцесса.

Парень покраснел от злости, а его сестра — Мария несколько не сомневалась, что девушка была именно его сестрой — хмыкнула и пробормотала себе под нос что-то вроде: “Что же... А такая правительница нашему королевству бы не помешала...”

— Но мы же можем познакомиться? Меня, например, зовут Хельга, а моего идиота-брата — Леонард, — с этими словами парень получил локтем в живот, а девушка следом оказалась без клока волос. — Ах ты! Да я тебя убью когда-нибудь, гад! Придурок, идиот,

алкаш безмозглый!

В следующий момент Мария с интересом наблюдала за тем, как эти двое дерутся: сначала парень со всей силы сжал девушке запястье (и про себя принцесса подумала о том, что, как бы сильно она не задевала Альфонса, тот никогда не позволил бы себе такого), за что получил по носу, после чего парочка вцепилась друг другу в волосы и стала кататься по земле. Мария даже подумала, как это у этой девушки такие густые волосы, если они так дерутся с братцем и, если судить по реакции обоих, дерутся постоянно. В итоге парень оказался с расцарапанной щекой, разбитым носом и порванной рубашкой, а его сестрёнка — с синяком под глазом, раненой рукой и платьем, теперь напоминающим, скорее, лохмотья.

— Эм... Вы всегда так дерётесь? — после того как всё закончилось, наконец, спросила внучка короля Генриха.

Девушка словно не видящими ничего глазами смотрела на принцессу. И Марии стало как-то не по себе. Она осторожно подошла к Хельге — так ведь звали эту девушку? — и заметила, что по лицу той текли слёзы. Девушка плакала, но не издавала не звука.

— Эй! Ты в порядке? — спросила наследница престола сказочного королевства.

К Хельге подошёл и Леонард. Он даже не знал, что сказать. А что, собственно, говорить: его сестра никогда не плакала раньше, ни тогда, когда он сбросил её в озеро, ни тогда, когда она упала с лошади, ни тогда, когда её кто-то ругал. Она могла кричать, усмехаться, иногда даже ныть, но никогда не плакала.

— Хель... — пробормотал парень.

И девушка будто очнулась. Она мгновенно вытерла слёзы, вскочила на ноги, оттолкнув при этом и брата, и принцессу, за которой, собственно, они и пришли сюда, и отошла в сторону.

— Вспомнишь об этом, убью! — угрожающе посмотрела она на Леонарда, уходя куда-то.

Мария и Леонард остались сидеть на траве. Правда, принцесса пришла в себя довольно быстро и теперь пыталась как-то растормозить шокированного парня. А Хельга отошла уже достаточно далеко.

— Ты не имел права видеть мои слёзы... — прошептала она едва слышно, лишь убедившись, что находится на достаточно большом расстоянии от брата.

---

* Да, я знаю, что близнецы могут быть только одного пола, а если уж разных полов, то это двойняшки. Не нужно это исправлять. Тут так и должно быть написано.

===== Бонусная глава. Заколдованная леди Траонт. =====

Любить дано от Бога,
Любовь — не ремесло,
Нас Бог карает строго
За нелюбовь и зло.
Любовь — не позолота,
Кто любит, тот любим,
Богоугоден кто-то,
Пусть даже нелюдим.
Любил, был небезгрешен —
До самых — до краев,
Одно меня утешит —

Всевышнего любовь.
Я встану на колени,
И руки — к образам,
Я попрошу прощенья,
Поверь, мой Бог, слезам.
Порой бывает страшно,
Что не снискал любви,
Что не испил той чаши
Я в Храме на Крови,
Бродягой был, паяцем
Пока был молодой,
Пил, пел в дыму кабацком,
Скитался, как изгой.
Не знал я силы слова,
Как замолить грехи,
Но в Рождество Христово
Явились вдруг стихи.
Пойду я в храм, где не был,
Там мир и благодать,
Там купола до неба,
Со мной отец и мать.
И призову я ближних
С молитвой в светлый час,
Любить так, как Всевышний
Нас любит, он воздаст.
Любовь к нему умножим,
Восславим мы его!
Прости меня, о Боже,
Что каюсь в Рождество.

(Автор стихотворения — Павел Малов)*

В тот день герцогиня проснулась в самом ужасном расположении духа, что могло бы быть. Первым делом, естественно, швырнула подушкой в парня, с которым рядом она, собственно, и лежала. Тот недовольно засопел и попытался перевернуться на другой бок, а ввиду того, что леди Траонт распласталась практически на всей кровати, грохнулся на пол.

Затем последовал вопль, полный недовольства и даже гнева. Как ни странно, кричали сразу оба. Он — из-за того, что очутился на холодном каменном полу, она — просто так, от настроения, которое, как уже было сказано, можно было назвать только так: “Хуже вряд ли может быть”. Почему “вряд ли”? Потому что женское настроение — шутка тонкая. Даже тогда, когда кажется, что оно не может стать ещё хуже просто потому, что хуже уже некуда, обязательно подумайте “а не может ли?”, иначе вас ждёт разочарование и, возможно, даже увечья.

Джулия с гордым видом поднялась с кровати, поправила коротенькую ночную рубашку, практически ничего и не прикрывавшую, прошла мимо своего кавалера, а точнее — для хоть какого-то удовлетворения — прошлась по нему и приоткрыла дверь в спальню.

За дверью прятались две молоденькие служанки, которым ну очень хотелось

посмотреть, чем именно занимаются по ночам герцогиня и её очередной кавалер, оставаясь одни ночью в спальне... Не было ничего удивительного в том, что, когда леди отворила дверь — а делала она это весьма резко, — служанкам попало по лбу. Но, решив, что хныкать в данной ситуации вряд ли уместно (а в основном, из-за того, что не совсем вовремя — в другое время леди могла даже пожалеть их, бедненьких), быстро ретировались, понимая, что хныкать и плакать от несправедливости жизни лучше подальше от вспыльчивой сестры короля, то бишь их хозяйки.

Парень же успел подняться на ноги. Джулия недовольно хмыкнула и отвернулась от него. Уже почти две недели она чувствовала себя не слишком хорошо. То тошнило, то есть очень хотелось, то оба дела сразу... А ещё хотелось спать. Но леди, как добросовестная хозяйка поместья, конечно же, не торопилась отдыхать. У неё было ещё столько дел — нужно было поиздеваться над братом, отправив ему парочку писем, поиздеваться над вторым, прислав посылку с заключённым там каким-нибудь магическим заклинанием, наказать некоторых нерадивых слуг за то, что не слушают её, наорать на оставшихся за то, что они слишком много пытаются её слушать и в итоге не успевают ничего делать, взять интересную книгу, начать её читать, орать на каждого, кто проходит мимо, пытаюсь доказать ему, что он всё делает совсем не так, да и вообще, он отвлекает её от занятия гораздо более важного, чем общение с каким-то там... Жаном... и неважно, что тебя зовут совсем не так, разве герцогиня Траонт сможет уследить за всем?!

— Может, хочешь соку? — осторожно поинтересовался молодой человек.

Герцогиня фыркнула и отвернулась. Фи! Теперь ей предлагают какой-то там сок! Как будто он не видит, что она, Джулия Траонт, так устала, что ей уже не до сока?! Женщина даже хотела послать этого навязчивого юношу куда подальше, но почему-то, вопреки собственному желанию, сказала совсем другое.

— Сок какой? И огурчиков принеси. Только солёных. Хочу солёных огурцов. И рыбки... И арбуза... Тоже солёного!

Парень пожал плечами и поспешил на кухню. Да уж... Конечно, Джулию можно было назвать привередливой и вредной, но чтобы настолько — солёный арбуз, всё-таки, — это что-то новенькое... Даже эта особа в своём уме вряд ли стала бы это просить. Значит, её могли заколдовать! Какая чудовищная подлость, ещё и в канун Нового года!

А ещё это возможность доказать дорогой, что он тоже способен совершать героические поступки. Если он найдёт виновника, а также заставит того расколдовать леди, то та на всю оставшуюся жизнь будет благодарна своему спасителю. Что же... Раз так — вперёд!

Для начала Жан, уже нарисовавший себе картину того, как Джулия бросается ему на шею, решил опросить слуг. Мало ли, вдруг они кого-нибудь видели недавно рядом со своей хозяйкой?

Первым, кого решил допросить юный сыщик, был дворецкий. А что? В детективах, которые парень прочёл, дворецких всегда первыми допрашивают! Они либо виноваты, либо всё знают...

Дворецкий леди Траонт же решил промолчать. Нет, он, конечно, высказал предположение, что герцогиня просто устала и ей стоит хорошенько отдохнуть и, главное, выспаться, а то кто-то в последнее время не даёт ей отоспаться (что Жан, мгновенно вспыхнувший от ярости, воспринял чуть ли не как личное оскорбление).

“Подумаешь... выспаться! И вообще, это она ко мне полезла... Я, вообще-то, обычный певчий из капеллы, а она — самая уважаемая герцогиня! Что я мог против неё

предпринять?! Да и красивая она...” — с этими мыслями молодой певец ещё больше загорелся желанием найти виновника странного поведения его леди.

Следующей паренёк решил допросить экономку. В конце концов, не всех же горничных ему допрашивать! Тем более, их в поместье больше сотни. Как ему умудриться поговорить с каждой?

Экономка же тяжело вздохнула, тихо прошептала что-то вроде: “Шел бы ты к леди, а не дурака валял...”, — подумала, пробормотала, что леди “лучше бы с нормальными мужиками спала, а не с такими хлюпиками”, отвернулась и громко произнесла, что не имеет времени разговаривать со всякими проходимцами. Жан, разумеется, обиделся на неё и, недолго думая, записал экономку с дворецким в главные подозреваемые.

Кузнец, третий опрошенный, тяжело вздохнул и произнёс: “Фиг их, баб, разберёшь!”, пожав плечами. Певчий лишь тихонько кивнул и решил, что вот кузнец Ал его понимает...

Горничных опросить не удалось: они с таким энтузиазмом обсуждали новые платья, шубки и сапожки, что ни до каких расследований дела им не было. Певец нахмурился, надулся на весь мир и, видимо, от отчаяния, решил допросить ещё одного человека — Теодора Траонта, брата леди Джулии.

— Заколдовал кто-то?! — с нескрываемой радостью воскликнул Тео. — Правда?! То есть по причине неменяемости сестрёнки всё наследство — моё?!

В тот же момент Теодор получил по голове неизвестно откуда взявшейся подушкой. На лестнице стояла обсуждаемая герцогиня Траонт. Она была, мягко сказать, в ярости. Как про неё, красавицу, умницу, одну из сильнейших, нет, сильнейшую ведьму в королевстве могли подумать, что она заколдована?! Да не родился ещё тот, кто её заколдовать может!

— Ах вы! Идиоты! Как вам такое вообще могло в голову взбрести?! Чтобы меня... меня! Чтобы кто-то и заколдовал?! Придурки! У вас что, совсем мозгов нет?! Хотя, кого я спрашиваю...

Жан с ужасом смотрел на любимую. Уж такой-то реакции он не ожидал... Нет, ну она же не убьёт его сейчас? Ему только семнадцать... Это вовсе не возраст, чтобы умирать!

— Да нет... Что ты говорил про странное поведение... Всё нормально... Была дурой дурой и осталась... — невесело пробормотал Теодор.

В следующую секунду говорил он уже совсем другие вещи. В основном это были вопли: “Да успокойся, сестрёнка! Я же любя!” или “Ну прости меня, я сказал, не подумав!”.

А Жан всё так же стоял, удивлённо наблюдая за тем, как Джулия Траонт в коротеньком, совсем не соответствующим статусу ярко-розовом платьице носилась за потерявшим всякое самоуважение Теодором. В какой-то момент, почувствовав себя лишним, он решил удалиться.

— А ну, стой! Я с тобой позже поговорю! Dealbh! — закричала женщина.

Жан мгновенно превратился в статую. Весьма симпатичную статую, между прочим. На секунду посмотрев на сие произведение искусства, Джулия решила, что расколдует его попозже, а сейчас она займётся Теодором. Тот же, сообразив, что, собственно, происходит, выбежал в другую комнату. Герцогиня бросилась за ним.

Пробежав несколько десятков кругов, она остановилась, вздохнула и зло крикнула вслед Теодору: “Ничего я не больная! А беременной каждая девушка стать может! Хочешь, могу и тебе пол сменить, заклинание я знаю...”.

Тот побежал ещё быстрее.

***

Джулия Траонт сидела около раскрытого окна и напевала какой-то романс себе под нос. Она уже давно чувствовала, что что-то важное в своей жизни она сделать забыла... Что именно? Книгу сегодня она прочла. Даже не одну. На служанок наорала, кому-то там всыпала, брату пузырьёк с ядом послала, ватрушек сыну — тоже... Что же она могла забыть?

Рядом с ней стояла статуя. Странная какая-то... И кого-то ей очень напоминала... Джулия усмехнулась, вспомнив, как Седрик наряжал это произведение искусства вместо ёлки. Да и откуда взялась эта статуя?! Герцогиня не помнила, чтобы заказывала её где-то... Да и после “любимой” покойной тётушки вряд ли она осталась... Тётка вообще искусство не любила никогда. Так откуда статуя?!

Леди Траонт подошла поближе. Взгляд у человека, которого изображал скульптор, был какой-то растерянный, испуганный... Где же Джулия видела его? Ведь точно где-то видела!

Призрак Деми лишь вздохнул, глядя на любимую сестру. К сожалению, Джулия его не видела. Она вообще не могла его видеть. Как жаль... Деми многое мог бы ей рассказать. А она, наверное, и не помнит его уже. Об этом даже думать больно...

А Жан... Привидение прекрасно помнила того паренька. Милый был... И любил он Джулию так трогательно... Не то что, все её остальные кавалеры, пытающиеся до денег добраться. А герцогиня и про него забыла. Жалко. Призрак снова вздохнул. Да и Мария куда-то пропала... Наверняка что-то нехорошее случилось. Ну и стоило её отправлять неизвестно куда?! Эх... Жизнь... Хотя Деми даже не знал, как правильнее назвать его существование здесь.

— Кого же ты мне напоминаешь? — с грустью пробормотала Джулия, проведя пальцем по щеке парня-статуи. — Может, я заколдовала тебя... Или кто-то другой заколдовал... Хм... *Ar ais!*

Статуя ожила в тот же миг. Жан, наконец-то проснувшийся от того долгого сна, в который его погрузила его же любовница, пытаясь удержаться на ногах — всё-таки превращение в статую почти на восемнадцать лет мало кому пойдёт на пользу — схватился за стоящий неподалёку стеллаж с книгами и, что было вполне предсказуемо, грохнулся на пол. Вместе с этим самым стеллажом.

— О! Жан! А я-то думаю, кого мне статуя напоминает... — пробормотала герцогиня.

Ей хотелось добавить ещё: “И куда ты делся тогда...”, — но, подумав, женщина решила, что иногда молчание — золото. Не всегда, конечно, но в данной ситуации лучше было промолчать.

Парень смущённо улыбнулся. Правда, судя по взгляду, он не совсем понял, почему находится именно в этой комнате, а не в прихожей, где его, собственно, заколдовали. Но, решив, что это всё — просто мелочи, кинулся обнимать Джулию.

— С Новым годом тебя, дорогая! — радостно пробормотал он. — Извини, я был так поглощён расследованием, что совсем забыл сделать тебе подарок.

Конечно же, герцогиня хотела резко ответить молодому человеку, что Новый год прошёл уже десять дней назад, но, увидев виновато-восторженный взгляд, обращённый к ней, решила, что и в это ситуации тоже молчание — золото. Тем более, сын ей только открытку прислал, да, конечно, с приложенным к ней подарком, но прислал, а не приехал сам. Видите ли, миссия по спасению мира ему важнее матери! Теодор прислал ей пузырьёк с ядом, тот, который она присылала ему год назад (на что леди очень обиделась — не мог новое сварить или купить хотя бы?!), Генрих — только приглашение на какой-то очередной бал... А Жан спеть может. Или роз нарвать в её оранжерее... А розы-то с шипами... Джулия

помнила, как она, решив поставить цветы в вазу, нарвала этих роз — потом неделю порезы на руках залечивала, да и Седрику на километр запретила к розам подходить. А ведь ей цветы только Жан носил... Да уж, грех не воспользоваться его наивностью.

Не зря его Джулия заприметила там в капелле, эх, не зря...

“Всё-таки не буду ему сразу рассказывать, что у него сын есть... Семнадцати лет... Самой стыдно — отец такого же возраста, как и сын... Теперь придётся сразу двоих воспитывать!” — думала Джулия через два часа, лёжа на диване и слушая пение Жана.

---

* Возможно, глава бонусная и за Новый год, и за Рождество (я правда постараюсь ещё написать), поэтому стихотворение рождественское. Поздравляю всех своих друзей, читателей, бету и автора заявки)))

===== I. Глава двадцать четвёртая. Принцесса?! Ты уверен? =====

Вот как это было:

Принцесса была

Прекрасная,

Погода была

Ужасная.

Днём

Во втором часу

Заблудилась принцесса

В лесу.

Смотрит: полянка

Прекрасная,

На полянке землянка

Ужасная.

А в землянке — людоед:

— Заходи-ка

На обед! —

Он хватает нож,

Дело ясное.

Вдруг увидел, какая...

Прекрасная!

Людоеду сразу стало

Худо.

— Уходи, — говорит, —

Отсюда.

Аппетит, — говорит, —

Ужасный.

Слишком вид, — говорит, —

Прекрасный. —

И пошла потихоньку

Принцесса,

Прямо к замку вышла

Из леса.

Вот такая легенда

Ужасная!
Вот какая принцесса
Прекрасная!
А может быть, было всё наоборот:
Погода была
Прекрасная,
Принцесса была
Ужасная.
Днём
Во втором часу
Заблудилась принцесса
В лесу.
Смотрит: полянка
Ужасная,
На полянке землянка
Прекрасная.
А в землянке — людоед:
— Заходи-ка
На обед! —
Он хватает нож,
Дело ясное.
Вдруг увидел, какая...
Ужасная!
Людоеду сразу стало
Худо.
— Уходи, — говорит, —
Отсюда.
Аппетит, — говорит, —
Прекрасный.
Слишком вид, — говорит, —
Ужасный. —
И пошла потихоньку
Принцесса,
Прямо к замку
Вышла и леса.
Вот какая легенда
Прекрасная!
Вот какая принцесса
Ужасная!*

Хельга была раздражена. Ей не нравился этот чёртов лес, ей не нравилось это чёртово королевство, ей не нравилась эта чёртова миссия, ей не нравилась эта чёртова принцесса.

Подумать только, эта девушка стала ей командовать! Ей! А ещё принцесса называется! Тиран какой-то, а не принцесса! И откуда только её Седрик её вытащил? Из каких-таких трущоб? Эта девчонка совершенно не подходила для роли принцессы и наследницы престола.

А вот Леонард, кажется, не разделял мнения сестры... Впрочем, когда это он разделял мнение Хельги?! Разве что в тех случаях, когда им обоим необходимо было кого-то побить. Что может быть удобнее брата или сестры, всегда готового подраться и поссориться? Правда, в последнее время это стало сильно угнетать девушку. Парень откровенно потешался над ней. Он не обращал внимания даже на то, что она, его сестра, шла прямо за ним.

Пробираться по лесу в почти что бальном длинном платье — что может быть хуже? Пожалуй, только пробираться по лесу после дождя в этом самом бальном платье и слушать, как кто-то над тобой смеётся!

Сейчас они шли в неизвестном для юной леди Кошендблат. Да и эта так называемая принцесса, кажется, сама не знала, куда идти. Она просто шла, шла по этим дорогам, размытым прошедшим дождём.

Куда?

Хельга никогда не любила дождь. И сейчас, насквозь промокшая, она только убеждалась в том, что эта нелюбовь была правильной. А принцессе так называемой — хоть бы что! Идёт себе, болтает с Леонардом, пихает его изредка под бок локтем и хохочет... Правильно говорят, что наглость — второе счастье. Впрочем, имела ли Хель право жаловаться на это? Она и сама нередко без всякого зазрения совести пользовалась ситуацией, даже если кому-то от этих её действий было плохо.

Мария была тем, кто сумел в этом обойти леди Кошендблат, в Академии и дома известную под прозвищем “И эта, рыжая и наглая”, что всегда было питательной пищей для гордости девушки.

Леонарду было грустно. Его, пожалуй, задевало равнодушие сестры, что пробиралась позади него с этой принцессой. Парень не понимал, почему ему от этого всё больше хочется огреть Хельгу чем-нибудь тяжёлым.

Подумать только — его игнорировали! И если эта принцесса Мария, в титуле которой он очень сомневался и которая сейчас шла рядом, ещё делала вид, что смеётся его шуткам и вообще видит его, то Хель было явно на него наплевать. Она плелась где-то сзади и молчала. И это даже тогда, когда парень специально пускал колкие шуточки в её адрес!

Насколько Леонард себя помнил, его сестрица всегда отличалась крутым нравом. А сейчас она просто молчала. Что это может значить? Только то, что она решила его игнорировать. Может, её всё-таки стоит чем-то огреть? Лишним это не будет...

Маг никогда особенно не любил природу. Тем более тогда, когда приходилось выполнять задания на ориентирование на местности. В Академии такие задания не были редкостью. Группы мальчиков-магов вывозили в какой-нибудь лес, говорили, что следует добраться до такой-то горы, и оставляли там. Нередкими были случаи, когда мальчики приходили только через несколько дней. Да уж... И эти люди ещё говорили о том, что умеют заботиться о детях...

Мария шла рядом с ним и едва слышно вздыхала, иногда покашливала и с укором смотрела на него. Угораздило же Леонарда оказаться тут сейчас! Сестра плетётся сзади и игнорирует, эта — вздыхает и кашляет! Ну и ну! Что за дурацкая ситуация! Почему всё не могло случиться как-нибудь иначе!

Они втроём плелись по этому лесу, наконец, вышли в город. Он был незнакомым. Но Леонарду казалось, что это всё-таки намного лучше, нежели находиться в лесу. Хотя бы спросить можно у кого, куда идти...

В какой-то момент парень заметил, что Мария тоже погрустнела. Ну, или задумалась.

Этого он понять не мог. Рядом проходили люди: горожане, какой-то некромант, горничная, рыжая девочка, Седрик...

Седрик!

Оказывается, на него не только будущей лорд Кошендблат — или какое ему там — имение достанется, но и девушки, что шла рядом с ним. А Седрик, кажется, даже перепугался, когда они трое накинулись его обнимать.

— Рик! Сколько лет, сколько зим! Передавай привет своей мамочке! Она в прошлый раз нас очень хорошо приняла! — верещала Хельга, тиская паренька, который от страха не мог ничего выдавить из себя.

Компания, которая стояла рядом, с удивлением смотрела на происходящее. Некромант усмехался и с помощью магии будто бы снимал всё это, как люди на Земле снимают всё на видеокамеру.

— Как ты посмел убежать?! Придурок! Как так можно вообще?! Я из-за тебя теперь не знаю, где мне искать Альфонса и Розу! И зачем я только согласилась отправиться сюда?! — орала Мария, пытаясь, видимо, придушить незадачливого мага.

Леонард же решил, что ему не следует отставать от этих двух девчонок. Бедный Седрик пребывал в таком шоке, что не знал, что ему сказать, чтобы эти трое от него, наконец, отстали.

— Замечательно! Просто замечательно! Можно будет кому-нибудь показать вот это, как думаете? — нараспев произнёс некромант.

Реми кивнула. Нет, ей действительно нравилась эта идея. Было бы здорово показать это кому-нибудь... Кто мог бы от души посмеяться над сей неловкой ситуацией.

Мария, наконец, смогла взять себя в руки и успокоиться. И дать пощёчину Седрику, разумеется. Как бы она ни была рада этому горе-чародею, следовало поставить его на место. Чтобы не возомнил себе ничего лишнего. Он — вовсе не невинная овечка, чтобы жалеть его. А она вовсе не та девушка, которая будет потакать всему.

Хельге явно не нравилась Мария. Где это видано, чтобы леди прямо на улице поддала кому-нибудь? Тем более, бедный Седрик ничего такого особенно плохого не сделал, ну, конечно, кроме того, что вообще нашёл эту проклятую принцессу. И зачем она только нужна королю? Что, трон некому оставить? Об этом он мог бы и не беспокоиться! В его королевстве десятки весьма знатных родов. И у каждого рода свои наследники есть... Так что лишний конкурент в лице этой Марии никому не нужен.

Да и не умеет она ничего! Вон, ни реверанс сделать, ни книксен**, ни потанцевать, ни о родах*** ничего не знает, ни о магии, ни о самом королевстве... Какая из неё принцесса?! Принцесса просто обязана знать и следовать не то что просто основам этики, а целому своду самых разных правил и обычаев.

В какой-то момент Мария отвлеклась на эту рыжую девчонку и остальную компанию, что сопровождала Седрика. Решив, что грех — не воспользоваться этим случаем, колдунья подошла к своему бывшему однокласснику и, возможно, будущему однокурснику.

— Ты точно уверен, что это та, кого мы ищем? — с некоторой иронией спросила ведьма.

Паренёк рассеянно кивнул головой. Это был жест, который Хель нередко видела со стороны юного мага. Он всегда казался младше своих одноклассников... Он был так наивен, честен, правда, при этом нередко пытался хитрить и увиливать от того, что было ему страшно или просто не слишком приятно... Хельга прекрасно знала, что так ей Седрик

ничего нужного не расскажет. И ситуацию надо брать в свои руки. И поскорее.

— Слушай, Рик, тебе не кажется, что этой принцессе стоит ещё многому научиться, прежде чем можно будет приставить её ко двору?

Парень радостно закивал головой. Нет, такого с его стороны Хель не ожидала точно. Эта реакция была вовсе не ожидаема ведьмой, и той сразу захотелось сказать своему другу, чтобы тот перестал издеваться над ней и ввёл, наконец, в курс дела.

Тот как будто услышал её мысли. Или она вслух это сказала? А вдруг действительно сказала? Ну... Ладно... Этой Марии тут рядом нет... Она общается с некромантом, который явно хочет кого-нибудь убить сейчас. И девушка очень надеялась, что этим “кем-то” не окажутся Седрик и Леонард.

— Понимаешь, я давно об этом думал... И я хотел отвести её к тебе, чтобы ты посмотрела, что с ней не так... А ты сама заговорила об этом! Как думаешь, чему её можно обучить?

Да уж... Нашли дурочку с переулочка... И, главное, она же сама на это напросилась! Ну кто её за язык тянул? Тётя Брунгильда, у которой намечался ревматизм? Или дядя Альберт, который два года назад спрыгнул с крыши, сломал себе позвоночник и теперь парализован? Ну кто её просил говорить об этом?! Теперь она уже точно не сможет придумать достойный способ отказаться...

Седрик тут же схватил её за руку и потащил куда-то. Колдунья даже понять ничего не успела. Вскоре он уже воодушевлённо доказывал принцессе, что ей просто необходимо научиться хорошим манерам (в этот момент Хельге хотелось его чем-нибудь стукнуть за отсутствие элементарной тактичности или хотя бы просто здравого смысла), танцам (в эту секунду драться хотелось уже Марии, которая всем сердцем презирала данный вид искусства), музыке (на что наследница престола возмущённо фыркнула и напомнила, что в музыкальной школе она всё-таки училась), истории (тут обе девушки согласились), литературе (обе чуть не расхохотались), живописи (Хельге хотелось спросить, зачем особе королевских кровей нужно уметь рисовать и почему её, Хельги, родители упустили в воспитании дочери такой важный пункт), рукоделию, в частности, шитью (а вот в данный момент Мария уже не выдержала и всё-таки отвесила непутёвому магу подзатыльник), а учить принцессу будет Хельга.

— Да ни за что! Подбирай кого угодно, но её ученицей я не буду! — воскликнула девушка в ярости. — Вон, Паул тоже историю, оказывается, хорошо знает. А остальное я учить и не буду. Мне ненужно.

Хельга была готова расцеловать будущую правительницу их королевства. Какой бы не была эта самая Мария, она сильно помогла ей, Хельге. Да, эта девушка была, конечно, грубовата, простовата, безвкусно одета, да ещё и драчлива, но она избавила юную леди Кошендблат от лишней работы. Тем более, от работы, от которой сама наследница этого рода отказаться не могла.

— Но, Мария, послушай, ты же действительно не можешь показаться при дворе в таком виде! — крикнул Седрик.

Та обернулась. Колдунья могла поклясться, что такого выражения лица она ещё не видела. Точнее, видела... На лице у леди Джулии Траонт, когда брат той, Теодор, сжёг какую-то очень важную книгу... Да уж... Дядя Теодор тогда целых три дня прятался в кладовке, что находится рядом с кухней.

К счастью, в их очень “мирный” разговор успел вмешаться Паул. Он предложил такую

идею: он обучает Марию истории и географии их мира, а Хельга пытается обучить принцессу основам магии.

На этом и решили остановиться. Во всяком случае, это был вариант, который предотвращал многие жертвы...

---

* Генрих Сапгир. “Людоед и принцесса, или Всё наоборот”

** Реверанс и книксен — традиционные жесты приветствия у женщин, реверанс — более глубокий.

*** Чтобы не возникало вопросов, “о родах”, ударение на второй слог; от слова “род”, а вовсе не “роды”.

===== I. Глава двадцать пятая. Урок первый. История. =====

Он уходил. Она рыдала.
Кричала. Плакала. Звала.
Не помогало. Проклинала.
Себя, его, её кляла.
Собрал он вещи. Провожала.
Надеялась, что он поймёт,
Что он забудет ту, другую,
Что снова к ней тогда придёт.
Смеялся. Говорил, что дура.
Кому ж она теперь нужна?
А гордость вовсе не молчала.
“Переживу”, — сказать должна.
Сказала. Он лишь рассмеялся.
“Переживёшь? Ну что ж... Живи!
А я с другой теперь жить буду.
Прощай! Тебя я не люблю”.
Ушёл он. Ночь всю прорыдала.
Подушка мокрая от слёз.
Но институт... Идти пора уж.
Не стоит он разбитых грёз.
Или они не стоят жизни?
Ушло? Ушло. Забыть пора.
Учиться, думать о работе.
Ведь есть терпению черта.
Прошло. И больше нету боли.
Обиды больше нет теперь.
И плакать больше так не надо,
И унижаться, и терпеть...
Красива, замужем, с ребёнком
И на работе хорошо...
В душе же больше нету места
Для боли, слёз, страданий тех.
И встреча. Радостная встреча.
Друзья. Весь курс и факультет.

И он. Но с новой невестой.
Опять. Смешно. Совсем смешно.
Подходит. “Ольга, ты ли это?”
“Да, это я. Аркадий, ты?”
“Ты изменилась.” “Да ты тоже.”
“Несчастен я. А ты с кольцом?
Так плакала и так рыдала,
Я думал: больше нет тебя.
Неужто это всё... играла?”
“Нет, не играла. Было так.”
“Тогда, не знаю, что случилось!”
“Пережила.” “Пережила?
Пережила любовь? Как глупо!”
“Постой, а то была любовь?”
“Я думал...” “Ты тогда не думал.”
“Я знал...” “А что тогда ты знал?”
“Но ты...” “Что я? Я всё сказала.”
“Пережила!” “Пережила...”
“Ты говорила, что любила...”
“Ты клялся в верности. И что?”
“Но ты сказала, что ждать будешь!”
“Сказала. Ты же не пришёл.”
“Ты говорила, что страдаешь!
Ты говорила, нету сил!
Ты говорила...” “Говорила.
Тогда ты понял и пришёл?”
“Не думал я, что ты цинична...”
“Циничен ты, скорей. Не я.”
“Пережила? Переболела?
Артистка! Ты из их числа!
Ах! Ты ли это? Та ли это,
Кем грезил сном и наяву?”
“Ах, даже так? Прости, “любимый”.
Сказала же — переживу.”

За окном падал снег. Мария была удивлена этому. Ещё вчера не было никакого намёка на снег, а сейчас... Снежинки кружились в воздухе и, устав вальсировать, падали на землю. Небо заволочло чёрной тучей. И от этого было темно... Никто, кроме Марии, на это внимания не обращал.

Снег... Снег летом... Странно...

Седрик что-то учил, сидя в углу. Девушке стало интересно, что именно. Присмотревшись, она увидела, что в руках у чародея была книга “Анализ светлой магии”.

“Глупости это всё!” — решила Мария и отвернулась обратно к окну.

Снега больше не было. И он не просто не падал. Его не было вовсе.

Паул всегда считал царицей наук именно историю. Ему казалось, что без знания истории своего мира, своего государства, своего рода невозможно сделать что-либо вообще.

Когда-то давно он хотел попробовать себя в роли учителя истории. И сегодня его давняя мечта должна была исполниться. Мария сидела за столом и скучала. Реми, присевшая рядом, тоже.

— Итак, я начну, — чинно сказал чернокнижник. — Думаю, Марии следует для начала знать, как именно появилась магия в нашем королевстве.

Хельга недовольно хмыкнула, как бы показывая, что начинать обучение будущей королевы стоит вовсе не с этого. Мужчина, казалось, этого не заметил. Или предпочёл сделать вид, что не заметил. Он щёлкнул пальцами, и картинка перед глазами принцессы поплыла. Она сразу почувствовала себя не слишком хорошо. Девушке вспомнилось, как она пыталась пройти обучение Избранной. Ощущения были очень похожи. Не было, пожалуй, только вихря...

Когда же она, наконец, смогла прийти в себя, вокруг неё был совершенно незнакомый пейзаж. Впрочем, и пейзажем это назвать было трудно. Это выглядело, как будто она была в космосе. Правда, она ещё не скончалась... Значит, это точно не открытый космос. Тогда что это? Тут, казалось, не было ничего. Темнота. Или тьма? Только чьи-то голоса...

Dorchadas — scrín! Ídíonn Dorchadas go léir! Gach nach bhfuil dorchadas nár chóir a bheith ann!

Мария не знала этого языка. Но слова, казалось, повторялись снова и снова. Это было больше похоже на какую-то мантру, нежели на чей-то разговор. Эти слова, эта речь беспокоили девушку. Ей хотелось видеть тех, кто это произносил. То, что она не видела говорящих, сильно беспокоило её.

Вдруг принцессе удалось увидеть какую-то девушку. Незнакомка была одета довольно странно: длинный белоснежный балахон её сильно выделялся на мрачном фоне всего окружающего её мира. Она казалась скорее призраком, нежели живым человеком. Девушка эта была так бледна, что её кожа представлялась прозрачной. Мария не сразу поняла, почему видит эту странную особу, хотя не может до конца разглядеть и себя, свои руки. Кожа той девушки, а также её балахон будто светились.

— Наофа! Наофа! — услышала Мария чей-то взволнованный голос.

Вокруг не было ни души... Голос слышался будто бы из ниоткуда. Та девушка обернулась на этот зов и... исчезла. Принцесса хотела подбежать к месту, где та стояла, но не смогла сдвинуться с места. А потом кто-то поймал её за руку. Она хотела вскрикнуть, но рот ей закрыли рукой.

— Только молчи! Ради всего, что тебе ценно, молчи! — услышала она рядом громкий шёпот.

Говорил кто-то очень знакомый. Альфонс... Этот голос мог принадлежать только ему. Обернувшись, Мария убедилась, что это был именно он. Парень куда-то оттащил её и, наконец, отпустил. Девушке показалось, что её друг сильно похудел и осунулся. Его взгляд был почти незнаком ей.

— Альфонс? Это ты? Почему ты здесь, и что случилось?

Парень кивнул, а потом пожал плечами. Принцесса никогда не славилась тактичностью, но в этот момент что-то ей подсказывало, что лучше промолчать. Интересно, что же всё-таки случилось с Альфонсом? И как он мог сюда попасть? Разве Паул не объяснял ей, Марии, что она попадёт только в учебную программу, и ничего особенного случиться не должно, да и в программу эту можно отправить только одного человека? Так как же сюда попал её друг? Это новый глюк системы, так сказать? Как было тогда, когда

этот, тот, который приютил её тогда вместе с русалочкой, схватил Избранную за руку, и их перенесло непонятно куда?

В таком случае первым делом девушка после того, как вернётся обратно к Паулу, узнает, где у них техническая поддержка. А то уже надоело: то не так идёт, это не так...

— Я сам не понял, как сюда попал... — произнёс, наконец, Альфонс.

Девушка взяла его за руку. Она надеялась, что, если Паул произнесёт заклинание, отсылающее её обратно, перенесёт её вместе с другом. Не хотелось бы снова потерять его... Ей и так не следовало оставлять его одного с Розой тогда...

— Знаешь, я тут уже почти полгода... Тут темно... И я могу ориентироваться только по календарю на мобильнике... Представляешь, он до сих пор не разрядился! Наверное, специфика этого мира...

Мария задумалась. Сколько они были в этом мирке? Неделю, может, полторы... Но никак не полгода... Почему же тогда Альфонс так сказал? Не мог же он один провести здесь так долго!

— Ты уверен, что провёл здесь именно столько времени? Я была в сказочном мире максимум полторы недели...

Парень удивлённо посмотрел на неё. Потом попросил дать ему в руки её телефон. Принцесса сразу же сделала это. Увидев дату на экране мобильного Марии, Альфонс сильно побледнел. Он сказал что-то вроде “не может быть”, а потом схватился руками за голову.

Девушка подошла к нему и выхватила свой телефон, а также взяла и его.

— Странно... По твоему календарю уже январь...

***

Паул бегал по комнате, где расположилась вся эта компания, и “метал гром и молнии”. Подумать только, какая магическая безграмотность! Этот мальчишка, Седрик, вздумал применять светлую магию в тот момент, когда колдует чернокнижник... Чему их только в этой Академии учат?! Разве неясно, что светлый и чёрный маг не должны колдовать одновременно? Это же вызывает магический диссонанс*! Вот теперь, когда что-то пошло не так, искать Марию придётся именно Паулу, “потому что он старше и умнее”, а на то, что виноват во всём Седрик, всем плевать!

— Да как можно так безответственно относиться к тому, что говорил ваш учитель?! — заорал чернокнижник, узнав от Седрика, Хельги и Леонарда, что им когда-то говорили об этом на уроке. — А если что-то случится?! Я использовал всегда магию для... убийств... исследований... опытов... Седрик, или как там тебя зовут, если что случится, ты станешь очередной подопытной крысой...

Этих слов оказалось вполне достаточно, чтобы заставить волноваться как Седрика, так и Хельгу с Леонардом. Юным чародеям что-то подсказывало, что леди Джулия Траонт, хоть и является сильной ведьмой, тут мгновенно очутиться не сможет.

А жаль... Она бы точно могла помочь...

Пожалуй, Седрику и самому было стыдно за то, что он допустил такую ошибку. Мария действительно может пострадать из-за этого всего. Хельга, казалось, тоже прекрасно понимала это. Рик — так она его называла — даже завидовал Леонарду. Всё-таки, как хорошо иметь такую сестру, как она! Впрочем, и такую сестрёнку, как Розу, он был бы рад иметь. Но у мамы не было больше детей, кроме него, а когда мальчик, ещё будучи совсем крохой, начинал просить у неё младших братика или сестрёнку, она отвечала:

— Седрик, выкинь это из головы! Тебе вполне хорошо и без них. Ты только представь,

они будут играть твоими игрушками!

Обычно на этих словах леди Джулия замолкала и уходила, чтобы оставить Седрика переваривать эти мысли одного. А тому всё равно всегда хотелось, чтобы в поместье герцогини были ещё дети. Хотя бы один его ровесник... Хоть кто-нибудь... Так неприятно быть одному...

Паренёк всегда удивлялся тому, какие отношения были у Леонарда и Хельги. Они постоянно ругались, дрались, обзывались, цапались... Вот как они сейчас делят стакан с водой только из-за того, что им просто не из-за чего подраться, хотя совсем рядом стоит ещё один стакан. И нередко их драки приводили к печальным последствиям.

Маг помнил, как Хельга попала в лазарет почти на два месяца из-за той их драки на крыше общежития Академии. А ведь колдунья могла и умереть: ей тогда было чуть больше десяти лет, она сорвалась с крыши и упала на землю. Лекари боролись за её жизнь, а преподаватели дружно ругали Леонарда за произошедшее.

Когда-то Седрик винил во всём именно Леонарда. Он завидовал ему. Завидовал во всём: начиная с того, что у парня была сестрой Хельга, заканчивая успехами в Академии. Именно Хель в какой-то момент сказала ему, что всё совсем не так, как кажется. И только тогда Рик начал осознавать это.

Всё не так, как кажется, Рик!

Тоненький девичий голосок, произносящий эти слова, всё ещё звучал в его голове. Седрик стал присматриваться, наблюдать, слушать, он начал узнавать то, о чём не знал раньше. Всё-таки Хельга была права тогда, резко ответив ему на пожелание исключить Леонарда. Начав общаться с ним, маг узнал, что тот, в общем-то, неплохой парень.

— О чём вы задумались, лорд Траонт? О том, как будете получать наследство после смерти вашей дражайшей матушки?! — прошипел над ухом Паул. — Я вам уже в третий раз говорю, чтобы вы брались за работу. Вы тут единственный светлый маг!

Мальчик от неожиданности вздрогнул, что-то пробормотал и исчез сам. Чернокнижник тяжело вздохнул, трижды проклял ту Академию, в которой учились эти трое, сказал, как ненавидит всех детей и подростков в мире, произнёс другое заклинание, и будущий герцог Траонт перенёсся обратно.

Реми захлопала в ладоши и попросила продолжения представления. На что получила лишь презрительное фырканье со всех сторон. Она, пожалуй, уже хотела на всех обидеться, но не успела: в комнате неожиданно оказались Мария и Альфонс.

— Что же... Заклинание, разработанное мной, работает! — сказал Паул.

Седрик с удивлением посмотрел на него, Хельга усмехнулась, Леонард просто рассмеялся, а Кая лишь недовольно покачала головой, как бы укоряя всех четырёх чародеев.

— Вы что, о магии разума ничего не слышали? — удивлённо сказал он. — Куда катится мир? О самой важной магии никому и не рассказали!

Кая, увидев бледность и худобу Альфонса, тихонько поинтересовалась у чернокнижника, где у него в доме — оказалось, что у него, помимо пещеры, есть ещё и весьма приличный домик, куда он и привёл всю эту компанию на время обучения Марии — находятся кухня, ванная и спальня. Про кухню и ванную волшебник тотчас сказал, на вопрос про спальню лишь многозначительно промолчал.

— Вы же всё равно про это расскажете, правда? — хитро улыбнулась Реми.

Чёрный маг обречённо кивнул.

===== I. Глава двадцать шестая. Девочка из трущоб. =====

Ничего тебе, девочка, не осталось,
Кроме жгучего холода и скитаний.
Лишь Игла из горящей на солнце стали —
Отголосок далеких воспоминаний.
Ты бежишь, примеряя чужие лица,
Как волчонок, затравленный злыми псами.
Ты хотела быть сильной, большой волчицей,
Так учись понемногу владеть клыками.
Быстрая, как олень,
Тихая, словно тень,
Гибкая, как змея, —
Страх ранит глубже меча.
Тихая, как вода,
Быстрая, как стрела,
Гибкая, как змея, —
Мертвая девочка.
Если страх заползает змеёй под кожу,
Будь храбрее, не давай ему ранить больно.
Ты когда-нибудь когти наточишь тоже,
Ты когда-нибудь станешь, как птица, вольной.
Между жизнью и смертью покров так тонок,
Ты лишь тень, но о прошлом ты не забыла.
Повторяй же молитву свою, волчонок,
Ты судья, ибо ты их приговорила.
Быстрая, как олень,
Тихая, словно тень,
Гибкая, как змея, —
Страх ранит глубже меча.
Тихая, как вода,
Быстрая, как стрела,
Гибкая, как змея, —
Мертвая девочка. *

Юта осторожно постучала в дверь комнаты, в которой сейчас сидел Георг Хоффман. Тот лишь сухо бросил: “Входи”. Девочка вошла в комнату, испуганно оглядевшись по сторонам. За те две недели, что ей пришлось жить у этого человека, освоиться было весьма трудно. Она боялась что-либо задеть в этом доме, боялась сказать что-либо. Всё из этой обстановки было ей чужим. Каждая ваза, каждый диван, каждый стул, каждый цветок на коврах напоминал девочке, что она здесь никто. Человека, что привёл её сюда, она тоже боялась. Георга Хоффмана она впервые увидела в тот миг, когда он привёл её к себе. Он был так решителен в своих действиях, так холоден, что Юте хотелось где-нибудь спрятаться. Но спрятаться было негде. Она находилась в доме этого человека. Тут всем владел он и только он. Он видел всё в своём доме и знал каждый уголок, каждого слугу, каждого раба, которых у него было невероятное количество. И девочка с ужасом представляла, что же будет с ней. У этого мужчины по слухам было денег столько, что он мог бы скупить все миры сразу. Почему он этого ещё не сделал, было известно только богам. Юта страшно боялась его. Она

всё напоминала себе, что страх режет больнее самого острого кинжала, но ничего не могла с собой поделать. Этот мужчина пугал её. Пугал до того состояния, в котором сердце готово выпрыгнуть из груди от наполняющего его ужаса, в котором человек словно столбенеет, не может сказать ни слова, не может сделать шаг назад или в сторону, не может пошевелиться...

Слуги графа Хоффмана плохо отнеслись к гостье. Они зло посматривали на неё, когда девочка проходила мимо них, кухарка даже отказалась покормить её, несколько мальчишек кричали ей вслед обидные слова, один кинул в спину камень... Сможет ли она, одиннадцатилетняя Юта, выжить в этом ужасном доме? Кабинет графа был обставлен весьма строго и просто: обычный, но крепкий стол, два стула, небольшой диванчик в углу, три огромных шкафа с книгами... Эх, Юта бы с удовольствием почитала одну из этих книг! Отец научил её читать незадолго до своей смерти. Мама пережила его всего на год... В восемь лет девочка оказалась на улице совсем одна... Как она прожила эти три года, известно только богам. Бегала по улицам оборванная, босая, страшно голодная... А потом пришёл этот человек и забрал её. Она страшно боялась его. Эх, лишь бы прочитать одну из этих книг... Юта всегда успокаивалась, когда читала что-то. Но разве ей дадут что-то прочитать? Девочек вроде неё забирали для того, чтобы они становились рабынями. Рабу или рабыне нельзя быть грамотными. Должно быть, человек заметил её разочарование, горечь и страх, пока она смотрела на шкафы.

— Умеешь читать? — спросил он несколько удивлённо. — Хотела бы что-то прочитать из моей библиотеки?

В его голосе не было ни гнева, ни ярости, ни заносчивости. Голос был довольно резок, но при этом спокоен. Юте показалось, что голос графа и его самого можно сравнить со льдом, а его слова — будто те острые и холодные льдинки, которыми она царапала себе руки. Девочка не ожидала такого вопроса от него. Она не понимала, что можно ждать от этого человека и боялась ещё больше. Но всё же надежда умирает последней, а рождается первой. И Юта начала надеяться, что мужчина разрешит ей прочитать хоть что-то из этого. Она была уверена, что такой важный господин, как Георг Хоффман, должен читать не менее важные книги. Сам граф сидел за столом и неторопливо что-то перебирал. Он был одет так же просто, как и некоторые жители того района, где жила Юта до того, как он привёл её в этот дом. Вдруг в голове девочки промелькнула мысль: а может, этот человек разрешит ей стать служанкой, а не рабыней в его доме? Она согласна выполнять всю работу, что её попросят, лишь бы оставаться свободной... За окном лил дождь. Было довольно темно. Юта поражалась, что господин Хоффман не зажжёт свечей. Он ведь был достаточно богат для того, чтобы позволить себе это. Так почему же он носил такую одежду и не зажигал свечей, когда было уже довольно темно? Юта уже плохо помнила свою жизнь до смерти родителей, но воспоминания о том, что отец с матерью всегда старались одеваться по моде, чтобы о них не думали плохо окружающие, и зажигали свечи тогда, когда можно было ещё обойтись без них, тоже, видимо, по этой же причине, были ещё достаточно свежи.

— Ты хочешь что-то у меня спросить? — поинтересовался граф, видимо, заметив удивление Юты.

Девочка тихонько кивнула. Нет, этот мужчина пугал её всё больше и больше. Если бы он наорал на неё, ударил, оскорбил, сорвал бы последнюю оставшуюся на ней одежду, всё было бы гораздо проще. Но господин Хоффман проявлял к ней, казалось, интерес наподобие того, который проявляют к диковинным зверям, детям-гениям, различным чудесам света. Он,

казалось, ценил её не больше крысы, которая ходит на задних лапках. И это пугало девочку больше всего другого, что с ней произошло в этом доме.

— Вижу, ты не хочешь ничего спрашивать у меня. Что же... Зато я хочу у тебя вот что спросить... Почему ты убила Луца?

Юта удивлённо посмотрела на мужчину. Откуда он знал про это? Девочка была уверена, что, если кто-то узнает об этом убийстве, ей не жить. А может, так и есть? И этот человек хочет лишь позабавиться с ней напоследок? Почему же он привёл её сюда? Мог бы сделать всё прямо на улице. Он мог убить её прямо там. Юта была уверена, что Хоффман, даже если и оказался бы под судом, избежал бы не только наказания, но и вообще любого ущерба. Почему же тогда он привёл её сюда, в этот дом? Зачем продержал здесь целых полмесяца? Может, и слуги относились к ней плохо, потому что знали, что она — убийца. Кто поверит, что Луц напал на неё? Он был куда более уважаемым человеком, нежели она. Она — никто. Просто девочка. Просто оборванка с какой-то малоизвестной улицы... Кто будет плакать по ней?

— Вы поверите мне, если я скажу, что он напал на меня? — спросила Юта.

Мужчина ухмыльнулся. Эта девочка определённо веселила его. И графу нравилось это. Наверное, не стоит пока отдавать её Делюжану. Тот обязательно отправит её на плаху, не разбираясь, в чём дело.

— Вполне. Луц был порядочной сволочью.

Юта удивлённо посмотрела на Георга Хоффмана. Она теперь совсем не понимала, чего ей ждать от этого человека. Впрочем, он внушал ей доверие. Она сама не понимала, почему. Но бояться его от этого она не перестала. Девочка не знала, что не давало ей полностью довериться ему. Но что-то не позволяло ей сделать это. Всё в этом доме было ей чуждо. Юта снова и снова вспоминала это. Ей хватало одного взгляда на стену, стол, стул, любой предмет интерьера, чтобы вспомнить это. А ведь никогда раньше она не чувствовала себя так. Но она сроду и не была в подобных местах, как подсказывала ей память. Она доселе не видела столь богатого дома. Она никогда не была в столь богатом доме. Тем более, она ни разу не заходила в комнаты хозяина столь богатого дома. А тут... Всё казалось Юте слишком незнакомым, чтобы она могла расслабиться и довериться полностью. К тому же, после трёх лет жизни на улице девочка уже не могла доверять так, как доверяла бы раньше.

Кабинет Георга Хоффмана был довольно просторной комнатой с огромным окном. Должно быть, в другое время комната должна быть хорошо освещена солнцем. Но сейчас шёл дождь. Мрачные тучи застилали небо. В кабинете темно. Девочка не была уверена в том, что комната освещена меньше, чем подвал, в котором она жила. Наверняка граф освещал свой кабинет куда лучше. Но почему же ей казалось, что подвал был намного светлее?

— Ты хочешь есть? — поинтересовался мужчина абсолютно безразлично и холодно.

Юта не знала, что именно она должна ответить. Но, немного подумав, девочка всё же кивнула. Она не ела несколько дней. Было бы неплохо, если бы господин Хоффман накормил её. И, хоть она ещё боялась этого человека, он определённо располагал к себе.

— Тогда почему не сказала это? Боишься меня? Не стоит. Я не тот, кого тебе следует бояться.

Девочка изумлённо посмотрела на него. Она уже убеждалась в правдивости тех слухов, что твердили, что казначей в их королевстве безумен. Какой нормальный лорд говорит о том, что его не следует бояться? Лорды гордятся тем, что несут страх.

— Ты помнишь о том, что было года четыре назад? — вдруг спросил Георг Хоффман.

Юта задумалась. Четыре года назад много чего могло произойти. Четыре года назад король Алан — не без помощи Делюжана, разумеется — объявил, что королевство будет готовиться к войне. Четыре года назад был юбилей столицы, тысяча лет со дня основания города. Четыре года назад умер её отец... Но это ли нужно графу? Вряд ли...

— Что именно вы хотите от меня услышать?

Мужчина встал со стула и подошёл к девочке. Та, испугавшись, сделала два шага назад. Она не любила, когда кто-то подходил к ней так близко. Этот человек был для неё слишком чужим, чтобы доверять ему. Она видела его второй раз в жизни.

— До меня дошёл слух, будто ты четыре года назад помогла одному моему очень хорошему знакомому. Это так?

Юта пожалала плечами. О чём говорил этот человек? Тогда ей было лет семь. Чем она могла помочь взрослому человеку? Ведь вряд ли господин Хоффман говорит о каком-то ребёнке. Да и ребёнку она тогда вряд ли могла помочь чем-либо. Девочка могла вспомнить только один случай. Граф ведь вряд ли говорит о нём, не так ли?

— Скорее всего, вы ошибаетесь. Я никому не помогала.

Дождь. Маленькая девочка бежит из школы домой. Она просто обязана показать родителям свою первую оценку. И пусть это вовсе не “пятёрка”, родителям всё равно будет приятно. На душе радостно. В белокурой головке ещё нет места страданиям, грусти, боли... Есть только безмятежная радость, присущая, наверное, всем маленьким детям. Взрослые всё меньше и меньше радуются так... Почему? Почему их жизни становятся такими скучными, серыми, блёклыми... Яркие краски постепенно уходят из повседневности... Прислонившись к стене какого-то дома, стоит человек. Его глаза устало закрыты. Девочка останавливается около него.

— Дяденька, вам плохо? — разрезает тишину тоненький и звонкий голосок ребёнка.

Незнакомец медленно качает головой, то ли отвечая на вопрос, то ли пытаясь сбросить с себя что-то. И девочке кажется, что на самом деле она просто обязана как-то развеселить его. Она снимает с себя портфель, открывает его, роется в вещах, вытаскивает игрушку — плюшевого фиолетового дракона, — протягивает совершенно незнакомому ей человеку, улыбается и убегает куда-то.

Человек так и остаётся стоять. Только вот на губах у него промелькнула слабая улыбка. Он ещё грустит, но, пожалуй, в душе его что-то колыхнулось, не давая сделать какую-то глупость.

— Спасибо... — шепчет незнакомец вслед девочке.

Она уже не слышит его. И не может слышать...

Георг, задумавшись, не видит, как волнуется Юта... Не видит он также, как в его кабинет осторожно входит Саманта, его горничная. Из раздумий его выводит лишь тихий голос служанки:

— К Вам леди Траонт...

Граф кивнул, жестом приказал Саманте выйти из комнаты. Та молча повинуется. Приезд леди Траонт... Только она могла поспорить с ним в богатстве. Только она могла поспорить с ним во власти. Но она была жительницей совсем другого королевства. Того, с которым Делюжан планировал вести войну. И Георг нередко замечал, что и сама герцогиня не слишком жаловала его. Да, они еженедельно общались. Их встречи были уже столь привычны, что молодой казначей сам не знал, сможет ли отказаться от этих встреч в случае войны.

Встречал герцогиню граф всегда в гостиной. Так было принято. Гостиная в его доме была красивой просторной комнатой, отделанной в красно-коричневых тонах. Там находился любимый казначеем диван. Там находился огромный дубовый стол, доставшийся ему ещё от деда или прадеда...

Леди Траонт, как, впрочем, и всегда, была неотразима. Она была одета в чёрное платье с длинными кружевными рукавами. Хоффман всегда замечал, что герцогине поразительно идёт чёрный цвет. Он сам уже запутался в своих вычислениях на тот счёт, сколько же этой странной ведьме лет. Впрочем, выглядела она всегда лет на двадцать пять. Так же граф всегда знал и помнил, что это именно она посодействовала тому, чтобы Делюжан занял свой пост в королевстве. Говаривали даже, что когда-то министр был влюблён в эту своенравную леди. Но сегодня что-то поменялось во всём внешнем облике колдуньи.

— Герцогиня... Ужасно рад вас видеть! Вы прелестны сегодня. Но, мне кажется, у вас что-то случилось. Не знаю, радостное или нет, но вы поменялись...

Женщина бросила на него такой взгляд, который бросают обычно тогда, когда всё настолько хорошо, что даже не верится... Леди было так хорошо сейчас... Ей не хотелось слышать никаких вопросов... Они были излишни.

— Думаю, вы сами радовались бы на моём месте.

Граф усмехнулся. Эта женщина всегда умела поражать, оставаясь при этом весьма предсказуемой. Да уж... Она была столь же обаятельна, как и умна, столь же красива, что и властна, но оставалась самой обычной женщиной. Она обожала своего единственного сына, была готова разорвать в клочья любого, кто решил бы причинить ему вред, любила наводить марафет, флиртовать со многими мужчинами, появляясь в светском обществе.

— Не сомневаюсь. Но мне бы хотелось знать, что именно заставляет вас так сиять.

Джулия улыбнулась. Улыбнулась так, как умеют улыбаться лишь светские женщины. И эта улыбка была ожидаема. Весьма ожидаема. Так же, как и всё, что делала герцогиня. Граф Хоффман был готов поклясться, что перед ним сидит вовсе не легенда, не миф, а самая обыкновенная женщина, каких в мире тысячи, а то и миллионы. А ведь когда-то он считал совсем иначе... Правда, совсем небольшой промежуток времени. Только слушая рассказы Делюжана. Но всё же...

В одном из залов дворца стоял худенький паренёк лет восемнадцати в старом свитере непонятно какого размера, серых потёртых джинсах... Вся эта одежда была велика ему... Сегодняшний день был важным для юноши. Его должны представить чуть ли не самой влиятельной особе мира. Даже целых двух. Этой особой была Джулия Траонт. Сказочная красавица с кучей денег, связей... Женщина-легенда, женщина-мечта... И сам юноша считал бы так же, если бы не предубеждение, что у всех, абсолютно всех людей есть свой изъян.

В зал вошла высокая девушка. Она была безумно красива. Показалась такой. Только через пять минут после знакомства парень заметил небольшой шрам на шее девушки. Он бы и не заметил его, если бы не привык так чётко фиксировать каждую деталь при знакомстве или разговоре.

— Вот. Это тот юноша, о котором я говорил вам, герцогиня. Граф Георг Хоффман. Весьма перспективный молодой человек. Мог бы работать в нашем казначействе. Только вот это как раз то, где я не имею права назначать работников. Что скажете, герцогиня?

Леди Траонт улыбнулась, и Хоффман заметил, что она едва заметно кривит губы. Она не улыбалась, она смеялась. Над ним. И это было абсолютно точно. В тот момент юноша понял, что эта особа весьма капризна, и никому не стоит связываться с ней. Тем более, ему.

Он привык обращаться с женщинами, как с игрушками, а леди Траонт привыкла так же обращаться с мужчинами. И ещё неизвестно, кто кого переплюнет в этой игре.

— Милый мальчик... — иронично заметила герцогиня.

И в тот момент девушка показалась парню столь противной, жалкой, ничтожной... Но не говорить же этого сейчас... Ему нужен этот пост в казначействе. Стоило помнить только это.

Уже через час их разговора Георг получил распоряжение и этот пост. От этой женщины ему больше ничего не было нужно.

Графу вспоминались мрачные легенды о брошенных детях, что бродили босиком по заснеженным улицам и всё просили подаяния. Просили жалости и сострадания. Но люди были слишком злы, чтобы понять это. И дети умирали, превращаясь в призраков, убивающих тех горожан, что не хотели впустить их в свой дом... Интересно, если эти легенды правдивы, Хоффмана тоже когда-нибудь убьёт такой призрак?

В какой-то момент встреча с леди Траонт закончилась. Они оба были не готовы говорить друг с другом о чём-либо сегодня. Такое случалось уже пару раз. Но никогда они оба не были столь закрыты для беседы...

Герцогиня уехала к себе в поместье, а Хоффман поднялся к себе в кабинет и встал у окна. Потом, подумав, распахнул его. Девочка, которую он подобрал... Он даже не знал, как её зовут. Впрочем, это не так важно. Ей было безразлично, как его зовут, когда она протянула ему этого смешного дракончика тогда... Ребёнок, совсем ребёнок... Тогда она выглядела намного лучше. Наверняка что-то случилось с её родителями. Что же... Это только шанс для него. Шанс стать кем-то нужным. Наверное, было циничным радоваться этому, но Георг не мог ничего с собой поделать.

Он стоял у распахнутого окна и в руках держал ту детскую игрушку, того фиолетового дракончика, который, быть может, не дал ему опустить руки в тот момент... Он думал о том, что усыновит эту девочку и будет воспитывать её, как собственного ребёнка... Он думал. Он мечтал. Он надеялся.

А капли дождя всё стучали по подоконнику...

---

* песенка про Арию Старк.

===== I. Глава двадцать седьмая. Урок второй. Классификация магии.

Кружатся в вихре нескончаемого вальса
Крупинки магии, крупинки старой сказки.
Как снег кружатся в этом старом танце,
На землю, правда, падать не спешат.
Кружатся в вихре нескончаемого вальса
Воспоминания о счастье и надежде.
Кружатся, словно листья золотые,
Которые сорвал с деревьев ветер.
Кружатся в вихре нескончаемого вальса
И грусть, и радость, и улыбка чья-то.
Кружатся так и дарят всем забвенью,
Забвенью-счастью и забвенью-горе.
Порой не различить два этих вида.

Они, порой, идут друг с другом рядом,
И кажутся они совсем другими,
Чем, может быть, всё есть на самом деле.
Кружатся в вихре нескончаемого вальса
Крупинки магии, которых нет дороже.
Как снег кружатся в этом старом танце.
Что будет, если всё же упадут?

Узнав, какой у неё сейчас будет урок, Мария тяжело вздохнула. Оставалось надеяться, что обучать её Паул решит традиционными земными методами. То есть с разными книжками, тетрадками и конспектами. А вовсе не решит отправить её куда-то... далеко. И надолго. В том, что это будет именно “далеко и надолго”, девушка не сомневалась. Конечно, чёрный маг показывал себя неплохим специалистом в своей области, но это вовсе не означало, что он хорошо владел всеми видами магии. Перемещать в пространстве — да и во времени — он явно не умел. И это могла сказать даже Мария, что совершенно не разбиралась в магическом устройстве этого мира.

Альфонс спал. Видно, он пережил довольно сильное эмоциональное потрясение. Егс никто не беспокоил. Седрик, правда, делал это вовсе не из-за того, что хотел, чтобы друг принцессы смог отдохнуть. После того, как Альфонс врезал ему, пареньку вовсе не хотелось раздражать его.

Хельга с Леонардом тихонько ругались в сторонке, не забывая иногда пихать друг друга локтями. Кая что-то шила, а Реми сопела над очередной своей картиной. Паул же рылся в своей библиотеке.

“Всё же он учёл то, что произошло в прошлый раз...” — подумалось Марии.

Паул тяжело вздохнул и, как показалось принцессе, даже мысленно перекрестился. Потом тёмный маг подошёл к шкафу со своими книгами, достал оттуда одну и протянул будущей правительнице сказочного королевства. Правда, перед этим он сказал ей, что все его книги должны возвращаться в точно таком же виде, как он их выдал.

— И что мне делать? Просто прочитать?

Чернокнижник задумался. Когда он пытался учиться в школе с другими детьми-магами, те никогда не читали книг сами. Читали, используя магию, заклинания, но никогда не читали просто так... Как читают обычные, нормальные люди. Как, по идее, и нужно читать...

— Просто прочитать. Про себя. Только не вслух! Тут есть некоторые заклинания, которые может применять даже самый неумелый маг. Именно маг, простой человек это сделать не сможет, но если у него есть хоть минимальные магические способности... В общем, читай! Не отвлекай меня! Мне ещё зелье одержимости приготовить надо...

Мария осторожно открыла книгу. Та была такой старой, что, казалось, вот-вот развалится. Сухие ветхие страницы почти обожгли пальцы девочки. Она даже вздрогнула. Всё-таки обычно, прикоснувшись к книге, не обжигаетесь.

Это был маленький мальчик. Маленький, одинокий, беспомощный. Один в этом мире, один против этого мира. Один. Совсем один. Ребёнок шёл по заснеженной улице. Те лохмотья, что были на нём, не согревали его, и он совсем замёрз. Только кто сможет это увидеть и понять? Кому это будет безразлично? В этом огромном мире ребёнок был один, и он был предоставлен природе и самому себе. В свои пять лет мальчик прекрасно понимал это. Он шёл тихо, совсем тихо, еле передвигая ноги. Но и бесшумно — взрослые сильно

сердились, если слышали хоть звук от него. Почему? Их дети кричали гораздо громче, но их никто не ругал за это. Почему же ругали его? Только его...

Ветер становился всё сильнее. Люди закрывали ставни, двери, спасаясь от этого продувающего насквозь ветра. Те, кто ещё был на улице, спешили спрятаться куда-нибудь. Кто спешил домой, если тот был близко, кто прятался в лавке какого-нибудь торговца... Бабки-торговки прятали свои товары и тоже убегали... Как будто мир вокруг пытался уйти от этого ветра. Оставался только ребёнок.

А ветер становился сильнее и сильнее. Идти было уже трудно: ноги еле держали. Теперь вокруг не было никого. Мальчик убедился в этом, посмотрев по сторонам. И это было довольно страшно. Раньше ребёнок хоть и знал, что он один, было столько людей, которые также шли куда-то, не зная сами, куда, спешили сделать что-то, оживлённо обсуждали недавние события. И было легче. Сейчас мальчик совсем один. И не было вообще никого. Никого, как казалось мальчику, на всём белом свете.

— Дай пройти! Не мешайся под ногами, оборвыш! — крикнул какой-то богато одетый мужчина, толкнув и сбив ребёнка с ног.

Мальчик удивлённо посмотрел на него. И дело было вовсе не в том, что на него никогда так не кричали, такие вопли в свой адрес он слышал чуть ли не каждый день, да и толкали его нередко. Мужчина был одет совсем не так, как одевались жители района, в котором сейчас находился. Да и в целом выглядел он совсем по-другому. Высокий, статный, в расшитом золотом мундире, этот человек показался мальчику как минимум императором. Кто ещё мог так же одеваться? И ребёнок даже осмелился побежать за этим человеком, осмелился подойти к нему совсем близко, когда тот остановился у входа в какую-то лавку.

— Чего тебе надо, мальчишка?! Для милостыни монет не ношу! — довольно грубо сказал мужчина, увидев, что ребёнок приближается к нему. — Неужто ограбить хочешь?! Ха! Всегда поражался наглости жителей этих трущоб!

Мальчик отшатнулся. Человек этот пугал его. И пугал сильно. Он не был похож ни на лавочника, что гнал любого ребёнка, который смел к нему приблизиться, но не был достаточно проворен, чтобы мальчишки не крали у него краюхи хлеба, некоторые фрукты и даже пряники; ни на старуху-знахарку, единственную, кто хорошо относился к детям, оставшимся без родителей здесь, старую, суховатую женщину, выглядевшую весьма жутко, но бывшую самым добрым обитателем трущоб; ни на купца, что был самым богатым человеком здесь, злого и жадного; ни на старика-виндера, самого грамотного и учёного, как казалось мальчику.

— Что ты на меня так смотришь? Как волчонок на охотника... Военных никогда в своей жизни не видел? — усмехнулся мужчина.

Ребёнок испуганно вздрогнул, а потом, через несколько секунд, медленно покачал головой. Военный... Когда-то бабка-знахарка рассказывала мальчишкам о бесчинствах, творившихся в имперской армии. По её словам это было самое страшное место, которое только можно было представить. Её муж погиб, когда велись боевые действия с военной базой Альтаир. Что такое военная база, ребёнок ещё не знал, но почему-то ему представлялось что-то жуткое, что-то ужасное...

Мужчина же усмехнулся. Когда он уже перестанет встречать в таких районах таких вот жителей? Когда он вообще перестанет ходить в подобные места? Могли бы послать и кого-нибудь другого. В конце концов, не он один является лейтенантом в имперской армии.

— Сколько тут есть взрослых парней, мужчин? — спросил офицер. Увидел, что

мальчик пожал плечами. — Слушай, пойми, война — это не прихоть военных. Это необходимость для императорской семьи. Никто в этом не виноват. Просто так уж сложилась ситуация.

Ребёнок серьёзно посмотрел на мужчину. Кто жил в этих трущобах? Мальчик и сам плохо знал это. И почему-то он был уверен, что этот человек не имеет в виду лавочника, купца и виндера. Слово «война»... Оно было незнакомым и... страшным. Ребёнку даже показалось на мгновение, что это слово звучит ещё страшнее слова «голод».

— Не понимаешь? Подойди-ка сюда! — позвал мужчину. Мальчик еле смог подойти. Ноги просто отказывались слушаться. — Боги! Да ты совсем замёрз! Ладно, пошли со мной в карету. Думаю, там всё же немного теплее.

Мальчик недоверчиво поплёлся за офицером. Много чего могло случиться, и ребёнок ничего не смог бы сделать против. Он был слишком мал и слаб, чтобы дать отпор. И слишком напуган, чтобы сказать что-то. К тому же было холодно. На самом деле, будь рядом старуха Рена, он бы никогда не пошёл за незнакомым человеком, но старухи рядом не было. Некому было взять мальчика за руку, дать ему кружку тёплого молока, укрыть его одеялом — женщина иногда делала так, говорили, она хотела когда-то создать сиротский приют, но разрешения на это ей не дали.

Идти нужно было недолго, но замёрзшему ребёнку показалось, что прошла вечность. Конечно же, никто и не думал отнести его на руках, возможно, так было бы гораздо проще. Притом и военному, и самому мальчику. Но офицер не хотел этого делать. Да и разве можно было корить его за это? Он предложил маленькому Артуру посидеть в своей карете — по его словам, там было теплее, — можно ли было осудить его за то, что дорогу к карете ребёнку пришлось проделать на своих двоих?! Мальчику было уже целых пять лет, и никто не обязан тащить его куда-то на руках. К тому же так давно он ходил по улице пешком.

Запрыгнуть в карету было делом нелёгким. Подножка была слишком высокой для Артура, а ноги уже не слушались. В конце концов, военный, увидев безнадежность попыток мальчика, поднял его на руки и занёс в карету.

— Сиди здесь! — строго сказал мужчина. — Мне всё равно нужно закончить моё задание. Грент! Мальчишка посидит в карете, пока я не вернусь!

И ушёл. Закрыл двери и ушёл. Оставив мальчика одного. Снова. Правда, тут было несколько теплее, нет того пронизывающего ветра, того снега, но согреться всё равно не удавалось, хотя у старухи Рены... О старухе Рене теперь можно было только мечтать. Артур увидел вчера, как её вынесли из дома какие-то люди, потом бросили её в телегу и уехали. Точно так же случилось год назад, когда его бабушка надолго заснула. Соседка тогда выгнала его, Артура, из дома. Больше бабушки он не видел никогда. Неужели теперь он не увидит и старухи Рены? Никогда не увидит... От этого становилось грустно.

Мужчины не было долго. Впрочем, в карете было довольно тепло, и мальчик даже умудрился задремать. Буря за окном всё ещё бушевала, и ребёнок начинал беспокоиться. Всё-таки, что ни говори, карета — не слишком надёжная защита от бури. Как-то раз ребёнок уже видел, как перевернулась телега во время очень сильного ветра. Жена лавочника, Неш, добрая и милая женщина, изредка подкармливающая беспризорников, погибла, а дочь их, Гела, больше не могла ходить. Артуру всегда было жалко Гелу, тихую, как и её мать, а после этого... После этого лавочник обозлился вовсе. И, наверное, его можно было понять. Слишком большое несчастье случилось с его семьёй. Такое могло случиться с каждым.

— Эй ты, оборвыш! Задремал совсем, гляжу! — весело крикнул офицер, заскакывая в

карету. — Грент! Отвези меня к части!

Мальчик тихо поинтересовался, что такое часть. На что военный расхохотался. Артур обиженно засопел и через несколько мгновений снова задремал. Он не понимал, что было смешного в его вопросе. Но мужчина почему-то считал, что смешного было много.

— Эй! Как зовут тебя, оборвыш? — спросил человек, теребя ребёнка за плечо. Тот вздрогнул и отполз подальше, в угол сидения.

Подумав, что ничего плохого от того, что он назовёт своё имя, случиться не должно, мальчик посмотрел на военного и тихо буркнул: «Артур меня зовут!» — после чего уткнулся носом в стекло и стал смотреть в окно. Карета проезжала мимо совершенно незнакомых мальчику домов, которые были богаче, чем там, где он жил, люди были одеты куда наряднее, детей-беспризорников, бежавших всегда за экипажами и каретами, надеясь на то, что им бросят хотя бы несколько железных монет, видно не было. Все дети, которые встречались на пути, были нарядно одеты и шли рядом с родителями...

Мужчина, увидев, что ребёнок безотрывно смотрит в окно, сам решил посмотреть, что именно могло так заинтересовать его маленького гостя.

— Тебя удивляет это, так? — спросил он вдруг. — Меня это тоже когда-то удивляло, даже поражало, скорее... — тяжело вздохнул человек. — Недалеко от воинской части находится приходская школа... Ты хочешь там учиться? Думаю, там должен быть и приют...

Ребёнок тихонько кивнул. Конечно же, он хотел учиться в той школе: по рассказам виндера, приходских школ в городе было не так и много, всего десятков или два на весь город, а светских школ — и того меньше, да и поступить в них можно только за деньги...

В этот же день мальчик оказался в той школе. То было деревянное здание, почти развалившееся от времени, с невысокими потолками, маленькими окнами, с деревянными партами, которые когда-то, должно быть, были выкрашены в ярко-жёлтый цвет, а сейчас просто грязно-бежевые... Приют был таким же. Только вместо десятка столов и стульев в каждой комнате было столько же кроватей, скрипевших даже тогда, когда кто-то просто проходил мимо...

А из маленького окна в общей спальне можно было видеть старый дуб, толстый и корявый, сердитый, но, как почему-то показалось ребёнку, добрый. Во всяком случае, мальчику казалось, что дерево должно быть непременно добрее людей. Бабка Рена говорила, что природа всегда добрее человека... И в это хотелось верить. Хотелось, чтобы хоть что-то в этом мире было совсем другим... Правда, Артур не считал себя тем, кому не везло в жизни — вчера удалось стащить яблоко у лавочника там, у себя дома, а сегодня этот странный военный привёл его сюда... А тут было тепло. Правда, если подойти поближе к окну, можно было почувствовать холод и ветер, что были на улице, да и отковырнуть пальцем немного снега или льда — мальчик не знал, как именно назвать это — с замерзшего подоконника... Но тут было тепло... Топилась небольшая металлическая печка, да и бабушка, работавшая здесь кем-то вроде воспитателя, выдала ему одеяло и указала на его кровать...

Зазвонил тяжёлый колокол, и все дети, что находились в этой комнате, стали ложиться спать. Артур не понимал, почему они так торопились, но решил, что ему стоит сделать то же самое. И когда все легли, вошла та самая женщина, что выдала ему вещи — одеяло, школьную форму, а так же ещё какую-то одежду, строго оглядела всех вокруг и вышла, пробормотав что-то себе под нос.

Уже засыпая, мальчик успел про себя подумать, что, в общем-то, сегодняшней день прошёл куда удачнее, чем он мог ожидать. И уж точно куда удачнее, чем он прошёл у

забияки Ганса, что отобрал у Артура несколько железных монет неделю назад...

Повествование обрывалось на этом самом месте. Мария посмотрела на Паула, недоумевая, как относится этот рассказ к её сегодняшнему уроку. Тут не было сказано ни слова про магию...

— Человек, о котором ты сейчас прочитала, один из тех, с чьей помощью начала зарождаться магия, — словно прочитав мысли принцессы, сказал чернокнижник. — И да, мысли я читать умею. Конечно, не так, как это умеют делать те маги, которых готовят для шпионажа, но для тебя моих знаний хватает.

Мария от неожиданности вздрогнула и выронила книгу из рук. Когда девушка нагнулась, чтобы поднять несчастное издание, она увидела, что из книги выпал один листочек. Недолго думая, принцесса начала читать то, что было там написано.

Принц Эсмонд... Совсем ещё ребёнок, единственный наследник престола, любимый ребёнок, долгожданный ребёнок, единственный сын после восьми дочерей... Разве мог он быть не избалованным? Чуть ли не с самого рождения ему доставалось всё, о чём он мог только пожелать: игрушки, книги, даже люди... Всё самое лучшее было у маленького принца Эсмонда. Правда, и ждали от него всего самого лучшего. И друзей во дворце не было и не могло быть. Конечно, были старшие сёстры: гордячка Элиза, умница Каролина, скромница Тиана, мечтательница Лея, хохотушка Рена, вредина Аманда, красавица, но дура Шарлотта, проказница Мери... Они все были девчонками... Глупыми и вредными, никогда не оставлявшими маленького принца в покое, никогда не дающими спуска на занятиях или на церемониях... Что может быть хуже восьми старших сестёр?! Было бы куда проще, если бы у Эсмонда было восемь старших братьев! Впрочем, нет. Было бы куда лучше, если бы он сам был старшим. Пусть тогда остаётся даже Аманда! Да и Шарлотта, которую мальчик не любил, пожалуй, ещё больше.

Тринадцатилетний принц грустил. Заняться было нечем. Можно, конечно, пойти посмотреть и послушать, что происходит на военном совете, но ребёнка это интересовало меньше всего. Было бы так здорово, если бы кто-то мог придумать развлечение, которое было бы интересно наследнику престола или хотя бы могло на время позабавить его! Было бы так хорошо! Но рядом нет никого, кто мог бы это сделать, а самому придумывать это совсем не так интересно... Эсмонд загрустил, вспомнив, что у жениха его младшей сестры, точнее, у жениха младшей из его старших сестёр, который был всего на два года старше принца, было много личных слуг-ровесников. К нему никогда не приставляли детей его возраста. Когда-то мальчик слышал от одной из своих сестёр, что за пределами дворца и крепости живут люди, не признающие власти короля Альберта, люди, которые во много раз по силе превосходят солдат, люди, которых можно было бы назвать непобедимыми... Эсмонд никогда не видел никого из этих людей...

Дочитать отрывок Мария не успела: Хельга буквально вырвала листочек из её рук.

— Ты куда смотрел, идиот?! — закричала она на Паула. — Мы не можем позволить ей проникнуть в те тайны королевства, которые мы с таким трудом скрывали!

Паул пожал плечами и абсолютно спокойно выхватил книгу из рук Марии, положил её обратно к себе на полку, провёл рукой, и книга исчезла. Принцесса пожалала плечами.

— Самые обычные рассказы, обычная художественная литература... Не понимаю, что это вы так всполошились?

Хельга гневно посмотрела на неё. Так, как на Марию смотрела в пятом классе математичка, когда та очень долго спрашивала, почему именно нельзя делить на ноль и

точно ли это утверждение. Или как на Альфонса, заступившегося три года назад за Розу перед её одноклассниками, смотрели родители тех детей. Правда, причину второго взгляда принцесса никогда и не понимала: её друг пальцем не тронул тех детей, а в том, что на них наорали, были виноваты именно они сами.

— Да это, в крайнем случае, что-то наподобие “Легенде о короле Артуре и чём-то там ещё...”, но никак не достоверный исторический источник!

Паул пожал плечами, всем своим видом показывая, что, в общем-то, вполне согласен с принцессой... Впрочем, его “в общем-то” и “вполне” были весьма смутными.

— Да как ты смеешь так говорить?! — взвизгнула от негодования Хельга. — Это почти священные книги, которые...

Договорить ей не дала подушка, которая в следующий момент в неё попала. Юная ведьма взвизгнула и обернулась, чтобы посмотреть, кто именно был способен на такую гадость.

— Эй, ты... Знаешь, у меня есть правило: “Девушек не бить ни в какой ситуации”. Но заткнуть тебя я вполне смогу и любым другим способом. Что за бред ты выдумала? Какие священные книги? Мария права: то, что она читала, скорее всего, самые обычные рассказы.

Хельга бросила недовольный взгляд на Седрика, который явно говорил: “А зачем ты его-то сюда притащила?!” , пожалала плечами, вздёрнула носик и вышла из дома со словами: “Раз я вам не нужна, обходитесь без меня”.

— Кажется, от одной проблемы мы избавились... — пробормотал Леонард, всё это время сидевший в стороне и не подававший ни звука.

===== Бонусная глава. День святого Валентина. =====

1. Рассказ первый. Подарок.

Бывало, в детстве под окном

Мы ждем, когда у нас

Проснется гость, прибывший в дом

Вчера в полночный час.

Так и деревья. Стали в ряд,

И ждут они давно,

Когда я брошу первый взгляд

На них через окно.

Я в этот загородный дом

Приехал, как домой.

Встает за садом и прудом

Заря передо мной.

Ее огнем озарены,

Глядят в зеркальный шкаф

Одна береза, две сосны,

На цыпочки привстав.

Деревья-дети стали в ряд.

И слышу я вопрос:

— Скажи, когда ты выйдешь в сад

И что ты нам привез?*

Маленькой Марии было скучно. Её мама решила куда-то поехать и взяла с собой малышку Розу. Девочка, конечно, понимала, что Розе было всего три года и она была ещё

слишком мала, чтобы оставаться одной дома, но почему нельзя было оставить Розу с ней, Марией? Было бы гораздо веселее...

В школу сегодня мама разрешила ей не идти. Почему? Наверное, из-за того, что она разбила нос тому мальчику-задире, мамаша которого тоже невероятно задавалась. А что в этом плохого? Тем более, он задрал юбку Элис, тихоне из их класса. Почему же никто из мальчишек не заступился? Почему Марии снова пришлось ввязываться в драку?

В дверь позвонили. Подумав немного, девочка бросилась открывать. На пороге стоял Альфонс. С его куртки капали капли воды, и только сейчас Мария вспомнила, что за окном шёл дождь.

— Проходи скорее... — сказала девочка. — Не стой, простудишься!

Мальчик послушался её и прошёл в квартиру. Он был довольно бледен, да и синяки на его запястье не укрылись от зоркого взгляда принцессы. Она закрыла дверь на ключ, подтолкнула друга к ванной комнате, а сама отправилась на кухню. Вроде в холодильнике лежали сыр и колбаса, а хлеб найти проблемой не будет.

Альфонс же, переодевшись в вещи своей лучшей подруги — кстати говоря, маму девочки, Кассандру, всегда удивляло то, что дети одевались почти одинаково, да и размер у них был один и тот же, — положил свои вещи в стирку и прошёл в комнату. Мальчик что-то крепко сжимал в руках, и Марии стало очень интересно, что именно.

— Что там у тебя? Покажи! — крикнула она, подбираясь поближе к другу.

Мальчик нахмурился и покачал головой. Марию, как довольно сильную физически, упёртую, как баран, и вредную, как многие маленькие дети, такой ответ совсем не устраивал.

— Покажи! — настаивала девочка. — Покажи! Ты же знаешь, иначе я сама посмотрю!

Ал упрямо качал головой.

Общение этих детей началось после того, как они что-то не поделили на детской площадке и стали драться. Кассандра, мама Марии, также знала, что нет никого, кто был бы так же упрям, как её дочь, кроме Альфонса.

Поняв, что добровольно Альфонс ладонь не раскроет, Мария решила действовать быстрее. Она подбежала к другу и стала пытаться разжать его руку. Через минут пятнадцать напряжённой борьбы принцессе, наконец, удалось это сделать. В руке Альфонса была какая-то бумажка. Девочка схватила её и убежала из комнаты.

— Почему ты не отдал валентинку мне? Ты же подписал! — обиженно пропела она.

Мальчик равнодушно пожал плечами и уселся на диван. Он взял бутерброд и стал жадно есть его. Мария недовольно хмыкнула, но всё же не стала ничего говорить.

— Может, потому что ты дура?

В Альфонса полетело яблоко. Тот еле увернулся и захохотал. В него полетело ещё одно яблоко. Мария всегда так странно реагировала, когда он пытался говорить не литературной речью. Правильно говорил отец: женщин понять просто невозможно. А Мария — девчонка, какой бы весёлой и умной она не была. А девчонка — значит, маленькая женщина.

— Следи за языком! — крикнула она раздражённо.

Потом всё забылось... Они играли, смотрели телевизор, что-то декламировали вслух, ели бутерброды, яблоки, апельсины и конфеты, оставшиеся на кухне. И только потом уже, ложась спать на диване в гостиной, Альфонс услышал тихое: “Спасибо за подарок...”.

***

Рассказ второй. Краски.

Культура разума и воли
И эстетичность в простоте,
И согласованная стройность
Во всем размеренном ключе.
Рациональной планировке
Дан исключительный разбег,
Вся грациозность — «окантовкой»
Вписалась стильно в новый век.
Геометрическая плоскость
Влилась, как целостность, в струю,
И уловимых граней тонкость —
В уравновешенном ладу.
Закономерность четких линий,
Стремленья нравственный устой,
Природа линий в чистой лире
В облагороженный покой.
Характер форм — монументальность,
Размах новаторских идей,
И дерзких мыслей гениальность
Венцом сияющих лучей.
Консерватизм и отчужденность
Остались в прошлом навека,
Абрис — воссозданная стройность
На новой эре бытия.**

Из жизни нередко исчезают яркие краски. Мир вокруг становится серым, грустным, даже глупым... Всё тускнеет, теряет смысл. Жизнь становится безрадостной, беспроглядной серой бездной, выходом из которой является только смерть...

Георг шёл по одной из серых улиц серого города. Одинокого и жуткого в своём величии города. Высокие ровные дома казались скорее тюремной оградой, нежели жилищами людей. Живых людей, которым свойственно дышать, чувствовать, любить...

Впрочем, способны ли люди любить? Граф Хоффман всё чаще задумывался об этом. Способна ли любить эта совершенно бездушная огромная толпа, не готовая не только жертвовать чем-то ради другого, но и просто обратить на что-то внимание?

Толпа проносилась мимо. Хоффман никогда не чувствовал себя одиноким в этом городе. Он родился и вырос здесь, хоть его и увозила мать на лето отдыхать в горы. В горы, где с ним случилось несчастье. Сколько раз он уже думало о том, что, будь он в тот день в городе, ничего бы не произошло...

Впрочем, что такое одиночество? Георг никогда не понимал, что именно подразумевают под этим постоянно ноющие люди. Так что такое одиночество? Минута, час, проведённые вне шумной компании? В таком случае многих людей, которых знал Георг, можно было назвать одинокими. А может, это состояние души, когда чувствуешь себя ненужным, обездоленным, несчастным? Когда-то Хоффман чувствовал себя таким. Но это было не здесь, а там, в горах, в той солнечной деревне... Здесь мужчина ощущал себя совершенно уверенно и спокойно.

Но краски всё равно исчезали из его жизни.

Дома, в том роскошном дворце, который ему пожаловал сам король, его ждала Юта. Маленькая брошенная девочка. Одинокая. Никому не нужная. Как и он сам. Но она была куда более беспомощна здесь. В её глазах всё ещё плескалась надежда, в её глазах всё ещё было солнце. То, чего в глазах Георга никогда нельзя было найти.

Мужчина быстро шёл по улице. Посмотрев на небо, он зашагал ещё быстрее. Тучи над городом уже сгустились, и ему не хотелось попасть под дождь. Куртки на нём сегодня не было, а идти под дождём в шерстяном свитере было не лучшей идеей.

Уже поднимаясь по ступенькам парадной лестницы в своём доме, он вспомнил, зачем выходил сегодня из дома. Краски. Юта откопала на чердаке старые краски, точнее, их остатки, и пыталась размазать их по мольберту. С его стороны было бы даже подло не купить ей эти краски. Денег у графа Хоффмана было много. Он порой сам не знал, куда их девать.

— Юта! — крикнул Георг. — Юта! Подойди сюда!

Девочка испуганной мышкой выскочила из комнаты, оглянулась и увидела, что на лестнице стоял промокший от дождя граф, приютивший её, подбежала к нему и испуганно посмотрела.

— Бери! — сказал мужчина, протягивая девочке краски. — Бери. Рисуй ими.

Юта удивлённо посмотрела на него и вдруг повисла у него на шее.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — прокричала она.

Через несколько мгновений радостная Юта уже убежала обратно к себе в комнату. А Георг всё ещё стоял посреди лестницы в мокрой от дождя одежде с взлохмаченными волосами. Он смотрел куда-то в окно и улыбался.

***

Рассказ третий. Путешествие.
Обводы сложных очертаний,
Абрис в изрезанность пруда
Воссоздают напоминание —
Эгейской бухты берега.
Великолепна пирамида,
Вверх устремился пьедестал,
Руст светло-серого гранита,
Как будто гасит всякий шквал.
И мрамор светится не броско,
Рельефом ростры корабля,
И плиты в бронзовые доски
Несли историю в века.
Вот оживает в камне «ода»
Перед покоями дворца,
Встают Орловские ворота,
Луч нежит порцией тепла.
Тивдийский мрамор в стенах арки,
Колонны в мощный пьедестал,
Как «Возрождение» Петрарки
Гуманистических начал.
Высокий аттик над карнизом,

И надпись высечена в тон,

«Цвет» дарования отчизне

В числе прославленных имен.**

Плохое настроение для леди Траонт всегда являлось нормой. И с этим уже давно смирились все слуги и знакомые герцогини. И только Жан имел наглость пытаться бороться с этим плохим настроением.

Погода была чудесная. Джулия решила, что “этому несносному мальчишке” не мешает хотя бы начальные понятия правил хорошего тона, культурного развития человека и личности, а так же, наконец, “помолчать хоть минуточку”. Иногда леди даже жалела, что выбрала именно этого паренька из всех тогда в капелле. Она, вообще, иногда даже жалела, что вошла туда. Так что, сейчас и герцогиня, и её юный друг сидели в карете.

— Джулия! Посмотри! Как красиво!

Ничего красивого в фонтане перед вокзалом герцогиня не видела, но почему-то кивнула. Парень же восторженно смотрел на тот город, куда его сейчас привезли.

— Это столица? Правда?! Как красиво! А почему говорят, что это мрачный город? Кстати, Джулия, а ты помнишь, что сегодня за день?

Герцогиня задумалась. Это точно не её день рожденья. Новый год был полтора месяца назад, до дня их встречи ещё далеко, встретились они летом, а Седрик вообще родился в сентябре...

— Конечно, помню, Жан! Твой день рождения! — заявила Джулия.

Приняв такое решение, женщина вдруг задумалась, что именно она может подарить своему кавалеру. Так что того, как погрузился Жан, услышав эти слова, она не видела.

Увидев, что карета проезжает мимо какой-то лавки, леди крикнула кучеру, чтобы тот остановил экипаж, выскочила на улицу и, сказав приказным тоном: “Сиди здесь! Выйдешь — получишь по заднице!” — бросилась в ту лавку. Жан тяжело вздохнул и с грустью посмотрел ей вслед.

— Вообще-то день рождения у меня был месяц назад... — расстроено пробормотал он. — Я тебе всегда что-нибудь дарю на день рождения... И всегда помню, когда он...

Джулии не потребовалось много времени, чтобы выбрать подарок: она заметила, что в лавке имелась очень хорошая флейта, а Жан уже давно намекал ей, что ему нужен этот музыкальный инструмент. Попросив, ну, или приказав, чтобы подарок хорошенько завернули, женщина вышла из лавки, бросив предварительно лавочнику одну золотую монету.

— Поехали! — крикнула ведьма, садясь в карету. — Эй, Жан! Ты чего такой кислый? Выше нос!

Паренёк слабо улыбнулся. К столичному дому герцогини они доехали в полном молчании.

— Жан! Это просто дурной тон так дуться! Я же тебе и подарок купила! Жан?

Парень прижался к герцогине и прошептал, что его день рождения был уже давно, а сегодня день всех влюблённых, который он хотел провести вместе со своей леди...

— Ну, забыла... Ты вообще чуть больше месяца назад воскрес. Мне не до этого было... В следующем году отпразднуем. А сейчас отмечаем твой день рождения. В конце концов, ты мне важен больше, чем какие-то влюблённые.

Жан рассмеялся. Да уж... Так поднять настроение ему могла только леди Джулия.

===== I. Глава двадцать восьмая. Легенда белых лебедей. =====

И снова вихрь, и снова вальс,
И снова кажется, что тщетны
Попытки были кануть в бездну,
И снова шёпот, пенье птиц,
И снова... Снова то забвенье,
Забвенье горя и обид,
Забвенье радости и счастья,
И снова хочется заплакать...
И снова вихрь, и снова сон,
И снова снятся лес и поле,
И кажется, что всё вокруг
Лишь бред сознания больного...
И видишь снова речку ту,
Что вряд ли может быть реальной,
И слышишь снова голос той,
Что рядом быть клялась когда-то.
И снова вихрь, и снова крик,
И снова вспомнишь боль и горе,
И кажется порой, что миг
Длиннее века стать вдруг сможет.
И снова сон, и снова вопль,
Вопль радости и вопль счастья,
И снова кажется чужой
Планета, на которой часто
Бывает дождь, бывает зной,
Бывают ночи и закаты,
Бывает боль, бывает сон,
Бывают радости и горе.
А девочка — лишь тот ребёнок,
Который может помешать
Или помочь всем тем невздам,
Которой нужно отстоять
То право быть посланцем Бога.
Она живёт, как все живут,
Но отчего-то так обычно
Идут мгновенья и года,
Которых не было тут прежде.
И снова вихрь, и снова вальс,
И снова кажется, что тщетны
Попытки кануть, чтоб спастись,
Попытки умереть, чтоб выжить.

Кассандра не любила сказочный мир. Да, это был её мир. Полностью её. И полностью чужой. И сейчас, когда пришлось проснуться в ненавистных королевских покоях, женщина думала только о том, как бы ей снова сбежать отсюда. В прошлый раз всё получилось гораздо проще. Подвернулся этот Теодор. Единственное, что пошло не по плану Кассандры

— так это её беременность. Кто же знал, что её первый ребёнок будет от непонятно какого проходимца, которого даже просто достойным человеком нельзя было назвать. А ещё он, кажется, приходился Сандре дядей, что было куда более досадным фактом.

Мать-лебедь тихо песню пела,
И озеро внимало ей,
И дети слушали тихонько,
Боясь сказать или вздохнуть...

Прошло уже семнадцать лет. Довольно хороший срок, чтобы всё обдумать, всё понять... И Кассандра давно всё обдумала! Давно! Ещё тогда, когда сбегала из ненавистного отчего дома. А сейчас... Отец всячески пытался задобрить её и убедить остаться. И он, пожалуй, не был виноват во всём этом, женщина прекрасно знала и понимала это. Но он был королём — королём ненавистной страны. Разве могла Кассандра — мать и просто гордая женщина — остаться здесь?! Но приходилось. Нужна была только Мария, которая опять пропадала неизвестно где.

Женщина тяжело вздохнула. Рядом сопела сонная Роза, которой явно не нравилось то, что в комнату лезли солнечные лучи, и Кассандра зашторила окна, чтобы не мешать дочери спать. Порой ей становилось просто обидно, что старшая её дочь совсем другая. Другая... Она была похожа скорее на Теодора, нежели на свою мать. Такая же... упрямая, вспыльчивая, невозможная! И вместе с тем такая же талантливая, умная... Роза же всегда была спокойным ребёнком. Слишком спокойным. После постоянно орущей, бегущей, дерущейся, сующей свой нос всегда и везде Марии спокойная, тихая Роза казалась чуть ли не ангелом. И Кассандру это почему-то стало беспокоить. И, как оказалось, не зря. У второй дочери принцессы было плохо со здоровьем. И врачи мало что могли сказать. Зато сама Кассандра могла: когда-то она изучала болезни магических существ, и у одной из них были именно такие симптомы. Почему именно у ребёнка оказалась эта болезнь, женщина не ведала, но зато знала точно: к себе на Родину ей возвращаться нельзя. Там такое не лечат, да и климат там куда хуже. Во всяком случае, для этого заболевания.

Мать-лебедь тихо напевала,
Не зная горя и забот.
Кто знал, что уже очень скоро,
Не будет деток у неё.

Как оказалось, теперь опасения не были беспочвенными. Розе действительно становилось тут хуже. И если на Земле болезнь почти сошла на нет, то тут всё загорелось с новой силой.

— Отпустите меня домой! — попросила женщина вошедшего в комнату министра. Тот лишь покачал головой.

Кассандре вспомнилось, что этого человека она знала когда-то, точно знала, но вспомнить, где и когда... В комнате было почти темно, и пока так мрачно, Розе было легче, Кассандра знала это, но человек использовал какое-то заклинание, и комнату снова залил свет.

— Прекратите немедленно! Я всё-таки принцесса, хоть, может быть, и не с полным перечнем прав. Занавесьте окна! Моему ребёнку плохо.

Мужчина равнодушно отошёл в сторону, но никаких действий не предпринял, что, нужно сказать, разозлило Кассандру. Роза, почувствовав на себе солнечные лучи, сделала попытку закрыть лицо руками. Принцесса, среагировав на это, быстро зашторила окно.

— Я же попросила вас! — с упрёком сказала она. — И вообще, приведите меня к моему отцу!

Человек усмехнулся. Он подошёл к Розе и, не обращая внимания на протесты Кассандры, поднял её на руки. Когда женщина хотела подбежать к нему, чтобы выхватить из его рук малышку, тот, снова прошептав что-то, сумел отбросить её в сторону. После чего мужчина вышел из комнаты.

— Роза! — закричала Кассандра. — Роза!

Дверь захлопнулась прямо перед ней. Открыть её не получилось. Женщина обессиленно упала на пол.

Мать-лебедь плакала, стонала,

Но видела: всем дела нет.

Она давно уже устала,

И исчерпала слёз запас.

***

Человек отнёс Розу на руках в какое-то помещение. Он положил её на кровать и вздохнул, сев в кресло, находившееся рядом. Девочка вздрогнула и проснулась. Она не понимала, как оказалась здесь и почему не проснулась раньше. Хотя бы минутой раньше. Она бы, может быть, знала, что это за место. Но она не проснулась минутой раньше. Она проснулась сейчас. Тут было темно, солнечный свет не проникал вообще. И хоть девочка чувствовала себя тут лучше, чем в той спальне, ей очень хотелось, чтобы рядом находился не чужой ей мужчина, пугающий одним только видом, а мама или Мария, ну, или Альфонс, но точно кто-то знакомый и уже родной...

Один птенец был жив. Но всё же...

Вдали от матери, один,

Живущий в клетке золочёной,

Он был несчастнее других.

Мужчина сидел, повернувшись к ней спиной, и Розе подумалось, что, будь она Марией, она бы обязательно воспользовалась этим. Но она не была Марией. Ей никогда не стать похожей на неё. Она сроду не могла поступить так, как следовало бы...

— Очнулась? — равнодушно поинтересовался мужчина.

Его голос был чистым, ровным, спокойным, но девочку несколько это не успокаивало. Наоборот, пугало. Если этот человек оставался таким спокойным, когда ему пришлось похитить её, он, вполне возможно, не будет слишком нервничать, если ему придётся её убить. Роза тихонько кивнула и попыталась отползти как можно дальше.

В комнате было прохладно и очень тихо. Девочку пугало это. Мужчина продолжал сидеть там, где и сидел, больше в помещении не было никого, кто мог бы объяснить Розе, что именно с ней происходит. Значит, стоило поговорить с этим человеком.

— Где я, сэр? — тихо спросила девочка, кутаясь в шерстяное одеяло, которое прекрасно спасало от холода, а ребёнку уже становилось холодно.

Мужчина встал и подошёл к Розе. Та изумлённо посмотрела на него. Он не был похож на маньяка или убийцу, впрочем, впечатление могло быть обманчивым, но он перестал так пугать девочку. Мужчина усмехнулся. Что же... Девочка даже нравилась ему.

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество. Вы находитесь в полной безопасности. Пока не решите сбежать, разумеется. Очень надеюсь, что вы не допустите такой глупой мысли. Мы находимся в бункере. На пятом подземном этаже. Поверьте мне, Ваше Высочество, это не

так глубоко, как может быть. Так что очень надеюсь на ваше благоразумие.

Девочка изумлённо смотрела на него. Да, её похитили. Но для чего? Мария в детстве любила читать книги про разных важных особ, которых похищали с целью выкупа или шантажа. Но кого можно было шантажировать ею? Роза была всего лишь маленькой девочкой, которая вряд ли нужна была кому-то, кроме матери и сестры. Кому она могла сейчас понадобиться?

Птенец без матери, в неволе,
Он плакал, плакал и просил,
Но кто ж услышит и поможет?
Не нужен он, хоть дорогой.

— Не беспокойтесь, скучать вы не будете. Думаю, моя воспитанница сможет составить вам компанию.

Мужчина взял какой-то радиоприёмник со стола, крикнул “Юта!”, и через несколько минут в комнату вошла девочка, внешне — ровесница Розы. Девочка была одета довольно просто, но Роза не могла не заметить маленького украшения в виде дракона на её шее.

— Юта, надеюсь, ты помнишь мои указания. Принцесса Роза, думаю, вы подружитесь. Юта очень милая девочка. И да, если будет что-то нужно, воспользуйтесь рацией.

Мужчина вышел из комнаты, и две девочки остались одни. Роза заинтересованно смотрела на Юту, а той, казалось, было почти безразлично. Она жестом попросила присесть и, когда принцесса кивнула, сделала это. Розе гостья показалась почти неживой.

Цена дороже — он несчастней.

И хуже смерти та тоска,
Без матери, один, в неволе,
Сбежать бы. Только бы сбежать!

Роза попыталась встать с кровати, но гостья резко пресекла эту попытку. Она буквально повалила внучку короля Георга на кровать. Взгляд Юты казался злым и не слишком-то дружелюбным.

— Не смей вставать и двигаться вообще! — крикнула Юта раздражённо. — Мистер Хоффман сказал, что ты болеешь и тебе не следует вставать с постели для избежания смертельного исхода.

Роза вздрогнула. Чем она могла болеть? Да, ей было не слишком хорошо с того самого дня, когда она вместе с Марией, Альфонсом и Седриком перенеслась сюда, в сказку. Но это же могло объясняться тем, что климат тут был совсем другой, что тут была совсем другая еда и... она не могла болеть ничем серьёзным!

Юта же, заметив, что Роза больше не делает попыток встать или просто как-то подняться, успокоилась и вернулась на то место, откуда и пришла. Она казалась абсолютно спокойной и... Кем она тут работала? Сиделкой? Медсестрой? Не слишком ли она была юна для этого? Розе в голову пришла мысль, что девочка могла быть дочерью или племянницей врача, который будет лечить её. Наверняка всё так и есть. А если так... Тогда Роза решила, что её тут, скорее всего, оставила мама, увидев симптомы этой самой болезни. Она же вернётся домой? Правда же вернётся? И тогда Мария обязательно расскажет ей какую-нибудь свою историю...

— Да не бойся ты! — уже спокойно сказала Юта. — Всё пройдет хорошо. Я сама видела, как мистер Хоффман оперирует пациентов. Всё проходит успешно.

Побег! Что может быть чудесней,

Но только вот... не удался.

Хозяин, дороживший пташкой,

Её не сможет отпустить.

Операция... Это было плохо. Роза с самого детства боялась врачей. Боялась, потому что ей пришлось провести в одной из больниц почти год, когда она была совсем маленькая, и ей не хотелось почувствовать всё это снова. Здесь. Она снова начинала бояться этого места, юную принцессу трясло, тело не слушалось её, она не могла выговорить ни слова. И это не скрылось от проницательной Юты.

Девочка подбежала к рации и стала звать на помощь. В ответ донеслось лишь шипение. Это могло означать только одно: что бы ни случилось сейчас, рассчитывать на чью-либо поддержку не придется. Придётся справляться самой. А как справляться? Господин Хоффман говорил ей, что, возможно, придётся столкнуться с некоторыми трудностями. А ещё он говорил, что будет готовить операцию. Как бы у него ничего не случилось... Девочке совсем не хотелось оставлять того одного там, рядом с этим противным мистером Кейнотом, который был одним из спонсоров эксперимента. Зачем нужны были спонсоры? И без них хорошо! Юта же прекрасно знала, что у графа было достаточно денег на это... А может быть, и недостаточно, одёргивала себя воспитанница Хоффмана, это вообще не касалось её, и она не имела права обсуждать это. Не имела права обсуждать даже про себя.

***

Кассандра не знала, что ей делать. Она не смогла защитить своего ребёнка от этого человека. Как она тогда смеет называться матерью? Если не может ничем помочь... Если не может никак защитить...

Мать-лебедь всё ещё рыдала,

Отчаянье брало своё.

Она готова быть счастливой,

Увидев только лишь мираж...

В комнату ворвались слуги её отца, скоро прибежал и сам король. Кассандра кинулась к нему. Её сознание было поглощено тем всеобъемлющим и всепоглощающим отчаянием, которое не давало женщине ничего увидеть. Это отчаяние причиняло такую боль, такую невыносимую боль, что той хотелось сделать всё, что угодно, лишь бы как-то заглушить её.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! Из-за тебя... — рыдала женщина, пытаясь как-то ударить, как-то задеть седовласого мужчину, стоявшего теперь перед ней. — Если бы не ты, она бы была со мной! Я бы не потеряла своего ребёнка!

Король отшатнулся, как от пощёчины. Он с ужасом смотрел на дочь, кажется, лишаящуюся рассудка. Перед ним так давно не возникал образ плачущей над могилой убитого сына Джулией. И этот образ возникал снова. Его сестра всегда была сильной, даже всемогущей, но, как оказалось, воскресить своего собственного ребёнка было ей не под силу. Генрих помнил того малыша: мальчику было едва ли больше пяти-шести лет... Джулия родила его, будучи ещё совсем молодой... Леди Траонт была так счастлива рождению сына, что о многом позабыла... Королю вспомнилось, что его сводная сестра даже готова была простить ему его коронацию...

Мужчина тяжело вздохнул. Простить гибель собственного ребёнка он бы тоже не смог. Наверное, Джулия была права в своём гневе, когда, узнав о том, что Седрика отправили на Землю разыскивать принцессу, явилась во дворец промывать кости “любимому” брату, а заодно и придворным, которые просто попались под руку разгневанной леди Траонт.

Наверное, он сам поступил бы так же на её месте... Гибель Дерра серьёзно сказалась на характере герцогини.

Но не было даже такого,
И блика не было того,
Что мог бы ей помочь забыться,
Что мог бы ей помочь забыть...

Он смотрел на плачущую, орущую дочь и с болью вспоминал про тот случай, произошедший двадцать пять лет назад. Та истерика, если так, конечно, можно было назвать поведение Джулии, была молчаливой и тихой, что совсем не вязалось с её обычным поведением. Ведьма не плакала, не кричала, не проклинала никого. Она просто стояла у гроба с телом её маленького сына и молчала. Просто смотрела на него, не отвлекаясь ни на что, даже на собственных братьев, пытавшихся как-то успокоить её. А успокаивать и не потребовалось. Джулия стояла тихо, не проронила ни звука, ни слезинки. Только взгляд, не злой, не сердитый, просто очень тяжёлый и горький, говорил о том, что в жизни герцогини действительно произошло что-то страшное. Генрих помнил, как стали закапывать гроб с телом этого маленького несчастного ребёнка, помнил, как хотелось бедной Джулии кинуться вслед за гробом, помнил, как он, удерживая сестру, получил весьма заметный шрам на левой руке. Женщина просто расцарапала ему руку. И Генрих мог поклясться, что ему ещё повезло: молодому садовнику противостояние с герцогиней чуть не стоило жизни.

Кассандра же плакала и кричала. Она не таила боль в себе, она не могла сделать этого. Она не была такой, как Джулия, грустно думалось мужчине. Но от этого становилось легче. Король никогда не понимал, как можно помочь его сестре, но зато он понимал, как можно помочь его дочери.

— Не бойся... — как можно спокойнее сказал Генрих. — Я, кажется, догадываюсь, кому могло понадобиться исчезновение твоей дочери. Мы найдём её. Слышишь? Найдём!

Кассандра всхлипнула и, кинувшись к отцу, разрыдалась на его груди. Она больше не могла быть одна. Она уже не выдерживала этого одиночества. Ей нужен был кто-то, кто мог бы помочь ей...

Подумать только — прошло уже чуть больше года с того момента, как я начала писать этот ориджинал!

===== I. Глава двадцать девятая. Нет ничего такого, что не могло бы возродиться.

Как страшный сон, проходит жизнь.
Война. И не на жизнь, а на смерть.
И, как в кошмаре, льётся кровь.
Кровь беззащитных, неопасных...
Невинный будет вдруг убит,
А недостойный будет счастлив.
Кто так придумал этот мир?
За что? Мир был такой прекрасный...
Когда-то не было войны,
И люди думали о благе...
Когда-то не было зари,
Такой чужой, такой опасной...

Как страшный сон проходит день,
Второй проходит ещё хуже.
А третий... Вовсе нет его.
Погибших уже больше в мире.
Четвёртый день, как будто ад,
И Человек уже боится,
А кто-то, радуясь, кричит,
Что он умрёт, но след оставит.
След... Тот кровавый жуткий след...
И это кажется безумством,
Но нет... Реальность, правда, быль.
Кто в это верить нас заставит?
И каждый день как будто бред.
Проходит, оставляя трупы,
Проходит, оставляя боль
И горе от большой утраты.
И льётся кровь, и слышен крик,
Но нет, не верится, не может...
Не может это правдой быть!
Оказывается, точно может.
Забыться, просто всё забыть,
И никогда не просыпаться...
Но, может, это здесь — лишь сон,
И если тут заснуть, проснёшься?
Как страшный сон проходит жизнь.
Война. И не на жизнь, а на смерть.
И, как в кошмаре, ты погиб,
Но, к счастью ль, горя не увидишь...

Георг Хоффман сидел в своём кабинете и спокойно пил кофе. Как же он любил вот такие дни перед операциями! Это доставляло ему то садистское удовольствие, от которого он никогда бы не смог отказаться. Как же это было приятно — знать, что несчастная его жертва ничего не может сейчас сделать, кроме того, как молить о пощаде, а он в данный момент решает всё. От одного его слова может зависеть жизнь подопытного. Что может быть лучше? Хоффман не знал ничего, что могло так поднять ему настроение. Ну... Ещё, конечно, было лопотание Юты о том, как счастливо она жила до смерти родителей... Но с настроением перед операциями всё равно ничто не могло сравниться!

Что есть погибшее? Что есть уничтожившееся? Что есть уничтоженное?

Организация Schreiendes Blut была основана им совсем недавно, но уже успела оправдать часть своих ожиданий: было доказано много вещей, до этого считавшихся выдумкой, бредом больного воображения учёных и древних. Было доказано существование самого того мира. Того огромного мира, который некогда раскололся на три части. Три части, которые известны сейчас.

Земля. Сказка. Забвение. Так теперь назывались эти три мира. А раньше, когда-то, всё это называлось просто Величием. Да... Было бы интересно увидеть тот прежний общий мир.

Древняя магия питалась душевными силами людей... Древняя магия питалась самими

людьми... Выживали только те, кто мог питаться самой магией...

А всё началось ещё в школе... В самом первом классе, когда с мальчиком с тонким шрамом, пересекающим левую сторону лица и уродующим его, никто из детей не хотел нормально общаться. Как возненавидел тогда маленький Георг этих лживых мелких тварей, притворяющихся перед учительницей милыми и добрыми. Но и сама учительница была ничуть не лучше...

Не время для этого! Давно это было. Всё прошло и больше уже никогда не вернётся.

Георг тряхнул головой, пытаясь оторваться от воспоминаний. В конце концов, ничего хорошего эти воспоминания сейчас не несли. Ему нужно хорошенько отдохнуть перед предстоящей нервотрёпкой с вечно недостающими инструментами и ничего не понимающими ассистентами... Стоило отдохнуть перед всем этим. Насладиться самим предвкушением этой операции...

Выживали только сильнейшие и достойнейшие... Выживали только лучшие...

В кабинет вошёл Вэлэриу. Это был высокого роста пожилой человек, бледный, в длинных тёмных волосах которого уже виднелись седые пряди, но их было не так уж много. Хоффман нередко удивлялся этому: наверное, у него к возрасту этого старика уже вся голова будет седой. Хотя нет... До возраста этого старика Георгу никогда не дожить. Серые холодные глаза Вэлэриу смотрели будто бы глубоко в душу, что, наверное, до полусмерти пугало молодых подчинённых этого человека. Впрочем, Георг сам был не слишком чувствителен к этому. А вот Юта пугалась. Пугалась, пряталась за спину графа, пыталась отпрашиваться по какому-то поручению...

— Всё готово для эксперимента? Ничто не должно помешать нам. Надеюсь, вы понимаете это, господин Хоффман?

А что сейчас?

Голос Вэлэриу, как и всегда, холоден. Этот мужчина, не человек, и сам не слишком-то горяч. Зато всегда был хитёр. Всегда умел обвести вокруг пальца всех, кто находился рядом. И граф в очередной раз с усмешкой думает: “Чёртов старый вампир! Что на этот раз ты выдумаешь, чтобы позлить меня?”

К Вэлэриу не следовало поворачиваться спиной. Это знали все, кто когда-либо допустил такую непростительную ошибку. Впрочем, это знали даже те, кто никогда не допускал такой оплошности. И Георг Хоффман прекрасно понимал, что такого опыта ему не нужно ни при каком раскладе. Герцог Вэлэриу Грацеда был кем-то вроде короля, вождя для вампиров, что делало его ещё более опасным противником.

— Всё готово, — как можно холоднее и чётче отвечает Георг. — Я прекрасно всё понимаю. Нет нужды напоминать мне об этом.

Надоедливые, снующие туда-сюда людишки, скучные занятия...

Вэлэриу тихо смеётся. Он всегда смеётся так... противно, холодно, не вкладывая в свой смех никаких эмоций. Наверное, стоило вздрогнуть, отшатнуться, как и делало большинство людей. Но это бы доставило герцогу Грацеде удовольствие, которое Георгу совсем не хотелось доставлять этому противному старикашке.

Через минуту в кабинет ворвался Фейн, местный ураган и заодно блудный философ. Сказать, что все члены организации недолюбливали это чудо в перьях — не сказать ничего.

— Что нужно тебе, о презреннейший из всех обитателей здешней обители? — прошипел недовольно Вэлэриу, которого этот несносный мальчишка чуть не сбил с ног.

После того, как древняя магия исчезла, люди перестали ценить себя и других...

Парень на секунду остановился и, о надо же, в мгновение погрузился. Но уже через секунду выпалил, что Вэлэриу надоедает всем куда больше, чем сам Фейн, а значит, ещё неясно, кто из них “презреннейший обитатель” этой организации. Герцог от гнева побледнел и заорал, что не собирается терпеть подобного хамства со стороны самого обычного простолюдина, не знающего этикета. Георгу же хотелось расхохотаться. Ну и ну! Всё-таки, что ни говори, когда эти два человека — ну, или правильнее сказать, существа — сталкивались, он испытывал истинное наслаждение от созерцания их ссор.

Но если не выпроводить этих двоих сейчас — придётся собирать кабинет, а вместе с ним и весь подземный комплекс, выстроить который стоило столько денег и столько нервов, что Хоффман точно не переживёт повторения. Да и голова снова начинала болеть. Не хотелось бы, чтобы кто-то увидел его в состоянии, близком к полубомороку.

После исчезновения древней магии люди стали слабее!

Георг Хоффман задумался. Пожалуй, следовало попросить кого-нибудь из подчинённых принести ему таблетки, которые когда-то прописал врач. И да, стоило, наконец, начать их принимать. Из размышлений мужчину выбил шум начинающейся перебранки, точнее даже не начинающейся, а набирающей обороты, что было уже не так хорошо...

— Что же... Может быть, вы, господин Грацеда, и вы, мистер Катч, будете добры ко мне и к моим ушам и, наконец, покинете мой кабинет? — спросил Хоффман.

Виски снова начинали будто трещать, разве что перед глазами ещё не плыли круги. Но считать это хорошим знаком было бы верхом легкомыслия. Георг Хоффман понимал, что если он сейчас не выпроводит этих двоих из комнаты, то либо уляжется на диване, либо грохнется в обморок. Ни то, ни то делать не хотелось.

Нынешний мир — лишь тень величия, созданного магами, что могли повелевать собою и сидевшей внутри стихией!

И почему только этот проклятый Грацеда зашёл в кабинет?!

Герцог с гневом посмотрел на графа, но говорить ничего не стал. Мужчина вышел из кабинета так же быстро и внезапно, как и вошёл туда, гордо подняв подбородок и даже не посмотрев на остальных. Фейн же не обиделся. Наоборот, он, кажется, был благодарен Георгу, решившему просто избавиться от навязчивой компании.

— Уйдите, Катч! Сколько раз я должен повторять?! — раздражённо крикнул граф, и парень моментально сделал это.

Люди перестали бояться магии, бояться магов... Они стали ещё глупее...

Вероятно, Фейн был удивлён и напуган такой резкой переменой в настроении начальника, но объяснять что-то или ждать сейчас Хоффман не мог. Голова болела с такой силой, что он уже сам не верил, что сможет пережить новый приступ.

Сейчас главное — просто запереть дверь и лечь на диван... Успокоиться... Отдохнуть... Перестать волноваться из-за всякой ерунды... В конце концов, не один такой приступ ему уже удавалось пережить. Подумаешь, вселившаяся в тело ребёнка древняя магия! Подумаешь! Могло быть гораздо хуже!

Георг Хоффман тяжело вздыхает. Всё началось тогда... Тогда, когда он ребёнком забрёл на развалины старого замка... Зачем он пошёл туда? Пятилетний глупый мальчишка, зачем он пошёл туда? Можно было пройти мимо... Нет, ему что-то нужно было на тех развалинах...

Глупый ребёнок... Всего лишь средство... Всего лишь игрушка...

— Глупый мальчишка! — почти кричит Георг, кидая в стену дорогую вазу, стоящую на

тумбочке.

Ваза разбивается. Её осколки, алые, будто капли крови, падают на пол. Хоффман смотрит, не отрываясь. Головная боль не отступает, но как бы отвлекается на это увлекательное зрелище. Осколки лежат на полу. Блестят. Если бы в кабинет попадал хоть один солнечный луч, граф бы сказал, что от солнца. Но солнца нет. Керосиновая лампа светит тускло. Другого освещения тут нет. Георг сам попросил, чтобы его не было. Осколки мерцают, один из бликов особенно яркий, и Хоффмана снова поглощает эта боль. Он уже почти не видит ничего вокруг себя. Он уже не хочет видеть. Как тогда, когда боль в первый раз захлестнула его.

Древняя магия не любит света. Древняя магия — это тьма.

Хоффман встаёт. Встаёт потому, что больше терпеть нельзя. И находиться одному тоже нельзя. Он видел, что стало с его сестрой, с его несчастной сестрой, когда та осталась надолго одна, почувствовав боль. Он помнит бледное истощённое тело Мари и не хочет повторять её судьбу. Он подходит к двери и отпирает её.

Идти к Юте не следует. Он же не хочет случайно перекинуть на девочку часть того проклятия, что сидело теперь внутри него. Надо попросить её быть осторожнее с этой... Розой... Надо попросить её вообще быть осторожнее... Это никогда не помешает, а он, Георг Хоффман, будет спокоен за неё.

Георг идёт по коридору, но не встречает никого. Все будто бы вымерли здесь. Впрочем, Хоффман уверен, что будь это так, он был бы первым среди погибших. Но он жив. Значит, должны быть живы и остальные.

Граф подходит к одной из дверей и тянет за ручку. Не заперта. Значит, всё хорошо. Там точно должен кто-то быть. И какое-то чувство внутри него не ошибается. Как никогда и не ошибалось. Георг всегда мог чувствовать местонахождение людей. Просто людей. Тех, кто находился ближе всего.

Древняя магия любит одиноких. Их эмоции ощущаются острее.

В лаборатории стоит девушка. Как там её звали? Кимэма, кажется... В принципе, обычное имя для представительницы её расы. Сильфиды... Что за глупая раса! Пожалуй, даже ещё более бесполезная, чем люди. Как там проходили в школе, расы делятся по стихиям? К воде относятся эльфы, к воздуху — сильфиды, к земле — люди, к огню — вампиры, а к энергии — маги? Вроде, так... Кто вообще придумал это деление?

Кимэма поворачивается к Хоффману. Ярко-синие глаза девушки, неестественные для человека, но частые для представителей её расы, были испуганно распахнуты. И до графа еле доходит, в чём дело: светлые синева-серебристые волосы девушки не заплетены в косу или хвост, а это противоречило уставу той организации, которую еле смог восстановить Георг.

— Ещё раз увижу тебя в таком виде — поберею налысо! — шипит Хоффман.

Девушка вздрагивает, потом всхлипывает. Через несколько секунд граф видит, что на глаза той навернулись слёзы. Плачет... Как же глупо... Как же противно...

Древняя магия не прощает слабость. Слабость должна быть эквивалентом смерти.

Хоффман показывает рукой на дверь. Девушка кивает и сжимается от страха, но медлит. Почему-то ещё не уходит. Странно... Обычно люди старались сбежать из-под начальства графа сразу же, как предоставлялась такая возможность. Или дело в том, что Кимэма — не человек?

— Слёзы — это слабость. А слабость противна. Противна, как ничто другое. Неужели ты думаешь, что я буду держать у себя, в Schreiendes Blut, созданной на мои деньги, моими

силами, моими нервами, работников, которые мне до глубины души противны?

Сильфида вздрагивает, как от пощёчины. Потом сглатывает слёзы и обдумывает сказанное графом. Тот даже рад тому, что она не ушла. Боль возвращалась, и собеседник, который просто стоял и молчал, ничего не говорил, но находился рядом, оказался просто необходим.

— Противны до глубины души? — наконец, жёстко процеживает обиженная девушка. — Противной до глубины души я могу быть тому, у кого есть душа. У вас есть душа?

Георг Хоффман улыбается этому вопросу. Боль отступает, говорить становится легче. Смотреть тоже. Теперь можно и улыбнуться. Улыбнуться, а не оскалиться.

Древняя магия находится в человеке. Новая магия находится в природе.

— Есть ли у меня душа? Даже не знаю... Смотря что ты под этим имеешь в виду... — девушка вздрагивает, Хоффману нравится смотреть на её побледневшее лицо. — Знаешь, древние считали, что душа — это та магия, которая живёт в ней...

Сильфида вздрагивает. Она слышала про древние силы. Конечно, слышала. Кто же мог не слышать об этом? Разве что те, кто живёт на Земле... Кто сбежал из общего мира, расколов его на три части... Они давно уже забыли про всё это. Может, стоит напомнить и им?

— Древняя магия — тьма и зло. Разве можно верить ей?

Хоффман улыбается. Улыбка не сползает с его лица и тогда, когда тени окружают Кимэму. Даже тогда, когда слышен её крик. Крик исчезающей, пропадающей в тенях...

И в голове в который раз снова прозвучали те слова, звучавшие год от года, день ото дня:

Dorchadas — scrín! Ídíonn Dorchadas go léir! Gach nach bhfuil dorchadas nár chóir a bheith ann!

Именно в этот момент проходит головная боль. Георг удивлённо трёт виски, замечая это. Боль никогда не отступала так быстро и так внезапно. В комнату протискивается Юта.

— Я слышала, кто-то кричал, господин Хоффман. С вами всё нормально?

Граф поворачивается. Девочка смотрит на него с искренним сочувствием, с искренним обожанием... Он готов всё отдать за этот взгляд. И уж точно с ней никогда не должно произойти ничего плохого.

— Всё в порядке, Юта. Чей крик ты слышала?

Девочка тихо пожимает плечами и шепчет: “Наверное, показалось...”, — а Хоффман подходит к ней и осторожно обнимает за плечи, говоря, что все кошмары, все ужасы остались для Юты в прошлом, что теперь у неё всё будет хорошо, что он не даст её в обиду. И Георг чувствует, что девочка верит в это. Хочет верить. И верит. Верит, в отличие от него самого.

Нет ничего такого, что не могло бы не возродиться! И древняя магия сможет возродиться!

На голос, прозвучавший в голове, граф не обращает никакого внимания. Он отводит Юту в её комнату, а потом идёт к себе в кабинет. Следует проверить кое-что. В его личном архиве обязательно должно быть личное дело той сильфиды. Не хотелось бы лишних проблем.

Проблем и так было предостаточно.

===== I. Глава тридцатая. Выживает лишь сильный, слабому суждено умереть.

Выживает лишь сильнейший.
Остальным чего желать?
Чтоб под шелест вод вселенских
Снова тихо умирать?
Выживает лишь умнейший.
А другой — из сердца вон.
Он не нужен, кем бы ни был.
Он не нужен. Он чужой.
Выживает лишь хитрейший.
Тот, кто смог людей понять,
Тот, кто смог всех, всех на свете
Перевернуть и обокрасть.
Выживает только лучший.
Глупо думать о другом.
Грохот слышен, мир трясётся,
Мир боится, мир так слаб.
Всё чужое. Всё не наше.
Всё погибнет. Странно так...
И бессильны снова руки,
И без сил сегодня ты.
Как ты сможешь на поруки
Взять кого-то, кто слабей?
Выживать уже не нужно ль
В этом мире каждый день?
Может, станет тогда чуждой
Добродетель. Добрый смех?
Выживает лишь сильнейший,
Тот, кто, страх сумев познать,
Выживал. Боялся ль, верил?
Просто ждал иль воевал?
Выживает... Всё погибнет.
Всё погибнет, как не верь.
Только что-то будет вечным.
Может, это будет смерть?

В мире нет ничего важнее памяти. Памяти, что передаётся человеку на генетическом уровне. Памяти, которая нередко не даёт совершить той ошибки, когда-то допущенную кем-то, а иногда, наоборот, подталкивает к этой ошибке. Нет ничего опаснее памяти. Памяти, что захлёстывает человека с головой, не давая сделать глотка свежего воздуха. Памяти, которая убивает настоящее и будущее. И в мире нет ничего страшнее. Впрочем, опасной, страшной и важной может быть ещё совесть, и Вэлэриу радовался, что как раз совести у него не было. Ну... Или была спрятана так же глубоко, как и скромность у Джулии Траонт, способности к управлению государством у короля Генриха или короля Алана, честности и благородства у Теодора Траонта или, на крайний случай, щедрость у Георга Хоффмана.

Даже вампиры недолюбливали своего лидера. Что уж говорить об остальных?

Остальные его просто ненавидели! Или боялись... Что было приятнее, Вэлэриу понять не мог.

Мужчина стоял в операционной. Именно ему сегодня выпала “честь” проверить всю готовность и сделать завершающий штрих в подготовке к операции. Если говорить честно, то старому вампиру куда больше нравилось приходить непосредственно на саму операцию, нежели стоять в лаборатории и просто ждать, когда же принесут несчастную жертву и придут те, кто вместе с ним должен проводить над ней эксперимент. Можно было поручить все эти приготовления ассистентам, но Георгу Хоффману взбрело в голову именно устроить дежурство среди основных членов организации.

“Основными” в Schreiendes Blut считалось всего несколько человек. По правде говоря, их было не так уж много, но, видимо, хватало. Это были те, кто непосредственно занимался всеми особо важными делами организации. Перечислить их не представляло особого труда: Георг Хоффман, Василе Йонеска, Вэлэриу Грацеда, Агидиус Нойман, Кримхилд Нойман, Ион Раду и София Леманн. И все из них — герцоги или графы. Грацеда усмехнулся. Из семи человек, возглавляющих организацию, было пятеро мужчин и только две женщины. Впрочем, и это количество он считал слишком большим. У вампиров не было женщин, возглавляющих что-либо, и это было не слишком обычно для, уже пожилого, представителя стой древней расы, всегда славившейся соблюдением всех обычаев и неприязнью к новшествам.

Девочку, которую собирались оперировать, на руках внёс Йонеска. Герцог Грацеда не смог сдержать ухмылки. Совсем ребёнок... И уже с такой интересной болезнью, как говорил Хоффман... Что она должна была сделать, чтобы получить её? Интересно было бы узнать это... Сейчас девочка была под действием наркоза, и вряд ли представлялась возможность расспросить её. А после операции такой возможности не будет вовсе: у Георга была цель вытащить болезнь из организма этого ребёнка, а значит, исчезнет и её память. Интересно, как она будет ощущать себя после операции? Ничего не помня — ни семьи, ни друзей, ни своей жизни...

— Всё готово? — послышался голос Хоффмана.

Грацеда усмехнулся: сейчас всё, наконец, начнётся. Всегда разные исходы подобных экспериментов делали для герцога работу в организации весьма увлекательной для старого вампира. Впрочем, как и для других представителей Schreiendes Blut.

— Готово! — сказал Ион, впрочем, предварительно всё проверив так, что Вэлэриу даже хотелось обидеться на него за это.

Хоффман ответил коротким кивком головы. Он всегда отвечал так. Во всяком случае, в тех ситуациях, по которым Грацеда знал его. И это, пожалуй, было даже хорошо. Не слишком хотелось лишний раз слышать чей-то голос. Особенно если это голос человека, которого вообще не хочется лишний раз видеть. О котором не хочется даже знать...

Девочка бежала по коридору, будто бы спасаясь от кого-то, известного только ей. Она оглядывалась, спотыкалась, падала, поднималась и бежала снова. Она была напугана. Её длинные тёмные волосы растрепались, личико её было совсем бледным, а искусанные губы то и дело дрожали. Она бежала. Просто бежала по коридору. Тому, кто мог бы увидеть её, показалось бы, что тень, отбрасываемая девочкой была немного больше, чем должна была бы быть.

— Джордж! — крикнула она совсем испуганно. — Джордж! Где ты? Джордж!

Голос её казался охрипшим, будто бы она уже долго кричала, долго звала кого-то. На

крик её никто не отвечал, и ей становилось всё страшнее. Кто-то, кого она так боялась, видимо, был уже близко. Из одной комнаты вышла женщина. Она с гневом посмотрела на ребёнка.

— Не ори! Все спят! — прикрикнула женщина.

Девочка испуганно посмотрела на неё, хотела что-то ответить, но её не послушали. Женщина зашла обратно в свою комнату, даже не выслушав ребёнка. Девочка осталась стоять в коридоре. Когда дверь захлопнулась перед ней, светлого пространства вокруг уже не было. Тень окружила её со всех сторон.

Девочка, лежавшая на столе, кажется, начала отходить от наркоза. Это было очень плохо. Обычно наркоз прекращать действие как раз после операции. Неужели Йонеска опять не рассчитал дозу? Что же... Хорош сотрудник, ничего не скажешь... Опять придётся слушать вопли. Вэлэриу тяжело вздохнул: он старался, по мере возможностей, щадить свой аристократический слух, вовсе не привыкший к такому явному неуважению.

Но ребёнок не закричал, что и удивило герцога. Девочка только удивлённо и испуганно наблюдала за происходящим. Хоффмана то, что она очнулась, вообще несколько не удивило. Он продолжил работать, как, впрочем, делал даже в тех случаях, когда ситуация полностью выходила за пределы планов и ожиданий. Наверное, это и называется “держать ситуацию в руках”, и Грацеда нередко удивлялся этому умению молодого графа.

Девочка, кажется, её звали Розой, наблюдала за тем, что происходит. И герцогу начало казаться, что боли она не чувствует. Или чувствует такую боль, что не может даже закричать. Впрочем, она не пыталась дёрнуться, не корчилась в агонии и даже не плакала. Просто с нескрываемым ужасом наблюдала за происходящим.

— Что вы делаете? — спросила она дрожащим голосом.

Вэлэриу был готов поклясться, что в голосе этом не было боли. Только страх. Ну... А это вполне можно было понять и простить этому ребёнку. Не каждый день лежишь на операционном столе, прекрасно всё соображая и понимая...

— То, что нужно, — абсолютно спокойно, без всяких эмоций ответил Георг Хоффман.

В комнате сидели мальчик и девочка лет шести. Двойняшки. И если мальчик казался весьма спокойным и уверенным в себе или в окружающем его мире, хоть и был несколько мрачен на вид, девочка была на грани нервного срыва. Вошедший в комнату мужчина сразу заметил это. Видимо, именно для разговора с этой девочкой его и вызвала женщина, представившаяся няней этих двух детей.

— Дети, как вас зовут? — попытался как можно добрее и спокойнее проговорить мужчина.

Мальчик продолжал смотреть куда-то вдаль, совсем не обращая внимания на гостя, пришедшего в комнату. Девочка вздрогнула и, внимательно посмотрев на него, испуганно пролепетала:

— Меня зовут Мари, а брата — Джордж... Скажите миссис Лэнд забрать нас отсюда! Пожалуйста! Тут страшно!

Последние слова ребёнок почти прокричал. Слёзы навернулись на глаза маленькой Мари, и через несколько секунд она зарыдала. Только тогда её брат, наконец, отвлёкся от созерцания стены и стал утешать девочку. Джорджу и Мари на вид было лет по шесть, и то, какую реакцию вызвал приход господина Райта, было не слишком хорошо.

— Помогите нам. Отец говорит, медицина может многое. Значит, она должна быть способна вылечить меня и сестру.

Мужчина с удивлением посмотрел на мальчика. О чём говорил этот ребёнок?

Хоффман с абсолютным безразличием наблюдал, как Розу вынесли из операционной. Вэлэриу в данную минуту ненавидел этого человека. Почему? Проснулась совесть? Ну... В том, что его драгоценная совесть проснуться не могла, теперь он сам не был уверен окончательно. Почему-то этого ребёнка ему было жаль.

Когда первоначальные результаты операции были оговорены, вампир решил навестить их пациентку. Та лежала на кровати и с интересом и испугом наблюдала за всем, что происходило рядом.

— Ты в порядке? — спросил мужчина, присаживаясь в кресло, стоявшее рядом.

Девочка кивнула. Она была бледной, но, вроде бы, казалась вполне здоровой и адекватной, в отличие от большинства других подопытных, что переживали подобную операцию.

— Так... Сейчас... Твоё имя...

Девочка с удивлением посмотрела на незнакомого мужчину. Кажется, в её взгляде было ещё что-то... Негодование... Или даже ярость... Этот взгляд совсем не подходил к её внешнему виду. Но в нём плескался и страх. Уж это старый вампир без труда мог понять.

— Роза! — выпалила она. — Отпустите меня, пожалуйста... Я к маме хочу... Пожалуйста, сэр... Отпустите...

Грацеда строго посмотрел на ребёнка. Она помнила... Помнила и своё имя, и про то, что у неё есть мама. Обычно побывавшие на операционном столе забывали всё.

В комнату вошёл Хоффман. Ему, видимо, не понравилось присутствие здесь герцога. Наверное, Грацеде самому бы не понравилось, если бы он был на месте графа. И сейчас он прекрасно понимал основателя Schreiendes Blut, так рассердившегося на одного из основных сотрудников.

Мальчик сидел на подоконнике и снова смотрел куда-то. Няня подошла к нему. Спокойный и молчаливый Джордж нравился ей куда больше всегда взволнованной Мари. Женщина, которую мистер и миссис Блюменстрост оставили наблюдать за двумя детьми, не имела возможности покинуть это поместье до возвращения родителей этих двух детей.

— Мари не нравится здесь... — задумчиво сказал мальчик, то ли обращаясь к миссис Лэнд, то ли просто так, себе под нос. — Почему ей здесь не нравится? Она раньше любила бывать дома.

Женщина подошла к Джорджу поближе. Тот не отрывал взгляда от чего-то, что находилось за окном, и няне казалось, что родители оставили этих детей тут неспроста. Она слышала, что старшая дочь семейства Блюменстрост погибла незадолго до того, как родители Джорджа и Мари наняли миссис Лэнд для наблюдения за этими двумя.

— Это всё произошло так быстро. Это из-за того, что мы гуляли на развалинах, да?

Голос мальчика неестественно спокоен. Когда он поворачивает голову, женщина вдруг замечает какой-то странный блеск в его глазах. Она и раньше видела его, но почему только сейчас миссис Лэнд хочется бояться этого ребёнка? Может быть, именно Джордж был безумен, а не Мари? Может, этим и объясняется страх той маленькой девочки?

— Я Мари никогда не обижал! Она моя сестра! Я не обидел бы её! — гневно восклицает Джордж, и женщина в ужасе выбегает из комнаты.

Хоффман трёт виски. Голова снова начинает болеть. Роза, замечая это, пытается встать и как-то отодвинуться от него. Вэлэриу, стоящий в дверях, впервые понимает, что, когда граф просил всех оставить его одного, причиной внезапных перемен настроения Георга была

именно головная боль.

Георг Хоффман говорит что-то. Так же спокойно и даже холодно, как и всегда. И уходит, оставляя Вэлэриу в комнате с Розой. Грацеда готов поклясться, что головные боли графа преследуют сильные, иначе тот бы никогда не позволил себе такой оплошности.

— Почему он держит меня здесь? — со слезами в голосе шепчет Роза. — Почему? Что я ему сделала?

И герцог не знает, что ответить. Не говорить же ребёнку, что её хотят использовать, как подопытную крысу. Это было бы слишком жестоко... И старый вампир считал, что говорить девочке про её участь не стоит. Так будет лучше для неё.

***

С момента проведения операции прошло уже довольно много времени. Во всяком случае, Розе казалось, что времени прошло очень много. Слишком много... Через какое-то время к ней подселили мальчика. Он даже не сказал своего имени. А мистер Хоффман как-то бросил, что теперь мальчика зовут “номер 589”. Розе было страшно. Она тут единственная, у кого не было номера. Она слышала, как кто-то из тех, кто приносил ей еду и делал уколы, называл других больных по номерам. У неё номера не было. Её так же, как и раньше, звали Розой.

В комнату зашёл Хоффман. Впрочем, он заходил каждые два дня, и девочка даже привыкла к его приходам. А ещё, как Роза заметила, у него очень часто болела голова. Даже чаще, чем у неё до той операции. И Розе показалось это несколько странным.

Джордж сидел неподвижно уже более чем четыре часа. Сегодня приезжали их родители. Приезжали, говорили, что два демонских отродья им не нужны. Мари попыталась попросить их забрать её и Джорджа из этого места, но те лишь сказали, что не будут этого делать. И миссис Лэнд ушла. Джордж чувствовал именно себя виноватым в том, что женщина решила сбежать из этого дома. Как сбегали многие из тех, кого оставляли сидеть с Джорджем и Мари. И все они могли ещё терпеть постоянные истерики его сестрёнки, но отчего-то очень боялись его самого.

В комнату вошёл высокий черноволосый мужчина. Он холодно посмотрел на сына. Собственный ребёнок быстро стал не нужен ему, и Джордж только не понимал, почему вместе с ним стала ненужной Мари? Следом вошла миссис Лэнд. Неужели она решила остаться? Сестре было сложно привыкать к новым няням. И если эта женщина осталась бы, всё могло пройти куда лучше, нежели каждый раз, каждые две недели...

— Джордж, — холодно сказал мужчина, и миссис Лэнд почему-то вздрогнула. — Как дела у вас с Мари?

Мальчик не обернулся. Он смотрел в окно, пытаясь сосредоточиться. Голова у него снова начинала болеть, и он боялся, что опять не сможет терпеть, что вновь сорвётся и начнёт кричать. Обычно крик помогал в таких ситуациях, но показывать слабость перед другими было бы стыдно. Тем более, голос в его голове всё твердил ему об этом.

— Почему бы тебе не спросить у неё? Она хотела видеть тебя и маму.

Миссис Лэнд едва слышно охнула. Она с самой первой встречи боялась мистера Блюменстрост, а теперь боялась ещё и его сына, маленького шестилетнего мальчика со странным блеском в глазах.

— Джордж! — сурово возразил мужчина. — Ты же знаешь, она — умалишённая! О чём говорить...

Мальчик вздрогнул и обернулся. Глаза его смотрели на отца с такой злостью, которую

несчастливая няня и представить не могла бы во взгляде ребёнка. Миссис Лэнд готова была разрыдаться.

— Я тоже! — оборвал мужчину Джордж. — Но ты говоришь со мной! Почему бы тебе не поговорить с Мари?

Георг Хоффман продолжал диктовать рекомендации, которые Розе приходилось записывать. А девочка продолжала их записывать. Всё, как и всегда. Что же... Лучше было жить такой размеренной скучной жизнью, но жить в этой комнате. Помещение, где приходилось жить Розе и номеру пятьсот восемьдесят девять, было весьма просторным. Тут легко помещались и две большие кровати, и стол, и кресла... На полу был мягкий ковёр, и иногда девочке разрешалось ходить по нему. Так что... Тут было вовсе не так плохо, как могло бы быть... Роза видела, как жили некоторые пациенты.

— Почему вы меня тут держите? — спросила девочка, когда её “личный врач”, как шуточно обозвал себя Хоффман, продиктовал все рекомендации.

Тот снова усмехнулся. Она не любила, когда он так делал. Почему-то девочке казалось, что это не предвещает ничего хорошего. Она нередко смотрела фильмы с Марией раньше и прекрасно помнила, как кто улыбался. Почему-то ей казалось, что так, как Георг Хоффман, улыбаются только конченные психи.

— Хороший вопрос. Ты ведь раньше слышала голос внутри себя, не так ли? — Роза рассеяно кивнула. — Ты ведь хотела от него избавиться, не так ли? — дождавшись очередного кивка, мужчина продолжил: — А теперь ты не слышишь этого голоса?

Роза покачала головой. Да, если быть честной, ушёл и тот голос, ушла и головная боль, ушли и страхи... Те страхи... Девочка вдруг вспомнила, что раньше всегда боялась темноты. Особенно когда темнота совпадала с её головными болями. Тогда это почему-то было особенно страшно.

— Разве ты не рада? Твоей болезни в тебе больше нет. Но, боюсь, пока я не придумаю, что делать с твоей иммунной системой, выходить куда-либо тебе не рекомендуется. Но, думаю, это всего лишь временные трудности.

Георг Хоффман вышел из комнаты, а Роза осталась лежать. А что ей было делать? Она бы всё равно не смогла никак противостоять ему. Да и не нападал он. Приходилось только ждать. Ждать, может, действительно придумают лекарство, которое могло бы ей помочь. Тем более теперь, когда назад дороги нет...

Мужчина, услышавший заявление Джорджа, расхохотался. Так, будто бы мальчик сказал такую глупость, что не хохотать было нельзя. Миссис Лэнд смотрела на него и про себя жалела двоих детей, которых она всё-таки решила не покидать.

— Да много ты понимаешь?!

Мальчик встал с подоконника. Злости в его взгляде так и не убавилось, что очень пугало няню: кто знает, что может случиться, если ситуация выйдет из-под контроля?

— Так постарайся объяснить, чтобы понял! — воскликнул ребёнок, и няне снова стало не по себе.

Мать двойняшек, зашедшая в этот момент в комнату, побледнела. То ли от страха, то ли от гнева. Но это было не столь важно: главное — она просто промолчала. Промолчала, как молчала всегда: тогда, когда умерла её старшая дочь Аннэт, тогда, когда её муж сказал, что Джорджа и Мари следует изолировать, тогда, когда Мари просилась обратно домой...

Некоторое время не говорил никто. Отец молчал, мать вообще не имела привычки говорить в серьёзные решающие что-то моменты, няня боялась произнести и слово, а

Джордж чувствовал, что уже сказал всё, что хотел. Чей-то истошный вопль разрезал эту тишину.

Вопль был поистине ужасен. Казалось, будто человека, который кричал, разрывали на тысячу частей, что его хотели убить самой жуткой смертью, которая была возможна. Мальчик пришёл в себя первым. Он выскочил из комнаты и побежал по коридору.

Мари. Там, в одной из комнат, была Мари. Только об этом в эту минуту думал Джордж. Кричать могла либо она, либо экономка, которая была ещё одним человеком, жившим в доме. Крик был таким страшным, таким истошным, таким неестественным, что Джордж не мог понять, кому этот крик принадлежал. Добежав до комнаты Мари, мальчик дёрнул за ручку. Заперто.

— Мари! Мари, открой! Мари! Открой, дура, я за тебя беспокоюсь!

Никто не отвечал. Подбежала ещё перепуганная миссис Лэнд. Она тоже попыталась попросить девочку открыть дверь. Но из-за двери не было слышно ни звука. Подошли отец и мать. Как же в эту самую секунду мальчик ненавидел их! Подошла экономка... Джордж похолодел от ужаса. Только не это. Если это кричала не мисс Кардш, то могла кричать только его сестрёнка Мари.

Дверь выломали. На полу лежала девочка. Все соки из тела ребёнка были будто высосаны. Тельце казалось совсем бледным. Крови в нём будто бы не было теперь вовсе. Джордж уже не помнил, как он вышел из этой комнаты. Ему впервые за всё время пребывания в этом доме стало страшно.

===== I. Глава тридцать первая. Чужая боль всем безразлична. =====

И вихрь, и стон, и плач, и крик...

Смеётся матушка Фортуна.

И всё на свете — только блик,

Всё только блик, и нет другого.

Смеётся матушка Судьба.

Смеётся... Как и всё смеётся.

Но только матушка Судьба

Нужды не ведаёт в насмешках.

Она смеётся — всё дрожит.

Она горюет — всё горюет.

Она боится — праздник нам,

И Жизнь у ней в подругах ходит.

Как только входит — все бегом,

Как только выйдёт — все вприпрыжку,

Идёт: “Пожалуйста, постой!”

Остановилась: “Да иди же!”

Боится Жизнь, смеётся Смерть,

Которой нечего бояться.

Что страх у Смерти — ерунда!

Что может ей испортить счастье?

Как будто есть на свете кто,

Кто к ней попасть вообще не сможет?

Фортуна знает: “Не уйти,

От Смерти, как не будешь бегать”.

А человек вопит: “Нельзя
Как будто этого бояться!
Я смертен, вечна только Смерть.
Поэтому не повинуюсь.
И вихрь, и стон, и плач, и крик...
Отрада вам, а мне несчастье,
И пусть на свете только блик,
Мне нечего тогда бояться...
Я волен буду закричать,
Я волен буду растеряться,
Я волен буду замолчать,
Когда уж не смогу подняться...
И вихрь, и стон, и плач, и крик.
И смейся, смейся ты, Фортуна!
Я знаю, ты есть — только блик,
И, может, что-то есть другое!”
Задумалась тогда и Смерть:
“А мне тебя бояться, что ли?
Фортуна — блик, реальность — Жизнь.
А я... Я просто провидение.
Я просто, что освободит,
Поможет, как не будет счастья,
Напомнит — ты ведь хочешь жить,
Чтоб ты не плёл, когда всё плохо.
А я... Простое торжество
Всех тех, кто вдруг освобождённый
От боли, горя и войны
Попал ко мне в один день ясный.
Фортуна? Да, то только блик,
Который символ всех несчастий”.
И вихрь, и стон, и плач, и крик...
И не смеётся впредь Фортуна...
Она забыта, сожжена,
Хоть и когда-нибудь вернётся...

С исчезновения Розы прошло уже больше месяца, но о том, кто её похитил, не было ничего слышно. Если сначала Мария надеялась, что похититель потребует выкуп и этим хотя бы подаст надежду на то, что Роза жива, то теперь все надежды таяли, все догадки рассыпались... Мама не могла сделать ничего. С того самого дня Кассандру каждую ночь преследовали кошмары, каждый день ей казалось, что она видит человека, который похитил её младшую дочь. И с каждым днём, с каждым часом исчезала уверенность в том, что девочку ещё можно спасти.

Мария сама уже начинала терять надежду. Она не понимала, кому могла понадобиться её маленькая сестрёнка. И, если, думая о том, что преступнику просто нужен выкуп, девушке казалось, что всё образуется, сейчас это чувство постепенно уступало место страху.

Мария сидела в своей комнате, что была предоставлена ей герцогиней Джулией Траонт,

в поместье которой загасил их дружную компанию Седрик, и тихо пыталась что-то написать в своём блокноте. Нередко это успокаивало её, и сейчас девушка очень надеялась, что уйдёт хотя бы часть того страха и напряжения, ведь в нынешнем состоянии она вряд ли могла что-то сделать.

— Всё в порядке? — осторожно поинтересовался Седрик и получил в ответ два рассерженных взгляда — Марии и Альфонса.

Девушка встала. В её голове промелькнула идея насчёт похищения Розы, и ей хотелось как можно скорее поговорить с Деми. Всю неделю, что она провела в поместье Траонт, призрак старался утешить её. Может, он сможет помочь ей ещё как-то? Если он тоже был Избранным, не исключено, что его тоже пытались отвлечь подобным образом от написания чего-либо. Или от обучения... Точно! Её могли отвлекать от обучения! Как она раньше не догадалась?

— Мария, ты куда? — удивлённо спросил Альфонс, увидев, что принцесса куда-то собралась.

Парню вовсе не хотелось, чтобы сейчас Мария куда-то уходила. Сейчас, в её состоянии... Она вряд ли бы смогла защитить себя, случись что-то. Но, впрочем, Ал был рад, что девушка снова становилась похожей на ту Марию, которую он всегда знал.

— К Деми! — бросила принцесса. — Думаю, он может кое-что сказать...

Альфонс и Седрик переглянулись. Так... не хватало ещё, чтобы у Марии, как и у её матери, начались глюки. Это было бы совсем плохо. Хуже могла быть только ситуация, когда их всех хотел убить тот чокнутый маг, которого, в конце концов, прикончил Паул, сказавший, что ему уже надоело слышать радостный визг Реми, которой очень даже понравилось, что за ней кто-то гоняется.

— Мы можем пойти с тобой? — поинтересовался Ал, решивший, что воображаемый друг или нет, лучше убедиться в этом лично.

Принцесса пожала плечами. Уже через несколько минут они зашли в старое крыло поместья Траонт. Седрик постоянно озирался по сторонам, пару раз замечал, что, когда он был маленький, мама всегда запрещала ему заходить сюда, на что Альфонс ехидно ответил, что не так уж тут и страшно, а раз его сюда не пускали, значит, Седрик был слишком несамостоятельным ребёнком, постоянно попадавшим в переделки, которого следовало постоянно держать в поле зрения.

Дойдя до кирпичной стены, девушка повернула налево, подошла к окну, открыла его, осторожно вылезла через него и... исчезла... Нет, друг принцессы понимал, что она могла пролезть в соседнюю комнату через окно. Но зачем делать это? Разве не проще найти дверь, ведущую в комнату к этому Деми? По мнению Ала, это было бы гораздо проще и безопаснее.

Впрочем, долго рассуждать он не привык, поэтому, последовал примеру Марии, вылез через окно в этой комнате и залез в окно, находящееся в другой. Комната, в которую он попал, была небольшой. Правда, может быть, она казалась такой из-за стеллажей с книгами и блокнотами, стоявшими по периметру? Мебель тут была весьма добротной, что сразу бросилось парню в глаза, удобной и простой.

Только через несколько секунд Альфонс увидел ещё одного человека, что находился в комнате. Впрочем, можно ли было назвать его человеком? Это... Это был самый настоящий призрак! А вот Седрик, кажется, заметил его сразу, как только начал влезать в окно. Потому как Алу пришлось хватать этого мага-недоучку за руку, чтобы тот не грохнулся.

— О! Привет, Мария! — поприветствовало Марию привидение. — А почему твои друзья

так на меня смотрят? Да, я призрак! Ты так не удивлялась!

Альфонс, пожалуй, был бы рад так не смотреть на это чудо природы, отдалённо напоминавшее ему Реми, но та хотя бы была живой. В отличие от этого существа.

— Она немного ненормальная... — пробормотал Ал, всё ещё пребывая в шоке от увиденного.

Мария кинула на него недовольный взгляд. Да, наверное, не стоило этого произносить. Хотя... друг принцессы нередко называл её так, а она никогда не обижалась. Наоборот, считала это чем-то похожим на комплименты. Что никогда не переставало удивлять Альфонса.

Призрак удивлённо посмотрел на компанию, собравшуюся у него в комнате. Обычно Мария всегда приходила одна. Было немного непривычно видеть ещё кого-то, кроме этой девушки.

— Деми, ты случайно не помнишь, пытались ли тебя отвлечь от обучения? — спросила принцесса.

Привидение задумалось. Вряд ли девушке нужна была информация о том, как его сестра пыталась как-то отвлекать его от учёбы просто потому, что ей было слишком скучно играть одной. У Марии похитили сестру, и это событие взволновало бы кого угодно. Но его никогда не пытались отвлекать таким образом...

— Я боюсь за неё... У неё так часто болела голова... Ей нужны особые условия в эти моменты... — прошептала девушка.

Деми встрепенулся. Упоминание о головной боли заставило его вспомнить о чём-то очень важном. О том, о чём он старался умалчивать. Или вообще давно уже забыл... Мария удивлённо смотрела на привидение, не скрывая своего оживления, почти восторга из-за того, что хоть что-то могло сдвинуться с мёртвой точки в поисках её любимой сестры.

— Голова болела, говоришь? Она плакала, когда у неё болела голова, не так ли? — увидев, что Мария кивнула, парень продолжил: — Вполне возможно, что причиной было некое существо, которое вселилось в неё, когда она была маленькая. Даже не существо... Материя, магия... Зови как хочешь. Наверное, только из-за того, что когда-то то же было и во мне, я не растворился или не отправился в Город призраков...

Альфонс вздрогнул. Напоминание про Город призраков, который он успел увидеть до того, как... Не хотелось даже вспоминать о том, что произошло дальше. Парню совсем не хотелось, чтобы его считали параноиком из-за всего этого. Но всё же это произошло...

— Думаю, её вполне могли похитить из-за этого. Очень мало людей, болеющих подобным образом, но все они довольно быстро умирают. Кто-то — из-за того, что сходит с ума, и эта магия пожирает его душу, а кто-то — из-за того, что его тело ослабевает в результате борьбы с этой материей. Но я где-то читал, что только вторые становятся призраками. При этом так называемыми “Вечными призраками”, а остальные...

Мария задумалась. Если Деми сейчас говорил правду, а его слова она не была готова поставить под сомнения, то всё оказывалось ещё сложнее, чем она думала. Но это хотя бы можно было посчитать зацепкой. А, учитывая то, что произошло, даже самая маленькая деталь может стоять Розе спасения. Что те люди делали с ней? Мама могла описать только похитителя — высокого молодого человека, одетого в военную форму. Ещё говорила перепуганная женщина о том, что у человека этого были тёмные волосы и чёрные глаза, которые в тот момент, как он отшвырнул Кассандру в сторону, засветились каким-то неестественным красным цветом.

— Спасибо за помощь... Ты ещё что-то знаешь об этой болезни?

Деми покачал головой. Да уж... Но, если говорить честно, девушка была благодарна даже этой мелочи. Всё могло играть свою роль. Всё. Любая мелочь может быть важной.

Маленькая девочка бегала по богато украшенному залу. Мальчик, её ровесник, тихо наблюдал за этим. Его сестра всегда была активной, радостной, всегда могла придумать что-то интересное. В отличие от него самого. Джулия была жизнерадостной маленькой девочкой, правда, всегда старалась сделать кому-нибудь пакость. Но брата своего она никогда не обижала.

— Деми! А ну подойди сюда! Живо! — скомандовала девочка, сообразив, что до подоконника она просто так дотянуться сама не сможет.

Мальчик послушно подошёл, и Джулия тотчас попросила его принести стул. “Тот, что в столовой стоит” для того, чтобы увидеть, чем же сейчас занимается мама там, во дворе...

— Джулия! — вдруг слышат дети сердитый голос бабушки. — Ты куда полезла, дрянная такая?!

Джулия моргает. Это детское воспоминание заставляет её снова погрузиться в мир. Тот, уже давно исчезнувший, почти стёртый из её памяти мир. Мир, в котором она была так счастлива... Жан заходит в комнату и неуверенно подходит к ней, обнимает. Так же осторожно, боязно, как и всегда. И от этого самой сильной ведьме сказочного королевства становится тепло. Так же тепло на душе, как было тепло когда-то. Тогда она была совсем ещё маленькая...

— Хм... Кого я вижу... Жан! А я-то думал, что она про тебя забыла! Представляешь, у неё склероз: она забыла, что сама тебя заколдовала! Кем ты был? Статуей? Да уж... Целых восемнадцать лет... Ты себя нормально чувствуешь? У тебя, между прочим, сын есть, почти взрослый!

Ошарашенный Жан смотрел на Джулию. Ошарашенная Джулия в очередной раз бросила в Теодора то, что попало ей под руку. Ожидавший такого поворота событий Теодор смог с относительной лёгкостью увернуться от летевшей в него книги и с хохотом выбежать из кабинета своей сестры.

Ведьма не знала, как именно оправдаться перед своим... ухажёром. Она не могла назвать его мужем: свадьбы не было ни тогда, когда она ещё только заприметила его, ни сейчас, когда она только расколдовала его.

— Джулия... Меня... Меня не было восемнадцать лет? — удивлённо прошептал Жан.

Волшебница пожалала плечами и вышла из комнаты. Сейчас ей нужно догнать Теодора, показать ему, что бывает с теми, кто лезет не в свои дела, а потом она объяснит всё этому мальчишке. Потом. Сейчас она точно не в силах сделать это.

***

Выслушивать человека, который недавно потерял кого-то близкого, всегда задача нелёгкая. Если вообще реальная. Во всяком случае, для мага, так любившего заниматься различными экспериментами, опытами, относящимися к чёрной магии...

Паул сидел в таверне и выслушивал грандиозные планы Эрика. Нет, друга понять ему не удастся никогда. Сколько можно было жить и дышать этой, как он называл, революцией. В жизни были куда более интересные и важные вещи, нежели свержение действующего политического строя.

Эрик же считал иначе. Теперь, видимо, в его жизни была только одна цель: “Забабахать такое, чтобы все эти противные дворяне содрогнулись от того, на что способен простой

народ!”

Нет, некроманту определённо это не нравилось. Он прекрасно знал о смерти Милены и понимал, что это не единственная смерть, которую переживал Эрик на пути к достижению своей цели. Революционер... Пожалел бы себя. Хотя бы для того, чтобы доказать, что его сестра умерла не напрасно. Но нет... Эрик не внимал никаким уговорам со стороны Паула. Лишь презрительно фыркнул, упрекая друга в трусости.

— Ты не понимаешь, что такое — потерять сестру! — кричал Эрик.

Паул кивнул. Да, он не понимал. У него не было сестры. И совсем недавно Мария выкрикнула что-то похожее. Он не понимал. Он не мог понять. И никогда бы не хотел понять. Паул не был уверен, что выдержал бы такое. Он не хотел проверять свои нервы и выдержку на этом.

— Мне не понять. Согласен. Но тебя мне бы терять не хотелось.

Эрик, казалось, задумался. Чернокнижник очень надеялся, что его слова хоть как-то смогут повлиять на этого придурка, на этого безумного мальчишку, возомнившего себя великим мстителем всех обиженных и угнетённых и решившего, что он может решать за этих обиженных и угнетённых.

— Думаешь, мне стоит тебя послушать и...

Паул тяжело вздохнул. Нет, когда этот, он даже не знал, как можно назвать этого бездаря, лодыря, недоучку, решившего, что он избранный для того, чтобы свершилась революция, ребёнок говорил таким тоном, это могло говорить тёмному магу только об одном — самоуверенный Эрик не хочет его даже слушать.

— И на время прикрыть свою лавочку! — рявкнул некромант. — Хотя бы на время! Ты понимаешь? Сейчас совсем не время для ненужных потрясений. Мир и так трещит по швам. И без твоих переворотов и планов!

Эрик возмущённо смотрел на друга. И чёрному магу начинало казаться, что этот мальчишка никогда не успокоится. Спорить с ним было совсем бесполезно. Они когда-то учились вместе... И теперь из-за того, что случилось такое недоразумение, Паул обязан быть вечной нянькой этого чуда в перьях! Милена никогда не нравилась некроманту, но даже её он был готов пожалеть за то, что она когда-то терпела Эрика.

— Но на Земле люди всегда приходили к революциям именно тогда, когда их мир трещал по швам! — оскорблённо крикнул парень.

Паул тяжело вздохнул. Нужно было перевести дух и не спалить этот чёртов трактир к чёртовой матери. Нужно было не прибить этого придурка Эрика. Потому как именно для того, чтобы тот сам себя не убил, чернокнижник пытается вбить ему в голову хотя бы что-то, похожее на мозги.

— У людей на Земле после этого обычно случались такие катаклизмы, что нам они и в помине не нужны! — прикрикнул некромант.

В тот же момент все присутствующие в заведении с любопытством стали смотреть на этих двоих, уже около двух часов совещающихся о чём-то. О чём? Пожалуй, это было не слишком интересно людям. До того, как Паул не сорвался и не закричал.

— Извините, пожалуйста... Оторвал я вас от выпивки, с кем не бывает?! — язвительно произнёс чернокнижник.

В ту же секунду он резко поднялся с лавки и быстрым шагом пошёл к выходу из этого весьма увлекательного заведения. Взгляды всех, кто находился в этот момент там, были словно прикованы к этому странному человеку. Эрик вздрогнул, тоже вскочил со своего

места и побежал вслед за другом.

— Паул, подожди! — крикнул он вслед некроманту.

Но тот был уже слишком далеко от трактира, чтобы услышать это.

===== I. Глава тридцать вторая. Здоровое недоверие — хорошая основа для совместной работы. =====

Там за третьим перекрестком,
И оттуда строго к югу,
Всадник с золотою саблей
В травы густо сеет звезды.

Слышишь, гроздьями роняет небо
Из прорех зерно стальное,
Горные лихие тропы
Покрывая пеленою.

Дороги сплелись
В тугой клубок влюбленных змей,
И от дыхания вулканов в туманах немеет крыло...

Лукавый, смирись —
Мы все равно тебя сильней,
И у огней небесных стран
Сегодня будет тепло.

Там у третьего причала
Сизый парус, парус белый,
Делят небо от начала
До рассвета рваной раной,
Слышишь? Море омывает щрамы,
Посыпает крупной солью
Струпья цвета бычьей крови,
Словно память древней боли.

Дороги сплелись
В тугой клубок влюбленных змей,
И от дыхания вулканов в туманах немеет крыло...

Лукавый, смирись —
Мы все равно тебя сильней,
И у огней небесных стран
Сегодня будет тепло.

Там у третьего порога,
За широкою ступенью,
Верно шелковые камни,
Бьется надвое дорога, слышишь?

Правый путь ведет на пристань,
Путь окружный — в горы, к югу,
Но на свете нет дороги,
Чтобы нас вела друг к другу!

Дороги сплелись
В тугой клубок влюбленных змей,

И от дыхания вулканов в туманах немеет крыло...

Лукавый, смирись —

Мы все равно тебя сильней,

И у огней небесных стран

Сегодня будет тепло.

Тугой клубок влюбленных змей,

И от дыхания вулканов в туманах немеет крыло...

Лукавый, смирись —

Мы все равно тебя сильней,

И у огней небесных стран

Сегодня будет тепло.*

Алесия Хайнтс была очень красивой и обаятельной девушкой. А это в сочетании с её связями давало неплохой эффект: её принимали везде, где ей только хотелось появиться. Будучи не слишком то скромной и стеснительной, девушка старалась пользоваться всем, что могло принести ей хоть какую-то выгоду. Её считали представительницей золотой молодёжи в её королевстве, и, пожалуй, это отчасти было правдой. Денег и влияния у неё всегда было достаточно, чтобы жить в своё удовольствие, чтобы нигде не работать, но оставаться уважаемой и узнаваемой в обществе. Она никогда не прилагала слишком много усилий для того, чтобы добиться чего-либо, и ей была совершенно безразлична судьба всех остальных. Племянница короля Алана, дочь знатного герцога, богатая красавица, о щедрости которой слагали легенды... Что могло заботить её?

Алесия стояла перед зеркалом. Сегодня король Генрих устраивал бал в честь дня рождения своей дочери Кассандры. По мнению мисс Хайнтс, это было необычайно глупо, хоть и соответствовало дворцовому этикету. Лучше бы король бросил больше на поиски своей внучки. Впрочем, девушку не волновала судьба того ребёнка... Она не понимала и того, почему Георг, даже более богатый, нежели она, приютил у себя в доме какую-то оборванку. Алесия поморщилась от этих мыслей. А ведь Хоффман был её другом... Ну... Или как его можно было назвать?

Она всегда была красива. Даже более того: она была почти прекрасна. Это говорили многие. И девушка не могла с ними не согласиться. Стоя перед зеркалом, она сама нередко говорила себе, что вряд ли найдётся кто-то, кто был бы так же красив, как и она.

Сегодня намечался бал... И Алесия уже была одета к нему. Красное с черной отделкой платье, с глубоким вырезом, увидев который, Георг Хоффман удовлетворённо присвистнет, Горация Бейнот покачает головой, но потом с таким же удовольствием, как и остальные, будет танцевать с ней, Демолиш Инсертион мило покраснеет и отойдёт подальше, а вот Моника Эливейт обязательно скажет, что приличной девушке так одеваться незачем. Как же мисс Хайнтс не любила эту противную выскочку! Девушка поправила свои светлые волосы. Теперь те лежали ровно так, как нужно. И пусть кто угодно говорит, что одевается она вызывающе... Сама Алесия так не считала. А значит, на мнение остальных ей абсолютно наплевать.

Моника Эливейт всегда была слишком стеснительной и принципиальной. Она никогда не могла произвести нужного впечатления на людей. Либо она стеснялась сказать что-то, что могло бы ей помочь, либо она сама отталкивала нужных ей людей из-за того, что они не соответствовали её стандартам. Выросшая в бедной семье, идеалистка, не признававшая многое из того, что нравилось представителям высшего света, она вряд ли могла

рассчитывать на слишком хорошую карьеру. Если бы не та случайная встреча, она вообще продолжала бы работать обычным клерком в какой-нибудь не слишком блестящей организации. Если бы не тот случай, она никогда бы не добилась того, что было у неё сейчас. Хоть и было у неё не так много.

Её нельзя было назвать некрасивой. Напротив, по мнению многих, она была весьма симпатичной. Но к ней боялись даже подойти. Она не вписывалась в те стандарты, которое диктовало современное общество — она вписывалась в рамки морали. Никто из её новых знакомых в Тайной канцелярии не поддерживал её в этом. Никто. Даже Хоффман, славившийся своими жертвованиями на театры, музеи, храмы... Даже он. Про Бейнота, следовавшего только тем законам, нарушение которых серьёзно каралось, и про распущенную Хайнтс, привыкшую всегда потакать своим желаниям, говорить было нечего. Был ещё, конечно, Демолиш Инсертон, но тот, казалось, куда больше занят своей наукой, нежели соблюдением всяких норм морали.

Алесия Хайнтс хотела сходить на бал в сказочном королевстве. А значит, они сегодня пойдут на этот бал. И совсем неважно, что Монике нечего надеть и вообще она не любит подобные мероприятия, что она не любит танцевать, что она боится... Алесии хотелось на этот бал. А значит, ничто не могло остановить её от того, чтобы побывать там.

Бал намечался уже сегодня... Моника смотрела в зеркало и с грустью понимала: надеть ей сегодня, как и всегда, нечего, выглядит она замарашкой и вообще сегодня точно опозорится там. Перед всеми. Перед всей этой блистательной публикой... Девушка тяжело вздохнула и посмотрела на самое своё хорошее платье: в нём она была на выпускном вечере четыре года назад, и, видимо, в нём ей придётся идти и сегодня. Платье было уже мало, да и выглядело оно гораздо хуже, чем когда-то... Моника помнила, что мама рассказывала ей, что она сама одевала его сначала на выпускной, потом на свадьбу, потом старалась сохранить для дочери... Моника расстроено присела. Весь её день был безнадежно испорчен. И всем абсолютно наплевать на это.

— Готова? Я не собираюсь ждать, пока вы обе соберётесь! — услышала вдруг девушка неподалёку насмешливый и такой знакомый голос.

Моника обернулась. Да, всё так и было: рядом с ней стоял Георг. Как он прошёл в её комнату? Впрочем, наверное, удивляться этому было глупо: он был её начальником в Тайной канцелярии, а значит, вполне мог достать ключи от её квартиры. Для него эта задача была бы не слишком трудной. Да и он вполне мог открыть дверь даже без этих ключей... Делюжан как-то упоминал об умениях Хоффмана вскрывать даже очень сложные дверные замки... Почему граф умел это? Девушка не могла найти ответа. Девушка не могла найти объяснения. Девушка не могла найти оправдания.

— Не слишком хорошее платье, тебе не кажется? — спросил Георг.

“Не слишком тактично с твоей стороны, тебе не кажется?” — хотелось ответить девушке. Но Моника только обиженно посмотрела на него. Как он смел напоминать ей об её материальном положении?! Он же прекрасно знал, что у девушки просто не было возможности купить другое платье... Зачем же было спрашивать? Просто так? Чтобы ощутить себя лучшим?

— Так... Я понимаю, другого платья у тебя нет? Значит, придётся забросить тебя в магазин...

Моника с изумлением посмотрела на мужчину. Да как он смел так её унижать?! Ведь прекрасно всё понимал... Зачем же это было нужно ему? Если бы на его месте была Алесия,

всё было бы куда понятнее! Но она всегда думала, что он другой...

— Не смотри на меня так, — строго произнёс граф. — Я всё понимаю. И я собираюсь заплатить за то, что ты выберешь.

Мисс Эливейт могла только охнуть, когда Георг схватил её за руку и повёл к выходу из квартиры. Предложение графа было как нельзя кстати, но гордость ни за что не позволила бы девушке воспользоваться им.

— Мне не нужны подачки! — выкрикнула Моника, предприняв попытку вырваться из железной хватки. — Я вполне могу справиться сама!

Хоффман резко обернулся, но руку девушки не выпустил. И та в который раз подумала, что зря она решила работать в Тайной канцелярии. Предыдущий начальник себе такого не позволял. Да и врезать ему было бы куда проще. А тут...

— Считай, что это внеочередная премия. Лично от меня. У нас не слишком много времени. Пошли быстрее.

Через полтора часа у Моника уже есть приличное платье, чтобы отправиться на этот бал. Девушка усмехается: это слишком непохоже на правду. Ей вспоминается старая сказка, которую ей когда-то рассказывала на ночь бабушка... Там тоже была бедная девушка, которой достались платье, карета и принц. Платье у Моника уже было. Карета ей не нужна. А принц... Георг Хоффман вполне подходил под тот образ. Да... Она чувствовала себя Золушкой. И это было приятно ей.

Маленькая девочка сидела на камне и перебирала цветы, сорванные братом. Тот всегда старался порадовать её. Солнце светило ярко, небо — чисто-голубое, не было ни одного облачка... Луг полон цветов, а трава была такой мягкой, что можно ходить босиком... И девочке нравилось ходить по ней босиком. Да и брат, казалось, разделял её мнение на это счёт.

— Джордж! — тихо позвала девочка.

Мальчик, читавший книгу неподалёку, обернулся. Он казался куда более серьёзным, нежели его сестра. Также казалось, что он старше этой девочки. Было ли это так?

— Чего тебе, Мари? — спросил мальчик, недовольный тем, что сестра не дала ему дочитать ту историю...

Девочка соскочила с камня, на котором сидела, и поскорее подбежала к брату. Тот тоже встал. Мари отдала ему венок, сплетённый из цветов, что он ей дал. Вдруг дети услышали какой-то странный звук. Он шёл со стороны разрушенного замка. Замка, на развалинах которого запрещали играть всем детям, не только Джорджу и Мари.

— Пошли туда? — предложил мальчик. — Посмотрим, что там.

Девочка с сомнением смотрит на брата. Обычно тот никогда не предлагал такие рискованные вещи. Обычно он всегда был необычайно рассудителен и покладист для своего возраста. Обычно он не позволял себе ничего такого, что противоречило бы правилам, продиктованным взрослыми.

— Помнишь, что говорила мисс Лаур? Там живут привидения. Я не хочу попасть в руки к привидениям!

Джордж тихо смеётся. И Мари становится немного обидно. И так все вокруг считают её трусихой, не хватало ещё, чтобы и брат так считал. Это было бы слишком.

— Привидений нет. А если и есть, то это просто души мертвецов. Они ничего не могут сделать нам! Не беспокойся...

Бал у короля Генриха начинается поздно вечером, как и принято. Вокруг много

“сочувствующих” горю его семьи дам в красивых платьях, галантных кавалеров... И каждому из этих людей наплевать на то, что что-то действительно случилось. Георг Хоффман в военной форме стоит рядом с Джулией Траонт, такой же блистательной и красивой, как и всегда, Алесия Хайнтс танцует, прелестно танцует, с каждым новым танцем меняя партнёра, Гораций Бейнот смеётся, находясь в компании таких же бравых военных, как и он, Моника Эливейт смущённо мнётся в стороне, боясь выдать своё присутствие, а Демолишу Инсертину всё безразлично... Обычная ситуация на подобных мероприятиях у этой компании.

Мария, внучка короля, одета слишком странно для двора, и Хоффман замечает это. Она неудобно чувствует себя, находясь среди всего этого народа. Грех не воспользоваться этим. Граф что-то говорит Джулии, та снисходительно улыбается и отходит в сторону. Георг Хоффман направляется в сторону наследной принцессы сказочного королевства.

Девушка приветствует его холодно, безразлично. Что же... Так даже интереснее. Граф старается сдерживать ухмылку на лице и держаться как можно холоднее и серьёзнее. Благо годами выработанная выдержка даёт ему сделать это.

— Здравствуйте, Ваше Высочество. Соболезную вашей утрате, — произносит Хоффман. — Давно хотел поговорить с вами.

Девушка безразлично смотрит на него. Впрочем, так ли безразлично? Вот во взгляде уже мелькает любопытство. А это — небольшая победа. Что же... Осталось только довести дело до конца.

— Вы избранная, не так ли? — Принцесса кивает. — Могу ли я предложить вам услугу в обмен на одну услугу с вашей стороны?

Принцесса Мария с удивлением и интересом смотрит на Хоффмана, и тот понимает, что его задумка удалась. И всё проходит именно так, как он и предполагал. Даже несколько лучше.

— Вам не кажется, что лучше продолжить этот разговор в менее людном месте?

Мари играла в детской — комнате, куда редко заходили её брат и сестра, когда к ней подошла Аннэт. Аннэт было уже десять лет, и она считала себя взрослой, что, в принципе, понятно — если сравнивать её и её младших брата и сестру, которым совсем недавно исполнилось по пять... Но разве можно в десять лет быть полностью взрослым человеком? Ну... Только если этому способствуют обстоятельства. Обстоятельства, которых старшая дочь семейства Блюменстрост не знала никогда.

Девочка никогда не понимала, зачем родителям нужны были ещё дети? Тем более зачем им нужен Джордж. Мари была куда более послушным ребёнком, а их будущая сестрёнка ещё не успела родиться.

Джордж был упрямым, несносным, грубым. Аннэт ненавидела его. Во всяком случае, ей так казалось. Ну а какие чувства она могла питать к этому противному мальчишке?! Он никогда не слушал её, он с лёгкостью мог сломать то, что она делала. Вот и сейчас он специально пролил воду на стенгазету, которую она с таким трудом сделала для школьного мероприятия... Она ненавидела его, ненавидела! Ей казалось, что никого хуже её младшего братишки на свете нет.

Гнев — вещь опасная. Он помогает забыть истинную причину конфликта, он помогает породить другой, новый конфликт. Он из одного зла порождает другое, ещё более опасное... Аннэт злилась. Она выбежала из гостиной, где произошла ссора между ней и её младшим братом, и побежала в детскую.

— Что ты делаешь?! — раздражённо спросила Аннэт, увидев, что младшая сестра взяла её куклу для того, чтобы поиграть. — Это моя кукла! Я не разрешала тебе брать её в руки!

Мари вздрогнула и выронила игрушку. Она обернулась к сестре, чтобы спросить, почему та так среагировала, ведь ещё совсем недавно всё было нормально. Девочка с удивлением посмотрела на Аннэт.

— Извини... Я не думала... Ты...

Аннэт подошла к сестре, подняла с пола куклу и подошла к выходу из детской.

Перед тем как выйти из комнаты, девочка бросила гневный взгляд на младшую сестру, внезапно представившуюся ей столь же противной и несносной, как и Джордж.

— В том-то и дело! Ты “не думала”! — выкрикнула девочка и побежала к себе в комнату.

Мари поражённо смотрела ей вслед. Аннэт никогда так не поступала. Она же не была такой... Девочка подумала, что ей нужно во что бы то ни стало догнать старшую сестру.

Георг Хоффман был доволен собой. Прошло даже меньше, чем полчаса, а Мария, кажется, заинтересовалась его предложением. Делюжан был бы доволен его успехами. Что же... Расположить к себе молоденькую девушку было не слишком сложно. Тем более ту, которая и сама готова сбежать с того бала. Под любым предлогом. Граф видел, что принцесса даже благодарна ему за то, что ей не пришлось находиться там, среди этой капризной публики.

Тут, в небольшой уютной комнатке, эта девочка — называть её девушкой Хоффману не хотелось — чувствовала себя спокойнее. Только сейчас, когда наследная принцесса думала над его предложением, он позволил себе разглядывать её. Она не была похожей на Алесию или на её двоюродную сестру Гретэль. В ней не было хрупкости тех, в ней не было того кокетства, того жеманства... По её глазам, по её взгляду можно было понять, что девочка была довольно умна, хоть и наивна. Пока. Впрочем, Георг надеялся, что наивность её останется с ней ещё хоть какое-то время. Волосы у неё были совсем светлые, даже светлее, чем у Алесии. Правда, не было привычных Хоффману кос: волосы девочки были совсем короткие. Мужчина даже подивился: у её сестры были очень длинные волосы. Почему же у принцессы Марии самые длинные пряди не достигали даже подбородка? Что же, на Земле совсем не обозначены нормы причёсок знатных леди? Впрочем, надо было поинтересоваться традициями землян. Георг сам знал только традиции до конца девятнадцатого века. Может, стоило всё-таки изучить традиции и историю Земли ещё за два века...

— Я думаю... — прошептала девушка неуверенно. — Я думаю, мы сможем сотрудничать.

Хоффман улыбнулся. Как он и ожидал, Мария быстро согласилась на его предложение. Что же... Тем лучше. Вряд ли что-то могло быть лучше такой быстрой победы.

Со смерти Аннэт прошло уже четыре года, а со смерти Мари — три, но Джордж ещё не мог позабыть мёртвого взгляда первой и общего вида мёртвого тела второй. Больно даже подумать, что когда-то эти две девочки были живы. И обе погибли из-за него. Одну он сам в гневе столкнул с лестницы, а второй не пришёл на помощь, когда эта помощь была нужна.

Джорджу было девять лет, и в его доме самыми частыми гостями за эти три года стали психиатры и другие врачи, “пытавшиеся помочь”. Отец, узнав, что мальчик постоянно во сне шепчет имя своей сестрёнки Мари, решил, что сыну нужно предоставить полный перечень медицинских услуг. Мальчик не понимал, зачем ему было это нужно? Он не был болен. Теперь он знал это. То, что все называли болезнью, на самом деле было просто даром.

Магия, которая жила в нём, позволяла делать такие вещи, что... Расплатой были лишь головная боль, голоса в голове и ночные кошмары... Разве цена слишком велика? Джордж даже способен сам платить её! Так зачем же нужны все эти глупые люди? Люди, которые всё равно не могли сделать ничего.

Джордж сидел на крыше и наблюдал оттуда за тем, что происходило на улице. Во дворе дома, куда поместил его отец. Впрочем, ситуация на улице вполне отражала ситуацию в самом доме. На крыше было место, откуда было видно всё, но где его не видел никто. За старой печной трубой. Точнее, между этой трубой и башенкой, пристроенной к дому ещё прадедом мальчика. Уже пять часов ребёнок сидел здесь и смотрел за тем, как все суетятся, разыскивая его.

Джордж увидел машину, подъезжающую к дому. Отец... Интересно. Даже он подключился к его поискам. Странно, он ведь сам запер его в стенах этого дома, даже не наведывался последние полгода... Зачем же тогда он делал вид, будто сын ему нужен? Зачем? Разве все уже не поняли обратное?

— Джордж! Джордж! Помоги мне! Помоги, пожалуйста! — снова услышал мальчик.

Нет, нет, только не это! Джордж встал. Остаться в том положении, в котором он находился до этого — почти без опоры, держась только за гвоздь, неизвестно почему торчавший из старой печной трубы, — было просто опасно. Мальчик не был уверен, что при повторении приступа он сможет удержать равновесие и не свалиться с крыши. Это была бы слишком глупая смерть.

— Джордж! Джордж, помоги! Мне больно! Я боюсь!

Снова. Странно только: раньше этот кошмар он слышал только по ночам. Сейчас всё происходило почти наяву, и Джорджу стало казаться, что то, что произошло до этого: смерть Мари, последующие три года — всего лишь страшный сон, и ему стоит скорее бежать к любимой сестре, чтобы то, что он видел, не произошло на самом деле...

Джордж ударил кулаком по кирпичной трубе. Больно. Значит, это не сон? Мальчик не понимал, что происходит с ним. Он не понимал, что вообще происходит. Мир начинал терять краски, потом всё стало блекнуть, кружиться и... Нужно было срочно прибегнуть к тому способу, что всегда помогал ему при приступах — просто увидеть кровь. Свою, чужую — неважно. Важен лишь вид крови. Только это помогало раньше, значит, только это может помочь сейчас.

Что происходило дальше, Джордж помнил смутно. Очнулся он лишь сидя на полу, среди осколков той дорогой вазы, которую непонятно почему не вывезли из этого дома. Кровь стекала по его руке, а рядом суетились врачи, няня, экономка, отец...

Георг Хоффман идёт по коридору дворца королевского советника Делюжана. По правде говоря, это самый богатый дворец, который когда-либо видел молодой мужчина. А сколько здесь хранилось произведений искусства, с таким упоением собираемых министром...

Сам Делюжан находился в своём кабинете. По правде говоря, Хоффман даже завидовал этому человеку, хоть у него самого всегда были и хорошие кабинеты, и роскошный дворец... Кабинет Делюжана находится на третьем этаже дворца, и это одна из самых богатых и красивых его комнат. Портрет министра висел на стене, противоположной той, где находилась дверь. Портрет короля же висел напротив огромного окна. Да... Делюжан не пожалел денег на оборудование всего этого великолепия...

— Как всё прошло? Девчонка что-то заподозрила? — спрашивает пожилой мужчина, сидящий в кресле. — Ты убедился в этом?

Хоффман улыбается. Разве мог он себе позволить не убедиться в отсутствии подозрений у этой юной леди? Впрочем, Мария была ему даже немного симпатична, и он вряд ли сделал бы с ней что-то, что он обычно предпринимал в экстренных ситуациях.

— Всё прошло успешно. Принцесса Мария “клюнула” на вашу уловку, господин Делюжан. Я лично проследил за всем этим. Единственное — нам чуть не помешали.

Министр медленно встаёт с кресла. В его взгляде появилось некоторое подозрение. А подозрение во взгляде этого человека может означать, что тому, кто вызвал это подозрение, не жить. И Георг Хоффман на всякий случай спешит заверить:

— Мальчишка. Простолоудин. Зовут Алом. Принцесса Мария, во всяком случае, назвала его именно так. Пришлось прибегнуть к помощи Алесии, — усмехается граф и видит, что морщинки на лице министра разглаживаются.

Тот прекрасно знает, что означает фраза “помощь Алесии”. Эта девчонка всегда была слишком распушенной, своевольной, непредсказуемой, что министр никогда не понимал, что именно можно было ожидать от неё. Впрочем, должна же быть от этой девицы хоть какая-то польза... Делюжан медленно подходит к Георгу. Так же медленно, как ходит всегда, без тени торопливости, без единого лишнего движения...

— А что насчёт твоей девчонки... Если она будет нам мешать...

Министр пристально смотрит в глаза Хоффману. И тот знает: отводить сейчас взгляд равносильно гибели. Равносильно краху всего, что он смог построить. Делюжан специально испытывает его. И Георг Хоффман прекрасно знает, что будет с ним, если он не сможет пройти это испытание.

— Я убью её, — равнодушно произносит Георг и, отвесив поклон, выходит из кабинета Делюжана.

Я скорее убью тебя, нежели её...

---

*Песня Мельницы “Дороги”

===== I. Глава тридцать третья. Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна. =====

Нас книги обманут,
А люди не вспомнят -
Последняя битва
Сорвёт голоса.
Стараться не стану,
Ничем не наполнить -
Пустая молитва,
Пустые глаза.
А ты уходи,
И чем дальше, тем лучше.
Нет права тебе
Вернуться назад
И ты не следи,
Как, цепляясь за тучи,
Дорогой небес
Поднимается Ад.
Нас Дьявол покинет,

И Бог отвернётся,
Сломается хрупко
Бессильная сталь.
И время застынет,
И кто-то вернётся,
За тем, чтоб найти
На пороге Грааль.
Молчание дней,
Славной жизни кумиры
Уходят стремительной
Горной рекой.
Мы будем сильней
За границами мира,
Мы пленом земным
Заслужили покой.
Протянуты в вечность
Вечерние тени.
Дневная обида
Предсмертно нежна.
Фальшивая ценность
Пустых откровений
Для всех очевидна
И этим смешна.
Не видно лица
Неизбежности жуткой,
Где пламя ревёт
И бессильна вода.
Душа в небеса
Улетает голубкой.
Она не умрёт,
Не умрёт никогда.*

Делюжан спокойно смотрел, как уходит из его кабинета Хоффман. Всё-таки, правильно он поступил, когда, увидев шестнадцатилетнего мальчишку, стоявшего на площади, решил предложить ему работать на первого министра. Парнишка тогда, казалось, вообще, не имел понятия обо всех этих политических дрызгах. Он, казалось, даже не слышал никогда ни о чём подобном. Где же он рос? По его внешнему виду никак нельзя было сказать, что это простолюдин. Да и копнув глубже, Делюжан убедился в том, что это не так. Почему же шестнадцатилетний Георг ни о чём не знал? Он был прекрасно воспитан, но никого в королевстве не знал, даже короля. Так же, Делюжан заметил, что мальчишка совсем не ориентировался в городе. Значит, рос не в столице, сделал вывод советник короля. В быту мальчик был совсем бесполезен. Он не понимал элементарных вещей, хоть, как заметил Делюжан, был вовсе не глуп и не лишён практичности.

Министр не мог до конца понять, что за человек был граф Хоффман, и это сильно мешало ему. Неудобно вести дела, не зная полностью того человека, что стоит перед тобой. Георг в тот момент не был избалованным жизнью подростком, и, как заметил министр,

парень умел здраво оценивать ситуацию. А это было одно из тех качеств, которые он требовал от своих подчинённых. Что же... Это было очень даже неплохо. Иметь такого союзника, как Георг Хоффман было неплохо. Правда, Делюжан всегда опасался того, что этот хрупкий союз может быстро перейти во вражду. А врага такого иметь не хотелось. Мальчишка быстро учился. Министру довольно быстро удалось научить его стрелять. Но Делюжан никогда не мог быть полностью уверен в чём-либо. И союзников, в основном, он выбирал по принципу: “Ты, всё равно, не имеешь возможности отказаться”.

Делюжан ненавидел то, что не приносило ему пользу. Хоффман приносил ему не мало полезных сведений. Хоффман выполнял многие его поручения. Почему же тогда граф не внушал доверия первому министру?

В кабинете было душно. Советник короля Алана никогда не любил духоту. Это мешало ему думать. А имеет ли право человек, фактически находящийся во главе государства, терять хоть минуту из-за этого? Нет. Делюжан не мог бы простить себе даже эту минуту.

Мужчина вышел из кабинета. Ему хотелось выйти в сад. Уж там то точно куда больше свежего воздуха, необходимого ему для нормальной мозговой деятельности. Немного подумав, королевский советник зашёл обратно в кабинет, взял там одну из лежавших на столе книг и снова вышел. Не хотелось больше находиться в том душном здании. Тем более, в здании с такой историей, которую имел дворец первого министра.

Сад нравился Делюжану куда больше, чем его собственный кабинет. Тут можно было дышать полной грудью. Тут было даже более спокойно, нежели там... Там — в том проклятом здании. Что случилось с людьми, жившими когда-то во дворце нынешнего первого министра? Кто-то из них было отравлен на одном из званых обедов, кто-то заколот кинжалом в одну из прохладных летних ночей, кто-то был убит на поле боя... Делюжан помнил только, что ни один из тех людей, кто жил когда-то в его дворце, не умер своей смертью. Советник короля помнил, как суеверная Моника пыталась убедить его переехать из этого проклятого дома хоть куда-нибудь, пытаясь объяснить это тем, что если дворец на самом деле кто-то проклял, нет ничего лучше, чем просто разрушить это здание, пока оно не принесло ещё одну смерть.

Моника... Именно она сейчас шла по одной из главных дорожек сада. Наверняка, она идёт к нему, чтобы отдать очередной отчёт. И почему она не могла успокоиться и скинуть всё это на Хоффмана? Тот, правда, и так, был загружен всем, чем только можно, но ведь и у Делюжана дел невпроворот. Можно же было понять это. Нет. Моника казалась куда более взволнованной, нежели обычно. Неужели, у неё случилось что-то серьёзное, или она, как и всегда, явилась по пустяковому поводу?

— Господин Делюжан! — услышал мужчина взволнованный крик увидевшей его девушки.

Первый министр спокойно повернулся к ней. Волосы девушки были растрёпанными, что уже было довольно странно. Особенно для неё. Может, увидь Делюжан перед собой ту же Алесию, он бы и не стал удивляться. Но Моника с растрёпанными волосами...

— Что с вами, моя дорогая? — спрашивает советник короля, подходя к своей подчинённой.

Та дрожит. Мужчина про себя отмечает, что для этой леди это вовсе не характерно. Это слишком необычно и даже почти невыносимо. Что же могло случиться?

— Господин Делюжан, помните, я говорила вам про приют, которому я пытаюсь как-то помочь? — еле шепчет Моника.

Слова даются девушке тяжело, и Делюжан думает, что если шпионка не сможет оправиться от своего горя, то как бы это не было прискорбно, её придётся убрать. И никакое “личное отношение” не должно иметь места в его работе. Даже если он будет всех жалеть, никто не будет жалеть его.

— В приюте уже два месяца пропадают дети! А недавно, некоторых из пропавших нашли мёртвыми! Понимаете?! Говорят, на телах, — девушка уже всхлипывает, — многих из них имеются шрамы. Похожие на те, что могут оставаться после хирургических операций...

Делюжан сглатывает. Если всё, действительно, так, как сейчас говорит Моника, ему и самому следует знать, чьих это рук дело. Иначе, всё может обернуться очень плохо для королевства. Положение короля, и так, не слишком надёжное. Министр знал, что в некоторых слоях общества уже готовилась революция. Два года назад он с таким трудом подавил один из бунтов... Не хотелось бы, чтобы общество снова всколыхнулось. Это было бы слишком опасно.

— Ты не знаешь, кто мог это сделать?

Девушка качает головой и снова всхлипывает. Делюжан, как и следовало бы поступить истинному джентльмену в такой ситуации, осторожно, стараясь лишней раз не дёргать изрядно переволновавшуюся Моника, отводит её в гостиную, усаживает на диван, даёт выпить стакан воды. Ту это не особо успокаивает. И первому министру даже становится стыдно за то, что он за тех детей совсем не переживает. Для него нет ничего важнее его нынешнего положения в обществе.

— Эти изуверы... Эти изуверы... Они убили тех детей! Я знала лично каждого! Знала.. И вот — они мертвы... Почему? Почему, господин Делюжан? Почему?!

Моника рыдает, а советник короля приказывает одному из своих слуг отправляться к Хоффману. Обычно, именно он занимался подобными делами. Что же... Пусть поработает над этим и сейчас.

Девятилетний мальчик сидел на диване и читал что-то, когда мистер Райт вошёл в комнату. Ребёнок даже внимания не обратил на гостя, вошедшего в комнату. Мужчине же подумалось, что всё почти повторяется, только рядом с этим мальчиком теперь не сидит та девочка, Мари. Нужно будет спросить его, где сейчас его сестра.

— Джордж, привет. Ты помнишь меня? — спрашивает психолог, присаживаясь рядом с ребёнком.

Ребёнок тихо кивает, но даже не думает повернуться к мистеру Райту и посмотреть на него. И мужчине кажется, что почти ничего не произошло за те три года, которые он не видел этих детей. Наверное, ему стоит спросить, что же произошло за эти три года...

Джордж сидит тихо. Слишком тихо для девятилетнего ребёнка. Книгу он отложил. Психологу кажется, что от этого этот мальчик стал выглядеть ещё более странно. Бледный, темноволосый, худой, этот маленький человек был больше похож на какого-нибудь призрака, нежели на обычного нормального ребёнка.

— Ты не рад меня видеть? — усмехается мистер Райт, пытаясь как-то разрядить обстановку.

Мальчик снова берёт в руки книгу. Он не кажется ни радостным, ни расстроенным, ему просто безразлично. Для него нет разницы — есть ли в комнате психолог, или его уже нет. Мужчине кажется, что это как-то слишком даже для этого мальчика.

— Ко мне приходит много врачей... — подаёт голос ребёнок. — И не только врачей. Отец приглашал ко мне гадалок, ведуний, знахарок... Глупо, не так ли?

Мистер Райт пожимает плечами. Он как-то видел отца Джорджа, Дэвида Блюменстроста, и нельзя сказать, что отец мальчика произвёл на него приятное впечатление. Дэвид был несколько груб. Мать мальчика, Элис Блюменстрост, казалось, была запугана — она за весь тот вечер не произнесла ни слова, женщина даже не смотрела ни на кого.

— Он беспокоится о тебе, — произносит мистер Райт, и про себя думает, что вряд ли сам верит в это.

Ребёнок качает головой. И мужчине кажется, что он просто обязан как-то разрядить обстановку. Было слишком неудобно, неловко говорить с этим мальчиком сейчас.

— Джордж, ты не мог бы позвать Мари? Мне кажется, что она...

Джордж неожиданно вскакивает с дивана и выбегает из комнаты. Психолог остаётся сидеть там. Что он такого сказал? Неужели, что-то случилось с той милой девочкой? Мужчина медленно встаёт и идёт к миссис Лэнд. Уж она то точно должна знать, что случилось с девочкой.

Моника с надеждой смотрит на Хоффмана. Он должен был найти хоть какую-то зацепку... Должен был... Девушка не верила, что такой человек, как Георг, не смог найти ничего. Она просто не могла поверить в это. Делюжан смотрел на Хоффмана с интересом, но надежд и уверенности Моника он не разделял. Вряд ли можно было выяснить что-то в такой короткий срок. Хоффман не смотрел ни на кого из них. Он был всецело поглощён своими мыслями. И это вряд ли нравилось кому-то из этих двоих.

— Ты нашёл? — спрашивает мисс Эливейт.

Девушка готова, в который раз за этот злосчастный день, снова разреветься, только услышав неутешительные новости. Вся эта история сильно вымотала её, она слишком устала, чтобы воспринимать всё достойно.

— Я могу сказать только то, что приют, про который ты говорила, теперь под охраной. Я не думаю, что дети будут пропадать оттуда и дальше. Хотя...

Моника всхлипывает. Девушка не сможет выдержать ещё одной смерти... Не сможет. Это слишком тяжело и больно для неё. Делюжан приподнимается с кресла и недоверчиво смотрит на графа.

— Я узнал, что пропало десять детей. Десять из тысячи! В приюте даже больше тысячи детей... Самому младшему из пропавших двенадцать, самому старшему — пятнадцать. И девять из них имеют репутацию трудных детей.

Делюжан усмехается. Морщины на его лице разглаживаются. Проходит меньше минуты, как первый министр начинает хохотать. И Георг Хоффман тоже начинает улыбаться. Вся эта ситуация с пропажей детей теперь кажется советнику ерундой, не требующей особого внимания.

— Дорогая моя, — произносит советник, — когда я был подростком, я неоднократно сбегал из дома. Что же говорить про детей, которые растут в приюте? Им просто хотелось почувствовать себя свободными, взрослыми...

Моника гневно смотрит на первого министра, потом переводит взгляд на усмехающегося Хоффмана. В этот момент девушка готова убить этих двоих. Как можно смеяться над таким горем, как смерть тех детей? Мисс Эливейт вскакивает со своего места, зло смотрит на двух мужчин сидящих в кабинете, потрясённо качает головой и выбегает.

Граф Георг Хоффман смотрит ей вслед. Смотрит так, как будто эта ситуация что-то напоминает ему.

***

Георг не понимал, что нужно от него этой сумасшедшей! Да и как он мог понять её, когда она не могла нормально связать и двух слов?! Нет, это было просто ужасно! Он не нянька и не жилетка, чтобы Горацій и Моника использовали его только для того, чтобы выплакаться и выложить свои грандиозные планы. Нет, это было даже унижительно для чернокнижника! О чём только он думал, когда подружился с ними?

— Моника, я не считаю, что не прав — все дети подростки, при том, трудные подростки. Они просто решили сбежать из приюта. И всё. Ты уж извини, но глупо думать, что их кто-то похитил, — не выдерживает в какой-то момент Георг.

Девушка зло посмотрела на него, потом вскочила, подлетела к нему и дала пощёчину. Хоффман даже был готов рассмеяться. Щека горела от её удара, но сам тот факт, что Моника не смогла держать себя в руках, что она была так зла сейчас, грел графу душу.

У вас есть душа?

Воспоминание о той убитой сильфиде заставляет Хоффмана задуматься. А так ли она была не права? Впрочем, стоило ли думать об этом? Права или нет была та девушка уже вовсе не важно.

В комнату входит Юта. Бледная, чем-то испуганная... И графу становится абсолютно всё равно, что подумает о нём Моника, что его репутации неприступного и холодного человека может прийти конец, что он будет выглядеть совсем не так, как хотел бы.

— Что случилось, Юта? — спрашивает мужчина, вставая с кресла и подходя к девочке, и замечает слёзы на её бледном худеньком личике.

Девочка качает головой, а потом вдруг прижимается к Георгу Хоффману, заставляя того окончательно позабыть о том, что в комнате находится ещё и Моника.

— Приснился кошмар... — тихо шепчет Юта. — Можно я посижу рядом с тобой?

И граф кивает головой, берёт девочку на руки, она совсем лёгкая, хоть Хоффман прекрасно знает, что девочка набрала в весе за те два с половиной месяца жизни у него, Юта ещё совсем худая, и осторожно усаживает её на диван. Туда, где только что сидел сам. Моника смотрит на этого ребёнка с изумлением. Она никогда ещё не видела эту девочку, и ей кажется странным сам тот факт, что Хоффман, вероятно, усыновил этого ребёнка.

Девочка засыпает довольно скоро, и Георг прикрывает её пледом. Мисс Эливейт готова поклясться, что граф очень тепло относится к этому ребёнку. Кто эта девочка? Дочь? Хоффман ещё слишком молод, чтобы иметь такого большого ребёнка. Насколько помнит Моника, ему всего лишь двадцать пять лет, а девочке на вид можно дать лет одиннадцать. Сестра? Девушка никогда не видела родителей Георга. Мужчина старался даже не упоминать их. Лишь один раз он сказал, что не хочет видеть их. Племянница? А были ли у Георга братья или сёстры? Об этом Хоффман тоже никогда не говорил...

— Кто эта девочка? — наконец, спрашивает Моника, когда все возможные варианты уже перебраны в её голове.

Хоффман жестом просит её говорить тише. Он осторожно гладит девочку по волосам. Сидит мужчина, как кажется мисс Эливейт, слишком неудобно, но он не делает никаких попыток как-то пересесть. Он боится потревожить этого ребёнка. Боится, что она проснётся.

— Моя дочь. Я усыновил её два назад. Извини, но мне кажется, тебе пора. Мне следует перенести Юту в её комнату. До встречи.

Моника тихо кивает и так же тихо покидает гостиную в поместье Хоффмана. Тот факт, что у её друга, оказывается, есть дочь, пусть и приёмная, сильно тревожит девушку. Почему

она даже не знала об этом?

Замёрзший ребёнок бежит по улицам города. В руках его окровавленный нож, и ребёнку даже не приходит в голову выкинуть его. Босыми ногами бежать по заснеженной улице больно. Но не бежать нельзя. Ободранная старая куртка велика этому ребёнку и совсем не греет. Страх сковывает, мешает бежать, мешает двигаться. Но останавливаться нельзя. Любое промедление равносильно смерти. В начале марта ещё довольно холодно, дождь и снег постоянно сменяют друг друга, и ребёнок не понимает, к чему нужно приспособливаться больше. Сейчас темно. Не видно почти ничего. Перебегая мост через Тери, реку, которая протекала в этом районе, ребёнок поранил ногу, и теперь рана начинала сильно болеть.

Ещё чуть-чуть. Стоит только добежать до обычного убежища. Там, хотя бы, не будет снега. Кто-то хватает ребёнка за руку, и он, следуя инстинкту, выработанному за годы жизни на улице, пытается ударить неизвестного ножом в живот. Но руку с оружием перехватывают.

— Спокойно. Я не собираюсь причинять тебе вред. Пока.

Голос этого человека холоден, и ребёнок чувствует, что начинает дрожать. На этот раз вовсе не от холода. Этот человек своей холодностью пугает куда больше того злобного трактирщика, что ударил ребёнка. Пугает куда больше того Луца, который хотел убить ребёнка, и который был убит.

Незнакомец наклоняется, а потом, и вовсе, садится на корточки. Теперь, он смотрит прямо в глаза этому ребёнку. В его взгляде читается любопытство. Просто любопытство. Ни страха, ни гнева. Просто интерес. И ребёнку становится с каждой минутой всё страшнее.

— Девочка? — удивляется человек. — Хм... Не думал, что девчонка сможет с такой силой ударить Луца. Даже ножом...

Смеётся. В смехе этого человека так же нет никаких эмоций, привычных этому ребёнку. Внезапно, человек перестаёт смеяться, встаёт. Он довольно высок, и девочке приходится высоко запрокинуть голову, чтобы снова встретиться с ним глазами. Не видеть взгляда собеседника слишком страшно. Ребёнок не может себе позволить бояться ещё больше.

— Пошли! — коротко бросает человек.

Страшно, слишком страшно. Идти куда-то за человеком, который пугает тебя почти до паралича, слишком странно. Девочка послушно плетётся за незнакомцем. Ножа в её руке уже нет, она только сейчас замечает это.

Хоффман бережно подхватывает спящую Юту на руку и осторожно несёт в её комнату. Та что-то бормочет во сне, и мужчина ловит себя на том, что улыбается этому бормотанию. Юта спит, и Георг рад этому — девочке каждую ночь снятся кошмары, так что, её спокойный сон имеет огромную важность для этого ребёнка. Хоффман кладёт девочку на кровать, потом осторожно прикладывает ладонь к её лбу. Температуры нет, и это хорошо. Было бы плохо, если бы девочка снова заболела.

Когда-нибудь, с тобой произойдёт тоже самое! Ты тоже можешь потерять дорогого тебе человека!

Георг Хоффман снова слышит голос Моника, произносящей эти слова. Разве он даст кому-то обидеть то, что у него есть? Разве он даст кому-то обидеть Юту? Он сам убьёт кого угодно ради неё.

Девочка тихо сопит во сне, и Хоффман снова улыбается. Она совсем ещё ребёнок... Она стала его дочерью два месяца назад. Она стала его семьёй. У него, кроме неё, нет никого. Разве он может позволить кому-то отобрать её у него?

*Песня Канцлера Ги

===== I. Глава тридцать четвёртая. Иногда приходится выбирать. =====

Душой я бешено устал!
Точно тайный горб
На груди таскаю.
Тоска какая!
Будто что-то случилось или случится
Ниже горла высасывает ключицы...
Российская империя — тюрьма,
Но за границей та же кутерьма.
Родилось рано наше поколение,
Чужда чужбина нам и скучен дом,
Расформированное поколение
Мы в одиночку к истине бредем.
Чего ищу? Чего-то свежего
Земли старые — старый сифилис.
Начинают театры с вешалок,
Начинаются царства с виселиц.
Земли новые — табула раса.
Расселю там новую расу.
Третий мир без деньги и петли...
Ни республики, ни короны!
Где земли золотое лоно
Как по золоту пишат иконы
Будут лики людей светлы!..
Смешно с всемирной тупостью бороться —
Свобода потеряла первородство.
Её нет ни здесь, ни там...
Куда же плыть?
Не знаю, капитан...
Я путь ищу, как воин и мужчина,
Но буду честен, есть еще причина...
Меня по свету гонит страшный бред,
Душой я болен с отроческих лет,
Когда на мне остановился взгляд
Казанской Божьей Матери!
Увидел в Ней не Вседержительницу Деву,
А женщину с вишневыми глазами.
Хотелось защитить ее, спасти
Мне не помог ни врач, ни богослов,
Я посягнул на Божию любовь.
Знал многих женщин. Схоронил жену.
Но всюду чуял тайный взгляд вишневый...*

Георг Хоффман стоял у распахнутого настежь окна. Ветер дул ему прямо в лицо, и это

казалось ему чем-то вроде дара. Головные боли его проходили, стоило только этому ветру дунуть ему в лицо. На улице моросил дождь. И от этого Хоффману становилось только лучше. Боль отпускала, мысли становились более чёткими и ясными... Столица Сказочного королевства всегда встречала его так... Он не мог припомнить ни одного дня, когда в его присутствии тут было солнечно. Хотя, вряд ли это можно было объяснить просто климатом — многие говорили, что тут нередко была хорошая погода. Но что означает это выражение? “Хорошая погода”... Для Хоффмана хорошей погодой были дожди. Он не выносил солнца... Он ненавидел дни, когда на небе не было облаков и туч. Он ненавидел безветренную погоду. В эти дни голова его болела особенно сильно... Задание, данное ему Делюжаном, выполнялось даже лучше, чем сам граф ожидал: Мария предоставила ему комнату во дворце, что, судя по её усталому лицу, удалось ей не сразу. Обычно ему всегда приходилось либо снимать номер в отеле, либо ехать в одно из своих поместий, в то, которое находилось ближе всего.

Дождь моросил... В какой-то момент Георгу показалось, будто бы на его лицо каплют не капли воды, а капли крови. Мужчина поднёс руку к лицу, чтобы убедиться в этом. Нет, на его лице была всё та же вода... Самая обычная. И настроение начало стремительно портиться. Обычно кровь, заменявшая воду, знаменовала в его видениях что-то не слишком хорошее. В последний раз, когда кровь появлялась в его видениях, это означало гибель. Гибель его матери... Хоффман вздрогнул. В последний раз он видел видения девять лет назад. Это было слишком давно. Он отвык от такого.

Принцесса Мария вошла в комнату и поинтересовалась, как идут дела у её гостя. Девушка была бледна, её лицо казалось измождённым, хотя вряд ли её напрягали тяжёлой физической работой; она сама, казалось, похудела с того времени, как Хоффман видел её в последний раз. Девушка была слишком спокойна, мужчине даже показалось, апатична. Впрочем, кто, как не он, мог знать причину такого внешнего вида принцессы Марии? Девушка подошла к своему гостю и спросила, как именно ей стоит поступить в том случае, если её дед не будет одобрять её сделку с графом из соседнего королевства. Тот задумался... А девушка не была так уж глупа... Если она думала о том, что ей предстоит сделать, если... Нет, определённо, он был о ней худшего мнения! Хоффман посмотрел в окно, чтобы снова почувствовать дуновение того спасительного ветра, и замер... Из окна той комнаты, которую ему выделили, можно было увидеть многое, что не было видно из других окон. В частности, девушку в странной одежде, с какой-то тряпкой в руках, которая пыталась взломать изнутри ворота. За которыми стояла разъярённая толпа. Хоффман резко повернулся к принцессе. Та по-прежнему ничего не понимала. Девушка удивлённо смотрела на то, что происходило там, совсем недалеко от дворца, но даже не двигалась с места.

И Хоффман понял: действовать надо быстро. Иначе всё снова будет слишком... Не так, как хотелось бы графу. А ведь неисполнение планов — не очень приятная вещь. Георг схватил принцессу Марию за запястье и потянул к выходу из комнаты. Перед глазами графа вдруг встала картинка: трупы стражников, стоящих около ворот дворца. Он ускорил шаг. Нельзя было терять ни минуты. Обычно то, что появлялось в его голове после иллюзии крови, всегда было правдой. И Хоффману не слишком хотелось проверять это именно сейчас.

— Куда ты её тащишь?! — услышал граф возмущённый голос того мальчишки.

Нельзя передать словами, как сильно мужчине хотелось придушить сейчас этого паршивца. Впрочем, для успешного окончания того задания, на которое его послал

Делюжан, нельзя было показывать своё раздражение. Граф должен показаться девушке добрым волшебником, готовым претворить все её мечты в жизнь и спасти её от всего плохого. Он не может сейчас позволить себе быть грубым с этим мальчишкой. И тем более, он не может позволить себе ударить этого противного простолодюина. Не сейчас. В конце концов, не зря же он уже девять лет работал на этого пройдоху Делюжана! Граф Хоффман всегда славился отменной выдержкой, а значит, он и сейчас прекрасно сможет держать себя в руках.

Мари вдруг закричала. Внезапно перед её глазами возникла картина, до дрожи пугающая ребёнка. Она просто смотрела на пол, куда Джордж случайно опрокинул стакан с водой, и кричала. На глазах у девочки были слёзы. Она боялась подходить к тому месту, где сейчас была лужица воды. Мать подбежала к ней, чтобы узнать, что случилось, и несчастный ребёнок сбивчиво начал говорить. Женщина покачала головой. Нельзя допустить, чтобы её муж услышал это. Он никогда особенно не любил Мари и Джорджа. Элис не могла понять, почему. Конечно, Джордж был несколько странным ребёнком, но это был вовсе не повод ненавидеть этих двоих детей...

Элис никогда не понимала своего мужа. И вряд ли она когда-нибудь сможет понять этого человека. Она никогда не любила его, и он вряд ли любил её. Это был просто брак по расчёту. Брак, который оказался для лорда Блюменстрота очень невыгодным... Тогда умер отец Элис, и она в один момент из любимой супруги стала кем-то вроде прислуги. Теперь в этом доме её слово не значило ничего.

Но Аннэт была долгожданным и любимым ребёнком. Её любил даже Дэвид...

— Перестань верещать! Никакой крови тут нет! — вдруг услышала миссис Блюменстрот и вздрогнула. Её муж уже был здесь.

Девочка заревела ещё сильнее. Вряд ли женщина могла сделать что-то сейчас. Она боялась даже обнять дочь в присутствии мужа. Что уж говорить о каком-либо возражении? Она вылетела бы из его дома вместе с детьми. Подумать только: она могла остаться на улице, одна, беременная и с тремя маленькими детьми... Нет, такой судьбы она не хотела...

Оставалось только притворяться, что она не видит и не слышит ничего... Оставалось только делать вид, что ей безразлична судьба двух её младших детей...

Мари снова закричала. Девочка отшатнулась от матери и кинулась к двери. Отец схватил её за руку. Страх с головой накрывал пятилетнего ребёнка, но он не мог сделать ничего... Мари боялась своего отца. Если бы тут были Джордж и Аннэт, всё было бы гораздо проще. Они смогли бы помочь ей...

— Пожалуйста, послушайте меня! Аннэт плохо! Помогите ей! Пожалуйста! Ей ещё можно помочь! Пожалуйста...

Дэвид раздражённо посмотрел на дочь. Его тяжёлый взгляд заставил девочку замолчать. Ему не нужен ребёнок с психическим заболеванием. А в наличии оно у Мари сомневаться уже не приходилось. Мужчина презрительно фыркнул и повернулся к жене. Та с безразличным видом сидела на полу и смотрела куда-то в сторону. Подумать только, ему досталась женщина с психическим заболеванием! Притом это заболевание передаётся по наследству... Как ещё назвать мать, безразлично глядящую на то, как обижают её детей, Дэвид не знал...

Мария была слишком подавлена новостью об ухудшении состояния её матери и вряд ли могла ясно соображать. Нет, девушка прекрасно понимала, что что-то происходит сейчас, но что именно, сил понять не было. Мысли разбежались, не давая сосредоточиться на чём-то

конкретном, и девушка ничего не могла с этим поделать. Георг Хоффман что-то понимал гораздо лучше, смысла сопротивляться ему Мария не видела. Да, этот человек внушал не слишком много доверия, но он был единственным её знакомым, кто разбирался хоть в чём-то. Альфонс не мог помочь ей сейчас: он понимал даже меньше её самой. Реми, Седрик, Кая, Леонард — все они были далеко от дворца короля Генриха. К кому, кроме Георга Хоффмана, принцесса могла обратиться? Стоило только успокоить себя тем, что выбора у неё не было. Она могла только связаться с этим человеком...

Альфонс шёл за Хоффманом и Марией. Ему не хотелось оставлять подругу наедине с этим человеком. Отчего-то Хоффман очень не нравился парню. Этот мужчина, определённо, был умён. И от этого становился куда более опасным. Оставлять с ним Марию... Мало ли что сможет придумать этот тип?! Тем более, Мария была слишком сильно подавлена навалившимися на неё событиями. Она вряд ли могла что-то предпринять. Девушка, казалось, была недовольна тем, что Ал сопровождал её сейчас, хоть и старалась не показывать это.

Хоффман вёл за собой принцессу Марию и её слугу — как назвать этого парня иначе, мужчина не знал. Шли они молча, и это несказанно радовало графа. Не хватало ещё, чтобы голова болела ещё больше из-за болтовни каких-то глупых детей. Наверное, Георгу следовало послушать старого врача, который настоятельно рекомендовал ему принимать те таблетки, но тогда Хоффман решил совсем по-другому. Да и стоило ли сейчас беспокоиться насчёт этого? Нужно было думать о том, что его миссия может провалиться, а вовсе не о каких-то глупых головных болях. В конце концов, это только его проблемы.

— Отчего мы уходим? — вдруг поинтересовалась девушка. — Что случилось, граф? Объясните, пожалуйста.

Граф с интересом посмотрел на принцессу. Что ни говори, а сёстры, Мария и Роза, совсем не были похожи... Та девочка была слишком робкой, слишком тихой, спокойной... За тот месяц, что она прожила в Schreiendes Blut, эта девочка не сказала ни одной фразы, которая была бы уместна в её ситуации. Она спокойно терпела уколы, капельницы, почти не вставала, редко говорила с кем-то. Хоффман не был уверен, что принцесса Мария поступила бы так же. Скорее всего, всё получилось бы совсем иначе.

Перед глазами снова промелькнула картинка, слишком реалистичная, слишком... живая. И Хоффман решил, что следует идти ещё быстрее. Не хотелось бы попасться в лапы разъярённой толпе. Это была бы слишком глупая смерть. Нет, умирать так совсем не хотелось.

— Знаете, мне кажется, что находиться во дворце сегодня — не лучшая идея. Вы не согласны? — спросил граф.

Послышались выстрелы. Мария вздрогнула и, казалось, очнулась. Её взгляд снова стал ясным, движения — более резкими. Девушка обернулась, пытаясь понять, откуда был слышен этот звук.

Граф, воспользовавшись моментом, быстро открыл дверь, ведущую в подzemелье дворца. Следует заметить, что в то время, когда был построен королевский дворец Сказки, было принято иметь под своим жилищем целую сеть подземных ходов. И, нужно сказать, это не один раз спасало королевскую семью. Хоффман считал, что идея строить тайные ходы весьма интересна и, более того, очень даже полезна.

— Быстрее! — недовольно буркнул Хоффман и, схватив девушку за руку, резко подтолкнул её к двери. Альфонс уже оглядывался там, в одной из подземных комнат дворца.

Когда послышался следующий выстрел, дверь уже была заперта, а эти трое находились в подземелье старого королевского дворца. Тут, судя по тому, что знал граф Георг Хоффман, где-то должен был находиться алтарь Древней магии... Бастард первого короля выстроил его. Когда-то именно он настоял на всех этих ходах, насколько было известно, он и жил там. Сколько лет? Никто не видел его с тех пор, как он переселился в подземелье.

— Там мама... — вдруг пробормотала Мария. — С ней может что-то случиться...

Хоффман удивлённо посмотрел на девушку. Та снова была очень бледна. Она подходила к двери, но открыть её не смогла. Замок был уже очень старый, но — граф даже усмехнулся — древние всегда всё делали на совесть. И замки, и двери, и подземелья... Комната, в которой они оказались, спустившись по довольно длинной узкой и крутой лестнице, была отделана в изумрудном цвете. Всё тут — и диваны, и ковры, и даже камин — было изумрудным. По меньшей мере, это было странно. Хоть и, безусловно, красиво.

Хоффман подошёл к одной из дверей и открыл её. К счастью, ему удалось кое-где раздобыть ключи от подземелья. Альфонс с интересом разглядывал комнату. Тут всё казалось необычным. Совсем не таким, как было привычно. Эта комната смотрелась на самом деле волшебной, сказочной... Окон тут не было, но свет откуда-то проникал сюда, заставляя драгоценные камни, которых тут было немало, сиять. Мария была обеспокоена, но даже её поразила эта комната.

Хоффман, на несколько мгновений исчезнувший в другом помещении, появился с двумя книгами в руках. Книги были очень старыми и, как показалось Альфонсу, мельком на них взглянувшему, рукописными.

Граф подошёл к другой двери и открыл её. Когда Мария и Ал вошли туда, оказалось, что и эта комната была отделана одним цветом. Только на этот раз — бардовым.

— Где мы? — спросила принцесса, подойдя к камину.

Альфонс не мог перевести дух. Потолки тут были куда более высокие, нежели в самом дворце, хоть и там оказывались не низкие. Тут всё было куда более роскошное, изысканное... Должно быть, человек, когда-то живший здесь, обладал и хорошим вкусом, и большими деньгами.

— Мы в жилище известного отшельника королевской крови. Его звали Дэнуч. Дэнуч Искардиа, — сказал Хоффман многозначительно и добавил совсем другим голосом совсем с другими интонациями: — У него весьма занимательная биография. Советую вам почитать, принцесса... Право, очень любопытно.

Девушка кивнула. Она смотрела на вещи, оставшиеся в комнате и сохранившиеся в таком прекрасном состоянии, и не верила. Ей так часто снились эти места... Она даже рисовала их, писала про них. Неужели она теперь видела это всё?! Неужели всё то, что она когда-то видела в своих снах, существует на самом деле? Но тогда... Мария вздрогнула и сглотнула. В её голове снова появился тот образ, который она всегда старалась прогнать...

Девочка пыталась выйти, наконец, из комнаты. Она просила поверить ей. Она просила просто поверить ей... Но её никто не хотел даже слушать. Отец резко оборвал её на половине фразы, запретив фантазировать подобным образом. Мари заплакала. Ей никогда никто не верил.

— Я знаю! Я правда это знаю!

Мужчина зло усмехается. И девочка боится спорить с ним. Она вообще боится его. Она плачет, прекрасно чувствуя, что её слёзы вовсе не трогают лорда Блюменстроста. Тот, как всегда, слишком холодно, слишком безразлично смотрит на неё.

— Не ври! Всё это лишь глупости! Ты не можешь видеть этого. Никто не может! — прикрикивает он.

Звук падения, вскрик... Дэвид Блюменстрост вздрагивает и выбегает из комнаты. За ним следуют его жена и маленькая дочь. Около лестницы стоит Джордж. Он с интересом смотрит куда-то вниз. Отец подбегает к мальчику, смотрит вниз и видит — его старшая дочь, Аннэт, лежит там без сознания. Мужчина кидается к девочке.

— Элис, живо звони врачу!

Женщина кивает и бежит к телефону. Мари с ужасом смотрит на сестру. Та слишком бледна. Девочка начинает тихо плакать. Ей страшно. Она не понимает, что происходит...

— Она мертва! — спокойно произносит Джордж. — Я толкнул её с лестницы.

Мари переводит взгляд на брата. Тот абсолютно спокоен. Не чувствуется никакого раскаяния в его голосе. Также он прекрасно понимает всё. Джордж смотрит на Мари, и вдруг на его лице появляется улыбка. Неестественная. Полусумасшедшая.

— Ты убил её?! — кричит мужчина и подбегает к сыну. — Ты убил собственную сестру?!

Мальчик смотрит на отца и кивает. Спокойно, без всякого страха. Джордж не чувствует за собой абсолютно никакой вины. Он прекрасно понимает всё. И от этого Мари становится ещё страшнее. Она не понимает брата. Она не понимает, что произошло...

— Зачем?! Зачем ты это сделал?! — кричит Дэвид.

Во взгляде мальчика появляется удивление. Когда Элис подбегает к детям, она понимает, что не может узнать своего сына. Она боится его. Боится, как сейчас боится его Мари...

— Она не была очень хорошей! Мари плакала из-за неё!

Отец с ненавистью смотрит на сына. И Элис боится, что сейчас может произойти ещё что-то трагичное. Она хватает Мари за руку и отводит её в сторону, та беззвучно плачет.

— Ты не можешь убивать человека только потому, что он тебе не нравится!

Мальчик переводит взгляд на тело Аннэт. На тело сестры, убитой им только что. Затем ребёнок смотрит на испуганную мать, на плачущую Мари. После всего этого Джордж снова смотрит отцу в глаза.

— Почему? Почему я не могу этого делать? — произносит мальчик с искренним удивлением.

Чугунная решётка — единственное препятствие на пути к дворцу — была опрокинута под натиском бушующей толпы. Разъярённой толпы, готовой на всё ради достижения своей цели... Стражники не могли успокоить этих людей. Да и как это было возможно? Восторженные возгласы, вопли отчаяния, призывы к активным действиям, стоны раненных, крики разгневанных, выстрелы — всё смешалось в один сплошной звуковой ком. Не было слышно, что говорил человек, стоящий рядом. Был слышен только этот гул, вбирающий в себя всё, что только можно.

Кто вёл эту толпу? Она будто бы шла сама. Сама, как надвигающаяся буря. И с каждой секундой буря становилась всё сильнее. Люди не видели вокруг себя ничего. Они просто бежали, поддаваясь животным инстинктам. Они призывали к революции. Они призывали убивать тех, кто не согласен с ними. Они просто бежали, сметая на своём пути всё.

— Власть народу! — крикнул кто-то особенно громко.

И толпа заревела, будто раненный зверь. Немногочисленная стража не могла противостоять всем этим людям. А люди рвались во дворец. Туда, где сейчас находились те,

кому, по мнению толпы, не место в этом мире. Толпа прорывалась сквозь стражу, рвалась к дворцу. Казалось, людям, находившимся там, не нужно было уже бежать — толпа словно неслась сама. И это всё было очень похоже на стихийное бедствие.

И люди прорываются сквозь слабую живую ограду, сносят её. Те, кто оказался на пути у жаждущей крови толпы, затоптаны. Никто не видит их. Люди передвигаются по мёртвым телам других людей. До дворца осталось всего несколько метров. Королевская стража ещё пытается бороться, но стихия сильнее человека. Она не даёт человеку шанса на победу.

Силы неравны. И всё уже предрешиено. Люди терпели слишком долго, и чаша их терпения наполнилась. Кровь стекает по её краям. И проливается кровь “неверных”.

Толпа врывается во дворец, снеся собой двери. Что ж тут говорить о таких вещах, как старинные вазы, скульптуры, украшающие парадную лестницу королевского дворца.

— Товарищи! Мы долго терпели! — кричит какой-то человек. — Но всему приходит конец! Мы не можем больше сносить издевательства над собой! И если нам не хотят идти на встречу, мы должны взять своё силой! Не спрашивая никого! Вперёд! Во имя свободы!

Толпа согласно гудит и бросается вверх по ступенькам дворца. Те, кто оказался на её пути, подвергаются немедленному уничтожению — их просто затаптывают. Люди не могут ждать. Они требуют расплаты за свои страдания. Кровавой расплаты. Только она может удовлетворять требования народа. Ничто больше...

***

Делюжан с балкона наблюдает за военным парадом. Зрелище красивое. Впрочем, вряд ли кто-то, кто знал об истинных целях этого мероприятия, согласился бы с первым министром. Война... Скоро будет война. И, несмотря на всю двадцатилетнюю подготовку к этому событию, Делюжан вовсе не уверен в победе. Он смотрит за парадом. Так же, как смотрит вождь на свои племена. И он чувствует себя вождём.

Сказочное королевство должно было пасть. Оно должно было подчиниться. И Делюжан должен был сделать для этого всё. Дождь. Он будто бы пытался отговорить министра от его затеи. Но остановить уже ничего нельзя. Война должна была начаться, и Делюжан прекрасно знал, что именно сейчас сказочное королевство слабее всего. Нельзя было упускать этот момент.

— И всё-таки я не понимаю, зачем это нужно... — пробормотал принц Эдуард, стоящий неподалёку.

Мальчишка... Наивный мальчишка... И ему предстоит стать королём?! Делюжан едва мог сдержать смех, когда смотрел на него. Совсем ребёнок. Разве он сможет держать в своих руках огромную страну?

— Замечательный вопрос, Ваше Высочество. Мы уже не один раз говорили об этом. Не могли бы вы потрудиться немного и запомнить то, что я говорю вам изо дня в день?

Королева раздражённо посмотрела на сына. Делюжан даже был готов посмеяться над её реакцией. Она всегда реагировала так, когда министр делал замечания наследному принцу. И, пожалуй, можно даже пожалеть мальчика, которому мать обязательно устроит выволочку, когда они вернутся домой.

— А я не понимаю! — воскликнул юноша.

Он смотрел на Делюжана и на мать с вызовом. Мальчик не понимал того, что происходило вокруг него, и пытался найти ответы на свои вопросы. Что же... Это было даже похвально. Первый советник короля всегда ценил в людях тягу к знаниям. Почему же он должен был не оценить её сейчас? Тем более, перед ним стоял будущий король...

— Ваше Высочество, я хочу вам посоветовать одну занимательную книгу... Думаю, я скажу вам про неё после окончания парада. А сейчас, будьте так добры, помолчите часик. Мне бы хотелось наблюдать за парадом, а не отвечать на ваши вопросы.

Мальчик кивнул и отвернулся, всем своим видом изображая обиду. И Делюжан даже подумывал после извиниться перед наследником престола, но... извиняться перед ребёнком, который лез не в своё дело? Разве министр когда-нибудь поступал так?

Звучали звуки марша... И министр вслушивался в них. Эта музыка когда-то была написана его отцом и теперь многое для него значила. Что же... Кто же знал, что именно этот марш королева решит выбрать для парада?!

***

Эрик стоял в тронном зале и с садистским удовольствием смотрел, как всхлипывает и плачет несчастная дочь ничтожного короля Генриха. Та, казалось, была не совсем в себе. Она всё кричала про какую-то розу... Эрик жёстко усмехнулся — она звала так, как будто какой-то цветок на самом деле мог помочь этой женщине.

А женщина всё звала. Она кричала, плакала, рыдала, но толпа, ворвавшаяся во дворец, равнодушно смотрела на её истерику. Стражники были мертвы, как и некоторые министры, в данный момент находившиеся в парадном зале королевского дворца. Другие были ранены, как и король... Кассандра содрогалась от рыданий, она не видела ничего вокруг себя. Она звала свою дочь... Но никто не отзывался.

— Роза! Розочка... Где ты?!

Её крики были слишком неприятными, режущими слух... Кто-то из революционеров подошёл к ней и ударил. Кассандра упала и зарыдала ещё горше. Эрик смотрел на это и думал о том, что не прав был Паул, и революция вовсе не такое зло, как казалось магу. Наверное, тот был введён в заблуждение. Но чем? Эрик не мог даже представить.

— Роза! Отзовись! Роза!

Революционер хотел ударить женщину ещё раз. Она была слишком надоедливой, чтобы оставлять её в таком состоянии... Какая-то служанка тихо плакала, наблюдая за всем этим.

— Пойдите! Она умалишённая... — крикнул низверженный король Генрих.

Мужчина казался напуганным, и Эрик верил, что его страх был искренним. Он, Эрик, сам испытал такой ужас, когда узнал, что его сестра Милена могла погибнуть два года назад... И он так плохо чувствовал себя, когда узнал о смерти сестры... И, наверное, Эрик мог бы даже пожалеть короля, если бы не знал, что именно этот политический строй, который был в Сказке, был повинен в смерти его сестры. Нельзя было ни в коем случае допустить того, чтобы виновные оставались безнаказанными.

Кто-то из революционеров, услышав слова короля, расхохотался.

— Пожалел ли ты мою Аделаиду, когда приходил к власти?! Пожалел ли ты её?! А пожалела ли твоя сестра мою дочь?!

Из толпы вышел высокий седой человек. Его карие глаза смеялись, он представлял собой торжество мести, торжество справедливой мести... Это был человек, лицо которого сетью пересекали глубокие морщины, во взгляде которого был тот злобный страшный смех, которого боятся многие люди... Этот мужчина подошёл поближе к королю и плюнул ему в лицо. Потом этот человек подошёл к Кассандре, находившейся рядом, вынул нож и одним ударом убил женщину. Крик короля, почти обезумевшего в ту минуту, был встречен ликующей толпой.

Седой мужчина повернулся лицом к людям. Он был стар, но у него осталась ещё часть

той физической силы, которой он, вероятно, хвастал в молодости. Сухой, высокий, жилистый, этот мужчина казался, возможно, моложе своих настоящих лет.

— А вы, что вы смеётесь?! Свершилось правосудие, и ничего более! — крикнул человек.

Толпа в одно мгновение замолчала. Исчез гул. Эрик с удивлением смотрел на мужчину.

Лишь одно слово сорвалось с его губ:

Отец?

---

* “Юнона” и “Авось” — ария Резанова

===== I. Глава тридцать пятая. Выбор, который должен был принести забвеньё.

Где золотился дрок веселый,
Стою на пепле чуть жива.
Земля видала много соли,
Земля впитала много крови,
Когда постелью стала вам.
Вам не грозит отныне старость,
А кости прорастут травой.
Ваш флаг слабеющей рукою
Поднимаю.
О, как была я молода в небесах,
Когда у ангелов горели глаза,
И сжалось небо, словно глина в горсти,
И расколосось на одну к десяти!
Я родилась в изломе ангельских крыл
И мой отец — Денница — стал алей зари
На протяжении сотен лет
Я — окончательный ответ,
Последний довод королей
И первый выкрик их: “Убей!”
Я — продолжение борьбы,
Я голос утренней трубы,
Я — трепет шелковых знамен,
Я — связь разрушенных времен,
Подвластных зову моему,
Я — оправдание всему!
Цель мародеров и купцов,
Наследство детям от отцов,
Пока вы голодны и злы,
Я разрубаю все узлы!
Железный век, железный смех,
Я — воздаяние для всех!
Меняю нищенскую клеть
На героическую смерть
Я — разрешение от уз,
Меня не любит только трус,

А любят девы и певцы,
Поэты, воры, простецы,
Что, омочив усы в вине,
Слагают песни обо мне.
Я — ваша первая струна!
Мое призвание — война!*

Мария боялась. Едва ли не в первый раз в жизни страх её был так силён. Она бежала по площади, то и дело протискиваясь сквозь толпу, пытаясь найти мистера Хоффмана или Альфонса. Она потерялась в этом скопище народа и теперь не знала, где находится. Принцесса слишком плохо знала этот город и сейчас совсем не понимала, куда могли вдруг пропасть Ал и Хоффман. Последний набросил на неё свой плащ, чтобы в девушке не узнали принцессу сказочного королевства. По правде говоря, она не сразу сообразила, в чём дело. Вот граф вёл её через толпу, взяв за руку, вот Альфонс плёлся сзади... И ничего... Ни графа ни Альфонса. Как она могла так сглупить и не сообразить сразу, что теряется в толпе и что не видит больше ни того, ни другого? Девушка не могла простить себе этого. Где теперь искать этих двоих? И если за Хоффмана она была относительно спокойна: он прекрасно знал этот город и наверняка знал, куда можно было отправиться, если что-то случится, — то за своего давнего друга девушка переживала очень сильно. Где он сейчас? И это учитывая то, что такое скопление людей на площади было просто опасно. Звук выстрела. Мария машинально дёргается в сторону и, не удержав равновесия, падает на землю. К счастью, она уже давно вышла из центра ревущей толпы, иначе её бы просто затоптали... Никто бы не подал ей руку, она уверена в этом. Люди выкрикивают какие-то лозунги, рвутся во дворец. Мария не хотела бы оказаться сейчас там. Но там... Мама! Девушка поворачивается к дворцу и подбегает к той части дворцовой ограды, около которой стоят наиболее спокойные люди из тех, кто вышел сейчас на площадь.

Окно в тронном зале вдруг чем-то выбивают. Звук от этого раздаётся очень громкий, резкий... Осколки падают на землю. Окровавленные осколки. Люди, стоявшие рядом, испуганно отбегают, натываясь на живую движущуюся стену — толпу. Девушка смотрит в окно тронного зала. Она вдруг ясно слышит, как отчаянно кричит король, её дед, видит, как подбегает он к окну, точно намереваясь прыгнуть оттуда, но несколько сильных людей оттаскивают его в сторону. Мария переводит взгляд на землю. Теперь она прекрасно понимает, почему её дед так хотел выпрыгнуть из окна. Точнее, понимает, зачем он хотел это сделать. Труп, лежащий на земле, вряд ли можно узнать. Почти не видно лица. Но платье... В этом платье была мама Марии сегодня утром. И на руке её был этот же самый браслет. Мама ни за что бы не сняла его: это был подарок Розы ей на день рождения... Нет... Девушка смотрела и не могла заставить себя поверить...

— Ты нормально себя чувствуешь, парень? — вдруг спрашивает мужчина, стоящий рядом.

Мария медленно кивает, не в силах отвести взгляда от трупа. Трупа... Это слово снова звучит в её голове, и становится больно. Трупа... Теперь это слово означает то, что сейчас лежит перед окнами дворца. Теперь это слово означает то, что осталось от её матери. “Парень”? Девушка удивлённо переводит взгляд на мужчину, задавшего этот вопрос. Вдруг она вспоминает, что на ней сегодня нет платья, которое хотел заставить её надеть дед, и она оделась, как обычно... Наверное, поэтому её перепутали с парнем. Снова... Но сейчас не было сил смеяться.

— Ты просто вдруг побледнел, и я решил спросить, — сказал мужчина, неверно истолковав вопрос во взгляде принцессы.

Мария заставляет себя улыбнуться. Сейчас не стоит показывать то, что она чувствует на самом деле. Это просто глупо. Нельзя допустить, чтобы убили и её тоже. Кто тогда сможет помочь Розе? Теперь у малышки нет никого, кроме старшей сестры.

— Со мной всё в порядке, спасибо... — отвечает девушка, стараясь говорить как можно спокойнее.

Мужчина, пожав плечами, кивает и вдруг жестом просит Марию отойти в сторону. Та слушается его. Сил спорить или бороться нет. Да и не нужно сейчас это. Нужно только перебороть жалость к себе, тогда боль будет куда менее ощутима. Нужно только постараться представить, что всё нормально, что убит кто-то совсем чужой. Тогда боли вообще почти не будет. Девушка послушно следует за мужчиной, а тот всё идёт куда-то.

— Тебе сколько лет, парень? — спрашивает незнакомец, вдруг остановившись.

Мария удивлённо показывает рукой на себя, мужчина кивает. Зачем этому человеку нужно знать её возраст? Зачем? Девушка вдруг решает всё же ответить ему правду. Врать нет смысла.

— Шестнадцать.

Мужчина расстроено качает головой, будто услышав что-то, что вовсе не хотел слышать... И Мария думает, хорошо это для неё или нет. Сейчас нужно всё сводить только к одному — есть ли шанс найти Розу. У Марии сейчас есть только она, и нужно сделать всё, что только возможно, чтобы найти её. Она теперь единственный человек, кто может это сделать. Помощи ждать неоткуда. Да и времени ждать нет.

Мистер Райт виновато смотрит на Джорджа. Кто же знал, что сестрёнка этого мальчика погибла три года назад? Мужчина сам был очень потрясён этим фактом. Конечно, ему следовало сначала поинтересоваться у няни или ещё у кого-то... Это была его большая ошибка, и психолог не знал, что ему сделать, чтобы мальчик снова пошёл на контакт.

— Я прекрасно понимаю тебя... У меня тоже была сестра... Нет ничего хуже потери близкого человека, Джордж... — предпринимает которую за сегодня попытку врач.

Мальчик, наконец, поворачивается к нему. Глаза ребёнка не пустые, нет, в отличие от многих пациентов Райта, взгляд мальчика очень цепкий, ясный, чёткий... Этот ребёнок понимает многое, думается психологу, куда больше, чем нужно понимать ребёнку его возраста.

В комнату вошёл Дэвид Блюменстрост. Мистер Райт поспешил встать, чтобы обозначить как-то своё уважение. Нет, он не переносил этого человека, но деньги нужны были... Чем бы он кормил свою семью, если бы не умел приспосабливаться к таким людям?

— Он убил Аннэт. Четыре года назад. Это тоже была его сестра, но он даже не пожалел о её смерти! — резко и сухо сказал лорд Блюменстрост.

Мистер Райт удивлённо смотрит на Джорджа. Этот мальчик не представляется ему в роли убийцы. Тем более в роли убийцы сестры. Мужчина прекрасно помнит, как Джордж защищал Мари. Разве мог этот ребёнок убить другую свою сестру?

Джордж не сразу обратил внимание на взгляд психолога, но когда обратил... Мистер Райт почувствовал, каким холодным стал взгляд мальчика. Каким злым... Он напоминал своего отца. Психологу подумалось, что эти двое стояли друг друга.

— Да, я убил её, — совершенно спокойно произносит юный наследник рода Блюменстрост. — Столкнул с лестницы. И я не понимаю, почему я должен раскаиваться.

Разве я совершил что-то плохое?

Психолог с ужасом смотрит на ребёнка. Тот кажется ему совсем не таким, как несколько минут назад. Теперь этот ребёнок кажется ему чем-то вроде исчадия ада. Картина смерти девочки по имени Аннэт встаёт перед глазами мужчины, и тот, не выдерживая, убегает. Дэвид Блюменстрост выходит из комнаты следом, и мальчик остаётся один.

Тот с усмешкой смотрит вслед мистеру Райту. Тот не выдержал. Не выдержал, как и все, кто узнавал об убийстве Аннэт. Что же... Жаль. Мари он нравился. Но он был слишком слаб. И теперь придётся ему отправиться туда, куда отправлялись все “чужие люди”, что узнавали. Юный наследник рода Блюменстрост ненавидел слабость. Какой-то внутренний голос призывал его ненавидеть её. Джордж сел на диван, зажмурился, и... истошный крик мистера Райта прорезал звенящую тишину дома, в котором теперь жил мальчик.

Отправиться в армию добровольцем? Что же, неплохая идея. Тем более, надо как-то отвлечься от всех этих событий... И пусть это не самый лучший вариант “отвлечения”, сейчас Мария не могла придумать что-то другое. Человека, который предложил ей это, звали Гилл, и он в виду своего ранения помогал армии тем, что искал добровольцев...

— Ну вот, сам понимаешь, почему мне приходится это делать... Война. А ведь их этот министр нам всем двадцать лет твердил, что не хочет войны...

Мария задумалась. Война с тем королевством, в котором она случайно побывала тогда? Вряд ли такая мысль когда-то вообще приходила в её голову. Она и подумать не могла, что тут, в этом проклятом мире, всё настолько ужасно. Понятно, почему её сюда затащили. Вот только помочь она им всё равно никак не сможет. Не в её это силах. Она всего лишь обычная девушка с Земли. И она не обладает магическими способностями, в отличие от того же Седрика. Она не обладает никакими силами. Как её могли называть избранной? Избранной для чего? Чистить картошку?

Мария вздохнула. Она ненавидела этот мир. Он был чужим для неё, и он забрал у неё мать и сестру. Разве она могла полюбить его? Да и за что любить этот мир? Сказка... Девушка не видела в этом мире ничего сказочного. Он был самым обыкновенным. Настолько же жалкий, грязный, как и Земной. Самый обыкновенный мир. И люди тут были совсем такие же. И магия не делает никого из этих людей лучше.

— Ты точно согласен на это? — спрашивает Гилл, и Мария кивает. — Как тебя зовут хоть, парень?

Мария чуть не вздрагивает. А имя-то она и не придумала себе! Подумать только, какая удивительная тупость! Вот только она могла так. Сколько времени было на то, чтобы придумать себе нормальное имя? Много... А ей приходится вот сейчас судорожно думать о том, что ляпнуть.

— Ричард! — выпаливает девушка, решив, что не стоит слишком долго раздумывать над своим новым именем.

Гилл улыбнулся и протянул “Ричарду” руку. Девушка пожалала её. Нельзя сказать, что она не ожидала этого жеста со стороны мужчины, но сейчас девушке куда больше хотелось очнуться дома, где рядом будет сидеть Роза, а на кухне хлопотать мама, где в дверь вдруг позвонит Альфонс... Но хотела бы она очутиться на Земле одна? Нет, всё равно, где находиться одной — тут или дома. Недолго думая, Мария пожалала протянутую руку.

— Ты неплохой парень, Ричард! Думаю, ты сможешь найти общий язык с остальными ребятами!

Мария слабо улыбнулась. Этот человек почему-то смог сейчас немного отвлечь её от

плохих мыслей, которые волей-неволей приходили в голову девушки.

Замок Шварц Трау был одним из самых величественных творений древности. Когда-то невиданных размеров и невиданной красоты сооружение сейчас было почти полностью разрушено. От огромных, высотой в тридцать шесть метров, башен не осталось ничего. Точнее, почти ничего. Развалины — всё, что осталось от великолепного замка. В некоторых местах стены достигали в высоту пяти или даже шести метров, но это всё равно было только жалкой тенью величественного прошлого этого прекрасного замка... Кое-где стены и вовсе разрушились, так что ловкий человек или ребёнок могли пролезть сквозь эти дыры.

О замке ходили страшные легенды. И не менее страшные легенды были и о развалинах. О самом замке рассказывали, что там когда-то жили Великие маги разума, самый жестокий из подобного рода орденов, этот орден был сильнейшим из всех них. Законы ордена были весьма суровы: оступившемуся — смерть. Великие маги разума построили много замков на территории Общего мира. И каждый из этих замков казался людям их времени чем-то невероятным. Великие маги разума могли то, что и не снилось их современникам. О развалинах же ходили куда более традиционные легенды, общие для почти всех заброшенных и разрушенных зданий.

Джорджу было интересно узнать, какие именно секреты таят в себе эти развалины. Когда-то люди свято чтили то, что создавалось их родителями, их дедами, прадедами. Уничтожать своё считалось кощунством, подлостью, предательством. Культура народа имела огромное значение в его становлении, в его развитии. И это не только материальные ценности и памятники. У каждого народа есть свой язык, и пока народ говорит на этом языке, он ещё может существовать. А пока человек видит наглядную историю, он верит в неё и он её помнит. Поэтому люди старались не только не уничтожить то старое, что у них было, наоборот, они старались сохранить это для своих детей, своих потомков. Да, были случаи, когда человек не сумел спасти свою память. Но в основном это были случаи, связанные со стихийными бедствиями: пожарами, наводнениями или войнами.

Сейчас же нет ничего проще того, как снести старинный дом на набережной, в котором, возможно, когда-то жил деятель культуры, известный политик или учёный, чтобы построить новый, совсем не похожий на тот старый и совсем не подходящий для исторического центра того города, в котором был снесён тот дом. А ведь любой дом, любое строение, любой мост, любой памятник являются памятью города, а значит, и памятью его жителей. У человека, потерявшего свою память, не остаётся почти ничего. Он не узнает даже тех, кто когда-то был ему близок. Так же и человек, потерявший память своей страны, никогда не поймёт, что значит любить свою страну, свой народ... А потерявший память народ уже не имеет надежды на будущее. Ведь это будущее должно из чего-то строиться, из чего-то расти...

Джордж не понимал, почему этот замок не сохранили. Многие из сооружений древности дошли до современного времени, и никто никогда не рассказывал про них страшилки.

Мальчику и его сестрёнке Мари было всего по пять лет, и они, как и все дети их возраста, были очень любопытны. Пролезть сквозь небольшие лазы между стенами не составило труда. Замок стоял на высоком холме сейчас, но Джордж Блюменштрост был уверен, когда-то Шварц Трау был окружён ровом с водой, и представлял собой весьма занятное зрелище. Мари энтузиазма брата не разделяла, но даже ей было немного интересно, что же из себя представлял этот замок.

— Осторожно, Мари! — почти крикнул Джордж, хватая сестрёнку за руку, чтобы та

удержалась на ногах, когда вдруг оступилась и едва не упала. — Иди осторожнее!

Девочка тихо всхлипнула и кивнула, и мальчик обеспокоенно посмотрел на неё. Та уже готовилась заплакать, и это было плохо. Джордж не мог позволить сестре заплакать из-за него. Он не мог позволить этого...

— Я просто боюсь за тебя. Если бы ты сильно поранилась, я бы не смог отнести тебя домой... — замечает Джордж и видит, что Мари, наконец, перестаёт шмыгать носом и обиженно сопеть.

Скоро девочка вообще успокаивается и начинает увлечённо разглядывать предметы интерьера, кое-как сохранившиеся. Всё было очень старым, ветхим... Мари было интересно всё это, и Джордж только рад этому. Так проще... Когда сестра чем-то увлечена, он может хоть немного расслабиться, перестать так смотреть за ней. В какой-то момент мальчику показалось, будто тень около него стала больше...

Хоффман сидел в гостиной своего поместья и читал книгу. Юта находилась рядом, она что-то увлечённо рисовала. Георг посмотрел на девочку и улыбнулся. Та всё больше и больше привыкала к его дому. Она стала для него почти родной, и он не мог уже представить себе, как справлялся без неё. Мужчина снова уткнулся носом в книгу.

— Что ты читаешь? — спросила девочка, подходя к Хоффману.

Граф отрывает глаза от книги, чтобы столкнуться со взглядом удивлённых голубых глаз. Юта ещё совсем ребёнок. Она ещё многого не понимает. И не должна понимать. Георг хмыляется краем губ и показывает девочке обложку книги.

— “Моя борьба”... — читает та медленно вслух. — Но ты же уже читал эту книгу! Почему ты читаешь её ещё раз?*

Хоффман тихо смеётся. А девочка смотрит на него непонимающе. Что смешного она сказала? Действительно, граф уже не раз читал эту книгу. Она знала, тот читал весьма быстро и никогда не закрывал книгу, пока не дочитывал до конца, до самой последней странички. И многие книги мужчина перечитывал по несколько раз. Почему же? Это ведь так неинтересно!

— Понимаешь, Юта... Книги нужно перечитывать столько раз, пока не поймёшь всю суть этой книги. До самой последней и неважной мысли.

Девочка хмурится. Она пытается понять, почему Хоффман говорит так. Но если он говорит, значит, так и есть... Но почему? Перечитывать ту книгу, которую уже читал, совсем неинтересно!

— Зачем это нужно? — спрашивает Юта.

Мужчина внимательно смотрит на девочку. Та интересуется многим. Она за эти два месяца прочитала много книг из его библиотеки. И это радует его. Радует, как не радует почти ничто.

— Чтобы всё понять. Какой смысл от прочтения книги, если ты не до конца понимаешь её? Какая тогда радость от чтения?

Юта задумывается и пожимает плечами. Она никогда не думала о книгах так. Ей всегда казалось, что главное в чтение вовсе не это. Главное — это то, чтобы книга была интересной, чтобы она нравилась, чтобы можно было найти человека, такого же, как ты...

— А если книга не нравится? — спрашивает девочка.

Хоффман осторожно притягивает её к себе и так же осторожно берёт за подбородок, чтобы заставить Юту смотреть ему прямо в глаза. И тёмно-серые, почти чёрные глаза встречаются взглядом с ясными голубыми детскими глазами. Девочка смотрит на графа

удивлённо. Но за те два месяца, что она прожила в его доме, она научилась полностью доверять ему. Больше всего граф не любит недоверие. Её недоверие...

— Тогда особенно важно перечитать эту книгу хотя бы ещё раз. Поняла меня? Практически в любой книге можно найти тайный смысл, тайную мысль, которые помогут тебе в какой-то ситуации.

Мужчина отпускает девочку. Та садится обратно за стол, берёт в руки кисточку... Юта задумывается над словами Георга Хоффмана. Он не мог сказать ей что-то ненужное. Она должна верить ему и поступать так, как он говорит. Только что он хотел этим сказать?

Нет ничего хуже быть слабым. Во всяком случае, Джордж не знал, что может быть хуже. Ему было двенадцать лет, но он успел сделать слишком многое за эти двенадцать лет. И нельзя сказать, что тут было мало плохих дел. Правда, мальчик ещё не до конца понимал, почему отец постоянно орал на него, как только умирал кто-то из психологов, врачей, соседей... Вот вчера умерла экономка... Отец опять орал на него. За что? Джордж был виноват только в смерти двадцати психологов и своей старшей сестры Аннэт. Разве это так много за все эти семь лет с того момента, как он получил эту силу? И разве он не имел права так поступить? Все они были просто ужасны! Они все заслуживали смерти. Джордж поступил очень милосердно, раз даровал им всем быструю смерть. Но ни соседей, ни экономку он не убивал. Они просто умерли. Без его участия... Разве справедливо обвинять его в их смерти?

Лорд Блюменстрост ненавидел своего наследника. Мальчик чувствовал это всегда. Может быть, даже с самого своего рождения. А может, ещё раньше. И он не понимал, чем обязан такому отношению. К Мари, правда, относился ещё хуже, что Джордж не понимал вообще. Да, он мог грубить отцу, мог быть не слишком послушным. Но Мари... Мари всегда была тихой, маленькой девочкой, робкой, боящейся почти всего... Чем она могла не угодить?

Не время для сентиментальных бредень! Это такая же слабость, как и страх. Ты же не хочешь быть слабым, Джордж?

Мальчик ненавидел свой внутренний голос. Его было просто невозможно выкинуть из головы. И он был слишком назойлив. Джорджу совсем не хотелось быть слабым, и голос, видимо, прекрасно знал это. Он нередко говорил о какой-то Древней магии, когда появился у наследника лорда Блюменстроста в голове, и мальчик решил, что лучше будет перерыть библиотеку отца, нежели знать об этом явлении от голоса. И голос на некоторое время замолчал. Джордж никогда не боялся этого голоса, и, быть может, именно это и спасло его от участи Мари. Мальчик просто ненавидел свой внутренний голос, но никогда не боялся.

— Почему ты вечно делаешь это?! — прикрикнул на мальчика отец, вошедший в комнату, и даже, казалось, намеревался ударить ребёнка, но отчего-то передумал.

Джордж посмотрел в глаза отцу. И тут же его как осенило. Глаза у отца были карими, у мамы глаза тоже были карими. У Аннэт — мальчик помнил точно — тоже. Почему же у него, Джорджа, и у Мари глаза были серыми? Ребёнок задумался. У кого в окружении родителей были серые глаза? Этого Джордж вспомнить не мог. Он уже давно забыл тех, с кем общались его родители.

— Что я делаю? — спросил мальчик, делая удивлённый вид.

Эта игра должна была уже давно надоесть Дэвиду Блюменстросту. Но не надоедала. Уже третий год все разговоры проходили именно так. Отец задавал мальчику тот вопрос, сын отвечал другим вопросом, а дальше...

— Почему ты такой? — будто бы не слушая, спросил лорд.

Джордж еле удержал себя от того, чтобы ехидно спросить: “Потому что я не твой сын?!” и мальчик не знал, что сейчас удерживало его от этого больше. На самом деле, что?

Эрик не мог поверить: его отец, бросивший семью, когда самому Эрику было восемь лет, а Милене вообще всего пять, стоял теперь здесь. Эрик мог узнать его только по шраму на кисти правой руки, который тот получил, когда король Генрих только приходил к власти... Это было всё, что Эрик знал о своём отце. Но как тот мог узнать о смерти Милены? И кто такая эта “Аделаида”? Не та ли великая королева, которая правила сказочным миром сорок лет назад? Ну и да, та королева, которая, в общем-то, спятила лет сорок пять назад... Но тогда причём тут его отец?

Мужчина, убивший только что принцессу Кассандру, медленно подошёл к Эрику, положил руку ему на плечо и тихо прошептал, что ему хотелось бы поговорить с сыном там, где не будет столько людей. Парень кивнул, соглашаясь со словами мужчины.

— Где ты был столько лет?! — почти крикнул Эрик, когда они оказались в одной из пустых комнат дворца. — И кто такая Аделаида?!

Мужчина вздохнул, подошёл к окну, закрыл ставни, подошёл к двери, закрыл её на ключ. Ничего не понимающий Эрик стоял и удивлённо смотрел на отца. Поведение того показалось ему несколько странным...

— Я ожидал этих двух вопросов... — сказал мужчина абсолютно спокойно. — Где я был столько лет? Не поверишь: я столько лет сидел в библиотеке, искал информацию о Древней магии. Кто такая Аделаида? Последняя королева из династии Карбонерро. И моя сестра.

Эрик, не мигая, смотрел на мужчину. Он просто поверить не мог... Его отец, самый обычный, казалось бы, среднестатистический житель сказочного королевства, был братом предыдущей королевы...

— Ты удивлён?

Парень еле нашёл в себе силы кивнуть. Конечно, чёрт возьми, он был удивлён! Подумать только, его тётя была королевой, а ему приходилось горбатиться на трёх работах, чтобы прокормить мать и сестру! И его отец не прислал им даже какой-нибудь перстенёк, чтобы они могли продать его и не жить так бедно!

— Зачем я спал с вашей матерью? — неверно истолковал немой вопрос сына мужчина. — Ну... Мне хотелось забыть Аделаиду. Этот выбор должен был принести мне забвение...

Эрик стоял, будто поражённый громом. Значит, забыть? Выбор, который должен был принести забвение? Эрик наполовину грустно, наполовину зло усмехнулся. Всё-таки хорошо, что не принёс.

---

* Мюзикл “Жанна д`Арк” — “Поле битвы”, сама песня мне не нравится, но стихи хорошие.

** Имеется в виду книга “Моя борьба” Адольфа Гитлера

===== I. Глава тридцать шестая. Решение леди Траонт не обсуждается.
=====

Вечер умирал,
Наступала ночь,
Необычный бал

Грянул во всю мощь...
Стольная Москва
В толк не может взять,
Что сюда спешит
Дьявольская знать.
Воланд-господин,
Всетежнейший князь,
Приказал играть
Свой безумный вальс,
Свой безумный вальс!
Черной свиты хор
Подхватить готов
Громкую хвалу
Сумеркам богов.
Кровь из черепов
Пьют здесь как вино,
Каждый здесь нечист,
Каждый обнажен.
Правит бал мессир —
По делам воздаст
Всем, кто из могил
Прилетел на вальс,
Прилетел на вальс!
Бал у Князя Тьмы
Полночь без пяти,
Пять минут —
И душу не спасти...
Вальс гремит на бис,
Вальсу вторит гром,
Шабашем ночным
Воздух заражен.
И глядит мессир,
Молчалив и горд,
Как ползет огонь
С Воробьевых гор...
Каждому воздаст
По делам его,
Слишком много зла
Здесь на одного!
Здесь на одного!
Тень... свет... темп убыстряется,
Жизнь, смерть... перекликаются,
Жар, бред, пытка надеждой и злость
Вот вам — казнь и прощение,
Все, все, все в восхищении!

Тень... свет... сердце вдруг оборвалось

Битое стекло...

Теплая зола...

Здесь на одного

Слишком много зла...*

Джулия была одной из самых красивых и богатых женщин сказочного королевства. И, безусловно, самой знатной и самой обаятельной. Многие говорили, что она могла бы называться королевой... Она была самой могущественной ведьмой. И она была матерью. И в этом она была такой же, как и остальные.

Рассвет уже семнадцать с лишним лет встречал её тупой ноющей болью в области живота. Вторые роды герцогини прошли очень тяжело, и она теперь должна была терпеть это каждое утро. Но, в любом случае, это было лучше, нежели бы она страдала от одиночества ещё острее. Любимый брат её уже давно погиб, остальные два были ей чужими, погиб и её первый ребёнок, а Жана она сама превратила в статую на столько лет... Разве она имела право жалеть о том, что всё-таки выносила и родила своего ребёнка? Конечно, нет. Она была матерью, и она не могла жалеть об этом.

Седрик был для неё всем. Он был её ребёнком, её долгожданным ребёнком, который был дороже ей всего на свете. И она была готова отдать за него всё, что угодно. И женщина всем сердцем непонимала, как Кассандра смела называть себя матерью? Эта девчонка не попыталась даже броситься вдогонку за тем человеком, не попыталась связаться с ним, найти его... Она просто впала в депрессию. Джулия всей душой презирала свою племянницу. Та ничего не могла сделать, как надо. Та ничего не могла сделать вообще. Кому какая польза была от её рыданий и слёз? Эта изнеженная девчонка не предприняла ничего, что могло бы помочь её дочери. Она не предприняла вообще ничего, и герцогиня искренне недоумевала, почему именно. Кто был тот человек, укравший ребёнка? До Джулии дошли лишь слухи, что у него были тёмные волосы. Но мало ли людей с тёмными волосами?! Леди помнила, как принцесса Мария, внучка одного её брата и дочь другого, искала информацию о всех людях, выглядящих подобным образом, обо всех преступных организациях... И леди точно знала: Кассандра не сделала ничего. Разве могла тогда эта девчонка что-то говорить о любви?

Седрику было семнадцать с половиной, но он по-прежнему оставался её сыном. Только её. Джулия сама лично отогнала бы от него всех, кто только осмелился подойти к её маленькому мальчику. Даже Жан знал это и, наверное, именно потому не требовал ни одной встречи со своим сыном. Жану самому было семнадцать. Он сам был ещё маленьким мальчиком для неё. Она превратила его в статую на семнадцать с лишним лет, и теперь он был даже младше их ребёнка. И Джулия сожалела о том, что не вспомнила об этом мальчишке раньше. Хотя бы на несколько лет... Седрик Траонт приехал в поместье своей матери около полутора месяцев назад, и Джулия боялась, что он снова отправится куда-нибудь. Она не хотела этого. Слишком много произошло за время его отсутствия. Слишком много леди Траонт переживала за своего ребёнка, мучилась догадками... Теперь она никуда не отпустит его.

Ал, друг Марии, постучался в ворота поместья сестры короля Генриха далеко за полночь, и та была готова собственными руками придушить его: он мог разбудить её ребёнка. Возможно, любовь леди Джулии была даже удушающей, мешавшей юному волшебнику Седрику набрать полную грудь воздуха, она сама была даже готова признать это,

но она любила так, как не любил никто другой. И, наверное, за это можно было простить этой женщине многое.

— Мне нужно увидеться с Марией. Она ещё не спит? — спросил парень, когда ведьма была готова его уже чем-нибудь стукнуть и тянулась рукой к первому предмету, лежавшему рядом.

К счастью для Альфонса, когда он задал герцогине вопрос, она тут же одёрнула руку. Друг принцессы посмотрел на тот предмет, за которым уже тянулась женщина, и сглотнул: это был топор. Было бы не слишком приятно, если бы ведьма всё-таки убила его. Точнее, было бы совсем неприятно. Но говорить это лишний раз леди Траонт было бы самоубийством.

— Я не знаю, спит ли она. Если бы она приходила, тогда я бы знала, спит она или нет! — недовольно фыркнула герцогиня и направилась в сторону своего кабинета. — И да, комната твоя находится на первом этаже. Прямо по коридору, пятая дверь. Смотри... Иди тихо. А то это... Седрика разбудишь!

Ал пожал плечами. От этой чёртовой колдуньи нельзя было ждать никакой помощи! Она не позволяла своему сыну вообще ничего. Друг принцессы помнил, как в прошлый раз, когда он тут был, леди Траонт отговаривала Седрика разрезать котлету на части только потому, что он может порезаться. Подумать только, какой этот маг маленький мальчик! Всего семнадцать лет! Как его можно было оставить наедине с таким опаснейшим оружием, как не очень-то острый нож? Которым некоторые дети пользуются и в куда более юном возрасте. И ничего! Как-то выживали... Но спорить с ней сейчас, когда этот маленький и беспомощный ребёночек спит, было даже глупо.

Альфонс кое-как добрался до названной комнаты и завалился спать. Он сейчас всё равно ничего не соображает. Правда, в ту же минуту парень вскочил с кровати. Мария... Марии тут нет! Эта мысль начинала пульсировать в голове у Ала, и тот не понимал, что делать. Марии тут не было. Она, возможно, осталась там. До столицы добираться не меньше десяти часов... Если с ней что-нибудь случится, Альфонс не сможет себе этого простить. Что ему тогда делать? Отправиться к тому призраку, с которым его познакомила Мария? Что же... Если этот Деми чем-то схож с Марией в плане магических способностей, вполне возможно, что он примерно понимает, куда девушка могла отправиться.

Забраться в ту комнату не составило особого труда. Если не считать, конечно, кроссовок, слетевший куда-то вниз, когда парень подскользнулся и чуть не грохнулся.

— Есть тут кто? — прошептал Ал, пытаясь на ощупь найти в комнате привидение.

Слышится приглушённый смех, и парень пытается понять, откуда он идёт. Почему он был настолько глуп, что не захватил с собой свой фонарик? Не раз уже эта вещь пригодилась ему, но он всё равно умудрился позабыть её в куртке!

— Первый раз вижу, чтобы меня пытались найти руками... Я же призрак, забыл? Меня невозможно схватить за руку!

Деми и вовсе расхохотался. Возможно, Ал и понял бы его, окажись он на месте приведения, но сейчас другу принцессы было искренне жаль, что он не может ударить этого призрака. Но, впрочем, на пальцах Деми скоро появилось что-то вроде кучи маленьких светлячков, благодаря которым Альфонс смог его видеть.

— Что-то случилось? — поинтересовалось приведение.

Альфонс кивнул. Если говорить честно, парню ещё больше захотелось наорать на призрака, наброситься на того с кулаками (если бы такое было возможно), сделать хоть что-

нибудь — как можно было оставаться таким спокойным, когда твой друг неизвестно где в такое время?!

— Успокойся, — произнёс Деми. — С ней не должно случиться ничего плохого. Она сильная.

Ал зло посмотрел на привидение. Пришёл, называется, за помощью! А эта сволочь ещё и хохочет, и говорит, что ничего страшного не произошло! Подумать только... И почему Мария к нему нормально относится? Ведь так хочется прибить это чудо на месте.

— Эй-эй! Не горячись! — забеспокоилось привидение. — Что сразу “сволочь”-то? Я ничего плохого ещё не сделал!

За окном послышался какой-то шум. И крик леди Траонт. Альфонс еле удержал себя от того, чтобы не посмотреть на улицу. Тогда наверняка его заметили бы, и окно в комнату Деми стало бы замурованным. Как и дверь в его комнату. Марии не понравилось бы это. Призрак казался ещё белее, чем всегда. Ал даже не представлял, что такие существа, как этот Деми, могут бледнеть.

— Ты забыл закрыть окно... — пробормотало приведение. — Они придут сюда... Я не хочу!

Друг принцессы обернулся. Действительно, он забыл-таки закрыть это проклятое окно. Неужели именно поэтому кричала герцогиня Траонт? Она вроде бы никогда не казалась излишне нервной. Хотя... Ал вспомнил, как леди сегодня потянулась за топором, когда он пришёл.

— Они же не замуруют это окно, правда? — спросил Альфонс обеспокоенно.

Призрак зло цыкнул на парня, всем своим видом показывая, что сам очень надеется на это, и ему куда важнее сам факт того, что окно в комнате было. И было именно в том состоянии, в котором пребывало сейчас.

Семнадцатилетняя девушка танцевала на балу. Это был её первый выход в светское общество. Совсем недавно закончилась война, на лицах людей присутствовала искренняя радость, многое зло смылось вместе с кровью, и хоть на лицах была печать усталости и боли, лица эти были куда добрее, чем ещё три года назад. Семнадцатилетняя девушка в светло-зелёном платье, лёгком, почти как воздух, казалась светлым пятном во всей этой толпе. Она, совсем ещё ребёнок, стояла посреди зала, посреди торжественной и строгой публики, казавшаяся от этого более юной. Ей ещё никогда не удавалось побывать в таком месте, среди таких людей... Она чувствовала себя уже взрослой, и это было очень трогательное зрелище.

Она стояла рядом со своим отцом и со своей матерью, на неё смотрела могущественная королева Аделаида. Девушка сделала робкий книксен, не понимая, что означает оценивающий взгляд королевы. Это был её первый бал, и она ещё многого не знала.

— Могу я пригласить вас на вальс? — услышала девушка звонкий голос позади себя.

Она резко обернулась и поспешно протянула своему кавалеру руку. Мать недовольно посмотрела на дочь: отвечать такой поспешностью было просто неприлично. Женщина устало опустила глаза. Почему её дочь всегда совершала различного рода глупости?!

Кружиться в вальсе девушке понравилось. Лишь что-то омрачало её радость, её безоблачное настроение. Казалось, что тот человек, что пригласил её на танец, был не самым лучшим человеком. И семнадцатилетней девочке становилось страшно. Ей уже не хотелось танцевать с ним. Движения кавалера были плавными, спокойными, и девушке казалось, что в этом ледяном спокойствии кроется что-то большее, чем просто равнодушие.

— Как вас зовут? — спросила девочка, пытаясь как-то разговорить незнакомца.

Тот улыбнулся, и что-то внутри девушки сжалось от ледяного ужаса. Она не понимала, как действует на неё этот мужчина: он сейчас казался ей совсем не таким приятным, как несколько минут назад, когда она только соглашалась на этот танец...

— Меня зовут Густав, миледи. Могу я поинтересоваться, как ваше имя?

Девушка сдержанно улыбнулась. Улыбаться так же легко, как она улыбалась тогда, как только вошла в бальный зал, она уже не могла. Чувство какого-то необъяснимого беспокойства теперь сковывало её душу.

— Джулия, сэр. Джулия Траонт.

Голос девушки, тонкий, звонкий, чистый, был совсем не похож на голоса придворных дам, умудрённых жизнью, прославляющих кокетство. Сама девушка казалась ещё совсем чистой, невинной. Густав усмехнулся. Что делала такая крошка в таком месте?

— Хочу дать вам один совет, леди... Не появляйтесь в таких местах и не позволяйте мужчинам танцевать с вами. Поверьте, ни к чему хорошему это тут не приведёт.

Джулия вздрогнула. Насмешливо-презрительный тон, которым были произнесены эти слова, очень оскорбил семнадцатилетнюю девушку. Она ненавидела, когда с ней обращались, как с ребёнком. Она ненавидела, когда её не расценивали всерьёз.

— Обойдусь без ваших советов, господин Густав! — прошипела сквозь зубы покрасневшая от стыда и злости девушка. — Не учите меня жить! Я как-нибудь научусь жить и без вас!

Мужчина усмехается, а девушка вырывается из его рук и выбегает из зала. Несколько десятков пар глаз вмиг устремились на неё. А мать её лишь грустно покачала головой: дочери было уже семнадцать, а та ещё до сих пор не научилась вести себя в приличном обществе.

Джулия строго смотрела на Альфонса. По правде говоря, если бы тут сейчас не сидел Седрик, она бы уже придушила этого мерзавца. Но пугать своего несчастного разбуженного посреди ночи ребёнка ей вовсе не хотелось. Поэтому она ограничилась лишь таким взглядом, что другу принцессы даже стало немного неудобно. Леонард сидел рядом и старался не смотреть герцогине в глаза.

— Как вы вообще додумались до такого?! Сбежать из дома! Подумать только: вы, три глупых мальчишки, что бы вы там делали?!

Ал пожал плечами и тяжело вздохнул. Главное для него было сбежать из этого дома и оказаться снова в столице. Дальше дело бы пошло куда проще. В конце концов, Мария тоже не дура и не стала бы куда-нибудь специально исчезать. И ей могла понадобиться помощь.

Леонард, похоже, считал так же. Он периодически заговорщически поглядывал на Альфонса, будто пытаясь что-то сказать ему, а Седрик виновато смотрел на мать, пытаясь извиниться перед ней за своё глупое поведение. Ал был готов рассмеяться: так жалко выглядел будущий лорд Траонт, — но говорить сейчас это, когда на него смотрела Джулия Траонт, мать Седрика, было бы просто глупо...

— Значит, так... Вы трое под домашним арестом с сегодняшнего дня! — как можно строже сказала леди Джулия. — С этого дня все ваши выходы на улицу будут только под моим присмотром. А сейчас, все трое, живо спать! Наверху есть комната, на вас троих места хватит!

Парни нехотя встали и поплелись в указанное место. Леонард шёл чуть впереди, но он же успел тихо шепнуть Альфонсу, чтобы тот шёл медленнее. И тот теперь плёлся в самом конце этого шествия. Седрик расстроено опустил голову, он не понимал, почему мать так

сильно рассердилась. Он как-то гостил у Леонарда и Хельги, и родители тех вовсе не так заботились о них, нежели его мама.

Стоило лишь закрыться двери в их комнату, как Леонард и Альфонс начали действовать. Самое интересное было в их сотрудничестве то, что они даже не сговаривались. Парни начали собирать вещи. Ал даже достал свой старый потёртый рюкзак, а Леонард приготовил некоторый запас продовольственных товаров.

Очень бледный человек лежал на кровати. В уголках его губ была запёкшаяся кровь. Женщина, стоявшая у постели этого мужчины, рыдала. Что случилось с ним? Леди Джулия, пришедшая в больницу лишь для того, чтобы её сын Седрик, которому был всего год, обследовался на наличие опасных заболеваний для детей его возраста.

Мужчина, лежавший на кровати, казался поражённым каким-то неизвестным заболеванием. Или, возможно, проклятьем. Леди Джулия могла бы попытаться снять это проклятье, но для этого она должна была полностью понять, чем именно оно являлось. Человек казался истощённым. Что спасло его от неминуемой гибели? Что спасало его?

— Здравствуйте! — окликнула герцогиня плачущую женщину.

Та повернула к колдунье своё заплаканное лицо. Сколько плакала уже эта несчастная? Неделю? Две? Три? Джулии хотелось помочь ей. Это был один из тех редких случаев, когда герцогиня сама хотела кому-то помочь. Та женщина снова закрыла лицо руками. Когда пострадал её муж? Ведь тот мужчина был её мужем, не так ли?

— Я не знаю, что произошло! — всхлипнула несчастная. — Он приходил к одному из своих пациентов! Господин Блюменстрост, это он привёз мужа сюда, сказал, что Джимми стало плохо в его доме, и он закричал.

Женщина начинает рыдать с новой силой, а Джулия, подойдя поближе к больному, вдруг ясно ощущает присутствие той магии, которую преподавала ей и другим девочкам старуха тайно от родителей. Герцогиня задумывается. Значит, этого человека проклял маг, прекрасно владеющий основами — и, видимо, не только — Древней магии. Джулия недоумевает: она знала многих магов, и почти никто не умел обращаться с этими силами.

— Я ему говорила, говорила... — захлёбываясь слезами, продолжает женщина. — Сколько его просила не ездить к этому проклятому мальчишке! Почему он не слушал меня? Почему?

Ведьма настораживается. Что за мальчишка? И она скоро задаёт этот вопрос. Несчастная вздрагивает и начинает сбивчиво рассказывать о какой-то болезни детей лорда Блюменстроста.

— Это тот, который привёз вашего мужа сюда? Не могли бы вы дать мне его адрес? — увидев, что женщина с ужасом смотрит на неё, герцогиня добавила: — Не самого лорда. Мне бы хотелось видеть одного из его детей. Хотя бы того мальчика. Может быть, он прольёт свет на то, что же случилось с вашим мужем.

Картина произошедшего почти складывается в мозгу герцогини: Древняя магия “затерялась” в одном из укромных местечек дома. И наверняка то, что дети лорда вдруг заболели, связано именно с этим. Магия сводила с ума каждого, кто прикасался к ней дольше, чем было позволено. И магия, находясь рядом с детьми, свела бы их с ума. И именно дети должны знать, где она находится. Дети всегда ощущают присутствие магии лучше, чем взрослые.

Леди Джулия смотрит на спящего сына и радостно вздыхает, правда, тут же спохватывается и старается больше ничем не выдавать своего присутствия. Ал и Лео всё же

сбежали, но Седрик не пошёл за ними. Не взяли ли они его, сам ли он не захотел идти с ними, Джулии безразлично. Главное — её сын сейчас находился дома и спал.

В комнате было прохладно, и женщина решила закрыть окно. Не хватало ещё, чтобы Рик простудился из-за тех двух оболтусов. Она же не хочет, чтобы её ребёнок болел. Он и так слишком сильно переутомлялся в Академии, ему и так следовало куда больше отдыхать... Джулия подошла к своему сыну и осторожно, стараясь не разбудить, прикрыла одеялом. Тот вдруг засопел, и леди поспешила уйти из комнаты. Нужно было дать Седрику выспаться. Нужно было дать ему отдохнуть.

Сколько времени прошло с тех пор, когда её мальчик только родился! Сколько лет прошло с того момента! А сколько всего произошло! Джулия не могла вспомнить, чтобы когда-нибудь была так счастлива...

— Спи... Набирайся сил... — прошептала она, прекрасно осознавая, что сын не слышит её.

Заставить себя направиться в кабинет слишком сложно. Герцогине не хочется уходить. Ей не хочется оставлять своего ребёнка тут одного... Она сама не знает, почему. Просто присутствовало такое ощущение, что лучше было бы остаться тут.

Седрик приподнимается на кровати и тяжело вздыхает. Многих сил ему стоило убедить Альфонса и Леонардо, что ему, будущему лорду Траонту, стоит остаться дома, не отправляться никуда. Парни смотрели на него, будто он предал их. Но не мог же волшебник объяснить им, что чувствует себя виноватым в том, что у его матери так часто портится настроение, что та весьма часто болеет, особенно в летние дни, когда все обычные люди отдыхают от трудной зимы... И мама зашла сегодня в эту комнату. Юный маг не представлял, что случилось бы с герцогиней, не окажись он в своей кровати сейчас...

— Спокойной ночи, мама... — как можно тише шепчет чародей, слыша, как желает ему спокойной ночи Джулия.

И на душе у него становится намного легче. В конце концов, ничего плохого в том, что он сейчас не стал участвовать в поисках, не произошло. А его мать слишком сильно волновалась бы за него. Седрик снова лёг. Стоило заснуть, набраться сил. Уж тогда он точно сможет что-то сделать.

Дэвид Блюменстрост был высоким худым мужчиной с тёмными короткими волосами и серьёзными карими глазами. Его лицо было очень бледным, а скулы выделялись даже слишком сильно, куда больше, чем казалось необходимым. Он производил впечатление умного делового человека, очень обеспокоенного своим будущим. Леди Джулия поспешила к нему. Женщина подошла к Дэвиду и протянула руку для рукопожатия. Мужчина хмыкнул, но руку всё-таки пожал.

— Я назначала вам встречу, лорд Блюменстрост.

Мужчина холодно кивнул, и леди Траонт показалось, что он и есть та причина, по которой она пришла сюда сегодня. Этот мужчина производил на герцогиню не лучшее впечатление.

— Я помню. Вы, насколько я понял, психолог. И вы хотите написать книгу о психических заболеваниях, так? Вы хотели бы видеть моего сына...

Герцогиня кивнула, стараясь держать себя в руках, чтобы, упаси все магические силы мира, не сорваться и не свернуть этому самодовольному индюку его тоненькую шейку. Но стоило как-то удержаться от такого привлекательного для Джулии исхода. Было слишком жалко ту женщину, что стояла у постели больного мужа и плакала. К тому же, герцогиня

узнала, что та и сама была больна, и тот мужчина копил именно на операцию своей жене.

— Вы так жаждете увидеть моего ребёнка?

Джулия снова кивнула, стараясь при этом выглядеть не слишком раздражённой. Нужно было казаться примером вселенского спокойствия. Нужно было казаться образцом вселенского хладнокровия. И это, чёрт возьми, было трудно для леди Траонт.

— Что же... Думаю, вам стоит увидеть мальчика. Он действительно несколько не в себе. Но вы должны пообещать мне, что имя моего сына фигурировать не будет. Только описание самой ситуации.

Женщина хотела было кивнуть ещё раз, но решила, что это будет слишком уж предсказуемый жест с её стороны, и что стоит вести себя более... необычно. И более раскованно.

— Да, конечно, лорд Блюменстрост. Я не собираюсь указывать имени и фамилии мальчика.

Лорд улыбнулся. И внутри ведьмы снова будто что-то оборвалось. Немудрено, что ребёнок этого человека сошёл с ума. Кто угодно сошёл бы. И Джулия не была уверена, что её бы не постигла эта участь. Этот мужчина был слишком жалким, слишком противным и, как ни странно было это признавать, слишком пугающим. Герцогиня сочувствовала мальчику, который должен был не раз видеть этого человека. И герцогиня чувствовала, что не убьёт этого подонка только по двум причинам: она должна помочь миссис Райт и помочь этому несчастному ребёнку, что родился в такой неподходящей семье.

Альфонс и Леонард брели по тёмным улицам. Последний даже немного жалел, что они не решили отправиться в это путешествие чуть раньше. Тогда ещё луна не совсем спряталась за тучи и было куда светлей. Первый же сейчас не мог думать ни о чём, кроме разговора с Деми. Разговора про то, какую именно силу имеет Избранный. Мария была такой, как говорил Седрик в первый день их знакомства, и было бы просто глупо не дослушать привидение.

Леонард думал ещё о сестре. Та не упустит возможности посмеяться над ним, когда он вернётся. Она ещё никогда не упускала такого хорошего повода вдоволь поиздеваться над братом, и Лео был уверен, что та не изменит принципам и в этот раз.

Было тихо. Впрочем, этого можно было ожидать: какой нормальный человек будет разгуливать по городу ночью, а тем более шуметь? И это было даже немного грустно. Леонарду хотелось, чтобы кто-то оценил его этот поступок. Но никого, кроме Альфонса, рядом не было. А тот вряд ли стал бы хвалить юного лорда Кошенблата. Этот скорее пнул бы Лео за наглость просить у него похвалы и одобрения.

— Ты случайно не помнишь, сколько добираться до столицы? — спросил чародей у друга принцессы.

Тот пожал плечами. Сегодня он шёл около десяти часов. И нужно было повторить этот путь снова. Только на этот раз в обратном направлении. Но тогда ему удалось поймать какого-то извозчика и уговорить провезти его хоть какую-то часть пути. Сейчас поймать извозчика было маловероятно. Все люди спали, и Ал уже сам не понимал, как он решился на такую авантюру.

Альфонс шёл по мостовой спокойно, стараясь не идти слишком быстро, чтобы не устать, и слишком медленно, чтобы не заснуть. Начался дождь. Леонард выругался. Он точно не ожидал такого. Он думал, что всё будет куда проще и куда приятнее.

— Не помнишь, почему леди Джулия не хотела нас отпускать? — спросил Лео, когда

парни уже совсем промокли под дождём.

Ал пожал плечами. Если быть честным, то он и не слушал вовсе эту старую ведьму. Пусть, может, она и не выглядела старой, истинный её возраст Седрик называл. И это было что-то около шестидесяти лет. Так что внешность Джулии могла обмануть многих. Не каждой женщине удаётся так хорошо выглядеть. А уж ведьме точно было чем похвастаться.

— Думаю, нам стоило подождать утра... — пробормотал Леонардо, когда Альфонс достал его из канавы, наполненной дождевой водой, когда чародей плюхнулся туда. — Но уже не вернёшься... Ладно, пошли так! Что нам теперь делать?!

Ал усмехнулся. Чего-чего, а энтузиазм Лео был им как раз на руку. Куда хуже было бы идти с этим занудой Седриком. Тот бы уже давно ныл. И друг принцессы не был убеждён, что не прибил бы юного лорда Траонта, даже не добравшись до столицы.

---

* Ария “Бал у князя тьмы”

===== I. Глава тридцать седьмая. Два демона. =====

Голос, певший тебе в ночи, замолчал навсегда,
И сгорают в огне свечи за годами года.
Те, кого ты всю жизнь любил, у небесных ворот,
А король, властелин судьбы пробуждения ждёт...
Он венчал свою жизнь и бессмертие,
Но не в храме, а в битвах, где борются зло и добро,
Дал узнать людям вкус милосердия,
Обратил в благородную ненависть злость на врагов.
Он осенён римским крестом,
Над головой — красный дракон,
На клинке меча — руническая вязь,
Правит король твёрдой рукой,
Слово и мощь, свет и покой,
Словно камни-исполины, держат власть.
Нет начала, нет конца историй,
Есть кольцо блуждающих огней.
Ложь и правда в нём извечно спорят,
И на их алтарь льётся кровь королей!
У любимца небес путь изведанный:
За победы земные он выплатит дань, как и все.
И на битву спешит, сыном преданный,
Над багровой рекой сотни рыцарей с ним встретят смерть
Два мира здесь в битве сошлись,
Сын и отец, бездна и высь,
Серой тучей затянула небо пыль.
В этом бою каждый силён,
Лишь на заре враг побеждён,
Но израненный король упал без сил...
Девять сестёр в чёрных плащах прочь увезут короля,
Может быть, в грот на островах из дивных глыб хрусталя.
Тёмных времён начат отсчет, не повернуть реки вспять,

Не повторить новый восход, Век Золотой не начать...

В ранний час в серебристом сиянии

Из подземных глубин поднимается тень на коне,

Но пока всё спокойно в Британии,

На закате король погружается в сон свой во тьме

Грянет беда — выйдет король,

Чтоб отстоять дело своё

И мессией возвратиться в этот мир.

Но для толпы он не святой:

Дьявола в нём видит любой,

И, не узнанный, он будет вновь убит.

Пребывай же в блаженном сне, благородный король,

Быть мессией в своей стране — незавидная роль...

Утро первого министра начиналось в пять утра. За полчаса до этого просыпались слуги, которым предстояло варить герцогу кофе, очень крепкий, такой, какой мало кто мог бы пить; гладить вещи — Делюжан всегда придирался к этому. Сегодняшний день не был исключением. Советник короля встал ровно в пять; он уже давно приучил себя засыпать и вставать в одно и то же время, ему не требовался сигнал будильника для того, чтобы заставить себя встать. За всё время его работы эта способность была просто необходима.

Как и каждый день, Делюжан поднялся с кровати, встал перед зеркалом, провёл рукой по взъерошенным ото сна волосам, накинул на плечи халат, запахнул его полы, надел тапки и вышел из своей спальни. После этого ровно две минуты ушло на дорогу в душ, десять — на его принятие и шесть на то, чтобы одеться в ту свежую и хорошо выглаженную одежду, которую уже успели принести слуги. После следовали семь с половиной минут завтрака — того самого крепкого кофе и тостов с яблочным джемом. За тридцать пять с лишним лет все эти действия были уже хорошо отточены. Ни одного лишнего движения, привычка сокращать всё к самому минимуму. Делюжан ненавидел всякого рода поспешность. Он не был молод, как Хоффман или Бейнот. Он был уже почти стар, и ему ли нужны беготня и суета?

Первый министр вышел из дома в пять часов двадцать девять минут, когда всё необходимое было выполнено и он мог отправляться в штаб Тайной канцелярии, не беспокоясь о том, что что-то могло остаться не сделанным.

Улица утром была, как и всегда, пустынна. Мало кто из жителей столицы вставал так рано. Особенно в этой части города. Министр знал, что большинство жителей этого района были весьма обеспеченными людьми, и они никогда не стремились вставать раньше, чем им хотелось. Они вообще редко вставали раньше полудня. Делюжан не понимал, как можно так беспечно обращаться к своему времени.

Улица была абсолютно пустой. Министр наслаждался этой тишиной. Это были те редкие моменты, когда он мог подышать воздухом, не теряя при этом ни минуты рабочего времени. И мало что могло бы убедить его отказаться от таких прогулок до штаба по утрам...

Здание штаба было торжественным. Даже слишком для здания, принадлежащего Тайной канцелярии. Впрочем, по правде говоря, это здание числилось на картах города одним из филиалов зданий, принадлежащих министерству внутренних дел. Наверное, это было весьма подходящим прикрытием для такой организации, как Тайная полиция. Наверное, всё было именно так, как и должно было быть. И Делюжан сам не мог понять, чем

он недоволен.

Проходит совсем немного времени до того момента, как министр входит в свой кабинет и усаживается за стол. В кабинет входит бледная девушка и спрашивает, не угодно ли Делюжану выпить кофе, на что тот отвечает, что не угодно, и погружается в работу.

— Мистер Хоффман, — слышится в кабинете голос первого министра, разговаривающего по телефону. — Обязательно проверьте, куда могла деться эта девчонка. Мне не нужны лишние проблемы с ней.

Закончив говорить с графом по телефону, советник короля откладывает трубку и вдруг достаёт из ящика стола какой-то документ, читает его, кладёт на стол и одним резким движением расписывается.

Джордж не был удивлён, когда к нему в комнату вошла та женщина. Единственное, что показалось мальчику странным в ней, — это очень богатая одежда. Он не был уверен, что самый обычный психолог будет получать столько, чтобы быть способным купить её. Джордж впервые поймал себя на том, что с интересом разглядывает свою гостью. На рукаве платья этой женщины были вышиты какие-то знаки. И они показались очень знакомыми сыну Дэвида Блюменстроста.

— Привет! — весьма дружелюбно сказала женщина. — Меня зовут Джулия. А тебя?

Джордж тихо назвал своё имя. Эта Джулия была непохожа на тех, кто приходил к нему раньше. И мальчику было интересно, что же она решит сделать, чтобы “вылечить” его. Он не был уверен, что такое вообще представлялось возможным.

— Что же, Джордж... Я здесь не совсем для того, что думает твой отец.

Джордж Блюменстрост с удивлением посмотрел на эту женщину. О чём она говорила? Хочет обокрасть их дом? Что же... Тогда она явно попала не в то место: в том особняке, где лорд Дэвид фактически запер своего сына, не было ничего, что могло бы представлять ценность. А может, она хочет выкрасть его с целью выкупа? Обычно такие люди умирали около парадного входа, когда хотели покинуть дом. Джордж прекрасно помнил, что было около шести таких случаев и каждый раз он оставался дома. Оставался и ждал, пока приедет отец, а так же полиция, которую вызывал лорд Блюменстрост.

Но Джулия не казалась той, что будет похищать ребёнка для получения выкупа. Она спокойно смотрела на мальчика, не предпринимая пока никаких действий. И Джордж был вынужден посмотреть ей в глаза, чтобы эта женщина снова заговорила с ним.

— Знаешь мистера Райта? — мальчик кивнул, подумав, что лгать сейчас было бы плохо для него самого. — Он попал в больницу и сейчас находится в очень тяжёлом состоянии.

Джордж удивлённо посмотрел на эту женщину. И это удивление даже не пришлось изображать. Он думал, что этот жалкий человек был уже давно мёртв. Сколько прошло с того дня? Мальчик ни капли не жалел о том, что сделал с этим психологом. Он был слишком слаб и жалок для того, чтобы продолжать дальше своё существование.

— Я бы хотела понять кое-что.

Наследник лорда Блюменстроста напрягся. Что нужно этой женщине? Он уже начинал почти бояться её. Нельзя было допустить этого. Он должен быть сильнее. Иначе с ним произойдёт кое-что очень нехорошее. Он не должен бояться. Иначе он погибнет.

— Я слушаю вас, леди Джулия! — произнёс мальчик.

Леди Траонт была уже готова улыбнуться. Этот ребёнок заговорил. Оставалось только узнать у него, где в этом проклятом доме может находиться источник той Древней магии...

Роза лежала на кровати, пытаясь с головой накрыться одеялом. Номер пятьсот

восемьдесят девять вертелся на полу, и изо рта его была видна пена. Девочка боялась. Она никогда ранее не видела такого. Лицо её соседа по комнате почернело, зрачков уже не было видно: только белки глаз. Роза хотела сейчас только одного: поскорее оказать дома, рядом с мамой и Марией. Ей не нужно больше ничего. Она не хочет ничего другого. Она просто хочет домой.

Пятьсот восемьдесят девять вдруг начал кричать что-то. Роза не смела вскочить с кровати и нажать ту кнопку, которая бы вызвала медсестру или врача. Она просто боялась. Из раскрытого рта её соседа ползла струйка крови. И Роза не могла просто так глядеть на это, но и пошевелиться она тоже не могла. Страх будто парализовал её. Она страстно желала, чтобы сюда вошёл хоть кто-нибудь. Та девочка, Юта, этот самый Хоффман или герцог Грацеда... Хоть кто-нибудь...

Речи пятьсот восемьдесят девять было уже не разобрать. И если раньше можно было слышать какие-то отдельные слова, то сейчас все звуки сливались в один сплошной стон. Роза боялась своего соседа. Она проклинала свою трусость. Мария обязательно бы предприняла что-нибудь. Обязательно. Роза была уверена, что её сестра не оставалась бы в стороне сейчас. Но и поделаться что-либо с собой девочка не могла.

Слышится очередной воплю пятьсот восемьдесят девять, и в комнату влетает Хоффман. Мужчина сильно разозлён, Роза прекрасно видит это. Он подбегает к подопытному и вдруг бьёт его ногой. Девочка вздрагивает от страха и негодования. Она не понимает, что делает этот мужчина. Пятьсот восемьдесят девять затихает, а мужчина достаёт из кармана халата шприц и делает мальчику укол. Тот и вовсе перестаёт как-то двигаться.

Когда в помещение вбегает Вэлэриу Грацеда, обеспокоенный криком Розы, когда всё произошло, подопытный уже лежит на спине. Перекошенное и почерневшее его лицо кажется нечеловеческим, страшным, отвратительным. По щеке его ползёт небольшая струйка крови, глаза закатились.

— Ты убил его? — спрашивает удивлённо герцог. Когда граф кивает, мужчина вздрагивает от гнева. — Он был совсем ребёнком! Зачем нужно было убивать его? Разве нельзя было проявить милосердие?

Хоффман безразлично смотрит на герцога. Потом Георг ногой осторожно переворачивает труп и зачем-то наклоняется. Чтобы увидеть место того укола, который им сделали вчера, догадывается Роза и замирает от ужаса. Ей тоже вкололи то лекарство. За эти два дня самочувствие Розы резко ухудшилось, как и самочувствие её соседа по комнате, и маленькая принцесса понимает, в чём причина.

— Я проявил милосердие, убив его. Он бы умер в страшных муках.

Вэлэриу качает головой, с укоризной глядя на молодого графа. Тот, кажется, не замечает этого взгляда. Ему словно всё равно, что думают о нём. И Розе вдруг кажется, что этому человеку действительно всё равно. И девочка пытается закрыть себя одеялом ещё больше.

Мальчик смотрел куда-то вдаль. Что было там, за пределами этого дома? Прошло четыре года. Проклятые четыре года с той встречи с леди Джулией. Кем была эта женщина? Она задавала ему много вопросов тогда... И на все он ответил. И эта женщина просто ушла. По её лицу не было видно её страха. Она просто смотрела ему в глаза. Без тени упрёка, без капли осуждения. Эта женщина была слишком другой, слишком странной... Совсем непохожей на остальных. И прошло целых восемь лет с того момента, как он в последний раз покидал дом. Тогда ещё было жива Мари... Тогда ещё была жива Аннэт...

Дэвид Блюменстрост подходит к сыну, тот, только услышав шаги отца, отходит в сторону. Мальчик оборачивается и с подозрением смотрит на мужчину. Он уже давно начинал думать, что отдал бы многое, чтобы отец не подходил к нему больше. Мальчик понимал, что вряд ли сможет простить когда-нибудь этому человеку смерть Мари. Как не сможет простить этого себе. Это он был виноват в том, что случилось такое несчастье...

— Ты же знаешь, сегодня сюда приезжает мой начальник. Я не могу пригласить его в дом, где сейчас живу я с твоей матерью и Амандой, ты же понимаешь...

Джордж вздрагивает и кивает. Меньше всего ему сейчас хотелось, чтобы в этом доме появлялся кто-то чужой. Прошло уже три года с того момента, как тут появлялся кто-то из тех, кто не жил здесь и не относился к семейству Блюменстрост.

— Ты всё ещё винишь меня в смерти Мари? — спрашивает Дэвид вдруг.

И Джордж просто кивает. Конечно же, это было так. Конечно же, он всегда будет винить его в этой трагедии. Разве нужно было спрашивать это? Наследник рода Блюменстрост предпочёл бы, чтобы эту тему вообще никогда не обсуждали. Ведь если не думать о смерти, можно представить, будто Мари ещё жива...

— Не думаю, что когда-нибудь перестану это делать, — тихо замечает мальчик, забираясь на подоконник. — Ты не беспокойся. Я буду тихо сидеть здесь. Ты знаешь меня.

Дэвид кивает и выходит из комнаты. Он знает: сейчас лучше не говорить ничего, если ему дорого время и хоть какое-то расположение сына. Про себя мужчина отмечает, что уже сам готов признать, что это именно он виноват в смерти малышки Мари.

Роза впервые оказалась в кабинете Георга Хоффмана. Это помещение было даже темнее, чем комната, в которой её содержали уже... Сколько прошло с того момента, как этот человек выкрал её? Месяц? А может быть, два? Роза боялась пошевелиться здесь. На столе Хоффмана было очень много различных бумаг, все они лежали в страшном беспорядке, но мужчина, казалось, прекрасно ориентировался во всей этой огромной куче самых различных документов...

Хоффман достал пузырёк с какой-то прозрачной жидкостью, вылил её в стакан и разбавил водой. Когда он протянул это Розе, та взяла стакан, но пить не торопилась. Смерть пятьсот восемьдесят девять произвела на девочку слишком сильное впечатление, чтобы она могла спокойно брать что-то из рук этого человека.

— Боишься? — усмехается Хоффман. — Что же... Хоть чему-то я тебя научил за это время!

На какой-то момент лицо мужчины кажется даже слишком дружелюбным. Таким, каким Роза его никогда не видела. И это заставляет её осторожно поставить стакан на стол. Просто подальше от себя. Она ещё хотела жить. Ей не хотелось, чтобы её недолгая жизнь оборвалась прямо сейчас.

— Пей! Хотел бы тебя отравить, сделал бы это раньше! — смеётся Георг, и Роза замечает, что его взгляд снова становится более хищным, более страшным.

Девочка тянется за стаканом, берёт его в руки и одним глотком опустошает. Препарат оказался ей сладким. Даже слишком сладким. Маленькая принцесса хмурится, пытаясь понять, что же это было. Георг улыбается. Наверняка он и ожидал такой реакции. Роза в который раз думает о том, как же она всё-таки предсказуема. Вообще. И для Хоффмана в частности.

Роза чувствует какую-то невероятную слабость во всём теле, перед глазами у неё всё плывёт. Последнее, что она понимает — это то, что граф подходит к ней и подхватывает на

руки. Сознание покидает девочку, и мужчина усмехается. Это то, что и было нужно. Для операции Роза нужна в бессознательном состоянии. Иначе всё может закончиться более чем плачевно. А ему совсем не хочется рисковать сейчас. Не тот момент, чтобы это было возможно. Моника слишком обеспокоена произошедшим в том приюте. И Хоффман не хочет подавать ей ещё зацепок для расследования.

Джордж очнулся в помещении, неизвестном ему. Он не понимал, что это за место, и не знал, что он тут делает. Комната была светлой, просторной, но в ней не было ничего, кроме кровати, на которой, собственно, и лежал мальчик. Светлая дверь, казалось, была заперта, но когда юный наследник рода Блюменстрост, вскочив с кровати, подошёл к ней и легонько толкнул, она открылась. Мальчик осторожно вышел в коридор. Там было пусто. И ребёнку показалось, что сам коридор был ненастоящим... Казалось, стоит только задеть что-то рукой, и всё исчезнет, пропадёт... Джордж осмотрелся вокруг. Недолго думая, он подошёл к окну, что находилось в конце коридора, и дотронулся рукой до него. Тут же всё стало исчезать. Мальчик оглянулся и вздрогнул. Он не понимал, отчего больше — от неожиданности или на секунду пронзившего его страха? Перед ним стояла Мари.

Девочка была бледна, по лицу её текла тоненькая струйка крови, она смотрела на брата и тянула к нему свои тоненькие ручки. В глазах её, казалось, блестели слёзы. Джордж стоял и не знал, что ему делать. Мари казалась такой живой, такой реальной. Он даже потянулся к ней, дотронулся до её руки; видение не рассеивалось... Мальчику показалось, что сестра схватила его за руку. Так же крепко, как хватала тогда...

— Джордж... Ты пришёл, Джордж! Не оставляй меня тут! Мне страшно тут! — вдруг начала говорить девочка. — Не оставляй! Джордж! Пожалуйста, не оставляй меня тут одну!

Голос её был звонким, тонким, дрожащим... Сначала Джордж даже не вслушивался в слова сестры. Но когда речь девочки стала понятна ему, он почувствовал, как Мари будто тянет его куда-то за собой. Мальчик не понимал, что происходит с ним в эту минуту, но он почему-то вырвался из рук сестры. Глаза той снова заблестели от слёз.

— Джордж! Джордж, иди сюда! — потребовала девочка. — Джордж, мне страшно! Джордж...

Это не голос его сестры. Она никогда ничего не требовала. Это не она сейчас зовёт его. Мальчик отступает ещё на шаг, поворачивает голову, перед ним возникает зеркало, и вот... Он уже не Джордж Блюменстрост. Появляется совсем другое лицо. А рядом с Мари появляется другой очень близкий человек, Юта. Она тоже тянет к нему руку. Хоффман оборачивается. Мари просит его остаться тут, Юта же просит пойти за ней. В какой-то момент он тянет руку к приёмной дочери, и вдруг та исчезает в огне. Мужчина поворачивается к сестре. Та же растворяется во тьме... Слышится чей-то хохот. Георг Хоффман, сам не понимая почему, разбивает зеркало. И в каждом осколке появляется его отец, смеющийся над ним...

Хоффман вскакивает с дивана, когда просыпается. Вэлэриу Грацеда, стоявший рядом, вздрагивает от неожиданности. Он с удивлением смотрит на своего начальника. Тот выбегает из комнаты, вампир решает последовать за ним во избежание каких-либо неприятных последствий. Хоффман бежит по коридору, заглядывает в несколько комнат, сталкивается с тем пареньком, Рогдом, кажется, бегло извиняется и продолжает бежать. Вэлэриу пихает юноше в руки какие-то книги, которые он перебирал в тот момент, когда Георг проснулся. Рогд удивлённо смотрит на своё начальство, два представителя которого только что пронесли мимо него, и решает последовать за этими людьми.

Хоффман вбегает в одну маленькую комнату и останавливается. Юта сидит на полу и что-то чертит. Граф подскакивает к ней, хватая за руку, прижимает к себе. Девочка удивлённо смотрит на него.

— Извини, пожалуйста, я больше не буду рисовать на полу. Правда! — прошептала Юта, хмурясь и вспоминая, что мужчина строго запретил ей чертить на паркете различные фигуры, аргументируя это тем, что пол предназначен вовсе не для этого.

Хоффман тихо смеётся, услышав эти слова, и осторожно, будто бы боясь как-то навредить, целует девочку в макушку. Рогд, вошедший в этот момент, осторожно выходит и прикрывает дверь. Ему не хочется портить такой момент сейчас. Тем более, учитывая то, что он узнал небольшую слабость своего начальника. Тем более, зная характер этого самого начальника. Георг Хоффман не оставит Рогду ни единого шанса на жизнь. Георг Хоффман просто убьёт его. Как убивал всех, кто вставал на его пути. Рогд не хочет такой судьбы для себя. И сделает всё, чтобы избежать такой плачевной участи, какая постигла многих подчинённых Хоффмана.

— Ну и что ты тут делаешь?! — слышит Рогд чей-то возмущённый голос и оборачивается.

Перед ним стоит Мердоф, его брат. Он сильно рассержен, и парень думает, что, если ему ещё хочется жить, не следует злить Мера ещё больше. Тот всегда был слишком вспыльчив и непредсказуем. Слишком. Слишком даже для человека, подобного Мердофу.

— Ничего... Так, заходил бумаги отдать, — произносит парень, на всякий случай отодвигаясь от брата.

Тот хмурится и кивает на дверь. Рогд пожимает плечами и поспешно выполняет невысказанное пожелание. Мердоф ещё несколько секунд смотрит вслед брату, потом стучится в дверь той комнаты, где находится Хоффман. Мужчина выходит оттуда и недовольно смотрит на помощника.

— Рогд что-то видел, милорд, — произносит юноша. — Мне убить его?

Граф на секунду замирает. Но его замешательство длится совсем недолго. Уже через мгновение он хохочет так, что испуганная Юта выбегает из комнаты и с непередаваемым ужасом смотрит на опекуна. Мердоф едва заметно шикает на девочку, и та стремительно исчезает за дверью. Хоффман, замечая это, перестаёт смеяться и с укором смотрит на своего помощника. Тот тихо извиняется перед графом.

— Не торопись. Ты всегда успеешь убить своего брата. Спешка ни к чему.

Мердоф кивает. Он следит за каждым движением этого человека, впитывает почти каждое его слово. За те три года парень смог усвоить, что Хоффман почти ничего не делает и не говорит без нужды. Во всяком случае, на рабочем месте.

— Ты лучше отправляйся в поместье леди Траонт. Мне интересно знать, что замышляет эта особа. И да, держи её на прицеле. Как бы не выкинула чего-то, мешающего мне.

Парень снова кивает. И граф едва заметно улыбается. Этот парнишка умел лучше, чем кто-либо другой, выполнять свою работу. А Хоффман больше всего ценил именно это качество в людях.

Ария — “Кровь королей”

===== I. Глава тридцать восьмая. Время перемен и воспоминаний. =====

Налей еще вина, мой венценосный брат,

Смотри, восходит полная Луна...

В бокале плещет влага хмельного серебра.
Один глоток, и нам пора
Умчаться в вихре по Дороге Сна...
По Дороге Сна, пришпорь коня!
Здесь трава сверкнула сталью,
Кровью алый цвет на конце клинка...
Это для тебя и для меня — два клинка для тех, что стали
Призраками ветра на века...
Так выпьем же еще. Есть время до утра.
А впереди дорога так длинна...
Ты мой бессмертный брат, а я тебе сестра!
И ветер свеж, и ночь темна,
И нами выбран путь — Дорога Сна...
По Дороге Сна, тихий звон подков.
Лег плащом туман на плечи,
Стал короной иней на челе.
Острием дождя, тенью облаков -
Стали мы с тобою легче,
Чем перо у сокола в крыле...
Так выпьем же еще, мой молодой король,
Лихая доля нам отведена...
Не счастье, не любовь. Не жалость и не боль!
Одна Луна, метель одна,
И вьется впереди Дорога Сна...
По Дороге Сна, мимо мира людей!
Что нам до Адама и Евы,
Что нам до того, как живет земля?
Только никогда, мой брат-чародей, ты не найдешь себе королеву,
А я не найду себе короля...
И чтоб забыть, что кровь моя здесь холоднее льда,
Прошу тебя, налей еще вина.
Смотри, на дне мерцает прощальная звезда...
Я осушу бокал до дна...
И с легким сердцем по Дороге Сна!
По Дороге Сна...
По Дороге Сна...*

На столе у леди Траонт в тот день можно было увидеть множество самых различных деликатесов, впрочем, сама графиня была человеком довольно скромным и не слишком привередливым, зато её младший брат Теодор, сын Седрик и ухажёр Жан вряд ли были бы готовы есть что-то другое сейчас. Хельга изо всех сил старалась не показывать своего восторга и желания попробовать всё, что находилось на столе, Кая находилась в замешательстве, а Реми набросилась на все эти блюда так, будто бы не ела и вовсе ничего целый месяц, а то и больше. Графиня же делала вид, что не замечает такого неприличного поведения со стороны друзей своего сына. Впрочем, так же, как и ото всех остальных тоже. Сегодня было ровно... девятнадцать лет с того момента, как она познакомилась с Жаном, а

тот, казалось, вовсе не замечал этого. Ведьматяжело вздохнула, надеясь, что хоть сейчас кто-нибудь обратит на неё внимание. Но никто даже не посмотрел на неё. Реми с упоением уплетала осетрину, приготовленную по рецепту самой графини, Седрик лакомился бутербродами с икрой, Теодор пил вино из того самого бокала, который был подарен герцогине её отцом за два года до его смерти... По правде говоря, изначально бокалов было намного больше. Но характер герцогини не мог позволить всем им остаться в том состоянии.

Хельга старалась делать вид, что она не замечает перемены в настроении леди Траонт и не пытается предположить, что случилось на этот раз. Обычно все её попытки помочь ограничивались каким-то бессвязным бормотанием. Да и сама герцогиня не была бы рада такой помощи. Впрочем, сегодня мать Седрика была даже ещё более необычной, нежели всегда. И, хоть наследница рода Кошендблат уже давно привыкла к поведению матери своего друга, сегодня она еле могла сдерживать вздохи удивления. Впрочем, леди Джулия всегда была способна на поступки, на которые ни один другой человек просто не решился бы. Можно даже сказать, что герцогиня всегда была кумиром маленькой Хельги. Эта женщина не боялась ничего. Во всяком случае, девочка не могла припомнить ни одного случая, когда Джулии было страшно.

Сейчас герцогиня была не в настроении с кем-то общаться. Она думала о чём-то своём, и мало кто был в состоянии понять её мысли. Женщине не хотелось произносить что-то сейчас. И Хельга с благоговением и удивлением смотрела на неё. Герцогиня встала из-за стола, медленно подошла к окну. Её брат, Теодор, увидев, что с сестрой что-то не так, быстро допил вино из своего бокала и поспешил направиться поближе к выходу из столовой.

— Мама? — спрашивает удивлённый Седрик. — Что-то случилось?

Джулия резко оборачивается. Её глаза почти блестят. Хельга вспоминает, что взгляд леди Траонт становился таким каждый раз, когда в голову ей приходили особенно необычные мысли. Юная леди Кошендблат про себя отмечает, что ещё не совсем понимает, хорошо это или плохо.

— Какой-то уродливый и безумный граф мог создать Академию для магов двести лет назад... А я, значит, не могу?! — вдруг морщится герцогиня.

Жан осторожно откладывает недоеденный кусочек торта в сторону, поднимается со стула и подходит к Джулии. Та недовольна сейчас. И он должен сделать всё, что могло бы развеселить её. Ведьма обиженно смотрит на парня. Тот судорожно придумывает, что именно можно сделать в данный момент. Чтобы любимая женщина не смотрела на него так...

— Но ты же можешь создать собственную Академию магов... — бормочет Жан. — Восточное крыло старого замка прекрасно подойдёт для того, чтобы стать зданием школы...

Джулия на секунду задумывается, потом кивает. Хельга замирает, прекрасно понимая, что для оборудования Восточного крыла её, Седрика и остальных заставят обустроить это двухэтажное старое строение... Так оно и оказывается. Леди Траонт за несколько секунд смогла придумать кучу поводов отправить всю эту компанию прибираться в Восточном крыле.

Мальчик с любопытством разглядывал женщину, стоявшую перед ним. Мать говорила, что герцогиня являлась его сестрой. Они не были очень похожи внешне. Во всяком случае, Тео пока не видел сходства. Женщина оказалась довольно высокой, волосы у неё были хоть и тёмные, но гладкие, послушные, глаза смотрели гордо, кожа казалась мраморной, сама она представляла собой эталон благородства, некоего изящества... В ней не было, как показалось

Тео, ни одного изъяна. Она представлялась мальчику некой богиней, неким совершенством...

А матери, напротив, эта женщина не нравилась. Она даже как-то раз бросила ей вслед какое-то обидное слово. Теодор пока не до конца понимал значения этого слова, а когда он спросил у матери, что оно означает, ему ответили, что узнает он об этом, когда вырастет...

Женщину эту звали Джулией Траонт, и она, по мнению ребёнка, была человеком необыкновенным. Сейчас она стояла перед его матерью в том ярко-красном платье, в котором была запечатлена на одном из портретов, которые когда-то привозил отец мальчика. Плечи Джулии были оголены, но, хоть на дворе стояла уже поздняя осень, эта девушка ни разу не вздрогнула за время их разговора. Голос её был чистый, звонкий, слова она произносила чётко, даже, как казалось Тео, слишком чётко.

— И как только отец заметил такую дурнушку, как вы? — удивлённо спросила леди Траонт. — Да ещё, к тому же, и истеричку!

Женщина эта усмехнулась и вдруг расхохоталась. А мать Теодора обиженно посмотрела на неё и сдавленно охнула. Тео заметил, что пройдёт совсем немного времени до того момента, когда его мама расплачется. Как та делала всякий раз, когда ситуация выходила из-под её контроля.

— Не смей говорит так! Моя мама самая лучшая, что бы не говорили важные тётки вроде тебя! — закричал Теодор, пытаясь хоть как-то взять ситуацию под контроль.

Джулия Траонт поражённо уставилась на мальчика. Мать его вздрогнула и осторожно притянула сына к себе. Леди Траонт присела на корточки и, снова усмехнувшись, тихо начала говорить, обращаясь к ребёнку. В глазах её, будто появился тот блеск, присущий только отцу в минуты гнева или озарения.

— Послушай меня, мальчик... Авось будешь не таким недалёким, как твоя мамаша... Я постарше тебя буду, и жизни я побольше твоего видела. У моего отца было столько женщин, что ты даже представить этого себе не можешь. И детей у него много. Уверю тебя, таким, как мы, бастардам, он не оставит ничего.

Леди Джулия выпрямилась, лицо её снова приняло то своё холодное отстранённое выражение, которое было присуще всем дамам высшего света. Она прощается лёгким кивком головы и уходит. Мать осуждающе смотрит на Теодора. Тот непонимающе смотрит на неё.

— Этой стерве не стоило говорить такого, — строго замечает мама. — Ей только и надо, гадине такой, чтобы кого-то унижить. Не смей вмешиваться во взрослые разговоры, Теодор!

Мальчик вздыхает и бормочет, что вот она, благодарность, — стоит сделать попытку помочь кому-то, тебе сразу говорят, что делать этого не стоило вовсе.

Хельга, Седрик, Кая, Реми, Жан и даже Теодор были отправлены приводить в порядок то небольшое здание, где леди Траонт планировала разместить школу для девочек низкого происхождения с магическими способностями. Если говорить честно, Жан уже жалел, что сам предложил женщине эту идею. В конце концов. Теодор не раз переживал те дни, когда герцогиня была не в самом лучшем расположении духа...

— Вот нафига ты это ей сказал?! — возмутился Теодор. — Сейчас бы сидели в тепле, пили чай, ну, или вино, вели бы светскую беседу!

Седрик вздохнул, всем своим видом показывая, что со своим дядей он согласен. Хельга старалась вовсе ничего не говорить. В конце концов, ей хотелось просто побыстрее закончить всё и оказаться в своей комнате. А если постоянно ссориться, закончить вряд ли

удастся и к вечеру, а, зная леди Джулию, обустроить крыло им придётся до тех пор, пока оно не будет в должном состоянии. Зная, сколько здесь работы, юная наследница рода Кошендблат могла спокойно утверждать, что им и так придётся работать до вечера. Если будут ссориться — то два дня или три. Точнее, всем, кроме Седрика, которого всё же отправят спать.

— Может, попробуем сначала всё сделать, а потом я помогу тебе его убить? — обратилась Реми к Теодору.

Мужчина задумался, но всё же кивнул. Кая пожала плечами. Ей вообще хотелось поскорее отправиться в тот город, куда отправлялся Паул. Наверняка ему там могла понадобиться какая-то помощь. Альфонс что-то говорил о том, что в столице произошла революция...

Хельга помогала разбирать и уносить старую мебель из комнат этой пристройки к старому дворцу леди Джулии. Работал в основном Жан, и девушка успела пожалеть, что тут не было Альфонса и Леонарда. В конце концов, что друг принцессы Марии, что брат самой Хельги были бы куда более полезны для такой работы.

— Эй! Поторапливайтесь вы! — своим звонким голосочком выкрикнула Реми, с удивительной ловкостью забираясь на крышу двухэтажного здания. — Я есть хочу, между прочим!

Теодор крикнул девочке, что с удовольствием придушит Жана и поджарит его, чтобы накормить несчастного ребёнка. Седрик тихонько кивнул, соглашаясь с дядей. Хельга пожала плечами, понимая, что если лорд Траонт решит что-то предпринять сейчас, остановить его сможет только леди Джулия, находящаяся сейчас в библиотеке и не подозревающая о конфликте. Реми легко спрыгнула с крыши, и юная леди Кошендблат поразила её ловкости. А маленькая предсказательница подбежала к конюшне, что находилась совсем неподалёку. Девочке сейчас куда больше хотелось прокатиться на одной из лошадей, нежели прибираться в этом старом и пыльном здании.

Теодор не помнит, когда видел эту несносную особу в последний раз. Маргарет была слишком непоследовательна, слишком ветрена, чтобы приходить именно тогда, когда её приглашают. Эта девушка была встречена графом на ежегодном маскараде. Не очень высокая, тонкая, красивая, аристократичная, с обрамляющими прекрасное личико светлыми локонами... Вся она была похожа на какого-то ангела. Прелестного, милovidного... Теодор прекрасно помнил, какая ночь была у него тогда, в их первую встречу. Эта девушка не была той же Алесией из соседнего мирка, но чем-то они всё же были похожи. Маргарет была замужем за каким-то старым герцогом и, казалось, очень несчастна в браке.

И сейчас девушка пришла именно в тот момент, когда Теодор ждал её меньше всего. Правда, рядом с ней теперь находился ещё кто-то. Девочка лет пятнадцати или шестнадцати стояла за Маргарет со взглядом, достойным девушки королевского происхождения. Хрупкая, высокая, нескладная, с жёсткими волосами... Зубы её были чуть-чуть кривыми, губы плотно сжаты, а взгляд — довольно колючим. Теодор про себя усмехнулся, подметив, что девочке этой может не слишком повезти в личной жизни с таким характером. На этом ребёнке было синее платьице, не очень дорогое, это было видно сразу, но довольно красивое.

— Это моя сестра, Тео! — капризно пояснила Маргарет, небрежно показывая на незнакомку рукой. — Анна, думаю, господин Траонт разрешит тебе посидеть где-то в его поместье, пока мы с ним...

Девочка перебила сестру, резко заметив, что она посидит в гостиной, пока её

дражайшая сестрёнка будет заниматься с графом Траонтом тем, чем им будет угодно. Анна склонилась в глубоком реверансе, но лорд видел, что этот жест был пронизан какой-то насмешкой, каким-то презрением. Чёрные локоны девочки, когда она наклонилась, упали ей на плечи, Теодор заметил, что волосы Анны были куда более растрёпанными, нежели у Маргарет. Когда девчонка гордо удалилась из комнаты, Теодор позволил себе расхохотаться.

— Вот чудо твоя сестрёнка! Сколько ей лет, подскажи-ка?! Кстати, позволю себе заметить, что вы с ней не похожи ни капли!

Маргарет кивнула и подседа поближе к графу. Тот улыбнулся. Всё-таки эта девушка была поистине великолепна. Сейчас он мог совсем близко увидеть её лицо, видеть вблизи её бледную кожу, ярко-алые губы, белоснежные зубки, которые она изредка показывала, улыбаясь. Сейчас он мог зарыться лицом в её густые волосы, всегда приятно пахнущие, почувствовать её руки на своей спине...

— И чем это ты тут занимаешься, когда я к тебе привожу твоего племянника, а?! — услышал мужчина голос нелюбимой сестры. — Трудно, что ли, потерпеть и не заниматься этим хотя бы в тот день, когда я прошу тебя с ним посидеть часик или два?!

По тону, каким были произнесены эти слова, можно было догадаться, что герцогиня Траонт разозлена больше, чем когда-либо. Впрочем, порог возможного гнева леди Джулии увеличивался раз в три месяца, нарастая при этом — что было несколько странно — очень постепенно. Теодор помог Маргарет встать, встал сам и... начал разговор со своей сестрой. Что-что, а вот такие душевные разговоры, которые устраивала ему герцогиня, он терпеть не мог.

Алесия сидела на балконе и пила апельсиновый сок, когда Моника подошла к ней. Девушки редко могли спокойно общаться: Алесия была слишком вспыльчивой и распушенной, а Моника — чересчур принципиальной. Впрочем, мисс Хайнтс, пожалуй, могла понять, откуда растут корни этой принципиальности мисс Эливейт, но общаться с ней от этого приятней не становилось. Да, конечно, будучи единственным и долгожданным ребёнком в своей семье, Алесия была несколько избалована, распушена, легкомысленна... Но это не давало шпионке права относиться к ней с предубеждением! В конце концов, Алесия честно пыталась помочь той влиться в дружный коллектив Тайной Канцелярии! Ведь пыталась, не щадя ни времени, ни сил!

Сейчас Моника Эливейт выглядела грустной и даже подавленной, это было непривычно, и племяннице короля даже захотелось как-то помочь ей. Нет, она обычно просто проходила мимо, когда видела критическую ситуацию у какого-либо человека. Например, когда видела в таком настроении Георга или Горація... Но те оба были весьма сильными людьми, и им бы её помощь просто помешала. А если говорить о Хоффмане, тот бы вообще вежливо от этой помощи отказался бы. И сейчас, столкнувшись с ситуацией, когда нужно было поддержать другого человека, девушка столкнулась с почти неразрешимой проблемой. стакан с соком Алесия решила отложить и взять вместо него в руки бокал с вином, тем самым, которое привёз Георг из того земного мира года три назад.

— Что случилось? Денег на строительство нового храма или приюта не дали? — несколько грубо спросила Алесия.

Шпионка вздрогнула и повернулась к собеседнице, отчего той стало не по себе. Успокоив себя тем, что, если что-то случится, Георг и Горацій находятся в этом же здании и обязательно придут к ней на помощь, Алесия ждала ответа. Моника, поняв это, тяжело вздохнула и начала что-то бормотать.

— Георг наорал на меня. Сказал, что я дура и ничего не понимаю.

Алесия фыркнула. Знала бы мисс Эливейт, сколько раз ей, племяннице короля, приходилось выслушивать недовольные высказывания графа Хоффмана! А Горацию? Представить только: быть лучшим другом такого человека! Мисс Хайнтс, одна из немногих, знала, что именно скрывается за ледяной вежливостью рубинового графа. Кто-то называл его ещё алмазным графом. Впрочем, наверное, было верно и то, и другое. Многие поместья Георга располагались рядом с рудниками, и это, безусловно, играло на руку молодому активному человеку.

— Что же... Значит, у него было плохое настроение! — пожала плечами Алесия, допивая свой сок. — А если у него плохое настроение, он начинает орать на всех, кто в этот момент просто проходит мимо! Нечего расстраиваться!

Моника Эливейт недоверчиво посмотрела на свою давнюю неприятельницу. Та говорила это так, будто бы это на неё только что накричали, а вовсе не на шпионку. Она говорила с видом знатока. С видом человека, считающего всех других ничтожествами.

— Что ты знаешь?! — обиженно просопела девушка. — Это на меня он орал сейчас, а не на тебя! Что ты вообще о нём знаешь?!

Алесия пожала плечами и демонстративно фыркнула. А что она знала о Георге? То, что он четыре раза спасал её жизнь и два раза честь, то, что он дрался на дуэли ради неё, то, что он усыновил совершенно незнакомую и чужую ему девочку просто так, просто усыновил без всякой выгоды для себя, то, что он всегда помогал деньгами и советами Горацию, нередко совершавшего такие глупости, что без слёз невозможно было и посмотреть, то, что он заслужил репутацию стального советника в Тайном совете, то, что он с детства интересовался историей... Ещё Алесия, разумеется, со слов самого Хоффмана знала, что о раннем детстве у него осталось два воспоминания: сестра, о которой он никогда никому не рассказывал, и жуткие головные боли, вследствие которых портилось настроение графа... Впрочем, это было то, что дано было знать не всем, и за четыре года дружбы Алесия была рада тому, что узнала. Гораций знал куда больше. Ему, казалось, Георг Хоффман доверял больше, чем кому-либо в столице. Он был лучшим другом графа, и именно ему было дано увидеть больше, чем другим. А ещё Алесия знала, что Моника — четвёртый человек в столице, для кого был приоткрыт занавес той ледяной вежливости, которую видели все в лице графа.

— Что ты сказала ему? — поинтересовалась королевская племянница.

Моника снова тяжело вздохнула и начала сбивчиво рассказывать, как она высказала Георгу всё, что думает о его новой пассии, Анне. Та девушка, по мнению мисс Эливейт, была совсем не тем, кто нужен был графу. Безусловно, Анна была очень красива, умна, обаятельна... Впрочем, красива ли? Моника заметила, что девушка эта была довольно высока, худа, очень бледна... У неё были густые чёрные волосы, локонами обрамляющие весьма милое личико. Когда на лице Анны появилась приветливая улыбка, Моника увидела, что верхние зубы этой особы были не слишком ровными. Но девушка эта совсем не казалась ни куклой, ни некрасивой. Её глаза были очень живыми, задорными. Вполне вероятно, что именно этот взгляд понравился Хоффману...

— Он не любит, когда лезут в его личную жизнь. Я понимаю его. Мало кому это понравилось бы, — замечает Алесия.

Моника возмущённо замечает, что делает она это для блага самого Хоффмана, а вовсе не для себя. Племянница короля фыркает и медленно отпивает из своего бокала с вином.

— Поверь, Анна — одна из многих. Стоит ли тебе беспокоиться? Он бросит её, едва пройдут две недели.

Мисс Эливейт недоверчиво смотрит на девушку. Та замечает, что знает Георга куда больше, нежели Моника, и поэтому может многое подсказать, если той нужна будет помощь в общении с ним. Алесия делает ещё один глоток и ставит бокал в сторону. Он пуст. И мисс Хайнтс не знает, почему не зовёт прислугу. Девушке хочется просто посидеть тут, в тишине...

— Не говори никому то, что я тебе расскажу сейчас, хорошо? — спрашивает племянница короля. Моника кивает. — У Хоффмана была сестра. Я видела фотографию. Хорошенькая девочка, они с ним были двойняшками. Ей было шесть лет, когда она умерла... И теперь, с того момента, как он показал мне тот медальон, я стала замечать, что все его девушки... Похожи на эту девочку... Мне кажется, не стоит что-либо говорить ему, когда он с кем-то встречается именно поэтому...

Моника удивлённо смотрит на Алесию. Девушке не хочется верить в то, что человек, которого она всегда считала одним из самых близких своих друзей, не полностью доверял ей, не доверил ей той тайны, которую знала Алесия. Мисс Эливейт в который раз за этот день ловит себя на мысли, что завидует. Завидует. Ей, ей, а вовсе не Анне должны были принадлежать те улыбки, те слова, те поцелуи... Ей, только ей, а не этой вздорной Алесии, должна была принадлежать тайна графа. Почему же всё досталось им? Почему?

Моника резко вздрагивает и убегает куда-то. Алесия, увидев это, только усмехается и пожимает плечами. Девушка просит слугу наполнить её бокал вином и, когда приказ исполнен, отпивает ещё глоток. Вино помогает ей думать. Только вот как бы не оказаться в ситуации, в которой оказалась её тётушка года три назад. Смерть оной потрясла всё королевство. Алесия трясёт головой, вспомнив это. Теперь племянница короля думает об Анне, об этой странной девушке, что смогла подойти к пламени ближе, чем кто-либо. И Алесия думает, насколько долго мотылёк протянет до того момента, пока не сгорит дотла.

---

*Песня Мельницы “Дорога Сна”

R.s. Одному человеку запоздалый подарок на день рождения

===== I. Глава тридцать девятая. Невозможность дарит вопрос, вопрос же дарит возможность... =====

Души нет давно у того злого мага,
Души нет давно, он привык уж к тому,
Но каждый, кто в бездну хотя бы заглянет,
Всегда слышит стоны иль крики творца.
Волшебник — творец, он способен к созданию,
Способен любовь создавать, красоту.
Волшебник — хранитель запретнейших знаний,
Которые редко нужны ли кому.
Волшебник смеялся, когда шёл по краю,
Волшебник смеялся, когда вдруг упал,
Давно, правда, видели злую ухмылку,
Которая всем помогала узнать.
Души нет давно у того злого мага...
А зол ли он так, как о нём говорят?

Давно он ослеп и давно чѣрство сердце,
Давно проклял всех, кто мешали ему...
Волшебник вполне может счастье разрушить,
Волшебник вполне может счастье создать,
Но в сердце одних он всегда разрушитель,
А в сердце других он навечно творец.
Его колдовство — только горя творение,
Его колдовство — лишь усердия плоды.
Давно всё разрушилось в танце стихии,
А магия всё же жива в колдуне.
Души нет давно у того злого мага,
Души нет давно, может, он и привык.
Когда-то смеялся над бездной и счастьем,
Теперь уповает на милость творцов.
Других. Молодых. И жестоких не меньше.
Сильнейших и гордых. Но всё же иных.
Смерть стала подругой им очень давно,
Но несколько лет стали новой ступенью,
А маг тот живѣт, еле дышит уже.
Души давно нет у того злого мага.
Души нет давно, он привык уж к тому,
Но всё же порою виденья есть в бездне,
Которые стали ему, как глаза.
Как сердце, как старое гордое сердце,
Как сила, которой лишился в беде.
Души нет давно. И не может быть больше.
Он душу свою потерял там. В пути...

Мердоф с огромным интересом наблюдал за операцией. Хоффман редко приглашал его на такие важные мероприятия, и паренёк был рад, что в этот раз он смог увидеть это своими глазами, а не на видеоплѣнке. На операционном столе лежала девочка лет одиннадцати или двенадцати. Юноша прекрасно помнил, что операцию над ней не показывали всем желающим, как всегда. Мердоф точно знал это. Он старался не пропускать ни одного такого показа.

Вэлэриу Грацеда смотрел за происходящим в операционной с таким видом, будто готов был убить молодого графа, но не смел делать этого. Юноша видит это и про себя замечает, что должен будет, если что-то пойдѣт не по плану, убить и герцога вампиров. Хоть это, бесспорно, не будет не иметь последствий для него. Мердоф залезает рукой в карман, нащупывает пистолет, всё это время не сводя со старого вампира взгляда. Грацеда в какой-то момент замечает это и начинает сам смотреть пареньку в глаза. Смотреть вампиру прямо в глаза равно смерти. Но отвести взгляд очень трудно. Почти невозможно. И Мердоф не настолько силѣн магически, чтобы что-то предпринять сейчас. И кажется, Хоффман чувствует что-то, хоть и не видит ни герцога, ни своего помощника. Георг резко разворачивается, оставляя на некоторое время Розу на операционном столе без должного внимания. Он быстро встаѣт между герцогом Грацеда и Мердофом. Парень, наконец, чувствует, что всё в полном порядке. Девочка истекает кровью, но никто не подходит к ней

пока. Когда Хоффман замечает что-то неладное и снова возвращается к эксперименту, Роза отчего-то вздрагивает.

— Грацеда, подайте мне пузырёк с той зелёной жидкостью. Скорее! — почти кричит граф, и герцог дрожащими руками протягивает этот препарат.

Мердоф сглатывает. Если его начальник решил применить это, значит, дело очень плохо. Неужели он, Мердоф Айтсеч, послужил помехой для действий графа?! Георг Хоффман никогда не простит его, если это так. Девочка на операционном столе открывает глаза. Она смотрит на Айтсеча с такой болью, с таким ужасом, с такой надеждой, что тот невольно усмехается. Когда он сам лежал на операционном столе, ему было пять лет, никто не помог ему, такому же несчастному ребёнку, а может быть, ещё более несчастному. Почему же эта девчонка смеет надеяться на то, что ей кто-то поможет?

— Я могу как-то помочь вам, граф? — спрашивает юноша, когда видит, что Хоффман смог справиться с самым сложным. Никогда нельзя отвлекать этого человека, если ситуация была критической.

Граф качает головой. Проходит меньше минуты до того момента, как операция объявляется законченной, Георг выходит из комнаты, а Роза остаётся лежать на столе. Грацеда подбегает к девочке сразу же, как Хоффман покидает операционную. Мердоф покидает помещение, как только вспоминает, что Георг Хоффман просил его зайти в свой кабинет сразу после окончания эксперимента.

Парень спешит выполнить это указание. Граф уже ждёт его там. Мердоф еле успевает войти в кабинет, как мужчина подскакивает к нему, захлопывает дверь и запирает её на замок, молча протягивая помощнику в руки какой-то листок бумаги. Юноша только через несколько минут понимает, что на нём написано.

— Вы хотите сказать, что я...

Хоффман кивает, не давая молодому человеку договорить. Мужчина смотрит на помощника несколько зло, взбудоражено. Нет, беспокойства во взгляде графа нет. Тот никогда не беспокоился ни о чём. И Мердоф всегда думал, что у этого человека стальные нервы.

— Твой брат мешается у меня под ногами! — холодно и зло сплёвывает Хоффман.

Нет, не разозлёно. Именно зло. В голосе этого человека не было никаких эмоций, кроме презрения. Мердоф прекрасно чувствует это. Ему уже давно не становится не по себе только от звуков этого голоса. Парень долго работал на Хоффмана и уже давно знает, как и на что нужно реагировать.

— Но мне нужно знать все его планы. Так что его убийство откладывается на тот срок, пока ты не визнаешь всё. Понял меня?

Юноша кивает. Столько времени он ждал этого времени... Разве может он не понять того, что хочет от него граф? Узнать всё про планы Рогда... И тогда Мердоф получит, наконец, разрешение убить своего ненавистного братца! Что же тут могло быть непонятного? Парень откланивается и выходит из кабинета Георга Хоффмана. На его лице появляется та улыбка, которую вряд ли кто захотел бы видеть на чьём-нибудь лице. Мердоф с нетерпением ждёт возможности убить самого ненавидимого им человека. И он чувствует, что до этого момента осталось совсем немного времени. Глупый брат сам совершил такую непростительную ошибку: пошёл против начальника Мердофа. Что же... Будет ещё один повод убить его.

Маленькая девочка лет пяти-шести сидела на самой толстой ветке старого дуба, что

находился совсем рядом с детской площадкой. Она сидела на ветке дуба и что-то чиркала в своём блокноте, что месяца два назад подарила ей мама. Девочка иногда задумчиво смотрела куда-то в сторону, потом снова принималась что-то писать. Волосы этого ребёнка были светлыми, сама девочка казалась бы ангелочком, если возможно было бы не обращать внимание на разбитые коленки и порванную, запачканную одежду. Мальчик, подошедший к девочке через несколько минут, был очень похож на нее внешне, разве что был немного худее. Короткие светлые спутанные волосы, заинтересованный взгляд синих глаз, бледная кожа, ссадины, синяки... Мальчик быстро забрался на ту же ветку и стал внимательно наблюдать за тем, что пишет девочка.

— Привет, Ал! — буркнула девочка, не отвлекаясь от своего блокнота.

Мальчик поприветствовал её в ответ и вдруг спросил, про что именно она пишет. Девочка на секунду перестала писать, задумалась и начала сбивчиво рассказывать об этом...

— Мария! Ты не можешь стать солдатом, ты девчонка! — важно произнёс Альфонс.

Девочка разозлёно посмотрела на него. Потом ударила по голове своим блокнотом и слезла с ветки, успев при этом ободрать ещё и свой локоть. Ранка стала кровоточить, но Марии, казалось, было не до этого. Она направилась к своим любимым качелям. Согнав какого-то незнакомого мальчика с них, Мария уселась и снова стала что-то писать. Ал пошёл за ней. Он уже давно привык к такому поведению подруги. Они познакомились давно, как им казалось, и могли спокойно называться старыми друзьями.

— Мария! — окликнул он её. — Ты же прекрасно понимаешь, что этого никогда не будет!

Девочка сердито посмотрела на него. Потом хотела снова ударить его своим блокнотом, но, немного подумав, решила, что не стоит портить ни в чём не виноватую вещь. Поэтому Мария ещё раз сердито посмотрела на друга и просто показала тому язык.

— Почему ты считаешь, что этого не может быть?! — зло буркнула девочка, решив, что нужно всё-таки узнать это у Ала.

Мальчик пожал плечами. Он не знал, как объяснить простую вещь такой вредной девчонке, какой была Мария. Если говорить честно, Альфонсу хотелось даже просто сказать: “Потому что я так хочу”, — но, понимая, что к такому объяснению Мария вряд ли прислушается, да ещё и влетит ему от неё за такие слова, мальчик не стал произносить этого.

— Потому что так не бывает! Девочки не служат в армии!

Мария фыркнула и снова показала другу язык. Вновь прокрутив голове слова Ала, девочка нахмурилась. Логика мальчика ей совсем не нравилась. Разве то, что она родилась девочкой, а не мальчиком, что-то меняет? Она всё равно останется таким же человеком с таким же характером...

— Как я хочу, так и будет! — крикнула она, слезая с качелей и направляясь к дому. — И никто не может мне этого запретить!

Ал покачал головой, но всё же побежал за подругой. Никогда нельзя было оставлять её одну. Тем более тогда, когда у той было плохое настроение. Тем более если он сам отчасти был виновником этого плохого настроения.

Мария не могла заснуть. Какую уже ночь подряд она не смогла сомкнуть глаз? Что-то не давало сделать ей этого. И дело было вовсе не в том, что спать приходилось прямо на земле, подложив под себя плотный плащ. Дело было вовсе не в этом. Холодно почти не было. Когда Мария и Ал ходили в походы вдвоём, они тоже спали на земле, так как им обоим было лень тащить палатки. Но она всегда хорошо спала. Что же беспокоило её всю эту

неделю?

Девушка задумалась. Наверное, её всё-таки мучила совесть. Эта она наорала на мать в тот самый день... В тот самый день, когда принцессы Кассандры не стало... Совесть мучила Марию. И она ничего не могла поделать с этим. В голове всё всплывали картинки той ссоры. Принцесса зажмурилась, пытаясь прогнать гложущие воспоминания.

— Ты не спишь, Дик? — шёпотом поинтересовался новый знакомый девушки, Джон.

Мария привстала. Джон был чем-то обеспокоен. Она чувствовала это. Этот парень был одним из тех, кто не умел скрывать свои чувства. И принцесса была даже немного рада этому.

— Что случилось, Джон? — несколько недовольно спросила она.

Паренёк, казалось, немного приуныл. Мария села и, закутавшись в свой плащ жестом показала, что она слушает. Джон задумался. Принцесса не знала, что сказать ещё, чтобы это чудо было хоть чуть-чуть более серьёзным. Если говорить честно, даже её немного раздражало поведение этого парня. Что же говорить об остальных?

Какой-то шум отвлек девушку от её мыслей. Она подскочила на ноги и, стараясь не шуметь, осторожно стала подбираться к часовому. Он должен был слышать что-то или видеть. Джон, увидев, что друг как-то странно ведёт себя, последовал за ним.

Часового, Нэлга, девушка на месте не обнаружила. Это было странно. Нэлг не был тем человеком, который бы покинул свой пост просто так. Мария знала его не слишком хорошо, но всё равно могла утверждать это.

— Джон... Сегодня ведь Нэлг должен был стоять тут, не так ли? — тихо спросила принцесса.

Паренёк кивнул и удивлённо посмотрел на “Дика”. Мария вздрогнула. Плохое предчувствие не давало ей сейчас оставаться спокойной, хоть девушка прекрасно понимала, что в данной ситуации паника — совсем не выход. Альфонс обязательно придумал бы что-нибудь. Но Ала тут не было. Нужно как-то справляться самой. В конечном счёте, она ведь, возможно, единственная надежда этого мира, что, конечно, было маловероятно. Как она сможет помочь этому миру, если сама не может даже успокоиться?

— Напомни, с кем мы воюем, Джон... — прошептала девушка.

Парень вздрогнул. Он явно не ожидал этого вопроса. Мария не знает, почему ей в какую-то минуту становится настолько страшно, что она чувствует, что не может пошевелиться. И в голове сразу же возникает совет, данный ей Хоффманом...

Самый страшный враг тот, кто стоит у тебя за спиной и кому ты доверяешь...

— Так против кого мы воюем, Джон? — повторяет свой вопрос Мария. — Или как мне лучше обращаться к тебе?

Девушка вдруг будто приходит в себя. Перед ней теперь стоит вовсе не тот паренёк. Джон лежит совсем недалеко от неё. С глубокой кровоточащей раной... Мария не совсем видит, где именно находится эта рана. И она не видит, дышит ли её друг. Рядом лежит Нэлг с подобной раной. Как же она не поняла сразу, что перед ней стоит совсем не Джон?! Разве имела она право на такую ошибку?

Существо, возникшее перед ней, чем-то напоминает ей монстра из некоторых фильмов ужасов, которые она смотрела вместе с Алом когда-то. Смотреть в глаза этому существу нельзя. Мария прекрасно знает это. Это ей объяснили в первый же день её пребывания в отряде. И нельзя драться с ним в рукопашную. Слишком опасно. Что там говорил ей Паул, когда пытался обучить её некоторым основным заклинаниям?

— Beir níos dlúithe... — шепчет девушка, и существо проносится в сторону реки и падает в воду.

Это был не совсем тот эффект, которого ожидала принцесса, но это тоже неплохо. Паула, например, отшвырнуло к стене, когда она впервые произнесла это заклинание. Надо было всё-таки узнать, что оно обозначает. И почему Паул решил показать первым именно его.

Существо до сих пор в воде. Это вампир, понимает Мария. Эльф бы давно выбрался из воды, это их стихия. А вампира что-то удерживает в ней. Нужен кто-то, чтобы помог ему выбраться. Впрочем, через какое-то время он и сам сможет прийти сюда. Мария подбегает к Джону. Тот ещё дышит. Но рана на его животе слишком глубокая. Девушка не знает, как помочь ему. Она слишком плохо соображает в медицине. А то лечащее заклинание, что показал ей Паул, использовать она боится, всё ещё вспоминая, как вместо того, чтобы вылечить небольшую царапину на руке Ала, чуть ли не вспорола этим заклинанием его руку. Паул еле сумел вылечить парня. И она теперь боится использовать какое-либо заклинание для лечения Джона.

Единственное, что сейчас приходит в голову девушки — разбудить кого-нибудь из своих товарищей. Может, хоть кто-нибудь из них знает, как можно помочь Джону и Нэлгу? Может, хоть как-нибудь возможно помочь этим двоим? Мария не знает, что будет делать, если эти двое погибнут... За то время, что она провела здесь, эти двое стали её друзьями...

Мердоф не помнит, как добирается до столицы. Ноги почти не слушаются его. Щиколотка прострелена. Было слишком больно идти. Транспорта, разумеется, ему никто не выдал, и теперь он не понимал, что делать дальше. Был приказ: застрелить некого графа Хоффмана. Мердоф не знал, что это за человек. Он знал только расположение его кабинета в его дворце. И это было всё, что парнишка знал об этом человеке. Если это был просто граф, застрелить его не будет слишком сложно. В любом случае, винтовку для этого дела он где-нибудь достанет...

— Эй, парень! — позвал кто-то Мердофа Айстеча.

И это был первый случай, когда парень порадовался, что винтовки у него сейчас не было. Человек был похож на полицейского, и Мердофу совсем не хотелось попадаться сейчас кому-нибудь из этих людей. Впрочем, отправить его в отделение могли и просто так. За то, что пришёл сюда без документов. Ему было всего лишь двенадцать, и придраться могли к многому.

Незнакомец оглядел Мердофа с головы до ног и, схватив за руку, куда-то повёл. Паренёк очень надеялся, что не туда, о чём он сейчас думал. Доктор Леманн не станет снова доставать его из рук полиции. И если что-то случится сейчас, Мердоф Айстеч никогда не сможет реабилитироваться в глазах этого человека. Зайдя в какое-то здание, незнакомец ещё раз посмотрел на юношу.

— Стрелять умеешь... — произнёс незнакомец задумчиво.

Он не спрашивал это у парня. Он утверждал это. И Мердоф понял, что ему сейчас лучше отвечать этому человеку на все вопросы предельно честно. Незнакомец, казалось, был из тех людей, что видят правду насквозь. И вряд ли он обрадуется, если ему будут в лицо врать.

— Как тебя зовут, а? — усмехнулся мужчина. — Киллер-недоучка...

Мердоф покраснел. Слова эти были слишком обидными для него. Доктор Леманн посылал его убивать многих людей, и он всегда справлялся. Почему же этот человек смеет называть его недоучкой?! Что он вообще знает?!

— Ты бы хоть листок с фамилией того, кого тебе убить нужно, подальше спрятал, а? — уже смеётся этот человек.

Мердоф чуть ли не задыхается от обиды и унижения. Незнакомец же уже просто хохочет. Нагло, без всякого стыда, не испытывая никаких неудобств... И мальчик чувствует, что готов разреветься от переполняющих его эмоций. Он не хочет выглядеть посмешищем. Он не посмешище. Он убьёт того, кого ему приказали убить. Убьёт.

— Так как тебя зовут-то? — усмехается мужчина.

Мальчик обиженно бурчит своё имя. Ему совсем не хочется говорить сейчас. Он куда больше хочет спрятаться куда-нибудь, забиться в угол, сидеть там до той поры, пока этот человек не уйдёт куда-нибудь подальше. Но, вспоминая то, что ему твердили год за годом, ребёнок на всякий случай спрашивает имя незнакомца.

— А меня зовут Георг Хоффман, Мердоф! — смеётся незнакомец.

Мальчик вздрагивает от возмущения и почти кричит, что необязательно так издеваться над ним, называя совсем другое имя. Он выбегает, впрочем, “выбегает” — это сказано слишком громко, из того здания. Мердоф Айстеч не хочет терпеть такое со стороны кого-либо. Ему вполне хватает родителей и Рогда, что всегда посмеиваются над ним, когда ему что-то не удаётся.

Джон не просыпается долго. Мария сидит у его постели в том монастыре уже четвёртый день. Её оставили сидеть с этим пареньком. Она отстала от своего отряда. Она должна будет присоединиться к следующему, что пройдёт около монастыря первым. Джона, скорее всего, придётся на время оставить здесь одного...

Джон просыпается и не понимает, где он находится. Мария еле-еле успокаивает его. Монастырь не нравится и ей самой. Это два или три здания, объединённые каменными арками и ограждённые крепостной стеной. Тут жутко холодно и сыро. Половина, если не больше, из людей, что находятся здесь, не произнесли ни слова. Марии не нравится это место. Тут слишком непривычно. За все четыре дня своего пребывания здесь для того, чтобы помочь Джону, приходило около двадцати или тридцати монахинь. Принцесса плохо запоминала их лица. И только одна из них начала разговор с Марией...

— Приятного пробуждения... — бурчит девушка.

Парень слабо улыбается... Мария чувствует, что ей становится намного лучше, чем было всё это время. Она рада тому, что хотя бы Джон сейчас рядом с ней. Она рада тому, что она сейчас не одна. В одиночестве было бы куда труднее пережить смерть её матери и разлуку с Розой. Мария чувствует, что не выдержала бы.

— Слушай, ты мне не объяснишь, что у вас за монастыри, а?

Джон приподнимается на кровати и удивлённо смотрит на девушку. Мария уже сама почти жалеет, что спросила у друга об этом. Он сильно побледнел сразу же после того, как слова принцессы были поняты им. Девушка не понимает, в чём же дело. Она ни разу не видела Джона в таком состоянии. Она вообще ни разу не видела какого-либо человека в состоянии такого ужаса. Роза всегда пряталась за Марию, когда возникала какая-то трудная ситуация. Их мать, Кассандра, почти не появлялась дома, и девушка почти никогда не видела её. Альфонса напугать было довольно трудно.

— Монастыри? Мы в монастыре, да?

Мария кивает. Ей самой сейчас становится слишком страшно. Она просто не понимает, чего ей нужно ожидать. Мысли в голове появлялись и пробегали с бешеной скоростью. И каждая из них была страшнее другой. Девушка с интересом смотрит на парня. Ей хочется

побыстрее понять, что же случилось с её другом на самом деле.

— Ты веришь в богов Белого Солнца? — спрашивает Джон.

Мария качает головой. В голову ей приходит мысль, что она даже не знает, кто такие боги Белого Солнца. Она никогда не слышала о них. Как она могла верить в их существование?

— Еретиков убивают... — бормочет паренёк.

Мария задумывается. Это всё слишком похоже на средневековое какое-то, а вовсе не на милый мир из сказок, о котором говорил ей Седрик при первой встрече. Впрочем, она уже давно поняла, что будущий лорд Траонт слишком мало знает о своём же мире. Убивают еретиков... Интересно, как? Сжигают на кострах, как на Земле? Или каким-то другим способом? И убивают ли? Даже если действительно убивают, почему нельзя соврать, сказать, будто ты веришь в существование этих существ? В любом случае, это было бы не слишком трудно. О чём она и говорит своему другу.

— Они понимают, когда врёшь. Они всегда понимают это. Дик, нам надо бежать! Пожалуйста!

Мария не знает, что сказать. Джон слишком слаб для того, чтобы бежать куда-то. Ей умирать пока не хочется. Но и оставить друга здесь одного, что значит обречь его на гибель, она тоже не может. Джон пытается приподняться. Оставив это в какой-то момент, парень начинает рассказывать девушке о том, кто же такие жрецы богов Белого Солнца.

Костры пылают ярко и горячо, когда служители богов Белого Солнца принимаются за свою работу. Они сжигают всех, кто не верит в их богов. Служители начинают работать меньше лишь зимой. Это время считается у них проклятым. В это время нельзя работать. Так говорят их боги. Так говорили их пророки. Монастыри, посвящённые богам, которых в народе прозвали “кровавыми”, всегда похожи на крепости. Крестьяне, что работают на эти монастыри, всегда плохо одеты и истощены. Все хотят сбежать из таких мест. Даже Древнюю магию так называемого древнего божества боятся куда меньше. Белые боги куда более жестоки. Они не позволяют отречься от них. Они делают людей слабее. Почти никто из монахов или монахинь не говорит. Большинство служителей теперь вовсе не может говорить. Многим из них при посвящении отрезают языки. Это странная и страшная традиция всех орденов, посвящённых богам Белого Солнца.

Служители богов казнят любого, кто осмелился не верить в их богов. Но они — единственные, кто ещё знает, как можно вылечить кого-либо. Правда, редкий вылеченный выходит из монастыря живым. Многие из больных никогда не верили в этих жестоких богов. Служители редко называют себя жрецами. Жрец — понятие Древней магии, оно не признаётся сторонниками белых богов.

— Какую магию они используют, чтобы распознавать правду и ложь? — спрашивает Мария.

Паренёк пожимает плечами. Он и сам не знает, понимает Мария. Что же говорить с ней? Она провела в этом мире едва ли два или три месяца. И сейчас ей нужно найти Розу. Какой бы не была цена, она просто обязана найти сестру. Никто не сможет помочь этой маленькой девочке, если не поможет она, Мария. Разве может она предать доверие своей сестрёнки?

— Встать сможешь? — спрашивает девушка.

Джон пожимает плечами и пытается подняться с постели. Принцесса, не выдержав, помогает ему, почти ставит его на ноги. Опираясь на неё, он, кажется, вполне может стоять

и идти. И Мария очень рада этому. Нужно только сбежать теперь из этого проклятого места. Даже если всё совсем не так страшно, проверять это сейчас принцессе совсем не хочется. Она ещё должна пожить. Хотя бы недолго.

— Пошли? — спрашивает Мария.

Джон кивает. С большим трудом и с помощью девушки он делает несколько шагов. Добраться они успевают лишь до двери. Прошло около минуты, а они смогли пройти только до выхода из этой комнатки. Что же... Мария не знает, удастся ли сбежать, если Джон будет идти так медленно, но и торопить его она не может, так как понимает, что вынести его на руках она не сможет физически. Когда, наконец, этим двоим удаётся спрятаться в одной из ниш, принцесса слышит возмущённый голос той монахини, что что-то говорила ей, когда ухаживала за Джоном. И Мария понимает, что друг её был прав. И их действительно теперь могут убить.

===== I. Глава сороковая. Что важнее — дела или друзья. =====

Ты славить его не проси меня,
Днём от свечи не станет светлей.
А что слава? Лишь ржа на имени,
Слушай, что я скажу о моём короле:
О том, как щедр он на дружбу был,
О том, как он смеяться умел,
О том, как он веселье любил,
А пел — да что там твой менестрель!
О том, как он слово умел держать,
О том, как за грех он чужой платил,
О том, какой он был преданный брат,
О том, как он братом предан был...
О том, как мы шли в ледяной ночи...
И мечами могилы рубили во льдах...
О том, как к рукам прикепали мечи...
А слёзы замерзали в глазах...
Как изорванный шёлк наших гордых знамён
Осенял спокойствие мёртвых лиц.
Как проклятья в устах замерзали льдом,
А в сердцах умирали слова молитв...
Из ладоней распоротых, как из чаш,
Мы на тризнах пили кровь, как вино.
С нами плакал и пил повелитель наш.
Он всегда и во всём с нами был заодно.
Пусть о победах другой поёт.
А я о бедах тебе спою,
Он видел, как гибнет его народ,
И проклял горькую клятву свою.
Мы утратили всё, нам осталась лишь честь.
Да слава бесполезных боёв.
Да пышных сказаний мишурная лесть.
Да песен хвалебных пустое враньё.

Мы всё потеряли во славу богов.
Нам стало наградой проклятие их.
Нам стали наградой потери да боль.
Забвение мёртвых, изгнание живых...
А когда он в последний бой уходил.
Я понял, что он не вернётся назад...
Он сказал, что за всё отомстит один.
Я не мог ему посмотреть в глаза...
Я лишь видел, как к северу нёс его конь,
Как лазурный плащ летел за спиной,
Как бился волос золотых огонь,
Да прощально пел его рог боевой...
Пусть другой наврёт про количество ран.
Пусть другой наврёт про каждый удар.
Пусть наврёт, что могуч, как скала, был враг,
И что слаб перед ним был мой государь...
Я скажу одно: меня не было там....
Я скажу: мне себя теперь не простить...
Я скажу... Да что я могу сказать?
Ты славить его меня не проси...*

Гораций ворвался в кабинет Хоффмана, когда тот работал над очередным проектом. Граф возмущённо посмотрел на друга. Ну, сколько можно прибегать к нему вот так, посреди рабочего дня, когда осталось ещё столько работы, которую нужно доделать, да и так свободно, даже нисколько не побаиваясь его, как, нужно заметить, делали его подчинённые. И хоть Бейнот не был его подчинённым, его это не оправдывало. Ну правда! Даже Делюжан, прежде чем войти, спрашивал разрешение, а это чудо природы... Впрочем, это “чудо природы” графу приходилось терпеть всегда, начиная со своего первого дня в школе, когда, впрочем, он начал ходить в школу, а не только заниматься на дому, и заканчивая сегодняшним. И молодой военный был единственным человеком, который знал настоящее имя Хоффмана. Точнее, единственным, кто знал его оба имени...

— Георг! Представляешь, сегодня...

Договорить молодому человеку не дали. Георг Хоффман так посмотрел на него, что пропала вся охота говорить. Графу даже стыдно стало за это. Впрочем, у графа было ещё столько работы... Столько работы! Георг вскочил: он ничего не успевал. На часах было уже семь часов вечера, а он почти ничего не успел! Не завтра же ему доделывать это всё! В конце концов, завтра у графа будет куча новых дел, ещё более неотложных и, пожалуй, непростых.

— Ну, Георг! Да отвлекись ты от своих бумажек, наконец! Тебя что, жаба душит? Подумаешь, не прочитаешь один листочек! Тебе же ничего за это не будет! Лучше сходи, воздухом подыши... Погода сегодня хорошая... Помнишь, мы с тобой, когда маленькие были, по деревьям лазали... Ну... Когда тебя отец не забирал.

Хоффман усмехнулся. Конечно, он помнил. Не раз он обдирал коленки, так развлекаясь с Бейнотом. Не раз он вместе с ним прогуливал занятия. И не раз их ловили. Но сейчас ему некогда. Но если этого порой не понимал даже Делюжан, который, по идее, был его начальником, но вместо того, чтобы делать свою работу, сваливал её на подчинённых и сбегал в бордель, чтобы поразвлечься с очередной шлюхой. Георга передёрнуло. Слова

“шлюха” и “бордель” всегда ассоциировались для него со словом “зараза”, и то, что первый министр шлялся по подобным заведениям, было не слишком-то приятно. Да и куда проще было подмигнуть какой-нибудь из тех леди, что часто присутствовали на балах... Но если не понимал даже Делюжан, Бейнот не поймёт тем более. Даже несмотря на то, что он лучший друг. Именно из-за этого и не поймёт.

— Георг! Всё! Пошли уже!

Граф зло посмотрел на него, но из-за стола не встал. Тогда Горацию пришло в голову, что из тех бумажек, что лежат на столе у графа, должны получиться очень симпатичные кораблики и самолётики, за что военный и получил по рукам.

— Ай! Больно же! Георг! Ты мне друг или нет?!

Хоффман тяжело вздохнул. Ну, как же это надоедало... Вот так было каждый раз! Сначала все дружно сваливали на него всю работу, а потом все так же дружно кричали ему, что ему нужно развеяться и отдохнуть. И Георг Хоффман с удовольствием отдохнул бы от этих документов, если бы все они не представляли огромной важности.

— Этими документами больше некому заниматься. Гораций, я тебя по-хорошему прошу, оставь меня в покое на несколько... — Георг оглядел стол, пытаясь понять, сколько работы ему ещё предстоит сделать, — часов или дней... Слушай, у тебя же есть ключи от моего дома? — дождавшись утвердительного кивка, мужчина продолжил: — Так вот, сходи к Юте и скажи, что я до завтрашнего вечера вряд ли появлюсь. И заставь её поесть. Служанки говорили, что она не хочет есть без меня.

Гораций кивнул, пожал плечами и вышел. Кому лучше него знать, что в такие моменты Хоффмана просто невозможно переспорить. Выйдя из кабинета, Бейнот тяжело вздохнул и поплёлся туда, куда его и попросили. Нужно было ещё накормить Юту. Всё-таки Георг вовсе не такой сухарь, каким пытается казаться! Вот и девочку взял к себе на воспитание...

Хоффман с облегчением вздыхает, когда его друг покидает кабинет. Тому пока не следует знать всего. Он слишком впечатлителен. И хоть Георг абсолютно уверен в том, что друг не предаст его, ему не хочется торопить события. Он едва ли сам понимает, почему сказал Алесии всё раньше, нежели Горацию. Она не была для него кем-то, кого он бы боялся потерять. Она была тем человеком, к которому Георг всегда относился с привязанностью, но привязанность эта была больше связана с привычкой, нежели с какими-то чувствами.

Мужчина встаёт и подходит к окну. Погода сегодня была просто ужасная. Солнце пекло, на небе ни облачка... Хоффман ненавидел такие дни. Обычно именно в такое время его голова болела больше всего. Голова будто бы разрывалась, думать о чём-либо, кроме этого, мужчина сейчас не мог. Виски пронзало раскалённым металлическим жезлом. Георг с ужасом начинал думать о том, что, наверное, его сестра так же мучилась перед самой её смертью. Он всё ещё не мог себе простить, что его не было рядом. Кто знает, может, всё было бы по-другому?

Исчезало всё. И жизнь, и свет, и боль, и радость. Всё стиралось за серостью дней и ночей. Алесия не могла находиться больше во дворце своего отца. Там было так скучно... Не происходило ничего нового, всё было точно так же, как и всегда. Девушка не знала, чем бы ей заняться теперь. Все дела были переделаны. Да и все эти самые дела день ото дня полностью повторялись. Алесии было ужасно скучно. Она не знала, что именно ей теперь начать делать, чтобы избежать этого досадного ощущения.

Она шла по улице. Даже не шла, почти бежала. Было уже темно, в такое время мало кто осмеливается выходить из дома, а Алесия шла без охраны. Зачем нужен ей был этот дурак

Крис, постоянно следующий за ней тенью? От этого придурка не было никакой пользы! Он только постоянно лепетал что-то невразумительное. Зачем Алесии был нужен такой телохранитель?

Кто-то подошёл к ней из-за спины. Девушка от испуга вздрогнула. Незнакомец резко развернул её к себе лицом. Алесия не помнила, что произошло с ней дальше. Казалось, она потеряла сознание... Или нет. Но, в любом случае, племянница короля Алана не помнила, что происходило с ней в последующие часа два. Очнулась она уже в тёплой, но довольно тёмной комнате. Тут горела только настольная лампа, да и то, слишком тускло. Алесия лежала на диване. В том же самом тёмно-синем платье, в котором она выходила из особняка герцога Ленделя. Девушка попробовала присесть и осмотреться. Обстановка не была бедной. Что же... Но тогда, получается, похитили её не из-за денег...

Дверь заскрипела, и Алесия вздрогнула. Человек, который вошёл сюда, был незнаком ей. Или знаком? Ей казалось, что она вполне могла видеть его. Он был выше того же Криса или даже Горация Бейнота, недавнего знакомого. Правда, он был слишком худ для человека своего роста и поэтому казался несколько нескладным. Впрочем, Алесия прекрасно помнила, что тот же Керофф был человеком гораздо более сильным, чем тот же Крис, хотя казался всем хилым и слабым.

— Кто вы, милорд? — спросила девушка, поднимаясь.

Мужчина ухмыльнулся. Он подошёл ближе к Алесии, и той удалось заметить, что оружия при нём сейчас не было. Впрочем, если подумать, он вполне мог и задушить её. Девушка была более чем уверена в этом.

— Меня зовут Георг Хоффман. Я казначей, если вы не помните меня, Ваше Высочество, — совершенно спокойно проговорил незнакомец. — Вам не следовало идти по улице в такой час без охраны. Кто знает, что могло прийти в голову тому человеку, что напал на вас, если бы я не подоспел вовремя?

Алесия заставила себя улыбнуться. Улыбка получилась слишком неискренней и слабой. Девушка всё ещё не могла заставить себя прекратить показывать этому человеку свой страх, свою слабость.

— Вы будете чай или кофе, миледи? — также спокойно поинтересовался мистер Хоффман.

Алесия пожала плечами. Отец обязательно одёрнул бы её за такой жест. “Особа королевской крови должна быть гордой”, не так ли? Мисс Хайнтс ненавидела свою родню. Ни один из стольких людей, связанных с ней кровным родством не был ей близок... Она ненавидела каждого из них. Ненавидела всем сердцем, всей душой, если, конечно, у неё ещё остались сердце и душа. Порой хотелось просто побыть одной, наедине со своими мыслями, эмоциями, мечтами... О, да! Даже у неё, этаким девичьи лёгкого поведения, всё ещё оставались мечты! Граф улыбнулся ей так, как никогда не улыбался никто из её знакомых. Так, без той приторной, поднадоевшей вежливости...

Алесия пила остывший кофе из треснувшей фарфоровой чашки. Сидя сейчас тут, в мягком кресле, накрывшись пледом, в сером потрёпанном платьёшке, она ощущала себя куда более нужной, чем на всех этих балах и приёмах, одетая в лучшие платья, в окружении огромного количества людей. Это был её дом. Только её. Георг помог ей с покупкой два года назад, и теперь девушке было совсем необязательно выслушивать недовольные слова отца о том, как ей следует себя вести, как следует... Её контролировали во всём тогда, и сейчас Алесии впервые удалось почувствовать себя свободной. По-настоящему свободной.

Можно было сидеть сейчас тут. Просто так. Сидеть и думать. Неважно, о чём именно. Совсем неважно. Куда важнее было то, что можно было расслабиться, не думать о том, что тебя обязательно кто-то видит в этот момент. Просто сидеть и наслаждаться мгновением. Это и была свобода...

Воздух этой свободы одурманивал, манил за собой... Едва ли мисс Хайнтс могла сопротивляться этому. Теперь, после стольких лет, когда под запретом было всё, племянница короля, наконец, могла дышать полной грудью... Теперь ей никто не мог что-либо запретить... Она была свободна. Девушка готова кричать об этом на каждом углу. Она вырвалась из золотой клетки.

— Миледи, ваш экипаж готов, — пробормотал юноша, вошедший в комнату.

Бесполезный мальчишка! Как же Алесия была недовольна его работой! И почему только Хоффман выбрал именно его из всех возможных претендентов? Как казалось мисс Хайнтс, это существо было более чем просто бесполезно. Этот несносный мальчишка смел пытаться выказать своё недовольство тем, что леди нередко поздно приезжает домой. Таким же ужасным любопытством и тягой лезть в личную жизнь Алесии обладал только Крис. Покойный Крис. Этот дурак бросил графу Хоффману вызов. Что же... Тогда девушка смогла убедиться в том, что Георг Хоффман действительно, как и говорили многие, неплохо стреляет.

— Что же... — сказала Алесия, вставая. — Скажи кучеру, что я только переоденусь и спущусь к нему.

Юноша кивнул и поспешил покинуть комнату. Как его звали? Льюис? Уилл? Ганс? Впрочем, леди Хайнтс не привыкла запоминать такие мелочи. Разве ей было дело до того, как зовут какого-то мальчишку? Тем более такого бесполезного... Не её это забота. Не её. Она не обязана знать этого. Тогда почему леди сейчас думалось о том, что она неправа?

Она стояла на крыльце и с удовольствием наблюдала за тем, как Крис, её глупый телохранитель, орал на графа Хоффмана, человека, ставшего частным гостем в доме Хайнтсов. По мнению Алесии, кричать на графа было просто глупостью. Несмотря на то, что человек этот являлся спасителем девушки, она чувствовала, что от него исходит что-то тёмное, что-то неизведанное. И это было причиной, по которой Алесию неудержимо тянуло к нему. Крис кричал. Крис негодовал. Её глупый телохранитель Крис... Как же она ненавидела его в этот момент. За всё. За те ужасные дни, когда он находился рядом с ней, за те ночи, в которые он приходил к ней, дабы получить желаемое, за те часы, когда он говорил её отцу про то, чего на самом деле Алесия не делала.

Крис бросил вызов графу Хоффману. Что же... Конечно, Алесии не хотелось терять такого неплохого знакомого, как граф, но... Что оставалось ей делать? Трёх ухажёров мисс Хайнтс Крис застрелил. Она боялась, что Хоффман теперь будет причислен к этим людям. Она была готова убить Криса. Сама. Голыми руками. Придушить. Граф не был ухажёром мисс Хайнтс. Она принимала его за своего друга. Первого настоящего друга за всю свою жизнь. Разве могла она позволить Крису убить его? Но и помешать она тоже не могла...

— Прошу вас, будьте осторожны... — шепчет племянница короля, провожая графа до калитки.

Тот улыбается. Так же, как иногда улыбается при разговорах с ней. Будто бы она говорит что-то слишком глупое, слишком очевидное, слишком... Сейчас Алесию раздражает это. Слишком раздражает. Она готова ударить этого странного самоуверенного человека, ставшего ей таким близким. Она не надеется ни на что. Она прекрасно понимает, что они

слишком разные и одновременно слишком похожие, чтобы быть друзьями. Но Алесия надеется на то, что когда-нибудь она сможет честно назвать Хоффмана другом. И было бы куда приятнее, если это произойдет при его жизни.

— Я всегда осторожен, миледи, — совершенно спокойно, без каких-либо эмоций произносит Георг и наклоняется, чтобы поцеловать её, Алесии, руку. — Вы же знаете об этом, миледи, не так ли?

Алесия Хайнтс кивает. Ей хочется броситься ему на шею. Сказать ещё что-нибудь. Просто не молчать. Говорить что угодно. Говорить как угодно. Она же не может позволить себе такого, не так ли? Георг Хоффман стоит. Не уходит сразу, как это происходит обычно. Мужчина смотрит куда-то вдаль. И девушке кажется, что она просто обязана что-то сказать сейчас. Она не может рисковать так, проводя этот вечер в молчании. Кто знает, что случится завтра? Может быть, Хоффмана завтра уже не будет, и ей, Алесии, придётся снова проводить эти скучные вечера в компании столь же скучных и обычных гостей...

Алесии кажется, что она просто не имеет права молчать сейчас. Не в этот раз. Сейчас она должна говорить. Хоть что... Пусть это будет очередной глупостью. Она переживёт это. Но отпустить сейчас, не сказав ничего...

— И зачем вы поддались на провокацию Криса? Я не смогу спокойно спать этой ночью, зная...

Алесия замолкает. Сказанное ей было лишним. Действительно лишним. Георгу совсем необязательно знать то, что она не сможет заснуть теперь, что она не сможет теперь есть, находиться в обществе Криса вовсе. Она и так не слишком любила его. Теперь же его присутствие будет невыносимым. Хоффман серьёзно смотрит на неё. Просто серьёзно. Как смотрит учитель на свою ученицу. Спокойно, будто бы, тяжело вздыхая, думает о том, что такой непутёвой девчонке будет трудно объяснить что-либо... Он всегда смотрит на неё так. И порой она начинает забывать, что человек этот старше её лишь на каких-то три года, а не на целую вечность.

— Зачем же вы не будете спать? — спрашивает мужчина. — Если уж и я, и тот ваш телохранитель совершенно спокойно уснём этой ночью. Зачем же вы не будете спать?

Алесия едва ли не краснеет. Дурак! Так хочется обозвать её сейчас улыбающегося графа, который снова целует её руку и уходит. Точнее, убегает. Как ни в чём не бывало. Как будто сейчас не произошло ничего. Или действительно не произошло, и Алесии только кажется всё это? Её поражает серьёзность графа, когда тот говорит. Её поражает то, как быстро он убегает. Как мальчишка. Ей-богу, как мальчишка. Её поражает то, с какой быстротой сменяется выражение мудрости, скорби, серьёзности в его глазах на выражение безудержной радости.

Человек, неуправляемый и в радости, и в горе, и на войне. Алесия уверена, что сама не является такой. Но ей хочется быть такой. И ей кажется, что, быть может, когда-нибудь ей удастся это. Удастся отпустить себя. Дать волю своим чувствам, эмоциям, мыслям...

Роза не понимает, где находится. Она бежит по какому-то узкому тёмному коридору. Света от небольших узких ламп, закреплённых каждые два метра на стенах, почти нет. Двигаться приходится на ощупь. И Роза боится. Боится... Мария боялась бы меньше. Казалось бы, чего бояться сейчас Розе? Она не делает ничего плохого. Она просто пытается отыскать свою комнату, хочет лечь на кровать и забыть всё. Она не в силах бороться со всем этим. Девочка готова почти проклинать старшую сестру за то, что та до сих пор не пришла за ней, не спасла её. Сколько прошло с того момента, как тот страшный человек похитил её?

Роза слишком боится его, чтобы как-то сопротивляться...

Видя чуть приоткрытую дверь, девочка проскальзывает в щель, думая, что это и есть её комната. Дверь захлопывается сразу, как Роза оказывается в комнате. Тут темно. Совсем темно. Роза осторожно присаживается на корточки и ждёт. Чего? И зачем? Сколько проходит времени с того момента, как она зашла сюда? Девочка не знает этого. Только чей-то испуганный крик заставляет её вскочить на ноги и почувствовать, что она не спит, что всё, происходящее сейчас, реально. Кричит та девочка, Юта. Отчего? Роза пытается открыть дверь. Та по-прежнему заперта. Только через несколько минут до девочки доходит, почему кричала Юта: чувствуется запах гари.

Неужели пожар? Пожар здесь, в этом подzemелье, где произошло так много всего ужасного за то время, которое Роза была здесь... Юта зовёт на помощь. Пинает дверь, не эту, а, видимо, соседней комнаты. Пожар происходит там. Отчего же Роза чувствует какой-то жар здесь, где сидит она? Сил что-либо предпринимать нет. Юта кричит. Зовёт Хоффмана. Как будто, этот человек решит прийти... Роза знает, Мария кричала и звала бы так же. Так же её сестра попыталась бы выломать дверь, как-то спастись, сделать хоть что-нибудь... Но то Мария... Разве Роза сможет когда-нибудь быть такой же сильной и смелой?

Девочка задыхается. Но не делает ничего. Отчего же она ничего не делает? В соседней комнате кричит Юта. Кричит, Розе кажется, что она бьёт по чему-то металлическому. Похожему на сейф, какие стоят практически в каждой комнате этого подzemелья. Один удар, второй, третий, десятый. Вряд ли какому-то сейфу хоть что-нибудь будет.

Роза чувствует, что хочет просто заснуть. Во сне умереть намного легче, не так ли? Тогда не будет боли. Не будет страдания. Не будет ничего. Будет только лишь сон. И Розе совершенно безразлично, будет ли он хорошим или плохим. Хотя, наверное, хотелось бы, чтобы хорошим...

Юта кричит, пытается вырваться из этого ада, пытается бороться. А Роза просто боится. В этом их основное отличие. И именно поэтому Роза сейчас не делает ничего. Их всё равно никто не услышит. Тогда зачем стараться? Всё равно гибель неизбежна. Роза чувствует, что задыхается. Дышать здесь уже почти невозможно. Воздуха катастрофически не хватает. Постоянно обдаёт жаром. Пока Роза ещё не обожглась, но чувствует, что, может быть, такое будет уже совсем скоро. Если, конечно, девочка не задохнётся раньше.

Зрение будто бы отключается. Роза не знает, отчего ей так кажется. В комнате и до этого было темно, но теперь что-то подсказывает девочке, что она больше не может видеть. Юта кричит громко. Она надрывается, она, Роза слышит это, пока ещё слышит, иногда вскрикивает как будто бы от ожога, отскакивает, пытается делать что-то. Роза не понимает смысла. Бороться с огнём бесполезно. Какой-то щелчок. Ещё один. Потом ещё. Потом слышится хлопок от закрытия такой же металлической тяжёлой двери, которая захлопнулась и за ней, за Розой.

— Ох, Юта! — шумный вздох какого-то мужчины. — Ты жива...

Голос незнаком Розе. Хотя ей кажется, что это мог бы сказать Хоффман. Но это не его голос. Не его холодный голос с каким-то стальным оттенком. Не его. Этот человек действительно перепуган за чью-то судьбу. За судьбу Юты. Розе вдруг кажется, что этот человек мог бы помочь и ей. Она пытается закричать, но голос не слушается её. Она не может произнести ни слова. Лишь беззвучно шевелит губами, не в силах что-либо сказать. Силы покидают её. В ушах появляется какой-то шум, которого не было раньше, дышать становится уже и вовсе невозможно. Слез нет. Нет ничего. Лишь пустота.

Комментарий к I. Глава сороковая. Что важнее — дела или друзья.

* Айрэ и Саруман “Ты славить его не проси меня”

P.s. Небольшая попытка поздравить моих читателей с моим днём рождения.

===== I. Глава сорок первая. Забыть всё. =====

С французом по-французски,
С индусом по-индусски,
С солдатом по-солдатски —
Поберегите слух!
С попом благоговейно,
С монашками келейно,
С барашками — пастух!
О Боже, как похожи
Лакеи и вельможи,
Поэт, бандит —
Кто смелый, тот и съел!
И лучше никого нет,
Но я людьми не понят,
И, стало быть,
Плевать на них хотел!
Ангельским ли голосом,
Злобно ли хрипя,
Люди главным образом
Слушают себя!
Откликайся эхом
На любую блажь —
Станешь человеком,
Сразу будешь наш!
Дела в подлунном мире
Идут в знакомом стиле:
Нам не из чего,
Братцы, выбирать!
Нам предлагают: или
Нижайше расстилаться,
Иль высочайше попирать!
О, дивное уменье,
Без всякого смущения
С любым шурум-балясы разводить!
Подставьте только ухо,
И, коль оно не глухо,
То я уж знаю,
Что в него налить!
Наклонись над глобусом,
Убедись, дитя:
Каждый главным образом
Любит сам себя!

Может, это плохо,
Не твоя беда:
Такова эпоха,
Такова среда!*

Марии едва удалось вытащить Джона из того проклятого монастыря. Парень был тяжёлым. Принцесса никак не могла подумать, что это будет так. Джон был худеньким и невысоким. Но тащить его от этого было не легче. Мария еле волочила по земле ноги, пытаясь продвигаться вперёд с максимальной скоростью. Джон почти ничего не соображал. Принцесса тоже мало что могла сейчас понять. Она просто шла и тащила за собой друга, который едва ли мог сделать сейчас что-то... То существо сильно ранило его. И Джону крупно повезло, что он остался жив. Нэлгу не повезло вовсе... И главное, Мария теперь вряд ли сможет найти хотя бы то место, где он похоронен.

Вокруг нет никого. И это пугает больше всего. Особенно после рассказов Джона про невидимых монахинь. Марии постоянно кажется, что кто-то идёт за ними, что кто-то следит... Каждый шаг отдаётся болью в подвёрнутой лодыжке. Джон уже почти не может идти, приходится практически нести его, но идти следует ещё быстрее.

Когда девушка почти сталкивается с каким-то парнем, тоже задумавшимся о чём-то, они еле удерживаются на ногах. Главное для Марии сейчас — не допустить того, чтобы каким-то образом навредило бы Джону. Тот и без этого был не в самой лучшей форме сейчас. Девушка почти шипит на незнакомого парня. Тот скалится ей в ответ. Не ухмыляется, не улыбается, а именно скалится. Марии было несколько неприятно это, но этот хотя бы не улыбался, как настоятельница монастыря, из которого она бежала.

— Ты кто такая вообще?! — грубо спросил незнакомец.

Мария была готова ударить его чем-то за эту самоуверенность и наглость. Желательно чем-то тяжёлым. Очень тяжёлым. Чтобы прекратил так грубо разговаривать с девушками. Или... Она сама виновата в том, что он сейчас так сказал? Да нет... Вроде бы она ещё не успела дать ему в глаз или куда-то ещё, чтобы у него имелись причины ей грубить. Вот так просто...

— А ты? Чтобы я перед тобой отчитывалась? — спросила Мария, незнакомец недовольно поморщился. — Или лучше мне обращаться на “вы”? В таком случае не будете ли вы пожеливее с дамой?

Парень усмехнулся. Усмешка его была чем-то похожа на усмешку графа Хоффмана, с которым принцесса не успела попрощаться тогда, в день, когда погибла её мать, Кассандра... Кем был тот человек? Он спас Марию тогда, и это уже говорило в его пользу. Он помог ей и Алу выбраться из того проклятого дворца, он... Но она больше не видела его. И вряд ли когда-нибудь сможет увидеть. Ему была нужна принцесса. Принцесса, а не безымянная девчонка, бредущая в неизвестном ей самой направлении. Неизвестный паренёк чем-то был похож на Хоффмана. Только чем? Той самой усмешкой?

— Мердоф Айстеч, миледи! — смеётся парень. — Теперь не соизволите вы назвать своё имя?

Голос его казался ядовитым, насмешливым. Марии было совсем неприятно знать, что он сейчас стоит рядом с ней, видеть его, слышать то, что он говорит. Встретиться она с ним в более приятной и удобной ситуации, принцесса была уверена, что этот Мердоф оказался бы с разбитым носом уже в эту минуту. Но Джон едва ли находился в сознании. Попросить его отойти от неё было бы просто издевательством с её стороны.

— Мария. Меня зовут Мария. Я удовлетворила ваше любопытство?

Девушка почувствовала, как Джон настойчиво тянет её за рукав. Ну конечно! Он же до этого момента, возможно, думал, что её зовут Дик и она имеет несколько другой пол. Угораздило же её попасть в такую ситуацию! Вот никогда она не могла подумать, что будет выглядеть настолько глупо!

— Ох, миледи! Вы даже не представляете, насколько! Я не знаю ни одну сотрудницу Schreiendes Blut, носящую такое имя.

Мария удивлённо посмотрела на парня. Что это была за организация? Она не знала такую! Впрочем, кто мог бы поведать ей о ней? Дед за всё время их знакомства лишь упрекал её в недостаточной аристократичности, мать вообще не могла рассказать что-то вразумительное, Хоффман... С Хоффманом она общалась настолько мало, что тот не успел бы сказать ей что-то важное... Вдруг Мария очнулась от своих мыслей. Да и как тут не очнёшься? Прямо перед её глазами было дуло пистолета.

— Эмм... Слушай, Мердоф... — пробормотала Мария, делая шаг назад и плавно поднимая руки вверх.

Джон держался за неё, за её куртку, пытался устоять на ногах. Со стороны этого Айтеча было подло. Джон был болен. И за него девушка переживала даже больше, чем за себя. Ведь не выстрелит в неё сейчас этот придурок? Ведь не выстрелит? Если всё-таки он нажмёт на курок, это была бы очень глупая смерть для принцессы Марии. Побегать по всему этому несчастному миру, сбежать от революционеров, справиться с тем странным врагом, скрыться от сумасшедших монашек... и умереть от рук совершенно незнакомого ей человека.

— Что, госпожа Мария? Хотите воспользоваться правом последнего желания? — усмехнулся Мердоф, не убирая пистолет.

Разбитая ваза. Гадко улыбающийся братец. Рассерженная мама. Кричащий отец. Всё так, как и обычно. Маленький мальчик лет шести-семи стоит посередине комнаты и, опустив голову, пытается не разреветься. Это было бы слишком глупо. Слишком стыдно. Он уже почти взрослый, а взрослые никогда не плачут. Так ему говорит отец. И Рогд тоже никогда не плачет. И именно поэтому брата хочется заставить это делать. Хочется заставить того разреветься. Но тот лишь усмехается и совершенно спокойным голосом жалуется родителям. Достается всегда Мердофу. И неважно, что произошло до этого. Неважно, что Рогд всегда задаётся, что он никогда ничем не делится, что всё хорошее достаётся только ему... Никто не смотрит на это. И Мердофу просто хочется постараться не разреветься прямо сейчас, тут... Выплакаться он сможет и там, на чердаке, куда его частенько запирали за плохое поведение.

Доктор Леманн тоже не любил его. И всё из-за братца! Из-за этого прилежного мальчика, всегда готового подлизаться к взрослым! Мердоф ненавидел его. Ненавидел. И не понимал, почему родители к нему относились хуже. Они близнецы. Они почти одинаковые. Почему же Рогду доставалось больше внимания? Почему ему доставалось всё? Всё внимание, все игрушки, все подарки... Почему же всё было так?

— Ты меня слушаешь вообще?! — прикрикнул на ребёнка высокий мужчина с сединой в волосах. — Да что с тобой говорить?! Такие, как ты, всегда заканчивают плохо. Либо в тюрьме, либо на плахе.

Мердофа грубо хватают за руку и тащат туда, на чердак, где мальчик, пожалуй, проводит большую часть своего времени. Там, как и всегда, темно и прохладно. Впрочем, сейчас ребёнок даже рад этому. На улице слишком жарко, а воды ему никто сюда не отнесёт до того

момента, как отец не решит, что наказание окончено.

Мальчик едва ли слышит шаги своего брата. Тот шепчет какие-то унижительные фразочки. Как и всегда. Уже давно стоит привыкнуть к этому и не обращать никакого внимания на своего противного братца. Мердоф чувствует, что начинает ненавидеть его с новой силой. И ребёнку кажется, что, не будь между ними сейчас двери, он бы хорошенько отколотил братишку. А потом снова бы оказался в чулане. А то и похуже.

— Пошёл к чёрту! — обиженно кричит мальчик. — Слышишь, что я тебе сказал?! Пошёл к чёрту!

Рогд бормочет, что с таким потрясающим поведением Мердофа нескоро выпустят. Тот про себя лишь отмечает, что, когда вырастет, обязательно отомстит брату. За то, что тот забирал на себя всё хорошее, а Мердофу оставалось только плохое. Он обязательно отомстит этому ненавистному мальчишке. И он не будет в тот момент похож на него.

Мария смотрит на пистолет. Смотрит, стараясь не упускать из виду возможных действий Мердофа ни на секунду, смотрит, стараясь хоть как-то контролировать ситуацию.

— Ну... Я была бы определённо не против последнего желания! — пытается отсмеяться девушка.

Парень продолжает держать пистолет. Рука его не дрожит. Сам он выглядит совершенно спокойным. Разве может Мария рассчитывать на то, что у него дрогнут рука и он промахнётся? Нет, не в той она ситуации. Да и... Если что, он совершенно спокойно выстрелит второй раз. И на этот раз — точно в неё.

— Так говори, чёрт возьми! — уже рявкает Мердоф.

Марии остаётся только натянуто улыбнуться и, сделав ещё один шаг назад, начать судорожно придумывать, что бы ей такого пожелать. Остаться в живых? Нет. Такое не прокатит. А если прокатит, она будет инвалидом. Это точно. Дать ей ещё несколько дней? Тоже не пройдёт. Вон как на неё сейчас он смотрит. Встретиться и поговорить с его начальником? Нет. Лучше с главным в этой таинственной организации. Да. Это самое лучшее решение. Авось она сумеет убедить главаря в том, что она, в общем-то, может принести какую-то пользу...

— Я хочу поговорить с главным в вашей организации. Ты же сможешь организовать нашу встречу?

Кажется, у незнакомца дёргается глаз. Нет. Ещё не дёргается. Но Мария чувствует, что если она сейчас ляпнет ещё что-нибудь, то обязательно задёргается. И тогда она точно может рассчитывать на скорую гибель. Нет. Ей совсем не хотелось умирать. Не сейчас. Это было бы как минимум глупо.

— Главным в нашей организации? Ты уверена, что он захочет с тобой говорить?! — смеётся Мердоф.

Мария старается не замечать этого. В конце концов, у неё сейчас есть гораздо более важные проблемы, чем смех этого придурка. Ей следует остаться в живых. Хотя бы на несколько часов. Дальше она что-нибудь успеет придумать. Наверное. Во всяком случае, ей так кажется.

— Захочет, не беспокойся! — слышат оба чей-то ледяной голос. — Да и не твои это проблемы!

За спиной этого Мердофа Айстеча стоит Хоффман. Мария едва ли может сдержать радостный взглас. Этому человеку, наверное, уже нужно памятник поставить за умение вытягивать её, Марию, из неприятных ситуаций. Мердоф оборачивается и тут же бледнеет.

Пистолет он опускает сразу же, как только встречается глазами с раздражённым взглядом графа.

Сам Хоффман подходит к Марии, осторожно отцепляет от неё перепуганного раненного Джона, знаком показывает Мердофу куда-то отнести того. Потом вдруг взмахивает рукой. Парень, уже приготовившийся идти, замирает. Георг Хоффман что-то чиркает на листке блокнота и отдаёт Мердофу. Принцесса удивлённо смотрит на графа. Она не может верить тому парню. Не после того, как тот навёл на неё дуло пистолета.

— Не бойтесь, Ваше Высочество, — совершенно спокойно, будто бы по слогам, произносит мужчина. — Мистер Айстеч отнесёт вашего друга в операционную. Я видел раны вашего друга загноились. Это не слишком хорошо.

Мария кивает. Какие у неё есть причины не верить этому человеку? Пока никаких. И желания не верить ему тоже нет. Да и что ей остаётся? Он спас её. Спас. Уже во второй раз. Разве можно было платить за это какими-то глупыми подозрениями?

— Должен сообщить вам неприятную новость, Ваше Высочество. Может быть, сядете? — интересуется граф, когда они входят в его кабинет.

Мария послушно садится в кресло, на которое ей указывает Хоффман. Сердце сжимается от ужаса, будто предвещает что-то на самом деле неприятное или болезненное. Она чувствует, что боится той новости, которую хочет ей сказать граф. В ожидании она пытается обратить внимание хоть на что-то. Цвет обивки мебели. Всё красное. Или бардовое. В таком тусклом освещении трудно понять это. Да и нужно ли это? Просто надо думать о чём-то, кроме самого ожидания...

— Ваша сестра, Роза, погибла позавчера...

Граф говорит тихо, но слова его кажутся громом. Мария резко оборачивается, чуть не сбив случайно локтем чашку, стоящую на столе. К горлу подступает горький комок, не дающий ни плакать, ни кричать, ни бить кого-то. Она лишь потрясённо смотрит на Хоффмана. И в душе вдруг появляется какая-то капля сомнения. Она не может поверить в смерть сестры просто так.

— Я хочу увидеть её тело, — твёрдо говорит принцесса.

Хоффман кивает. Просит Марию лишь подождать до того времени, как тело девочки уложат в гроб. Принцесса кивает. Она не может поверить в смерть сестры. Не может! Наверное, это всё какой-то страшный сон, она просто спит и скоро проснётся. Там... дома, на Земле. Рядом будут мама и Роза. И обе будут ворчать, когда Мария прибежит их обнимать. Всё должно быть не так... Не так. Совсем не так.

— Вина? — предлагает граф. — Вам ведь уже есть шестнадцать?

Мария пожимает плечами. Вина? Пусть... Может, хоть что-то поможет ей вырваться из этого потока кошмаров? В конце концов, следует просто думать, что она сейчас спит. Что она сейчас там, дома.

Сидеть в школе, в общем-то, несколько скучно. Учительница решила провести сегодня проверочную по математике. Решить несколько примеров труда не составляет. Теперь остаётся только сидеть и смотреть в потолок. Про себя мальчик усмехается: Рогду математика даётся с куда большим трудом. Вот он там, сидит у окна и дуется. Мердоф рад, что хоть что-то его идеальный братец не может. Мердоф не может не радоваться. Решив ещё как-то поиздеваться над Рогдом, мальчик подходит к учительнице и сдаёт ей свою работу. Мисс Харт с удивлением смотрит на него, надевает очки и начинает проверять работу.

— Что же... Мистер Айстеч. Просто замечательно! Всем бы математика давалась так

хорошо, как вам! Можете посидеть в коридоре.

Выходя из класса, Мердоф ловит на себе завистливый взгляд Рогда и усмехается. В конце концов, не всё же должно даваться тому легко, иначе это было бы совсем нечестно.

Когда раздаётся звонок, Рогд выскакивает из класса первым. Он зло смотрит на брата и начинает что-то кричать. Мердоф уже не разбирает слов. Он не выдерживает. Начинается драка. Остальное происходит слишком быстро: задетый плечом Рогда стол, разбившийся в сантиметре от его головы кувшин, пропущенный удар в челюсть, крик учительницы... Мердоф едва ли понимает, что происходит, когда мисс Харт хватается за руку. Он изо всех сил обрушивается на неё, он бьёт её по руке, даже кусает её. Мисс Харт вскрикивает от неожиданности и боли, отпускает его, а Мердоф снова кидается на Рогда, продолжает колотить его... Как заканчивается драка, мальчик не помнит.

Мердоф сидит, снова опустив голову, и думает, когда же всё это, наконец, закончится. Учительница отчитывает его за плохое поведение, Рогд во весь голос ревёт и жалуется матери. На лице Мердофа появляется злорадная улыбка: он всё-таки смог заставить ненавистного брата заплакать. Насколько помнил Мердоф, Рогд плакал впервые. И это радовало. Отец разговаривал с учительницей. Что же... Всё будет так же, как и всегда. Его запрут на чердаке, он что-то не сможет выучить, а на следующий день его снова запрут на чердаке. Мать строго смотрит на Мердофа, всё ещё целуя своего любимого Рогда, что-то говорит отцу, тот грубо хватается Мердофа за руку. Всю дорогу до дома его почти тащат. Как и всегда.

— Ты только посмотри, что наделал этот маленький негодяй! — взвизгивает миссис Айтсеч, целуя Рогда в макушку.

Впервые Мердоф замечает, что голос собственной матери ему противен. То, что происходит дальше, не вписывается в обычный сценарий наказаний мальчика. Отец бьёт его. Уже сидя на чердаке, плачущий от боли и обиды, Мердоф думает, что его брат обязательно поплатится за это. Обязательно поплатится.

Мердоф просто не может думать о том, что его брат не поплатится за произошедшее сегодня. Это было бы слишком несправедливо. Так просто не может быть. Так просто не должно быть.

Мердоф сидит на диване и курит, когда Мария заходит в эту комнату. Девушка садится рядом, так как сесть больше просто некуда. Парень со злостью смотрит на неё. Мария не сразу замечает это. А когда замечает, старается смотреть на него как можно спокойнее. Да, у неё погибла мать, умерла сестра, лежит на операционном столе друг, но о возможности своей гибели тоже стоит иногда думать.

— Это всё из-за тебя! — грубо бросает Айтсеч. — Он никогда не орал на меня раньше!

Мария пожимает плечами. Да, она прекрасно слышала разговор Хоффмана и Мердофа. И, нужно заметить, разговор был не из приятных. Граф был сильно раздражён. Из-за чего? Мария не уверена, что только из-за неё. Возможно, Хоффман был недоволен чем-то и раньше?

— Извини. Я не хотела, правда. Я вообще не знала, что он тут работает.

Мердоф достаёт из пачку ещё одну сигарету. Предлагает Марии. Та отказывается. Нет. Если она и согласилась выпить бокал вина в кабинете графа Георга Хоффмана, то только для смелости, для того, чтобы собраться с мыслями и эмоциями и прийти на опознание тела своей сестры. Это нормально, что она согласилась на то предложение. Но курить она не будет точно.

— А что ты хотела, можно поинтересоваться? — усмехается Мердоф. — Уверен, ты была рада тому, что меня отчитали!

Мария смеётся. Да, наверное, она была бы рада, если бы перед этим Хоффман не сообщил ей ту новость. Она не была в состоянии думать о чём-то, кроме Розы. Бедная девочка... Почему Марии не удалось найти её раньше, когда та была ещё жива? Улыбка полностью сползает с лица принцессы. Она не смогла спасти Розу. Она не сдержала своего обещания. Теперь она обязана похоронить сестру и пережить известие об её гибели. Она сможет. В конце концов, Мария справилась с мыслью о том, что никогда не увидит мать живой. Придётся свыкнуться с тем, что сестры ей теперь тоже не видать.

— Я хотела остаться живой и здоровой. И... наверное, мне стоит радоваться тому, что он на тебя так наорал. Ты же меня убить хотел, не так ли? Уверена, не появишься он тогда, меня бы уже не было.

Парень снова затягивается. Марии не нравится табачный дым, но она здесь чужая. Сколько бы Хоффман не орал на Мердофа, она, изгнанная принцесса Мария, права тут имеет куда меньше. И девушка уверена, что Мердоф хорошо знает это. Так же хорошо, как она сама.

Айстеч думает, что, наверное, не так уж плохо, что граф Хоффман подоспел вовремя. Эта девушка не была похожа на свою сестру. Она хотя бы что-то говорила. И она была кем-то, кто сейчас, в данный момент, не давал ему оставаться наедине с самим собой. Мердоф почти боялся оставаться один. Это внушало ему какой-то панический ужас. Говорить с кем-то, кто находился с ним рядом, обычно не хотелось. Просто оставаться одному... Это было страшно.

— Ладно! — машет рукой парень. — Тебе граф сказал, к кому обращаться, чтобы понять, что здесь что?

Мария качает головой. Мердоф снова усмехается. На этот раз девушке кажется, что его ухмылка получилась куда более настоящей, чем все предыдущие. И она не знает, радоваться этому или нет.

— Фиг с тобой! Завтра в девять придёшь сюда. Проведу тебе полную экскурсию.

Айстеч протягивает ей ладонь для рукопожатия, и Мария отвечает ему. Было бы глупо сейчас отказываться от возможности что-то узнать, с кем-то подружиться... Она и так тут чужая. Не стоит ещё больше противопоставлять себя коллективу.

Комментарий к I. Глава сорок первая. Забыть всё.

* Вторая ария Тени из кинофильма “Тень, или может быть, всё обойдётся”

Моей подруге Ксюше, у которой сегодня день рождения.

===== I. Глава сорок вторая. Только поверить, только начать. =====

Жил черный волшебник, служивший Луне.

Прекрасную деву он видел во сне.

Она простирала дрожащие длани,

Она умоляла: приди же ко мне!

Боясь, что девицу замучает враг,

Врата открывает влюбленный дурак.

Пасть Бездны ему распахнулась навстречу,

Его поглотил торжествующий мрак!

Думал он тогда, что любовь спасает,

И открыл Врата— это было глупо!

Что же было дальше? Мы оба знаем:
Черная Луна поглотила утро!
Поэты говорят, что мир спасется любовью!
Но нам с тобой иной пример известен пока:
Мир, залитый кровью,
Сожженный войною —
Из-за любви дурака!
Поэты фальшивые басни сплели.
А маги защиту для мира нашли:
Союзом врагов они бездну заклинали,
Надеясь ее оградить от любви.
Прекрасная пленница вновь заперта.
Но ключик к замку подберется всегда:
Любовь несовместное соединяет,
Любовь открывает любые врата!
Если бы любовь не была орудьем,
Может быть, она и спасала б души.
Но во все века неизменны люди,
И любовь их злу и гордыне служит!
Поэты говорят, что мир спасется любовью,
Но чистую любовь наш мир не видел века!
И той, что откроет
Врата Преисподней —
Цена невысока!*

Альфонс сидел в этом трактире и думал, как именно ему следует поступить. Марии не было рядом, поэтому и подсказать верное решение было некому. Разве будешь спрашивать это у Леонарда? За те две недели, которые им пришлось провести вместе, собирая недовольных, обиженных, готовых на вторжение во дворец, где засели узурпаторы, Ал понял, что его новый знакомый не знал совершенно ничего, что могло бы им сейчас понадобиться. И этот парень ещё смел утверждать, что учился на военном факультете! Да он не знал вообще ни о чём! Начиная от элементарной физической подготовки. Нет... Когда Ал брал этого Леонарда с собой, он ожидал, что тот будет гораздо более полезным помощником.

Альфонсу нужно было найти Марию. Та могла оставаться только там, в столице. Рядом со своими родными. Ал видел, что мать Марии была мертва. И знал, что на следующий день после переворота на Главной площади был казнён король Генрих, дед его подруги. Это было слишком странно, слишком ужасно, чтобы быть правдой. Альфонс и Леонард прибыли в столицу как раз в этот день. Они видели смерть старого короля.

Этот мужчина стоял перед всеми этими людьми. На эшафот он вошёл, казалось, с королевским спокойствием. Правда, он был жутко бледен, но Ал не был уверен, что сам бы чувствовал себя лучше на месте свергнутого правителя, руки Генриха едва заметно тряслись. Он стоял, гордо подняв голову, с каким-то презрением и достоинством смотрел в толпу, слушал приговор, который ему зачитывал тот высокий седой человек... Именно тот человек и оказался палачом. Ал едва ли смог сдержать себя и не полезть прямо туда, спасти короля, а заодно и Марию, которая могла находиться где-то неподалёку. Генрих почти спокойно выслушал приговор. И с достоинством встретил смерть. Палач взмахнул мечом, и голова

бывшего короля покатила по помосту. Толпа стояла будто поражённая громом. И Альфонс тоже. Ещё минуту назад живой правитель сказочного королевства сейчас был мёртв. Его мёртвые глаза сейчас с укором смотрели на всех этих людей, стоящих здесь. Ал чувствовал это.

Далее последовала длинная речь о том, в чём именно был повинен казнённый только что король, о том, что он признался во всех своих грехах перед революционным судом, о том, что... Альфонс не верил. То есть он не знал всей ситуации в стране, но виноват во всём этом был не только король Генрих. Этот мужчина не мог сделать столько плохого в своей жизни. Просто не успел бы физически. Никто бы не успел. А Генрих — тем более. Ал смог с облегчением вздохнуть, увидев, что тот человек поспешил уйти с этого противного помоста. Помоста, пропитавшегося кровью свергнутого короля...

Сейчас оставалось только сидеть в трактире, надеяться, что за это время Марию ещё не убили, и думать, что можно сделать в ситуации, в которую они сейчас попали. Возвращаться на Землю нельзя было в любом случае. Ему с Марией и Розой — тем более. Тётя Кассандра умерла совсем недавно. А девочки были несовершеннолетними. Им нечего было делать одним там, на Земле...

— Принести чего-нибудь? — услужливо спросила девочка, дочь трактирщика.

Ал посмотрел на неё. Нэна была миленьким голубоглазым белокурым ребёнком, с каким-то даже благоговением смотревшим на него, на Леонарда, на своего отца, на кого-либо ещё... Во всяком случае, она была чем-то похожа на Розу. Разве что волосы были гораздо более светлыми. Да и сама девочка эта казалась менее наивной, чем сестрёнка Марии. Ал чувствовал это. Эта девочка смотрела на него с таким искренним обожанием, но, во всяком случае, она была способна на это обожание. Она была способна на сильные эмоции. Как Мария. Как Хельга. Как леди Джулия. Или же её обожание было насквозь лживым. В таком случае Нэна была неплохим актёром. И это тоже говорило в её пользу. Во всяком случае, в глазах Альфонса. Чего таить — он не слишком любил Розу. Как можно было любить человека, который не имел ни достоинств, ни недостатков? Но говорить об этом Марии было нельзя. Та бы не поняла его. Да и зачем было портить отношения?

Нэна казалась парню похожим на кого-то. На кого? Белокурые волосы, голубые глаза, белоснежные зубки... Взгляд Нэны был слишком невинным. Взгляд той, на кого она была похожа... Он не мог вспомнить ту девушку. Она, наверное, подарила ему слишком сильные впечатления тогда, при встрече, раз он теперь мог вспомнить лишь какое-то наваждение.

— Ещё кофе? Нэна... Надеюсь, твой отец не рассердится на то, что я опустошаю запасы его таверны...

Девочка хихикнула. Её бело-розовое платьишко с кучей кружев, лент, бантиков, надетое матерью, желавшей видеть свою дочь самой красивой и очаровательной, было слишком пышным для неё, четырнадцатилетней особы, хотевшей постоянно находиться посреди всех событий. Она не была похожа на Реми. Едва ли, кто-то мог быть похож на “птицу”, но порой Алу казалось, что встречались и такие люди. Нэна была куда более спокойной. Куда более изящной. Куда более образованной. Она не обладала какими-то магическими способностями, и Альфонс считал это скорее достоинством юной барышни. Он сам не обладал ничем. И вряд ли мог рассчитывать на Провидение и удачу. Оставалось только действовать.

— Отец не рассердится! — хихикает Нэна снова. — Вы же платите! Только вот пить столько кофе... Вредно для здоровья, господин Альфонс!

В этот момент она была похожа на... На кого? Ал едва ли вспоминал ту, с кем сейчас сравнивал Нэну. Нет... Та девушка была другой. Совсем другой. Она была на том приёме, на котором Мария танцевала с тем противным графом. Красное платье, оголённые плечи и руки, голубые глаза, прекрасные светлые волосы... То была она... Странная девушка, привязавшаяся к нему на том приёме... Странная девушка, из-за которой он на какой-то момент потерял из виду Марию.

— Иначе я просто засну, — улыбается Ал. — Ты же знаешь, Нэна!

Девочка улыбается и убегает заваривать гостю кофе. Он заплатил за проживание в трактире с избытком. Потому, что они с Леонардом заплатили, им двоим полагались завтраки и любые вина на их выбор. Леонард с удовольствием уплетал ту еду, которую им предлагали, а Ал есть почти не мог.

— Альфонс! Почему бы нам не попросить этих демонов, которых ты привёл, сделать что-то для нас, а?

Ал обернулся. Леонард, как и всегда, был в своём репертуаре. Постоянно спешил, суетился, пытался ускорить всё, что было возможно. И невозможно тоже. Леонард показал себя как человека, совершенно не умеющего ждать. Этот мальчишка казался надоедливым и даже жалким. Но здесь они находились за его деньги, и ныть Алу было непозволительно. Как в данной ситуации, так и в общем. В конце концов, если он кого-то спасает, он и сам должен быть сильным, не так ли?

Кружащиеся в вальсе фигуры уже вызывали скорее раздражение, нежели желание любоваться. И никого из тех, с кем можно поговорить. Король стоял около трона, что и было ожидаемо, принцесса Кассандра сидела рядом, эта женщина казалась ещё более истощённой теперь, даже некрасивой, уродливой, Марии нигде не было видно. Конечно, Альфонс знал, что его подруга не любила находиться в столь шумном и столь изысканном обществе, но её дед сегодня снова серьёзно говорил с ней о чём-то. Они даже ругались.

Люди смеялись и танцевали. Все их разговоры были разве что о политике или погоде. Ни о чём другом они не говорили. Будто бы не умели говорить. Дамы в пышных платьях ещё говорили о моде. И это было слишком ожидаемо. О чём ещё должно говорить светское общество?

Алу было почти скучно находиться здесь. Ему срочно надо было чем-то заняться. Только он не знал, где взять это “чем-то”. Впрочем, обычно всегда это “что-то” ему подворачивалось именно в те моменты, когда он уже чувствовал, что скука достигла своего апогея.

И вот это “что-то” уже начало появляться на горизонте: Мария общалась с каким-то незнакомцем. Нужно сказать, незнакомцем весьма подозрительным. Военный... Интересно, как в этом мире можно по погонам определить воинское звание? И по погонам ли? Было бы интересно узнать, до чего дослужился этот тип... Он увлечённо что-то говорил Марии, и Ал почувствовал своим долгом подойти и разузнать, о чём именно шёл разговор.

— Мария! Я не могу тебя попросить на минутку отойти? — спросил Альфонс, стоя уже совсем близко к своей подруге детства, а также к этому типу.

Девушка повернулась к нему, и парень понял, что Мария не слишком-то рада его видеть сейчас. Видимо, разговор с этим незнакомцем был куда интересней. Тот протянул Альфонсу ладонь для рукопожатия, но Ал не спешил отвечать ему. Этот человек был незнаком ему. И он был уверен, что Мария тоже едва знала его.

— Ал! Ты можешь подождать десять минут? Пожалуйста? Мы ещё не всё успели

обсудить с господином Хоффманом!

Альфонс, вдруг поймав на себе насмешливый взгляд этого самого Хоффмана, схватил Марию за руку и потянул туда, где сидели король Генрих и принцесса Кассандра. В конце концов, не дело, чтобы Мария общалась со всякими подозрительными типами вроде этого человека. Правда, не успел Ал отойти вместе с принцессой подальше от этого типа больше, чем на десять метров, его почти сбила какая-то особа в ярко-красном платье.

— Ох! Такой красивый мальчик, и не с кем не танцует! — усмехнулась эта девушка, хватая Ала за руку. — Может быть, я могу чем-то помочь?

Девушка эта была так настойчива, что даже при желании отказать ей было почти невозможно. Она была красива. Она казалась ярким пятном во всём этом зале. Она была необычной. Её звали Алесия, и ей было несколько больше двадцати. Альфонс едва мог сопротивляться ей. Да и смысла не было. Или был? Хоффман явно смеялся, изредка поглядывая на них, и что-то шептал Марии, отчего та тоже начинала смеяться. А Алесия тоже улыбалась. Она будто увлекала Ала куда-то за собой. И он начинал чувствовать, что теряет самообладание, что уже не хочет ничему сопротивляться.

Алесия тихо смеялась, улыбалась, шептала парню что-то на ухо. Он уже почти не различал слова. Всё сливалось в один ком. Всё было как в тумане. И проносилось со скоростью света. Ал едва ли мог что-то сказать сейчас. Он почти ничего не понимал. Всё было слишком быстро, слишком туманно, слишком подобно буре.

Как сам танец, так и то, что произошло после. Алесия вдруг, сославшись на головную боль, попросила уединиться где-нибудь в укромном местечке этого дворца. Ал уже не помнил, как именно закончился тот вечер. Помнил только, что Марию он так и не искал в тот день. Впрочем, это ли было важно? Это ли было основным происшествием того дня? Ещё Ал помнил руки Алесии, её губы, её поцелуи... Всё происходило слишком быстро, слишком...

Слишком... Слишком “что”?

Дни тянулись слишком долго. Но Ал не успевал почти ничего. Обращаться к господину Малусу не слишком хотелось, но пришлось. Этот демон был благодарен Альфонсу за то, что тот помог ему увидеть дочь. И это было как нельзя кстати. Малус был одним из сильнейших демонов. Он был шэrvэном, то есть приближённым к главному демону. Одним из тридцати четырёх. Почему демонами было выбрано именно это число, Альфонс точно не знал. Знал только то, что уже давно в государстве демонов было принято назначать именно столько советников. Всегда только такое количество.

Малус сидел сейчас перед Алом и пил вино, предоставленное ему Нэной. Девочка была не слишком рада видеть в доме своего отца демона, но, во всяком случае, пока ничего не говорила. А это было уже хорошо. Малус молчал. Вино ему нравилось. Даже слишком. И Ал иногда начинал думать, а есть ли вино в мире демонов, раз те с таким остервенением набрасываются на него, как только попадают сюда.

Когда Малус, наконец, выпил содержимое всех пяти бутылок, которые ему принесли, можно было начать разговаривать. Момента этого Альфонс ждал уже довольно долго, поэтому начинать нужно было как можно быстрее.

— Итак, что же вас тревожит? — ухмыльнулся демон.

Ал хотел уже наругать Малусу, но, немного подумав, решил, что, во-первых, этот демон является ценным союзником, а во-вторых, все демоны, которых он успел повидать когда-либо, а точнее, в тот самый день, когда он отдал ту девочку отцу. Само жилище этой

расы ему показалось слишком необычным. Впрочем, наверное, необычным был скорее он для них.

— Моя подруга, Мария... Она...

Демону даже не потребовалось дослушивать. Он сразу твёрдо сказал, что обязательно поможет. В частности с новым государственным переворотом в этой стране, ведь демонам в их мире сейчас слишком скучно, а тут предоставляется такая заманчивая возможность повеселиться. Ал не успел сказать даже слова, как Малус исчез куда-то. Через минуту оказалось, что он просто забрал несколько бутылок с вином из кладовки. Тайно, даже не спрашивая хозяев.

— Думаю, следует действовать быстро и смело. Пока эти негодяи не смогли как-то разобраться с новым государственным строем.

Ал кивнул. Ему самому хотелось разобраться с ними быстро. Но до этого он даже не знал, как именно ему может такое удасться. Оказывается, решение было почти на поверхности. И Леонард был прав: беспокоиться не о чем. Нужно было просто поскорее привлечь нужных людей. Или нелюдей. В принципе, это было уже не так важно.

Альфонс же хочет просто спасти Марию, не так ли? Тогда какая разница, как он это сделает? Мария была его подругой и единственным близким человеком здесь. Разве можно было не спасти её?

И разве мог он надеяться на кого-то?

На кого можно было надеяться? Теперь, когда всё было таким жалким и лживым? Когда ничему уже нельзя было верить. Когда нельзя было ступить шагу без сплетен и клеветы в твой адрес?

***

Алесия улыбалась очередной шутке. Алесия смеялась, смотря на то, как очередная девчонка впервые выходит в свет. Алесия веселилась, зная, что конкуренток у неё нет. И вряд ли появятся. Мисс Хайнтс жила на полную катушку и могла не беспокоиться о завтрашнем дне. Нужно сказать, это была весьма привлекательная роль — роль прожигательницы жизни. Можно было делать всё. Любые капризы прощались. Мужчины снисходительно улыбались, слушая очередное желание королевской племянницы, но выполняли его. Услуга за услугу.

Говорить можно было тоже с кем угодно. Алесия чувствовала себя свободной. Только теперь. Рядом с Горацием, Демолишем и Георгом. Она чувствовала себя своей. И это давало какую-то уверенность, вообще.

Шумные компании, весёлые вечера, вино, танцы, очередные безделушки... Всё это прочно засело в жизни Алесии. Менять что-то не хотелось. Ведь для того, чтобы достичь этого беспечного состояния, уже пришлось много чего поменять. И девушка просто боялась, что она вдруг придёт к тому, откуда и приходила.

Сегодня рядом была и Анна. В ярком зелёном платье. Анна вела себя так, будто была по меньшей мере королевой. А Хоффман лишь улыбался этому, но не говорил ничего. Ему нравилось, как ведёт себя Анна, понимала Алесия. Он не слепой. Он всё прекрасно видит. И ему нравится то, как она себя ведёт. Потому что рядом с ней он может чувствовать себя чуть ли не королём. Анна всем улыбалась, правда, в адрес всех звучали и её колкие шуточки, но Алесии подумалось, что сейчас не следует что-то говорить Георгу об её поведении. Через месяц они и его самого начнут бесить, вот тогда можно будет и напомнить. А сейчас... А сейчас лучше было не лезть.

Моника постоянно морщилась, шептала что-то про то, что эта девчонка ведёт себя слишком дерзко, слишком вызывающе... Алесия уже и не знала, чем могла не угодить эта девочка Монике. Хотя... Георг обращал на ту гораздо больше внимания. Но это, пожалуй, можно было считать только плюсом.

— Нечего расстраиваться! — говорила Алесия Монике, которая уже почти перестала воспринимать её враждебно. — Даже если он на ней женится, а он вряд ли женится, она останется только его пассией. Месяц, три, полгода... С кем он встречался дольше? А мы — друзья. Мы надолго остаёмся.

Но Моника либо вздыхала, либо уже почти ревела. Она чувствовала, что всей душой начинает ненавидеть Анну, эту девочку, которая сегодня пользовалась особым вниманием Хоффмана. Особым... Он сидел рядом с ней, он общался в основном с ней, ухаживал за ней... Монике невероятно злило это. А Алесия старалась быть объективной.

Анна сейчас имела большее влияние на Хоффмана, нежели кто-то из присутствующих. Даже Горацию было не сравниться с ней. Но Алесия Хайнтс была уверена: это только сейчас. В конце концов, Георгу нравилось ухаживать за девушками, показывать себя благородным рыцарем. Он не был рыцарем, Алесия прекрасно знала это, и он не был особенно благородным. Но этого тоже лучше было не говорить.

— Перестань, Моника! — бормотала девушка, отпивая ещё вина из своего бокала. — Сколько его самая крутая пассия продержалась? Полгода. Я не верю, что Анна будет сильнее и умнее Аманды.

Моника снова вздыхала и продолжала сверлить Анну ненавидящим взглядом. Та видела это, но старалась не показывать вида. Хоффман вообще непонимающе смотрел на подругу. Из-за чего было всё это? Моника не могла понять сама себя. Что происходило с ней? А Алесия улыбалась и весело говорила какой-то очередной тост. И Моника была бы готова разрыдаться у той на плече, но здесь этого делать не слишком хотелось. Не при этой противной Анне. Не при ней.

— Я попрошу вас извинить нас! — воскликнула вдруг Алесия, понимая, что ситуация полностью выходит из-под контроля. — Мы с Моникой на минуту выйдем. Надеюсь, вы не слишком на нас рассердитесь?

Как и всегда, ответа племянница короля не дожидалась. Она просто взяла Моника за руку и вывела из гостиной своего поместья, где они сейчас находились. Та, как только дверь захлопнулась, жалобно посмотрела на подругу и начала что-то сбивчиво говорить.

— Подожди. Мы сейчас пойдём в какую-нибудь комнату и там поговорим, — сказала Алесия, думая о том, как следует успокаивать Моника.

Мисс Эливейт была слишком эмоциональна. То, что она чувствовала к Хоффману, нельзя было назвать любовью. Впрочем, пожалуй, даже сама Моника ещё не разобралась, что именно она чувствовала к графу. Она уважала его за многие поступки. В частности за то, что он усыновил ту девочку. Она презирала его за обилие женщин, постоянно вертевшихся возле него. Она ненавидела его за тщеславие и гордыню. И она любила его за постоянное внимание. Моника сама не знала, что именно говорило в ней в большей степени.

Отойти девушки от дверей гостиной так и не смогли: из-за дверей раздавались какие-то звуки, похожие на пение. Пел Гораций. Когда девушки вошли обратно, Алесия успела заметить, что Гораций пел по тому листочку, который Хоффман весь вечер держал в руке. Анна слушала и изредка поглядывала на Георга, восхищённо улыбаясь. Само пение было похоже на какую-то старинную балладу.

— Ну и что мы тут поём? — усмехаясь, спросила Алесия, уже подсознательно чувствуя, что ничем хорошим это не кончится.

Гораций вскочил на ноги, подбежал к ней, почти обнял, потом подбежал к Монике и поцеловал её в щёку. Хоффман захохотал, а Анна показала мисс Хайнтс ещё более горделивой сейчас. Именно в этот момент.

— Я решил, что следует уже заказывать отпевание весёлой холостяцкой жизни нашего друга! — воскликнул Гораций, уже выбегая из гостиной.

Хоффман лишь хохотал. Анна же не смеялась, хоть улыбка и не сходила с её лица. Она была гордой. Алесия чувствовала, что вот оно — то отличие между ней и Анной — и куёт, возможно, судьбы. Гораций был прав. Георг Хоффман может не выдержать уговоров со стороны Анны и жениться на ней. Что же... Возможно, следовало более высоко оценивать эту девчонку...

Моника с таким негодованием смотрела на эту Анну, что уже и Хоффман, в конце концов, поднялся с кресла, помог встать этой девушке и, узнав, не холодно ли той, заметил, что уже слишком поздно, а Анне теперь следует ложиться раньше. Алесия вздрогнула. Обычно, он ни к кому не проявлял такой заботы. Или это был всего лишь повод для того, чтобы уйти? И почему Анне следовало ложиться раньше? Она не выглядела больной.

— До свидания, Алесия, — попрощался Хоффман, правда, на этот раз, не целуя руки мисс Хайнтс.

Когда гости уже ушли, осталась только Моника, которая хотела только понять, из-за чего на неё все ополчились, Алесия заметила, что на кресле, где сидел Георг, лежит какой-то помятый листочек. Развернув его, девушка поняла, что именно эту песню пел сегодня Гораций...

Комментарий к I. Глава сорок вторая. Только поверить, только начать.

* Мюзикл “Последнее Испытание” — Легенда о вратах

===== I. Глава сорок третья. Проститься с прошлым. =====

В замке чужом,
В Королевской Гавани
Птица певчая живет.
Поймана львом,
Сердце клетки каменной,
Песни дивные поет.
Лев молодой и в грехах не кается,
Он по-львиному жесток.
Птичка поет, чтобы льву понравиться,
Но навис над нею рок.
Птичка, птичка,
В золотой клетке,
Что же ты ждешь — венец или нож?
Лети, птичка, с ветки на ветку,
Жаль, что ты мне
Уже никогда не споешь.
В замке чужом
Все прикрылись масками
И никто тебе не друг.

Лев молодой убивает ласково,
Упиваясь видом мук.
Трудно порой со слезами справиться,
Но ты можешь, ты должна.
Пой, птичка, пой,
Чтобы льву понравиться,
Чтобы отомстить сполна.
Птичка, птичка,
В золотой клетке,
Что тебя ждёт: огонь или лед?
Лети, птичка, с ветки на ветку,
Жаль только, Пес тебя никогда не найдет.
В замке чужом,
В Королевской Гавани
Птица певчая живет.
Поймана львом,
Сердце клетки каменной,
Песни дивные поет...*

В эту ночь Марии не удалось заснуть. Какую ночь она не спала? Заснуть было практически невозможно. И хоть Джон шёл на поправку, в этой организации у девушки появился один друг, прошлое не хотело отпускать принцессу. Впрочем, кого оно отпустило бы так скоро? Смерть матери, потом смерть сестры... Она была совсем одна тут. Совсем одна... Спать не хотелось совершенно. В комнате, казалось, было душно. Хотя Марии всегда казалось, что душно, если её что-то сильно волновало. Рыданий по ночам не было никогда. Мария не знала, что с ней происходило. Она не могла плакать. Физически не могла. Боль не разрывала изнутри, как ожидала Мария, думая раньше о смерти близких ей людей. Не было ничего. Ни слёз, ни боли. Пустота... И принцессе было стыдно за это.

Девушка осторожно вышла из своей комнаты. Ей хотелось пройтись. Просто пройтись. Просто подумать о чём-то. Наверное, всё-таки придётся смириться с тем, что произошло. Марии было страшно. Она никогда не думала, что с таким спокойствием сможет говорить о том, чтобы забыть о гибели мамы и о гибели Розы... Было стыдно. Но поделать ничего было нельзя.

— Да чтобы ты сдох! — услышала она такой знакомый голос. — Я ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу!

Хлопнула дверь, и Мария увидела парня, очень похожего на Мердофа. Но это был не он. Точно не он. И дело было даже не в одежде и не в другой длине волос. Выражение лица этого человека было совсем другим. Мердофу не присуща такая мимика. Этот парень выглядел даже почти невинно. Но этот человек был похож на него. Очень похож. Те же черты лица, то же телосложение... Но это был не он. Этот парень спешно поздоровался с ней, пробегая мимо. И, услышав его голос, она смогла оставить в стороне все свои сомнения: это был не Мердоф.

Вбежав в комнату, из которой выбежал тот парень, она застала своего знакомого прислонившимся к стене и курящим. Сигареты были дешёвыми, и Марии даже хотелось поинтересоваться, зачем было курить такую дрянь? Но, увидев, в каком состоянии был сейчас Мердоф, принцесса решила промолчать. Во всяком случае, об этом.

— Ты не слишком любишь своего брата, — заметила она, присаживаясь на диван.

Мердоф тяжело вздохнул и резко обернулся. Мария даже вздрогнула от этой резкости, от горящего ненавистью и злобой взгляда. Сейчас, второй раз после того, как этот парень направил на неё дуло пистолета, она начала бояться его. Может быть, не следовало приходить сюда? Впрочем, наверняка вся злость была обращена именно на того парня, а не на неё. Но она сейчас легко может попасть, так сказать, под горячую руку.

— Я его ненавижу! — воскликнул парень, хватаясь за голову. — Я его ненавижу! Ненавижу!

Девушка встала и подошла к Мердофу. Тот буквально дрожал от переполняющего его гнева. Мария едва ли могла что-то сделать для него сейчас. Слишком уж он был напряжён. Неужели можно настолько сильно поссориться с родным человеком? Впрочем, с дедом сама принцесса ещё недавно ругалась так... Но тот парень вряд ли был чем-то похож на её деда.

— Поделишься, из-за чего? Может, мне стоит его опасаться? — спросила Мария.

Парень пожал плечами. Мария чувствует, что должна что-то сделать сейчас, но не знает, что именно и как. Мердоф не слишком любит своего брата. И девушке не хочется оказаться на месте того человека. Всё-таки ей хочется жить. Хочется. Хотя раньше ей казалось, что после смерти близких ей людей она не захочет делать ничего...

Мердоф протягивает ей сигарету. Снова. И Мария опять отказывается. Заставить себя затянуться она не сможет. Тогда зачем брать сигарету? Мистер Сноулт как-то рассказывал ей и Алу о том, из-за чего погибла его дочь. От рака лёгких. Что поняла после этого Мария? Что курить она не будет никогда. Мердоф снова пожал плечами. Мария вдруг перевела взгляд на часы. Они отчего-то показались ей странными. Но уже через минуту девушка позабыла об этом.

— Всегда ругали меня. Наказывали меня, — Мердоф буквально выплёвывал предложения. — Ему доставалось только хорошее! Они ненавидели меня! Ненавидели из-за него...

Айстеч плюхнулся на диван. Мария села рядом. Она чувствовала, что сейчас она просто не должна уходить. Не должна. Уйти сейчас было бы подло. Мердоф нуждался в том, чтобы кто-то выслушал его. Как ей самой нужно было, чтобы Хоффман находился рядом там, на опознании тела Розы. Граф стоял около неё, что-то говорил. Мария не слушала его. Теперь она вряд ли вспомнит, о чём тот мог сказать ей тогда. Может быть, это и не так важно?

— И что он сделал? — спросила девушка, понимая, что нужно задать какой-то вопрос. Показать, что ей это всё интересно.

Мердоф лишь пожимает плечами. Снова. Пожалуй, скоро принцесса начнёт привыкать к этому его жесту. Мария внимательно смотрит на Айстеча. На его напряжённое лицо, на поджатые губы, на прикрытые глаза... Тот уже долго ничего не говорил. Неужели придётся спрашивать ещё раз? Марии не хочется казаться слишком настойчивой. Всё-таки это личные проблемы парня. Впрочем, когда это её раньше волновало? Она всегда спрашивала то, что ей было нужно. Что удерживало её от этого сейчас?

— Они говорят, что сделал я — столкнул его с крыши, когда нам было два года, — медленно произносит Мердоф после затянувшейся паузы. — Да я даже не помню этого!

Мария удивлённо смотрит на своего знакомого. Это было, по крайней мере, глупо со стороны их родителей — срывать зло на Мердофе после этого. Когда Розе был год, она, Мария, хотела отрезать ей пальцы. Она ревновала. Потому что тогда стала не единственным ребёнком. Это было нормально. Когда она с грустью рассказывала об этом леди Джулии

тогда, когда Розу только похитили, та сказала, что она своих братьев готова убить в любой момент.

— Но в чём ты тогда виноват? Дети в таком возрасте, по-моему, не отдают себе отчёта о своих действиях...

Мердоф усмехается и не отвечает. Впрочем, наверное, и эту усмешку можно было посчитать ответом. Мария молчит. О чём говорить сейчас? Не о чём... Айтсеч наверняка хочет помолчать. А Марии и не хочется говорить. О чём? Да и нужно ли это?

— Ты сможешь объяснить это моим родителям? — уже смеётся парень.

И на этот раз именно Мария пожимает плечами. И тоже начинает смеяться. Отчего-то сразу становится легче. Будто бы и не было ничего. Будто бы она сейчас дома, сидит вместе с Алом, смеётся какой-то его шутке... Воспоминания о друге снова заставили её помрачнеть.

— Что-то случилось? — удивился Мердоф, заметив перемену в настроении принцессы.

Мария покачала головой, поднялась с дивана, извинилась и выбежала из комнаты. Что заставило её сделать это? Неужели воспоминания о той, прошлой жизни? Жизни, которой больше не будет никогда? И нужно просто смириться с этим. Потому что изменить ничего уже нельзя.

Двенадцатилетний подросток, как замороженный, следил за действиями человека, стоявшего перед ним. Молодой парень же увлечённо перебирал какие-то бумаги, читал их, некоторые выбрасывал сразу же, другие — отбрасывал в сторону. Мальчик смотрел на это так внимательно, стараясь не пропустить ни одной детали, что порой складывалось ощущение, что он вообще не ребёнок. Тот человек не замечал подростка. Он всё делал очень быстро, ни на секунду не отвлекаясь, будто никого в комнате больше не находилось.

Подросток замороженно смотрел на то, как часть бумаг оказывалась в мусорном ведре, стоявшем совсем рядом. Из-за чего этот ребёнок находился здесь? Что ему тут было нужно? Или что нужно было тому, кто привёл этого мальчика сюда?

Парень продолжал перебирать свои бумажки. Он не обращал внимания ни на то, что в его кабинете кто-то сейчас находился, ни на какие-либо звуки, исходившие из соседней комнаты.

— Что там? — удивлённо спросил подросток, подходя к двери.

Мальчик тут же получил по рукам, ойкнул и отбежал в сторону. Человек, перебиравший бумаги, зло посмотрел на него и продолжил заниматься своим делом. Подросток заскучал. Впрочем, не этого ли следовало ожидать от ребёнка его возраста, которому было просто нечем заняться?

— Дай мне книгу, что лежит на столе! — резко окликает мальчика незнакомец.

И сию же секунду книга оказывается в руках этого человека. Обычная книга... В сером переплёте, имеющая тонкие серо-жёлтые страницы... Обычная книга, поля которой сплошь в заметках, а на одной из страниц имеются рисунки... Мальчик удивлённо смотрит на всё это. Человек, который привёл его сюда, сильно помог ему. Неизвестно, что бы он делал сейчас там, на улицах незнакомого города...

— Значит, тебя подослал ко мне Леманн? — задумчиво спрашивает незнакомец.

Ребёнок кивает. Тот человек усмехается, захлопывает книгу, отбрасывает её в сторону и подходит к мальчику. Тот напуган. Подумать только: ещё полтора часа назад он стоял на неизвестной улице, один, с приказом убить человека, которого он никогда ранее не видел, а сейчас сидит здесь, в тепле, с перебинтованной ногой, которая уже почти не болела... Разве это было не чудо? И разве после этого он не должен хотя бы уважать этого неизвестного

человека? И кто он? Он назвал только одно имя — то, которое было написано на бумажке, торчавшей из кармана Мердофа. Кем он был на самом деле?

— Чем ты провинился перед ним? — спрашивает парень. — Я хочу сразу знать это. Хочу знать сразу.

Ребёнок удивлённо смотрит на него. Он не понимает, о чём идёт сейчас речь. Мердоф не знает ответа на этот вопрос. Разве он провинился перед доктором Леманном? Разве он сделал тому что-то плохое? Нет... Он всегда был вежлив с ним, старался делать всё, что мог... Что могло не понравиться доктору? Что? Да и к чему был этот вопрос?

— Я не самый неосторожный человек, Мердоф, — говорит парень серьёзно. — И Леманн прекрасно знает это. Меня не смогли убить его киллеры, которые работают лучше тебя. И все они оказались мертвы. Неужели он думает, что такой ребёнок, как ты, смог бы это сделать? В чём ты провинился перед ним, Мердоф?

Мальчик удивлённо и испуганно смотрит на незнакомого ему человека. Ему всего лишь двенадцать. Что он может сделать сейчас? Человек этот сильнее его. И он находится в своём доме. А Мердоф даже не знает, как добраться от его кабинета до выхода... И, видимо, этот человек и есть тот самый граф Георг Хоффман. Неужели он не соврал ему тогда? И неужели он прав в том, что Леманн действительно посылал его на верную смерть? Чем Мердоф провинился перед доктором? Чем? Тем, что он не Рогд? Тем, что он другой?

— Боишься? Пожалуй, правильно. Я могу сделать с тобой всё, что мне будет угодно! — смеётся Хоффман.

И Мердоф почти готов разреветься. Чёрт возьми, ему было страшно. Страшно находиться с этим человеком. Просто из-за того, что именно он, Мердоф Айстеч, должен был убить его. И граф Хоффман прекрасно знает это. Страшно, что, возможно, все задания, на которые посылал Мердофа доктор Леманн, должны были привести к гибели мальчика. Страшно, что...

— Впрочем, ты ведь не будешь против поработать немного на меня, не так ли? — снова улыбается граф.

Мальчик кивает. Конечно, он не будет против. Да и будь он против, что с того? Кто у него сейчас вообще что-то спрашивает? Единственное, что подросток сейчас понимает, что злить Хоффмана ему сейчас не следует. Всё-таки ему хочется жить. Хочется. И неважно, каким образом. Даже если ему удастся просто сбежать от графа, доктор Леманн снова пошлёт его на подобное задание. Тогда зачем думать о чести и о благодарности? Разве он должен быть благодарен людям, которые хотят убить его? Мердоф Айстеч сильно сомневался в этом.

А Георг Хоффман помог ему тогда, там, на улице, хотя — мальчик был уверен в этом — мог просто застрелить ненужного ребёнка. И вряд ли этот человек мучился бы угрызениями совести. Вряд ли. Мердоф был уверен, что, погибни он тогда, Хоффман бы просто прошёл бы мимо. Тогда тем более стоило быть благодарным этому человеку. И, как Мердофу казалось, стоило просто попытаться облегчить самому себе жизнь.

— Так ты согласен? — несколько удивлённо спрашивает Хоффман. — Так скоро?

Ребёнок кивает снова. Граф же снова начинает смеяться. Из-за чего тот так весел? Он будто бы старается не воспринимать всю эту ситуацию всерьёз. Или, наоборот, прекрасно всё понимает, но чувствует, что все козыри у него в рукаве.

Мердофу нравится смотреть за тем, как его дядя играет в карты. Правда, дядя почти никогда не выигрывает. Мать постоянно кричит на него из-за этого. Интересно, а тут ему

разрешат делать что-то, кроме учёбы и работы? Мердофу бы хотелось иногда общаться с кем-то, кроме своего ненавистного братца... Может быть, он сможет заниматься чем-то? Рисовать, читать что-нибудь... Было бы неплохо...

Мария чувствует, что за её спиной кто-то стоит, и оборачивается. Брат Мердофа. Девушка чувствует, как в душе её поднимается волна презрения к этому человеку, хотя — нужно быть справедливым — она едва ли знала его. Да и то по рассказам Мердофа. Кем был этот парень?

— Общаешься с моим братцем? — усмехается он.

И у Марии пропадают все остатки желания разобраться во всей этой ситуации. Она понимает, что всё-таки, наверное, выбрала верное решение. Наверное, поддерживать Мердофа было куда лучшей идеей, нежели общаться с этим... Марии хотелось назвать его ничтожеством. Но она не знала его. Она не знала ни о каких-либо его способностях, ни о каких-либо его умениях...

— Не твоё дело, тебе так не кажется? По-моему, я могу общаться с тем, с кем хочу...

Парень садится рядом, и Мария чувствует, что ещё чуть-чуть — и она просто врежет ему. Просто так. За очень наглую морду. Даже за слишком наглую. Парень пока молчит, чем, пожалуй, раздражает девушку ещё больше.

— И кого из себя строит Мердоф? Благородного рыцаря?!

Желание придушить этого парня сейчас становится навязчивой идеей. Может, фиг со всеми этими правилами? Придушить, и всё. И никаких больше проблем! Или, может быть, Мердоф его лично убить хочет? В таком случае было бы нехорошо лишать его такой возможности.

— Ах да... Вы же принцесса... Кем он представился вам?

Перед глазами девушки вдруг пронеслись те жуткие мгновенья, когда Мердоф хотел выстрелить в неё. Это произошло совсем недавно... Она чувствовала себя такой беспомощной... Хоть и пыталась сделать что-то. Ровно до того момента, как появился Георг Хоффман. И Мария думает о том, что, знай этот придурок, сидящий рядом с ней, правду, он бы не был так самоуверен.

— Не твоё дело... Кстати, как тебя зовут?

Парень удивлённо смотрит на неё. Через какое-то мгновение девушка замечает, что он улыбается. Марии не нравится он. Просто не нравится. Этому нет объяснения, хотя обычно девушка не делает настолько поспешных выводов. Так же Мария начинает думать о том, что, может быть, не такая уж плохая идея придушить этого парня, а потом начать слёзно извиняться перед Мердофом за то, что сделала это сама и без его ведома.

— Рогд. А вас, насколько я знаю, принцесса Мария?

Мария качает головой. Нет. Какая она принцесса? Во всяком случае, сейчас. Впрочем, может быть, когда-нибудь ей придётся разбираться с теми революционерами. Но сейчас она была даже почти рада тому, что это произошло. Дед слишком много требовал от неё. Она не была готова на это. Совсем не была готова.

— Я просто Мария. Я никакая не принцесса.

Рогд смеётся. Он не верит ей. Никто ей не верит. Она не принцесса. Конечно, в детстве она всегда мечтала об этом, но сейчас... Роза подошла бы для этой роли куда лучше. Если бы была жива... Леди Джулия мечтала о троне. Почему бы не сделать королевой именно её? Кого угодно... Кого угодно, кроме неё, Марии. Она просто хотела быть обычной девушкой, живущей там, на Земле, а не бегающей непонятно где и непонятно с кем.

— Разве? Я слышал, что Георг Хоффман говорил иначе...

Мария сама смеётся. Хоффман. Конечно... Но он мог говорить об этом. Он видел её тогда, на балу. Он дважды спасал её. Разве нельзя было позволить ему что-то сверх того, что было позволено остальным? Граф был умнее других. И он обладал куда большими знаниями о ней. Но говорить что-либо этому Рогду девушке не хотелось.

— Мне кажется, у твоего брата менее длинный нос... Думаю, это его достоинство.

Дверь захлопывается. Мария поворачивает голову и видит, что на пороге стоит именно Мердоф. Что же... Возможно, следовало ожидать того, что он может войти в любой момент... Но сожалеть о сказанном было бы ещё глупее неосторожности. Что сказано, то уже не изменить. Неужели следовало расстраиваться из-за того, что уже нельзя было изменить?

— Вон! — рывкнул Мердоф вдруг. — Вон отсюда!

Рогд встал и вышел из комнаты, правда, разок оглянувшись и посмотрев на принцессу, будто пытаясь что-то сказать ей. Она не слишком поняла этого “сообщения”. Да и можно ли было что-то понять в этом?

— Он надоедал тебе? — усмехается Айтсеч, и Мария качает головой.

Ей смешно. Но смешно уже по-доброму. Совсем не так, как было смешно тогда, когда Рогд упомянул про Хоффмана. Пожалуй, Мердоф тоже несколько самоуверен. Но от этого не становится так противно, как в случае с Рогдом. Мария усаживается с ногами на диван. Ведь никто не скажет ей ничего против сейчас? Она же не в уличных кроссовках... Мердоф садится рядом. Он ничего не говорит ей.

— Твой брат не самый приятный тип... — бормочет Мария.

Мердоф кивает. Да уж... Немного пообщавшись с Рогдом, девушка уже начала понимать, почему братья так ссорятся. Неужели Рогда любили больше? Хотя... Одет он был куда приличнее, нежели Мердоф. Выглаженные брюки, белоснежная накрахмаленная рубашка... Для полноты картины не хватало лишь галстука. И таблички “примерный ребёнок”. И все его движения были такими. Всё было будто бы пронизано фальшью...

Мария ещё раз посмотрела на Мердофа. Да уж... Того точно не мешало несколько подстричь. А так же причесать и одеть во что-то менее вызывающее. Странно... Тогда, в день их знакомства, ей казалось, что он одет немного поскромнее. Или она просто не замечала ничего...

— Он всегда хорошо вёл себя перед родителями, так? И за всё, даже за то, что делал он, наказывали тебя?

Мердоф кивает. Ему неприятно говорить об этом. Как маленькой Марии было неприятно говорить что-либо о Розе. Роза всегда была примерной девочкой. Она играла в куклы. Она была аккуратной. Она никогда не грубила и не дралась. И она, тем более, не общалась с хулиганами из соседнего двора... Мердоф и Мария долго сидят и не говорят друг другу ничего. Оба думают о чём-то своём...

Комментарий к I. Глава сорок третья. Проститься с прошлым.

Айре и Саруман — “Санса”

===== I. Глава сорок четвёртая. Сделать несколько шагов. =====

Мой добрый католик,

Иди помолись костру,

На котором сгорела твоя сестра!

Иди, поклонись

Той виселице поутру,
На которой был вздернут твой брат!
К досаде твоей нераскаянным я умру,
У ангела выменяв Рай
На твой огненный Ад.
И если это не ложь,
Весь город ты позовешь
Посмотреть, как я умираю,
А я в начале пути,
Мне просто нужно пройти
Мои восемь шагов к Раю.
Мой добрый католик,
Нет пользы душе моей
Оттого, что ты колешь ее крестом,
Что льешь на нее
Милосердия лживый елей,
Угрожай мне смертью потом.
Ну что ж, если хочешь,
Сегодня меня убей:
Ведь я называюсь всего лишь
Еретиком!
Но ты мне выбрать помог:
Меня и Дьявол, и Бог,
Как друзья, проводят до края;
Я в середине пути;
Они помогут пройти
Мои восемь шагов к Раю.
Мой добрый католик!
Узнал я твое добро,
Проведя ночь в объятьях железных дев;
Твой добрый палач
Мне поставил на лоб тавро,
Лишь случайно убить не сумев.
Ты мне говоришь,
Завершится дело костром,
Но я это знал, только раз
На тебя посмотрев!
И, Смерти падая в пасть,
Тебя готов я проклясть,
От боли корчась, в огне сгорая;
Но Бог мне шепчет: “Прости!” —
Ведь ты помог мне пройти
Эти восемь шагов к Раю...

Первое, что увидела Мария, проснувшись — это провода. Провода около её головы. Что это было? Девушке хотелось повернуть голову, осмотреться, но что-то не давало ей сделать

это, что-то словно держало её голову в тисках, руки были пристёгнуты к подлокотникам кресла, а ноги будто бы находились в каких-то колодках; посмотреть, так ли это, не представлялось возможности: Мария оказалась в западне, и она понимала это, отчего ей становилось страшно. Вокруг не было никого, кто мог бы помочь ей. Никого. Кто в здравом уме пришёл бы сюда, в эту страшную комнату, с кучей непонятных предметов, проводов, экранов, кто выдержал бы это раздражающее пиликанье приборов, кто отцепил бы от Марии это огромное множество проводов... Принцесса старалась расслабиться. В конце концов, это ещё никому никогда не мешало, а ей сейчас нужно быть максимально спокойной, чтобы сохранить способность мыслить. Не хватало ещё начать паниковать в такой ситуации!

Дверь противно заскрипела, и в комнату вошёл Хоффман. Мария удивлённо посмотрела на него и сама себя одёрнула: этот человек был хозяином здесь, что удивляться тому, что он решил как-то использовать её? Да и не она ли сама подписывала договор с ним о том, что он может делать? Хоффман сел напротив. В такое же кресло, в котором сидела Мария. Подошедший Мердоф помогает графу сесть так же, как сидит сейчас Мария, надевает ему на голову какое-то глупое приспособление, присоединяет к этому приспособлению провода... Точно такие же, какие видит Мария около себя.

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество, — медленно произносит Хоффман, прикрывая глаза. — С вами всё будет в полном порядке. Вам нужно напомнить десятый пункт нашего договора?

Десятый пункт договора... Граф упоминал в тот день о том, что для того, чтобы совершить то, что он задумал, будут проведены три уровня самого договора: письменный с подписанием той бумаги, магический и кровный. Три последовательных ритуала. Три. И сейчас должен быть закреплён второй этап договора. Магический. И, как говорил Георг Хоффман, самый болезненный. В чём это будет проявляться? Мария с интересом смотрела на то, что делал Мердоф, как он возился с компьютером, стоявшим позади кресла, в котором сидел Хоффман.

— Закрой глаза, — шепнул Мердоф. — Сбой в приборе может оказаться смертельным для вас обоих. Любой сбой в приборе. А я не совсем понимаю, как работает эта машина.

Мария закрывает глаза. Вот и всё. Тьма. Ничего. Малейшая неполадка может лишить её жизни. Любая оплошность, любое неловкое движение Мердофа, от которого теперь зависят жизни Георга Хоффмана и Марии, любая случайность... Сейчас принцесса не видит ничего. Сейчас она может только слышать. Слышать, как тяжело вздыхает Мердоф, как он тянет за какой-то рычаг и...

Мария стояла посреди коридора. Широкого и длинного, с окном в его конце... Выбеленные стены, серый ковёр на полу, опущенные шторы... Все двери тут были закрыты. А Мария находилась здесь одна. Сколько метров нужно пройти до окна, начиная отсюда, прямо с середины? А сколько до другого конца? Наверняка что-то должно быть там. С другого конца. Лестница, дверь, ведущая на улицу... Что-нибудь! Мария попробовала открыть одну из дверей. Ничего. Она была заперта. То же самое оказалось и с другими дверями. Выхода отсюда не было. Хотя... Может, окно?

Когда девушка снова повернулась к окну, там стояла девочка, которой на вид было лет пять-шесть. Худенькая, бледная, с кругами под глазами, недовольно смотрящая на Марию; руки этой девочки тряслись, принцесса даже смогла заметить свежие ссадины на кистях и запястьях ребёнка, а взгляд её был настолько обиженным, настолько разочарованным, что Марии невольно становилось стыдно перед этой девочкой, хотя, по идее, такого быть не

должно. Девушка удивлённо рассматривала ребёнка. Эта девочка кого-то напоминала ей. Кого? Кого-то очень знакомого, кого-то, кого она должна была совсем недавно видеть... Кого?

— Ты кто? — спросила Мария, невольно делая шаг назад.

Девочка испуганно посмотрела на неё. Испуганно... Позади себя принцесса чувствовала чьё-то присутствие. Девушка обернулась, чтобы посмотреть, чьё. В другом конце коридора стоял мальчик. Ему тоже было пять или шесть лет. Он и та девочка были очень похожи, хотя, даже стоя тут, Мария могла бы поклясться, что мальчик выглядел куда более крепким и здоровым, нежели девочка. И смотрел он куда более зло. И куда более знакомо. Кому же из знакомых Марии принадлежал этот взгляд? Кому?

— Меня зовут Мари! — воскликнула девочка, тоже на всякий случай отходя подальше. — Ты заберёшь нас отсюда? Не оставляй нас здесь одних!

В голове Марии пронеслась мысль о том, что, раз уж они с этой девочкой тёзки, она тем более должна помочь ей. И её брату тоже. Эта девочка, Мари, начала говорить ещё что-то. И принцесса с ужасом осознала, что не понимает, что именно говорит девочка... Голос этого ребёнка дрожал. Дрожал и таял. И сама хрупкая фигурка девочки тоже будто бы таяла. Мальчик бросился к ней. Мария поняла, что просто не успевает отскочить, что сейчас она грохнется на пол, как... Мальчик будто бы пронёсся сквозь неё. Или не будто...

А через несколько мгновений перед ней стоял уже не тот мальчик. Хоффман. Девочки той уже не было. Исчезла. Растворилась в воздухе. А Георг Хоффман будто бы всё ещё пытался поймать её... Марии было не слишком удобно находиться здесь в такой момент. Что такое ритуал магического договора? Сейчас девушке очень хотелось узнать это.

Мария чувствовала, что дыхание её восстанавливается с трудом. Кто-то снимал с неё все эти провода... Принцессе думалось, что лучше бы она не видела всего этого сейчас... Мердоф помог ей подняться. Встать на ноги сейчас было несколько проблематично. Сильно кружилась голова. А Мердоф Айстеч помогал Хоффману освободиться из всех этих проводков.

— Что же... Ритуал прошёл успешно, что не может не радовать, — проговорил Георг, стараясь не показывать вида, что у него сейчас очень сильно кружится голова.

Георг Хоффман вышел из этой комнаты. Куда он пошёл теперь? Впрочем, это было не её дело. Сейчас нужно добраться до какого-нибудь дивана, лечь на него и расспросить Мердофа об этом ритуале. Хотелось бы разобраться, что это вообще такое. К тому же, нужно же хоть что-то узнать об этом мире кроме каких-то двух моментов, о которых рассказывал Паул... А Мердоф наверняка не будет слишком против объяснять всё это. Во всяком случае, когда Марии нужно было провести экскурсию по организации Schreiendes Blut, Мердоф Айстеч был даже рад ей всё рассказать...

— Ты сможешь мне объяснить, в чём заключается магический этап договора? — спрашивает принцесса, присаживаясь на диван.

Мердоф кивает, но потом говорит, что объяснит это как-нибудь позже, когда Мария будет чувствовать себя лучше. А девушка уже и сама не замечает, как начинает засыпать...

***

Алесия с интересом наблюдала за Моникой, пытавшейся выбрать что-то из вещей самой мисс Хайнтс. По правде говоря, Алесия не совсем понимала, почему Моника вдруг решила принарядиться. Да и просить об этом лучше всего было Хоффмана. Тот уже давно помогал Горацию почти со всем, что только касалось денег... Да уж... За столько лет жизни в

столице Бейнот до сих пор не постарался как-то устроиться. Конечно, он был неплохим воякой и прочее, но... Для мирной жизни этого было недостаточно. А Моника... Моника никогда не старалась как-то выделиться, как-то показать себя. То, что она сейчас вдруг решила полностью обновить свой гардероб, тоже было неожиданно: Алесия прекрасно помнила, что мисс Эливейт всегда ходила в одной и той же одежде, и ту никогда не смущало это однообразие, мисс Хайнтс даже начинала уже строить теории о том, на кого именно хочет повлиять Моника. Это было нетрудно. Пожалуй, уже многие знали о том, что чувствует эта девушка к Хоффману. Даже не так. Это знали все. Все, кроме самого Хоффмана, который совсем недавно увлёкся этой самой Анной, девушкой, бесспорно, красивой и очаровательной, но куда более своенравной, нежели Моника, готовая быть тенью этого человека. Но Георг не давал мисс Эливейт быть своей тенью. Он никому не давал находиться слишком близко к себе. Боялся ли он? Алесии почему-то казалось, что он не доверял никому именно из-за страха. Так ли это было? Вряд ли мисс Хайнтс могла смело рассуждать об этом.

Моника стояла перед зеркалом и с грустью смотрела на своё отражение, Алесия не понимала её грусти: мисс Эливейт была довольно красива, по правде говоря, племяннице короля иногда хотелось иметь именно такую внешность: красота Моника была не слишком яркой, не слишком вызывающей, совсем не такой, как у самой Алесии Хайнтс, постоянно вынужденной крутиться на балах и приёмах, и девушке было непонятно, почему Хоффман до сих пор не обращал на ту внимания; Алесия прекрасно знала, как он был скор в отношениях с женщинами, если, конечно, то внимание, которое он оказывал, можно было назвать отношениями, и, пожалуй, Алесия завидовала Монике, что на ту граф Хоффман ни разу не смотрел так, как на других — это лишь доказывало индивидуальность Моника, то, что и Георг смотрел на неё иначе, нежели на других, иначе, чем на саму Алесию...

Моника с грустью смотрелась в зеркало. Ей нравилось то платье, которое она нашла в шкафу королевской племянницы и которое та никогда не надевала. Это было тёмно-синее закрытое платье с очень красивой вышивкой на спине, длинное, прекрасно подходившее Монике и наверняка неплохо смотревшееся на самой Алесии. Но Хоффман вряд ли бы обратил на девушку в таком платье внимание. Моника ненавидела графа за его придирчивость, за его любовь всегда быть на коне, за его любовь к красивым вещам, к которым он без колебаний причислял и тех девушек, которые находились в определённый момент вместе с ним... Она презирала его за неумение противостоять этому ужасному пороку, за его разбрасывание деньгами и при этом странную скупость, за неумение выбирать девушек, которых, впрочем, граф бросал после первой же ночи с ними, и за постоянное фатовство на приёмах... И Моника уважала его за то, что графу хватало смелости жить именно так, как ему хотелось...

— Перестань расстраиваться по пустякам! — воскликнула Алесия, кидая какое-то своё старое платье на пол. — И не лезь туда, где тебя не ждут!

Моника со злостью посмотрела на Алесию: та знала, что злость мисс Эливейт скоро пройдёт, и девушка будет смотреть на неё уже не зло, а просто беспомощно, будто пытаясь что-то сказать, но боясь даже думать об этом, так, как не смотрел никто другой, так, как никто другой бы смотреть не стал просто потому, что это было слишком не принято в обществе — показывать свою слабость — и вообще кому-либо, что обязательно вызвало бы какую-то насмешку, Алесия просто не могла думать о том, что кто-то на неё сейчас так смотрит: это было почти неприлично, почти запретно, потому что никто бы не хотел видеть

настоящих эмоций и чувств других людей, потому что в высшем обществе было принято видеть только определённую маску, по которой и складывалось впечатление об определённом человеке, и мисс Хайнтс совсем не нравилось это, хоть она и терпела, иногда думая о том, что это действительно необходимо, что это действительно норма поведения...

— Я не знаю, что мне делать! — жалобно пропела Моника. — Он всё время видит только эту Анну!

Моника Эливейт скривилась и попыталась изобразить из себя Анну; получилось весьма жалко, Алесия, наверное, сделала бы замечание Монике по актёрскому мастерству, но, видя состояние той, решила не трогать её до поры, пока та сама не успокоится, что, конечно, должно было произойти ещё совсем нескоро. В конце концов, Хоффман и не собирался обращать на эту девушку внимания. И вряд ли бы он решил вдруг просто посмотреть на неё. Хотя, как казалось Алесии, лучше было как раз тогда, когда он просто не замечал. Так, во всяком случае, было спокойнее.

— Может быть, мне стоит ударить её? Опозорить? — спросила Моника с надеждой. — Может, тогда он поймёт, что она ему не пара? Алесия, что мне делать?

Алесия Хайнтс тяжело вздохнула. Ну вот... Она пришла к тому же, от чего они только полчаса назад оттолкнулись. Это было плохо. Ну а что ещё можно было сказать? Моника не слушала того, что ей говорили, хотя это, безусловно, пошло бы ей на пользу, и даже если ей не удастся как-то повлиять на графа Хоффмана, то хотя бы это было бы подспорьем на тот случай, если Монике Эливейт понравится кто-то другой.

Да уж... Ситуация выходила из-под контроля, и это было плохо. Алесии совсем не хотелось целый день просидеть в своей комнате, перебирая собственные вещи и утешая Моника, тогда как можно было потратить время куда более интересно. А так... Это было скучно. К тому же, всё это повторялось.

— Успокоиться и перестать ныть! — с укором произнесла Алесия. — И стоит перестать винить во всём Анну. Она тут вовсе не дьявол во плоти. В конце концов, она такая же обычная девушка, как и большинство пассий Хоффмана!

Моника шмыгнула носом. Это было ещё хуже. Алесии совсем не хотелось сейчас повторения той истории, что произошла совсем недавно. Это было бы просто глупо со стороны племянницы короля — допустить такое во второй раз, и Алесии совсем не хотелось выглядеть глупо... Вот совсем не хотелось!

— Я тебе что сказала? Перестать плакать. Слезами горю не поможешь! — с тяжёлым вздохом произнесла племянница короля. — Вставай, мы едем в какой-нибудь приличный магазин, чтобы ты выглядела лучше...

Моника встала и послушно поплелась за Алесией, совсем послушно, без всяких возражений, без истерик, без каких-то восклицаний, радостных или наоборот, без всякого шума, абсолютно тихо и послушно, так, как редко сможешь увидеть где-либо, как изредка ведут себя те люди, которые что-то хотят... Алесия едва удержалась от удивлённого оклика Моника. Но сейчас это была не лучшая идея. Моника и так была слишком подавлена всей той ситуацией с Анной, когда последняя рассказала о своём желании выйти замуж за Хоффмана...

***

Делюжан всё утро чувствовал себя не слишком хорошо. Все эти балы, приёмы, маскарады изматывали уже пожилого первого министра, утомляли его, делать какие-то дела после этих нескольких часов, проведённых на публике, было практически невозможно, а

дела накапливались, и мужчина боялся, что через какое-то время они могут лавиной обрушиться на него. Делюжан предпочитал всё делать спокойно и размеренно, без излишней беготни, без какой-либо суеты. Только так можно быть уверенным в правильности своих действий, в их целесообразности, быть уверенным в том, что всё должно получиться. Делюжан едва мог встать сейчас с постели, хотя было уже довольно много времени. Голова не болела, но во всём теле присутствовала такая слабость, что первый министр едва мог заставить себя встать и отправиться в свой кабинет. Обычно он редко решал какие-то дела дома, для этого была создана целая куча разнообразных парадных кабинетов, но сейчас был тот случай, когда он просто не мог добраться хотя бы до одного из них.

— Зарина! — окликнул он служанку, протиравшую пыль в коридоре. — Принеси кофе в мой кабинет. Завтракать я не буду.

Девушка поклонилась и побежала выполнять приказ министра. Мужчина почти был готов улыбнуться. Зарина была похожа на его дочь. Так же, как и Хоффман был похож на его сына. На ту семью, которую у Делюжана отняли пятнадцать лет назад. Он постоянно держал перед глазами этот облик, этот блик всех своих родных, а если что-то забывал, портреты напоминали ему. Милая белокурая девушка, всегда улыбающаяся, с открытым добрым взглядом, его дочь Лирта... Смышлёный и молодой парень, Яков, ставший по собственному желанию военным, миновав все запреты отца, и проводивший теперь всё меньше времени дома... Строгая и уже немолодая женщина, Милана, всё ещё горячо любимая, воспитавшая двух детей первого министра... Их троих не было уже пятнадцать лет. И Делюжан корил себя за то, что настоял на том, чтобы его сын прибыл из полка в тот день домой. Если бы он этого не сделал, то, возможно, хотя бы один его ребёнок был бы жив...

Изменить прошлое теперь уж невозможно. Делюжан не сможет вернуть себе семью, как бы ему того не хотелось... Только большее становилось и оттого, что тот взрыв во дворце должен был убить самого министра, а не его семью. И мужчина не понимал, почему вдруг у него появились настолько важные дела, что он на полчаса задержался. Взрыв прогремел, когда министр подходил к своему дому. Все в доме оказались уже мертвы. Лирта, Яков, Милана, все слуги... Все были мертвы. Министр не мог простить себе того, что не пришёл раньше. Тогда ему бы не пришлось мучиться долгими вечерами теперь в полном одиночестве в свои почти семьдесят лет...

— Ваш кофе, мистер Делюжан, — сказала Зарина, входя в комнату. — Вам принести ещё чего-нибудь?

Министр жестом показал, что больше ничего не желает и девушка может идти. Та поклонилась и вышла из кабинета. Зарине было семнадцать лет. Ровно столько исполнялось Лирте в день смерти... Яков по какой-то причине не мог прийти тогда, но именно он, первый министр, настоял на том, чтобы сын обязательно пришёл, чтобы обязательно присутствовал рядом со своей сестрой в такой знаменательный день... Почему всё получилось именно так? Разве взрыв не мог грянуть в другом месте? В кабинете самого Делюжана, в столице, когда он работал, например... Или где-то ещё — на улице, в карете, в кофейной, куда каждый день ходил министр... Где угодно, только не там, только не в доме на Сосновой поляне, где жила семья Делюжана... Где угодно, только не в том доме.

Министр всё ещё жалел о том, что произошло тогда. Впрочем, куда более странным было бы, если бы он не жалел об этом. Его семья... Его дети... Всё безвозвратно ушло. И остался только он, семидесятилетний старик, управляющий государством, которое, фактически, теперь заменяло ему всё: семью, жизнь, любовь... Он жил так, как предписывал

закон. Ровно так и никак иначе. Просто потому, что ничего, кроме этого, ему и не оставалось. Он мог только сидеть здесь, в этом кабинете, и думать о том, что ничего другого ему не оставалось.

Молодой человек стоял перед отцом и хвастался тем, что его приняли, а значит, уже скоро должны назначить командиром. Его сестра, бледная худенькая девочка, светленькая, вечно напуганная, стояла рядом и заморожено наблюдала за этим. Женщина, вышедшая в тот момент и увидевшая сына, ахнула. Правда, видимо, она была не слишком то рада тому, как выглядел сейчас её ребёнок.

— Подумай, что отец тебе скажет, Яков! — укоризненно сказала она. — Ты же знаешь, он всегда был против твоей идеи стать военным!

Парень усмехнулся и, подойдя к сестре, что-то шепнул ей на ухо. Девочка кивнула и будто бы взлетела по лестнице, помчалась в кабинет отца. Парень засмеялся и развёл руками. Женщина покачала головой. Её сын всегда был слишком своевольным, своенравным, из-за этого он всегда впутывался в огромное множество разнообразных конфликтов... Милану беспокоило это. Её мальчик не мог найти общего языка даже со своим отцом. Что говорить о ком-то другом? Её ребёнок почти всегда лез туда, куда ему лезть не следовало.

— Яков! — услышала расстроенная женщина голос своего мужа. — Яков! Я думал, мы с тобой обо всём поговорили!

Милана вздохнула. Этот тон её мужа, отца её детей, означал только одно — тот сильно рассержен, а значит, Якову обязательно влетит за его дерзкую выходку. Парень же только смеялся. Сколько помнила женщина, её сын почти никогда не унывал, всегда был в центре всех событий, всегда умел поднять остальным настроение. Всем, кроме своего отца, который по своей натуре был человеком куда более спокойным и не желал каких-либо перемен.

— Отец! — воскликнул Яков, всё ещё смеясь. — Ты сам не выполнил своего обещания! Ты подавал документы на моё зачисление в министерство, а мы договаривались на кое-что другое, если ты помнишь!

Лирта укоризненно посмотрела на брата. Тот смеялся. Тот всегда смеялся. Особенно тогда, когда затевал спор с отцом. А Милана лишь вздыхала— когда её муж и сын начнут ладить, как подобает нормальной семье?...

Делюжан с грустью смотрел на фотографию сына, стоявшую у него на столе. В последние пять лет жизни Якова они слишком сильно ссорились, они никогда не находили общий язык, и Милана так расстраивалась из-за этого... Сейчас министр отдал бы всё, чтобы его семья снова была с ним. Так же, как и раньше...

— Зарина! — крикнул мужчина. — Принеси мне ещё кофе!

Про себя министр думал, что только работая, отдавая и выполняя приказы, он может чувствовать себя так же, как и раньше. Хотя бы чувствовать. Каждый раз осознавать для себя то, что как раньше никогда не будет, было пыткой. Делюжан чувствовал, что не сможет выдержать воспоминаний о семье, каждый раз с новой силой и особенно болезненно накатывавших на него.

***

Альфонс Браун нервничал. Он сейчас находился в королевском дворце. Он сейчас мог найти Марию. Но той нигде не было. Нигде... Тюрьма была пуста. В ней не было абсолютно никого, все камеры пустовали, там даже было чисто, хотя, когда Ал заходил туда в прошлый раз, там было ещё более неприятно находиться... Низкие своды, будто бы давящие, будто бы

пытающиеся раздавить, уничтожить другого человека, будто бы готовые разрушить всё, что было создано матерью-природой, полумрак, из-за которого создавалось впечатление, будто бы это даже не тюрьма, а ад, адский холод, благодаря которому редкий узник раньше осмеливался уснуть, и абсолютная тишина... Альфонс был удивлён. Когда он был тут в прошлый раз, тут было куда более шумно... Более шумно...

Если Мария была тут одна, подумалось Алу, она наверняка молчала. Молчала просто потому, что говорить что-то в подобной ситуации представилось бы ей излишним... И парню показалось, что, если он сейчас выкрикнет её имя, позовёт её, она может услышать и ответить ему... Она же всегда отвечала...

— Мария! — крикнул Альфонс. — Мария!

И ему ответило только эхо. Никто более. Звук пронёсся по подземелью, достиг дальней стены, ударился о неё и отправился назад... Мария услышала бы его. Тогда... Что могло с ней случиться? Ал выдохнул, снова набрал полную грудь воздуха и снова крикнул. И опять ответа не было. Как и в прошлый раз.

Альфонс Браун нервничал. Что могло случиться с Марией? Её могли убить... И это было даже хуже того, что могли убить и Розу, которую похитили незадолго до переворота. Это было гораздо хуже. Ал укорял себя за эгоизм, но тут же забывал об этом, вспоминая, как до появления Седрика спорил с Марией об одном восстании. Мария тогда говорила, что правитель сделал всё абсолютно правильно. Она всегда была готова поддержать его в тех действиях. И, наверное, всё делала правильно. Ал убеждался в этом. В том споре он был за революционеров. А сейчас он ненавидел тех, кто сверг короля Генриха. Тот был слабым правителем, но при нём Марии было нечего бояться.

А что сейчас?

Сейчас Альфонс Браун не мог наверняка сказать, жива ли ещё была его подруга или нет. Он не мог сказать ничего определённого. Он и сам не знал ничего. И это было хуже любого, даже самого слабого и бесхарактерного монарха. Воспоминания появлялись и исчезали в голове парня сами... Без всякого его на то желания... Он не мог сделать ничего. И, наверное, это сильно смешило бы его, если бы сейчас не была та ситуация, в которой лучше знать все свои чувства, все свои эмоции, все свои мысли и уметь угадывать их...

Ал сидел в кресле и с удовольствием наблюдал за Алесией. Правда, пить предложенное ей вино он не собирался. Впрочем, без этого можно было обойтись. Та в своём ярком алом платье была неотразима. Её длинные светлые волосы были растрёпаны, но это, пожалуй, несколько не портило её, наоборот, придавало какого-то шарма, какого-то бесконечного обаяния. Алу нравилось смотреть на неё. Она была прекрасна... Так прекрасна, как не был прекрасен никто другой... Альфонсу нравилось наблюдать за Алесией. Та была самой грациозностью, самым очарованием... И она не строила из себя святую невинность... Пожалуй, именно это нравилось Алу больше всего.

В соседнем зале играла музыка, танцевали люди, но здесь их не сможет увидеть никто. Эта комната была заперта. И Ал больше всего надеялся, что этого не увидит принцесса Кассандра. У той и так был нервный срыв из-за пропажи младшей дочери, а если она узнает, чем занимается друг её старшей дочери... Наверное, будет скандал. Притом такой, что Алу никогда не удастся снова поговорить с Марией.

Почему-то тётя Кассандра думала, что если Альфонс общается с Марией, то он должен будет потом взять её замуж, а до этого... Мария ни за что не позволила бы кому-либо притронуться к себе. Да и нужно ли это было Алу? Тот прекрасно помнил, как она пожалала

плечами, узнав о том, что Ал побывал в борделе и снял для себя Эллу в тот день, а потом принялась расспрашивать о том, не подарить ли ему на день рождения абонемент на посещение того места... Да уж... Марии было абсолютно плевать на то, с кем проводил своё время Ал. Но вот как было объяснить леди Кассандре то, что он не встречается с Марией? Нет... Это была задача абсолютно невозможная. А сейчас — тем более...

А Алесия была особенной... Мария никогда не позволила бы себе такое. Впрочем, кто бы позволил? Алесия позволяла себе то, что позволяла, наверное, только Элла из борделя, в котором Альфонс однажды побывал... И это было превосходно. Эта девушка оказалась не бордельной шлюхой, она была из высшего общества, более обаятельной, грациозной, образованной... Она была красивой, очаровательной, совершенно неотразимой... Ал никогда бы не подумал, что будет настолько сильно хотеть кого-то... И Алесия, видя это, не начинала фыркать, убегать, корчить из себя невинность... Она только улыбалась и подходила всё ближе. Но это была и не Элла, не слишком красивая проститутка, впрочем, что и можно было ожидать для дешёвого борделя на окраине небольшого городка.

Алесия, наконец, стала расстёгивать своё платье. Нужно сказать, что платье это облегалo фигуру девушки, пожалуй, слишком сильно. Алу, во всяком случае, казалось именно так. Молния была на спине, и Алесия, не сумев расстегнуть самостоятельно, попросила сделать это Ала. Тот подошёл к ней, чтобы помочь это сделать. Ох... Эта девушка была прекрасна. В ней было прекрасно всё: руки, лицо, волосы, фигура... И она позволяла себе то, что не позволял себе почти никто. Она была неотразима. Ал чувствовал, что начинает терять самообладание рядом с ней...

Платье было расстёгнуто, снято и отброшено в сторону. То же в скором времени произошло и с рубашкой Ала, а также с его брюками. Алесия целовала Ала активно, жадно, торопливо, она сама была готова сделать всё самостоятельно... Вблизи её лицо выглядело ещё более очаровательным. Алу казалось, будто бы всё это просто наваждение...

Малус выполнил своё обещание. Демоны были во дворце. Демоны крушили всё, что попадалось им под руку. И они помогали Алу и Леонарду свергнуть узурпаторов. Конечно, в любой другой день Альфонс бы подумал, что логика сейчас была слишком странной — идти революцией против революционеров, но сейчас ему было абсолютно плевать на какую-либо логику.

Тот человек, который был палачом короля Генриха, убийцей леди Кассандры, выбежал из тронного зала. Кто там остался? Никого... Ни того странного парня, ни той девушки, несколько похожей на дешёвую проститутку, постоянно размалёванную и вызывающе одетую...

— Ну и? Что будешь теперь делать? — усмехнулся Малус, почти влетая в тронный зал.

Ал пожал плечами. Действительно, что он будет делать теперь, когда Мария ещё не найдена, а дворец уже взят? Стоило срочно найти Леонарда. Он бы помог леди Джулии стать королевой... Та была бы рада такому подарку. И, возможно, на несколько дней или часов отстала бы от Седрика.

— Живо садись! — потребовал вдруг демон, подталкивая Ала прямо к трону.

Парень запротестовал, пытаясь хоть как-то убедить Малуса в том, что он, Альфонс Браун, в роли короля будет смотреться совсем не так хорошо, как смотрелся бы тот же Леонард. Или Седрик. Они хоть что-то знали об этом мире. В отличие от Ала, который не знал абсолютно ничего.

— Садись! — рывкнул демон, понимая, что нужно действовать более активно. — Ты

король. Мы помогли тебе захватить престол за то, что ты спас мою дочь. Мы в расчёте!

Ал, от неимения возможности двигаться куда-то, кроме как назад, врезался в трон, плюхнулся на него, ударился спиной о его спинку. На голову парню вдруг упала корона. Если быть честным, то это было даже немного больно. Ал не успел сказать что-либо, как в зал ворвались демоны, тотчас увидевшие сидящего на троне Брауна и завопившие что-то вроде хвалебной оды. Альфонс поморщился. Да нет же! Он просил у Малуса совсем другое!

***

Правила всегда создаются именно для того, чтобы нарушать их, не так ли? Анна, во всяком случае, считала именно так. Георга не было уже слишком долго. Впрочем, он всегда позволял себе задерживаться допоздна на своей работе... Юта уже спала. Для ребёнка её возраста это время было уже слишком поздним. Анна была рада тому, что Юта хорошо относилась к ней. Приёмная дочь Георга... Испортить отношения с этой девочкой означало испортить отношения с Георгом, а допускать этого совсем не хотелось.

Анне не нравились Моника и Алесия, но говорить что-либо в их адрес не стоило. Это только разозлило бы Хоффмана. Она же не хочет оказаться снова на улице, не так ли? Ну... Или не совсем на улице. В одной комнате с пятью младшими и двумя старшими сёстрами. Оказаться там снова было не самым лучшим вариантом. Анна чувствовала, что ей нужно быть как можно более тактичной и осторожной, играя с судьбой. Георг не был тем человеком, который готов простить её, если что-то случится, что бы она после этого не делала. А испортить отношения с ним было слишком просто. Разве можно допускать такой исход их отношений? Анна ещё не являлась супругой графа. И вряд ли будет, если начнёт сейчас действовать слишком торопливо. И именно поэтому не стоит устраивать скандал сегодня, когда Георг явится домой. Это его дом. И стоило помнить это. А она тут никто. Пока никто.

— Как ты себя чувствуешь? — обеспокоенно спросила Анна, увидев в холле Хоффмана, еле стоящего на ногах.

По правде говоря, сначала девушке показалось, будто бы граф был пьян. Но уже через минуту, подойдя к нему, она поняла, что запаха алкоголя просто не было. Что же с ним случилось? Девушка еле смогла помочь Хоффману добраться до его комнаты наверху. Да уж... Что такого могло случиться с графом? Анна никогда бы не подумала, что его работа настолько опасна... Что же... Наверное, стоит попросить его после их свадьбы перевестись на что-то куда менее опасное. Ведь Анне не хочется остаться одной. Да и с ребёнком к тому моменту, скорее всего...

— Если говорить честно, то хреново, — пробормотал Георг, присаживаясь.

Анна тяжело вздохнула и бросилась на кухню будить прислугу, чтобы кто-нибудь из них принёс графу чего-нибудь поесть. Тот наверняка был голоден. И Анне следовало сперва накормить его. Мало ли насколько он сейчас раздражён тем, что произошло с ним. А Анне ведь не хочется вылететь отсюда прямо сейчас, ночью... Это было бы даже глупо.

— Ты как? — спросила она, возвращаясь к нему уже с известием о том, что служанка уже через несколько минут принесёт разогретый ужин.

Хоффман привстал и поморщился. Что с ним? Он был куда бледнее, нежели обычно. А Анна чувствовала себя ещё куда более беспомощной, чем всегда. Ей в который раз казалось, будто бы она просто никто, будто бы она ничего не может... И это было слишком странно, слишком страшно...

— Я уже говорил... — устало сказал Георг.

Анна присела рядом с ним. Что такого могло случиться, чтобы всегда энергичный и полный сил граф чувствовал такое обычное для нормальных, среднестатистических людей чувство, как усталость? Поистине ужасное и выматывающее. Анне уже даже не хотелось знать, что именно. Ей хотелось просто как-то помочь ему.

— Сейчас Лия принесёт сюда ужин. Ты проголодался, так?

Хоффман кивнул и поцеловал Анну в лоб. Так же, как целовал Юту или Алесию в те моменты, когда хотел показать, что всегда будет покровительствовать им обоим... И Анна чувствовала, будто бы что-то в их отношениях должно было измениться... Что? Девушка сама не знала этого. Ей было так уютно сейчас сидеть тут, чувствовать, как обнимает её Георг...

А граф будто бы решал что-то в этот момент. И Анна тоже чувствовала это. И ей было немного страшно. О чём думал Хоффман? О чём? Об их будущем или о чём-то другом? О том, что будущего этого и не могло бы быть? Всего один неверный шаг, и... всё будет полностью разрушено. Всё, что она пыталась сейчас создать...

Комментарий к I. Глава сорок четвёртая. Сделать несколько шагов.

* Канцлер Ги — “Восемь шагов к Раю”

Глава отредактирована 14.06.2014 года, потому что автор, перечитывая главу, вдруг заметил, что забыл вставить один кусок.

===== I. Глава сорок пятая. Ненужная коронация. =====

Ненужный король, король поневоле,
Как ты назовёшь, коль сидит он на троне?
В короне, в золотом одеянии... В неволе...
И мёртв ли, живой ли — одно только слово...
Ненужный король в золотом одеянии,
Придворных так много, и все они гадки...
Ненужный король, ну а старый — в саване,
Забытый придворными. Даже друзьями.
Друзья ли? Король молодой — не наследник,
Он к власти пришёл так недавно... Хоть день был?
А та коронация с теми цветами?
Хоть кто подошёл? Пожелал ли удачи?
Ненужный король он. Король поневоле.
Дурные улыбки у тех же придворных.
Дурные. Дурные. Лъстецы и пройдохи...
И мёртв ли, живой ли — им будет одно же.
Корона же разве была его целью?
Спасти одну девушку он захотел лишь.
Была та невестой, была та любимой?
И где, только прах, пожалуй, отныне...
Ненужный король и король поневоле.
Как ты назовёшь, коль сидит он на троне?
Чужой. Не хотевший ни денег, ни власти,
Но вдруг оказавшийся здесь. Среди масок.
А как их назвать? Тех придворных, что лживы?
Ни слова сказать, ни ударить — лишь в спину.

Дурные улыбки, дурные мыслишки...

Для них ничего нет важнее этой славы...

Ненужный король, король поневоле,

Как ты назовёшь, коль сидит он на троне?

В короне, в золотом одеянии... В неволе...

И мёртв ли, живой ли — одно только слово...

Паул стоял со связанными руками и с презрением смотрел на стражников, только что доставивших его в темницу. Мужчина бы трижды проклял их всех, если бы не та проклятая штука, которую на него нацепили. Они не позволяли ему колдовать. Это было поистине хитрое приспособление, лишаящее любого колдуна не только магии, но и части физических сил, теперь Паул едва мог двигаться: каждое движение отдавало настолько адской болью, что не стоило даже думать о том, чтобы сбежать. С этой штукой он мог разве что лечь на пол камеры и начать думать о своей скорой смерти. Надо же было так просчитаться! Оставалось только надеяться, что этот идиот Эрик успел сбежать. Погибнуть из-за его спасения, так и не сумев спасти, было бы глупейшей смертью.

Паула почти закинули в камеру, и, нужно сказать, молодой мужчина совсем не был благодарен им за это. Он и без этого едва стоял на ногах, а теперь это было уже почти невозможной для исполнения задачей. Паул прекрасно знал, что после того, как двери темницы закроются за ним, стражники уйдут. Эти люди понимали, что никакой маг не сможет сбежать с антимагическим приспособлением. Это было бы подобно смерти. И не только из-за жуткой боли во всём теле — эта штука начинала изнутри разрушать мага, если он находился слишком долго с этим прибором. Когда-то Паул пытался разработать зелье, помогающее колдунам жить с этим, но сейчас этого зелья тут не было, и было уже неважно то, что чернокнижник был готов сам стать подопытным образцом, чтобы только не чувствовать той боли и той слабости...

Паул почти был готов закричать, ему хотелось выломать эти проклятые решётки, убить, уничтожить этих стражников, сделать так, чтобы от всей этой тюрьмы, от всего этого дворца не осталось и пепла, но сейчас он мог только с презрением наблюдать за тем, как захлопываются перед его носом двери. Это было всё, на что он сейчас был способен. А всё это проклятая неосторожность! Нужно же было так попасться! Эрик и то был умнее. Да и проворнее. Всё-таки чёрная магия негативно сказывалась на здоровье чернокнижника. Впрочем, наверное, любая магия сказывалась на здоровье своего хозяина. Маг был полностью уверен в этом. И ему хотелось попробовать изучить воздействие магии на людей, но, пожалуй, делать это придётся кому-то другому, не Паулу. И это было тем, что в данный момент расстраивало чернокнижника. Возможно, это было немного странно: он находился на волоске от гибели, а расстраивала его только невозможность заниматься своей привычной работой... Но Паул старался не думать ни о чём, кроме этого. Лучше было не думать.

— Зачем ты сделал это? — услышал маг уже почти сквозь сон или бред недовольный знакомый голос. — Зачем? Я думал, ты на нашей стороне...

Паул рассмеялся. Этот мальчишка, Альфонс, насколько же он был глуп... Впрочем, не настолько, чтобы оставлять черного мага с его магией. Нужно было отдать этому мальчишке честь: он сделал то, чего от него не ожидал никто. Но он всё равно оставался всё тем же глупым созданием, которое ещё верило Паулу. Это было и грустно, и смешно. Маг ненавидел тех, кто доверял ему. Он ненавидел глупость. А доверие было самой большой глупостью из

всех возможных.

— Я не принимаю ничью сторону, мальчик, — ответил чернокнижник, даже не сдерживая улыбки.

Улыбка его была больше похожа на оскал. Он сам был больше похож на зверя, загнанного в угол и раненного, нежели на человека, на разумного человека, готового пойти на компромисс, на решение, которое могло бы удовлетворить двоих. Он не был больше похож на человека. Наверное, многие маги лишались разума, подчиняясь тому, что позволяло им когда-то колдовать. Паул сам не понимал, что происходило с ним. То, что сдерживало в нём сейчас магию, медленно убивало его.

Или не так уж и медленно?

Сколько прошло с того момента, как Паул оказался связан? Час? Да, примерно столько. И он уже чувствовал себя хуже, чем когда-либо. И наверняка это было только начало. Что с ним станет через несколько часов? А на следующий день? Его не казнят сегодня, это точно. Казнь в коронацию — плохая примета, редкий правитель осмеливался на такое. А Паул уже начал проклинать эту традицию. Именно сейчас она казалась ему настолько глупой... Ему не хотелось ждать. Каждая секунда этого постылого ожидания отзывалась адской болью в теле мага. Ему не хотелось ждать... Альфонс Браун вышел из камеры. Двери захлопнулись. Паул остался в гордом одиночестве, чему был несказанно рад. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь видел его в таком состоянии...

***

Хоффман, скучая, слушал болтовню Анны, которая, услышав от Георга нужные ей слова, уже почти два часа тараторила, не думая перестать. Наверное, даже Алесия, так любившая кого-нибудь послушать, уже не выдержала бы, а граф всё ещё старался держаться спокойно, чтобы не наорать на эту девушку, не нагрубить ей — всё-таки это было бы совсем невежливо, — не сказать ей чего лишнего, хоть это было, в общем-то, довольно трудной задачей: вряд ли кто-нибудь стал бы терпеть это по отношению к себе, точнее, к своим ушам. Впрочем, наверное, нужно было просто думать о чём-то другом. Не об Анне.

Анна была прекрасной, красивой, замечательной, почти идеальной, но думать об этом не хотелось. Только не сейчас. Сейчас было совсем не до неё. Сейчас она казалась такой же глупой и обыкновенной, как остальные. Это не давало наслаждаться фактом её существования, не давало жить, думая, что всё самое прекрасное принадлежит именно тебе...

Хоффман старался думать о чём угодно, кроме Анны. И первым, что попало ему сейчас на глаза, был королевский дворец. “Сверкающее великолепие”, как не уставали говорить все жители Сказочного королевства. Граф не был согласен с этим. Это великолепие было не тем, что о нём говорили.

Дворец имел три колоннады: одна из них была перед главным входом, а вторая и третья соединяли корпуса. Сам дворец был расположен полукругом. Хоффману подумалось, что это была идеальная ловушка: человек, находившийся во дворце, при любой катастрофе оказывался заперт внутри самого дворца или внутри двора, с трех сторон дворец был окружен водой и выйти можно было только с четвертой — парадного входа. Запереть кого-либо там не составит труда, думалось графу. Немногие знали про подземные ходы. Над центральной колоннадой находилось что-то вроде оранжереи. И Хоффману подумалось, что высота здания вполне достаточна, чтобы скинуть оттуда человека. Да и, к тому же, колоннаду эту со всех сторон окружал высокий забор, как и общая ограда, чугунный.

Хоффман не понимал смысла обеих оград. С ними обитатели дворца при малейшем катаклизме были обречены на неминуемую гибель.

Анна, заметив, что её жених снова стал мрачен, мгновенно замолчала и стала непонимающе смотреть на Георга. Тот кивнул на дворец, и девушка удивлённо посмотрела на здание. Самое обычное, впрочем, возможно, ещё несколько месяцев назад дворец казался бы ей великолепным, но после дворца первого министра Делюжана или замка Георга Хоффмана в одной из провинций это здание казалось ей посредственным. Всё могло быть куда более красивым, сказочным, чем здесь. К тому же Анну страшно раздражала оранжерея над одной из колоннад. Этот сад представлял из себя полную безвкусицу! Как только королева или принцесса позволяли это безобразие здесь? Пожалуй, сад был бы куда более красив, если сделать хотя бы что-то иначе...

— И тут собираются короновать нового правителя? — капризно спросила Анна. — Мне не нравится это место...

Хоффман поцеловал её в лоб. Девушка нахмурилась, но тут же постаралась сделать вид, что довольна происходящим. Отец выгнал её, только узнав о том, что она стала встречаться с графом. И Маргарет поспособствовала этому. Ей всегда доставалось самое лучшее. И её все считали лучшей. Более красива, более обаятельна, более талантлива, более успешна... И Анне хотелось доказать, что она лучше. Хоффман был тем, кто мог это доказать. И Анна усмехалась про себя: она всем докажет, что может быть более значимой как в судьбе своей семьи, так и в судьбе всего мира. Она сможет это доказать.

— Потерпи, дорогая, — серьёзно заметил граф. — Ты будущая жена главного казначея, тебе часто придётся бывать там, куда меня отправят. И, поверь, это не худшее место, куда мы могли попасть.

Анна кивает. Она прекрасно понимает, что не сможет сейчас убедить Георга в том, что ей лучше будет сидеть дома, и прекрасно знает, что сможет сделать это чуть позже, в его доме. Он всегда становился сговорчивее в те моменты. А девушке так не хотелось ездить в такие места... Тут всегда было скучно. Это был даже не бал. Коронация. Коронация очередного глупого монарха, постоянно задирающего нос перед всеми, постоянно считающего себя лучше других, постоянно думающего о всех свысока. Анна ненавидела их всех. Монархов, таких же, как тот, исковеркавший жизнь её тётки, Катрины.

— Ты не знаешь, кто будет коронован? — спросила Анна.

Георг помрачнел, впрочем, его лицо часто уродовало то недовольство, наверное, на это давно не следовало обращать внимания, в такие моменты он казался Анне почти демоном, а вовсе не человеком, хотя, наверное, девушку часто поражало то неумение проявлять какие-либо чувства, какие-либо эмоции, которое преследовало графа постоянно и везде... Правда, Бейнот не раз упоминал, что Георг — человек, иногда бывавший даже излишне эмоциональным... Анна никогда не видела его таким, каким его описывал пару раз Гораций. И, пожалуй, не хотела бы когда-нибудь увидеть. Она боялась его. Боялась больше, чем кого-либо. Анна прекрасно знала, что ни одну из своих любовниц Георг не держал возле себя больше месяца. Ей повезло больше. Ей он даже предложил стать его супругой. Разумеется, времени на раздумья у девушки не было. Вряд ли можно было заставлять ждать такого человека, как Хоффман. За то время, которое Анна знала его, она смогла точно понять то, что ждать этот человек ненавидит больше всего на свете.

Увидеть среди приглашённых Алесию и Монику было для девушки неприятным сюрпризом, но она решила благоразумно промолчать. Пожалуй, чего не любил Георг ещё,

так это когда вмешивались в его личную жизнь, в то, с кем он общается и с кем дружит. И, пожалуй, это было то, что раздражало не только Хоффмана, но и любого другого человека.

Алесия, как и всегда, была одета слишком вызывающе. На этот раз, правда, она надела ярко-жёлтое платье, а не красное, в каких часто бывала. А вот Моника... Эта девушка, эта серая мышка, постоянно прячущаяся за спину подруги, она была одета куда лучше, нежели обычно. Впрочем, сиреневый ей совсем не шёл, она смотрелась довольно глупо в этом платье. Анна улыбнулась и Алесии, и Монике. Ей хотелось выглядеть куда более уверенной сейчас. Она невеста. Стоило понимать это. Хоффман никому не предлагал стать его супругой, а ей, Анне, было сделано это предложение. Это уже говорило об её особенностях, об её превосходстве. Не стоило так бояться Алесии или Моника.

— Я уже представлял вам Анну в роли своей любовницы, — улыбнулся граф. — Сейчас я хочу представить вам её в роли своей будущей супруги.

Моника побледнела. Анна была уверена, что, не будь здесь столько народу, эта девушка вцепилась бы ей в волосы. И про себя Анна надеялась, что никогда не окажется с этой сумасшедшей наедине. Эта девушка способна на многое. И хоть Анна была готова к такому повороту и была уверена в своей победе, лишнего шума не хотелось, а Моника обязательно разыграла бы такую трагедию, что все непосвящённые жалели бы именно мисс Эливейт...

— Поздравляю вас, Анна, — несколько потрясённо проговорил подошедший Гораций. — Скоро вы будете миссис Хоффман. Не ожидал такого от нашего общего знакомого! Я думал, что ты закоренелый холостяк, Георг!

Алесия улыбнулась, и Анне показалось, будто та только делает вид, что слушает. Мисс Хайнтс высматривала кого-то, и мало кому было понятно, кого именно. Впрочем, наверное, только богам известно, что творилось в голове племянницы короля Алана. Если, конечно, было известно и им. Хоффман просматривал какие-то бумаги, и он стоял уже довольно далеко от Анны, которую этот факт, бесспорно, несколько уязвлял. Но можно ли сейчас показывать это? В нескольких шагах от такого успеха, который и не снился какой-либо другой даме.

Алесия, вернувшись, наконец, на землю и поняв, из-за чего Гораций так улыбается, а Моника так мрачна, удивлённо посмотрела на Анну. Эта девушка не была красива. Её и симпатичной можно было назвать с натяжкой. Слишком худенькая, слишком смуглая, слишком нескладная... В ней всего было слишком. Что привлекло в ней такого человека, как граф Хоффман? Чего было красивого в этой девчонке? Разве что глаза. Глаза её будто притягивали к себе. Богатой Анна тоже не была. Напротив, одна из многочисленных дочерей провинциального дворянина, человека беднее которого, пожалуй, и придумать было трудно.

— Моника, извини, что отвлекаю, но мне хотелось бы отойти, — пробормотала Алесия, видя, что её подруга готова просто разорвать эту несчастную Анну в клочья. — Не могла бы ты пойти со мной?

Девушка кивнула, и подруги отошли подальше от всей этой компании. Алесия видела, как облегчённо вздыхает Анна и делает реверанс Горацию, отходя поближе к Хоффману, видела, как смеётся Гораций, как он качает головой и как Хоффман удивлённо смотрит на вставшую около него Анну. Сама Анна в её красивом бордовом платье кажется особенно довольной и... Алесии грустно говорить это, даже почти красивой. Красивее, чем на самом деле. А мисс Хайнтс... Смотря иногда на одну из престарелых кокеток, считавших себя самыми красивыми и прелестными, она порой думала о том, что ей уготована та же участь... А Анна... Чем же она привлекала Георга? Неужели, как любил говорить Демолиш, она

действительно околдовала его?

***

У Ала с самого утра было прескверное настроение. Кто заставил Малуса так произдеваться над ним? Какой из Альфонса король? Парень чувствовал, что это понимали все, абсолютно все, независимо от пола, возраста и положения в обществе, и это только подливало масло в огонь. Ал не хотел быть королём. Не хотел! Это было совсем не то, чего он на самом деле хотел добиться. Совсем не то... Он искал Марию, хотел видеть её живой и здоровой, а трон... Трон не нужен ему вовсе. Совсем и никогда.

Немолодой человек стоял около дверей и не произносил ни слова. Одетый просто — в самую обыкновенную серую суконную куртку, в чёрные полотняные штаны, — он, казалось, запросто мог бы слиться с интерьером той комнаты, в которой Ал ожидал самой церемонии. Альфонсу Брауну больше чем когда-либо хотелось домой, и пусть он не слишком хорошо ладил с отцом и матерью, там было куда лучше. Во всяком случае, не нужно строить из себя непонятно кого. Где сейчас находилась Мария? И жива ли она была? Альфонс ещё раз посмотрел на человека, стоявшего в дверях. Тот был довольно высокого роста и слишком бледен. Лоб его пересекали глубокие морщины, а сам он выглядел несколько болезненно. На левой руке этого мужчины не было одного пальца, Альфонс сразу заметил это. Интересно, где этот человек мог потерять его? В битве? В результате какого-то несчастного случая?

Человек резко развернулся к Алу, и парень уже было приготовился схватить нож, лежащий на столе, чтобы как-то обороняться, но, кажется, мужчина был настроен на куда более мирные действия, нежели нападение на будущего короля. Незнакомец молчал, и иногда Альфонсу думалось, что он просто не в силах сказать хотя бы слово. Глаза этого человека были серыми. Серыми и будто стеклянными. Его взгляд не выражал никаких эмоций.

— Ваше Величество! — окликнула Ала какая-то девушка, вбежавшая в ту минуту в комнату. — Церемония скоро начнётся!

Ал кивнул и встал, едва не запутавшись в том одеянии, которое на него нацепили. Непонятно как король Генрих терпел все эти тряпки! Наверное, первым же делом следовало изменить церемониальную одежду. Насколько же это всё было глупо... Альфонс вышел из той комнаты, где ожидал своей коронации. Всего несколько шагов, и... И распахиваются тяжёлые двери, кто-то выкрикивает имя Ала. Тронный зал сегодня казался куда более огромным и торжественным. Но Альфонс старался думать только о том, что именно тут была убита несчастная принцесса Кассандра, именно здесь был схвачен король Генрих...

Фальшиво-радостные лица людей, стоявших в зале, тоже лишь ухудшали и без того не слишком хорошее настроение нового монарха. И не было никого из знакомых... Или... Ал успел поймать на себе заинтересованный взгляд кого-то очень знакомого. Того человека, с которым общалась Мария на том балу и который вывел их из здания дворца.

Альфонс не знал, где сейчас находится Леонард. Он почему-то упомянул утром, что не должен появляться на церемонии. Почему? Альфонс Браун не знал ответа на этот вопрос. Что заставляло Леонарда прятаться сейчас? Едва ли это “что-то” было такой уж глупостью...

Какой-то седой старик громко, торжественно проговорил слова напутствия новому королю, произнёс какую-то наиглупейшую речь о правлении кого-то из Древних королей. Это должно было быть притчей? Ал не смог придумать чего-то более абсурдного! Этот старик и правда думал, что такой рассказик будет как-то влиять на действия Альфонса в будущем? В таком случае, этого человека следовало лишь пожалеть.

— На царство благословляется Альфонс Браун, первый своего имени! — прозвучали долгожданные слова.

На голову Альфонса была надета корона. По правде говоря, она оказалась несколько более тяжёлой, нежели предполагал парень. К тому же стоило постараться стоять здесь с серьёзным лицом и не засмеяться в самый неподходящий момент. Вся эта церемония была настолько глупой, сумбурной, что воспринимать её всерьёз парень мог с огромным трудом.

Слышались восхищённые возгласы. Ал не верил им. Верить им было бы слишком наивно. Даже для такого человека, как Альфонс Браун. Они ненавидели его, ненавидели и презирали, Ал чувствовал это. Теперь он — новый король Сказочного королевства, а — он был уверен в этом — многие из вельмож метили на его место.

***

Кая с ужасом смотрела на то, как на руках, шее и лице Паула появлялись какие-то чёрные отметины, а сам он с каждой секундой становился всё бледнее; ещё несколько секунд, была уверена девушка, и мужчина погибнет, а она будет стоять здесь, в стороне, и ничего не предпримет, чтобы спасти его, того человека, который хоть и нехотя, но помог ей и её друзьям... Допускать такую подлость со своей стороны ей не хочется, совсем не хочется, это было бы слишком большой неблагодарностью к Паулу, как бы Кая не презирала все его магические штучки и фокусы.

Паул шумновздохнул, и в следующие несколько секунд его дыхания не было слышно вовсе. Кая вздрагивает. Ей становится всё страшнее. И страшно не за себя. Паул лежит, прислонившись к решётке, его длинные чёрные волосы растрепались и выглядели совсем не так, как обычно, впрочем, об этом ли следовало думать сейчас? Кая пару раз слышала, как действовали антимагические браслеты на магов. Поистине эффект этих приспособлений был ужасающим. Редкий маг выживал после их воздействия, и Кае Файр совсем не хотелось допустить гибели ещё одного чародея, её знакомого, чернокнижника Паула, томившегося сейчас здесь, в темнице.

Стражников не было. Оставлять мага в антимагических браслетах одного было почти безопасно. Почти. Кая судорожно придумывала, где она может раздобыть ключ от камеры, где находился Паул. Девушка думала о том, где могут быть ключи; вообще — у начальника стражи, у первого министра и у короля. Подойти к первым двоим было невозможно. А вот король... Было не слишком справедливо обманывать друга, но выхода, похоже, не было. Но у Ала коронация. Как к нему подобраться? Через несколько секунд девушка вспоминает, что ключи Альфонс оставлял в той своей одежде, в которой ворвался во дворец неделю назад... А коронационная мантия была настолько неудобной, что поддеть под неё ту одежду было практически нереально. Значит, следовало просто найти тот костюм...

И вот через несколько минут у Каи в руках ключ. Тот самый. Девушка подбегает к камере, открывает дверь, ловит на себе удивлённый взгляд Паула. Кажется, маг был не совсем доволен тем, что его потревожили. Он как-то странно смотрел на Каю, на то, как она снимала с его правой руки антимагический браслет, как потянулась к левой... Браслета на той не было. Кая удивлённо посмотрела на Паула, тот наклонился к ней.

— Ты всегда приводишь за собой стражу? — прошептал он. — Не оборачивайся.

Девушка изумлённо смотрела на мага, но всё же его приказание выполнила. Тот стоял с абсолютно безразличным лицом. Тут же она почувствовала в своём теле страшную слабость, ноги не держали её больше. Паул подхватил её почти перед самым её падением.

— Дура! — шептал Паул Кае, ещё находящейся в сознании. — Какая же дура!

Стражники подбежали. Один из них крикнул: “Чернокнижник заколдовал девчонку!”, второй подбежал и сильно ударил мага, тот упал, ещё несколько секунд — и на Пауле снова были те браслеты. И мужчина был уверен, что это только начало: совсем скоро на него нацепят что-нибудь посильнее. И маг не уверен, что сможет снять хоть что-то из тех приспособлений, как снял этот браслет со своей левой руки.

Кая потеряла сознание. Ей было слишком плохо сейчас, думать о чём-либо она не могла. А Паул с безразличным видом смотрел на подбежавших и что-то кричавших стражников. Его самочувствие снова стремительно ухудшалось.

Комментарий к I. Глава сорок пятая. Ненужная коронация.

Решила, всё-таки, пока не выкладывать приложение. Оно будет опубликовано в конце самого фанфика.

Эта глава последняя в первой смысловой части фанфика.

===== II. Глава первая. Тот день, в который просыпается магия... =====

В старой церкви не поют святые гимны,
Кровь на бревнах частокола
Католического хора,
Свора скалится им в спину,
Не по вкусу им отпетые могилы!
Крест в руках твоих, но в битве он не годен,
Сердце клеть свою проломит,
Веру в Бога похоронит,
Старый крест — не щит Господень,
Свора бесится, и близко Черный полдень...
Это не любовь,
Это Дикая Охота на тебя,
Стынет красный сок,
Где-то вдалеке призывный клич трубят,
Это марш-бросок,
Подпороговые чувства правят бал,
Это не любовь,
Ты ведь ночью не Святую Деву звал!..
Вспомни, разве ты читал святые книги?
Ты не смог сдержать соблазна
Получить себе всё сразу,
И решил призвать Великих,
Так взгляни же в демонические лики!
Это не любовь,
Это Дикая Охота на тебя,
Стынет красный сок,
Где-то вдалеке призывный клич трубят,
Это марш-бросок,
Подпороговые чувства правят бал,
Это не любовь,
Ты ведь ночью не Святую Деву звал!..
Ты устал смотреть на праведные лица...

Мы тебя не осуждаем,
Просто жжем и убиваем,
Ты влюбился в демоницу
И решил ей подарить свою столицу...
Но это не любовь!
Это Дикая Охота на тебя,
Стынет красный сок,
Где-то вдалеке призывный клич трубят,
Это марш бросок,
Подпороговые чувства правят бал,
Это не любовь,
Разве ночью ты Святую Деву звал?... Это не любовь!*

В дымке проходящего величия не видно ничего, совсем ничего, видно только этот самый дым, затмевающий всё происходящее, всё важное, всё нужное, всё необходимое, будто бы говоря о том, что главным является оно — это самое величие, которого больше нет, которого больше никогда не будет... Руины прошлого стараются засосать людей в свои объятия, чтобы больше никогда не выпустить, чтобы не дать больше жить настоящим, стремиться к будущему, ведь есть только прошлое, впрочем, и его тоже нет, всё это только дым, только дурман, который не даёт делать что-то нужное...

Священная Алменская империя располагалась, пожалуй, в самом красивом месте мира. Это было то государство, что успело стать старым уже тогда, когда другие миры только стали зарождаться. Все Великие ордена имели своё начало именно здесь. Всё было здесь. Это было даже не государство, это был целый мир, отдельный, с богатейшей историей, с богатейшей культурой, способный быть наставником, способный быть примером, образцом... Впрочем, так считала, скорее всего, только сама Алменская империя. Раздробленная, ослабленная постоянными религиозными походами... Что осталось от того великого государства? Ерин, второй носитель своего имени, новый фактический правитель империи, сидел за столом и перебирал какие-то бумаги. В очередной раз. Так же, как и всегда, в другие дни. Ерин относился к классу Хаут Клир, относился к высшему духовенству. Его отец был в своё время высокопоставленным лицом при главе церкви. Ерин был третьим ребёнком в семье, следовательно, он был посвящён религии, служению богам, глупость этой старой традиции не знала границ — духовенства было предостаточно, а людей, занимающихся куда более важными делами, почти не было. Ерин не хотел быть священником, но разве его кто-то слушал? Он был тринадцатилетним мальчиком, когда его привели туда, в храм бога милосердия, чтобы сделать одним из послушников, его никто не слушал, он был почти пустым местом для всех. С той поры прошло больше двадцати лет, и мужчина всё чаще чувствовал, что то, чего он с таким трудом добился, становилось для него слишком скучным, слишком обычным, слишком незначительным, добиваться чего-то нового стало ещё труднее, но делать это было почти необходимо, чтобы просто не умереть со скуки, которая периодически накатывала на него. Церемонии. Церемонии были слишком скучны, слишком обычны, слишком громоздки, они утомляли, заставляли чувствовать себя измотанным, не давали заниматься чем-то действительно важным и нужным, не давали чувствовать себя достаточно значимым в существовании собственной страны, даже в существовании собственного дома. Всегда быть окружённым золотом, бархатом, шёлком... Это утомляло. Утомляло слишком сильно, Ерину было трудно терпеть это.

Он сидел за столом и перебирал бумаги, опять это было связано с церемониями. Клира бесило это. В Алменской империи будто не было ничего, кроме этих церемоний. Не все церковники любили искусство, писатели, музыканты, художники были вынуждены скрываться, голодать, почти забросить дело всей своей жизни. Ерин поднял взгляд на одну из стен своего дворца. Кадеир, этот юный вампир, поистине был мастером своего дела. От его картин недовольство реальностью немного притуплялось, Ерин мог думать о чём-то кроме того, как же ему всё надоело...

Мужчина медленно поднялся со своего кресла и вышел из-за стола. Одежда, которую предписывалось носить священнослужителям, была громоздкой, тяжёлой, слишком длинной, за неё можно было чем-то зацепиться, рукава были слишком широкими, но сама ткань казалась настолько жёсткой, что держать какую-то вещь было почти невозможно, так же одежду эту нужно было постоянно стирать, гладить, подшивать... Ерин не понимал, за какие грехи отдали его родители сюда, точнее, в тот храм, где сейчас мужчина был главным. Вся такая жизнь была мучением для этого человека. Он едва ли мог думать о том, что в его профессии было что-то хорошее.

Из-за двери высунулся мальчик в серой потрёпанной одежде. Ерин помнил его. Это был тот слуга, которого его упросила взять какая-то нищенка. По правде говоря, мужчина ни за что бы не взял его на работу: мальчишка был совершенно бесполезен, неуклюж, несговорчив, упрям, постоянно со всеми спорил, никогда не соглашался с замечаниями в свой адрес, даже если они были оправданы... Что же заставило его сделать это тогда? Слёзы той женщины? Вряд ли за те двадцать лет службы богам Ерин стал чёрствым, чужое горе давно не трогало его, отгородиться от остального мира было самым простым — Ерин знал, что ничем помочь не сможет, а сопереживать каждому было выше его сил.

— Я приказывал тебе стучать, прежде чем входишь! — прикрикнул клир. — Высечь тебя, чтобы ты это запомнил?!

Мальчик тотчас покачал головой. В глазах его появился страх, Ерин ждал этого и был доволен такой реакцией, всё-таки чувствовать своё превосходство было приятно, а над кем, если не над таким, как этот ребёнок, мужчина мог вдоволь посмеяться? Слуги верили каждому его слову, каждой его угрозе, и это было неплохо — они исполняли каждый приказ даже тогда, когда Ерин находился в хорошем расположении духа. Мальчишка держал в руках какой-то конверт. Священнослужитель протянул руку, чтобы взять письмо; он был уверен, что пишут именно ему. Кто стал бы писать этому ребёнку?! Мальчик замялся, но скоро всё же протянул конверт. Ерин быстро открыл письмо. Писал Делюжан, первый министр соседнего королевства. Министр мог бы не ставить столько печатей и подписей. Настолько корявый почерк подделать было просто невозможно, Ерин был уверен в этом. Мальчишка с интересом наблюдал за тем, как клир читал письмо, что от священника не утаилось. Любопытство этого ребёнка не было нормальным для человека, выросшего в трущобах, Ерин знал, насколько либо осторожными, либо забитыми были те дети. Мало кто из них осмелился бы так открыто наблюдать за тем, как что-то делает другой человек; большинство из них, если бы и делало это, делало бы это настолько тайно, настолько незаметно, что даже Ерин не смог бы заметить это.

— Как тебя зовут? — поинтересовался клир.

Мальчик удивлённо посмотрел на мужчину. Да, этот ребёнок совсем не ожидал такого вопроса. Впрочем, священник не нарушал ничего, спрашивая это: он имел право знать имя своего слуги, а ведь этот ребёнок был его слугой... Мальчик же побледнел и даже вздрогнул,

хотя старался сохранять видимое спокойствие. Интересно, не принц ли это Талидский? Младший принц, пропавший за неделю до убийства всей королевской семьи Талидов в тот самый день, когда семья последнего короля была захвачена разъярёнными алменами, должен был быть примерно такого же возраста, как и этот ребёнок. Ему было двенадцать или тринадцать лет...

— Арлен! — выпалил мальчишка слишком живо и быстро, так, будто только что придумал это имя и решил сказать его, пока его не поймали.

Ерин тяжело вздохнул. Нет, принцем Талидом этого ребёнка никак нельзя было назвать. Всё-таки Лидан — государство цивилизованное, и принца такого государства обязательно бы обучили хорошим манерам. А этот ребёнок... Он был столь же невежлив, как и неуклюж. Да и умел ли он хотя бы читать? Может, клир ошибся, и этот негодный мальчишка действительно из трущоб? Бывают же исключения... Или мальчик всё-таки из благородной семьи, но от кого-то скрывается? Или на самом деле Талид? О младшем принце, тринадцатом ребёнке короля, не было известно ничего, кроме пола и возраста. Арлен вполне подходил под эти два пункта. Но мало ли на свете мальчишек двенадцати-тринадцати лет?! Да полно! Ерин уверен, что только он сможет перечислить имён тридцать или сорок детей, которые подходили по этим двум пунктам. А если собрать ещё несколько человек? Сколько детей они смогут перечислить? Правда, в слуге, называющем себя Арленом, было ещё что-то, из-за чего можно было причислить его к той династии. Сочетание очень светлой кожи с очень тёмными волосами и зелёными глазами. Так выглядели почти все жители государства Лидан, и мало кто в Алменской империи мог этим похвастаться. Все алмены были смуглыми, волосы у них могли быть и светлыми, и тёмными, но кожа почти ни у кого не была бледной. А зелёных глаз у алменов не встречалось вовсе. Так что лиданцем мальчик был наверняка, но Талидом ли? Арлен... Традиционное алменское имя. Мужчин, мальчиков, стариков с таким именем было предостаточно. Так звали и племянника Ерина. Так звали и нескольких слуг во дворце. Но носил ли этот ребёнок на самом деле это имя?

Клир подошёл к столу, взял листок бумаги и что-то чиркнул на нём. Слуга даже попробовал чуть-чуть приподняться, чтобы разглядеть, что делает сейчас его господин. Разглядеть не удалось. Ерин постарался встать так, чтобы ребёнку не было видно ничего. Не нужно, чтобы кто-то знал, что именно пишет клир первому советнику короля Алана. Не нужно. Это было то, что совсем необязательно знать посторонним. Совсем необязательно.

— Так вот, Арлен, — мужчина решил сделать вид, что не подозревает этого мальчика в принадлежности к Талидам и верит, что ребёнка зовут именно так, а не как-нибудь иначе. — Отнеси это в трактир старого Нельсона. Там тебя будет ждать человек. Скажешь ему, что его ждут сегодня ровно в семь вечера ко мне. Ты меня понял?

Мальчик кивнул головой, почти выхватил протянутое ему письмо и выбежал из кабинета Ерина. Мужчина был готов рассмеяться. Этот мальчишка, пожалуй, напоминал ему его брата: тот тоже когда-то был таким. Таким, каким никогда не был Ерин. Таким, чьего поведения клиру никогда было не понять. Совсем другим...

Это было первое служение Ерина по умершему. Клир Леафан взял его в другую страну, туда, где юноша вряд ли мог когда-то побывать. А ещё, говорили, тут была разрешена магия... В той семье, куда прибыли тогда Леафан и юный Ерин, умерла девочка. Ребёнок лет шести, бледный, измождённый, слишком худой лежал в открытом гробу. Рядом с гробом стоял мальчик примерно такого же возраста, как и эта девочка. Может быть, чуть постарше. Ерин был удивлён тому, что этому ребёнку разрешили присутствовать на отпевании — ни

ему, ни даже его старшим братьям не дали стоять рядом с гробом, да даже просто хотя бы стоять, на похоронах тёти Элин.

Леафан просил Ерина подойти к умершей и прочитать над ней три отпускающие молитвы: Адиус, Рэлид и Нарид. Эти молитвы звучали над телом каждого человека, покинувшего этот мир, но Ерину впервые доверялось читать это. Он не был клиром. Он не был даже арином. Пока ещё не был. А как ему хотелось стать клиром, это... До звания клира добирались немногие. Быть почти главой церкви, чуть-чуть не достигать этого, быть в шаге от этого... Клиру могла быть доверена целая страна. Он мог быть главой церкви в целой стране. Перечислять то, что он мог быть лицом церкви в каком-то из городов, было излишним. Ерин хотел стать клиром. Или хотя бы арином. Просто быть рядом, видеть это всё, стремиться к большему, высшему, совершенному... В совершенстве и милосердии богов юноша не сомневался никогда. Религия уже три года была частью его жизни, частью, которую никак нельзя было отделить. И сегодня Ерин разрывался между той скорбью, той жалостью к этой несчастной девочке, лежавшей сейчас перед ним, и перед радостью из-за того, что ему впервые доверили сделать что-то серьёзное. Юноша всегда был прилежным учеником Духовного училища, он был готов сделать всё, что было в его силах, и то, чего в его силах не было, он часами корпел над книгами тогда, когда все его соученики бежали купаться на речку, гонять во двор мяч или ещё куда, чтобы поразвлечься, он был готов делать всё, что только было возможно, для того, чтобы не опозорить своих родителей, чтобы быть достойным своего имени, чтобы быть достойным своего учебного заведения. Шестнадцатилетнему выпускнику училища нравилась вся та строгая пышность, сопровождающая богослужения, иногда доходящая до абсурда, бывшая будто бы какой-то высшей силой.

— Не подходи! — воскликнул мальчик, когда увидел, что Ерин хочет подойти поближе.

В голосе ребёнка не было страха, так что можно было смело исключать вероятность того, что мальчик просто боялся. В голосе этого мальчика было только такое недовольство происходящим, что Ерину даже захотелось отругать его за всю ту циничность, за всё то неуважение к богам и церкви, за... всё... Ерину не нравился этот ребёнок. Этот ребёнок был отражением того высокого строгого мужчины, встретившего юношу и клира Леафана полчаса назад.

— Я должен подойти, — сказал Ерин, стараясь говорить как можно спокойнее. — Я должен прочитать молитвы над твоей сестрой. Ты же не хочешь, чтобы боги сердились на нас, нет?

Мальчик зло посмотрел на него. Пожалуй, от этого взгляда бросало в дрожь ещё больше, нежели от совершенно безразличного голоса его папаши или рыданий матери этих двоих детей. Женщина рыдала. У Ерина сжималось сердце от этих слёз. Но и отец, и брат этой девочки были абсолютно спокойны и... равнодушны к этому горю.

— Боги не будут сердиться, — уверенно сказал мальчик.

Ерин, воспользовавшись моментом, подошёл поближе. Лицо девочки, лежавшей в гробу, было перекошено маской необъяснимого ужаса, ужаса, которого молодой церковник никак не мог понять. Чего так испугалась эта девочка? И чем она болела? Дети не умирают просто так. Отчего же умер этот ребёнок? И почему её отец и брат так холодно, почти цинично относятся к её смерти? Почему мальчик не хочет, чтобы над телом его сестры прозвучали молитвы? В этом доме возникало слишком много этих «почему», и Ерину совсем не нравилось это.

— И почему ты так считаешь, можно узнать? — поинтересовался церковник.

Мальчик склонил голову набок и внимательно посмотрел на Ерина. Настолько внимательно, что юноше на мгновение показалось, что этот ребёнок хочет прочесть всю душу, все воспоминания, все мысли и эмоции, которые были у молодого церковника. Этот мальчик ненавидел его, Ерин буквально чувствовал это. Но за что именно?

— Богов нет. Как они будут сердиться, если их нет? — сказал ребёнок.

Клир не слишком хорошо чувствовал себя: в последнее время у него постоянно болела спина, наверное, сказывалась травма, полученная им в одном из религиозных походов. Ерин, если быть честным, уже и сам не верил в тех, кому служил всю свою жизнь. Ему было шестнадцать, когда он захотел доказать одному ребёнку, что боги существуют. Ему было семнадцать, когда он был готов кусать себя за локти, потому что никаких доказательств у него не было. Ему было восемнадцать, когда он начал сомневаться в существовании тех, в кого он всю свою жизнь верил. Ему было девятнадцать, когда он уже не мог просто верить. С тем мальчиком он после ещё встречался. Этому ребёнку было не с кем просто поговорить, он был заперт один в огромном отцовском доме, прислуга же не особенно хотела общаться с ним, а Ерину нужно было выговориться. Он уже тогда начал уставать быть идеальным сыном, идеальным учеником... Это было слишком утомительно, слишком скучно, слишком обыденно. Ерин ненавидел тех, кто заставил его быть таким, и прежде всего он ненавидел себя: быть идеальным порой было даже унижительным.

Тот ребёнок слушал и почти всегда молчал. Молчал со странным для своего возраста спокойствием, со странной для своего возраста важностью, со странным для своего возраста пониманием всего на свете. А если этот мальчик начинал говорить, Ерину хотелось поскорее закрыть уши, не слышать его слов, не думать о том, что он говорит. Мальчик не умел говорить иначе, как судить. Судить о чём-то, о ком-то, кого-то. Он не умел говорить о чём-то хорошо. Разве что о своей сестрёнке Мари, которую, оказывается, тогда и приехали отпевать клир Леафан и юный Ерин, только о ней он мог говорить часами, говорить только хорошее... А ещё этот ребёнок ненавидел зеркала. Ни одного из них в этом огромном доме Ерин припомнить не мог. И с каждым годом слова мальчика обо всём, что не касалось Мари, становились всё резче. А потом, Ерину тогда было уже двадцать шесть и он уже два года как получил должность реора при клире Роуде, речи этого ребёнка вдруг стали смягчаться, правда, как заметил тогда реор, глаза его так же, как и раньше, на всё смотрели зло, напряжённо, настороженно. Жесты, походка, привычки — всё осталось точно таким же. В двадцать семь Ерин получил должность арина, а в двадцать восемь — клира.

Пожалуй, он был самым молодым священником такого ранга, хоть, наверное, и жалел об этом. Иногда мужчине казалось, что лучше бы он стал военным, как его брат Йозеф, или чиновником, как его брат Ганс. Но отец с самого рождения готовил третьего сына к церковной службе. Даже имя ему дали такое. Когда Йозеф и Ганс играли в саду, Ерин должен был учить грамматику, математику, древние языки и логику, играть на фортепиано и скрипке, заучивать наизусть огромные церковные стихи. У Ерина были ещё младшие брат и сестра, но им тоже не приходилось заниматься столько, как и ему. Но до какого-то момента он был абсолютно всем доволен. Ерину нравилось учиться, ему нравилось, что его всегда всем ставили в пример, ему нравилось быть примером для подражания, хоть, наверное, таковым его считали разве что учителя: другие студенты училища ненавидели его.

В кабинет Ерина вошёл высокий худой человек в военной форме. Он кивком поздоровался с клиром и улыбнулся. Ерин тоже поздоровался с ним и жестом пригласил

присесть. Кабинет церковника был довольно просторным и даже уютным, вполне возможно из-за того, что был уже достаточно обжитым и не являлся таким роскошным, как кабинет господина Делюжана.

— И как поживает мой брат Георг? — поинтересовался у гостя Ерин.

Тот усмехнулся, усмехнулся так, как было свойственно, пожалуй, только ему, во всяком случае, из окружения клира. Пожалуй, не стоило спрашивать это так сразу, но Ерин слишком давно не видел своего беспокойного младшего братца, которому было разрешено отправиться в совсем другое государство.

— Как всегда: ест, пьёт, веселится. За мой счёт, разумеется. Ты же не думаешь, что Горацию с его потребностями в развлечениях может хватить тех денег, которые ему присылают ваши родители?

Клир вздрогнул. Разгульный образ жизни братьев и сестры всегда был больной темой для него. Возможно, именно потому, что ему самому вести подобный образ жизни было запрещено. Да что там говорить! Ему было запрещено даже просто быть таким же примерным семьянином, каким был его отец! А Йозефу, Гансу, Горацию, даже его сестре Лизе было разрешено практически всё. Ещё в детстве они всё свободное время проводили на улице, играя друг с другом — правда, в основном Йозеф играл вместе с Гансом, а Гораций — с Лизой из-за разнице в возрасте — и другими детьми, когда Ерин был обязан заниматься учёбой. Учиться, учиться не переставая, всегда — этого требовал от своего третьего ребёнка их отец. И Ерин, как самый послушный и спокойный из детей, никогда даже не пытался сопротивляться.

— Так вот, почему я, собственно, и напросился в ту командировку, в которую меня послал наш многоуважаемый господин Делюжан, — продолжил Георг. — Я скоро женюсь. На прелестной девушке, кстати. Её зовут Анна. Проведёшь обряд венчания?

Ерин удивлённо посмотрел на давнего знакомого. Насколько тот помнил, граф Георг Хоффман никогда не собирался связывать с кем-то свою жизнь. К тому же граф был достаточно богат и влиятелен, так что вряд ли он согласился на этот брак потому, что что-то хотел от него получить. Или хотел? Может, наследника? Просто не хотел, чтобы ребёнок был бастардом, и поэтому решил скрепить свой союз с девушкой какими-то бумагами...

— На моей сестре, помнится, ты жениться не захотел, — улыбаясь, напомнил Ерин.

Георг расхохотался. Жениться на Лизе... На Лизе, этой полноватой рыжей девушке, не слишком красивой, не слишком умной, очень болтливой, не умеющей замолчать вовремя, постоянно несущей какую-то ахинею... Пожалуй, так пошутить мог только её старший брат, Ерин. Впрочем, кому как не ему помнить ту сумасшедшую недельку, когда Хоффман гостил в доме Бейнотов! Гораций изо всех сил старался изобразить из себя примерного ребёнка, Йозеф — сделать вид, что он вообще никого не видит и не слышит, а Ганс — изобразить примерного хозяина. Лиза из себя не старалась изобразить никого. Она просто нагло лезла к Хоффману, наплевав на элементарные правила приличия. Пожалуй, в другой раз Георг сам бы посмеялся на такой ситуации, но не в случае с Лизой.

— Что ты! — сквозь смех произнёс граф. — Я твоей сестрицы не достоин! Пусть ищет такого же жениха, как она сама!

Ерин сам засмеялся. Сестру, если говорить честно, он не слишком любил. Та, единственная дочь, младший ребёнок, была слишком избалованна: мать и отец в ней души не чаяли. К тому же он сам прекрасно помнил ту неделю. Наверное, стоило Горацию отказать в просьбе привести “одного гостя”.

— Сдаётся мне, граф, что вы мою сестру недолюбливаете! — изо всех сил стараясь не расхохотаться, произнёс клир абсолютно серьёзным голосом.

Хоффман уже фыркнул, в мгновение позабыв о правилах этикета. Что же... Значит, знакомство с Лизой пошло ему даже на пользу. Граф редко смеялся. И уж точно редко смеялся так открыто. А воспоминания о Лизе...

— Что вы, ваше Высокопреосвященство! — наигранно-рассерженно воскликнул Георг. — Но смею заметить, что ваша многоуважаемая сестра домогалась до меня не хуже всем известной Алесии Хайнтс!

Про Алесию Ерин был наслышан. Если честно, особа не из приятных. Эта девушка не нравилась ему. Мисс Хайнтс обладала и красотой, и обаянием, и богатством, но при этом имела не самые лучшие характер и репутацию. К тому же Алесия была страшно заносчивой, когда общалась с ним, а Ерину — впрочем, как и любому уважающему себя человеку — это было не слишком приятно, хоть он и считал её существом не очень достойным каких-либо эмоций, кроме презрения. А Хоффман хохотал. Впрочем, наверное, он нашёл вполне достойное сравнение для Лизы. Правда, даже Ерин замечал это, Алесия выгодно отличалась от его сестры. Хотя бы тем, что мисс Хайнтс была крупным игроком, смелым, предприимчивым, одарённым природой, когда мисс Бейнот не была почти никем, она отличалась чрезвычайной трусливостью и даже глупостью. Ерин чувствовал, как ему хотелось познакомиться с той Анной, про которую говорил ему граф. Кем была эта особа? Чем она отличалась от Лизы и Алесии?

Комментарий к II. Глава первая. Тот день, в который просыпается магия...

* Канцлер Ги — Дикая охота

===== II. Глава вторая. Другая Мария. =====

Часто говорят среди людей,
Что Бог жесток, что правды нет.
Но не каждый может стать сильнее,
Дарить другим тепло и свет.
Дует ветер — не понять его мотив,
Всюду сумерки и холода,
В тусклом небе, в нас надежду возродив,
Одиноко мерцает звезда.
Прощай, мой Сумеречный Ангел,
Так быстро порвалась струна.
До встречи, Сумеречный Ангел,
Там, где всегда весна!
Может ты на небесах нужней,
Никто не даст ответ сейчас.
Только понимание всё сильнее -
Лишился красок мир для нас.
Дует ветер — не понять его мотив,
Всюду сумерки и холода,
В тусклом небе, в нас надежду возродив,
Одиноко мерцает звезда.
Прощай, мой Сумеречный Ангел
Так быстро порвалась струна...

До встречи, Сумеречный Ангел,
Там, где всегда весна!
Я не успел тебя понять,
Хоть было всё понятно.
Я не сумел тебе сказать —
Не получилось внятно.
Но сердце память сохранит
И облегчит разлуку,
Я верю, Ангел прилетит
И мне протянет руку.
Дует ветер — не понять его мотив,
Всюду сумерки и холода,
В тусклом небе, в нас надежду возродив,
Одиноко мерцает звезда.
Прощай, мой Сумеречный Ангел
Так быстро порвалась струна...
До встречи, Сумеречный Ангел,
Там, где всегда весна!*

Своды храма будто бы давили на неё, она не могла понять, что с ней происходило. Впервые в её жизни молиться было так тяжело. Привычные слова давались с огромным трудом, а самой девушке казалось, что боги не слышат её. Впервые это ощущалось так остро. Одиночество. Страх. Отчаянье. Впервые в жизни она чувствовала это так сильно. Она не могла ничего поделать с собой. Церковный хор продолжал петь, продолжал, но, хоть девушка и пыталась вслушаться в пение, она не могла различить ни слова. Будто не слышала. С каждой минутой казалось, что всё, ещё чуть-чуть — и не разрыдаться прямо тут будет невозможно. Девушка стояла в храме, но молиться не могла. Раньше она всегда чувствовала, как ей становилось лучше, стоило только прийти сюда, постоять здесь, послушать пение хора, игру органиста... Раньше, но не сейчас. Привычное и любимое платье казалось неудобным, а всё вокруг — настолько раздражающим, что девушке невольно становилось страшно. Она раньше никогда не была такой. Никогда. Слезы просились наружу, но девушка не могла позволить себе дать им волю. Видеть, как отец с каждым днём отдаляется от матери, было невыносимо больно, особенно больно было осознавать то, что сделать ничего уже невозможно. Если бы только мать могла подарить ему сына! Если бы... А теперь уже ничего нельзя сделать. Развод. Мать девушки, королева Рэйна, теперь уже не была женой её отца, короля Джона. Не была. Точнее, уже практически не была. Оставалось только чуть-чуть подождать, чтобы всё, что было до этого развода, осталось в прошлом. Счастливая, безоблачная жизнь... А усталое, но спокойное лицо матери Марии теперь никогда не увидать. Никогда. Королева Рэйна отправлялась в монастырь, откуда ей больше не вернуться сюда, в уже ставший родным дворец. Церковный хор пел, и от этих, таких родных, звуков девушке хотелось рыдать. Завтра всё станет совсем по-другому: мать навсегда уедет, и Марии больше никогда не увидать её. Сегодня её мать в последний раз переговорит с отцом. Клир Ерин должен был сегодня исповедать женщину перед тем, как она перестанет быть королевой, и принцессе Марии хотелось сначала поговорить с этим священником: быть может, он мог как-то помочь ей. Девушка едва держалась на ногах от напряжения и слёз, переполнявших и душивших её. Двадцать шесть лет брака — мать говорила Марии, что

именно столько они прожили вместе с королём, — разве могло это всё быть зря? На бракоразводном процессе завтра будет присутствовать и принцесса. Разве это не было больно? Вот подходит очередь Марии, и она проходит в келью к клиру Ерину. До этого к священнику подходили знатные лорды и леди, обычно принцесса вместе с родителями вставала в самом начале, но сейчас... Сейчас хотелось просто слиться с толпой и не чувствовать того, что переполняло Марию в этот момент.

Казалось, увидев девушку, клир вовсе не удивился. Он будто ждал её. Священник подошёл к принцессе и внимательно посмотрел на неё. Марии хотелось разрыдаться: раньше она не слишком любила господина Ерина, но сейчас... Он был, пожалуй, единственным человеком, способным помочь ей... Девушка подошла ближе, кое-как, на абсолютно негнущихся ногах, сделала реверанс. Кликер Ерин только слабо улыбнулся и сел в кресло, находившееся неподалёку.

— Что случилось у вас, леди Мэри? — устало произнёс мужчина.

Девушка чувствовала, что ему до её проблем дела нет. Кликер смотрел на неё равнодушно, он вряд ли понимал, что это такое — знать, что вот-вот того счастья, которым ты постоянно был окружён, не станет. Ерин был равнодушен к её горю, Мария была бы куда больше рада видеть сегодня на его месте клира Леафана или хотя бы реора Томаса: тем, может быть, и было так же всё равно, что с ней случится, но они этого не показывали, за что она была им очень благодарна. Принцесса присела на краешек стула, поставленного напротив кресла, где сидел теперь клир Ерин. Мужчина молчал. Сначала девушка надеялась, что он что-то скажет: он не мог не знать того, что происходило сейчас между королём и королевой. Но священник молчал.

— Кликер... — бормочет Мария, не дождавись ответа. — Кликер, я...

Мужчина бросает на неё тяжёлый взгляд, девушка даже вздрагивает от этого; она с каждым мгновением чувствует себя всё более беспомощной, хотя, казалось бы, дальше уже некуда. Принцесса готова уже разрыдаться. Плевать на этикет! Плевать на её положение в обществе! Тем более когда этого положения уже почти не осталось, что может теперь её останавливать от этого? Разве что равнодушное лицо клира Ерина.

— Вам не стоит оставаться здесь на время развода. Вы слишком устали. Да и вашим родителям будет спокойнее, если вас здесь не будет, — так же устало произносит священник.

Мария вздрагивает от неожиданности, когда клир поднимается с кресла и медленно подходит к подоконнику. Только сейчас она замечает, что на руке этого человека остался шрам от давнего ожога, а сам он хромот. Когда-то мама принцессы, королева Рэйна, говорила о том, что этот мужчина прошёл несколько религиозных войн, сражаясь наравне с рыцарями, что не раз был ранен, что находился рядом с предыдущим главой церкви в день его гибели. Королева уважала этого человека, и Мария понимала, что сама просто обязана быть почтительной с ним, но... Отчего-то это не всегда выходило. Мужчина всегда был резким, холодным, безразличным ко всему...

— Ваше Высокопреосвященство, я не думаю, что это хорошая идея, — бормочет Мария. — Я хочу быть рядом с мамой, когда...

Кликер снова строго смотрит на неё. Девушка не любит его, не любит, хоть он, возможно, и не такой плохой человек, как ей всегда казалось раньше, нет, он даже хороший человек, но... Принцесса Мария не могла пересилить себя, не могла начать относиться к нему хоть сколько-то лучше. Ерин всегда был уставшим. Всегда. Конечно, на него было взвалено

работы куда больше, чем на реора Томаса или даже на клира Леафана, но почему он никогда не улыбался? Мария не могла вспомнить ни одного дня, когда этот священник улыбался. Он всегда был мрачен, спокоен, редко говорил что-то, не любил присутствовать на особых празднествах, вёл почти затворнический образ жизни, одевался в тёмную одежду, зашторивал гардины в келье исповедания... Принцессе казалось, что это слишком. Мама всегда говорила ей, что реоры, арины, клиры — высшее духовенство — люди, особенно чистые душой, приближенные к богам, всегда готовые прийти на помощь, дать совет... Клир Ерин вовсе не вписывался в представления Марии о священниках. Он, конечно, строго соблюдал все обряды, посты, молился ровно три часа в день, помимо богослужений, как и было предписано в уставе, никогда не позволял себе присаживаться на службах, что делали почти все; Мария однажды случайно увидела процесс богослужения с балкона с другой стороны церкви, там обычно стоял хор, и никто другой туда не допускался, но в тот раз девушке повезло, и она смогла наблюдать за службой оттуда, и мужчина ни разу не присел за эти пять часов — так предписывал устав, — и, наверное, в этом не было бы ничего удивительного, если бы остальные: клир Леафан, клир Реньям, арин Людвиг, арин Сэмил, реор Томас и реор Никодим — не позволяли себе этого; так же Ерин никогда не позволял себе пить вина, находиться за пределами храма больше положенного, имел только один кабинет и довольствовался небольшим именьицем в Священной Алменской империи, небольшим дворцом — впрочем, это здание и дворцом нельзя было назвать — в городе Алмене и небольшой комнаткой в гостинице в тех странах, куда приезжал, только тем, что разрешалось по тому же уставу; принцесса Мария по настоянию матери учила его наизусть, так что вполне могла знать это; клир не пользовался роскошными экипажами, он много читал, почитал искусство, в частности живопись и поэзию. А ещё у клира почти не было слуг, что тоже было странно.

В комнату вбежал мальчик, по виду ему было лет тринадцать, не больше. Мария ахнула от испуга и резко вскочила со стула: в келью для исповедания нельзя было входить никому постороннему, пока не подойдёт очередь. Принцесса сама сегодня отстояла три часа для того, чтобы попасть сюда, а этот мальчишка... Девушке было обидно видеть его здесь. Она не хотела его видеть. Клир повернулся и тяжело вздохнул.

— Арлен! — строго окликнул он мальчика, который вдруг побледнел и на всякий случай сделал шаг назад. — Арлен! Сколько раз тебе можно говорить, чтобы ты стучал перед тем, как войти? Угадай, что с тобой случится, когда я к тебе подойду и схвачу тебя за ворот?

Мальчик сделал ещё шаг назад. Дверь была не заперта: он сам не успел её захлопнуть после того, как вошёл, так что путь к отступлению был открыт. Мария поражённо следила за этим ребёнком. Он был совсем не таким, какими были все слуги. Во всяком случае, казался вовсе не таким.

— Ничего, клир Ерин! — заверил мужчину мальчишка. — Я быстро бегаю, а у вас большая спина!

Клир Ерин и принцесса Мария охнули почти одновременно, а Арлен поспешил скрыться из виду, дабы его хозяин не исполнил давнюю угрозу и не высек его за непослушание. У клира жилось совсем неплохо; Арлен был рад тому, что та женщина, которая хотела ему помочь, решила отправиться именно к господину Ерину Бейноту, а не к кому-нибудь другому. По крайней мере, тот никогда не исполнял своих обещаний по части наказаний. Стоило мальчику однажды исполнить приказание, которое он постоянно нарушал, и потом снова его нарушить, снова повторялись угрозы. А ещё клир имел привычку

спускать слуге оплошности по десять разом. И за то время, которое он находился в услужении у священника, его ни разу не наказали. Разве что один раз клир его долго ругал, но разве это можно было считать наказанием? Его не лишали денег, не лишали обедов, которые были бесплатными для слуг в этом доме, ни разу не секли, хотя, наверное, другой хозяин уже давно наказал бы нерадивого мальчишку, а клир Ерин терпел. Правда, сейчас Арлен уже не был уверен, что выходка сойдёт ему с рук: он оскорбил духовное лицо, вдобавок оскорбил в присутствии некой знатной особы. Наверняка этого не будет терпеть даже такой терпеливый человек, как клир. Мальчик был почти уверен в этом.

— Арлен! Арлен! — услышал слуга строгий голос господина Ерина.

В голове промелькнула невесёлая мысль о том, что вот теперь ему, Арлену, точно не отвертеться от наказания. Эх! Недолго же мальчишке удалось избежать заслуженной кары. Впрочем, так ли уж недолго? Но, учитывая характер клира, можно было говорить об этом спокойно, не кривя душой. Ерин не был тем человеком, который быстро выходил из себя, но, как оказалось, даже его вполне возможно было вывести из состояния спокойствия. Арлену это оказалось по силам. Впрочем, мальчик сам был виноват в том, что его ожидает в ближайшем будущем. Он остановился посередине лестницы и замер в ожидании кары, которая должна вот-вот настичь его.

— Арлен... — тяжело вздохнул клир, когда схватил мальчика за руку. — Арлен! Ты же понимаешь, что должен попросить прощения у принцессы Марии, не так ли?

Мужчина тяжело дышал от быстрого бега, и мальчик не совсем понял, почему он ещё не получил хотя бы подзатыльник. Даже отец Арлена за подобное уже давно бы наказал его, если бы матери не оказалось рядом.

Клир тяжело дышал от быстрого бега. У него адски болела спина, и он уже сам был не рад, что решился пуститься в погоню за этим мелким наглецом. Мальчик уже смотрел в пол, как бы извиняясь за произошедшее.

За столом сидят знатные лорды и леди, но маленькая девочка не боится находиться среди них: она дочь короля и королевы. Кто может сказать что-то плохое о ней, не расплатившись за это головой? Правильно, никто. Мария чувствовала себя лучшей, любимой, признанной. Её мать — лучшая королева на свете, а отец — лучший король. Что ещё может быть у шестилетней девочки? Ей кланяются самые знатные лорды, а отец с матерью лишь улыбаются. Правда, мама как-то говорила, что не стоит внушать принцессе гордость за своё происхождение, на что отец снисходительно улыбнулся и поднял Марию на руки. Девочка счастлива. Она прекрасно знает, что её обожают родители, боготворят подданные, а сама она является, как говорят все, самым очаровательным ребёнком на земле.

— Ваше Высочество! — подходит к принцессе Леон Крайн, один из лордов, которые постоянно навещают в королевский дворец. — Могу ли я пригласить вас на танец?

Девочка вопросительно смотрит на отца, тот кивает. Мария почти взвизгивает от радости: она будет танцевать прямо как взрослая! Королева Рэйна качает головой, но улыбается, так что можно не беспокоиться: мама ругаться не будет. Принцесса важно протягивает руку, лорд Крайн осторожно берёт её и ведёт в центр зала. Малышка старается вышагивать как можно важнее, чинно, так, будто бы она — это её мама, величественная королева Рэйна.

Мария делает реверанс, и весь двор начинает улыбаться. Принцесса важно смотрит на знатных лордов и леди. Ведь она, только она — наследница престола, очаровательная малышка Мэри. Разве может кто-то говорить, что она не достойна купаться во внимании

всей этой знати? Король Джон смотрит на дочь и улыбается. Мария чувствует себя увереннее.

— Вы так прелестно танцуете, Ваше Высочество! — слышит девочка после танца почти от каждого взрослого. — Вы так хороши! Вы так очаровательны!

Мария делает очередной реверанс и улыбается. Она чувствует себя королевой бала. Она чувствует себя лучшей в этом зале. Она — принцесса, она навсегда останется любимым ребёнком родителей, если, конечно, мама родит ещё одного ребёночка, а если не родит... Тогда ей будет и лучше! Она точно останется единственной!

Королева Рэйна улыбается, глядя на дочь. Когда-то Рэйна сама была такой. И могла не беспокоиться о завтрашнем дне, могла не плакать ночами, понимая, где проводит свободное время дорогой супруг, могла не молиться богам о том, чтобы никто из любовниц Джона не родил ему сына, могла не переживать о том, что скоро, возможно, королевой она уже не будет... Марии шесть лет, и она самый счастливый ребёнок на свете. И Рэйна не знает, что будет лучше — если Мэри уже сейчас начнёт потихоньку понимать своё шаткое положение или если девочка подольше будет оставаться в неведении. Королева вздыхает. Не стоит думать о плохом сейчас: Джон и Мария рады этому балу, значит, стоит радоваться и ей, королеве, которая едва может говорить о том, что её положение при дворе устойчивое. Она вообще не может что-либо говорить наверняка.

Рэйна снова вздыхает. Стоит улыбаться и делать вид, что она не видит походов своего мужа. Так её положение при дворе будет наиболее безопасным. Говорить что-либо о гордости уже не приходится.

Арлен стоит перед принцессой и извиняется перед ней за своё поведение, клир же только усмехается. Если честно, мальчик не совсем понимает, почему с ним поступили так мягко, хотя подозревает, что это только из-за нехватки времени. Принцесса Мария внимательно слушает извинения слуги и кивает головой. Она тоже не совсем понимает поведения клира. Лицо того выглядит скорее уставшим и лишь немного раздражённым. Мария была уверена в том, что слуге не поздоровится. Правда, ей всё же казалось, что Ерин вряд ли оставит это происшествие безнаказанным, когда вернётся в Алменскую империю. Арлен стоит перед принцессой и извиняется, по правде говоря, он уже не знает, что сказать — весь словарный запас исчерпан, а клир Ерин ещё не сказал, что уже достаточно. Арлен правда не знает, что ещё сказать. Он вопросительно смотрит на мужчину, и тот вздыхает и качает головой.

— Иди отсюда! — произносит клир и выдворяет мальчишку из комнаты. — Надеюсь, Ваше Высочество, вы получили достаточно извинений от моего слуги?

Принцесса не понимает вопроса. Причём тут это? Этот мальчишка оскорбил господина Ерина, а вовсе не её, она не совсем понимает и то, для чего священник заставил извиняться перед ней этого ребёнка. Она не понимает... Мария робко улыбается, скорее просто потому, что так надо, нежели потому, что ей действительно хочется улыбаться. Кликр смотрит на неё внимательно, будто пытаясь прочесть все её мысли, и от этого девушке не по себе. Хотя она должна была привыкнуть к таким взглядам. Но Ерин смотрит по-особенному. Он в разы умнее многих лордов и леди, он в разы мрачнее, хотя, как почему-то теперь кажется принцессе, и в разы честнее. Он другой. Он не тот, кого привыкла видеть девушка. И его вопросы всегда застают её врасплох.

— Почему вы спрашиваете? — удивляется принцесса.

Кликр смотрит на неё ещё внимательнее. Мария сама готова ругать себя за то, что

спросила это. Возможно, скажи она что-то другое, она бы смогла избежать такого пристального взгляда. Девушка не знает, удивлён ли Ерин её вопросу — ему всегда хорошо удавалось скрывать свои чувства и эмоции. Принцесса уже хочет забрать свой вопрос обратно, сделать так, чтобы она и не произносила его никогда.

— Не хочу огласки, — произносит клир Ерин холодно. — Ненавижу сечь своих слуг. Особенно таких идиотов, как этот ребёнок.

Девушка не понимает, к чему тогда это всё? Она никогда не ябедничала! Никогда! Мама говорила, что делать так не слишком хорошо, и Мария всегда слушалась её. Разве она кому-нибудь рассказала бы? Она прекрасно понимает, в какое неловкое положение она поставит этим клира Ерина, учитывая его звание, она прекрасно понимает, что это должно оставаться в пределах только этой кельи, и никто больше этого знать не должен. Она прекрасно знает... Мария удивлённо смотрит на клира. Тот молчит. Правда, через мгновение он уже снова хочет что-то сказать, но не даёт словам вырваться наружу. Хотела бы принцесса быть такой же холодной и бесстрашной, как он. Хотела бы... Осознание того, что господин Ерин просто не хочет наказывать этого мальчишку, приходит внезапно. Девушка правда не понимает. Не понимает! Кликр всегда казался ей человеком даже жестоким, почему он не хотел наказывать этого Арлена, если тот действительно был виноват? Любой, даже такой добрый человек, как клир Леафан, наказал бы этого наглеца. И был бы прав. Почему же тогда господин Ерин этого делать не собирался? Мария старается выглядеть как можно более спокойной и не показывать своё удивление. Господин Бейнот вряд ли хочет сейчас слышать лишние вопросы. В голове девушки вдруг возникает мысль о том, что и она сама, хоть и считала клира только что человеком, не проявляющим милосердие, вряд ли бы стала терпеть к себе такое отношение. И почему этот ребёнок не боялся клира Ерина?

Мария забывает, где она находится, думая об этом. Она забывает, что рядом с ней стоит человек, что он ждёт ответа, ждёт ответа от неё... Принцесса может думать только об этой ситуации. Теперь отчего-то она забывает и про то, зачем именно пришла сюда. Её боль, мысли о горе, об её горе, отступают на задний план, она отвлекается от них...

— Миледи? — спрашивает клир Ерин, когда понимает, что ответа он может и не дожждаться.

Девушка не совсем понимает, что именно она должна ответить. Всё это касается только клира, а она просто оказалась не в том месте и не в то время. Разве могла она судить этого мальчишку? Мама всегда говорила, что, хоть Мария и будущая королева, она не имеет права указывать знатым лордам и леди, как именно тем стоит обращаться со своими слугами.

Мария встаёт и делает реверанс. Это движение привычно для неё, она уже и сама не замечает мгновений, когда делает его. Её учили танцевать, учили вести себя в обществе, учили всегда быть вежливой и милой, она должна быть самым совершенством, самым очарованием. Потому что она не просто леди, она — принцесса, будущая королева. Разве она имеет право быть несовершенной?

— Да, Ваше Высокопреосвященство? — спрашивает принцесса в ответ и тут же добавляет. — Это ваш слуга, и я не имею никакого права вмешиваться в ваши дела.

Кликр кивает, и девушка понимает: это именно то, что он хотел услышать от неё сейчас. И она рада этому, ведь теперь, скорее всего, задавать лишних вопросов он не будет. Девушка не хочет слышать лишних вопросов. Она вдруг вспоминает про то, для чего именно она здесь, и отчаянье снова овладевает ею. Развод. Ещё чуть-чуть, и всё. Она более не принцесса Мария, не любимая дочь короля Джона и королевы Рэйны, а незаконнорожденная. Отец

объявит её бастардом, и от этого становится только больнее. Вся её жизнь будто летит к чертям. И Марии не остаётся ничего, кроме как просто сидеть и наблюдать за этим, тихонько утирая слёзы, когда вся её жизнь рушится, когда всё, что она знала, любила, уходит в небытие. Клир Ерин подходит к ней ближе и смотрит прямо в глаза.

— Вам не стоит оставаться здесь на время бракоразводного процесса ваших родителей. Вы и так слишком переутомлены и расстроены этим событием, — произносит мужчина мягко, но настойчиво.

Мария подносит платок к лицу и утирает слёзы, вдруг навернувшиеся ей на глаза. Принцесса не понимает, как так вышло, что она заплакала прямо здесь, ведь ей так не хотелось плакать при этом человеке... Зачем он сказал это? Она только успела чуть-чуть отвлечься от своих мыслей.

— Их брак не спасти? Церковь же может запретить развод? — спрашивает девушка, ещё лелея последнюю надежду.

Клир качает головой, шепчет, что так лучше для самой королевы, если она хочет остаться в живых, и Мария, слыша это, уже совсем не может сдержать рыданий, она бросается на шею этому человеку и начинает рассказывать всё, что беспокоило её уже давно, начинает говорить о том, на что она ещё надеялась, чего ещё хотела... Отец хотел развода, и он является королём, никто не вправе запретить ему. Мария плачет. Клир Ерин проводит рукой по её волосам и говорит что-то о том, что новую королеву народ всё равно не полюбит так, как Рэйну, что совсем необязательно новая жена родит королю наследника... Мария почти не может слушать... Она только плачет, понимая, что последняя её надежда на спасения брака родителей разрушена, разбита...

Комментарий к II. Глава вторая. Другая Мария.

* Эпидемия — Сумеречный ангел

===== II. Глава третья. Прибытие в “Погибший” город. =====

Тень, ты мой светлый мир,
Вакуум жизни моей,
Как кровавый пир,
Сломано прожитых дней.
Может, я смешон,
Так, словно шут для толпы.
Чёрный капюшон
Режет глаз, словно серпы!
Любовь и смирение — вот смысл Бытия!
Ты мой крест, ты мой свет — Вера!
Ты навеки моя сфера!
Да, я в молитвах живу,
Славя имя Христа, но безумно устал.
И я знаю, что
Жизнь даётся лишь раз свыше,
Но я жить не хочу тише.
Дьявол в душу проник,
Ведь она, как родник,
Словно горный хрусталь!
Я так устал от снов,

Я не могу больше спать!
Свет своих оков
Я так хочу разорвать.
Ты меня прости,
Всё-таки я не святой
Лучше отпусти
И не кричи во след «Стой!»
Грешник, покайся, и я тебя прощу!
Ты мой крест, ты мой свет — Вера...
И в витраже кривых зеркал
Я твою душу отыскал.
И тень сомнения в ней
Таится изнутри.
И ты боишься согрешить,
Но без грехов не можешь жить
Забудь свой страх, глупец, -
В глаза мне посмотри!
Открой глаза, раб божий, ха-ха,
Я дарю тебе огонь, который согревает
Душу и волнует кровь. Открой глаза
И спустись с небес на землю.
Нет, это смертный грех
И искушение тьмы,
А я слышу смех,
И это смех Сатаны.
Лучше во Христе
Буду свой век доживать,
Или на кресте
В муках за вас умирать!
Тени сомнений вновь обратятся в прах!
Ты мой крест, ты мой свет — Вера...*

Мария сидела в карете напротив Хоффмана, тот что-то говорил ей, она едва ли могла слышать это, понимать это. Если говорить честно, ей просто хотелось спать. Граф вытащил её и Мердофа из гостиницы в шесть утра, даже не предупредив о столь ранней, и весьма утомительной, поездке заранее. Раньше он всегда говорил о таких вещах, хотя бы, за день, но в этот раз... Граф что-то говорил, но Мария даже не пыталась слушать его, только кивала, как только слышала в его голосе вопросительные нотки, девушке хотелось спать, и остальное для неё сейчас казалось настолько маловажным, что даже вникать в это не хотелось. Мердоф сидел рядом и просто спал, совершенно не стесняясь присутствия в карете Хоффмана и Марии. Девушка, возможно, в шутку возмутилась бы этим фактом, но сейчас ей самой так хотелось спать, что всё, кроме этого, уходило на второй план. Принцесса сама клевала носом, так что обвинять сейчас Айстеча в том, что он заснул здесь, было бы просто глупостью.

А за окном мелькают деревья, которые они проезжают. Деревья. Такие же, точно такие же, как и в её мире. На Земле. От этого становится грустно. Её мир там. Там, а вовсе не

здесь, и она, как все люди на свете, тянется к дому, к тому месту, которое ей является родным. Девушка смотрит в окно и понимает, что не стоило ей ввязываться во всё это, не стоило подвергать жизнь Розы, жизнь мамы опасности. Мария тяжело вздыхает. Ей больно проезжать мост через неширокую речку, сразу вспоминались те дни, когда она на автобусе ехала в клинику, где лечили Розу. Чем болела её младшая сестрёнка? Да чем только не болела... Мама говорила, организм её был очень ослаблен. И Мария сама видела это, прекрасно видела и в то же время прекрасно понимала, что помочь сестре ничем не сможет, как бы ей не хотелось...

— Мария... — уже почти устало произносит Георг, впрочем, даже не устало, скорее просто обречённо. — Прошу вас, дослушайте меня. И я больше ни разу не побеспокою вас следующие четыре часа.

Принцесса резко поворачивается к нему. Слишком резко для девушки её статуса и происхождения. И Хоффман чувствует, что усмехается, про себя отмечая это. Девушка смотрит на него с удивлением и интересом. Она не слушала. Он и сам это знал. Прекрасно знал. Просто так хотелось убедиться в этом. Мария, действительно не слушала, и ему, пожалуй, его положение позволяло прикрикнуть на неё, отчитать, но из-за чего же ему так не хотелось этого делать? Девушка внимательно смотрела на него, и он прекрасно понимал, чем именно вызван этот интерес. И Хоффман понимал, чем обусловлен его интерес к ней. Она не винила его в смерти сестры. Хотя могла бы. Мужчина прекрасно понял бы её, если бы она кричала, психовала, плакала, но она просто молчала, и Георг чувствовал, что проникается уважением и даже симпатией к ней, чего он совсем не чувствовал ни к покойной принцессе Кассандре, ни к её, тоже уже покойной, дочери Розе.

— Вам нужно будет войти в круг приближённых короля Джона, Мария, — спокойно произносит Георг Хоффман. И тут же добавляет: — И той девушки, которую он захочет сделать королевой.

Мария удивляется ещё больше. Но в чём дело? В чём причина её удивления? Хоффман прекрасно понимает, в чём именно дело, и прекрасно понимает, что совсем не зря попросил это сделать именно её. Она, во всяком случае, не строила из себя важную особу, хотя, наверное, даже являлась ей. Девушка удивлённо смотрела на мужчину, но в её взгляде не было той презрительности, той важности, которая могла быть присуща Алесии, к примеру, или кому-то ещё. Если говорить по правде, порой Хоффман стал замечать во взгляде Алесии ещё что-то — что именно, понять он не мог. С какого-то момента в её взгляде стало проявляться любопытство, которого раньше не было, и страх. Страх... Она раньше никогда не боялась его, а теперь начал появляться и страх. Алесия раньше задирала нос перед Анной, Хоффман даже знал, что не однажды мисс Хайнтс назвала будущую невесту графа «пустышкой» и «ничего не стоящей». Точно так же, как слышал, как Моника называла Анну «дорогой шлюхой». Вступать в споры трёх девиц мужчине не хотелось. К тому же, как он заметил, Анна и сама смогла прекрасно справиться. Более к ней не лезли.

— Как я понимаю, я должна вас благодарить за то, что мне нужно будет понравиться и новой королеве? — усмехается Мария.

Хоффман начинает хохотать. Нет, эта девчонка определённо ему нравилась! Моника бы обиделась на такое поручение. А сейчас понимание со стороны подчинённых или хотя бы просто молчание с их стороны были так необходимы графу.

— Вероятно, — улыбается Георг, стараясь не захохотать вновь.

Мария тоже смеётся. Пожалуй, стоит рассказать ей основную часть его плана, но позже,

сейчас Хоффману совсем не хочется этого делать, всё-таки пока ещё совсем не наступило то время, когда принцессе будет нужно знать об этом всём. Она ещё ребёнок, хоть и пытается казаться старше. Мердоф старается притворяться спящим, и у него неплохо это получается. Во всяком случае, он не пытается приглушить дыхание, как делал Гораций вчера, стараясь подслушать разговор графа с Анной. Девушка, нужно отдать ей должное, вела себя куда спокойнее, нежели её сестра, когда Георгу нужно было уехать по работе: она не скандалила, не плакала, не кричала, даже не просила остаться, хотя, по её взгляду это было видно, она была совсем недовольна отъездом жениха прямо перед свадьбой, и это недовольство не могло просто так укрыться от взора Хоффмана, впрочем, он видел и то, что она, как он её и просил, не устраивала ему никаких скандалов.

В последнее время головные боли у графа только участились, не проходить они могли долго, и каждый день казался невыносимым. Немыслимо. Нужно было ещё четыре часа трястись по плохой дороге в этой карете прямо до прибытия в столицу. Граф ненавидел королеву Рэйну, та всегда была о нём плохого мнения. Поначалу мужчина пытался расположить к себе королеву, но та считала его своим врагом. Всегда считала. Хоффман смотрел на Марию, сидящую сейчас перед ним и ждущую каких-нибудь указаний. Указаний... От него все ждали указаний, приказов, распоряжений, из-за этого было слишком скучно. Граф больше всего на свете ненавидел скучать. Мария напоминала мужчине скорее леди Джулию, нежели свою мать. Обоих этих женщин Георг видел, с обеими общался, но, следует заметить, герцогиня Траонт внушала куда больше уважения, нежели принцесса Кассандра. Джулия, безусловно, была взбалмошной, более эмоциональной, нежели следовало бы, её настроение менялось слишком часто... Но она была искренней. Она была надменной, но эта гордость была именно её, её личной, а не кого-то ещё или просто потому, что так нужно, что так обязывает положение. И с ней было проще общаться. Намного проще, чем с той же Кассандрой. Даже Хоффман мог бы спокойно назвать её девчонкой, хоть она и была его старше. Принцесса не могла справиться со своими проблемами самостоятельно, и у мужчины иногда возникал вопрос, как же она смогла вырастить двоих дочерей, если сама не могла разобраться в своих делах. Роза, впрочем, была похожа на мать. Такая же безвольная. Такая же пассивная. Такая же слабая. С ней было скучно. И смерть её была лишь вопросом времени. Георг Хоффман был просто уверен в этом — такие люди не живут долго, просто не могут. Мария сидела перед ним, и мужчина чувствовал, что девушка была уже готова заснуть, всё-таки, наверное, не стоило будить её так рано, к тому же без предупреждения, всё же все, кроме неё, знали о предстоящей поездке, наверное, стоило хотя бы сказать ей об этом вчера. О чём же думал тогда граф?

— Вы представитесь королю, как Моника Эливейт. У меня есть документы, которые докажут двору, что вы — она.

Мария кивает и берёт в руки документы, читает их. Ей интересно, она никогда не чувствовала подобного, никогда не оказывалась в подобной ситуации, девушке было интересно всё новое, и этим можно было воспользоваться. Принцесса была слишком любопытна, лезла, куда лезть не следовало, и совала нос туда, что её не касалось вовсе. Но это было куда лучше той пассивности, того постоянного уныния, плача, что были присущи её сестре...

— Хорошо. Мне бы хотелось спросить у вас кое-что, — девушка видит, что граф жестом просит её продолжить, и продолжает говорить. — Моника — реальный человек или просто прикрытие?

Хоффман усмехается. Мария видит: он ожидал этого вопроса и удивился бы, если бы она не задала его. Он словно видит её насквозь, из-за этого в душе остаётся настолько неприятное странное ощущение, что девушке порой хочется чем-то ударить графа, но она уверена: он предугадал бы и это.

— Я когда-нибудь вас познакомлю, — произносит граф. — Я не хочу, чтобы она находилась рядом со мной сейчас. Ты меня понимаешь?

Мария кивает. Она прекрасно понимает, что это значит. Хоффман показывал ей свои эксперименты; наверное, будь она пацифисткой или идеалисткой, она обязательно бы возмутилась теми методами, которыми этот мужчина докапывался до истины: принцесса слышала крики, плач тех, кому не посчастливилось стать подопытными этого человека, пожалуй, девушка даже жалела их, но вряд ли могла в чём-то осуждать графа, наверное, другого пути у него и не было, и не могло бы быть, Мария понимала это. Интересно, а кем была в его подземелье Роза? Во всяком случае, она не была похожа на остальных подопытных, на руках её не было ни одного пореза, вроде не было даже синяка, во всяком случае, Мария не обратила тогда на это внимания. Граф сказал, что она просто задохнулась во время какого-то пожара. Или отравилась тем, что было вылито для того, чтобы потушить огонь. Ожогов на теле Розы было совсем немного, вряд ли они могли быть причиной её смерти.

Она понимала. Понимала, почему именно граф просит её притвориться той девушкой. Чтобы никто не узнал. Хоффману не нужны проблемы. У него и без них часто болит голова. Зачем ему лишние волнения? Мария ещё раз кивает. Она обязательно справится с тем, что от неё требуют, просто не может не справиться.

Девушке хочется спать. Сколько у неё остаётся времени до их прибытия? Наверное, когда она проснётся, у неё будет болеть голова... Но у графа должны быть с собой какие-то таблетки. Во всяком случае, Мария сейчас надеется на это.

Юноша стоял посреди храма. Это место немного пугало его, здесь он был впервые: предыдущие одиннадцать лет он мог разве что разглядывать картинки в книгах, что хранились в отцовской библиотеке... Купол здания находился так высоко, что просто кружилась голова рассматривать все эти витражи, фрески... Всё это было так увлекательно, что юноша просто не мог оторвать свой взгляд от этого. Как звали того парня, который приезжал в поместье отца, чтобы отпевать сестру? Может быть, он верил во всё это именно из-за этого блеска, золота, драгоценных камней, что украшали каждую картину здесь, каждую статую. Всё это было настолько великолепно, как парень никогда раньше не мог себе представить.

Правда, внутреннему голосу всё это великолепие не нравилось. Джордж слышал, как кто-то внутри него возмущается, требует того, чтобы парень немедленно вышел из этого здания. Джорджу не хотелось выходить отсюда. Здесь всё было настолько незнакомым, красивым, что хотелось остаться подольше, посмотреть на это... Парень с удовольствием разглядывал это всё.

— Юноша, что же вы стоите здесь? Исповедь давно прошла. Вы опоздали, — слышит юный Блюменстрост голос какого-то старого человека.

Джордж удивлённо поворачивается. Перед ним стоит пожилой мужчина, не слишком высокий, в каком-то странном одеянии, впрочем, наверное, тот человек, отец называл его клиром Леафаном, был одет во что-то подобное, Джордж уже не помнит, в последний раз он видел того человека десять лет назад, ровно десять, в день смерти Мари.

— Я не на исповедь, — произносит Джордж тихо.

Он и сам не до конца понимает, что это такое. Отец никогда не объяснял ему этого. Впрочем, когда этот человек что-то объяснял своему сыну? Проще было запереть своего ребёнка, окрестить его умалишённым, нежели что-то объяснить ему. Джордж не знает, что такое исповедь. Просто не знает. И, следовательно, он не совсем понимает, что это такое. Да и что он вообще может знать о мире за пределами особняка, в котором рос?

— Тогда что же вы тут делаете, юноша? — удивляется пожилой мужчина.

Парень пожимает плечами. Что он тут делает? Просто ему хотелось посмотреть, что именно привлекало его знакомого в церкви. И, пожалуй, он почти нашёл это. Почти. Джордж смотрит на все эти картины, статуи, слушает тихое пение хора... Всё это слишком странно. И слишком гармонично. Слишком красиво. Джордж никогда не бывал здесь раньше, и всё кажется ему новым. Каменные колонны, огромные каменные колонны, как кажется пареньку сейчас, служат вовсе не для украшения. Если вскочить на подножие, можно будет спокойно наблюдать за тем, что происходит в центре храма. Джорджу хочется вскочить туда. Было бы интересно наблюдать за всем этим. Правда, народу сейчас тут нет... Мраморный пол здесь — тоже произведение искусства. Джорджу почти жаль ходить тут. Причудливые линии, растительный орнамент — как можно ходить по этой красоте? Юноша не понимает смысла в том, чтобы делать такой пол в месте, куда каждый день приходят тысячи людей. Зачем? Чтобы каждый мог ступать грязной обувью по произведению какого-нибудь архитектора, художника? Чтобы никто не замечал, как на полу появляются грязные лужи?

— Любуюсь картинами, сэр, — произносит парень ещё тише, чем раньше.

Священник удивляется ещё больше. Возможно, этот мужчина даже разозлился на этого мальчишку, правда, виду он старался не показывать. Лишь тяжело вздыхает, видимо, коря нынешнюю молодёжь за невежество, и просит Джорджа следовать за ним. Юноша пожимает плечами и идёт туда, куда его просят пройти. Себе он твердит, что, даже если случится что-то нехорошее, он сможет за себя постоять — магия внутри него не дремала никогда, значит, не будет дремать и сейчас, если понадобится.

— Картины... Юноша, вы когда-нибудь бывали раньше в храме? — голос пожилого мужчины кажется уставшим.

Наверное, можно было понять этого человека — возможно, ни одному приходящему сюда ему не приходилось объяснять элементарные истины. Джордж качает головой. Нет, он не был никогда. Впрочем, возможно, его, как и других младенцев, в возрасте двух-трёх месяцев относили в храм, чтобы прочитать какие-то молитвы, но он уже и не помнил этого. Священник вздыхает и продолжает куда-то идти. Юноша следует за ним и не задаёт пока ни одного вопроса.

Вскоре они оба оказываются в какой-то галерее. Картин там куда больше, и все они другие. Джордж с интересом смотрит на них и понимает, что на некоторых изображено почти то же самое, что и в самом храме. Или как ещё назвать то огромное помещение?

— Благодарю вас, сэр, — тихо шепчет Джордж, разглядывая одну из картин, особенно поразивших его.

На ней изображён странный человек. Отчего-то он кажется юноше слишком знакомым. Кто он такой? Парень хотел бы узнать, кто это. В его глазах странный красный блеск. Будто бы тот самый, который иногда замечает Джордж, глядя в зеркало в минуты приступов.

— Кто это, сэр? — спрашивает юноша, глядя прямо в глаза человеку, изображённому на

картине. Отчего-то кажется, что изображённый здесь мужчина живой. Что это именно он смотрит на Джорджа так, что...

Священник вздыхает и сам подходит к этой картине. На секунду юноше кажется, что человек, изображённый на картине, пошевелился, дёрнулся... Священнослужитель грустно смотрит на Джорджа, от этого взгляда становится не по себе даже больше, чем от взгляда человека на картине.

— Этого человека называли Танатосом. Порой его величают богом смерти. Не человек — исчадие ада!

В голове Джорджа тут же всплывает тот день, те слова отца: «Не ребёнок — исчадие ада! Разве ты не видишь, Эллис, что он проклят?!» — парень вздрагивает от этой мысли. Тут же промелькнувшее было доверие к пожилому священнику исчезает. Юноша выбегает из галереи. Несколько минут — и парень за пределами храма. Храма, куда он более не вернётся. Джордж уверен в этом. Медальон, который постоянно висел у него на груди, вдруг начинает будто обжигать. Парень срывает его и кидает куда-то в сторону. Какая-то девушка, что стоит рядом, удивлённо и испуганно смотрит на него. Прохожие спешат побыстрее уйти отсюда, чтобы не видеть того, чего им видеть не хочется.

— Исчадие ада... — бормочет парень.

В голове всплывают картинки из прошлого. Крики отца. Плач матери. Испуганные и растерянные глаза Мари. Джордж подносит ладони к вискам. Голова раскалывается просто ужасно. А ещё эти воспоминания...

— Исчадие ада! — кричит парень, и боль, что сидит в его голове, потихоньку начинает отступать. Юноша уже улыбается. И он кричит снова. — Исчадие ада!

Люди оборачиваются. Люди пытаются уйти подальше поскорее. А Джорджу хочется хохотать, видя всех этих жалких убегающих людей. Они боятся его... Исчадие ада... Отец был прав?

Мария с трудом заставляет себя выкатиться из кареты. Именно выкатиться. Девушке было трудно проснуться сейчас. Хоффман подаёт ей руку, и только с его помощью принцессе удаётся, наконец, выйти из кареты. Мердоф тоже сонный, хотя кажется куда более бодрым, нежели Мария. Граф говорит, что он читал всю дорогу, пока Мердоф и Мария спали. Девушке интересно, что же это за книга. Хоффман протягивает ей какой-то свиток, который, кажется, развалится, если к нему только прикоснуться. Так же граф говорит, что он переписал всё, что было в этом свитке.

— Сначала вы сказали, что просто читали, — усмехается принцесса.

Граф что-то говорит Айстечу, и тот куда-то уходит. Мария удивлённо смотрит на мужчину — зачем он куда-то отослал её друга? Впрочем, наверное, для этого были свои причины.

Она шла за Хоффманом. Они проходили мимо самых различных зданий. Среди них были и те, которые можно было назвать шедеврами архитектура, и те, которые были просто отвратительными. Впрочем, в родном городе Марии тоже встречалось подобное сочетание того, что сочетать было просто преступлением. Но тут было грязно. Теперь девушка прекрасно понимала, почему граф настоял на том, чтобы и она, и Мердоф одели сапоги, а не кроссовки или летние туфли.

Они останавливаются около какой-то лавки. Навстречу им выходит пожилая полноватая женщина с одуловатым лицом. Её глаза кажутся почти прозрачными. От этого создаётся не самое лучшее впечатление о ней. Почему-то во многих произведениях, которые читала

Мария, люди с подобным взглядом редко были людьми, достойными уважения. Впрочем, думать плохо о хозяйке этой лавки, о женщине, которую принцесса видела впервые в жизни, было слишком невежливо. Разве провинилась эта старушка перед ней, Марией? Нет, ничем. Значит, и относиться к ней следовало уважительно. Во всяком случае, сейчас.

— Кэтрин! — скомандовал граф. — Принесите мне кольцо, которое вам закладывал один мой знакомый. Вы же не успели продать его, не так ли?

Женщина качает головой и тут же куда-то убегает. Как понимает Мария — за кольцом. Почему же Хоффман не отослал её вместе с Мердофом? Хозяйка приносит кольцо быстро. Оно кажется весьма простым: обычное медное колечко. Немного погнутое. Кто бы захотел купить такое? Теперь принцесса понимает, почему граф был так уверен в том, что кольцо осталось здесь. Хоффман берёт колечко из рук хозяйки лавочки и протягивает его Марии.

— Возьмите. Кольцо весьма простенькое и дешёвое, но, вынужден сказать, представляет огромную важность для одного человека. Не потеряйте.

Мария кивает. Этот человек — сам Хоффман? Тот, будто понимая, какой вопрос хочет задать принцесса, поспешно прощается с хозяйкой заведения и выводит девушку на улицу. Опять та же грязная улица, опять тот же оживлённый хор голосов. На улице слишком шумно. Мария едва успевает сообразить, в чём дело, когда Георг Хоффман буквально оттаскивает её куда-то в сторону.

— Отдадите его прямо в руки лорду Леманну, — шепчет граф ей на ухо. — Это кольцо его старшей дочери. Она погибла полгода назад. При... интересных обстоятельствах.

Девушка кивает. Снова. Это уже входит у неё в привычку. Марии хочется расспросить Хоффмана о том, кем именно была обладательница этого кольца, но сейчас она не решается. Что-то подсказывает ей, что сейчас лучше не спрашивать... Хоффман отпускает её руку. Всю оставшуюся дорогу до гостиницы они идут молча. Никто из них не произносит ни слова.

Комментарий к II. Глава третья. Прибытие в “Погибший” город.

* Эпидемия — Вера

===== II. Глава четвёртая. День, который должен был стать самым счастливым.

=====

Дай мне жить так, как я хочу.
Если нет — убей, мне здесь тесно.
Знаю я — я всего лишь гость.
На твоей Земле мне нет места.
Здесь бродят тени,
Ими движет запах денег.
Боль других и холод греют им сердца.
Связь времён распалась.
И Злодей, и Светлый Гений
Тесно сплелись в объятьях,
Их различить нельзя.
Я не сошёл с ума, мир так стар и мал,
Что его делить нет больше смысла.
Нет, ты возьми себе всё, что на Земле,
Мне оставь простор небесной выси.
Лучше быть одному всю жизнь,
Чем найти свой дом,

И жить в нём, с кем попало.
Ты молчишь, ты не против лжи,
Если в ней есть звон, звон металла.
Здесь бродят тени,
Ими движет запах денег.
Боль других и холод греют им сердца.
Связь времён распалась.
И Злодей, и Светлый Гений
Тесно сплелись в объятьях,
Их различить нельзя.
Я не сошёл с ума, мир так стар и мал,
Что его делить нет больше смысла.
Нет, ты возьми себе всё, что на Земле,
Мне оставь простор небесной выси.
Здесь бродят тени,
Ими движет запах денег.
Боль других и холод греют им сердца.
Связь времён распалась.
И Злодей, и Светлый Гений
Тесно сплелись в объятьях,
Их различить нельзя.
Я не сошёл с ума, мир так стар и мал,
Что его делить нет больше смысла.
Нет, ты возьми себе всё, что на Земле,
Мне оставь простор небесной выси.
Я не сошёл с ума, мир так стар и мал,
Что его делить нет больше смысла.
Ты возьми себе всё, что на Земле,
Мне оставь простор небесной выси...*

Слышались радостные крики людей... Анна чувствовала себя победительницей, чувствовала себя королевой. Никто, никто более не посмеет возразить ей, смеяться над ней. Теперь она жена самого богатого человека в этом королевстве, жена самого влиятельного человека в этом королевстве... Разве кто-то теперь сможет сказать что-то поперёк её слова? Она ни за что не забудет этот день!

Они подъезжали к собору, где клир Ерин должен был обвенчать их. Подумать только! Ещё год назад она могла мечтать и о том, чтобы её свадьба просто проходила в столице. Роберт до сих пор считал её предательницей... А Маргарет? А отец? А мать? Они думали, что Анна перешла дорогу старшей сестре, что именно та могла стать женой графа. Как же хотелось девушке закричать, что это совсем не так, что Маргарет никогда бы не смогла добиться того, чего удалось добиться Анне, что той никогда особенно и не хотелось этого добиться, что цели такой Маргарет вовсе не имела. А Анне удалось, и теперь она, а не кто-то другой, сидит в карете рядом с графом Георгом Хоффманом, теперь она, а не её глупая сестрица, скоро станет женой человека, который и не особенно стремился жениться ранее, теперь она, а не эта странная Моника, будет законной женой, теперь её дети от него получат всё... Анна улыбалась. Как она могла не улыбаться? Её мечты исполнялись. Исполнялись...

Скоро она получит всё, к чему так стремилась.

Вот и собор. Граф помогает ей выйти из кареты, Анна чувствует себя настолько счастливой; она никогда не сможет забыть этот день, никогда... Проходить сквозь толпу ещё не казалось девушке таким наслаждением, как сейчас. Сейчас всё было совсем иначе, всё было совсем другим... Совсем другим. Всё говорило в её пользу. Анна улыбалась, свысока глядя в эти знакомые лица, на людей, ещё вчера твердивших о том, что она сумасшедшая, что у неё ничего не получится, а сейчас все они поздравляли её со свадьбой... Поздравляли с её победой. С победой, к которой она так долго шла.

Звучат слова священника, звучит пение церковного хора. Анна чувствует, что именно этого она добивалась. Она горда собой больше, чем когда-либо. Это именно то, чего она так хотела...

— Согласны ли вы стать женой Георга Дэвида Хоффмана? — слышит девушка долгожданные слова клира.

И она произносит это «да». Анна не может не улыбаться сейчас: она уже знает, что выиграла это сражение, самое главное сражение, у своей соперницы, она прекрасно знала, что та девушка нравилась Георгу и могла представлять для Анны реальную угрозу, у предрассудков, у толпы людей, ненавидящих её. Разве виновата девушка в том, что пять лет назад была фрейлиной королевы Риделт, когда был отравлен король Карл? Разве виновата она в этом? Она даже не предполагала, что леди Риделт решит отравить своего мужа, да и как она могла думать об этом? Едва узнав о смерти короля, брат Анны, Леон, увёз её оттуда. А через неделю королева и её фрейлины были казнены. Девушке было только шестнадцать. Что она тогда могла сделать?

Хоффман целует её на глазах у всей этой толпы, ещё вчера плевавшей Анне в спину, ещё вчера поливавшей её грязью. Теперь весь этот ужас закончится, а она сама, наконец, станет законной супругой, и больше никто не сможет обозвать её «простолюдинкой» и «жалкой шлюхой». Была бы она таковой, разве стояла бы она сейчас здесь? Разве целовал бы её сейчас граф? Разве бы смотрел с такой нежностью? Разве было бы это всё? Когда граф отстраняется, толпа что-то кричит им, Анне не сразу удаётся различить слова в этом шуме. Только минутой спустя она понимает, что кричат поздравления, а не оскорбления её, как оскорбляли ещё вчера...

Где-то неподалёку стоит племянница нынешнего короля. Алесия — так её звали? И она тоже признаёт победу Анны, это не может не радовать. В лице её девушка видела скрытую за улыбками и смехом угрозу, но, пожалуй, угрозу куда меньшую, чем те, которыми являлись Моника Эливейт и приёмная дочь графа, Юта. Последнюю, правда, переманить на свою сторону не составило труда: девочка была самым обыкновенным ребёнком, любила сладости, безделушки, красивые платья, обожала ездить верхом, ходить в театр, смеяться и видеть что-то поистине увлекательное, к тому же она была сиротой и остро нуждалась в матери или хотя бы просто женщине, которая могла бы хоть сколько мать заменить. И, хоть сначала Юта и отнеслась к новой знакомой графа настороженно, скоро девочка сама стала чаще приглашать её. Анна никогда не позволяла себе повышать на неё голос или даже быть просто неприветливой, и наверняка именно это чем-то помогло ей в приближении её замужества. Как-то раз девушка даже услышала, что Юта спрашивала графа о том, когда тот, наконец, женится на Анне. Что же... Следовало только помнить, что Хоффман куда больше привязан к этому ребёнку, чем к ней, тогда всё будет хорошо. Нужно только чуть-чуть подождать, и Анна выйдет на первый план. С Моникой всё было куда сложнее. Её нельзя

было задобрить красивыми подарками и вкусными угощениями, та, казалось, всей душой Анну ненавидела, та могла уже и не сомневаться, когда-то у Хоффмана что-то с Моникой было, оставалось только гадать, что такого произошло в их отношениях, что сейчас граф переключился с мисс Эливейт на мисс Истнорд. Оставалось только принять тот факт, что Моника ненавидела её, ненавидела, видимо, за то, что граф оказался не слишком верен ей. Анне следует быть осторожной: она уже победила, но она ещё жива, и эту победу не раз придётся оспорить. Ещё немного — и она графиня Хоффман, а не безродная девица из Истленда. Отец всегда говорил, что сестра Анны, Маргарет, куда более красива, куда более одарена природой, но именно Маргарет до сих пор остаётся просто девушкой, просто дочерью мелкого дворянина Истнорда, и подняться с этой ступени ей суждено не раньше, нежели миры вновь соединятся.

Гораций тоже стоит рядом. Он единственный, кто не говорил о ней дурно, когда она вдруг смогла вырасти из очередной девочки, которая понравилась графу Хоффману, в девушку, готовую бороться за своё счастье до конца. Он — её единственный друг из всех людей, стоящих в соборе. И порой Анне казалось, что он единственный, кроме неё, кто действительно рад этой церемонии. Гораций улыбается и что-то шепчет. И девушке удаётся прочесть по губам, что он поздравляет её с тем, что она таки добилась своего. Она улыбается. Юта держит за руку герцога Бейнота и почти смеётся. Ей всего одиннадцать, она ещё является ребёнком, неиспорченным всеми этими низкими интригами, всеми этими дрязгами...

Граф подаёт ей руку. Анна чувствует, как сердце её переполняется радостью — она так ждала этого дня, когда сможет идти с ним рядом, не вызывая такого количества насмешек у людей. Минуту спустя они уже идут через толпу тех, что стояли в соборе во время обряда бракосочетания. Хор поёт молитву Великому богу, а Анна и Георг всё идут. Отворяются двери, и молодые оказываются уже на улице. Теперь всё остальное будет простой формальностью. Граф поедет в министерство, чтобы поставить печать в документе, утверждающем их брак, получит разрешение от министра, уже никому не нужное. Единственное, что может король в этой стране, так это благословлять своих подданных на брак. Это единственное право монарха, которое тот может исполнить в любой момент и в любой ситуации и которое не может оспорить министр.

А потом будет праздник: пир в честь Анны, только её, а не кого-то другого. Впрочем, девушке кажется, что вся эта пышность уже не так нужна. Главного она добилась. Остальное — лишь приложение. А сейчас Хоффман отвезёт её домой, туда, что сегодня окончательно стало её домом, по закону, по праву, там она переоденется и, пока граф поедет выяснять эту мелочь в министерстве, немного отдохнёт. И то, что Георг едет сейчас к господину Делюжану, кажется Анне приятной мелочью. Была бы она теперь женой мелкого дворянина, такого бы не потребовалось, а так... ему следует убедить Палату министров в том, что он действовал сознательно и что Анна не является ведьмой. Странно... В этом, как и во многих других, королевстве так плохо относятся к магии... К магии, которая сильнее обычных бытовых заклинаний. Говорят, в соседнем королевстве, с которым сейчас ведётся война, магию, наоборот, чествуют и очень даже любят. Или любили? Так же Георг почему-то упоминал, что война скоро будет закончена. Только из-за того, что королём там стал теперь мальчишка? Неужели только из-за этого? Анна едва смогла тогда не сбежать с того приёма. Сразу видно, что новый король — простолудин. Не умеет ни говорить, ни даже хотя бы просто улыбаться, чего требует от монарха элементарная вежливость!

— Моя дорогая, — не спеша произносит Хоффман, когда они уже сидят в карете. — Моя дорогая Анна. Теперь ты моя супруга, и я хочу кое-что подарить тебе.

Анна удивлённо смотрит на него. Что он ещё может подарить ей? Она, конечно, слышала, что граф баснословно богат, но она также слышала, что он не любит разбрасываться деньгами. В отличие от многих придворных. Даже свадьба была куда менее пышной, нежели, например, у графа Речмона, хотя тот был куда менее состоятелен. И даже та церемония, достаточно пышная для Анны, девушка была уверена, была устроена только для того, чтобы не выглядеть совсем уж странно в глазах двора. Что он хочет подарить ей?

— Анна, ты говорила, что твой брат Леон бедствует, не так ли?

Девушка лишь кивает в ответ. Леон был единственным по-настоящему родным и близким человеком, он был единственным, кто поддерживал её, кто любил её. И у него также были не лучшие отношения с их отцом. Анна помогала ему, чем могла, но у неё тоже денег не было; всем, что ей было нужно, обеспечивал граф Хоффман, но он никогда не давал ей именно денег. Всё покупал сам.

— Бедствует, — тихо произносит Анна. — Ты же знаешь, у него плохие отношения с нашим отцом, а из-за того случая... при дворе его не принимают.

Граф кивает. Конечно, он прекрасно знает всё это, девушка сама всё ему рассказывала. Когда просила денег. Денег он так и не дал, и то, что он вспомнил обо всём этом теперь, спустя три месяца, было немного странно. Леон всегда был вспыльчив, всегда совершал необдуманные поступки, всегда сам расплачивался за них. Ему было двадцать три года, и за свою амбициозность, за свою резкость, за свою поспешность он уже успел получить не самую лучшую репутацию. Анне ли не знать про всё это? А ещё он никогда не умел просить прощения. Наверное, это было семейным — Анна тоже не могла заставить себя прийти к отцу первой. Но Леон к тому же никогда не умел вовремя остановиться. И если Анна, поссорившись с отцом, хотя бы не наговаривала тому лишнего, то Леон высказал всё, что тогда думал. В итоге, если дочери лорд Томас Истнорд всё же каждый месяц присылал определённую сумму денег, на которую она могла бы жить бедно, но всё же, Леону не досталось ничего. Он даже потерял своё право по рождению наследовать небольшое поместье Истленд. Теперь поместье переходило младшему брату Анны, Ричарду, пятнадцатилетнему мальчику, который, конечно, заслуживал этого всего, но не ценой бедствования Леона.

— Скажи своему братцу, что, если он сможет прикусить ненадолго свой язычок, я найду ему место в Палате лордов, — резко говорит Хоффман. — Но ему следует научиться молчать. Куда более важные фигуры, нежели он, умеют вовремя заткнуться. Поверь, если он будет вести себя так же, как он повёл себя года два назад на заседании суда по разводу брата короля, то его голова не будет долго находиться на его шее...

Анна вздрагивает. Мысль о том, что её брата могут казнить, кажется девушке настолько страшной, что она вмиг забывает то ощущение радости, что охватывало её сегодня. Она обеспокоенно смотрит на графа. Тот снова спокоен, из его взгляда ушло страшное выражение, которое она увидела несколько секунд назад. Анна никогда не видела его таким, теперь она понимает, почему Маргарет называла Георга зверем, почему она так плакала, возвращаясь от него однажды. Но если бы Анна была так же пуглива, как и Маргарет, она бы не вышла за него замуж сегодня. Но его недавние слова не могут оставить её равнодушной: Леон ничем не заслужил того отношения к себе, которое к нему существует при дворе сейчас, он всего лишь глупый мальчишка, он всего лишь идеалист, которому кажется, что

ему всё по силам...

Но другого выхода у девушки сейчас нет: её глупый братец погибнет, если она сейчас не согласится на предложение графа. Он либо умрёт с голоду, что тоже возможно, даже несмотря на то, что Анна постарается хоть как-то обеспечивать его деньгами и даже помириться с отцом, что будет для неё не слишком лёгкой задачей, либо, в конце концов, сам себя убьёт. Анна не переживёт этого.

— Я скажу ему, — бормочет она. — Ты ведь присмотришь за ним? Не хочу, чтобы он натворил глупостей...

Хоффман кивает. Девушка чувствует себя чужой сейчас рядом с ним, он слишком холоден к ней сейчас, хоть, она видит это, пытается скрыть это за обычным своим спокойствием. Почему-то именно сейчас Анне хочется выскочить из кареты, пойти пешком, не видеть прямо перед собой этого равнодушного лица. Она чувствует свою победу, но ей кажется, что её поражение настолько близко к ней, что вся радость от победы исчезает... Стоит только посмотреть человеку, который теперь называется её мужем, в глаза, вся радость моментально уходит. Анна чувствует, что начинает отчего-то бояться его. Он куда более могуществен и влиятелен, нежели она. Одно его слово — и брак будет аннулирован. И в лучшем случае она после развода уедет обратно к себе в поместье совсем без денег, а возможно, и с огромными долгами. Страшно даже подумать, что может быть в худшем случае.

До дома графа всю дорогу они едут в полном молчании. Георг молчит, он просто не хочет что-либо говорить, считает это ненужным, лишним, Анна прекрасно видит это, и от этого девушка чувствует себя куда более уязвимой, куда более беспомощной, быть может, поговори она с ним сейчас, на душе у неё стало бы куда более спокойно, но... Сказать что-то против его воли она не смеет. Граф, быть может, и поощряет её резкие высказывания в адрес некоторых важных особ, но она должна понимать, что это только потому, что он и сам такого же мнения обо всём этом. Сказать что-то против него — самоубийство, Анна прекрасно знает это. Кто она такая? Бедная девушка из провинции, которая не имеет ничего. И кто он? Он и так ей позволяет слишком многое, она должна помнить это. Гордость шепчет ей, что она должна воспротивиться, показать, что она не боится его, но разум говорит совсем другое — любое неосторожное слово, и её голова покатится по ступенькам Старого королевского дворца. А ей ещё столь многое нужно сделать... Она ни за что не простит себя, если этого не сделает. И Анна молчит. Быть может, думается ей, через какое-то время она сможет сказать хотя бы что-то. Быть может, когда-нибудь её положение станет немного менее шатким... А пока... Она должна поговорить с братом. Если он сделает всё так, как нужно, их положение при дворе укрепитя, и отец намного быстрее простит их обоих. В отличие от брата, Анна была убеждена, что, как только они получают хоть какое-то влияние при королевском дворе, отец сам прибежит просить у них прощения. Ну не сможет он оставаться в стороне, видя, что его дети чего-то добились! Ну не такой он человек...

Анна не помнит, как собирала вещи, как они с братом выскакивали из дворца, как выехали за пределы этого королевства... Сейчас им осталось совсем немного до того момента, как они снова окажутся в доме отца. Там всё-таки куда безопаснее, нежели при дворе. Королева отравила своего мужа, а Анна находилась в числе её фрейлин, и, если бы Леон тогда не перепугался за них обоих, сейчас мадемуазель Истнорд горела бы на костре вместе с остальными фрейлинами, а её брату отрубили бы голову, как родственнику одной из них... Анна не понимает, как Леон сумел среагировать так быстро. Она всё ещё

пробывала в шоке из-за столь неожиданной кончины короля.

Анна сидит в небольшой комнатке деревенской гостиницы, где её брат решил остановиться, чтобы переночевать. Подумать только: они не спали три дня, так торопились уехать оттуда. Но сейчас девушке не спалось. Было уже поздно, сама она так устала, но спать не хотелось совсем. Леон вошёл в её комнату бесшумно, как входил всегда, но на этот раз Анна почему-то вздрагивает, когда он осторожно берёт её руку в свои ладони.

— Теперь всё хорошо, — шепчет Леон. — Теперь всё хорошо... Мы скоро будем дома...

Анна молча кивает. Она прекрасно понимает, что её брат прав, что ещё чуть-чуть, и весь этот кошмар, наконец, закончится, но что-то говорило ей, что всё не так просто. Например, откуда её брат узнал обо всём этом? Откуда? Сама Анна не знала этого, хоть и была одной из приближённых к королеве.

— Как ты узнал так быстро? — выдыхает она. — Как? Я узнала, что король мёртв только тогда, когда мы пересекли границу...

Леон молчит. Анну гложет странное предчувствие чего-то нехорошего. Откуда Леон всё узнал? Короля отравила королева Риделт, все прекрасно знали об этом теперь. Говорили, она ненавидела своего супруга. Ещё бы! Ему было шестьдесят, а ей немногим больше двадцати! Её выдали замуж насильно, и она чувствовала себя просто ужасно в чужой стране... А ещё у неё сложились крайне непростые отношения с принцем Уиллом. Анна и сама не любила принца: выскочка, франт, лжец, повеса, он приставал ко многим фрейлинам, и этим королева была очень недовольна. А король Карл тогда лишь рассмеялся её недовольству. Риделт была чужестранкой. Как и Анна. Девушка прекрасно понимала Её Величество, а та изо всех сил старалась сохранить в своём окружении девушку, которая тоже не принадлежала тому королевству. С подачи принца Уилла всех фрейлин Риделт, что прибыли с ней, отправили домой, королева теперь не имела права сама выбирать их. Анну туда устроил отец. Вместе с сестрой, Маргарет, но та скорее являлась фавориткой Уилла, нежели фрейлиной королевы. Риделт не могла держать при себе девушку, которая тесно общалась с ненавистным ей принцем. И Маргарет скоро покинула двор и вернулась домой.

— Ты знаешь, я служил у младшего принца, — тихо произносит Леон. — У Чарльза. И тот как-то сказал, что Уильям не хочет ждать момента, когда их отец умрёт своей смертью.

Анна вздрагивает. Да, старик-король страшно надоел всем, но Уилл всегда старался казаться всем любящим сыном, который никогда бы и подумать не посмел об убийстве своего отца. Девушка сама больше верила тому, что короля могла отравить Риделт, у той, казалось, причин для этого было куда больше. Но то, что это знал и Чарльз, терзает её ещё больше. Младший принц казался куда более порядочным человеком. Наверное, стоило помнить слова отца о том, что при дворе порядочных людей просто нет, но Анне казалось, что всё не так плохо, что есть ещё честные, добрые люди, но...

— Короля отравил Уилл? — спрашивает девушка тихо.

Ей самой не верится в это. Уилл, конечно, человек с трудным характером, но, насколько она помнила, даже в самых спорных ситуациях особой подлостью он не отличался. Да, он постоянно лгал, постоянно совершал действия, от которых девушке хотелось его убить, но... Всё-таки, как ей казалось, настолько уж плохим человеком он не был. Просто потому, что он сделал бы это уже давно. Когда возникли его проблемы с Риделт? Насколько Анна помнила, они начались с приезда той во дворец. Он был на два года старше своей мачехи и искренне ненавидел её за то, что та стала заменой его матери для отца. Это можно было понять. Девушка была уверена, что и сама бы не приняла мачеху, если бы их с Леоном мать вдруг

умерла, а отец захотел жениться вновь...

Леон только качает головой. Анна не понимает этого. Она удивлённо смотрит на брата, ей хочется, чтобы он быстрее рассказал ей всё, что знает, а в том, что парень ведает куда больше, чем она, сомневаться уже не приходится. В голове всё идёт кругом, понять, что происходит, довольно трудно.

— Нет, короля убил Чарльз, — произносит Леон шёпотом, это почти приходится читать по губам. — Он не наследник, все подозрения пали бы на Уильяма. Должны были пасть. Но Уилл среагировал быстрее и обвинил в смерти короля королеву...

Анна вздрагивает в который раз за этот вечер и прижимается к брату: тот не оставил её сейчас, тот позаботился о ней... Девушка больше чем уверена, что человека ближе у неё никогда не было и никогда не будет...

— Я никогда не думала, что принц Чарльз такой... такой... Я никогда и подумать не могла, — бормочет Анна, — и подумать не могла, что это всё может случиться...

Девушка тяжело вздыхает, она почти готова зарыдать, но ещё держится. Это происшествие не могло не сказаться на ней, она оказалась практически в эпицентре всех этих чёртовых событий... Брат с жалостью смотрит на неё, он прекрасно помнит, как его сестра смотрела на младшего принца, он вполне может сказать, что его сестра была влюблена в Чарльза, но понимает, что говорить этого ей сейчас совершенно не нужно, это приведёт не к самым лучшим последствиям.

— Я тоже никогда не думал, что он способен на такое, — произносит он тихо. — Анна, ты же знаешь, я никогда не оставил бы тебя одну. Я всегда буду на твоей стороне, сестрёнка. Я всегда буду поддерживать тебя.

Девушка кивает. Она прекрасно знает это. Брат — единственный человек, что всегда был рядом с ней. Единственный... Анна не понимает, что творится с ней; всё это произошло слишком быстро, всё это изрядно утомило её, она никогда не сможет забыть этого. Даже если очень захочет.

Леон не хочет даже слушать её, Анна готова закричать, но помнит, что криком от её брата ничего не добьёшься. Он считает, что являться членом Палаты лордов и не говорить то, что он действительно думает обо всех реформах, обо всех законопроектах, позорно, и Анна почти готова с братом согласиться, но прекрасно помнит, что другого выхода у них просто нет: сейчас решается судьба Леона, и если он не сможет хотя бы на время смирить себя и подчиниться воле людей, стоящих выше них, то они оба погибнут, а допускать этого нельзя ни за что нельзя. Новоиспечённая графиня Хоффман готова разрыдаться, но этого гордость ей не позволяет. Теперь она не просто девушка из Истленда, теперь она является женой самого богатого человека в королевстве и человека, которого по влиятельности превосходит только Делюжан, теперь Анна просто обязана держаться достойно, чего бы ей не хотелось на самом деле.

— Это единственный выход, — произносит она строго, — и ты знаешь это.

Леон резко поворачивается к ней, слишком резко, девушка никак не могла ожидать этого. Дышать от напряжения становится всё тяжелее. Анна хочет сказать что-то, но брат так смотрит на неё, что все слова исчезают из головы, что говорить ничего уже и не хочется. Только умолять, просить его одуматься... Зная, что всё это совершенно бесполезно. Анна встаёт. Ей кажется, что стоя говорить с ним будет куда проще.

— Единственный?! — кричит он. — Единственный выход спасти мою жизнь — отказаться от моей чести?!

Анна бледнеет. Ей так хочется заплакать, кинуться на шею брату, начать умолять, как она делала это раньше, но что-то теперь не позволяет сделать так. Всё теперь будет по-другому... Всё. Возможно, и её отношения с братом станут другими. Как бы прискорбно это не звучало.

— Я не прошу тебя отказаться от твоей чести, — как можно холоднее произносит Анна. — Я прошу тебя быть благоразумнее.

Леон смотрит на неё теперь с такой злобой, что девушка готова отшатнуться от него. Она боится своего же брата. Брата, который всегда был для неё всем. Почему же так получается? И Анне вдруг вспоминаются слова королевы Риделт: «Простая девушка может не бояться ничего, но королева будет бояться всего». И только сейчас до неё доходит, как же права была покойная женщина...

— Быть благоразумнее?! — кричит Леон. — Благоразумнее?! То, что у вас, женщин, называется «быть благоразумнее», у мужчин называется бесчестьем!

Анна вздрагивает. Брат никогда раньше не кричал на неё. Она не помнит ни одного раза, когда он посмел бы повысить на неё голос, а теперь? Неужели всё будет настолько иначе, нежели раньше, что даже самый близкий ей человек станет чужим... Девушка пытается схватить брата за руку. Как раньше... Обычно он всегда переставал сердиться на неё в таких случаях, обычно они после этого просто смеялись над тем, насколько глупой была их ссора. Но на этот раз парень не даёт прикоснуться к себе. Анна удивлённо смотрит на брата.

— Я думал, что ты не похожа на других женщин. Видимо, я ошибался, — произносит Леон с таким презрением, что девушка уже не может выдержать. — Ты такая же беспринципная тварь, как и они.

Какой-то хлопок. Новоиспечённая графиня Хоффман сама не сразу понимает, что случилось; только через минуту, вдруг увидев, что щека её брата начинает краснеть, она, наконец, понимает, что именно произошло. Она сама не ожидала от себя такого. Не в силах больше смотреть в удивлённые глаза брата, она быстро выходит из комнаты. Анна не сможет выдержать ещё каких-то упрёков. Только не от Леона. Девушка уже готова разрыдаться. Она не слышит, как брат зовёт её, не видит вопросительных взглядов слуг... Анна спускается по лестнице; мысль о том, что её мужу стоит заменить витраж здесь, немного отвлекает её от ссоры с братом.

В проходе она сталкивается с самим графом. Тот, увидев, в каком состоянии сейчас его жена, кажется, удивился. Ещё час назад всё было так хорошо, думается Анне. Она сидела в главном зале за столом рядом со своим мужем. Тот снова расхваливал её, снова смотрел на неё весело, вовсе не равнодушно, её настроение снова начало улучшаться, а потом... Трудный разговор с братом. Леон всегда обладал не самым лучшим характером. С самого детства. Мама часто жаловалась на это. Да и все, кто хоть как-то общался с её братцем. Хоффман удивлённо смотрит на неё и когда она проходит мимо, и когда направляется в свою спальню. Ей просто хочется отдохнуть. Ей просто хочется разрыдаться. Только теперь она не имеет права плакать на людях...

— Анна? — спрашивает граф. — Анна? Что случилось? Твой брат?

Девушка уже не в силах держать себя в руках, она кивает и подносит руку к лицу. В глазах скапливаются слёзы, сдерживать их уже практически невозможно. Ком, что подступает к горлу, уже не даёт ей нормально дышать. Анна чувствует, что задыхается. Девушка всхлипывает и прижимается к графу, который, видимо, совсем не ожидал этого.

Она уже просто ревёт, она пересказывает ему весь разговор с Леоном, а он лишь внимательно слушает её, не произнося ни слова.

— Твой брат — глупый избалованный мальчишка! — говорит Георг холодно, в его голосе чувствуется отношение к Леону, отвращение, которое всегда присутствовало. — Я сам поговорю с ним. Я, между прочим, как-то тебе говорил, что с твоим братом следует обращаться куда более строго, нежели ты с ним обращаешься.

Анна только кивает и крепче прижимается к Хоффману. Тот обнимает её. И так терпеть боль от этой обиды легче, так девушка чувствует себя не такой одинокой. Анна не понимает, за что брат сказал ей это. Она не понимает, почему ударила его. Ей кажется, что вот-вот всё, что было хорошего в её жизни, начнёт рушиться. Конечно, она помнит, как он говорил ей это, помнит и то, как она обиделась тогда. Ей и сейчас кажется, что ей не следовало давать Леону пощёчину, ей и сейчас кажется, что она просто не имела права на это. Она младше его на два года, но с самого детства она играла роль скорее старшей сестры, нежели младшей.

Граф помогает ей дойти до дивана, помогает сесть, зовёт какую-то служанку, чтобы та принесла его супруге воды, а Анна в это время просто плачет. Быть может, все слёзы, что накопились в ней за эти пять лет, вырвались теперь наружу. Анна соображает сейчас слишком смутно, но даже этого хватает, чтобы подумать о том, что, возможно, не произошёл с ней столько всего за последние года, среагировала бы девушка куда менее бурно. Быть может, скажи ей он это лет шесть назад, Анна бы просто надулась и пожаловалась отцу на то, что брат её обозвал. Если бы это случилось шесть лет назад... Но это произошло сегодня, сейчас, в день её свадьбы, в день, которого она так ждала последний год... Хоффман встаёт с дивана, целует её в лоб и идёт к двери. Говорить с Леоном, догадывается девушка...

— Он обещал никогда не оставлять меня одну... — бормочет Анна, когда граф выходит из комнаты.

Теперь, в этой комнате, она почему-то особенно остро чувствует себя одинокой. Такого не было никогда в её жизни. Только сегодня. В день, который, как ей казалось, должен был стать самым счастливым для неё...

Комментарий к II. Глава четвёртая. День, который должен был стать самым счастливым.

* Ария — Я не сошёл с ума

===== II. Глава пятая. Удача — один из основных компонентов успеха.

=====

Мой мир огромен,
А я так скромн.
Вся жизнь спектакль —
Я в ней актёр.
Актёр-лицедей,
Добряк и злодей,
Не ради людей,
А ради искусства
По жизни играю,
Я все секреты ваши знаю.
Вы в зале сидите,
И ваши нервы — словно нити,
Надёжно пришиты

К пальцам моим...
Вас обманули,
В грязь окунули.
Об этом вскоре
Узнают все.
Придворный актёр
Умён и хитёр.
Я тут с давних пор.
Насквозь я вас вижу.
Угрозы, насмешки,
Короны примеряют пешки,
На лицах отметки,
Что все они марионетки.
— Эй, куклы! Бегите!
Ешьте меня! Вот он я!
Я роль — вы сюжет.
Прольём миру свет!
Кто прав, а кто нет —
Пусть судят другие!
Угрозы, насмешки,
Короны примеряют пешки.
Уколы их метки,
Но все они марионетки.
— Эй, куклы! Бегите!
Ешьте меня! Вот он я!
Передо мною вы сидите,
И ваши нервы — словно нити,
Надёжно пришиты
К пальцам моим... *

Человек — странное существо, ему постоянно чего-то не хватает, ему постоянно всего мало, сколько бы дано ему не было. Человек — странное существо, забывающее своих благодетелей, а то и свергающее их в бездну, не чувствуя ни малейших угрызений совести... Человек — странное существо, способное мучиться из-за мелочи и не переживать из-за чего-то серьёзного... И маги являются почти людьми. Ближе всего маги стоят именно к людям. Не к вампирам, эльфам или сильфидам, а именно к людям. Внешне те и другие ничем не различаются, ничем, и, если, увидев вампира, эльфа или сильфиду, можно сразу понять, отличается ли стоящее перед тобой существо от тебя самого, то, увидев перед собой мага, человек вряд ли сможет понять, отличается ли от него чем-то собеседник.

Вэлэриу Грацеда ненавидел и людей, и магов. Первые были низшей ступенью развития цивилизации, а вторые считали себя высшей. Подумать только! Высшая ступень развития цивилизации! Просто везунчики, которым удалось сохранить и человеческий облик, и разум, и обрести магию... А кем были вампиры? Промежуточным звеном? Неудачным экспериментом? И почему так считалось?

Герцог с презрением смотрел на мальчишку, сейчас умирающего из-за своей неосторожности, из-за своей глупости. Подростку было около четырнадцати лет, и он

просил старого вампира помочь ему, тянулся к нему, цеплялся за свою жалкую жизнь обеими руками, хватался за малейший шанс выжить. Герцог презрительно усмехался, глядя в глаза этому глупому ребёнку. Из-за чего он так хочет жить? Разве жизнь в этом подвале, когда в любую минуту тебя могут разобрать на запчасти для «совершенного организма», когда в любую минуту всё может закончиться куда более мучительно, нежели сейчас, лучше смерти, пусть и не самой лёгкой? Разве не проще отпустить сейчас свою жизнь? Отпустить, как это сделала девочка, которую притащил Хоффман тогда... Разве так не проще? Грацеда равнодушно смотрит в глаза подростку, тот умоляет, не отводит взгляда, и старому вампиру кажется, что мальчик не понимает, что, смотря вампиру в глаза, он только приближает свою смерть, а не отдаляет ее. Или просто хочет умереть скорее? Видеть, как кто-то бьётся в агонии — что может быть увлекательнее?

Мальчишка тянул руки к герцогу, пытался что-то сказать, но силы уже покинули его, он мог только шевелить губами... Просить о пощаде... Как глупо! Насколько жалко это выглядело! Вот за это старый вампир тоже ненавидел людей и магов — они могли просить, умолять, позабыв о гордости, а могли стоять на своём, забыв о разуме. Эти существа были не слишком логичны... Они нарушали собственные законы, будто бы те были созданы именно для того, чтобы их нарушали, они плакали и смеялись невпопад, боялись каких-то мелочей и всегда страстно хотели жить. Жить! Порой вампиру казалось, что только эти существа именно жили. Жили, забывая о здравом смысле, подчинялись только себе самим, собственным желаниям, прихотям, слабостям... Только люди и маги говорили о слабостях как о чём-то обычном для каждого, как о чём-то просто необходимым. «Слабости нужны, чтобы бороться с ними или потакать им», — говорил Хоффман как-то тому мальчишке Мердофу.

— До чего же ты жалок! — усмехается Грацеда. — Цепляешься изо всех сил за возможность жить... Для чего тебе сдалась эта жизнь?

Герцог пинает подопытного под рёбра. Мальчик шипит от боли, а Вэлэриу Грацеда готов уже хохотать: чего добивается этот подросток? Тот раствор, который был введён ему, уже начал действовать, а это означало, что дороги назад нет. И герцогу хочется ещё раз сказать мальчишке, что те, кому был введён раствор, умирали в страшных муках, и сделать ничего уже нельзя. Слишком поздно.

Подопытный снова пытается что-то сказать, но тщетно — голос у мальчика уже давно сорван. Грацеда чувствует, что наблюдает за страданиями этого подростка с каким-то удовольствием. Он уже много раз видел, как умирали те, кому был сделан укол с препаратом, который разрабатывал Хоффман. Только в этот раз было что-то новенькое — на руках и лице ребёнка будто начала трескаться кожа, герцог не ожидал такого и вряд ли мог ожидать: лица всех подопытных чернели, глаза застилала белая плёнка, никто из них не смотрел на него так... Этот взгляд раздражал, и старый вампир ещё раз пнул мальчишку. Но тот как будто этого уже не чувствовал. Герцог ощущал, как улыбается — никто из подопытных ещё не переживал этой инъекции. Снова посмотрев на подростка, вампир с удивлением увидел, что тот ещё жив: мальчишка корчился от боли, но не издавал ни звука. Просто не мог. Ребёнок будто сотрясался от беззвучных криков, по лицу его текли слёзы. И герцог вдруг не выдерживает. Зовёт мисс Леманн — это она должна отвечать за «нестандартные случаи», а не старый вампир. Грацеда сам не понимает, как он мог так долго стоять и наблюдать, как кто-то умирает просто из-за чей-то прихоти, не понимает, как он мог так равнодушно смотреть на всё это и не пытаться помочь... Такого раньше никогда

не случилось... Герцог вампиров был беспощаден к врагам, но бессмысленно жесток он не был никогда. София прибегает быстро. Она удивлённо смотрит на ребёнка, лежащего на полу.

— Это не совсем то, чего мы добиваемся, но уже ближе, чем то, что было раньше, — бормочет она. — Как его имя?

Грацеда вдруг ловит себя на том, что пытается поймать ртом воздух, который так внезапно вышибло у него из лёгких. Он даже не знает имени этого ребёнка, накатывает осознание. Он не ведает даже номера, под которым его знают София и остальные. Он издевался над мальчишкой, не зная его имени.

— Тысяча триста девяносто пять! — выкрикивает вдруг подопытный.

София оборачивается. Голос у мальчишки охрипший от долгого крика, Грацеда чувствует себя виноватым за тот час страданий этого подростка, который герцогу довелось увидеть. Будто это он, а не граф Хоффман, изобрёл этот препарат, будто он, а не Кримхилд Нойман, вколол его... Старый вампир одёргивает себя. Не хватало ещё оправдывать самого себя за этот проступок! Про себя Вэлэриу Грацеда отмечает, что виноват он в том, что равнодушно смотрел на то, как умирает ребёнок, и в том, что дважды ударил его.

— Тысяча триста девяносто пять, значит? — бормочет София, записывая что-то в свой блокнот.

Грацеда удивлённо смотрит на девушку, наверное, тем, за что ту уважал Хоффман, была именно эта её привычка — записывать всё и всегда. Мисс Леманн нигде не появлялась без ручки и тетради, она записывала каждую мелочь, видимо, этим она и понравилась графу, который хотел видеть и слышать всё, что касалось его подчинённых. Герцог не любил эту девушку: она была несколько вздорной, никогда не признавала своих ошибок и почему-то не хотела признавать, что ей не место в «правлящей верхушке» организации. Вэлэриу Грацеда не понимал, почему эта девчонка вообще посмела вылезти. Она должна была сидеть дома, возиться с детьми и заниматься домашним хозяйством, а не бегать по лаборатории и записывать всё и везде. София смела спорить с ним, смела говорить то, что ей хотелось, она, казалось вообще не хотела признавать, что должна вести себя совсем по-другому. Герцога раздражало это. Девчонка не должна была находиться здесь. Она должна сидеть дома и не высовываться оттуда. То, чем она занималась, было не женским делом, и старого вампира сильно раздражало, что она лезла туда, куда не следовало.

Вампир злится на эту девчонку. Она помогает тому мальчику подняться на ноги, помогает ему дойти до двери, тот, это видно, старается идти сам, старается не показывать, что ему тяжело. Дурак! Неужели он думал, что, раз выжил сейчас, останется на этом свете и дальше? Мисс Леманн с укором посмотрела на герцога, когда подошла к двери: ей не открыть её сейчас, когда беспомощный мальчишка фактически повис на ней, но Грацеда стоит в стороне.

— Ваша Светлость, — спрашивает София не слишком довольной, — не могли бы вы мне помочь?

Вэлэриу Грацеда молча подходит ближе, зло толкает дверь и следит за тем, как мисс Леманн вытаскивает этого мальчишку из комнаты, где они находились. Кровь подопытного капала на пол, но девушка, казалось, не замечала этого. Привыкла не замечать. Сколько смертей было на её счету? Больше, чем у кого-то другого, кто присутствовал здесь...

— Мисс Леманн, вы согласились участвовать в судебном процессе против вашего отца, — произносит герцог с отвращением, которого и не пытается скрыть. — Вас не мучает

совесть, что, благодаря вашим показаниям, его приговорили к смерти?

София качает головой. Девушка не останавливается, она помогает тому мальчишке дойти до комнаты, отдаёт его какой-то сильфиде, чтобы та отнесла его в отдельную палату, даёт какие-то указания. Старому вампиру кажется, что девчонка просто игнорирует его. Герцогу кажется, что впервые он презирает кого-то настолько сильно. Эта девушка выводила его из себя. Насколько нужно быть подлой и низкой, чтобы оклеветать родного отца? В том, что тот человек был невиновен, вампир не сомневался хотя бы потому, что отметал даже мысль о том, что София говорила правду.

Когда они, наконец, остаются наедине, когда сильфида и подопытный уже ушли, мисс Леманн достаточно резко поворачивается к коллеге, по её взгляду видно, что одно упоминание о том человеке вызывает в её душе бурю эмоций; девушка тяжело дышит, ей с трудом удаётся держать себя в руках, по взгляду Софии можно понять, что эта тема ей неприятна, что она хочет поскорее забыть об этом разговоре. Вампир внимательно смотрит на девушку. Взгляд этих внимательных серых глаз впервые не кажется ему не слишком приятным. Она смотрит так, как смотрела любая девушка, которой пришлось проделать полный трудностей и боли путь, которая едва ли знала о том, что такое семейное счастье и всё, что было связано с этим.

— Он мне не отец! — со злостью выплёвывает мисс Леманн. — И он заслужил куда более мучительную и позорную смерть, нежели повешение!

Сказав это, девушка быстро делает книксен, будто торопясь, и уходит. Так, будто своим замечанием герцог мог обидеть её. Вампир смотрит ей вслед, ему кажется, что он сказал что-то из того, чего говорить не следовало, но он не понимает, что именно. Возможно, конечно, стоило лучше избежать человеческие обычаи, но раньше герцогу казалось, что обычаи вампиров и людей в чём-то схожи, хоть и различаются в некоторых вещах. Вероятно, тут они тоже как-то различались, хоть Грацеда и не совсем понимал, в чём именно. Вроде бы всё было так, как нужно, но почему тогда София Леманн так зло на него смотрела? Нет, она, конечно, всегда смотрела на него несколько раздражённо, но в её взгляде никогда не было обиды вроде той, которая мелькнула минуту назад, и Грацеда не понимал, почему...

В своём кабинете девушка чувствует себя куда спокойнее, нежели рядом с отчимом. Тот превращал её жизнь в ад на протяжении долгих десяти лет, а когда она посмела выступить против него, обещал уничтожить. Девушка куда больше хотела бы жить с отцом: тот, хоть и бедствовал и иногда выпивал, был, во всяком случае, родным, да и вряд ли он был настолько жестоким, как господин Леманн. Мама взяла его фамилию и настояла на том, чтобы дочь тоже носила фамилию ненавистного девочке человека. А что она могла сделать тогда? Ей было всего десять лет, и по закону она ещё не имела права выбирать... тогда. София была уверена, что сменит фамилию на отцовскую, как только достигнет подходящего возраста. Но не сейчас. Сейчас она думает о том, что, если оставит фамилию отчима, сможет отомстить ему за все те страдания куда более изощрённо.

В соседнем помещении слышна музыка. Кто-то играет на рояле. Девушка усмехается, вспоминая о том, как её отец, не слишком популярный композитор, пытался научить её играть на фортепиано... Счастливые были времена! София обязательно найдёт его, как только сможет разобраться с ненавистным мистером Леманном. Девушка поднимается и идёт в соседнюю комнату, ей хочется увидеть, кто это играет, хочется просто посидеть рядом, как она делала когда-то в детстве...

Человек сидит спиной к ней, и его лица она не видит. Одет он в ту же тёмно-серую

форму, что и все люди в организации, занимающее положение более значимое, нежели «медсестра». София осторожно присаживается, стараясь не отвлекать этого человека от игры. Она не хочет, чтобы он останавливался сейчас. Человек играет что-то быстрое, но не слишком бурное, и сама мелодия кажется девушке чем-то очень знакомым, но вспомнить, что это, она не может. Произведение заканчивается, и София уже думает, как бы ей оправдать себя в том, что она зашла, не постучавшись, и слышала то, что не было предназначено для её ушей, но начинает звучать другая мелодия. Музыка эта уже менее быстрая, хоть назвать её медленной тоже нельзя, и... София не знает, можно ли назвать эту мелодию спокойной...

Она не помнит, сколько сидит, хотя, наверное, совсем недолго, но ей хватает этих нескольких минут, чтобы немного успокоиться, забыть о том разговоре с отчимом, от которого она до сих пор не могла отойти... Человек заканчивает играть и поворачивается к незваной гостье, лица его девушка не видит — она не может заставить себя смотреть этому человеку в глаза — и до сих пор не знает, кто это.

— Иоганн Себастьян Бах. Прелюдия и фуга, до минор, — произносит человек тихо, словно ставя точку в своём выступлении. — Понравилось, Софи?

Девушка вздрагивает от неожиданности: она прекрасно знает, кому именно принадлежит этот голос, удивлённо смотрит на человека, который только что играл на фортепиано, и, сама от себя этого не ожидая, вдруг вскакивает и выбегает из комнаты. Под смех пианиста, которому, кажется, эта ситуация только нравится. София уже не слышит этого, она просто бежит по коридору. Девушка впервые в жизни чувствует себя настолько неловко, что ей хочется провалиться сквозь землю, только чтобы никогда не услышать очередной шутки этого человека, а, учитывая всю неловкость этой ситуации, почву для шутки она дала сама, просто не подумав о том, чем может обернуться эта её сентиментальность и невнимательность.

София готова разреветься из-за такой глупости со своей стороны, но позволить себе ещё и этого она не может точно. Кримхилд Нойман, проходящая мимо, замечает странное поведение коллеги, но не произносит ни слова, только едва заметно усмехается, из-за чего мисс Леманн становится ещё обиднее.

Леон вздрагивает от неожиданности, когда чья-то рука ложится ему на плечо, и он слышит раздражённый голос человека, которого хотел бы убить только за то, что тот стал мужем его сестры. Как она могла выбрать себе в мужа такого подлеца? Леон зол на неё за это. Парень не слышит, что говорит ему Хоффман, да и не хочет он этого слышать. Что может сказать ему этот человек? Да ничего нового! Граф, кажется, понимает, что брат его жены слушать его не собирается, и решает поступить по-другому. Леон чувствует, как его резко разворачивают, чувствует, как ударяется он спиной о стену... Георг Хоффман смотрит ему прямо в глаза, и, нужно сказать, Леон уже немного жалеет, что не слушал его минутой ранее. Граф зол. Видимо, ему так нужен человек в Палате лордов, что он готов силой затащить туда брата своей жены. Что же... Парень никогда не доставит ему этого удовольствия. Он скорее умрёт, чем отступится от своих принципов.

Хоффман будто видит его мысли, он хищно шурится и, Леон не ожидал этого, усмехается. Что он мог придумать для того, чтобы его заставить? Парень ещё не знает, но почему-то ему кажется, что та угроза, которую произнесёт сейчас граф, будет не пустым звуком.

— Ты любишь свою сестрёнку, не так ли? — спрашивает Георг, внимательно наблюдая

за реакцией собеседника.

Леон чувствует, как ему становится дурно. Не будет же граф делать разменной монетой жизнь своей супруги? Ведь не будет? Как раньше казалось молодому человеку, Георгу Хоффману было важно то, как о нём думали в обществе, во всяком случае, ничего из того, что могло бы дискредитировать его в глазах общества, он никогда не совершал, не было так же ни одного скандала, связанного с ним. Неужели он подвергнет опасности всю репутацию, которую он выстроил?

— Вы не убьёте её... — выдыхает Леон, едва ли способный говорить от ужаса. — Она ваша жена...

Хоффман кивает головой, и молодой человек не знает, что ему и думать, впервые он боится кого-то настолько сильно, впервые в голове бьётся только одна мысль: «Анна! Она в опасности!», и эта мысль словно парализовала его, его разум и волю, он впервые чувствовал, что целиком находится в чьей-то власти. Граф внимательно наблюдал за ним и ждал. Ждал ответа. Ждал, когда Леон, наконец, согласится стать членом Палаты лордов, что по праву считалась одной из самых двуличных организаций в мире, когда, наконец, плюнет на свои принципы. Парень не знал, что ему делать. Его сестра могла погибнуть из-за одного решения, а он не сможет жить дальше, если примет другое... Леон умоляюще смотрел на графа, но тот даже не шевелился. Ему было безразлично будущее своей супруги и её брата, парень видел это. И от этого становилось только страшнее.

— Нет... — произносит мужчина задумчиво. — Не убью. Но, знаешь, в моей власти сделать так, чтобы она тебя возненавидела...

Леон удивлённо смотрит на графа. Этого он никак не ожидал. Да и разве может Анна его возненавидеть? Это глупейшая мысль! Хоффман смотрит слишком уверенно, и Леон краснеет от гнева, переполняющего его в этот момент, он ненавидит этого человека, он не хотел, чтобы его дорогая сестра выходила замуж за него, он считает графа чудовищем, недостойным жизни. И парень считает, что он прав.

— Она моя сестра! — усмехается молодой человек. — Она меня не возненавидит!

Хоффман тоже усмехается, и Леону становится не по себе — что понимает этот человек про него и Анну? Граф смотрит слишком уверенно, как смотрит человек, прекрасно осознающий, что обязательно победит. Парень задумывается, почему так яро стоял против свадьбы Анны. Наверное, из-за самоуверенности Георга, из-за его презрительного отношения к тем, кто менее богат и влиятелен, чем он... Леон не хотел такого мужа для своей любимой сестры, но та всё равно вышла за Хоффмана замуж, не слушая ни отца, ни матери, ни сестёр, ни брата.

— Проверим? — спрашивает граф, и у Леона отпадает всякое желание проверять его слова.

А Хоффман смеётся и отходит в сторону, оставляя молодого человека думать над своим предложением. Совсем скоро в комнату приходит слуга и оповещает о том, что в поместье графа прибыл Томас Истнорд. Георг Хоффман жестом разрешает слуге пропустить этого человека. В комнату входит невысокий худой мужчина, он не слишком стар, но волосы на его голове уже седые, морщины на лице слишком глубокие для его возраста. Ещё только появившись на пороге комнаты, он согнулся в глубоком поклоне, пытаясь засвидетельствовать своё почтение графу.

— Здравствуйте, господин Истнорд, — произносит Георг, что-то размышляющий про себя. — Присаживайтесь.

Гость снова отвешивает графу поклон и, воровато озираясь по сторонам, присаживается на кресло, что стоит рядом с дверью. Хоффман едва не улыбается, хоть и старается выглядеть серьёзно в данный момент. Томас Истнорд подзывает к себе сына, и Леон подходит к отцу. За те несколько лет после ссоры это первая их встреча. Это Анна пыталась как-то связаться с отцом и извиниться перед ним, Анна, а не Леон...

— Надеюсь, вы знаете о том, что я вчера женился на вашей дочери. Вы не приехали на свадьбу.

Томас Истнорд хмурится, потом белеет, пытается выжать из себя улыбку и заговорить спокойным голосом. Графу хочется плюнуть в лицо этому человеку, настолько жалко он выглядит сейчас. Анна говорила как-то, что её отец сам приедет к ним после свадьбы, видимо, не ошиблась. Хоффман не понимал, как она до сих пор не убила этих двоих. И брат, и отец его супруги казались несносными, даже немного пообщавшись с ними, Георг чувствовал себя так, как в детстве, говоря со своим отцом. Но Дэвид Блюменстрост теперь казался мужчине не самым худшим вариантом. Наблюдая за Мердофом и за Софией, граф понимал, что, погнавшись за благополучием, его отец никогда не позволял себе хотя бы поднимать на своих детей руку, что уже можно было записывать в его достоинства.

— Да, Ваше Сиятельство! — проговорил лорд Истнорд противным голосом. — Вы уж простите, Ваше Сиятельство, но я не мог приехать, я...

Слушать дальше графу не хочется. Это слишком противно. Георг Хоффман отворачивается к окну, на улице идёт дождь, и мужчине хотелось бы сейчас идти по одной из улочек в этом городе, а не слушать сбивчивые объяснения Томаса Истнорда. Анна говорила, что это человек не слишком приятного характера, но Георг никогда не думал, что настолько. Понятно, почему родные дети не слишком любили его. Впрочем, Хоффман своего отца тоже не любил. Капли стучали по стеклу, и граф всё больше жалел о том, что находится дома. Природа сама звала его сейчас на улицу. Звала... Хоффман прикрыл глаза, речь Томаса Истнорда, свадьба, Анна, Леон — всё оставалось за пределами его сознания сейчас. Казалось, существует только он и этот дождь, который помогал на какие-то мгновения забыть о головной боли...

Иногда музыка позволяла успокоиться, на минуту забыть обо всём, кроме этих переплетений звуков. Жалко лишь, что граммофон играет только одни и те же песни, впрочем, Джорджу достаточно этого. Няня говорит, что пришёл гость, но мальчик не спешит спускаться. Скорее всего, это очередной психолог, которого пригласил отец, и это совсем не располагает к человеку, стоящему там, внизу. Когда гость поднимается вверх, Джордж с удивлением узнаёт в нём человека, который был тогда, когда отпевали Мари. Как его звали? Ерин? Кажется, именно так...

— Как ты? — спрашивает юный богослов тихо. — Мы говорили с тобой о религии в прошлый раз. Я принёс книги. Ты умеешь читать?

Джордж кивает, и гость садится рядом. Мальчику не хочется видеть его сейчас рядом с собой, но он молчит. Музыка ещё играет, и ребёнок хочет просто послушать её, побыть в одиночестве, а не сидеть рядом с человеком, которого он видит второй раз в жизни, которого не знает и не звал в гости сегодня. Ерин молчит, кажется, тоже слушает ту музыку, что играет в комнате юного хозяина дома.

— Нравится? — спрашивает гость так же тихо.

Мальчик не сразу догадывается, что тот имел в виду запись, которая сейчас проигрывается. Когда же до Джорджа доходит смысл вопроса, он отвечает простым кивком,

говорить о чём-то с незнакомцем ребёнку совсем не хочется. Прошла всего неделя с отпевания Мари, и думать о чём-то, кроме смерти любимой сестрёнки, мальчик не мог.

— Тебе не хочется сейчас говорить со мной, да?

Ещё один кивок. Конечно, Джордж не хочет! Откуда он знает, чего от него хочет этот человек? Быть может, это очередной психолог, приглашённый отцом для «излечения» любимого сыночка. Но мальчик не чувствовал себя больным. Он был совершенно здоров, он понимал всё, что ему говорили, он не бесновался и не кричал... Что ещё нужно было отцу? Разве этого было недостаточно для того, чтобы просто отстать от Джорджа? Он и так был заперт один в этом доме. Теперь один. Даже без Мари, ради которой было это всё.

— Грустишь по сестре? — спрашивает Ерин, и Джорджу хочется как следует толкнуть его. — Не стоило спрашивать, наверное...

Мальчик снова кивает. Всё равно гость уже понял, что он не расположен разговаривать с ним, так для чего делать вид, будто это не так? Ребёнок отворачивается к окну, на улице слишком солнечно, это мальчику не нравится. Слишком светло, слишком ярко... Хотя Мари любила такую погоду, Джордж не может заставить себя даже выйти в сад, когда светит солнце.

— Хотел бы научиться играть на музыкальном инструменте? — спрашивает гость. — Я могу научить тебя...

Мальчик соглашается. Ему всё равно слишком скучно находиться здесь, да и хочется поскорее отойти от смерти Мари. Джорджу стыдно, но постоянно думать о своей сестрёнке он не может, это слишком больно и слишком непонятно. Когда умерла Аннэт, мальчик прекрасно понимал, что она умерла, что она могла умереть, но теперь, когда и Мари отправилась на тот свет, он не хотел верить в это. Возможно, музыка поможет ему как-то отвлечься от этого, позабыть...

Бесцельно пролетал ещё один день. Теодор Траонт не знал, что так мучает его, что не даёт ему ни спать, ни проводить время так, как он проводил раньше. Что-то терзало его, и он сам не мог понять, что именно. Просто дни тянулись иначе, куда более долго, куда более мучительно, а спать по ночам и вовсе было почти невозможно. Мужчине казалось, что это над ним нависла кара за все его грехи, которых, если говорить по правде, было немало, но так ли это было на самом деле? Леди Джулия только смеялась над своим братцем. Как и всегда. Джулия вообще любила смеяться над всеми и ненавидела, когда смеются над ней.

Теодор Траонт ужасно чувствовал себя в чужой стране, куда приехал засвидетельствовать своё почтение новой супруге короля. Впрочем, эта девчонка никогда не сможет стать настоящей королевой. Не после величественной Рэйны. Хотя, как там говорилось — «Королева не та, которая правит миром, а та, которую любит король»? Теодор не верил во всё это. Народ не примет Элен. Эта девчонка навсегда останется для людей ведьмой, что соблазнила короля и обеспечила падение истинной королевы. Ей не сладить с целой толпой, что ненавидит её.

— Простите, Ваша Светлость... — бормочет какая-то служанка, что задела его плечом.

Лорд Траонт не обращает на это внимания. В конце концов, он сюда приехал вовсе не для того, чтобы обращать внимание на чернь, ему нужно найти Элен, короля Джона, принцессу Марию... Мария... Ведь его дочь зовут точно так же... Дочь... Разве не он был готов убить её тогда, когда она только попала в их мир? Почему же теперь он волнуется за неё, боится, что потеряет её? Разве это было логично? Разве это было нормально?

Какая-то девушка увлечённо общалась с гвардейцами, те смеялись, что-то говорили ей,

она шутила. Теодор бы прошёл мимо, если бы на минуту его взгляд не остановился на браслете, красовавшемся на руке у девушки. Это был тот самый браслет, который он подарил Кассандре, когда ухаживал за ней. Граф Траонт узнал бы его из тысячи похожих браслетов. Это был именно тот.

— Миледи, я не могу с вами поговорить? — спрашивает мужчина, подходя ближе к девушке.

Та поднимает голову, и Теодор видит странно знакомый взгляд чёрных глаз. Во взгляде девушки вспыхивает удивление, но она старается это не показывать. Как он не узнал её? Это была его дочь... Мария... Живая. Что она делала здесь, при дворе короля Джона? Почему она не отправилась в поместье леди Джулии, если выжила тогда, когда дворец был захвачен?

— Да, ми... Ваша Светлость.

Они отходят в сторону, Теодор чувствует, как то, что мучило его столько времени, начинает утихать. Неужели он беспокоился именно из-за дочери? Разве мог он ожидать от себя такого? Разве мог он думать, что кто-то будет так важен ему? Мария смотрит на него с каким-то вызовом и ожиданием. Чего ждёт эта девочка? Теодор с горечью думает о том, что не видел, как эта девочка выросла, как росла... Не видел, потому что просто не хотел...

— Если нужны будут деньги, я живу в поместье лорда Нортонна, — зачем-то произносит Теодор. — Как ты тут оказалась?

Мария только пожимает плечами. История слишком долгая, да и самой девушке не совсем понятно, как это всё могло произойти с ней. Пожалуй, она рада увидеть здесь лорда Траонта, всё-таки он был родным человеком для неё, хоть она и знала его совсем немного.

— Ладно, не буду настаивать, — произносит мужчина. — Как ты?

Мария чувствует, как начинает улыбаться. Ей приятно, что этот человек заботится о ней, конечно, граф Хоффман тоже заботился, но он был ей чужим, он был просто человеком, который помогал ей, но родным — нет, и ему было никак не стать ей таким... Теодор Траонт, пожалуй, выглядел несколько хуже, чем в последний раз, когда она его видела. Только сейчас девушка замечает, что виски у него совсем седые, а лоб пересекают глубокие морщины...

— Я хорошо, — произносит она. — А как вы?

Мужчина пожимает плечами и тоже улыбается, он знаком показывает девушке, что нужно пройти в соседнюю комнату, та кивает и проходит туда. Комната небольшая, мебели там мало, да и всё сделано куда более скромно, нежели во дворце её деда. Марии хочется засмеяться тому, что она стала с ностальгией вспоминать и то, чего ещё совсем недавно не могла выносить...

— Приехал засвидетельствовать почтение новой королеве, — произносит Теодор задумчиво и зачем-то добавляет: — Ты знаешь, что твой друг стал королём?

Мария кивает. Конечно, она знает об этом. Хоффман не мог не сказать, и девушка рада, что Альфонс теперь король, правда, она никак не ожидала, что он захочет стать во главе государства, впрочем, вероятно, она знала его не так хорошо, как ей казалось. Да и люди меняются. Марии хорошо при дворе короля Джона. Тут она может быть собой, а не принцессой, которую то и дело стараются нарядить в роскошные платья и заставить выступать перед публикой...

— Да, граф Хоффман говорил мне. Я надеюсь, у Ала всё же найдётся время прочитать мою записку... Я могу передать её через вас? Не хочу позволять ему думать, что я умерла...

Теодор кивает, и девушка передаёт ему аккуратно сложенную бумагу. Мужчина не

знает, может ли он позволить себе прочесть это, всё-таки это, видимо, что-то очень личное, а он не тот человек, которому Мария может доверять, он не был рядом с ней, когда она была ещё крошкой, он не был для неё отцом... Теперь он не имеет тех прав, которые может иметь отец. Для неё он просто чужой человек, но никак не тот, кого она может считать родным...

— Я не могу приехать к нему и повидать его сейчас, — почти шепчет девушка. — Я надеюсь, что он хоть иногда вспоминает обо мне. Мы ведь лучшие друзья...

Мария оборачивается, чтобы удостовериться, что рядом никого нет, и вдруг протягивает Теодору какой-то пожелтевший листок, сложенный подобным образом, как и та записка, которую она хотела передать Альфонсу. Граф непонимающе смотрит на неё. Девушка сглатывает, кивает и направляется к выходу из комнаты. Траонт не понимает, что означает этот жест с её стороны, хочет спросить...

— Мама писала это вам, — произносит она. — Я знаю, она хотела вам это передать.

С этими словами Мария выходит из комнаты, оставляя Теодора Траонта наедине со своими размышлениями. Он раскрывает письмо Кассандры и начинает читать. С каждым мгновением мужчина всё больше хмурится, лицо его становится всё мрачнее...

Комментарий к II. Глава пятая. Удача — один из основных компонентов успеха.

* Король и Шут — Кукловод

===== II. Глава шестая. То, что могло послужить отправной точкой...

=====

Ты снова молча смотришь и пьешь
Мутный заоблачный свет,
Ты мне слова утешенья несешь,
А я жду, все жду твой ответ.
Ты мог бы стать моей удачей,
Но ты уходишь, тихо плача
И тайну неприглядную храня,
Ты ложных снов моих создатель.
Ты был хранитель, стал предатель,
Ведь ты тогда отрекся от меня.
Мой ангел, скажи, о чем же ты думал в этот день?
Мой ангел, о чем же ты думал в эти доли секунд?
Я понял, это была твоя месть
За то, что тебя я любил слишком мало.
В твоих глазах отблески слез
И острые иглы вины,
Сегодня ты мне в подарок принес
Легкий призрак весны.
Ты мне плеснул в лицо весельем,
И я глотнул надежды зелье,
Себе осмелясь что-то обещать.
Ты ветерком звенел весенним,
И я молился о спасении
Всех тех, кого не думал я прощать.
Мой ангел, скажи, о чем же ты думал в этот день?
Мой ангел, о чем же ты думал в эти доли секунд?

Я понял, это была твоя месть
За то, что тебя я любил слишком мало.

Хранитель мой, я прощаю тебя!

Лети, свободе распахнута дверь,

Я столько лет ненавидел любя,

Пришли мне прощенье теперь.

Мне умирать совсем не больно,

Я прожил жизнь, с меня довольно.

Мне стала смерть угрозою пустой,

Мне умирать совсем не страшно,

И мне плевать с высокой башни

На то, что завтра сделают со мной.

Мой ангел, скажи, о чем же ты думал в этот день?

Мой ангел, о чем же ты думал в эти доли секунд?

Я понял, это была твоя месть...

За то, что я вспомнил тебя слишком поздно.*

Месяцем ранее...

Высокая бледная женщина с грустью наблюдала за тем, что происходило за окном, на улице, впрочем, ничего интересного не происходило, напротив, было очень спокойно и тихо. В комнату, где находилась эта женщина, вошла молоденькая девушка, она сделала реверанс и спросила, не нужно ли чего принести. Герцогиня ответила, что ей сегодня ничего не будет надобно. Служанка поклонилась и вышла из комнаты — когда леди Траонт хотелось побыть в одиночестве, ту лучше было не беспокоить. Когда горничная ушла, Джулия тяжело вздохнула — сегодня у женщины, и вовсе, не было никакого настроения что-то делать. А ведь только вчера у неё было столько сил... Герцогиня снова вздохнула. Что поделать — Седрик всегда был болезненным ребёнком, но Джулия вряд ли имела право жаловаться на это. Она никогда не считала себя особенно религиозной, ровно до той поры, пока не стало первого её ребёнка, сколько лет после этого она не могла забеременеть вновь? Женщина долгое время не верила, что у неё снова будет ребёнок. Седрик был для неё даром небес, вымоленным у богов ребёнком. Джулия не знала, кто из высших сил сжалился над ней — тогда она обращалась ко всем, не было храма, в который она не заходила, — она была благодарна всем им в одинаковой мере. После череды выкидышей и мертворождённых детей герцогиня уже не смела даже надеяться на такое чудо, как этот ребёнок. По характеру Седрик был больше похож на её брата, умершего, когда им было по пятнадцать, нежели на неё саму, и это, наверное, было не так уж плохо. Только вот слишком часто её ребёнок болел, что не могло не расстраивать герцогиню.

Вот и в этот раз, немного дольше обычного побывав на улице, её сын заболел. А ведь Джулия говорила ему одеться потеплее! Совсем недавно её мальчик болел простудой, а теперь всё повторяется снова, возможно, не стоило так беспокоиться из-за такого пустякового заболевания, но как только леди Траонт вспоминала, что та тяжёлая ужасная болезнь её братика тоже начиналась с самой обычной простуды, она с ещё большим вниманием и рвением начинала лечить своё чадо.

Сегодня утром Седрик, как и обычно, зашёл к ней, чтобы пожелать хорошего дня, и вдруг закашлялся. Само собой, он был тут же отправлен к себе в комнату. Врач тоже был вызван сразу же. Правда, и врач, и её мальчик начали что-то говорить про то, что никакой

простуды нет и в помине, но Джулия-то прекрасно понимала, что это всё — просто отговорки, чтобы, в одном случае, не прописывать, а во втором — не принимать нужные лекарства. Неужели они оба могли подумать, что леди Траонт купится на такую бездарную уловку?! Смех какой-то! Разве могла Джулия быть столь невнимательной к здоровью собственного ребёнка? Между прочим, единственного ребёнка... Герцогиня встала и решительным шагом направилась к двери. Ей нужно поскорее отправляться к Седрику и проверить, насколько тщательно он исполняет рекомендации доктора.

В доме было тихо. Леди Траонт категорически запретила всем обитателям замка шуметь, её сыну сейчас нужен был покой. Больше всего возмущался Теодор, чего и следовало ожидать; сейчас её брат сидел на улице и читал одну из книг, которую успел стащить в библиотеке до того, как сестрёнка выставила его за дверь. По правде говоря, в тот момент женщине больше всего хотелось треснуть, как она делала обычно, брата подсвечником по голове, но подсвечника, к огромному сожалению ведьмы, нигде по близости не оказалось, пришлось просто отвесить Теодору оплеуху и с гордым видом потребовать его выйти на улицу. Тот недовольно скривился, но указание сестрицы, впрочем, выполнил. Сейчас Джулия лишь улыбнулась, вспомнив о том, что больше никто не осмелился ей перечить.

Комната Седрика находилась на втором этаже, из окна спальни мальчика можно было увидеть невысокую рябинку, которая так тому нравилась. Если говорить честно, сама Джулия дерево не слишком любила. Деревце росло очень близко к дому, и его ветви иногда стучали прямо в окно, по мнению герцогини, это только мешало её сыну спокойно отдыхать во время болезни, но тот почему-то настолько сильно упрашивал мать оставить эту рябинку, что Джулия сдалась. Ну не могла же она лишить сына чего-то, что приносило ему радость.

Нужно сказать, что комната юного мага была самой светлой во всём поместье его матери, отделанная в светло-зелёных и бежевых тонах, она не была столь мрачной, как спальня герцогини, или столь торжественной, как бальный зал. Когда Джулия вошла в комнату сына, тот лежал на кровати и слушал, как ему читала вслух Хельга. За что ведьма любила эту девушку, так это за то, что она не пыталась притащить в комнату Седрика целый балаган, как это делал её брат, а просто брала одну из книг и тихо начинала читать вслух. Голос у неё был звонкий, но девушка изо всех сил старалась говорить как можно тише, за что Джулия также была ей благодарна.

— Хельга, — обратилась леди Траонт к мисс Кошендблат. — Седрик принял всё, что ему прописал врач?

Девушка сию же секунду поднялась из кресла и склонила голову, стараясь выразить своё почтение. Герцогиня внимательно смотрела на неё. Девочка. Как же жалко её было Джулии, подумать только, всё, что было уготовано этому ребёнку — удачное замужество. Как жаль! Подумать только, этот путь был уготован и самой Джулии, всё-таки повезло ей с бабушкиным наследством...

— Да, Ваше Высочество... — бормочет девушка. — Я проследила за этим.

Джулия улыбается. Она рада, что её сын нашёл такого друга, как Хельга, в Академии магии всё-таки было бы грустно, если бы её мальчик не смог найти с ней общий язык. Хельга Кошендблат оказалась ответственной, приветливой девочкой, которая всегда была готова помочь. Это не могло не радовать герцогиню. Впрочем, не могло не радовать герцогиню и то, что и сам сын не был характером похож на неё. Таким людям, как она, трудно приходится в жизни. И Джулия вовсе не хочет такой жизни для сына. Ему будет лучше, если в его жизни всё будет спокойно и тихо. Чем меньше потрясений, тем лучше для

её мальчика.

— Хорошо, — произносит герцогиня довольно. — Как ты себя чувствуешь, Седрик?

Мальчик улыбается, чуть-чуть приподнимается на кровати и говорит, что всё нормально, что он скоро пойдёт на поправку. Джулия подходит к нему ближе, присаживается на постель, осторожно притягивает к себе сына и целует в лоб. Она не без сожаления смотрит на него. Седрик стал уже почти взрослым, ей было больно принимать то, что её мальчик нуждается в ней меньше, чем обычно. Джулии совсем не хотелось становиться в его жизни менее важной, нежели раньше. Сейчас её сын улыбался. Сейчас он снова, как в детстве, казалось, чувствовал себя любимым, родным в этом поместье... Леди Траонт ненавидела Академию Магии за те годы, что проучился там Седрик, она стала чувствовать, что мальчик отдаляется от неё.

— Выздоровливай, — прошептала она, поднимаясь. — И не смей больше принимать участие во всех этих стройках и переделках.

Когда леди Джулия вышла из комнаты, Седрик тихо вздохнул от облегчения и осторожно достал из-под подушки книгу, которую читал до того, как услышал шаги матери в коридоре. К счастью, она сегодня попросила всех не шуметь, и можно было услышать, когда именно она приходила к нему в комнату. Хельга тоже вздохнула и начала читать уже про себя. Потом, правда, книгу она и вовсе отложила.

— И как тебя угораздило снова заболеть в поместье твоей мамы? — спросила девушка. — Ты же прекрасно знаешь, чем это обычно для тебя заканчивается... Рассказывай! Не зря же я покрываю тебя со всеми этими лекарствами?!

Седрик пожал плечами и осторожно присел на кровати. Лежать уже надоедало, хорошо ещё, что Хель догадалась принести ему что-то почитать из маминой библиотеки, иначе мальчик даже и не знал бы, что ему делать. Угораздило же ему решиться на такое! Да ни за что в жизни он больше не пойдёт на подобное! Всё же правильно Альфонс говорил ему, что с логикой у Седрика не совсем в порядке. Кто ещё мог согласиться на просьбу Жана посмотреть, какое настроение сегодня у леди Траонт, чтобы как-то оповестить об этом парня. Они договорились, что Седрик закашляется, если его мать сегодня будет в хорошем расположении духа. Ну почему чародей не смог догадаться к каким последствиям приведёт этот шаг?!

Хельга фыркнула от смеха, когда друг обо всём рассказал ей. Да... Седрик уже и сам понимал, насколько безрассудным и глупым был этот поступок. Наверное, это произошло именно из-за того, что он не выспался сегодня. Разумеется, он бы никогда не сделал ничего подобного в здравом уме.

— Ну, ты даёшь! — засмеялась девушка, впрочем, через секунду в её взгляде был уже упрёк. — Разве так можно? Ты же знаешь, как за тебя волнуется твоя мама! Ты же понимаешь, насколько ей важно, чтобы ты был здоров!

Маг тяжело вздохнул. Он и сам прекрасно понимал, что поступил не слишком хорошо по отношению к ней, но что сделано, то сделано. Наверное, следует потом извиниться перед ней. Ведь его мама действительно просто беспокоится о нём. И, возможно, она единственный человек, который любит его искренне и бескорыстно. И Седрику стыдно, что он пошёл на такой шаг. Но он же не знал, что она расценит этот кашель как признак болезни! Или знал? Он же должен был понимать, что она волнуется... Его мать, Джулия, герцогиня Траонт, была очень сильной и властной женщиной, но она так же была его матерью. Возможно, лучшей матерью, какая только могла быть. И Седрику хотелось быть

для неё лучшим сыном, но, видимо, это не слишком удавалось.

— Ладно тебе! Но тогда уж принимай лекарства и соблюдай строгий постельный режим, — пробормотала Хельга задумчиво. — Тогда твоя мама меньше волноваться будет.

Чародей кивнул. Наверное, стоило поступить именно так... Тогда леди Траонт будет переживать за здоровье единственного сына чуть меньше. Особенно если Хельга хорошенько присмотрит за ним. Наверное, так и стоило поступить. Седрик снова лёг и прикрыл глаза. Теперь нужно просто успокоиться и постараться сделать так, как ему предложила подруга. Так будет лучше для всех... Седрик и сам не заметил, как его стало клонить в сон. Хельга осторожно подошла к нему и накрыла одеялом. Не хватало ещё, чтобы леди Джулия обвинила её в том, что она плохо следит за этим недотёпой!

Маленький мальчик с удивлением разглядывал рыжую девочку в пышном розовом платье и с жутко недовольным личиком. Та, казалось, его не замечала вовсе. Цвет платья девочки казался мальчику несколько странным — в поместье его матери такого цвета не было вовсе, во всяком случае, он никогда не видел никакой вещи такого цвета. В Академии были розы такого оттенка, но в поместье леди Траонт — только белые, так что Седрик просто не мог видеть что-то подобное. Девочке, впрочем, этот цвет не шёл. Или как там говорила мама, когда в чём-то выглядела хотя бы чуточку не столь красиво, как обычно?

— Хельга Кошендблат! — протянула руку девочка, которой, видимо, надоело просто стоять, пока шла церемония посвящения в ученики Академии Магов. — Ты на каком факультете учиться будешь?

Седрик улыбнулся. Всё-таки, смешная эта девочка... Вон, и то слово выговорила неправильно! Мама ни за что не позволила бы, чтобы её сын что-то делал или говорил неправильно. Она обязательно начала бы говорить об этом, обязательно стала бы упрашивать его всерьёз позаниматься произношением, чтением или ещё чем-то. А дядя Теодор обязательно бы ещё и посмеялся. Так что Седрик всегда старался выполнять всё настолько хорошо, насколько это было возможно.

Девочка нахмурилась: ей, видимо, не понравилось, что её новый знакомый улыбнулся — он словно смеялся над ней. Прямо как Леонард! Хельге хотелось толкнуть мальчика, чтобы тот никогда больше не смел задаваться, особенно тогда, когда разговаривал с ней. Но почему-то сейчас она этого делать не стала. Почему? Она не знала этого сама. Почему-то ей хотелось познакомиться с этим мальчиком, а не ссориться с ним, даже не узнав его имени.

— На факультете, — поправил он свою новую знакомую и протянул ей руку в ответ. — Седрик Траонт. Для тебя — Рик. А учиться я буду на факультете теории заклинательной магии, а ты?

Юный лорд Траонт слышал от дяди, что женщины любят называть своих знакомых не полными именами, а короткими. Поэтому нужно разрешить этой Хельге называть его Риком, хоть Седрику и не совсем нравится это имя. Мама никогда не называла его так. Только Седриком. Это дядя называл мальчика Риком. И ему никогда не нравилось, что Теодор Траонт так звал его. Обычно это означало, что дядя сердится и сейчас накажет его, если мать не придёт вовремя. Мама никогда не наказывала его. Даже ругала она его иначе. Никогда не позволяла себе повышать голос... Дядя, кстати тоже, почему-то не слишком любил своё короткое имя. Во всяком случае, Седрику он запрещал называть его «дядя Тео». Да и вообще всегда выказывал явное недовольство, когда даже мама мальчика, леди Джулия Траонт, называла его Тео.

— Рик? Мне больше нравится твоё полное имя! — сказала девочка, и Седрик снова

улыбнулся. — Я тоже! А мой брат попал на теорию стихийной магии!

Девочка даже показалась ему более красивой, нежели немногим раньше. Наверное, стоило теперь называть это рыжее недоразумение Хельгой, а не просто девочкой или недоразумением. Пожалуй, она заслуживала к себе этого отношения. К девочке подбежал мальчик. Он был настолько же рыжий, как и Хельга, но казался не слишком приятным. Седрику он чем-то напомнил дядю Теодора, и это не могло нравиться юному лорду Траонту: дядю он не слишком любил.

— Хель! Хель! — крикнул этот мальчик, дёргая сестру — а в том, что эти двое были братом и сестрой, сомневаться не приходилось — за тонкую косичку.

Та не растерялась и тут же ударила брата по голове «Теорией магии», книгой, нужно заметить, весьма тяжёлой. Даже на первых курсах, когда дети только привыкали к Академии, этот предмет преподавали очень серьёзно. Седрику об этом рассказывали. Правда, дядя Теодор ещё много о чём успевал рассказывать, и ребёнку далеко не всегда хотелось его слушать — слишком уж часто дядя ворчал и ругал его, Седрика.

— Отстань, Лео! — крикнула девочка, ещё раз ударив брата по голове.

Мальчик недовольно хмыкнул, столь же недовольно посмотрел на маленького лорда Траонта, потом — на свою сестру, которая уже, видимо, раздумывала над тем, чтобы ударить несносного братца ещё раз, и протянул руку тому мальчику, имени которого он пока не знал, но с которым ещё совсем недавно общалась Хель. Возможно, так удастся избежать хотя бы ещё одной жалобы отцу со стороны его сестрёнки.

— Леонард Кошендблат! — представился рыжий мальчик. — Брат вот этой, — он показал рукой на Хельгу, — занозы в заднице.

За свои последние слова Леонард получил ещё один удар книжкой по голове, на этот раз посильнее. Хельге явно не нравилось, как её назвал брат, что, в принципе, можно было понять — кому бы понравилось, когда тебя называют занозой в заднице? Вот маме тоже не понравилось, когда дядя Теодор её так назвал! Правда, дяде потом стало жутко стыдно, и он превратился в подсвечник...

— Ладно, до встречи! — спохватился мальчик и куда-то побежал. — Пока, заноза в заднице! Пока, новоиспечённый жених!

Хельга недовольно фыркнула и что-то кинула в брата, по тихому вскрику того Седрик понял, что это «что-то» до Леонарда долетело. Девочка что-то ещё крикнула брату, но юный лорд Траонт решил, что этих слов лучше даже не слышать и заткнул уши. Маме не понравилось бы, если бы он тоже стал ругаться. Мальчик помнил, как она, когда Седрик повторил слова дяди Теодора, рассерженно посмотрела на него, а потом так ударила дядю, что тот ещё неделю ходил с огромным синяком под глазом.

Наконец, Леонард скрылся из виду, и Хельга прекратила ругаться. Теперь, наверное, можно было и поговорить. Хель попала на тот же факультет, что и Седрик, и было бы неплохо подружиться с ней. Им вместе учиться ещё лет десять, так что ссориться — не лучший вариант.

— А почему у тебя волосы длинные? — спросила новая знакомая. — Ты же не девочка!

Седрик удивлённо посмотрел на неё. Длинные волосы? Разве? У одного из слуг дяди Теодора действительно были очень длинные волосы, но у Седрика... Не такие уж они были и длинные! Хотя по сравнению с братом Хельги, Леонардом, у него в самом деле были волосы довольно длинные... Мама категорически запрещала ему коротко стричься. Она говорила, что он наследник и, как будущий лорд, не должен носить короткие волосы, ибо это какой-то

символ чего-то там, во что Седрик особенно не вникал.

— Мама говорит, что я её наследник и что я, как будущий лорд, должен носить длинные волосы.

Девочка удивлённо хмыкнула и задумалась. Она никогда не видела своего самого старшего брата с короткими волосами, но почему-то думала, что это связано именно с его работой. Получается, длинные волосы носит именно наследник семьи? Получается, Седрик старший ребёнок в своей семье. Это казалось Хельге не совсем правдоподобным, но она не стала ничего говорить этому мальчику.

Леонард лежал на диване и что-то читал. Дома никто не позволил бы ему так валяться, а Ал, который только стал королём, сам иногда так делал. Как можно было не воспользоваться этим? Те дни, которые он проводил здесь... Это было прекрасно! Он не был дома и мог говорить родителям, что не может приехать потому, что работает на нового короля, слишком занят всеми этими делами... И он мог не ехать к тёте Джулии, которая хоть и была, в общем-то, неплохим человеком, но обладала скверным характером. И как только Хельга могла её выносить?! Хельга... По Хельге Леонард, пожалуй, скучал... Та была несносной, но за все те годы он так привык к их взаимным подколкам, даже дракам... С Альфонсом драться не хотелось вовсе. Впрочем, как и с Седриком, только по противоположной причине. Рик драться не умел, Лео ничего не стоило повалить его, с Алом было труднее, куда труднее: тот не владел магией, но физически был намного сильнее Леонарда.

Сейчас Альфонс лежал на соседнем диване, правда, в отличие от Лео, ничего не читал, просто смотрел в потолок. Юному Кошендблату даже хотелось толкнуть друга, но почему-то этого делать он не стал. Новоиспечённый король пребывал сейчас не в самом лучшем расположении духа, и испытывать на себе, насколько сильно он рассердится, если его потревожить, Леонарду совсем не хотелось.

— Мы не нашли Марию... — пробормотал Ал убито, переворачиваясь на бок. — Мы не нашли её, ты понимаешь?!

Леонард, видимо, чего-то не понимал. Во всяком случае, волнения Ала он не понимал точно. Насколько он помнил, Мария была живой, деятельной натурой, лезущей во всё, что её касалось и не касалось, предпринимающей попытки расшевелить всю их компанию, умеющей и пошутить, и врезать, если что-то было не так. Волноваться за неё было бы просто глупо! Разве мог такой человек, как принцесса Мария, попасть в безвыходное положение? Да Леонард был уверен, что эта девушка сбежала из дворца ещё до того, как все сообразили, в чём, собственно, дело.

— Тебе она нравится? — вдруг спрашивает юный Кошендблат, слишком поздно спохватывающийся. Ал не любил подобных вопросов.

Как Лео и ожидал, Альфонс вскочил моментально, причем, и самому магу нужно подниматься, правило «лежачих не бьют» вряд ли будет действовать сейчас, если король решит его отколотить. Новоиспечённый монарх смотрел зло. Пожалуй, действительно не следовало задавать этот вопрос, это было слишком глупо. Жаль, что Леонард понял это только сейчас...

— Тебе нравится Хельга? — спросил Альфонс, и маг не понял, к чему король задавал этот вопрос.

Хельга была его сестрой, частью его самого — разве она могла нравиться ему как девушка и женщина? Они часто ссорились, даже дрались, но они были именно братом и

сестрой. Разве могла Хельга нравиться ему? Он любил её, но в этом не было ничего особенного: парень был уверен, что сестра любила его, да так и положено. Разве могла Хельга нравиться Лео как девушка?

— Она моя сестра! — почти обиженно выкрикнул Леонард. — Разумеется, я люблю её и сделаю всё, чтобы она была счастлива, но мы же брат с сестрой! Разве между нами что-то может быть?!

Альфонс улыбнулся и кивнул. Он прекрасно понимал, что это такое. И теперь, король надеялся на это, Лео прекратит задавать глупые вопросы. Мария всегда была Алу сестрой, они росли вместе, всё делали вместе, он никогда не отходил от неё далеко, старался оберегать её, разумеется, стараясь не показывать этого, иначе его подруга просто обиделась бы: она за всё это время стала ему сестрой, он всегда остро чувствовал, когда ей было плохо, а она, в свою очередь, всегда поддерживала его в трудные моменты. Они были друг другу родными людьми, и любые намёки на какие-то романтические отношения между ними казались Алу оскорбительными.

— Мария мне тоже сестра! Мы не родные по крови, но мы выросли вместе! — воскликнул Альфонс. — Я думаю, ты должен понимать, как я к ней отношусь! И, возможно, мне не стоит так беспокоиться о ней сейчас, но я беспокоюсь. Этот мир чужой для нас. Чужой, понимаешь?

Леонард кивнул. Да, теперь он понимал. Он сам обязательно бы беспокоился за Хельгу, случись с ней что-то подобное, но почему же он не сразу понял, как Ал относится к их общей знакомой, Марии? Почему-то сначала ему показалось, что эти двое — парочка, так уж они беспокоились друг о друге, потом он начал осознавать, что никаких романтических отношений между этими двумя нет просто потому, что быть не может. Почему же он не догадался? Во многих семьях, где росли не только родные дети, но и просто воспитанники, было что-то подобное. Но почему он не догадался?

Размышления Лео нагло прервал какой-то слуга, вошедший в комнату и оповестивший новоиспечённого монарха о том, что того ожидает некая мисс Хайнтс. Кто такая эта мисс Хайнтс, Леонард был наслышан, но ему всё же хотелось увидеть эту особу вживую. Ал сказал слуге, чтобы тот пропустил эту леди, и тот удалился. Через пару минут в комнату вошла девушка, довольно красивая, с прекрасными светлыми волосами, высокая и стройная, одетая довольно просто, но со вкусом.

— Здравствуйте, господа! — бодро поприветствовала их девушка. — Надеюсь, я вас не отвлекла?

Альфонс Браун любезно предложил этой леди присесть рядом с ним, девушка не отказалась и уже через минуту сидела рядом с королём. Казалось, её не смущало ни то, что Ал был одет лишь в простые штаны и рубашку, ни то, что рядом почти лежал Леонард.

— Нет, не отвлекла, — произнёс Альфонс. — Алесия, ты по делу или просто?

Девушка пожалала плечами и нагло стащила со стола несколько ягод винограда. Кормили в королевском дворце, нужно сказать, отменно. Теперь. Как оказалось, король Генрих не особенно любил все эти излишества в еде, так что, как только королём стал Ал, его тут же полюбила местная повариха, которая теперь могла готовить свои шедевры не только на праздничные банкеты, но и в обычные дни, что означало повышение её месячного дохода. А для неё, бесспорно, это было важно. Впрочем, для кого это было бы неважно?

Так что сейчас еда во дворце стала намного разнообразней. К тому же на столе стали появляться морепродукты, на которые у предыдущего короля была аллергия. Леонард любил

рыбу. Во всяком случае, её родители не заставляли есть так, как, например, эти противные варёные овощи!

— Так... Просто или по делу? — повторил Ал свой вопрос.

Алесия хмыкнула и обиженно посмотрела на короля. Впрочем, обида в её взгляде была явно наигранной, Леонард чувствовал это. Пожалуй, эта девушка была красива, немудрено, что она понравилась его другу. К тому же она, казалось, была чуть более раскованной, нежели многие придворные дамы, и это, возможно, тоже играло ей на руку. Новый король был молод. Намного моложе предыдущего. И, вероятно, поэтому был не так строг в моральном плане, как следовало бы монарху.

Впрочем, как часто говорили, это с возрастом проходило, так что за моральный облик королевства беспокоиться пока не следовало. К тому же кем была эта Алесия? Не женится же на ней Альфонс, в конце концов! Королевой эта мисс Хайнтс была бы не слишком хорошей.

— Разумеется, просто так! — проговорила девушка. — Когда это я приезжала по делу? Ал... А что это ты грустный такой? В нашу последнюю встречу ты был куда веселее... Что-то случилось?

Алесия немного пересела, и Лео почувствовал, как ему хочется поскорее выйти из комнаты — она уже находилась неприлично близко к королю, Леонарду даже пришлось отвести глаза, а минутой позже и вовсе, сославшись на плохое самочувствие, выбежать из комнаты. Альфонс, когда это случилось, засмеялся, но от Алесии всё же отстранился. Девушка удивлённо и даже немного обиженно посмотрела на него.

— Давай отложим это, — произнёс он серьёзно. — У меня было много дел вчера вечером. Я устал. Продолжим после. К тому же, не здесь. В спальне.

Алесия кивнула и осторожно пересела. Казалось, она понимала его, Альфонс был рад этому, он, правда, отказался по немного другой причине. У леди Кассандры сегодня был день рождения. Нужно как-то почтить память умершей. Мария не одобрила бы его поведения сейчас, если бы он поддался на эту провокацию со стороны мисс Хайнтс. И, Алу не хотелось в этом признаваться, его подруга была бы полностью права в этом.

Алесия была ослепительно красива, безумно привлекательна и весьма обаятельна, Альфонс с радостью бросил бы всё к её ногам, сделал бы королевой, но понимал, что этого шага он позволить себе не может. Это королевство не принадлежит ему. Он тут только временно, пока не вернётся Мария. И он не имеет права отдавать всё это Алесии, что бы он к той не чувствовал. К тому же... Мисс Хайнтс была девушкой лёгкого поведения, следовательно, королевой быть не могла. Королева должна быть образцом целомудрия и порядочности, качеств, которых у ослепительно прекрасной Алесии нет. И быть уже не может.

— До вечера? — спрашивает девушка, поднимаясь с дивана. — Ты обещал! Не забудь!

Алесия улыбается, выбегает из комнаты, даже это её действие безумно нравится Алу. Красива... Прекрасна... Замечательна... Но королевой не быть. Альфонс с улыбкой смотрит ей вслед и про себя понимает, что отпускать мисс Хайнтс он пока никуда не собирается. Дверь захлопывается за ней, и Альфонс Браун, новый король, облегчённо вздыхает. Сейчас он не имеет права думать о ней. Сейчас нужно найти Марию. Всё остальное — потом...

Комментарий к II. Глава шестая. То, что могло послужить отправной точкой...

* Канцлер Ги — Мой ангел

===== Бонусная глава. Отец Марии. =====

Брат мой, брат,
Огонь поднебесный,
Мне ответь, где ты отныне?
Молний ряд
Был тебе тесным,
А теперь не тесно в камине?
Я ушел, и теперь не жди,
Отсвет молнии впереди —
Это все, что тебе дадим;
Ты теперь один...
Брат мой, брат,
Душа водопада,
Мне ответь, где твоя радость?
Как же так
Наполнилось ядом
То, что пело, то, что смеялось?
Я ушел, и теперь не жди;
След размоют весной дожди,
Средь воды и звенящих льдин
Ты теперь один.
Брат мой, брат,
Молчание камня,
Мне ответь, где твоя сила?
Горных врат
Нет больше, а мне
Лишь остались скорбь да могила!
Я ушел, и теперь не жди;
Камнем сердце стучит в груди,
Скорбной памяти господин,
Ты теперь один!
Брат мой, брат,
Холодное сердце,
Что мне скажешь вместо ответа?
Как мешал боль с медом и перцем,
Как устал лететь против ветра?
Я ушел, и теперь не жди,
Перья крыльев моих найди;
В облаках и среди вершин
Ты теперь один!
Ты смешал на углях горелых
Явь со снами,
Веру с любовью;
Ты не черный — ты и не белый,
Ты не с нами. Мы — не с тобою. *

Мария сидела на толстой ветке дуба и читала книгу, которая, нужно заметить, была в

старой потрёпанной обложке. Девочке не хотелось возвращаться домой: сейчас там мама, а ребёнок был слишком обижен на неё, чтобы сейчас возвращаться в родную квартиру. Марии было грустно оттого, что мама даже не собирается приходить на школьный праздник завтра... Она, наверное, будет единственным ребёнком, к которому на праздник не придут родители... Опять. Когда она выпускалась из детского садика, она тоже была единственным ребёнком, к которому не пришли родители. Марии было обидно. Она всегда была не такой. Многие родители уводили своих детей подальше от неё, а мама... Мама просто вздыхала и пыталась как-то заставить дочь «исправляться». Ал пожимал плечами и пропускал её к себе домой, когда Мария слишком сильно ссорилась с матерью. Они были друзьями... Друзьями настолько хорошими, что родители всегда знали, что, если кто-то из них не пришёл домой, то он в гостях у второго. Но сегодня к Альфонсу приехала его мама, отвлекать его совсем не хотелось, всё-таки он так скучал по ней...

Возвращаться домой не хотелось ещё и из-за того, что мама обязательно начнёт ругать её за эгоизм. Подумать только: из-за Розы Мария должна теперь терпеть всё это, быть ненужной, забытой! Порой девочке казалось, что, не будь в её жизни Розы, всё было бы гораздо лучше... Лучше, чем сейчас... А мама снова начнёт твердить про эгоизм. Но разве плохо, что Мария просто не хочет быть хуже, чем все, хочет чувствовать себя любимой, нужной?! Девочка расстроено шмыгнула носом.

Отец Ала выскочил из парадной, где находилась квартира семьи друга Марии. Девочка ожидала этого: как только приходила его жена, мужчина выскакивал из дома, и это происходило вот уже как два года. С того самого момента, как Эбигейл Браун получила ножевое ранение в живот от своего мужа. Видимо, рана была не слишком серьёзная, так что поправилась мама Ала довольно быстро, насколько это было возможно. Наверное, поэтому Джошуа Браун не попал в тюрьму... Впрочем, Мария только догадывалась обо всём этом. Разве она могла что-то знать? Знала девочка только то, что дело помог замять один из врачей в той больнице, где лежала мама её друга.

— Ну что, принцесса? К школе готовишься? — спросил мужчина, заметив подругу своего сына.

Мария кивнула. Мистер Браун был отцом её лучшего друга, и пусть Ал не слишком его жаловал, девочка знала, что дядя Джошуа, в целом, неплохой человек. Да, он порой бывал несколько грубоват, но зато он никогда ничем не обижал ни её, ни Ала. А тётя Эбигейл... Что случилось тогда на кухне в доме Браунов, Мария знала, наверное, даже лучше, чем Альфонс. Это у неё на глазах тогда всё произошло. У неё, пятилетней девочки, которая зашла в гости к другу... Крики тётки Эби, наверное, тогда слышал весь дом. А дядя Джошуа... Мария знала, что он мог подолгу терпеть свою жену. А что случилось в тот раз... Девочка плохо помнила, что тогда произошло, помнила только, как дядя вызывал скорую, как приезжали врачи, как её попросили отправляться к себе домой...

— Готовлюсь... — буркнула Мария недовольно.

Мистер Браун удивлённо посмотрел на девочку. Та казалась грустной для ребёнка, который уже целых два года твердил, что хочет побыстрее вырасти и пойти в школу, чтобы с кем-нибудь познакомиться... Да он просто не верил, что этот ребёнок, как и его сын, не хочет идти в школу именно из-за учёбы! Да и не из-за того, что не хотелось с кем-то общаться...

— Что-то случилось? — взволнованно спрашивает он, и девочка грустно кивает. — И что же?

Где-то с минуту ребёнок недоверчиво смотрит на него, а потом, будто что-то обдумав, осторожно пытается слезть с ветки, на которой сидит. Одно неловкое движение — и Мария чуть не падает. Мистер Браун едва успевает подхватить её. Ветка находится не так уж высоко от земли, чтобы представлять большую опасность для ребёнка, но девочка вполне могла себе что-нибудь сломать, если бы Джошуа не успел. Книга из рук Марии выпала. Мужчина поднялся, чтобы поднять её, и застыл в удивлении.

— «Чёрная магия. Обряды»... Мария, это что такое? — Девочка покраснела и вырвала из рук мистера Брауна книгу.

По рассерженному взгляду ребёнка Джошуа понял, что Мария, скорее всего, взяла эту книгу именно потому, что ей доставалось слишком мало внимания от матери. Пожалуй, Кассандру Фаррел мужчина мог понять — одинокая женщина с двумя детьми, младший из которых серьёзно болен. Конечно, на старшую дочь у неё оставалось мало времени! Слишком мало... Но ребёнку же не объяснишь, почему мама занимается им меньше, почему будто бы любит его меньше...

Правда, в том, что Кассандра любила дочерей одинаково, сомневались уже все. Конечно, Мария была слишком самостоятельной, слишком непослушной, непоседливой, с ней было трудно общаться, и её было тяжело в чём-то убедить, в отличие от младшей своей сестры, Розы, милой и послушной девочки, которая никогда не делала то, что ей запрещали. Впрочем, Розе пока всего три года. Кто знает, что будет дальше?

Мария была лишь ребёнком, которого не замечали... Даже не так... Она не казалась ребёнком: серьёзный маленький человечек, но не ребёнок... Джошуа Браун с жалостью смотрел на лучшую подругу своего сына. В конце концов, девочка не виновата в том, что у её сестры подозревают лейкемию, не виновата в том, что ей постоянно приходится делать всё по дому, не виновата в том, что родилась в такой семье. Никто не виноват. И мужчина мог бы понять Кассандру, если бы та хотя бы попыталась наладить свою жизнь. Не ради себя — ради своих детей. Этой женщине однажды предоставлялась возможность выйти замуж, мистер Браун знал об этом, в их дворе все об этом знали, хоть никто ничего и не говорил.

Мария казалась грустной, и мужчине искренне было жаль девочку, которая снова чувствовала себя одинокой и ненужной родной матери. Джошуа понимал её, наверное, лучше, чем кто-либо другой. Ал, его ребёнок, его восьмилетний мальчик, казалось, ненавидел его; пожалуй, это было куда хуже равнодушия Кассандры, но Мария была всего лишь ребёнком, ей ещё не исполнилось семи... Она ничем не заслужила равнодушия по отношению к себе просто потому, что ещё не могла успеть заслужить...

— Мама снова не замечает тебя? — спрашивает мистер Браун.

Девочка кивает, в её глазах стоят слёзы, но мужчина видит, как ребёнок старается не заплакать. Джошуа как-то видел, как Мария заступилась перед своеобразной бандой малолетних сорванцов, когда те начали задирать какого-то маленького мальчишку. Тогда ей сильно досталось, но она не плакала. Не звала на помощь, не кричала. Но девочка была готова разреветься сейчас...

— Она не придёт завтра на линейку... — бормочет Мария.

Вот оно что... Линейка... На месте Кассандры он бы ни за что не отказывал ребёнку в этом, быть может, отчасти потому, что в прошлом году Ал чуть ли не истерил, говоря, что видеть отца в этот день не желает. Отказываться от возможности провести со своим ребёнком лишние полчаса — глупо. Тем более, насколько помнил мужчина, в этот день Кассандра не работала. Жертвовать одним ребёнком ради интересов другого —

неправильно, пусть даже тот, другой, серьёзно болеет. Быть может, дети и не будут в равных условиях, полностью пренебрегать здоровым совсем неправильно. Роза тяжело болела, но Мария была просто ребёнком, невиноватым в этом. В конце концов, могла же Кассандра хоть раз в жизни побывать на празднике, который так важен для её старшей дочери? Единственный праздник. Неужели это так трудно? Джошуа не понимал. Он бы отдал всё на свете, чтобы Ал пустил его на эту линейку в прошлом году, но мальчик пригласил свою маму, а отцу запретил там даже показываться... Впрочем, не запретил. И Джошуа Браун был в прошлом году на поступлении сына в первый класс, но мужчина видел, что Ал вовсе не рад его видеть.

Когда всё это началось? Наверное, мистер Браун сам упустил тот момент, когда ребёнок стал отдаляться от него: тогда ему казалось, что слишком рано, что он ещё успеет вдоволь повозиться с сыном, когда тот чуть-чуть подрастёт. Да, Джошуа не уделял ребёнку нужного внимания тогда, когда тот был совсем крохой, но на то были свои причины... Так ему тогда казалось... Теперь всё представлялось иначе, но Ал уже к отцу не тянулся так, как в раннем детстве... А после того случая два года назад и вовсе стал отталкивать.

Впрочем, возможно, он сам придумал эту стену, возникшую между ним и сыном, и теперь его ребёнок просто не хотел рушить её, возможно, просто боясь, что когда-нибудь отец снова про него забудет. И в этом виноват только он, Джошуа, теперь рассуждающий о том, как следует поступать Кассандре Фаррел.

— Я буду единственным ребёнком, к которому не придут родители! — горько вздыхает девочка.

Её хочется пожалеть, но — мужчина уже знает это — Мария не любит, когда её кто-то жалеет. Джошуа прекрасно помнит, как эта девочка кричала на его сына, и пусть она не станет кричать на него, расстраивать её ещё больше совсем не хочется.

— Почему она не может взять с собой Розу и пойти? — спрашивает маленькая мисс Фарелл.

Джошуа не может ответить ей. Перед ним стоит всего лишь маленькая девочка, которой просто не хватает внимания матери. Её можно было лишь пожалеть, посочувствовать ей. Мистер Браун с горечью смотрел на девочку и думал о том, что Ал не будет рад видеть его завтра, да и вообще мальчик не пустит его туда... А Мария так хочет, чтобы кто-то пришёл на эту линейку вместе с ней. Она просто ребёнок, которому хочется чувствовать себя нужным... И пусть она больше похожа на мальчишку-сорванца, она самая обычная девочка.

А ещё этот ребёнок одного роста с Алом, и волосы у неё такие же светлые, как у сына Джошуа Брауна. Такие же светлые: когда она стоит так и не смотрит на него, Марию вполне можно принять за Альфонса...

— У твоей мамы много дел, — произносит мужчина неожиданно для самого себя, — но, если ты хочешь, я могу пойти с тобой.

Мария удивлённо смотрит на него. Глаза у неё тёмные, почти чёрные, а не небесно-голубые, как у её матери и сестры, да и взгляд у неё совсем другой. Джошуа не раз замечал это. Но сейчас эта девочка была ещё больше похожа на одинокого брошенного ребёнка, куда больше, чем обычно. Настолько удивлённого, доверчивого взгляда он никогда не видел...

— Хочу! — вскрикивает Мария. — Очень хочу!

Когда малышка Фаррел кидается к нему, когда вдруг обнимает, Джошуа Браун чувствует, как в его горле застревает комок, как он уже почти не может дышать... Он не ожидал, что она бросится к нему, никак не ожидал. И, тем более, он не ожидал, что девочка

сейчас разревётся. Она всхлипывает, старается обнять его ещё крепче, а Джошуа не понимает, что происходит.

— Ну, перестань... — шепчет мистер Браун, не зная, что ему теперь делать.

Мария сама не знает, почему она бросилась к дяде Джошуа, но ей так хотелось, чтобы он пришёл завтра на этот праздник... Иногда девочка замечала, что они с Алом очень похожи, к тому же не заметить этого было просто невозможно — об этом говорил каждый. Как-то раз их даже приняли за двойняшек. Двойняшками они, разумеется, быть не могли — Альфонс был старше её на год, а вот братом и сестрой? Мария не знала, кто именно был её отцом. Мама никогда не поднимала эту тему. Быть может, она дочь Джошуа Брауна? И поэтому он так хорошо к ней относится? А сказать об этом не может потому, что у него самого есть жена и сын...

И тогда слова тёти Эбигейл принимали совсем другое значение, да и у самой Марии к ней появлялось совсем другое отношение. Поэтому тётя Эби так ревновала? Потому что мама Марии куда красивее её, куда более обаятельна? Потому что просто боялась остаться без мужа? Но Кассандра Фаррел замуж не собиралась: она постоянно твердила, что не может вступить в брак с человеком, который ей не ровня. Так что миссис Браун не следовало так переживать...

Быть может, всё то время, пока она пыталась найти человека с фамилией Фаррел, она делала что-то в корне неверное? И её отец был куда ближе к ней, чем ей казалось раньше? И именно поэтому она и Ал так похожи? Девочка чуть-чуть отстраняется от мужчины и пытается поймать его взгляд, когда Джошуа вновь смотрит на неё. Мария набирает в грудь побольше воздуха. Ей нужно сейчас спросить кое-что.

— Ты мой папа, да? — вдруг озвучивает свою догадку маленькая мисс Фаррел. — Поэтому тётя Эбигейл так злится на меня и на тебя?

«Откуда в голове маленькой девочке появилась эта мысль?» — думается мужчине. Он и не знал Кассандру, пока она не переехала сейчас, а это было ровно за месяц до родов. Он просто не мог быть её отцом, что бы не говорила Эби, просто не мог, хотя, возможно, был бы рад иметь второго ребёнка. Но Эбигейл забеременеть второй раз не могла: первые роды были слишком трудные, да и последовавший за этим выкидыш... То, что Мария и Альфонс так похожи, было простой случайностью, хоть старушки, вечно сидящие во дворе, видели в этом какой-то скрытый смысл. Как и Эби. Только проблема заключалась в том, что смысла в этом не было. Они просто были похожи. И это не чья-то вина.

Но сказать девочке, что это не так, язык не поворачивался. Мужчина впервые в жизни совсем не понимал, что ему делать. Мария росла сироткой при живой матери и с самого знакомства с Альфонсом была просто одержима идеей найти отца. Сначала она просила Ала бродить с ней по улицам в надежде встретить того человека, потом стала упрашивать взрослых провести её в архив... Джошуа не мог ничего сказать: девочка слишком расстроится, если сказать ей правду, но и врать он не мог.

— Я понимаю, почему ты не отвечаешь, — шепчет вдруг она. — Ты не хочешь расстраивать лишний раз тётю Эбигейл. Я понимаю. Всё равно хорошо, что ты мой папа... Я, наверное, не буду это рассказывать, хорошо? Мне кажется, ему это не понравится...

Мария по-своему поняла его молчание; наверное, стоило ей сказать сейчас, что всё не так, как она думает, но... Джошуа неожиданно для самого себя кивает и осторожно опускается на корточки перед девочкой. Тем более, она не хотела никому об этом рассказывать. Это хорошо. Только вот не случится ли с ней ничего дурного, когда она узнает

— а мужчина был уверен, что рано или поздно она узнает, — что её отец вовсе не Джошуа Браун? Что тогда?

— Я рад, что ты понимаешь, Мария, — тихо произносит мужчина. — Ты очень умная девочка для своих лет.

Он сам не ожидал от себя этих слов. Нельзя сейчас говорить ей, что она ошибается. Она будет слишком подавлена, узнав, что отца у неё пока нет. У Розы был, но не у неё. Мария никогда не видела его, да и не могла видеть — он бросил её мать Кассандру ещё до того, как она родилась, а, быть может, и вовсе не знал о беременности той. А у ребёнка должны быть родители. У любого. Тем более, если один с ним не справляется.

— Давай я отведу тебя домой, — говорит он так же тихо. — Твоя мама волнуется. К тому же тебе нужно завтра рано вставать, ты помнишь? Да и мне надо сказать твоей маме, что ты пойдёшь завтра со мной.

Девочка кивает, в её глазах уже появляется чувство какой-то радости, которую Джошуа раньше никогда не видел. И теперь сказать ей, что на самом деле он ей чужой человек, он не может и вовсе. Дети не должны страдать из-за грехов их родителей. Дети должны быть любимыми и нужными, иначе они могут перестать быть детьми куда раньше, чем нужно. А Мария... Он всё равно следит за ней. Она дружит с Алом уже три года. Ему не трудно будет уделять ей чуть больше внимания и говорить, что он её отец. Нужно обсудить с Кассандрой это. Она — мать, и она должна решать, возможен ли такой вариант.

Джошуа Браун отводит девочку домой, Кассандра, как оказалось, даже не заметила исчезновения старшей дочери: она сейчас что-то читала Розе, которая, как видно, только недавно заснула. Какую-то сказку про принцесс. В этой квартире было много разных фильмов, мультфильмов и книг про королевские семьи; видимо, Кассандра увлекалась этим, а, возможно, была как-то связано с одной из достаточно богатых семей, просто её выгнали из дома из-за нежелательной беременности, чтобы избежать скандала. Тогда возможно объяснить её почти равнодушное отношение к Марии. Но не понять. Понять это отношение к девочке мужчина не мог.

— Ложись спать, — просит он старшую дочь, та кивает и убегает в свою комнату. — Мне нужно с Вами поговорить, Кассандра.

Женщина удивлённо смотрит на него, впрочем, кажется, соглашается, только перекладывает Розу в кровать, а после просит мужчину пройти на кухню. Квартира у семьи Фаррел обставлена куда скромнее, чем у Браунов, впрочем, мужчина не особенно завидует. Эта женщина едва может уделять внимание своим детям, и те страдают из-за этого.

— Да, мистер Браун, — произносит Кассандра. — О чём Вы хотели со мной поговорить? О Марии? Она что-то натворила, так?

Джошуа кивает, потом качает головой: он даже не знает, как начать этот разговор с матерью подруги его сына. Возможно, следует начать с того, что девочка ещё слишком маленькая, что чувствует себя одиноко, возможно, с того праздника, из-за которого Мария так расстроилась, возможно... Мужчина не знает, с чего ему начинать.

— Мария решила, что я её отец, — произносит Джошуа Браун тихо.

Кассандра кивает: кажется, она предполагала, что такое возможно, от этого мистеру Брауну становится неудобно, неуютно находиться рядом с ней. Женщина же тяжело вздыхает, так, будто бы её дочь приносит ей слишком много проблем; впрочем, Мария на самом деле не была самым послушным ребёнком, но... Джошуа снова не знал, что сказать.

— Поняла, — говорит Кассандра. — Я завтра же скажу ей, что это не так. Извините за

причинённое беспокойство.

Джошуа вздрагивает. Он совсем не хочет, чтобы девочка узнала это сейчас — он сам не понимает, почему это так важно для него. Мужчина качает головой, вздыхает, мысли его находятся в ужасном беспорядке, и объединить их слишком сложно. Он не хочет, чтобы Мария думала, что он соврал ей. Хоть и понимает, что девочка когда-нибудь, так или иначе, всё узнает.

— Нет! — голос его звучит почти умоляюще. — Она чувствует себя одиноко, её беспокоит тот факт, что у неё нет отца. А я всё равно приглядываю за ней, она всё-таки подруга моего Ала... Поймите, я могу делать вид, что я ей отец. Возможно, Вы избежите многих проблем, если она будет думать, что у неё есть двое родителей...

Кассандра удивлённо смотрит на него. Он, пожалуй, и сам не ожидал, что скажет это. Джошуа никогда не думал, что будет когда-нибудь говорить с женщиной, прося её говорить её ребёнку, что отец — он, хотя это и не так. Возможно, как казалось мужчине, сказывалось то, что эта девочка была самым близким другом его сына, и, возможно, сделать больно ей — сделать больно его ребёнку.

— Она хочет, чтобы я пришёл завтра на её праздник, — бормочет мужчина.

Мисс Фаррел кивает: она, наверное, не ожидала такого поведения от своего соседа, впрочем, он и сам от себя этого не ожидал. Кем была ему эта маленькая девочка, Мария? И почему ему так не хотелось оставлять её в таком подавленном состоянии, в каком нашёл сегодня вечером?

— Вы... хотите прийти? — удивляется мама девочки, и Джошуа кивает.

Конечно, он хочет прийти; другой вопрос, что ему хочется увидеть, что и с его сыном всё в порядке. Но Мария не чужой человек его семье: Альфонс слишком тесно с ней сдружился за эти три года, она стала ему почти родной. И Джошуа спокойно может следить за обоими детьми, это никак не будет ему мешать. Нисколько. Он и так следил за ними двоими. Разве будет трудно делать это теперь?

Мария в это время сидела на подоконнике, прижимая к себе игрушечную машинку, подаренную ей Алом на день рождения. Если дядя Джошуа — на самом деле её отец, тогда понятно, почему он так беспокоился и за Альфонса, и за неё. Чувство какой-то нужности наполняло её, и девочке было легче. Ей хотелось верить, что теперь всё будет нормально. И она отныне могла сказать, что верит в это.

Комментарий к Бонусная глава. Отец Марии.

* Канцлер Ги — Брат мой, брат

P.s. Всех с праздником. Не знаю, с какой частотой теперь будут публиковаться главы, но буду стараться чаще.

===== II. Глава седьмая. День из спокойной жизни. =====

Не по закону власть дана!

Как представитель темной расы,

Творил он грязные дела

Со злобной в сумраке гримасой.

Уподобляясь тем, кто был

Бичом судьбы его несчастной,

Он так же кровь чужую пил,

Себя утратив в жажде страстной.

Сверкают алые зрачки,

И люди — как мишени в тире.
Не понимают новички,
Что они — твари в этом мире.
Внушая смертным лишь кошмар,
К манерам склонны непристойным,
Передают великий дар
Лишь в высшей мере недостойным.
Той жизни не помню, все как во мгле,
И это порою нравится мне.
Отныне изгоем быть не с руки,
Повсюду со мною ученики.
И если мой опыт
Кому-то поможет,
То день не зря будет прожит.
Сейчас все неплохо — другая эпоха,
И древнего рода менялась природа,
Лишь вид небосвода столетиям не изменить!
Великих вампиров время прошло,
Но алое солнце снова взошло.
Предатель не пойман! И всякий сброд
Порочит достойный древний наш род.
Теперь каждый малый
Клыками стращает,
В тайну других посвящает.
Всем предстоит вас,
Друзья, понять:
Путь зрячих — Людям жить давать,
Участь слепых — убивать!*

Тьма казалась почти приятной. Она не ослепляла, не кричала о том, что она здесь, не просила проснуться. Она просто обволакивала чародея с головы до ног, усыпляла его сознание, будто не давая проснуться... Хотелось спать, страшно не хотелось просыпаться... Чёрному магу не хотелось выныривать из этого сна. Что хорошего осталось там, за этой гранью реальности и небытия? Что осталось там? Только боль, разочарование, страдания — стоило ли просыпаться ради всего этого? Тем более, его должны были казнить скоро... Не проще ли умереть во сне, не почувствовав ничего: ни страха, ни той жуткой боли, которая может быть; впрочем, насчёт последнего часть души чернокнижника ещё сомневалась...

Было слишком темно, слишком спокойно и тепло. Голова болела, было такое чувство, что всё перед глазами плыло, но точно знать этого Паул не мог — увидеть что-то в этой темноте было почти невозможно. Никто не тормозил мага, не пытался заставить его проснуться, очнуться от этого проклятого сна, от которого, казалось, даже при желании очнуться было нельзя.

Но Паулу не хотелось просыпаться, голова раскалывалась, всё тело болело, а от одной мысли, что просыпаться придётся в холодной сырой камере, становилось ещё хуже, браслеты из антимагического железа немилосердно жгли кожу. Почему его до сих пор не казнили? Неужели только из-за того, что он заболел в день перед своей казнью? Разве это кого-нибудь

когда-либо останавливало? Разве не проще казнить его, пока он не пришёл в себя? Всё дело наверняка в неопытности самопровозглашённого монарха, как там его звали... Генрих или кто-то другой, скорее всего, уже давно приказал бы отрубить Паулу голову, а то, может быть, и вовсе отправить чернокнижника на костёр... Костёр... Сожжение... Одна из самых отвратительных смертей... Паулу бы не хотелось умереть так, совсем не хотелось бы.

Открыв глаза, чернокнижник понимает, что находится не в камере: в помещении, где он очнулся, было слишком светло для камеры, хоть и так же холодно, как и там. Потолок в помещении, где оказался Паул, был деревянным, что могло означать так же и то, что некроманта не перетащили в другую камеру. К тому же лежал маг на кровати, а не на каменном полу. Кто мог притащить его сюда? Рядом пока никого не было...

Впрочем, скоро в комнату кто-то вошёл, и Паул предпочёл прикрыть глаза. Мало ли кем может оказаться этот человек? Шаги вошедшего показались смутно знакомыми чернокнижнику, человек этот, правда, молчал, но маг уже, кажется, понимал, кто именно к нему пришёл. Эрик... Что он тут делал? Неужели он тоже попал в тюрьму? Идиот! Неужели всё, что пережил Паул в этой тюрьме, было напрасно? Разве не мог Эрик просто сбежать куда-нибудь, чтобы больше не попадать в руки к людям нового короля? Из-за пропажи этой девочки, Марии, Альфонс слишком сильно волновался, хотя, наверное, волноваться из-за этой девчонки было просто глупо. Вряд ли принцесса могла попасться этому сумасшедшему, отцу Эрика, да и на принцессу, внучку короля, похожа она не была — слишком сумасбродная, вспыльчивая, энергичная, она не была похожа на тех пассивных леди, к каким относилась её мать, принцесса Кассандра. Паул за несколько дней общения с девушкой о ней немного узнал. Вряд ли она могла попасться тому сумасшедшему. Да и тела её он не видел в той горе трупов, которую за три дня до восстания увозили на кладбище. Да уж... Отец Эрика был ещё тем сумасшедшим, наверное, сказывалось его прошлое — бывший военный, генерал, да ещё и родной брат убитой королевы Аделаиды. Сколько ему было лет на момент убийства этой женщины? Восемнадцать? Двадцать? Двадцать пять? Во всяком случае, он был ненамного старше Альфонса. Понять этого мальчишку, конечно, можно. Мария была его близким другом, и сам парень свою жизнь отдал бы за Эрика, если бы такое потребовалось. Он бы и отдал, только вот этот дурак, почему-то, вернулся в тюрьму, от которой чернокнижник его и спасал.

Голова жутко болела, в глазах всё плыло... И только сейчас мужчина начал понимать, что он лежит в том доме, на который он помогал Эрику копить деньги. Небольшой белый двухэтажный домик на окраине столичного городка, в нём было всего комнат шесть, но зато там было тепло и светло...

— Очнулся? — услышал маг голос друга. — Ты пролежал без сознания целых пять дней!

Паул приподнялся на кровати, хотя и не без помощи Эрика, который выглядел очень уж обеспокоенным, впрочем, он всегда был несколько нервным, особенно после смерти сестры, и потянулся за подносом с едой, что принёс его друг, но тут же одёрнул руку — браслет на руке жёг запястье. Интересно, что было под этим браслетом... Кожа там ещё осталась? Сейчас Паул мог поклясться, что, даже если бы у него на руке у него не оказалось одного-двух пальцев, он бы не заметил этого из-за своего самочувствия. Хотелось орать от боли, пронзающей тело. Что же... Это только доказывало, что сейчас ни за какую работу приниматься было нельзя. Тело чёрного мага не выдержит ни малейшего потрясения.

— Эрик, у меня два вопроса к тебе... — пробормотал чернокнижник, осторожно ложась обратно.

Друг мага кивнул, по правде говоря, чувствуй себя Паул хоть немного лучше, он обязательно бы поинтересовался у Эрика, есть ли что-то, что того не может удивить, но сейчас почему-то совсем не хотелось, наверное, всё дело было в этих проклятых браслетах, что на него нацепили. Альфонс Браун — ребёнок, мальчишка, которому Паул, чернокнижник со стажем, если так можно было сказать, сумел проиграть. Эрик смотрел на друга с таким волнением, что магу хотелось его просто придушить за такую заботу. Кто в последний раз беспокоился о нём? Это было слишком давно...

— Итак, первый — как я тут оказался?! — недовольно фыркнул мужчина. — И второй — какого фига ты не стащил с меня эти браслеты, раз уж притащил?!

Племянник покойной королевы Аделаиды, если, конечно, родство с ней его отца было правдой, вздрогнул от неожиданности, когда Паул почти выкрикнул последние слова. Маг был рассержен, и рассержен не слабо, наверное, Эрику действительно следовало снять браслеты, но, если быть честным, он просто не мог убрать эти приспособления. Эти антимагические штуки, как их про себя окрестил парень, никак не снимались, какие бы усилия он не прилагал. Они словно ещё глубже впивались в кожу мага, будто бы ещё сильнее начинали мучить того — во всяком случае, каждый раз, когда Эрик пытался стащить их с рук Паула, тот стонал от боли и отдёргивал руку. В конце концов, парень прекратил любые попытки стащить эти приспособления с рук друга.

— Ну... Как ты уже понял, это я тебя сюда притащил... А браслеты не снимались... — виновато пробормотал бывший революционер.

Паул тяжело вздохнул. Конечно... Как это он мог не догадаться обо всём?! Всё было очень просто — просто так снять ограничители магии было невозможно, если они были сильнее определённого уровня, а на Паула точно нацепили одни из самых сильных, он же смог взломать систему магической защиты города... Если бы не эта дура Кая, он бы уже давно был на свободе, да и куда в лучшем состоянии, чем сейчас, хотя бы потому, что за те дни, которые он провёл в тюрьме после того дня и без сознания он мог провести, хотя бы, в этом самом домике, только уже куда больше времени уделяя не своему лечению, а отдыху или работе.

Но Кая вмешалась. Из-за этого Паул чуть не умер там, в тюрьме, а ведь всё могло быть куда проще. Те браслеты снялись довольно легко, во всяком случае, чернокнижнику на это понадобилось чуть больше двух часов... А вот сейчас, скорее всего, понадобится куда больше времени, и не только на снятие, но и на восстановления после. Это было тем, за что он вполне мог бы проклясть эту девчонку.

— Картер... Ты идиот, каких ещё свет не видывал... — устало буркнул маг. — Почему я ещё с тобой вожусь? Вот скажи мне, пожалуйста... когда я тебе объяснял, что браслеты можно снять с помощью золотой цепочки, ты чем слушал?

Эрик пожал плечами. Если говорить честно, ему иногда самому казалось, что он не выдержит ворчливого Паула, впрочем, если тот что-то и говорил, то это было действительно оправдано. Только вот золотой цепочки у Картера не имелось. Украшений у Милены было совсем немного, да и были это всего-то два или три металлических колечка... На большее денег у них не было...

— Ладно... — тяжело вздохнул Паул. — А когда я тебе говорил, куда положил украшения леди Траонт, которые украд три года назад?

Эрик вздрогнул только от упоминания имени этой женщины. Джулию он ненавидел, хотя, наверное, ненавидеть стоило себя за ту глупость, из-за которой погибла Милена, его

младшая сестрёнка...

Маг вздохнул снова и отвернулся к стене, показывая, что говорить с другом сейчас не намерен. Тот поставил поднос с едой на тумбочку и, стараясь не шуметь, вышел. А Паулу хотелось только убить ту девчонку, Каю Файр, которая была причиной части несчастий, посыпавшихся на голову чёрному магу.

Несчастия... Всё было бы ничего, если бы дар магии не мог отняться у него из-за нервного и физического истощения... Дар нужен был ему сейчас. Сейчас больше, чем когда-либо. Исследование, которое должно было открыть ему, что же случилось тогда — в момент раскола мира на три части, — было под угрозой... Он уже смог открыть вид магии, который не был известен ему до этого, только этого было мало. Ни одного человека, владевшего ей, он не знал. И не мог знать. Говорили, очаги магии сохранились только в руинах старых храмов, только вот нужно было найти именно тот храм. Где Паул мог отыскать таковой? И как он мог искать его сейчас, если невозможно было даже пошевелиться?

Чернокнижник ненавидел, когда ему мешали, и Кая была не исключением. Сейчас он был готов просто убить эту девчонку, что помешала ему несколько недель назад сбежать из тюрьмы, хотя ещё какое-то время назад она ему даже нравилась — тихая, спокойная, бессловесная. Но она сейчас была далеко, а маг чувствовал себя настолько неважно, что думать о том, чтобы как-то отомстить этой девчонке, было как-то глупо. Он не мог сейчас отомстить ей. Нужно было думать об этом позже, сейчас же нужно выжить, выздороветь, чтобы заняться тем, чем он хотел заниматься до революции, устроенной Эриком...

***

Воспоминания могут приносить и радость, и боль, и равнодушие, накатывающее с такой силой, что становится просто страшно. Пустота кажется и пыткой, и убежищем. Ощущения сплетаются в диком танце. Каждая мысль отдаётся болью, но не думать просто невозможно...

В тот день, когда всё началось, девушка даже подумать не могла, какой станет её дальнейшая жизнь. Она была племянницей короля, она была никем, ничтожеством, за которым постоянно следили. Ни одного неверного шага позволить себе было нельзя. Это обернулось бы полнейшим крахом, гибелью. Разве могла подумать девушка о том, чтобы как-то измениться, преобразить свою жизнь? Сейчас ей казалось, что не так уж и глупо она поступала. Тогда она была чистой, невинной и доверчивой девушкой, которая могла бы выйти замуж за какого-нибудь генерала, родить ему с десятков ребятишек и изредка появляться в обществе. Сейчас она стала светской львицей, которую принимали на любых балах, в любых салонах, на любых встречах. Считалась красавицей, только вот полюбить её теперь вряд ли кто-то мог. Таких, как она, презирали и боготворили одновременно. Дамы фыркали, только увидев её, а мужчины брезговали, но, однако, от этого не менее жарко шептали по ночам слова любви. Впрочем, только по ночам. На большее она рассчитывать не могла. Теперь — тем более. Любовница короля... Таких вообще в обществе ненавидели. Что она могла сделать?

Раньше всё было проще — именно к этому выводу сводились все размышления девушки о том, что она не могла поступить иначе. Могла. Просто хотела вырваться из привычного ей ада в ад куда более страшный. Ад, полный золота, красивых приёмов и слов... Ад, из которого ей уже не выбраться в этой жизни, разве что после смерти... Муки одиночества не проходили, пришли к ним только ещё и муки совести. На душе, почему-то, всегда было тяжело, что бы она не делала....

Алесия сидела на диване и внимательно наблюдала за тем, что делал сейчас Альфонс. По правде говоря, просьба Хоффмана показалась девушке несколько странной — граф никогда не просил её переспать с кем-то дважды. Впрочем, когда-то мисс Хайнтс удивило и то, что граф вообще сказал, что будет подбирать ей кавалеров. В общем, девушке было безразлично, кого он ей подбирал. Хоффман был человеком принципиальным и исключительно благородным, как ей казалось когда-то. Про благородство она, конечно, немного ошиблась, а вот принципиальность графа была необычной. А Альфонс Браун... Этот мальчишка, если говорить правду, был ей симпатичен. В первый раз Георг приставил её к нему, когда что-то пошло не так в разговоре графа с принцессой Марией. Наверное, даже представлять не стоит, как огорчился Хоффман, когда произошла эта революция, в результате которой та девчонка пропала.

— Грустишь? — задумчиво произносит Ал. — Что-то случилось?

Алесия улыбнулась: она уже почти целый день ждала, когда новоиспечённый монарх обратит на неё внимание, и, пододвинувшись поближе к парню, поцеловала его. Король, правда, отстранился. Девушка обиженно посмотрела на него, фыркнула и отвернулась. Такие действия были позволительны ей. Даже Хоффман разрешал ей это, когда они были любовниками, правда, как заметила Алесия, быть другом графа оказалось куда выгоднее. Да и спокойнее.

Мысли девушки постепенно вернулись к Анне. То, что происходило между графом и этой леди, волновало племянницу короля уже очень давно. И теперь было понятно, что их отношения шли к свадьбе — Хоффман публично объявил, что эта девушка — его невеста. Анна совсем не являлась красавицей — слишком худая, бледная, темноволосая... Так же она не была богатой или знатной. Просто девушка, которая смогла сделать то, что её предшественницам не удавалось. Впрочем, Алесия всё равно была уверена, что долго на пьедестале Анна не продержится. Хотя бы из-за своей ревности, которая не давала покоя Хоффману уже долгое время. Что нужно было графу в Анне? Что? Алесия не могла понять.

Изображать обиду было, пожалуй, необходимо. Так мисс Хайнтс могла хоть немного отвлечься от переживаний о Монике, которая способна натворить чего-нибудь из-за своей горячности. Эливейт была, конечно, дурой, но пока только её Алесия могла назвать подругой.

— Не обижайся... — шепчет Альфонс ей на ухо. — Я правда сейчас не могу думать ни о чём другом, кроме Марии. Она мне почти сестра. Я боюсь, что она погибла... Я боюсь потерять, понимаешь?

Алесия не понимает: в её жизни не было людей, которых бы она любила. Даже друзья — Георг Хоффман, Гораций Бейнот и Моника Эливейт — были для неё просто развлечением, тем, с кем можно было хорошо провести время. А кем был Альфонс? Они оба играли друг с другом и оба об этом знали. Она не была его королевой, а он не был её королём. Просто игра... Такая же интрижка, как и все остальные. Не больше. Ей даже участь официальной любовницы короля, которую чтили и уважали немногим меньше королевы, не грозила. Она была просто девушкой, которая оказалась в постели короля, но к которой монарх не чувствует ничего, кроме похоти.

Алесия осторожно поворачивается к Альфонсу; только сейчас она замечает, что тот одет в парадный мундир. Конечно... Опять военный совет! Её дядя мундир надевал только на эти советы. Ну, ещё на балы. Но бала не было. Её пригласили бы на бал, да и, если бы не пригласили, она бы знала об этом. Точно знала бы. А о советах никогда не говорили. Те, кто

должен был знать о них, знали и так.

— Я понимаю, — врёт девушка. — Ты беспокоишься о ней, но от того, что ты сам лишаешь себя из-за этого всего, ей легче не станет, где бы она ни была...

Хоффман был подозрительно спокоен. Наверное, девчонка у него... Алесия вздрагивает от своей догадки: вот где находится Мария. Граф Георг Хоффман был тем человеком, который вполне мог бы скрыть её нахождение у себя дома. Только вот дома ли? Где он мог её прятать? Не в столице. Это точно. Анна была настолько ревнива, что туда Хоффман девчонку бы не потащил... В небольшом загородном особняке Марии точно не могло быть, Алесия бы узнала об этом первая от Горация, который сейчас жил там... Так где же граф мог прятать принцессу? Ну, не убил же он её, в самом деле!

— Алесия... Наверное, ты права... — прошептал король. — Думаю, нужно...

Договорить парень не успел: дверь распахнулась, и в комнату вошёл граф Траонт. Алесия знала этого человека. Один из самых вздорных, он был изгнан из столицы своим братом, королём Генрихом. Так же он не был так богат и властен, как его сестра — леди Джулия Траонт, женщину, которую Алесия понять никак не могла, хотя порой ей казалось, что они находятся довольно близко в своих судьбах.

Теодор Траонт был довольно привлекателен в свои сорок лет, впрочем, Алесия даже близко подходить к нему не хотела. Траонт ненавидел её с первой их встречи. Тогда она была ещё той самой девочкой, которой ей хотелось снова стать теперь... Почему он так невзлюбил её? Говорили, у него когда-то была интрижка с дочерью короля Генриха, Кассандрой. А так же поговаривали, что Алесия была внешне очень похожа на эту женщину, а тогда, наверное, ещё и характером.

— Я надеюсь, что не помешал вам, — мрачно проговорил граф, присаживаясь в кресло, которое находилось ближе к двери.

Ал поднялся с дивана и подошёл к незваному гостю, впрочем, как поняла девушка из разговора, последовавшего за этим, незванным гость вовсе не был — новый король звал лорда Траонта. И, видимо, именно поэтому сейчас не хотел что-то делать. Следовало Алесии догадаться... А она... Она просто решила обидеться на короля. Впрочем, она играла кого-то между кокеткой и дурочкой, следовательно, могла позволить себе некоторые вольности в общении с монархом.

***

Мария не могла заснуть уже очень давно. Она всё думала. Думала о человеке, о котором не подумала, когда отправлялась в Сказочное королевство, и о котором незаслуженно забыла, когда всё тут закрутилось... На душе было паршиво. Девушка надеялась, что прогулка по небольшому садику, где отдыхали сотрудники организации, принадлежащей графу Хоффману. Поистине сказочное место... Девушке нравилось гулять здесь. Тут было довольно необычно. Граф говорил, что некоторые растения были притащены серфидами, что работали здесь, а значит, Мария не могла видеть их до этого...

Присаживается девушка прямо на пол где-то в углу, за одним из самых пышных деревьев. Тут довольно удобно и, кажется, наиболее спокойно. Место как раз подходящее, чтобы подумать. И Марию уже почти начинает клонить в сон. Тут неплохо для того, чтобы поспать, кажется принцессе. Во всяком случае, куда удобнее, чем в той комнате, которую выделил ей Хоффман. Та кажется скорее тюремной камерой, нежели комнатой, где хочется выспаться и куда хочется возвращаться.

— Не спится? — вдруг слышит Мария голос Мердофа.

Что он тут делает? Девушка не видела, как он вошёл. Парень в это время осторожно садится рядом и протягивает Марии чашку с горячим чаем и шоколадное печенье. Та качает головой, отказываясь от еды, и снова погружается в свои мысли. Она, если быть честной, очень обеспокоена тем, что даже не удосужилась вспомнить о человеке, который старался вырастить её и Альфонса. Интересно, а он-то вспомнил о нём? Или тоже, как и Мария благополучно забыл?

— Что-то случилось? — спрашивает Аистеч удивлённо. — Я не думаю, что ты просто так не спишь которую ночь подряд.

Мария пожимает плечами и отбирает у Мердофа чашку с чаем, из которой тот уже хотел отпить, и выпивает залпом. Напиток довольно горячий, впрочем, не настолько, чтобы принцесса могла обжечься. Парень фыркает от смеха. Пожалуй, Марии следовало лежать сейчас в своей комнате и спать, а не находиться здесь, но... Интересно, Хоффман не позволит ему остаться в штабе подольше, чем обычно? Всё-таки, если уж граф одобрил его кандидатуру на роль экскурсовода для Марии, возможно, графу хочется, чтобы он, Мердоф, пока наблюдал за этой девушкой...

— Я просто совсем забыла об одном человеке... — бормочет принцесса расстроено. — Это, наверное, очень неблагоприятно по отношению к нему. Он беспокоится обо мне сейчас. Впрочем, что ж теперь поделать? Я теперь просто хочу встретиться с ним и извиниться за всё, что он пережил...

Мердоф вдруг подал ей знак молчать, девушка кивнула и прислушалась: дверь заскрипела, и в садик кто-то вошёл. Мария не знала, да и не видела, кто это был, а вот Аистеч, кажется, мог это видеть. Поворачиваться принцесса боялась — мало ли кто там сейчас стоял. Проверять, кто там, девушке совсем не хотелось. Да и вряд ли это было безопасно. Нормальные люди не приходят просто поговорить ночью в то место, где нет камер, и совершенно точно не стреляют в воздух, чтобы проверить, есть ли тут кто-нибудь...

— Заткнись, дура! — услышала она чей-то грубый голос. — Разве не понимаешь — ради тебя стараюсь!

Мария старалась не дышать, мало ли что там хотел этот человек. Быть может, он готов убить любого, кто подслушает этот разговор, откуда мисс Фаррел знать это? В конце концов, мысли читать она не умела. Да и, если бы умела, скорее всего, так испугалась бы того человека, что говорил сейчас. Голос его был не знаком ей, но, наверняка, был знаком Мердофу, который тоже пока молчал. Кто там стоял? Мария не могла видеть этого — она сидела спиной к тому дереву, за которым они с Мердофом и прятались, так что оставалось только ждать момента, когда тот тип уйдёт.

Второй человек, находившийся в комнате, женщина или девушка, всхлипнул и, кажется, попытался отойти. Мужчина начал что-то шептать, уговаривать. Мария не могла видеть происходящего, но, пожалуй, можно было говорить, что это обычная бытовая сцена, такая, каких каждый день происходит тысячи. Наверное, не стоило так беспокоиться. Просто подождать, пока эта парочка закончит говорить, а потом забыть о том, что это когда-то происходило.

— Риан! — воскликнула женщина; услышав её интонацию, уже можно было представить, как она всплещивает руками — Пожалуйста, Риан, ты должен понимать, что моя начальница не любит скандалов... Уйди, пожалуйста... Моя смена начнётся через час... Мне надо переодеться, Риан!

Они что-то ещё говорили, и говорили довольно шумно, впрочем, Мария уже не могла

слышать их дальнейшего разговора — Мердоф знаком показал ей тихо выбираться из сада. Скоро они уже находились в соседней комнате, откуда, хоть и было слышно, что Риан и его жена о чём-то говорили, самого разговора уловить было нельзя.

— Это муж одной из наших сотрудниц... — пробормотал задумчиво Айстеч. — Ужасно ревнивый. Ей приходится врать, что она работает секретаршей у Софии Леманн, чтобы этот самый Риан не пришёл разбираться к Хоффману.

Мария усмехнулась. Да уж, тут было весело. Настолько же весело, как и на Земле, если не веселее. Пожалуй, стоит спросить графа, не может ли он оставить её работать в этой организации. В конце концов, все говорили, что Мария учится быстро, так что, наверное, особой проблемой обучить её некоторым тонкостям одной из профессий, что были востребованы здесь, не составит особого труда. Зато она сможет находиться в обществе людей, с которыми интересно общаться.

— А что, приходил разбираться к Хоффману? — попыталась изобразить удивлённый вид Мария. — Нет, правда?

Мердоф кивнул и вдруг расхохотался. Пара, что находилась в закрытом саду, устроенном для сотрудников организации, перестала что-то обсуждать, мужчина распахнул дверь; теперь мисс Фаррел, наконец, смогла его увидеть — этому человеку было лет сорок-пятьдесят на вид, в волосах его виднелась седина, а взгляд оказался настолько строгим и гневным, что девушка сама невольно вытянулась: стоять перед ним в расслабленной позе казалось слишком странным.

— Здравствуйте! — выдавила из себя улыбку Мария. — Мы чем-то вам помешали?

Мужчина отрицательно покачал головой, извинился и вышел из комнаты, закрыв дверь с другой стороны. Айстеч и Фаррел ещё минуту стояли почти в оцепенении, а после расхохотались. Кажется, принцесса не представлялась тому мужчине источником опасности, а значит, ей повезло. По взгляду этого человека она поняла только одно — убить он может, и, возможно, убив человека, он ни на секунду не засомневается в правильности своего решения. А жить Марии пока хотелось...

Комментарий к II. Глава седьмая. День из спокойной жизни.

* Король и Шут — Тёмный учитель

===== II. Глава восьмая. Призрак, созданный больным воображением.

Ты говоришь, я демон? Так и есть!
Со мною не видать тебе удачи.
Навеки мое дело — зло и месть,
Для демона не может быть иначе!
Чем я заслужил судьбу несчастного изгоя?
Постоянно доставать себя вопросом: «Кто я?».
Мысли, что я демон, часто выжить помогали.
Люди же повсюду так меня и называли.
Ты, зловещая луна,
В мои муки влюблена,
Отобрав души покой,
Что ты делаешь со мной?
Может, ты мне дашь ответ,
Почему весь белый свет

Обозлился на меня,
Для чего родился я?
Помню, как толпа крестьян убить меня хотела,
После инквизиторы калечили мне тело.
Все восстало против молодого некроманта,
Сделав меня мучеником моего таланта.
Ты, зловещая луна,
В мои муки влюблена,
Отобрав души покой,
Что ты делаешь со мной?
Может, ты мне дашь ответ,
Почему весь белый свет
Обозлился на меня,
Для чего родился я?
Наполовину человек,
Наполовину я мертвец.
Таким останусь я навек —
Я будто волк среди овец.
Полна страданий жизнь моя,
Но выбор, сделанный судьбой,
Нет, изменить не в силах я:
Война с самим собой!
Можешь ты мне дать ответ,
Почему весь белый свет
Обозлился на меня?
Люди мне враги, а ведь когда-то были братья.
Я на всю округу наложил свое проклятье.
Гибнут урожаи, а вокруг чума и голод,
И ветра залетные приносят жуткий холод.
Ты, зловещая луна,
В мои муки влюблена,
Отобрав души покой,
Что ты делаешь со мной?
Может, ты мне дашь ответ,
Почему весь белый свет
Обозлился на меня,
Для чего родился я?
Почему весь белый свет
Обозлился на меня,
Для чего родился я? *

Шаг, ещё шаг... Скрип половиц — единственный звук, который был слышен человеку, находящемуся в доме. Когда он жил здесь раньше, его мыслям вторил стук капель дождя по крыше... а теперь? Он был здесь один, совсем один, как когда-то одна была его сестра... Сестрёнка... Что могло бы быть с ней сейчас? Кем бы она стала, если бы тогда не умерла?

Кровь в голове пульсировала, стучала, не давая отвлечься на что-то более приятное,

нежели перечисление всех ужасных событий, когда-то произошедших в этом доме. Хорошо ещё, что он не позвал кого-нибудь в этот дом для помощи. Хотя... он никого не смог бы позвать сюда, в этот проклятый дом, где прошла первая половина его жизни, где когда-то погибла его сестра...

Шаг, ещё шаг, ещё один... Не в силах справиться с нахлынувшим раздражением, граф пинает попавшую под ногу стопку нот, тех самых, которые когда-то приносил Ерин, чтобы научить маленького мальчика Джорджа играть на фортепиано. Когда Георг уходил из этого дома, он взял только те ноты и книги, что были больше всего ему интересны. Книги, правда, перенесены в новое жилище молодого человека были совсем скоро, а вот ноты остались здесь.

В давящей тишине можно услышать несколько больше, чем этого бы хотелось... В давящей тишине порой невозможно понять, где грань между реальностью и вымыслом, между тем, что ты слышишь на самом деле, и тем, что тебе хотелось бы слышать... А когда дом хранит в себе самые ужасные воспоминания в твоей жизни — и вовсе кажется, что слышать эту звенящую тишину просто невыносимо... Когда каждый шаг привлекает призраков прошлого... Когда каждый вздох пробуждает самых страшных демонов ушедшего... Находиться в этом доме, кажется, почти нереально.

В полутьме постоянно что-то мерещится. И это «что-то» не даёт Георгу покоя. Зачем он пришёл сюда? Неужели не прожил бы без этих проклятых фотографий, которые почему-то так хотелось забрать?! Или действительно не прожил бы? Этот вопрос мучает Хоффмана уже на протяжении тех нескольких часов, которые он провёл в особняке, пытаясь найти свои детские фотографии. Тот альбом должен быть где-то рядом, но где? В конце концов, не отец же решил забрать их себе! Это было бы слишком глупо и слишком на него не похоже. Нет, вряд ли те снимки забрал именно Дэвид Блюменстрост. Кому нужны были те старые помятые картинки, кроме Джорджа? Кому?

Граф ловит себя на мысли, что снова назвал себя Джорджем. Джорджем... Разве он не хотел забыть это имя, которое было дано при рождении? Слово «Георг» обжигало слух куда меньше. Хоффман почти привык к тому, как теперь звучит его имя. Делюжан не любил то звучание имён, что было принято в селении, находившемся неподалёку от особняка, где жила семья Блюменстрост... Он давно уже не «Джордж». Джорджем звали маленького мальчика, что был заперт в этом доме, ребёнка, отвергнутого собственными родителями. Хоффман давно уже не имеет никакого отношения к тому ребёнку. И, собственно, не хочет иметь.

Фотография, наконец, находится. Та самая. Та, которую так хотелось снова увидеть. Этой фотокарточке не место среди пыли этого дома, она должна стоять у него, у графа Георга Хоффмана, на столе, а не лежать на пыльном полу. Граф осторожно проводит пальцем по старому изображению. Мужчина, женщина, две маленькие улыбающиеся девочки и хмурый мальчик в стороне...

Спуститься по лестнице — ещё одно испытание. Это та лестница, с которой он когда-то столкнулся с Аннэт. Он совсем не чувствовал вины за тот свой поступок, но почему же тогда каждый шаг даётся ему с таким трудом? Почему всякая мысль о том, что ему придётся снова спуститься по этим ступенькам, отдаёт такой болью, таким ужасом, что опускаются руки? Когда-то это была просто лестница. Но это было давно. В последний раз граф поднимался вверх почти девять лет назад. Тогда дом не был в таком запустении, к тому же, тогда сюда он приехал с шофёром Делюжана, которому было поручено помочь погрузить все те книги,

что находились в этом доме. По правде говоря, одним заходом они тогда не отделались. У отца была обширная библиотека. Он любил книги. Но почему-то после смерти старшей дочери решил не перевозить их в новый дом, наверное, потому, что эти книги были ещё и памятью...

Спуститься по лестнице оказывается нетрудно. Стоило только глубоко вздохнуть и шагнуть, как граф сам не заметил, что оказался внизу. Фотокарточка, за которой он пришёл сюда, была у него в руке...

— Осмелился прийти сюда?! После всего, что ты сделал? Какой невероятный цинизм!

Хоффман вздрагивает, только услышав этот голос, — в голове тотчас проносятся все самые неприятные мысли, — и оборачивается. За ним стоит Аннэт. Чёрные глаза девочки смеются над ним. По виску её стекает тонкая струйка крови, на ней то самое светло-жёлтое платьишко, что и в тот день... Георг поворачивается к ней. Аннэт... Он ненавидел её в детстве и совсем не уверен, что может простить её за те резкие обидные слова в адрес Мари. Впрочем, вряд ли теперь и она сможет его простить...

Что за глупые мысли?!

Она уже давно мертва, и графу совсем не требуется её прощение. Она была лишь человеком, что постоянно мешал. Человеком, которого мальчик Джордж ненавидел больше, чем кого-либо. Даже больше, чем отца... Разве он мог подумать о том, что это чувство снова проснётся в его груди к кому-то, кроме Дэвида Блюменстроста? Остальных он мог презирать, но ненависти никогда не испытывал... Впрочем, когда-то он ненавидел ещё и всех тех докторов, что приходили к нему...

Но Георг — не мальчик Джордж, который жил здесь когда-то; граф Хоффман сейчас — уважаемый человек, главный казначей, второй человек в королевстве, самый богатый человек в королевстве... Мальчик ненавидел эту девочку, но будет её ненавидеть мужчина?

— И тебе привет, — жёстко усмехается Хоффман. — Давно не виделись, да, сестрёнка?!

Призрак пожимает плечами. Взгляд этих чёрных глаз кажется мужчине невыносимым: он словно напоминает о том, что сказал отец лет пятнадцать назад в разговоре с няней... Слова: «Я сомневаюсь, что это мой ребёнок, ты видела: глаза у него совсем серые, а не чёрные, как у меня и Элис» — запомнились мальчику надолго. Тогда он понял причину холодности и безразличия, с которыми Дэвид Блюменстрост относился к нему и к Мари. И тогда понял, что простить этого человека не сможет никогда. А теперь эти глаза — чёрные, а не серые, как у него с Мари — смотрели на него, постоянно напоминали о том, что он просто родился не с тем цветом глаз... Как глупо, парадоксально и глупо!

— Джордж... — смеётся девочка. — Мы все умерли из-за тебя... Тебе не стыдно?

Хоффман смотрит на Аннэт, но будто бы снова не видит её. В голове вдруг проносятся все те смерти, в которых он был косвенно или напрямую виновен. Аннэт, Мари, Маргарет, мама... Другие его не интересовали. Они были чужими, их боль была чужой, и их боль казалась куда более слабой. Впрочем, страдания всех, кроме Мари, казались слабее. Муки драгоценной сестрёнки казались собственными. Только её...

— Я не сожалею, что всё так вышло, — тихо произносит граф. — Всё должно было случиться именно так. Я только ускорил процесс.

Мужчина сам не узнаёт собственный голос. Слова произнесены так тихо, что он сомневается, услышала ли их сестра. Впрочем, по лицу последней — явно услышала. Не могла не услышать...

На лицо девочки становится ещё неприятнее смотреть: она всё больше похожа на мать,

на женщину, которой было плевать на то, что происходило с её собственными детьми; она не обнимала Мари, она приезжала даже реже, чем приезжал отец, когда их заперли в этом проклятом доме... Пожалуй, ещё один человек, который вызывал у Джорджа приступы жгучей ненависти...

Почему эта женщина поступала так жестоко с собственными детьми? Почему она не хотела их даже видеть? Георгу не было жаль её, когда она умерла, не выдержав смерти третьей дочери. Эта женщина не любила Аннэт, Мари и его, что она могла знать о любви к своим детям, об их жизни? Порой графу казалось, что он ненавидел её ещё больше, чем всех остальных...

В чёрных глазах Аннэт отражалась та насмешка, которая казалась Хоффману просто пыткой. Насмешка... Которую граф раньше никогда не видел, но которая казалась ему настолько знакомой, будто бы внутри него кто-то ухмылялся точно так же. Как будто сейчас над ним смеялась не его старшая сестра, погибшая двадцать лет назад, а кто-то, с кем он эти двадцать лет жил рядом... Кто это был? Как будто кто-то из глубины его сознания, тот, кто прекрасно знал его, его мысли, чувства, скрытые желания... Кто же это был?

— Неужели? — наигранно удивлённо произносит девочка. — Ты говорил Мари, что любишь её... Что она дорога тебе... Но она умерла из-за тебя... Неужели всё это время ты лгал?

Хоффман кидает в сестру записную книжку няни, забытую и оставленную на столике рядом с лестницей. Вещица глухо ударяется о стену и отскакивает назад, свободно проходя через призрака. Почему злость с такой силой вспыхивает в графе? Он уже взрослый человек, который прекрасно может контролировать себя, свои чувства, эмоции, мысли...

— Что ты можешь знать?! — вопль, вырвавшийся из груди мужчины, был больше похож на рёв раненного зверя. — Тебя не было тогда! Ты умерла за год до этого!

Ответом служит смех. Опять. Георгу хочется заткнуть уши, но что-то подсказывает ему, что слышать этот голос он всё равно будет. Будто бы смеётся вовсе не призрак его старшей сестры, а кто-то внутри него... Кто-то, кто хочет быть сильнее, чем он, вырваться наружу...

Мари... Он был так виноват перед ней, что не знал, как может загладить свою вину, не знал, сможет ли когда-нибудь не думать с горечью о том проклятом дне, когда он не смог ничего сделать, когда не был рядом... В тот день, когда девочке больше всего нужна была его помощь и поддержка. Мари... Бедная маленькая девочка, запертая в одном доме с сумасшедшим братом. С ним, Джорджем... Сможет ли когда-нибудь Мари простить его за свою смерть? Хоффману всё время кажется, что его сестра находится рядом с ним, стоит рядом, слушает, что он говорит, видит, что он делает...

— Мне казалось, ты убил меня из-за любви к ней, но, возможно, ты убил меня из-за своей прихоти...

Графу не хочется видеть Аннэт, её слова не дают ему покоя. Покоя, к которому он так стремился после смерти Мари. Жажда отмщения было бы глупо: он сам виноват в её смерти, но он просто хотел, чтобы сестра его простила... Чтобы не сердилась на него за тот день, чтобы не чувствовала себя брошенной и одинокой, как тогда... Мари было бы лучше, если бы его, Джорджа, не было. Она бы не оказалась заперта в этом чёртовом доме, не умерла бы. Если бы у неё просто не было брата. В голове снова всплывает та фраза... «Исчадие ада»... Да, он был исчадием ада, без которого, возможно, всем было бы намного проще, но признаваться в этом себе совсем не хочется...

— Ты заслужила это! — кричит граф. — Заслужила! Ты сама виновата в своей смерти!

Только ты!

Призрак снова смеется. Этот голос кажется настолько знакомым — эта интонация, противный смех... Хоффман сомневается, что выйдет из этого дома в здравом уме. Зачем он вообще вошёл сюда? Ах, да... Фотография! Мужчина с ужасом замечает, что, разговаривая с призраком Аннэт, он смял в руке эту фотокарточку. Семейный портрет семьи Блюменстрост разглядить не получается. Граф видит, что в приступе гнева, вероятно, тогда, когда Аннэт упомянула о смерти Мари, он умудрился испортить единственный сохранившейся снимок, что был сделан ещё до той злосчастной прогулки по развалинам. До того дня, который разделил жизнь всей семьи на «до» и «после»...

— Я всего лишь маленькая девочка, — тихо произносит приведение. — Глупо винить меня в своих ошибках...

Кем является это видение? Настоящий призрак? Вряд ли. Тогда он видел бы её и раньше. Скорее, лишь плод больного воображения. Но граф не звал её. Не хотел её видеть. Почему же тогда она появилась? Эта Аннэт, которую он убил двадцать лет назад... Двадцать лет назад... Зачем он сделал это тогда? Быть может, не было бы потом расплаты в виде смерти Мари. Если бы он тогда не пошёл на поводу у своих чувств и эмоций...

— Почему ты пришла? — выдыхает мужчина. — Почему?! Зачем?!

Чёрные глаза девочки смеются, они не переставали смеяться над ним с того самого дня, граф чувствует это... Её смех мешал ему жить спокойно, мешал забыть о том, что происходило в этом чёртовом доме. Мешал работать, учиться, думать... Даже сидя в своём кабинете в столице, он помнил про своё детство, хотя так хотел забыть. Чёрные глаза... Как у отца и матери. А не серые, с какими родились Джордж и Мари...

Всё же он снова называет себя Джорджем... Хотя так хотел забыть это имя. Имя, которое было дано ему при рождении и к которому прилипло уже столько грязи, столько ужасных воспоминаний... Неужели ему никогда не стать свободным от этого дома? От чувства вины?

— А ты не понимаешь? — удивляется призрак. — За свои поступки нужно платить. Ты убийца!

Граф зло смотрит на Аннэт. Он не был готов к этому, когда собирался вернуться в дом за фотографией. Он думал только о том, что возьмёт нужный ему предмет и отправится в столицу, туда, где его уже ждали. Понятно, почему отец так стремился поскорее сбежать из этого дома... Не только пытался обезопасить мир от своего сумасшедшего сына. Причиной была ещё и попытка сбежать от воспоминаний.

— Почему ты пришла?! — повторяет свой вопрос Джордж. — Зачем ты меня мучаешь?! Я убил тебя быстро, а ты убиваешь меня медленно! Зачем?! Для чего это тебе нужно?!

Мысль о том, что он всегда был именно Джорджем, а не Георгом, которого он сам создал, больно бьёт. Графу не хочется думать о том, что на самом деле он настоящий был именно здесь. Мальчик, запертый в доме. Сумасшедший брошенный ребёнок. Георг Хоффман был влиятельным и богатым человеком, которого боялись, с мнением которого считались, а Джордж Блюменстрост был просто одиноким ребёнком, до которого никому дела не было.

— Ты убил трёх своих сестёр и мать. Думаешь, ты можешь легко искупить свою вину?

Глаза его сестры смеются над ним, мужчина уже не видит ничего, кроме этого колкого злого взгляда, который, казалось, жил в нём, наблюдал за ним на протяжении всех этих долгих двадцати лет... Графу не хочется видеть эту девочку, он уже почти не замечает её.

Только этот взгляд, который не даёт ему даже вздохнуть.

Он всегда был Джорджем, а Георг — просто его выдумка, которая была предназначена для того, чтобы отвлечься, забыть. Почему всё так получилось? Всё могло быть иначе... Если бы только его не было, его семья жила бы счастливее — Мари не пошла бы на развалины тогда, Аннэт осталась бы в живых, Маргарет — тем более... Всё было бы иначе. Отец не признавал только Джорджа. И только поэтому вместе с ним не признавал Мари.

Призрак Аннэт вдруг исчезает. Тает в воздухе. Граф медленно опускается на колени: стоять в этом доме он уже не может, нет сил для этого. Кровь в голове пульсирует так, что мужчине кажется, что он не выстоит, что его организм не выдержит, как ему следовало бы не выдержать уже давно, и Джордж Блюменстрост, наконец, умрёт. Только на этот раз по-настоящему, а не так, как хотел когда-то граф — просто позабыть, что такой существовал...

— Я не чувствую своей вины в том, что вы все сдохли, слышишь?! — кричит Хоффман. — Я не считаю себя виноватым! Всё случилось так, как должно было случиться!

Силы совсем покидают его, и он начинает хохотать, смеяться так, как смеялся тогда в том храме, снова услышав те слова — «исчадие ада» — и поняв, что они относятся именно к нему... Смеяться, понимая, что всё произошло именно из-за того, что он когда-то согласился сделать те несколько шагов. Шагов, которые теперь ведут его к пропасти...

Фотографию теперь вряд ли можно будет когда-нибудь разглядеть. В руке графа она оказалась совсем смята. Теперь её можно только выбросить. Выбросить последнюю вещь, которая напоминала о том, что было «до», что когда-то это всё существовало, было реальностью...

***

Мария впервые гуляет здесь: за те несколько недель она впервые вышла на улицу. Погода просто замечательная, кажется, будто она снова на Земле, в своём родном городке... Мердоф показывает ей окрестности: он прекрасно знает это место и готов провести небольшую экскурсию. А ещё здесь есть небольшая пекарня — что может быть лучше? Мария даже рада, что всё случилось именно так. Когда она в последний раз чувствовала себя так хорошо? Пожалуй, это было совсем давно. За год до их путешествия. Тогда Роза начала поправляться, и мама повезла её на море, а Мария осталась одна дома. Они с Алом тогда неплохо повеселились... Интересно, кстати, как себя сейчас чувствовал Альфонс? Скучал ли он по ней? Или забыл?

С Мердофом было не так весело, зато так же спокойно. Посёлок, по которому они гуляли, оказался небольшим. Да и дома были деревянными... В общем, в этом городке не было ровным счётом ничего интересного. Разумеется, кроме той пекарни, где Мария смогла приобрести для себя два пирожка с картошкой и вкусное пирожное. Ещё Мердоф где-то купил орехов, так что сейчас они, уже идя по тропинке, могли их есть. Правда, ела в основном Мария, но сути это не меняло.

— Знаешь, тут неподалёку есть заброшенный дом, там уже лет десять никто не живёт, — произнёс Мердоф задумчиво. — Хочешь, можно туда зайти...

Мария кивнула. Что это был за дом? Когда-то там наверняка жила какая-нибудь одинокая старушка, а после её смерти здание осталось на месте. Жители посёлка дом почему-то не сносили. Впрочем, и хорошо. Будет, что посмотреть... Наверняка, это покосившееся от времени деревянное строение, и, пожалуй, им следует быть очень осторожными, когда они заберутся туда. Не хватало ещё, чтобы кто-то из них умер из-за того, что какая-нибудь прогнившая палка упадёт ему на голову.

Девушка увидела какие-то камни справа от тропинки, по которой они шли, и спросила, что это такое. Мердоф пожал плечами и сказал, что сам не знает, но Хоффман ненавидит все подобные развалины, так что, наверное, лучше туда не идти. Скорее всего, там устроено кладбище подопытных. Смотреть на это как-то не хочется. Да и день сегодня довольно хороший, чтобы омрачать его подобным.

— А дом? — спрашивает Мария. — Как он выглядит?

Мердоф смеётся и буркает что-то неразборчивое. Девушка несильно толкает его и тоже заходится смехом. Пожалуй, стоит почаще выбираться вот так на улицу, гулять, смеяться, шутить... Это позволяет хоть как-то забыть обо всех проблемах, которые окружают их постоянно...

— Да обычный двухэтажный каменный дом! — говорит парень. — По правде говоря, там до сих пор даже жить можно...

Мария удивлённо смотрит на него. Если можно жить, странно, что дом до сих пор не обустроили под сельскую школу или что-то подобное. Мердоф же говорил, что в посёлке школы нет, даже начальной, и детям приходится ходить в соседнюю деревню, где такая имеется, но туда идти несколько десятков километров. Почему же люди не попробовали обустроить начальную школу в этом доме? По рассказам Айстеча дом находился довольно близко...

Пожалуй, он действительно находился не так уж далеко. Мария уже видела его. Да, обычное каменное строение. Сад вокруг дома, правда, был заброшен, и совсем непохоже, что им не занимались именно десять лет, скорее всего, уже лет двадцать. Видимо, хозяину дома было как-то не до благоустройства территории вокруг...

— Кто тут жил? — спрашивает бывшая принцесса. — И дом точно не в таком же состоянии, что и сад? К тому же, если честно, мне кажется, что мы просто не дойдём до него: не проберёмся через эти заросли.

Мердоф пожимает плечами. Когда они уже подходят к самой калитке, девушка слышит чей-то дикий вопль. Голос кричавшего кажется ей знакомым. Пройти к входной двери, пожалуй, не так трудно, как казалось Марии сначала. Айстеч тоже прислушивается к происходящему в доме. Ещё один крик. Теперь почти можно различить слова. «Я не чувствую своей вины, в том, что...» Голос кажется слишком знакомым. Правда, девушка ещё не понимает, кому принадлежат эти слова. И к кому обращены.

Мердоф, впрочем, понял, кто кричал, гораздо быстрее. Он подбегает к двери, распахивает её, быстро входит в дом. Мария старается не отставать от своего друга. Она совсем плохо знает окрестности. Как она вернётся обратно в ту организацию, если едва сможет найти даже тот посёлок, в котором они были около сорока минут назад?

На полу, перед лестницей, девушка видит графа Хоффмана. Мердоф стоит рядом. Он не знает, что делать. Граф находится почти в бессознательном состоянии, он даже не видит их, только смеётся, смеётся как-то... безумно... Марии не хочется оставлять всё так, как она сейчас видит.

— Что с мистером Хоффманом? — осторожно спрашивает она.

Мердоф виновато смотрит на неё и пожимает плечами. Что же такого могло произойти с этим человеком? Он всегда казался ей оплотом спокойствия, благоразумия, холодного рассудка... Что же такого могло случиться с ним, чтобы он сейчас находился в таком состоянии? И было ли это связано с этим домом?

— Помоги ему подняться, пожалуйста... — бормочет Мария. — Думаю, стоит усадить

его на ступеньки лестницы...

Приходит в себя граф не скоро, а когда приходит, ещё долго не может понять, что эти двое делают в его доме. Принцесса осторожно садится рядом с ним. Почему-то ей кажется, что она прекрасно понимает его сейчас. Хоффман поднимается, как только чувствует, что ему становится легче. Ему не хочется ничего говорить сейчас. Он выходит из дома и перед тем, как закрыть дверь, просит Марию и Мердофа последовать его примеру. Прямо перед выходом принцесса видит, что Айтсеч что-то поднял. Что именно, она спросит его после. Сейчас же не стоит злить графа. Он и так не в лучшем состоянии.

Комментарий к II. Глава восьмая. Призрак, созданный больным воображением.

Король и Шут — Некромант

===== II. Глава девятая. Неизвестный. =====

Если свет, который во мне, — есть тьма,

То какова тогда тьма?

Я худое око без ночи и дня,

Сам себе позор и тюрьма.

Помыслами путан, пороками мят,

Перепахкан пеной молвы,

Я засохший корень, запекшийся яд

В стеблях перепрелой ботвы.

Зависть да крамола, похоть да лень

Пеленают душу в тартар.

Я жевал покорно страстей дребедень

Да глушил гордыни отвар.

Сколько не кривляйся, сколько не лги,

Чуриками вечность не взять,

Тухлые болота сжимают круги,

Хохотом заходится тать.

Краснобаи глотки драли

Искушали не видеть в небе огня,

Совесть спесью растлевали,

Подстрекали превозносить свое я.

Жизнь. Смерть.

Моя война.

Я один из тысяч в движении ко дну,

В танце суматошного дня.

Я толком никогда не глядел в пустоту

И пустота вгляделась в меня,

Из вранья был слеплен почестей ком,

Матом урезонили шах.

Кто в жизни утверждался «подкидным дураком»,

К финишу пришел в дураках.

Время, как солома в топке печи,

Вспышка стала горсткой золы,

Там, где били звонко живые ключи,

Сквозняки считают углы.

Я молился жарко, глазами в глаза,
В небо душу плавил до дна:
Если свет, который во мне есть тьма, —
То какова тогда тьма?*

Это был один из тех немногих дней, когда Ал чувствовал себя по-настоящему брошенным и одиноким. В этом чужом для него мире всё было не так, как на Земле. Тут не было привычных развлечений, с помощью которых можно отвлечься от грустных мыслей, с помощью которых Альфонс всегда отправлял самые тревожащие душу воспоминания и ожидания на задний план. Здесь всё было иначе: начиная от мелочей вроде фруктов и деликатесов, заменявших привычные бутерброды, и заканчивая девушкой, что находилась рядом. Мария была прекрасным другом, готовым в любую минуту прийти на помощь, впрочем, как и дать подзатыльник за какие-нибудь проступки, а Алесия была кем угодно, но никак не другом.

За окном сгущались тучи, и хоть во дворце было светло и тепло, Альфонс чувствовал себя на редкость неудобно. Будто бы не от него зависело всё в этом королевстве теперь. Будто бы не он сейчас сидел на троне и, насколько это было возможно, внимательно слушал доклады министров, которых, нужно заметить, за годы своего правления король Генрих порядочно распустил. Придворные были глупы, неповоротливы. Никто из них никогда никуда не спешил, все были степенны и высокомерны. Всё было... не так. Не так, как должно было быть.

Когда-то в школе он с Марией делал что-то вроде проекта на тему, чтобы он стал делать, если бы ему пришлось стать главой страны. Правда, тогда — это было года три назад — он был уверен, что ему-то это точно не пригодится. Мария тогда пожала плечами и сказала, что ей это будет нужно для книги. Видимо, Алу тоже стоило отнестись к тому заданию серьёзно. Впрочем, теперь это было не так важно. Нужно было делать что-то самому, нужно было быстро что-то придумать. Королевство, которое было ему доверено, разваливалось на куски.

Когда Седрик оказался на Земле, Альфонс ему не поверил, впрочем, не столько не поверил, сколько не обратил внимания. Но тогда он жил на Земле, тогда проблемы этого треклятого королевства не казались ему важными. Они не касались его. Были чужими. Зачем только Мария согласилась отправиться сюда?

Мария... Воспоминания о ней будто отзываются болью. Парень уже смутно надеется на то, что девушка окажется жива, когда он, наконец, сможет найти её. Кассандра Фаррел была не тем человеком, который был способен воспитать двоих детей. Тем более, она была не тем человеком, который был способен воспитать Марию, особенно учитывая характер той. Кому как не Алу было знать, насколько трудно порой договориться с этой девочкой; Роза же была совсем другой, но ей всегда должен был кто-то помогать. Часто это был Альфонс как один из тех, кто постоянно находился рядом.

— Мистер Роделд, — произносит молодой король тихо, но очень чётко. — Вы разобрались с тем, что я вас просил сделать?

Министр вздрогнул от неожиданности, услышав обращение к себе. За долгие годы работы король Генрих редко с кем-то говорил. Он был не тем человеком, которого особенно интересовали государственные проблемы. Генрих был семейным и тихим человеком, который не был способен управлять королевством. Впрочем, и сам Альфонс — не тот, кто должен стать королём. То, что Малус помог ему захватить престол, вовсе не было его

желанием: он просто хотел найти свою подругу.

Министр молчал. Если быть честным, он давно отвык от такого внимания к своей персоне. Вообще, если быть честным, этот человек не совсем понимал, что Альфонс делал во главе государства. Глупый мальчишка из другого измерения, не привязанный к миру как морально, так и магически — что он мог делать на троне? Издавна в сказочном королевстве правителями были только представители древних магических родов. Ревенты, Гардманы, Лердкоры, Траонты — все они были потомками основателей этого королевства, а кем был этот мальчишка Браун?

— Я бы хотел кое-что обсудить с королём, — мрачно произнёс Теодор Траонт, брат покойного короля, ныне входящий в королевский совет и даже ставший председателем этого совета. — Думаю, на сегодня собрание закончено.

Альфонс хотел было что-то возразить, но потом решил выслушать этого человека: всё-таки нужно взять во внимание, что этот мужчина во многом ему помог со времени своего приезда. В частности заставил министров на время замолкнуть. Граф Траонт, в отличие от Ала, был знатен и богат, а следовательно, имел влияние на некоторых из членов совета министров. К тому же, граф был куда более уверен в себе, нежели Альфонс, наверное, тут сказывалось воспитание: этот человек рос среди людей, подобных министрам, он знал, как с ними общаться и как на них влиять. Пожалуй, было бы куда лучше, если бы королём стал он.

Ал был рад, что Теодор завершил это проклятое собрание: если честно, такие советы были ужасно скучными, да и непонятными тоже. Парень никогда не хотел для себя чего-то подобного. Мария — да, но не он. Выходя из кабинета, в котором проходило это собрание, Альфонс увидел стоящую неподалёку Алесию. Она с кем-то общалась. Девушка, казалось, никого рядом не замечала, только того человека, с кем, собственно, она и общалась. Голос её был совсем тихим, Алу хотелось смеяться — Элис, как он любил её иногда называть, не была той, кто был готов трястись из-за всякой мелочи. Роза — да, тётя Кассандра — да, но не Алесия. И не Мария. Но Марии тут не было, она где-то далеко, там, где Ал её не мог сейчас видеть, а Алесия стояла тут, совсем близко... Браун всё старался понять, чем же понравилась ему эта леди Хайнтс.

— Почему ты снова пришёл? — спрашивает девушка устало, почти грустно. — Я думала, он запретил тебе приходить.

О том, кто такой этот «он», как кажется Альфонсу, лучше не спрашивать, хотя парень постепенно начинает догадываться, о ком с таким трепетным ужасом отзывается Алесия. Человек, который стоял за графом Хоффманом. Первый министр того королевства, где царствовал дядя мисс Хайнтс. Делюжан — вроде так его звали. Альфонс порой чувствовал, что сам готов думать об этом человеке с благоговейным ужасом. Интересно, насколько он был властен, этот человек? И кем он был? Кто он такой, чтобы его все так боялись?! Кто он?!

Алесия была бледна. Она не видела Ала, стоявшего рядом, она не видела слуг, проходящих мимо неё, хотя всегда отличалась внимательностью и осторожностью; сегодняшнее её поведение было странным для неё. Альфонс решил просто понаблюдать сейчас за ней: стоило знать, что такое происходит в его дворце. Теперь это был его дворец, и он просто не имел права бросить всё на самотёк. Нужно было что-то узнать про этого человека, который стоял за всем, что произошло в этом мире с того самого момента, когда Мария оказалась здесь.

Мария! Точно! Всё это было связано именно с ней. Все события начались после того, как они попали сюда, точнее, чуть-чуть позже этого. Тот человек охотился за Марией. Если

девушка ещё жива, то она где-то у него. Нужно будет расспросить Алесию о той стране, в которой она родилась и выросла, наверное, это поможет парню найти Марию. Не могла же она умереть, в самом деле, не могла! Мария не бросила бы его здесь одного, он был уверен в этом. Но, если она не погибла, её должны были где-то прятать. Это и предстояло выяснить. И как можно скорее.

— Он тебе не поможет, дорогая, — шипит неизвестный. — Что ему ты, когда все его мысли лишь об одном?!

Человек будто чувствует присутствие Альфонса, оборачивается. Парень вдруг понимает, что со стороны незнакомца веет холодом, в его глазах такая злость, что монарху хочется кого-то позвать, приказать арестовать этого человека, но он не успевает ничего сделать. Голову пронзает болью, Ал не видит ничего, бессильно оседает на пол, чтобы не упасть. Он ничего не слышит в тот момент. Ничего.

***

Когда человеку в голову уже не приходят здравые мысли, когда нет сил что-либо предпринять, когда кажется, что весь мир летит в бездну, когда самые близкие люди предают, когда не остаётся уже совсем ничего, человек начинает молиться. Молить богов о смерти. Или о лучшей жизни. Кто как. Когда всё возвращается на круги своя, когда жизнь снова набирает обороты, когда мир вокруг расцветает, человек забывает о тех, кто помог ему вернуться к этой жизни. Так чем же является та сила, которую древние прозвали богами? И существует ли на самом деле эта сила? Быть может, достаточно лишь приглядеться повнимательнее, и ты увидишь то, что следовало за тобой на протяжении всей твоей жизни, то, что постоянно стояло за твоей спиной, то, что каждый день, каждый час, каждую секунду дышало тебе в затылок... Но, может быть, всё это лишь слухи, лишь бред больного воображения?

Так кем же являются эти самые боги? И почему они имеют право забирать всё у одного и отдавать другому, преподносить ему всё. Почему они несправедливы? Почему они имеют право распоряжаться судьбами людей? Что есть та древняя сила, которой древние так боялись? И действует ли она на людей, живущих здесь и сейчас, в одном из осколков того большого старого мира?

Когда человека оставляют все, он начинает молиться и просить богов о помощи; когда его оставляют боги, он заканчивает жизнь самоубийством. Или просто умирает. От болезни, от горя. Так было почти всегда. Почти всегда. Смерть — итог немилости богов. Неужели на всех когда-нибудь гnevаются эти самые боги? Церковь говорила именно так, только Ричард в это уже не верил.

Почему?

Ричард сам не понимал этого. Он был предпоследним сыном своего отца, вечно болезненным мальчиком, которого никто никогда ни во что не ставил. Он был ребёнком, до которого вечно никому не было дела, и это давало ему определённые возможности, которых не было у его братьев и сестёр. Единственный из детей герцога Кошендблата, он не имел рыжих волос, вместо этого природа одарила его какими-то серо-русыми. Не слишком низкий, не слишком высокий, с неброской внешностью — самый обычный — он никогда не привлекал к себе слишком много внимания. Но, если ещё несколько лет назад это казалось ему проклятьем, сейчас его незаметность казалась ему даром.

— Что было с ним, когда ты нашёл его? — услышал Ричард голос брата. — Он до сих пор не пришёл в себя. Доктор говорит, что у короля нервное потрясение, но что такого могло

произойти?

Ричард молчит. Не говорить же брату, отчего именно у его дорогого друга произошло это нервное потрясение, как назвал его врач. Сын герцога Кошендблата надеялся, что никто и никогда не узнает, из-за чего именно стало плохо этому мальчишке. А ещё он надеялся на то, что этот мальчишка вскоре умрёт. Умрёт... Это был бы самый лучший вариант. Интересно, что он успел запомнить? Больше или меньше того, что помнит сейчас Ричард? Конечно же, меньше. Этот мальчишка наверняка был куда менее внимателен.

— Он просто сидел на полу. Я не знаю, что с ним случилось.

Леонард кивает. Брат верит ему — эта мысль почти заставляет предпоследнего сына герцога Кошендблат засмеяться, юноша с трудом одёргивает себя. Сейчас не время. Только не сейчас. Он, Ричард, возможно, и не тот, кто будет заправлять всем, что существует в мире, но он просто не может остаться безучастным. То, что готовят этому миру сильнейшие из людей, — не то, мимо чего можно пройти. Ричард просто не может не поучаствовать в этом.

Кто стоял там, рядом с этой странной богатой девушкой? Девушкой, которой стало плохо чуть позже, чем королю Алу, и которая сейчас находилась в соседних покоях. Ричард знал только одно: этот человек ещё находится во дворце, и, пока он не ушёл, ему лучше не говорить о том, что это сделал именно этот человек.

Парню хотелось поучаствовать во всём, что готовили этому миру. По крайней мере, его исчезновение никто не заметит, как всегда было, когда он уходил куда-то. Даже мать никогда не замечала его отсутствие. Когда-то это было даже обидно. Сейчас Ричард старался сделать всё это своим преимуществом. В конечном счёте, какая ему разница до того, видят его или нет, если он сделает всё так, как нужно именно ему? Так было даже удобнее: никто никогда не знал, куда он идёт, что думает, что хочет сделать... И никто никогда ни о чём его не спрашивал.

— Его глаза... Врач говорит, что, если мы не разберёмся, что с ним там случилось, он может остаться слепым.

Ричард прекрасно знает, что это за магия. Он и сам ей владеет, но показывать кому-то этот дар сейчас было нельзя. Тем более, не при нём, не при этом человеке, что сделал это с новым королём. Ричард признавался себе в том, что боялся. Боялся того, что с ним может произойти то же самое.

Старое оскорбление старшего брата вновь всплывало в памяти. «Ты всего лишь трусливый мальчишка!» — Ричард так обиделся тогда на Роберта. Наверное, зря. Он действительно был трусом. А разве можно обижаться на правду? Даже сейчас, когда решалось, будут ли жить два человека, предпоследний сын герцога Кошендблата молчал. Молчал, потому что для него его жизнь была важнее этих двух.

— Что у него может быть с глазами? — спрашивает Ричард. — Король же ещё не очнулся, как мне казалось.

Леонард снова кивает. Лео — младший ребёнок в их семье. Любимый ребёнок бабушки и матери. Порой Ричард даже завидовал ему. Все любили его, баловали, играли только с ним. Даже старшие братья любили его больше, чем его, Дика. Конечно! Болезненный Дик никогда не мог играть с ними на равных, он обязательно проигрывал. И почти всегда плакал, когда ему было больно. Конечно, он был совсем не тем, с кем им хотелось играть. Никто их них не любил его. И отец, и мама, и бабушка, и Грегор, и Адам, и Роберт, и Майкл, и Людвиг, и Джим, и Хельга, и Леонард. Никто их них никогда не любил его. Он привык. Давно привык.

— Я не знаю. Ричард! Нужно позвать кого-нибудь из братьев! Я же не справлюсь со всем этим один!

Дик кивает. Парень молчит. Ему сейчас не хочется что-либо говорить брату. Только сейчас в его голове просыпается мысль, что, возможно, он бы сказал, что нужно делать, если бы его воспринимали всерьёз. Но теперь... Зачем говорить об этом? Его всё равно никто не услышит. Никто, кроме того человека, который и наложил проклятье. Так зачем же рисковать?

— Зови, — холодно произносит Ричард.

Он встаёт с кресла. Говорить сейчас совсем не хочется. Его просто не замечают. Снова это кажется молодому человеку самым настоящим проклятьем, хотя ещё несколько минут назад казалось даром небес. Вот как наказывают людей боги, приходит ему в голову. Они не отнимают свои дары. Они просто обращают их во зло. И наоборот. Боги никогда ничего не отнимают. Всё совсем не так, как написано в книгах, что когда-то его заставляли читать в Академии. Всё совсем не так. И жизнь — не дар богов. Совсем нет. Это просто одна из тех вещей, что посылаются каждому человеку, а будет ли это даром или нет, зависит только от человека. И от тех людей, что находятся рядом с ним. Ни от кого больше.

«Посмотрим, брат, нужна ли тебе будет моя помощь», — хочется произнести Ричарду, но он молчит. Не стоит сейчас тратить его и своё время. Всё придёт со временем. Когда Дик станет тем, кого уже будет невозможно не заметить, тогда Леонард сам попросит у него помощи. Но не сейчас. Сегодня он промолчит. Промолчит, потому что так нужно.

— Я к себе, Лео, — тихо произносит Ричард, выходя из комнаты. — Пока. Приходи, если будет что-то нужно.

Леонард в ответ что-то кивает, так, будто бы и не особенно слушал, что там говорил ему брат. Дверь закрылась тихо. Ричард никогда не хлопал дверьми, никогда не шумел, никогда не хамил взрослым и не шалил. Был идеальным ребёнком, как когда-то сказали в Академии. Когда к Кошендблатам приходили гости, они всегда думали, что детей у Кошендблатов восемь, почти всегда забывая про Дика. Даже родители порой не видели его. Не видели, даже когда он стоял совсем близко.

Ричарду хотелось быть похожим на своих старших братьев. Их видели всегда. Отец постоянно кричал на них, мама охала и пила успокоительное, бабушка грозилась выпороть... Их всегда видели. Иногда Ричард завидовал им, иногда ему хотелось быть на их месте...

Когда человеку в голову уже не приходят здравые мысли, когда нет сил что-либо предпринять, когда кажется, что весь мир летит в бездну, когда самые близкие люди предают, когда не остаётся уже совсем ничего, человек начинает молиться. Когда всё возвращается на круги своя, когда жизнь снова набирает обороты, когда мир вокруг расцветает, человек о богах забывает.

Когда ребёнок постоянно шалит, когда от него никогда никто не знает, чего ожидать, когда каждую секунду ожидают новой его проделки, ребёнка ругают. Но когда он ведёт себя идеально, когда делает всё так, как ему говорят, про него нередко забывают точно так же, как забывают и о богах.

***

Альфонс приходил в себя тяжело. Голова болела слишком сильно, впрочем, болела не только голова, но и всё тело. Парень не до конца понимал, что происходит. Он чувствовал, что рядом с ним кто-то находится, но не видел этих людей. Кто был рядом с ним? Какой-то человек что-то тихо говорил, ему что-то ответил другой. Этот «другой» по голосу был никем

инным, как Теодором Траантом.

Когда-то давно Мария рассказывала Алу какую-то сказку про человека, который может убить или покалечить, только посмотрев на кого-нибудь. Наверное, стоило тогда немного серьёзнее отнестись к тому, что говорила его подруга. Но, нужно сказать про это, тогда, когда Мария где-то отыскивала эту страшилку, Альфонс и подумать не мог, что ему придётся когда-нибудь оказаться в сказочном королевстве. Да он и помыслить не мог, что такое вообще существует! А может быть, он сейчас вовсе не здесь, а в одной из больниц на Земле, лежит в коме, а Мария стоит рядом и просит его очнуться. И отец тоже. Ну, не может это всё быть правдой. Всё слишком нереально. И, может быть, стоит только умереть здесь, чтобы очнуться там?

Нет... Этот мир реален. Он бы не чувствовал сейчас такой боли, если бы был в другой реальности. Он бы не чувствовал... Ал ловит себя на мысли, что ему бы хотелось быть там, а не здесь...

— Думаете, что-то серьёзное? — тихий голос Леонарда. — Но... Что такого могло произойти с ним?! Четыре дня назад, когда это произошло, утром он себя хорошо чувствовал, я помню.

Врач — Альфонс уверен, что первый голос принадлежал именно врачу — молчит, молчит несколько минут, хотя, может быть, и меньше, но Алу кажется, что это именно несколько минут, а потом что-то шепчет. Что говорит этот человек, новоиспечённый монарх не слышит, но ему почему-то кажется, что то, что он говорит, для него не слишком хорошо. Может быть, эта повязка на глазах является тем, о чём говорит сейчас доктор.

— Что со мной? — выдавливают Альфонс.

И не узнаёт своего голоса. Парень слышит, как кто-то в несколько шагов подсакивает к изголовью кровати, на которой он лежит. Другой человек подходит со второй стороны. Первый хватает его за руку. Леонард. Кажется, именно он. Теодор вряд ли позволил бы себе хватать кого-то за руку вот так. Да и доктор вряд ли бы так сделал, а в том, что в этой комнате больше никого не было, парень не сомневался.

— Ты... То есть, Ваше Величество упало недалеко от зала, где проходил королевский совет...

Альфонс недовольно фыркает. Сил у него сейчас маловато, и единственное, как он может выразить недовольство, — вздохнуть. Он сам не понимает, что с ним случилось. Не до конца понимает. Но говорить, что он просто упал там, — это уж слишком. Он же прекрасно помнит, из-за чего он упал. И, если честно, он хочет понять, кто тот человек. И как он связан с Алесией. Возможно, эта девушка не та, с кем он в конечном счёте свяжет свою судьбу, но она не заслуживала равнодушия. Она не должна была оставаться одна в своём горе. Никто не должен.

В том, что девушка в беде, он не сомневался. Скорее всего, тот, с кем она разговаривала тогда, достаточно силён, чтобы как-то повлиять на неё, а возможно, даже безнаказанно убить. Он прекрасно помнил, что мисс Хайнтс боялась. Боялась разговаривать с тем человеком.

Кем же являлся этот незнакомец? Тогда Альфонс был слишком поглощён мыслями о том, кем является первый министр того королевства, где жила Алесия. Он даже не обратил на него внимания. И по глупости не попытался запомнить его. И теперь единственное, что он знал об этом человеке, — то, что он был уже немолод, и то, что голос у него был хриплый, будто простуженный.

— Это я помню! — раздражённо выдыхает король. — Человек, который стоял там... Где он? И где Алесия?

Леонард удивлённо охает. Врач и граф Траонт пока только молчат, но, как почему-то кажется Алу, они тоже были удивлены. Интересно, чем? Неужели по их прогнозам Альфонс не должен был помнить этого? И почему они так решили? Почему?! Ал был почти здоров, он уже чувствовал себя лучше, чем даже несколько минут назад, хотя всё тело ныло. Так что же такое там произошло, что они думали, что он не должен помнить этого? Или они не знали?

— Мисс Хайнтс? Ей стало плохо точно так же, как и вам, только она находилась совсем в другом месте, — произносит Теодор задумчиво. — А человек... Кто нашёл короля без сознания?

Леонард начинает дышать чаще. Ал слышит это. Сейчас он не может ничего видеть, но слышит он прекрасно. И поэтому можно кое-как понять, что с ним происходит. Кошендблат, скорее всего, волнуется. Интересно, кем является Леонарду тот, кто нашёл Альфонса там?

— Это мой брат Ричард, — произнёс парень после минутной заминки. — Он нашёл короля и позвал слугу, чтобы тот помог донести Его Величество до его покоев. Я могу позвать его сейчас, если нужно. Он подтвердит.

Брат? Леонард говорил, что у него много старших братьев, но все они, скорее всего, были моложе того человека, который говорил с Алесией несколько дней назад, когда Алу стало плохо. Да и зачем брату его друга как-то вредить королю? Или, если это был всё-таки он, целью было вовсе не навредить, а скорее вывести Ала из строя, чтобы он никак не мог помешать разговору с Алесией?

Тогда возникал вопрос, кем же являлась сама мисс Хайнтс, почему за ней кто-то охотился, почему кто-то препятствовал этой охоте и был её покровителем? Альфонс вдруг подумал, что не знает даже этого. Не знает даже того, кем на самом деле является девушка, которую он хотел защитить.

— Позови, — тихо шепчет, почти выдыхает король. — Я хочу поблагодарить его. Мне не кажется, что это он напал на меня. Кстати, что с повязкой на моих глазах? Что-то серьёзное?

Леонард облегчённо вздыхает, кажется, он рад сразу двум вещам: тому, что его брата не считают виноватым, и тому, что разговор переводят на другую тему, — вскакивает и выбегает из комнаты, при этом громко хлопнув дверью. Теодор усмехается. Альфонс чувствует это, слышит это. А врач тихо подходит к нему и осторожно снимает повязку.

Яркий свет заставляет короля зажмуриться, впрочем, через секунду он осознаёт, что свет не такой уж и яркий: в комнате горит всего лишь одна настольная лампа, — и уже совсем чётко видит перед собой Теодора и доктора. Врачом оказывается пожилой человек, седой, не очень высокий, с белоснежной бородой, будто спустившийся из какой-нибудь детской сказки. Впрочем, как кажется Алу, это даже не совсем врач, скорее, лекарь, похожий на тех, что водились в средневековье.

— Вроде всё нормально, — произносит лекарь. — Когда вы были без сознания, мы перепугались, что тот ушиб, который вы получили, может сказаться на вашем зрении. Да и, к тому же, вам сейчас лучше не напрягаться. Лучше я верну повязку назад.

Альфонс кивает, и повязку возвращают на место. Вскоре король начинает засыпать. Сил у него не было даже на то, чтобы дождаться брата Леонарда и поговорить с ним, хотя, наверное, стоило бы сделать это. Неизвестно, сколько проходит времени, когда Ал проваливается в сон.

Комментарий к II. Глава девятая. Неизвестный.

Алиса — Моя Война

===== II. Глава десятая. Начало конца. =====

Где бургундский год и бургундский день

Претворился в век,

С краской перемешивал свет и тень

Мастер Ян ван Эйк,

Окуная в краску гибкую кисть,

Он ловил лисицы-Времени след,

Отпуская душу на волю ввысь,

Он писал портрет,

Где сияло солнце на дне морей,

И плескалась радость в водах зеленых,

Где Печаль и Смерть, преломив копьё, отступали прочь...

С неба сквозь леса корабельных рей

Улыбалась кротко людям Мадонна,

Золотом сияли глаза ее, побеждая ночь.

Золотом сияли глаза ее, побеждая ночь...

Где соборов кружево сплетено

За щитами стен,

Ночью пьет вино и глядит в окно

Николя Ролен...

Он сплетает судьбы, точно паук,

И уже почти не помнит молитв,

Только в тишине вдруг замкнулся круг —

Воплотился миф.

Отступила затхлость и умер тлен,

Заплясали искры в гранях оконных,

Дым от свеч застыл между райских роз

Золотым венцом...

В сумерки глядел Николя Ролен,

Преклонив колени перед Мадонной,

И струился свет от её волос

На его лицо.

И струился свет от её волос

На его лицо...

Праведным тебе уж давно не стать —

Только в этот раз

Не смотри, не думай — не убежать

От Мадонны глаз!

Скорлупа разбита, взломан замок —

Вылетай, душа, в цветное стекло,

Положи себе света лепесток

На холодный лоб.

Звезды попадали в полночный плен,

А художник видел нечто спросонья,

Наблюдая чудо сквозь щель во сне

И шепча «Аминь!»:

Плакал в полутьме Николая Ролен,

Отцветала осень Средневековья,

И летели листья ее к земле

В голубую стынь...

И летели листья ее к земле

В голубую стынь...*

Ричард чувствовал себя не самым лучшим образом, когда стоял рядом с этим человеком. Его звали Джим Блюменстрост, ему было уже пятьдесят шесть лет, и он был человеком достаточно влиятельным в своих кругах. В кругах, куда собирался попасть Ричард. Люди, что вращались вокруг Джима, были представителями разных профессий, впрочем, больше всего среди них было историков и богословов. Тех, общение с кем было сейчас просто необходимо предпоследнему сыну герцога Кошендблата. Он хотел бы вырваться из плена тех мыслей, что мучили его уже очень давно, с того самого момента, когда Грегор оскорбил его.

Грегор... Самодовольный индюк! Иначе Дик не мог его назвать. Старший брат был заносчив, никогда никому не помогал, всех считал обязанными ему подчиняться. Ричард сильно кривил бы душой, если бы сказал сейчас, что любит брата. Он не любил Грегора, а Грегор не любил его. Так было всегда. Да что там говорить, даже Хельга, эта вздорная мелкая тварь, как окрестил её про себя Ричард, побаивалась и не любила Грегора. Впрочем, Хель была всего лишь плодом своего воспитания. Она была вздорной, шумной, постоянно ворчащей, но достаточно глупой девочкой, на которую, пожалуй, не следовало обижаться. Но Дик уже не мог.

А кем был Джим Блюменстрост? Перед Джимом парень всегда терялся. Блюменстрост всегда был очень спокоен и даже тих, и от предчувствия подвоха Кошендблату было нелегко находиться рядом с ним. Джим был человеком невысоким, немного полноватым, странно бледным, его кожа была будто выцветшей, чёрные глаза его блестели, казалось, особенно ярко. Слишком ярко для обычного человека. Впрочем, возможно, это был просто плод разыгравшегося воображения. Руки этого человека были испачканы в карандаше, а сам он что-то рисовал. Ричард чувствовал себя неудобно. Этот мужчина был когда-то преподавателем латыни, того странного земного языка, в Академии магии, и именно он заметил тогда, что Ричард не только не глупее, но даже во многом талантливее своих старших братьев. Со спокойным, но любознательным ребёнком было работать проще, так что Джим Кошендблат нередко хвалил мальчика перед родителями. Впрочем, в Академию герцог и герцогиня приезжали редко, так что тех моментов, когда отец гордился, было не так много, как хотелось бы Ричарду.

Латынь давалась ему легко. Как и греческий, и кельтский. Как и земные языки, которые проходились в Академии. Тогда он был единственным учеником, который выбрал сразу три земных языка. Остальные, в основном, выбирали только латынь или только греческий. В классе по кельтскому языку было всего несколько человек, правда, Ричард как-то умудрился ни разу не пообщаться ни с одним из них. Наверное, по двум причинам: в парах они никогда не работали, в отличие от уроков по греческому и латыни, да и, казалось, одноклассники не особенно хотели с ним общаться. Ричард всегда чувствовал себя неудобно в том классе.

Со своими родными Джим Блюменстрост не общался. Или почти не общался. Ричард ни

разу не слышал, чтобы он хоть когда-то обмолвился о том, кем являются его родные. Было жутко любопытно — почему? Фамилия «Блюменстрост» была не слишком известной, скорее всего, она принадлежала какому-нибудь не слишком знатному и богатому дворянину.

На столе Джима стояла старая фотография. Даже не чёрно-белая, а какая-то желтовато-коричневая, такая, которую могли сделать разве что в какой-нибудь деревушке; изображение на ней было не слишком чёткое, да и сама фотобумага была изрядно помята. На ней была запечатлена красивая девушка, взгляд её был весьма кротким, а сама она казалась уставшей. Присмотревшись, юноша заметил, что эта девушка прикрывала руками живот, она улыбалась, но счастливой почему-то совсем не казалась. Скорее печальной, грустной. Такой несчастной... Кем она была? Женой Джима Блюменстроста, которую он замучил и теперь чувствовал себя виноватым за её смерть, и поэтому не говорил о ней? Сестрой, что не смогла быть счастливой, за несчастье которой он чувствовал свою ответственность? Дочерью? Нет... Дочерью она никак не могла быть. Слишком старой была фотография. Или, может быть, эта женщина была любимой девушкой Блюменстроста?

— Эта девушка... — пробормотал Ричард задумчиво, не сводя взгляда с лица, изображённого на фотокарточке. — Вы хорошо знали её, да, сэр?

Джим кивает. В его глазах появляется то знакомое странное выражение полузабытой скорби, которая ничуть не тревожит, а, кажется, даже греет его душу. Дика всегда это удивляло. Но он всегда молчал об этом. Джим Блюменстрост не любил, когда кого-нибудь что-то удивляло, сам он, казалось, никогда и ничему не удивлялся. Было ли это просто привычкой или состоянием его души, Ричард не знал. И, наверное, никогда не узнает. Впрочем, это знание ничего существенного ему бы не дало, следовательно, гнаться за этим знанием было просто глупо. Это когда-то сказал ему сам Джим. И, последовав однажды этому совету, Дик заметил, что жить стало немного проще, нежели раньше. Во всяком случае, так казалось.

Девушка странно смотрела на него с фотографии. Казалось, умоляла помочь. Не его, конечно, а, скорее всего, того фотографа, что сделал этот снимок. Но умоляла так искренне, так сильно, что Ричард терялся, не знал, что сделать для того, чтобы помочь ей.

Глаза изображённой на фотографии будто бы молили: «Помоги!» — но они совсем не звали его за собой. Просто просили. Не было привычных криков, только молчаливая просьба, и это почему-то волновало Дика. Кошендблат никогда раньше не видел, чтобы кто-то так его о чём-то просил.

— Это Элис, — произносит тихо, но уверенно Джим. — Жена моего старшего брата, Дэвида. Прелестная женщина. Просто замечательная. Красивая, добрая, тихая — та, с которой я мечтал всю жизнь, и которая досталась моему брату.

Кошендблат снова смотрит на фотографию. Женщина действительно казалась почти нереальной, будто миф. Женщина, которую любил учитель Ричарда, Джим Блюменстрост. Красивая... Да, красивая. Только уставшая и, казалось, запуганная. Кем? Мужем? Наверное. Интересно, было ли это как-то связано с тем, что профессор Блюменстрост любил её? Скорее всего. Дик внимательно всматривался в изображение этой Элис, о которой только что говорил Джим.

Такого взгляда юный Кошендблат не видел никогда раньше, его мама никогда ни на кого так не смотрела. Интересно, а у той женщины, что на фотографии, есть дети? Должны быть. На этом снимке она была запечатлена беременной, это хорошо видно. Было бы здорово пообщаться с её детьми, во всяком случае, Ричарду бы хотелось этого. Дети могут быть

похожи на неё. А могут быть похожими на её мужа. Отчего-то эта мысль кажется юноше неприятной. Кем был тот человек, что мог довести женщину до такого жалкого состояния? Каким чудовищем он был?

— Она была несчастна с вашим братом? — спрашивает зачем-то Ричард, он сам не ожидает от себя этого вопроса. — Она не любила его?

Джим качает головой. Теперь грусть в его взгляде кажется более осознанной, более горькой, нежели раньше. Будто бы перед Диком находится уже совсем другой человек. Не Джим Блюменстрост. Не он. Ричард Кошендблат смотрит, ожидая каких-то слов со стороны своего наставника, но тот пока молчит, просто молчит и смотрит куда-то в пустоту... Это слишком непривычно, слишком неправильно.

Так может сидеть он, Дик, но никак не Джим. Ричард вдруг вспоминает, как сильно он однажды расстроил своего наставника, это произошло лет пять назад, и парню совсем не хочется повторить этот день снова. Да ни за что в жизни! Ну... Во всяком случае, не сейчас. Планов у юноши много, но сделано пока слишком мало, так что помощь профессора Блюменстроста точно не будет лишней.

— Не любила... Конечно, нет. Боялась его, это точно, а это уже говорит о том, что она его не любила, — говорит, будто бы ругая Ричарда, Джим. — Конечно, она его не любила. Никто не смог бы полюбить его...

Дик вздрагивает. Он слышит совсем не тот привычный мягкий голос Джима Блюменстроста: человек, который сказал сейчас это его устами, довольно жёсток, возможно, даже жесток, в голосе наставника впервые слышится такое чувство, как ненависть. Никогда раньше такого не было. Он всегда был слишком спокоен и уверен в себе, чтобы ненавидеть. Почему же он ненавидел сейчас? Неужели из-за этой женщины, этой Элис?

Блюменстрост пока молчит. Будто бы подбирает нужные слова, но пока не может подобрать. Ричарда пугает и это. Он снова думает о том, что он действительно всего лишь трус, incapable что-то сделать, что-то предпринять. Он снова хочет доказать, что это не так, но тут же себя одёргивает: доказывать тут некому, Джим и так всё про него прекрасно знает, обмануть его не получится.

Тишина, кажется, длится целую вечность. Дику становится неудобно. Зря он затронул эту тему, зря! Лучше бы спросил что-то другое и сейчас слушал бы очередную притчу о каком-нибудь из пороков, что ему не следует иметь, которую бы Джим рассказывал своим тихим мягким голосом. Профессор любит рассказывать разные притчи. Правда, Дик не всегда любит их слушать. Но, в любом случае, это было бы куда лучше, нежели это. Тишина гложет юношу, пугает его. А что его, собственно, не пугает?! Наверное, нет такой вещи. Какой раз он твердит себе, что он трус, какой раз он пытается что-то сделать с собой — всё бесполезно. Страх возвращается, только его удастся прогнать.

— Не думаю так же, что и он любил её. Во всяком случае, он не любил её так, как любил её я, — с горечью выплёвывает слова Блюменстрост, — этого, на мой взгляд, уже достаточно. Элис заслуживала большой любви, а не равнодушия.

Ричард кивает и какое-то время не произносит ни слова. Ему нужно обдумать сказанное наставником. И это, наверное, требует какого-то времени. Кошендблат сам не знает, какого. Несколько минут явно недостаточно. Так почему же так и хочется ещё что-то спросить?

— Какой она была? — задаёт вопрос Дик. Голос будто бы не слушается его, он говорит почти против своей воли.

Джим Блюменстрост задумывается на минуту, а потом, откашлявшись, начинает

рассказывать Ричарду эту историю своим тихим мягким голосом, тем самым, которым он говорит обычно: от жёсткости, с которой были произнесены последние несколько фраз, не осталось следа; голос Джима снова тот самый, к которому юный Кошендблат так привык...

— Она? — переспрашивает Блюменстрост. — Несчастное забитое существо, запуганное до полусмерти мужем и сыном...

Дик с удивлением смотрит на своего наставника, потом осторожно переводит взгляд на фотографию, с которой смотрит на него эта женщина. В больших тёмных глазах, кажется, такое отчаяние, молчаливое, от этого становится только страшнее, что того, кто довёл эту женщину до такого состояния, хочется просто убить. Убить, растерзать, чтобы он сам почувствовал такую же боль, что чувствовала когда-то Элис Блюменстрост. Ричарду она казалась почти ангелом. Ангелом, точно таким же, какие существовали в книжках по истории, что когда-то проходились в Академии. В тех книгах они были мифическими существами, но было ли так на самом деле?

Кошендблату давно хочется узнать об этом, но сейчас ему особенно хочется этого. Мифические существа всегда были его слабостью... Он всегда хотел знать о них всё и даже больше. Ричарду кажется, что это немного странно для ребёнка из такой богатой семьи, из которой происходил он. Отец никогда не одобрил бы подобного увлечения. Впрочем, когда отец одобрял что-либо из того, что делал Дик? Даже то, что его сын выбрал сразу три земных языка, раздражало его. Предпоследний сын герцога Кошендבלата снова ловит себя на мысли, что никогда не любил свою семью. Ни отца, ни мать, ни братьев, ни сестру. Все они мешали ему, все делали его несчастным. Он больше не хотел иметь с ними что-то общее, память о них казалась юноше обузой, то, что раньше представлялось ему счастьем, теперь становилось проклятием.

— Да видят боги, она пыталась быть хорошей женой моему брату и хорошей матерью его сыну, — немного повышает голос Джим, в голосе его снова появляется та горечь, которую Дику так не хочется слышать. — С этими двумя это не так-то просто. Почему я сказал «его» сыну? О... Они очень похожи. Оба никогда не хотят никого слушать, оба учатся только на своих ошибках, оба боятся любить. Хотя... Не боятся. Просто не умеют. Странно, что Дэвид не замечал, насколько похож на него Джордж. И странно, что Джордж не видит, насколько он похож на отца. Они оба всегда были такими умными... Умнее меня. Намного умнее, будь уверен, Дик. Но до сих пор они не смогли не заметить такую глупость, которую давно вижу я.

Блюменстрост тяжело вздыхает, откладывает свой рисунок, на котором изображена эта самая Элис, что он держал в своих руках весь разговор. Ричард чувствует себя виноватым за это настроение наставника, он сам не понимает, зачем начал весь этот разговор. Будто бы какая-то невидимая сила толкала его на это. Будто бы не он сам говорил про это. Будто бы не он...

Следующие несколько часов они проводят в абсолютной тишине. Даже интерьер небольшой гостиной, в которой они сидят сейчас, будто бы нагоняет странную тоску. Кошендблат почти ненавидит эти серо-желтоватые стены, этот мягкий диван, на котором он сидит, тот тёмный стол, на котором стоит фотография Элис Блюменстрост, тот рисунок, который был отложен Джимом... Всё это будто бы давит на него.

Молодая женщина пытается как-то успокоить плачущую дочь. Она сама чувствует себя крайне плохо в этом доме. Она даже не может сбежать отсюда. Кому она нужна беременная и с тремя детьми? Девочка, которую она пытается успокоить, отчаянно размазывает слёзы

по лицу крошечными кулачками. Что случилось? Почему она плачет? Элис слышала, как Мари сказала, что увидела что-то страшное. Увидела, просто идя по улице, хотя ничего такого не происходило. Неужели это то, что когда-то мама миссис Блюменштрост назвала проклятьем провидения? Элис жутко боялась, что дочь унаследует его.

Женщина садится рядом, пытается что-то сказать, но слова будто застревают в её горле. Она постоянно боится, что кто-то увидит эту сцену и расскажет её мужу. Он никогда не любил, когда кто-то начинает плакать. И он относится к Мари хуже, чем к Аннэт или Джорджу. Почему, она не понимает. Мари самый тихий ребёнок в их семье, самый послушный, ребёнок, о котором можно было только мечтать, но Дэвид почему-то не любит её.

Не любит он и Джорджа. Но мальчик сам не раз показывал, что ему не нужен никто, возможно, это было всего лишь глупостью, вздорным характером маленького ребёнка, но Элис боялась даже подойти к нему. Сын был для неё почти чужим. Ей самой было стыдно за это.

— Почему она плачет? — слышит женщина строгий голос Джорджа. — И почему я не знал, что вы ушли?

Элис вздрагивает от неожиданности и оборачивается. Но сына рядом с ней нет. Джордж дома, рядом с отцом и Аннэт. Почему же ей показалось, на одну минуту показалось, что сын стоит рядом с ней? Мари удивлённо замирает, когда мать оборачивается. Она, кажется, тоже слышала голос Джорджа.

— Его нет... — испуганно спрашивает женщина. — Почему я слышала его голос?

Мари дрожит от страха, хватая мать за руку, испуганно смотрит на неё. А Элис не понимает, что происходит, она сама начинает рыдать. Силы покидают её, она оседает на землю.

Дочь стоит рядом с ней и тоже плачет. Плачет от ужаса, переполняющего сейчас её душу. Она не понимает. И от этого становится только страшнее. Во много раз страшнее. Стоять рядом с рыдающей матерью, что сейчас ничего не соображает от страха — самый жуткий кошмар для ребёнка. Мари не знает, что ей делать...

Каждую секунду какой-то человек падает, какой-то — поднимается с колен, встаёт, пытается достичь того, что он имел до падения, а может быть, даже больше того, что у него было. Каждую секунду, подумать только — секунду, люди пытаются затоптать, задавить того, кто упал. Мир жесток, алчен, безумен. Не следует быть наивным на этот счёт. Пожалуй, не стоит. Каждую секунду следует думать об опасности, которая грозит любому человеку, каждую секунду следует думать о смерти, которая следует за каждым по пятам...

И магический мир — не исключение. Назвать его волшебным у Марии не поворачивается язык, она ни за что не назовёт этот мир волшебным теперь. Ей было скучно тогда, и она смогла увидеть, чем именно и как живёт этот проклятый мир. Девушка ни за что не согласилась бы попасть сюда снова, будь она на Земле, но теперь она и ни за что не согласилась бы отправиться на Землю. Этот мир был странным, чужим, непонятным, но знакомым. Кое-что в некоторых сериалах, книгах и комиксах всё же оказалось почти правдой, но Мария, к её сожалению, ещё не совсем понимала, где находится грань между вымыслом и реальностью. Наверное, так чувствовал себя и Седрик, когда попал на Землю. Но он был там совсем недолго, понять, чем на самом деле является эта планета, он бы просто не успел.

Хоффман чувствует себя слишком неважно. После того дня, когда Мария и Мердоф

нашли его в том старом доме, он ещё не говорил ни слова, правда, что-то записывал в свою записную книжку, что-то рисовал. Мария вынуждена сидеть рядом с ним эти несколько дней. Пожалуй, это нужно воспринимать как простую благодарность этому человеку. Мисс Фарелл осторожно садится на диван, что находится в кабинете графа, с любопытством, присущим ей, рассматривает вещи, стоящие в шкафу, натывается взглядом на фотографию какой-то семьи. Мужчина, на которого граф очень похож, хрупкая болезненная женщина, трое детей: две девочки и мальчик. Женщина на фотографии отчего-то особенно приковывает к себе взгляд. По её позе, по выражению её лица, по общему облику Мария видит, что женщина эта кажется тяжело больной.

Хоффман жестом просит бывшую принцессу принести ему эту фотографию, что Мария тотчас и делает. Ей не хочется лишней раз тревожить этого человека. В конце концов, он спасал её минимум дважды — от тех выживших из ума революционеров и от Мердофа. С последним она, правда, уже подружилась, но тогда этот парень мог её убить, был готов к этому. Мужчина смотрит на изображённую на ней семью, вздыхает, проводит пальцем по изображению и отбрасывает фотографию в сторону.

Мария от неожиданности вздрагивает и удивлённо смотрит на пол, где очутился снимок; почему-то она чувствует, что понимает, почему именно Георг Хоффман так поступил, она сама бы отбросила в сторону фотографию, где были бы изображены мама и Роза. И не только потому, что ей было бы больно об этом вспоминать. Ещё и потому, что ей бы совсем не хотелось лишней раз ворошить прошлое.

— Это Вы и Ваша семья, да? — спрашивает девушка тихо. — Вы похожи на того мужчину, что стоит посередине.

Граф кивает. Он медленно, не спеша, будто бы специально растягивая этот процесс, поднимается с кресла, где сидел, откладывает книгу, подходит почти вплотную к Марии. Девушка делает шаг назад, наталкивается спиной на шкаф. Если быть честной, ей в тот момент хочется чем-то ударить этого человека, оттолкнуть. Хоффман, увидев это, останавливается.

Он стоит неподвижно какое-то время напротив Марии. Эти несколько секунд, может быть, даже минут, кажется, длятся очень долго, бывшая принцесса уже готова схватить вазу, что стоит в шкафу у графа Георга Хоффмана.

— Да, это моя семья, — задумчиво произносит мужчина. — Знаешь, никогда не любил их всех. Почти всех... Впрочем, не думаю, что им моя любовь что-то бы дала.

Мария сглатывает, когда граф резко разворачивается и садится обратно в кресло. Его слова о семье задела девушку за живое, она чувствует себя почти виноватой за то, что нашла эту фотографию, впрочем, графу самому не следовало приходить в тот дом, возможно, тогда он смог бы избежать этого нервного срыва.

Почему-то девушке совсем не хочется сейчас думать о своей семье. Кассандра и Роза Фаррел... Их смерти были на её совести, на совести Марии, вспоминать об этом лишней раз не хотелось, слишком противное чувство появлялось в груди. Говорить о чём угодно, с кем угодно, только отвлечься от этих проклятых мыслей. В тот день, когда Хоффман заключил с ней первую сделку, Альфонс сказал ей, что у неё и у графа нет ничего общего. Теперь Мария понимала, что это не так. У них было куда больше общего, чем казалось на первый взгляд — они оба не любили своих родных, они оба фактически были причиной их гибели.

— Какой была Ваша мать? — зачем-то спрашивает она. — Она любила Вас меньше, чем Ваших сестёр, да?

Хоффман задумывается на минуту, потом идёт к окну, поднимает с пола отброшенную фотографию, внимательно смотрит на неё. Мари будто бы зовёт его за собой. Но он ни в коем случае не пойдёт туда за ней. Не сейчас. Он лучше попробует воскресить её. Это более разумный и более возможный вариант. Если он умрёт сейчас, то загробная жизнь для него будет несладкой. Хочется остаться в этом мире ещё ненадолго, хоть на чуть-чуть, Анна говорила, что забеременела. Графу хочется хоть раз взглянуть на своего ребёнка, хоть раз подержать его в руках...

Интересно, а что его отец чувствовал, когда родился Джордж? Гордость? Радость? Или досаду, что ребёнок был не таким, как ему хотелось? Хоффман уверен, что он с самого начала раздражал своего отца. Наверное, того даже можно было понять, но... понимать совсем не хотелось. Джордж тогда был ребёнком, маленьким брошенным мальчиком, который нуждался в поддержке со стороны родителей. И даже если они не любили его, то почему не помогли хотя бы Мари? Она была тихой и хорошей девочкой, она уж точно не заслуживала смерти. Может быть, если бы они оставили его, Джорджа, в том доме одного и увезли Мари подальше, она была бы сейчас жива. Хоффман грустно улыбается, вспоминая о том, что его сестрёнка тогда собиралась поступить в монастырскую школу. «Чтобы вылечить таких, как мы»... Георг чувствовал себя виноватым за то, что случилось с его сестрой. Да... Это была только его вина.

— Она, казалось, меня вовсе не любила. Скорее, боялась, — произносит он с горечью в голосе и вдруг усмехается. — Возможно, она даже пыталась меня полюбить, но... Мы с тобой оба знаем, что это было самой большой глупостью в её жизни. Она бы никогда не смогла этого. Порой мне кажется, что она с самой беременности чувствовала, кем я буду. И боялась меня. С самого моего рождения она опасалась меня, боялась и слово мне сказать. Это не даёт мне покоя. Она всегда была несчастной, забитой, запуганной женщиной, и, простят мне боги, если они есть, мне всегда было противно смотреть на неё. Я почти ненавидел её. Почти. Только презирал.

Хоффман замолкает и вдруг хватается за голову руками. Когда он начинает хохотать так, будто является просто безумцем, человеком, которому место за решётками психиатрической клиники, Марии хочется сбежать из этой комнаты, она почти готова сделать это, если бы Мердоф не умолял её несколько часов назад находиться рядом с графом, она бы точно убежала бы сейчас.

Граф, кажется, сходит с ума. И виной всему то, что он чувствует себя виноватым перед своей семьёй. Марии кажется, что она прекрасно понимает этого человека... Ей жалко Георга. Очень жалко. Она сама не знает, почему именно. Возможно, он должен был вызывать в её душе другие чувства, но она ничего не может с собой поделать. Граф Георг Хоффман — тот человек, который способен вызвать в её душе жалость, вероятно, сам того совсем не желая. Она никогда не скажет ему об этом. Никогда. Ему не следует этого знать. Точно не следует.

***

Паул смотрит на блюдо и усмехается. Эрик, стоящий рядом с ним, удивлённо смотрит на друга. Ему любопытно, что такое мог увидеть чернокнижник в этой старой отполированной железяке. Если быть честным, парню порой хочется вышвырнуть все эти колдовские штучки из дома и заставить друга нормально лечиться, но он никогда не сможет этого сделать. Потому что это означает потерять дружбу Паула, а Эрик никогда не пойдёт на такое.

Сам чернокнижник смотрит на эту вещь не отрываясь, постоянно что-то бормочет... Уже целых три или четыре часа. Эрик едва понимает, что происходит с его другом, да что там: если честно, он не совсем уверен, что хочет это понимать, могут же у Паула, в конце концов, быть какие-то развлечения. Вот только в том, что эти развлечения не опасны, Картер не уверен.

Парень осторожно подходит к другу. Не со спины. Со спины подходить к магу просто опасно, Эрик не раз уже убедился на собственном опыте, когда Паул ворчал, обрабатывая ему раны и ушибы. Повторять это снова совсем не хочется. Во всяком случае, не сегодня. Хотя иногда Картер и любит пошутить над другом таким образом, сегодня другой случай, да и не хочется как-то лишний раз беспокоить черного мага после тех дней в темнице.

— Ты нашёл то, что хотел? — спрашивает «народный мститель», как окрестил его Паул.

Чернокнижник кивает. Улыбка, которая заиграла в этот момент на губах у мага, Эрику совсем не нравится. Совсем. Абсолютно. Он не хочет даже думать, кому адресован такой жест со стороны Паула. Во всяком случае, этому человеку не позавидуешь, Картер был почти уверен в этом.

— Да, — произносит черный маг, всё ещё улыбаясь, — нашёл. Точнее, услышал. Эти двое ничего не заподозрили. Не поняли, что их собеседники находились под моими чарами... Да и эта леди Джулия тоже. Хотя я и подслушал её, в общем-то, бесполезный разговор. К моему сожалению.

Эрик вздыхает и грустно улыбается. Ему надоели все эти магические штучки его друга, в конце концов, не зря же в народе говорят, что использование чёрной магии до добра не доводит. Картер только надеется, что расплата ждёт Паула ещё нескоро, парню совсем не хочется терять друга. В конце концов, чернокнижник теперь единственный близкий Эрику человек, и потерять его означает полный крах, полное поражение. Расплата чёрного мага во многих преданиях означала гибель колдуна. Это пугает Картера больше всего.

Паул встаёт с кровати и направляется к двери. Ровным шагом, быстрым, почти так же, как и тогда, до пребывания в темнице, что истощила его силы, магические и жизненные. Он улыбается почти счастливо, почти беззаботно, как улыбался когда-то совсем давно, когда они с Эриком были ещё детьми, и это даже как-то обнадеживает. Эрику не хочется, чтобы те старые времена закончились. Ему слишком больно было бы понять, что у него нет ничего, к чему он когда-либо был привязан.

Вдруг чернокнижник резко останавливается и в течение следующих нескольких секунд оседает на пол. Картер подбегает к другу сразу же, когда приходит в себя. Паула трясёт, в его глазах выражение какого-то панического ужаса, обычно не присущего чёрному магу, и страшной боли. Эрик не знает, что ему делать, ещё больше он пугается, когда друг начинает кашлять кровью; сам Паул не совсем понимает, что происходит, лишь когда он подносит руку ко рту, выражение его глаз становится осмысленным.

— Кто-то... всё же... понял... — Последние слова, которые слышит Картер прежде, чем Паул теряет сознание.

Комментарий к II. Глава десятая. Начало конца.

Канцлер Ги — Мадонна канцлера Ролена

===== II. Глава одиннадцатая. Проклятье чёрной ведьмы. =====

Ты последнюю ставишь точку,

Выткнув сказку при лунном свете.

Ты счастливо ее окончил,

Чтоб не плакали ночью дети,
Только кто-то свечу уронит
И десяток страниц забелит:
Есть такие, кто точно помнит,
Как все было на самом деле.
И перо возьмут чужие руки,
Записать себе, присвоив право,
Хронику чужой тоски и муки,
Всыпать правды горькую отраву.
Приоткрыты двери преисподней,
Ангелы растоптаны конями,
И сюжет известный новогодний
Переписан серыми тенями.
Ты стоишь на каминной полке,
Глядя в пол, как в пустой колодец;
Отраженье в стекла осколке —
Безобразно-смешной уродец.
Ты в тени от зеленой ели,
Ты — орудье людской потехи:
Служишь ты для простейшей цели —
Чтобы детям колоть орехи.
Был когда-то ты мечтой девичьей,
Был когда-то ты прекрасным принцем —
Безобразным нынешним обличьем
Ты обязан серым злобным крысам.
Проклятый крысиной королевой,
Обречен игрушкой стать навеки,
Ты глядишь без боли и без гнева
Сквозь полуразомкнутые веки
Поздно ночью заслышав шорох,
Замирают в испуге люди,
И зловещих предчувствий ворох
Преподносит тебе на блюде,
Как служанка дурная, память,
Что сидит в закоулках мозга,
Чтоб вспомнить тебя заставить,
Как все будет — а будет просто:
Оттого-то бьют на башне полночь
В Новый Год куранты так зловеще:
Некого тебе позвать на помощь —
Ведь игрушки это просто вещи!
Ты не жди спасительного чуда —
Пусть в груди от горя станет тесно:
Помощи не будет ниоткуда —
Ночью умерла твоя принцесса...

Ты изгрызен и переломан,
Перемешан в кровавом меле...
Крысы помнят, о Мастер Гофман,
Как все было на самом деле...

Альфонсу было банально скучно день-деньской лежать на кровати и пялиться в чисто выбеленный потолок. Если бы тут на него с потолка сыпалась шпукатурка, ему, право, было куда менее тоскливо валяться здесь. Но потолок был выбелен так, что даже при желании нельзя было поймать взглядом хоть самую мелкую царапинку или трещинку. В любом другом случае Браун поразился этому, но сейчас ему было совсем нечем заняться. Вставать доктор ему запретил, ссылаясь на то, что при любой перегрузке его самочувствие может ухудшиться, читать тоже, так как для этого пришлось бы напрягать зрение, которое монарх чуть не потерял несколькими днями ранее, а посетителей и вовсе к нему не пускали. Даже тогда, когда Ал попал в больницу года четыре назад, ему не было так скучно. Можно было хотя бы смотреть на потолок и бранить Комитет по здравоохранению за то, что шпукатурка на него, Альфонса Брауна, так и сыпалась. Да и Марию тогда к нему пускали. Хоть и ненадолго. Сообразительная мисс Фаррел всегда умела как-то рассмешить его, развеселить, порадовать... А тут? Тут было до жути тоскливо — плотно зашторенные окна не пропускали почти никакого света, звукоизоляция во дворце тоже была неплохой, как ни странно, так что всё, что происходило на улице, для юноши было загадкой, в комнату изредка приходил доктор, спрашивал, как самочувствие, говорил служанке, что королю стоит поесть, дожидался, пока юный монарх позавтракает, пообедает или поужинает, и уходил. Это всё, что происходило изо дня в день уже целую неделю. Ничего не менялось. Ровным счётом ничего.

Графа Траонта парень и вовсе был готов придушить сразу же, как встанет на ноги — подумать только, биологический отец Марии, а так же старший советник, полностью согласился с доктором насчёт того, что Алу следует лежать в постели и не вставать, и даже смог уладить этот вопрос с советами. Слушать занудные речи министров, конечно, тоже было очень скучно, но, во всяком случае, это было хоть что-то, в любом случае, это было не просто неподвижное лежание в четырёх стенах. В следующий раз, когда Алу станет плохо, он ни за что на свете не обратится к этому противному врачу. Да лучше бы он очнулся там, посреди коридора, на каменном полу, и увидел лицо того человека, что его заколдовал, нежели здесь! И то было бы чуточку веселее. Правда, скорее всего, тому человеку, а не Альфонсу, но вот это волновало юношу в последнюю очередь. Во всяком случае сейчас.

Скука. Скука и одиночество. Пожалуй, это то, что чувствовал Альфонс Браун, лёжа на кровати в этой комнате. Вспоминалось детство просто потому, что нужно было о чём-то думать, чтобы не умереть здесь. Вспоминалась первая встреча с Марией, худенькой девочкой со двора, которая любила лазать по деревьям и царапать, словно кошка, первая встреча с Розой, двухлетней малышкой в белом платье с оборочками, вспоминался первый класс, обида на отца и Марию, что пришли вместе на линейку, посвящённую первому учебному дню, вспоминалось шутовское прозвище «Ри», данное Алом Марии, потому что та никак не хотела, чтобы её называли Мэри, странная учительница математики, которая больше любила литературу, чем свой предмет, строгий учитель театра, первый день Розы в школе... Всё это было так старо и оттого так ново, что становилось ещё более тоскливо. Мария обязательно бы что-нибудь придумала. Обязательно. Она просто не умела жить, не наживая приключений себе на одно место, кому, как не Альфонсу, знать это?

— Почему ты ушла? — спрашивает пустоту король. — Почему? Я не верю, что ты умерла. Слышишь?

Пустота, разумеется, ему не отвечала.

Мария была жива, парень чувствовал это. Теперь чувствовал. Мёртвой она никак не могла быть. Кассандра, Роза, Генрих — да. Но не Мария. Эта девица всегда была слишком своенравной. Быть может, она смогла убежать и от смерти тоже, как однажды сумела сбежать от самого злого преподавателя в их школе? Вполне возможно. Ал почти скучал по ней. Почти. Он и отдыхал от неё одновременно. Общение с мисс Фаррел порой утомляло, хоть новоиспечённый король и старался этого не показывать.

Окна были зашторены. Парень с тоской посмотрел в их сторону и вздохнул. В груди было тяжело, всё тело было будто бы сковано невидимыми оковами. Ал тяжело дышал, он почти чувствовал, что даже вдыхать воздух ему трудно.

Мысль о том, что сказочное королевство могло воевать с соседним, не даёт мальчишке покоя. Что такое война? Худшая из зол мира, ведь умирают все, не только те, кто воюет, но и мирные люди, дети... Подумать только — дети! От мысли об этом парню становится не по себе. Войны уносят миллионы человеческих жизней, жизней людей, среди которых чаще всего больше мирных жителей, нежели солдат. И это, пожалуй, самое страшное. Что такое война? Это горе. Горе людей, потерявших близких. Горе, которое вряд ли возможно передать словами. Это отчаянье тех, кто остался без крова, без средств к существованию, тех, чья жизнь ещё вчера была самой обычной, мирной, в которой не было места войне. В жизни Альфонса тоже не было. Он не хотел, чтобы так было. Как не хотел и становиться королём.

Монарх медленно и осторожно приподнялся на кровати. Возможно, он до сих пор не слишком хорошо себя чувствовал, но просто лежать не было уже никаких сил. Король считал, что ужаснее тех нескольких дней в больнице и года непонятно в каком месте после прибытия в этот магический мир ничего не может быть. Нет. Он ошибался. Лежать в этом мире больным было ещё хуже. Кровать оказалась просто огромной. И, если, когда здесь была Алесия, парень как-то не замечал, то сейчас здесь было как-то слишком... пусто. Альфонс не верил сам себе, что когда-нибудь скажет такое. Он начинал постепенно чувствовать к мисс Хайнтс что-то немного большее, нежели обычную похоть. Не любовь, конечно, до этого было ещё слишком далеко. Но Алесия сильно интересовала его. Красивая, слишком красивая для девушки, что занималась подобным, часто строящая из себя дурочку, но при этом довольно умная, она не была незаменимой, вовсе нет, впрочем, забываемой её назвать можно было бы спокойно. А что видела сама Алесия в Альфонсе? Тогда и сейчас. Вряд ли что-то важное. Вряд ли, он, скорее всего, был одним из многих в очереди её любовников. Впрочем, он не мог не надеяться на то, что она его будет хоть сколько-нибудь помнить после окончания их отношений, если то, что между ними происходило, конечно, можно было назвать таким словом. Ал хотел бы, чтобы что-то после этого осталось. Конечно, их отношения не продлятся долго, король сам понимал это, да и ему не хотелось слишком долгого продолжения затянувшегося банкета. Они были слишком разными. Слишком. Будь у них хоть немного больше общего, возможно, Ал относился бы к ней немного лучше.

Когда в комнату вошёл Теодор Траонт, Альфонс моментально забыл, что ещё минутой ранее он хотел убить этого человека. Во всяком случае, граф Траонт был человеком весьма интересным в общении, хоть и обладающим необычайно скверным характером, всегда готовым пошутить, но умеющим не перегибать палку, быть не слишком навязчивым. К тому

же Ал скучал по Марии, а она, оказываясь, характером пошла в своего папашу. Альфонс скучал по своей порой несносной младшей сестрёнке, как он иногда называл эту девушку. Теодор Трант тоже был неугомным искателем приключений, постоянно попадающим в не самые приятные ситуации, тоже был несговорчив, почти до одурения упрям и принимал обиды слишком близко к сердцу. Если честно, Ал даже немного соскучился по этой черте Марии...

Теодор был точно таким же. Таким же, живущим не на половину, а на полную катушку, любящим развлечения и авантюры. Просто более разочарованный в жизни и в людях, нежели Мария. Альфонс бы не хотел увидеть её разочарованной. Это было бы слишком странно.

— Ложитесь обратно, Ваше Величество, — грубовато произнёс Теодор. — К Вам моя дражайшая сестрица пришла поговорить.

В голосе этого человека в тот момент, когда он говорит о своей сестре, плещется столько яда, что Альфонс невольно вздрагивает, впрочем, графа слушается. Джулия Траонт входит в спальню короля через несколько минут. Герцогиня, как и всегда, выглядит прекрасно, Ал уже привык видеть её такой — сильной, непоколебимой, вечно аккуратной и строгой, и он не может себе даже представить её какой-нибудь другой. Длинные и густые чёрные волосы были тщательно убраны назад и закреплены крупной заколкой, ни один локон не выбивался из этой причёски, что, учитывая то, что общался на Земле Альфонс в основном с Марией, было несколько странно, необыкновенно яркие зелёные глаза смотрели строго, даже слишком строго, а платье... Леди Джулия никогда раньше не обнажала плечи. Во всяком случае, юный монарх никогда не видел её в таких платьях. В её возрасте надевать слишком открытую одежду было слишком смело, впрочем, ведьма никак не выглядела на свои года. Когда Ал пошутил при ней, спросив, не приходится ли ей пить кровь младенцев или высасывать энергию из молодых девушек-крестьянок, герцогиня лишь высокомерно улыбнулась и тихо, тем противным менторским тоном, произнесла, что ведьмы живут дольше и могут куда дольше оставаться молодыми. Ещё больше её глаз Альфонса поражала осанка этой женщины. Парень не знает даже, что сказать. Леди Джулия могла бы быть королевой. Могла бы быть. Браун был просто уверен в этом. И она достойна была быть королевой. Куда больше, чем достоин быть королём её брат, Генрих, этот слабовольный, слабый, тихий человек. Джулия Траонт справилась бы куда лучше с этой задачей. Она была сильной и умной женщиной, слишком умной и слишком сильной, ослепительно красивой. Какой королевы ещё можно было желать этому королевству? Она так же разительно отличалась от Алесии. Мисс Хайнтс была подобна огню и ветру, леди Траонт же — льду и камню, они обе были блистательными, красивыми, умными, и, хоть Джулия во многом превосходила племянницу короля, Альфонс чувствовал, что, если бы ему пришлось выбирать между ними, он всё же без колебаний выбрал Алесию. Джулия Траонт была сильной женщиной, слишком сильной и слишком властной, чтобы какой-либо мужчина умел бы выдерживать её общество больше какого-то времени. Пожалуй, даже все её противоречия с её братом, Теодором, тоже вытекали именно из этого. Граф не мог смириться с тем, что она командовала им, имела на это полное право и без зазрения совести пользовалась этим. Алесия была другой. Она умела быть мягкой, умела уступать, когда ей это было нужно, умела быть и настойчивой. Впрочем, любил ли Альфонс эту девушку? Вряд ли. Да и она его не любила. Что было у них общего? Только то, пожалуй, что они оба оказались здесь, во дворце, на том балу. И всё. Всё... Алесия была странной. Слишком странной для девушки

своего круга, Ал чувствовал, что ему не понять её, и от этого королю становилось досадно.

Леди Траонт села на краешек стула и, снисходительно строго, как смотрят иногда взрослые замужние сёстры на своих маленьких несмышленных братьев, посмотрев на юного короля, заметила, что монарху следует быть более осторожным, если он не хочет умереть через несколько месяцев после коронации, что, конечно, будет очень жаль, потому что за это время Ал не успеет оставить наследников. Альфонс тяжело вздохнул. Пожалуй, эта леди была неисправима. Не сказать, что Ала это не устраивало, правда, иногда эта черта в характере леди Траонт раздражала его до невозможности, но сейчас, когда он провёл несколько дней в абсолютном одиночестве... Мог ли он отказываться от общения с ней?

— Я надеюсь, Тео не надоедал вам? — спрашивает герцогиня вдруг. — Он, как никто другой, умеет быть надоедливым.

Альфонс слабо улыбается и качает головой. По правде говоря, ему даже хотелось, чтобы хоть кто-нибудь находился рядом с ним всё это время. Королю было так скучно, что...

Леди Джулия встала, подошла к окну и резко раздвинула шторы. Солнечный свет хлынул в комнату.

— Я очень рада, что он вам не надоел. Мисс Хайнтс, кстати, — Джулия делает паузу, будто бы осмысляя сказанные слова. В какой-то момент Алу показалось, что герцогиня вот-вот скажет «эта вздорная особа», как она сказала про одну из фрейлин Генриха. — Просила вам передать, что она срочно уезжает к себе домой.

Слова эти были сказаны с таким презрением, что королю кажется: будь в комнате Алесия, герцогиня Траонт осталась бы ждать за дверью, только чтобы не встречаться с этой девушкой. Они были слишком разными. Порой юному монарху казалось, что Алесия тяготилась своими богатством и положением, Джулия же наслаждалась ими, пользовалась. Да что там говорить! Порывшись в архивах, Альфонс узнал, что герцогиня Траонт далеко не всегда была богата и влиятельна, как сейчас, а мисс Хайнтс родилась в королевской семье и уже тогда была окружена вниманием к своей персоне.

Теодор Траонт не любил Алесию ещё больше. Альфонс Браун даже не знал, из-за чего именно. Скорее всего, это что-то произошло между ними несколько лет назад, ещё тогда, когда Седрик не отправился на Землю. Ещё тогда... Интересно, а каким тогда всё было здесь? Возможно, всё было даже лучше, чем сейчас...

— Знаете... Мне часто говорят, что самое прекрасное во мне — мои глаза, — задумчиво произносит вдруг герцогиня. — Я ненавижу их. Они самое некрасивое, что есть во мне.

Шестилетняя девочка удивлённо рассматривает поместье своего отца. Она никогда раньше не была там. Большой человек недружелюбно смотрит на неё с портрета. Рыже-каштановые его волосы убраны назад, это кажется девочке глупым, её никогда не заставляли заплетать свои. Неужели, у взрослых так принято? Малышка и не спешит это узнать.

Женщина грубо хватает её за руку и почти затаскивает в какую-то комнату. На кресле сидит мрачный мужчина, чем-то похожий на того, чей портрет висит в большой комнате, в которой ребёнок находился минутой ранее, разве что волосы этого человека совсем светлые, а не рыжеватого-каштановые. Девочка машинально делает реверанс. Человек, сидящий в комнате, ей не нравится. Его высокая крупная фигура пугает её и, хоть она и пытается скрыть этот страх, с самой собой следует быть честной.

— Ну и как зовут это... чудо? — спрашивает хозяин дома.

Голос этого мужчины ей тоже не нравится. Грубый, немного хриплый, слишком властный для человека его положения. Герцог Траонт хмурится и внимательно разглядывает

малышку. Та делает шаг назад и вырывает руку из хватки матери, обиженно смотрит на неё и отходит в сторону.

— Джулия! Она вам понравится. Чудный ребёнок, — произносит её мать, в её голосе чувствуется враньё, девочка не верит ни одному её слову. — Вам стоит познакомиться с ней. Она очень похожа на вас.

Тяжёлая дубовая дверь за матерью захлопывается почти сразу после этих слов. Женщина почти выскакивает из комнаты. Некрасивая женщина с мышинными чертами лица и реденькими чёрными волосиками. Джулия стоит посреди комнаты и внимательно смотрит на человека, которого назвали её отцом.

Мужчина морщится и отворачивается. Он явно недоволен пребыванием дочери в его замке. Он не ждал её. И он не любит её. Потому что она — лишний ребёнок в его жизни. Совсем лишний. И точно ненужный.

— Постой здесь, Джулия! — грубо произносит человек. — Мне нужно спуститься за почтой. Королева не будет ждать из-за какой-то девчонки!

Девочка, на всякий случай, делает ещё один реверанс и замирает, когда мужчина выходит из комнаты. На книжной полке стоит небольшая фарфоровая фигурка. Фигурка красивой черноволосой женщины в тёмно-бардовом платье. Тонкая, хрупкая, бледная, изящная, но необычайно строго себя преподносящая. Девочка хочет быть похожей на эту фигурку. Она с надеждой смотрит в зеркало.

Оттуда на неё смотрит нескладная девочка в помятом бархатном платье и взъерошенными волосами. А глаза? Глаза — зелёные, как у ведьмы. Ведьмы никогда не бывают красивыми леди. Джулия это помнила. Ей не хочется быть ведьмой... Впрочем, не хочется быть и леди. Хочется быть кем-то особенным.

Альфонс снова смотрит в потолок. В идеально выбеленный потолок. В спальне короля нет даже люстры, её заменяет только небольшой подсвечник. Электричества же нет во всём дворце. Впрочем, наверное, стоило подумать, где ему там взяться, но... Ал был готов поклясться на кресте, что в замке Джулии электричество было. И не только электричество. В одной из комнат находился домашний кинотеатр — не очень большая комната, одну стену которой занимал белый экран. Проектор Альфонс тоже видел, как и кассеты с некоторыми фильмами.

— Дворец старый, — словно читая его мысли, произносит леди Траонт. — Тут нет почти никаких благ цивилизации. Кроме уборной. Вам не было скучно здесь? Мать моего брата Генриха была той ещё занудой, а Генри пошёл по её стопам. Я не удивилась, когда узнала, что принцесса Кассандра сбежала. Здесь можно умереть от скуки!

Ал усмехается и кивает, замечает, что следовало обустроить дворец хотя бы по меркам семидесятых-восемидесятых годов на Земле. Парень пытается снова приподняться, леди Джулия, надо отдать ей честь, это быстро понимает и сразу же помогает ему. Руки у этой женщины слишком худые, но держит она крепко, куда крепче, чем нужно. Когда Альфонс уже сидит, герцогиня отстраняется и вдруг хмурится. Король удивлённо смотрит на неё, когда какая-то вспышка возникает и мгновенно исчезает в её руке. Джулия же почтительно-строго, что скрывалось за этой напускной строгостью и серьёзностью могла знать только сама эта женщина, слегка наклоняет голову, будто в поклоне, и быстрым шагом выходит из комнаты.

— *Ba chóir go mbeadh aon duine a fháil amach ó retribution,* — шепчет она тихо, закрывая за собой двери в комнату короля. — *Gach tuairisceán olc.*

Голос ведьмы, нашёптывающей проклятья, страшен. И должен быть страшен. Страшен ещё и потому, что смертный приговор кому-то она подписывает спокойно, не колебаясь более, слишком спокойно, как палач, уносящий очередную жизнь в обитель смерти, как судья, который зачитывает смертный приговор... В глазах колдуньи смешиваются тьма и свет, словно душа её соединяется с тем духом силы, про который рассказывают маленьким волшебникам в сказках. Голос ведьмы слишком пугающий для любого слуги, что проходит мимо. Джулия слишком бледна сейчас, но это не мешает ей быть спокойной. Тонкие белые руки её согнуты сейчас в локтях, а ладони их соприкасаются друг с другом, холодное белое свечение играет на её красивых длинных пальцах и отражается в камне перстня.

Теодор, выбежавший за сестрой, слышит это заклинание и вздрагивает. Кого его сестра могла проклясть так? Если тот человек был магом, это проклятье означало для него смерть, медленную и мучительную, настолько страшную, что ему проще было бы убить себя сразу. А Джулия очень сильная ведьма, сам граф Траонт не раз на своей шкуре сумел это испытать, хотя сестра ни разу не пыталась испытать на нём проклятье такого рода.

Когда-то давно Теодор видел действие этого заклинания. Это было самое ужасное воспоминание в его жизни — крики того несчастного мага были слышны, казалось, за несколько километров. Он так кричал... И плакал. И просил убить его. Руки мага уже не слушались, магия покидала его. Он выплёвывал даже не кровь, а кровь с кусками чего-то. Теодор тогда просто не мог смотреть на это. И он никогда не думал, что когда-нибудь вновь услышит, как кого-то проклинаят этим заклинанием...

— Кого ты прокляла, сестра? — спрашивает мужчина дрожащим голосом. — Кого?! И почему...

Джулия оборачивается резко и строго смотрит на брата. Её губы если и подрагивают, то совсем чуть-чуть, леди Траонт умеет держать себя в руках куда лучше Теодора, она ни раз доказывала это. Она была старше, сильнее, умнее. Наверное, она сама твердила себе это ночами когда-то. Когда жила в бедности и едва сводила концы с концами. Сейчас же в её силе и уме не стал бы сомневаться никто. И уж Тео тем более. Она сама любила звать его Тео. Почему же сейчас Теодор был бы даже не против такого бессовестного сокращения его имени?

— Никто не должен уйти от справедливого возмездия, — тихо произносит женщина. — Всё зло возвращается.

Голос леди Траонт, не по годам звонкий и чистый, кажется графу невыносимым, он никогда не любил её голос и сейчас малейшее, невиннейшее её слово возбуждало в нём бурю эмоций, которые он так старался в себе подавить. Сестра была той, до кого он всегда хотел дотянуться. Она была той, кто мог подавать пример. Почти идеальной. И из-за этого «почти» она была ещё более недосыгаемой, более необыкновенной. Не будь Джулия его сестрой, Теодор бы обязательно женился бы на ней. Обязательно...

Но сейчас что-то в ней очень пугает его. В который раз он шепчет сам себе, что бояться ему не пристало, он уже не маленький мальчик, он мужчина, важное лицо при дворе, человек, которого следует уважать... Он не должен бояться её. Она — всего лишь женщина. Вроде так говорил его отец про неё? Какой бы умной и сильной она не была — она останется женщиной, а следовательно, останется слабее. Только вот Джулия была, всё равно, сильнее его, Теодора, сильнее Генриха, сильнее их отца. В этом граф Траонт был готов поклясться.

***

По-настоящему понимать, что происходит, начинаешь только тогда, когда что-то действительно важное уже случилось. Так случилось и с Эриком Картером, племянником некой казнённой королевы Аделаиды.

Эрик ужасно перепугался за Паула, когда тому внезапно стало плохо. Совсем внезапно. Ещё бы — его друг, хоть и не отличался хорошим здоровьем, слабым здоровьем тоже не отличался и от припадков, подобным этому, не страдал. Ещё страшнее Картеру было от того, что лучше чернокнижнику не становилось, он периодически приходил в себя, но ему было слишком плохо. Кровь порой шла у него горлом, у него был жар и его било в лихорадке. Эрик не знал, как помочь другу, и от этого ему было страшнее всего. Маг почти метался на кровати, ему было ужасно больно, пожалуй, во всём теле не было ни одного места, которое не было бы поражено этой внезапно нахлынувшей болезнью.

Болезнь ли это вообще? Парень не знает этого. Что бы там ни было, друга ему слишком жаль. Такой уставший и больной Паул был слишком необычным и странным, а оттого, ещё более пугал. Что такое могло произойти? Эрик пытается вспомнить, но на ум ничего не приходит. К тому же, если сейчас чернокнижника потревожить, он обрушит на голову неудавшегося революционера поток наставлений. И не помешает ему даже нынешнее состояние здоровья.

В комнате слишком жарко, Эрик Картер затопил печь, чтобы Паулу не стало хуже, но, видимо, и лучше тому не стало. Паул не просил о помощи, если бы просил, Эрику было бы куда проще, но чернокнижник был слишком горд для этого, так что, неудавшийся революционер не знал даже, что ему поделать.

— Подожди... — шепчет Эрик, когда Паул откидывается на подушки. — Подожди... Я сейчас вызову врача. Подожди...

Чернокнижник слабо кивает. Настолько слабо, что Картера передёргивает. Он не привык видеть мага таким. Тот всегда сильный. Даже тогда, когда силы его покидают. А сейчас?.. Сейчас Паулу настолько плохо, что плохо становится и Эрику. Просто от того, что даже сам тот факт незащитности и слабости чернокнижника бросает его в дрожь.

Эрик осторожно приподнимает мага и подносит к губам друга кружку с водой, тот делает глоток и, слабо вздохнув, на что-то большее у этого человека теперь просто банально не хватает сил, снова падает на подушки.

— Не торопись, — почти хрипит чёрный маг. — Всё равно, не успеешь. Я скоро сдохну. Не волнуйся об этом.

Эрик вздрагивает. Он совсем не хочет терять друга. Просто потому, что больше в его жизни никого не осталось. Он просто не готов потерять кого-то ещё. Потому что не сможет пережить ещё и это... А ведь если бы он послушался друга тогда, когда только думал о революции, такого могло и не произойти. Тогда маг был бы гораздо сильнее, и он бы смог справиться с напастью...

— Не говори так! — восклицает неудавшийся революционер почти раздражённо, но больше испуганно. — Не говори! Не смей!

Паул лишь хохочет в ответ. Его смех кажется почти безумным. Хотя почему — «почти»? Его смех уже безумен. Бледное лицо чернокнижника кажется ещё более бледным при том слабом освещении, что царит в комнате. Эрик едва заставляет себя успокоиться. И то, только потому, что теперь ему следует справиться с этим самому, и неизвестно, может ли кто-то помочь...

— Я знаю, что со мной. Я знаю... — произносит одними губами Паул, прежде чем

снова уйти в забытьё.

***

Фигура молящегося на коленях человека. Человека в белой рясе. Вокруг него разложены цветы. Огромное множество цветов. В комнате не горит ни одна свеча. Только луна светит в приоткрытое окно. Сиреневые блики царят в этой комнате. Сиреневые. Иногда — синие. Вот и всё освещение. Здесь достаточно темно, и на любого, кто вошёл бы сюда, комната произвела бы двойное впечатление. С одной стороны это было очень красиво. С другой стороны — было несколько жутко от этого. От этого безмолвия и от этой молчаливой красоты.

Человек, если приглядеться к нему, уже стар. Ему около шестидесяти, а может быть, и больше лет. Его желтоватая сухая кожа совсем не кажется некрасивой. Он что-то шепчет, одними губами, не произнося ничего вслух, в одной его руке чётки, вторая же держит молитвенник. Лицо его безмятежно, а сам он настолько спокоен, что это кажется даже странным. Длинные холодные пальцы левой руки перебирают чётки, а правой бесшумно переворачивают страницы.

Молодой парень заходит в комнату как можно тише. Стараются не хлопать дверью, останавливается у самого входа и не делает ни шагу. Он боится прервать молитву того человека в белом. Тот же, кажется, и не замечает вошедшего. Продолжает молиться так же, как будто никого больше в комнате и нет.

— Иди сюда, мальчик мой, — произносит старик тем самым тоном, которым пожилые люди иногда подзывают молодых. — Иди сюда.

Парень бесшумно, стараясь ничего не задеть и не наступить ни на один цветок, подходит к этому человеку и помогает ему подняться на ноги. Старик смотрит на него с тем спокойным уважением и снисхождением одновременно. Серые глаза пожилого мужчины кажутся слишком пронизательными даже для человека его возраста.

— Что я должен сделать, сир? — спрашивает парень в благоговейном ужасе перед этим человеком. — Скажите мне...

Мужчина оценивающе смотрит на него, словно примеряет, насколько сложную миссию можно ему дать. Юноша же смотрит с надеждой. С надеждой на то, что в этом месте, наконец, примут его. Это место — храм бога луны и загробной жизни. Это место — самое таинственное, какое только можно себе представить...

— Тебе следует запомнить только три имени, — произносит, наконец, старик тихо. — Только три — Мария Фаррел, Джулия Траонт, Джордж Блюменстрост. Что с ними делать, я объясню тебе потом.

Комментарий к II. Глава одиннадцатая. Проклятье чёрной ведьмы.

Канцлер Ги — Страшная сказка

===== II. Глава двенадцатая. “Ответь мне на вопрос”. =====

Адмирал, вы разбиты. Как это ни грустно,

Отвернулась удача сегодня от вас;

В вашем сердце темно и пронзительно-пусто:

Все как есть — без обид, без прикрас...

Вам бы переиграть — только целься не целься,

Не подменишь значков на игральных костях!

Пусть вино при свечах романтично донельзя,

Вы — в плену, хоть почти что в гостях!

В это доме все время гостит кто-нибудь —
Не стесняйтесь, коль вам довелось!
Знать, беседа длинна — я налью вам вина:
Добрый вечер, мой пленник и гость!
Адмирал, вы устали. Вас мучают раны;
Тело — бог с ним, душа кровоточит сильнее!
Вы в бреду повторяли, — что вовсе не странно —
Имена кораблей и людей...
Адмирал, в этот час — пью за ваше здоровье:
Лучше будьте здоровы, чем будьте мертвы!
Ведь без вас, признаюсь, скучно станет на море,
Ведь противник достойнейший — Вы!
По погибшим мечтам я советую вам
Слезы морю оставить на соль!
Ничего не надо — просто пейте вино
И забудьте на время про боль!
Улыбнитесь мне вслед ледяными глазами,
Утопите печаль терпком черном вине;
Я всегда буду рад снова встретиться с вами,
Даже если опять на войне!
Не слепите меня блеском северной стали —
Знаю, горько глотать поражения яд!
Только вы, адмирал, до сих пор не сказали,
Отчего так спокоен ваш взгляд?
А разгадка проста — ваша совесть чиста,
Не запятнана грязью измен!
Вас спасет лишь одно — просто пейте вино,
И забудьте на время про плен!*

Память, пожалуй, самое ужасное, что только может быть. Именно из неё рождается боль. Из памяти о том, что когда-то всё было иначе, не так, лучше, из памяти о самом хорошем в нашей жизни и забытии о самом плохом. Все несчастья приходят слишком неожиданно, слишком внезапно, застраховаться от них невозможно, как-то подготовиться к ним — тоже. Да и можно ли подготовиться к мысли о том, что твой близкий человек скоро умрёт? Наверное, если он уже долго и тяжело болеет, если каждая минута его жизни сопряжена со смертью, с мыслями о ней, только о ней, это как-то возможно. Но не тогда, когда всё обрывается в один момент, в одну минуту, в одну секунду...

Делюжан смотрит на фотографию своей семьи и снова вздыхает. Как же тяжело ему было без них, без любимой жены, без дочки и без сына, который так часто доставлял ему проблемы, ставшие частью его жизни. Эти трое были смыслом его жизни когда-то, и после их смерти первый министр не мог выкинуть из головы мысль о том, что смерть придёт за ним очень скоро. Но смерть пока не приходила... Не приходила ни в тот ужасный год, когда он просто умолял богов о смерти, стоял в храмах и монастырях на коленях, ни позднее, когда жизнь, казалось бы, начала налаживаться, когда боль чуть-чуть приутихла, стала не острой, а тупой и ноющей. Прогрепевший тогда взрыв изменил его жизнь. Очень изменил. И, министр мог это сказать, сломал его самого. Он был уже не тем человеком, хоть и пытался им

оставаться. Делюжан стал совсем другим с того дня, который навсегда останется в его памяти.

Когда произошёл взрыв, Милана и Лирта погибли сразу, там на месте, а Яков умер почти через двое суток, так и не приходя в сознание. Ему оторвало ноги, а лицо было обезображено почти до неузнаваемости. Эти двое суток были худшими в жизни первого министра. Потому что они давали надежду. Несбывшуюся надежду. Врач тогда удивлялся, как парень продержался эти двое суток, постоянно говорил, что Яков должен был умереть ещё там, при взрыве... Эти два дня были ужасными. Делюжан почти забыл о Лирте и Милане, ему тогда хотелось только одного — чтобы остался в живых хотя бы сын. Тогда его не интересовало ничего, ничего, кроме жизни Якова. Остальное было второстепенным.

Министр готов рвать на себе волосы из-за этой чудовищной несправедливости. Почему умерли они, а не он, советник короля? Почему Милана, Лирта, Яков? Он до сих пор любит свою семью и будет любить их вечно, но почему же они всё не забирают его к себе? Он так хочет побыстрее оказаться рядом с ними... Они трое — всё, что у него было. Делюжан встаёт из-за стола и подходит к двери, зовёт служанку, та прибегает так быстро, насколько это только возможно. Худенькая фигурка в чёрном форменном платье проскальзывает сквозь небольшую щель между дверьми и стеной.

— Вы вызывали меня, сэр? — тихо интересуется девушка.

Министр кивает и вдруг отходит к окну. За окном, как всегда, серое небо. Серое, как в тот день, в тот злосчастный день... Служанка всё так же стоит в ожидании. Этот человек казался ей несколько странным, необычным, что она порой его даже боялась. Он никогда не повышал на неё или кого-то другого голос, всегда был молчаливым, даже тихим, говорил сухо, односложно... Он даже нравился ей. Этот человек интересовал её, он не был похож на её предыдущую хозяйку. Та была совсем не такой, слишком сердитой порой, да и на одном месте удержать ту женщину вряд ли было возможно, а уж угодить ей было и вовсе нереальной задачей.

Министр же почти никогда не был недовольным. Даже тогда, когда Кэтти случайно уронила на ковёр заказанный им завтрак, он просто попросил её убрать это, даже не потребовав готовить ему ещё что-то взамен. Кэтти очень повезло, что она не была служанкой у миссис Хайнтс, сестры короля Алана. Та бы спустила со служанки семь шкур, если бы произошло такое. Эту женщину никто не любил. Муж её, казалось, боялся до полусмерти, а дочь тихо ненавидела.

Потому что любить её было нельзя. Она была скорее дьяволом, нежели женщиной. Мира, когда служила у неё, думала именно так, потому что иного объяснения поступкам миссис Хайнтс придумать было просто невозможно.

— Кофе, пожалуйста, — тихо произносит мужчина.

Он даже не смотрит в её сторону, говорит будто бы на автомате, даже не думая об этом. Девушке становится не по себе от его холодного голоса, от его безразличия, наверное, у этого человека была причина для такого поведения, но служанка пока не понимала её, не видела. Делюжан был богат. Очень богат. В богатстве ему не уступали всего два человека в мире — Георг Хоффман и Джулия Траонт. Что могло быть причиной такого его поведения? Девушка была из бедной семьи, всю свою жизнь она работала так же, как работали прежде её родственники — отец, мать, бабушка, старшая сестра. Она не могла понять, что гложет этого человека. Он был богат, баснословно богат. Ему не приходилось сводить концы с концами, не все деньги, заработанные им, он успевал тратить. Чего не хватало Делюжану? Чего?!

Сестра Миры, так звали служанки, младшая из её двух сестёр, была серьёзно больна с самого рождения, всё, на что хватало денег — дорогие лекарства. На какие-то развлечения средств не хватало. Всё уходило на лечение. На лечение Рии, сейчас десятилетней девочки, прикованной к постели. В любую минуту Рия могла умереть. А если бы у них было чуть-чуть больше денег, они смогли бы вылечить её... С теми деньгами, которые были у первого министра, почти все проблемы были решаемы. Неужели, всё в самом деле обстояло так, как говорила мать Миры, что деньги не могут принести счастья, когда их слишком много? Или дело в совести? В том, что само богатство этого человека было нажито несправедливым путём? Мама Миры всегда говорила, что боги не дают в этом случае счастья, никогда не дают, даже если человек искупает свою вину перед теми, кого он когда-то обидел.

Семья Миры была религиозной, даже слишком. Они бегали в храм почти всё время, сколько себя девушка помнила. И не только в выходной день, но и почти всегда после работы... Постоянно, по праздникам и по будням, в дождь и в солнечную погоду они приходили туда, слушали хор, слушали проповеди... Рии было немного легче, когда они приносили её туда. Это было хоть каким-то развлечением для девочки. Мира жалела сестру. Та никогда не вставала с постели, никогда не нежилась на солнце, всё что видел этот ребёнок в жизни — лечебницы, свою комнату и находящийся неподалёку храм, куда отец ещё мог принести её. Скоро у Рии не будет и этого удовольствия. Отец, и так, с трудом может носить её, а сёстры и мать тем более.

Что они будут делать тогда?

Церковь была единственной их надеждой. Хоть там и не было целителей, священники позволяли им оставаться дольше в их приходах, позволяли ужинать в трапезных. Что Мире и её семье ещё нужно было? Все деньги уходили на лекарства Рие. Бедная девочка. Она же не сможет выжить, когда отец, мать, бабка и Мира с Карой умрут. Мире казалось, что она умрёт очень скоро. Казалось, она сама не знала почему?

— Простите меня, сэр, пожалуйста, за мою дерзость, но я бы хотела задать вам один вопрос... — шепчет девушка, дождавшись кивка, она продолжает. — Если бы вам предложили потратить все ваши деньги, на что бы вы их потратили?

Делюжан молчит, просто смотрит в окно, на небо, на это проклятое серое небо, которое словно готово поглотить его или раздавить, просто стоит, он не может посмотреть в глаза этой служанке. Потому что она задала вопрос, ответ на который слишком сильно волновал его. Чтобы он сделал, если бы ему предложили обменять свои деньги, своё влияние, своё положение на что-то?

Ох... Если бы это было возможно, если бы это было в его силах, он бы... Он бы... Это было невозможно. Наверное, он хотел бы поменяться местами с Яковом, Миланой, Лиртой, оказаться в тот день в том доме... Погибнуть вместо них. Потому что они без него были бы куда более счастливыми, нежели он без них. Он уже стар и болен, а его сын был здоров. Лирта и Милана были слабы здоровьем, но и они смогли бы прожить без него долго. А вот он без них? Сколько лет отмерено старому министру? Ему было почти семьдесят лет. Он почти тридцать пять лет, половину своей жизни был первым министром в этом королевстве...

— Если бы это было возможно, я отдал бы всё, чтобы попросить прощение у Якова тогда, когда он был ещё жив... — задумчиво произносит мужчина. — Если бы он только очнулся тогда...

Больше он ничего не говорит, и через несколько минут Мира выскальзывает из

комнаты, вспомнив про то, что этот человек просил кофе. Что-то заставляет девушку приостановиться около портрета министра, что висит в одном из залов.

Солнечный луч пробивается сквозь щель между шторами. Делюжан отодвигает занавески, и свет льётся в комнату, словно река, скоро заливает комнату собой. Ковёр, стены, стол, кровать...

Это странное помещение. Слишком светлое по мнению хозяина этого дома. Он ни за что бы не смог жить в этой комнате. Но его жена хотела, чтобы здесь было именно так, а сейчас она была в том положении, в котором следовало исполнять все её желания. Делюжан не привык находиться на таком свету, но Милана считала, что для Якова будет полезнее жить в этой комнате. У Миланы было слабое здоровье, и спорить с ней он не любил. Впрочем, они никогда и не спорили. Всегда решал он. Часто, правда, мужчина просто игнорировал её просьбы, касающиеся его карьеры, но вот всего, что касалось их дома... Он не мог спорить с ней, просто не мог, не имел права. Милана была слишком слаба для споров, расстраивать её было нельзя.

Худенький семилетний мальчик проскальзывает в комнату, увидев отца, он замирает — ребёнку пока запрещено быть здесь, хоть скоро эта комната и станет его — и смотрит на него с удивлением, отец должен был находиться на своей работе, в министерстве, а не здесь. Почему же тогда мальчик видит его сейчас?

— Яков... — устало вздыхает мужчина. — Яков, что я тебе говорил по поводу того, где ты сейчас должен находиться?

Ребёнок обиженно хныкает и, на всякий случай, отходит подальше. Министр вздыхает и подзывает сына к себе, тот в ту же минуту оказывается рядом, доверчиво смотрит на него, настолько доверчиво, что у Делюжана не остаётся сил ругать его. В конце концов, он ещё совсем ребёнок, чтобы ругать его за подобные шалости. Он наклоняется к мальчику и обнимает его. Ребёнок пока молчит и сердито хмурит брови, пытаясь понять, будут его наказывать за проступок или нет.

— Что не нужно заходить сюда, так как мама просила не заходить, — виновато бормочет Яков, причем, через секунду «виноватость» как ветром сдувает. — Но она же не узнает, что я сюда зашёл...

Мужчина смеётся, серые глаза его почти блестят от восторга, блестят так же, как глаза его маленького сына. Семилетний мальчик, понимая, что отец не сердится на него, и вовсе, перестаёт бояться и отбегает в другую сторону от отца. Комната, видимо, ребёнку нравится. Ещё бы! Она куда больше, нежели та, где он живёт сейчас! Да и к тому же, сюда он сможет приглашать своих школьных друзей. Интересно, почему мама не хочет, чтобы он увидел эту комнату до дня рождения его братика или сестрёнки? И почему родители не говорят, кто родится у них? Яков хочет сестрёнку. Нет, братика! Он сам ещё не до конца определился.

Во всяком случае, мальчик знает лишь одно — кто бы не родился, мальчик или девочка, это существо придётся защищать ото всех на свете. И от матери с отцом тоже. Кто, как не Яков знает, насколько сильно ругаться они оба могут? Правильно, никто. Так что, мальчику стоит поскорее подготовиться к роли героя и защитника для брата или сестрёнки.

— Не узнает, — подтверждает отец. — Твоей маме вредно волноваться, ты же знаешь. А если бы она стояла здесь, а не я?

Маленький Яков пожимает плечами. Он, правда, не знает. Наверное, мама расстроилась бы, если увидела своего сына в том месте, куда она запрещала ему заходить. Вот папа бы рассердился, если бы узнал, что Яков недавно побывал в его кабинете, очень-очень

рассердился. Так что, говорить об этом ему было нельзя.

— Я надеюсь, Яков, ты понимаешь, что говорить маме о том, что ты здесь был, не нужно, да? — спрашивает министр, и мальчик кивает. — Это останется между нами.

Яков снова кивает и, когда отец уже хочет произнести речь о том, что ребёнку следовало бы себя вести лучше, выбегает из комнаты, прошмыгнув в дверь. Делюжан усмехается. Ребёнок похож на него, очень похож. Он сам был таким же в детстве. И был бы дольше, если бы судьба распорядилась иначе.

Делюжан сначала вздрагивает, а потом тяжело вздыхает, когда сцена из прежней беззаботной жизни вспоминается ему. Та жизнь нравилась ему куда больше этой. И пусть Яков не всегда слушался его, Милену, пусть Лирта унаследовала у матери слабое здоровье, это было куда лучше, нежели жить так — просто ожидая смерти, зная, что никто после тебя не вспомнит. Никто. Ни король, ни королева, ни принц, никто из подчинённых. Хотя, возможно, Хоффман порадует его смерти. Наверное, это будет единственный человек, которому будет небезразлично то, что первый министр покинул этот мир...

Когда-то он был счастлив и сам того не осознавал, сам не знал этого, иногда даже тяготился своим же счастьем... Бедный Яков... Он так сердился на него из-за всего, из-за каждой глупости... Может быть, сын и мог очнуться тогда, но просто не захотел лишний раз видеть отца, всё время недовольного им. Министр приходил к этой мысли, и ему становилось почти страшно. Почти. Потому что бояться, казалось, ему было уже нечего — все, кого он любил, погибли, и жизнь его была пустой.

Мысль о том, что о сыне он жалеет даже больше, чем о дочери с женой, снова бьёт по сердцу. Почему? Наверное, всё так именно потому, что первый министр поссорился с Яковом в день этого взрыва, поссорился, как и всегда. Его мальчик ушёл из жизни, обиженный на него, а не счастливый и спокойный, как Лирта или Милана.

— Ваш кофе, сэр, — окликает мужчину Мира. — Мне принести ещё что-то?

Делюжан качает головой. Воспоминание, пришедшее к нему, почти заставляет его плакать, как он плакал тогда, в день похорон, когда впервые он понял, что его семья мертва. В тот самый день, когда гробы с их телами опускали в землю, в сырую холодную землю... Их хоронили в закрытых гробах. Делюжан даже не видел лиц Миланы и Лирты. Только Якова тогда, в больнице, стоя у изголовья кровати...

Бедный ребёнок! Он так часто ругал его и так мало гордился им... В тот самый день он так же, как и сегодня, вспоминал его детство. Беззаботное, лёгкое... Как для него самого, так и для родителей. Впрочем, Делюжану и его жене пришлось изрядно побегать тогда за этим мальчишкой, сорванцом, держащем в страхе всех старух в округе. Ох! Эти «безобидные бабушки» немало нервов подпортили ему и его жене! Иногда ему самому хотелось хорошенько тряхнуть их, но он не смел, потому что когда-то он уже допускал подобную ошибку, не послушав своего наставника.

А тогда впервые министр почувствовал, что совсем не сердится на сына за все те шалости, которые тот устраивал, что готов простить ему все — прошлые и будущие, но... Яков погиб через два дня, не приходя в сознание. Делюжан даже не успел попрощаться с ним. Тогда он ещё так надеялся, что сын выживет, что совсем не думал прощаться. Да что там! Он даже думать не хотел о том, что его ребёнок, его единственный выживший ребёнок погибнет. Потому что думать об этом было слишком больно.

Но Яков погиб.

Траур Делюжан справлял именно в день его смерти, вовсе не в день смерти Лирты и

Миланы. Он любил их троих, но больше всего надежд он возлагал на Якова. Наверное, поэтому терять его было ещё больней. Ещё более невыносимо. Врач говорил, что, быть может, и хорошо, что молодой человек не пришёл в себя, во всяком случае, он не чувствовал боли, не видел себя без ног...

— Я сегодня спросил у мисс Манорд, почему ты работаешь на меня, — произносит мужчина задумчиво. — Твоей сестре нужна операция, да?

Мира кивает и испуганно смотрит на министра. Тот всегда казался ей странным и необычным, но он никогда не спрашивал у неё такое... Интересно, что же сейчас заставило его поинтересоваться её жизнью? Впрочем, она даже не знает, что она чувствует больше — удивлена ли она или боится? Наверное, всё вместе.

— Я могу договориться об этой операции, — произносит Делюжан так же спокойно, как тогда, когда заказывал кофе ей сегодня. — Если я могу спасти чью-то жизнь, наверное, мне следует воспользоваться этим шансом.

Мира замирает, не веря своим ушам. Они так давно мечтали об этом чуде, так давно молились, она, если быть честной, уже так давно перестала верить в это... Девушка не знает, как отблагодарить этого человека. Не знает. Она готова упасть на колени перед ним. Потому что, если Рия будет жить, значит, их семья будет такой, как прежде, до того, как у малышки обнаружился страшный недуг. Они будут снова ходить на пикники, бегать, купаться в море, купят снова свой старый дом, вырастят небольшой садик... И Мира с Карой выйдут замуж, нарожают кучу детишек... Не будет этой ужасной жизни в столице. Не будет старых недовольных господ, не будет шикарных ковров, порядком надоевших, не будет этих скользких полов...

Мира не верит. Потому что, так не бывает. Не в её случае. Может быть, есть люди, которым так везёт, но это не она. Она даже тесты в школе не могла написать наугад, если не знала. В чём подвох был здесь? Девушка не понимала.

***

Солнце почти не проникает сквозь плотно зашторенные окна. Почти темно. Как и в коридоре, и в той комнате, где она была до этого... Мария спускается по лестнице и зевает. Здесь было необычайно скучно! Ну... Во всяком случае, ей никогда в жизни не было так скучно, а она даже не знает, что сделать, чтобы хоть как-то развлечь себя. Альфонс смог бы что-нибудь придумать. Или дядя Джошуа. Девушка не знала, по кому из них она скучала больше — по сыну или по отцу из семейки Браун. Пожалуй, они оба были дороги ей одинаково, один, как брат, второй — как отец. Они оба всегда помогали ей, всегда приходили в трудную минуту, баловали своим вниманием, вкусностями, подарками... А ещё с ними можно было поговорить, ничего не скрывать, говорить только правду, не беспокоясь о том, что тебя поймут неправильно. Они оба всегда были готовы ей помочь. И они оба любили её. Один, как брат, другой — как отец. Именно они и были её настоящей семьёй.

Лестница кажется длинной. Сам дом графа отличается своими размерами, впрочем, и богатой обстановкой тоже, но не здесь, не в личных покоях Хоффмана, где они с Айстечем были пока вынуждены жить. Тут темнее, нежели везде, да и обстановка куда попроще, хотя Мария готова поклясться, что этот человек мог бы жить куда более роскошно. Невеста его занимает около пятидесяти комнат, девушка сама считала, у Юты — этой маленькой девочки — комнат около тридцати. На фоне этого десять комнат, в которых живёт сам граф кажутся весьма скромными. Кабинет, спальня, библиотека, три гостевых спальни, гостиная, оружейный зал и ещё какая-то комната, где побывать ей пока не удалось. Коридоры и

обеденная комната не считались. Все эти апартаменты занимали часть второго и часть третьего этажей в доме этого человека. Впрочем, Мария и не понимала, что ещё было нужно, кроме того, что принадлежало графу. Принадлежи ей такой дворец, она бы не поняла, что с ним нужно делать. Или устроила бы в нём склад нужных и не очень нужных ей вещей. Хоть убей, Фаррел не понимала, зачем это всё было нужно.

Библиотека была единственной комнатой, которая занимала два этажа, вход в неё был как с третьего, так и со второго, а так же, здесь были самые любимые из книг хозяина этого дома. Внизу сидел Мердоф и тоже зевал. Граф Хоффман, и вовсе, развалился на диване и сверлил стену взглядом с таким скучающим видом, что Мария даже становится его немного жаль. Наверное, этот человек привык к более активной и интересной жизни, но после припадка, случившегося с ним, врач не рекомендует ему пока выходить на улицу. Бывшая принцесса понимает его. Хорошо понимает. Потому что прекрасно помнит, как ей пришлось провести неделю с больной Розой. Это была просто ужасная неделя, когда ей, тогда ещё двенадцатилетней девочке, пришлось торчать целыми днями напролёт дома, с отключённым интернетом и телевидением и слушать нытьё «принцессы Розы». В титуле, как оказалось, Мария не ошиблась. Что же... Сама она тоже являлась принцессой, во всяком случае, являлась до недавнего момента. Девушка сама не понимала — была она рада этой революции или нет. Родись она мальчиком, наверное, она хотела бы занять престол, стать королём, править, но... Быть королевой ей совсем не хотелось.

На столе валяется шахматная доска, а вокруг неё разбросаны, собственно, сами шахматы. Хоффман приподнимается, заметив Марию, и устало улыбается ей. Та жестом приветствует его. Серые глаза этого человека кажутся ей отчего-то очень знакомыми, даже слишком знакомыми, хоть она и уверена, что никогда раньше не видела его до той их встречи во дворце... С кем же она могла его перепутать? Имя того человека, с кем ей хотелось его перепутать, в голове не всплывало, несмотря на все усилия принцессы. Наверное, вспомнить того, второго, было не суждено. Впрочем, Мария и не собиралась сдаваться.

— Мердоф совсем не умеет играть в шахматы! — заявляет граф, словно скучая расставляя фигурки на шахматной доске. — Мне скучно — я всё время выигрываю! Может быть, вы сыграете со мной?

Мердоф, услышав слова своего начальника, подскакивает на месте, оборачивается и машет рукой Марии. Та машет ему в ответ и улыбается. Всё-таки, ей было весело с этими двумя. Пожалуй, даже куда веселее, нежели на Земле. Во всяком случае, перед ними тоже можно было быть откровенной, что девушке, бесспорно, нравилось. А ещё они оба умели шутить и понимали шутки. В их компании было спокойно...

Личная библиотека графа (по правде говоря, в, так называемой, личной библиотеке этого человека, могло поместиться три или четыре библиотеки городка, в котором раньше жила Мария), если быть честным, была комнатой, после взгляда на которую, говорить о скромности Хоффмана девушке несколько расхотелось. Она размещалась на двух этажах, втором и третьим, и включала в себя огромную коллекцию книг. Наверное, этого и следовало ожидать от человека с таким достатком, но... Мария почему-то несколько иначе представляла себе его дом. А, вообще, если быть честным, то она и вовсе не могла представить, как должно выглядеть место, где он живёт.

— Ну уж нет, граф! — смеётся она. — Я играю в шахматы ещё хуже Мердофа! На той недели я проиграла ему три из пяти партий!

Айстеч тоже смеётся, а граф резко опускается на диван. Несколько секунд он сидит неподвижно, с каменным лицом, а потом сам заливается смехом. Кажется, он готов отбросить шахматы в сторону, схватить папку с какими-нибудь важными документами, побежать по своим делам, но... Он вынужден торчать дома, хотя уже почти здоров и мог бы заниматься тем, чем привык и чем любил заниматься.

Мария осторожно опирается на перила, словно пытаюсь понять, выдержат ли они её, если она навалится на них всем своим весом. Спускаться вниз ей почти... лень. Девушка никогда не думала, что ей будет не пройти десять-двенадцать ступенек, чтобы сестра рядом с Мердофом и графом Георгом. Подумать только — какие-то жалкие десять ступенек, учитывая то, сколько ей пришлось пройти пешком до того момента, как Джона ранили, и они попали в тот странный монастырь... Или то, сколько она тащила Джона на себе, когда им пришлось оттуда бежать...

О боже! Об этих ужасных днях ей даже вспоминать не хотелось! Да это и монастырём-то особенно называть не хотелось, секта какая-то. И сёстры эти, так называемые, они же даже не говорили, это было слишком странно и, нужно сказать, весьма пугающе. Интересно, а все те сказки, которые рассказывал Джон про этот монастырь, действительно, имеют под собой, так сказать, почву? Или это просто страшилки?

— Какие игры существуют на Земле? — спрашивает вдруг Хоффман. — Мне надоело тут валяться! Нужно хоть как-то поразвлечься!

В данном состоянии он больше похож на капризного ребёнка, нежели на себя, во всяком случае, на того «себя», каким его привыкла видеть Мария. Быть может, его так изменил тот припадок, который с ним случился в его старом доме. Это, действительно, был его старый дом, девушка поинтересовалась у многих его слуг, а так же у жителей того городка. Какая-то старуха ещё сказала, что в том доме были заперты двое детей, мальчик и девочка, что дети жили там, и что девочка постоянно плакала... Как её звали эта старуха не помнила. А когда Мердоф помог графу прийти в дом, где они находились сейчас, и Хоффман заснул ненадолго, он в бреду шептал имя «Мари», сначала Мария даже думала, что он зовёт её, и сильно удивилась этому, но потом поняла, что это не так.

Мари... Наверное, так звали ту девочку, его сестру. Он грустил о ней, тяжело переживал её гибель. Это его горе было укором для Марии, которая слишком быстро позабыла про Розу; быть может, сказывалась перемена обстановки или то, что она мало любила свою младшую сестру. Хоффман любил ту девочку, любил куда больше, чем принцесса любила Розу, наверное, можно было даже позавидовать его сестре.

— Ну... Шахматы и шашки, как я понимаю, у вас есть, — бормочет девушка. — Не знаю, есть одна глупая игра, не знаю, как вы там наши игры называете — магловские, мидгардские или прочее, в общем, игроки друг друга спрашивают: «Правда или вызов», выбирают, собственно, правду или вызов, а тот, кто спросил, должен придумать вопрос или какое-нибудь пустяковое действие, вроде «зайди в ванную комнату и крикни что-нибудь перед зеркалом». И никто, как всегда, не понял, что я объяснила, да? Вроде я так с друзьями играла, если ничего не пугаю.

Граф усмехается, по его довольному виду можно понять, что идея ему понравилась, даже очень. Бывшая принцесса рада этому, в конце концов, играть в эту игру с Алом было весело, хоть он порой и жульничал, пытаясь скрыться в ванной или на кухне, если вызов, брошенный ему Марией его не слишком устраивал. Наверное, у этой игры были ещё какие-то правила, бывшая принцесса их в любом случае не знала, с Альфонсом она играла именно

так, и она не могла даже предположить, что что-то может быть по-другому. Да и зачем это было нужно?

Мердоф, кажется, тоже заинтересовался. Видимо, и ему было, в общем-то, скучно проигрывать партию за партией в шахматы. Куда интереснее было бы заняться чем-нибудь другим, и игра, предложенная принцессой, как раз попадала под категорию «другое».

— Что же... Думаю, это как раз то, что нужно! — смеётся Хоффман. — Садитесь к нам, Мария.

Девушка сию минуту оказывается на диване, рядом с графом. В библиотеке было тепло и наполовину темно — свет был только от пяти светильников, окружавших стол и диваны, по правде говоря, можно было зажечь ещё и те лампы, что были размешены вдоль стен комнаты, но этого совсем не хотелось, тёмно-бардовый диван был мягким и удобным, а ещё на него можно было забраться с ногами, следовало только снять туфли, что, впрочем, Мария и сделала. Хозяин дома гостеприимен, он разрешает ей это, даже предлагает отведать тех фруктов, что лежат на блюде, стоящем на столе. Мердоф почти сразу же бросается за пледом, и вот, плед накрывает плечи бывшей принцессы. В этом помещении ей тепло, ей удобно, ей хорошо...

— Я первый начну, можно? — спрашивает Айтсеч, Хоффман кивает, и парень сразу же продолжает. — Правду или вызов, Мария?

Девушка усмехается, когда слышит этот вопрос. Шкурка от апельсина летит на тарелку, воспитание, хоть какое-то, не позволяет ей швырнуть это на пол, как она сделала бы дома. Мама бы, конечно, отругала бы её за это. Но что — мама? Она видела её раза два-три в месяц. Ну поворчала бы, как и всегда, поохала бы, не пропуская возможности возмутиться поведением старшей дочери, которое было совсем неподобающим поведением для «леди». Леди... Какая из Марии, к чёрту, леди? Девушка горько усмехается. Об этом нужно было думать раньше, до того, как отпускать дочь одну гулять на детской площадке. Сколько девочке было лет, когда её впервые отпустили гулять одну? Четыре года? Три? Это было ещё до рождения Розы, это Мария помнила точно. А «леди» во дворе не место, им место дома, за вышивкой и фортепиано, за стихами и платьями. Но никак не во дворе, среди смеющихся и злых мальчишек. А Мария росла среди них. Она лазала по деревьям вместе с ними, так же дралась, так же приходила домой в ссадинах, синяках, в порванных брюках или шортах, вечно злая, вечно готовая кусить, расцарапать, ударить обидчика, вечно готовая на шалости. Она дружила с многими, Ал был ей братом, дядя Джошуа — отцом. Она пропадала целыми днями в его мастерской, вечно была измазана в саже, в земле, в глине. Какая из Марии, к чёрту, леди?! Порой Кассандре Фаррел говорили, что у неё растёт прелестный мальчик, та всегда так обижалась на это... Леди была Роза, тихая болезненная мамина девочка, которую даже нельзя было отпустить одну, но никак не она.

Апельсины в этом сказочном мире неплохие: сочные, сладкие, бывшая принцесса даже рада, что она решила попробовать фрукты, предложенные графом. Это было вкусно. Наверное, стоило поблагодарить Хоффмана. Он был добр к ней, хотя мог бы вести себя совсем по-другому, девушка была уверена в этом больше, чем когда-либо была в чём-то уверена. Он был силён, не физически, в нём было что-то другое, что-то, что заставляло людей тянуться к нему и бояться его одновременно. То же самое, что было у леди Джулии, почти то же, что было у Теодора Траонта, у настоящего отца девушки, почти то же, что было присуще той девушке, переспавшей с Алом, Алесии. Что-то в этих людях внушало опасение, страх, но противиться им было невозможно. Быть может, дело было в воспитании, которое

они получили, быть может, дело было в обстоятельствах, через которые им пришлось пройти. Мария не знала. Да и не особенно хотела знать.

— Пожалуй, я выберу правду, — произносит принцесса после минутного раздумья. — Задавай вопрос, Мердоф!

Парень улыбается немного зажато, будто стесняясь, кажется, вопрос он уже давно придумал, правда, не предоставлялось случая задать этот вопрос ранее. Девушке даже становится интересно, что же за вопрос так волнует Айтеча, что не даёт ему покоя, она даже не замечает, что Хоффман едва видно усмехается и залпом осушает свой бокал с вином, которое ему доктор прописал пить в течение дня небольшими глотками, аргументируя это тем, что в больших количествах этот напиток будет опасен для ослабленной нервной системы его богатого клиента.

Возможно, граф уже давно ждал этого момента, Мердоф следил за каждым его движением и просто не дал бы ему послушаться указаний врача. Пожалуй, парень беспокоился о его здоровье даже больше, чем о собственном. Мужчина, увидев, что этот его жест остался незамеченным, всё внимание Айтеча приковано к Марии, только к ней, хватает со стола плитку шоколада и кладёт себе в рот.

— Где тебе больше нравится — здесь или на Земле? — спрашивает Мердоф. — Я хочу сказать, что...

Принцесса пожимает плечами. Трудный вопрос для неё. Земля — её Родина, там всё знакомо ей, всё дорого ей, и, хоть может быть, трава и деревья здесь точно такие же, как и там, на Земле это всё кажется другим, более близким, что ли. Этот мир — чужой ей, что бы здесь не происходило. Здесь, возможно, и интересней, и лучше, и тоже есть друзья, но... Это всё не то. Мария всё на свете отдала бы, чтобы снова оказаться там, на Земле, с Розой, с мамой и, главное, с Алом. До прихода Седрика всё было скучно, до невозможности скучно, но она хотела бы всё вернуть. Просто вернуться туда.

— Знаешь, — задумчиво начинает девушка, — на Земле, когда хочешь связаться с каким-нибудь человеком по телефону и нажимаешь не на ту цифру, тётенька в телефоне противным голосом говорит: «Неправильно набран номер!», так вот, хочу тебе сказать, Мердоф, вопрос задан некорректно. И глупо. Мне нравится здесь, но я не могу сравнивать. Мой дом — там.

Айтеч выглядит растерянным и виноватым, Марии даже немного жаль, что она так грубо ответила ему. Возможно, следовало быть более снисходительной, более вежливой, что ли, но он задел тему, так сильно волнующую её. Она просто не могла ответить как-то иначе.

Хоффман театрально вздыхает и, пока парень не успел опомниться, наливает себе ещё один бокал вина. Принцесса с укором смотрит на него, но он просто пожимает плечами, как бы говоря ей, что в том, что он сделал, нет ничего предосудительного, да и, вообще, что такого в том, что он просто делает то, что хочет, в своём собственном доме. Девушка улыбается и берёт в руки яблоко, надкусывает его.

Мама обязательно бы сказала ей, что леди так не делают, но... Разве она, Мария, леди? Да и нужны ли все эти манеры, в самом деле, когда находишься просто в тёплой компании, играя в такую глупую игру, как «правда или вызов»? С Алом никогда эти манеры нужны не были. Он, наоборот, толкнул бы её локтём под бок, если бы увидел, что она пытается быть манерной, такой, какой иногда была Кассандра.

— Но... — бормочет расстроено Мердоф. — Что хорошего на Земле? Там ни магии, там... Там ничего! Ничего из того, что создала наша цивилизация! Там ничего нет!

Граф начинает просто хохотать, он почти заливается этим хохотом, Мария удивлённо смотрит на него, если честно, ей снова следует поблагодарить его — этот его смех отвлѣк её от неминуемого резкого ответа Айстечу, портить отношения с которым ей совсем не хотелось. Он был ей другом, другом слишком дорогим и важным, чтобы резко прерывать всякое общение с ним. А Хоффман... Она была слишком благодарна ему, чтобы быть обиженной на него. Это он мог бы обижаться на неё за все те проблемы, которые она ему доставила. Имел полное право на это. Но он не обижался. Он понимал. Понимал всё — начиная от того, что девушка чувствовала себя одинокой, и заканчивая тем, что предоставлял ей бесплатные жильѣ и еду.

— Уверяю тебя, мой юный друг, — говорит Георг, иногда сбиваясь от смеха, — она может сказать тебе то же самое. Как это мы живѣм без их компьютеров, средств передвижения, которые они называют автомобилями, их фильмов, их музыки?!

Граф всё ещё смеѣтся. Его смех кажется почти сумасшедшим, он сам кажется почти безумцем. Почему «почти»? Он был ещё, относительно, в здравом уме, понимал, что к чему, понимал, где есть грань между законом и беззаконьем, понимал, где находится и что делает. Мария, пожалуй, сама бы засмеялась, если бы он сейчас не высказал её мыслей. Да, в сказочном мире, куда притащил её Седрик, была и магия, были и ордена, было всё, о чём только мог мечтать фанат фэнтези на Земле, ну, может быть, не каждый фанат, конечно, но вот Мария мечтала о чём-то подобном, находясь там. Но сейчас... Сейчас, закинутая в этот мир, одна, без своих старых друзей, почти без поддержки, она чувствовала себя почти одинокой, хоть рядом с ней всегда были люди.

— А, вообще, если брать во внимание лишь моѣ личное мнение, то, — тут мужчина залпом выпивает ещё один стакан вина, — на Земле две особенно хорошие вещи, которые нам следовало бы перенять: автомобили и дороги.

Айстеч, как зачарованный, наблюдает за Хоффманом. Только сейчас он вдруг понимает, что требованиям врача граф так и не внял, только сейчас он растеряно приоткрывает рот, пытаясь что-то сказать, но не находя в себе сил сделать это.

Комментарий к II. Глава двенадцатая. “Ответь мне на вопрос”.

Канцлер Ги — Адмирал. Романс Ротгера Вальдеса

===== II. Глава тринадцатая. Первый обрывок реальности. =====

Тишь ночная бѣт тревогу,
За порог не гляди,
Ночью бродит по дорогам
Тот, чьѣ имя Самди.
Дверь захлопнет полнолуныѣ,
Скрип, ключа поворот,
Тот, кого боятся люди,
Ходит мимо ворот.
Тот, кого боятся люди,
Ходит мимо ворот.
Он уводит за собою,
Тех, кто ночью не спят,
Тем, кто дверь ему откроет,
Нет дороги назад.
Тем, кто дверь ему откроет,

Нет дороги назад.
Он так весел и опасен
В пляске лунных теней,
Но на шорох марокасов
Отзываться не смей.
Ночь рыдает и колдует
За открытым окном,
Тот, кого боятся люди,
Постучался в твой дом.
Тот, кого боятся люди,
Постучался в твой дом.
Не ходи за ним, не надо,
Хоть зовёт, ну и пусть,
С ним до рая и до ада
Я пойду и вернусь.
С ним до рая и до ада
Я пойду и вернусь.
Вздохи вились, словно плети,
В прахе пепла и снов,
Только дверь слетела с петель,
На пол грохнул засов.
Я не знаю, будь что будет,
Наливайте, Барон!
Тот, кого боятся люди,
Пьёт со мной горький ром.
Тот, кого боятся люди,
Пьёт со мной горький ром.
Ночь, дождь, дым от сигареты,
Вдаль уводят следы,
Ухожу гулять со смертью
Я, но лишь бы не ты.
Ухожу гулять со смертью
Я, но лишь бы не ты.
Настоящее время...

«Проклятый» город с его гранитными мостовыми, высокими каменными зданиями, встречал приезжих не слишком дружелюбно. Всё здесь казалось серым, тёмно-серым, безмолвным и одиноким, безумно одиноким, чужим. Город был суетлив, но суета эта была своей для каждого человека. Постоянный стук каблуков, колёс по каменным плитам отвлекал от мыслей о собственном горе и, в то же время, возвращал к нему внимание человека, что находился в этом городе. Серое небо, морозящий дождь и холодный ветер — так можно было охарактеризовать «проклятый» город. Почему его так называли?

Люди в серых плащах, что постоянно спешили, прятались от дождя, ветра и холода, почти не разговаривали друг с другом. Всё были друг для друга чужими в этом огромном городе, что был полон прекраснейших зданий, всего того прекрасного, что только могло быть создано людьми, но сами люди здесь добротой не славились. Каждый жил сам

для себя и не был заинтересован в том, чтобы другому человеку было лучше. Всё было не так, как в родном городке Мердофа. Там все друг друга знали, все друг другу были готовы помочь, мало того — хотели помочь. Иногда, это даже раздражало. Но сейчас, когда никому не было дела до твоих проблем... Айстеч любил свой родной город, любил ту старушку-булочницу, что, жалея его, постоянно кормила его горячими пирожками и хлебом, любил даже мясника, который постоянно кричал на него, когда маленький Мердоф постоянно пытался лезть не в своё дело. Марии же было хорошо здесь. Она чувствовала себя, казалось, прекрасно, не грустила здесь, наоборот, даже немного оживилась по сравнению с тем, как она себя вела в доме Хоффмана. А ему... Ему, Мердофу Айстечу, было место там, среди узеньких улочек, невысоких деревянных домиков и мелких лавочек...

Здесь она чувствовала себя так, как будто бы находилась дома, хотя, парень знал это, родилась она в городке, подобном тому, где родился и он сам. Девушка говорила, что ей нравится здесь то, что в её дела никто не лезет, никто не пытается узнать, что у неё в душе. Кажется, она любила быть в одиночестве, любила чувствовать себя свободной от чужого мнения, от внимания... Она любила всё то, что может дать большой город человеку, и не любила то, чего этот город дать не может. Мария была будто создана для жизни здесь...

Мердоф пытался понять принцессу, но никак не мог этого сделать, несмотря на все свои усилия. Парень, на самом деле, стремился понять эту невозможную девчонку, что всегда поступала так, как хотелось именно ей, не прислушиваясь ни к чьему мнению. Наверное, тем, кто окружал её раньше, приходилось нелегко, не легче, чем тем, кто окружал Георга Хоффмана. Она была почти такой же. Невероятной, невозможной, постоянно раздумывающей над приказами и над тем, стоит ли их выполнять, и, если стоит, как сделать так, чтобы ей было выгоднее в итоге.

Наверное, именно поэтому они с графом так хорошо поладили... Он тоже не любил, когда ему что-то советовали, не любил поступать так, как велят, он был человеком военным по своей профессии, но солдат из него был никудышный. Беспрекословно, бездумно подчиняться приказам граф не умел. И Мария тоже. За ту неделю, что они пробыли в этом городке, девушка успела нарушить половину запретов, данных тем человеком, которого Хоффман поставил для проведения инструктажа. Айстеч ещё никогда не работал с таким человеком, как она. Никогда. И никогда не чувствовал себя так легко и хорошо и озадаченно одновременно. Здесь следовало называть её Моникой, мисс Эливейт, можно было даже придумать ещё какое-то прозвище к этому имени, но никак не Марией. Так было нужно. Пожалуй, это было одно из немногих правил, если не единственное, которое бывшая принцесса не торопилась нарушать, находясь в этом городе.

— Я понимаю, Мердоф, — говорила девушка с горечью, — понимаю, что я тебе до смерти надоела, но ничего не могу с собой поделать. Извини.

Правила нарушались сами собой. Будто бы случайно. И первое, что было сделано девушкой после прибытия в город — беседа с тем странным человеком, который, в итоге, оказался тем, кто может помочь им в этом деле. Айстеч раньше был уверен, что беспрекословное подчинение — залог наиболее лёгкой победы, но теперь он понимал, что это было не совсем так. Всё было не совсем так, как было внушено ему с детства. Дело было в том, насколько выгодно тебе послушание в данный момент, а не само послушание, как пытался ему доказать Льюис Айстеч, его отец. Всё было не так. Все убеждения, вдолбленные в голову Мердофу, полетели к чертям ещё в тот самый день, когда он впервые встретился с графом Георгом Хоффманом, человеком, который спас его, изменил, изменил настолько,

что парень сам себя порой не узнавал. А, встретившись с Марией, Айстеч стал терять оставшуюся часть своих убеждений, принципов. Они стали казаться ему в корне неверными.

Впрочем, мисс Фаррел не нарушала приказов. Нет. Она просто по-своему выполняла их, не так, как привык Мердоф Айстеч за время своей службы сначала на доктора Леманна, потом — на Георга Хоффмана, совсем не так. Мария же сейчас сидела за столом и что-то увлечённо чертила на листе бумаги. Чертила так увлечённо, что Мердоф даже чувствовал себя одиноким в её присутствии. Она не замечала его сейчас. Как не замечала и чашку чая и плитку шоколада, лежащие около её правой руки. Айстечу было даже немного обидно из-за этого. Он надеялся, что она любил шоколад, во всяком случае, так казалось, когда они были у Хоффмана, девушка была готова съесть по несколько плиток за день, но сейчас...

Мысль о том, что Марии может просто надоест шоколад за время пребывания у графа, приходит в голову к Мердофу только сейчас. Он едва удерживается от того, чтобы не стукнуть себя ладонью по лбу.

— Что рисуешь? — спрашивает парень, когда молчание кажется ему совсем невыносимым. — Я хотел сказать...

Мария оборачивается и с улыбкой показывает Айстечу листок, на котором начерчена какая-то схема. Приглядевшись, Мердоф понимает, что это схема одного из этажей дворца, в котором девушку приставили наблюдать за принцессой, кстати, тоже Марией. Парень был бы готов посмеяться, когда узнал это. Та Мария была тихой и доброй девушкой, похожей на сестру милосердия из того госпиталя, где он однажды провалялся. Принцесса занималась тем, чем и было положено заниматься принцессам — вышивала, танцевала, пела песни, священные гимны, читала романы, написанные лучшими писателями по мнению своих нянек, а не бегала вместе с непонятно кем по разным королевствам. Та Мария была идеальной принцессой, а эта? Её Мария, что сидела рядом с ним и смеялась, глядя на его реакцию на эту схему, и даже не замечала чай и шоколадку...

Мердоф смотрит на схему потрясённо, как будто, даже не понимая, что случилось. Хоффман говорил её достать, но... Айстеч думал, что для этого придётся украсть её, забрать откуда-то, но то, что схему можно было просто перерисовать... Это к нему в голову не приходило. Видимо, вот чего ждал от него граф все те разы, когда приказывал принести ему чертежи помещений, вот почему он всегда так кричал на него, когда узнавал, с каким шумом эти схемы были украдены... Ну да... Хоффман хотел не привлекать к тем пропажам много людей, а Мердоф Айстеч умудрялся всё время всё портить. Всего тех случаев, когда такая миссия была доверена ему, было около трёх. Больше граф и не пытался. Видимо, понял, что все эти попытки были обречены на провал ещё до того, как сама мысль о доверии такого задания Айстечу появлялась в чьей-либо голове.

Кем была та принцесса Мария? Принцессой, утончённой, изысканной, по-своему доброй и слишком чужой. Она была принцессой, которую следовало защищать, оберегать, которой следовало поклоняться... Она не была другом, потому что это было неприято, да и, вообще, потому что принцессам стыдно дружить со своими подданными. Она была чужой. Серьёзной. Слишком высокого положения. С ней нельзя было просто говорить. Нужно было просить аудиенции. К ней нельзя было подойти просто так, без особой причины, без разрешения.

А кем была его знакомая? Во всяком случае, с ней можно было в любой момент поговорить, почти в любой. Айстеч знал это. Он сам не раз говорил с ней, однажды, даже высказал всё то, что он думал о своём брате, Рогде. Она выслушала, выслушала и не сказала

ни слова о том, что эти мысли были не самыми хорошими. Произнесла лишь, что, наверное, у него есть причины так говорить о Рогде, что ей самой брат Мердофа не слишком нравится, но она многого ещё не знает. А ведь девушка тоже была принцессой, хоть, по её словам, выросла на Земле, в том мире, который так нравился графу Хоффману, быть может, этот мир был и не так плох, раз его любили два человека, мнение которых было для Айстеча важно.

— И, Мердоф, я тебя очень прошу, — хихикает вдруг она, Мария, находящаяся в этой комнате, то же принцесса, но другая, уже бывшая и уже знакомая, не чужая, — в следующий раз, спрашивай меня, пожалуйста, если захочешь меня накормить, хочу ли я этого, ладно? Мне не слишком удобно тебе отказывать, когда ты уже всё принёс, понимаешь?

Эти слова заставляют его поперхнуться своим кофе, а потом захохотать вместе с ней. Заметила. Конечно же, она заметила эту шоколадку. Так же, как замечала и яблоки, подложенные Хоффманом. Граф не слишком любил яблоки, и поэтому старался отдавать их ей, чтобы только Мердоф думал, что он их ест. Георг иногда бывал даже забавным, он иногда был похож на маленького ребёнка. Например, тогда, когда он согласился играть в ту глупейшую игру или тогда, когда скучал, играя с Айстечем в шахматы... Этот человек, всегда серьёзный и строгий, тогда был похож на капризного ребёнка, он смеялся, шутил, капризничал, не собираясь принимать лекарства, прописанные ему доктором... Интересно, когда он был настоящий? Когда командовал ими, другими своими подчинёнными или когда болел в своём огромном доме, почти один?

— Мне кажется, что он был настоящим в обоих случаях, — говорит Мария. — Человек может быть разным в различных ситуациях. А он — такой же человек, как и все.

Мердоф удивлённо смотрит на девушку. Неужели, он сказал это вслух? Бывшая принцесса улыбается, почти смеётся, но Айстечу отчего-то несколько не обидно. Когда Рогд позволял себе что-то подобное в отношении его, Мердоф Айстеч никогда не мог стерпеть этого. Он кричал, злился, иногда даже пытался ударить, а потом... Потом отношения между братьями испортились окончательно. В какой-то момент они стали ненавидеть друг друга. С Марией всё было проще. Может быть, потому что она была девчонкой? Обычной, надоедливой девчонкой, с которой иногда могло быть даже весело. Она не была занудной, как Рогд, она не кичилась тем, что может что-то делать лучше, иногда даже смеялась над тем, что чего-то не умеет. Она во многом напоминала ему Хоффмана, первого человека, который нормально отнёсся к Мердофу. Сама девушка была вторым.

Мария снова начинает что-то рисовать, на этот раз, видимо, не схему, во всяком случае, она улыбается, а не сидит с хмурым лицом, улыбается чему-то, чего Айстеч пока понять не может. В её руках находится какой-то амулет или талисман, а может, просто какая-нибудь безделушка. Небольшой чёрно-красный камушек на тоненькой верёвочке.

— Это нечестно! — кричит, даже скорее визжит, девочка. — Я не собираюсь сидеть с ней! У меня есть куча других дел!

За окном светит солнце, довольно тускло, по-осеннему, но солнце, в любом случае, это лучше, чем тот ливень, который лил вчера половину дня. Наверное, на детской площадке сейчас полно луж, а дядя Джошуа снова заперся в своём гараже, и там он и будет торчать там весь день. Было бы неплохо зайти к нему, послушать, что он расскажет. Мистер Браун знает много историй. Из жизни, сказок, разных легенд... Ещё он неплохо сочиняет. Можно было бы взять с собой Ала, тот, конечно, не очень любит проводить время вместе с отцом, но ради неё он потерпит. Всегда терпел. Порой складывалось ощущение, что Альфонс просто вредничал, когда спорил с дядей Джошуа. Мария знает, что и она сама не самый послушный

ребёнок. Прекрасно знает. Но... сидеть с Розой было скучно, она ничего не понимала в веселье, ничего не умела, кроме того, как ныть и жалобно смотреть своими глазами. А ещё Роза была ябедой. И, к тому же, клеветницей. Она как-то раз рассказала про то, что Мария с Альфонсом подрались, и другу старшей девочки, в итоге, досталось. Дядя Джошуа целый час, наверное, ругал его, говорил о том, что с девочками драться нельзя и тому подобное. Неудивительно, что Ал потом неделю с ней не общался! Да ничего такого то и не произошло! Они даже подраться то и не успели. Просто решили пошутить, не смогли договориться друг с другом о том, как именно они хотят пошутить, поссорились и дулись друг на друга в разных углах комнаты. А если вспомнить все те случаи, когда Роза рассказывала о шалостях Марии матери, хотя и шалостей то таких не было?

Возможно, девочка любила бы младшую сестру гораздо больше, если бы та, хоть и не присоединялась к играм, но хотя бы просто молчала. Не ябедничала и уж точно не клеветала.

Женщина сердито смотрит на дочь, видимо, хочет даже что-то сказать, но ребёнок не слушает, не хочет слушать. Белокурая, как и мать, девочка обижена на неё, та совсем не понимала её, заставляла делать то, чего ребёнку совсем не хотелось. Женщина смотрит сердито, она не понимает реакции дочери, не понимает той агрессии, что она проявляет к ней. Чёрные глаза ребёнка смотрят обиженно, потом она соскакивает с дивана, на котором сидела, и направляется к двери.

— Мария! — строго одёргивает её мать. — Разве настоящие леди ведут себя так? Невежливо уходить, когда с тобой ещё разговаривают!

Девочка поворачивается, она смотрит на женщину почти зло. Светлые волосы ребёнка растрёпанны, а сама Мария слишком обижена и рассержена, чтобы воспринимать то, что ей говорят. Она хочет пойти к Алу, к мистеру Брауну, возможно, даже к Лиаму или Крису, этим задавакам, с которыми иногда можно было весело провести время или, во всяком случае, которым можно было разбить нос, но уж точно не хочет сидеть с Розой, которая снова умудрилась заболеть. И если бы ещё что-то серьёзное! Просто утром у девочки был замечен насморк и кашель — ничего страшного. Марию даже в школу отправляли, когда у неё было подобное, а Розе, мало того, что всё разрешали, так ещё и приставляли персональную сиделку!

— У неё просто простуда! — почти кричит Мария. — Ты оставляла меня одну дома в её возрасте, когда я болела!

Кассандра Фаррел делает шаг к двери, преграждая дочери путь на улицу. Женщина кажется уставшей. Споры со старшей дочерью утомляли её, лишали её сил. Мария росла активным, слишком активным, ребёнком, за которым постоянно следовало следить, на которого ни в чём нельзя было положиться. Она бегала, наверное, по всему городу, общалась со всеми, даже дралась — Кассандра в её возрасте была примерным ребёнком, почти такой же, какой была и Роза сейчас.

Мария не умела себя вести — в гостях она могла порой упрекнуть хозяев в том, что приготовленное ими блюдо не слишком вкусное, вообще, прийти в растрёпанном виде, дома её было за уши не оттянуть от книг и ноутбука, да, вдобавок ко всему этому, она позволяла себе по полдня торчать в гараже мистера Брауна. Их сосед, Джошуа, кажется не возражал. Он, вообще, принял Марию как родного ребёнка. Он не был против того, что она общалась с его сыном, Алом, не был против того, что дети периодически ночевали друг у друга, постоянно ходили вместе...

Альфонс был хорошим мальчиком, добрым, готовым защитить даже если за эту защиту ему потом достанется от, так сказать, спасённой. Он был таким же светловолосым, таким же вечно растрёпанным, вечно поцарапанным, в синяках, в грязи... Кассандра не знала, что именно в этом ребёнке ей не нравилось. Сама она в детстве не имела друзей, быть может, потому, что у принцесс друзей нет, есть только слуги. Мария же легко находила общий язык со многими, и Ал был не исключением. В этом она походила на своего отца, самоуверенного, почти самодовольного, Теодора Траонта, умевшего, впрочем, иногда быть весьма обходительным и обаятельным, уж это принцесса Кесс знала на собственном опыте. Она даже была влюблена в него тогда. Тогда, когда они познакомились. Он был её дядей, но ему было всего на несколько лет больше, чем ей. Теодор был молод, тщеславен, самоуверен, имел неплохое чувство юмора... Наверное, это в нём ей нравилось больше всего. А ещё он был вспыльчив, очень вспыльчив, это качество их дочь тоже унаследовала от него, не умел терпеть, а некоторые его капризы противоречили его же собственным желаниям.

А Альфонс... Женщина не знала почти ничего, о чём бы она могла поговорить с этим мальчиком. Он был не тем, к кому она привыкла за годы жизни во дворце. Возможно, он больше напоминал какого-нибудь поварёнка или конюшонка, нежели благородного маленького лорда. Впрочем, и Мария на принцессу походила мало. То ли дело тихая, послушная Роза? Учтивая, вежливая, готовая уступать всем и во всём. Если отец, всё же, заставит её вернуться, Марии лучше и близко не подходить к сказочному миру. Вряд ли она сможет вписаться в него, в его обычаи и традиции.

— Мамочка, Мария, почему вы ругаетесь? — выглядывает из-за двери семилетняя девочка. — Что-то случилось?

Кассандра подходит к младшей дочери, чтобы что-то ей сказать, и слышит хлопок входной двери — Мария, всё же, убежала. Эта девчонка была слишком непоседливой. Из таких редко получаются хорошие леди, способные находиться в светском обществе. А что ещё может женщина? В мире, где она родилась, больше ничего не было. Приёмы, балы, иногда — маскарады, всё это было достаточно весело, но, всё же, утомляло. Ещё были турниры, рыцарские турниры, где иногда происходило что-то новое...

На Земле, этой странной планете, женщины работали, работали на самых разных работах... Кассандре было чуждо это. В её мире всё было иначе. В мире, откуда она сбежала, потому что этот мир трещал по швам, расползлся. В мире, которого скоро, скорее всего, не будет.

— Мария... — охает женщина и тут же с горечью восклицает, — Ну что за девчонка?!

Роза стоит рядом и испуганно, как и всегда, смотрит на мать. Страх, пожалуй, был частью её самой. Она постоянно всего боялась. Не то что её старшая сестра, удержать которую на месте дольше, чем на несколько секунд, было невозможно. Кассандра сама была такой когда-то. Впрочем, если не лукавить, она до сих пор такой и оставалась. Выросшая в почти тепличных условиях, как говорили здесь, на Земле, она была плохо приспособлена к жизни.

Девушка с шумом плюхается на диван, как только заканчивает работу. Мердоф от неожиданности вздрагивает — она приземлилась слишком близко от него. Мария суёт ему в руки листок бумаги, на котором корявым почерком написаны около двух десятков вопросов. Прочтя их, с трудом разобрав некоторые слова, Айтсеч вздрагивает снова — на некоторые из них он ответить не в состоянии.

Корявый почерк... Хм... А ведь все жаловались на то, что у него, Мердофа Айтсеча,

почерк некрасивый и непонятный. Мария писала куда хуже. Совсем мелкие буквы на этом листочке, который она ему протянула, чередовались с очень крупными, некоторые слова были перечёркнуты, некоторые буквы были переправлены на другие, отчего читать становилось ещё труднее... Переведя взгляд на руки принцессы, парень отметил, что тыльная часть правой руки имеет тёмно-синий цвет чернил, которыми девушка писала эту записку. Сама Мария казалась несколько уставшей и взволнованной одновременно.

— Сможешь мне рассказать? — спрашивает она, когда видит, что парень прочитал всё, что было написано ею на листочке.

Мердоф пожимает плечами. Он сам хотел бы знать ответы на половину тех вопросов, которые ему только что задали. Например, он точно не знал, как можно было вернуться на Землю. Он, вообще, не совсем понимал, как именно Мария попала в их мир. О том, как путешествовать между мирами, наверное, рассказывали магам в их чародейских школах, но Мердоф магом не был. Волшебники, ведуны и чернокнижники должны были знать это. Но Айстеч был самым обычным человеком. Он не умел читать эти кривые символы, нацарапанные на каменных глыбах, как ведуны, не умел подчинять себе силы природы и управлять человеческим разумом, как чернокнижники, не умел даже поднимать мелкие вещи с помощью простеньких заклинаний, как волшебники. То есть, не умел, по мнению магов, абсолютно ничего. Был... человеком.

Вампиры тоже умели колдовать, если это так можно было назвать. Их взгляд приковывал к себе, даже убивал. К тому же, продолжительность их жизни была куда выше, нежели у магов или людей. И самоисцелялись они куда быстрее. Мердоф иногда даже им завидовал. Да и кому завидовать, если не вампирам? Сильфиды были самым слабым народом. Они не имели ни магии, что была у, собственно, магов, ни приспособлений, изобретённых человечеством, ни быстроты, присущей эльфам, ни когтей и клыков, которые были у низших вампиров. Они были самым слабым народом. Даже жили они в каких-то лачугах, едва ли годящихся для того, чтобы там можно было жить. Эльфы были, хоть и быстры и выносливы, но достаточно бедны, да и воевать они не любили. Люди... Айстеч сам был человеком. Ну а маги были теми же людьми, но с дополнительными способностями. Кому завидовать, как не вампирам?

— Я не знаю, — произносит парень. — На часть твоих вопросов я ответы дать не могу. Я сам не знаю многого. Тебе было бы лучше обратиться к графу Хоффману. Ну, или к герцогу Грацеде.

Девушка с укором смотрит на него. Глаза у неё совсем чёрные, прямо как у того человека, что встретился ей во дворце. Кажется, его звали граф Траонт. Только у того человека глаза были злее, взгляд их был холоднее, он смотрел так, будто бы хотел проткнуть собеседника одним только взглядом. Мария была несколько дружелюбнее. Кажется, Роза Фаррел была её сестрой. Нет, Роза Фаррел была её сестрой без всяких «кажется». Но они были совсем не похожи. Только сейчас до Мердофа доходит, что, будь в комнате Хоффман или Грацеда, Мария обратилась бы к ним, а никак ни к нему.

Айстеч молчит. Ждёт, пока Мария сама что-нибудь скажет. Она не была похожа в этом на Георга. Тот бы ни за что не заговорил первым, если бы ему сказали что-то очень-очень глупое. Ждал бы, пока собеседник сам осознает свою глупость и извинится. Интересно, кем был тот Теодор Траонт? Кроме того, что он сейчас являлся советником короля, другом которого была Фаррел. Он же должен был быть ещё кем-то, не так ли? Мария не заговорила бы с ним иначе.

— Мне очень нужно попасть на Землю, понимаешь? — говорит девушка задумчиво. — Там остался один очень близкий для меня человек. Я не хочу, чтобы он волновался за меня. Мне нужно увидеть его и всё ему рассказать. Он меня поймёт, обязательно поймёт, я знаю.

Мердоф удивлённо смотрит на неё. Интересно, кем был тот человек? Очень близкий. Эти слова кажутся Айстечу странными, непривычными, неправильными. Он не хочет думать о том, кем является тот человек, за которым Мария хочет вернуться, которому хочет рассказать то, во что мало кто поверит. Парню вспоминается взгляд Теодора Траонта, когда тот пришёл к ним, граф был, видимо, не в самом лучшем расположении духа, но, всё же, за что-то поблагодарил Марию и выразил ей свои соболезнования. Девушка отмахнулась и сказала, что обо всём давно забыла, что больше почти ничего не чувствует. Айстеч не знал, про что именно она говорила, но почему-то он подумал, что принцесса соврала.

Было ли это связано с её семьёй? Скорее всего, да. Потому что именно тогда, когда речь заходила о её близких, девушка начинала врать. Видимо, она не хотела, чтобы кто-то видел её переживания, понимал, что она чувствует. Пожалуй, не стоило беспокоить её в эти моменты...

— Если очень нужно, — бурчит Мердоф себе под нос, но, почему-то, он уверен, что Мария Фаррел его слышит, — то, значит, как-нибудь можно попасть.

Девушка кивает. Она скучала, скучала по дяде Джошуа, скучала по своему дому, по своей комнате... С того момента, как она очутилась в этом мире, прошло почти три месяца, то есть, лето должно было закончиться... Интересно, как там сейчас — дома? Она надеется, что дядя Джошуа в порядке, насколько он, вообще, может быть в порядке. Альфонс пропал. Для него пропал. А ведь Ал — его единственный ребёнок.

Айстеч думает о своём. Интересно, как он бы среагировал, узнав, что его мать и брат погибли. Иногда ему казалось, что услышав подобную новость, он, скорее всего, даже обрадовался бы, насколько жестоким это не было. Мария знает это, но не осуждает его. Мердофу порой кажется, что она почти понимает его.

***

Теодор Траонт удивлён, когда ему приходит письмо. Уже вечер, почти ночь. Он не ждал ничего и никого сегодня. Записка, написанная Кассандрой и переданная через Марию, оказалась у него в руках несколько дней назад. Кто мог писать ему? Джулия? Безусловно, она могла. Правда, обычно они обменивались посылками, а не письмами. Мария? Да, конечно. Но девушка, кажется, была полностью увлечена своей новой работой. Кто же ещё? Увидев гербовую печать, что стояла на конверте, граф побледнел. Печать была знакома ему лучше, чем кто-либо мог представить. Дрожащими пальцами разорвав конверт и вынув письмо, Теодор начинает читать строки, предназначенные ему. И с каждым прочитанным словом мужчина становится всё бледнее. Писали, действительно, ему. Ошибки здесь быть не могло.

Траонт знал того, кем было написано письмо, знал и до безумия боялся, хотя, тогда, когда он только познакомился с тем человеком, ему казалось, что бояться он никого не может только потому, что его положение в обществе, титул, деньги, власть это то, что может его спасти в любой ситуации. Тогда ещё его старший брат был королём. Да, не слишком хорошим, не слишком умным и дальновидным, но королём. Как же он ошибался! Когда он познакомился с тем человеком, ему не было и двадцати. Наверное, тогда он ещё был слишком молод для того, чтобы кого-то бояться, а, может, слишком глуп, потому что не испугаться этого человека при первой же встрече было нельзя. Что-то в этом человеке было

пугающее. Глаза ли? Глаза его были серыми, но радужка была настолько светлой, что цвет глаз казался белым. Стекланный взгляд этих глаз будет долго потом приходиться молодому Траонту в кошмарах, но тогда он не испугался. Мелкий, некрасивый рот этого человека всегда усмехался. Весь он был тусклым и незаметным. Тогда молодого графа предупреждали, что подобные знакомства редко бывают полезными, но он не верил, отмахивался, потому что был полностью уверен в своей силе, в своей правоте, в своей безнаказанности. Теодор мог тогда творить всё, что хотел. Конечно, Джулия всегда ворчала на него за это, но ничего страшного она ему сделать не могла. Леди Траонт, несмотря на всю свою напускную злость и строгость, была, пожалуй, добрейшим человеком, которого знал Теодор. И умнейшим тоже. Но что тогда ему слова старшей сестры? Пустой звук. Сейчас он, возможно, прислушался бы к её словам и... Да что там говорить? Он и сейчас бы не стал её слушать, скажи она ему тоже, что и тогда. Из вредности, из природного упрямства, которое иногда позволяло ему выходить сухим из воды, а иногда топило в самой трясине. Тот человек подошёл к Траонту случайно. Хотя, сейчас Теодор вовсе не был уверен в этой случайности.

Сейчас же он звал его к себе. Граф был уверен, что это он чуть не ослепил юного короля. Альфонс, всё же, был всего лишь мальчишкой, хоть и сидящим на троне. Возможно, Ала даже можно было назвать умным, но его совсем не готовили к такой жизни. А сейчас тот человек звал его. Звал в то место, которое Теодор столько лет пытался забыть. Иногда Траонту хотелось встать на колени посреди храма, умолять о том, чтобы всё поскорее закончилось, но он тут же одёргивал себя. Против этого человека ему не помогут даже боги. Если они, конечно, есть. В существовании богов Тео сомневается. Как и в том, что он когда-нибудь сможет вырваться из лап того, добычей которого он стал по глупости. И Джулия, и Кесс говорили ему, что его упрямство его когда-нибудь погубит. Знали бы они, что упрямство сгубило его даже раньше, чем они начали за него бояться. Сколько ему было в тот день? Семнадцать? Вроде того. Тогда он искал приключений, чтобы как-то разнообразить свою скучную, как ему тогда казалось, жизнь. Теодор был бы рад, если бы его жизнь была такой, как тогда. Во всяком случае, когда ему было семнадцать, в его жизни не было того страха, того ужаса, который появился в ней после того дня.

Заставлять ждать его никак нельзя. Иначе, будет только хуже. Теодор собирается как можно скорее. И, как можно скорее, выезжает из своего дома. Находясь в карете, он не может найти себе место. Он переживает. За себя, за Джулию, за Марию. Даже за Седрика. Потому что, если этому человеку что-то не понравится, даже Джулия не сможет ему противостоять. Она — женщина. Слишком сильная и потому несчастливая, но она не сможет выдержать такого. Точно не сможет. Она считает Теодора слабаком, но даже не представляет, с кем он связался тогда.

У этого человека ломались почти все. Даже те, кто казался гораздо сильнее. А те, кому удавалось выдержать, отправлялись кормить собой псов, которых этот человек так любил. Траонт очень волнуется, торопит кучера, даже кричит на него, когда тот говорит, что ехать быстрее никак нельзя. Граф боится. Боится так, как никогда в жизни ещё не боялся. Потому что встреча с тем человеком назначена на полночь, а уже без двадцати двенадцать. Теодор готов метаться по карете, готов кричать от того, что переполняет его сейчас. Дышать мужчине слишком трудно, в горле будто застревают комки бумаги, пропитанные чернилами, именно такое сравнение, почему-то, Траонту хочется дать своему состоянию. Он снова кричит кучеру, тот огрызается, пытается объяснить своему господину, что ехать быстрее

просто невозможно.

Когда он прибывает на место, его встречает какой-то мальчишка. Тому тоже лет семнадцать. Посмотрев на часы, граф немного успокаивается — без пяти двенадцать. Но торопиться не перестаёт. Не хватало ещё опоздать, когда он почти достиг цели. Эти серые ступеньки когда-то ещё не казались ему дорогой в ад. Когда-то, он даже любил бывать в этом месте.

— Ваше имя? — неловко, чуть запоздало, спрашивает мальчишка. — Ваше имя, сэр?

Теодор так зло смотрит на него, что тот невольно вздрагивает и делает несколько шагов назад, правда, когда граф проходит выше по лестнице, что-то кричит ему вслед. Граф Траонт зол, зол, потому что слишком напуган происходящим. Он не хочет повторения «урока», который ему преподали здесь двадцать три года назад. Он просто не переживёт этого снова. Траонт почти сбрасывает с себя плащ, кидает его в руки дворецкому и, перескакивая через две ступеньки, бежит наверх. Главного зала он достигает ровно в полночь, но мужчина даже не может вздохнуть с облегчением — это не разрешено здесь.

— Рад вас видеть, граф! — слышит он насмешливый голос своего ночного кошмара.

Последнее слово хозяин дома произносит настолько ядовито, что Теодор чувствует, как ему снова становится холодно от ужаса. В сером костюме этот невысокий человечек, как его можно было бы представить, только увидев, выглядит вполне безобидно, но граф прекрасно знает, что таится за этой маской. Он не раз видел, когда этот человек гневается на других, и испытать этот гнев на себе ему совсем не хочется.

— Надеюсь, — продолжает хозяин дома, — вы ещё не слишком привязались к этой девочке, Марии.

Траонт сплывает. От ужаса, во рту у него пересохло. Имя его дочери, произнесённое этим человеком, является тем, что почти заставляет графа трястись от страха. Почти. Он не позволит этому человеку видеть себя настолько униженным. Больше не позволит. Достаточно и того раза.

Комментарий к II. Глава тринадцатая. Первый обрывок реальности.

Канцлер Ги — Самди

===== II. Глава четырнадцатая. Второй обрывок раскаяния. =====

Все просто в начале пути,

И все непросто в конце.

Вас звали встать в избранный круг,

Вы предпочли быть в кольце.

Из пустоты не выбрать глубины,

Дорога вверх горит огнём вины.

Та сила, что правит землёй,

Стремится выдержать бой,

Но в драке по имени жизнь

Все бьются сами с собой.

По всей земле растёт и зреет взрыв,

Один на всех, как символ, как порыв.

Ангел с обожжённым крылом пересекает ваш мир,

Жёсткие кривые границ он превращает в пунктир.

Безопасность всех государств он проверяет шутя.

Ангел с обожжённым крылом — посланник силы Огня!

Все в чёрном, но траура нет,
Есть только смутная боль.
В том мире, где цифры и счёт,
Над всеми высится ноль.
У этих мест есть сила множить мрак,
Из цепких лап не вырваться никак.
Ангел с обожжённым крылом ровняет первых в шестых,
Он последним смотрит в глаза и отражается в них.
Все, чем так кичились нули, он искупает в огне.
Ангел с обожжённым крылом — боль Огня, луч Любви на земле!
Все просто в начале пути,
И все непросто в конце.
Вас звали встать в избранный круг,
Вы предпочли быть в кольце.
Из пустоты не выбрать глубины,
Дорога вверх горит огнём вины.
Ангел с обожжённым крылом смеётся зверю в лицо,
Все, чем дорожит этот мир, он замыкает в кольцо,
Он, играя, сводит на нет любую прихоть земли.
Ангел с обожжённым крылом — последний довод Любви!
Ангел с обожжённым крылом — дар Неба, вечник Неба!

Теодор Траонт едва мог дышать от того ужаса, который он сейчас испытывал. Он едва мог даже здраво мыслить, хладнокровно думать о том, что именно ему предстоит в скором времени. Земля окончательно уходила у него из-под ног, и, как бы он не пытался удержаться, это ему не удавалось.

Он давно попал в эту ловушку, выбраться из которой ещё никто не смог. Граф ненавидел себя за то недоразумение, поломавшее ему, в итоге, всю жизнь. Он был так глуп тогда... Так глуп и наивен... Что стоило ему тогда просто послушать других? Послушать Генриха, Джулию, хотя бы сира Джона... Кого-нибудь из них... Нет, он тогда был слишком самоуверен, слишком самонадеян и совсем не хотел кого-либо слушать, потому что тогда они казались ему глупее, чем он сам. Наверное, именно это когда-нибудь приведёт его к самому печальному финалу, какой только может быть.

Кем был тот человек, в почти полной зависимости от которого сейчас оказался Теодор? Что такое пугающее было в нём? Когда-то, как говорили, он был беден, кто-то говаривал, что он был чуть ли не нищим, впрочем, и сейчас он был небогат, требования его к жилью, еде, одежде были невелики, да и сам он весьма скромнен. Опухшее, посеревшее его лицо было некрасиво: маленькие серые глаза вечно зло и недовольно осматривали всё окружающее, большой асимметричный рот почти не улыбался, а если и улыбался, то улыбался фальшиво и натянуто, но что-то в этом человеке было такого, что привлекало к нему. Молодые люди, порой, ещё почти дети, тянулись к нему и попадались в ловушку. В ловушку, выхода из которой не было, потому что этот человек хотел повелевать, хотел распоряжаться человеческими жизнями, хотел быть над ними... Этот человек был совсем небольшого роста. В своём светло-сером костюме он выглядел почти бесцветным, этакий человек-невидимка. Его было трудно заметить среди толпы, он почти сливался с ней. Голос его был тихим, чтобы услышать, что он говорил, нужно было прислушиваться, и от этого было ещё

более противно.

Граф Траонт не помнил точно тот день, когда они познакомились. Помнил только, что Джулии этот человек не понравился с самого начала, она даже несколько раз говорила это, почему же Теодор не послушался её? Потому что он просто идиот. Потому что он всегда знал, что сестра умнее и рассудительнее его, но так отчаянно пытался доказать обратное, что вечно оказывался в дураках.

— Ну и как у вас дела, Ваша Светлость? — спрашивает хозяин дома своим противным тихим голосом. — Слышал, вы примирились с дочерью. Будет так жалко, если ваши отношения совсем испортятся...

Теодор удивлённо посмотрел на него. Откуда он знал обо всём этом? И почему считал себя имеющим право говорить об этом? Граф ещё не забыл, как однажды Джулия дала ему затрещину, ему было лет пятнадцать, когда он затронул тему, что очень сильно волновала их гостя, господина в строгом чёрном костюме и с каменным выражением лица, что постоянно навещался к герцогине Траонт, постоянно пил в её доме чай и рассказывал какие-то нелепые истории, от которых хотелось поскорее отделаться. Теодор тогда сказал что-то обидное тому человеку, и Джулия разозлилась. Да так, что Тео нехило так досталось от разъярённой ведьмы. Она там его выпороть хотела тогда, что ли? Во всяком случае, эта чёртова колдунья была очень близка к этому, и, если бы Теодор не успел вовремя от неё слинять, так оно бы и случилось. Но тогда он сбежал и в итоге, после ночёвки в лесу под дождём, заработал себе воспаление лёгких и целый месяц лежания в постели. В любом случае, это было лучше, чем... Граф Траонт даже представлять себе этого не хотел.

Часы мерно тикали, лишний раз доказывая, что время течёт слишком медленно, отсчитывали минуты, и Теодор чувствовал себя ещё более скованно и неудобно. В комнате было тихо, слишком тихо, и ненужные мысли назойливо лезли в голову.

— Что от меня требуется? — упавшим голосом спрашивает мужчина.

Хозяин дома противно улыбается. Граф Траонт думает, что ему хочется ударить этого человека как можно сильнее, так, чтобы сбить эту ухмылку с его лица, чтобы больше никогда её не видеть. Кофе уже остыл, а Теодор к нему даже не притронулся — так не хотелось ему что-то делать в этом доме. Убраться отсюда как можно скорее — было единственным его желанием в данный момент.

За окном уже светало, а граф так и не уехал из этого дома. По правде говоря, он надеялся, что приём будет, как и всегда, очень быстрый, и будет носить сухой официальный характер. Как всегда происходило обычно. Не было столовой, не было чашки кофе и пирожных. Всё всегда происходило в кабинете — тот человек приказывал, Теодор, скрипя зубами, соглашался на это и уходил выполнять. Что обычно говорили ему? Принеси это, сделай то, не забудь ещё что-нибудь... Он так привык к этому распорядку — войти в зал, встать среди собравшихся, поприветствовать этого человека вместе с ними, выслушать, что от него хотят, и уйти, просто уйти, что сегодняшнее «хорошее расположение духа» его начальника, как тот сам назвал своё желание принять графа в обеденном зале, Теодора Траонта несколько пугало.

— Не так уж много, Ваша Светлость, — хихикает его собеседник, — не так уж много. Всего лишь одну услугу...

Граф насторожился. «Всего лишь одна услуга» могла быть тем, что он, Теодор Траонт, сын доблестного короля, свергнувшего тираншу Аделаиду, выполнить не сможет никогда. Это настораживало даже больше, чем обычно. От «всего лишь одной просьбы» можно было

ожидать всего — даже убийства родного ему человека.

— Я вас слушаю, барон, — почти одними губами произносит Теодор. — Скажите мне, что это за услуга?

Ему страшно. Чёрт возьми, ему очень страшно! Если бы он только мог всадить нож в горло этому человеку! Если бы он только мог... Граф старается улыбаться, чтобы только не показать своего страха. Этот человек — как дикий зверь — не может устоять перед страхом своей жертвы, это только сильнее распаляет его.

Траонт улыбается, чтобы попробовать доказать самому себе, что он — не боится. Потому что бояться для сына короля — позор. А что может быть хуже позора? Ничего. Джулия так говорила. И она, наверное, была права. Только вот жить Теодору хотелось ещё больше, чем жить достойно. Вряд ли это можно было считать точкой зрения, достойной настоящего дворянина, но мужчина ничего не мог с собой поделаться. Пожалуй, он был трусом. Нет, не так. Он именно трусом и являлся. И никем другим.

— Не беспокойтесь, я не попрошу у вас ничего неприличного! — смеётся хозяин дома. — Я не такой, каким вы меня нафантазировали, Ваша Светлость!

Теодор молчит. Он просто не знает, что сказать этому человеку. Все знали его только под прозвищем. «Барон». Это не было его титулом. Он, вообще, не был дворянином. Выходец из семьи какого-то обедневшего купца. Траонту становилось только досаднее от осознания этого — какой-то мещанин смел командовать им! Это было настолько противно...

— Вы учились магии, граф, — задумчиво произносит «барон». — Я хочу знать, что означают слова «второй обрывок раскаяния» в третьей главе первой Священной книги. Я уже не раз вижу и слышу эти слова. Что они означают?

Теодор ахает от удивления. Конечно, он когда-то проходил это на уроках богословия, но это были его самые нелюбимые уроки, потому что на них нужно было сидеть смиренно и просто слушать. Разве могли непоседливому ребёнку они нравиться? Но что такое «обрывок раскаяния» Траонт смутно помнил. Он тогда сам обратился к Джулии за объяснением.

— Вторая фаза Пророчества, — говорит мужчина тихо, — включающая в себя раскаяние Блудницы и досаду Избранной.

«Барон» удивлённо смотрит на него. Кажется, он ожидал услышать что-то другое. Или просто сам не знал, чего ожидать от ответа. Граф сам не вполне понимал Пророчество, с его Блудницами, Избранными, Безумцами и Несчастливыми. Тот, кто писал это, скорее всего, был не в здравом уме, но учителя в Академиях магии почему-то считали, что юные волшебники обязательно должны были знать это. А вторая фаза этого Пророчества не могла не казаться странной.

— И что это означает?

Теодор пожимает плечами. Как будто кто-то мог ответить на этот вопрос?! Едва ли даже священнослужители могли ответить на это. Фигуры, данные в Пророчестве, были слишком абстрактны. Джулия как-то сказала, что всё это будет скорее похоже на стечение обстоятельств. Блудница — да сколько таких женщин?! В общем-то, и герцогиню Траонт при желании можно было так обозвать. Избранной же почему-то считалась его дочь, Мария, но и это вполне могло тоже оказаться неверно. «Часть мира, рождённая в другом»? Но не одна же она родилась в другом мире! Та же Роза, тоже дочь Кассандры, родилась на Земле, как и Мария, и тоже, наверняка, имела какую-то магическую силу. Теодору до сих пор было интересно, куда могла деться эта девчонка. Кесс следила за ней не хуже, чем следили когда-

то за ней самой по приказу её отца. Траонту было немного жаль Генриха. Он не был виноват в ни в чём из того, что происходило в его королевстве, разве что в том, что был слишком мягок и не мог справиться с этим сразу, как сделал бы их отец, его, Генриха, Джулии и Теодора.

Иногда графу Траонту казалось, что Мария была похожа на своего деда-короля. На того, кто по материнской линии являлся ей прадедом. Брак Теодора и Кассандры никогда бы не допустили. Их отношения были кровосмесительными, а это был грех даже больший, чем брак дворянки с простолюдином. Наверное, поэтому Кесс так пыталась задвинуть старшую дочь на задний план. Только вот Мария не была похожа на неё. Да даже от Джулии у неё было больше, чем от матери! И как же Теодор надеялся, что она, эта девочка, не окажется Избранной из Пророчества. Он не хотел этого. Не хотел...

— Кровавые знаки и у той, и у другой, — произносит Траонт. — Но какими они будут, и что будут означать, нам не объясняли.

Хозяин дома встаёт с кресла и подходит к окну. Давно уже он пытался расшифровать Пророчество, но ничего не получалось, как он ни старался. Ни малейшей зацепки. Просто бессмысленный текст на древнем языке. Что именно имела в виду его мать, когда говорила, что именно в этих текстах можно найти то, что изменит жизни всех людей в этом мире?

Что именно?

***

Леон сидит на подоконнике в большом доме графа. Мысли, которые приходят ему в голову, трудно назвать весёлыми. Он был виноват перед Анной, виноват так, как не бывало никогда раньше. Сестра любила его, беспокоилась за него. Не стоило тогда отвечать ей так резко. Он заслужил эту пощёчину, заслужил, по правде говоря, и более суровое наказание. Но его сестра была всего лишь девушкой, слабой, хрупкой, мечтающей лишь о счастье... Хоффмана, её мужа, он ненавидел и всем сердцем презирал. Что такого было в нём? Богат, умён, красив, но бессердечен, чёрств, холоден, не способен на проявление хоть каких-то эмоций. И он не любил его Энни. Для него она была скорее частью интерьера, нежели живым человеком, которого можно было любить, уважать... Граф был не тем, о ком всю жизнь так мечтала Энн — кому как не Леону знать об этом? Георг сам был скорее машиной, нежели человеком. Он не знал, что такое чувства. Что такое боль. Что такое любовь. Он не был человеком. Не имел право называться им. Не о таком муже мечтала Анна. Она всегда хотела быть любимой, единственной, а разве с графом она может даже думать о таком? Хоффман привык быть тираном, деспотом во всех сферах своей жизни, и он не станет менять что-то в своей жизни для Анны. Зачем она была нужна ему? Почему он выбрал именно её? Эти вопросы давно не давали спокойно спать Леону. Энни была такой же девушкой, как и все те, кто окружал него. Разве что чуть более гордой. Но зачем она ему? Она никогда в жизни не сможет смириться с второстепенной ролью, а у Хоффмана первую роль в его жизни она не сможет получить никогда. Этот человек жил своей работой. И всё. Нет, безусловно, он был начитан, образован, имел неплохой музыкальный и художественный вкус, но разве эти его качества могли как-то сравниться с простой человеческой способностью любить? Леон ненавидел этого человека и презирал его всей душой. Граф казался ему почти чудовищем, да что там и думать, Георг, безусловно, и был чудовищем. Энни любила его. Но только вот за что? Она была красивой молодой девушкой, которая могла бы рассчитывать и на жениха получше. Но почему она любила его? Его, неспособного полюбить её в ответ? Порой казалось, что Хоффман не умел и ненавидеть. Он,

действительно, был почти машиной — делал всё идеально, был всегда безукоризненно вежлив в любых ситуациях, старался всегда улыбаться, хотя улыбка его выходила натянутой, почти никогда не хмурился... Способен ли он был на самом деле хоть на какие-то чувства? Хоть на ненависть? Леон был уверен, что нет. Как такой человек может уметь любить, сопереживать? И все его друзья были под стать ему — безукоризненно одетыми, безукоризненно вежливыми, безукоризненно красивыми, но такими же холодными и бесчувственными. Молодой Истнорд ненавидел Георга Хоффмана за эту его ледяную идеальность. Потому что не будь он так идеален, Анна бы его не выбрала. Энни всегда хотела от жизни лучшего. Но Георг не был лучшим в её понимании. Да, он, возможно, был заботлив и внимателен к ней, но Леон был уверен, что, не будь Энн так влюблена, она обязательно увидела в его действиях какой-нибудь корыстный интерес. Потому что этого интереса просто не могло не быть. Истнорд не представлял себе, что у такого человека, как Хоффман могло не быть корыстного интереса. Потому что... Да хотя бы потому, что денег у графа было столько, что о бескорыстности, как казалось молодому человеку, говорить было странно.

Алесия Хайнтс была одной из друзей графа. И она нравилась Леону меньше всего. Анна была совсем не такой. Его сестрёнка Энни была чище, невиннее, что ли? И она ещё могла искренне любить. Алесия же, казалось, любить уже давно разучилась. Эта женщина, называть её девушкой у Истнорда язык никак не поворачивался, была так же холодно идеальна, как Хоффман, была так же блистательно красива и так же бесчувственна, как он. Пожалуй, она была тем, с кем меньше всего хотелось связывать свою жизнь. Да, она была красива, даже умна, но она не была способна любить. Она была просто красивой оболочкой, разглядеть что-то за которой было просто невозможно. Была ли эта оболочка пустой? Леон был уверен в этом.

Даже платье, которое было сейчас на ней, идеально подходило ей. А волосы? Прекрасные белокурые волосы, в которые влюблялся не один мужчина? Всё в ней было слишком. Когда она улыбалась, обнажался ровный ряд жемчужно-белых зубов, когда она смеялась, звуки звонкого голоса будто рассыпались и растворялись в комнате, где она была. А улыбалась или смеялась эта леди всегда. Ступала она осторожно, бесшумно, словно кошка, и грациозно. Красивая. Ослепительно красивая. Почему Хоффман не выбрал её? Они идеально подходили друг друга. Главное, оба были неспособны любить.

— Не дуйся на Хоффмана, мальчик, — будто слыша его мысли, фыркает мисс Хайнтс. — Он куда более сложный человек, чем кажется твоей глупой головке.

Леон готов рассмеяться — сложный человек и граф. Да что могло быть сложного в этом секретаришке? Что он мог чувствовать?! Да, он был умён, красив, богат, но все хорошие его качества на этом заканчивались. Что было хорошего в этом человеке? Он не был способен на проявление каких-либо чувств, он не был способен, вообще, что-либо чувствовать, всегда был холоден. И Анна страдала от этого. Страдала, он, Леон, был её братом и чувствовал это, хоть девушка старалась и не показывать этого. Сколько он себя помнил, Энни была всегда готова смеяться, шутить. Она никогда никому не позволяла заставить себя плакать. И Истнорд не смог бы простить графу её слёз. И не сможет простить их.

Что сложного могло быть в этом человеке? Да будто он видел что-то, помимо своих цифр и отчётов? Разве всерьёз интересовался чем-то кроме этого? Алесия серьёзно смотрела на Леона, будто хотела дождаться чего-то. Но парень не понимал этого. Он просто хотел поскорее отделаться от неё. Ему было противно её общество.

— Я не мальчик, — упрямо возражает Леон. — И этот человек не может быть сложным. Он обычный кабинетный человек. Он не способен показывать какие-то эмоции!

Алесия усмехается. Красивый рот коверкает эта усмешка, впрочем, даже сейчас мисс Хайнтс ослепительно красива, как и обычно. Длинные волосы спадают на оголённые белые плечи, она всегда казалась всем прекрасной. Достаточно прекрасной, чтобы благоговеть перед её красотой, и достаточно распушенной, чтобы презирать её. Голубые глаза необычно строго для неё смотрели на Истнорда. Услышав его ответ, девушка смеётся, как будто услышала что-то смешное. Леон краснеет от этого смеха. Ему неудобно находиться рядом с этой женщиной.

— То есть, с тем, что ты совсем ещё глупенький, ты согласен? — смеётся она. — Не мальчик? Как же не мальчик? А кто ты тогда?

Молодой человек краснеет ещё больше, хотя ещё минуту назад ему казалось, что дальше уже некуда. Он готов провалиться со стыда от этого насмешливого взгляда, который обращён к нему. Алесия совсем не стесняется так смотреть, хотя, пожалуй, и Анна бы не стеснялась. Но Энни была его сестрой, ей это было позволительно, хоть она и была младше его.

А мисс Хайнтс не была ему никем. Просто знакомая мужа его сестры. Красивая, не пустая, в общем-то, девушка. Разве нужно было слушать её? Это можно было даже назвать неуважением к самому себе. Она была красива, да, но это было, пожалуй, единственное её хорошее качество. Была ли она умна или глупа говорить тоже было странно. Никто никогда не задумывался над этим.

— И говорю же, не думай о Хоффмане так, — говорит она уже серьёзно. — Он хороший человек, хоть и странный.

Леон недоверчиво смотрит на девушку. Белое платье на ней смотрелось несколько странно. Истнорд когда-то слышал от матери, что белый цвет означает невинность, а назвать Алесию невинной у него язык не поворачивался. Что творилось в её душе? Переживала ли она из-за чего-то? Или могла только смеяться? Энни, его маленькая Энни, старалась относиться ко всем друзьям своего мужа как можно спокойнее. Почему? Было ли это знаком того, что граф уже начал плохо относиться к ней или нет? Леону хотелось убить этого человека. Он был тем, кого хотелось ненавидеть. И кого ненавидеть казалось по-настоящему глупо. Молодой Истнорд не был похож на своего отца. Все и всегда говорили ему это. В общем-то, и Анна не была похожа на него. Слишком свободолюбива, упряма... Как она себя будет чувствовать в браке с Хоффманом? Леон беспокоился за неё. Она была всем, что у него осталось. Больше никто не беспокоился о его судьбе, о его здоровье, о его интересах, больше никто не старался поддерживать его в любой ситуации, больше никто не старался спасти его от голодной смерти, когда, поссорившись с отцом, он оказался на улице...

— Поверь мне, — продолжает Алесия, — он не тот человек, который по-настоящему заслуживает презрения. Мы — все собравшиеся в этом доме сегодня — очень ему обязаны. А я так даже жизнью.

Истнорд пожимает плечами. Почему-то он не верит. Граф всегда казался ему человеком абсолютно бесчувственным, и осознавать то, что ему кто-то был обязан, было сродни тому, что он жестоко ошибся, что не смог разглядеть что-то. Разве можно было судить так, сразу?

Анна всегда была внимательнее и усидчивее его. И, пожалуй, морально сильнее, хоть он и считал всегда иначе. А ещё, она умела прощать, признавать себя неправой, просить прощения у того, кого обидела. Леон зря обидел тогда её. Она не была виновата ни в чём из того, что с ним произошло. И она, правда, пыталась найти наиболее оптимальный для него

выход. Она уважала его выбор, старалась уважать. Это он, почему-то, считал себя вправе вершить её судьбу, хоть и не имел на это никакого права, это он, почему-то, считал себя тем, кто мог решать за неё. Анна не могла позволить этого ему, а он обижался на неё. Наверное, Алесия была права, он был глуп, раз считал себя лучше её. Сестра была для него тем, кто всегда поддерживал его, а он считал, что она глупая, что она всего лишь девушка, которая ничего не умеет, ничего не может... Энни была сильнее его во многом. И, если бы он был чуть внимательнее, он бы понял, что замуж за этого человека она вышла только потому, что её семья терпела настолько бедственное положение, что необходимо было что-то делать. Она прекрасно всё понимала. И скорее всего, видела и то, что граф не любил её. Леону было стыдно. Стыдно за свою поспешность, за свою глупость. Анна, скорее всего, будет страдать из-за его эгоизма. Алесия была права — он всего лишь глупец. Всего лишь глупец...

— Знаешь, мне жалко твою сестру, — грустно произносит мисс Хайнтс. — Она умнее тебя, но не уверена, что это принесёт ей много счастья.

Леон вздрагивает. Он не хочет даже думать о том, что Энн будет несчастна. Он не хочет думать о том, что кто-то может сделать её несчастной. Она ведь всегда была для него примером упорства, независимости, свободы... Она называла себя «самой счастливой». Анна была умной, смелой, доброй — примером для него, самой себя и других. Истнорд не мог представить, чтобы кто-то смог сломать её. Это всегда казалось ему чем-то невыносимым.

Он и сам не замечает, что Алесия кажется ему уже куда менее неприятным собеседником, парень словно привык к ней за время их разговора. Да и глаза её не смотрели на него уже так насмешливо. Леон привыкал к племяннице короля. Она уже не казалась ему, настолько достойной презрения.

— Она лучше меня, знаешь ли, — задумчиво, не обращая внимания на реакцию собеседника, продолжает девушка, — сильнее, даже умнее. Когда она только появилась в столице, она была почти в той же ситуации, что я когда-то, только вот вышла из неё она по-другому. Но, понимаешь, я не думаю, что это сделает её счастливой. Я уважаю её, твоя Анна многого добилась, поверь мне, только вот придётся ей, скорее всего, нелегко.

Алесия почему-то вздрагивает. Леон не сразу понимает, почему она замолчала. Когда он поднимает глаза, чтобы посмотреть на неё, он едва удерживается от вскрика — на её белое платье капали алые капельки крови. Девушка испуганно смотрит на собеседника. Она не понимает, что именно происходит. Истнорд замечает глубокий порез на её руке. Мисс Хайнтс растеряна, во взгляде её голубых глаз уже давно нет привычной насмешливости, парню даже кажется, что она сейчас от страха едва может дышать. Леон хватается за здоровую руку и почти сразу же слышит за спиной непривычно строгий голос Горация Бейнота, одного из друзей графа Хоффмана.

— Что тут случилось, господин Истнорд?!

Алесия поворачивается к нему. Девушка слишком напугана сейчас, чтобы мыслить хоть сколько-то адекватно. Она сейчас не делала ничего, чтобы была возможность порезаться, а тем более — порезаться так сильно. Просто разговаривала с Леоном, но тот точно никак не мог ударить её, тем более, ударить ножом. Во всяком случае, она бы увидела это, как-то почувствовала. Что такое могло произойти с мисс Хайнтс, чтобы произошло это?

— О, боги! — выдыхает Бейнот потрясённо. — Как ты могла так порезаться? Да сбегайте уже за доктором, Истнорд! Быстрее!

Молодой человек убегает. Алесия готова зарыдать от ужаса. Ей больно. Очень больно.

Но страшно куда сильнее. Хотя бы потому, что она не понимает, что такого она могла сделать, чтобы с ней случилось подобное. Девушка чувствует себя куда слабее, чем обычно, почти так, как чувствовала себя постоянно до встречи с Хоффманом, но заплакать перед Бейнотом она права не имеет. Ей хочется плакать. На самом деле — хочется. Почему же Гораций, как всегда, так некстати появился рядом? Она сердится на него. Сильно сердится. И, в тоже время чувствует себя почти обязанной ему. Иначе рядом с ней находился бы Леон... Она не хочет видеть рядом с собой того парня.

***

Обучение магии всегда считалось наиболее сложным, нежели что-то другое. В Академии магии, обычно, детей начинали учить с пяти лет. Только в семь они начинали потихоньку приступать к практической магии. Начинали с самых лёгких заклинаний. И первые четыре года были не самыми продуктивными — дети изучали всего по два заклинания в год. И это считалось много. Нейтральная магия считалась наиболее лёгкой, поэтому, обычно, ни светлых, ни тёмных магов из Академий не выходило. Таким тонкостям детей обучали дома. Магия считалась самой сложной наукой, которая только могла быть. В ней было столько всего. Никто не мог сразу овладеть ей. Седрику начальная магия давалась легко, Хельге — тоже, а Леонард долго не мог понять, что к чему... Это было тем, объяснить что было почему-то очень трудно. Обучиться чему-то без наставника было практически невозможно...

Жуткий грохот заставляет Мердофа подскочить какой раз за день. Мария пытается разобраться в том заклинании, которое она нашла в одной магической книге, которую почему-то хозяин квартиры забирать с собой не стал. Девушка в гневе бьёт кулаком по столу. Опять не получается! Да что она не так делает то? Вся в саже, в царапинах и даже в синяках она совсем не походила на традиционное представление о том, как должны выглядеть принцессы. А ещё рубашка, в которой она была, совсем помялась, испачкалась, к тому же, даже если не считать пуговицы на ней, можно было догадаться, что пара нижних отсутствует. Видимо, Мария, когда рассердилась особенно сильно, со всей силы дёрнула рубашку за нижний край. Фаррел была рассержена. Очень рассержена — у неё ничего не получалось. Совсем ничего. И валяющиеся на полу долбаные осколки долбанной посуды, стоявшей на долбанных полках в этом долбанном шкафу это лишь подтверждали. Девушке хотелось что-нибудь швырнуть в стену. Так, чтобы это «что-нибудь» обязательно сломалось. Или нет?

Мердоф осторожно выглянул из-за двери. Сидя в соседней комнате, он чувствовал себя абсолютно беспомощным, неспособным хоть как-то помочь. Это раздражало его. Он привык хоть как-то контролировать ситуацию. Хоть насколько то. С его нынешней спутницей это было почти невозможно. С ней всегда происходило что-то странное и непредсказуемое. Но она была тем человеком, кто не осуждал его за то, что он думал, чувствовал... Она считала, что он имел право на это. И за это ей можно было простить эту её непредсказуемость. К тому же, девушка всегда хотела помочь. Да и вряд ли все эти неожиданные события зависели от неё. Просто было такое чувство, что принцесса притягивала их к себе. Мария сама не хотела этого. Она не могла жить спокойно, но в этом, пожалуй, её вины не было. Девушка всегда растеряно пожимала плечами, когда что-то случалось с ними.

Кажется, Мария начинала успокаиваться. И нужно было только не разозлить её сейчас, чтобы избежать ещё одного приступа гнева. Ведь достаться могло и Айтстечу, а это несколько не входило в его планы на сегодняшний день. Он совсем не хотел быть убитым.

Во всяком случае, точно не сегодня. Парень осторожно входит в комнату. Бывшая принцесса усмехается, правда несколько грустнее, чем обычно. Наверняка, ей неприятно, что все её отчаянные попытки хоть что-то сделать потерпели неудачу. Ему тоже было бы неприятно. Он прекрасно понимал, её чувства...

— Ай! — вдруг вскрикивает девушка. — Вот блин! Никогда не буду больше заниматься этой проклятой магией!

Мердоф быстро оказывается рядом. Мария держится левой рукой за запястье правой. По рукаву рубашки расплзается красное пятно. Принцесса, кажется, нисколько не удивлена. Айстеч, увидев, что случилось, бросается в соседнюю комнату за бинтами. Девушка, оставив здесь и книгу, и весь тот беспорядок, что она учинила, идёт за ним. Пожалуй, ей стоило притвориться смертельно больной — она, и так, довольно сильно поранилась, не убирать же ей за собой ещё и этот бардак?! Мария достаточно пострадала от этой магии! А Мердоф, кажется, готов будет забыть про то, что она тут натворила...

Девушка садится на диван, стараясь не запачкать его своей кровью. В той комнате были не слишком дорогие вещи, за них, если что, заплатить было реально, а вот за это... Мердоф казался обеспокоенным, и Фаррел было даже немного стыдно за то, что она собирается поэксплуатировать его, сказав, что она убирать тот бардак сейчас просто не в состоянии. Интересно, поведётся ли он? Ал бы выпнул её в ту комнату сразу после перевязки... Но ему можно было бы напомнить про контрольную или домашнюю по какому-нибудь предмету, что пришлось бы решать Марии...

— Ты в порядке? — спрашивает Айстеч обеспокоенно. — Очень больно?

Девушка пожимает плечами. Порез перевязан довольно быстро. Бывшая принцесса отмечает про себя, что в следующий раз обязательно обратится за помощью к профессионалу, если захочет обучаться магии. Да это было сложнее, чем пытаться построить ту фигурину, которая взорвалась у неё на уроке черчения почти под носом у её учительницы! Но ту штуку она построить всё-таки сумела. Мама потом долго краснела на родительском собрании. А дядя Джошуа оценил. Ему нравились идеи Марии. Он во многом помогал ей... Пожалуй, именно его она могла назвать человеком, самым близким для неё. Он всегда помогал ей. Во всём. И всегда. Сколько себя помнила девушка, он был рядом всегда, в любой ситуации.

— Да, наверное... — бормочет принцесса, сама не зная, на какой вопрос она отвечает.

Мердоф беспокоился из-за произошедшего. Это было почти смешно. Альфонс прекрасно бы знал, что она себя чувствует просто замечательно, и что никакая царапина не испортит ей хорошего настроения. Ну, или, тем более, ужасного настроения. А Айстеч переживал. Это было почти приятно. Во всяком случае, она знала, что ему не всё равно, что там с ней происходит.

— Как ты так умудрилась? — спрашивает парень. — Ты же, вроде, ничего такого не делала.

Девушка пожимает плечами и бормочет: «Случайно». Мария чувствует, как её начинает клонить в сон. Она засыпает прямо на этом диванчике, засыпает так просто и быстро, как редко с ней обычно случалось. Просыпается она от резкого, но знакомого голоса. Теодор Траонт. Что он делает тут?

— Как она порезалась?! — раздражённо бросает граф Траонт Мердофу. — Ну, скажи мне, пожалуйста, как можно случайно вот так порезаться?!

Бывшая принцесса открывает глаза и осторожно приподнимает. Траонт выглядит

раздражённым. С чего бы это вдруг? Он не был близким человеком для неё. Они были чужие друг другу. Почему же тогда он волнуется? Мария никогда не любила его. Для того, чтобы относиться к графу лучше, его нужно было хоть сколько-то знать. Они были знакомы совсем немного...

— Да не орите вы! — сердито бормочет принцесса. — По собственной глупости я порезалась. Это не его проблемы. И уж тем более, не ваши.

Теодор резко поворачивается к ней. Девушка уже жалеет о том, что сказала. Пожалуй, следовало дожидаться, когда граф уйдёт и тогда ляпнуть, но... Почему он казался настолько напуганным, растерянным? Что такое произошло с ним? Лорд Траонт натянуто улыбается, отвешивает Марии лёгкий поклон и выбегает из комнаты. Мердоф укоризненно смотрит на неё. Девушка пожимает плечами.

— Что? — оправдывается она. — Мы совершенно чужие друг другу люди.

Граф Траонт слышит слова дочери, и они кажутся ему какими-то неправильными. Но... Чего он хотел от неё услышать? Про себя Теодор замечает, что он впервые увидел её, когда ей было шестнадцать, да и приём этот был не самым дружелюбным... Они, действительно, были друг другу чужими людьми. И вряд ли теперь можно это как-то исправить.

Комментарий к II. Глава четырнадцатая. Второй обрывок раскаяния.

Алиса — Ангел

===== II. Глава пятнадцатая. Третий обрывок воспоминаний. =====

С добрым утром, наместник Святого Петра!

Вы, я вижу, опять безнадежно упрямы.

Мне вливать философию зла и добра,

Все равно, что сворачивать в терцию гамму.

Если выписать мне вид на жительство в ад

К вам же черти сбегутся с болезненным лаем

И в слезах и соплях будут вас умолять -

«Заберите его, мы с ним жить не желаем!»

Гляньте свежим взглядом — ад мой с вами рядом,

Хоть дождем, хоть градом, гнев Господень падет на всех.

Те, кто жив остался, пьют яд Ренессанса,

Впору испугаться, слыша дьявола смех.

Вы писали недавно в каком-то письме,

Что давно переполнена чаша терпенья.

Что сожжете меня вы по этой весне —

Куклу будете жечь за меня неименем!

Если делать вам нечего, бедный мой друг,

Приезжайте ко мне, скрывши масками лица,

В карнавальном огне, в наслаждении мук

Знать придется мне вас поучить веселиться!

В звоне карнавала жизнь накроет валом,

Щеки красит алым — стыд и совесть горят в огне!

Страстью темной съело вам душу и тело,

Коль воскресните смело приходите ко мне.

Вы писали что я, впав в неистовый грех,

Жен двоих удушил, ну а с третьей не венчан.

Так найдите занятие достойнее тех,
Чем шпионить за мной и считать моих женщин!
Впрочем что мне сказать тем, кто вряд ли постиг,
Как душа замирает в соцветиях пестрых,
Как столетие взгляда сливается в миг
И как сердце, взорвавшись, взлетает на воздух!
Кто изведаль это, тот клянет рассветы,
Разрывает ветер на волокна сердце мое,
Плоть горит и тает, кто любил — тот знает
Ни одна святая увы не стоит ее...*

Он сидел за книгами в небольшом светлом кабинете, пытался расшифровать те записи в древних книгах, о которых его просили. Сидел и пытался сделать хоть что-то. Не получалось. На его столе лежал не только тот листок, записи на котором надо было расшифровать, но и множество словарей, энциклопедий, собраний мифов и легенд древности. Впрочем, ничего из этого не приближало его к разгадке. Парень не был магом, не был вампиром, не был так же эльфом или сильфом, впрочем, относился к тем, кто с малых лет изучал древние языки.

Письмена на данном листке, которые он выписал из одной книги, данной ему герцогом Грацедой, расшифровке никак не поддавались, чтобы он не предпринимал для этого. Кто мог написать целую книгу, состоящую сплошь из непонятных глазу символов, начерченных, к тому же, жуть как неровно? Если удастся ответить на этот вопрос, то, возможно, удастся понять и что здесь может быть написано. Когда написаны были эти символы? Вероятно, в Великую войну. Когда Роланд пошёл против короля вампиров. Роланд... Герцог Грацеда не раз произносил, что этот король обладал безумно красивым почерком, который, впрочем, никто не мог понять. Ещё Вэлэриу любил рассказывать историю о принцессе вампиров Эелане и её вероломном братце. Грацеда говорил, что Уриолан — единственный город Линдейма, что выстоял в ту войну — перешёл позже во владения эльфов. Это безумно оскорбляло старого вампира. «Не они смогли удержать Уриолан! — говорил он. — Не им и владеть Вечным городом!». Ещё не раз слышал молодой человек от Грацеды о «короле с чёрным сердцем», Инарде. Вампир просто обожал рассказывать разные истории, особенно он любил легенды о войнах, героях и их подвигах, великих королях древности, огромных городах, что ныне уже разрушены. Рассказывать об этом мужчина мог часами, а Рогд любил его слушать. Из всех стран, которые тогда существовали и процветали, теперь осталось лишь две — Фальрания и Алменская империя, и старый вампир особенно горячо рассказывал о них. Вэлэриу любил бескрайние степи, где он родился и вырос, любил полуразрушенные города, которые когда-то служили столицами павшим королевствам, любил их легенды, их историю... Никто не любил слушать старого вампира, впрочем, он и сам редко кому рассказывал обо всём этом. Рогду нравилось думать, что он один посвящён в эти тайны, что он один во всём свете имеет право знать эти легенды, не те, которые были известны всем — победа магов в той войне сделала своё дело, теперь они диктовали свои условия и их легенды звучали чаще — и рассказывались каждой женщиной своим детям, а те, которые передавались из уст в уста только в семьях вампиров. Тогда вопрос о том, кто он и что должен делать, немного утихал в голове, предоставляя место под что-то куда более интересное.

Кем же был Рогд Айстеч? Сыном Льюиса Айстеча и братом Мердофа Айстеча. Тех двоих редко кто не знал. Быть может, причина их известности была не самой хорошей — оба

обладали столь дурными характерами, что в небольшом посёлке, где жила их семья, фамилия Айстеч стала нарицательной. Но кто знал Рогда Айстеча? Учителя в школе и преподаватели в институте всегда знали, что Рогд — ответственный и прилежный ученик, на которого можно положиться. Мама знала, что он примерный ребёнок, который никогда не перечит ей и делает всё так, как и нужно. Вэлэриу Грацеда, его начальник, знал, что Рогду всегда можно поручить важные бумаги, он ничего не потеряет и сделает в точности так, как от него и требовалось. На него всегда можно положиться, — слышал он со всех сторон. Но кем он был на самом деле? Быть просто человеком, на которого всегда можно свалить всю работу, Рогду совсем не хотелось. Мердоф был смелее, сильнее, во многом умнее. Мердоф мог быть даже грубым и резким, но он, всё равно, оставался лучше. Начальство поручало ему более важные задания, когда как Рогд просто возился с бумажками. Хоффман, тот вечно хмурый молодой граф, казалось, видел в Мердофе друга, шутил с ним, что-то рассказывал, покровительствовал ему. Отец видел в нём продолжение самого себя, даже уважал его, хотя иногда казалось, что такой человек, как Льюис Айстеч просто не может уважать кого-либо. Учителя в голос твердили, что столь способного ученика, как Мердоф Айстеч, найти трудно, и если бы он вёл себя лучшим образом, чем он себя, собственно, вёл, ему не было бы равных. К тому же, Мердоф был на целых полчаса старше, и являлся наследником всего имения, принадлежавшего семье Айстеч, быть может, оно, конечно, было не слишком большим, даже маленьким, но наследником всё равно оставался Мердоф. Старший сын. Способный. Умный. Смелый. Талантливый во многом.

А что доставалось Рогду?

Вечная возня с бумажками? Презрительный взгляд отца, считающего его слабаком и избалованным ребёнком? Жалостливый — матери? Столь же презрительный, как и у отца — брата? Постоянное осознание своей ущербности? Жизнь в осознании того, что, что бы он не сделал, он всегда будет хуже брата?

Это было по меньшей мере нечестно. Никто не воспринимал его всерьёз. А отец, тем более. Можно было тратить бесконечно много усилий, чтобы получить в ответ всё тот же презрительный взгляд. Его всегда либо жалели, либо презирали. Порой хотелось кричать об этой чудовищной несправедливости. Они с Мердофом были близнецами, но брат во всём был лучше его. Он был способнее, сильнее, ловчее, смелее. Список качеств, в которых Мердоф превосходил брата, можно было продолжать вечно. Даже в прилежности и аккуратности, которые Рогд до недавнего времени считал своими сильными сторонами, Мердоф превзошёл его. Он просто не был прилежен и аккуратен постоянно. Насколько несправедливо это было! Рогд старался, всю жизнь старался, быть лучше брата хоть в чём-то, но тот всё время был впереди. Даже родители любили его, казалось, больше. На него всегда обращали внимание. Рогд был уверен, что если бы даже он вёл себя так же, он просто остался бы незамеченным. Как и всегда. Впрочем, мать, наверное, любила его. Но её любви и жалости было слишком мало, хотелось ещё получить признание и от остальных.

Мердоф порой вёл себя грубо и резко, что говорить, он почти всегда так себя вёл, всё время повышал голос, мог размахивать кулаками, но ему это, почему-то, прощали. Рогду бы никто и никогда такого не простил. Та девушка, кажется, тоже решила, что будет общаться с Мердофом. Почему? Чем он был лучше Рогда? Ну чем? Её, кажется, звали Мария, и её Мердоф умудрился чуть не убить при их знакомстве, неизвестно чем бы кончилось дело, не пояись вовремя Хоффман. Или сам Хоффман? Как прошла их первая встреча? Рогд был уверен, что не слишком хорошо. Впрочем, мог ли он об этом судить? Пожалуй, нет.

Младший из близнецов не видел той встречи собственными глазами, не мог видеть. Тогда он находился дома...

Мысли парня снова возвращаются к листку со старинными символами. За все те три часа, которые он просидел над книгами, только один символ был похож на что-то из того, что уже встречались. Символ «река» попадался ему раньше, в других рукописных книгах пророчеств. Он был похож на символ бесконечности, только вот имел и начало, и конец. Как две небольшие волны с двух сторон от своего центра. Река... Что могло быть связано с рекой? Быть может, стоило искать какую-то реку на карте мира? Какую-то конкретную?

Река. Рек на Осмальерде было много. Даже очень. Это и знаменитая Олиона, единственная река, впадающая в Лиловое море. И Рилиа, та мелкая речушка, что протекала неподалёку от поместья Айтстечей. И красивая Лимизитта, со своими берегами, на которых так любили отдыхать все эльфы и сильфиды, считающаяся самой удивительной рекой на Осмальерде. Но какая из них могла иметь отношение к пророчеству? А, может быть, той реки, что указана в этой книге, и вовсе не существует? Может быть, это вроде аллегории? Вроде «реки зла» или «реки смерти»? В таком случае, всё ещё более непонятно.

— Мистер Айтстеч! — слышит парень позади себя спокойный, как и всегда, голос Вэлэриу Грацеды. — Я надеюсь, я могу рассчитывать на вашу помощь в одном деле?

Рогд кивает и поднимается со стула. Из всего пророчества он, по-прежнему, знает только один символ. Это слишком мало. Обычно, он, кое-как, но может составить полное представление о пророчестве, но сейчас всё было совсем по-другому. В чём было дело? Быть может, это какое-то малоизвестное наречие какого-нибудь языка? Или пророчество было настолько редкое, что почти нигде не встречалось? Но все пророчества были уникальны. Не было и двух одинаковых. Рогд читал многие. Его учили читать их. Древние языки давались ему с трудом. Считалось, что их было всего десять — реоним, оридит, церионт, зардуле, смириа, урилиоф, герогиост, варфонс, тиохоф и чориго. Рогд кое-как знал первые два. Они считались самыми простыми из древних языков, именно их преподавали в разных магических школах и академиях.

Грацеда же свободно читал многие пророчества, перевода ему не требовалось. Он знал, по крайней мере, восемь из десяти древних языков, мог даже свободно говорить на них. Почему же он просил перевести некоторые рукописи? Рогд ловит себя на мысли, что впервые он задумался об этом, раньше это не было тем, на что он обратил своё внимание. Раньше он никогда не задавался этим вопросом — раз просили, значит было нужно. А теперь?

Мердоф считал, что служить у Хоффмана приятнее и лучше. Рогд не разделял его взглядов. Да, граф много знал, был умён и достаточно смешлив, но он всегда суетился, всегда торопился куда-то, неизвестно как делая свою работу на высшем уровне, требовал от других того же. Хоффман ни на секунду не останавливался. Он двигался постоянно. И это, наверное, должно было утомлять. Мердофа не утомляло. Ему нравилось это. Хоффман спешил постоянно. Хоффман боялся не успеть, как будто времени на исполнение того, что он задумал, оставалось слишком мало, хотя графу было всего двадцать пять лет.

Вэлэриу Грацеда был не такой. Всегда спокойный. Никуда не торопящийся. Герцог внушал юноше куда больше доверия. Рогду никогда не хотелось бежать куда-то. А Грацеда и не торопил. Он сам не любил торопиться. Хотя был куда старше.

— Да, конечно, Ваша Светлость, — произносит Айтстеч тихо, — но, боюсь, пророчество, то, которое вы мне поручили, мне не расшифровать. Прошло много времени, а я знаю всего

одно слово.

Вампир кивает и протягивает руку, ждёт, когда парень даст ему свои записи. И Рогд с замиранием смотрит на то, как вампир хмурится и качает головой, прочитав написанное. Айтсеч думает, что то, что он не смог перевести эту рукопись, обязательно скажется на отношении герцога к нему. Грацеда внимательно читает те пару заметок, которые Рогд сделал. Там написано всего несколько фраз. Парень смог подметить только неаккуратность почерка писавшего и примерное время написания — двести или двести пятьдесят лет назад.

— Что же... — произносит он, наконец, через некоторое время. — Поистине неплохо. Для человека.

Рогд удивлённо смотрит на герцога. Тот кладёт листок обратно на стол. Вэлэриу Грацеда улыбается. Чему? Ведь Айтсеч не смог расшифровать это пророчество, да и вряд ли когда-нибудь сможет это сделать без чьей-либо помощи. Грацеда не любил людей, презирал. Считал их глупыми и порочными. Быть может, он был прав в этом своём презрении, люди, действительно, не самые лучшие представители Осмальерда, мира, что был почти третью от того великого Древнего мира, что раскололся ещё во времена Танатоса. Но Рогд был человеком. Ему, пожалуй, не хотелось, чтобы о расе, к которой он относился, думали очень плохо. Вампиры не жаловали людей, эльфов и сильфид и ненавидели магов. Первые три расы были безучастны к их мольбам и страданиям времён Великой войны, а последние были захватчиками.

Почему люди не помогли тогда вампирам? Так боялись магов, что ради спасения своих жизней, решили предать своих союзников? А эльфы? Тоже? Рогд не понимал. Быть может, родился он тогда, лет пятьсот назад, он бы всё прекрасно понял, но сейчас он понять не мог. Герцог не любил людей, эльфов и сильфид. Его можно было понять. Никто из представителей этих трёх рас не помог вампирам восстановиться после окончания войны. У вампиров было полное право недолюбливать их всех. Впрочем, если гнев на сильфид немного приутих, то людей и эльфов вампиры ещё не любили.

Сильфиды никогда не помогали никому в войнах. Сердиться на них за это было бы глупо. Сильфиды жили себе в своих храмах и старались оттуда не высовываться без необходимости. У этих хрупких существ не было даже оружия. Они не умели сражаться. Совершенно аморфные, не способные что-либо делать, они могли лишь оказать помощь с провизией, благо, в их землях были хорошие урожаи. У них всегда было тихо, будто они боялись шума. Детей никогда не ругали, впрочем, и маленькие сильфы и сильфиды всегда были удивительно тихими, совсем не были похожи на детей людей, магов, вампиров или эльфов. Рогд видел сильфид, которые работали под начальством Кримхилд Нойман, этой красноволосой выскочки. И зачем, спрашивается, она красила волосы в такой яркий цвет? Она, и так, была не слишком красива.

Людей же вампиры не любили больше, чем сильфид. «Вздорные и постоянно спешащие на встречу своей гибели, не умеющие скрывать своих пороков, за которые они никогда не смогут спокойно отойти в мир Духов» — так говорили о людях вампиры и эльфы. Наверное, они были правы, но Рогду, всё равно, казалось это безумно обидным.

— Только вот это совсем не «река». Этот символ обозначает «долина», — говорит вампир совершенно спокойно, будто вовсе не сердится. — Символ «река» не включает в себя этих чёрточек и произносится совсем по-другому.

Рогд слушает внимательно, но понять ничего не может. Герцог знает этот язык. Прекрасно знает. Даже лучше, чем знает реоним и оридит, те два древних языка, которые

Айстеч учил когда-то. Грацеда специалист по пророчествам и легендам, кажется, он знает их все. Этот язык, которым написано это пророчество, которое Рогду поручили расшифровать сегодня, кажется красивым. Не то что реоним, простой, несколько грубоватый язык, которым, кажется, нельзя выразить, вообще, никаких эмоций. Сами символы реонима были настолько простыми, до жути простыми и однообразными, что иногда становилось просто тошно. Оридит был немного сложнее и интереснее, но он, всё равно, был уже привычным. Рогд нередко переводил с реонима и оридита, пожалуй, знание древних языков можно было отнести к его преимуществу над братом — Мердофу языки никогда не давались. Даже реоним. Мердоф стучал кулаком по столу, злился, но сделать ничего не мог, в то время как Рогд, не прилагая обычных для него усилий, достаточно быстро сумел овладеть ими.

Рогду интересно было слушать герцога Грацеда, тот много знал и не меньше этого умел. К тому же, вампирский герцог был вежлив в общении со всеми. Айстечу нравилась эта почти ледяная вежливость, которая сопровождала герцога всегда и везде. Она, отчего-то, внушала ему ещё большее уважение.

— Мне нужно, чтобы ты навестил одну мою знакомую, — продолжает Вэлэриу. — Её зовут Джулия Траонт, и она живёт в поместье Треонор, в Орандоре.

Джулия Траонт... Это имя было знакомо Рогду. Впрочем, назовите хоть одного человека на всём Осмальерде, кто не знал бы эту женщину. Вряд ли такой, вообще, найдётся. Леди Джулия Траонт, герцогиня, дочь первого короля династии Траонт, сестра второго, самая богатая и влиятельная женщина в мире. Её называли сумасбродкой, возможно, оно так и было. Говорили, леди Джулия была весьма щедра к друзьям и имела неплохое чувство юмора, впрочем, могла быть очень резкой к людям, в которых ей что-то не нравилось. Но, в любом случае, она была самой влиятельной и богатой женщиной в мире. Рогд хотел бы увидеть её. Её, эту знаменитую леди Траонт.

— Она должна получить одну вещь, — говорит герцог. — Думаю, герцогиня обрадуется, когда увидит её.

Вэлэриу Грацеда протягивает парню небольшую деревянную шкатулку, на которой выгравирован герб самого вампира — клинок, вокруг которого обвита роза. Вообще, роза была алой, наперекор гербу Ричарда Родвика, где была изображена белая, но здесь этого не видно. Рогд кивает и берёт шкатулку в руки. Грацеда раздражённо шикает на него, когда Айстеч не слишком осторожно кладёт шкатулку в рюкзак. Что там такое, что вампир так беспокоится? Не может быть, чтобы там оказалась какая-нибудь безделушка. Герцог не беспокоился бы просто так.

— Я, как-нибудь потом, расскажу тебе обо всём, — произносит Грацеда, задумчиво глядя на перстень, который он только что снял с пальца. — Обязательно расскажу, Рогд. Но сейчас мне нужна просто твоя помощь. Не задавай вопросов.

Рогд кивает. Пожалуй, стоило послушаться старого вампира. Он всегда выполнял свои обещания и то, что ему была нужна чья-то помощь, было неслыханным. Стоило помочь герцогу. Тем более, он собирался потом рассказать какую-то историю, обещающую быть очень интересной. К тому же, это, видимо, была не просто легенда, а история из жизни самого Вэлэриу Грацеда. Он прощается со старым вампиром и уходит, чтобы выполнить его поручение.

— Я когда-нибудь расскажу тебе обо всём, — шепчет Грацеда. — Тебе одному интересны сказки вампирского герцога...

Вампир грустно смотрит на дверь. Когда-то, он много путешествовал, много повидал.

Сейчас обо всём этом оставалось только грезить. Он, действительно, уже старик. Брат Рогда прав в этом. Восемнадцатилетний мальчишка, полный надежд на светлое будущее — Грацеда отдал бы многое, чтобы снова стать таким. Люди не понимают своего счастья и никогда не поймут. Умирать раньше, чем вампиры, маги и эльфы. Это был дар. Дар небес, предоставленный им. Они видели меньше. Понимали меньше. Страдали меньше. И их души отправлялись в чертог Спокойствия, а не в чертог Бездны. Иногда, маги и вовсе были обречены на вечное воскрешение, правда, в других телах, новых, чужих им. Грацеда не был так уж стар для вампира. Ему, возможно, предстоит умереть только через много-много десятков лет. Он завидовал людям. Завидовал их ранней смерти. Он сам хотел бы уже давно лежать в могиле...

— Не понимаешь Хоффмана, Рогд... — бормочет Вэлэриу в пустоту. — Не понимаешь, почему он торопится, хотя ещё так молод. Ему ведь осталось куда меньше, чем кому-либо. А мне — куда больше.

***

На улице ещё было тепло, погода стояла летняя, и было совсем не понятно, что скоро уже лето закончится и наступит осень. Ничто не выдавало скорого наступления осени. Дети на улице бегали так же, как и обычно, крестьянки распевали свои песни, дворяне и просто богатые люди продолжали отдыхать на дачах. Ничто не выдавало скорого пришествия осени, этой строгой леди в разноцветном платье. Ничто не предвещало будущих холодов. Лето ещё совсем не собиралось отдавать свои позиции, и, пожалуй, многие были ему очень благодарны за эти последние денёчки беспечности.

Но Джулия Патриция Траонт, принцесса Орандорская, герцогиня Треонорская и Римионийская, графиня Миринирийская, ведьма Высшей категории, заклинательница и предсказательница Первой категории и колдунья Второй, не относила себя к числу этих людей.

Даже создание собственной магической академии не занимало её сейчас. Даже любимый её ребёнок, Седрик Траонт, не заставлял хоть немного успокоиться. Даже Жан, которого она недавно расколдовала. Ничто не занимало её сейчас, ничто не радовало. И так было каждый год.

Джулия ненавидела себя в такие дни. И окружающих, разумеется, тоже. Даже больше, чем себя, пожалуй. Её раздражало всё — от неправильно, по её мнению, стоящей вазы до каких-либо попыток оправдаться со стороны окружающих. Рассчитывать на какую-либо помощь ведьмы было бесполезно. Каждый год, когда лето уже почти заканчивалось, герцогиня Траонт впадала в своеобразную депрессию. Тогда её побаивался даже Седрик, которому, обычно никогда, не доставалось из-за плохого настроения матери. Теодор, и вовсе, который год старался уезжать подальше от поместья Треонор, принадлежащего Джулии. Именно в конце августа, обычно несговорчивый Теодор, начинал выпрашивать у королей (сначала у своего брата, Генриха, а теперь и у нового короля, Ала) возможность поехать по каким-нибудь очень важным поручениям в любое другое королевство.

Прятаться от Джулии в королевском дворце Орандора было бесполезно. Ведьма обязательно успевала туда наведаться. Альфонс Браун об этом ещё не знал, возможно, ему очень не повезёт в этот раз, если Джулия Патриция Траонт наведывалась во дворец не только потому, что там отсиживался её брат, Генрих.

Что же так влияло на настроение герцогини Траонт?

Обычно, на её настроение ничего не влияло, но оно и было всегда непредсказуемо —

никогда не знаешь, будет ли она в следующую секунду убивать тебя первой попавшейся под руку вещью или кормить пирожными приготовления Алиона, повара, приехавшего из Алменской империи и теперь работающего на леди Траонт. Но настроение Джулии портилось регулярно в двадцатых числах августа, а если быть точнее, то настроение ведьмы было просто ужасным с двадцать третьего по двадцать девятое числа. Каждый год. Это было почти правилом, традицией. И это знали все, кто хоть как-то соприкасался с герцогиней — сын, брат, слуги, знакомые кого-нибудь, кто подходил по первые три категории. Седрик сначала думал, что мать его просто не хочет отпускать в Академию, но Теодор сразу отмёл эту версию — портиться настроение ведьмы именно в эти дни начало задолго до рождения её сына. Сам граф Траонт прекрасно помнил те дни, когда он прятался от дорогой сестрицы в подвале собственного же замка. И не сказать, что эти дни ему понравились.

Было неважно — было ли в это время жарко или холодно, дождливо или солнечно. Настроение леди портилось как по расписанию — с момента её пробуждения двадцать третьего августа. Неважно было и то, кто из её близких и знакомых находился рядом. Неважно, в какой обстановке она находилась — дома, во дворце своего брата или ещё где. Герцогиня Траонт обязательно пребывала эту неделю в таком ужасном настроении, что дальше, казалось, оно портиться просто не могло.

В чём же могла быть проблема?

Леди Джулия никогда не говорила об этом. Впрочем, наверняка, это была очень веская причина для её плохого настроения. Герцогиня решила остаться в своей комнате сегодня. Всё слишком сильно раздражало её. Цветы в вазе стояли неправильно. И откуда только Жан принёс эти чахлые гладиолусы? И ведь знал, что она ненавидит эти цветы! Джулия раздражённо бросает в вазу какой-то блокнотик. Ваза падает и разбивается. Впрочем, даже это герцогиню не радует. Обычно пара-тройка сломанных подсвечников и столько же разбитых ваз её отвлекали на часок-другой от невесёлых мыслей. Но сейчас не помогало даже это.

В спальню ведьмы вбегают перепуганная служанка. Грета, кажется. Перепуганная, растрёпанная. Джулии хочется рывкнуть на неё так, чтобы эта несносная девчонка поскорее убралась бы отсюда, но отчего-то просто ворчит на неё. Грета минуту мнётся на месте, вся дрожит от страха и, наконец, всё же, решается сообщить хозяйке ту информацию, сообщить которую она, собственно, и пришла. Пожалуй, приходит к герцогине в такой момент, было верхом безрассудности. Или бедная служанка просто попала в безвыходную ситуацию. Второе было наиболее вероятным, так как по тому, как Грета тряслась от страха, обвинять её в безрассудстве было глупо.

— Князь Солнман ожидает вас внизу, моя госпожа! — почти выкрикивает девушка дрожащим от страха голосом.

Как только фраза произнесена, Грета убегает, даже не дожидаясь ответа со стороны леди Траонт. Герцогиня удивлённо смотрит ей вслед. Князь Солнман. Кто был этот человек? Ведьма прекрасно была знакома с ним, раз он имел наглость явиться сюда без приглашения, в ту неделю, когда настроение герцогини было настолько плохим? Леди Джулия никогда не принимала гостей в конце августа, обычно, они уезжали из поместья, так и не дождавшись, когда герцогиня встретит их, впрочем, в этот раз накинула на плечи чёрную вязаную кофту и спустилась вниз сразу, как только услышала упоминание о князе Солнмане.

Кем был этот человек? Кем он, вообще, мог быть? И что он мог значить для такой женщины, как герцогиня Джулия Траонт? Ему было, пожалуй, около сорока лет на вид,

черты лица его были, пожалуй, даже приятными, но незапоминающимися, слишком тусклыми они были: обычный нос, обычная форма глаз, бледные тонкие губы, складывающиеся в почти блёклую улыбку, даже кожу его нельзя было назвать ни бледной, ни смуглой, он был среднего роста, среднего телосложения, а русые волосы его, с едва заметной проседью, были обычны для человека его возраста. Одет он был не бедно, но и не богато. Пожалуй, если и было в этом человеке что-то особенное, то это были глаза. Они были разного цвета — один фиолетовый, а второй жёлтый. Взгляд этих странных глаз казался пугающим. Седрику этот князь Солнман совсем не понравился, этот человек скорее пугал, чем вызывал уважение, впрочем, он не понравился и Хельге, и Жану, и даже Реми. Известно о нём было пока лишь то, что имел он титул «князь», а значит, он относился к восточному королевству эльфов или к северному царству магов и был в родстве с королевской, в первом случае, или царской, во втором, семьёй. На северянина он, впрочем, похож не был абсолютно, но и эльфы выглядели совсем по-другому. Он был больше похож на человека, со своей слишком обычной внешностью, если бы не эти его разноцветные глаза.

— Князь Солнман! — звучит резкий голос герцогини Траонт. — Я рада видеть вас в своём доме, но, позвольте объяснить, что занесло вас сюда!

Князь отвешивает лёгкий поклон хозяйке дома. Едва сгибает при этом спину. Впрочем, кажется, Джулия совсем не сердится на него за это. Наоборот, только спускается навстречу ему. Седрик осторожно пятится назад и жестом пытается сказать остальным, что можно потихоньку уходить из холла. Но его никто не слушает. Как и всегда. А ведь ему, если что, достанется куда меньше остальных, хотя бы потому, что он сын леди Траонт, и его она любит больше всех на свете. А по сему и заколдовывать его она точно не будет.

— Прошу простить меня, принцесса, — произносит гость, улыбаясь своей почти бесцветной улыбкой. — Моя спина до сих пор болит с нашей последней встречи.

Джулия недовольно хмурится, услышав эти слова, и вся та компания, которая увидела князя первой, испуганно жмётся к двери. Даже Реми. Которая за время пребывания в поместье Треонор уже примерно поняла, что означает словосочетание «герцогиня не в настроении». Солнман делает шаг вперёд, ничуть не боясь гнева хозяйки поместья, даже подаёт её руку, чтобы она могла спуститься. Герцогиня не намного ниже его. Её чёрные длинные волосы, её бледная кожа особенно странно смотрятся, когда она стоит рядом с этим человеком.

— Тогда, вам, и вовсе, не следовало кланяться, — говорит Джулия несколько строго, впрочем, благосклонно.

Улыбка на лице князя никуда не исчезает. Он продолжает стоять и смотреть на герцогиню. Та бросает строгий взгляд на тех, кто, помимо неё и её гостя находится в холле, и те почти моментально исчезают из виду. Когда люди, мешающие ей, покидают холл, Джулия жестом приглашает князя в библиотеку, в комнату, которая считалась самой красивой в поместье Треонор. Герцогиня обожала книги. Она собирала их, холила и лелеяла их. Как-то Теодор сказал, что она лелеяла вместе с ними свои воспоминания, которых у неё, как у женщины богатой, влиятельной и умной, было больше, чем предостаточно.

— Что случилось у вас, что вы отправились в такую даль? — спрашивает она. — Насколько я помню, вы не из тех, кто любит продолжительные прогулки.

Солнман кивает, как бы в подтверждение последней фразы герцогини Траонт. Та смотрит на него с ожиданием. Не его ли появления она ждала все эти годы? Да и кто он был такой? Этот князь Солнман, странный человек, который заявился к ней сегодня, двадцать

шестого августа, ровно посреди «проклятой недели», как прозвали эти семь дней близкие леди?

Князь садится в предложенное ему кресло и достаёт из кармана какую-то бумажку. Сложенную так аккуратно, как было свойственно только ему, впрочем, уже пожелтевшую от времени. Джулия смотрит внимательно, не отрываясь ни на секунду. Её хандру как рукой сняло как только она увидела этого человека. Так кем же он, всё-таки, был? И кем он приходился Джулии Траонт, одной из самых могущественных ведьм Осмальерда?

— Вот это, принцесса, — произносит мужчина. — Вы знаете, я не стал бы беспокоить вас напрасно.

Джулия смотрит на рисунок, который протягивает ей Солнман. Изображение Хелен и Танатоса, стоящих рядом друг с другом, кажется ей знакомым. Она узнаёт обоих. Во всяком случае, как кажется ведьме, она знает обоих. Но герцогиня никак не может понять, кого же именно они ей напоминают.

Комментарий к II. Глава пятнадцатая. Третий обрывок воспоминаний.

Канцлер Ги — Письмо тирана Римини Папе Римскому

===== II. Глава шестнадцатая. Четвёртый обрывок событий. =====

Радость моя, вот и все.

Боль умерла на рассвете

В нежных перстах облаков

Розовым шелком струится

Еще не родившийся день.

Вздох мой, как стало легко!

Воздух вливается в окна,

Время. Мы вышли из дома,

Мы покинули город,

Мы стоим над обрывом,

Встречая рассвет.

Радость моя, вот и все,

Боли отныне не будет

Золотом плаваются горы

И вспыхнули реки -

Осанна -

И солнце взошло.

Свет пронизал нас насквозь!

Мы прозрачны для света!

Мальчик, ты понял, что стало с тобой

В это утро? Ты понял...

Что ж, скоро ветер окрепнет и мы

Навсегда оттолкнемся от тверди.

Мы ворвемся на гребне волны

В ледяное сияние смерти...

Радость моя, мы летим!

Выше, и выше, и выше,

Города проплывают под нами

И птицы с ликующим криком

Взмывают под самое небо
Прощаясь с тобой...
Все для тебя в этот день!
Горы, и реки, и травы,
Это утро — последний подарок Земли
Так прими его в Вечность с собой!
Плачь, мы уходим отсюда, плачь,
Небеса в ледяной круговерти,
Только ветер Сияния, плачь,
Ничего нет прекраснее смерти!
Плачь, слышишь — Небо зовет нас, так плачь,
С гулом рушатся времени своды,
От свободы неистовой плачь,
Беспредельной и страшной свободы!
Плачь, мы уходим навеки, так плачь,
Сквозь миры, что распались как клетки
Эти реки сияния! Плачь!
Ничего нет прекраснее смерти!*

В дымке величия не видно ничего. Обычно не видно. Быть может, кто-то, всё же, может бороться с этим. Но обычно... Иллюзия власти над кем-то, нужности кому-то заставляет человека забыть всё остальное, те принципы, те цели, которыми он раньше жил и которым поклонялся. В золотом роскошном аду невозможно вдохнуть воздуха полной грудью, иногда кажется, что даже небольшой поток сделать невозможно. Воздух среди этой всей золотой мишуры кажется тяжёлым. Все эти церемонии, весь этот этикет, все эти многочисленные правила давили на человека, заставляли его чувствовать себя несвободным и несчастным. Все эти огромные дворцы, роскошные театры, мраморные храмы с позолоченными шпилями создавали у людей непосвящённых чувство некой сказочности и смотрели с упрёком на тех, кто знал обо всём, что происходит за стенами этих шедевров.

Красивые каменные девушки в лёгких платьях смотрели с одних домов, уродливые горгульи смотрели с других, величественные львы — с третьих, суровые титаны — с четвёртых, а драконы, что легли на крышах пятых домов, даже открыли свои пасти, всерьёз раздумывая о том, чтобы проглотить «неверных». Все эти фигуры строго взирали на любого, кто смел поднять свои глаза на них. Девушки будто качали головами, опускали свои прекрасные глаза, не желая видеть тех ничтожных людей, что проходили мимо них, горгульи заходились в беззвучном смехе, говорившем: «Грешник! Грешник! Ты сгоришь!», львы собирались наброситься, а титаны не собирались делать ничего. Драконы же, как мы уже говорили, и вовсе собирались проглотить любого, кто проезжал или проходил мимо. Длинные колоннады опоясывали жилища богатых горожан и театры, окружали с трёх сторон храмы. Они создавали одновременно впечатление воздушности и монументальности, удивительно, как эти два качества могли сочетаться в них так легко, так спокойно, что, казалось, и никаких усилий приложено не было для того, чтобы возвести их. Колонны делались из мрамора, этого чудного камня, который мог быть стольких всевозможных цветов: белого, чёрного, красного, зелёного, небесно-голубого... Эти поистине величественные и великолепные колоннады просто не могли кому-то не нравиться! Сколько сооружений в Алменской империи были сделаны из этого камня? Больше, чем кто-либо мог

себе представить. Памятник первому императору, фальранскому владыке Инарду, красовался на площади перед главным собором. Отлитый из бронзы он стоял на гранитном постаменте. Алмения была достаточно южной страной, здесь когда-то жили древние маги, потом магов отсюда вытеснили, и на их место пришли вампиры и эльфы. В Алмении было тепло. Сюда стекались люди со всего Осмальерда только для того, чтобы попробовать знаменитые алменские вина. Здесь жили представители всех-всех рас: и маги, и люди, и вампиры, и эльфы, и сильфиды... И всё же Алменская империя принадлежала магам, существам смелым и умным, быстрым и точным, которые никогда не отступали перед поставленной задачей. Орандор тоже относился к империи Инарда. Но после смерти его праправнука, императора Иннароиза, Великая империя распалась на двадцать мелких королевств. Сейчас уже трудно представить, что когда-то все эти королевства были объединены. Теперь уже, вообще, трудно что-то представить. Гранитные сфинксы, присевшие около здания Священных Советов, качали своими человеческими головами и думали о том, какую загадку следует загадать проезжающему путнику. Загадку... Вся Алменская империя была, по сути, загадкой. Образовалась она из небольшого и бедного осколка Великой империи Инарда, владыки фальранского. Тот король тоже был фигурой весьма загадочной и личностью многогранной, а, следовательно, трудно объяснимой.

Про Инарда говорили многое. В основном, его не любили. Этот магический владыке считался тираном и деспотом. Захватчиком. Обычно, даже в школах, даже в магических академиях не рассказывали о нём всего того хорошего, что он совершил за свою жизнь, за своё правление. Ещё бы! Человек, объединивший под своим началом земли, принадлежавшие некогда великому Танатосу! Про Танатоса, кстати, тоже, говорили не мало неприятного. Но кем был тот человек, уже никто не сможет сказать. А Инард... Разве мог он быть другим? И разве следовало пытаться разглядеть за этой властной и могущественной фигурой гениального военачальника, стратега, правителя? Разглядеть то, что и так было понятно. Просто потому что другой человек просто не смог бы сделать всего того, что сделал Инард. Маг был тем человеком, которого следовало прославлять вечно, но... После гибели Иннароиза Жестокого, убитого пятнадцатилетней девчонкой Аделаидой, о великой фальранской династии, вообще, старались не упоминать. Аделаида... Обвиняла Иннароиза в том, что он правил, как тиран, карал всех, кто ему не по душе... Не она ли, после воцарения в Орандоре, стала поступать ещё хуже? Не она ли приказала через три года после воцарения убить всех девушек, кто мог стоять по красоте близко к ней? Не из-за неё ли лились в Орандоре реки крови? Королева Аделаида тоже, впоследствии, была прозвана Кровавой, как Иннароиз — Жестокий. Аделаида была ещё более ужасной и жестокой правительницей и закончила свои дни почти точно так же, как за одиннадцать лет до этого умер последний император фальранской династии.

Забавно, не так ли?..

Династия великих императоров пресеклась на самом любопытном её представителе, так считал Ерин. Он, вообще, в последнее время больше размышлял над этим, нежели над чем-то другим. Его уже довольно продолжительный период времени не тянуло ни ко всем этим бумагам, собраниям и прочему. Только старинные рукописи, расшифровывать которые было любимым делом Ерина, только старинные портреты, имевшие не слишком правдоподобные пропорции и нацарапанные на жёсткой коре, глине или камне... И всё это смотреть, перебирать, осторожно сдвигать, стряхивать пыль, перебирать... К его счастью, такая возможность представлялась. Клирское жалование в Алменской империи было весьма

приличным, к тому же, королева Рэйна была его покровительницей. Рэйна... Будет жаль, если её муж разведётся с ней и женится на другой, будет жаль лишиться такой покровительницы, но, к сожалению, вряд ли кто-то скажет хоть слово в защиту этой женщины. Впрочем, Ерин думает о том, чтобы как-то отсудить у Джона для Рэйны хотя бы приданное этой женщины. Королеве вполне хватит этих денег для того, чтобы жить безбедно. Было бы нечестно оставить её нищей после стольких лет помощи и покровительства. Эту женщину можно было назвать достойной королевой, достойной женой, достойной матерью. Дочь её, принцесса Мария, была девочкой тихой, умной и добродетельной. Слишком странной, впрочем, для её возраста. На время бракоразводного процесса Джона и Рэйны Ерин забрал юную принцессу в Алменскую империю, пожалуй несколько недель девочке лучше побыть здесь. Марии не стоит видеть всех этих судов, споров... Куда лучше пока побыть здесь, в купели истории, в сверкающей Алменской империи. Впрочем, вернёмся к мыслям об Иннароизе. Император, пожалуй, искренне пытался вернуть империи то величие, которым она обладала при Инарде. Но его прапрадед был, во-первых, удачливее, а во-вторых — умнее. И дальновиднее. Первый император, в отличие от своего потомка, хорошо видел и чувствовал людей. Да уж что-то, а слепо жесток Инард не был, вопреки всем вампирским преданиям о нём. Иннароиз был заколот собственным фамильным кинжалом в своей же спальне. Кровью бывшего императора с тех пор прокляты алменские земли. Из-за страшного греха — предательства — теперь страдают люди, теперь Алменской империи никогда не вернуть того, что она когда-то имела.

Стук колёс будто отвечал его мыслям — «Да, да, да!», кучер ничего не кричал и не пел, вопреки своему обыкновению. Клир Ерин проезжал в своей карете по улицам столицы Алменской империи. Вот-вот должно будет начаться главное богослужение года, и он, как один из четырнадцати главных клиров обязан присутствовать на нём. Ерин всегда раньше мечтал о такой участи, даже в детстве, когда его братья грезили о военных победах и карьере королевских или императорских гвардейцев, но сейчас, уже добившись того, чего желал в детстве, он не понимал, почему радости у него ничего не вызывало. Расшитые золотом богослужебные облачения не становились поводом для радости, даже то, что он был самым молодым клиром, его не радовало. Ерин проезжал в своей карете по улицам столицы. Колёса стучали по каменным мостовым, отвечая его мыслям. Поднимать занавески было неприятно, но мужчина и без этого прекрасно знал, что происходит снаружи. Потому что так всё происходило всегда. Вряд ли сегодня всё будет как-то по-другому. Всё было так предсказуемо! Пожалуй, пару раз, когда молодого Ерина только избрали клиром, все эти церемонии были даже интересны мужчине, но, по истечению некоторого времени, всё это опостылело и стало скучным. Если бы только хоть что-то менялось. Ерин хотел бы видеть хоть что-то новое... Хоть что-то новое.

Его жизнь была скучной. Пожалуй, следовало согласиться с братьями, которые вздыхали и сочувствовали ему. Но согласиться с ними — означало признать свою неправоту. Ерин всегда знал, что гордыни ему не занимать. Плохое чувство, ужасный порок, но мужчина не мог ничего с собой поделать. Как только надо было признать за собой какой-то недостаток, признать свою вину, признать, что он был не прав, клир не мог совладать с собой. Не признавал. Отрицал всё. Мог даже вспылить. Ерин прекрасно понимал, что так нельзя, что он виноват, что следовало бы куда теплее относиться к братьям и сестре. Но... Гораций не мог принять чей-либо совет сразу, а клир не находил в себе сил что-либо повторять. Пожалуй, следовало признать, что он слаб. Горделивый человек редко бывает

сильным. Ерин прекрасно понимал это. Он знал, что так нельзя было продолжать. Гордыня... Бессмысленная и глупая страсть, выросшая из гордости. Корень всех грехов. Ерин тяжело вздыхает. Избавиться от этого порока ему просто необходимо. Потому что иначе он скоро станет гневлив и раздражителен. А этого в его работе никак нельзя допустить. Он, всё-таки, клир, духовное лицо, человек, который должен был стать примером для остальных, тем, кого хотелось слушать, тем, за кем хотелось пойти.

А кем он был на самом деле?

Ерин не был ни милосердным, ни доброжелательным, ни сильным духом, ни мудрым, не умел убеждать... Словом, он не содержал в себе ни одного качества, которое должно было быть в священнике. Был усидчив... С таким же успехом он мог бы стать нотариусом или банкиром! Там тоже нужна была усидчивость! Пожалуй, даже больше, чем здесь... А здесь нужна была готовность выслушать и понять, готовность помочь и сопереживать. Нужно было уметь любить и чувствовать. А Ерин этого совсем не умел. С детства он всегда воспитывался с мыслями о том, что проявлять любые чувства на людях — неприлично и недостойно. С детства он каждый день слышал о том, что чувства — лишь низшая форма выражения своего отношения к кому-то. И с детства юный клир привыкал к тому, что это считалось нормой. А сейчас... Ерин совсем не был тем человеком, который мог бы стать кому-то духовным наставником. Даже в богов он, и то, уже не совсем верил — тому ребёнку удалось убедить его в том. Удалось. Возможно, Ерин сам когда-нибудь пришёл к той мысли, но... Кликр должен был убеждать людей сам. Утверждать в их вере. Направлять их. Помогать им определиться в том, что именно им нужно. Он сам должен быть настолько твёрдо убеждённым в своей вере, что...

Ерин не относился к числу тех, кто был достойным представителем священства. Так он считал.

Люди выглядывали из окон, с балконов и приветствовали его, другие стояли перед домами и тоже кричали. Славили. Благословляли. Ерин слышал эти крики, их слова, обращённые к нему, слышал даже детские голоса в этом нестройном хоре. Когда клир проезжал мимо, толпа, славящая его, бросалась вслед за каретой, люди так же продолжали кричать. Все, кто только мог бежать, бежали за экипажем. Можно было даже услышать в этом всё-таки гаме стук башмаков и чьё-то сбитое дыхание. Но, постепенно, голоса начали затихать, да и не слышно было уже, как кто-то бежал позади. Карета уже подъезжает к собору — догадался Ерин.

Двери кареты раскрыли, какой-то человек помог клиру спуститься на землю, не запутавшись в этих длинных золотых одеяниях. Почувствовать под ногами этот мягкий синий ковёр... Ерин прекрасно знал, что на него смотрят сейчас все, впрочем, его это уже давно не смущало. На других клиров тоже всегда все смотрели. Никто уже не обращал на это внимание. Так и должно было быть. Ерин шёл по этому, постеленному специально для него, ковру и всё же постоянно возвращался мыслями к тому, что он-то, достоин всех этих почестей точно не был. Ещё несколько шагов — и на ковре лежат специально выращенные и оборванные для этого бутоны белых роз.

На него смотрели тысячи пар глаз. И в некоторых взглядах он видел восхищение им. В первых рядах стояла и, небезызвестная ему, Алесия Хайнтс. Побледневшая. Сильно осунувшаяся. Измождённая. Её голубые глаза смотрели так устало... Ей следовало отдохнуть и подлечиться. Интересно, чем была больна эта девушка? Ерин одёрнул себя — уж сейчас то ему точно следовало думать совсем не об этом. Алесия Хайнтс... Кликр не слишком любил

её. Пусть он уже почти перестал верить в то, чему служил, воспитание, которое он получил, Ерин перечеркнуть не мог. Эта женщина была жертвой страшного порока, и он просто не мог относиться к ней лучше. Но её было жалко. Алесия когда-то была вполне милой и хорошей девушкой. Что же произошло с ней? Возможно, следовало спросить у кого-нибудь, кто знал её. Но Ерин вряд ли станет это делать. Хорошо, если он не забудет к концу службы об этой Алесии...

Где-то неподалёку стояла и принцесса Мария, дочь короля Джона и королевы Рэйны. Тихая темноволосая худенькая девочка. Её было так жаль... Ей следовало жить в дружной и крепкой семье, такой, какой была семья, в которой рос Ерин. Джон не был хорошим королём. И хорошим отцом тоже. Девушке, которую он выбрал на роль второй своей жены, не повезло. Ерину казалось, тот человек не может любить. Мария стояла в своём жёлто-зелёном платье и, необычно спокойно и даже степенно для своего возраста, наблюдала за процессией. Её карие, как у отца, глаза, только без искры веселья в них, смотрели так грустно, что сердце у Ерина сжималось. «Малютка, которая никогда не плачет» — как-то давно сказал король Джон про неё. Она, действительно, казалось, никогда не плакала. Но была самым грустным ребёнком из всех детей, которых знал молодой священник.

Ерин старался лишней раз не смотреть по сторонам. В конце концов, это было и не принято. Он просто шёл по этому мягкому синему ковру, устланному бутонами белых роз. Праздник королевы роз, святой для вампиров, считался достаточно значимым в Алменской империи. А сегодня этот праздник совпал с праздником Сошествия, который считался самым главным в году. Тяжёлые деревянные двери собора растворились перед Ерином. А он шёл, продолжал идти, ковёр был уже не синий, как на улице, а жёлтый, да и над головой были каменные своды, а не чистое голубое небо. Полы традиционного праздничного одеяния волочились по ковру, а молодой клир думал, что, пожалуй, сегодня он чувствует себя здесь даже лучше, чем много-много лет назад, лучше, чем за много-много лет, которые прошли с той поры, как он увидел Джорджа Блюменстроста.

Что такого он мог совершить за этот год для этого?

Девушка тихо плакала. Впрочем, как плакала — просто слёзы неустанным потоком катились по её щекам, но не было слышно ни всхлипов, ни сдавленных рыданий. У неё не было сил даже подняться с постели. Она чувствовала себя так плохо... За какие грехи ей всё это? Рядом с ней суетились люди. Слуги. И не только. Друзья. Странно — у неё были друзья. Они бегали рядом, тормозили врачей — забавно, её друзей было трое, и каждый из них позвал своего доктора. Только ей это уже не помогало. За что ей было это? Она никого в своей жизни не убила для того, чтобы страдать так. Она никого даже не обманула в своей жизни. Девушка чувствовала себя такой брошенной, одинокой, оставленной всеми...

За ней, впрочем, ухаживали все. Даже этот Леон. Даже эта Анна, которой, впрочем, Георг сказал не слишком переутомляться в виду её беременности. Забавно... Гораций суетился рядом, охал, вздыхал, всплёскивал руками, пытался заставить её попить воды, молока, чая... Зачем он это делал? Разве это было не бессмысленно?

Как ей было тяжело... За что ей всё это? Она повернула голову и посмотрела в зеркало — там отразилась слишком бледная и худая девушка с заплаканным лицом, чтобы быть ей. Ужас... Кем она стала за эти несколько дней? А, может, недель? Волосы её были спутанными и грязными. Под глазами были мешки от недосыпания, а сами глаза были опухшими. Девушке подумалось, что до её болезни она, пожалуй, посмеялась бы над человеком, который выглядел бы так, возможно, даже осудила бы его. А теперь... Теперь она

сама не могла спать. Просто не могла. Слезы текли по её щекам, но зареветь она не могла. Будто какой-то ком засел в груди и не давал ей сделать этого... Это было так больно. Душа её болела, но сделать что-либо для того, чтобы сделалось хоть чуточку лучше, она не могла.

— Алесия, дорогая, перестань плакать! — молит её Моника. — Это слишком вредно для тебя сейчас...

Глупая Эливейт! Откуда она могла понимать, что чувствовала сейчас племянница короля Алана? Да эта девчонка, вообще, вряд ли когда-нибудь сможет это понять... Алесия оглядела остальных. Они тоже не понимали. Даже Анна, которую девушка чувствовала наиболее близкой себе по уму и поведению. Хоффман, Бейнот и молодой Истнорд, и вовсе, были мужчинами, им никогда не понять её беды. Что они понимали? Алесии так хотелось зарыдать... Обнять кого-то и, уткнувшись в его плечо, застонать, закричать, завопить, завывать... Только никто из присутствующих не поможет ей. Моника пыталась гладить её по руке, но мисс Хайнтс оттолкнула её.

Жалость Моника не нужна ей. Не нужна. Эта девчонка может жалеть кого угодно, но только не Алесию! Племянница короля Алана ни за что не позволит себя жалеть. Она, всё-таки, особа королевских кровей и должна иметь хоть какую-то гордость. Пусть Алесия не самый достойный представитель своего семейства, уж гордости то ей точно не занимать. Девушка просто не сможет смириться с тем, что её кто-то будет жалеть. Уж что-что, а это чувство, если оно было направлено на неё, было леди Хайнтс глубоко противно.

— Ну, Алесия! — пытается отшутиться — насколько это в его стиле — Бейнот. — Успокойся! Ты ещё молодая! Ты ещё успеешь сто раз вылечиться...

Леон с сожалением смотрит на неё. В его взгляде только жалость. Он чувствует к ней только жалость. Как же мерзко наблюдать подобное чувство в ком-то по отношению к тебе! Впрочем, пожалуй, в данном состоянии она достойна только жалости. Гораций пытается отшутиться... Но в его глазах тоже жалость. Ему её жалко... Это она его всегда жалела! Всегда — когда что-то случалось с ним, когда он жаловался на отца, приславшего ему так мало денег, на начальство, не желавшее платить, на девушек, отказавших ему... Это она всегда жалела. А не он. Она была сильнее, умнее, счастливее. Она, а не он... Алесии совсем не хотелось, чтобы кто-то жалел её сейчас. Гордость её, и так, была ущемлена, и, пожалуй, от этих жалостливых взглядов становится ещё хуже. Ещё больнее и ещё противнее.

— А, может, ей, наоборот, лучше прореветься! — замечает Анна, кладя себе в рот ещё одну ягоду винограда. — Вот если мне плохо, я всегда стараюсь закатить истерику! И мне легче становится!

Граф слабо улыбается и осторожно целует жену в лоб. Он почти робко, а робость никогда не была ему присуща, смахивает с её лица прядь тёмных её волос, а потом кладёт руку ей на живот. Алесия понимает, что ей это до ужаса неприятно. Она лежит тут, страдает, ей плохо, а Анне сейчас во всём лучше её. Во всём. Она замужем, она богата, она так красива сейчас, к тому же, во чреве она носит ребёнка. Здорового маленького ребёнка, которому после рождения достанутся все алмазы и золото Георга Хоффмана, одного из богатейших людей в мире. И сама Анна будто светится от счастья и гордости. Отчего ей не радоваться? Ведь это не ей досталось такое несчастье...

Новоиспечённая графиня Хоффман за последнее время многое успела сделать — помириться с братом, пару раз появиться в свете, даже помочь мужу принять послов из Орандора... Дела у Анны шли настолько хорошо, что любому стало бы завидно. А уж Алесии, во всяком случае, сейчас, в том положении, в которое она попала, было завидно

вдвойне.

— Не думаю, что мисс Хайнтс станет лучше, если мы все продолжим здесь толпиться, — говорит Георг. — Думаю, нам сейчас лучше выйти и оставить Алесию одну, хотя бы ненадолго.

Анна кивает и уводит из спальни мисс Хайнтс брата. Тот ещё раз с жалостью смотрит на больную и, вздохнув, желает ей скорейшего выздоровления. Гораций уходит сразу за братом и сестрой Истнордами. Он хочет ещё пошутить, но, кажется, взгляд друга, Хоффмана, останавливает его от этого. Молодой мужчина уходит просто. Даже не попрощавшись. Моника Эливейт же не хочет уходить дольше всего. Она пытается остаться, но граф осторожно выпроваживает и её. Он всегда осторожен, думается вдруг Алесии. И не раз, благодаря этой его осторожности оставалась она, племянница короля, жива...

Оставалась жива... От этой мысли отчего-то стало досадно. Зачем он спасал её?! Ну зачем?! Быть может, Алесия Хайнтс могла умереть легко и быстро... Но Георг всегда спасал её. Обрекая на куда более тяжёлую и болезненную смерть. Девушке отчего-то хотелось ударить человека, стоявшего перед ней, но она прекрасно знала, что этого не сделает. Оставалось только продолжать лежать и тихо плакать, не имея другого варианта действий.

— Перестань реветь! — вдруг строго произносит Хоффман. — Перестань жалеть себя. Тебе стоит отдохнуть и развеяться после этого, а не губить себя ещё больше. Я знаю, где тебе могут помочь. Думаю, тебе стоит отправиться на Землю.

Что же происходило на Земле?

Ну... Там шло всё тем же чередом, что и обычно — то есть, ничего, в общем-то, особенного не происходило. Дни летели то ли слишком быстро, то ли слишком медленно — в постоянной спешке, так присущей Земле, разобрать это невозможно. Люди суетились, опаздывали на работу, потом торопились обратно домой, лишь на секунду иногда прерывая свой бег — для того, чтобы перевести дух — и продолжали бежать снова. Появлялась новая техника, которой многие люди уже потеряли счёт, исчезала старая, люди рождались и умирали... Не происходило ничего, что выбивалось бы из этого вечного цикла. По новостям каждый день передавали одно и то же. Впрочем, и на деле всё было до жути однообразно.

Это была квартира, где всё происходило почти точно так же, как и везде. Абсолютно так же. Тут тоже жила семья, самая обычная, из трёх человек. Ну, или почти обычная. Тут тоже каждое утро мужчина вставал на работу, а его дети через час или полтора вставали в школу. Здесь точно так же шутили о жизни, иногда вечером смотрели телевизор или читали книги, любили полакомиться чем-нибудь вкусеньким, ходить развлекаться... Точно так же не любили работать или учиться, но продолжали делать это потому, что так нужно. Их распорядок дня почти ничем не отличался от распорядка дня соседей напротив — разве что тем, что кому-то нужно было вставать в шесть утра и приходиться с работы в пять вечера, а кому-то — вставать в восемь и приходиться в семь. В остальном же, семья эта ничем не отличалась от других.

Ну... Или почти ничем.

Солнце освещало небольшую светлую кухню и коридор — погода на улице стояла просто чудесная, несмотря на то, что осень уже началась. Листья ещё не начали желтеть, погода на улице стояла ещё довольно тёплая и солнечная... Лето ещё не отступило, осень ещё не вступила в свои права, но, по календарю, лето уже закончилось. Ночи стали уже темнее, скоро ли они, и вовсе, станут тёмными, а не светлыми, как летом? Выйти на улицу можно ещё в летней одежде — ещё тепло и сухо. Пожалуй, то, что осень уже наступила

чувствуют разве что школьники... Комнат в квартирке было три. В одной из них царил порядок. Кажется, каждая вещь лежала на своём месте, даже самые крохотные листочки бумаги, в шкафах с книгами даже стояли буквенные указатели, кровать была застелена, кажется, ни единой складочки не было на покрывале, а на рабочем столе, настолько же идеально чистом, лежал выключенный ноутбук... Шторы были опущены и в комнате царил полумрак. Хозяин спальни же, кажется, уже давно ушёл работу, теперь тут было идеально тихо, так же идеально, как было и убрано.

Во второй комнате ещё спал подросток лет семнадцати. Вещи были разбросаны. Даже одежда валялась на полу, а не была повешена в шкаф. Несмотря даже на то, что в квартиру эту жильцы переехали совсем недавно, на полу, на книжных полках, даже на компьютере осел уже порядочный слой пыли. Солнце светило в окно, лучи света падали и на диван, где лежал парень. Подросток морщился и недовольно поворачивался на бок, впрочем, не просыпался. Сейчас ещё можно было вот так сладко поспать, не слишком боясь проспать куда-либо.

В третьей же комнате... На полу там лежал большой лист бумаги, на котором было начеркано что-то карандашом, а рядом стояли открытые баночки с краской. Впрочем, никто пока не торопился что-либо делать. Худенькая невысокая девочка лет четырнадцати сидела за столом и что-то увлечённо читала. Книга была довольно толстой, кажется, в тёмно-зелёной обложке. Девочка читала, периодически убирая спадающие на лицо волосы за ухо. Волосы у неё были ярко-рыжие и длинные. После сна они растрепались, и теперь не расчёсанные длинные пряди лезли в глаза, а это было не слишком приятно. Что-то неестественное было в этих волосах. Интересно, почему они были такие рыжие? Хозяйка комнаты заправила за ухо ещё одну прядь, недовольно фыркнула, буркнула что-то о том, как ей, всё-таки, неудобно, и продолжила читать дальше. Расчёсываться сейчас так не хотелось... Пижама эта девочка переодевать не спешила. Пожалуй, в ней было весьма даже удобно — было и не холодно, и не жарко, к тому же, ничто не стесняло в движениях. Хозяйка комнаты начала спешно перелистывать страницы, а потом остановилась, как будто ничего до этого и не было.

Дочитав что-то, что ей было нужно, девочка захлопнула книгу, даже не положив закладку в то место, где она остановилась. Она подошла к листу бумаги, присела на корточки, ненадолго задумалась о чём-то, впрочем, потом, всё равно, взяла кисточку, макнула её в баночку с чёрной краской и стала обводить какую-то из карандашных линий, что уже были на её рисунке. Когда дело было сделано, хозяйка комнаты встала, с удовлетворением оглядела свою работу и пошла на кухню.

Кухня, как и говорилось ранее, была небольшой и светлой. Было немного непривычно после их старого дома. Ну ничего... Девочка прекрасно знала, что скоро они, всё равно, переедут отсюда. А пока не оставалось ничего, кроме как открыть белую лакированную дверцу. Эх! Чего только не было в холодильнике! А вот главного, всё-таки, не было. Опять про неё все забыли... Неужели, так сложно было заметить, что у неё нет её любимой ореховой шоколадки?! Эх! Этих двоих вечно приходится всему учить! Девочка с досадой захлопнула дверцу холодильника.

— Боже... Сделай милость — не шуми! — раздалось из второй комнаты.

Потом послышалось копошение, а после — и шаги. Голос подростка был сонным и раздражённым. Вскоре, его обладатель сам появился на пороге кухни — столь же растрёпанный и недовольный, как сестра. Он потирает глаза, пытаюсь понять, из-за чего его,

всё-таки, разбудили. Девочка, увидев брата, насупилась и снова открыла холодильник, жалуясь ему на то, что там опять пусто, как было по её мнению. То, что туда уже ничего не поместилось бы, она во внимание не брала.

Парень оглядывает содержимое холодильника, потом подходит ближе, достаёт оттуда масло и сыр, делает себе бутерброд, потом делает такой же сестре и отдаёт ей. Та, кажется, есть не хочет. Во всяком случае, от хлеба с маслом и сыром она отказывается. Интересно, из-за чего она тогда весь этот шум устроила? Подросток с аппетитом откусывает от своего бутерброда приличный кусок. Девочка недовольно смотрит на это действие, снова хлопает дверцей холодильника, топает ногой... Внимания на неё не обращают...

— Ну чего тебе ещё надо, а?! — почти стонет парень, когда сестра предпринимает ещё одну попытку получить желаемое. — Тут же всё есть! Я тебе даже поесть приготовить могу, если ты от меня отстанешь!

Девочка раздражённо смотрит на брата, впрочем, через секунду уже отворачивается и многозначительно фыркает. Брат пожимает плечами и, не дождавшись ответа, плетётся обратно к себе, стараясь не обращать на эту мелкую занозу внимания. Пожалуй, в последнее время эта маленькая ведьма стала особенно невыносимой. Она и до этого постоянно хмурилась, капризничала, закатывала истерики — и это даже тогда, когда всё было, в общем-то, нормально. Но в последнее время произошло что-то, что заставляло эту мелкую рыжую дрянь ныть и быть недовольной каждый день, каждый час и каждую минуту.

— Я хочу шоколадку! Ореховую! — выдаёт девочка.

Брат поворачивается к ней и раздражённо на неё смотрит. А она смотрит на него. Всё-таки, они, пожалуй, действительно, очень похожи, как и замечали многие. Следовало это признать. Пожалуй, они оба были весьма вредными и упрямыми. Да и внешне они были похожи — разве что у него волосы были не яркие, рыжие, как у сестры, а самые обычные, русые.

— Ты заработаешь себе сахарный диабет! — возмущённо замечает парень. — И мне, так как я тебя старше, достанется от отца!

Рыжая ведьма снова фыркает. Кажется она думает — как ей посмели перечить... Впрочем, странно, что она так думает. Ей во всём потакает только отец. Она для него — девочка, умница и прочее. И почему он только не замечает её вредный характер! Потому что у него самого такой же, что ли?

— Не заработаю! — выплёвывает она. — И, вообще, то, что ты меня старше — лишь ошибка природы!

Брат этой... этой... вредины тяжело вздыхает. Потом подходит к холодильнику, начинает смотреть, что там есть. Так... Плавленый сыр... Не то. Сыр обычный с неровно отодранной этикеткой... Не то. Колбаса докторская... Не то. Колбаса копчённая... Тоже не то. Банка со шпротами... Тем более, не то. Шоколадная паста. Может, это сойдёт за шоколадку? Не... Эта мелочь ещё отцу пожалуется, пожалуй, за такое «неуважение». Мала она ещё, чтобы её уважать... Раздаётся телефонный звонок, и эта мелкая бестия убегает на него отвечать, оставляя парня наедине с холодильником. И для кого он ищет там шоколадку — непонятно... Для себя, что ли? Ему то и шоколадная паста подойдёт...

— Ведьма с Земли у аппарата! — слышит парень звонкий голос сестры. — Да?! Ой... Конечно! Вы можете на меня рассчитывать!

Девочка вбегает к себе в комнату, оставляя брата на кухне. Минут через десять она, впрочем, снова там появляется, уже в своей зелёной бесформенной и безразмерной футболке

и потёртых серых джинсах, с заплетёнными в две тугие длинные косички рыжими волосами, предварительно хорошо расчёсанными, недовольно интересуется, почему он до сих пор не одет, и, как ни в чём не бывало, хватает с ближайшей же полки ту самую ореховую шоколадку, отсутствием которой так возмущалась ещё минут пятнадцать назад.

Парень апатично пожимает плечами и идёт к себе. Пожалуй, за то время, которое жила его младшая сестрёнка, удивляться чему-либо было просто глупо. В конце концов, эта девчонка всегда была такой. И всегда считала себя в праве командовать всеми подряд. Но, хотя бы, не только им, что уже несказанно радовало. Ну или эта мелочь любила всех подряд шантажировать. Интересно, он то её брат, а вот как её остальные терпят то?

— Тимур! — восклицает «мелкая рыжая бестия», когда они уже выходят из дома. — Запомни, там, куда мы пойдём, твои дурацкие комментарии будут неуместны!

Комментарий к II. Глава шестнадцатая. Четвёртый обрывок событий.

* Песня, названия которой я не знаю — нашла где-то в интернете, скопировала текст, а автора не посмотрела. Если кто знает, скажите мне в личку, пожалуйста.

===== Бонусная глава. Немного о жизни Джулии Траонт. =====

В дни лета природа роскошно,
Как дева молодая, цветёт
И радостно денно и ночью
Ликует, пирует, поёт.
Красуясь в наряде богатом,
Природа царицей глядит,
Сафиром, пурпуром, златом
Облитая, чудно горит.
И пышные кудри и косы
Скользят с-под золотого венца,
И утром и вечером росы
Лелеют румянец лица.
И полные плечи и груди –
Всё в ней красота и любовь,
И ею любуются люди,
И жарче струится в них кровь.
С приманки влечёт на приманку!
Приманка приманки милей!
И день с ней восторг спозаранку,
И ночь упоительна с ней!
Но поздняя осень настанет:
Природа состарится вдруг;
С днём каждым всё вянет, всё вянет,
И ноет в ней тайный недуг.
Морщина морщину пригонит,
В глазах потухающих тьма,
Ко сну горемычную клонит,
И вот к ней приходит зима.
Из снежно-лебяжьего пуху
Спешит пуховик ей постлать,

И тихо уложит старуху,
И скажет ей: спи, наша мать!
И спит она дни и недели,
И полгода спит напролёт,
И сосны над нею и ели
Раскинули тёмный намёт.
И вьюга ночная тоскует
И воет над снежным одром,
И месяц морозный целует
Старушку, убитую сном. *

Зимнее ночное небо — что может быть прекраснее его? Тёмное. Величественное. Пугающее. Особенно в ночь, когда годовое исчисление начинается с самого начала. Строгое, простое и до жути торжественное и праздничное. Лишь звёзды, лишь тонкий полумесяц луны и темнота... И голоса людей сливаются в один сплошной звук, почти гул, и слышать, что именно они говорят, уже совсем не важно... Вид этот навевал огромное множество мыслей, грустных, радостных, каких-либо ещё. Звёзды почти вечны, во всяком случае, так кажется людям. Впрочем, магам, вампирам, эльфам или сильфидам — тоже. Они тоже живут куда меньше, чем живут звёзды. Когда смотришь куда-то вверх, всё земное кажется настолько бессмысленным и маленьким, что становится почти грустно. Почти. Потому что грусть тоже — совсем земное чувство. Возникает, скорее, какая-то тоска. Какое-то необъяснимое уныние. Звёзды постоянно напоминают человеку о том, какое именно место он занимает в своём мире. Зимнее ночное небо. Что может быть прекраснее этой прекрасной картины, строгой и величественной. Небо над столицей, немного более светлое, нежели небо в провинциальных городишках, небо над королевским дворцом, красоту которого признали даже те, кто считал Орандор королевством слабым, даже те, кто презирал это королевство, небо над радующейся толпой празднично разодетых горожан. Оно, пожалуй, прекраснее всего, что только может быть на свете. Небо. Оно совсем не такое, каким бывает обычно. Впрочем, если на секунду оторваться от созерцания небес и устремить взгляд вниз, можно увидеть, что и город в эту ночь совсем другой. Горожане в эту ночь не спят, почти все их них, кроме, пожалуй, совсем маленьких детей, людей больных и очень старых. Люди поздравляли друг друга, общались даже с теми, с кем никогда в другое время и не заговорили бы. Так было в самом городе. А в королевском дворце начинался бал. Что из себя это представляло? Дамы в лучших своих платьях, главы и наследники самых знатных и богатых семейств в расшитых золотом и жемчугом камзолах, brave гвардейцы в парадных камзолах; прекрасная музыка играет, приглашённые на бал танцуют, всё это великолепие отражается в огромных зеркалах... Блеск. Шум. Торжественность. Люди словно пытались заменить собой звёзды, будто хотели сверкать так же ярко, как сияют порой небеса. Но люди слишком глупы, порочны, развратны, чтобы осуществить это. Всё это великолепие дворцовых сводов привлекало, манило и... отталкивало от себя.

Странно... Джулии раньше это нравилось. До того самого дня, как умер её отец, все эти балы и празднества казались чем-то, что могло хоть как-то объединить отца и дочь, таких похожих и таких разных. Теперь королём был её брат, Генрих, худой, русоволосый, вечно заикающийся, парень, и празднества и балы потеряли для девушки всякий смысл. Джулия не любила Генриха. Даже маленький Теодор раздражал её меньше. Этот мелкий задира и безобразник, хотя бы, умел шутить и сам понимал шутки. Впрочем, а кого она любила из

этой толпы вечно напыщенных придворных? При дворе принцессу Джил тоже никто не любил. Она старалась появляться во дворце так редко, насколько это было возможно, но сегодняшняя ночь... Она не могла пропустить её. Никто бы не понял, по какому поводу сестра короля пропускает бал. Её бы все осуждали. Как осуждали леди Рероаш, которая умудрилась заболеть. Джулии было даже жаль бедную старушку, когда-то одну из самых блистательных и обаятельных фрейлин. Леди Рероаш было уже за восемьдесят, она была довольно резка в общении с кем-либо, поэтому её не особенно любили. Впрочем, наверное, как бы она себя ни вела, как бы себя ни преподносила, любви к ней от окружающих вряд ли прибавилось бы. Бедная старушка, она была так одинока. Мужа у неё не было, детей тоже, а все братья и сёстры давно умерли. Леди доживала свой век одна, в своём огромном роскошном поместье, среди тех вещей, что напоминали ей о её блестящей молодости.

«Подумать только!» — брезгливо говорили люди. — «Заболеть в самый праздник! Как этой старой карге такое только удалось?! Да и разве порядочные люди пропускают такое событие?»

Девушке неприятно думать о том, что происходит сейчас в мире. Все эти распри не интересовали, не занимали её. Пожалуй, в последнее время, вообще, вряд ли есть то, что занимало бы её. Поэтому она снова поднимает глаза к этому тёмному звёздному небу. Джулия была ещё молода, была она так же и довольно красива, даже богата, даже очень богата, но никто не смел подойти к ней. Её даже не приглашали теперь потанцевать. После смерти отца, которого Джил не слишком любила, впрочем, всё изменилось не в лучшую сторону. Тогда она была дочерью старого короля. Теперь она была сестрой нового короля. Ей не остаётся ничего, кроме как удалиться в своё имение и заниматься там непривычными доселе делами. Жить как обычная девушка своего круга. «Не отказывая себе ни в чём» — кажется, именно так сказал Генрих. Интересно, он, действительно, такой идиот, что подумал, что такое можно сказать Джулии, не обидев её, или у него такое чувство юмора? В любом случае, Генри чужой для неё. Они воспитывались разными матерями, у её брата, кажется, даже был отчим, с которым они прекрасно ладили, а у Джулии был другой брат. Малыша Тео, пожалуй, Джил любила. Он был такой маленький, хорошенький и вредный, что ведьма каждый раз при виде его сдерживала себя, чтобы не завизжать от восторга. Когда она родит себе ребёночка, а это обязательно будет сыночек, молодая герцогиня была уверена в этом, он обязательно должен будет быть похожим на Теодора. Она бы хотела этого. Джулия улыбается сама себе, когда ей в голову приходят эти мысли. Да. Тео был таким милым, похожим на неё саму в детстве. Даже сегодня, когда ему сказали, что он должен будет лечь спать и не может всю ночь праздновать, он так забавно обиделся на неё и Генриха. Эх... Она сама обиделась бы лет двадцать назад. Теодор был похож на неё. Так же упрям, так же вреден. Когда он, наконец, вырастет, неизвестно, как это всё будет смотреться. Впрочем, в любом случае, Джулии так казалось, Тео будет куда приятнее Генриха. Тот ни за что не позвал бы её, если бы не тот факт, что при дворе его сестра раньше появлялась куда чаще его, и именно к ней уже привыкли те люди, которые королю служили. Теодора он тоже не позвал бы. Впрочем, он и не позвал. Джулия сама заехала за ним по дороге во дворец. Пожалуй, мать этого мальчишки была даже благодарна леди Траонт. А вот Генрих ребёнку во дворце совсем не обрадовался.

Генрих стоял и поражённо смотрел на мальчишку, который, улыбаясь, попытался поздравить старшего брата с праздником. Тео радостно выпалил начало стихотворения, которое ему посоветовала выучить мама. Он был искренне рад тому, что он оказался во

дворце да ещё и на праздник. Отца своего малыш не помнил, слишком уж мал он был, когда тот умер, следовательно, не мог он помнить и того, как раньше бывал в королевском дворце.

— Я не хотел его видеть, сестра! — произнёс он резко, не утруждая себя даже тем, чтобы попросить Тео уйти в другую комнату на время его разговора с Джулией. — Ты знаешь, отец спал с той шлюхой, что является этому ребёнку матерью, и моя мать потеряла из-за этого своего ребёнка! Не думаю, что она будет рада видеть этого...

Теодор после этих слов предусмотрительно спрятался за сестрёнкой Джил и показал брату-королю язык. Герцогиня Траонт едва не улыбнулась этому, вместо этого просто погладила ребёнка по голове. По таким же тёмным, как и у неё, волосам. Пожалуй, если бы не характер, он был бы похож на Деми. Ребёнок прижался к ней крепче. Джулии тогда так хотелось врезать Генриху за его слова, но вместо этого она просто ответила ему.

Тео был так обижен. Ещё бы! Он ждал встречи со старшим братом, радовался этому... И тут? Ребёнок вряд ли мог помнить своего отца, он был слишком мал, когда тот умер. Но ему, пожалуй, хотелось это помнить. У него не было братьев или сестёр его возраста, как у Джулии, у него не было любящего отчима, как у Генриха. Он чувствовал себя одиноким. Мать не смогла бы дать ему всего, хотя, Джил видела это, эта несчастная женщина искренне пыталась это сделать.

— Зато наш отец спал с твоей матерью, когда моя едва оправилась от родов, — возражает герцогиня. — Уверяю тебя, у меня есть не меньше поводов назвать шлюхой твою мать, чем у тебя — мать Теодора. Но я этого, почему-то, не делаю.

Голос Джулии слишком резкий, она злится, и малыш Теодор в испуге зажимает уши, хотя продолжает прижиматься к сестре. Генрих вздрагивает от негодования. Он не ожидал этого услышать. Эх, Генри! Он, небось, думал, что его сестрёнка Джил промолчит! Он всегда её недооценивал. Отец вот понял бы, что с ней лучшешний раз не спорить. Хотя отец умел спорить куда лучше Генриха.

Генри всё молчит в ответ, потому что не знает, что можно ответить сестре. Как и всегда. Джулия даже на секунду сердится на брата, что тому хватило ума не спорить с ней при людях. В комнату входит вдовствующая королева, как окрестила себя эта женщина. Как же она некрасива! И что только отец в ней нашёл? Мать Джулии была куда красивее. Впрочем, король никогда не отличался постоянством, и Дея, мать Генриха, тоже вскоре была отвергнута им. Кажется, они потом снова, уже после смерти отчима Генри, пересекались с отцом. Дея даже во второй раз забеременела.

— Генри! — кричит эта старуха своим некрасивым голосом. — Генри! Я надеюсь, ты надел тот жёлтый камзол?

Джулия усмехается — Генри так смущён и перепуган. Теодор тоже тихонько смеётся и поглядывает снизу вверх на сестру. Маленький. Какой же он маленький. Джил редко умилялась при виде маленьких детей, обычно, они её даже раздражали, но Тео казался ей настолько милым, настолько похожим на неё и на отца...

Вдовствующая королева замирает, когда видит Теодора. Лицо её искривляет гримаса отвращения. Дея никогда не любила этого ребёнка. Она даже едва разрешила присутствовать его матери на похоронах короля. Тогда тоже на этом настояла Джулия. Тео прижимается к сестре ещё крепче. Эта старуха пугает его даже больше, чем презрительные слова брата.

— Генри! — снова кричит вдовствующая королева. — Генри, почему я здесь вижу ребёнка этой шлюхи?!

Теодор весь сжимается от страха. Следовало попросить его подождать в другой

комнате. Нечего такому маленькому мальчику слушать, что именно говорят про него взрослые. Особенно, если это далеко не приятные слова. Генрих молчит, он не знает, что ответить матери. Кажется, отвечать придётся Джил. Снова. Как и всегда, когда следовало заставить эту старуху замолчать. Герцогиня Траонт искренне не любила её. Она всегда была такой неприятной, злой...

— Должно быть потому, что он здесь находится, миледи, — произносит Джулия.

Старуха-королева шипит и выходит из комнаты. Тогда Джил начинает задумываться о том, что Теодора не следует оставлять одного, когда начнётся бал. Кто знает, что может с ним сделать Дея? Мысли герцогини снова возвращаются к звёздному небу. Звёзды — не люди. Они не умеют лгать, они не убивают друг друга... Наверное, со стороны она выглядит более, чем странно. Ещё бы — идёт бал. Люди танцуют, веселятся, а она просто смотрит на небо, которое неизвестно что может ей дать. Но звёзды, как кажется Джулии, куда лучше, чем люди.

Стоять на балконе сейчас, пожалуй, прохладно, и ведьма теребит свою накидку, желая согреться. Она даже не замечает, что к ней кто-то подходит сзади. Впрочем, незнакомец подкрадывается так неслышно, что, пожалуй, не заметил бы никто, не только Джил. Джулия оборачивается резко, даже слишком резко. И встречается взглядом с незнакомыми ей глазами разного цвета. Леди Траонт про себя подмечает, что, конечно, природа посмеялась над этим человеком, наградив его глазами фиолетового и жёлтого цветов и, в остальном, совершенно непримечательной внешностью.

— Приветствую вас, Ваше Высочество! — кланяется незнакомец. — Моё имя — Седрик Солнман. Мне бы хотелось, чтобы вы уделите мне несколько минут.

Джулия презрительно фыркает, впрочем, не возражает. Седрик — что за глупое имя! У его матери было плохо с фантазией! Она ни за что на свете не назовёт так сына! Ей и не хочется возражать. Звёзды на небе ещё такие яркие, даже здесь, в центре Орандора, что сводить с них глаз совсем не хочется. Человек, представившийся Седриком Солнманом, накидывает на плечи леди Траонт свою куртку и просит её зайти в помещение. Девушка пожимает плечами, но, впрочем, следует за новым знакомым.

Интересно, кем он был? По виду не скажешь, что орандорец. Скорее всего, из близлежащего королевства — Тизиорана. Люди оттуда часто обладали похожей внешностью. И их глаза... Пожалуй, цвет их глаз всегда всех удивлял. Жёлтые, фиолетовые, красные — Джулия как-то была там и ни у одной из служанок, что к ней приставили, не было, например, серых или карих глаз. Тогда леди Траонт подивилась этому. Сейчас она, наверное, уже не обратила бы на это внимания. Но тогда она впервые путешествовала с отцом, это случилось, когда её ведьма-наставница в одиннадцать отпустила её на две недельки отдохнуть. Как же тогда её всё это увлекало! Наверное, почти так же, как сейчас всё увлекало малыша Теодора.

— Не знаю, как предложить вам это, — задумчиво произносит Солнман. — Миледи, быть может, всё это покажется вам крайне странным...

Джил присаживается на диван, устало смахивает прядь своих чёрных волос, упавшую на лоб. В комнате, куда её привёл Седрик Солнман, слишком светло. Особенно после того созерцания ночного неба. Джулия бы хотела снова уйти туда. Она и уйдёт обратно на балкон, как только человек договорит. А Солнман всё не продолжает, и герцогиня начинает злиться. Она не для того ушла с балкона, чтобы он просто молчал! Смотреть на звёзды было так приятно, и девушке хотелось поскорее вернуться туда, а не стоять и наблюдать за тем,

как какой-то из гостей её брата не может выдать ни слова. Он хотел ей что-то предложить, но до сих пор не прозвучало не единого слова. Принцессу Джил это злило.

— Уж предложите как-нибудь, раз начали! — бросает Джулия резко. — Я жду!

Седрик Солнман тяжело вздыхает. Он показывает герцогине на часы, что стоят на камине, та равнодушно смотрит на них. Обычные часы. Достаточно красивые, но это их обычности совсем не отменяет. Джил пожимает плечами. Ей уже хочется уйти. Этот человек не сказал ничего, что могло бы заинтересовать её. Ничего, равным счётом ничего. Разве он не понимает, что, чтобы привлечь внимание ведьмы нужно что-то большее, чем простые часы? Отец, кажется, эти часы особенно не любил. Впрочем, Джулии могло просто казаться это.

Покойный король, вообще, в конце своей жизни не любил какие-либо часы — механические, песочные, солнечные. Они напоминали ему о том, сколько ему ещё осталось в этом мире. А тогда ему оставалось совсем немного. Герцогиня Траонт снова пожимает плечами. Она не знала, что было особенного в том предмете, на который указал ей Солнман.

Леди Траонт с досадой смотрела на часы. Самые обычные. Небольшие. Совсем небольшие. А рядом стояла ваза с цветами. Кажется, это были любимые цветы вдовствующей королевы Деи. Золотые ариодизы. Что за глупое название! Джулия как-то слышала, что в других мирах таких нет. Многие знатные дамы Орандора любили их, ариодизы считались признаком достатка и роскоши. Наверное, именно поэтому Дея так любила их. Прожив большую часть своей жизни очень бедно, она так и не смогла привыкнуть к роскоши, что стала окружать её после коронации её сына. Джулия нередко думала о том, что, наверное, Дея вряд ли когда-нибудь сможет к этому привыкнуть. Джил тоже росла далеко не в роскоши, но деньги у её семьи, пожалуй, были всегда. Мама никогда не стесняла себя в чём-либо.

— Не понимаете? — грустно бормочет мужчина.

Джулия кивает. Она с вызовом смотрит на человека, который отвлек её. Часы... Она совсем не понимала, почему он указывал на них. Они были... обычные. Совсем обычные. Такие, каких во дворце было сотни! С таким успехом можно было показать на любой предмет. Её злило то, что она не смогла отгадать загадку, что задал ей этот человек. Она всегда славилась своим умением понимать то, что обычно никто не понимал. Так почему же теперь она ничего не понимала?

Какая глупость! Какая несусветная глупость! Что мог предложить ей этот человек? Быть может, он, вообще, был не в своём уме, раз посмел предложить что-то подобное! И зачем только она пошла за ним?

— Не понимаю, — соглашается она.

Солнман снова вздыхает. Что же за глупое у него было имя! Седрик! Надо сильно постараться, чтобы назвать ребёнка как-нибудь более нелепо! Интересно, где, вообще, мамаша этого мужчины откопала такое имя. Сейчас редко называли детей так. Интересно, сверстники не дразнили этого мужчину, когда он был маленький. Джулия обязательно сделала бы так на их месте. Ей не нравилось его имя. Впрочем, и сам он ей не нравился. Слишком этот Солнман был... странным. Даже для неё, ведьмы, которая считала, что странного для неё ничего быть не может!

— Так вот о чём я хотел вас попросить... — начинает говорить Седрик Солнман после недолгого молчания. — Вы знаете о пророчествах?

Герцогиня Траонт кивает. Как же ей надоел этот человек! Он начал вдруг ей что-то

рассказывать. Будто не понимает, что она, ведьма, уж точно должна знать об этом. О том, к какой расе и к какому классу она относилась, знал, пожалуй, каждый. Почему же этот противный Солнман задал ей такой вопрос?

— Разумеется, я знаю! — фыркает она недовольно. — Кто же не знает о них?

Мужчина почему-то улыбается. Чему? Он был какой-то слишком уж странный. Джулия уже поднялась, чтобы уйти. Ей совсем не хотелось слушать этого человека. Пожалуй, следовало сделать это уже давно. Нет. Следовало просто не идти за ним, когда он предложил ей войти в здание. Стояла бы она сейчас и смотрела бы на небо. На небо, которое было источником силы для некоторых магов. Интересно, а для неё — тоже? Джулия не была магом заклинаний, она знала это, хотя сейчас многие из этих мини-ритуалов у неё получались, у настоящих магов заклинаний они получались сразу. Она была ведьмой стихии. Ведьмой природы.

Человек почему-то молчит. Герцогиня Траонт недовольно хмурится и уже направляется к выходу. Ей совсем не хочется тратить своё время на того, кто даже не уважает его. Джулии хотелось бы ударить своего нового знакомого, но, пожалуй, это придётся по вкусу любителям сплетен. Она не хочет снова стать источником для всех этих дурацких рассказней! Она, и так, постоянно находится в центре внимания.

— Стойте! Пожалуйста, стойте, Ваше Высочество! — хватает её за руку Седрик Солнман. — Мне нужна ваша помощь, чтобы кое-что понять в них. Я был бы очень признателен вам, если бы вы...

Девушка поворачивается к нему и с интересом на него смотрит. Пожалуй, теперь у неё больше поводов остаться здесь, нежели уйти. На балу, всё равно, пожалуй, слишком скучно, а на звёзды она ещё успеет насмотреться, когда они с Солнманом поговорят о том, что нужно этому мужчине.

— С этого следовало начинать! — замечает Джил недовольно. — Что вам нужно, господин Солнман?

На лице Седрика мелькает несколько нервная улыбка. Конечно, герцогиня Траонт, как всегда, сделала что-то слишком быстро для леди! Мама бы обязательно начала сейчас читать ей нотации! Как глупо! Но, впрочем, ведьма думает, что исправиться она пока не собирается. Ей нравится смотреть на то, как нервно на неё поглядывают все, кто, всё-таки, решился заговорить. Ей нравится смотреть на то, как обсуждают что-нибудь из её поведения придворные дамы. Ей нравится видеть себя другой, не такой, как все эти люди, собравшиеся здесь. Очень нравится.

А отец, напротив, одобрил бы это. Она знала. Покойный король сам был достаточно резок, сам был достаточно самолюбив и горд. Совсем не такой, каким был сейчас Генрих. Генрих — лишь бледная тень отца. Теодор, возможно, когда вырастет, будет похож на своего родителя, а вот Генрих не был похож никогда. Джулия, пожалуй, любила своих родителей. Почти. Чаще всего. Её младший братишка Теодор тоже был ей родным. Она его видела сейчас. Он был совсем маленький. Хотя, наверное, ему сейчас казалось, что он уже очень-очень взрослый. Джил самой когда-то так казалось.

Мама обязательно, обязательно поругала бы её за плохие манеры. Но, Джулия довольно равнодушно про себя заметила, что матери её тут нет, и, вообще, появиться она тут не сможет даже при большом желании.

— Я хочу познакомить вас с одним моим знакомым, принцесса, — говорит Солнман. — Он вампир. Быть может, вы его знаете. Его зовут Вэлэриу Грацеда, и он присутствует здесь

сегодня.

Девушка кивает. Она прекрасно знает, кто такой этот вампир. Почему Седрик заговорил о нём? Вампира Джулия не любила. Впрочем, не только Грацеду. Она, как и многие из магов, не любила вампиров и эльфов. Вэлэриу Грацеда, наверное, тоже не оценит рвения Солнмана познакомить его с ведьмой. Герцогиня Траонт, во всяком случае, не оценила бы на его месте.

Грацеда, впрочем, казалось, был даже рад встрече с Джулией. Девушка чувствовала себя неудобно от этого. Её не любили принимать. С ней не любили общаться. «Равнодушная принцесса Джил» — кажется, так звали её. И герцогиня Траонт принимала. Ей нравилось, что её так воспринимали. Во всяком случае, это было лучше того неуважения, которому подвергался Генрих.

Вампирский герцог говорит об опасности, о магии, о Великих Пророчествах, о гробницах Древних, кажется, история и разная мифология являлись его коньком. Джулия понимала его. Она сама страсть как любила легенды. Ещё Джулия довольно сильно любила стихи. Особенно о магии.

Они втроём идут по длинному коридору, украшенному всякими портретами. Кажется, где-то далеко должен быть и портрет отца Джил. Быть может, где-то есть и её. Королевские семьи тоже были изображены на этих картинах.

— И почему вы решили, что я соглашусь вам помочь? — спрашивает ведьма, стараясь скрыть тень удовольствия от понимания того, что она кому-то нужна. — Вы знаете, я, всё-таки, принцесса и...

Солнман кажется удивлённым. Грацеда при виде этого удивления усмехается. А Джил едва удерживается от смешка, вспомнив, как зовут этого Солнмана. Надо же было его родителям так постараться! Вот она ни за что бы не назвала сына так нелепо! Вэлэриу подходит к ней поближе.

— Вы выглядите скучающей, Ваше Высочество, и мне показалось, что наше небольшое приключение могло бы развеселить вас, — произносит Грацеда. — К тому же, какой подвиг обойдётся без принцессы?

Джулия улыбается. Пожалуй, слова герцога ей нравятся. Во всяком случае, кажется, чувство юмора у него получше, чем у этого... Седрика. Вэлэриу на вид было уже около шестидесяти лет, на самом деле ему, скорее всего, лет куда больше. Он же вампир. Они живут долго. Не одно столетие. Впрочем, маги тоже немало живут. Джулии же больше хотелось бы быть демоном. Вот они, действительно, долго живут. Для них и тысячи лет — ерунда.

— В самом деле? — смеётся она. — Что же... Тогда было бы крайне невежливо с моей стороны оставлять двух рыцарей одних!

Джулия хочет продолжить, но, когда чьи-то маленькие, но довольно цепкие руки хватают её за платье, слова от неожиданности застревают в её горле. Всё внимание теперь обращено на маленького нарушителя спокойствия. Теодор жалобно смотрит на неё снизу. И зачем только она потащила с собой этого несносного мальчишку?! Теперь придётся с ним возиться!

Джулия возмущённо смотрит на брата. Да что ему нужно?! Босиком, в одной ночной рубашке — неужели, он думает, что, если он простудится, его мать не накинется на Джил с упрёками и обвинениями? Пожалуй, теперь ей придётся ненадолго всё отложить. Забыть о том, что она, всё-таки, принцесса и заняться укладыванием несносного ребёнка обратно в

постель...

— Мне не нравится змея в моей кровати! — решительно заявляет Тео, ещё крепче цепляясь своими тоненькими пальчиками за платье сестры. — Прогони её!

Герцогиня Траонт поражённо охает, подхватывает мальчишку на руки и уже идёт в направлении его спальни. Через секунду девушка оборачивается, поспешно извиняется перед герцогом Грацедой и этим... Седриком Солнманом. Теодор осторожно прижимается к сестре...

***

Хельга отхлёбывает сока из стакана. Визит князя Солнмана в поместье Джулии Траонт оказался спасительным. Во всяком случае, герцогиня перестала грустить. Всё вернулось на круги своя и... Тётя Джулия решила даже устроить семейный ужин. Жан очень радовался этому, пожалуй, даже больше, чем Реми. Седрик тоже был рад такой хорошей перемене в настроении матери.

Мисс Кошендблат расспрашивает князя, тот оказался, впрочем, не таким уж пугающим человеком, каким показался ей вначале. Солнман часто улыбается, отвечает на часть сыплющихся на него вопросов, впрочем, кажется, он не совсем рад такому вниманию к своей персоне.

— А ведь леди Траонт при нашей первой встрече я не понравился! — задумчиво произносит князь, когда у Хельги, наконец, иссякает запас вопросов. — Не поделитесь теперь с нами всеми, что вас во мне так раздражало тогда?

Седрик с интересом смотрит на мать. Та пожимает плечами. Долго молчит. Почему она не хочет отвечать? Жан встаёт из-за стола и подходит к окну. Сейчас на улице довольно тепло. Ещё лето. Жан хотел поскорее бы увидеть зиму. Его не было так долго. Неужели, он, действительно, пропустил взросление собственного сына? Это было обидно. Очень обидно.

Реми, пока никто не видит, засовывает себе в рот целиком пирожок с творогом. Хельга Кошендблат, увидевшая это уже тогда, когда пирожок почти прожёван и проглочен, тяжело вздыхает.

— Вы были удивительно назойливы, князь, — отвечает, наконец, Джулия. — К тому же, меня дико бесило его имя.

Солнман удивлённо смотрит на герцогиню, та снова пожимает плечами и просит Жана налить ей ещё бокал вина. Реми, видя, что все снова с интересом смотрят на Джулию и князя Солнмана, запикивает себе в рот ещё один пирожок, на этот раз, с яблочным вареньем.

— А как вас зовут, князь? — спрашивает Седрик.

Комментарий к Бонусная глава. Немного о жизни Джулии Траонт.

* Стихотворение Петра Андреевича Вяземского — «Зима»

===== П. Глава семнадцатая. Пятый обрывок эмоций. =====

Долго слушала молитвы горьких трав,

Долго плакала, свивала нитью дым,

Покачу теперь клубочек по мхам,

По пням да по корням

По теням лесным,

И сама пойду за ним...

Ровно десять лет я не смыкала глаз,

Десять лет ты спал

Спокойным сном, мой князь.

Но в ночь гнева все не так,
И жена не жена, и душа не мила,
И когтей летучих стая развернула крыла.
Княже мой, княже,
Шелкова пряжа
До ворот твоих мне дорогой легла.
Враже мой, враже,
Грозна твоя стража,
Что ж от меня-то не уберегла?
Чёрной бронзою окованы холмы,
Через сердце прорастают тени тьмы.
Тени-оборотни, темно-серый мех.
Ох, Господи, не введи во грех!
Я ударюсь оземь
Да рассыплюсь в прах,
Но я знаю — тебе неведом страх.
Княже мой, княже,
Шелкова пряжа
До ворот твоих мне дорогой легла.
Враже мой, враже,
Грозна твоя стража,
Что ж от меня-то не уберегла?
Через семь смертей к тебе я шла,
Мой князь.
И заклятья сеть тебе ткала
Мой враг.
Наконец-то я тебя нашла!
Проснись
И взгляни на меня...
Ночь гнева темна...
Я пришла бедой,
Дождевой водой,
Горькою слезой,
Слепой грозой —
Так напейся меня и умойся мной,
Осыпается время за спиной...
Что мне делать с собой,
Князь мой, враг мой,
Моя боль, мой свет,
Если жизни нет,
Если ночь темна
Велика цена?
Мне не уйти -
Ты прости, прости,
Прости мне...

Княже мой, княже,
Шелкова пряжа
До ворот твоих мне дорогой легла.
Враже мой, враже,
Грозна твоя стража,
Что ж от меня-то не уберегла?*

Люди — странная раса. Любой вампир, эльф или маг сказал бы так. Редкий человек может жить ради совести, ради других, ими движет жажда наживы, жажды власти... Разве можно среди тех, кому нужно лишь обогащение стать лучше, умнее, сильнее? Разве возможно жить среди них спокойно, а не выживать? Но почему-то именно люди, как оказывалось, были способны дать отпор более сильному врагу. Они не были так благородны, как вампиры, не были так мудры, как сильфиды, не были так осторожны, как эльфы, не были так стремительны, как маги... Люди не были ни бесстрашны, ни сильны, ни хитры. Но они могли сопротивляться. Сопротивляться тем, кто априори был сильнее, умнее, опытнее, напористей... Сопротивляться тем, кто мог уничтожить их одним махом... Сопротивляться магам, вампирам, эльфам... Сопротивляться, по своему невежеству не понимая, кто перед ними находится... Сопротивляться, возможно, прекрасно осознавая, что это сопротивление грозит гибелью... Сопротивляться, будто бы совершенно не боясь смерти...

Вампиры, эльфы, они были намного сильнее людей, но, почему-то, боялись тех. Этих невежественных существ, которые не могли почти ничего, но отчего-то держали в страхе, в благоговейном ужасе высших созданий.

Что давало им ту внутреннюю силу, которой не было ни у вампиров, ни у сильфид? Что позволяло им не сдаваться? В той войне, которую развязал король Фальрании Роланд, люди не подчинились владычеству магов. Они сопротивлялись до последнего. До последнего солдата. До последнего человека. За оружие брались даже женщины. Даже дети. Что заставляло их двигаться вперёд? Что толкало их на сопротивление? На свержение целых династий, которые не осмеливалась свергать ни одна другая раса? На уничтожение империй, прозванных Вечными? На убийство? На преступление, которое не смог бы совершить представитель какой-либо другой расы? Что заставляло их бороться? Бороться за свою жалкую жизнь, за свою жалкую свободу? Что двигало их в этом стремлении не подчиняться, в этом стремлении разрушать? Что не позволяло им сложить оружие? Что заставляло идти и идти, бороться всеми силами? Что заставляло их сопротивляться захватчикам? Двигаться вперёд несмотря ни на что... Не делать ни шагу назад... Если отступить, то только для того, чтобы ответить таким наступлением, которое врагу и не снилось? Что заставляло их постоянно подниматься с колен, отплёвываться кровью и вставать, вытирать кровь с лица и снова идти в бой, падать и подниматься, постоянно подниматься? Что? Что? Что?!

И есть ли в целом мире хоть одно существо, способное ответить на этот вопрос?

Люди не умели уважать, не умели любить, не умели подчиняться. Нет, у них были свои лидеры, которых они боялись, но уважать они умели только под страхом казни. Ничто другое не было способно заставить их молчать, слушаться, терпеть... Ни боги, ни власть, ни любовь... Они шли, подчиняясь только себе известному правилу. Суровый северный климат сделал, что магов, что людей, угрюмыми и мрачными существами, не признававшими ничего, кроме практической пользы, кроме выгоды, сделал их существами негибемыми и крепкими, смотрящими прямо в глаза опасности.

Север... Ни одно существо, кроме них, не было способно выживать там... Там, среди

безжизненной снежной пустыни, которая дарит смерть любому, кто осмелится бросить ей вызов. Север... То, что воспевали в своих песнях и легендах маги. Маги, которые с этого же севера бежали на юг, чтобы не подохнуть от голода. Маги, которые спасались от того пронизывающего холода, исходящего из гробницы Танатоса. Люди, которые, прихватив с собой лишь самое необходимое, бежали на юг, стучались во все двери, прося о помощи и милосердии. И они, эти неблагодарные твари, считали, что имеют право вот так просто отказаться от своих обещаний и клятв?!

Люди — странная раса. Все остальные произошли от них, но почему-то имели куда больше привилегий. Люди не были так благородны, как вампиры, не были так мудры, как сильфиды, не были так осторожны, как эльфы, не были так стремительны, как маги... Но почему они не боялись? Почему не боялись смерти, которая немедленно последовала бы за неподчинение захватчикам? Почему сжигали целые сёла и города с целью не дать захватить, с целью не дать захватчикам добраться до запасов продовольствия, тёплых вещей, чего-либо ещё? Почему шли с вилами и топорами на тех, кто был вооружён куда лучше?

Ни один вампир не был способен на это.

Анидизиус никогда не любил людей. Те ничего не понимали ни в высоком искусстве, ни в магии, ни в уважении. Они не умели любить. Не умели любить так, как умели любить вампиры... Не умели слушать, подчиняться... Из них выходили плохие слуги, плохие подданные. Анидизиус Тироширфер был выходцем из бедной и незнатной семьи, но теперь он получил доступ к тому, что было очень и очень важно. Сам Вэлэриу, казалось, доверял ему... Если этот вампир, вообще, мог кому-то доверять...

В последнее время Анидизиусу постоянно казалось, будто тучи снова сгущались над вампирами. Будто какая-то невидимая угроза снова повисла над ними, словно дамоклов меч. Будто вот-вот разразится гроза, какой не бывало со времени Великой Войны... Анидизиус признавался самому себе, что он очень боится этой грозы, что не хочет увидеть ужасы тех лет наяву... В тех рукописях, где сохранились воспоминания о тех годах, рассказывалось о таком... Что не снилось человеку, который обладал даже очень хорошей фантазией.

Те ужасные сотни лет, медленно тянувшиеся, когда умирали люди, вампиры, сильфиды, эльфы, маги... Вряд ли люди, вообще, помнили — из-за чего они воюют. И зачем это тогда нужно было? Зачем? Разве маги сами не страдали от этой войны? Разве они не умирали в тех сражениях? Зачем нужно было устраивать эту кровавую бойню? Неужели, просто из-за каких-то сокровищ, золота, камней? Впрочем, Анидизиус знал это, как люди, так и маги, устроили бы подобное и из-за меньшего. Они ставили чью-либо жизнь куда ниже золота и алмазов.

Когда-то давно маленький Ани тоже мечтал о сражениях, мечтал стать героем. Когда-то он сам мечтал сражаться, словно великие воины древности. Какой же он глупый был тогда... Как мало он понимал!

— Отец! — услышал он тоненький взволнованный голос дочери. — Отец! Господин Грацеда пришёл!

Герцог входит в кабинет Тироширфера, не дожидаясь, пока тот разрешит это ему. Грацеде не нужно чьё-либо разрешение, чтобы войти в дом любого из вампиров, Вэлэриу имеет на это право по своему происхождению и положению в обществе. Вэлэриу Грацеда, это имя было знакомо, пожалуй, любому вампиру.

Когда-то, будучи ещё подростком, Анидизиус восхищался герцогом, восхищался всеми его успехами, достижениями, действиями... Стыдно признаться, Анидизиус и сейчас

восхищался этим вампиром. Всегда сдержанным. Всегда вежливым. Всегда благородным. Самым благородным из всех вампиров. Тироширфер, пожалуй, больше, чем кто-либо другой, восхищался Грацедой.

Герцогом нельзя было не восхищаться. Он был военачальником и политическим деятелем, он был тем, кто смог успокоить две враждующие династии — Аризмар и Шерилтор, он был тем, кто мог одним своим словом как уничтожить, так и поднять на небеса. Он имел столько власти, сколько не мог себе представить ни один другой вампир. Герцогом нельзя было не восхищаться. Он был умён. Он разбирался в искусстве, в живописи и поэзии, музыке и архитектуре. Он умел слушать и понимать...

— Пусть твоя дочь отправляется к себе! — говорит Вэлэриу несколько жёстко, необычно жёстко для себя.

Девочка удивлённо смотрит на отца своими большими серыми глазами, тот кивает ей, и она послушно выбегает из комнаты. Грацеда присаживается в кресло, прямо напротив Анидизиуса и мрачно смотрит на него. Что ни говори, молодой вампир ни разу не видел такого взгляда у своего наставника. Он всегда был человеком донельзя спокойным и сдержанным. А тут...

Глаза его были полны гнева, ярости. Что он знал? Что заставляло его так волноваться? Анидизиус чувствует, что ему становится страшно — неужели, его самые страшные кошмары начинают сбываться? Неужели, грядёт что-то ещё более ужасное, нежели та война, в которой погибли миллионы вампиров? Неужели, в скором времени может произойти что-то хуже этого?

Анидизиус смотрит на дверь, за которой скрылась его малютка Риман, его старший ребёнок. Он боится, что та весть, которую принёс Вэлэриу Грацеда, перевернёт всю его жизнь, разрушит всё то, чего Тироширфер смог добиться, разрушит всё то благополучие, всё то счастье... Вампир совсем не хочет этого! Он столько лет пытался выстроить это всё! Он столько лет старался, растил детей, устраивал свою жизнь в Мэйрифэлии, и это всё для того, чтобы дать каким-то глупым обстоятельствам всё в один миг разрушить? Тогда, получается, всё было напрасно?

— Я достал твоим жене и детям дом в Уриолане, — произносит старый вампир, — они поедут туда и будут жить там. Я не знаю, что за тучи сгущаются над нами, но я не хочу позволять из-за этого погибать женщинам и детям.

***

Люди всегда пытаются цепляться за что-то, ради чего они смогут жить, пытаются ухватиться за эту ниточку, отделяющую жизнь от смерти, пытаются найти смысл, то, ради чего им стоило бы жить. Кто-то цепляется за семью, кто-то — за любовь, кто-то — за власть, кто-то — за богов, кто-то — за саму жизнь... Но когда все идеалы рушатся на глазах, когда не остаётся ничего? Когда не остаётся ничего — ни семьи, ни любви, ни власти, ни богов... Когда не остаётся в жизни ничего, за что можно было бы зацепиться, за что можно было бы схватиться, удержаться, чтобы не упасть в бездну... Только пустота... Только страх... Только боль...

Тогда человек начинает искать что-то ещё или сдаётся. Когда человек ещё что-то ищет, ещё на что-то надеется, ещё живёт ради чего-то (иногда это бывает даже месть, желание заставить кого-то страдать так же сильно, как страдал когда-то сам человек) он может жить, но когда он сдаётся — гибель для него неизбежна.

Есть ли в жизни что-то, что может помочь — помочь сражаться, верить, ждать,

надеяться? Есть ли что-то, что заставит выжить даже тогда, когда будет казаться, что жить уже не стоит? Есть ли что-то, что может изменить всё — в один момент; так, чтобы снова появилась надежда, чтобы появилось чувство, что ещё можно что-то изменить, сделать лучше...

Ответы на эти вопросы стоит искать издалека...

Его звали Джим Блюменстрост, ему было уже пятьдесят шесть лет, и он сидел в своём высоком удобном тёмно-красном кресле, что находилось прямо напротив камина, и читал «Rountawn News», известную Анреймскую газету, где публиковались не только политические новости, но и различные заметки об искусстве — музыке, живописи, театре. Джиму нравилась эта газета. В дождливую и холодную погоду он обыкновенно старался не выходить на улицу. А сегодня был именно такой день — холодный, дождливый. Словом — ужасный. Разве могла природа придумать что-то хуже таких дней?! Спина и ноги его ныли в эти дни. Ныли и болели так страшно, что он не пожелал бы такой участи даже самому страшному своему врагу. Болезнь эта досталась ему по наследству от покойницы-матери и теперь отравляла ему жизнь. Жизнь в небольшом поместье на окраине небольшого городка давала Джиму возможность хотя бы не выходить в такую погоду на улицу, а сидеть дома. Но ноги и спина, всё равно, болели слишком сильно. Джим почти не мог встать с кресла. Поместье было тихим, его почти никто никогда не беспокоил... Только он, только его камин, только его рукописи и рисунки... И тишина. День за днём. Ничто не прерывало размеренного хода его жизни. Разве не о такой жизни мечтал всегда Джим, будучи ещё совсем молодым? О такой. О книгах, которые он обязательно напишет, о музыке, которую он будет слушать, о том, как он будет сидеть вот в этом самом кресле, обнимая Элис... Об Элис... Он думал о ней всегда, он мечтал о ней всегда. Только о ней одной. Долгие годы одиночества лишь мысли о ней хоть как-то грели ему душу. Казалось — вот стоит она, в своём когда-то малиновом, а теперь тускло-розовом платице, укрытая серым пуховым платком. Стоит и прижимает ладонь к сердцу. И смотрит на него. Грустно-грустно. Так, как могла смотреть только она. Никогда Джим не сможет забыть этого взгляда её карих глаз... А потом она вздыхает. И слёзы катятся по её бледному лицу...

Что-то заставляет его подняться с так горячо любимого им кресла. Превозмогая страшную боль в ногах и во всём теле, Блюменстрост встал, подошёл к окну. Там лил дождь. Как же он не любил такую погоду! Недолго думая, Джим, всё же, выходит на улицу, подходит к ящику для писем... Зачем? Обычно ему редко кто-либо пишет. Лишь на большие праздники он может найти в почтовом ящике парочку писем. Сегодня нет никакого праздника. Но почему-то что-то подсказывает Джиму, что сегодня всё будет иначе, всё будет по-другому. Блюменстрост тянет руку, нащупывает что-то на дне ящика. Так и есть. Там лежат три письма. Недолго думая, Джим направляется обратно к дому. Уже там он раскладывает конверты на столе.

Первый из них Блюменстросту прекрасно знаком — в таких письма всегда отправляет его брат. Конверт самый простой, белый, из плотной бумаги. На нём идеально ровная подпись Дэвида. Мелкими и аккуратными буквами написаны имя Джима и его адрес, до удивления аккуратно приклеена почтовая марка...

Джим больше, чем просто удивлён, что получил это письмо. Дэвид писал ему ровно три раза в год, на главные праздники, и никогда не посылал писем в другие дни. Дэвид всегда писал в своих письмах одно и то же, спрашивал одно и то же. Джим знал, что отвечать на эти послания было совершенно необязательно. Каждый раз Дэвид спрашивал сначала о

здоровье, потом о жизни, потом говорил, что у него всё хорошо и... Всё... Казалось, дела брата совсем не интересовали его, и писал он ему по большей части из-за того, что так было принято. Впрочем, он всё делал только потому, что так было принято — женился, обзавёлся детьми, которых, впрочем, так и не сумел полюбить, купил просторный дом, хотя не любил больших помещений... Дэвид всегда слишком беспокоился о том, что скажут другие. Он очень боялся общественного неодобрения. Джим никогда не понимал этого — какая разница, кто и что может сказать? Разве это будут не просто слова?

Отношения между братьями Блюменстростами никогда не были хорошими, впрочем, и плохими они не были, просто Дэвид не слишком любил Джима, а Джим не слишком любил Дэвида. Это было так привычно, что никому и в голову бы не пришло спросить у одного из братьев о том, как сейчас дела у другого. Мирить их никому тоже не приходило в голову. Впрочем, когда кто-нибудь видел, чтобы Дэвид и Джим ссорились, ругались, злились друг на друга? Нет, такого не было никогда. Холодная вежливость была основой их отношений. Они никогда не злились друг на друга. Никогда. Даже, когда были детьми, пожалуй. Дэвид был старше Джима на три года, сделал неплохую карьеру, насколько это только было в уездном городке, был сначала простым королевским полицейским, что уже было весьма почётно, теперь же стал мэром этого городка. Джим же был младше, жизнь военного или полицейского его никогда не привлекала, он стал обычным учителем латыни. Разные даже внешне, в характерах и судьбах они разнились ещё больше.

Джим с грустью думал о том, что, будь старшим он, Элис стала бы его женой, его, а не Дэвида. Элис была тихой и послушной женщиной, такой, о какой младший из братьев Блюменстростов мечтал всю жизнь, с ней не нужно было даже быть откровенным, можно было просто сидеть перед камином и молчать, можно было сидеть с чашкой чая, интересной книгой и ничего друг другу не говорить. Элис была тихой, добродетельной, никогда никому не возражала... Элис никогда не говорила лишнего, молчала, если её не спрашивали, она была прекрасной женой, прекрасной матерью. Можно было не сомневаться в её любви, в её преданности... Она всегда находилась рядом. Она всегда была готова поддержать близкого человека. Только вот её мужу эта поддержка не была нужна. Он никогда не любил её.

А ведь Джим как-то предлагал ей сбежать от Дэвида... Почему она отказалась? Муж, всё равно, почти не давал ей видеться с двумя старшими детьми. Она была беременна ещё одним ребёнком тогда. И Джим был готов принять ту девочку к себе, был готов воспитать её, как родную... Почему же она отказалась? Ей бы жилось куда лучше в его небольшом домике, в этом провинциальном городишке... Он бы продолжал работать в Академии, а дома, каждый вечер, его бы ждали вкусный ужин, камин, жена и дочь. Возможно, у них даже были бы ещё дети... Но она не хотела уходить от мужа. Которого не любила. Джим прекрасно знал, что она не любила его. Любить такого человека, как он, было просто невозможно. И это уж точно было не в силах Элис.

Что ещё нужно было Дэвиду?

Джим был влюблён в неё. Влюблён с той самой их первой встречи, когда Дэвид привёл её в их, тогда ещё общий дом... Эта девушка казалась ему ангелом из Осмальерда тогда, она была такой тихой, спокойной, молчаливой... Она казалась ему ангелом и сейчас. И душа её уж упорхнула в небесные чертоги. Он не понимал, что нужно было его брату Дэвиду, умному и предприимчивому, человеку, который всегда куда-то спешил и торопился. Разве не проще ему было жить с ней? Разве не хотелось ему в конце трудного рабочего дня прийти домой, где его всегда будут ждать вкусный ужин и растопленный камин? Разве не хотелось знать,

что дома его всегда будет ждать верная жена? Разве не об этом всегда мечтал Джим?

Отчего-то вдруг ему приходит в голову мысль, что это он виноват в том, как относился его брат к Элис. Дэвид всегда был ревнив. До жути ревнив. Так не выходит ли, что именно Джим ли был причиной плохого отношения к Элис? Дэвид всегда был умён. И для него не составило бы труда понять, что именно чувствует его брат. Не это ли было причиной того, как относился Дэвид к Элис? Не это ли? В таком случае, Джим должен чувствовать именно себя виноватым в её смерти. Он и чувствовал. Он всегда будет виновен в её смерти, он всегда будет чувствовать себя таковым. Кто знает, как бы всё сложилось, если бы он что-то делал по-другому.

В этот раз Дэвид писал необычно импульсивно для себя, было видно, что он торопился — буквы выходили кривыми, необычно кривыми для него, строчки были неровными, а сам Дэвид писал о том, что хочет как можно скорее видеть Джима у себя. Он просил приехать, просил, а не приказывал, что было странно для него. Дэвид говорил, что он чувствует себя виноватым перед братом, извинялся за что-то... Представить себе извиняющегося брата Джиму было трудно. Дэвид никогда ни перед кем не извинялся. Даже если, действительно, чувствовал свою вину.

Второй конверт был тёмно-зелёным, узким, со знакомой гербовой печатью, тоже знакомым — в таких конвертах письма отправляла мать одного из учеников Джима Блюменстроста. Её звали Джулия. Джулия Траонт. Самая удивительная женщина, которую он только мог себе представить. Женщина, которая всегда была холодна и задумчива. Женщина, которая не дала бы никому спорить с собой. Джулия была почти полной противоположностью Элис — до жути властная, не дающая кому-то оспаривать её мнение, почти вызывающе красивой... Джим, когда в первый раз посмотрел на неё, сразу подумал, что за всё золото мира, если бы ему его предложили, не женился бы на леди Траонт.

Она, в присущей ей холодной манере, без лишних слов, писала о том, она очень бы хотела увидеть Джима. Но по её довольно высокомерному тону, которым была пропитана, казалось, каждая строчка, Блюменстросту почему-то казалось, что эта женщина — самый ужасный человек в мире. Красивым почерком Джулии было написано, что в поместье к ней приехал некий их общий знакомый. О ком она говорила? У них было не так мало общих знакомых, но больше половины из них Джим не хотел бы видеть. Письмо он бросил в камин, остановившись на строчке пятой или шестой. Он не хотел и слышать об этой женщине что-либо, а уж видеть — тем более. Джулия отчего-то совсем не нравилась ему. Джим не мог это как-то объяснить. Эта женщина просто не нравилась ему. Она казалась ему слишком вздорной. У них было слишком мало общего, чтобы они могли хоть как-то общаться между собой.

Третий конверт был ему незнаком. На жёлтой бумаге красовался довольно изящный вензель, буква «А». Странно, у него, вроде, не было знакомых, чьё имя или фамилия начинались с этой буквы. Джим снова встал с кресла, посмотрел на часы, что висели над камином, тяжело вздохнул и принялся одеваться. Два письма — Дэвида и некой женщины, чьё имя или фамилия начинались с буквы «а» — он положил в карман своего пальто.

Похоже, его размеренная и спокойная жизнь заканчивалась. Он просто не имел права дольше оставаться в своём маленьком поместье.

***

Люди — странная раса. Любой вампир, эльф или маг сказал бы так. Впрочем, и редкий человек не согласился бы с этим высказыванием. Люди — странная раса. Самая странная,

которую только возможно было выдумать. Редкий её представитель не понимал этого. И, почему-то, редкий её представитель не гордился этой необычностью и странностью. Люди совсем не разбирались в чём-либо. Они были заинтересованы лишь в своей выгоде. Они не смотрели вперёд, видели только непосредственно то, что находилось у них перед носом, а иногда не видели даже этого.

Какую обиду можно простить? Какая забудется уже через пару дней? А какая будет жить в сердце вечно? Обиды бывают такими разными... Есть те, которые можно смыть только кровью. Только кровью обидчика. И своей тоже. А есть те, не простить которые просто нельзя. Любой вампир, эльф или маг прекрасно помнит и знает, что есть что из этого. А люди? Люди нередко делают всё с точностью да наоборот — прощают то, что прощать ни в коем случае нельзя и до конца жизни злятся на кого-нибудь за какую-нибудь мелочь, которая и обиды то не заслуживает. Почему же всё выходит именно так?

Алменская империя совсем не была самым безопасным местом на Осмальерде, вопреки мнению её жителей. Напротив, возможно, это самое опасное место на Осмальерде. Во всяком случае, для Алесии Хайнтс. Она же чувствовала себя здесь уязвимой куда больше, чем дома, в своём особняке, чем в доме у Хоффмана или у Горация, хотя и там она никогда не чувствовала себя в безопасности. Но там хотя бы были люди, которые хоть как-то могли защитить её. Даже во дворце Орандора она чувствовала себя куда спокойнее, нежели здесь, хотя прекрасно знала, что тот, кого именно она боится, спокойно может войти в практически любой дом, может её достать в любом месте... Но в любом другом месте хотя бы были люди. Она знала — тот человек ни за что не посмеет напасть на неё, если это нападение сможет кто-то увидеть. Ему не нужны лишние свидетели. Ему не нужна лишняя работа. А она допустила такую ошибку, оказавшись здесь и сейчас, существенно облегчая ему его задачу.

Тёмные узкие улочки, которыми можно было дойти до гостиницы, где она остановилась, навевали на неё такой ужас, казалось, уже давно позабытый. Ей отчего-то казалось, что вот там, в том закоулке прячется тёмная фигура, которая собирается... Девушка постоянно оглядывалась, озиралась... Здесь не было ни одного человека. Ни одного. Не было даже какой-нибудь старушки, сидящей на лавочке около своего дома. Не было даже какой-нибудь мамочки с ребёнком или детворы, которая бы носилась, сшибая всё на своём пути.

Да... Всё таки, не лучшей идеей было добираться до отеля, где она остановилась, дворами. Тем более, поздним вечером. Нужно было нанять кэб или экипаж, а не плестись тут, опасаясь всего на свете. Во всяком случае, так она бы чувствовала себя куда более спокойно. И почему ей эта мысль не пришла в голову, когда она только собиралась идти домой? Но теперь уже поздно. Осталась всего пара улочек до гостиницы. Поворачивать уже слишком поздно.

Алесия вздрагивает, почувствовав чью-то руку на своём плече. Она уже прекрасно понимает, кто стоит сейчас за её спиной. Она чувствовала дыхание этого человека на своей шее. Он находился так близко к ней... Разве что не прижимался к ней. Девушка чувствовала, что вся дрожит от страха, но ничего не могла поделать с этой дрожью. Как же племянница короля боялась этого человека! Боялась и ненавидела. Ненавидела так искренне, как не ненавидела никого больше во всём мире. Пожалуй, она не смогла бы назвать человека, который был бы достоин ненависти больше.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Что тебе нужно? — почти шипит Алесия. — Что тебе нужно, ублюдок?!

Человек, что стоит позади неё, усмехается. Мисс Хайнтс узнаёт его голос — да, да, это был именно он. Тот, кого она так боялась и ненавидела. И этот человек нашёл её. Девушка осторожно поворачивает голову. Так и есть. Она узнаёт эти холодные серые глаза, узнаёт их надменный взгляд, узнаёт ухмылку, похожую на оскал хищного зверя, настигшего свою жертву... Алесия просто не могла не узнать этого человека. Если бы у неё оказался сейчас под рукой нож или ещё что-то, чем можно было бы ударить его, она обязательно бы так и поступила. Но у неё сейчас не было ничего. Впрочем, как и всегда. Мисс Хайнтс с досадой заметила, что человек этот появлялся именно тогда, когда она допускала какую-либо оплошность, когда была слишком неосторожна... Вот и сейчас он появился именно тогда, когда Алесия пошла по этим тёмным улочкам. Интересно — этот гад так и шёл за ней всё это время или знал, как именно она пойдёт?

В любом случае, он прекрасно подгадал момент — застал её врасплох. Он всегда умел подкрасться к ней так, чтобы заставить её волноваться при виде его ещё больше. Как же она ненавидела его... Ненавидела! Вот если бы с ней сейчас оказался хоть кто-нибудь... Нет. Она совсем не хотела этого. Она знала, прекрасно знала, что умеет этот человек, она прекрасно помнила, что произошло с Алом, когда тот захотел вмешаться... Девушка чувствовала себя такой виноватой перед этим парнем. Ведь он почти единственный, кто нормально к ней отнёсся. И он пострадал из-за неё. Этот ублюдок, этот... называть его человеком казалось кощунством, посмел применить свою магию и на нём.

— Нужно поговорить, — произносит он грубо, так, как он всегда общался с ней. — Давай, пошли!

Девушка вздрагивает снова, когда её так же грубо хватают за руку и куда-то, буквально оттаскивают, сказать «ведут» у неё язык не поворачивается. Алесия пытается вырваться, но бесполезно — её держат слишком крепко. Племянница короля почему-то чувствует себя оскорблённой, грязной, использованной, хотя, пожалуй, в её-то положении эти мысли казались не больше, чем просто глупыми. Она — девушка лёгкого поведения. Такую просто невозможно оскорбить. Весь мир считал так.

— Отпусти! — почти кричит Алесия. — Отпусти! Да отпусти же меня!

Девушка старается крикнуть погромче, так, чтобы её хоть кто-то услышал... Хоть кто-то в одном из этих домов. Она прекрасно знает, что никто, никто в целом свете не услышит её и не придёт ей на помощь... Никому нет дела до того, что с ней сейчас происходит... Вряд ли кто-то, вообще, волнуется о ней...

Алесия пытается кричать, кричать как можно громче. Пытается хоть как-то привлечь внимание хоть кого-нибудь. Удар по лицу заставляет её замолчать. От неожиданности она даже забывает, где находится и что, собственно, происходит. Девушка подносит руку к щеке. Ей больно. Ей хочется поскорее очнуться где-нибудь в больнице... Чтобы только не видеть этого человека, что стоит перед ней.

— Да заткнись ты уже! — в ответ повышают на неё голос. — Что ты орёшь?! Я же сказал — нужно поговорить!

Алесия старается успокоиться. Как же ей хочется сейчас зареветь. Зареветь от обиды и несправедливости. Но она прекрасно помнит и знает — сейчас этого делать ни в коем случае нельзя. Этого человека её слёзы лишь будут раздражать. Не стоит злить его ещё больше. Ни в коем случае не стоит.

Комментарий к II. Глава семнадцатая. Пятый обрывок эмоций.

Мельница — Княже

===== П. Глава восемнадцатая. Шестой обрывок обмана. =====

Наш общественный быт —

Это бал-маскарад:

Все приличны на вид,

Всё пристойно — на взгляд,

А на деле — это только фасад!

В уголках потемней

Зло безбожно творят

О добре нам твердят:

Благочестье — превосходный фасад!

День за днем

Мы двойную жизнь ведем

И друг друга продаем,

Не ставя ни в грош!

Все мы знаем, что...

Жизнь — игра,

В ней ни зла нет, ни добра —

Только вечный маскарад

Ханжей и святош!

Только глянешь вокруг —

Видишь точный ответ

Это — страшный недуг,

И лекарства тут нет:

Лицемеры нас ведут прямо в ад —

Вот, что прячет фасад!

Всюду маски, а не лица —

Кто тут умник, кто тупица...

Каждый может что-то скрыть... и

Вот витрина, посмотри

И угадай, что там внутри,

И я могу держать пари —

Не то!

Какое лицо ты скрываешь,

И чья это там голова?

Лиц под маской полно —

Не одно,

А, как минимум, два!

Здесь убийцы попутно —

Святые отцы,

Проповедники лгут... но

Правдивы лжецы!

Всё, что мутно —

Скроет яркий фасад!

Если каждый из нас —

Помесь зла и добра,
Как мы помним сейчас,
Кем мы были вчера?
Ну, а завтра
Всё прикроет фасад!
Правда, тут
Есть закон и честный суд:
Взятки даром не берут...
Кто платит — тот чист!
А не проще ли...
Всё забыть,
И на всё глаза закрыть...
Должен безупречным быть
Любой моралист!
За фасадом — злословь, и
Смакуй компромат,
Кто нарушит условия —
Тем не простят!
На здоровье —
Важно только фасад!
Безупречный фасад!
Все мы холим и чтим
Наш прекрасный фасад!
Что таится за ним?
Или там райский сад?
Только страшно
Показать его зад...
Что скрывает фасад?
Симпатичный фасад...
Загляни за фасад! *

Мария не любила тот мир, в котором она сейчас находилась. Он был чужим для неё. Всё здесь было таким... непонятным и необычным, что будь старшая из сестёр Фаррел лет на пять-шесть помладше, её ни за что не возможно было бы вытянуть из Осмальерда. Но ей было уже почти семнадцать лет, и этот противный мирок не мог больше интересовать её. Она сама не понимала, почему её так тянуло куда-нибудь подальше отсюда... Хоть на Землю, хоть куда... Если бы девушка только представляла, куда можно сбежать, она уже давно сделала бы это. Если бы Мария только представляла, как можно отсюда сбежать, она бы уже давно сделала это. Иногда она даже думала, что куда именно бежать — не так важно, что важно только сам факт этого побега... Этот мир девушке совсем не нравился. Впрочем, пожалуй, оно не всегда было именно так. Сначала принцессе даже казалось, что она сможет стать своей, почувствовать этот сказочный мир домом, но... как-то не сложилось... Конечно, тут было много нового, было много необычного, того, что на Земле было бы не увидеть, конечно, тут было иногда очень даже не плохо, но... Всё это было не то! И дело было совсем не в том, что мать и сестра Марии умерли в этом мире, если бы девушке было бы не по себе здесь именно из-за этого, она бы всё прекрасно понимала, но, как казалось

самой бывшей принцессе, смерть близких ей людей была последним, что её в данный момент на самом деле волновало. Ещё до этих трагических событий, девушка часто задавалась вопросом — чтобы она почувствовала, если бы Розы и матери вдруг не стало в её жизни. Теперь она знала. Пожалуй, если и был кто-то, по кому она, действительно, скучала, то это были Джошуа и Альфонс Браун. Девушке не хватало их обоих. Не хватало так сильно, что иногда она не могла думать ни о ком другом. Бывало, даже о том, что должно было произойти совсем скоро. Мердоф иногда обижался на неё за это, впрочем, старался виду не подавать и вести себя, как рыцарь. Рыцарь... Что за глупое слово... А ведь когда-то Марии оно нравилось. Она сама хотела когда-то взять меч, сражаться за интересы своего королевства, за счастье и радость своей сестры... Когда-то ей хотелось походить на мушкетёров из романов Дюма, на хоть кого-то из рыцарей, восседавших когда-то за круглым столом короля Артура. Теперь же она сама не сможет сказать, что именно изменилось. Марии иногда было жалко тех, кто находился рядом с ней, искренне жалко, девушка прекрасно понимала, почему они кричали, почему сердились, почему уходили и хлопали дверью... Пожалуй, не ушли только четыре человека. Ал. Дядя Джошуа. Граф. И Мердоф. Последнее было особенно странно. Если с Алом её связывала детская дружба, дружба из тех времён, когда она ещё была другой, если дядя Джошуа просто жалел ту маленькую девочку, которая так хотела, чтобы у неё был отец, если граф Хоффман видел в её появлении выгоду, то то, что видел и чувствовал Мердоф, девушке понятно не было. Зачем она, вообще, сдалась Айстечу? Не проще ли было бы без неё?

Мария не любила этот мир, как, впрочем, не любила и Землю. Почему-то ей всё время казалось, что ей нет места ни в одном из этих двух миров, она чувствовала себя чужой, и не понимала, почему, казалось, даже Ал чувствовал себя более своим здесь. Почему? Ведь она была частью Осмальерда куда больше, чем он... Её родители были отсюда. Все её предки жили раньше именно здесь, в то время, как все родственники Альфонса никогда не покидали Земли... Сейчас девушка с удовольствием вернулась бы туда. В свою комнату, к своим книгам, дискам... Ей хотелось снова зажить той обычной жизнью, которая у неё была до того, как этот идиот Седрик явился в их городок. Мария с удовольствием стёрла бы все те события, которые с ней произошли, из памяти и оказалась бы дома... Она с удовольствием забыла бы обо всём этом. Забыла бы, как забывала все неприятные сны... Когда-то в детстве она мечтала о далёких странах и неведанных мирах. Только вот на самом деле это оказалось совсем не так, как она думала раньше. В пять лет принцессе хотелось попасть в страну Оз, в семь — в Нарнию, в девять — в Хогвартс, потом — ещё куда-то... Марии отчего-то подумалось, что те миры были чистыми, по-детски чистыми, ещё не омрачёнными и не отягощёнными разными мыслями, которые стали приходить потом. Те миры были желанными и счастливыми, мирами, где было то тепло, которого девочке так не хватало в детстве... Осмальерд же был самым обычным миром. Таким же, как и Земля. С такими же пороками, с той же грязью, с теми же гнусными и скверными людьми... И этой грязи с каждым днём, с каждым часом всё прибавлялось... Мария чувствовала себя чужой в этом мире и, одновременно, понимала, что здесь просто некого стыдиться. Люди так увязли в своих пороках, что миру вряд ли станет хуже от того, что она тоже будет не самым лучшим его представителем. Разве есть какая-то разница, что она будет делать, как она будет себя вести?.. Где-то она слышала или читала, что человек в любой ситуации, в любом окружении должен вести себя благородно и правильно. Но вот что такое «правильно»? И не могут ли понятия «благородно» и «правильно» быть в некоторых случаях и ситуациях просто

противоположными? Марии иногда казалось, что не просто могут, а скорее должны.

Мария не любила этот мир. Да разве она была обязана любить его? Разве она, вообще, была чем-то обязана ему? Разве она родилась, выросла здесь, чтобы чувствовать к этим землям, просторам, небу, рекам хоть что-то? Не любила людей, которые к этому миру принадлежали. Теперь ей хотелось только одного — попасть поскорее на Землю, туда, откуда она и пришла, уйти, чтобы никогда больше сюда не возвращаться... Девушка было вскочила с места и уже подошла к шкафу с разными книгами по магии, где должно было быть хоть что-то про то, как ей вернуться домой, но тут же одёрнула себя — неизвестно, что ждёт её на Земле, когда она вернётся туда, неизвестно, что стало с дядей Джошуа, неизвестно, как она сможет существовать в этом мире после. Ничего неизвестно. Прежде чем бежать куда-то, нужно всё как следует обдумать и понять. Нельзя просто мчаться куда-то сломя голову. Она уже достаточно выросла из того возраста, когда всё делается наобум. Поэтому пока надо всё разщупать и хорошенько обдумать. Иначе результат, который Мария получит в итоге, не будет стоить всех потраченных усилий. Девушка берёт одну из книг по магии, открывает, а потом закрывает её, потом тоже самое проделывает со второй, третьей... Наконец, принцесса вздыхает и вызывает служанку, спрашивает её, сколько будет стоить купить все учебники по теории и практике магии в книжном магазине, худенькая девушка дрожащим голосом называет сумму, Мария протягивает ей деньги, те самые, которые Хоффман назвал «её личными деньгами», и просит принести, та робко кивает и уходит куда-то. Пожалуй, придётся изучить программу магической Академии для того, чтобы попасть домой... Но сколько лет эта процедура может занять? Год, два, десять? Вряд ли у Марии есть столько времени... Да и, к тому же, как она сможет обустроиться там, на Земле? Ведь её, возможно, давно уже объявили без вести пропавшей, а то и мёртвой. И как она тогда сможет выжить там без документов? Разве это — не верная гибель? И разве она — такая дура, чтобы идти на это вот так?

— О чём думаешь? — от голоса Мердофа девушка вздрагивает.

Мария пожимает плечами и подходит к окну. За стеклом — уже поднадоевший вид на мостовую. Девушке хочется поскорее сбежать отсюда. Только вот сделать это прямо сейчас она не может, как бы ей этого не хотелось. Айтсеч не подходит к ней сейчас, и это очень хорошо, потому что сейчас принцесса готова убить любого, кто осмелится подойти к ней слишком близко. Побывать одной — это желание бьётся в её голове почти так же сильно, как и желание поскорее покинуть Осмальерд.

— О том, что мне это всё надоело... — честно отвечает она. — Мне не по себе здесь. Думаю, лишнее говорить, что я здесь лишняя.

Мердоф всё так же стоит даже не пытаясь подойти к Марии поближе. И она очень благодарна ему за это понимание. Принцесса смотрит в окно — всё происходит так, как обычно. Та же мостовая, те же кареты, те же люди... Почти то же самое, что было и на Земле, разве что кареты там давно сменились автомобилями. Пожалуй, Марии хотелось бы снова побывать там — дома. Странно... Ещё несколько месяцев назад она не считала ту планету домом, а сейчас... Сейчас она с удовольствием называла её так. Потому что, если Земля была хоть сколько-то родной и привычной, то Осмальерд был совсем чужим, чужим до омерзения...

Мердоф вряд ли понимает, хотя, она видит это, изо всех сил старается понять. Он, кажется, не осуждает её. Странно. Обычно все, кому удавалось узнать что-то о ней, морщились и отходили подальше. Ну... Почти все... Люди, которых она действительно

считала близкими, не считались. К ним Мария успела хоть сколько то привязаться, даже стала считать их родными... Мердоф, наверное, относился именно к той категории людей, с которыми принцессе было бы комфортно.

— Скажи графу, я думаю, что... — договорить парень не успевает из-за ужасного грохота, откуда-то из-за стены. — Что это такое?

Мария пожимает плечами и прислушивается. Грохот доносится из-за стены, за которой, вроде, комнат не должно было быть, девушка видела план дома. Что там? Может, кто-то шумит на улице? Не слишком похоже. Фаррел подходит к окну, открывает его, залезает на подоконник и, аккуратно, чтобы не свалиться прямо на мостовую, вглядывается, что-то про себя считает. Отсчитав то, что по мнению Марии было важно, она залезает обратно в комнату и захлопывает окно. От высоты немного закружилась голова, чего раньше с девушкой никогда не бывало... Правда, обычно она не высовывалась просто так из окон, чтобы что-то посмотреть. Впрочем, вряд ли можно сказать, что раньше, на Земле, она была благоразумнее. Чего стоит только их с Алом поездка в соседний город... Впрочем, если бы Роза не рассказала потом всё матери, всё бы обошлось, но эта мелкая девчонка почему-то наябедничала. Мария тогда так злилась на сестру... Впрочем, и сейчас, когда Роза уже умерла, девушка думала, что всё равно злилась бы на неё. Мама тогда кричала на Марию. Ну и пусть! Зато она провела лучшие четыре дня в своей жизни далеко от своего пыльного и до невозможности обыденного городка! А Роза... Розе тогда было уже десять, она была уже не такой уж и маленькой, Марию оставляли дома одну и в более младшем возрасте.

— Мердоф... Что там за стеной?

В прошлый раз, когда она попадала в дом с замурованной комнатой, там жил призрак. Деми Траонт, достаточно милое и достаточно безобидное привидение. Только вот кто может находиться за стеной сейчас? Быть может, там находится, и вовсе, не привидение. Насколько Мария помнила, Деми был очень тихим, едва ли он бы наделал столько шума, просто находясь за стеной. Значит, в этом доме был кто-то другой. Не призрак. Девушке страсть как хотелось узнать и понять, что там происходит. Странно... Раньше она никогда не обнаруживала в себе такого желания поиграть в сыщика... Обычно, это Ал испытывал какую-то тягу ко всем детективам и подобному им. Обычно именно он стремился что-то искать, что-то находить. Он, а не Мария. Она, конечно, нередко подавала идеи для их совместных игр, но детективы любил именно Альфонс.

— Ничего... — пробормотал парень неуверенно. — Ну... Наверное...

Мария подходит поближе к стене, прижимается к ней ухом, оттуда слышится приглушённый шум и, как сейчас кажется принцессе, голоса. То, что говорят люди за стеной, разобрать почти невозможно. Точнее, просто невозможно. Без всяких там «почти». Но Мария просто уверена, что голоса она слышала. Никто из существ, живущих в мире, в этом или на Земле, никакая из природных стихий не обладают возможностями воспроизводить такие звуки.

— Что там? — спрашивает Мердоф с интересом, когда девушка выпрямляется.

Принцесса поворачивается к нему. Как бы она хотела знать — что находится там, за этой стеной! Она сама хотела бы понимать, что происходит. Обыкновенно, это было свойственно ей, но совсем не в такой мере. Мария всегда была любопытнее, скажем, Розы или многих своих сверстниц, но не настолько же... Обычно она редко лезла туда, где было по-настоящему опасно. А, кто знает, быть может, именно за этой стеной скрывается кто-то, кто может быть весьма и весьма неприятным и даже, как раз-таки, опасным. Мария не была

готова к этому. Даже после трёх месяцев жизни в этом мире. Когда девушка только отправлялась сюда, единственным её желанием было — просто посмотреть на этот мир, чтобы избавиться от скуки. Только вот теперь, как оказывалось, её приключение принимало совсем другие обороты, нежели она ожидала ранее.

— Не знаю. Мне кажется, там кто-то говорит, но в этом я совсем не уверена... — говорит девушка. — Как думаешь, может можно как-то пробраться туда?

Айстеч кивает и выходит из комнаты, Мария хватается куртку и выбегает за ним. Почему-то, после обнаруженного, ей совсем не хочется оставаться в комнате одной. Пожалуй, принцессе сейчас было бы неплохо прогуляться... Особенно после всех этих мыслей, так назойливо лезущих в голову. Следует прогуляться и поскорее обо всём забыть. Не хватало ещё полностью заболеть этой идеей. Да, Марии хочется домой, но она должна это сделать как можно более незаметно.

— О! Рад вас видеть! — услышала она довольный и знакомый голос. — Что же... Уже выбегаете прямо мне навстречу?

Хоффман. Мария сама уже не заметила, когда она перестала называть этого человека графом, а стала в голове прокручивать только его фамилию. Так было проще. Этот человек вызывал у неё странную реакцию — его было жалко с одной стороны, его нужно было бояться с другой, он казался во многом сильным, он казался настолько слабым в тех вещах, которые касались его прошлого, его идеи были так масштабны и так касались его лично, он был так смел в одних вещах и так нерешителен в других... Марии хотелось уважать его. Пожалуй, этот человек, действительно, заслуживал её уважения...

В этом доме всегда стояла поразительная тишина. Уже десять лет. Десять лет никто не смел нарушить сложившуюся в доме атмосферу покоя, не спокойствия и совсем уж точно не умиротворённости, а именно покоя, того мрачного и равнодушного покоя, который может быть присущ разве только очень одиноким людям. В этом доме всегда было тихо, настолько жутко тихо, что, казалось, можно было услышать и чьё-либо движение, простой взмах руки, казалось, был бы слышен в этом ужасном доме.

Высокий мужчина, зашедший в давно запущенный и заброшенный сад, который, пожалуй, уже правильнее было бы назвать маленьким лесом или ещё как-то, но уж точно не садом, с грустью смотрит на каменные стены, некогда синяя краска с которых вот-вот осыпется. Когда-то в этом доме жила его семья... Они были так счастливы тогда, до того, как его маленькая дочь умерла... Кто знает, как бы всё сложилось, если бы в тот день он увёз, как его и просила жена, её к своему брату погостить? Брата он не любил, но, быть может, малютка не умерла бы тогда...

Только он, только он один был виноват в этой трагедии. Только он один.

Мужчина тяжело вздохнул и сделал ещё несколько шагов по направлению к старому дому. Идти с каждым шагом ему становилось всё труднее — в голове всплывали разные картины из его прошлой жизни здесь. Дом будто кричал, кричал всем своим мрачным безмолвием, нарочитым равнодушием и болезненной горечью, исходившей, казалось, из самого сердца здания. Странно... Он никогда раньше не задумывался о таких вещах, как «сердце дома», они всегда казались ему глупыми и лишёнными всякого смысла, но, почему-то, сейчас всё представлялось ему совсем иным.

Тяжёлая входная дверь даже не закрипела, когда хозяин открыл её. Казалось, всё здесь старалось не нарушать ту тишину, которая была уже родной для этих мест. Казалось, всё тут говорило о том, как их предали, как их оставили, бросили... Забыли...

Экономка не встречала его — сегодня суббота, и старая женщина не работала, а сын тем более не собирался спускаться вниз. Хозяин дома снял пальто и повесил его на крючок, прибитый им ещё очень давно, больше двадцати лет назад, и направился к лестнице. К крепкой и хорошей лестнице, которая тоже не скрипела, когда он стал подниматься по её ступенькам на второй этаж. Ещё одна дверь. Потом коридор. И только в конце коридора будет комната, в которой живёт тот, кого мужчина пришёл навестить. И этот человек будет совсем не рад его видеть.

— Зачем ты пришёл? — равнодушный и такой ожидаемый вопрос. — Миссис Рэмпбэлл говорит, что денег, которые ты привёз в прошлый раз, хватит ещё надолго.

Мужчина отводит взгляд, ему слишком тяжело слышать этот холодный голос, видеть это худое и бледное, так похожее на его собственное, лицо, смотреть в эти серые глаза, полные немого укора и того же безразличия, которым дышит весь дом... Когда Джордж ненавидел его было куда проще. Теперь же подросток просто презирал, даже не обращал внимания, смотрел на него, как на одну из вещей, что стояли в комнате...

— Не говори! — резко одёргивает отца парень, когда тот собирается ответить. — Я не слишком хочу тебя слышать, знаешь ли.

Мужчина кивает. Молчит. Он просто стоит в этой маленькой комнатке и смотрит на мальчишку, что с равнодушным видом сидит на подоконнике с книгой. Он не узнаёт его. Это совсем не тот ребёнок, которого он оставлял в доме три года назад. Совсем не тот. Дэвиду думается, что он был несправедлив к тому ребёнку, был несправедлив к его сестре... Только вот теперь это не изменишь. Нужно принять это. И просто постараться хоть как-то это исправить.

— Джордж, мы с тобой не виделись три года, — произносит Дэвид Блюменстрост, стараясь говорить как можно спокойнее.

Парень кивает и, отложив книгу в сторону, поднимается с подоконника. Джордж всегда был бледен, но сейчас он бледен особенно, кажется мужчине. Что случилось за то время, на которое отец, если уж говорить честно, просто забыл о своём ребёнке? Джордж смотрит пристально, словно изучая, смотрит внимательно и, почему-то Дэвид только сейчас это замечает, зло.

— Это были лучшие три года в моей жизни! — с ненавистью выплёвывает парень.

Молчание. Ни один из них не знает — что можно сказать друг другу теперь. Дэвид думает, что, когда он только ехал сюда, он представлял их встречу совсем по-другому. Джордж, кажется, приходит в себя и снова забирается на подоконник, берёт книгу, отворачивается к окну. На следующие попытки отца заговорить он не отвечает. Молчит. Порой Блюменстросту-старшему становится страшно, что сын просто не слышит его. Не слышит потому, что не хочет слышать, не слышит потому, что когда-то сам Дэвид не хотел слушать.

В конце концов, мужчина не выдерживает, сухо прощается и выходит из комнаты, проходит тот самый коридорчик с белыми стенами, спускается по лестнице, которая не скрипит, ненадолго останавливается у комнаты, большой комнаты, где жил когда-то Джордж. Но теперь мальчик никогда не вернётся сюда. Именно здесь погибла Мари, и это место заставляет его снова и снова переживать события того проклятого дня. Дня, когда их семья развалилась окончательно. В день, когда умерла последняя надежда на счастливую жизнь, на жизнь, которая была до смерти Аннэт...

Дэвид выходит на улицу, в тот заброшенный садик, где раньше его жена пыталась

сажать экзотические растения. Проходит по, ещё не до конца заросшей, благодаря стараниям старухи-экономки, дорожки, оборачивается перед самой калиткой. Его шестнадцатилетний сын сидит на том же подоконнике, отсюда это прекрасно видно, но на отца не смотрит. Дэвид тяжело вздыхает и идёт дальше. В конце концов, дома его ждёт жена, к которой он, за все годы их брака, уже успел привыкнуть, дома его ждёт работа, работа, ради которой он предал собственных детей.

— Зачем ты пришёл?! — шепчет Джордж, когда тот наконец уходит. — Мне было так хорошо без тебя!

День выдался тёплым, солнечным и как ни странно тихим — как раз то, что нужно пожилому человеку, чтобы чувствовать себя комфортно. Ребятишки, которые обыкновенно летом носились по улицам, гоня мяч или просто шумно болтая, сейчас были на занятиях, и ничто не могло мешать господину Делюжану наслаждаться спокойствием и тишиной. Сидеть в кресле вот так — не делая ничего, даже не читая — что может быть лучше? Когда все дела уже давно сделаны, когда совершенно некуда спешить, да и не зачем... Делюжан любил такие дни. Любил спокойную осень. Любил просто сидеть и ни о чём не думать. Как когда-то он сидел дома, порой даже в ночном халате. Когда у него был дом... Не тот дворец, который находится в столице, а тот дом, который был взорван. Вместе с его семьёй. Его женой и двумя детьми.

День выдался солнечным и, главное, спокойным, как раз таким, чтобы можно было что-нибудь обдумать, переосмыслить, понять... Как раз таким, чтобы можно было помечтать, подумать о чём-то светлом и хорошем, когда можно представить, что все несчастья, которые произошли — лишь дурной сон, и чтобы они закончились стоит только закрыть глаза...

Закрывать глаза — и не будет той боли, того взрыва... Не будет последующих долгих дней, которые никак не хотели становиться хоть чуточку короче... Не будет амбициозного Хоффмана, тщеславного Горация, гордой Алесии, забитой Моника, не будет слабовольного короля Алана, его глупой жены, его вспыльчивого отпрыска...

В кабинете первого министра светло. Окна раскрыты почти на распашку — в начале осени всегда так душно и тепло, что совсем не хочется их закрывать. на улице светло и сухо, тепло, а вовсе не жарко, как летом. Пожилой человек сидит в высоком мягком кресле нежится в лучах ласкового осеннего солнца и далеко не сразу, эта невнимательность обыкновенно была ему несвойственна, замечает, как в кабинет проскальзывает молодая девушка, руки которой трясутся, да и весь вид которой говорит о переживаемом волнении.

— Что-то случилось, милая Моника? — спрашивает мужчина, щурясь. — С тобой всё хорошо?

Девушка кивает, плюхается на стул, не дожидаясь приглашения. Ноги будто не держат её. Пожилой министр чему-то улыбается, смотрит на неё с интересом человека, уставшего от рутинной, однообразной жизни, которому предоставили возможность выбора, возможность хоть как-то разнообразить дни своего существования.

Моника рассказывает сбивчиво и быстро, иногда останавливается, будто задыхаясь, почти плачет, она почти заставляет себя говорить и не может остановиться одновременно. Делюжан смотрит на неё внимательно — она постоянно теребит платок, никак не может успокоиться. Сперва он слышит далеко не все её слова — ему куда интереснее просто наблюдать за ней.

— Умоляю тебя, Моника! О какой невинности Анны ты говоришь?! — смеётся Делюжан, всё же, кое-как уловив суть в заявлении подопечной. — Она, конечно, не наша

Алесия, но отнюдь не такая праведница, как ты!

Девушка краснеет и тихо замечает, что она не видит в этом ничего смешного. Моника ловит себя на мысли, что завидует этой девушке, она не говорит этого, нет, но Делюжану достаточно и того, что он видит. Хоффман выглядел таким счастливым, стоя рядом со своей супругой. Анна улыбалась. Именно в тот день, когда Георг объявил на помолвке, а после — в день самой свадьбы. Моника ненавидела эту кареглазую весёлую девушку, худую, бледную, но, как заметил Гораций, живую, совсем не похожую на Монику. А министр тогда сказал, что Анна чем-то похожа на самого Хоффмана — такая же энергичная, худая, с таким же цепким взглядом... Моника ненавидела Анну. С той самой минуты, когда Георг представил её своим друзьям. Нет, раньше. С той самой минуты, когда эта Анна, вообще, появилась рядом с Хоффманом.

— Девушка не должна до свадьбы... — растерянно шепчет мисс Эливейт.

Делюжан не перестаёт смеяться. Он уже не помнит, когда Моника совершала столь глупые вещи. Сегодня, девушка прибежала к нему и стала что-то бормотать о том, что Анна не может выйти замуж за Георга. А после, когда министр спросил ту, в чём дело... Мужчина не припоминал, чтобы Моника грешила подобной глупостью и неосторожностью. Он достаточно давно знал её, и за это время девушка показала себя человеком весьма одарённым и способным, в отличие от того же Горация. Но что же творилось с ней сейчас? И почему?

Делюжан внимательно смотрит на девушку, словно пытаясь что-то понять. Ему вспоминается, что, кажется, Хоффман когда-то, когда об Анне в столице не шло ещё никаких разговоров, пытался ухаживать именно за мисс Эливейт...

Как давно это было? Министру казалось, что ещё совсем недавно. Хоффман, если слухи были правдивы, разумеется, ухаживал за сей девушкой в своей манере, видимо, именно это ей и не понравилось. Что случилось дальше? Впрочем, Делюжан не слишком любил разнообразные сплетни. Половина из той информации, которая поступала через них, конечно, была правдой, но другая половина... А министр во всём любил точность. Точность и спокойствие. Без всякой там суеты и беготни. Только чистые факты. Без всяких приукрашиваний.

— Успокойся. Уверен, Хоффман прекрасно знает, с кем и где была Анна до него, а так же о том — была ли. В конце концов, мы можем даже пожалеть её! — Моника удивлённо хмурится. — Она вторая из десяти дочерей своих родителей. Замечу, её семья, и так, не слишком-то богата. Но Анна сумела пробиться сюда, в высший свет. Тем более, речь идёт о связи её только с одним мужчиной для этого.

Моника смотрит настолько удивлённо и непонимающе, и министр видит, что следует перевести разговор на другую тему. Ему совсем не хочется сейчас затрагивать болезную тему для подопечной. Сейчас совсем не хочется быть серьёзным. Хочется просто отдохнуть... Просто отдохнуть — сидя в кресле, не видя всех этих возмущённых и удивлённых взглядов, не слыша всех этих вздохов и ахов...

Расслабиться — его единственное желание сейчас...

Что может быть важнее и нужнее спокойствия? Вряд ли есть что-то такое... Делюжан прикрыл глаза. В его кабинете так хорошо сейчас — тепло, светло... Это как раз то время года и время дня, когда он предпочитает отдыхать, к счастью, и дел сейчас было не слишком много, а теми которые и были, занимались другие. Когда министр снова открывает глаза, Моника уже закрыла лицо руками и всхлипывает, плечи её подрагивают.

Не сказать, что мужчина ожидал от неё такого поведения. Да такое можно было бы даже от Алесии ожидать, она порой любила закатывать сцены, чтобы получить что-либо, но не от Моники, это точно. Что-то выводило эту девушку из душевного равновесия, и Делюжан всерьёз стал задумываться, правдивы ли были те слухи, в которых...

— Тебе не стоит так волноваться, Моника, — произносит герцог задумчиво. — Если ты так уверена, что наш Георг ничего не знает, скажи ему сама.

Девушка вздрагивает и поднимается. Она дрожит, в своём тёмно-красном платье она кажется особенно худенькой и бледной, губы её дрожат, в глазах такие обида и непонимание, что первый министр даже не знает, что ему сделать — рассмеяться над ней или пожалеть, как маленького ребёнка. Моника смотрит на министра с гневом и выбегает из его кабинета.

Мужчина усмехается и снова закрывает глаза. Эта беседа слишком утомила его.

Комментарий к II. Глава восемнадцатая. Шестой обрывок обмана.

* Странная история доктора Джекила и мистера Хайда — Фасад

===== II. Глава девятнадцатая. Седьмой обрывок сорванного счастья.

Посмотри,
Перелетные птицы летят надо мной.
Расцветает багряная осень
последним усилием жизни.
И внутри
Догорает лучина. Но где же покой?!
Обрастут серым мхом мои кости.
Забыта отныне и присно.
Отпусти.
Отпусти мою душу, ей плохо с тобой.
Мне спасенье теперь только снится.
Любовь твоя пахнет полынью.
И в груди
Осыпается сердце горячей золой.
Ручейком между ребер струится,
Развеется пеплом и пылью
Белым лебедем, черный барон, не взлететь тебе, не мечтай.
То ли крылья подрезаны, то ли и вовсе не птица
Скалит зубы душа твоя, черный барон. И тебе никогда
В небеса уже не возвратиться.
Замолчи
Ты способен любого с пути совратить
Ты еще никогда не рождался.
Не ведаешь страха и смерти.
Получить
Покорить своей воле звенящую высь.
Твоя цель. Но финал не удался.
И в рай попадают лишь дети.
Белым лебедем, черный барон, не взлететь тебе, не мечтай.

То ли крылья подрезаны, то ли и вовсе не птица
Скалит зубы душа твоя, черный барон. И тебе никогда
В небеса уже не возвратиться.

Так и знай

Я пойму, как проходят пустые года
Избавляясь от тяжести плоти,
Забуду твой царственный профиль
И цена —

Ожидание в смерти святого Суда

Ты, мой демон, меня не воротишь.

Имя тебе Мефистофель.

Белым лебедем, черный барон, не взлететь тебе, не мечтай.

То ли крылья подрезаны, то ли и вовсе не птица

Скалит зубы душа твоя, черный барон. И тебе никогда

В небеса уже не возвратиться.

Тридцать пять лет и четыре месяца назад...

Замок Шварц Трау несомненно являлся одним из самых таинственных мест в мире.

Когда-то огромный, торжественный, богатый, когда-то бывший центром древнего мира, богатейший замок тех забытых времён, он представлял собой лишь груду камней сейчас. Зато каких камней! Просто огромные, величиной, пожалуй, в маленький дом, безусловно ровные и гладкие... Сам замок уже не существовал, зато камни, лежавшие в его основании, камни, видевшие начало начал, расцвет и крах той величественной древней цивилизации... Огромные каменные колонны, тоже идеально гладкие, полуразрушенные ныне, когда-то держали на себе каменный свод, расписанный лучшими художниками... Что произошло тогда с миром? Тогда, когда один большой древний мир раскололся? Когда из одного образовалось три — Интариоф, Осмальерд и Земля... Миры, тесно связанные друг с другом, миры, что являлись частью друг друга, но при этом всё больше и больше отдалялись от друг друга... И тем местом, что когда-то являлось сердцем древнего мира был Шварц Трау... Самое торжественное и трагическое место тех страшных лет, самое удивительное и самое пугающее, самое огромное и единственное в своём роде... Единственное в своём роде и оттого более ужасающее. Что это было за место такое, чтобы оно имело право взять на себя роль центра всего, что только есть в мире?

Замок Шварц Трау был одним из самых величественных творений той эпохи. Когда-то он был расположен на самой вершине холма Ремериз, теперь большая его часть покоилась на дне озера. Осталось только одно место, не затопленное водой, и это были залы Великих дел... Шпили и крыши некоторых других зданий торчали из-под воды, но, чтобы увидеть их целиком, теперь пришлось бы погружаться под воду. Когда-то на шпигеле самой высокой башни красовался огромный полупрозрачный камень, что не переливался на солнце, а сам будто был маленьким солнцем, умеющим не только менять цвет по какой-то, известной только самому себе, причине, но и, как гласило предание, исцелять от многих недугов, древние называли такие камни «вайра», и теперь они считались, пожалуй, самой большой загадкой тех времён, а тот камень, который был на шпигеле западной башни Шварца Трау был велик, больше его до сих пор в мире не встречалось... Впрочем, камней вайра в современное время, вообще, не встречалось... Богатейший замок тех лет... В тех свитках, что сохранились с той поры, писалось, что Шварц Трау почти целиком состоял из камней вайра,

алмазов и золота, что не было ни единого места, которое не было украшено драгоценными камнями и металлами... Теми, добыть которые и сейчас было слишком трудно. И больше всего всех приходивших сюда поражал главный зал, длиной в семьсот шагов и шириной в триста пятьдесят, а высотой, пожалуй, в двадцать один человеческий рост, в центре этого зала находилось что-то вроде склепа — невысокая комнатка, вся сиявшая будто изнутри, впрочем, возможно, это и был склеп... Возможно, и сам замок был просто усыпальницей Танатоса, того великого и страшного человека древности... Возможно, именно сам Танатос был сердцем древнего мира, тогда можно было понять многое, что было начертано на стенах других гробниц и усыпальниц, возможно, именно вокруг останков того человека тот древний мир начал объединяться... В свитке Осмальда было рассказано о том, как именно это происходило... Свиток не был ещё до конца переведён, знаний катастрофически не хватало для этого, к тому же, было слишком трудно понять, как те люди, которые здесь жили, смогли выстроить этот удивительный и уникальный комплекс, состоявший из не одного десятка зданий... Те огромные каменные блоки едва ли можно было поднять на нужную высоту и с помощью современного оборудования, а тогда... Тогда это было просто невозможно. Так говорит история. Так говорит наука. Но что же было на самом деле? Быть может, тогда существовало что-то, чего уже нет сейчас? Или, быть может, крах той древней цивилизации привёл к полному забвению всего, что она создала за время своего существования? Может, люди того времени уже прошли тот этап, на котором человечество находилось сейчас? Может, мир, вообще, постоянно повторяет свою историю? Может, всё происходит совсем не так, как об этом принято говорить?

Говорили, Танатоса похоронила здесь Хелен, его самый близкий друг, девушка, одна из тех, кто вместе с ним вершил так называемое правосудие в эпоху Древней магии. Рассказывали, что Хериан была ещё более жестоким человеком, чем сам Хейден, что она погубила куда больше... О ней ходили легенды. Она всегда находилась в тени своего названного брата. И именно она создавала эту тень. Хериан... Хелен... Хамиранда... Гера... Хель... Морриган... Кали... Ишгар... У неё было много имён. И все содержали в себе какой-то ужас для разных народов. И все они были известны... «Самая красивая и самая кровавая женщина в истории» — так часто называли её.

Джулия Траонт была здесь впервые. Она много знала об этом месте из книг разных путешественников, из легенд, но была здесь впервые. Она стояла перед озером, которое погребло замок Шварц Трау почти через двести лет после раскола древнего мира. Она стояла и смотрела на эти останки ушедшей цивилизации. Девушке порой хотелось заплакать от счастья — она была здесь, здесь, где она с самого детства мечтала побывать... Разве могла она ещё месяца четыре назад мечтать о подобном? Тогда она жила в своём поместье, редко выходила оттуда, жила только для своих книг, для бесценных собраний, что оставил ей отец после смерти... Генриха книги никогда не интересовали. Ему куда больше нравилась охота... Джулии самой так нравилось охотиться вместе с отцом, когда он был ещё жив... Она прекрасно помнила, как, будучи ещё маленькой девочкой, она упростила отца взять её с собой на охоту. Герцогине Траонт так хотелось снова окунуться в те времена, которые были такими счастливыми для неё... Тогда был жив ещё Деми... Джулия тяжело вздохнула и подошла поближе к озеру.

Озеро... Мутная, тёмная вода, в которой не видно ничего. Должно быть, в озере водятся гады, вроде каких-нибудь лягушек или змей — думалось Джулии. Озёра в её родном Орандоре были не такими большими, зато прозрачными и чистыми, состоявшими из

прохладной воды, в которую хотелось окунуться. Джулия сама нередко купалась там, в своём королевстве... Но тут всё было по-другому. Леди Траонт видела что-то ужасное в тех водах, приближаться к ним совсем не хотелось, единственной мыслью, что билась у неё в голове сейчас, было «бежать». Бежать. Бежать как можно дальше от этого места... Как можно дальше... Шварц Трау, казалось, отталкивал её от себя. Казалось, что замок будто не хочет, чтобы Джулия и её спутники входили внутрь, будто не хочет, чтобы кто-то тревожил великого обитателя этой огромной усыпальницы. Танатос жаждет покоя, которого так и не смог достичь за время своей жизни, и теперь покарает любого, кто войдёт сюда. Джулия снова вздохнула. Седрик Солнман подошёл к ней поближе и тоже стал вглядываться в воду. Рику казалось, что из воды скоро выглянет существо, существо страшное — под стать здешним местам. Седрик даже отошёл немного назад, чтобы не видеть тех, кто может выглянуть из темноты. А там, наверняка, полно чудовищ.

— Как думаешь, мы сможем переплыть? — усмехнулся Денеб, кидая в озеро камушек, что лежал на берегу. — Не слишком ли этот старый вампиришка наш переоценил?

Джулия пожимает плечами и всматривается в гладь озера. Что-то говорит ей скорее бежать отсюда, предчувствия раньше никогда не подводили её, и девушка действительно думает о том, что неплохо было бы не идти туда. Ведьме не хотелось бы умереть прямо здесь... Она ещё хочет вернуться домой. Хотя бы из-за того, что не стоит надолго оставлять Теодора, пока Дея жива. Тео ещё такой маленький... Ему всего пять лет... Джулия когда-то тоже была такой. Маленькой, милой и вредной, неустанно требующей внимания... Насколько же легче ей тогда жилось! Тогда, когда жив был её родной брат — Деми, тогда, когда она ещё не оказалась в той ужасной пещере у той страшной и злой ведьмы, тогда, когда она ещё не была отягощена всеми этими мыслями — о смысле жизни, о любви, о деньгах... Как же было проще! Как же было лучше!

— Я думаю, — отвечает она, — нам стоит попробовать пойти вот туда — возможно, там будет что-то, по чему можно будет дойти. Я видела чертежи Шварц Трау...

Денеб морщится в усмешке, но не возражает. Джулии порой так хочется ему как следует врезать... Этот самоуверенный до невозможности тип, которого постоянно хочется огреть по голове чем-нибудь тяжёлым, неизменно раздражал леди Траонт. Даже больше, чем во дворце раздражал Генрих. Что же... Она сама когда-то хотела избавиться от брата. Поделом ей за это. Теперь она хотя бы знает, что бывают люди куда хуже, чем Генрих. И уж теперь бы она отдала всё, что угодно, чтобы снова оказаться наедине со своим младшим и глупым братиком, а не этим... Самодовольный и нахальный тип, впрочем, хода мыслей Джулии, кажется, не совсем понимал, и поэтому продолжал повторять свои шутки в её присутствии, совсем не боясь оказаться заколдованным. Он немисливо раздражал девушку. Так, как не злил её больше никто в мире...

— Чертежи... — снова усмехается Денеб. — Да что нам с твоих чертежей?!

Герцогиня Траонт возмущённо охает и зло смотрит на молодого человека. Если бы не тот факт, что она с этим разиней Солнманом ни за что не сможет выбраться отсюда, она бы обязательно убила эту тварь... Эту самодовольную, ухмыляющуюся тварь... Тварь, которую в другом месте и в другое время она обязательно бы придушила. Придушила бы! Это было совершенно точно. Абсолютно точно. Пожалуй, если бы не всё её воспитание, она обязательно зашипела бы на этого, совершенно не умеющего себя вести в обществе, человека...

И почему это её так тянуло к приключениям тогда?!

Седрик Солнман никогда не участвует в их перепалках. Он никогда ни во что не вмешивался. Оставалось только гадать — почему именно его Грацеда выбрал и оставил наедине со столь вспыльчивыми и тщеславными людьми... Джулия презрительно смотрит на него. «Что за глупое имя — Седрик!» — думается ей. Да и сам этот человек смотрится не менее глупо среди всей этой компании. Ему пристало бы быть клерком... Секретарём. Бухгалтером. Казначеем. Но он никак не вписывался в ту компанию вздорных, тщеславных и нередко злых людей, которую сумел собрать и отправить в путешествие Грацеда. Не выделялся он и внешностью: обычный нос, обычная форма глаз, бледные тонкие губы, складывающиеся в почти блёклую улыбку, даже кожу его нельзя было назвать ни бледной, ни смуглой, он был среднего роста, среднего телосложения, с короткими русыми волосами... Самый странный человек, который только мог бы попасться здесь... Джулия смотрела на него и не понимала. Не понимала, что именно в Солнмане ей хотелось узнать. Его разноцветные глаза всегда смотрели цепко, зорко, не упускали из виду ни малейшей детали... Он безумно раздражал её и в тоже время очень сильно интересовал. К Седрику её тянуло. Он был неплохим слушателем, собеседником... Почти ничего и никогда не говорил сам, зато превосходно умел слушать других.

Чертежи... Отец всегда говорил Джулии, когда та была маленькой, что ничему не стоит верить, кроме вот этих разлинованных бумажек, только на них стоит равняться, и только та точность, которой они обладали, является идеалом всего. И девушка который раз убеждалась, что она согласна с ним. Её отец был прав, как не был прав никто другой. Ни её, Джулии, мать, ни Генрих, ни Грацеда, ни Солнман, ни тем более Денеб...

— Нам не стоит ссориться! — произносит неожиданно для самой себя Джулия. — Ссориться сейчас — не лучшее время, не так ли?

Денеб удивлённо смотрит на неё. Снова смеётся... Но уже более... Как-то по-доброму... Совсем не так колко и холодно, как улыбался всегда. Он ведь тоже принц... Он ведь тоже находился в эпицентре всех этих придворных интриг и дрязг... Он ведь её прекрасно понимает... Только сейчас герцогине Траонт кажется, что она во многом была не права. Впрочем, это ведь не является поводом признаваться в этом, не так ли? Каким бы хорошим не было бы её отношение к окружающим, ей ведь не совсем не обязательно его показывать...

— Ну и что там говорят твои чертежи? — смеётся Денеб, но, кажется, ему и самому уже весело. — Говори скорее! Мы ждём!

Джулия отходит от края берега и садится на большой круглый камень, достаёт из-под куртки пару бумажек и старается разглядеть, что на них нарисовано. Занятие это оказывается весьма долгим и весьма утомительным — света здесь почти нет, приходится довольствоваться лишь тем, что создаётся факелом. Герцогиня Траонт внимательно смотрит на эти засаленные бумаги, которые достались ей по наследству от отца, а ему от его деда, а тому... Эти бумаги были реликвией их рода... Передавались от отца к сыну не один десяток поколений. Но, почему-то, отец отдал их ей, а не Генриху. Возможно, он, действительно, ценил её куда больше, как об этом всегда говорил? Девушка осторожно проводит пальцем по этому чертежу...

— Шварц Трау состоял из тринадцати башен... — говорит молодая ведьма. — Главную, ту, что самая высокая, не затопило. Но к ней ведут дороги от других двенадцати башен. Раньше на них совершались жертвоприношения и казни, а так же... Впрочем, я не об этом — один из таких мостов мог сохраниться. И именно по нему стоит добираться в главную

башню, если мы хотим выйти живыми.

Солнман чуть заметно вздрагивает. Денеб не вздрагивает вовсе. Порой Джулии кажется, что этот молодой человек с радостью бы умер, если такая возможность ему бы представилась. Что он потерял, раз так не хочет жить? Денеб всегда смеялся. Подумать только — возможно он просто прятал за этим смехом своё истинное лицо. Джулия никогда раньше над этим не задумывалась. Ей просто он не нравился. Он просто её раздражал, физически раздражал, ему всегда так хотелось врезать... Возможно, он был просто несчастен. Впрочем, вздохнула леди Траонт, она не та, кто будет оправдывать несчастьями чужие провинности. Но этого человека ей было жаль. Она была бы готова простить его за все те, нанесённые оскорбления, если бы он извинился.

— Я не понимаю, что господину герцогу понадобилось в этой башне, — невесело замечает Солнман. — Подумать только — мы должны вскрыть чью-то гробницу! Хорошо ещё, что родственников у того человека уже давно нет, а то нас бы засудили за вандализм!

Денеб удивлённо вскидывает голову, на секунду даже вынимает изо рта сигарету, и серьёзно на него смотрит. У Джулии кровь стынет в жилах от этого его взгляда. Настолько холодного и серьёзного. Она никогда раньше не видела, не хотела видеть его таким. Мужчина поднимается и подходит ближе к Седрику, хватая его за ворот, почти приподнимает над землёй. Джулия даже охает от испуга — она никак этого не ожидала, но, впрочем, скоро берёт себя в руки и отходит подальше. Ей то уж точно нечего вмешиваться в их драки. Она может только отшвырнуть обоих на разные берега озера, чтобы самой же потерять их. И не вернуться домой. Никогда не вернуться. Она — ведьма. Но её магические силы здесь что-то блокирует. Быть может, им, действительно, не стоило сюда приходить? Может быть, первая мысль, посетившая Джулию, была верной? Может, стоило сразу же бежать отсюда?

Замок Шварц Трау несомненно являлся одним из самых таинственных мест в мире. Когда-то огромный, торжественный, богатый, когда-то бывший центром древнего мира, богатейший замок тех забытых времён, он представлял собой лишь грудку камней сейчас. И эти камни скоро погребут её, герцогиню Траонт, и её спутников. И камням абсолютно всё равно, кто они такие и почему появились здесь. Иногда Джулии даже кажется, что именно эти гранитные глыбы здесь живые, здесь царят, а вовсе не она с её неудавшимися друзьями.

— Если ты считаешь, что самая главная наша проблема в том, чтобы нас не осудили, — презрительно выдыхает Денеб сигаретный дым прямо в лицо Седрику, — то ты полнейший кретин!

Солнман закашлялся.

А Джулия лишь смотрит куда-то вдаль и думает, что, пожалуй, уж в этом-то Денеб прав. Внутри Шварц Трау их ждёт что-то страшное...

Пару месяцев назад...

Замок Шварц Трау несомненно являлся одним из самых таинственных и загадочных мест в мире. Когда-то огромный, торжественный, богатый, когда-то бывший центром древнего мира, богатейший замок тех забытых времён, он представлял собой лишь грудку камней сейчас. Зато каких камней! Просто огромные, величиной, пожалуй, в маленький дом, безупречно ровные и гладкие... Сам замок уже давно не существовал — в момент раскола миров произошло что-то, что сумело уничтожить это, несомненно, величайшее творение древности, зато камни, лежавшие в его основании, камни, видевшие начало начал, расцвет и крах той величественной древней цивилизации... Огромные каменные колонны, с

начертанными на них символами, полуразрушенные ныне, когда-то держали на себе каменный свод, расписанный лучшими художниками... Что произошло тогда с миром? Тогда, когда один большой древний мир раскололся? Когда из одного образовалось три — Интариоф, Осмальерд и Земля... Что случилось с древним миром? Какие процессы служили катализатором этого распада? Миры, тесно связанные друг с другом, миры, что являлись частью друг друга, но при этом всё больше и больше отдалялись от друг друга... И тем местом, что когда-то являлось сердцем древнего мира был Шварц Трау... Самое торжественное и трагическое место тех страшных лет, самое удивительное и самое пугающее, самое огромное и единственное в своём роде... Единственное в своём роде и оттого более ужасающее. Что это было за место такое, чтобы оно имело право взять на себя роль центра всего, что только есть в мире?

Когда-то давно князь Седрик Солнман уже был здесь.

Замок Шварц Трау был одним из самых величественных творений той эпохи. Когда-то он был расположен на самой вершине холма Ремериз, величественного и священного холма Ремериз, а теперь большая его часть покоилась на дне озера. Тринадцать башен, двенадцать Мостов Смерти, сотни залов, как ни странно, до сих пор богато украшенных... Все в камнях, в золоте... С момента их последнего прихода, зданий, верхушки которых показывались из-под воды заметно поубавилось... Возможно, Грацеда посылал их тогда на верную гибель, когда сказал открыть гробницу, что находилась в самом сердце замка Шварц Трау. Им предстояло пройти по одному из двенадцати Мостов Смерти, им предстояло зайти в главный зал, в котором ещё пришлось идти по какой-то вонючей чёрной жиже, которая доставала им почти до колена. Возможно, Грацеда хотел, чтобы они умерли. Только вот... Джулия и Денеб вовремя сообразили, что пора бежать. И они смогли сбежать. Вполне возможно, спохватись леди Траонт чуть позже, они так и остались бы погребены под этими камнями. Вряд ли кто-нибудь осмелился бы прийти к ним на помощь... Вряд ли кто-нибудь спохватился бы, вряд ли бы кто-нибудь решил спасти их... Они были никому не нужны. Совершенно.

Солнман был безумно благодарен этой ведьме. Она была принцессой... Принцессой, руки которой добивались. Была просто прекрасной и прелестной девушкой, которой не место было здесь, в этом проклятом и сыром замке. Джулии стоило находиться в лучших дворцах Орандора среди самых знаменитых и благородных рыцарей, а не здесь...

Всю свою жизнь князь посветил изучению истории Древнего времени, всю жизнь он путешествовал, искал что-то, что могло бы помочь ему докопаться до истины, что могло бы объяснить ему, что именно произошло там, в тех стенах, когда он, Джулия и Денеб открыли тот гроб. Солнман уже не помнил толком, что они увидели. Помнил только чёрный клубящийся дым, визг герцогини Траонт, руку принца Денеба на своём плече и просьбу уходить. Помнил, как они бежали, помнил, как стена обрушилась прямо в двух или трёх метрах от него, помнил, как Джулия и Денеб обсуждали произошедшее и говорили, что лучше, пожалуй, будет вернуться к Грацеде, «этому вампирскому ублюдку», с пустыми руками, нежели вернуться в замок...

Ведьма рассказывала потом, что произошло нечто куда более ужасное, чем то, что помнил Седрик Солнман. Рассказывала, что ей казалось, будто открылись врата в Интариоф, что человек, если то был, конечно, человек, лежавший в могиле, будто генерировал тот самый чёрный дым, которого она так боялась, что в тёмной жиже, в которой они стояли по колена, копошились змеи, что самой девушке слышался голос, который говорил ей, что

десять детей её умрут, что она едва ли понимала, что означает это... Когда они оказались уже в гостинице, девушка заперлась в своём номере, а когда вышла, будущий князь увидел, что глаза у неё были красными. Солнман не помнил, да и не мог помнить. Пожалуй, единственное, что он знал точно, так это тот ужас, который он тогда ощущал...

Денеб боялся меньше, но и он говорил, что слышал чей-то голос, проклинавший его, сказавший, что его семья сгорит в огне, что только он останется жив и будет до конца своих дней считать это своим величайшим проклятием... Изгнанный принц лишь усмехнулся тогда, но признался, что от того голоса, у него сердце ушло в пятки. Молодой человек долго не мог потом отдышаться, а после целую неделю ему каждую ночь снились кошмары, Седрик прекрасно слышал его крики.

Солнман не слышал этого голоса. Пожалуй, из них троих в этом плане ему повезло куда больше остальных.

А после князь стал размышлять над тем, что же тогда произошло. Начал читать, рассматривать древние гравюры, чертежи, мозаики, рукописи... Стал переводить... Даже устроился работать на Грацеду, известного коллекционера всяких редкостей, чтобы находиться поближе к таким уникальным вещам, представлявших большую ценность для исследователя...

И сейчас он снова стоял здесь... На том самом месте, где когда-то на него набросился Денеб из-за не слишком удачной шутки... Он стоял здесь и смотрел на замок, ещё более разрушенный, нежели тогда, когда они впервые увидели эту старинную крепость... Солнман вновь, как в первый раз, видел эти стены и пытался набраться сил, которые, казалось, покинули его, как только он вступил на этот берег.

— На этот раз я пришёл сюда по своей воле, — говорит мужчина сам себе, — и я просто обязан закрыть гробницу Танатоса, пока её никто не нашёл...

Он идёт по той же дороге, по которой когда-то он шёл с Джулией и Денебом. Он идёт, стараясь не обращать внимания на те извояния, которые, кажется, вот-вот набросятся на него, он старается не думать ни о чём. В конце концов, он просто обязан сделать то, зачем пришёл сюда. Каблуки его сапог стучат по тяжёлым гранитным плитам, он сам идёт, стараясь не обращать ни на что внимания, наконец, входит в зал, где должна находиться гробница Танатоса...

Несколько недель назад...

Леди Джулия Траонт никогда не принимала гостей в конце августа, ввиду её плохого настроения в эти дни, обычно, они уезжали из поместья, так и не дождавшись, когда герцогиня встретит их, впрочем, в этот раз накинула на плечи чёрную вязаную кофту и спустилась вниз сразу, как только услышала упоминание о князе Солнмане.

Кем был этот человек, что посмел явиться в такое время в поместье? Кем он, вообще, мог быть? И что он мог значить для такой женщины, как герцогиня Джулия Траонт? Ему было, пожалуй, около сорока лет на вид, черты лица его были, пожалуй, даже приятными, но незапоминающимися, слишком тусклыми они были: обычный нос, обычная форма глаз, бледные тонкие губы, складывающиеся в почти блёклую улыбку, даже кожу его нельзя было назвать ни бледной, ни смуглой, он был среднего роста, среднего телосложения, а русые волосы его, с едва заметной проседью, были обычны для человека его возраста. Одет он был не бедно, но и не богато. Пожалуй, если и было в этом человеке что-то особенное, то это были глаза. Они были разного цвета — один фиолетовый, а второй жёлтый. Взгляд этих странных глаз казался пугающим. Седрику этот князь Солнман совсем не понравился, этот

человек скорее пугал, чем вызывал уважение, впрочем, он не понравился и Хельге, и Жану, и даже Реми. Известно о нём было пока лишь то, что имел он титул «князь», а, значит, он относился к восточному королевству эльфов или к северному царству магов и был в родстве с королевской, в первом случае, или царской, во втором, семьёй. На северянина он, впрочем, похож не был абсолютно, но и эльфы выглядели совсем по-другому. Он был больше похож на человека, со своей слишком обычной внешностью, если бы не эти его разноцветные глаза. Хельга тихонько шепнула Реми, что ей кажется, что этот мужчина вполне может быть полукровкой, то есть, наполовину эльфом, наполовину человеком, или наполовину магом, наполовину человеком...

— Князь Солнман! — звучит резкий голос герцогини Траонт, спускающейся по лестнице. — Я рада видеть вас в своём доме, но, позвольте объяснить, что занесло вас сюда!

Князь отвешивает лёгкий поклон хозяйке дома. Едва сгибает при этом спину. Впрочем, кажется, Джулия совсем не сердится на него за это. Наоборот, только спускается навстречу ему. Седрик осторожно пятится назад и жестом пытается сказать остальным, что можно потихоньку уходить из холла. Но его никто не слушает. Как и всегда. А ведь ему, если что, достанется куда меньше остальных, хотя бы потому, что он сын леди Траонт, и его она любит больше всех на свете. А по сему и заколдовывать его она точно не будет.

— Прошу простить меня, принцесса, — произносит гость, улыбаясь своей почти бесцветной улыбкой. — Моя спина до сих пор болит с нашей последней встречи.

Джулия недовольно хмурится, услышав эти слова, и вся та компания, которая увидела князя первой, испуганно жмётся к двери. Даже Реми. Которая за время пребывания в поместье Треонор уже примерно поняла, что означает словосочетание «герцогиня не в настроении». Солнман делает шаг вперёд, ничуть не боясь гнева хозяйки поместья, даже подаёт её руку, чтобы она могла спуститься. Герцогиня не намного ниже его. Её чёрные длинные волосы, её бледная кожа особенно странно смотрятся, когда она стоит рядом с этим человеком.

— Тогда, вам, и вовсе, не следовало кланяться, — говорит Джулия несколько строго, впрочем, благосклонно.

Улыбка на лице князя никуда не исчезает. Он продолжает стоять и смотреть на герцогиню. Та бросает строгий взгляд на тех, кто, помимо неё и её гостя находится в холле, и те почти моментально исчезают из виду. Когда люди, мешающие ей, покидают холл, Джулия жестом приглашает князя в библиотеку, в комнату, которая считалась самой красивой в поместье Треонор. Герцогиня обожала книги. Она собирала их, холила и лелеяла их. Как-то Теодор сказал, что она лелеяла вместе с ними свои воспоминания, которых у неё, как у женщины богатой, влиятельной и умной, было больше, чем предостаточно.

— Что случилось у вас, что вы отправились в такую даль? — спрашивает она. — Насколько я помню, вы не из тех, кто любит продолжительные прогулки.

Солнман кивает, как бы в подтверждение последней фразы герцогини Траонт. Всё-таки, не один год он провёл, сидя над книгами и рукописями. Та смотрит на него с ожиданием. Не его ли появления она ждала все эти годы? Да и кто он был такой? Этот князь Солнман, странный человек, который заявился к ней сегодня, двадцать шестого августа, ровно посреди «проклятой недели», как прозвали эти семь дней близкие леди?

Князь садится в предложенное ему кресло и достаёт из кармана какую-то бумажку. Сложенную так аккуратно, как было свойственно только ему, впрочем, уже пожелтевшую от времени. Джулия смотрит внимательно, не отрываясь ни на секунду. Её хандру как рукой

сняло как только она увидела этого человека. Так кем же он, всё-таки, был? И кем он приходился Джулии Траонт, одной из самых могущественных ведьм Осмальерда?

— Вот это, принцесса, — произносит мужчина. — Вы знаете, я не стал бы беспокоить вас напрасно.

Джулия смотрит на рисунок, который протягивает ей Солнман. Изображение Хелен и Танатоса, стоящих рядом друг с другом, кажется ей знакомым. Она узнаёт обоих. Во всяком случае, как кажется ведьме, она знает обоих. Но герцогиня никак не может понять, кого же именно они ей напоминают.

— Это я нашёл в гробнице Танатоса, — продолжает князь, — я был там не так давно. И гробница пуста. Там кто-то ещё был.

Герцогиня Траонт охает и вмиг становится ещё серьёзнее, чем до этого. Она зло смотрит на Солнмана, вскакивает с кресла, достаёт с полки какую-то книгу, листает её, находит фотографию какого-то мальчика... Смотрит на фотографию, потом на тот рисунок, который протягивал ей князь Солнман, тяжело вздыхает и показывает тому снимок.

— Кажется, я знаю, кто именно добрался до гробницы Хейдена — этот ребёнок и его сестра заболели двадцать лет назад неизвестным психическим расстройством, — говорит женщина задумчиво, — и я ощущала в их доме присутствие древней магии.

Настоящее время...

Седрик Траонт удивлённо смотрит на мать, та, впервые за несколько лет, собиралась надолго покинуть поместье. Юноша не понимал, что такое произошло — дядя куда-то уехал, теперь куда-то уезжала его мать... Хельга стоит и слушает наставления герцогини, именно эту девушку Джулия решила оставить за главную на время своего отсутствия. Седрик молчит, ему совсем не хочется, чтобы мать уезжала. Она никогда не оставляла его одного! Даже в Академию приезжала несколько раз в неделю! И почему это она решила покинуть его сейчас?! Это несправедливо! Несправедливо!

Седрик чувствовал себя обделённым материнским вниманием. Впервые в жизни. Хотя раньше он так жаждал от этого внимания избавиться...

Солнман забирается в карету и ждёт герцогиню. Он улыбается ребятам той своей противной блёклой улыбкой, будто извиняясь за что-то. Хельга тяжело вздыхает и тоже пытается улыбнуться, чтобы хоть как-то развеселить друга.

— Пожалуйста, обещайте мне, что с вами всё будет хорошо... — шепчет Джулия Траонт перед тем, как сесть в карету. — Обещайте мне... Пожалуйста...

Комментарий к II. Глава девятнадцатая. Седьмой обрывок сорванного счастья.

Канцлер Ги — Черный Барон

===== II. Глава двадцатая. Восьмой обрывок иллюзий. =====

Надо мною — тишина,
Небо, полное дождя,
Дождь проходит сквозь меня,
Но боли больше нет.
Под холодный шепот звезд
Мы сожгли последний мост,
И всё в бездну сорвалось,
Свободным стану я
От зла и от добра,
Моя душа была на лезвии ножа.

Я бы мог с тобою быть,
Я бы мог про все забыть,
Я бы мог тебя любить,
Но это лишь игра.
В шуме ветра за спиной
Я забуду голос твой,
И о той любви земной,
Что нас сжигала в прах,
И я сходил с ума,
В моей душе нет больше места для тебя!
Я свободен, словно птица в небесах,
Я свободен, я забыл, что значит страх.
Я свободен — с диким ветром наравне,
Я свободен наяву, а не во сне!
Надо мною — тишина,
Небо, полное огня,
Свет проходит сквозь меня,
И я свободен вновь.
Я свободен от любви,
От вражды и от молвы,
От предсказанной судьбы
И от земных оков,
От зла и от добра.
В моей душе нет больше места для тебя!
Я свободен, словно птица в небесах,
Я свободен, я забыл, что значит страх.
Я свободен — с диким ветром наравне,
Я свободен наяву, а не во сне!
Я свободен, словно птица в небесах,
Я свободен, я забыл, что значит страх.
Я свободен — с диким ветром наравне,
Я свободен наяву, а не во сне!*

Два с половиной года назад...

Утро сегодня выдалось не слишком приятным — всю ночь лил дождь, и все дороги размыло. А у семьи Эливейт не было денег на извозчика и до вокзала пришлось добираться пешком. По грязи. По этим лужам. По наполовину растаявшему снегу. Плестись по грязи, прекрасно осознавая, что там, куда она приедет, будет ещё хуже, чем в родном городке... А потом стоять около часа под морозящим дождём на платформе, ожидая поезд, весь облепленный грязью... Что может быть хуже? Сейчас тот самый поезд уже на полном ходу мчался в Реондейм. Город, в котором уже завтра должна была начаться её новая жизнь. Колёса зло стучали по рельсам, будто стараясь напомнить, для чего она здесь и куда едет. Девушка смотрела в окно и украдкой утирала слёзы. Она будет совершенно чужая в этом городе. В столице их королевства. И зачем только мама попросила её поехать? Девушка прекрасно знала ответ на этот вопрос — серьёзно болен отец, мать работает не покладая рук, а денег ни на что не хватает. Младшим же её сестрёнкам в шумном, промозглom и

многолюдном Реондейме делать точно нечего. Среди всех этих людей, по-своему несчастных, закутанных в лохмотья, со всеми этими сумками, котомками, девушка чувствовала себя совершенно потерянной. Закутавшись в бардовую матушкину шаль она прислоняется к окну. Если бы только она могла отправиться домой, кинуться в объятия к матери и сёстрам, заплакать, упросить их ни за что не отпускать её далеко из дома... Если бы она только могла... Но такой возможности не было. Нужно было ехать в далёкий и чужой Реондейм, молча плакать от разъедающей душу тоски, так же молча утирать слёзы матушкиной шалью и смотреть в окно, стараясь не тревожить людей, ехавших с ней в одном вагоне. Худые бледные пальцы сжимают и мнут билет. Билет, купленный на последние деньги, только для того, чтобы она, Моника отправилась в Реондейм. И теперь она просто не имеет права предать их. Кутаясь в матушкину шаль, местами стёртую почти до дыр, вовсе не такую тёплую, как хотелось бы, девушка чувствует себя совершенно несчастной. Колёса звонко стучат по рельсам, и Моника никак не может сосредоточиться на чём-нибудь, кроме той мысли, что она не хочет ехать в тот город, в город, что ей до омерзения противен... Колёса звонко стучат по рельсам и этим очень сильно раздражают её. Когда Монике было шесть, она с матерью, отцом и годовалой тогда Сарой бывала в Реондейме, и город тогда ей совсем не понравился. А теперь же Моника уезжала туда, чтобы заработать хоть каких-нибудь денег. Никто не ждёт её в Реондейме. В этом пустом, циничном и злом городе, где каждый заинтересован лишь своей выгодой, её совсем никто не ждёт. Её некому там ждать. Совершенно некому. Тётушка Молли вряд ли будет рада её появлению, эта пожилая женщина всегда отличалась не слишком приятным характером, а уж сестру свою она не слишком любила. Моника утирала рукавом постоянно наворачивающиеся на глаза слёзы, всё так же катившиеся по её бледному худому личику, теперь казавшемуся некрасивым. А ведь в неё в Лемешметте был когда-то влюблён Рой Хармер, этот мальчишка, погибший год назад на войне... Рядом с девушкой расположилась усталая мать с тремя маленькими детьми, двое из которых никак не могли усидеть на месте. Лицо женщины этой казалось посеревшим от тех хлопот, тягот и невзгод, которые на неё, вероятно, навалились. Младшая девочка её, закутанная в серый, очевидно, совсем лёгкий и не греющий в такую стужу, большой платок, спала на материнской груди, то и дело вздрагивая, а старшие мальчишки, худые и дурно одетые, постоянно вертелись и, казалось, только и ждали, как бы что-нибудь стащить. В сумке у Моника ничего не было. Её семья и сама находилась на пороге нищеты, и ничем помочь этим несчастным женщине и детям мисс Эливейт не могла. Серые глаза женщины смотрели устало, почти пусто. Она, очевидно, была опустошена всеми теми трудностями. Только сейчас Моника заметила, как сильно не по погоде были одеты она и эти трое детей. Наверное, им было холодно... Наверное! Конечно же, им было холодно! На улице ещё не лето, снег только начал таять, и выходить на воздух в таких лохмотьях было слишком холодно. Моника мёрзнет даже в своей одежде, которая куда теплее той, в которой сейчас эти дети. От гудка паровоза младшая девочка просыпается и, уткнувшись матери в плечо, начинает всхлипывать. Моника отчего-то чувствует себя виноватой. Виноватой из-за того, что ей сейчас куда лучше, чем этой маленькой девочке, которая от бессилия плачет.

Монике до ужаса хочется спросить, чем она может помочь, но она чувствует, что спросить это она не имеет права. Она вспоминала свою маму. Тоже в последнее время слишком худую и изнуренную непосильными трудами, хлопотами и заботами... Она вспоминала больного отца, лежавшего на кровати и почти не говорившего. Она вспоминала четырёх сестричек, в последнее время всё более грустных и почти всегда голодных... Нет!

Она просто не имела права помогать кому-то ещё за счёт её собственной семьи. Девушка помнила испуганные глаза Сары, помнила притихших Софи и Рейчелл... Моника вздрогнула, когда девочка, что сидела на руках у женщины, что находилась рядом, зарыдала в голос, внутренне сжалась, когда женщина устало прикрикнула на ребёнка... Девушка чувствовала, что она обязана помочь. Обязана. Это слово было так привычно, так обычно для неё, что она никогда не задумывалась над его настоящим значением. Она всегда была всем обязана. Это было нормально. Это было обычно. И никто бы никогда не усомнился в том, что мисс Эливейт была действительно всем обязана. Порой всеми это принималось как данное, как должное. Девушка никогда не задумывалась над этим. Ребёнок заревел ещё громче на руках у матери, и та, нервно зашипев, отвесила малышке подзатыльник. Мальчики, на которых мать рывкнула сразу же после этого, притихли. Моника внутренне содрогнулась. Она вспоминала, какой нервной порой бывала её мама, когда болезнь отца обострялась. Как сейчас. Тогда всё шло куда хуже, чем обычно. Они, и без того, жили очень скромно, даже по меркам Елишшила. Им едва хватало денег на оплату аренды за небольшой участок земли, на котором стоял их домик, едва хватало денег на весьма скромную еду и одежду. Они жили, пожалуй, скромнее, чем кто-либо другой в Елишшילה и считались одной из самых неблагополучных семей. Моника помнила, как смеялись над ней даже в приходской школе для бедных, которая была устроена арином Джоном на его собственные деньги. Семья Эливейт была так бедна... Порой мама плакала по ночам и тихо, чтобы никто не услышал, впрочем, мама и думала, что никто не услышит, говорила, что, быть может, если бы она послушалась своих родителей и не вышла замуж за отца Моники, то она жила бы куда лучше. Отец такие разговоры очень не любил, он сразу начинал гладить маму по руке, шептать ей что-то... А иногда после этого у него обострялись приступы его болезни. А теперь с отцом случился удар. И это опять произошло после такого разговора. В их городе девушке было невозможно найти приличную работу с деньгами хоть сколько то большими, нежели пара грошей, на которые нельзя было купить даже краюшку хлеба. А теперь она покидала вечно зелёный и полный цветов Елишшил и ехала в город, в котором, как говорила ей когда-то соседская девочка, вечно душно, шумно и нет ни единого клочка свободной земли, чтобы её семья не нуждалась так в деньгах... Мисс Эливейт не знала, как ей следует помочь этой бедной женщине, этим бедным детям... Её сёстры сами порой не ели по несколько дней, её мама сама постоянно плакала... Моника знала, что такое бедность, что такое — жить почти в нищете, считая последние копейки, экономить на каждой мелочи... Ей было до безумия жалко ту семью, что сидела рядом с ней, и до безумия жалко своих собственных сестёр... Девушка всегда знала, что когда-нибудь ей придётся уехать на заработки в какой-нибудь крупный город, чтобы помочь родителям, но почему-то ей всегда казалось, что это всё произойдёт куда позже, что она ещё успеет вдоволь насытиться чистым воздухом Елишшила, вдоволь набегаться по дорожкам в саду перед храмом, вдоволь насмотреться на яркие цветы, что росли в городке почти так же хорошо, как и сорняки... Ей всегда казалось, что она ещё успеет поваляться на зелёной траве там, чуть-чуть южнее самого городка — за речкой... Монике хотелось разрыдаться, когда мама дня три назад сказала, что ей придётся отправиться в Реондейм. Но вместо этого она согласилась. Кивнула, понимая, что её вольная жизнь в маленьком городке заканчивается. Возможно — навсегда. Возможно, никогда больше ей не придётся бегать по узеньким дорожкам перед зданием приходской школы, возможно, она никогда не увидит хохотушку Лиззи, мечтательную Милли, решительную Кетрин, возможно, она навсегда потеряна для той чистой, беспечной жизни, которой она

жила всегда... Моника всегда знала, что это её ожидает. И всегда надеялась на то, что этого удастся избежать. Родители любили её, всегда любили, и она сейчас должна ответить им заботой и пониманием. Как же Моника надеялась, что её поездка в Реондейм отложится хоть ненадолго? Хоть на то время, пока не подрастёт Сара... Тогда они бы могли поехать вместе. Вдвоём им не было бы так страшно в этом огромном и жестоком городе.

Поезд ползёт в Реондейм слишком медленно. Так медленно, что Монике хочется разрыдаться прямо сейчас от несправедливости жизни. Она — никто в большой и страшной столице.

Слишком сильно задумавшись, девушка не замечает, как поезд уже доезжает до города, как встаёт и берёт свои вещи семья, сидевшая рядом с ней, как люди постепенно начинают выходить из вагона. Спыхватывается Моника почти поздно, быстро хватая свою сумку и почти выскакивает из поезда. На платформе находится очень много народу, это так непривычно для девушки... И все они спешат по своим делам, никому из них нет дела до того, что происходит с людьми, стоящими так близко к ним самим. Моника видит, как какой-то мальчишка лет восьми-девяти подкрадывается к господину в приличном костюме, как с несколько секунд стоит рядом, а потом убегает, видит старушку-нищенку, просящую подаяния, видит проходящих мимо этой старушки людей, видит женщину, которая рыдает об украденных вещах, видит маленькую девочку, потерявшую маму, и равнодушные людей, всех, кто проходит мимо, совершенно не обращая внимания на чужие беды. Девушка вспоминает, как она с мамой и Сарой стояла точно так же, когда у них украли багаж, ещё в тот раз, когда она была впервые в столице в детстве... Вспоминает, как плакала потом мама — украли ни много ни мало шестнадцать тысяч анэризов... Приличные деньги. Слишком приличные. Вспоминает, как потом успокаивал мать отец, как потом впервые слёг со своей этой болезнью, вспоминает, как пришлось тогда ей нянчиться с маленькой Сарой, пока мама выпрашивала денег в долг у соседей, как потом старательно работала, стараясь отдать их вовремя...

Моника достаёт из кошелька последние несколько грошей и подаёт их старушке, та от благодарности начинает плакать и благодарить добрую девушку. Мисс Эливейт чувствует, что не заслуживает этой благодарности, что поступила так, как должен был поступить любой на её месте... Ей стыдно. Стыдно за не оказанную помощь той семье, что сидела рядом с ней в вагоне. Стыдно за то, что она не может помочь всем. А ведь она обязана помочь. Обязана. На вокзале тесно и грязно. Совсем не так, как в милом Елишшиле. Там всегда было так чисто, красиво, как здесь грязно и уродливо. Там всегда было так хорошо, как здесь ужасно. Моника не могла помыслить, что когда-нибудь ей придётся привыкать к жизни в таком месте... А теперь — теперь она ступает своими ногами в старых изношенных, когда-то — ещё маминых, сапожках, кутается в бардовую шаль, уже не кажущуюся достаточно тёплой, чтобы суметь согреть её, спрятать от ветра и стужи. Теперь она чувствует себя уже совершенно чужой, совершенно ненужной, неприспособленной... Чувствовала себя абсолютно беспомощной... Кто-то толкает её так, что девушка падает. Мисс Эливейт хочется вскрикнуть от боли, закричать на весь вокзал, заголосить, рассказать всем о том, как ей плохо. Но она терпит, понимая, что никому здесь нет места до её страданий, её мыслей, её несчастий...

Утро сегодня выдалось не слишком приятным, думается Монике снова, всю ночь лил дождь, и все дороги размыло. А у семьи Эливейт не было денег на извозчика и до вокзала пришлось добираться пешком. По грязи. По этим лужам. По наполовину растаявшему снегу.

Плестись по грязи, прекрасно осознавая, что там, куда она приедет, будет ещё хуже, чем в родном городке... А потом стоять около часа под морозящим дождём на платформе, ожидая поезд, весь облепленный грязью... После — ехать, пытаюсь не думать о бедности, о безвыходности, о невозможности помочь всем, кто в помощи нуждается. Ехать, зная, что ты помочь ничем не сможешь. Потому что сама не меньше нуждаешься... Что может быть хуже?

— Простите... — хочется шептать ей снова и снова, понимая, что ничего полезного она сделать не может.

— Простите... — шепчет она каждому встречному, который проходит достаточно близко к ней.

— Простите... Простите... — шепчет Моника и слёзы вновь и вновь катятся по её щекам, как она не пытается их остановить. Будто и не она это вовсе.

***

Если вчерашнее утро выдалось не слишком приятным, думается Монике снова, то сегодняшний день был просто ужасным. Это вчера она думала, что то, что всю ночь лил дождь, и все дороги размыло, являлось её основной проблемой, то сегодня она понимала, что такой город как Реондейм, такие мелкие проблемы вроде её не интересовали. А ведь у семьи Эливейт не было денег на извозчика и до вокзала пришлось добираться пешком. По грязи. По этим лужам. По наполовину растаявшему снегу. Плестись по грязи, прекрасно осознавая, что там, куда она приедет, будет ещё хуже, чем в родном городке... А потом стоять около часа под морозящим дождём на платформе, ожидая поезд, весь облепленный грязью... После — ехать, пытаюсь не думать о бедности, о безвыходности, о невозможности помочь всем, кто в помощи нуждается. Ехать, зная, что ты помочь ничем не сможешь. Потому что сама не меньше нуждаешься... Что может быть хуже, думалось ей вчера. Теперь же она понимала, что раньше она ошибалась.

Люди на улицах Реондейма были совсем неприветливые, после радушного Елишшила это кажется Монике почти пыткой — проходить сквозь ряды всех этих хмурых и сердитых людей, не замечающих ничего, кроме собственных мыслей и хлопот. Мисс Эливейт не привыкла к такому холоду, такой отчуждённости. Там, где она росла, всегда было можно надеяться на чью-нибудь помощь, всегда можно было знать, что не останешься один, когда придёт беда... А тут... По каменным мостовым, таким холодным и чужим, словно отталкивающим от себя, было тяжело идти. Каждый шаг даётся нелегко. А сколько ещё придётся сделать этих шагов? Не один, и не два, и даже не сотню — куда больше. Главные проспекты Реондейма вычищены так, что вряд ли где-то найдётся даже самая маленькая лужица, а вот другие улицы... В Елишшילה старались убирать все дороги. И то, что у городка не было средств для того, чтобы проложить нормальную дорогу до вокзала, было уж точно не виной жителей или даже мэра. Мэр в Елишшילה был хороший. Моника знала его лично — невысокий такой полненький старичок, всегда приветливый, с такими же милыми женой и дочерью, с которыми всегда можно было пообщаться. Она помнила, сколько раз он одалживал им деньги и не требовал ничего взамен... Только вот не возвращать было так стыдно, а вернуть они никогда ничего не могли... А в этот раз стало ясно, что даже если семья Эливейт одолжит у господина Маркуса ту же сумму, что и обычно, денег всё равно не хватит.

Моника проплакала всю ночь, когда поняла, что ехать всё-таки придётся. Когда-то она надеялась, что это минует её, что она никогда не разлучится с семьёй — с родителями и

сёстрами — и будет всегда находиться рядом с ними, какая бы ситуация не случилась... Моника никак не была готова к этому. Впрочем, думалось ей, случись бы это всё намного позже, она, всё равно, не была бы готова.

Ей не хотелось уезжать в Реондейм. И теперь она только утверждалась во мнении, что её предубеждение против этого города было не напрасным. Город был огромным, сырым, серым, важным... Он не принимал её — чужачку, посмевающую нарушить его покой своим появлением. Но не принимал он и коренных своих жителей. Казалось, что, в отличие от Елишшила, не город подстраивался под людей, а люди под город. Люди были такие же мрачные и важные, погружённые в себя. К ним нельзя было подойти так же просто, как Моника делала у себя дома, и спросить что-то... Нельзя было просто подойти, поздороваться и пожелать удачи в каких-либо начинаниях... Мисс Эливейт была уверена, что даже если она что-то спросит, например, как куда-нибудь пройти, ей, конечно, ответят, но когда она отойдёт в сторону, покрутят пальцем у виска, скажут что-то вроде «сумасшедшая»...

А ещё Моника не любила дождь, который по рассказам людей, когда-либо бывавших в этом городе, был вечным спутником Реондейма. Сейчас на улице тоже было пасмурно. После солнечного Елишшила это казалось пыткой. У девушки даже разболелась голова от такой резкой смены погоды. Ей хотелось обратно. Ох, как же ей хотелось обратно!

— Я прочитала в объявлении, что вам нужна машинистка... — говорила она одно и то же почти в каждой крупной фирме, но её, окинув придирчивым взглядом, неизменно выпроваживали по той или иной причине.

Девушка так надеялась, что когда она приедет в этот город, найдётся хоть какая-то работа, что она уже через некоторое время сможет уехать обратно, к своим дорогим сёстрам, но... Деньги тут собирались платить совсем небольшие, Монике едва хватит даже на скромную жизнь в этом городе, а о том, чтобы отсылать хоть что-нибудь матери и отцу и говорить нечего. Такой крошечной суммы ей ни за что не хватит.

Каждый следующий шаг даётся всё труднее. Просто не остаётся сил на надежду, на желание что-либо делать, менять... Реондейм в романе Леона Иттаса выступал в роли действующего лица, в роли живого существа, наделённого человеческими пороками и страстями, а так же наделённый невероятной силой портить людей, уничтожать в них всё человеческое... Когда-то Моника удивлялась и даже смеялась этому. Для неё это было не больше, чем какая-нибудь сказка, подобная тем, которые ей и её сёстрам читали в детстве...

— Я прочитала в объявлении, что вам нужна машинистка... — с каждым разом её голос звучит всё неувереннее, а из каждой компании её уводят с каждым разом всё быстрее.

Моника уже готова сдаться, хоть и понимает, что делать этого она не имеет права. Услышав, пожалуй, уже в десятый раз за день фразу «Извините, но вы нам не подходите», она не выдерживает и выбегает на улицу. И не натывается ни на один хоть сколько-то удивлённый или сочувствующий взгляд. Все так же идут по своим делам, до неё, глупой провинциалки, никому дела нет... Девушка слышит своё сбитое дыхание, чувствует досаду за наворачивающиеся на глаза слёзы, но всё так же стоит на том самом месте, на котором она оказалась. В груди будто появился какой-то ком, хотя, пожалуй, не появился — он уже давно там был, просто чувствовался не так сильно, как сейчас, а к горлу подступают слёзы, и только гордость не даёт ей разрыдаться прямо здесь на виду у безразличной толпы.

Из одного экипажа, что остановился напротив дверей главного офиса Iron Eagle, последней фирмы, в которую Моника обращалась за работой, выходит мужчина, Моника сама не зная почему обращает на него внимание. Обычный чёрный костюм, без всяких

излишеств, белая идеально выглаженная рубашка... На фоне серой, тусклой одежды остальных горожан, которых она видела, это выглядит странно. Вот если бы дело было в Елишшиле, девушка никогда не удивилась бы. Но Реондейм казался ей городом, в котором все жители были одеты более, чем дурно. Она вспоминала старушку на вокзале, вспоминала плохо одетых худых женщин с маленькими плачущими детьми, вспоминала усталых мужчин в грязной одежде, проходивших мимо неё... И на их фоне этот человек казался ей циничным, ужасным, живущим за чужой счёт. Мисс Эливейт чувствует такую неприязнь к нему... Как он имеет наглость быть счастливым и богатым тогда, когда она несчастна и бедна? Когда кто-то ещё несчастен и беден? Следом за ним, с его помощью, из кареты вылезла хорошенькая девушка, ровесница Моники, в шикарном голубом платье, обильно украшенном кружевом и лентами. Её хорошенькие лёгкие туфельки совсем не предназначены для того, чтобы ходить по улице, и мужчина подхватывает её под руки и переносит через лужу, которую этой даме, видимо, не перескочить самостоятельно. Белокурые волосы незнакомки убраны в какой-то затейливой причёске, и Моника невольно переводит взгляд на свои тусклые каштановые волосы, заколотые старой маминой заколкой. Девушка довольно улыбается, и мисс Эливейт будто физически обдаёт холодом от этой её улыбки.

Красавица в дорогом платье проходит чуть вперёд, обгоняя своего спутника, то и дело удивлённо поглядывая на замёрзшую в своём стареньком пальтишке Монику, которая стоит в шагах трёх от дверях, которые ведут в главный офис Iron Eagle, одной из важнейших компаний, производящих разные двигатели, машины, приспособления, в которых Эливейт разбиралась слабо. Мисс Эливейт было тяжело в столице даже дышать, словно и воздух здесь был настроен против неё и тоже хотел изжить, выгнать её отсюда, чтобы она скорее вернулась домой. В родной зелёный Елишшил. А девушка в пышном дорогом платье легко и, словно смеясь, ступает по гранитным плитам тротуара.

— Джордж! — капризно заявляет она, проходя мимо Моники. — Разве мы можем пройти мимо нищенки, не подав ей милостыни?

Та от обиды почти забывает, как дышать. Она — не нищенка! Не нищенка! Моника, может, и не богата, как эта избалованная девица в нарядном платьице, но и нищенкой она не была. У их семьи имелся дом, имелся стабильный заработок, хоть и небольшой... Мужчина холодно усмехается, но, в отличие от этой девушки, напротив Моники не останавливается и ничего не говорит. Проходит мимо, останавливаясь только у самых дверей Iron Eagle, чтобы подождать свою спутницу, которая, в отличие от него, в офис явно не спешит.

— Джордж! — тем же капризным голоском обиженно продолжает девушка в голубом платье, топнув ножкой в хорошенькой туфельке, когда не получает ответа на свой вопрос.

Моника чувствует, как задыхается от обиды, от мыслей о несправедливости жизни... Мысли о больном отце, несчастной матери, сёстрах, которым, вероятно, как и ей самой, никогда не получить должного образования, становятся ещё более болезненными для неё, пока она видит эту богатую красавицу, обеспеченную всем. Почему именно ей досталось всё это? Почему мать Моники, её отец, заслуживали богатства меньше? Почему такая несправедливость? Денег, которые потратила эта богатая красавица на одно своё платье, вполне хватало бы семье Эливейт на год безбедной жизни. Как бы Монике хотелось иметь эти деньги! Как бы ей хотелось помочь маме, отцу, Саре, Софи, Рейчелл... Ей хочется закричать, воспротивиться, но к горлу будто подступает тот ком, что раньше был в груди, и Монике не произнести ни слова. Мужчина вздыхает, видимо, устав от выходов своей

спутницы, мисс Эливейт почему-то кажется, что та девушка точно не жена этому человеку, подходит к Монике и этой красавице, останавливается и холодно смотрит на свою знакомую.

— Сколько раз я тебя просил не называть меня Джордж? — произносит он холодно и строго, смотря на девушку в голубом платье, и, вздыхая, достаёт из кошелька какую-то монету, которую тут же протягивает Монике.

Та стоит, застыв в изумлении. Неужели, она, действительно, так похожа на нищенку, что не только эта избалованная девушка принимает её за таковую, но и этот мужчина, кажущийся несколько менее наивным в этом плане? Моника стоит, чувствуя, что не может пошевелиться от того чувства унижения, которое овладело ей сейчас... Ей хочется оттолкнуть и эту девушку, и этого мужчину, закричать на всю улицу, поскорее убежать, спрятаться, только для того, чтобы больше не чувствовать этой обиды. Чтобы больше не чувствовать, насколько мир несправедлив...

— Я не нищенка! — шепчет она, отталкивая руку этого мужчины и чувствуя как от обиды по щекам текут слёзы. — Я не нищенка, и мне не нужны ваши подачки!

Моника, собрав последние силы, разворачивается и убегает как можно дальше от этих людей. Не хватало ещё, чтобы кто-то из них увидел, как она разревётся. Девушка чувствует, что она обязательно это сделает, когда доберётся до места, где никто её не сможет увидеть...

***

Люди в Реондейме всегда отличались равнодушием к друг другу, и именно эта черта в них безумно нравилась Георгу Хоффману. Пожалуй, это было тем, из-за чего он предпочитал жить именно в этом городе. Никто не интересовался ни его самочувствием, ни его делами, также, никто не лез в его дела, что не переставало радовать. Мужчина просто ненавидел, когда кто-то лез в его дела. Он с самого детства привык жить один и всё делать в одиночестве. Поэтому он чувствовал, каким привычным и родным, если такое слово, конечно, можно было применить к этому городу, ему казался Реондейм. Когда он впервые побывал в столице, ему не казалось, что он находится где-то, где ему не место, как обычно бывало. Он чувствовал себя... не нужным... И поэтому своим.

Странное дело — везде, где Георг чувствовал себя нужным, он чувствовал себя будто куклой в чужих руках, марионеткой... А здесь... У каждого человека была своя семья, и проблемами какого-то провинциала никто не интересовался. Что было весьма неплохо. Можно было делать всё — разумеется, если это не противоречило закону — и никто даже не замечал этого.

Хоффман с усмешкой наблюдает за девушкой, что убегает от него. В слезах. Совершенно обиженная и, кажется, оскорблённая. Пожалуй, шутка Алесии на этот раз удалась. Обычно, люди с радостью принимали монеты, даже не задумываясь о том, насколько жалко выглядят в этот момент. Георгу нравилось наблюдать за этими людьми, пожалуй, мисс Хайнтс была достаточно умна, чтобы понять это. Впрочем, за Алесией самой было интересно наблюдать. Она строила из себя то кокетку, то дурочку, хоть не была ни первой, ни второй, приставала к нему с всякими глупыми вопросами и улыбалась. Что же... В свою очередь он, сам не зная почему, позволял ей сегодня называть себя Джорджем, хотя ему казалось, что это имя он давно позабыл.

Простояв на улице, пока эта девчонка не скрылась, он вспоминает о том, что должен навестить одного своего работника в компании. Да и Алесия, небось, уже замёрзла в своём этом летнем платье. Впрочем, она никогда не скажет ему, что замёрзла. Ещё та гордячка.

Она никогда не признается ему в том, что не права. А про то, признается ли она хоть кому-нибудь, Хоффман никогда и не задумывался. Зачем? Он не слишком обеднеет, если узнает о чём-то из жизни Алесии чуть позже, чем кто-то другой.

Iron Eagle — его любимое детище — как всегда прекрасно работал, несмотря даже на то, что ему пришлось на некоторое время отлучиться. Что же... Он подобрал неплохих работников. Достаточно трудолюбивых и достаточно честных. Впрочем, Георг Хоффман не был тем человеком, который верил людям на слово. Он не привык к этому. Доверие порой казалось ему глупостью, самой величайшей глупостью в мире. Алесия так не считала, но и она сама безраздельно доверять не умела. Потому что тоже любила иногда врать. При всей своей честности и искренности.

В памяти молодого мужчины снова встаёт образ этой обиженной на него, убегающей в слезах девушки. Пожалуй, он, действительно, поступил не слишком хорошо. Но она же молчала... Молчала, как и все остальные. Скорее всего, она чувствовала себя настолько оскорблённой, что просто не могла заставить себя выдать хоть слово, но Георг не чувствовал себя за это виноватым. В конце концов, это была просто шутка. Он хотел поразвлечься сегодня. И так, ему кусок в горло не лез утром, как только он глянул на календарь. А ещё это проклятое письмо от отца с просьбой встретиться и поговорить. Как будто, если бы он хотел поговорить с отцом, он не сделал бы этого раньше!

— Мне интересно, что делала у дверей компании та девушка, которую мы встретили? — спрашивает Алесия у одного из охранников.

Как всегда — Алесия попала прямо в точку. В саму цель визита Георга — ещё раз проверить, как именно работают люди в его компании. Охранник пожимает плечами, но, поймав строгий взгляд Хоффмана, вздрагивает и с надеждой смотрит на своего напарника. Георгу думается, что, наверное, не ответивший охранник на какое-то время покинул свой пост, и теперь надеется как-нибудь выкрутиться. Что же... Жаль его будет увольнять. Неплохой малый. Но в последнее время он слишком часто не выполняет свои обязанности.

Алесия продолжает выпытывать у работников, кем же была эта девчонка, которую они «приняли» за нищую. Георг не задавался вопросом — интересно ли ей на самом деле, кем была та гордячка. Возможно, мисс Хайнтс чувствовала что-то общее с ней... Впрочем, графа это несколько не интересовало. Хоть, пожалуй, та девушка и несколько отличалась от всех остальных людей, встреченных ими сегодня, она по-прежнему не была для него никем, чтобы он беспокоился о ней хоть сколько-то.

— Эта замарашка? Скромная такая, будто испуганная? — удивлённо спрашивает второй охранник. — Да, кажется, эта девушка хотела устроиться машинисткой у нас... Больше я о ней ничего не знаю.

Хоффман хмыкает и, не дожидаясь Алесии, идёт к себе в кабинет. Он заходит в эту не слишком большую комнату, окна которой завешены плотными гардинами. Граф никогда не любил слишком светлые помещения — это мешало ему работать, а работать ему в Реондейме приходилось много. Молодой мужчина проходит дальше и садится в массивное кресло, купленное драгоценной мисс Хайнтс с целью «как-то разнообразить сухость обстановки», сам Георг никогда бы не отдал предпочтение этому кожаному недоразумению.

Сидеть, осознавая, что каждая вещь в кабинете — разумеется, если не считать это ужасное кресло, в котором он сейчас сидел — на своём месте, что каждый человек, работающий в его фирме на своём месте, графу казалось высшей мерой наслаждения. Пожалуй, он бы не мог придумать ничего более приятного для себя. А ещё он чувствовал,

как измотали его за сегодня капризы Алесии. Он всегда относился к ним со снисхождением, которое стоит проявлять всякому мужчине ко всякой красивой девушке, но всякий раз чувствовал себя по меньшей мере измотанным и утомлённым, доведённым до почти полного изнеможения. Алесия никогда не умела обуздывать свои желания. Впрочем, это, пожалуй, было ей и незачем — она родилась в богатой и знатной семье, которая себе могла позволить всё.

В надежде хоть какое-то время подремать, Хоффман прикрывает глаза и почти уже погружается в ту приятную темноту, которая позволяет ему расслабиться, но по звуку захлопывающейся двери чувствует, что отдохнуть ему пока не удастся. Графу хочется застонать от досады, но он почему-то этого не делает. А вот глаза открывать ему совершенно не хочется. Он слишком устал, мотаясь с мисс Хайнтс по городу, удовлетворяя каждый её каприз, даже самый глупый, чтобы вести себя согласно всем правилам этикета сейчас.

— Давай найдём эту девушку? — с каким-то весельем, впрочем, весьма привычным для неё, в голосе предлагает Алесия. — Давай, а? И ты устроишь её в фирму машинисткой!

Хоффман тяжело вздыхает. Разумеется — ещё один глупый каприз, который он обязан выполнить просто потому, что он обещал сегодня её развлекать. Нашёлся рыцарь... И что только потянуло его ляпнуть такую несусветную глупость? Алесия всегда была той ещё энтузиасткой, при том во всём, и это Георга порой до жути раздражало, особенно в такие моменты, когда он вынужден был выполнять все её капризы. К тому же, мисс Хайнтс всегда была очень капризна. Интересно, у неё с самого рождения это качество присутствовало или появилось попозже?

Когда граф приоткрывает глаза, он видит сидящую совсем рядом с ним Алесию, которая пристально смотрит ему в глаза, будто испытывая. Он не любил этот её взгляд. Впрочем, он, вообще, не слишком любил её общество. Хоффман прекрасно обошёлся бы без неё. Он не чувствовал ни себя обязанным ей, ни её обязанной ему. Они всегда были странной парочкой. Впрочем, он не был похож на тех, с кем обычно общалась Алесия, а она не была похожа на тех, с кем обычно общался Хоффман. Пожалуй, именно это и держало их рядом друг с другом.

— Так просто? — ворчливо спрашивает граф девушку.

Алесия внимательно смотрит на него. Они уже давно знают, что никто из них не захочет первым отводить взгляда — это было не в их правилах. Хоффман привык к жизни в одиночестве, к жизни в своём каменном огромном доме, где никогда не было слышно чьих-либо голосов. Мисс Хайнтс никогда не понимала его... Впрочем, для их сотрудничества вовсе не обязательно было взаимопонимание.

Алесия, помнится Хоффману, раньше была девушкой, пожалуй, даже более заботливой, чем та, что стояла у дверей компании сегодня. Правда, капризной она была уже тогда. Что было весьма странным сочетанием, конечно, но граф никогда не видел столь необычной особы.

— Так просто, — кивает она наконец.

Георг поднимается с кресла, не обращая внимания на протесты мисс Хайнтс, и подходит к окну. Пошёл дождь. Как же он любил дождливые дни... Пожалуй, это было ещё одним ощутимым достоинством Реондейма. Солнце заставляла Хоффмана чувствовать себя покинутым. Спрашивалось — кем? И ответа на этот вопрос он никогда не мог найти. Но чувствовать себя покинутым ему тоже не хотелось. Поэтому в солнечную погоду граф старался бывать на улице как можно реже. Только по мере необходимости. Благо, в Реондейме почти всегда было пасмурно.

— Мне надоело... — вдруг устало бормочет мисс Хайнтс, всё ещё сидящая на подлокотнике кресла. — Мне надоело, слышишь? Надоело пытаться вытащить тебя из твоего непробиваемого панциря отрешённости!

Она тяжело вздыхает и встаёт со своего места, с укором смотрит на друга и выходит из кабинета, даже не думая попрощаться. А Георг так и остаётся стоять и смотреть в окно, желая как-то расслабиться, отдохнуть и убежать от своих собственных мыслей.

Комментарий к II. Глава двадцатая. Восьмой обрывок иллюзий.

*Кипелов — Я свободен

===== II. Глава двадцать первая. Девятый обрывок недуга. =====

Силы ада!

Или рая?

Зло, добро —

Их ведь тесно в клубок сплело!

В чем причина?

Я то знаю:

Зло — личина

Добра, а добро и есть зло!

Как отличить

Зло от добра?

Дьявол в ночи...

Ангел с утра!

Зло процветает продажей добра,

Всех подкупая подряд:

Вот и поди, разбери — где рай, где ад!

Ждать свыше благ —

Это старо!

Что хуже зла?

Только добро!

Нудно твердит о добре лицемер,

Вас развращая вдвойне:

Вот и попали вы в руки Сатане!

Поставь на зло иль на добро —

Смотри, не проиграй:

Яблоком Ева с Адамом разрушили рай!

С тех пор идет извечный бой сил добра и зла:

С кем будешь ты, и на чьей стороне — выбирай!

Добром мир богат

На первый лишь взгляд:

Что люди творят —

Здесь царствует ад!

Зло наступает

Добро уступает!

Оно суеверно,

А зло — достоверно!

Добро безнадежно

А зло так надежно!
Добро — безысходно
А зло — так доходно!
Дарите добро!
Все зло будет тут
Я не герой!
Как ваш — Робин Гуд!
Зла не унять,
А добра — не понять!
Так что, зло — принимай!
А добра пожелай
Лишь врагу! *
Настоящее время...

История мира часто вершится в кабинете одного лишь человека. В небольшой комнатке, которая вряд ли особенно больше какой-либо другой. В комнате с большими окнами, тяжёлыми гардинами и монолитными стульями и столами... В комнате, где редко бывает слишком темно или слишком светло — всегда царит некий полумрак, что-то среднее между так называемыми «темно» и «светло»... Нередко, история вершится в богато украшенных кабинетах королей, герцогов, графов... Нередко именно в этих комнатках происходит то, что можно считать как началом войны, как началом мира... Не всякий человек может выдержать тот спёртый тяжёлый воздух этих душных кабинетов, в которых, кажется, происходит вся жизнь и вся жизнь пролетает, будто бы зря... Иногда кажется, что стены начинают давить на человека, заставляют его чувствовать себя не только не защищённым от всех внешних опасностей, но и как будто бы ещё более уязвимым. Ковры с яркими причудливыми узорами, после некоторого времени кажушиеся до ужаса раздражающими. Дубовые грубые столы, слишком простые, но зато очень крепкие. Альфонс Браун не знает, сколько этим столам лет, впрочем, когда он появился в этом дворце впервые, они уже находились в кабинете и служили его неотъемлемой частью. Ал не стал ничего менять со времени своего появления на троне. Впрочем, парень прекрасно помнил, что Генрих был ростом ниже его, так что, вряд ли эти деревянные монолиты были приобретены именно им. Кажется, леди Джулия была сестрой того короля... Впрочем, Альфонс не собирался лишать её статуса принцессы, эта женщина явно и не собиралась претендовать на трон, да и самому Алу это так уж важно не было. Парень первое время очень скучал на этих всех приёмах, собраниях, где он был обязан не просто изредка появляться, но быть главным действующим лицом. Поначалу это очень сильно утомляло, а потом... Потом он стал привыкать. В конце концов, надо же ему было хоть как-то отвлекаться от этой гнетущей скуки, которая преследовала его постоянно. В королевстве Орандор всегда было скучно... Тут не было ничего, что было так привычно и дорого Алу на Земле. Не было ничего, чем он мог заняться у себя дома. Не было никого, с кем он мог бы поговорить так же откровенно, как и с Марией. Леонард многого не понимал из того, что Альфонс пытался ему рассказать. В конце концов, парень сам не заметил, когда это произошло, эти бесконечные вечера, приёмы, собрания стали нравиться ему, более того — он стал чувствовать их необходимыми. Теодор Траонт был в отъезде. В последнее время, он бросил свой затворнический образ жизни и всерьёз занялся управлением королевством.

Ал не был приучен ко всем этим церемониям и тонкостям... И пока Теодор занимался

самым важным — политикой, Альфонсу приходилось изучать то, что он не имел возможности изучить, родившись на Земле. Вершить историю мира ему никогда прежде не хотелось, как не хотелось и быть первым в чём-либо, лучшим... Теперь же всё это представлялось ему другим. Другим он представлялся и сам себе... Альфонс шагнул снова, оказался перед громадным столом, стоявшим в этом кабинете, и почему-то он сам себе представлялся тем самым королём, отцом Генриха, Джулии и Теодора, который когда-то правил здесь...

Розе бы никогда не понравились такие его мысли. Но что Роза? Плевать на неё — мнение Марии всегда следовало ценить больше, а Мария сама была такой, Ал знал её лучше, чем кто-либо, для этой девушки тоже важны были первенство, лидерство, власть, слава. Он прекрасно знал её. И в Орандоре она не осталась только потому, что не хотела позволять кому-то ей управлять. Орандор... Парень был так сердит на Малуса, когда тот посадил его на трон, но сейчас, сейчас ему казалось, что демон поступил очень правильно, что никому, кроме него, Альфонса Брауна, не было суждено править этим королевством. Теперь ему казалось, что он один был достоин управлять этими людьми, распоряжаться их жизнями и судьбами. Ал никогда не думал, что когда-нибудь станет королём. Конечно. Это было чем-то на уровне фантастики. Как было нереальным и само существование такого мира, как Осмальерд. Альфонс так же никогда бы не подумал, что нечто подобное может существовать.

История мира нередко вершится лишь в одном кабинете. Именно в этой комнатке часто решаются судьбы людей. В пустой звенящей тишине, между этих книг и до жути ненужных и до безумия важных одновременно бумажек. И Альфонсу теперь очень хотелось, чтобы история вершилась в его кабинете, а не в чём-либо другом. С тех пор, как Мария исчезла, Теодор уехал по своим делам, а Алесия перестала появляться во дворце, Ал чувствовал себя одиноким. Леди Траонт тоже редко бывала здесь теперь. Все её мысли были заняты собственными делами и до молодого короля ей не было никакого дела. Альфонс чувствовал себя потерянным и чужим в этом мире раньше, но теперь... Королевство, за которое он был в ответе разваливалось на куски, и нужен был кто-то, кто был бы способен это остановить.

После того случая с нападением, Альфонс начал понимать, зачем именно он здесь. Его будто подменили. Ему хотелось участвовать во всём, что касалось управления королевством, ему хотелось быть первым во всём, ему хотелось быть лидером во всём, ему хотелось быть единственным во всём... Ал никогда раньше не замечал за собой тщеславия. Он никогда не был тщеславен. Напротив, всё всегда доставалось Марии, более бойкой, более энергичной, часто более эгоистичной в своих желаниях. Именно она командовала в их играх, хоть Алу не всегда хотелось это признавать, именно она всегда была полна самых безумных идей. И именно ей чаще всего доставалось за их общие шалости. По Марии он скучал. Скучал очень сильно в первые дни их расставания, боялся за неё. Теперь же, после того происшествия с Алесией, ему приходилось самого себя убеждать в том, что он скучает по этой девушке. Конечно, они были друзьями, конечно, они всегда были очень близки, даже пожалуй, больше, чем просто друзья, они были братом и сестрой, но... Альфонс Браун чувствовал доселе неиспытанное им чувство — ему до смерти не хотелось делиться. Делиться властью, богатством, приобретёнными им. Ему до смерти не хотелось отдавать трон. Ал никогда раньше не замечал у себя жадности. Быть может, поэтому, с этим чувством было так трудно бороться? Никогда ещё до этого момента Ал не замечал у себя этого гнетущего чувства, когда прекрасно понимаешь, как всё должно быть, но до безумия хочешь, чтобы всё было

совсем не так, когда хочешь, чтобы твоим было всё, что только возможно. После своего пробуждения после того случая Альфонс долго лежал в постели и не видел ровным счётом ничего, кроме белого потолка своей спальни, но, встав с кровати, парень ощутил такой прилив сил, какого у него не было, пожалуй, ни разу в жизни. Ему хотелось что-то делать. Хотелось быть в курсе всех событий, которые только могли произойти. Брауну порой самому казалось, что его подменили. Он будто заново родился. Всё то, что никогда не было интересно ему, стало почти необходимым. За то время, которое не было Теодора Траонта, он успел собрать три совета, а так же, посетить большую часть министерств с целью проверить работу своих министров, которые на поверку оказались самыми обычными лентяями и мошенниками, которых он, разумеется, был настроен сменить сразу же, как найдёт подходящую кандидатуру. Ал ни разу в жизни не чувствовал себя настолько заинтересованным. Будто бы, сейчас, здесь он решал судьбу собственного мира, а не чужого королевства Орандор, которое и знакомо то было ему едва-едва... Пожалуй, всё-таки, он скучал по Марии. Скучал по её безумным выходкам, по наглой улыбке, по вечно смеющимся глазам...

А ещё Браун боялся, до ужаса боялся того, что кто-то когда-нибудь посмеет предъявить свои права на королевский трон. Ал был никем. Чужестранец. Мальчишка. Простолюдин. Человек. В королевстве было так много людей, целых родов, которые имели на трон куда больше прав... Да что там говорить! Самый последний крестьянин имел на престол прав больше, чем он — Альфонс Браун.

Надо бежать. Бежать скорее, чтобы никто не успел убить его. Бежать на Землю, как только найдётся Мария! Бежать к отцу, к вечно пьяной матери, к надоедливym кузинам! Бежать! Плюнув на всё остальное. Бежать! Зачем нужно будет какое-то королевство, если он будет мёртв? Нет... Ведь для этого нужно отступить от трона, позволить кому-то захватить его... Он не может отступить. Он не имеет права на это. Как же, как же можно отступить? Теперь? Теперь, когда он уже начал осознавать, каким он может это сделать это королевство? Невозможно. Невозможно отступить! Немыслимо! Нереально! Ужасно! Разве можно позволить себе такое? Нет... Теперь уже нет обратной дороги... Альфонс просто обязан остаться в этом королевстве, править в нём, не позволить никому забрать то, что принадлежит теперь ему по праву...

Разве может он позволить кому-либо забрать у него это сокровище?!

Зачем-то парню теперь вспоминается Роза, эта тихая маленькая девочка, которая всегда его невероятно раздражала, и о которой он никогда не смел сказать плохого слова, чтобы не разозлить Марию. Роза... Эта вечно-правильная трусишка, которая вечно путалась под ногами, пытаясь то и дело давать наставления... Как же она раздражала! И теперь именно она вставала у него перед глазами и не одобряла его, его внезапно пробудившуюся жадность... Алу хотелось ударить её, физически хотелось ударить, если бы только эта девочка вдруг оказалась здесь... Её не было. Но Альфонс чувствовал, как начинает злиться. Такой злости он никогда раньше не испытывал. Такой ярости — такой непонятной, страшной и... приятной. Браун никогда не испытывал чувства настолько сильного.

Ярость... Отчего она появилась? Что его заставляло так злиться? Что заставляло его думать так, как было совершенно несвойственно ему? Альфонс старался лишний раз не задавать себе эти вопросы. Это заставляло его только лишний раз беспокоиться, метаться по комнате, всё время нервничать... Не стоило лишний раз нервничать. Особенно сейчас. И так, поводов для волнения предостаточно.

В кабинет осторожно, стараясь не потревожить постоянно пребывающего в дурном настроении монарха, протискивается Леонард. Парень кажется бледным, рыжие волосы его прилипли ко лбу, Ал не слишком хорошо понимает — отчего. Во дворце в последнее время очень холодно. Леонард казался слишком взволнованным. Пожалуй, Ал и обратил бы на это своё внимание раньше, но... в последнее время много что успело произойти. Да и Леонард эту неделю был крайне нервным. Он всё время озирался по сторонам, словно бы выискивая невидимую другими угрозой, он никогда теперь не говорил с Альфонсом, предварительно не заперев за собой дверь и не затворив ставен... Что-то безусловно пугало его. В последнее время младшего из сыновей герцога Кошендблата, казалось, будто подменили. Впрочем, про себя Браун мог сказать аналогичное. Итак, похудевший за эти несколько недель, бледный, с горящими безумием и ужасом глазами, Леонард смотрел на него. Он старался ходить как можно бесшумнее. Только вот дверь в кабинет Ала ужасно скрипела, а менять её казалось даже глупым. Кошендблат, как и обычно за эту неделю, затворил дверь, оглянулся по сторонам, чуть присел, а потом зверем подскочил к окну, закрыл его, а потом поправил занавеску. Лео крупно потряхивало, пожалуй, не знай его Альфонс раньше, он бы счёл Кошендблата трусом или неврастеником. Леонард крупно дрожал, его губы то и дело складывались то в одной, то в другой нервной усмешке, а глаза бегали, старательно высматривали что-то.

Альфонс, впрочем, решил остаться верным своей привычке и не слишком обращать внимание на нервное состояние друга — мало ли с кем могло произойти подобное? Понервничает и успокоится. Ал садится в огромное, под стать столу и самому кабинету, кресло, облокачивается на спинку и спокойно смотрит на Лео. Этот парень не соперник ему. И Браун прекрасно чувствует это. Леонарда не стоит бояться. Кошендблат не имеет никаких планов на трон, на Орандор. Он обычный слуга, тот, кому, пожалуй, стоит доверять, но кому Альфонс доверять не в силах. Слуга, который должен безропотно выполнять все приказания.

— Я хотел сказать тебе... то есть, вам, что ситуация со стороны представителей высшей знати не только не улучшается, но и, будто бы, становится с каждым днём только хуже... — срывающимся голосом шепчет Леонард.

Голос герцога дрожит. Он снова оглядывается, потом осторожно делает пару шагов навстречу Алу, весь трясётся от непонятого молодому королю ужаса, руки Лео дёргаются, он весь кажется будто бы заболевшим. Пожалуй, Альфонсу стоит как-нибудь отвести Леонарда на Землю и сводить там к психиатру, это будет только полезно. Юный Кошендблат смотрит на короля с такой надеждой, что тому становится не по себе.

Ал кивает и подносит ко рту красивый фарфоровый стакан, Джулия говорила, что он был сделан ещё при какой-то королеве Аделаиде, с водой, но отпить из него не успевает — Лео выбивает посуду из его рук. Осколки рассыпаются по каменному полу. Альфонс удивлённо смотрит на юного герцога. Тот отчего-то делает шаг назад и испуганно жмётся к шкафу с книгами. Король пожимает плечами и встаёт, делает несколько шагов по направлению к рассыпавшимся по полу осколкам, садится на колени и начинает их собирать. Лео некоторое время стоит, не понимая, что ему делать, потом присаживается рядом и начинает помогать Алу. Молодой монарх усмехается, потом встаёт, проходится пару раз взад-вперёд по комнате, садится обратно в кресло. На его столе стоит кое-как залезшая в маленькую рамочку, которую помогла сделать Джулия, помятая фотография, на которой изображены они с Марией. Фотографии было, пожалуй, лет пять. Ал был таким маленьким тогда...

Леонард смотрит на короля настороженно. Альфонсу давно надоело это переглядывание, но он почему-то не говорит ни слова, хоть тишина его и раздражает. Последний из сыновей лорда Кошендблата в последнее время становится только всё более и более нервным, и молодому монарху никак не понять — отчего именно. Пожалуй, стоило доставить Хельгу, сестру этого чокнутого, во дворец, пока тот не натворил бед, а в таком состоянии такое почти неизбежно. Впрочем... Может, лучше отослать Леонарда в поместье леди Траонт? Герцогиня вряд ли отпустит единственную подругу сына... Хотя... Да. Она не отпустит. Хельга, Реми, Седрик и этот странный паренёк Жан, подозрительно схожий с волшебником-недоучкой, оставались в имении принцессы одни — ведьма отправилась в какое-то путешествие, никому толком не рассказав, что это такое.

Интересно, как звали отца Джулии, Генриха и Теодора, того старого короля, кому когда-то принадлежал этот дворец, дворец, который теперь принадлежит новому королю, ему — Альфонсу Брауну. Интересно, каким королём был тот человек? Джулия с уважением отзывалась о своём отце. А уважение такой женщины, как леди Траонт, пожалуй, следовало заслужить. Джулия была той, чьё уважение Ал, пожалуй, хотел бы заслужить. Дворец был огромным. И достаточно древним. Когда граф Хоффман повёл Марию в подземелья, тогда, когда их всех могли бы убить люди, прорвавшиеся в королевскую резиденцию, оказалось, что те, так называемые «нижние покои» были построены немногим позже после раскола мира.

Раскол мира... Как же смешно всё это звучало теперь... И насколько много тайн теперь становились понятными... Альфонс много читал с той поры, как стал королём. Его занимали эти разнообразные тайны, в которые он теперь был погружён, его занимала история, полная неизведанного и непонятного, его занимало само правление, сама власть над всеми этими людьми в королевстве Орандор. И больше всего на свете Ал теперь боялся понять, что он такой же слабый правитель, как и Генрих. Теперь это стало, пожалуй, даже более страшным кошмаром, нежели то, что его собственность — трон и власть — может кто-то отнять.

— Да, я понимаю, — отвечает Браун на словно повисший в воздухе вопрос. — Мне кажется, у меня есть одна идея, как заставить их всех молчать.

Леонард, только устроившийся на стуле, на который Альфонс предложил ему присесть, вздрагивает снова и вскакивает со своего места. Юный герцог осторожно поворачивается назад и с жутким воплем падает на пол. Ал подскакивает к другу, в ужас оборачивается, но не видит сзади себя никого. Парень выбегает из кабинета, кричит, зовёт кого-то — он уже и сам вряд ли вспомнит, что именно он орал тогда, он помнит только свой ужас, который пришёл в тот самый момент, когда Леонард упал.

Король помнит только служанку, едва посмевающую подбежать к нему, чтобы услышать приказ, помнит только врача, того самого знахаря, что когда-то лечил и его, Ала, помнит только лицо такого же перепуганного Дика Кошендблата, подбегающего к брату и судорожно разглядывающего какое-то пятно на шее Леонарда. Странное пятно... Кажется, на шее юного герцога не было крови. Пятно было фиолетовое, странное, оно не оставляло совершенно никаких следов на руке старшего брата Лео. Оно будто находилось под кожей младшего Кошендблата.

— Что это? — упавшим голосом спрашивает Дик. — Ты не знаешь, что это?

Альфонс качает головой. Ему до сих пор трудно перевести дух после того, что произошло. Ему стоит прийти в себя после этого. Отчего-то королю кажется, что то

существо, которое напало на Леонарда, до сих пор находится в его кабинете. Что это за существо такое? И почему Лео видел его, когда ни Дик, ни Ал это существо не видят? Альфонс снова жалеет, что рядом с ним нет Марии — та обязательно бы что-нибудь придумала, потому что она постоянно что-нибудь придумывала. И она, казалось, видела несколько больше, чем видел Браун.

Алу так не хватает её... Так не хватает... Он смотрит на лист бумаги, оставленный на его столе кем-то за время его беготни в поисках слуг. Король подходит к столу, берёт ветхий, почти рассыпающийся, пергамент в руки и пытается что-то прочесть. Но на листке он видит только непонятные ему несколько слов: «Enzy dagra skamen jag kommarie tillue dig»...

Жизнь в Академии была скучной и трудной. Приходилось постоянно следовать разным глупым правилам: слушаться учителей, читать по несколько страниц каждого учебника в день, читать много художественной литературы, практиковаться в магии, решать задачки... Всё это было так скучно и глупо, что Леонард отдал бы всё за шанс снова оказаться дома, рядом с мамой и бабушкой. Ну и, желательно, без братьев и сестры. Все они страшно задавались, к тому же, считали, его самым маленьким и, следовательно, самым худшим товарищем в играх. Пожалуй, они были правы — играть вместе с Лео далеко не всегда было весело, но... мальчику было обидно такое отношение к себе. Он никогда не хотел быть хуже кого-то. И уж тем более, не хотел быть хуже глупых старших братьев, ничего не понимавших в жизни и в играх.

А Хельга была девчонкой. С ней, вообще, не слишком интересно было играть. Нет, конечно, дралась она достаточно здорово — Лео с сожалением посмотрел на шрам от укуса, оставленный его «любимой» сестрёнкой — но от этого во всякие другие игры играть с ней было ни капельки ни интересней. Например, из-за того, что Хельга всегда дуется, когда что-то идёт не по её правилам, и это порой сильно раздражает Леонарда.

Теперь Хель подружилась с мальчиком со своего факультета, юным лордом Седриком Траонтом, сыном этой странной властной женщины, которая так часто посещала Академию и наводила ужас на всех преподавателей. Леонарду хотелось бы иметь такую маму. Впрочем, его мама тоже была очень сильной и тоже очень любила его. Порой мальчику казалось, что она любила его куда больше его старших братьев. А вот отец... Ему не нужен был ещё один мальчик. У герцога Кошендблата было больше, чем достаточно сыновей. И Леонард был совсем не нужен.

— Мистер Кошендблат! — слышал он каждый день по несколько раз. — Ответьте, пожалуйста, на вопрос!

И каждый раз ему было настолько противно... И каждый раз ему было так жаль себя, что... Леонард всегда хотел покинуть эти стены. Покинуть это огромное белоснежное здание, длинное, с кучей разнообразных щедро украшенных арок, посередине которого находится такая же белоснежная и богато украшенная башня с куполом из самого таинственного во всех трёх мирах камня — арманерона, белого, «как душа жрицы погасшего, но возродившегося солнца», как называли иногда этот камень... Леонарду, по правде говоря, нравилась легенда о том, что этот камень — сердце Белой жрицы, убитой Танатосом. Это была красивая легенда. Красивая и интересная. Лео всегда хотелось оказаться в том времени, когда свершались все эти легенды, когда жили Хейден и Хериан — легендарные сердца тьмы, как их любили называть в разных сказках...

Леонарду было одиноко в его мечтах. Хельга мечтала лишь о принцах и любви, а это всё представлялось мальчику таким глупым и противно-приторным, что разговаривать с ней о

мечтах было глупо, Дик мечтал о том, чтобы от него поскорее все отвязались и оставили его наедине с учебниками латыни и кельтского, а остальным старшим братьям было уже неприлично мечтать из-за их возраста...

Леонард взял в руку камень, захваченный им по дороге в спальную башню, и кинул его в пруд, простирающийся перед зданием Академии. Вода всколыхнулась и на несколько мгновений перестала быть такой раздражающе-гладкой, как обычно.

— Почему ты грустишь? — вдруг слышит он смутно знакомый голос. — Разве тебе не нравится учиться в Академии?

Перед ним сидит девочка, которой на вид лет столько же, сколько ему и Хельге. Она в подобном платьице с рюшечками и ленточками, от которых Леонардо тошнит, светлые локоны её уложены так аккуратно и красиво, что мальчику хочется разве что оттолкнуть её от себя.

Юный герцог Кошендблат недовольно качает головой, вскакивает с места и, оттолкнув от себя незваную нарушительницу его покоя, сбегает по ступенькам «рубиновой» лестницы, прозванной так за нарисованную на стене Хелен, символом которой являлся как раз-таки рубин — красивый бардовый камень.

Леонард бежит по лестнице как можно быстрее, чтобы только не встречаться взглядом с этой несносной девчонкой, посмевавшей спросить его о чём-то.

Алесия чувствует себя напуганной и уязвлённой в этой комнате, куда её зачем-то притащили. Она чувствует себя совершенно незащищённой, когда остаётся наедине с этим человеком. Девушке хочется сбежать отсюда, но она прекрасно знает — что побег совершенно невозможен. Сколько раз, встречаясь с этим — назвать его человеком не поворачивался язык — чудовищем, она убеждалась в этом. У него не было сердца. И он не умел чувствовать и переживать. Порой ей так казалось.

Алменская империя совсем не была самым безопасным местом на Осмальерде, вопреки мнению её жителей. Напротив, возможно, это самое опасное место на Осмальерде. Во всяком случае, для Алесии Хайнтс. Она же чувствовала себя здесь уязвимой куда больше, чем дома, в своём особняке, чем в доме у Хоффмана или у Горация, хотя и там она никогда не чувствовала себя в безопасности. Но там хотя бы были люди, которые хоть как-то могли защитить её. Даже во дворце Орандора она чувствовала себя куда спокойнее, нежели здесь, хотя прекрасно знала, что тот, кого именно она боится, спокойно может войти в практически любой дом, может её достать в любом месте... Но в любом другом месте хотя бы были люди. Она знала — тот человек ни за что не посмеет напасть на неё, если это нападение сможет кто-то увидеть. Ему не нужны лишние свидетели. Ему не нужна лишняя работа. А она допустила такую ошибку, оказавшись здесь и сейчас, существенно облегчая ему его задачу. И теперь, теперь — за то, что мисс Хайнтс оказалась в доме этого человека — ей стоит винить только себя и своё легкомыслие.

Алесия смотрит в его серые, полные леденящего душу безразличия, глаза и чувствует, как к её горлу подступает ком. За что? За что она не пошла другой дорогой? На что она понадеялась, отправляясь в чужую страну одна? На себя? За это она и поплатилась... Поплатилась — это точно. Теперь она будет осторожнее... если он, конечно, отпустит её.

В любом случае, он прекрасно подгадал момент — застал её врасплох. Он всегда умел подкрасться к ней так, чтобы заставить её волноваться при виде его ещё больше. Как же она ненавидела его... Ненавидела! Вот если бы с ней сейчас оказался хоть кто-нибудь... Нет. Она совсем не хотела этого. Она знала, прекрасно знала, что умеет этот человек, она

прекрасно помнила, что произошло с Алом, когда тот захотел вмешаться... Девушка чувствовала себя такой виноватой перед этим парнем. Ведь он почти единственный, кто нормально к ней отнёсся. И он пострадал из-за неё. Этот ублюдок, этот... называть его человеком казалось кощунством, посмел применить свою магию и на нём.

— Отпусти... — тихо, даже не надеясь на то, что он поймёт и исполнит это, просит она его, — я не сделала тебе ничего дурного...

Мужчина усмехается, подходит к ней ближе, наклоняется — так, что его серые глаза оказываются на уровне её прекрасных синих глаз, долго смотрит на неё. Отчего-то сейчас Алесии думается, что он похож скорее на зверя, нежели на человека или мага. В его серых глазах нет ничего человеческого, зато полно звериного — ярости, инстинкта охотника, превосходства охотника над загнанной в угол жертвой...

Алесия старается успокоиться. Как же ей хочется сейчас зареветь. Зареветь от обиды и несправедливости. Но она прекрасно помнит и знает — сейчас этого делать ни в коем случае нельзя. Этого человека её слёзы лишь будут раздражать. Не стоит злить его ещё больше. Ни в коем случае не стоит.

Но так же она чувствует, что больше не может, не может больше терпеть.

Девушка тихо заплакала. Впрочем, как заплакала — просто слёзы вдруг непрекращающимся потоком покатились по её щекам, но не было слышно ни всхлипов, ни сдавленных рыданий. У неё не было сил даже пошевелиться. Она чувствовала себя так плохо... За какие грехи ей всё это? Рядом с ней стоял этот, до безумия противный ей человек. Странно — у неё ведь были друзья, друзья, которых ей ни за что на свете не стоило покидать. Они бегали рядом, тормозили её, пытались как-то успокоить, развеселить... Только ей это уже не помогало. За что ей было это? Она никого в своей жизни не убила для того, чтобы страдать так. Она никого даже не обманула в своей жизни. Девушка чувствовала себя такой брошенной, одинокой, оставленной всеми... А теперь — он. Этот человек, жизнь от одного существования которого становилась просто невыносимой.

Он стоял прямо перед ней и смотрел на неё, смотрел, как она плачет, как теряет остатки самообладания, снова, как и всегда, когда они оставались одни. Смотрел и улыбался. Улыбался её страданиям, её страху. Ему словно нравились эти её чувства, словно они приносили ему ни с чем не сравнимое удовольствие.

— Будь человеком! — просит она, глотая слёзы. — Пожалуйста, Райан! Пожалуйста! Пожалуйста, будь человеком! Райан!

Мужчина смотрит на неё удивлённо, наклоняется к ней ближе, смотрит, будто непонимающе... Смотрит с каким-то насмешливым сочувствием, от которого становится до безумия горько и страшно. Алесии хочется встать, хочется выскочить за пределы этого проклятого дома, чтобы только не видеть больше этих насмешливых злых серых глаз.

Почему-то Алесии думается, что этот мужчина, почти похитивший её, силой притащивший сюда, в эту тесную комнатку, в которой едва помещались кровать, два стула и стол. Племяннице короля хотелось ударить, убить этого гада, что заставлял её раз за разом чувствовать такой страх и такую боль...

— А ты думаешь, я — человек? — спрашивает он. — Я всегда знал, что ты дура, но чтобы настолько...

Называемый Райаном вдруг резко дёрнулся, оказался дальше от неё, от её лица, чем обычно предпочитал быть. Алесия чувствует, что снова, наконец, может дышать — когда Райан был слишком близко, это способность словно пропадала. Девушка хватается за горло,

громко всхлипывает — что совсем не было присуще ей обычно — и вдруг заходится в рыданиях. Райан не обращает на это никакого внимания. Он берёт в руки какой-то кубок, берёт нож, медленно, словно смакуя каждый шаг и каждый миг её страдания, подходит, осторожно, словно боясь причинить боль, нажимает лезвием на тонкую кожу на запястье Алесии, собирает выступившие капли в кубок, взятый им.

— Отпусти! — шепчет она, захлёбываясь в слезах. — Отпусти! Отпусти меня, Райан! Я не виновата в том, в чём ты меня обвиняешь, Райан! Пожалуйста! Пожалуйста, не делай со мной этого! Пожалуйста! Что я тебе сделала?

Райан останавливается и внимательно смотрит в её голубые, широко распахнутые от ужаса глаза. Словно читая всё, что она только думала, что только делала в своей жизни. Смотрит на скатывающиеся по щекам слёзы, осторожно и почти нежно проводит по её бледной щеке... Она со страхом, застилающим ей разум, последнее, что осталось от него, смотрит на мужчину, просит... Он останавливается, убирает нож от её руки...

— Ох, Элис... — ласково, почти виновато, шепчет он, одной рукой глядя её по светлым растрепавшимся волосам, — ты ничего мне не сделала...

В следующую секунду нож испаривает девушке горло. Райан почти мгновенно подносит к шее Алесии кубок, наполняет его её кровью, с наслаждением наблюдая за этим.

Комментарий к II. Глава двадцать первая. Девятый обрывок недуга.

* Мюзикл “Странная история доктора Джекила и мистера Хайда” — Добро и зло

===== II. Глава двадцать вторая. Десятый обрывок безразличия. =====

Древний камень у межи
Перекрестками объят
Две дороги сторожит.
Хочешь — в ад, а хочешь — в рай
И куда тебе пора,
Ты гадаешь по часам,
Другом звался мне вчера.
Кем теперь? Не знаешь сам.
Дорога вперед, дорога назад.
Потерянный друг, обиженный брат,
Что выберешь ты своею тропой,
И кто у ведет тебя за собой?
А в рай так длина, а в ад так легка,
Там черти предложат выпить пивка
И скажут: твои мы навеки друзья,
Захочешь уйти, да будет нельзя.
Ты в молчании своем,
Так похожем на доспех,
Споря с грязным вороньем,
Враз забыл и проклял всех.
В поле ветру расскажи,
Как отверг слова мои,
Как не ведал, что от лжи
Исцеляет яд змеи.
Дорога вперед, дорога назад.

Смятенной души затравленный взгляд
Летит мотыльком на адский огонь,
И смех сатаны несется вдогон,
А к раю тропинка долбит висок.
Кричат под ногами кровь и песок
Под слоем часов, месяцев, лет,
Под грязью и глиной прячется след.
Выпив злобу и печаль,
Не оставив ничего.
Я устала биться в сталь
Двери сердца твоего.
А тебе дороже нить
Замороженной тиши,
Легче в спину нож вонзить,
Чем достичь твоей души.
Дорога вперед, дорога назад,
Куда повернешь, в рай или в ад?
Бьет ангел крылом, спасая тебя,
Черт лесть разливает душу губя.
К чертям так легко бывает идти,
В рай ноги сбивают камни пути,
И в сердце кровит тревожная дрожь...
Ах, если бы знать, куда ты пойдешь...*

Осмальерд был, как оказалось, в принципе, во многом похож на Землю. Пожалуй, в далёком прошлом, эти два мира были похожи ещё больше, но сейчас всё было немного не так. В Осмальерде была магия, которой не было на Земле, во всяком случае, не было в таких количествах. Наверное, именно это создавало некоторые различия в техническом развитии этих двух миров. Хоть, пожалуй, Мария могла сказать это теперь, то королевство, в котором жил и работал Хоффман, казалось куда более привычным для неё, как для человека, всю жизнь проведшего на Земле, нежели Орандор, принцессой которого ей нужно было стать. Тут было почти всё, к чему она так привыкла. Ну... Почти всё... Не было разве что интернета, персональных компьютеров, телевизоров... Зато было радио, которое оказалось почти интересно послушать. Наверное, именно так сидели лет сто назад люди на Земле, слушали радио, читали газеты, говорили о событиях, происходящих в своей стране, в мире, не особенно представляя саму картину того, что именно происходило. А ещё был граммофон с музыкальными пластинками. Марии было очень интересно посмотреть на это — самая старая вещь в её доме была куплена незадолго до её, Марии Фарелл, рождения, а самая старая в доме Ала — лет тридцать-сорок назад. Марии, по правде говоря, очень не хватало таких красивых старинных вещей, которые были дома у миссис Шаттри, которая, правда, почему-то просила называть себя не иначе, как мадам Рошшер. В доме старушки было просто море самых разнообразных старых часов, пластинок, фотокарточек, радио, был и граммофон, правда в Осмальерде это изобретение воспринималось совсем иначе. Теперь Осмальерд даже начинал нравиться мисс Фаррел. Орандор был скучным королевством, жившим по средневековым порядкам, а в, кажется, королевстве Анэз уже существовали автомобили, заводы, радио... Тут, пожалуй, было совсем другое представление об искусстве,

посмотреть на которое тоже оказалось очень интересно. Впрочем, Фаррел не знала — на самом ли деле оно совсем иное, нежели на Земле или просто шло тоже с некоторым опозданием (или же, напротив — опережением). Впрочем, несостоявшейся принцессе здесь почти нравилось. Мердоф, исполняя указания Хоффмана, даже сводил её на пару выставок, чтобы Мария смогла получше понять Осмальерд. Несостоявшейся орандорской принцессе даже понравилось бродить по этому застеклённому павильончику, смотреть на яркие картины, художников которых она не знала, понравилось любоваться небом через стеклянный купол павильона, понравилось после выставки сидеть в небольшом кафе и есть мороженое, которое было куда вкуснее, чем у неё дома. В Орандоре всё было иначе — кое-как выложенные мостовые, будто наспех, плохо одетые, плохо пахнущие люди. Это не могло сильно нравиться и было весьма непривычно. Особенно после Земли. К тому же, там не было такого количества интересных книг, нот, картин, как в Анэз. Было высокое голубое небо, яркое солнце, зелёная трава, маленькие домики... Только вот это Марии как раз нравилось меньше всего. Эти маленькие, словно сказочные домишки, на которые, казалось, достаточно было слегка подуть, чтобы они развалились, сильно раздражали девушку. Бывшая принцесса и сама вряд ли бы ответила на вопрос — почему. Просто раздражали. И всё.

«Почему?» — глупый вопрос... Особенно, когда не знаешь, что на него ответить.

Мария встала уже достаточно давно, но с постели вставать не спешила. Кажется, на Земле уже начался учебный год. Школа. Уроки. Сумки, полные учебников, тетрадей и блокнотов. Пожалуй, девушке совсем не хотелось оказаться там — на Земле — сейчас. В Осмальерде ей никто не мешал заниматься тем, чем ей хотелось заниматься — бумажками, книжками, собственными блокнотиками, исправлением того, что было написано в этих блокнотиках... Пожалуй, ей не хватало мамы и Розы, которые, хоть и сильно раздражали, были такими привычными... По вечно дрожащему голосу Розы и своим снисходительно-презрительным ответам младшей сестре. По маминому занудству, которое не так давно выводило её из себя. Конечно, она грустила по Алу. По его шуткам, по человеку, который всегда находился рядом. По человеку, всегда готовому её поддержать, даже в тех ситуациях, когда она явно была неправа. Несомненно, она скучала по дяде Джошуа. По его понимающему взгляду, по машине в его гараже. По человеку, ближе которого у неё, пожалуй, никогда и не было...

Погода за окном была просто прекрасная. На самом деле. Можно было перестать сидеть взаперти, выйти на улицу, вдохнуть полной грудью тот воздух, загрязнённый производственными отходами — тут всё ещё дымили заводы, такие, о которых можно было прочитать в книгах о конце девятнадцатого и начале двадцатого веков, о которых можно было посмотреть в фильмах о тех временах. Вид на красные кирпичные трубы и такие же красные кирпичные заводы был, пожалуй, не так плох. Во всяком случае, теперь никто не копошился в стене (Мария была уверена, что за стеной ничего не было, а значит оставалось думать только о том, что кто-то мог поселиться в другом измерении, как было написано в одной из тех книг, которые Мердоф ей притащил), не так ярко светило солнце в окно по утрам... Правда, куда больше этих людей, постоянно суетящихся, пробегающих прямо под окном, но это, пожалуй, потерпеть куда проще. Окна квартиры, в которой их поселил Хоффман, выходили на завод, принадлежащий ему же.

Мария потянулась и бросилась одеваться. Не хватало ещё проваляться в постели весь день. Раньше такого никогда не случалось. Когда рядом был Ал, пожалуй, просто не умеющий вставать поздно и валяться без дела. Вот Мердофа, казалось, такое положение

вещей весьма устраивало. Он, вообще, не любил куда-то выбираться. Что же... В крайнем случае, она пойдёт одна. В конце концов, ничего страшного не случится. Ну... Не должно случиться.

Одевшись, несостоявшаяся принцесса на цыпочках, стараясь не шуметь, выходит из своей комнаты. На диване в гостиной, как и ожидалось, развалился крепко спящий Мердоф, очевидно, вставать не собирающийся. Что же... Мария примерно знала, что всё будет именно так: Айстеч будет сладко спать, а ей придётся стараться не разбудить её. Потому что иначе она уже никуда не пойдёт, во всяком случае, сегодня. В гостиной было довольно прохладно. Во всяком случае, куда холоднее, чем в комнате, где ночевала Мария. Мердоф лежал на диване и сладко спал. Одежда сползало с него и бывшая принцесса, немного подумав, осторожно поправила его перед тем, как выйти из комнаты, а потом и из квартиры.

Парадная дома, куда поселил их Хоффман, находилась, как оказалось, под строгим надзором мадам Парготтерри, пожилой сухенькой женщины, всегда одетой в бархатное платье тёмно-синего цвета, со стальными нервами и характером, которую, казалось, Мердоф весьма побаивался. В парадной запрещалось почти всё — от громких разговоров и уличной обуви, надевать которую разрешалось лишь перед выходом, до ночных посиделок. Пожалуй, Марии даже хотелось, что там, на Земле, в её родном — или не совсем родном — Эйджаксе, где она выросла.

На улице было ещё довольно тепло. Светило то самое солнце, от которого девушке сегодня почему-то не особенно хотелось прятаться. Обычно в такие дни Альфонс буквально силой вытаскивал её на улицу, чтобы они могли нормально погулять, без Розы, без всех остальных. Не так далеко от их дома находился лес... Там им всегда запрещали гулять. И именно там они часто проводили свободное время. Ал всегда старался разбудить её пораньше, чтобы они не наткнулись ни на кого из знакомых взрослых, которые могли их остановить и даже отправить обратно домой. Впрочем, Мария и сама старалась вставать как можно раньше — тогда был шанс проскочить мимо мамы и не заниматься весь день надоедливой младшей сестрой. Девушка всегда завидовала другу, у которого не было младших братьев или сестёр. Точнее были, но двоюродные, которых он видел, пожалуй, два-три раза в год. Фаррел казалось, что это было идеально.

Роза вечно чем-то болела. Мама постоянно возила её по больницам. Мария не мешала. Правда, не мешала. Она никогда ни в чём не упрекала до какого-то момента сестру, она готовила себе еду сама, она умела гладить, стирать свои вещи и делала это. Её никогда не приходилось заставлять. Но... Делать что-то за Розу было противно. Старшая сестра сама порой не понимала, откуда в ней столько презрения и ненависти к этой малышке. Роза не раздражала её первые несколько лет. Точнее, не очень раздражало. Было обидно, конечно, что ей, Марией, мама почти перестала заниматься, но не было той ненависти, того неприятия, которое появилось после — когда мама стала просить её сидеть с Розой. Именно тогда появилось то презрение... Пару раз Мария едва справлялась с искушением толкнуть сестру под машину. Почему Роза не могла делать сама то, с чем и в более раннем возрасте справлялась сама несостоявшаяся принцесса Орандора.

Интересно, когда именно здесь начинает холодать? Должно быть, так же, как и на Земле. Было бы интересно заставить Мердофа выйти на улицу зимой, чтобы покидать снежки и попробовать выстроить снежную крепость. Ал бы оценил. После их игр на улице зимой так болели пальцы. Мария потом опускала руки в холодную воду... И ей всё равно казалось, что вода горячая. Эх... Девушка толком не знала, чего ей хотелось больше —

остаться здесь, среди тех людей, с которыми она познакомилась, или проснуться на Земле, узнав, что всё это ей приснилось.

Мария, оказавшись в холле здания, где, по её сведениям, должен был сейчас работать граф Хоффман. Какая-то девушка, одетая в строгое чёрное платье с белым воротником проводила её до кабинета этого человека. И в кабинете его, конечно же, не оказалось. Да, пожалуй, нужно было попросить у Мердофа план организации, чтобы не бегать по всему этажу в поисках графа, который, возможно, вообще, сегодня не пришёл. Её невнимательность и растерянность когда-нибудь её погубит. Точно. Нужно было прекращать читать по ночам странные осмальердские художественные произведения (которые были весьма не плохи, и если бы Мария умела как следует рисовать, она обязательно попробовала что-нибудь к ним нарисовать) и начать заниматься более важными делами. Например, перестать забывать, что и у кого нужно спросить.

Хоффман находится в комнатке за кабинетом. Стоило только повернуть корешок одной книги на стеллаже, чтобы можно было туда войти. Мария уже успела привыкнуть к этим механизмам, хоть они и не слишком ей нравились. Сначала это было даже интересно, но постепенно стало напрягать — слишком уж непривычно это всё было. Да и в душе просыпалось сомнение на счёт того, кем на самом деле являлся этот человек. Сейчас граф сидел на полу и старательно пытался разглядеть бумажку, лежащую прямо перед ним на полу. Он выглядел так странно для человека, внушавшего ужас своим подчинённым, производившего впечатление уверенного и успешного представителя высшей знати... Он сидит на полу и пытается разглядеть старую помятую фотографию, которую, кажется, Марии уже как-то случилось видеть. Одет он был так же, как бывал одет обычно, выглядит почти так же, только вот бывшей принцессе почему-то кажется, что всё не совсем так, как должно быть.

— Я вижу, что вы не в лучшем состоянии для разговора, граф, — говорит девушка, чувствуя себя немного неловко от осознания того, что ей приходится видеть эту картину. — Мне, пожалуй, стоит зайти попозже. Пойду погуляю по городу...

Мужчина поворачивается, но не встаёт. Видеть его бледное, ещё более худое, нежели всегда, лицо кажется странным. Мария смотрит в его глаза и почему-то отводит взгляд. Радужка глаз этого человека сейчас кажется чёрной, и хотя девушка плохо помнила, какой она должна быть на самом деле, этот факт казался ей неправильным.

Граф сидит на полу, теперь смотрит на неё, а она вдруг чувствует, что ей куда больше хотелось бы сейчас выслушивать вечные причитания Мердофа, который волновался за неё куда больше, чем, пожалуй, следовало. Впрочем, ему дали приказ не выпускать её из виду. Мария прекрасна помнила этот момент, и парень переживал за свою карьеру под началом Хоффмана, который, вероятно, был вовсе не таким безобидным, как пытался казаться бывшей принцессе.

— Нет, проходи! — отвечает он мрачно. — Проходи, я... Я сейчас встану.

И девушка проходит, садится на диван, стоящий рядом, ждёт, пока граф поднимется и сочтёт или не сочтёт нужным объяснить, что именно у него произошло. Пока она с интересом разглядывает комнату. Марии никогда не случалось бывать именно в этой. Почти все вещи в доме Хоффмана, в его рабочих кабинетах отличались простотой, но такого она ещё не видела. Диван, на котором она сидит сейчас, пожалуй, существует, если не столько лет, сколько сейчас графу, то, во всяком случае, является ровесником Ала и Марии. Истёртая обивка, вылезшие в некоторых местах пружины... У Альфонса дома когда-то было что-то

подобное. Пока дядя Джошуа не бросил пить и не занялся этим. Когда-то, когда Ал прибежал к ней домой, просился ночевать, потому что не хотел больше слышать ссор и скандалов, затеваемых его матерью.

Вещи, которые принадлежали графу Георгу Хоффману, всегда отличались простотой, отсутствием роскоши и излишеств, что было, во всяком случае, так казалось, весьма странно для человека его круга и положения. Мария на многое в Осмальерде смотрела с удивлением. Быть может, этот мир был ей родным, быть может, она была избранной, кем-то, про кого раньше она читала в книжках, но, всё-таки, выросла она на Земле, и обычаи Осмальерда казались ей чужими.

Мужчина садится на соседний диван, такой же потрёпанный и старый, как и тот, на котором сидит бывшая принцесса. Он тоже отчего-то старается не смотреть ей в глаза, постоянно трёт виски, и девушке думается, что, если она, вдруг, попадёт на Землю снова, ей стоит привести Хоффману несколько пачек обезболивающего. Мария прекрасно знала, каково это, когда очень сильно болит голова. Как ни странно, в отличие от большинства людей, самочувствие её ухудшалось не от дождливой сырой погода, а, наоборот, от яркого солнца.

— Ты ведь не знаешь Алесию, да? — говорит граф с какой-то неохотой, словно вытягивает из себя эти слова.

Алесия... Пожалуй, несостоявшаяся принцесса прекрасно знала, кто это. Она видела эту девушку рядом с Алом на том балу. Алесия была весьма красива и весьма обаятельна, красиво смеялась, улыбалась, прекрасно танцевала. Ал тогда остался с ней на весь вечер, и Мария не стала мешать. Мисс Хайнтс — вроде так её звали — была весьма мила и обаятельна, пожалуй, не стоило как-то мешать им обоим.

Почему-то, Фаррел вдруг начинает думать о Мердофе. Интересно, проснулся он или нет? И если проснулся — уже понял, что она куда-то подевалась или пока пребывает в неведении? Во втором случае Марии лучше залезть к себе в комнату через окно — благо находится их квартирка всего лишь на втором этаже и, если что, можно попросить того же Хоффмана подсадить её. Мысли об Алесии как-то уходят на второй план, и бывшая принцесса едва вспоминает, что невежливо не отвечать на вопрос, заданный ей. Пусть, она и не принцесса, теперь уже ни в одном из пониманий этого слова, но с Хоффманом отчего-то хотелось быть именно вежливой.

Граф всегда был достаточно худ и бледен, но сегодня это кажется особенно заметным. Бледные, сильно выступающие скулы весьма пугают девушку, но она признаётся сама себе в том, что никогда этого не раскроет ему. Не стоит делать то, после чего тебя сочтут обыкновенной трусихой. Не тогда, когда она находится рядом с этим человеком.

— Я, кажется, видела её один раз — на балу у моего деда, — хмурится Мария непонимающе. — Она провела весь вечер с Алом. А что такое?

Действительно, при чём тут была Алесия? Она просто танцевала, просто шутила, просто смеялась... Вряд ли эта девушка могла составлять угрозу Хоффману, хоть и была, вероятно, совсем не так проста, как хотела казаться. Граф знал её, возможно, знал хорошо, куда лучше, чем её знала Фарелл, но... Зачем ему нужно было спрашивать о ней? Это была просто девушка, пусть и из весьма богатой и состоятельной семьи.

При чём здесь была Алесия? Как в ней могла крыться причина такого душевного состояния Хоффмана, в котором он пребывал сейчас. Марии отчего-то вспоминалась Анна, жена графа, которую она однажды увидела в его поместье. Пожалуй, Анна была совсем

другой, нежели Алесия, пожалуй, Анна казалась куда более агрессивной, яростно цепляющейся за прошлое и настоящее, а не отпустившей его, как это, видимо, делала Хайнтс.

— Её тело нашли вчера неподалёку от места позорной казни в Алменской империи, — граф вымученно улыбается. — Из-за меня случились сотни смертей, и это вторая, о которой я переживаю так сильно.

Принцесса чувствует, что ей нечего ответить этому человеку. Она молчит. А что тут можно сказать? Вероятно, эта Алесия была близким другом Хоффмана. Вероятно, стоило просто понять это. Впрочем, это были уже не проблемы Марии — она ничего не знала об этом человеке, ничего не знала о его друзьях... Они были просто «партнёрами по бизнесу», если можно было это так назвать. Они просто общались, просто выполняли свою работу, стараясь достичь общей выгоды. Они и не обязаны были общаться.

Они оба молчат, а потом Хоффман вдруг почему-то начинает рассказывать о своей сестре, о той девочке — Мари, о которой Мария как-то слышала. Начинает рассказывать о том, как сильно он был к ней привязан, начинает рассказывать о её смерти, о том, как долго он не мог оправиться от этого трагического случая — да что таить, и сейчас ещё не сумел оправиться полностью... Граф начинает говорить то, что принцесса совсем не ожидала от него услышать. И от этого становится как-то ещё более неловко, нежели прежде. Лезть в душу к этому человеку совсем не хотелось, а история о смерти Мари, безусловно, была очень болезненной темой для него. Марии думается, что вот она — вторая из тех двух важных для Георга смертей, о которых он сказал до этого.

Девушке буквально наяву представляется та худенькая робкая девочка с такими же тёмными волосами, бледной кожей, серыми — или, всё-таки, чёрными — глазами, о которой с такой болью рассказывал этот мужчина, представляется её дрожащий голос, испуганные глаза, искривлённый в ужасе рот... Она, как наяву, представляет себе его искажённое болью лицо в день смерти этой девочки. Взгляд бывшей принцессы вдруг обращается к старой помятой фотографии, которая так и остаётся лежать на полу, там, где сидел ещё несколько минут назад граф. Она видит на этой фотографии маленького мальчика и маленькую девочку примерно одного возраста, и в мальчике она видит Георга, сидящего сейчас прямо перед ней и изливающего ей душу. И видит всепоглощающую боль, плещущуюся в его глазах. И от этого вдруг к горлу подкатывает тошнота. И чувство стыда. Стыда за то, что она не испытывала такого же горя из-за смерти Розы.

— Вы — хороший брат! — улыбается бывшая принцесса.

Ей, действительно, стыдно. Пожалуй, стыд — единственное, что заставляло её вспоминать о матери с Розой. Ей было стыдно, стыдно за то своё равнодушие, с которым она отнеслась к их смертям. И горечь, боль в глазах графа заставляет её ещё больше чувствовать свою вину... Вину — глупо звучит! Разве она виновата в том, что ничего не чувствует? Разве можно было осуждать её за это?

Разве она виновата?! От этой чудовищной несправедливости ей хочется почти закричать. Она знала многих братьев и сестёр, и почти все из них, даже имея на первый взгляд сложные отношения между собой, были готовы жизнь отдать друг за друга... А она... Мария никогда не чувствовала Розу родным человеком. С самого начала. Она сейчас куда больше переживала за дядю Джошуа, за Ала, даже за Бесси — кузину Альфонса Брауна проживающую в Америке... Мария чувствовала, как ей хочется плакать при одном упоминании имени дяди Джошуа, как ей хочется поскорее увидеть его, обнять, заплакать у

него на плече, рассказав всё... Ей хотелось видеть его, хотелось высказать всё, что накопилось за эти долгие месяцы в Осмальерде... Мария никогда не хотела так увидеть маму... Впрочем, нет — очень хотела. Хотела — когда была ещё ребёнком. Тогда она плакала, просила заняться ей, просила внимания. Только вот тогда её никто не услышал. И Марии казалось, что теперь она потеряла способность слышать.

— Я — ужасный брат! — не соглашается Хоффман как-то обречённо. — У меня было три сестры, и одну из них я столкнул с лестницы... Убил её. И не могу сказать, что сожалею об этом.

От этих слов девушка вздрагивает. Вот как... Что же — она сама ещё совсем недавно хотела узнать все тайны этого человека. Ей вспоминались дешёвые детективные истории, в которых сыщик раскрывал не только преступление, но и пару-тройку тайн каждого героя, который попадался на пути. Вот примерно так она себя чувствовала. Как героиня дешёвой детективной истории. Это было просто, интересно, увлекательно и одновременно как-то стыдно.

Мария снова пытается думать о Мердофе, который, вероятно, места себе сейчас не находит, пытаясь найти её. Разумеется, он не наорёт на неё, не будет ворчать, только тяжело вздохнёт и обречённо посмотрит, и от этого станет ещё более тошно, чем обычно. Айстеч был мастером на такие взгляды. Не то что Ал... Тот бы усмехнулся и пожал плечами, предварительно наорав на неё, а она орала бы на него, кричала бы, как сильно его ненавидит, а после они пошли бы вместе пить чай с тем конфетами, которые прислала тётя Альфонса...

А потом мысли возвращаются к Розе, к тому, как сильно Марии порой хотелось убить её, и к тому, как сильно она боялась последствий — психбольницы, колонии, всеобщего осуждения и порицания. Почему-то после признания в убийстве другой сестры Хоффмана ей хочется очень сильно уважать этого человека.

— Вы сильнее меня, — задумчиво произносит девушка. — Я так и не решилась. Боялась реакции других.

Марии вспоминается радостное улыбающееся лицо Ала Брауна, который рассказывал очередную глупую историю о своём классе. Ей вспоминается, как они смеялись и шутили, как ругались, ссорились, как дрались порой... Вспоминаются синяки на руках и ногах, вспоминается до сих пор ещё не исчезнувший шрам на брови Альфонса после одной из их драк. И она думает, что как бы сильно она не ненавидела порой Ала, она всё равно будет вспоминать о нём с улыбкой, грустить по нему и переживать за него.

Тут же в памяти всплывает и лицо Мердофа, вечно взволнованное, такое живое, близкое, такое непохожее на лицо Ала... У Альфонса были зелёные глаза, у Айстеча же — карие, и это почему-то казалось Марии принципиально важным. Как казались принципиально важными и различные цвета волос, и разные улыбки, и разное чувство юмора... Ей это кажется, действительно, очень важным. Почему-то бывшей принцессе вдруг думается, что находясь рядом с Мердофом она чувствует, что он сможет её защитить, а с Алом ей чувствовалось, что она в безопасности. Похожие на первый взгляд ощущения, но...

— Я не плакала по ней, знаете ли... — бормочет Мария задумчиво. — Мне было... просто всё равно. Я искала её, я беспокоилась, потому что мне казалось страшным остаться одной... И вот я одна. И я ничего не чувствую.

Девушка произносит это и чувствует, что ей становится легче — сразу куда-то исчезает это проклятое чувство вины, не дававшее ей покоя столько дней. Она поделилась с кем-то

этим и чувствовала себя понятной. И от этого становилось приятно и комфортно. В конце концов, всегда становится легче после того, как с кем-нибудь поделишься секретом, тайной...

— Но ты до сих пор переживаешь за своего друга-короля, — отмечает Хоффман. — Мы с тобой очень похожи.

Мария кивает. От этих слов графа всё становится как-то проще. Теперь можно выбросить из головы весь этот мусор — все ненужные мысли — и сосредоточиться на чём-то действительно важным. А действительно важным является только одно — как Мария сможет выбраться из Осмальерда на Землю.

Погода за окном была просто прекрасная. За окном светило солнце. Пронзительное, чистое, без единого облачка, небо так и манило к себе. Ярко-зелёная трава, тёплая погода... А солнечный свет будто обволакивал людей. На улице было тепло, но не жарко. Воздух вокруг не был горячим и сухим, как это часто бывает в летние жаркие дни... В такие дни обычно особенно хочется гулять, а не сидеть в четырёх стенах, взаперти. Хочется бегать по ярко-зелёной траве, любоваться пронзительным голубым небом, а не сидеть на подоконнике с книжкой в сером переплёте, довольствуясь лишь тем, что написано там. В такую погоду мелкие строчки букв кажутся почти не читаемыми.

Он сидит в бывшей детской комнате — раньше там было полно игрушек, а теперь почти ничего не осталось. Отец после смерти Аннэт забрал большую часть из них. Куклы, кукольные домики, сервизы, платья, кукольная мебель, разные мягкие игрушки — всё это когда-то принадлежало Аннэт, и отец не посчитал нужным оставлять это всё «этим двум выродам». Джордж прекрасно слышал эти слова и больше всего на свете надеялся, что Мари — не слышала. Сейчас в детской стало слишком пусто. Книги из своей библиотеки отец не стал забирать с собой, и мальчик часто читал то, что там было. Можно было найти многое — от старинных легенд до научных работ, впрочем, ко вторым Джордж пока был абсолютно равнодушен. Куда интереснее было читать разные приключенческие истории, так давно пылившиеся на книжных полках — отец никогда их не брал в руки, и что именно они делали в его библиотеке было непонятно.

Мари обычно приходит в детскую около десяти утра — Джордж всегда вставал раньше сестры. Девочка всегда здороваётся с братом, будто бы им нужно было здороваться, потом садится на пол, достаёт единственную оставшуюся в доме куклу и начинает что-то шептать ей. Мальчик никогда не понимал этой причуды сестрёнки — смысл говорить с тем, кто всё равно тебя не слышит? Впрочем, он никогда не скажет ей об этом. Мари чувствовала себя хорошо, когда говорила с куклой, а ему важно, чтобы Мари было хорошо.

Но сейчас её не было.

Джордж уже начинал беспокоиться о сестре. Мари могла долго спать, но не так же долго! Мальчик встаёт с любимого подоконника, топает к двери, выходит в коридор. Там тоже никого. Он не видит ни няни, обычно уже суетеющейся перед детской комнатой, ни экономки, обычно протирающей пыль. Быть может, уже приехал отец? Это объясняло бы отсутствие Мари сейчас в детской, но в таком случае, что объяснит эту пронзительную тишину, что стояла теперь во всём доме Блюменстростов.

Джордж бежит в спальню сестры — вот она, эта серая дверь, напротив бывшей спальни родителей. Он слышит тихий разговор внизу и идёт туда. Около лестницы разговаривают няня и экономка, обе бледные и напуганные.

— Девочка может не дожить до вечера! — с упрёком произносит экономка. — Ты же

знала об её припадке ночью — почему не послала за доктором?

Няня кривится, от брезгливого выражения на её лице Джорджу хочется никогда больше не видеть эту женщину. Но в чём дело на счёт Мари? Чем она могла заболеть? Ещё вчера девочка была довольна, играла, ещё вчера брат увлечённо рассказывал ей историю о пиратах, прочитанную им на днях. Джорджу больше всего нравились истории о пиратах. Мари их, правда, не слишком любила — всегда пугалась, поэтому рассказывать их ей было не слишком интересно.

— А что мне следовало делать — как сумасшедшей мчаться посреди ночи в посёлок из-за возможного притворства чужого мне ребёнка? — всплёскивает руками няня. — Откуда я знала, что девочка не притворяется?

Экономка укоризненно качает головой, а Джордж мчится в комнату к сестре, распахивает дверь, подходит к её кровати. Мари просто лежит и плачет, тихо стонет... Мальчик не понимает, что именно ему стоит делать... Его сестра будто бы умирала, и он надеялся, что всё, что происходит сейчас ему просто снится, что вот он снова окажется в детской, задремавшим над скучной книгой, что Мари будет сидеть на полу и шептать свои секреты кукле Жанин, как она её называла, что няня снова войдёт с подносом с едой и равнодушно поставит еду на стол...

Мари тихо приподнялась на кровати, посмотрела на брата и жалобно пролепетала:

— Джордж, если я умру, — всхлипнула она, — мне будет очень больно? Мне будет очень больно умирать?

Мальчик вздрагивает и старается не глядеть в серые, как и у него, полные слёз глаза сестрёнки, любимой сестрёнки, с которой, возможно, уже происходило что-то страшное и необратимое. Джордж страшно боится. Ему кажется, даже своей смерти он никогда не будет бояться так сильно. Мари лежит в кровати и тихо плачет, и мальчику самому хочется заплакать, но почему-то ему кажется, что если он тоже заплачет, сестре будет ещё хуже.

Мари бледна сейчас, бледна и измучена. Наверное, у неё жар... Неужели, няня, действительно, не вызвала врача? Джордж чувствует отвращение к этой женщины и поднимающуюся в груди волну ненависти, почти затмевающую волну страха.

— Если ты умрешь, — говорит брат Мари тихо, — я верну тебя к жизни! Ты помнишь, как это было в книжке про профессора Нирвье.

Девочка кивает и отворачивается. По её лицу катятся слёзы, и Джордж не знает, как остановить это. Смотреть на, возможно, умирающую сестру ему слишком больно и страшно, а отойти он не может и не имеет права.

Мария смотрит на графа удивлённо, непонимающе. Кажется, ей нравится это предложение, но она будто сама не верит в его реальность. Девушка тянется рукой к чашке с кофе, стоящему на столе, подносит кофе ко рту, отпивает глоток. Она думает пока. Очевидно, предложение Хоффмана застало её врасплох. Впрочем, недовольной бывшая принцесса не кажется. Георг с интересом наблюдает за переменами в её настроении. Что же... Это немного отвлекает его от мрачных мыслей. Он никогда не сможет забыть о гибели Алесии. Потому что она произошла на следующий день после смерти Мари. А уж эту дату он не забудет никогда. Четвёртое сентября... Как же он ненавидел этот день...

Алессию, точнее её тело, нашли в грязном квартале столицы Алменской империи. Кто-то перерезал ей горло. И Георг Хоффман даже догадывался, кто именно. Райан — больше некому. Только этот человек из их общих знакомых отличался такой страстью к человеческим жертвоприношениям. А о том, что это было именно жертвоприношение

свидетельствовала форма раны. Алесия... Зачем он её отпустил? Было очевидно, что после выкидыша, повлёкшего за собой бесплодие, девушка была подавлена. Так зачем же он отпустил её? Наверное, для того, чтобы она хоть немного отошла от этого горя.

Мария смотрит недоверчиво. Ей кажется, что то, что происходит в этих стенах, является бредом, сном, но уж точно не явью... В её чёрных глазах отражается так же и любопытство. Она определённо хочет на Землю. И определённо хочет как следует повеселиться. Хоффман не зря выбрал её на эту роль. Девушка идеально подходила.

— То есть, я и Мердоф должны отправиться на Землю? — спрашивает бывшая принцесса. — Мы должны там искать кое-что? Но вы понимаете, что без определённого количества средств поиски будут вести очень медленно?

Хоффман кивает. Конечно, он прекрасно понимает это. Он же был однажды на Земле. Точнее не однажды, что было не слишком уж важно теперь. И конечно он понимал, что без определённой денежной суммы поиски артефактов для завершения его эксперимента будут длиться вечно, что совсем не соответствовало его планам. У Хоффмана совсем немного времени осталось на это. Так что, следовало обеспечить Мердофа и Марию материально на время пребывания на Земле.

Хоффман думает и об Анне. Девушка была беременна. И он очень надеялся на то, что беременность не закончится тем, чем закончилась у Алесии. Ему нужен был ребёнок. Нужен был этот ребёнок. Хотя бы для того, чтобы оставить свои заводы, дворцы кому-то. Не отцу же он будет оставлять наследство! Эта мысль казалась до того глупой и абсурдной, что он никогда не рассматривал её всерьёз.

В его груди скапливается какой-то необъяснимый страх... Странно, раньше он никогда не ощущал такого. И дело было совсем не в той тьме, что находилась внутри него. Совсем не в этом. Тогда в чём? В чём было дело?

— Что именно понадобится? — спрашивает граф. — Я обеспечу вас этим.

Девушка кивает и соглашается на эту авантюру. Так просто. Без лишних слов. Без лишних вопросов. Ей нужно лишь материальное обеспечение экспедиции, а на риск она готова. Хоффман надеялся на это, когда только познакомился с ней. Что же... Стоит сказать Айстечу не особенно её доставать. Мало ли что. Хотя Мердоф, нужно выдать ему премию за это, неплохо справлялся со своей новой обязанностью. Мари почти всегда находилась у него на виду. Вряд ли самому Георгу хватило бы терпения столько возиться с бывшей принцессой...

Комментарий к II. Глава двадцать вторая. Десятый обрывок безразличия.

* Канцлер Ги — Другу

===== II. Глава двадцать третья. Одиннадцатый обрывок веры. =====

Разрушатся рамки, исчезнут пределы,

Далекое станет близким...

Услышу я то, чего знать не хотела

В спешке и в шуме, и в качестве низком...

Настоящие вещи всегда так не кстати

И так постоянны, не раз и не два.

И хочется голос подальше послать,

Который достал, повторяя слова:

Пожалуйста, не сгорай,

Ведь кто-то же должен гореть

За углом начинается рай,
Нужно только чуть-чуть потерпеть...
Шагни обратно за край,
Тебе рано еще сгорать
За углом начинается рай
Нужно только чуть-чуть подождать...
Пожалуйста, не сгорай,
Спаси, все что можно спасти...
Прости, все что можно простить...
И иди, пока можешь идти...
Шагни обратно за край,
За углом начинается рай...
Такой тихий голос, он тише любых голосов,
Чем дикие таки часов, шаги и скрип тормозов.
Сражайся, борись...
Ты зачем все измяла, изгадила?..
Знать бы мне, где выключается это радио...
Такой тихий голос, изнутри, извне, но я увы во сне,
Он что-то плохое заглушает во мне.
И я закрываю глаза, выбираю из двух,
пытаюсь понять, от меня что ты хочешь, Дух?..
Пожалуйста, не сгорай,
Ведь кто-то же должен гореть
За углом начинается рай,
Нужно только чуть-чуть потерпеть...
Шагни обратно за край,
Тебе рано еще сгорать
За углом начинается рай
Нужно только чуть-чуть подождать...
Пожалуйста, не сгорай,
Спаси, все что можно спасти...
Прости, все что можно простить...
И иди, пока можешь идти...
Шагни обратно за край,
За углом начинается рай...
Мне нужно войти
В эту стену закрытых дверей,
Но пальцы разбиты,
И нет даже вмятинки в ней...
И вдруг я в обломках стою,
Побелела как мел...
Я правильно сделала, Дух?..
Это так Ты хотел...
Это так Ты хотел...
Пожалуйста, не сгорай,

Ведь кто-то же должен гореть
За углом начинается рай,
Нужно только чуть-чуть потерпеть...
Шагни обратно за край,
Тебе рано еще сгорать
За углом начинается рай
Нужно только чуть-чуть подождать...
Пожалуйста, не сгорай,
Спаси, все что можно спасти...
Прости, все что можно простить...
Иди, пока можешь идти...
Шагни обратно за край,
За углом начинается рай...*

Крупные капли скатывались по стеклу, оставляя за собой мокрые дорожки. Капли падали так часто, что кажется, что дождь идёт не маленькими своими частичками, а сплошной стеной... Колёса стучали, карета медленно ползла к тому дому. В такую погоду не слишком хочется жить... Не очень хочется верить во что-то... Не очень хочется ждать... В такую погоду не слишком хочется что-либо говорить. Да и есть ли в этом смысл сейчас? Всё равно, никто не услышит. Да это и не нужно. Зачем? Разве это, действительно, так важно? Разве важно слышать чей-то ответ на твои мысли? Разве важно знать, что думает о тебе человек? В такую погоду пропадает всякая охота кого-то слушать, кого-то слышать. В такую погоду хочется запереться дома в самом тихом месте, накрыться пледом с головой и, не произнося ни слова, читать.

Книги — лучшие советчики и слушатели. Они понимают и даже осуждают тебя — молча. И из каждой истории можно сделать абсолютно разные выводы. Из одного поступка можно сделать разные выводы. То, что один окрестит предательством, для другого — подвиг... То, чему один не может найти оправдания, для другого — лишь единственный выход... Каждую книгу нужно слушать и понимать. Но каждому одна и та же книга скажет совершенно разные вещи... И ещё они молчали. Это было их главное преимущество над людьми. Молчали всегда, если человек, конечно, не хотел их слышать. Не хотел увидеть те страны, те мыслимые и немыслимые миры, которые только возможно или невозможно было представить... В такую погоду совсем не хочется ехать в какую-то даль по работе. В такую погоду, вообще, не хочется что-либо делать. Даже спасти человеческие жизни. Тем более, спасти человеческие жизни. Иногда было так противно и обидно спасать чью-то жизнь тогда, когда своя собственная не удалась.

Крупные капли скатывались по стеклу, оставляя за собой мокрые дорожки, за которыми так хорошо было наблюдать... Кажется — можно провести пальцем по холодному стеклу и почувствовать их, почувствовать влагу на своей руке... Ехать приходилось в полном молчании. Девушке часто приходилось выезжать в такую погоду. Ей даже оплатили содержание кареты и кучера. Приходилось приезжать в любой из домов по первому вызову... Ехать приходилось почти в полном безмолвии — да и с кем ей было говорить сейчас? Был слышен стук колёс, было слышно, как бьётся её сердце... Пожалуй, сердце билось слишком сильно. Дождь всегда навевал на неё совершенно ненужные воспоминания. О семье. О друзьях. О школе. Обо всём, что она бросила в тот дождливый день для того, чтобы поступить на медицинские курсы. И теперь, наверное, эти воспоминания были

расплатой ей за то упрямство, за ту грубость в разговоре... Но теперь уже невозможно было что-то исправить и изменить. Да девушка и сама не хотела этого. Она не для этого решилась тогда на этот поступок. Она не для этого сбежала из дома, где её когда-то ждали и любили. Теперь — дороги назад нет. Просто не может быть...

Дождь сегодня был сильный. Это могло вызывать лишь желание спрятаться, укрыться, но никак не ехать через весь посёлок. Ей всё время казалось, что вот-вот она снова окажется в родном доме, откуда сбежала год назад. Ей всё вспоминался строгий голос матери, кричащей о том, что она должна быть такой же, как её старшая сестра... Ей вспоминались испуганные глаза притихших Софи и Рейчелл, которые так просили её не уезжать... Ей вспоминалось тяжёлое дыхание отца... Ей вспоминалась просьба матери ехать в Реондейм, чтобы заработать ещё денег. Ей вспоминалось, как она сама, Сара, хлопнула дверью после этой ссоры. Вспоминались худые руки матери, грубо схватившие её за запястья. Вспоминались синяки, которые долго не проходили после того разговора. Вспоминалась пощёчина, которую ей отвесили, когда поняли, что поступать так же, как и её старшая сестра, она не собирается. Вспоминался дождь, под которым она бежала к вокзалу. Вспоминались те несколько грязных медных монеток, на которые она купила билет. Только не в Реондейм. В Саторхейм, где находились женские медицинские курсы, куда ей так хотелось поступить. Саре иногда казалось, что она никогда больше не захочет возвращаться в родной когда-то Елишшил. Девушке всегда было больно вспоминать тот последний день, когда мать крикнула, что, если она не поедет в Реондейм, то может исчезнуть из дома и никогда больше там не появляться. Сара и не появлялась там больше.

На медицинские курсы оказалось довольно просто поступить. Они были бесплатными, а за отличную учёбу давали ещё кое-какие деньги. Курсы продлились почти год, и Сару направили на практику в этот небольшой посёлочек, где она теперь старалась лечить людей. Посёлок был расположен недалеко от Саторхейма, и девушка ездила туда каждый месяц, чтобы сдать ещё какой-то экзамен. Её жизнь превратилась в одну сплошную учёбу — не было ни друзей, ни родных, ни глупых обязательств и «благодарности». И Сара была этому очень рада. Не было ничего, что она была обязана сделать только потому, что должна чувствовать себя благодарной. А за что ей было быть благодарной? За жизнь, лишённую даже обычной заботы? За ночные кошмары каждую ночь? Кошмары не прекращались ни на одну ночь. Саре в лучшем случае удавалось поспать четыре часа. И каждое утро она чувствовала такую усталость...

Почему она боялась во время каждого вызова? Почему её пальцы тряслись каждый раз, когда приходилось звать Джона и ехать к тому, кто просил её приехать? Почему слёзы были готовы вырваться из глаз и покатиться по щекам, как капли дождя катятся по стеклу? Саре так хотелось, наконец, забыть... Забыть обо всём. Жить только своей жизнью и не заморачиваться каким-то долгом, вспоминать о котором от неё постоянно требовали.

Девушке до смерти надоело всегда чувствовать себя виноватой.

Карета остановилась напротив светлого двухэтажного домика, и Сара поняла, что это именно то место, куда её пригласили на этот раз. Накинув на голову капюшон, девушка осторожно вышла из кареты, поблагодарила кучера и направилась к этому дому. Калитка была открыта, сад казался весьма ухоженным, дорожка была мокрой, но сделанной весьма неплохо, Сара не вымазалась в грязи по дороге к месту своей работы, как это произошло неделю назад у мадам Ралли. Постучать в белую дверь нетрудно, куда труднее видеть испуганные, искажённые болью лица. Не трудно войти, куда труднее видеть лежащих в

постели, страдающих больных, некоторые из которых больны безнадежно... Но которым она просто обязана помочь!

Говорят, после долгих лет работы страх и сочувствие пропадают. Это было бы неплохо. Потому что так она сможет помочь куда большему количеству людей, действительно нуждающихся в её помощи, нежели постоянно переживая и волнуясь за них. Сара до ужаса боится сделать кому-нибудь больно, даже если это спасёт этому человеку жизнь. Это может когда-нибудь погубить её пациента. И именно поэтому она не хочет больше бояться и сочувствовать каждому, кто приходил к ней за помощью.

Её отец был тяжело болен, девушка никогда не видела его здоровым. Впрочем, может, просто уже не помнила. Прошло так много лет с того дня, когда у него начались эти постоянные приступы. Мама почти всегда плакала, и Сара завидовала младшим сёстрам, которым та уделяла куда больше внимания. Она всегда была тихой и послушной девочкой, никогда не доставлявшей родителям проблем. Только в самом конце, перед тем как она ушла, обнаружилось, насколько Сара Эливейт умеет быть упрямой. Девушка сама не ожидала от себя этого. Она просто хотела учиться на врача, а не зарабатывать деньги, кормить семью. Сара считала, что это возможно было понять...

Моника была идеальной сестрой и дочерью, послушной, верной, сильной, всегда готовой помочь Саре, Софи, Рейчелл, Дженни, Шарлотте... Моника всегда помогала им в трудные минуты. Она отправилась в чужой ей Реондейм только потому, что мать просила её туда поехать. Она каждый месяц присылала, по-видимому, большую часть своей зарплаты. Она навещала мать с отцом каждые два месяца. Присылала подарки, благодарила за каждую мелочь.

Девушке до смерти надоело чувствовать себя виноватой в любом деле, которое бы она ни начинала...

Дверь ей открывают, как и всегда, довольно быстро. На пороге появляется бледный взволнованный мужчина, тут же пропускающий её в дом и помогающий снять промокший плащ. Сара, как и всегда, просит хозяина дома объяснить, что именно произошло, чтобы сразу понять, что ей придётся делать на этот раз. И, как и всегда, ей отвечают сбивчиво и путано, так, что она не может толком понять, что произошло и что ей делать дальше.

В доме жарко затоплено. После поездки в холодной кареты это может разморить её... Но, возможно, больному сейчас лучше находиться в тепле. Правда, она до сих пор не понимает, что именно случилось с другом этого молодого человека, который её пригласил, но по взволнованному виду последнего можно сказать, что произошло что-то очень страшное.

— Жар... Идёт кровь... — выделяет она обрывки фраз из того, что ей рассказывают. — Потерял сознание...

Этого недостаточно для того, чтобы вывести точный диагноз, но достаточно для того, чтобы понять волнение этого человека. В груди самой Сары тоже просыпается волнение. Волнение, на которое она не имела права. Нужно собраться с силами. Собраться. Вдохнуть полную грудь воздуха и войти в комнату к больному, осмотреть его и как-то помочь.

Хозяин дома ведёт её на второй этаж, проводит по узенькой лестнице, потом по коридору, который устлан длинным ковром ручной работы... Девушка видела, как пару секунд назад дрожали его руки и губы. Сару и саму почти трясёт. Она не знает, чего ждать от своего пациента. Кто знает, чем он болен и может ли она помочь ему? Медсестра цепляется своими длинными тонкими пальцами за плотную ткань собственной юбки, тербит её,

страшно волнуясь, страшно боясь не только не помочь, но ещё и навредить...

Она не хочет никому навредить... Наверное, плохой из неё выйдет врач, если она так боится боли в глазах пациента и крови. Наверное, следовало ей поступить так, как от неё просили. Но она куда упрямее Рейчелл, Софи, Дженни и уж тем более Моники. Она справится. Она должна справиться. В конце концов, не для того ли она сбежала из дома год назад?

— Помогите ему, сестра... — едва слышно бормочет парень, пропуская её вперёд, когда они останавливаются перед дверью.

Мисс Эливейт осторожно проходит в комнату, в которую её приглашают и едва удерживается от вскрика. На кровати лежит человек, бледное худое лицо, искажённое гримасой испытываемой им боли, которую он безуспешно пытался скрыть, и худые, такие же бледные, руки, цепляющиеся за простынь, которого внушают ужас. На белой рубашке этого человека присутствуют красно-бурые пятна, а по лбу его сползают капельки пота. Хозяин дома вздрагивает, как только входит в комнату, а Сара испытывает такой прилив жалости, что сама не знает, что ей делать дальше... Однажды её водили в военный госпиталь, и раненые, лежащие на бедных койках, стонущие от нестерпимой боли, вызывали в ней столько же страха и сострадания, как и этот человек.

Мужчина, лежащий на кровати, открывает глаза и устало смотрит сначала на Сару, а потом на того парня, который её привёл. В его глазах столько боли и столько... нежелания как-либо противиться произошедшему с ним, что медсестре хочется заплакать от бессилия, но она прекрасно понимает, что сейчас не должна это делать.

Хозяин дома трусливо прячется за её спиной и что-то показывает руками. Сара Эливейт не видит этого. Она смотрит только на больного, на человека, которого ей нужно спасти. Которого она обязана спасти. Девушка видит его искусанные губы, кровь на его рубашке, глаза, в которых можно разглядеть, насколько сильно он измучен своей болезнью. Медсестра не знает, что именно это за болезнь. Не похоже ни на одну из тех, о которых ей рассказывали на курсах.

— Эрик... — словно собираясь с последними силами, говорит пациент. — Зачем ты притащил её сюда? Она не сможет мне помочь...

Сара вздрагивает от нахлынувшего на неё чувства обиды. Человек, названный Эриком, пожимает плечами и исчезает, тихо шепнув, что, если понадобятся какие медикаменты или что-то ещё, он будет находиться внизу. Девушка медленно, пугаясь каждого своего шага, подходит к кровати больного, всё так же строго и устало оглядывающего её. Она подходит ближе, подумав, садится на стул, который стоит перед самой кроватью.

Мужчина смотрит на неё и усмехается, словно знает что-то, чего Сара не знает. Как же он похож на тех, кого она видела тогда в военном госпитале! А потом этот человек заходится в кашле, и ей приходится помогать ему сесть. И именно тогда девушка замечает тёмное пятно у него на запястье. Она чуть задирает рукав его рубашки и видит очень знакомый ей по курсам знак. Этот человек вовсе не болен. Проклят. А проклятья вылечить невозможно. Их возможно только снять. Сара не была магом. А если бы и была? Была бы она сильнее того человека, который наложил на этого мужчину проклятье такой силы? Вряд ли.

На руке этого человека появляется кровь. Девушка не знает, что удерживает её от того же истощного вопля, который она издала год назад, увидев подобное. Наверное, и правда, после долгой работы с такими пациентами врач привыкает к этому ужасу. И перестаёт обращать внимание на это.

Когда кашель прекращается, и мужчину удаётся снова уложить, Сара осторожно выходит в коридор, спускается по узенькой лестнице и натывается на человека, который пригласил её в этот дом. Эрик, кажется, так его зовут, взволнованно, с какой-то отчаянной надеждой, смотрит на неё. Мисс Эливейт хочется сказать ему, что тот, больной мужчина был прав, и её, действительно, не за чем было приглашать. Это бесполезно.

Девушка снова ловит себя на том, что теребит зелёную ткань своей юбки, пытаюсь собраться с силами и рассказать Эрику о природе болезни его брата или друга. Скорее всего, он, если и не знает об этом, то догадывается. Сара чувствует себя ужасно неловко. Будто именно она виновата в том, что не может сейчас помочь...

— Вы ведь знаете, что он проклят... — шепчет девушка строго. — Зачем вы позвали меня?

Эрик протягивает к ней руки, смотрит с таким отчаяньем, что в ней снова просыпается желание помочь, помочь хоть как-нибудь. Но, вполне возможно, что облегчить страдания того мужчины можно лишь одним способом — убить его сейчас. Быстро и настолько безболезненно, насколько это только возможно. Невозможно снять проклятье, не зная, кто именно его наложил. И очень опасно ехать к тому магу, который это сделал. Сара плохо разбиралась в проклятьях. На курсах об этом мало говорили. Проклятьями занимались ведуны и лекари, которые владели магией, а вовсе не простые медсёстры, какой была Сара...

Девушке вспоминается её собственная семья, которую она оставила год назад. Сара совсем не была идеальной дочерью. Идеальной дочерью была Моника. Она поступала так, как велел ей её дочерний долг, она устроилась работать в Реондейме, она даже не спорила, когда ей сказали туда ехать... Молодая медсестра чувствовала, что сама никогда не смогла бы так.

С Моникой она больше ни разу не переписывалась. Точнее, Сара писала однажды в Реондейм, но... Моника не ответила ей. Кажется, сестра не была настроена говорить с ней после того дня. Наверное, это было объяснимо, но... Весьма обидно. Сара чувствовала, что повторного письма ни за что на свете не пошлёт. В конце-концов, кто Моника такая, чтобы осуждать её? Да и за что? За нежелание жить в нищете, в которой прозябала семья Эливейт? За нежелание всю жизнь провести в лачуге, с едва хватающими на скудную еду и отсыревшие спички деньгами? За нежелание гнить от болезни, которую можно было бы вылечить, если заняться чем-то более... прибыльным... Саре всегда хотелось вырваться из этого замкнутого круга. И разве теперь кто-то может обвинять её в том, что ей это удалось?

— Помогите, пожалуйста, помогите! — шепчет ей в ответ хозяин дома с такой болью, что девушка не знает, куда ей деться от этого снова возникшего чувства стыда. — Я не знаю, к кому ещё мне обратиться за помощью!

Сара смотрит на него и качает головой. Она не может помочь! Это не в её силах! Если бы только этот Эрик знал, кем может быть наложено проклятье... Тогда можно было бы кинуться в ноги к этому человеку с мольбой о пощаде, упрямить его как-нибудь снять это заклинание... Но Сара не знала... И ей казалось, что вряд ли Эрик знает об этом. Девушка не знала, почему именно ей так казалось... Зато, скорее всего, проклятый прекрасно об этом знал. Или, во всяком случае, догадывался. Кого мог так разозлить обычный житель посёлка вроде того, в котором теперь жила Сара?

Впрочем, не ей решать это.

Девушка не знает, что ответить Эрику. Он, видимо, действительно надеялся на её помощь, но... Разве в её силах было помочь тому человеку? Сара теребит свою старую

поношенную юбку, почти касающуюся подолом пола, от волнения и от невозможности хоть что-то сделать. Ей вспоминается всё тот же госпиталь, в котором она побывала тогда и помогала делать перевязки. Вспоминаются искажённые болью лица, люди, которым оторвало руку или ногу во время сражений... Теперь война уже закончилась. Как с герцогством Урино, так и с королевством Орандор. Со вторым закончилось, едва успев начаться. И Сара была очень рада этому. Она совсем не хотела снова столкнуться с необходимостью работы в госпитале. Это было слишком тяжело для неё. Эливейт казалось, что она никогда в жизни не забудет глаза того молодого солдата, которому в одном из сражений оторвало обе ноги. Она помнила, как часто не хватало обезболивающего на всех раненых, и от этого проводить операции врачам было куда сложнее. Она не была врачом... Пока только медсестрой, обычной девушкой, которая должна была делать перевязки и назначать сельским жителям лекарство от обычной простуды... Но ей хватало и тех обязанностей, которые были возложены на неё сейчас...

Сёстры тоже часто смотрели на неё так — ожидая помощи и поддержки, как будто именно она была виновата во всём, что происходило, и как будто только к ней нужно было обращаться за помощью. Девушка не знала, почему именно, но такое отношение ей даже нравилось иногда. Она была нужна всем. Хотя бы в некоторые дни своей жизни. На неё всегда смотрели так — словно она обязана была помочь. Эливейт и самой иногда казалось, что всё обстоит именно так — она обязана помогать всем, кто бы не обратился к ней за помощью...

С самого раннего детства она привыкла к этому. Привыкла, что её всегда обо всём просят. Привыкла, что она никому никогда не отказывает в этих просьбах... Отказала лишь однажды. Тогда, когда она должна была уехать в Реондейм. Саре так часто вспоминался тот день, и хоть девушке порой и казалось, что она — жалела об этом, она ни за что на свете не хотела бы что-то в жизни поменять.

Старая серая кофта велика ей, и поэтому её возможно только запахнуть, а не застёгивать на четыре деревянные пуговицы... Сара чувствовала себя удобно в такой одежде, на такой работе... Ей нравилось так жить... Она, действительно, жила всеми этими вызовами, растерянными пациентами, путающими всё подряд, жила этими старыми изношенными вещами, которые были такими удобными... Сара никогда не пренебрегала возможностью помочь кому-то ещё. Пожалуй, не стоит пренебрегать и возможностью помочь этому несчастному перепуганному Эрику. Пусть она не сможет всё сделать так, как нужно, но... Разве не стоит попытаться?

Говорят, от долгой жизни в одиночестве, душа черствеет... Говорят, человек от этого становится грубым, раздражительным, усталым, куда меньше переживает за беды и несчастья других — живёт своей жизнью. Саре хотелось, чтобы это состояние повлияло и на неё, чтобы она куда меньше стала пытаться спасти тех, кого спасти невозможно, чтобы она куда меньше переживала из-за каждого несчастного случая или смерти, которые случились даже не с тем, кто хоть как-то был связан с ней...

За окном дождь льёт как из ведра. Крупные капли скатываются по стеклу, оставляя за собой мокрые дорожки. Они падают так часто, что кажется, что дождь идёт не маленькими своими частичками, а сплошной стеной... В такую погоду пропадает всякая охота кого-то слушать, кого-то слышать. В такую погоду хочется запереться дома в самом тихом месте, накрыться пледом с головой и, не произнося ни слова, читать. Рейчелл так и делает. Она забирается на подоконник — оттуда всё кажется немного светлее — и пытается читать.

Девочке хотелось бы уже заснуть, но она не могла оторваться от безумно увлекательной истории о молодом маге, которую подарила ей Сара не так давно... История о том, как кто-то занимается не спасением мира, а научными исследованиями, как ни странно, Рейчелл нравится.

Сара любила такие истории... Она любила истории, в которых рассказывалось не о героях, чьей доблести мог бы позавидовать любой. Она любила истории об обычных людях, с обычными проблемами, пороками, увлечениями... Девушка всегда казалась многим странной. Слишком тихая, слишком покладистая, она никогда не грубила, не огрызалась в ответ на какую-то просьбу, была слишком идеальной во всём — в учёбе, в рукоделии, в умении разговаривать со взрослыми... К ней всегда относились по-особенному. Она всегда и во всём была лучшей. С самого детства. Рейчелл было четырнадцать сейчас, а Саре, следовательно, шестнадцать, и она помнила те дни в детстве, когда их семья приходила в праздничный день в церковь, и маленькая Рейчелл вместе с маленькой Софи и чуть менее маленькой Моникой носились по двору, пытаясь выплеснуть скопившуюся энергию. Сара всегда стояла или сидела где-нибудь в сторонке, тихо читала что-нибудь или просто разглядывала цветы...

Сара всегда любила читать. Рейчелл нравилась эта серьёзность старшей сестры, вечное понимание и возможность в любой момент что-то попросить у неё. Игрушек у сестёр Эливейт было не слишком много — родители потеряли огромную сумму денег, когда были ещё только Моника и Сара, и теперь приходилось выкручиваться с тем, что было. Моника и Сара старались сделать игрушки своими руками, что получалось, конечно, не слишком хорошо. Да и сделать их, если так подумать, было не из чего.

Рейчелл тихо сидела на подоконнике и слушала, как капли бьют стеклу, пыталась читать, пыталась заснуть, но... Нет, заснуть прямо здесь было бы не слишком хорошо — завтра мама опять будет недовольна этим. В комнате, где сидит сейчас девочка, три двухэтажных кровати... Дженни и Шарлотта, как самые маленькие, спят всегда слишком крепко. Их почти невозможно разбудить, когда они сами не желают проснуться. Рейчи не раз приходилось выливать на них по стакану воды, чтобы эти две девчонки проснулись... А вот Софи спит чутко. Достаточно любого не слишком тихого звука, чтобы она проснулась... Моника давно уехала в Реондейм, а Сары пока нет в комнате. Она не поднималась наверх после ужина, на который был какой-то противный суп, сделанный, очевидно, из самых дешёвых продуктов, которые только можно было найти...

Звук бьющегося стекла. Громкие всхлипывания, причитания... Звук удара. Чей-то тихий вскрик. Девочка лет одиннадцати-двенадцати вскакивает с кровати, бежит по коридору и останавливается у лестницы. Рейчелл видит это со своего подоконника. Она и сама встаёт, тихонько идёт туда же, где сейчас оказалась и Софи. Сара стоит внизу в своих привычных истёртых чуть ли не до дыр серой кофте и зелёной юбке, и почему-то едва не плачет. Рейчелл редко видела её такой.

А рядом стоит босая, в мятой потрёпанной одежде мать, которая пристально смотрит на Сару, которая почему-то отводит взгляд. Рейчелл осторожно подзывает к себе напуганную Софи. Та не понимает, что именно происходит. Впрочем, Рейчи сама не совсем понимает это. Она ни разу не видела мать и сестру такими... Сара всегда была послушной и тихой, она ни разу за всё то время, когда Рейчелл стала хоть что-то понимать, не сделала ничего дурного, что могло бы разозлить родителей. Это Рейчелл была непослушной. Ещё Дженни с Шарлоттой, но уж точно не Сара, не тихая, гордая, правильная Сара, никогда в жизни не

позволившая себе чего-то лишнего, того, что было бы запрещено родителями и учителями, всегда всё делавшая очень хорошо, учившаяся, беспрекословно выполнявшая всю работу по дому, которую её только просили сделать...

Одежда девушки идеально выглажена. И эта старая истёртая серая кофта, которая когда-то принадлежала Монике, и эта старая материнская юбка, когда-то бывшая более яркого цвета, чем сейчас... Волосы Сары заплетены в привычную косу. Рейчелл думается, что Сара даже в таком простом наряде выглядит благороднее многих богатых барышень...

— Почему ты не можешь хоть раз сделать то, о чём тебя просят?! — кричит мать срывающимся от рыданий голосом. — Почему ты не можешь понять, насколько это важно?!

Софи прижимается к Рейчелл и беззвучно всхлипывает, девочке хочется спуститься вниз, попросить мать и Сару не шуметь, но она чувствует, что не может этого сделать, чувствует, как ей становится страшно от одной этой мысли... Девочка толкает младшую сестру в направлении их комнаты и шёпотом просит сидеть там тихо, пока она посмотрит, чем всё закончится. Мать рыдает. А Сара пока просто молчит, не произносит ни слова.

Стоять босыми ногами на полу довольно холодно, и девочка присаживается на корточки, чтобы растереть ступни. Сара продолжает молчать. Упрямая! Упрямая, гордая Сара! Она всегда была такой — даже выполняя порученные ей задания, в школе или дома. Рейчелл пытается дышать как можно реже и тише, чтобы не обращаться на себя внимания со стороны взрослых. Не хватало ещё того, чтобы её заметили! Ладно, хоть Софи удалось уложить обратно спать...

Рейчелл прислушивается — Дженни и Шарлотта, кажется, спят. Как хорошо, всё-таки, что Софи их не разбудила! Их ещё не хватало тут! Слишком маленькие они ещё, чтобы лезть во взрослые проблемы... Тем более, такие серьёзные, как эта.

— Это очень важно! — продолжает мама, громко всхлипывая. — Сара! Ты хочешь уехать не в Реондейм, а в Саторхейм, но к кому ты там пойдёшь?! Сара! Подумай, пожалуйста! Езжай ка в Реондейм, к сестре, к тётушке...

Со своего укрытия Рейчелл видно красный след на лице Сары и то, как сильно дрожат её губы. Сестра молчит. Это так обычно и естественно для Сары — молчать, когда её обидели. Просто гордо молчать. В те мгновения, когда обидчик уже не знает, что делать с переполняющим его гневом — молчать. Рейчелл видит красные следы на тоненьких запястьях старшей сестры. Останутся синяки. У Сары они долго не проходят.

Мать рыдает. Она вымотана той жизнью, которой ей приходится жить. Моника всегда говорит так, когда приезжает. Кажется, Моника сама вымотана той жизнью, которой приходится жить ей самой, но об этом девушка не говорит никогда. Мать рыдает. Она всегда рыдает, когда кто-то из дочерей её не слушается. Просто Сара никогда не делала ничего, за что на неё могли бы кричать...

Рейчелл вспоминается, что сестра молчала всегда, когда её пытались обидеть. Отходила, никогда больше не заговаривала на ту тему, на которую был разговор в тот раз, снова садилась под большим дубом с книжкой. Но не отвечала. Но не дралась. Но не плакала. Даже никогда не жаловалась старшим на это...

Она и сейчас молчит. Сердит мать ещё больше. Уж кому, как не Рейчи знать об этом? Та ещё больше раздражается, когда ей не отвечают. А Сара молчит. Просто молчит. Не плачет. Не ходит нервно по комнате, не грызёт ногти. Просто стоит и молчит, будто находясь выше этого глупого спора. Впрочем, возможно, она, и правда, находится выше этого. Девочка уже хочет спуститься вниз, чтобы хоть как-то прервать это тягостное

повисшее в воздухе молчание, когда Сара начинает говорить...

— Попрошу лорда Чаттерли предоставить мне временный приют, — очень тихо говорит девушка, но её голос будто звенит на весь холл, Рейчелл слышит каждое слово. — Объясню ему ситуацию.

Девочка замирает, сползает на пол и прикрывает рот руками от страха. Только этого ещё не хватало. Упрямица Сара! Она всегда была такой... Тихой, но очень и очень гордой. Словно родилась не в семье обычного рабочего, а в семье какого-нибудь герцога или графа. Про себя девочка молится, чтобы только всё это поскорее закончилось, чтобы всё обошлось, чтобы всё стало, как было до этого рокового разговора.

Мама вскрикивает. Буквально подлетает к дочери. Снова хватается Сару за запястья, отчего та вздрагивает, и шепчет той что-то прямо в лицо. Рейчи знает, что именно. Имя лорда Чаттерли запрещено в их доме. Девочка не знала — почему. Зато знала, как сильно будут сердиться родители, если она скажет хоть слово про него.

— Посмеешь обратиться к нему — больше не смей появляться в моём доме! — кричит мать, отпуская дочь. — Неблагодарная! Да как ты...

Сара смотрит на мать, молчит, просто серьёзно смотрит. Рейчелл хочется спуститься туда, но она очень боится. Тогда ей достанется очень сильно, а Сара... Сара всё равно сделает всё так, как ей хотелось... Девушка кивает, так же молча хватается свою старую куртку с вешалки, одевает и выскакивает за порог. Прямо в этот ужасный дождь...

Мама оседает на пол рыдая. Рейчи слышен каждый её всхлип. Девочка смотрит на входную дверь, за которой только что исчезла её сестра, и думает, что ей совсем не хочется, чтобы Сара ушла навсегда, совсем-совсем не хочется, как бы неинтересно с ней играть было... Имя лорда Чаттерли, как и следовало ожидать, сыграло роковую роль. Кем был этот человек, чтобы его так не любили в семье Эливейт? Рейчелл не знала, да и не хотела знать...

— Вон! — орёт мать, уже не сдерживая рыданий, вслед Саре, исчезнувшей в этом ужасном ливне. — Вон, неблагодарная! Никогда больше не возвращайся!

Несчастливая женщина плачет, закрывает лицо руками. Девочке видно, как вздрагивают её плечи. Ей хочется спуститься вниз, обнять мать, заплакать вместе с ней об ушедшей Саре, но что-то подсказывает ей, что мама плачет вовсе не об этом. Скорее о том предательстве, которое в её глазах совершила дочь, решившись обратиться за помощью к ненавистному лорду Чаттерли...

Рейчелл чувствует, как ей хочется во весь голос зареветь, чтобы стало хоть немного легче, но до ужаса боится. Не здесь. Не при маме, которая, вероятно, не хотела бы, чтобы её кто-то увидел в таком состоянии. Девочка как можно тише встаёт и прошмыгивает в комнату, где сейчас спят Дженни и Шарлотта и тихонько, свернувшись на кровати калачиком, плачет Софи.

— Ты всё слышала? — шепчет Рейчелл сестре. — Ты ведь слышала?

Софи кивает и начинает плакать ещё горше... Девочка ложится рядом с сестрой, обнимает её и тоже начинает плакать. Теперь дождь уже не кажется ей таким прекрасным. Теперь он словно олицетворяет её душевное состояние...

Комментарий к II. Глава двадцать третья. Одиннадцатый обрывок веры.

* Fleur — Голос

Да, глава какая-то странная, получилось немного не то, что задумывалось...

Автору очень стыдно просить об отзывах ввиду того, что есть человек, который комментирует всегда, но автор, всё-таки, об отзывах просит.

Поёт, беснуясь, ветер,
Ночь, таинству под стать,
Нагая в лунном свете,
Твой пульс чеканит такт,
Лишь час на всё отпущен
Хозяином Времени,
Но танец так воздушен,
Что Царь Ночной пленён...
Когда всё это было?
Как будто жизнь назад,
В ладони гвозди вбили,
И дальше только Ад...
Калёное железо,
Приняв печать огня,
Змеёй впивалось в тело
Шипя, искрясь, звеня...
Тебя хлыстами били,
Но им не слышать плачь,
И сложенные крылья
Не видит твой палач...
В удушливой неволе,
Наперекор судьбе,
Не покоряясь боли,
Ты смерть звала к себе.
Так истерзана плоть, эту боль не унять,
Не в постели из роз суждено умирать...
Смерть придёт не таясь, среди белого дня,
Чтобы душу принять из объятий огня.
Сгорит чужая кожа,
С чела стерев клеймо,
И ты явить всем сможешь,
Что зреть им не дано...
Рёв пламени чуть стихнет,
Умолкнет гул толпы,
Юродивый воскликнет:
— «Чиста, невинна ты!»
Нетронута, прекрасна,
В одеждах из огня,
Казнённая невеста
Полночного Царя...
Над лобным местом нечисть
Кружит, как вороньё,
И собирает жизни -
Приданное твоё...

Среди белого дня Смерть явилась сама,
Чтобы душу принять из объятий огня,
Скрыло Солнце свой лик, Тень укрыла любя
Небо вырвало крик и простило тебя...
Среди белого дня Смерть явилась сама,
Чтобы душу принять из объятий огня,
Скрыло Солнце свой лик, Тень укрыла любя
Небо вырвало крик и простило тебя. *

Знаете... В омовой галерее орандорского королевского дворца слышен даже самый тихий звук. Каждый шаг, даже самый осторожный, будто бы звенит, ударяясь об этот светлый мраморный пол, а в зеркалах, в старинных прекрасных зеркалах, что были привезены сюда ещё во времена наместничества и которые висят теперь между портретами наместников и монархов Орандора, отражали прекрасный сад, на который выходили окна... Иногда казалось, что здесь будет слышно даже то, как вода будет литься из стакана на мраморный пол... Альфонс слышал каждый свой шаг во время походки в галерею. Здесь можно было стоять и просто слушать всё, что происходит в яблоневом павильоне орандорского дворца — всё это было прекрасно слышно, каждый звук, каждый шорох, каждый шёпот...

Ал любил стоять здесь в одиночестве и прислушиваться ко всему... В этом почти всегда светлом помещении было так легко сосредоточиться на своих мыслях, на переживаниях о том, что происходило с ним... Сосредоточиться на том, что было важно, а не на том, что постоянно напоминало о себе... Альфонсу нравилось сидеть тут на подоконнике и просто слушать, что происходило вокруг. Не говорить, не читать, не делать что-либо — просто сидеть с закрытыми глазами и думать. Думать о разном — о том, чего никогда не могло и не должно было случиться, о несправедливости и жестокости судьбы, о прочем... В первый раз именно Алесия привела его сюда, а уже потом он привёл сюда же Марию. Глупое воспоминание. Всего лишь воспоминание. Обычное воспоминание, как сотня других, таких похожих на это. Обычное воспоминание, которое теперь ни за что не сделать реальностью снова. Теперь уже поздно говорить об этом. Ничего больше не будет так, как было раньше.

Как бы этого не хотелось...

Тут — в этой галерее — не нужно было думать обо всей этой политике, о том, сколько тонн зерна было произведено и не будет ли страна голодать в этом году, о том, что нужно будет куда-то уезжать, не нужно было думать о том, какой камзол лучше всего надеть на приём, чтобы выглядеть в соответствии со всеми правилами этикета... Можно было подумать о том, что волновало его куда больше — о Марии, об Алесии, об отце, о Леонарде... О людях, которые были ему дороги, признавал он это или нет. О людях, которым он был дорог, признавали они это или нет. Альфонс сильно скучал по ним всем, сильно переживал за всех них. И как оказалось в случае с Элис — не напрасно. И почему Ал не мог пригласить её в Орандор на недельку-другую для того, чтобы тот человек, убивший её, не нашёл её, не убил, чтобы сейчас Браун мог смотреть на весёлое, живое лицо мисс Хайнтс, которая так помогла ему в первые дни правления? И почему только он не догадался сделать это? Как не догадался не отпускать далеко от себя Марию тогда... Всё же, он идиот, каких поискать ещё следует. А ещё — король! Какой из него был король? Но всё же, почему-то, так не хотелось делить эту, незаконно доставшуюся ему, власть с кем-то ещё — с Теодором, Алесией, Леонардом, Джулией, даже с Марией. Почему-то хотелось властвовать,

властвовать единолично, не подчиняясь никому и ни к кому не прислушиваясь, делая только то, что он сам считал нужным... Только вот правление страной подразумевало совсем не это. Совсем не то, о чём он всегда думал.

Галерею ещё называли фальранской. Альфонс и не обратил бы на это внимания, если бы Теодор не сказал ему не так давно о том, что скоро в Орандор придет для решения неких особо важных политических вопросов император Фальрании. Что представляло из себя это государство? Граф сказал только то, что находилось оно на севере и было богато рудами, драгоценными камнями, углём, а сам король больше ничего и не знал. Альфонс Браун после своей коронации был вынужден заняться своим образованием. Точнее, той его частью, которая касалась мифов, легенд и традиций этого мира и конкретно этого королевства. Было так стыдно осознавать, что среди всех этих напыщенных лордов он один не знает ничего о своём собственном королевстве, которое досталось ему так неожиданно. Ал чувствовал себя чужим. Он и был чужим здесь, как бы ни прискорбно было это признавать. Мария хотя бы была внучкой предыдущего короля и сыном графа Траонта — одного из самых влиятельных и владетельных лордов Орандора, а Альфонс Браун был просто мальчишкой, простолудином, воцарением которого мало кто был доволен. Что же... Первоначально, он сам не был им доволен. Ал чувствовал себя чужим. Ему было не избавиться от того болезненного ощущения ненужности и ущемлённости, которое теперь преследовало его повсюду. Омеловая или фальранская галерея в орандорском дворце пересекала яблоневый, весь застеклённый, павильон и «входила» в основной корпус дворца. Альфонс как-то измерил расстояния от окон до стены в самой широкой части омеловой галереи, это было ещё до того дня, когда убили старого Генриха... А они тогда ещё с Марией сидели там, и она смеялась над тем происшествием с Алесией в конце бала... Принцесса сидела на подоконнике и по-девчачьи хихикала над ним, над Альфонсом, и он был готов прощать ей этот смех... Он был готов прощать почти такой же смех Алесии, когда та в первое время после коронации приезжала в Орандор и сидела рядом с ним... Теперь же в королевском дворце не было ни Марии, ни Алесии... Да и Леонарду день ото дня становилось только хуже, и ничего нельзя было с этим поделать.

Он остался совсем один...

Один — среди тех людей, которые сейчас кричали, что поддерживают его, но в любой момент готовы предать, как предали когда-то Генриха Траонта, пусть не слишком хорошего короля, но, всё же, человека, старавшегося как-то справиться с доставшейся ему страной... Что удивительно, при всём своём властолюбию, Джулия Траонт и Теодор Траонт править страной не хотели. Отказывались. Отказывались от предложения Ала занять трон вместо него. Впрочем, теперь молодой монарх и сам вряд ли хотел, чтобы кто-то стал королём вместо него. Словно кто-то теперь вместо него говорил, что хочет править, не хочет делиться теми толиками власти, которые Брауну достались в результате действий Малуса. Кажется, демон был благодарен парню за то, что тот сумел найти его дочь. Интересно, как там сейчас эта девочка? Наверное, неплохо. Ал сам хотел бы снова увидеть своего отца, но... Он не знал ни того, что ему придётся тому говорить, не представлял самой этой встречи. К тому же, злость ещё до сих пор не прошла. Пройдёт ли она когда-нибудь? Альфонс этого не знал, да, впрочем, и не особенно хотел знать. Ему должно было быть хорошо здесь теперь. Он сам думал всегда, что жизнь королей, других людей, приближённых к власти или властью являющихся, мало отличается от жизни в каких-нибудь сказках. Теперь же приходило осознание того, что всё было несколько не так, как он раньше считал... Точнее,

всё было совсем не так. Все его убеждения теперь летели к чертям, то, во что он всегда верил, оказывалось ненужным и совершенно бессмысленным... Альфонсу Брауну до смерти хотелось изменить это королевство, сделать его лучше, помочь всем тем людям, которые в нём жили. Он до безумия хотел помочь им всем, но не толком не понимал, что именно он должен сделать. Мария бы понимала... Она всегда понимала это. Лучше чувствовала, что и как можно и нужно сделать, да и рисковать не боялась. Орандор был не слишком большим королевством, но Альфонс постоянно чувствовал, что он не справляется с возложенной на него задачей.

Ал вздохнул и перевёл взгляд с пола на стену, на которой висели портреты всех королей и наместников Орандора. Теодор всё хлопотал над тем, чтобы портрет Альфонса тоже скорее написали, чтобы можно было смотреть и на его изображение в омовой галерее. Браун не слишком хотел этого. Видеть своё лицо, постоянно видеть своё лицо не только в зеркалах, но и на чёртовом портрете, было бы не выносимо. По правде говоря, он уже не слишком понимал, чего именно хочет от себя и от жизни в целом. Быть может, вернуться на Землю? К родным и близким людям, к привычному укладу жизни, в котором не было места всей этой ответственности, всей этой придворной мишуре, в которой он успел погрязнуть даже за то короткое время, которое являлся королём? Но без гроша в кармане, без планов на будущее, в ужасном районе ужасного города... Или остаться здесь — среди шелков, золота, самоцветов, среди той ответственности, которая доселе не была известна ему, ответственности не только перед собой и близкими людьми, но и перед всем королевством, перед всем миром..... Альфонс чувствовал себя чужим среди всех этих людей — напомаженных вельмож в расшитых золотом камзолах, но само это место было для него чем-то важным, хоть он и не мог понять — почему. С тех пор, как Браун в последний раз видел Марию прошло уже полтора месяца... С тех пор, как он видел Алесию в последний раз — недели две. И Алесия погибла. Её похороны должны были состояться дня через четыре. Ал не представлял, как он смог бы смотреть на её мёртвое тело, смотреть на эти прекрасные, вероятно, теперь поблёкшие, светлые волосы... Только сейчас в голове на самом деле стала рождаться мысль, что убить могли и Марию... Нет, нет, этого не могло быть! Он бы почувствовал! Альфонс всегда чувствовал, когда той становилось плохо, она всегда звала его... Нет, нет, она просто не могла умереть, сдаться перед трудностями, которые её ожидали! Нет! Мария не могла сдаться! Это он, Альфонс Браун всегда так хотел сдаться и остаться в сторонке во время их игр, это он, был готов отсиживаться там, где было бы комфортнее, спокойнее, безопаснее... Известия о том, что происходило теперь из-за него с близкими ему людьми, подкашивали его.

Сначала ушла Мария, потом — Алесия... А теперь ещё и болезнь Леонарда, так старательно пытавшегося служить ему... Те лекари, которые ещё остались во дворце после того, как правление Генриха закончилось, разводили руками и что-то бормотали о заклятье, которым ударило юного Кошендблата... За что? За службу новому королю? Как бы не стали люди бояться служить Брауну после всего этого... Как бы не остаться парню наедине со всеми проблемами, которые означало то, что он был королём этого всеми проклятого королевства. Как бы не стать совершенно беспомощным перед людьми, преимущественно, аристократами, презирающими и ненавидящими его, готовыми в любой момент наброситься на него, словно свора псов, разорвать...

Альфонс скучал по Марии всё то время, которое они не виделись. Где там она — его сестрёнка? Как она там? Что с ней происходит сейчас? Ал разрывался из-за желаний,

терзавших его душу — бросить всё, чтобы только увидиться с ней или остаться здесь, чтобы не потерять то, что он так неожиданно приобрёл.

Джулия была пару раз во дворце после коронации нового монарха, и каждый раз молодой правитель натыкался на её строгий, осуждающий взгляд. Пожалуй, она знала то, чего Альфонс Браун пока не знал. Разумеется, она знала то, чего Альфонс Браун пока не знал, и, может быть, никогда не узнает. Зелёные глаза ведьмы смотрели каждый раз зло и настороженно, в них не было ни капли того тепла, которое было в глазах Алесии. Впрочем, может быть, королю только казалось так на счёт герцогини Траонт, потому как он сам относился к ней настороженно. Да и сама ведьма казалась какой-то монументальной при всей своей хрупкости... Монументальная хрупкость... Что же... Нужно запомнить это словосочетание. Оно звучит довольно любопытно. Как раз то, что подходит такой эксцентричной женщине, как леди Траонт!

Говорили, все короли, которые когда-либо правившие Орандором, сходили с ума так же, как начинал сходить с ума и Ал. Что это было за проклятье такое? Альфонс никогда ранее в них не верил, считал себя разумным человеком, а не ребёнком или психом, верящим во все эти сказки. Никогда раньше он не верил в проклятья, а тут... Браун с ужасом осознавал, что он сходит с ума, что всё, что было дорого и привычно ему ранее, становится другим, что он сам меняется и меняется не в лучшую сторону. Словно какой-то демон пожирал его душу изнутри. И имя тому демону было — жадность. Альфонс никогда не считал себя жадным. Может, зря? Может, зря он не видел в себе этого ужасного порока, который теперь рвал на части его душу? Может, следовало с самого начала следить за этим? Почему раньше гордость не давала ему увидеть этого ужасного демона, сидящего внутри него? Потому что сама гордость тоже была страшным демоном, сидящим внутри него? Может быть, именно поэтому Малус помог ему — увидел в нём кого-то похожего на тех, кем он правил в своём мире. Впрочем, кем именно был Малус? Альфонс не знал о нём ничего, кроме того, что демон был очень силен и являлся отцом той девушки...

Ал обернулся и подошёл к зеркалу. На секунду ему показалось, что там отразилось не его лицо. Отразилось чьё-то ужасное, тёмное, со злобно сверкающими глазами, лицо, так похожее на его собственное. Но ведь — не его? Существо отразившееся в зеркале вместо него быстро исчезло, но Альфонс почему-то до сих пор стоял и не двигаясь смотрел на своё отражение. Будто не верил самому себе, своим глазам, своему разуму... Впрочем, он действительно уже не верил.

Омеловая галерея... Странное название, впрочем, происходило оно из того, как говорил как-то Теодор Траонт, из-за пристрастия королевы Аделаиды к веточкам этого... А чем являлась омела? Деревом? Альфонс никогда не задавался этим вопросом. Портрет Аделаиды висел тут, напротив клёна с порыжевшими уже листьями, ветки которого стучали прямо в окно галереи... Альфонс зачем-то снова посмотрел на этот клён. На это прекрасное дерево, которое отчего-то напоминало ему о доме, о Земле...

Потом король зачем-то снова глянул на портрет. Женщина на нём была одета в довольно простое серое платье и по какой-то причине казалась весьма суровой. В ней не было той величественной аристократичной строгости, что сквозила в каждом движении, даже самом лёгком и простом, герцогини Джулии Траонт. Герцогиня была красива, красива той возвышенной королевской красотой, тогда как Аделаида не казалась даже симпатичной. Её худое, бледное лицо было лишено той строгости, той утончённости, как это было с Джулией или Алесией, да даже с Марией, которая совсем не была похожа на принцессу.

Живое, подвижное лицо Фаррел всегда отражало её мысли, её эмоции, девушка просто не считала нужным, что-то скрывать. И всё же, Альфонсу подумалось, что Аделаида совсем не была похожа на королеву, даже больше, чем Мария не была похожа на принцессу, Аделаида казалась скорее изнурённой тяжёлой работой фабриканткой, нежели владычицей Орандора... Её серое платье было слишком простым, а вид в целом — слишком измождённым, но на шее её красовалось рубиновое ожерелье, которое до свержения Генриха. Браун никогда в жизни не видел чего-то более парадоксального, нежели эта королева. Впрочем, возможно, он всё ещё увидит. Не следовало думать, что всё, что видел он когда-либо — единственное, что на самом деле существует. Нужно было уяснить это ещё с того самого дня, когда Седрик появился в их дворе. Но Ал почему-то правильных выводов тогда не сделал. Только подумал, что стоит чуть меньше всему удивляться и всё.

Послов из Фальрании ждали, кажется, через две недели. Нужно было всё подготовить к их прибытию. А ведь новый король толком и не знал, что делать в таком случае — ранее он принимал у себя в гостях только Марию. Впрочем, что за слово такое — «принимал»? Эту девушку никогда не нужно было принимать. Она была ему почти родной. Нет, не так! Она была ему родной. На самом деле. Она была его сестрой, его младшей сестрой, которая никогда не любила, когда её защищали.

Альфонс тяжело вздохнул и подошёл к окну. Отсюда прекрасно виден тот сад, в который его однажды потащила гулять Алесия... Подумать только — он её больше никогда не увидит. Не увидит её смеющихся голубых глаз, её светлых волос, которые так приятно было сжимать в руке, её красивого лица, гибких рук... Он никогда больше не почувствует её дыхание на своей шее, никогда больше не обнимет её... Подумать только — умерла! Умерла, ушла, бросила! Как и все, кто когда-либо был ему дорог! Мама, отец, Мария... Почему они все уходили? Почему бросали его одного, среди этих всех проблем? Почему они не могли остаться рядом с ним? Почему не могли помочь ему? Остаться, просто остаться рядом и немного побыть с ним, помочь хоть как-то.

— Ты бросила меня здесь одного! — воскликнул король отчего-то зло. — Почему ты это сделала?! Я так нуждаюсь в тебе!

Хотелось кричать. Плакать. Умолять. Но ничего из этого монарх не мог себе позволить — не позволяло положение, не позволяли те глупые уставы, соблюдать которые от него постоянно требовал Теодор Траонт. Глупости! Зачем ему этот трон, эти богатства, когда он не имеет права даже на то, чтобы сожалеть о ком-либо? Альфонс буквально разрывался из-за переполнявших его чувств и эмоций. Разрывался не только из-за жадности, вдруг пробудившейся в нём, но и от того чувства брошенности, незащищённости, которое раз за разом появлялось в нём всё с новой силой.

Он уже не знал, откуда и когда появилось это чувство. Оно было давно, ещё после того случая с матерью, но теперь все эти ощущения возобновлялись — исчезновение Марии, потом смерть Алесии... Всё это не давало ему покоя. Теперь становилось только хуже, с каждым днём, и он ничего не мог с этим поделать.

Постоянно вспоминалось то время, время, когда он имел возможность к кому-нибудь обратиться за помощью, за поддержкой, когда он мог хотя бы решить проблемы самостоятельно... Теперь всё было иначе. Ал никогда не собирался становиться королём какого-то странного королевства из книжек, которыми зачитывались Мария и Бесси, он, вообще, всегда больше любил детективы, в которых не было всей этой глупой магии и прочих причуд выдуманных миров. Только преступление, преступник и тот, кто

преступление раскрывал. Остальное было лишним.

Бесси... Его противная маленькая кузина... Впрочем, не такая уж она была маленькая — кажется, ровесница Марии. Зато противной Бесси была точно. Чего стоил только один её запрет называть её полным именем. Ал порой начинал путаться — называл Марию кратким именем, Бесси полным, за что обычно получал от обеих. Впрочем, что с них возьмёшь, с этих капризных девчонок, толком не понимающих того, чего именно они хотят? Альфонс всё ещё вспоминал ту глупую куклу в синем платице с белыми оборочками, за оторванную голову которой потом сильно досталось от отца. Как же он ненавидит теперь этих кукол! Прямо терпеть их не может! Бесси ещё тогда ревела на всю улицу о том, какой у неё плохой брат, и отец чуть ли не за шиворот тогда оттащил его в дом. Мария никогда так не делала. Она сама никогда не любила кукол. Правда, немного по другой причине. Фаррел не нравилось то, что ей дарили кукол на праздники, в итоге, разумеется, все эти куклы оказывались в копилке игрушек Розы, а Мария снова лазала по деревьям, разбивала нос и колени, пыталась драться с Алом (тот после серьёзного разговора с отцом на эту тему старался всячески не позволять ей это делать)...

Бесси... Девочка, которая постоянно следовала за ним по пятам в дни своего приезда в Эйджакс. Девочка, которая находила язык со всеми — с Марией, с Розой, с отцом, с Томом, с Биллом, со всеми остальными. Со всеми, кроме Ала. Бесси, как никто другой, умела вызывать раздражение у нынешнего короля Орандора. Почему только племянница его отца не могла усидеть на месте хоть несколько минуток? Неужели, так трудно было просто посидеть и помолчать немного?

Видимо, Бесси было сложно.

Что Мария, что Алесия были другими. Они умели говорить, любили говорить, но умели и молчать, когда это было действительно необходимо. Ал всегда мог просто помолчать в их присутствии, ничего не слушать, лежать с закрытыми глазами и думать о том, что в данный момент волновало его больше всего. А не слушать эту нескончаемую болтовню, от которой начинала болеть голова. Не слушать этот вечно восторженный громкий шёпот на каждое мало-мальски важное событие и приключение, который так раздражал порой, особенно, когда происходило что-то действительно важное и серьёзное.

Альфонс тяжело вздохнул. Теперь он не мог насладиться даже этим. Даже этим пониманием. Теперь ему оставалось только безмолвие, ощущать которое было мучительно больно. Вот бы снова оказаться на Земле, правда, не потеряв трона королевства Орандор... Вот бы снова увидеть всех их всех, вот бы снова почувствовать их руки, обнимающие его... Нельзя. Не стоит даже думать об этом лишний раз. Это только мучает его. Стоит успокоиться и отпустить. Отпустить их всех. Их троих. Отпустить и понять, что ничего поделать уже нельзя. Стоит только отпустить... Помочь им. И себе.

— За что ты так поступила со мной?! — закричал король вдруг, уже не совсем понимая, к кому обращается — к матери, к Марии или Алесии. — Я больше не хочу видеть тебя! Слышишь?! Не хочу!

Королю кажется, что зеркала вот-вот треснут и разобьются, что осколки полетят на пол, что он сам — растворится в этих осколках. Невозможно... Лишь глупые мысли, которые стали появляться у него не так давно... Стоило как-то избавляться от них, отпустить их, чтобы ему самому стало легче жить...

Фигура молящегося на коленях перед алтарём человека. Человека в белой рясе. Вокруг него разложены цветы. Огромное множество цветов. В комнате не горит ни одна свеча.

Только луна светит в приоткрытое окно. Сиреневые блики царят в этой комнате. Сиреневые. Иногда — синие. Вот и всё освещение. Здесь достаточно темно, и на любого, кто вошёл бы сюда, комната произвела бы двойное впечатление. С одной стороны это было очень красиво. С другой стороны — было несколько жутко от этого. От этого безмолвия и от этой молчаливой красоты, царящей в этом помещении...

Человек, если приглядеться к нему, уже стар. Ему около шестидесяти, а может быть, и больше лет. Его желтоватая сухая кожа совсем не кажется некрасивой. Он что-то шепчет, одними губами, не произнося ничего вслух, в одной его руке чётки, вторая же держит молитвенник. Лицо его безмятежно, а сам он настолько спокоен, что это кажется даже странным. Длинные холодные пальцы левой руки перебирают чётки, а правой бесшумно переворачивают страницы.

Молодой парень заходит в комнату как можно тише. Старается не хлопнуть дверью, останавливается у самого входа и не делает ни шагу. Он боится прервать молитву того человека в белом. Тот же, кажется, и не замечает вошедшего. Продолжает молиться так же, как будто никого больше в комнате и нет.

— Иди сюда, мальчик мой, — произносит старик тем самым тоном, которым пожилые люди иногда подзывают молодых. — Иди сюда.

Парень бесшумно, стараясь ничего не задеть и не наступить ни на один цветок, подходит к этому человеку и помогает ему подняться на ноги. Старик смотрит на него с тем спокойным уважением и снисхождением одновременно. Что-то во всём происходящем здесь было не так. Что именно? Молодой человек всё пытается понять это. Какая-то мелочь, какая-то странная мелочь, которую он никак не мог заметить. Не так давно случилась атака на это место, и что-то изменилось. Что-то, чего они никак не мог понять. Вероятно, он уже заметил это, раз понял, что это что-то отличается от того, что он видит обычно. Теперь нужно только сообразить — что. Что? То же помещение, что и всегда. Те же цветы, что и всегда. Он всматривается в каждый цветок, в каждую тень, но не находит ничего странного или подозрительного.

Серые глаза пожилого мужчины кажутся слишком пронизательными даже для человека его возраста. Очень ясные.словно каждая мысль, которая только мелькает в его голове, отражается в них. Наверное, так оно и есть. Этот человек всегда наводил ужас на тех, кто его знал. Да какой он, впрочем, старик? Быть может, он даже моложе того возраста, на который выглядит... Только вот... Почему он внушал больше страха, чем кто-либо ещё. Молодой человек внимательно смотрит в эти глаза. Внимательно всматривается в эти серые глаза, много чего повидавшие. Серые...

Почему серые? Разве глаза этого человека не были карими? Он ещё сам расстраивался тому, что не унаследовал серый цвет глаз своей матери... Это было не так давно. Ещё до атаки. Но кто же тогда стоит сейчас перед ним, кто сейчас подзывал его к себе? И почему он только сейчас это заметил? Парень чувствует, как его горло будто сжимает чья-то ледяная рука. Кто был этот человек? Кто? Дыхание перехватывает. Юноша просто не знает, что ему дальше делать. Что делать? Только бы не дать понять, что он уже всё понял. И зачем он только посмотрел в эти глаза? В эти серые глаза... Зачем он только догадался, что перед ним стоит вовсе не его наставник. Разве эта информация что-то дала ему, кроме страха? Нет, эта информация не давала ничего. Лучше бы он понял это потом — выйдя из этой комнаты, придя к себе... Было бы куда безопаснее.

Только не отводить взгляд! Только не отводить! Это будет совсем понятно. Нужно

просто успокоиться и сделать вид, что ничего не произошло. Чтобы тот, кто хочет провести его, думал, что его фокус удался. Так будет лучше. Лучше для всех. Лучше для него, для его друзей, для тех, кто ему ещё дорог.

— Что я должен сделать, сир? — спрашивает парень в ужасе понимая, что перед ним стоит совсем другой человек, не тот, кого он ожидал здесь увидеть. — Скажите мне...

Мужчина оценивающе смотрит на него, словно примеряет, насколько сложную миссию можно ему дать. Юноша же смотрит с надеждой. С надеждой на то, что в этом месте, наконец, примут его. Это место — храм бога луны и загробной жизни. Это место — самое таинственное, какое только можно себе представить... Самое таинственное и, возможно, самое опасное из всех.

Юноше хочется отступить, сделать пару шагов назад, чтобы только не наталкиваться на этот уважающий, но холодный взгляд, который, безусловно, пугает его, пугает так, что кровь будто стынет в жилах... Он удерживается от этого поступка. От этого крайне неразумного, с головой выдавшего бы его поступка.

— Тебе следует запомнить только три имени, — произносит, наконец, старик тихо. — Только три — Мария Фаррел, Джулия Траонт, Джордж Блюменстрост. Что с ними делать, я объясню тебе потом.

Юноша вздрагивает от ужаса. Он знает двоих из этих трёх людей. Не лично. Но знает. Он помнит Седрика Траонта, сына Джулии, проучившегося с ним в одном классе в Академии магов, он помнит упоминания Хельги Кошендблат о некой Марии Фаррел. Зачем они нужны этому человеку? Впрочем, это, пожалуй, не так важно. Важно только выйти отсюда.

Кое-как парень кивает, на едва гнущихся ногах делает поклон, целует подол рясы этого человека и поднимается, чтобы уйти. Он едва успевает встать и развернуться, когда вдруг понимает, что чувствует лезвие на своей шее. Лезвие и чьё-то холодное дыхание. Чувствует, как больно становится дышать, как страх переполняет его. Неужели. Этот человек всё понял? Неужели... Неужели, всё кончено? Он умрёт теперь? Прямо здесь и прямо сейчас?

— Спасибо тебе, милый Крис, — шепчет тот человек ему на ухо. — Я неплохо повеселился, наблюдая за тем, как ты понял, что я — не он, а затем над тем, как ты пытаешься скрыть то, что ты только что понял... Что же... Уверяю тебя, Крис, я бы ещё немного поиграл, но... Мне нужно увидеть кое-что очень важное. Надеюсь, ты поймёшь. Извини.

В следующую секунду Крис уже оказывается на полу с перерезанным горлом, а человек, убивший его наклоняется над телом парня, проводит рукой по ране, потом подносит руку к своему лицу.

Память, пожалуй, самое ужасное, что только может быть. Именно из неё рождается боль. Из памяти о том, что когда-то всё было иначе, не так, лучше, из памяти о самом хорошем в нашей жизни и забвении о самом плохом. Вся жизнь может состоять из боли, иногда скрашиваемой краткими мигами счастья, к внезапному исчезновению которого так трудно привыкнуть. Вся жизнь может состоять из крови и слёз. Из мыслей о том, что ты упустил самое важное в жизни, самое дорогое. Что ты — причина всех тех бед, которые происходят с твоими близкими. Что ты — единственная причина этих бед. Что без тебя всё было бы куда лучше...

Память... Она который год не давала ему засыпать спокойно, постоянно твердила ему о том, что он, он убийца своих детей, что он виноват во всём этом. Что не существуешь на свете

его глупая гордыня — они были бы живы и здоровы сейчас... Сад этот — единственное, что у него есть теперь. Милане нравились эти цветы, она заставила мужа дать ей самой возможность украшать это место, она и дочь приучала к этой любви к красоте, к прекрасному... Сам Делюжан никогда раньше не умел долго смотреть на природу, она наводила на него ощущения тоски и скуки. Природа для него была лишь незначительной частью окружающего его мира, тем, на что не следовало обращать внимания... Он никогда и не обращал.

Милана обожала сидеть в саду, обожала сидеть вместе с дочерью и что-то ей рассказывать. Яков обычно в эти моменты убегал к себе, говоря, что он не будет слушать всякие там девчачьи разговоры... Делюжан усмехнулся, подумав, что он сам всегда был того же мнения, что и сын...

Любование природой казалось ему глупостью, слабостью, которую он, бессмертно, снисходительно позволял жене, но не мог позволить себе самому. Делюжан с самого детства привык к чёткому распорядку дня, это успокаивало его, давало возможность всё делать не спеша, думать над каждой появляющейся идеей. Можно было не думать над каждым движением — это было доведено до автоматизма. Можно было не замечать уже этих действий, зато замечать более важные детали.

Их существовала масса. С того самого дня министр ещё больше внимания стал уделять мелочам... Почему он не остался в доме в тот день? Давно бы умер, умер, вместе с детьми и женой, спокойно ушёл, не доставив никому проблем. Зачем он когда-то цеплялся за свою жизнь? За бессмысленные часы своего существования.

Портрет Якова стоит на камине в гостиной. Впрочем, портретов Якова в доме первого министра больше всего. Сын любил всю эту жизнь. Жизни гвардейцев были наполнены кутежами, интрижками — тем, что его отец всем сердцем презирал. Почему? Делюжан теперь и сам не знал. Жизнь Якова была совсем не такой, какой была его собственная. И, наверное, поэтому, он никак не мог понять его... Портретов Якова писалось больше всего — пожалуй, министр мог насчитать около десятка таких маленьких картинок, когда как не мог найти ни одного изображения — кроме того общего, семейного портрета — дочери и жены, умерших в тот день.

— Вы все ушли, — шепчет мужчина себе под нос задумчиво, направляясь в гостиную, единственную комнату в этом доме, сделанную после взрыва. — Почему же тогда я остался?

Всё холодает. Наверное, пройдет не больше двух месяцев, как выпадет первый снег. Снег... Его так любила Лирта. Светлая, чистая, добрая девочка, так напоминавшая ему его умершую в младенчестве. Маленький светлый ангелочек... Которого теперь не было на свете. Не было из-за его работы.

Зачем он так тянулся помогать всем тем людям? Пусть прозябали бы в грязи, в собственной крови, в нищете, пусть умирали бы от голода, пусть убивали бы друг друга. Пусть... Да, наверное, так было бы лучше. Зачем было помогать всем этим неблагодарным тварям, когда-то убившим мать и сестру Делюжана, а потом утащивших на тот свет жену и детей? Зачем он помогал им? Глупость — не более.

Делюжан держит в руках конверт, на котором не стоит ни печати, ни подписи, и грустно смотрит в небо. Человек, написавший письмо, говорил, что не имеет возможности сейчас убить первого министра — после смерти Алесии охраны стало куда больше. Но неизвестный говорил и то, что убьёт Делюжана как только представится такая возможность... Пожилой политик грустно усмехается и отворачивается от окна, подходит к

камину, снова вглядывается в ещё не стёршиеся из памяти черты лица Якова...

Министр смотрит и будто видит своего ребёнка рядом с собой — живого... Главное, что живого... Делюжану думается почему-то, что, возможно, его дни сочтены уже. Стоит готовить саван... Давно уже стоило его готовить.

— Надо научиться прощать... — вдруг говорит мужчина портрету сына. — Знаешь — я никогда не понимал этого. Только сейчас... понял...

Комментарий к II. Глава двадцать четвёртая. Двенадцатый обрывок желаний.

* Unreal — Аутодафе

===== II. Глава двадцать пятая. Тринадцатый обрывок смерти. =====

Пронзил мне сердце в час ночной

Сон вещей огненной стрелой,

Мир вспыхнул словно сущий ад...

Никто ни в чём не виноват...

Так небо прокляло любовь,

И слёзы превратились в кровь!

Всей правды лучше и не знать -

Так легче жить и умирать.

В сад гордых роз любви моей

Пришла зима, снег и метель...

И демон шепчет мне во мгле,

Что верности нет на земле.

Тех, кто забыл про Божий Суд

Проклятья мёртвых роз найдут!

Мой ангел крылья распростёр,

Но знаю, ждёт меня костёр,

От злой судьбы бежать нет сил...

Хранитель мой, меня спаси!

И день и ночь покоя нет,

Пусть карты мне дадут ответ,

Я в жертву принесу себя,

Я стану казнью для тебя.

Тот сон мне правду рассказал...

Меня ты предал, ты мне лгал.

Будь проклят лживых клятв обряд!

Пусть роз шипы наполнит яд!

Мой ангел крылья распростёр,

Но знаю, ждёт меня костёр,

От злой судьбы бежать нет сил...

Хранитель мой, меня спаси!

Спаси меня от одиночества,

Спаси от тёмного пророчества,

Проклятых карт известна масть!

Хранитель мой, не дай мне пасть!

Я буду лгать самой себе!

На зло врагам, на зло судьбе

Любить и ненавидеть вновь,
Пока бежит по венам кровь
Сама приму свой тяжкий крест!
И пусть мне не видать небес!
Ответ хранитель мой...
Ты здесь?*

Погода в этот день была, как назло, просто прекрасная — тихая, безветренная, солнечная... В такую только радоваться жизни, радоваться солнцу, голубому небу, на котором нет ни облачка... В такую погоду грех — хоронить кого-то. Особенно кого-то, кто смерти совсем не ждал, кто был ещё полон этой по-весеннему свежей, новой жизни. Того, кто должен был прожить ещё, наверное, долго. Во всяком случае, достаточно долго. Солнце заглядывало в каждый дом, говорило всем «будьте счастливы!», кричало всем об этом... Солнце готово было обласкать любого, кто только посмел выйти на улицу, Это было ужасно несправедливо по отношению к этой девушке. На улице уже стояла осень, но всё вокруг ещё полно жизни. Листья ещё не успели пожелтеть, было ещё очень тепло, а небо было таким чистым, каким редко бывало...

Природа словно радовалась её смерти...

Джон стоял перед гробом этой женщины и не мог отвести от неё взгляда. Он уже видел её однажды. Алесия Хайнтс обожала танцевать, обожала кружиться в своих роскошных юбках по залу и громко, искренне смеяться. Её голубые глаза почти всегда смотрели весело, а красивый рот почти всегда улыбался. Племянница короля Алана была обворожительна, прекрасно понимала это и беззастенчиво этим пользовалась. Сендлер вспоминал тот бал, на котором он увидел эту девушку впервые — до невозможности красивую, открытую, общительную, Алесия разговаривала почти со всеми и всегда смеялась, а её друзья, Георг Хоффман и Гораций Бейнот, казалось, соревновались за её внимание — шутили, беседовали с ней, смеялись... Впрочем, сражаться за внимание этой дамы первому удавалось куда лучше. Хоть Алесия Хайнтс старалась не отдавать предпочтение ни одному из этих двоих кавалеров. Мисс Хайнтс, вообще, казалась какой-то нереальной — воздушной, лёгкой, словно порхающей. Она была похожа на бабочку. Бабочку с небесно-голубыми крыльями... А теперь — уже обожжёнными крыльями. Бедная, глупая девчонка, полетевшая на открытый огонь... На лице этой девушки отразился такой ужас, что Джону невольно становилось жаль её. А ведь раньше — думалось парню — он не мог бы и подумать, что ему станет жаль племянницу короля. Ведь она своими глупыми проказами сломала ему карьеру в министерстве финансов... Сколько сил Джону стоило устроиться туда — сколько слёз было пролито в те бессонные ночи, когда он пытался понять то, чему учили его в Академии, сколько нервов было потрачено на всё это?! И всё без толку!

Джон с ужасом вспоминал тот день, когда в кабинет Георга Хоффмана заглянула Алесия. А на следующий день граф попросил его убираться из министерства и запретил когда-либо ещё подбираться к властным структурам. У Хоффмана были все связи для того, чтобы уничтожить Джона, его семью, его друзей, всех тех, кто был ему дорог. И Георг недвусмысленно намекнул на это. Впрочем — намекнул ли? Скорее, сказал прямо. Сендлер сгоречью вспоминал, как стоял на коленях, как умолял казначея не выгонять его с этой работы, как пытался убедить... Всё напрасно! Граф Георг Хоффман по праву считался одним из самых хладнокровных и безжалостных людей во всём королевстве. Джон Сендлер мог на личном опыте убедиться в этом. Графа не интересовало ни то, что молодому человеку

просто некуда больше пойти, ни то, что мать и младшие братья Сендлера могли умереть с голоду... Он совершенно спокойно и равнодушно выслушал всё, чем пытались заставить его изменить своё жестокое решение, и ещё раз, так же спокойно и равнодушно, попросил Джона убраться из кабинета. И, что было ещё более обидно, всему виной была эта глупая красавица Алесия Хайнтс, которой он, вероятно, не так улыбнулся! Эта женщина, эта абсолютно пустая светская женщина, пусть и красивая, была причиной, основной причиной того, что пришлось Джону пережить после этого. Отец совсем сдался. Впрочем, сдался он куда раньше — как только услышал страшное слово «банкрот», но тот факт, что его сын остался без работы, без этого выхлопотанного местечка в министерстве, окончательно сломило лорда Сендлера. Подумать только — во что могут превратить человека несколько лет более трудной жизни, чем та, к которой он привык! Подумать только — до чего сильно люди могут меняться в непривычных для них обстоятельствах!

— Она была странной... — слышит Джон громкий шёпот Леона Истнорда, шурина графа Хоффмана. — Незадолго до смерти у неё ни с того, ни с сего рука начала кровоточить!

Сендлер поворачивается к перешёптывающимся. Леон, непохожий на себя в этом дорогом, чёрном бархатном костюме с вышитыми на нём золотыми орлами, общается со своим другом, Людвигом Ройсманом, блестящим офицером... Джон фыркает. Ещё совсем недавно Леон из себя ничего не представлял, а его сестра — Анна, та самая, что стала графиней Хоффман — надеялась на брак с ним, Джоном Сендлером. Дворянин из обедневшего, хоть и не так сильно, как Истнорды, рода казался её отцу блестящей партией для любимой дочери. Пожалуй, зря отец Джона так поспешил с отказом тогда. Анна была неплохой, в общем-то, девушкой. Красивой, вежливой, умной, умеющей молчать тогда, когда это было необходимо. Она вполне могла стать хорошей женой. Эта девушка, сколько Джон помнил Истнордов, редко на что-либо жаловалась, делала всё молча, ни разу не плакала и не устраивала истерик. Во всяком случае — на глазах посторонних. Пожалуй, она была как раз тем человеком, рядом с которым Джону было бы комфортно. Разве что пришлось бы вечно терпеть её старшего брата и отца, но... это неудобство было не самым страшным.

Леон всегда относился к Сендлеру с нескрываемым презрением — пожалуй, за все годы знакомства их семей, молодой Истнорд ни разу не поздоровался с Джоном без напоминаний со стороны отца или сестёр. Леон, впрочем, вообще не был образцом вежливости и благонравия. Вряд ли кто мог припомнить день, когда этот молодой человек никому не нагрубил и никого не обидел. Хотя... Вроде, как-то Джон слышал, как Маргарет Истнорд шептала подруге о том, что Леону стало так плохо, что он едва мог приподняться над постелью и что-либо говорить. Наверное, это был тот редкий случай, когда старший из сыновей Томаса Истнорда не стремился никого обидеть своими подколками и ехидными замечаниями.

А сейчас Леон стоял в трёх шагах от Джона и беседовал с Людвигом. Последнего молодой Сендлер тоже прекрасно знал. Людвиг Ройсман был внуком знаменитого военачальника, тоже Людвига, кстати, владельцем двух замков — один из которых находился в королевстве Орандор — и семи деревень. Кажется, именно за него Томас Истнорд пытался просватать Маргарет. Эта девушка была, пожалуй, покрасивее Анны. Только вот замужем до сих пор не была. Впрочем, и Алесия, которую сегодня хоронили, казалась большинству лишь очаровательной куклой, а не живым человеком. Куклой в шикарном накрахмаленном платице...

Анна — или, может, правильнее называть её теперь графиней Хоффман — появляется

вместе с какой-то девочкой лет одиннадцати-двенадцати. Кажется, у Георга была приёмная дочь... Девочка бросает всего один взгляд на гроб с телом Алесии и что-то говорит Анне, та в ответ лишь молча кивает, и малышка почему-то улыбается. Джон достаточно давно знал Анну Истнорд, но Анну Хоффман он пока ещё не знал. Сендлер помнил всегда хорошо и аккуратно одетую девочку, умудряющуюся носиться по саду наперегонки со своим вечно зазнающимся братом и при этом остававшуюся такой же чистенькой и аккуратной, как и до бега, помнил в меру смешливую, в меру серьёзную девушку, читавшую Олдмана и Инумхе на скамейке в городском парке, но не знал эту красивую, гордую женщину, ступающую по алому ковру, словно королева. Девочка, которая, вероятно, и была той самой приёмной дочерью Георга Хоффмана, была похожа на маленькую Анну. Такая же серьёзная и строгая. Особенно в этом чистеньком, выглаженном чёрном платье. Или, может быть, дело было в обстановке? Мало кому особенно хочется веселиться на похоронах. К тому же, девочка в руках держала довольно большой букет с белыми лилиями...

Белые лилии! Это было в высшей мере цинично со стороны графа и графини Хоффман. Алесии Хайнтс куда больше соответствовали ярко алые розы... Или нет — орхидеи! Ярко-розовые орхидеи... Лилия — символ невинности, белый — символ невинности... Вроде, так заставляла Джона учить эта старуха Наорг на предмете «Не магическая символика»? Да вроде... «Не магическая символика», такие тёмно-красные учебники с изображёнными на ней цветами. На первом курсе, кажется, была ромашка, на втором — одуванчик, а на седьмом или восьмом — хризантема.

Анна в руках держала букет белых роз.

Джон с грустью посмотрел на неё. На её красивое лицо, на котором не было ни скорби, которая присутствовала на лице единственного человека во всём зале — Горация Бейнота, ни радости, которая присутствовала на лицах почти всех остальных. Разумеется, люди пытались казаться ужасно поражёнными и потрясёнными той ужасной смертью, которая досталась Алесии Хайнтс, но... Всё это было так неубедительно, лживо, фальшиво, что Сендлер едва удерживался от порыва выйти из этого проклятого здания.

Разумеется, его уже никто не замечал. С того самого момента, как отец Джона разорился, на него, вообще, перестали обращать внимания. А когда парня выставили за дверь министерства — тем более. Разве что Георг Хоффман метнул на него холодный взгляд. И только! Сендлер тщетно пытался хоть сколько-то восстановить репутацию своей семьи, вернуть хоть часть бывшего блеска, былой роскоши, но безуспешно.

— Она была весьма красива! — слышит Джон приглушённый смех. — Я всё вспоминаю, как она целовалась! Весело было!

Сендлер повернул голову, чтобы рассмотреть говорившего. Им оказался довольно известный в высших кругах Феликс Кордле, Джон пару раз видел его рядом с Хайнтс или Хоффманом, один из самых неприятных и опасных людей королевского двора. Он был, как и Алесия, племянником короля Алана. Тоже по матери. Кордле был горделив, своеволен, избалован, совершенно не признавал какие-либо нормы морали, в общем, был по мнению Джона Седлера самым говорящим представителем золотой молодёжи. Феликс разговаривал с кем-то, кто стоял к бывшему секретарю спиной, и улыбался той самой своей противной, презрительной ухмылкой — назвать улыбкой эту гримасу язык не поворачивался. Было подло, просто подло смеяться над чужим горем!

Насколько противно было слышать это! Вместо сочувствия, сострадания к этой девушке все испытывали лишь какую-то совершенно непонятную обязанность... Сендлер ещё раз

взглянул на тело Алесии, лежавшее в гробу. Бедная, измученная девушка. Он никогда не испытывал к ней ничего, кроме презрения, но сейчас не мог не жалеть её. Насколько жестоким и циничным нужно быть, чтобы смеяться над смертью человека? Тем более, над такой страшной смертью.

Алесия, вероятно, действительно, была лишь куклой в чужих руках. Безусловно, красивой, обворожительной, но просто куклой, которой двигали так, как хотели, а теперь, когда кукла сломалась, были готовы совершенно равнодушно выбросить. Без всякого сожаления. А ведь сожаления заслуживали все. Пусть не горьких слёз над могилой, но простого сожаления... Хотя бы от тех, к кому она сама относилась с теплотой, с пониманием... Кому она сама пыталась помочь... То, что Хайнц пыталась помочь многим Джон знал прекрасно, и, если бы парень сам оказался в их числе, он думал, что жалел бы её куда больше. Впрочем, он и сейчас не понимал того равнодушия, которое присутствовало на лицах почти каждого.

Джон посмотрел на лицо бледного, но совершенно безразличного к этой трагедии графа Хоффмана. Ни одной эмоции на этом красивом худом лице... Как и всегда. Совершенно бесстрастен. Быть может, именно это и требовалось человеку, что являлся министром? Ледяная маска без всяких чувств и эмоций. Да и способен ли был этот человек испытывать глубокие эмоции? Нет! Что за чушь могла прийти в голову Сендлеру! Как будто этот сухарь способен что-то чувствовать!

Прощальная церемония начинается. В зале всё затихает. Лишь тихо говорит что-то клир... Читает отходные молитвы, потом закрывает лицо Алесии тонким белым платком. Потом постепенно на помост поднимаются разные люди — начиная от короля Алана и Делюжана и заканчивая кем-то вроде Леона Истнорда. Все что-то говорят. Разумеется, только хорошее. О мёртвых не имеют права говорить плохо.

Джону становится ещё более противно — он прекрасно понимает, что никто из присутствующих не думает об Алесии хорошо. Зачем же врать? Зачем же пытаться изобразить сострадание, скорбь, боль, если ничего этого не чувствуешь? Феликс Кордле тоже поднимался на помост, кажется, он шёл после графа Хоффмана, впрочем, Сендлеру могло так показаться, он мало кого знал из присутствующих, тоже говорил что-то о своей кузине, уже не тем насмешливым тоном, которым он общался со своим приятелем, а лживо участливым и скорбным.

Анна с девочкой стоят неподалёку и переговариваются о чём-то. Тихо-тихо, ничем не нарушая порядок в зале. Цветы уже положены к другим букетам, и теперь девочка не выглядит так строго и серьёзно. Проходя, как бы случайно, мимо них, он слышит — жена и приёмная дочь графа Хоффмана пытаются подобрать наиболее удачное имя ещё не родившемуся ребёнку.

— Я слышала, — шепчет девочка как можно тише, — что отца графа зовут Дэвидом, мне кажется, он будет рад, если ты назовёшь ребёнка в честь него.

Анна удивлённо смотрит на падчерицу и, немного подумав, кивает. Джон с укором смотрит на неё, но девушка этого не видит. Она целиком погружена в хлопоты, которые предвещает ей рождение ребёнка. Разумеется, она не может думать ни о чём, кроме этого. И отчего-то Сендлеру думается, что хорошо, что Анна не стала его женой. Пожалуй, для них обоих это лучше. Во всяком случае, Хоффман вряд ли будет ругать жену за то, что та проявила недостаточно сочувствия к какой-то совершенно чужой ей даме, а Джон, наверное, обошёлся бы с Анной в этом случае слишком строго.

Сендлер думает, кем же является отец Георга. Должно быть, тоже какой-нибудь высокопоставленный чиновник. Впрочем, какое «должно быть»? Разумеется, это было так, иначе как граф мог добиться таких высот в своей карьере. Впрочем, кого это интересовало сейчас? Граф Георг Хоффман был блестящим представителем высшего сословия, прекрасно образованным, вежливым, учтивым, умеющим выходить из любых ситуаций, красивым, некогда — самым завидным женихом королевства. А что оставалось Джону? Обедневший дворянин, которого в секретари то брали из милости. Он мог бы, пожалуй, пойти гувернёром, если бы денежная ситуация в его семье совсем его прижала, но пойти на это он осмелился бы только в этом случае. Гордость никак не могла позволить молодому человеку решиться на этот шаг.

— Да? — на лице графини появляется улыбка. — Да, это будет весьма неплохо. Спасибо, милая Юта. Если родится мальчик, я обязательно назову его Дэвидом.

А потом — Сендлер не знал толком, сколько прошло времени, но обычно такие церемонии длились не менее часа — гроб был закрыт. Большая часть людей, присутствовавших на прощании уже отправилась в поминальный зал. Разумеется, Джон останется здесь. То, что клир Тайрис взял его на эту работу, уже считалось огромной удачей. Милостью со стороны клира. Ни в коем случае нельзя было пренебрегать этим. Нужно было быть постоянно благодарным...

Гроб подхватывают и уносят куда-то. Наверное, это занимает не так уж мало времени, но Джону кажется, что проходит всего несколько минут. Он уже давно потерял счёт времени. Из-за чего так случилось? Неужели, из-за этой глупой красотишки Хайнтс, которую хоронили сегодня?

Алесия Хайнтс обожала танцевать, обожала кружиться в своих роскошных юбках по залу и громко, искренне смеяться. Её и хоронили в прекрасном бальном платье. Не свадебном, как это было принято, а именно в бальном. Её голубые глаза почти всегда смотрели весело, а красивый рот почти всегда улыбался. А теперь никто не увидит больше даже её лица. Не того, которое было написано на картинах, а живого, радостного, отражающего бурю эмоций, вероятно, происходящих в душе. Племянница короля Алана была обворожительна, прекрасно понимала это и беззастенчиво этим пользовалась. Пожалуй, жаль, что судьба обошлась с ней так жестоко...

***

Анна за эти несколько месяцев совершенно отвыкла вставать рано. Можно было нежиться в постели сколько угодно, лежать, наслаждаться мягкими подушками, одеялом... Георг обычно всегда уходил раньше. Никто не торопил Анну, не заставлял её подниматься, не опрокидывал на неё стакан воды, как в детстве обожал поступать Леон... Теперь — у неё своя жизнь. И она обязательно постарается стать настолько счастливой, насколько это только возможно. В доме отца всегда было тесно, вокруг всегда было полно суеты... В доме графа всегда было тихо. Ничто не нарушало покой этого огромного здания. Малышка Юта училась и играла в отведённых ей для этого комнатах и ни разу не зашла на территорию Анны без разрешения. Она была милой и доброй девочкой. Не спорила, слушалась, не пыталась как-либо соревноваться с женой своего опекуна... Эта жизнь была спокойной, не содержала того постоянного напряжения, как это было с жизнью в родном доме. И графине нравилось это спокойствие.

Наверное, уже минут пятнадцать Анна смотрелась в зеркало. Теперь она могла себе это позволить. Могла выбирать из этого огромного множества платьев то, которое ей нравилось

больше всего... Графиня одёргивает себя — они с Ютой сейчас поедут на похороны. А это означает, что следует думать совсем не о нарядах. Георгу была дорога эта Алесия. Значит, следует приехать и отстоять всю церемонию, не сказав ни слова. В конце концов, эта девушка умерла, а значит, точно не является теперь соперницей Анны. Стоит отнестись к ней снисходительнее. Как и к маленьким слабостям мужа. Глупая гордость ничего не стоит. Через неё можно переступить. Куда легче, чем потом пытаться ужиться с совершенно чужим и озлобленным против неё человеком... Анна смотрит на своё отражение в зеркале. Что же... Она достаточно красива в этом чёрном платье. Пожалуй, куда более красива, чем людям пристало быть на похоронах. Что же... Она же должна хоть как-то отомстить этой Хайнтс. Пусть таким способом. Анну уже мало что волновало в этом плане. Она появится там — среди всех собравшихся на прощальную службу Алесии Хайнтс — и будет такой, какой её учили. Покорной. Кроткой. Беспрекословной. Но гордой. Теперь она уже больше не скромная девица Истнорд, а графиня Хоффман, жена одного из самых известных и влиятельных людей в королевстве.

Юта показывается в дверном проёме. Милая девочка. Анна в который раз думает, что ей сильно повезло с этим ребёнком. Она совсем не такая, какой, наверное, была бы сама графиня, попади она в такую же ситуацию.

— Джек просил передать вам, что карета подана, — произносит девочка тихо.

Графине только и остаётся кивнуть. Всё-таки, что за странный ребёнок... Надо как-нибудь осторожно поинтересоваться у Георга, где он её подобрал. Впрочем, сейчас она выглядела точно так же, как выглядели дочери многих богатых людей — аккуратно причёсанная, в дорогом бархатном платье. Разве что глаза выдавали в этой девочке сироту, ребёнка, которому досталось меньше заботы и любви, чем должно было достаться.

Сколько проходит времени, прежде чем они с Ютой оказываются в нужном месте? Не более часа, пожалуй. Кажется, на церемонии должен появиться Леон... Анне так хочется повидать его снова. Георг не запрещал ей видеться с братом, конечно, нет, но ей постоянно казалось, что не правильно, странно... Да что уж там... Пусть её муж, граф Хоффман, не является слишком ревнивым человеком, но ей самой не слишком удобно чувствовать себя вечно виноватой.

В так называемом прощальном зале, действительно, оказался Леон. Правда. Анне так и не удалось подойти к нему и поговорить. Брат не видел её. Или делал вид, что не видел. Юта чувствовала себя в данной обстановке весьма неуютно и... Анна с ужасом отметила, что к ним слишком близко подошёл Рой Данл, тот самый, за которого её отец пытался её выдать. Сколько там было неудачных женихов? Наверное, пять или шесть. Рой стоял прямо перед ней, а ещё ей казалось, что она мельком увидела Джона. Того самого Джона Сендлера, отец которого спустил Леона с лестницы.

Юте оказалось очень интересно думать над именем ребёнка. Будущего ребёнка Анны и Георга. Девочка скорее побыстрее увидит братика или сестрёнку. Что же... Оказалось, что Юта — наименьшая из проблем в браке с Хоффманом. Она была послушной и аккуратной, никогда никому не возражала и не устраивала скандалов. Что ещё нужно было новоиспечённой графине? Дэвид... Неужели, отца Георга действительно звали так? Анна и не знала. Её муж ни разу не упомянул его в разговоре с ней. Может быть, он умер и графу тяжело о нём вспоминать?

— Дорогие дамы, — улыбнулся товарищ Роя, — не согласитесь ли вы провести с нами вечер?

Юта поспешно сделала шаг назад и спряталась за спиной Анны. Графиня с раздражением посмотрела на Роя, а потом на его друга. Взгляд последнего кажется ей достаточно знакомым. Кажется, она могла где-то его видеть, но... До чего же противным и мерзким казался этот человечек со всеми его ужимками и гримасами.

Юта дрожащей рукой схватилась за руку Анны, и той подумалось, что стоит поскорее убраться отсюда. И подальше. Или позвать Георга. Уж он то точно знает, как усмирить этих двоих господ... Вот бы как-нибудь отвязаться от этих господ... Анна всегда помнила Роя несдержанным, грубым и тогда очень радовалась неудаче с помолвкой.

— Благодарю вас, милостивый государь, за приглашение, но я, пожалуй, откажусь! — ответила Анна, толкая Юту к своему отцу. — До скорых встреч.

Друг Роя больно схватил графиню за руку. Вывернуться, как-то отстраниться девушке не удалось, и она вдруг почувствовала себя даже более беспомощной, чем тогда, когда обвинили молодую королеву...

***

Теодор Траонт не знает, что заставляет его приходить к дочери снова и снова, пытаюсь как-то наладить отношения. Впрочем... Они не были плохими! Мария не пыталась его убить, не кричала при виде него, не убегала, не пряталась. Напротив — улыбалась, смеялась, была готова заговорить... Девушка, кажется, не считала его таким уж плохим человеком, не ненавидела его, как обязательно бы делала Кассандра. Почему? Траонт находил в девочке больше сходства с ним самим, с Джулией Траонт, с этим мальчишкой-королём Альфонсом, нежели с матерью. Теодора до сих пор в дрожь бросает от одного упоминания о Кассандре. Эта девчонка когда-то интересовала его, привлекала, но сейчас... Сейчас он всем сердцем презирал её.

Но себя он презирал куда больше...

Мария лежала на диване, одетая в странного вида одежду, которая, видимо, соответствовала земным представлениям о моде и красоте, лежала среди всех этих сумок, книг, вещей и спала. Наверняка, ей было неудобно... Сам Теодор никогда не мог выспаться на диване — постоянно затекали спина и шея. Сейчас ему даже хочется растормошить эту девчонку... Траонту почему-то вспоминается, с какой нежностью его сестра Джулия переносила маленького Седрика, в очередной раз заснувшего над книжками в материнской библиотеке, в его комнату.

Граф хочет подойти к ней и подложить под её голову подушку, но случайно наступает на что-то лежащее на полу. Хруст заставил вельможу поморщиться. Стоило хорошенько всыпать этому глупому мальчишке, которого Хоффман приставил к Марии! А если бы принцесса наступила босой ногой на эту вещь? Что тогда?

Девушка вздрагивает и потягивается на диване. И Теодор чувствует себя последним мерзавцем и дураком из-за того, что разбудил её. Всё-таки — она совсем ещё ребёнок. Ребёнок, который когда-то, возможно, так нуждался в нём — в Теодоре Траонте. Который не приходил. Не приходил, строя какие-то глупые планы... Или, может, и к лучшему, что Мария не привязалась к нему, что считает его чужим человеком? Барон манипулировал всеми, кто имел какие-либо чувства и эмоции. Теодор уже умудрился попасть в его ловушку.

— Мердоф? — сонно спрашивает девушка. — Что случилось? Чего-то не нашёл?

Граф снова вздрагивает. Подумать только — его снова застали врасплох. Почему-то в последнее время такое происходит всё чаще и чаще. Интересно, это почему? Неужели, он стареет? Он смотрит на ещё спящую принцессу и думает, что, наверное, Джулия, была права

тогда, когда говорила Теодору о том, как важны в жизни дети... Граф тогда усмехался, а его сестрица пожимала плечами и говорила, что годам к сорока он это осознает, и ему самому очень захочется обзавестись тихой семейной жизнью, камином, тёплым пледом и, главное, удобной библиотекой... Про себя Теодор тогда подумал — что, всё-таки, в тихой семейной жизни его сестра находила наиболее важным? Ребёнка или библиотеку? По тому, как она носилась с Седриком и со своими книгами, граф мог заключить, что, в принципе, для неё важны были два этих компонента.

Девушка привстаёт на диване и потягивается. Как же странно она, всё-таки, выглядит во всей этой одежде! В странного вида потрёпанной серой куртке, тёмно-синих не менее потёртых и потрёпанных брюках из какой-то совершенно странной ткани, взъерошенная... За то время, что она провела в Осмальерде, её волосы немного отрасли, и это кажется ещё более странным...

А Джулия, вероятно, была права... Теодору совсем недавно исполнился сорок один год, и он чувствовал то, в существовании чего так долго пыталась его убедить сестра. Правда, возможно, это было уже слишком поздно. Отцовские чувства должны были появиться у него хоть чуточку раньше! Хотя бы года два-три назад! Тогда, быть может, он бы ещё сумел что-то исправить. Впрочем, может, стоит попытаться и в том случае, который ему достался?

— О, это вы господин Траонт? — совершенно искренне удивляется Мария. — Я не думала, что вы зайдёте. Что же вы стоите? Проходите!

Теодор чувствует себя неловко наедине с дочерью. А имел ли он, вообще, право её так называть? Быть может, девушке совсем не хотелось бы этого. Нужно было появиться в её жизни хоть чуть-чуть пораньше, нужно было сделать что-то не так, как он делал... Почему? Ну почему Джулия не могла его вытащить за шиворот на Землю и заставить быть нормальным человеком? Неужели, ей было так трудно это сделать?

Теодор одёргивает себя. Не стоит мыслить, как обиженный ребёнок. Это совершенно не поможет ему, даже наоборот — лишь усугубит его положение. Да и как это возможно сказать в своё оправдание, что тебя просто не заставили это делать? Невозможно! Да и глупо...

— Я хочу извиниться.

Граф Траонт сам не ожидал от себя этих слов. Они, наверное, были и правильными и неправильными одновременно... Такими глупыми, такими неловкими, что самому становилось тошно. Стоило придумать что-то другое! Что-то менее банальное! Что-то, чему Мария бы поверила...

— Знаешь... Я ведь ждала тебя, долго ждала там — на Земле... — зачем-то произносит девушка задумчиво. — Плакала, кричала, звала, пыталась выведать у матери твой адрес...

Она усмехается, и Теодору становится не по себе. Он, вообще, чувствует себя жутко неловко рядом с дочерью. Но почему же она смеётся? Вдруг до графа доходит смысл сказанного ею, и он бледнеет. Ну почему он оказался так глуп, что не стал слушать Джулию, постоянно говорившую ему, что он должен, хотя бы для достижения своих планов, быть рядом с Кассандрой и хоть как-то участвовать в воспитании дочери... Он бы смог. Раз уж он столько может выдерживать этих старых чопорных придворных, он смог бы выдержать и Кассандру. Точно смог бы... И этим он, пожалуй, помог бы Марии...

Траонту хочется хоть как-то оправдаться в её глазах, но он совершенно не представляет, как это можно сделать.

— Мне, правда, очень жаль! Мария! Я...

Девушка обрывает его. Она, кажется, совсем не хочет слушать какие-либо извинения. Почему? Разве не виноват был Теодор Траонт? И разве люди, когда их незаслуженно обидели, не жаждут услышать извинений? Ведь он — незаслуженно обидел её. Она была всего лишь ребёнком, которому не доставало внимания. Каким и он сам был когда-то...

Мария не кажется ни обиженной, ни потрясённой, ни радостной — она совершенно спокойна. И графу становится жутко от этого спокойствия. Он просто в панике от этого! Было бы проще, если бы девушка кричала, пыталась его ударить, рыдала, ненавидела, но... хотя бы не оставалось такой равнодушной...

— Я знаю. Я прекрасно всё понимаю и, знаешь... мне не совсем не хочется разбить тебе нос...

Теодор не знает, что можно ответить. Совсем не знает. Разбить нос — как... по детски? Пожалуй, он давно не слышал таких глупых фраз... Теперь в речи было всё больше фальши, лжи, что становилось совсем противно. А Мария... Она совершенно не вписывалась во всю эту придворную жизнь, даже её друг вписывался больше.

Она была непосредственной, словно ребёнок. Говорила всё, что ей вздумается, и одевалась так, как хотелось именно ей. Теодору отчего-то хотелось наладить с ней отношения. Возможно, будь на её месте её сестрёнка, мать или та же Хельга, граф бы тоже оставался совершенно равнодушен.

— Честно! — улыбается принцесса. Ещё год назад я бы пыталась тебя избить и орала бы на всю улицу, как сильно я тебя ненавижу, что ты испортил мою жизнь...

В горле снова застревают эти совершенно ненужные извинения. Он прекрасно понимает, что это всё излишне. Извинения должны были хоть как-то помочь ему совладать сейчас с собой, не поддасться на соблазн вскочить и убежать, буквально горя от стыда. Извинения должны были помочь ему чувствовать себя почти так же, как он чувствовал себя в светском обществе — там всё состояло из поклонов и извинений.

В горле снова застывают извинения, которые он так долго подбирал для этого разговора. Граф снова не знает, что ответить. Мария, кажется, в любом случае не захочет его слушать. Он ей — совершенно чужой человек. Глупо пытаться изображать из себя отца или благодетеля.

— У меня была хорошая жизнь. На самом деле. У меня был человек, которого я могла бы назвать папой, был почти что родной брат... Если бы ты пришёл тогда или остался... всё было бы куда хуже.

От этих слов почему-то становится больно. Но разве раньше Теодор не был равнодушен ко всем, кто пытался быть ему близким? Были разве что Джулия и Седрик, к которым он относился чуть более тепло. Мать графа Траонта умерла достаточно рано, и Джулия взяла на себя его воспитание. Так почему же теперь он так хотел хоть как-то быть близким Марии, этой девочке, дочке Кассандры? Потому что она напоминала ему себя? Или здесь крылась другая причина?

Если бы ему год назад кто-то сказал, что он так захочет добиться чьего-то расположения, граф обязательно поднял бы этого человека на смех. Чтобы он — Теодор Траонт — добивался чьего-то расположения? Да что за бред? Нет, он, конечно, мог пытаться уладить хоть как-то отношения со старшей сестрой, которая постоянно пыталась над ним подшутить, или со своим племянником, милым, в принципе, мальчиком, который, пожалуй, слишком сильно зависел от своей матери, но чтобы пытаться стать близким совершенно чужому раньше человеку...

— Я хочу сказать тебе огромное спасибо за то, что ты не пришёл, — произносит девушка вдруг, вставая с дивана и подходя к окну, в котором виден завод Георга Хоффмана.

Комментарий к II. Глава двадцать пятая. Тринадцатый обрывок смерти.

Unreal — Проклятье мёртвых роз

===== II. Глава двадцать шестая. Трактат жизни. =====

Элиза ждёт, летите к ней, одиннадцать диких лебедей

Сквозь ночь и день, сквозь свет и тень

Летите к ней, летите к ней!

Лучом зари пронзив восток на волны кровь пролил восход

Элиза ждёт, летите к ней

Любовь сильнее всех смертей!

Застыла времени река, растаял замок в облаках...

Колдунья имя назвала,

Крапива руки беспощадно обожгла...

Упали слёзы на алтарь, смолою чёрной стал янтарь

Сковал обет навек уста

На сердце камень, как могильная плита

Элиза ждёт, летите к ней, одиннадцать принцев-лебедей

Сквозь ночь и день, сквозь свет и тень

Летите к ней, летите к ней!

Лучом зари пронзив восток на волны кровь пролил восход

Элиза ждёт, летите к ней -

Любовь сильнее всех смертей!

Ударит колокол в набат и стены церкви задрожат

На площадь люди поспешат,

И от невесты принц стыдливо спрячет взгляд...

Она не смотрит на него и всё кружит веретено

Узор судьбы сплетён давно...

Свой тяжкий труд она закончит всё равно!

Элиза ждёт, летите к ней, одиннадцать белых лебедей

Сквозь ночь и день, сквозь свет и тень

Летите к ней, летите к ней!

Лучом зари пронзив восток на волны кровь пролил восход,

Элиза ждёт, летите к ней -

Любовь сильнее всех смертей!

И грянул с неба гром, как приговор принцессе...

Лишь только свет коснётся скал и братья птицами вновь став

Рванутся ввысь, под облака — ночь перед казнью коротка...

Элиза ждёт, летите к ней, одиннадцать братьев-лебедей

Сквозь ночь и день, сквозь свет и тень

Летите к ней, летите к ней!

Лучом зари пронзив восток на волны кровь пролил восход

Элиза ждёт, летите к ней -

Любовь сильнее всех смертей!*

В дымке величия не видно ничего. Обычно не видно. Быть может, кто-то, всё же, может

бороться с этим. Но обычно... Иллюзия власти над кем-то, нужности кому-то заставляет человека забыть всё остальное, те принципы, те цели, которыми он раньше жил и которым поклонялся. В золотом роскошном аду невозможно вдохнуть воздуха полной грудью, иногда кажется, что даже небольшой глоток сделать невозможно. Воздух среди этой всей золотой мишуры кажется тяжёлым. Все эти церемонии, весь этот этикет, все эти многочисленные правила давили на человека, заставляли его чувствовать себя несвободным и несчастным. Все эти огромные дворцы, роскошные театры, мраморные храмы с позолоченными шпилями создавали у людей непосвящённых чувство некой сказочности и смотрели с упрёком на тех, кто знал обо всём, что происходит за стенами этих шедевров. Происходило там, как оказалось, очень много чего. Много чего такого, чего никому не хотелось знать — тем более тем людям, которые были каким-то образом связаны со всеми этими интригами. Из эпицентра тех событий хотелось поскорее сбежать. Альфонсу тоже хотелось сбежать. Сбежать домой — на Землю. Но при этом каждый раз он чувствовал, что не может отказаться от этого золотого ада, не сможет жить без той власти, обладателем которой он стал. Он каждый раз упрекал себя за эту жадность, но ничего не мог с собой поделать. Когда этот порок стал мучить его? Точно, что не сразу после того, как Малус притащил Брауна сюда, не сразу после коронации... Прошло какое-то время... Уже после Альфонс стал чувствовать, что находится во власти этого порока, уже после он стал ощущать, что изменился, изменился где-то глубоко внутри, а потом стал осознавать, что эти изменения вовсе не были хорошими, напротив, они должны были постепенно превратить его в такое же чудовище, какими являлись предыдущие короли Орандора. Это пугало Ала. Он никогда не был таким, пока Мария ещё была рядом. Он никогда не был таким, пока отец был рядом. Что же происходило? Что происходило с его душой сейчас? Неужели, всё это было из-за той разрушительной силы власти, о которой так часто все говорили? Неужели, дело было именно в ней? Браун никогда раньше не верил в «эти бредни», как он сам их называл, а теперь стал верить. Не только в это. Во многое, что раньше он считал лишь суевериями, пережитками прошлого. Быть может, это мир на него так влиял? Говорят, если сменить место жительства, будешь невольно подстраиваться под то место, куда переехал. Раньше король никогда не думал о том, что это возможно. Мало ли бредовых суеверий сочиняют? Да и не только суеверий. Разве мог Альфонс несколько месяцев назад хотя бы думать без усмешки о том, что во Вселенной существует не только Земля, не только Солнечная система, не только Млечный путь и другие галактики, но ещё и нечто другое — совершенно необычное, вроде Осмальерда? Разве мог парень не усмехаться при виде книг Марии о других мирах? Разве она сама могла не усмехаться, когда мечтала попасть в один из тех миров? Да разве кто-либо другой — мог? Ал давно уже не думал об отце. О том, что с ним сейчас. Давно не думал о школе, о своих друзьях, которые были так дороги. Что происходило с ним? Может, дело было в том, кто именно добыл ему эту власть? В Малусе? Вполне возможно. Нет, скорее всего, так оно и было. Как же это могло быть иначе? Разве не из-за этого демона весь мир Альфонса Брауна покати́лся к... в бездну? Разве не произошли с ним все эти тридцать три несчастья после того, как он встретил маленькую девочку, демонёнка, дочку Малуса и какой-то земной женщины? Разве не после этого всё полетело в бездну? И зачем он тогда только помог этим двоим? Неужели, не мог пройти мимо, как проходили мимо все нормальные люди? Неужели, ему было так необходимо помогать тем существам? Наверное, это действительно было необходимо... Мария всегда шутила, что Ал когда-нибудь пропадёт со своей добротой, говорила, что парню стоит меньше жить для других и больше, наконец,

думать о себе самом... Наверное, принцесса была права. Сколько всего могло бы не произойти, если бы Альфонс просто прошёл мимо, как делают все остальные люди? Разве он сам не был бы более счастлив в этом случае? Разве нельзя было всё делать по-другому? Разве нельзя было просто всё бросить и сбежать? Сбежать обратно на Землю, к отцу, в родную квартирку, к друзьям и обычной, нормальной жизни... Ала не покидало желание сделать это с того самого дня, как он оказался на троне Орандора.

Альфонс с каждым днём чувствовал себя всё более другим, непохожим на самого себя. Каждую ночь молодой король просыпался от тревожащих его кошмаров, вскакивал с постели и не мог больше заснуть... Ему постоянно виделось чьё-то лицо, отражающееся в зеркале, долго парень не мог понять — кому именно оно принадлежало. А потом стало ещё страшнее. Ведь это было его лицо. Его лицо, поражённое какой-то неизвестной ему болезнью и искажённое в страшной гримасе. Он видел белые и гноящиеся пятна на своём лице, видел горящие бешенством глаза и не мог понять, как это существо, даже не человек, могло являться им... Нет! Это был просто глупый кошмар, который ни за что на свете не исполнится! Правда, ведь?

Теодор вернулся в Орандор вчера вечером. Передал королю какую-то записку и ушёл, сказав, что хочет немного отдохнуть перед приездом послов из королевства, с дочерью правителя которого Траонт хочет Ала. Записка, которую передал министр королю, была от Марии. От его Марии. Она писала, что у неё всё хорошо, что она теперь в королевстве, которое является родным графу Георгу Хоффману, что он поможет ей в материальном плане, писала, что очень рада за Альфонса, что всегда говорила, что из него получится неплохой государственный деятель, что будет рада как-нибудь навестить его... Ал не знал — вздохнуть ли ему с облегчением от того факта, что его подруга была жива и здорова, или разозлиться на неё за то, что она скрыла этот факт. Впрочем, то, что Мария была жива, его радовало. Она была для него тем небольшим лучиком надежды, что всегда вытягивал его из любых передряг...

Так же оказалось, что Теодор Траонт заперся у себя в покоях и никак не соглашался пускать короля к себе. На что он только не ссылался! На плохое самочувствие, на какие-то очень личные обстоятельства, даже на плохое настроение, на важную работу, от завершения которой зависела судьба Орандора... В конце концов, Ал пожал плечами и ушёл. Ещё не хватало поссориться с первым министром — единственным человеком в этом королевстве, который, кажется, был не против кандидатуры Брауна на троне и активно ему помогал укрепиться на этом месте.

Леонард очнулся тоже не так давно, весь дрожал от ужаса и шептал о том, что во дворце кто-то за ним следит. Нет, Ал всегда предполагал, что в королевском дворце обязательно обнаружатся какие-нибудь шпионы, целью которых является какая-нибудь очередная сплетня или интрига, почти всегда предполагал, что в королевском дворце обязательно обнаружится так же и кто-то, кто захочет убить короля или приближённого к королю, но... Раньше это не слишком волновало его. Раньше он не был королём, его это ни в коем случае не касалось. Да он скорее бы поверил в то, что он сам оказался бы таким шпионом. Не королём. Это Мария всегда думала, что Альфонсу подойдёт что-то этакое. С чем сам парень, разумеется, никогда не соглашался.

Кто бы мог подумать, что эта противная девчонка снова окажется права?!

Король одёргивает себя. Раньше он никогда не называл её так... Раньше он, вообще, был совсем другим. Менее раздражительным, менее злым, менее скупым... Он всегда был

достаточно щедрым. Чего бы не потребовалось Марии, Розе, Бэсси — он всегда предоставлял им это. Он был куда лучше. Ал постоянно чувствует упрёк себе во всём, что только его окружает. Этот упрёк видится ему в каждом человеке, что проходит мимо него за день, в почти каждом предмете — в каждой вазе, так неудачно расположившейся около двери, в каждом подсвечнике, так неудачно оказавшемся на столе... Этот упрёк появляется словно из ниоткуда, терзал его... Нужно было как можно скорее успокоиться, перестать нервничать по пустякам. В конце концов, теперь он король, и только от него зависит, что будет дальше с королевством Орандор. Глупое название... Кто его, вообще, придумал?! Ал раздражался всё больше и больше, и уже сам плохо понимал — из чего проистекало его раздражение.

— Что со мной происходит? — спросил Ал своё отражение в зеркале. — Вот объясни мне — что со мной такое?

На этот вопрос так давно хочется найти ответ... Поскорее бы его найти... Поскорее бы сообразить, как власть влияла на него и что с этим делать! Была бы где-нибудь по близости Мария, она бы обязательно что-нибудь придумала. Хоть что-нибудь... Пусть это не сильно бы помогло юному монарху, но хотя бы отвлекло его от пагубных мыслей и желаний, сделав хоть чуточку лучшим королём, чем он в данный момент являлся. Он готов был спрашивать это у каждой вещи, что его окружало, разумеется, не ожидая ответа, но не был готов обратиться к кому-либо из людей, живущих здесь. Ни одному человеку он больше не мог довериться полностью.

Отражение, как и следовало ожидать, ему не отвечало.

Это молчание почему-то казалось новому королю чем-то похожим на приговор. Он уже довольно давно ощущал себя неуютно. Впрочем... Нет, теперь он уже почти успел привыкнуть ко дворцу, к шикарной спальне, к постоянным советам, делам, к режиму, к непонятной еде на столе, он ведь даже не знал, с какой стороны к ней притрагиваться, к этикету... Это уже не стало таким необычным и непонятным. Уже не удивляли молодого монарха ни роскошные камзолы, ни великосветские разговоры... Теперь он сам был частью этого мира. Частью мира с балами, танцами, изысканной музыкой... Возможно, это было не так плохо, как ему казалось сначала... Возможно, это было и не так уж плохо — жить в богатом доме, в довольствии. Возможно, это было даже хорошо — чувствовать себя достаточно нужным и важным в жизни других людей.

После исчезновения Марии стало тошно, невыносимо тошно ото всего, что окружало Альфонса Брауна. Нестерпимо хотелось что-то делать, действовать, но руки неизменно опускались, порой он не мог заставить себя даже подняться с постели. Нет, разумеется, Теодор присылал слуг и Альфонс отправлялся на очередное собрание, но... Он не привык долго валяться без дела, а тут... После того, как Мария пропала, силы будто покинули его, будто бы именно она вселяла их в него. Каждый раз, когда Ал пытался что-то сделать, перед его глазами вставало улыбающееся лицо Марии Фаррел, самого странного человека, которого он встречал на Земле. После Бэсси, разумеется. Каждый раз он думал о том, чтобы сказала или сделала она и... сразу же сдавался. Она была тем человеком без которого он раньше и не представлял своей жизни. Человеком, с которых он лет с пяти или шести практически никогда не расставался. Максимум, на пару часов... А тут... Он очень привык к Марии и почти ничего не мог сделать, не зная, что с ней в этот момент всё в порядке. Теперь он знал... Она была жива, здорова и работала на того странного графа Хоффмана, который так не понравился Альфонсу в их первую встречу. Нужно было отдать этому человеку

должное — именно он спас их обоих. Хотя после того, как набросился на него Ал, мог бы точно не спасать Брауна. Марию можно было вывести и одну. Это было бы даже наиболее правильно, реально, выгодно... Но Хоффман спас их обоих от ужасной смерти — либо под ногами революционеров в тот день, либо от казни на следующий — и не потребовал, кажется, ничего взамен. Альфонс видел ранее подобных графу людей и мог с уверенностью сказать, что такие люди ничего не делают просто так. Неужели, он знал, что потом всё получится именно так? Неужели, исчезновение Марии и воцарение Ала — его рук дело?

После гибели Алесии стало нестерпимо горько. Просто горько, смерть Алесии, вообще казалось, не вызвала у короля почти никаких эмоций. Кроме горечи. Он вспоминал её улыбку, её глаза, её руки... Становилось почти больно от того, что ещё один человек покинул его, что ушёл, но... Альфонс, пожалуй, всегда понимал, что примерно так всё и закончится — её смертью в каком-нибудь грязном переулке. Он, пожалуй, всегда знал, что именно так всё закончится, что он не будет иметь возможности даже побывать на похоронах — насколько он знал от Теодора, такое было бы возможно только в том случае, если бы было объявлено о помолвке между Альфонсом Брауном и Алесией Хайнтс. Конечно же, ни с какой помолвке не могло быть и речи. Траонт был куда более опытным во всех этих придворных дрызгах, он куда лучше понимал, что можно делать, будучи королём, а что нельзя. Пожалуй, ещё лучше бы с ролью советника короля справилась сестра Теодора — Джулия. Джулия Траонт — самая необыкновенная и самая сильная женщина, которую Ал видел за всю свою жизнь. Но она ещё в день коронации Альфонса заметила, что не хочет занимать должности в правительстве.

Ал вряд ли мог понять — почему именно герцогиня так решила. Впрочем, он никогда и не пытался с ней спорить — понимал, что в споре она скорее всего сможет его обойти. Она была куда более умна, начитана, образована... В последнее время, правда, Альфонс и сам стал куда больше читать, возможно, потому что иных развлечений у него попросту не было. В королевской библиотеке было много чего. И пусть приключенческие романы уже закончились... его затянуло чтение. Впрочем, он почти ожидал этого — всё-таки, не могли же пройти бесследно те двенадцать или тринадцать лет, сколько они с Марией Фаррел были знакомы. А в королевском дворце почти нечем было заняться в свободное от приёмов и советов время. Не было ровным счётом ничего из тех вещей, которыми занимался Альфонс в обычное время. Да, конечно, Леонард пытался научить нового короля стрелять из лука, но пока это было, во-первых, куда менее интересно, нежели чтение книг, чем-то похожих на земные, а, во-вторых, это занятие не слишком хорошо ему удавалось.

А в тот день, когда Леонарду внезапно стало плохо, король почувствовал страх, какого, пожалуй, не испытывал ни разу в жизни. Впрочем, за время жизни во дворце все страхи Альфонса как-то обострились. Пожалуй, никогда в жизни он не чувствовал себя настолько востребованным и одновременно настолько ненужным. А болезнь Леонарда, его ужас, его слова о том, что кто-то следит за Кошендблатом — это всё лишь подстёгивало ту неуверенность, что была присуща молодому монарху.

— Ваше Величество! — окликают его.

Голос кажется королю незнакомым. Он оборачивается к источнику звука. Перед ним стоит Кая. Побледневшая, исхудавшая Кая. Её почти невозможно узнать. Эти ужасные синяки под глазами, почти пожелтевшая кожа... Кажется, в тот день, когда она находилась под заклятием Паула, решившего сбежать, произошло ещё что-то. Альфонс видел это в её глазах. Нужно сказать, он давно считал, что Джулия, Мария, Теодор, почти все, кто его

окружали, сильно недооценивали его. Всегда считали его намного глупее. Да, конечно, он не был так начитан и образован, как они, не увлекался науками, живописью, музыкой, литературой... Но ведь это не означало, что в людях он разбирается хуже?

Кая едва держалась на ногах. Она почти падала от истощения. Стояла — лишь потому, что в присутствии короля никто не имеет права сидеть. Её руки дрожали, а глаза не смотрели на него теперь. Теперь служанка была одета более хорошо, чем в их первую встречу, но выглядела куда хуже. Её волосы чуть отросли и теперь были ей где-то до плеч. Она попыталась заплести их в коротенькую косичку. Часть волос была заметно короче и вылезала из этого «шедевра» парикмахерского искусства. Девушка была заметно ниже Брауна и раньше, но сейчас она почему-то казалась особенно миниатюрной. Ал видел покусанные ногти на её руках и думал о том, что до этого никогда не замечал этой детали. Это было немаловажно. Это Мария грызла ногти почти всегда, почти в любой ситуации. Но ни Бэсси, ни Роза, ни Джулия, ни тем более Кассандра или Алесия себе такого не позволяли.

Кая будто нервничала, будто боялась... Чего? Она ведь была другом короля? Она ведь была тем человеком, за которого он так беспокоился после происшествия с Паулом... Она ведь была одним из тех, кто появился с ним во дворце с самого начала, кто помог ему... Ал не понимал... Не было ничего такого, из-за чего Кая должна была бы бояться его! Но она, в отличие от Леонарда, кажется, боялась именно его, а не какого-то непонятого человека, постоянно следящего за ней. Но она, кажется, чувствовала себя спокойно, когда короля рядом не было. Общалась с другими служанками, вышивала... Ведь у неё же не было ни малейшего повода бояться Альфонса! В конце концов, она же не была виновата в той ситуации с Паулом. Она сама пострадала, была под заклятьем...

Или нет?

Всё-таки, что-то не то было с Паулом. Чернокнижник смог сбежать позднее, да и Джулия говорила, что для него не было смысла привлекать служанку к побегу. Проще было сделать всё тихо, так, чтобы никто не привлекал внимания и не узнал. К тому же, как заметила герцогиня Траонт, Паул был достаточно силен, чтобы снять те магические оковы, которые на него наложили, самостоятельно. Не было ровным счётом никакого смысла заколдовывать Каю и пытаться сделать так, чтобы она что-то выкрала, тем самым привлекая внимание к камере Паула охранников. Чернокнижник был достаточно умён, чтобы понять это. Он, вообще, никогда не был глуп и такую оплошность допустить никак не мог. Маг был не тем человеком, который совершает такие глупые ошибки. Он был вовсе не глуп и вовсе не горяч. Такую оплошность мог допустить скорее Теодор, так легко впадавший в панику при любом удобном и неудобном случае. Такую оплошность могла допустить Мария, которая часто сначала действовала и лишь потом думала. Пожалуй, такое мог бы совершить тот же Эрик, если бы, конечно, владел магией... Но Паул всё придумывал слишком тщательно, не позволял себе допустить даже малюсенького просчёта... Не мог же он просчитаться в таком простом, как говорила Джулия Траонт, деле?

Но тогда почему Кая помогала ему? Неужели, это всё-таки было совершено по доброй воле? Неужели, виноват был вовсе не Паул, которому было бы куда проще и реальнее сбежать без этой медвежьей услуги?

Ал содрогнулся от этой мысли. Во дворце и так было достаточно недоброжелателей, а этот шаг со стороны Каи мог расцениваться только как удар в спину. Было до жути обидно, горько, больно от этого. Он ведь хотел помочь ей, желал ей добра, пытался как-то облегчить её жизнь... Леонард почти не нуждался в его услугах, будучи выходцем из довольно богатой

семьи. Правда... Сколько у него там было братьев? Двенадцать? Тринадцать? Уж точно больше десяти... И все — старшие. А, следовательно, претендующие на большую долю наследства.

Всё-таки, странно всё это — всё что происходило с молодым королём в последнее время. Он уже и не понимал толком, кто был прав, а кто виноват. Не понимал — что именно делает на троне... Не понимал — зачем ему это было нужно... Не понимал — что с ним происходит... Всё-таки, нужно было хорошенечко разобраться в той ситуации, которая существовала в последнее время. Понять — что от него хотят народ и министры, что из этого важнее и что из этого может подождать. В последнее время многое происходило. Не все перемены королю нравились, конечно, но нужно было двигаться вперёд, забыв всё то, что было до этого. Впрочем... Не забыв. Кое-какие выводы стоило сделать. Хотя бы из того, что произошло с Леонардом или Алесией. Правда, Ал с трудом понимал, что может связывать этих двоих, но... Что-то же должно было их связывать? Браун очень надеется на то, что связывающим звеном является не он.

Только бы это был не он! Альфонс мог бы отдать за это очень многое. Ему совсем не хотелось быть одиноким, каждый день знать, что он — единственная причина всех несчастий, происходящих с его близкими. Совсем не хотелось... Знать, что, возможно, именно из-за него распался брак родителей, мать начала пить, отец стал так много времени уделять своей чёртовой работе, Роза пропала, погибли Кассандра, Генрих и Алесия, Мария куда-то исчезла, а Леонард оказался ранен... Знать, что, возможно, именно из-за него погибли все те люди, что из-за него Кая оказалась в таком состоянии в день неудачного побега Паула... Ал всё на свете бы отдал, чтобы снова не знать всех этих мыслей, гложущих его, рвущих на кусочки его душу...

— Что-то случилось, Кая? — спрашивает король почти удивлённо. — Тебе что-то нужно?

Он уже примерно знает, что произойдёт дальше — она покачает головой, сделает книксен и, извинившись, уйдёт к себе дальше вышивать... Так происходило со всеми, кто его окружал в этом проклятом дворце! Разве что Теодор чувствовал себя почти как дома, но... Да что там говорить! Дворец и был домом для Теодора Траонта! Он был братом покойного короля — Генриха! Он был сыном того короля, который правил до Генриха... Он имел на дворец и на трон куда больше прав, чем Браун, но... почему-то отказался от престола.

Что там говорить — Альфонс Браун, первый король своего имени, вообще, никаких прав на престол не имел. Был обычным узурпатором. И уж конечно не таким блестящим и умным, как, например, Наполеон Бонапарт, тот человек, на которого Ал ужасно хотел быть похожим в далёком детстве. Браун чувствовал себя ужасно неловко во время всех этих церемоний, хотя, следует признаться, уже почти привык к ним, стал относиться к ним как к чему-то безусловно необходимому.

Мария бы с ним не согласилась... Смела бы нафиг все церемонии, установила бы что-то своё, что-то эдакое, на что у Альфонса просто не хватало фантазии. Но Мария уж точно не стала бы терпеть того, что ей бы не нравилось. Она даже в раннем детстве ничего, что ей не нравилось, не терпела. Заходилась криком, дралась, пыталась ударить, даже укусить, но никогда не терпела.

Девушка неуверенно кивает и делает небольшой шаг назад. В её глазах отражается такой ужас, что Ал невольно задаётся вопросом — во что он успел превратиться за эти несколько месяцев, если его так боятся даже его друзья. За свою жизнь Ал выделил для себя пять видов

страха, отражающихся в глазах людей. Один он постоянно видел в глазах отца, постоянно переживающего на тот счёт, что сын от него отдаляется, этот же страх присутствовал и в глазах герцогини Джулии Траонт. Второй он видел проскальзывающим в глазах Марии или того же Теодора, когда случалось что-то непонятное. Третий, тоже постоянный, как и первый — замечал у Розы, Кассандры, даже той же Хельги, что, хоть и старалась отличаться от первых двоих, но оставалась абсолютно такой же. Четвёртый был сродни тому беспокойству, которое ощущают преступники, боясь быть разоблачёнными. Пятый Ал впервые увидел не так давно — в глазах сначала Алесии, потом Леонарда. И в том, и в другом случае, что-то привело к весьма плачевным последствиям. Альфонсу оставалось только надеяться на то, что Лео, хоть и был оглушён чем-то, не повторит судьбу мисс Хайнтс... Оставаться в одиночестве в королевском дворце совсем не хотелось молодому монарху... Страх Каи был не похож на те предыдущие пять видов, который Ал знал и видел ранее. Будто бы она боялась не за себя... Или, по крайней мере, не только за себя... Но что такое могло произойти? Может, кто-то из её родственников был болен, и только Паул мог помочь тому человеку? Тогда понятно было бы, почему она попыталась его спасти. И... как-то менее больно или обидно, что ли? Хотя, если так подумать, почему она не попробовала рассказать Алу об этом? Он же не зверь какой-то...

— Это я виновата... — вдруг бормочет девушка неожиданно для Альфонса. — Не стоило наказывать охранников, мой король... Это я была виновата... Простите меня...

Брауну кажется, что будь в его руках что-то сейчас, он обязательно выронил бы это. Кая призналась в том, что побег Паула был ей фактически организован... Во всяком случае, тот, на момент совершения которого она ещё была в сознании и не лежала в постели больная... Она смотрела на него, и в её глазах почти не видно было того чувства вины... Ал чувствовал, как что-то словно рухнуло в его груди. Он вдруг подумал, что ни разу в жизни не казался себе настолько жалким... Парень чувствовал себя преданным. Почему все те, кого он так любил, к кому так хорошо относился, делали что-то, с чем он никогда не мог смириться, чего до жути боялся и не хотел?

Кая не выглядела виноватой. Она держалась и говорила так, что будто бы Альфонс был виноват... Будто бы это он помог преступнику сбежать, будто бы это он убил Генриха и Кассандру... Да — о, боги — ему в самых страшных кошмарах будет сниться казнь короля Генриха, то с каким спокойным лицом он взошёл на плаху, как достойно принял смерть... Но что-то в этой смерти было такое, что пугало его до жути... Может, дело было в том, что теперь он сам стал королём, что та ситуация — или как можно назвать казнь — могла произойти с ним когда-нибудь? А теперь всё выглядело так, будто бы Ал был виноват во всём, что произошло после коронации! Бывшие друзья смотрели на него кто с подобострастием, кто холодно, а кто, вообще, почти зло. Как сейчас Кая. И молодой монарх никак не мог понять, что именно происходит в его окружении.

Даже в её извинениях он не чувствует ни капли раскаяния. Она считает, что сделала правильно, предав своего короля... Она считает, что сделала правильно, совершив тот крайне опрометчивый поступок... Она считает, что он — недостойн трона. Что же... Король сам так иногда считает, но... Он так надеялся, что хоть кто-то будет на его стороне. Так — чего доброго — он начнёт совсем сомневаться в людях, полностью перестанет тем доверять, как доверял раньше...

Он станет ещё более ужасным человеком, чем тот, которым он являлся сейчас.

Это не могло не злить, не расстраивать и не пугать одновременно. Королю иногда

хотелось кричать от отчаяния и разочарования. Все люди, окружавшие его, будто намеренно пытались выкачать из него всё добро, что в нём ещё осталось... Ему так не хочется меняться, так не хочется становиться злым королём из тех сказок, что рассказывал Алу отец в детстве... Впрочем, если он потеряет в себе всё хорошее, что ещё оставалось, он станет не злым королём из сказок. Он станет злым королём в реальности, что намного, намного хуже... Ему так не хочется осознавать, что его никто не хочет принимать...

— Почему? — спрашивает Альфонс.

Ему страшно хочется услышать какую-нибудь слезливую историю о безнадежно больном родственнике, которому так нужна была помощь чёрного мага. Он почти надеется на оправдания, на уверения, на слёзы... В таком случае, он поймёт и то, что Кая не чувствует себя виноватой — на её месте он бы и сам не чувствовал себя виноватым, если бы от его решения зависела, скажем, жизнь его отца... Он бы и сам сделал, что угодно ради жизни близкого человека. Пусть у него, Альфонса Брауна, и натянутые отношения с отцом, они всё равно друг друга любят. И молодого короля уже почти не заботит всё то, что было между ними раньше. Сейчас он был бы рад любому человеку, который готов был бы бескорыстно поддерживать его не смотря ни на что, который был бы готов в любой момент помочь ему, который сказал бы хоть одно доброе слово, глядя на старания Ала как-то справиться с королевством.

Кая некоторое время молчит. Только смотрит на короля своими огромными глазами... Смотрит настолько холодно, будто с вызовом, что Алу хочется сделать что угодно, лишь бы избежать этого взгляда. В то же время, он прекрасно понимает, что ничего делать в данном случае не будет — гордость просто не позволит ему сбежать сейчас. Он не для того столько старался, чтобы пасть под взглядом противной девчонки-служанки... Теперь в её глазах вовсе нет того страха, который он заметил в её глазах ранее.

Какой же он был идиот! Джулия пыталась намекнуть молодому королю, что именно Кая была виновата в побеге Паула, что не в чернокнижнике было дело! Да какое там «намекнуть» — прямым текстом говорила ему об этом! Разве виновата герцогиня Траонт в том, что Альфонс Браун был таким болваном?! Ну почему Ал не захотел услышать её тогда? Быть может, сейчас не было так больно от мысли, что его предали. И предал человек, которого он считал если не другом, то по крайней мере союзником! Пожалуй, и правда, власть вовсе не такая простая штука, как он считал когда-то! Следовало послушать тех умных и опытных людей, которые говорили, что во дворце не стоит кому-либо доверять... Ал не слушал! Надеялся на лучшее, пытался найти причину в себе, а не в других... Стоило заканчивать с этим. Всё-таки, теперь он не тот человек, который отвечает только за себя. Теперь он отвечает за целое государство... А он, он не соизволил обратить внимания на сущие мелочи, которые, как говорил один известный сыщик из любимых им книг, может быть, даже более важны, чем всё остальное.

— Вы были неправы, — словно удивившись, произносит Кая тоном, не терпящим возражений, — а я сделала то, что должен был сделать любой человек, столкнувшийся с несправедливостью!

Ал чувствует, как краска сходит с его лица, как холодеет в груди. Парень не смеет поверить себе, своему слуху... Он переводит взгляд на служанку. Видимо, всё, что он чувствует в этот момент, отразилось в его взгляде, поскольку та отшатывается от него, а в её глазах снова появляется страх — правда, уже не тот, что был до этого — и снова исчезает через долю секунды. Король пытается снова вернуть себе былое спокойствие. Впрочем...

Что уж тут говорить — он не был спокоен и раньше, а после такого признания... и подавно.

Почему-то в голове всплывает мысль, что Мария обязательно сразу сказала ему то, что он не прав. Возможно — отвесила бы так же подзатыльник, наорала бы... Сделала бы это сразу же — в первый день. Она не терпела недосказанности. Не терпела намёков. Считала это уделом слабых и подлых людей. И Ал почти был с ней согласен... Он начинает смотреть в пол. Да... Пожалуй, так намного проще — всматриваться в узоры на каменном полу и думать над тем, что ему теперь делать.

Кая считает молчание хорошим знаком и подходит поближе, пытается взять его за руку, но на этот раз отстраняется он. Король чувствует, что не хочет видеть служанку больше, что всё беспокойство о ней, которое он испытывал за неё до недавнего времени из-за её болезни, выветрилось в мгновение ока. Альфонс всё пытается вглядываться в узоры на каменном полу и как можно меньше думать о том, что сейчас произошло между ними. Впрочем, нет. Ни в коем случае нельзя думать об этом меньше — эта проблема весьма важна. Важна, может быть, даже больше, чем какая-либо другая. Почему Кая решила, что может сделать это, может предать его и не получить никакого наказания за это?

— Уходи! — говорит Ал, стараясь чувствовать себя хоть немного увереннее.

Кая смотрит на него с сочувствием. И это заставляет его чувствовать себя всё более разозлённым. Ему не нужно её сочувствие. Он прекрасно справлялся и без него. Раздражение нарастает, словно снежный ком. Альфонс уже почти не может с ним справиться.

Боги! Ему не хочется потерять самообладание сейчас и сказать всё, что он думает! Ему не хочется закричать, ему не хочется показать то, что сейчас творится у него в душе! Ни в коем случае нельзя допускать этого! Он ведь не выходил из себя даже общаясь с таким непростым человеком, какой была Мария Фаррел! Он ведь умудрялся сдерживать себя даже тогда, когда его кузина Бэсси была рядом и выкидывала чёрт знает что! И от этого выйти из себя сейчас будет ещё более обидно...

— Вы были неправы, — неловко улыбнувшись начинает говорить Кая. — Долг любого друга исправить ту несправедливость...

Кажется, девушка пытается гладить его по руке, и король чувствует, как что-то словно ломается в нём, чувствует, как эмоции всё же начинают брать верх над разумом, который и без этого жеста не мог удержать своё превосходство. Ему давно хочется кричать, почти плакать от бессилья, но он ещё хоть как-то пытался сдерживаться...

Кая пытается гладить его по руке, и Альфонс начинает чувствовать, как нервы не выдерживают. И в следующее мгновение он отталкивает служанку от себя, да так сильно, что та не удерживается на ногах. Смотрит непонимающе... Как будто тут нужно что-то понимать! Ал в последнее время постоянно чувствует, как ярость захлёстывает его с головой... Разве это так трудно понять?! Разве трудно понять, что ему очень тяжело справиться с такой огромной страной, постоянно чувствуя вместо поддержки и помощи тычки и смешки в спину?! Разве трудно понять, что ему не нужны все эти чёртовы нравоучения о «справедливости, чести и долге»?! Разве нельзя просто помочь советом, не прибегая к нравоучениям?! Разве нельзя сказать, просто сказать, в чём конкретно он ошибся?! Отчего-то сразу вспоминается безукоризненно красивая и женственная герцогиня Джулия Траонт с её безупречными манерами и умением помочь, не выставив при этом полным идиотом человека, которому эта помощь была нужна...

Ал вдруг думает, что в данном случае не права Кая — любой предатель заслуживает

наказания. И Паул не был исключением. Он предал нового короля, явившись спасти того странного паренька, из-за которого погибли Генрих и Кассандра... Он предал... А потом предала Кая.

Альфонс чувствует, что страшно злится на эту девушку, что ненавидит её всей душой, что... хочет её смерти... Он уже почти представляет её там — на плахе. И это почти успокаивает его. Он почему-то чувствует какое-то доселе неизвестное ему удовлетворение... Подумать только — сейчас он имеет полное право убить её. Никто не посмеет сказать даже слова. И то, будет ли эта девчонка жить или нет дальше, зависит только от его милости...

— Убирайся! — уже орёт он почти срывающимся от накатившей злобы голосом, почти не ожидая от самого себя такого. — Я — твой король! И я не могу быть не прав. Убирайся из дворца! Я тебя здесь больше видеть не хочу! Убирайся и не смей больше приближаться ко мне! Я казню тебя, если посмеешь ослушаться! И я не посмотрю ни на что! Тем более, на чёртову справедливость!

Нет. Он не казнит её. Во всяком случае — сейчас. Может быть — после. Сейчас этого делать ни в коем случае нельзя. Не перед приездом послов. Это могут посчитать дурным тоном, и удачной помолвки ему не видать... Стоит обождать с этим делом. Успокоиться... Обождать... Лишняя казнь ему ни к чему. Даже предательницы... Скоро приедут послы из королевства Рантором. Кажется, король Джон рад выдать за Альфонса свою единственную дочь, Марию. Ни в коем случае нельзя допустить того, чтобы помолвка не состоялась из-за какой-то служанки...

Альфонс разворачивается и быстро уходит. Кажется, Кая начала реветь. Пусть... В конце концов, именно она сейчас виновата в той ситуации, что произошла, а не он. Это должно послужить ей хорошим уроком... Он не оборачивается. В конце концов, сейчас важно вовсе не то, плачет Кая или нет. Сейчас

Маленькая девочка лет пяти-шести сидела на самой толстой ветке старого дуба, что находился совсем рядом с детской площадкой. Она сидела на ветке дуба и что-то чиркала в своём блокноте, что месяца два назад подарила ей мама. Девочка иногда задумчиво смотрела куда-то в сторону, потом снова принималась что-то писать. Волосы этого ребёнка были светлыми, сама девочка казалась бы ангелочком, если возможно было бы не обращать внимание на разбитые коленки и порванную, запачканную одежду.

Мальчик, подошедший к девочке через несколько минут, был очень похож на эту девочку внешне, разве что, был немного худее — короткие светлые спуганные волосы, заинтересованный взгляд синих глаз, бледная кожа, ссадины, синяки... Мальчик быстро забрался на ту же ветку и стал внимательно наблюдать за тем, что пишет девочка. Она мелким и корявым почерком исписала, наверное, страниц десять...

— Привет, Ал! — буркнула девочка, не отвлекаясь от своего блокнота.

Мальчик поприветствовал её в ответ и вдруг спросил, про что именно она пишет. Девочка на секунду перестала писать, задумалась и начала сбивчиво рассказывать об этом... Рассказывать о том, какие у неё были мечты, чего бы она очень-очень хотела в ближайшем будущем...

— Так не бывает! — усмехнулся мальчик беззлобно. — Мария! Ну неужели ты не понимаешь, что всё то, что происходит в книжке — выдумка? Не бывает выдуманных королевств! И выдуманных королей тоже не бывает...

Девочка разозлёно посмотрела на него. Потом ударила по голове своим блокнотом и слезла с ветки, успев при этом ободрать ещё и свой локоть. Ранка стала кровоточить, но

Марии, казалось, было не до этого. Она направилась к своим любимым качелям. Сognaв какого-то незнакомого мальчика с них, Мария уселась и снова стала что-то писать. Ал пошёл за ней. Он уже давно привык к такому поведению подруги. Они познакомились уже давно, как им казалось, и могли спокойно называться старыми друзьями... Сейчас Мария слишком злилась, и оставлять её одну было опасно. Так что, Ал старался не отставать...

Если с этой упрямой девчонкой что-то произойдёт, то он будет виноват. А быть виноватым совсем не хотелось... А Мария, оттаяв, начала снова рассказывать о всяких легендарных королях и героях из её книжек... Альфонс старался слушать её и не перебивать, про себя думая о том, какая же Мария, всё-таки, глупая! Разве могут быть параллельные миры, сказочные королевства, а уж тем более — короли этих сказочных королевств?

История мира часто вершится в кабинете одного лишь человека. В небольшой комнатке, которая вряд ли особенно больше какой-либо другой. В комнате с большими окнами, тяжёлыми гардинами и монолитными стульями и столами... В комнате, где редко бывает слишком темно или слишком светло — всегда царит некий полумрак, что-то среднее между так называемыми «темно» и «светло»... Нередко, история вершится в богато украшенных кабинетах королей, герцогов, графов... Нередко именно в этих комнатках происходит то, что можно считать как началом войны, как началом мира... Не всякий человек может выдержать тот спёртый тяжёлый воздух этих душных кабинетов, в которых, кажется, происходит вся жизнь и вся жизнь пролетает, будто бы зря... Иногда кажется, что стены начинают давить на человека, заставляют его чувствовать себя не только не защищённым от всех внешних опасностей, но и как будто бы ещё более уязвимым. Ковры с яркими причудливыми узорами, после некоторого времени кажушиеся до ужаса раздражающими. Дубовые грубые столы, слишком простые, но зато очень крепкие.

Теодор Траонт предпочёл что-нибудь несколько менее долговечное, но более красивое и изысканное. Пожалуй, тут сказывались детские годы, проведённые в поместье сестры, всё старавшейся делать красиво. Теодор ненавидел вещи, которые хоть как-то выбивались из его понятий об изысканности. Кажется, будет неплохо полностью сменить интерьер этого кабинета.

Теодор в который раз перечитывал письмо Кассандры. Она писала ему о том, что, возможно, не будь он таким эгоистом, а она такой наивной душой, у них всё бы могло получиться... Кажется, покойная принцесса искренне сожалела о том, что не сложилось тогда... Пожалуй, Теодор и сам переживал из-за этого. Не из-за Кассандры. Из-за Марии. Быть может, будь он рядом с девочкой все эти годы, всё сложилось бы иначе... Разумеется, всё сложилось бы иначе! Мария не ненавидела бы его, они жили бы мирно и счастливо, возможно, не произошла бы революция... Все бы только выиграли от того, что отношения Кассандры и Теодора не закончились бы, почти не начавшись.

За стеной слышится какой-то шум, и Теодор поднимается из-за стола, откладывает в сторону перечитанное раз двадцать письмо, идёт к двери... Стоит узнать, что же такое там происходит и попросить слуг не шуметь, когда он работает.

— Убирайся! — кажется, кричит не какой-то там слуга, а король. — Я казню тебя, если посмеешь ослушаться! И я не посмотрю ни на что! Тем более, на чёртову справедливость!

Да... Думается Теодору, презанимался всё-таки мальчик. Стоило больше внимания уделять тому, как он проводит отдых. Всё-таки, нервы короля для королевства, возможно, вещь даже более дорогая, чем его же мозги. Нужно было давать Алу побольше свободного времени. Всё-таки, такое резкое изменение образа жизни, которое молодому королю

устроил Теодор. Ал не был приучен ко всем этим церемониям и тонкостям... И пока Теодор занимался самым важным — политикой, Альфонсу приходилось изучать то, что он не имел возможности изучить, родившись на Земле. Всё-таки, определённо стоило относиться к мальчику более снисходительно.

Впрочем, когда Теодор вышел из своего кабинета, Ала на месте уже не было. Зато была сидящая на полу рыдающая... Марта? Сара? Кэтрин? Джейн? Клара? Как там звали эту бестолковую горничную? Кажется, она на него когда-то работала... Может, Рейчел? Или... Лея? Что-то определённо похожее...

— И что такого ты ему сказала? — почти брезгливо спросил мужчина. — И перестань реветь! Раздражает...

Обычно ему редко приходилось общаться с простыми служанками. Для этого всегда был управляющий, бравший на себя все хлопоты по ведению хозяйства. Можно было и не беспокоиться на тот счёт, что что-то пропадёт или будет сделано не так... Нейл был человеком опытным и серьёзным, к тому же, был весьма преданным. Ему можно было доверять. Так что, Теодор, вообще, имел весьма смутное представление о том, как говорить со слугами. Тем более — с ревущими.

Девчонка долго бормотала что-то о несправедливости Альфонса к какому-то Паулу, хотя нет, не к какому-то Паулу, Теодор кажется знал этого чернокнижника, о том, что она сказала королю об этом... Министр едва сдержался от того, чтобы не зашипеть на эту глупую девчонку...

Паул был весьма опасным магом и весьма опасным человеком, и его устранение было, пожалуй, самым правильным решением молодого короля, которого служанка обвинила в несправедливости. Теодор сам был бы рад придушить чернокнижника, только бы не видеть больше его самодовольной рожи. Но дело, кажется, было в другом. И... Кажется, Теодор Траонт начинал догадываться, кого именно прокляла Джулия. Да. Это было вполне в её стиле.

Служанка смотрела на него полными обиды и надежды на сочувствия глазами, и Теодор удержался от смешка. Что за глупая девочка! Впрочем, сочувствия она несколько не вызывала. Глупость, вообще, редко вызывает какое-либо сочувствие. Разве что смех. Или презрение. В данном случае легче было испытывать последнее.

— Вот и дура... — пробормотал Траонт. — Ну неужели трудно было промолчать? Или выдумать какую-нибудь историю о Пауле, чтобы Ал сам понял, что он был несправедлив?

Какое-то время он помолчал, словно думая над тем, что теперь делать дальше. Честно говоря, насколько же ему это всё надоело... И как Джулия со всем этим справлялась? Он так уже едва мог что-то сказать или сделать... По правде говоря, он бы многое отдал, чтобы снова оказаться в своём поместье, на мягком диване... Впрочем, нет. Такая жизнь тоже была не для него. Да... Пожалуй, стоило перестать винить всех и вся в своих неудачах и плохом настроении. Нужно было что-то делать. При том, делать срочно. Нынешняя ситуация во дворце не терпела каких-либо отлагательств.

Служанка почти удивлённо смотрит на него, будто ожидала другого ответа. Что же... Тогда, эта ситуация заслуживает только смеха. Она как будто даже не осознавала, в чём её главная ошибка... Глупая девчонка, которая даже внимания то не заслуживала... Или заслуживала? Её действия могли быть весьма опасны для действующей королевской власти. Пусть Паул не имел целей захватывать трон или свергать правящую династию, но... он мог представлять ощутимую угрозу.

— Знаешь... Уезжай-ка ты отсюда... — сказал он, немного подумав. — Король злится на тебя, а, значит, ты не должна в ближайшее время попадаться к нему на глаза.

Теодор развернулся и ушёл обратно к себе в кабинет. Письмо Кассандры было куда более забавной и интересной вещью, чем разговоры со всякими глупыми служанками. И куда более важной. Она, кажется, писала, что как-то нашла очерки Георга Траонта, отца Генриха, Джулии и Теодора, во дворце. А они могли быть весьма полезны для нового короля. Насколько Траонт знал с рассказов сестры, отец просто обожал покрасоваться, раздавая направо и налево бесплатные советы...

Стоило, пожалуй, поговорить с Алом и как-нибудь осторожно намекнуть ему на то, что нужно немного отдохнуть. Или устроить какой-нибудь праздник, который понравился бы королю на время приезда послов... Это было бы вполне неплохо. И менее хлопотно, чем уговаривать короля даже на время отказаться от дел и приёмов. Но, что нужно сказать в пользу молодого монарха, он всё-таки девчонку не казнил, видимо, понимая, что сейчас казни королевству Орандор ни к чему.

***

За окном лил дождь. Капли стучали по оконным стёклам, по крышам. Пожалуй, было бы неплохо заpastись чаем, печеньем и прочей приятной ерундой до того момента, когда природа решила излить на людей свой гнев. Впрочем, гнев ли? В этой непогоде, как часто любят говорить люди, было что-то необычное, таинственное, что и пугало, и завораживало одновременно. Это было словно какое-то таинство, непонятное человеку. Сверкали молнии. Их вспышки озаряли небо... Было достаточно красиво. Дэвид только сейчас начинал понимать это. Он только сейчас будто бы очнулся от того сна, в котором пребывал практически всю предыдущую жизнь.

Сейчас вдруг начинало казаться, что и не было ничего — ни того огромного дома в небольшом посёлке, ни вечно усталого взгляда такой покорной и порядком поднадоевшей за время их брака Элис, ни падения с лестницы десятилетней Аннэт, ни того ужасного крика в день смерти Мари, ни смерти Маргарет, ни той жгучей ненависти в глазах Джорджа... Дэвиду хотелось бы верить в то, что то, что произошло с его семьёй — лишь дурной сон, плод его больного воображения... Ему иногда кажется, что его жизнь была бы куда счастливее без этой погони за счастьем, кажется, что стоило отпустить Элис, дать ей построить отношения с Джимом, которого она любила, в отличие от него, от Дэвида... Тогда, быть может, и у самого Дэвида Блюменстроста жизнь сложилась бы удачнее. Он бы приезжал раз в месяц в гости к брату, к ораве шумных племянников... А, может быть, и сам обзавёлся бы семьёй — в конце-концов, не одна же Элис была на свете. Было полно самых разных женщин, красивых и не слишком, любой из которых он мог бы сделать предложение. И быть при этом счастливым...

Джим слушает и пьёт чай. Пожалуй, в этом весь младший брат Дэвида — никакого движения по жизни, лишь размеренные и спокойные завтраки, обеды и ужины... Он всегда был спокоен, никогда не горячился, не нервничал, не спешил... Наверное, именно поэтому у него такие крепкие нервы в то время, когда Дэвид успел уже полностью поседеть и заимел проблемы с сердцем.

— Брат, что ты думаешь по этому поводу? — почти потерянно спрашивает старший из братьев Блюменстростов. — Лично я уже совсем не понимаю, что теперь будет...

Джим, как и следовало ожидать, лишь пожимает плечами. Он всегда только разводит руками и пожимает плечами. Иногда кажется, что его почти ничего не интересует... Лишь

свой чай и свои карандашные рисунки... Интересно, Элис он тоже рисовал? Да рисовал, конечно! Она же была любовью всей его жизни... Он любил её... Любил... Чего нельзя сказать о Дэвиде. Тот свою жену почти презирал. О какой тут любви можно говорить? Презирал её вечно испуганные глаза, её дрожащие тонкие пальцы, её неспособность постоять за себя и за своих детей, за нежелание как-то сопротивляться... Быть может, у Джима с Элис был бы крепкий брак с множеством здоровых детей, бегающих по лужайке перед домом, но брак Дэвида и Элис доставил разочарование и несчастье всем — Джиму, который так влюблён был в эту девушку, самому Дэвиду, не получившему почти ни капли обещанного приданного и почти ненавидевшему за это жену до конца её дней, Элис, которая так и не смогла стать для его, Дэвида, детей хорошей матерью.

— Я думаю, что тебе стоит ещё раз попробовать помириться с Джорджем, — говорит, подумав. Джим. — Он уже давно — твой единственный ребёнок...

Комментарий к П. Глава двадцать шестая. Трактат жизни.

Unreal — Дикие Лебеди

===== П. Глава двадцать седьмая. Милосердие отречённого. =====

Я в лесах наберу слова,
Я огонь напою вином.
Под серпом как волна — трава,
Я разбавлю надежду сном.
Тебя творить —
три года не говорить.
Сердце сварено в молоке,
Лист крапивы — в глазах костер.
Лунный свет на твоей руке,
На рубашке — красный узор.
На рубашке — красный петух,
А и мне ли жалеть огня?
Как захватит от дыма дух,
Как светло улыбнется князь!
Тебя ворожить —
Босой по углям ходить.
Тебя целовать —
Под пеплом звезды считать.
За три года траву соткать,
Темным волосом вышить путь,
Искры все на него собрать —
Пальцы болью горят, ну и пусть.
Кровь делю на двоих без слов,
Почернеют снега к весне,
Алой лентой ночных костров
Свою душу отдам тебе.
Знай, зола —
Все слезы выплакала.
Ты тоже знай, смола —
Все ветры я прогнала.

Где теперь взять тепла —
Всю душу я отдала,
А другая тебя нашла,
Другая за руку увела,
Я ее за то прокляла.
Будет время, и будет ночь...
Как в голодный, безлунный час
Ты беги, разлучница, прочь —
Обернется огнем мой князь.
Вспыхнут порохом дом и лес,
А дорога ему — в мой край.
Как затлеет подол небес,
Всю, как есть, меня забирай!*

Крупные капли воды стекали по стеклу, оставляя за собой мокрые длинные следы. Небо было почти чёрным из-за дождевых туч. Возможно, скоро должна была начаться гроза. Из-за потоков воды, стекавших на дорогу, вымощенную булыжником, улицы напоминали скорее русло той небольшой речушки — Аверзы, берущей своё начало из озера Ниммерри. Вода стекала отовсюду — с крыш домов, беседок, деревьев... Пожалуй, сейчас было не лучшее время для того, чтобы сидеть на улице и что-то делать там. Впрочем, Сара Эливейт сейчас не могла находиться в доме. Им с Эриком насилу удалось уложить Паула обратно в постель, дав ему перед этим вина, которое было призвано хоть как-то затуманить, смягчить боль. Пожалуй, это должно было хоть как-то ему помочь. Впрочем, наверное, почти помогло. Чернокнижник, наконец, уснул. Впрочем, Саре всё время казалось, что в доме, куда она пришла, пахнет смертью, страхом и тёмной магией, возможно всё было из-за тех книг, лежавших в комнате больного. Воздух здесь казался гуще и тяжелее, чем где-то ещё. Не самая лучшая атмосфера для исцеления от проклятья, не правда ли? Тем более, если они даже не знают толком — что это за проклятье. Сара чувствовала себя жутко беспомощной. Худшее, что может быть для врача — чувствовать себя абсолютно беспомощным перед тем недугом, которым поражён его пациент. Сара Эливейт чувствовала, как ей хочется, постоянно хочется опустить руки и сдаться, даже не пытаться больше как-то помочь этому Паулу, который, кажется, и не особенно хотел, чтобы ему помогали, всплеснуть руками и уйти, убежать от этой жестокой реальности... Но она не могла. Не имела права. Не позволяла гордость, всегда двигавшая ею в трудные жизненные моменты гордость отчаянно сопротивлялась и не позволяла ей сдаться. Сара всегда была гордой. Куда более гордой, чем её сёстры. Девушка грустно усмехнулась — родители всегда пытались привить своим дочерям жертвенность, но из всех девочек в семье Эливейт жертвенной была разве что Моника. Эрик отчего-то решил, что ей холодно. Зашёл зачем-то в дом, принёс плащ и кружку горячего чая... Уселся сам рядом... Саре не хотелось возвращаться в это ужасное здание. Оно чем-то необъяснимо отталкивало её, заставляло просто трепетать от страха. Это был обычный белый домик, каких были десятки в этом небольшом городке, где они сейчас были, но что-то определённо с ним было не так, дом был будто бы насквозь пропитан чем-то отталкивающим, страшным... Сидеть на ступеньках перед домом было куда лучше. Можно было отвлечься от мрачных мыслей о проклятье, подумать о чём-то более приятном и расслабляющем. Например, о яблоках или книгах. Сара, пожалуй, очень сильно любила яблоки.

Впрочем, было бы просто невежливо просить у Эрика сейчас ещё что-то. Молодой человек и так сильно услужил мисс Эливейт тем, что принёс тёплое пальто и горячий чай. На улице становилось уже довольно зябко. Не хотелось чувствовать себя неловко от его заботы, ведь именно её пригласили для того, чтобы хоть как-то облегчить участь Паула. Его ждала поистине страшная смерть. Девушка знала, как всё будет происходить дальше. Не пройдёт и двух месяцев, как Паула уже будут хоронить, а за месяц до этого он перестанет как-то воспринимать окружающий его мир, будет бредить.... Впрочем, даже до этого ему будет настолько плохо, что любому человеку, который находится с ним рядом, будет ужасно тяжело. Проклятья убивали медленно, постепенно, но не давая знающему человеку даже тени надежды на то, что страдания несчастного можно будет хоть как-то облегчить. С каждым днём всё будет становиться хуже и хуже. Маг уже — он точно был магом хотя бы потому, что на тех, кто колдовать не умел, наложить такое проклятье было просто невозможно — едва соображал, да и чувствовал он себя, очевидно, даже хуже, чем это казалось со стороны. Эливейт было до невозможности жалко его, но, пожалуй, она ничего не могла с этим поделать. Кто мог наложить на волшебника такое проклятье? Пожалуй, это был слишком трудный вопрос... Слишком трудный вопрос для обычной девочки из небольшого посёлка. Сара не владела магией и, следовательно, не могла обучаться в Академии, где ей обязательно объяснили бы всё, связанное с проклятиями. Или хотя бы часть той информации.

Эрик зря пригласил её в этот дом. Зря надеялся на чудесное спасение своего друга. Зря надеялся на то, что болезнь отступит... Состояние Паула было вызвано совсем не болезнью, и именно в этом была вся проблема. Проклятье невозможно вылечить, его возможно только снять. И, наверняка, Сара, правда, не знала этого точно, проклятье такой силы мог снять только тот, кто его наложил. В этом заключалась, пожалуй, основная трудность данного положения, но ведь были ещё и другие. Взять хотя бы ту боль, которая не отпускала несчастного чародея ни на минуту. Взять хотя бы то состояние с которым, как однажды случайно обронил в разговоре один из преподавателей на курсах, можно было сравнить разве сдирание с человека кожи заживо. Взять хотя бы то полузабытьё, из-за которого Паул просто не мог нормально соображать. Теперь маг спал, но мисс Эливейт знала, что в таком состоянии он пробудет весьма недолго. А после придётся вновь думать, как хоть немного облегчить его страдания. Не давать же ему ещё вина... Это было бы слишком опасно... Говорили, что у магов были какие-то лекарства, которые могли в разы облегчить боль, но Сара не умела их готовить, да и ни в коем случае не имела права их назначать. Эти лекарства вряд ли возможно было бы приобрести где-то. Девушке до невозможного стыдно признавать свою беспомощность перед этой ситуацией. Она не хочет, ни за что на свете не хочет снова оказаться слабой. Она достаточно была такой — безропотной, беспрекословной, тихой, милой Сарой. Теперь девушка уже давно не такая. Она просто не может позволить себе снова оказаться слабой, снова проиграть. Она должна быть сильнее, чем. Возможно, ей самой этого хочется. В глазах Эрика всё ещё не угасает слабый огонёк надежды. Интересно, насколько же хорошим другом надо быть, чтобы всё равно надеяться, даже в такой, совершенно безвыходной ситуации? Саре было жаль его, но она просто не знала, чем может помочь этому несчастному человеку. Да и может ли? Что может сделать простая сестра милосердия? Но Эрик надеялся. По его глазам было видно, что он перепробовал уже всё, чтобы спасти друга, но... Вероятно, даже опытные врачи не давали ответа на то, что случилось с Паулом. А что могла сделать она — хрупкая и глупая девчонка? Саре было

неловко и больно от надежды Эрика. Она чувствовала, что снова не оправдывает чужие ожидания, но в прошлый раз, когда она чувствовала это, ей было почти совсем не больно, а сейчас... Сейчас она чувствовала себя такой виноватой... Виноватой перед семьёй, сёстрами. Виноватой перед проклятым Паулом и до ужаса взволнованным Эриком. Виноватой перед своими больными, теми, кого она смогла выходить, и теми, кто умер. Виноватой перед всеми в мире. И, наверное, больше всего перед самой собой. Правильно говорил ей тот человек — нужно просто отпустить себя. И простить. Простить за всё, что с ней когда-либо происходило.

Ну почему она не могла помочь этому несчастному Паулу? Всё было бы куда проще, если бы у него была чахотка или немирит, болезни, которые хоть и были почти неизлечимыми, но, всё-таки — почти... Всё было бы куда проще, если бы она владела магией и могла бы разобраться в том, что это за проклятье. Но она — не могла этого сделать. И это было ужасно несправедливо. Почему-то, Саре не столь хотелось помочь Паулу, этому несчастному больному, сколько его другу. Наверное, этот человек нуждался в помощи не меньше, а может, даже и больше, чем маг. Последний, во всяком случае, явно знал, за что ему достались все эти муки, знал, за что именно он страдает... Нужно было срочно что-нибудь придумать — что-нибудь, что могло бы облегчить страдания хоть одному из них. В какой-то момент Саре хотелось кричать на Паула за то, что он вёл себя так, что кто-то вздумал его проклясть. Наверняка, он сильно разгневал какого-то могущественного колдуна, чтобы тот решился на такой шаг. Насколько помнила Сара, большинство магов не слишком любило кого-либо проклинать — слишком уж это было тяжело. В какой-то момент мисс Эливейт просто хотелось уйти, убежать из этого дома, чтобы больше никогда в жизни не связываться со всеми этими магическими историями, колдунами и проклятьями.

Но она почему-то не ушла.

Словно кто-то заставлял её остаться здесь, рядом с этими двумя несчастными людьми. Она сидела здесь — на ступеньках крыльца этого дома. Здесь — а не в своей комнате. Она сидела и слушала, как стучат капли по крыше, смотрела на то, как капли скатываются по оконному стеклу. А ведь они с Эриком почти промокли... Возможно, лучше было переждать ливень в доме, но Сара отчего-то не могла. Душа дома словно не хотела впускать её к себе. Наверное, это можно понять. А кто захочет изливать душу незнакомцу? Хозяин дома сидел рядом и подрагивал от холода. Что же... Если он не хочет оставлять её в одиночестве, возможно, всё же, придётся зайти обратно и переждать дождь на кухне. Не уезжать же прямо сейчас. Было уже достаточно темно. Достаточно темно и холодно, чтобы потихоньку перейти в дом.

— Извините меня, пожалуйста... — пробормотала девушка тихо, когда Эрик захотел встать, чтобы принести ей ещё что-то. — Вы так надеялись на меня, а я не смогла помочь. Мне, правда, очень жаль...

На улице льёт дождь, и Саре думается, что ей и самой, пожалуй, не помешало бы одеться потеплее. Она встаёт со ступенек и послушно идёт за Эриком, который приглашает её обратно в дом. Хозяин дома смотрит на неё несколько виновато и тяжело вздыхает. От этого взгляда сестре милосердия становится как-то не по себе.

— Мне жаль, что я побеспокоил вас, — говорит парень почти так же тихо, как до этого говорила Сара.

Вероятно, он очень боится разбудить своего друга. Действительно — было бы вовсе не плохо, если бы тот смог поспать хоть несколько часов, не просыпаясь от кошмаров или от

ужасной боли. Сон успокаивает, помогает хоть как-то расслабиться и на несколько коротких мгновений позабыть о том, что человека тревожит. Сара понимает, почему мистер Картер — про себя девушка вдруг усмехается, вспоминая, что тот попросил не называть его так — так хочет, чтобы Паул смог отдохнуть. Вероятно, именно поэтому они провели, пожалуй, добрых три четверти часа на ступеньках перед домом.

Ей предлагают присесть на низенький диванчик на кухне, и она не отказывается от приглашения. Когда ещё она сможет провести вечер в такой домашней обстановке? У неё нет ни одного родственника, с которым бы она общалась. С одной стороны, Кае было очень стыдно за то, что она почти радовалась сложившейся ситуации, а с другой...

— Вы меня простите, пожалуйста, — продолжает Эрик. — Мне очень жаль, что я зря вас побеспокоил, но... Поймите, он — мой единственный друг.

Девушка понимающе кивает. Впрочем — понимающе ли? У неё никогда не было настоящих друзей. Впрочем, она не особенно и хотела с кем-то дружить. Ей всегда было достаточно того непродолжительного общения, которое было в школе. Да и зачем, вообще, казалось ей, существовала эта дружба? Для того, чтобы был хоть один близкий человек... Теперь она почти понимала это — глядя на Эрика и Паула. Сара жалела их обоих и пыталась придумать хоть какой-то способ помочь им, что пока не слишком хорошо получалось. Она просто не знала, что ей ещё сделать. Если бы только было лекарство от проклятий, девушка обязательно бы попыталась его достать. Если бы только была какая-то возможность снять проклятье Паула, Эливейт обязательно воспользовалась бы ею. Вот только не было такой возможности. Магу оставалось только тихо умереть, и ни один лекарь в мире не смог бы ему помочь!

Проклятый дождь мешал ей думать. Странно — когда-то девушка почти любила его...

В далеком детстве Сара любила в такие дождливые дни залезать на чердак и там, устроившись прямо около окошка, сидеть и читать романы, детективы, всякие истории... У неё было достаточно сестёр, и те редкие моменты уединения девушка считала чуть ли не верхом наслаждения. А ещё можно было набрать яблок в фартук и есть их, читая очередную историю о привидениях или духах. Можно было закутаться с головой в старое шерстяное одеяло и тихонько слушать, как стучат капли по крыше... Пожалуй, теперь уже ничто не вернёт тех времён... Впрочем, Саре Эливейт этого совсем и не хотелось. Ей теперь жилось куда лучше.

Эрик, казалось, уже вполтину растерял свою надежду на исцеление Паула. Смотрел на неё уже не так, уже без той пылающей надежды... И от этого становилось почти больно. Сара должны была дарить это чувство, а не забирать его у людей. От этого на душе было паршиво. Она не имела права разочаровывать кого-либо. Это было слабостью, а она просто не могла себе позволить быть слабой.

В голову отчего-то приходит мысль о том, что не так уж и много было в Орандоре магов, способных наложить проклятье такой силы. Наверняка, если поискать, Сара сможет понять — кто именно мог сотворить такое с Паулом. И за что. А там уже можно будет кинуться перед колдуном или ведьмой на колени и умолять о прощении. Это уже проще — лишь бы найти того человека...

Почему сестре милосердия хочется так помочь, она и сама не знает. Просто... Хочется. Пожалуй, это просто невозможно объяснить.

Ей в голову приходят наиглупейшие идеи, и она почему-то хочет их как-то использовать, чтобы помочь. Неужели, она и правда решится пойти к какому-нибудь магу,

чтобы упротить его снять проклятье? Неужели, она и правда решится сделать это? Она — трусливая и тихая Сара Эливейт, вторая дочь в семье Эливейт, ни разу в жизни не сделавшая ничего пугающего или рискованного, если, конечно, не считать тот уход из дома несколько лет назад? Неужели, это и правда может произойти?

— Не могли бы вы мне принести сведения о магах Орандора? — спрашивает девушка вдруг. — Мне кажется, там есть что-то, что могло бы помочь вашему другу.

Эрик удивляется, но книгу, всё же, приносит. Потрёпанную, старую, с почти истёршимся вензелем короля Генриха Траонта. Да, пожалуй, стоило надеяться на то, что тот маг, который наложил проклятье, будет здесь. Но этот шанс не так уж и велик. Так... Арагонда Таурелл, умершая пятнадцать лет назад. Пожалуй, это было немного не то. Старуха-ведьма, которой было больше трёхсот пятидесяти лет, к концу своей жизни несколько подрастерявшая свои навыки. Леонард Кошедблат Седьмой, умерший девятнадцать лет назад во время эпидемии шелиорита, отец нынешнего герцога Кошендблата. Довольно сильный маг, которому только исполнилось сто десять лет. Но он тоже умер. Паулу, вероятно, тогда не было и десяти лет... Кто будет накладывать настолько сильное проклятье на ребёнка, когда — пусть это и звучит цинично — можно наложить куда более слабое, которое подействует ровно так же? Да и столько лет прошло... Саймон Родригерус, человек, умерший при загадочных обстоятельствах года два назад... Или даже чуть меньше. Ещё молодой и полный сил... Пожалуй, Паул мог перейти ему дорогу, за что колдун мог проклясть его. Или... Говард Райнет... Хотя, нет. Тот хоть и был жив до сих пор, был уже дряхлым, не особенно хорошо соображающим стариком, вряд ли способным на такую вещь. Хотя факт его старческого слабоумия был весьма интересен. И это было, наверное, даже более жутко, чем всё остальное, потому как человек, который способен наложить такое проклятье, но не способен здраво оценивать ситуацию, очень сильно опасен. Джулия Траонт — сестра покойного короля Генриха... Сильная и умная женщина, по рассказам людей, её окружавших, весьма вспыльчивая и злопамятная.

Так кто же из трёх последних мог быть зол на Паула? Да ещё и настолько зол, чтобы наложить такое сильное проклятье? Как-то Сара слышала, что каждое наложенное проклятье требует колоссальных объёмов душевной, магической и физической энергии. Если какого-то из трёх компонентов не хватало, проклятье накладывалось на того мага, который пытался его наложить, и высасывало ту энергию. Разумеется, Паул должен был быть знаком с наложившим проклятье или, хотя бы, тот должен был слышать о нём. Вряд ли настолько хорошо осведомлённых людей было много. Да и что должен был сделать маг, чтобы настолько рассердить колдуна или колдунью? Это должно было быть что-то очень серьёзное, иначе такие маги не сердились бы так сильно. Но пока надо было узнать — кто именно мог наложить проклятье. Причину можно было понять из этого.

— Ваш друг... — бормочет Сара неуверенно, словно боясь спугнуть внезапную разгадку, — Он знал кого-нибудь из тех людей, которых я вам сейчас назову? Саймон Родригерус, Говард Райнет и Джулия Траонт.

Когда мисс Эливейт произносит последнее имя, Эрик бледнеет и вскакивает со стула, почти опрокидывая его. Девушка понимает, что дело именно в Джулии Траонт. В этой властной и до безумия красивой женщине, как говорили многие. Саре однажды довелось мельком увидеть её — с идеально белой кожей, высокую, с зелёными сверкающими глазами... В ней не было ни одного изъяна.

Эливейт пытается как можно лучше вспомнить образ больного. Его бледные тонкие

руки, костлявые длинные пальцы, чёрный символ на запястье, словно выжженный там, слой какой-то грязи под ногтями... Почти фиолетовый, потемневший, словно от занятий чёрной магией — старушка из посёлка, где Сара когда-то жила, говорила как-то, что такие следы остаются от занятий тёмной магией. Так неужели Паул был чернокнижником? Это было бы как минимум странно, но... Разве это — не единственное объяснение проклятья?

Говорят, сильнейшие маги больше всего на свете не любят такую магию. Разумеется, они-то владеют кое-чем большим, чем просто какие-то заклятья и книги по некромантии. Старуха Бет многое рассказывала девушке, когда ещё была жива. Конечно — Сара была единственным человеком, который помогал ей и не считал её сумасшедшей. И Бет рассказывала странные и любопытные истории, которые нигде больше невозможно было услышать. Что сама когда-то была служанкой во дворце королевы Аделаиды, что в королеву многие были влюблены, но яростнее всех — её брат, любивший её до одури, что время правления королевы Аделаиды было временем красивых любовных историй, писем, стихов, дворцовых интриг, что теперь всё из этого уже позабыто, что Георг Траонт был человеком, в которого была влюблена сама королева Аделаида и который безжалостно воспользовался этим, решив отомстить за своего троюродного дядю, когда-то сидевшего на престоле королевства Орандор, что помимо известной магии — новой и старой — существовала ещё Древняя, та, которой теперь уж никто не владел и которая была похоронена где-то в одной из усыпальниц, в которой по легенде хранились останки самого Танатоса... Истории старухи можно было слушать часами и даже целыми вечерами. И Сара слушала. От кого ещё она могла узнать такое? Кто ещё мог поведать ей о тех временах? Тот, кто видел всё это воочию, кто побывал в центре событий и смог выжить и... Остаться прозябать в маленьком провинциальном городке. И это после той чудесной, полной событиями, жизни.

Сильнейшие маги ненавидели чернокнижников, презирали их. Именно чернокнижников. Не просто тёмных магов, которые колдовали по мелочи где-то в своей пещерке. Старуха Бет говорила, что стоит отличать тёмных и чёрных магов друг от друга. Первые были весьма безобидны. Убивали по мелочи. Накладывали проклятья по мелочи. Ссорились по мелочи. Варили какие-то зелья. Впрочем, старушка говорила так же и то, что тёмная магия — лишь один из оттенков колдовской энергии и колдовского мастерства, а чёрная магия же принадлежала какому-то ордену, пытавшемуся практически воссоздать события, творившиеся в начале времён. И если Паул действительно был чернокнижником, было ясно, что долго он не протянет. Поговаривали, именно кто-то из чернокнижников прикончил Георга Траонта, а значит, если это, всё же, была Джулия, а не кто-то другой, дело Паула ещё более паршивое, чем казалось на первый взгляд.

Задумавшись о тёмной и чёрной магии, девушка почти не обращала внимания на мистера Картера — хозяина дома, где она сейчас находилась. Тот был ещё бледнее, чем казался до этого.

— Джулия Траонт казнила мою сестру! — почти прошипел Эрик в ярости, но почти сразу эта его ярость сошла на нет. — Паул обещал помочь отомстить...

Сара вздрогнула. Вот в чём дело... Если соотнести это с занятиями чёрной магией, то получается довольно правдоподобная версия того, за что прокляли Паула. Пожалуй, теперь уже была идея, как помочь ему. Только вот девушка никак не могла представить, что будет, когда кто-нибудь из этих двоих увидит Джулию Траонт. Герцогиня, по рассказам людей, славилась своей принципиальностью и уверенностью в собственной правоте. Кто-то даже говорил, что эта женщина не сомневалась ни разу в жизни. Вполне возможно, что так и

было. Саре однажды довелось мельком увидеть её — с идеально белой кожей, высокую, с зелёными сверкающими глазами... Пожалуй, одни эти глаза пугали и завораживали одновременно кого угодно. В них было столько властности и гордости, что Сара невольно вздрогнула тогда, встретившись взглядом с герцогиней. Та женщина могла не нравиться, могла пугать и отталкивать, но не завораживать она не могла. Было что-то магнетическое, ведьминское в её прекрасных зелёных глазах. Что-то, что заставляло людей падать перед ней на колени, пытаясь хоть как-то заслужить её одобрение и похвалу, что-то, что заставило лет сорок назад сражаться за неё некоторых её кавалеров — как рассказывала старуха Бет... Эта женщина была окружена ореолом таинственности и горделивого величия. Возможно, из-за этого она казалась такой прекрасной.

Сара не знает, что ответить. Соболезнования — слишком глупая затея. Она и так разбередила рану этого несчастного человека, зачем же делать ему ещё больнее? Девушке не хочется делать кому-то плохо. Она боится причинить кому-нибудь боль. Правда, когда она уходила из дома, таких мыслей не было вовсе. Она просто уходила. Потому что ей всё надоело — начиная глупыми разговорами сестёр и заканчивая постоянными истериками матери. Нужно было просто уйти, чтобы начать жить дальше.

Когда-то давно она любила своих сестёр и родителей. Девушка сама едва помнила тот момент, когда ей захотелось сбежать. Наверное, ещё тогда, когда родились Дженни и Шарлотта. Наверное, уже тогда Саре захотелось сбежать. «Их тихой и спокойно Саре» — как обязательно сказал бы отец, да, наверное, он бы и сказал так, если бы не боялся матери так сильно, как все её боялись в их доме. Пожалуй, стоило уважать Монику за её способность отречься от самой себя ради других. Но Сара отчего-то не могла. Ей было почти неприятно думать о собственной сестре. Младшие отчего-то не были удостоены такого отношения. Саре, напротив, было почти жалко их.

В дверь настойчиво постучали, и Эрик кинулся скорее открывать, а Сара пошла за ним. Ей было до ужаса неудобно оставаться на кухне в одиночестве. Прямо в дверях стоял кучер, привёзший мисс Эливейт сюда, бледный и чем-то взволнованный. Руки его тряслись, и это явно было не от холода. Он лихорадочно блестящими глазами смотрел на хозяина этого дома, и Саре подумалось, что это спешное дело казалось именно его, а не её.

— Простите меня, сестра, — испуганно пробормотал этот уже немолодой человек, — я сказал ему, что вы уже уехали, а он приказал мне отвести его в тот дом, куда вы отправились... Он ждёт вас в карете, сестра...

Эрик удивлённо смотрит на неё, а Сара, до этого задумавшись о том, как именно можно будет уговорить герцогиню Джулию Траонт помиловать Паула, этого чернокнижника, которого ведьма, должно быть, ненавидела, раз наложила такое сильное проклятие, только сейчас понимает, что обращались к ней. Она частично помнит сказанное кучером. Она слышала это, только в мыслях была слишком далеко... Он приказал, он ждёт... Этот человек, от влияния и помощи которого Сара когда-то не смогла отказаться, и теперь он преследовал её повсюду... Этот человек... Когда-то он казался ей недостижимым идеалом, а теперь... Теперь она почти боялась его. Было в нём что-то такое — пугающее. Она отчего-то сравнивала его с Джулией Траонт. Он тоже был красив, но самым удивительным на его лице были его глаза...

Девушка поспешно извиняется и выбегает из дома, почти подлетает к карете, открывает дверь и так же торопливо садится. Перед ней, действительно, сидит он — человек, которому она была обязана практически всем, что было у неё сейчас. Он слишком высок, и она —

худенькая и маленькая — всегда чувствовала себя рядом с ним неудобно, но сейчас, в карете этого почти не ощущается. Его яркие, странно яркие серые глаза смотрят на неё из темноты. В первую их встречу она пряталась за спиной лорда Чаттерли, оказавшего ей, несмотря на все уверения матери, самый радушный приём, приютившего её в своём роскошном особняке, выделившего её чуть ли не самые лучшие комнаты... К тому же, Чаттерли вызвался оплачивать её обучение... Курсы по медицине оказались бесплатными, но лорд заставил её брать уроки музыки у какого-то известного в Саторхейме пианиста. К тому же, она заполнила все пробелы своего образования в приходской школе. Чаттерли оплатил всё. И за свою доброту он попросил её лишь читать ему по вечерам отрывки из сочинений знаменитых философов.

Разве могла Сара ему отказать? Этому добрейшему человеку, который был готов сделать для неё всё, и делавшему для неё всё, что только было возможно. Оплачивавшему её проживание в городе, одевавшему её в дорогие платья, радовавшемуся каждой её удаче, каждому её успеху... Эливейт вспоминала так же и те моменты. Когда в дом к лорду Чаттерли пришёл тот человек, представившийся Саре Райаном, она лишь пряталась за спиной «дяди» и старалась не смотреть на незнакомца.

Мисс Эливейт вспоминает, с каким восхищением она раньше смотрела на этого человека — чуть после того, как они познакомились. Он был умён, обаятелен, в меру тщеславен и в меру желчен. Один из знакомых лорда Чаттерли, милостиво предоставившего девушке приют на время её жизни в Саторхейме. Чудном городе, надо сказать, не смотря на все уверения матери. Чудном, живущем своей жизнью и живущем полной жизнью городе. Мать Сары почему-то никогда не понимала этого города, да и боялась его, а лорд Чаттерли внушал ей какой-то суеверный ужас, а после — раздражение. Сколько Сара себя помнила, её мать всегда была раздражена. Из-за каждой мелочи — валяющейся на полу в комнате игрушки, раскрытой не на той странице книге или просто царапине на коленке одной из дочерей.

Её знакомый, как и всегда, одет «с иголки». Накрахмаленный высокий воротник его белой рубашки сразу бросается ей в глаза. Она почему-то всегда прежде всего обращала на это внимание. Саторхейм, впрочем, был городом щеголей. Она почти привыкла к этому за время своей учёбы там. В Елишшиле всё было по-другому... Вот опять! Она же хотела не вспоминать этот чёртов город! Сара бросает взгляд на манжеты этого человека, высовывающиеся из-под рукавов пиджака... Он всегда был до ужаса аккуратен и избирателен во всём — в одежде, в еде, в людях. Странно, что он, вообще, решил заговорить с ней — обычной и, наверное, почти глуповатой, девочкой из провинциального городка, теперь живущей на попечении своего «дяди». Райан не был похож на тех людей, которые решили бы жениться на девушке ради её состояния. Да и что там — состояния у Сары никогда и не было...

— Моя дорогая Сара... — усмехается он своим мурлыкающим голосом. — Моя дорогая Сара... Тебе случайно не нужна моя помощь?

Будто знает, что его помощь, действительно, нужна. Необходима. Он всегда знает, что творится в мире, всегда знает, когда именно нужно прийти на помощь. Он — идеальный друг. Тогда почему же она его так боится? Он чем-то напоминал ей Джулию Траонт... Он завораживал, привлекал к себе внимание, заставлял подчиняться, казался безумно обаятельным и весёлым, но в его глазах, которые так манили к себе, было ещё и что-то тёмное. Что-то, чего Сара боялась. Девушка, вообще, старалась остерегаться всего, что было

в мире тёмного — видимо, сказывалась привитая матерью религиозность. Но это тёмное словно нарочно искало её. И самое страшное, что — находило.

Впрочем, к этому давно было пора привыкнуть. И Сара почти привыкала. Она с детства была не похожа на сестёр — слишком тихая, слишком послушная... Идеальный ребёнок, как говорили взрослые. Девочка, действительно, была тихой и спокойной, но вряд ли можно было сказать, что она чем-то ещё отличается от других детей. Да её это, впрочем, и не особенно беспокоило. Пусть с ней не хотели играть, зато была старуха Бет, рассказывающая самые невероятные сказки. О королях, интригах, заговорах, королевах, герцогах и герцогинях, влюблённостях и войнах, трагедиях и добрых хорошо заканчивающихся историях, о любви и ненависти, о жизни во дворце, красивых дорогих платьях — совсем как те, в которые наряжал Сару лорд Чаттерли — и нищенок, просивших милостыню прямо под стенами королевской резиденции... Старушка рассказывала всё это так подробно, что порой и не верилось, что это — просто сказки...

— Да, Райан, — кивает она, чувствуя себя снова абсолютно беспомощной и виноватой, — ты угадал — мне нужна твоя помощь.

Губы этого человека изгибаются в ухмылке. Разумеется. Он знал, что она так скажет. Он знал, когда придёт. Он всегда это знал. Девушка сама улыбается. Саре почти хочется верить, что скоро всё закончится, что она сумеет спасти хоть одного человека... А в случае с Паулом и Эриком, она спасла бы сразу двоих. Она боится этого человека, но чувствует, что только он может помочь ей сейчас. Так уже бывало однажды, и девушке до безумия хотелось бы больше никогда такого не испытывать, но... Тут уж ничего не поделаешь. Придётся потерпеть и в этот раз. Ничего страшного не случится, если она снова промолчит и снова пойдёт на поводу у Райана. Ведь не случится же? В конце концов, он просто обычный человек, такой же, как Паул, Эрик, она или несчастный кучер, которого вероятно до безумия напугали. Разве может он сделать с ней что-то плохое? Разве не будет ему это грозить позором и даже виселицей? За убийство карали именно так... А разве он может сделать что-то хуже этого?

— Отведи меня к нему! — требует Райан, серые глаза которого снова начинают будто блеснуть в темноте от предчувствия интересной игры, о которой пока знает только он. — Я посмотрю, что с ним можно сделать.

Сара почти облегчённо вздыхает, когда мужчина выходит из кареты, и сама спешит за ним. Она привыкла жить так — постоянно следуя за кем-то, кто сильнее, умнее, смекалистее, находчивее... Нет ничего страшного в такой жизни. Она просто будет идти всегда «за» людьми, а не «перед» ними. Именно так считали её родители. А ей было больно и стыдно следовать за кем-то, будто что-то молотком било по её самолюбию, словно по тонким пальцам. Её с самого раннего детства приучали ко смирению, а она не могла смириться с несправедливостью.

Матери это, конечно, не нравилось. Пусть Моника, Рейчел, Софи, Дженни или Шарлотта порой и не слушались, они всегда обладали большим смирением, чем тихая и спокойная Сара. Они не были так упрямы и так горды. Вторая из сестёр Эливейт знала, что мама её больше всего на свете ненавидела в людях гордость. А Сара, к сожалению для всей семьи, была гордой.

Девушке вспоминается её собственная семья, которую она оставила год назад. Сара совсем не была идеальной дочерью. Идеальной дочерью была Моника. Она поступала так, как велел ей её дочерний долг, она устроилась работать в Реондейме, она даже не спорила,

когда ей сказали туда ехать... Молодая медсестра чувствовала, что сама никогда не смогла бы так. И она ни в коем случае не чувствовала себя виноватой в этом.

— Поезжайте к себе! — грубо бросает Райан кучеру, небрежно бросая ему в руку горстку монет. — Я больше не нуждаюсь в ваших услугах!

Эрик удивлённо смотрит на Сару и жестом спрашивает у неё что-то об этом госте. Девушка виновато разводит руками и старается больше не смотреть парню в глаза. Ей стыдно, что это опять с ней происходит. Стыдно, что она снова ничего не может поделать. Было бы неплохо что-нибудь придумать сейчас, но мысли словно выветрились из её головы — Сара почти ничего не соображает. Ей просто жаль. Просто жаль Паула и Эрика. А так же — себя. Она не переживёт смерти больного. Только не в этот раз. Только не в этот день. У неё, и так, выдалась скверная неделька.

Случись это неделей раньше — она бы, может быть, просто вздохнула, вынесла приговор и ушла, стараясь не обращать внимания на мольбы о спасении. А потом заперлась бы в своей комнате и тихо плакала бы у себя на кровати... Но сейчас что-то шло по-другому, иначе. Она почему-то даже и не думала уезжать.

— Чернокнижник, как я понимаю, лежит где-то наверху? — то ли спрашивает, то ли утверждает Райан. — Что же, тогда я пойду наверх.

Непривычные для данного посёлка чёрные лакированные ботинки, начищенные до блеска, на ногах этого человека кажутся вполне естественными и нормальными. Сара за время своего с ним знакомством почти привыкла к тому, что этот человек никогда не одевается так, как подсказывает разум. Он всегда считал себя выше этого. Сара всегда находила это странным.

Райан поднимается на второй этаж, в комнату к Паулу, а Сара Эливейт остаётся стоять на месте рядом с Эриком Картером, которому она боится смотреть в глаза. Ей было стыдно. Слишком стыдно за всю эту сложившуюся ситуацию. Кто же знал — что этот человек приедет за ней именно сейчас, хотя они не виделись довольно давно? Кто же знал... По правде говоря, она постоянно ждала его, не до конца понимая — боится она его или хочет видеть... Но только сейчас он явился. Прямо в тот день, когда ей понадобилась его помощь. А в том, что, Райан сможет помочь Паулу, сомнений не возникало. Он почему-то, мог помочь в чём угодно. Словно бы и не являлся человеком.

— Как он узнал? — тихо шепчет Саре на ухо Эрик. — Как он понял, что Паул занимается чёрной магией?

Эливейт удивлённо смотрит на него, словно обдумывая слова молодого человека. Она словно не понимала. Впрочем, наверное, девушка, действительно, не понимала. Она была связана с Райаном достаточно долго, чтобы знать, что всё, что он говорит и делает, является довольно странным.

Она привыкла.

Привыкла к почти брезгливому взгляду этих ярких серых глаз, привыкла чувствовать себя глупой и вечно виноватой, привыкла осознавать, что она почти ничего не может сделать так, как ей хотелось бы, привыкла к тому, что она — всего лишь обычный человек, не владеющий магией или чем-то подобным. Она уже давно привыкла к тому, что она — просто обычный человек, на которого никто и никогда не обращает внимания.

— Он поможет ему, — неуверенно бормочет девушка. — Обязательно поможет. Он всегда помогает...

Наверху слышен какой-то шум, и Сара предпочитает поскорее подняться по лестнице

туда, в комнату к проклятому чернокнижнику, в надежде на то, что Райан не совершил какой-нибудь глупости. Она почти бежит по лестнице, надеясь на это. Почти влетает в комнату. Паул лежит на кровати и с усмешкой смотрит на Райана. Точно так же он смотрел до этого на Сару. Как же он похож на тех, кого она видела тогда в военном госпитале! А потом этот человек заходится в кашле, как в момент их первой встречи, и ей снова приходится помогать ему сесть, потому как и Райан, и Эрик не сдвинулись со своих мест.

Сара чувствует, как в её душе поднимается то чувство праведного гнева, которое с такими усилиями пыталась заглушить в детях миссис Эливейт. Сара чувствует, что ей очень неприятно от того отношения к больному человеку, с которым она теперь сталкивалась. Сара чувствует, что ей хочется поскорее уйти из этого дома, хлопнув дверью, но она не может себе этого позволить.

— Ну и зачем ты привёл ещё одного «целителя»?! — смеётся Паул каким-то безумным смехом, который, впрочем, вполне сочетается с его нынешним состоянием здоровья. — Ладно — девчонка! Зачем — он?!

Чернокнижник переводит взгляд на испуганную Сару и улыбается ей своей безумной улыбкой. Девушка едва удерживается от того, чтобы не отшатнуться — тогда Паул ударится головой о борт кровати, а ей этого совсем не хочется. Ему и так достаточно плохо, не стоит ещё усугублять его страдания.

Чернокнижник смотрит почти зло на незнакомца, стоящего у его постели, почти с разочарованием — на Эрика, с каким-то странным пониманием — на Сару. Девушка не знает, чем это заслужила. Ей иногда кажется, что она, вообще, ничего толком не знает, а всё то, что происходит с ней — просто случайность.

— Как ты смотришь на то, чтобы заключить одну небольшую сделку? — усмехнулся Райан, не обращая внимания на состояние Паула. — Я заберу у тебя проклятье, а ты поможешь мне найти одного человека?

Маг с презрением смотрит на незнакомца и с трудом приподнимается в постели, Сара пытается помочь ему не упасть снова, придерживает его за плечи. Паул смотрит прямо в глаза Райану, словно пытаясь в них что-то прочесть. Мужчина пытается отстраниться от Эливейт, но вдруг снова заходится этим ужасным кровавым кашлем.

И опять никто не подходит к нему. И Эрик, и Райан стоят неподвижно. Саре вновь думается о том, что уж кто-то из них мог бы подойти и как-то помочь чернокнижнику. Пусть он чёрный маг — ведь Эрик продолжал считать его другом! Скорее всего, вопрос чёрной или белой магии был не так уж и важен для него!

Девушка снова ловит себя на том, что теребит зелёную ткань своей юбки, пытаясь собраться с силами и рассказать Эрику о природе болезни его брата или друга. Скорее всего, он, если и не знает об этом, то догадывается. Сара чувствует себя ужасно неловко. Будто именно она виновата в том, что не может сейчас помочь...

Эрик протягивает к ней руки, смотрит с таким отчаяньем, что в ней снова просыпается желание помочь, помочь хоть как-нибудь. И именно в этот момент девушка понимает, что Картер просто боится. Боится ещё больше навредить своему другу. Потому как он, вполне возможно, однажды уже делал что-то не так...

Сёстры тоже часто смотрели на неё так — ожидая помощи и поддержки, как будто именно она была виновата во всём, что происходило, и как будто только к ней нужно было обращаться за помощью. Девушка не знала, почему именно, но такое отношение ей даже нравилось иногда. Она была нужна всем. Хотя бы в некоторые дни своей жизни. На неё

всегда смотрели так — словно она обязана была помочь. Эливейт и самой иногда казалось, что всё обстоит именно так — она обязана помогать всем, кто бы не обратился к ней за помощью...

И Эрик точно так же надеется на то, что сейчас всё уладится, что сейчас всё станет хорошо... Что Паул встанет с кровати и будет чувствовать себя куда лучше... Но это не в её силах. Зато, очевидно, в силах Райана.

— Скажи сначала — кого я должен искать! — почти выплёвывает Паул, когда приступ заканчивается. — А я потом решу — помогать тебе или нет! Да и к тому же, для поисков мне может потребоваться кровь человека королевской крови. И, думаю, в таком случае, ты знаешь, что этой крови не может быть больше года, а взята она должна быть у только что убитого человека... Мне рассказывать о том ритуале, который ты должен будешь для этого провести?

Это звучит, как отказ. Впрочем, Сара уверена, что это и есть отказ. Кто в здравом уме может достать кровь монарха или члена семьи этого монарха? Девушка уверена, что никто. Паул не хочет исцеляться такой ценой. Или, вообще, против сделок... Сара сама не заключала с Райаном никаких сделок. Лорд Чаттерли категорически запретил ей это делать, сказав, что этот молодой мужчина — возможно, самый опасный человек во всём королевстве...

— Я знаю об этом ритуале достаточно и думаю, кровь племянницы одного короля тебе вполне подойдёт... — усмехается Райан, протягивая руку ко лбу чернокнижника. — Будем считать, что наша сделка произошла.

Комментарий к II. Глава двадцать седьмая. Милосердие отречённого.

* Мельница — Огонь

===== II. I. Глава первая. Начало игры. =====

I.

— Эй! Я тебя прошу — успокойся! — кричала на всю улицу Аделинд. — Ты, что, не понимаешь, что он тебя просто провоцирует?!

Кто-то издевательски хмыкнул и словно растворился в воздухе. Впрочем, возможно, и правда, растворился. Кажется, Юсуфия Нолд могла так делать. Она всегда была хороша в магии перемещений. Всегда умела вот так — исчезнуть за несколько секунд, появиться в другом месте — чаще всего комнате учителей или каком-нибудь кабинете, чтобы кому-нибудь из преподавателей пожаловаться на поведение Криса и его «шайки», как она любила всем говорить.

Кристиан бросил короткий злой взгляд на девушку, но руку с воротника Эйбиса не убрал. Только сжал ещё сильнее. Тот со смехом наблюдал за происходящим, словно не чувствуя боли в саднящей губе. Он словно не понимал, чем на этот раз его глупые подколки могут обернуться! Хотя нет... Он прекрасно это понимал... Эйбис даже не пытается стереть кровь со своего лица. И Аделинд думается, что в этот раз всё может закончиться весьма и весьма плачевно. Для Криса.

Девушка считает, что тот совершенно зря реагировал на все колкие слова Эйбиса Вейча. Тот никогда не умел вовремя заткнуться. Или просто не хотел. Его грубые и обидные слова не раз доводили её до слёз. Да, впрочем, почти кого угодно. Она вздрагивает от ужаса, когда Кристиан замахивается, когда слышится глухой звук удара, когда Эйбис падает на землю... Аделинд охает и почти с гневом бросается к Крису.

Вейча сидит на земле — кажется он приземлился на клумбу — и наигранно удивлённо

моргает, словно не веря, что его в этот раз ударили. Адель с ужасом смотрит на то, как из разбитой губы сочится тоненькая струйка крови.

— Зачем ты это сделал?! — кричит она. — Из-за какого-то словечка этого придурка тебя теперь выгонят!

Кристиан моргает от неожиданности, но самоуверенности своей, кажется, не теряет. Девушка чувствует, как сильно начинает на него сердиться за эту самоуверенность, самонадеянность и глупость. Ей становится почти жаль, что она с этим парнем принадлежат к одной команде. Команда, к которой принадлежал Эйбис, при всех своих делишках, умудрялась не получать ни одного наказания за целый год. А команда Аделинд... Только из-за Криса в этом месяце они получили их штук пять! А ещё количество наказаний и выговоров, которым был подвергнут Кристиан, означало, что в случае хотя бы ещё одного самого мелкого проступка парень просто вылетит из Академии.

Вылетит! Обязательно же вылетит! Он по праву считался головной болью всех учителей. Вряд ли был хоть кто-то, кто решит заступиться за него на педсовете. А Вейча... Вейча стирал с губ кровь и смеялся. Радостно смеялся. Кажется, ему именно этого и надо было! Он именно этого и хотел добиться! Вот змеёныш!

— Что ты пытаешься его уговаривать, Адель?! — усмехается парень, прижимая ладонь к пострадавшей щеке. — Ты же знаешь — у него мозгов, как у барана! Не достучишься!

Аделинд почти не возражает уже против сокращения её имени, почти не думает об этом. Порой ей кажется, что Эйбис уже давно безумен. А чем ещё объяснить эти горящие ненавистью и одновременно радостью глаза? Чем объяснить эту постоянную улыбку, не стираемую с лица даже тогда, когда кто-то начинал злиться на него, орал на него, причинял ему боль? Кажется, никто ещё за всё время обучения не видел, чтобы Вейча плакал или хотя бы просто не улыбался своей этой гаденькой улыбочкой.

— Боги! Вейча! — слышит Аделинд взволнованный голос Эниф. — Этот Крис опять на тебя набросился? Бедненький...

Интересно, к кому относилось последнее слово — к Эйбису или к Крису? Зная ту группу — слово могло относиться к кому угодно. Они, вообще, не особенно переживали друг за друга, хотя, что странно, в командных соревнованиях почти всегда выигрывали. Эниф склоняется над Эйбисом, на её лице видится наигранная обеспокоенность происходящим, но Аделинд видит, как пляшут в её голубых глазах смешинки.

Почти через несколько минут вокруг собирается, наверное, с десятков человек. Это если не считать Аделинд, Криса, Эйбиса и Эниф. Разумеется, пришёл Феликс. Конечно! Куда же без него! А с ним Мира... Эта наивная дуручка, считающая, что представителя команды пиков что-то может изменить! Конечно же пришла Леонризес, был и Мицар — вечный верный паж графини. Кто-то из трэфов — Мери Земирлонг и ещё человека три. Тоже приверженцы идей пиков. Из бубнов была Роза Эсканор, сестра Феликса, придерживающаяся политики «невмешательства», а так же Лиам, ну из из сердец была, помимо Криса, Аделинд и Миры, только Анита.

Феликс медленно подходит к Эйбису, протягивает ему руку, помогает подняться. Тот, продолжая ухмыляться, встаёт, что-то шепчет Эсканору на ухо и пошатываясь отходит к Леонризес, которая надменно наблюдает за этой картиной, не собираясь как-то вмешиваться в опасении запачкать свои длинные ухоженные ногти или рукав своего шёлкового зелёного платья.

— Да что тут, вообще, происходит?! — кричит своим визгливым и противным голосом

мадам Кайтруан, появившаяся здесь так внезапно. — А ну живо разошлись!

За ней, как и стоит ожидать, стоит ухмыляющаяся Юсуфия в её ситцевом синем платье. Феликс смотрит на эту девушку с почти благодарностью, если ему, конечно, известно такое чувство. А улыбка на её губах становится ещё ярче. Леонризес же, пересилив свою брезгливость, осторожно хватает Эйбиса за руку и подталкивает к мадам Кайтруан, по лицу которой видно, что скоро для всего факультета стихийной магии может разразиться нешуточная буря.

И Аделинд очень надеется, что для Криса и в этот раз всё обойдётся. Неприятно признавать, но... Ей даже нравится этот придурок. В конце концов, он придавал их группе какую-то необычность, яркость... С ним было даже весело. Когда он не выпендривался и не совершал слишком очевидных глупостей. Как в этот раз.

Никто из пиков пока ничего не говорит. Все молчат. Даже Вейча. Чёртов «пострадавший». Никто из пиков ничего не говорит. Ни Леонризес, вытолкнувшая Эйбиса к мадам, ни Мицар, который всегда старается исполнить мыслимую и немыслимую волю графини, ни Феликс, мрачно, с настоящей ненавистью смотрящий на Кристиана, ни Юсуфия, которая мадам и привела... Даже Эниф изменяет своему обычному принципу ябеды.

Они все молчат.

Аделинд уже начинает надеяться на то, что всё обойдётся в этот раз. Больше и не нужно. Только в этот раз. Только в этот раз пусть просто окажется, что это была ложная тревога. Что Юсуфия просто сплоскала, наябедничала зря. Что ничего не произошло. По крайней мере, Крис в этом не участвовал...

— Я спрашиваю — что здесь происходит?! — рявкает профессор Кайтруан со злостью. — Мне кто-нибудь это объяснит?!

Все продолжают молчать. Мира исподтишка бросает на Феликса взволнованные взгляды, а тот нервно закусывает губу и отворачивается, всем своим видом показывая, что он говорить ничего не собирается, но уверен, что и без этого Кристиана довольно скоро вышвырнут из Академии. Как и обещали все учителя. Наверное, с самого первого курса, с самого первого занятия, когда этот безумец решил сыграть с учителем в шарады. Аделинд очень надеется на то, что этого так и не случится. Что угрозы так и останутся угрозами... Что Крис продолжит здесь учиться...

Юсуфия зло смотрит на Леонризес, Мицара и Эйбиса, которые тоже, кажется, не собираются ничего говорить. На Феликса отчего-то не смотрит. Впрочем, почему «отчего-то»? Команда пиков всегда понимала друг друга даже не с полуслова, с полунамёка... Это сильно помогало им во время всяких соревнований... Аделинд боится даже дышать — так она боится, что кто-нибудь что-нибудь ляпнет сейчас... Ей кажется, что один неверный звук, один неверный шорох — и всё будет потеряно.

Наконец, девушка понимает, что вряд ли кто-то будет что-то говорить. Эсканор слишком горд, чтобы нарушить своё слово, очевидно, данное Мире. Он ни за что на свете не будет подставлять кого-либо ценой своей репутации. Не такой он человек... Это Эйбис Вейча или Мери Земирлонг могут так — делать пакости, не взирая на последствия. Это они будут предавать и выдавать кого угодно всяческими возможными и невозможными способами. Только ради гадости ближнему. Феликс, всё-таки, был не таким. Слишком горд. К счастью. Как оказалось. Вот Леонризес тоже никогда не сделает ничего плохого, если это сможет ей каким-либо образом навредить. Вейча, впрочем, тоже молчит. Небось боится, что

его опять потащат в лазарет. И правильно сделают! Аделинд ему это обеспечит, если кто-нибудь из пиков, всё-таки, посмеет сказать о том, что произошло между Крисом и Эйбисом!

— Кристофер Виланд избил нашего ученика! — выкрикивает Эниф из-за спины Феликса. — Накажите его, мадам!

И тут же прячется обратно. И тут же Аделинд видит, как мрачное лицо Эсканора просияло. Тот с победной улыбкой смотрит на Крису и усмехается. Что же... Адель почти зло смотрит на Эниф. Конечно, кто же ещё! Эта рыжая бестия! Она обязательно должна была сказать что-то такое... Это же было в её профессиональных обязанностях... Почти так же, как в профессиональных обязанностях Юсуфии.

Мира смотрит осуждающе на Феликса, а тот пожимает плечами — дескать, он тут не причём, он о драке Кристиана и Эйбиса не рассказывал... Конечно... Он всегда был таков — нарушал правила и обязательства чужими руками. Чаще всего Эйбиса или Эниф. Тех, кто не был против. Эсканор обязательно засмеялся бы, не находишься рядом мадам Кайтруан. Она никогда не любила детский смех. Впрочем, почему-то в Академии работала. Преподавала артефактологию и черчение — самые нелюбимые школьные предметы Аделинд, на которых нельзя было даже пикнуть лишней раз, потому как мадам Кайтруан (все учительницы позволяли себя называть «мисс» или «миссис», но Кайтруан, как чистокровнейшая кайеримка просто ненавидела такое обращение и сильно ругалась, если кто-то смел забыть об этом) запрещала на своих занятиях делать почти всё, что только не относилось к её предмету. Нельзя было даже держать на парте тетрадку по другому предмету — мадам обязательно это замечала и отбирала её, возвращая назад только по просьбе другого преподавателя...

— Мистер Виланд! — снова голос профессора переходит на визг. — Я думаю, стоит отвести вас к декану и директору!

Аделинд сжимается от ужаса, переполняющего её. Только не это... Она с осуждением смотрит на Эниф, которая прячется за спину Эсканора и периодически из-за неё выглядывает, чтобы удовлетворить своё любопытство. Впрочем, рыжая восьмёрка пик всегда была несколько трусоватой при всей своей наглости... Этой девчонке мадам Кайтруан точно поверит! Эниф была как-никак её крестницей. Девочка выглядывает ещё раз из-за спины Эсканора, чтобы показать кому-то язык. Аделинд почти готова придушить её на месте! Ну почему она не могла просто промолчать в этот раз? Неужели, ей так нравилось видеть, как кому-то доставалось?

Боги... Всё, что произошло сегодня... Всё началось с Вейча... Всё всегда начинается с Вейча. С его подколок, подначиваний и глупых ужимок... Из-за этого придурка, который никогда не затыкался, поливая всех подряд грязью! И как только группа пиков его ещё не убила за такое поведение?! Насколько Аделинд видела и знала, Леонризес была порой весьма вспыльчива при внешнем своём хладнокровии.

Мадам Кайтруан хлопает в ладоши и переносит куда-то Крису. Видимо, как раз в кабинет директора. Вряд ли парня оставят в Академии после такого количества нарушений. Пожалуй, соблюдение правил — одно из главных условий пребывания в этом учебном заведении. Вторым условием была своевременная оплата образования.

Адель видит равнодушное лицо Земирлонг, такое же равнодушное лицо Розы Эсканор, которая, очевидно, и прибежала то сюда только из-за своего брата, строгое лицо Миры, которая с осуждением смотрит на Феликса. Тот лишь пожимает плечами и оборачивается к Эниф, которая сразу же переводит взгляд на него. Только Анита смотрит взволнованно,

словно пытается что-то сказать Аделинд...

И Мира Андреас уходит, даже не посмотрев на Адель или Аниту. И только сейчас Ада замечает, что Мира одета в непривычное для неё чёрное бархатное платье, только сейчас девушка видит её чёрные туфельки... Андреас никогда не надевала чёрного. Не уподоблялась Земирлонг или Монтаганем в манере одеваться. Мира всегда носила светлую, разве что не белую, одежду. Это было так привычно и... правильно, пожалуй, что никто из команды сердец не мог и представить её в какой-то иной одежде. Неужели, у неё что-то случилось? Сердце Адель сжимается от ужаса и жалости к Андреас, ей думается, что нужно хоть что-то обязательно сделать для Миры, чтобы она не чувствовала себя так плохо...

Аделинд переводит взгляд на Эсканора и Монтаганем, которые так и продолжают стоять рядом. Девушка не отходит от князя ни на шаг. Бойтся, что кто-нибудь из сердец попробует вдруг отомстить ей за такое позорное изгнание их короля. А Феликс и не отходит. Стоит, почти обнимая рыжую Эниф, думает о чём-то... Туз должен защищать любые карты той же масти любой ценой — вспоминается вдруг девушке одно из правил их факультета. Пики с исполнением этого правила справлялись, пожалуй, лучше всего. Особенно в пункте «любой ценой», куда по их мнению входили и всякие подлые методы, вроде провокаций и предательств. Что же... Адель была рада, что она не попала туда. Хотя её мама, видя достижения той группы в учёбе, в коллективных соревнованиях и прочем, всегда сокрушалась на тот счёт, что её дочь попала в группу сердец.

— Спасибо, — тихо шепчет Феликс Эниф. — Ты знаешь, я обещал ей не вмешиваться в эти разборки с Вейча.

Должно быть, почти все уже ушли. Да, оглянувшись вокруг, Аделинд убедилась, что так и есть. А её, фальранский князь, разумеется, даже не видит! Куда уж ей, простой смертной, привлечь на себя внимание столь важной особы! Разве что группа пиков удостоивается такой участи! Адель почти зло смотрит на Эсканора, который после всего, что произошло сейчас — Кристиана скорее всего исключат за этот поступок — оставался весьма спокоен, да ещё и смел благодарить эту рыжую гадину Монатаганем за её подлый поступок. Как же Адель в этот момент ненавидела их обоих — этого сноба Эсканора и подлую рыжую тварь Монтаганем.

Перед глазами Ады вдруг проплывает первый учебный день в Академии, когда она впервые увидела, что Эсканора, что Виланда, что Андреас, что эту рыжую бестию... Кажется, именно тогда и произошла первая крупная ссора между Кристианом и Феликсом. В результате которой эти двое первые лет пять они дрались по любому поводу и даже без. После одного из выговоров Феликс поумнел, стал больше времени уделять учёбе, а так же, приобрёл верных друзей в Леонризес, Вейча и Монтаганем.

Боги! Ну почему Кристиан то не поумнел?! Неужели, это была настолько непосильная для него задача — просто не обращать внимания на проклятого Вейча, который только и умел, что чесать языком?! Неужели, это было так трудно — просто не поддаваться на глупые и очевидные провокации?

— Да не за что! — пожимает плечами та. — Обращайся в любое время дня и ночи, если тебе понадобится кого-нибудь подставить!

Как будто ничего не случилось. Как будто не от неё сейчас зависела судьба человека! Адель знала, что в случае исключения Виланда из Академии, отец обязательно отправит того в военное училище. Тот, кто хотя бы раз видел это училище хотя бы издали, обязательно бы пожалел Кристиана (о том, что сделает отец с ним в случае исключения, так получилось,

знали все — после одного из последних выговоров сына мистер Виланд орал об этом, пожалуй, на всю Академию) и сделал бы всё возможное, чтобы ни один человек туда больше не попал.

Аделинд бы точно не поступила так — не сказала бы правду мадам Кайтруан, прекрасно зная, что за этим скорее всего последует. Она ни за что бы не подставила однокурсника! А Эниф... Эниф никогда не была особенно честной или правильной. Если есть возможность сделать кому-то гадость, она никогда её не упускала, если есть возможность как-то избежать наказания, даже свалив вину на другого, чаще всего, на кого-то вроде Криса или Тигардена, она её не упускала! Адель почти ненавидела эту девушку. Она не понимала, как можно быть настолько беспринципной и подлой, чтобы подставить другого человека только ради того, чтобы самой избежать наказания.

— Всё равно — спасибо! — говорит Феликс и отчего-то улыбается. — Знаешь, я твой должник! Контрольную по энергетике, да?

Лицо Эниф преображается в радости, когда девушка это слышит. Она торопливо кивает и обвивает Эсканора своими тоненькими ручками, отчего тот начинает тихонько смеяться. Они так противно смотрятся вместе, думается Аделинд, туз и восьмёрка пик, неразлучные друзья лет с девяти-десяти...

— И ещё по черчению, пожалуйста! — улыбается Монтаганем. — И по кельтскому тоже, можно?

Феликс кивает, что-то говорит ей о том, что теперь он будет делать за неё не только контрольные, но и все домашние задания, только за то, что она помогла подтолкнуть Виланда к исключению. Аделинд так хочется встать рядом, наорать на обоих, сказать, что из-за них теперь исключат хорошего человека, но... Эсканор только привычно усмехнётся и скажет, что Адель — не Мира, что она не смеет даже пытаться как-то управлять его действиями, что если Ада сейчас же не отстанет от Эниф, то он позаботится о том, чтобы девушка вылетела из Академии следом за «её любимым Крисом». Правда, последнюю фразу скажет не он, а Эниф. Именно она любила смеяться над этим... Эсканор ни за что так не сказал бы. Всё опять упиралось в его чёртову гордыню.

Что же за день сегодня такой?! Ну почему всё получилось именно так?! Утро, надо сказать, не задалось с самого начала. Во-первых, сегодня была полугодовая аттестация, от которой зависело, кто именно из учеников факультета получит грант. Это было, пожалуй, самое худшее событие. Во всяком случае, так казалось до драки Кристиана и Эйбиса. Впрочем, это и дракой назвать было нельзя — в пользу Вейча говорило то, что он никогда сам не размахивал кулаками и даже никогда не пытался защититься, если на него кто-то набрасывался. В результате чего всегда винули именно того человека, кто поддался на его провокации...

Адель уходит, подходит к своей комнате и вдруг думает о том, что, если она заступится за Кристиана в этот раз, того могут и не исключить...

II.

Утро для большей части Академии магии начиналось часов в шесть или семь утра — это зависело от факультета. Ученики нехотя просыпались, заправляли свои постели, с тщательностью одевались в ненавистную им форму, причёсывались, послушно брели в обеденный зал, а потом — в классные комнаты. Ещё не до конца проснувшиеся, уставшие от бесконечных занятий, они не слишком тянулись к знаниям. Но разве можно было их в этом упрекнуть? Скучные лекции, нудные преподаватели, бесконечные домашние задания... Им

не слишком хотелось учиться, все их мысли были о предстоящих каникулах, свиданиях с родственниками и об окончании Академии. Впрочем, кому из детей хочется учиться в то время, когда хочется тратить энергию и силы на шумные игры, драки, догонялки, шалости? Кому хочется корпеть над скучными учебниками, в которых очередной параграф уделён стратегии Инарда в Долгой войне? Кому хочется зубрить формулы скучнейшей магической теории, понятной, наверное, разве что её создателю — Ариадну Голду? И это в то время, когда так хочется как можно больше времени проводить на улице, среди друзей, порывов свежего и достаточно сильного ветра! Это в то время, когда жизнь бурлит, когда всё на свете интересно, когда всё хочется попробовать! Это именно в то время, когда появляются всё новые и новые друзья, когда хочется всё свободное — и не очень — время проводить с ними...

— Эй! Я тебя прошу — успокойся! — звенел на всю улицу голос Аделинд. — Ты, что, не понимаешь, что он тебя просто провоцирует?!

Нелли — отчего-то нервно — теребит рукав своей тоненькой ночной рубашки. Она сидит в своей комнате, на подоконнике, с привычной книжкой в руке и думает о том, что, всё-таки, хорошо, что она, Нелли, училась в несколько иных условиях. В её части Академии почти не было всего того ада, который был у остальных. Все радовались, когда попадали сюда. Здесь не было почти ничего, что так ненавидели все остальные ученики. Можно было нежиться в постели почти до полудня, читать, учить всё самостоятельно, не слушая столь заумные и от того не менее глупые лекции преподавателей, можно было лишние несколько часов посидеть в тишине, в одиночестве, наедине с книгами — пускай это и были всего лишь учебники... Нелли любит учиться, любит засиживаться на подоконнике с учебной и другой литературой. Впрочем, в Академии магии, куда её отправили, как и почти всех одарённых и, главное, достаточно богатых детей, в возрасте пяти лет, у учеников практически нет свободного времени. Уроки — по основным предметам и для детей младшего возраста. Лекции — по факультативам для старших школьников. Кружки, из которых по уставу заведения было необходимо выбрать для себя хотя бы один. Обязательные посещения всех мероприятий, которые готовились другими учениками и администрацией. Всё это отнимало слишком много времени.

Нелли закрывает окно, чтобы не слышать и не видеть очередную драку. Очевидно, в роли провокатора был Эйбис. Он всегда кого-нибудь да провоцировал своими колкими и злыми словечками на ещё одну пощёчину или оплеуху. И потом Феликс Эсканор или Леонризес — как, кстати, её на самом деле звали, Нелли не знала и не особенно хотела знать — обязательно вступятся за него и нажалуются ректору или декану. Кажется, Валентайна в позапрошлом году выгнали из Академии по подобной глупости — врезал зарвавшегося Эйбису...

Впрочем, наверное, Академия магии была далеко не самым худшим учебным заведением. А может даже — лучшим. Тут было всё, что только нужно было ученикам не только для изучения тех предметов, которые преподавались здесь, но и всё для хорошего отдыха и развлечений... Отец всегда говорил Нелли, что ей очень сильно повезло, что у её семьи хватило денег отправить её сюда. Потому как ни одной больше в мире школы, где обучали бы магии, не было. А колдунов, которые не прошли подготовку, обычно отправляли в монастыри, где можно было только контролировать выбросы магической энергии. Это, пожалуй, был один из самых худших вариантов — жизнь в одном из тех небольших домов, сделанных из жёлтого камня, не имея возможности разговаривать с кем-то, помимо сестёр и

настоятельница, добрая половина которых давала обет молчания, практически не имея возможности выходить за пределы своей комнаты, а в небольшом садике около жёлтого дома гуляя только под присмотром практически конвоя... Это была, наверное, самая худшая участь из всех, которые только могли ожидать мага. Невозможность как-либо влиять на свою судьбу... Невозможность нормального существования...

Пожалуй, именно поэтому каждый родитель пытался обеспечить своему ребёнку, если тот, разумеется, владел магией, учёбу в Академии. Хотя бы четыре года этой учёбы — по закону именно этого срока было «достаточно, чтобы человек на минимальном необходимом уровне овладел магией». Нелли, по признанию её отца, была «самой умной из его детей», той, из кого «выйдет толк», если она продолжит учёбу в Академии. С одной стороны это, конечно, не могло не льстить, но с другой... Ответственности было больше. Впрочем, ей же не привыкать? Ей приходилось с самого детства сидеть дома, нянчить сестёр — брат был младше её только на два года — и помогать матери по хозяйству. Она была из уважаемой дворянской семьи, обедневшей, правда, во время войны, что началась и закончилась ещё до рождения Миры,

Это учебное учреждение находилось неподалёку от королевства Орандор, хотя ему и не принадлежало. Остров, на котором находится Академия магов, весьма большой, там достаточно места для жизни и учёбы более десяти тысяч учеников, а так же жизни около четырёхсот учителей, просто огромного количества разной прислуги — как школьной, так и той, что сопровождали особенно богатых учеников из дома — и около трёх десятков различных магических животных. Здесь было всё, чтобы ученики не чувствовали себя обделёнными различными удобствами — одна огромная — общая — библиотека, по библиотеке несколько меньше — отделений, по средней по размерам библиотеке — факультетов, а так же, по небольшой комнате для хранения книг около каждой спальни учеников, бассейн, парк, небольшой театр, огромное множество самых разных кружков и факультативов... А теперь — около десяти лет назад — остров, на котором находилась Академия, соединили с материком огромным мостом. Правда, ученикам, не достигшим семнадцати лет, территорию Академии покидать запрещали... Но это было не так уж и страшно. В конце концов, тут было даже неплохо — можно было не только получить лучшее во всём мире образование, таких школ больше нигде не было, обстановка, в общем, была вполне благоприятной, кроме парочки мелочей, на которые, возможно, и не следовало обращать внимания, можно было заниматься почти всем, чем угодно — читать, рисовать, музицировать, писать пьесы и рассказы, ставить спектакли, смотреть их, общаться с преподавателями, другими учениками, гулять в парке или саду...

Виконт Андреас был уверен, что ничего больше не нужно. Впрочем, может быть, так и было, а всё те поводы, чтобы не любить Академию и учёбу в ней — были всего лишь обычными капризами избалованного ребёнка. Даже скорее всего, что всё так и было. Но... Эти капризы капризами совсем не казались. Наоборот. Думалось, что именно от них зависит вся дальнейшая жизнь, счастье, радости... Но нужно было пересилить себя и перестать заниматься глупостями, как обычно говорили взрослые. Решиться на что-то большее, чем обычные глупые детские капризы. Хотя, может и они не были просто капризами. Когда-то давно бабушка говорила девушке о том, что ничего из того, что только приходит в голову к человеку, не является глупым или напрасным, говорила, что стоит во всём и всегда доверять себе, своим предчувствиям, тайным желаниям,

Нелли, пожалуй, любила учиться. Любила корпеть над учебниками, целыми днями

учить, узнавать что-то новое, а потом на уроке отвечать, быть лучше каждого ученика, получать похвалы и поздравления от преподавателей, короткие благодарные — учёба здесь стоила больших денег, но особенно способным ученикам давали грант — письма от отца... У неё были брат и две сестры. Их образование тоже нужно было оплачивать. У отца Нелли денег хватало на оплату образования в Академии только одного ребёнка, поэтому девушка особенно старалась — от этого зависело, будет ли учиться её брат и, может быть, если повезёт, хотя бы одна из её сестёр.

Нелли, правда, старалась. Засиживалась в книжной комнате — так называли маленькие библиотеки, что прилагались к каждой спальне — допоздна, штудировала учебники, выпрашивала конспекты у старших учеников, которые, надо сказать, требовали за это многого с её стороны. Она пыталась учиться так хорошо, как только могла. Только грант давали лучшему ученику с факультета. А лучшим был друг её кузины. Он помогал ей, им обоим, постоянно подсовывал под каким-либо предлогом карманные деньги, которые ему высылали дед и отец, покупал ей различные лакомства, но... Разве он не понимал, насколько важен ей был этот грант? Её кузина Мира прекрасно поняла бы это! Впрочем, поняла ли бы? Она была единственным ребёнком в семье, обожаемым, каждую прихоть которого старались исполнить как можно быстрее. А её друг... Его семья была так богата... Они могли бы купить всю эту Академию, если бы захотели. Нелли, пожалуй, нравилось учиться, читать, зубрить, она была готова делать это ещё чаще и ещё усерднее, но другу Миры этого было и не нужно. Учителя в голос твердили, что он талантливее её, умнее, что схватывает всё на лету, а не после нескольких часов усиленных занятий.

Нелли сильно сердилась на него и себя за это. Ей было не получить тех денег, она никак не могла быть лучше его в учёбе. Может, по паре предметов... Но этого было недостаточно для получения гранта. А ей он так был нужен... Девушка была готова почти совсем не выходить из своей комнаты и книжной, чтобы только оказаться лучше, но ничего не получалось, как она не старалась. В богатых семьях чуть ли не с рождения нанимали гувернёров и гувернанток, проходивших с детьми начало школьной программы ещё до поступления в какое-либо учебное заведение. Так было с Феликсом, другом кузины Нелли, так было с тем мальчиком, что учился на факультете заклинательной магии, так было с её однокурсницей Леонризес... Гувернантки и гувернёры прошли с ними программу, наверное, первых двух курсов ещё до поступления. Нелли читать то научилась только тогда, когда в пятилетнем возрасте была отправлена сюда...

Тут же Нелли в голову приходит мысль, что если бы Эсканор и не учился так хорошо, что грант всегда доставался ему, его место заняли бы Леонризес или Земирлонг, или даже её кузина Мира, тоже Андреас, что, возможно, было даже хуже. Эти три девушки тоже были весьма талантливы. И весьма богаты, чтобы в случае каких-либо неудач в учёбе позволить себе пару-тройку репетиторов. В Академии они могли работать, приходить, вести свои уроки и уходить... Нелли снова думается, что это весьма обидно — что одни могут позволить себе то, чего не могут другие. Она с самого детства жила в этом мире — мире, где она практически ничего не могла себе позволить из того, что себе позволяли её друзья, позволяла себе её кузина, с которой, казалось бы, они должны были быть примерно в одинаковых условиях...

А сейчас... Сейчас она сидела на подоконнике в своей комнате и пыталась не заплакать. Ещё не хватало расплакаться из-за такой ерунды! Мисс Андреас тяжело вздохнула и попыталась сосредоточиться на десятом слове на раскрытой странице учебника. Через

несколько секунд, когда она, наконец, может нормально разглядеть написанное в книге, девушка с неизвестно откуда взявшейся злостью отшвыривает учебник куда-то в сторону, и слёзы непроизвольно начинают бежать по её щекам. Как же ей это всё уже надоело! Эти бесконечные неудачи с грантом, когда все учителя в голос твердили ей, что она куда хуже, чем Эсканор, практически родственник фальранского императора, Леонризес, вздорная и взбалмошная особа, грубящая учителям и портящая жизнь ученикам, Земирлонг, этой сумасшедшей, постоянно крутящейся в центре всяческих событий, Вейча, это учитывай то, что этот мальчишка никогда не учился и никогда не пытался как-либо улучшить свои показатели в учёбе, или той же Миры, с той же, как и у неё, Нелли, фамилией Андреас. Отец будет в ярости, когда узнает, что в этот раз снова ничего не получилось, что в этот раз она опять не получила этот чёртов грант, что в этот раз её снова обошли, что в этот раз она снова ничего не смогла сделать и сказать.

Девушка снова всхлипнула. Уже от злости. Она на самом деле не понимала — в чём дело. Почему ей постоянно не везло. Во всём. Начиная тем, что именно ей доставалась сама подгорелая каша или самый маленький бутерброд в столовой на завтраке, и заканчивая всеми проблемами с грантом.

— С тобой всё в порядке? — обеспокоенно спрашивает Мира, заходя в комнату к Нелли. — Ты так быстро убежала... Что с тобой? Почему ты плачешь?

Нелли смотрит на кухню, видит в её взгляде что-то, чего она сама не может объяснить, бросается к Мира и начинает громко плакать. Сейчас она, как почти никогда раньше, ощущает всю ту несправедливость, о которой ей говорили с самого детства. Раньше она никогда так остро этого не ощущала.

Раньше её жизнь была такой хорошей... С куклами, смехом, танцами... С её семьёй... Честно говоря, Нелли так хочется, чтобы её жизнь и учёба в Академии стали хоть чуточку другими... Чтобы всё стало как раньше! Чтобы она снова жила в их небольшом поместье с младшими сёстрами и братом, чтобы учила эти предметы на дому, как когда-то училась её мама, чтобы не видела никогда дурацких однокурсников...

— Я опять провалила этот дурацкий экзамен! — всхлипывает Нелли. — Почему, а? Я даже уверена, что в этот раз я написала этот дурацкий тест лучше, чем он или Леонризес! И с задачами я справилась даже быстрее!

Мира смотрит с пониманием. Она всегда всё понимает... Даже тогда, когда кто-то другой обязательно стукнет по столу кулаком, разорётся и уйдёт, хлопнув дверью, Мира просто понимающе обнимет и скажет свою очередную фразу о том, что всё проходит, и чёрные полосы жизнь — тоже.

— Дело не только в тестовой части, Нелли, — говорит Мира. — Ты можешь иметь самые высокие показания по знаниям, но...

Нелли поднимает голову, отрываясь от попыток теребить чёрную вязанную кофту Миры, удивлённо смотрит на кухню. Та знала что-то ещё. Это было даже логично — именно она входила в четвёрку главных людей в их группе. Была королевой сердец... Именно так её все называли...

— Но? — спрашивает девушка обеспокоенно. — Какое есть «но»?

Об этом «но» Нелли, если говорить честно, никогда и не слышала. Преподаватели Академии всегда говорили о том, что грант зависит только от того, как именно человек успеваает по всем предметам. А в основном предметы были теоретическими — артефактология, история, литература, физика, анатомия и прочие. Знания по ним Нелли

всегда старалась доводить до идеала — всё-таки, как ей казалось раньше, именно от этого зависит факт получения ею гранта.

— Ты, скорее всего, просто уступаешь в магических показаниях, — заканчивает Мира. — Тому же Эсканору или Леонризес.

Девушка удивлённо смотрит на кузину. Да, она слышала что-то подобное, но все учителя говорили не зацикливаться на магических показателях, так как в результате этого могли упасть все остальные.

— То есть, дело только в них?! — зло выплёвывает Нелли. — Дело только в дурацких показателях магической силы?!

Мира кивает. Нелли чувствует, как слёзы начинают течь по её лицу, как начинают дрожать её плечи. Всё дело было только в показателях магической силы, о которых всегда говорили, как о второстепенных показателях, нисколько не влияющими на общий результат! Это было несправедливо! Почему всё зависело только от них? Это же были природные данные каждого, и никак нельзя было повлиять на это!

Мира молчит и с состраданием смотрит на кузину. Ничего не пытается сказать. Понимает, что сейчас этим можно сделать только хуже. Что вряд ли можно чем-то помочь в данной ситуации...

— Это несправедливо, Мира! — почти кричит Нелли. — Почему кому-то достаётся больше, чем всем остальным вместе взятым?! Это несправедливо!

Комментарий к П. I. Глава первая. Начало игры.

Дорогие читатели, не пугайтесь изменения нумерации глав начиная с этой главы. Когда закончится эта сюжетная ветка, нумерация вернётся в прежнее русло. Спасибо за внимание и за терпение =)

===== П. I. Глава вторая. Семёрка пик. =====

Contingit quod stellae cadent de caelo et caeli decedentes et mundi fortes genua.

Accidit quod totus mundus contra vos, et maneat tantum secum in occulto et metus velit.

Accidit casu saecula. Et cum non possit.

Tu solus. Tu destituit. Tenebrae vos comprehendant et. Tenebrae circumferebantur et silentium.*

III.

Пожалуй, другие люди считали её гордячкой. Пожалуй, они не любили её за резкий нрав, за более высокое положение в обществе, за способности к магии, к музыке, к рисованию... Впрочем, наверное, она и была ею — дочерью ксандрского наместника, богатой наследницей, желанной невестой, девушкой, которой доставалось всё самое лучшее, включая образование... Гордячкой. С лучшими платьями и туалетами на всю Академию. Со всем, что только могло понадобиться в учёбе — с лучшими канцелярскими принадлежностями, собственной библиотекой, в которой можно было найти даже коллекционные издания. С целым штатом разных няnek, горничных, репетиторов. С наставником, с которым она в первые десять лет учёбы в Академии, более углублённо, чем остальные, изучала поэзию, языки, историю искусств, медицинскую химию. С четырьмя девочками-служанками и двумя пажами, её ровесниками, готовыми в любой момент исполнить любое её желание, любой её каприз.

Она сама считала себя капризной. И никогда не стеснялась этого. Она любила нежиться в постели до обеда, возмущалась по поводу любого пятна или любой складки, не могла выйти даже из собственной комнаты, когда что-то по её мнению было не так, как должно быть, брезгливо морщилась при любом разговоре с Нелли Андреас, Кристианом Виландом.

Тигарденом Кроу, Феликсом Эсканором, Эйбисом Вейча и другими, кто не так щепетильно относился к своей личной гигиене, как она. Она не переносила вида крови. Жутко боялась даже самых обычных царапин. Брезговала даже подходить близко к заболевшим людям, а уж тем более — прикасаться к ним. Неохотно общалась с людьми, имевшими даже чуть менее низкое положение в обществе. С трудом могла слушать речь Вейча, в которой содержалось так много просторечных выражений. Не понимала художественного вкуса Земирлонг, которая могла повесить рядом с шедевром эпохи Везен картину какого-нибудь жалкого современного художника, который, наверняка, творил в полупьяном состоянии в какой-нибудь плохонькой и тесной камерке под самой крышей. Не могла принять шумную манеру Монтаганем выражать свои чувства и мысли, когда ей чего-то очень сильно хотелось. Презирала Нелли Андреас за угодливость и чрезмерную старательность во всём, что касалось учёбы. Была готова смеяться над Аделинд из-за отсутствия у той чувства юмора. Пожалуй, этот список был даже слишком большим. Даже для неё — избалованной ксандрской княжны, любое, даже самое глупое, желание которой с самого детства беспрекословно выполнялось.

Она была избалованной и капризной, но никогда не считала это слишком существенными недостатками. В конце концов, есть недостатки куда более существенные — например, глупость, неаккуратность, расточительность, невежество... Она же, к счастью, была достаточно умна, хорошо образованна, аккуратна и деньгами сорить не любила. Она всегда следила за качеством своей одежды, обуви или прочих вещей, не покупала себе ничего, что она сама или её отец могли включить в разряд «безделушек», совершенно не нужных вещей, следила за своим статусом, не смела лениться, занимаясь школьными дисциплинами, старалась оттачивать каждый свой навык до уровня, который считала допустимым, старалась каждый вечер проводить за чтением, игрой на скрипке и фортепиано, написанием стихов, имела, как все говорили, самый красивый и аккуратный почерк, по крайней мере, на своём факультете...

Она считала, что этих качеств — вполне достаточно.

Из всей своей многочисленной семьи она, пожалуй, ладила только с отцом. С матерью они друг друга не выносили. Впрочем, девушка и не помнила, чтобы когда-то они общались с ней достаточно близко. А, может быть, этого не было и вовсе — кажется, в одной из ссор с её отцом, княгиня упоминала, что он почти сразу после рождения забрал у неё старшую дочь. Впрочем, наверное, это было даже хорошо — то, что отец решил воспитывать её сам. По крайней мере, у неё было всё, чего не было у её младших сестёр — более полное и качественное образование, навык управления имением, красивые наряды, дорогие игрушки... Её носили на руках, ей неустанно твердили, что она — княжна, дочь ксандрского наместника, а, следовательно, является и должна являться лучшей во всём. Ей говорили, что она прелестно играет на фортепиано, и она каждый день бежала к инструменту, чтобы трудный пассаж ей поддался, ей говорили, что она неплохо танцует, и она бежала к наставнику отрабатывать движение, которое у неё не получалось, ей говорили, что она чудесно читает стихи, и она старалась учить их как можно больше, ей говорили, что она аккуратная, и на следующий день она первым делом старательно разглядывала себя в зеркале, стараясь понять, не выбилась ли хоть одна прядь из её причёски, нет ли на платье лишней складки, тщательно училась наблюдать за своими руками: нет ли грязи под ногтями, ровно ли они подстрижены, ей говорили, что она очень умная и талантливая, и она старалась читать как можно больше, тщательно учить свои уроки, ей говорили, что она обладает

отменным вкусом, и она придиричиво следила за тем, чтобы это так и оставалось, ей говорили, что она честная, и она училась отвечать за свои поступки и никогда не лгать, ей говорили, что она самая сильная, и она разучилась плакать от обиды или от боли, научилась держать себя в руках, ей говорили, что она самая гордая, и она довольно скоро перестала обращать внимание на сплетни и кривотолки, даже на несправедливые обвинения, ей говорили, что она особенная, и она училась не сравнивать себя с другими, даже с собственными сёстрами, ей говорили, что она самая добрая, и она смогла понять, что такое — искренняя жалость к человеку, попавшему в беду, её говорили, что она самая великодушная, и она училась прощать долги, училась дарить, не жалея об этом, ей говорили, что она самая любимая, и она искренне и горячо любила в ответ... Ей говорили, что она — лучшая, и девушка с самого детства училась соответствовать.

Она была ксандрской княжной, представительницей одной из самых уважаемых семей, и она просто не могла быть другой. Не имела на это права.

Она всегда гордилась своими волосами — длинными, тёмными и послушными... Отец говорил, что они — знак принадлежности его дочери к знатному и древнему княжескому роду. Леонризес любила эти волосы, как любила всё, что связывало её с отцом. Наверное, её порой, её волосы довольно сильно раздражали, но они были фамильной гордостью, так что она просто не могла их обрезать... Приходилось тратить на них раза в три больше мыла, чем тратили остальные, приходилось каждый день по часу, а то и по полтора, расчёсывать их, заплетать на время занятий в косу, вплетать в эту косу тёмно-зелёные ленты — цвет её дома.... Сегодняшний день был почти утомительным — этот экзамен, к которому она, пусть и была готова, но не волноваться из-за которого было просто нельзя. Почти пять часов в душном небольшом кабинете, сидя на одном месте, склонившись над четырьмя листками с тестом по пройденному в прошлые года материалу и над двумя листками с задачами, одна из которых была практической. А потом два часа так называемого «моделирования по магической части»... Это всё было весьма утомительно. Леонризес не понимала толком, зачем эту процедуру было необходимо проводить трижды в год. Девушке грант был не нужен. Зачем? Это, разумеется, указывало на то, что ученик был очень даже талантлив, но... Стоила ли эта грамотка целого месяца последующих головных болей?

Вряд ли.

А потом, сразу после экзамена, когда она хотела спокойно посидеть в кресле с недавно купленной книжкой в руках, Вейча полез к Виланду. Леонризес почти равнодушно наблюдала за ними — наверное, с самого поступления в Академию эти двое враждовали — и пыталась вспомнить, что именно она сгоряча пообещала Мицару во время подготовки к экзамену, когда тот начал что-то у неё просить. Кажется, именно это она ему и сказала: «Я всё сделаю после экзамена, дай мне подготовиться»... Что же, интересно, он просил? Придётся исполнить — выполнять свои обещания необходимо. К сожалению. В этот раз Вейча и Виланд повздорили так сильно, что на этот раз дело могло закончиться исключением Кристиана Виланда из Академии. Подумать только — исключение по такой глупости, как провокация со стороны Эйбиса Вейча!

В итоге, Юсуфия и Эниф помогли разрешить ситуацию. Леонризес была почти уверена, что Феликс будет теперь месяца два помогать Монтаганем с домашними заданиями и самостоятельными работами. Разумеется, он обещал Мире, что не будет способствовать исключению Виланда, но так же он не мог никак не отреагировать на то происшествие и синяк на скуле Вейча. «Туз не имеет права относиться равнодушно к проблемам карт своей

масти» — вроде так значилось в кодексе. Что же... Феликс Эсканор, пожалуй, лучше остальных тузов выполнял эту обязанность.

Леонризес даже жалела его. В конце концов, хорошо, что тузом не оказалась она. Бесконечные хлопоты, бесконечная суета, на которые у неё вряд ли хватило бы энергии. Девушка чуть приподнимает подол халата, чтобы не споткнуться, спускаясь по лестнице. Ей почему-то снова вспоминается лестница в её крыле отцовского дома, по которой она спускалась к обеду или на занятия и поднималась на отдых и сон каждый день. Вспоминается, как она старалась не бегать, ступать неторопливо, чинно — всё-таки, она, настоящая княжна, наследница своего рода, не имеет права на поспешность, суетливость. Эти качества скорее для служанки, нежели для дочери ксандрского наместника. Леонризес уже давно выучилась ходить неторопливо, продумывая каждый последующий шаг, ходить, свысока наблюдая за всеми, кто находился рядом, научилась не спешить, всё делать чинно и тщательно... Следила за тем, чтобы её движения были плавными даже тогда, когда всё надо было делать быстро. Следила за тем, чтобы её голос не дрожал, когда её переполняли эмоции. Следила за тем, чтобы речь её была как можно более проста и понятна, чтобы любой человек мог понять, что именно она говорила. Следила за тем, чтобы в её гардеробе не было лишних, ненужных ей вещей. Она старалась не смеяться на людях — достаточно и того, что она могла позволить себе снисходительную усмешку — и уж тем более не плакать. Слезы, вообще, были непозволительной роскошью. Княжна не имела права позволять их себе. Как говорил отец? Что она, «маленькая княжна», как он её всегда называл, была сильной, а, значит, просто не могла позволить себе такую слабость, как слёзы.

В общей комнате на первом этаже Эниф Монтаганем пытается обработать перекисью царапины на лице Эйбиса Вейча. Парень шипит и дёргается при каждом её движении, а девушка недовольно бормочет что-то о том, что если он не перестанет так дёргаться, ему будет только больнее. На лице Эйбиса появляется то презабавнейшее мученическое выражение, которое появляется на его лице только в то время, когда кто-то пытается ему помочь. Пожалуй, Леонризес была рада каждый раз, когда ей удавалось его увидеть. Это выглядело, пожалуй, очень даже мило. Секунды, на которые на лице Эйбиса появлялось это выражение, были единственными мгновениями, когда этого парня не хотелось убить каким-нибудь особенно жестоким способом. Но сейчас почему-то всё кажется каким-то... неправильным...

— Не сиди с таким унылым лицом, Вейча! — усмехается девушка. — В конце концов, для тебя это могло закончиться и хуже, чем просто парой царапин!

Эйбис поворачивается к ней. Смотрит зло. Впрочем, он всегда смотрит зло. Это его нормальное выражение лица. Он никогда не пытается даже казаться вежливым или заинтересованным в чём-то, если у него не было какого-то особого настроения. Зачем?

Наверное, именно поэтому и возникали так часто проблемы с тем же Кристианом и другими весьма вспыльчивыми людьми. Именно поэтому потом неделями лежал дома или в лазарете. Пару раз, вроде бы, дело доходило даже до переломов, впрочем, Леонризес не знала этого наверняка, об этом лучше было спросить Эсканора или Монтаганем, они были куда более хорошо осведомлены обо всех драках, потасовках, их результатах... Да и к тому же, они оба куда больше заботились о Вейча, чем, возможно, ему самому это требовалось. Леонризес бросает короткий взгляд на ранку на губе Эйбиса и чувствует, как к горлу подступает тошнота.

Она никогда не любила кровь...

Мицар подходит к ней сзади и осторожно, словно боясь её, спрашивает, не нужно ли княжне чего-то принести. Леонризес отвечает ему, что ничего не надо. Пожалуй, иногда этот мальчишка весьма надоедал ей, хотя, бесспорно, был очень даже полезен. Он был сыном служанки её матери, и всё детство провёл, играя со Скарлетт, Алисой, Эдит и Мирандой — младшими сёстрами княжны. Первое время, нужно сказать, Мицар совершенно не знал, что такое хорошие манеры, как он должен себя вести, какие обязанности на нём лежат, и даже пытался болтать с ней... А теперь он, то и дело, дрожал, вздрагивал и трясся, словно его кто-то хотел убить.

— Я не буду сидеть с «таким унылым лицом», моя дорогая Леонризес, — недовольно отвечает Эйбис, — если Монтаганем уберёт от меня свои руки!

Эниф, ожидаемо, хмыкает и отвешивает Вейча лёгкий, едва ощутимый подзатыльник. Парень сначала хмурится, но потом на его лице расцветает весьма довольная улыбка. Леонризес кажется, что это была глупая затея — спуститься вниз, чтобы взять что-то на кухне. Тут всегда было слишком шумно. Конечно, нужно отметить, что тех, кто строил здание Академии, посетила здравая мысль о том, что каждому ученику понадобится отдельная комната. Можно было хоть там отдохнуть от навязчивых и шумных одноклассников...

Леонризес старается смотреть на них снисходительно — в конце концов, кто они такие, чтобы нарушать её душевный покой? Просто кучка не слишком хорошо воспитанных подростков, которые вечно суетятся, бегают, спорят и дерутся. Кажется, они никогда не уставали от этого, и Леонризес удивлялась и завидовала их неутомимости. У неё самой с самого детства здоровье было весьма слабым, она очень быстро, по сравнению с другими детьми, уставала, не могла долго бегать, прятаться, кричать... Отец всегда выделял её среди сестёр. Но и всегда беспокоился о ней больше. Хоть и ждал от неё успехов — тоже больше, чем от её сестёр. Скарлет, Алиса и Эдит воспитывались матерью, а Миранду отец тоже взял себе. Миранда была младшей. Такой же резкой и гордой, как она, только куда более живой, резвой, весёлой. Она никогда не сидела на месте, капризничала, смеялась, вечно что-нибудь придумывала... Няньки и гувернантки только и успевали, что охать, ахать и причитать, растерянно разводя руками...

С тремя другими своими сёстрами, княжна почти и не общалась. Они воспитывались матерью, а, следовательно, жили совсем в другом крыле замка, нежели она. Там царили другие законы и правила, а, следовательно, заходить туда не следовало. Не стоит проявлять слишком сильного интереса к тому, чего ты совсем не знаешь. Иногда это может привести к плачевным последствиям.

— Ты неблагодарный, Вейча! — делает обиженное выражение лица Эниф. — Я тут ради тебя стараюсь...

Монтаганем смеётся, и вместе с ней начинает смеяться Вейча. Вот так. Просто. Радостно. Из-за пустяка. Леонризес кажется, что они всегда были вот такой неразлучной парочкой, хотя это, конечно же, было далеко не так. Кажется, до какого-то момента они цапались не слабее, чем Виланд цапается с Эсканором или с Вейча. У последнего всегда был весьма склочный характер. Он почти ни с кем не мог поладить. Даже Леонризес, пожалуй, при всей своей гордыне, не нажила себе столько врагов, сколько сумел нажить он. Впрочем, это, наверное, не удивительно. Разве найдётся в Академии хотя бы ещё один идиот, который совершенно не будет думать о себе, нарываясь на очередную драку? Эйбиса, словно, не пугал даже тот факт, что каждый раз именно его избивали, что каждый раз

именно он потом отлёживался неделями в том домике, который был предоставлен под их команду, что именно ему потом доставалось от всех пиков, потому как за несколько дней лежания в одном месте Вейча становился совершенно невыносим... Кажется, ему просто хотелось повеселиться, посмеяться... И ему было не важно, какие последствия это развлечение для него будет иметь при не слишком удачном раскладе. Когда же Эйбис поладил с Эниф... С облегчением вздохнула вся команда. Уж эта девушка точно умела справляться с такими наглецами, как Вейча. В конце концов, именно у неё, кажется, было три или четыре младших брата.

Кто-то входит в дом и громко хлопает дверью, видимо, со злости. Леонризес чувствует, как подскакивает на месте стоящий прямо за ней Мицар, чувствует, как он начинает дрожать всем телом.

Трус.

Он всегда был трусом.

Смех замолкает, как только в комнату входит Эсканор. Княжне думается, что в таком подавленном состоянии она его ещё не видела. Впрочем, они никогда не были друзьями — слишком сказывалась та вражда, которая много веков существовала между их народами. Впрочем, врагами они тоже не были. Скорее — вынужденными союзниками, которым приходилось работать вместе, чтобы достичь общую цель. Феликс был хорош в своём деле, Леонризес была хороша в своём. Вместе они были командой, которая должна была быть сильнее других. Они никогда не интересовались проблемами друг друга, если те не касались работоспособности. Тем более, они никогда не интересовались настроением друг друга. Зачем? Это было совсем не нужно.

Они были абсолютно чужими друг другу людьми. Не друзьями. Ни врагами. Просто союзниками. Коллегами. Это не накладывало никаких обязательств перед друг другом, кроме сотрудничества и взаимопомощи. Разумеется, всё на предельно допустимом уровне. Ничего лишнего. Никаких эмоций и межличностных отношений. Скупые разговоры. Редкие вежливые улыбки. Ровный и спокойный тон при общении. Аккуратность. Ледяная вежливость. Ровным счётом ничего лишнего. Ни криков. Ни обвинений друг друга. Ни лишних обязательств друг перед другом.

Кажется, его отношения с другими представителями группы складывались несколько иначе. Пожалуй, они даже иногда шутили друг с другом, смеялись, обсуждали какие-то личные проблемы — Эниф, кажется, довольно часто жаловалась на то, что она чего-то не могла выучить. Обычно, каждая жалоба заканчивалась тем, что Феликс тяжело вздыхал, брал её тетради и пытался подделать её почерк, попутно рассказывая, как что объяснять на уроке учителю, если её спросят, как она что нашла.

Леонризес всегда замечала, что Вейча, Эсканор и Монтаганем были, пожалуй, неразлучной троицей, всегда готовой постоять друг за друга. Впрочем, Леонризес никогда не была близка ни с одним из этих троих, так что вряд ли что-то из их взаимоотношений могло быть ей хорошо известно. Она была княжной, дочерью ксандрского наместника, племянницей царицы Эррашидии. Она должна была быть выше всех этих отношений, споров, дразг — гордой, идеальной принцессой.

Пожалуй, другие люди считали её гордячкой. Пожалуй, они не любили её за резкий нрав, за более высокое положение в обществе, за таланты. Пожалуй, она и сама их не слишком любила. Быть может, она, действительно, была гордячкой, изнеженной, капризной княжной. Слишком богатой. Слишком опекаемой. Слишком разборчивой. Или брезгливой,

как говорят обычно люди про таких людей, какой была она. Леонризес никогда не пыталась с кем-то «подружиться». В конце концов, в Академию её отправили совсем не для того, чтобы она с кем-то общалась... Отец хотел, чтобы она получила более хорошее образование, чем когда-то получила её мать и которое, скорее всего, получают её младшие сёстры. Значит, она должна его получить. И не важно, что на этот счёт думали остальные.

Леонризес сама прекрасно знала свои обязанности, исполнения которых от неё требовали с самого рождения, пожалуй. Девушке хочется тяжело вздохнуть, когда ей вспоминается, что когда-то в её обязанности входили только аккуратность и умение вовремя спускаться к обеду...

Монтаганем смотрит на бледного Эсканора, и княжна чувствует, что, наверное, ей сейчас лучше просто подняться наверх, чтобы не видеть и не слышать, что сейчас будет происходить. В конце концов, это, действительно, не её дело — что там случилось у туза... Может, Монтаганем или Вейча это ещё касается, но её — точно нет. Точно так же, как не касается остальных представителей группы то, что происходит в её душе, если таковая у неё, конечно, была.

— Феликс? — озадаченно бормочет Эниф. — У тебя что-то произошло? Я могу как-то тебе помочь?

Беспокоится. Она всегда беспокоилась. Вставала раньше, чтобы приготовить всем представителям их группы поесть, относила вещи в стирку, убиралась в доме, отводила в лазарет заболевших... Она всегда беспокоилась обо всём и обо всех. Маленькая, тоненькая, рыжая, забавная... Без неё в их команде всё было бы не так прекрасно, как было с ней... Это она обрабатывала царапины нарвавшегося Эйбиса, заставляла принимать лекарства слишком трудолюбивого Феликса, помогала Уне не запутаться в церемониях, этикете и прочих правилах, каждый раз заставляла смеяться Константина, даже если тому совсем не хотелось смеяться, приобщала робкого Мицара ко всей этой суматохе Академии, обеспечивала все условия для того, чтобы тому, кому внезапно по какой-то причине становилось плохо, стало лучше. Без неё всё было бы другим. Именно она была тем человеком, который связывал всех представителей команды между собой заставлял их держаться вместе, несмотря ни на что. Наверное, её можно было назвать их сердцем...

— Боюсь, что нет, Эниф, — Эсканор вымученно улыбается. — Но большое спасибо тебе за поддержку.

Леонризес с трудом сдерживает вздох. Ей неудобно находиться здесь — она не привыкла чувствовать себя лишней. Княжна поворачивается плавно, делает несколько шагов, снова приподнимает подол халата, чтобы случайно не споткнуться, поднимаясь по лестнице в свою комнату.

Монтаганем ожидаемо молчит. Конечно, она всегда чувствует себя виноватой, когда происходит что-то такое. Кажется, умер человек, который был наставником или кем-то таким маленького Феликса. И этот человек должен был быть как-то связан с Мирой Андреас — не зря она одела чёрное. К тому же, Леонризес была уверена, Андреас выплакала ночью все глаза, пусть и старалась на экзамене и после него держать лицо. Что же... Пожалуй, за это её даже можно было уважать.

— Что случилось-то? — непонимающе хмурится Вейча. — У тебя такое лицо, будто кто-то помер!

Леонризес даже останавливается на минуту — надо же быть таким идиотом, чтобы спросить такое! Впрочем, кто бы сомневался, что он такое спросит... Разве мог он да не

спросить? Возможно, он никогда и не понимал всю серьёзность ситуации... Леонризес никогда и не интересовалась — как он жил, кем были его родители, были ли у него родители, вообще... Это её никогда не касалось. И она не спрашивала. Зачем спрашивать то, что не имеет к тебе прямого отношения?

Эниф даёт Эйбису подзатыльник. На этот раз — не лёгкий, как в тот момент, когда он возмущался тем, что Монтаганем обрабатывала его царапины, а, пожалуй, со всей силы, отчего Вейча ойкает. Парень переводит удивлённый взгляд с усталого Феликса на рыжую «девятку пик». Та смотрит на него строго. Уж она то понимает — думается Леонризес. Если у Миры и Феликса умер кто-то близкий, кому как не Эниф Монтаганем понимать их чувства? Кажется, года три назад она потеряла мать, которая умерла при очередных родах... Она хорошо понимает, что значит — потерять близкого человека.

— У Миры мать умерла вчера! — шепчет Монтаганем громко, подтверждая мысли княжны о том, что умер, всё-таки, один человек, который был дорог и Андреас, и Эсканору. — Похоронное письмо приходило! Она потом всю ночь проревела у нас! Если бы ты не дрых, а занимался подготовкой к экзамену, как все нормальные люди, ты бы это знал!

Феликс кивает, словно говоря — «да, всё именно так», и Леонризес думает, что задержится на лестнице ещё пару минут. В конце концов, мадам Кайтруан, наверное, правильно напоминала им о том, что они являются командой, какими бы разными они не были. Они отвечали друг за друга. Да, они не обязаны были быть друзьями, но... Наверное, иногда нужно было быть хоть чуточку внимательнее к тем, кто окружал тебя все эти годы. Необязательно было быть такой же, какой была Эниф. Достаточно было простого внимания и небезразличия... Отец всегда говорил Леонризес, что она — добрая. Наверное, из всех личных качеств, которыми княжна обладала, доброй она была менее всего. Быть может, это было и хорошо — наблюдая за вечно взволнованной и переживающей за всех Эниф, Леонризес думала, что такой быть слишком трудно. Трудно быть постоянно суеющей и переживающей, трудно не брезговать, очищая глубокие порезы Эйбиса от грязи, трудно приносить каждый раз горячий чай с малиновым вареньем больному Феликсу, трудно заступаться за всех в ситуации, когда никто не может или не хочет ничего говорить...

Леонризес иногда трудно было просто смотреть на это вечно улыбающееся за пределами его собственной комнаты лицо Вейча. Он улыбался, когда его кто-то бил, когда его ругали учителя, когда его лишали сладкого или заставляли писать глупые строчки в качестве наказания, когда Эниф или кто-то другой давали ему подзатыльники и затрешины, когда она, Леонризес, качала головой и делала ему очередное замечание, когда у него что-то болело, даже в прошлом году, когда Эйбис слёг с высокой температурой и страшной болью в горле — он улыбался...

Пожалуй, княжна бы подумала, что он улыбается постоянно, что он просто не может воспринимать жизнь серьёзно, как воспринимают её другие, но... Один раз, проходя ночью на кухню за стаканом воды, она случайно увидела, как за плохо закрытой дверью на кухню, лёжа на сундуке, тихо ревел Вейча, как плечи его постоянно дрожали, как Эниф плакала вместе с ним, как она гладила его по голове и что-то шептала — что именно Леонризес не расслышала... На кухню, разумеется, княжна тогда заходить не стала. Не нужно, чтобы кто-то знал о том, что она видела, как эти двое ревели ночью из-за какого-то пустяка...

Двое идиотов... И она не лучше.

— Да что я — виноват, что ли, что умнее тебя и могу справиться с экзаменом без часов зубрёжки?! — огрызается ей в ответ. — Эй! Как умерла? Почему? Зачем она умерла в ночь

перед экзаменом?

Эниф отвечает Вейча ещё один подзатыльник. И Леонризес думает, что в этот раз Эйбиса ударили сразу по двум причинам. Всё-таки, было даже весело от того, что этот парень не умел держать язык за зубами...

— Люди не выбирают, когда им умирать, идиот! — шипит девушка раздражённо. — Она же не повесилась или не застрелилась, она от болезни умерла, дурень! И, знаешь ли, успеваемость у тебя похуже моей будет!

Когда Вейча пытается что-то сказать, судя по его выражению лица — отшутиться, ему прилетает ещё один подзатыльник от Монтаганем. Чуть менее сильный, чем предыдущие два. Кажется. Во всяком случае, парень не ойкает, как только рука Эниф опускается на его затылок.

Леонризес думается, что она даже завидует вот таким отношениям этих двоих — таким простым и понятным. Почти весёлым. Искренним. Они часто шутили, смеялись вместе... Как оказалось — плакали тоже вместе. Леонризес никогда не понимала их обоих... Но завидовала... Отец всегда говорил ей, что прежде чем завидовать, нужно понять. Иначе, ты сам накличешь на себя беду. Но тут она завидовала этой лёгкости, этой простоте... Ей всегда думалось, что между Эниф и Эйбисом отношения совсем иные, нежели между Мирой и Феликсом... Во всяком случае потому, что Монтаганем человек куда более хороший и добрый, нежели Андреас. Последнюю можно было в чём-то сравнить с самой княжной — умная, ответственная, но холодная почти до жестокости.

— Эй! — возмущается парень. — А теперь-то за что?!

Княжна переводит взгляд на Эсканора. Тот даже немного улыбается, а к щекам его прихлынуло хоть немного краски. Совсем бледным он выглядит даже страшно... Мицар, кажется, разделяет её мнение. Во всяком случае, он перестал прятаться за неё и стал держаться чуть вольнее.

— Я тебя достаточно хорошо знаю — снова какую-нибудь дурацкую шутку придумал! — чуть повышает голос Эниф. — Сейчас не время для этого!

Вейча строит обиженное выражение лица, но скоро снова расплывается в улыбке. Идиот. Пожалуй, Леонризес сколько угодно могла его так называть. И даже не только про себя. Эйбис никогда не отличался обидчивостью. Он совершенно спокойно реагировал на всяческие обвинения в свой адрес. Только отшучивался. Хотя, возможно, и не так спокойно, как думалось Леонризес до того дня, когда она обнаружила его плачущим. Всё равно. Раз он не обижался при всех, значит, он был достаточно силён, чтобы не показывать при всех своих эмоций.

— Спасибо, Эниф, — говорит Феликс, садясь на диван. — Ты всё поняла правильно — мне не до шуток. Вы же знаете, что её мама долгое время была у меня гувернанткой. Она мне почти родной человек.

Вот как... Леонризес примерно понимала, что могла значить для человека гувернантка. Особенно в том случае, если один из родителей по какой-то причине тобой не занимался. У Эсканора мать, кажется, умерла при его рождении. И он как-то говорил, что сильно завидует Мире. А потом говорил, что очень сочувствует Эниф, что, хоть и не в полной мере понимает её чувств, так как свою мать он даже не помнит, знает, что это такое — остаться без одного из родителей.

— Тоже оденешь траур? — робко спрашивает молчавший до этого Мицар.

Все замолкают. А княжне думается, что зря отец из всех мальчишек-пажей прислал

именно его. Нужно же было иметь хоть какой-то такт! И он не был Вейча, которому всё спускали с рук, прекрасно зная, что он за человек. Леонризес постоянно было стыдно за Мицара. Конечно, порой он был неплохим слугой, но иногда... Собеседник, впрочем, из него явно был неважный. Да княжна и смирилась с этим давно, только вот иногда тот поражал её ещё большей глупостью, нежели она в нём подозревала.

Конечно, это было не очень-то приятно — знать, насколько Мицар, всё-таки, глуп. Впрочем, он был слугой. А со слуги достаточно уже того, что он был весьма сильным магом и весьма прилежным учеником. Больше от него никогда и не требовалось. Он был исполнителен, старателен... Что ещё нужно? Он совестливо выполнял свою работу, за которую, Леонризес была уверена, ему неплохо платили. Больше ничего и не требуется.

— Что? — бормочет он смущённо. — Я что-то не то сказал?

Леонризес молчит. Смотрит на диван, думает про себя, что надо же было кому-то подобрать в их дом такой уродливый интерьер — крепкий дубовый стол, стоящий в общей комнате, которому, пожалуй, уже есть лет пятьдесят, изящный стеллаж, пожалуй, современного производства, старинная ваза эпохи Везен, какая-то картина, купленная, очевидно на базаре, к тому же, криво повешенная... Пожалуй, стоило произвести тут перестановку. И в первую очередь надо было выбросить тот ужасный диван, на котором теперь сидел Феликс. Полинявшийся, облезлый диван цвета среднего между тёмно-серым, зелёным, красным и жёлтым. Да, диван определённо стоило сменить. Вообще, всю общую комнату надо было обставить в одном стиле — под эпоху Везен, в современном стиле или стиле под крестьянскую избу, тут обязательно нужно было почти всё поменять. Отвечать на вопрос Мицара княжне совсем не хочется. Разве нельзя самостоятельно на него ответить? Он же настолько глупый и простой...

Все продолжают молчать... Разумеется. Никто не хочет этого разгребать. Впрочем, как и прочее, это — вполне ожидаемо. Разумеется, никто не хочет показаться злым или резким, высказав Мицару мнение о его невежестве. Разумеется, никто не хочет видеть его потерянного виноватого взгляда. И в тоже время все хотят, чтобы он не задавал таких глупых вопросов...

Люди — вообще, странные существа. Наверное.

Отец всегда говорил, что он едва может понять, кто они такие — глупцы или гении. В царстве Ксандра всё было несколько иначе... Когда отца девушки отправили в Кайерим, чтобы он стал там послом, их семье пришлось долго привыкать к совсем другим обычаям. У них дома всё было по-другому. Там были сплошные леса, реки, озёра... Можно было увидеть большее количество животных, чем в Кайериме, не было стольких домов... Но кое-что оставалось таким же. Некоторые из традиций. И большинство правил этикета — они, пожалуй, были едины для всех государств.

— По слугам не носят траур, Мицар, — вмешивается Леонризес, понимая, что никто так ничего и не скажет. — Это не принято. Я сама не знаю — почему.

Как княжна и думала, её «паж» опускает голову и тихо бормочет извинения за то, что он этого не знал. Эниф смотрит почти укоризненно. Конечно! Не она только что раздавала подзатыльники Вейча, который тоже говорил не то, что следует говорить. В конце концов, Леонризес поступила даже мягче — просто указав слуге на ошибку, а не залепив ему оплеуху.

Из-за спинки дивана поднимается Нолд. Интересно, насколько долго она там пряталась? Как обычно? Или прошмыгнула как-то незамеченной? В любом случае,

Леонризес её не видела, и от этого княжне досадно. Девушка всегда старалась развивать в себе внимательность. И такие мелочи не могли не огорчать её. Хотя не настолько сильно, чтобы она от этого — упасите боги — плакала или топала ногой, но это, всё равно, было весьма обидно.

— Сложные вы люди! — усмехается Юсуфия, глядя на Леонризес и Эсканора. — Этикет и всё такое — дороже человека, да?

Феликс кивает и обречённо роняет голову на руки, и ярость Монтаганем с княжны переключается на Нолд. К радости Леонризес, разумеется. Не могло не радовать то, что она как-то перешла обратно из разряда «кровных врагов» в «безмолвные свидетели данной картины». Последняя роль девушке нравилась куда больше.

Эйбис встаёт с ковра, на котором сидел — кстати, ковёр тоже был самый что ни на есть потрёпанный и безвкусный — и подходит к дивану. Стоит рядом, пока ещё не садится рядом...

— К сожалению или к счастью, но это так, — задумчиво произносит княжна. — Эти правила придуманы не нами, не нам их и оспаривать.

Мицар пытается как-то отшутиться, но неудачно — в разговоре он задевает тему родства всех княжеских родов, за что получает подзатыльник от подлетевшей к нему Эниф Монтаганем. Тот вздрагивает и зажимается ещё сильнее, чем когда его одёрнула княжна. Да... Леонризес снова думает, что её «строгий выговор» несколько гуманнее методов воспитания неучей и неудачных шутников, которые практиковала их «девятка пик»...

— В любом случае, — произносит Эйбис, наконец, садясь рядом с Феликсом, — в нашей команде все люди — сложные.

Тот кивает и вдруг начинает улыбаться. Потом поднимается, благодарит всех за поддержку и идёт к себе в комнату, проходя по лестнице мимо Леонризес. А княжне думается, что, наверное, неплохо, что она сейчас постояла здесь, услышала и увидела всё происходящее... Конечно, у неё побаливала голова от всего этого шума, но... Побывать рядом с людьми, с которыми ты учился бок о бок все эти годы, было даже приятно... Несмотря на мрачную тему разговора.

Княжна жестом подзывает к себе Мицара и, когда дверь в комнату Эсканора захлопывается, идёт к себе. Паж следует за ней, то и дело беспокойно оглядываясь и вздрагивая. Интересно, почему он был такой нервный? Кажется, несколько лет назад, когда он играл со Скарлетт или Алисой, он таким ещё не был... Или был? Княжна, возможно, не слишком много внимания обращала на него тогда...

— Я — эльфийская княжна из царства Ксандра, Мицар, а Феликс — фальранский князь! — строго говорит Леонризес, когда они приходят в её спальню, и она закрывает дверь. — Мы никак не можем быть родственниками. Это настолько глупая мысль — о нашем возможном родстве!

Мицара трясёт. Ну и трус же он... И нервный какой... Почему-то сейчас это кажется каким-то неправильным... словно, когда-то это было иначе! Сколько девушка его помнила рядом с собой — он всегда был таким — трусливым, нервным, трясущимся и заикающимся... Впрочем, весьма исполнительным, почему княжна никогда не пыталась отослать его обратно домой. Его обучение в Академии, всё-таки, оплачивал её отец...

— Извините, госпожа... — бормочет, извиняясь, парень. — Я просто подумал, что...

«Подумал»? Весьма странное слово для того, кто не думает никогда, прежде чем что-то сказать. Ну а какой вывод ещё можно было сделать из его постоянных оговорок, шуток,

глупее которых не мог бы придумать даже Вейча, полному неумению нормально общаться и... Про «нормально общаться», подумалось княжне, она, наверное, была не права. В конце концов, это скорее она, а не он, вела образ жизни затворницы, редко выходя из собственной комнаты, а если и выбираясь оттуда, то преимущественно ночью, когда все остальные должны были спать. В конце концов, ребята из команды относились к нему неплохо, Вейча даже пытался шутить, но... Может быть, её слуга вёл себя так только при ней? Трясся, заикался, говорил глупости — только при ней? Интересно, она действительно настолько его пугала?

— Что немного разрядишь обстановку своей глупой шуткой? — зло произносит княжна. — Не смей больше выкидывать подобных фокусов, Мицар! Хотя бы изредка думай головой!

Она просто злится на саму себя — монахиня из Озеу, которая занималась её воспитанием в детстве, часто говорила, что хоть страх и весьма надёжное и верное средство удерживать своих сторонников около себя, нужно уметь быть более гибкой, чтобы возможные союзники от тебя не разбежались. Она просто злится на себя за свою несдержанность — в конце концов, она княжна и должна уметь держать язык за зубами, когда это необходимо. В ином случае она будет даже хуже Вейча. Любая уважающая себя дворянка должна уметь держать себя в руках, даже когда это кажется очень трудным — невыполнимым. Но, кажется, её слуга понимает её злость несколько по-другому.

Он вздрагивает, снова опускает голову, потом снова поднимает, смотрит как-то... умоляюще? Может, он думает, что она решит отослать его обратно? Глупая мысль — он же должен понимать, что если она его до сих пор не отослала, несмотря на все его промахи, то вряд ли отошлёт и теперь. Она не стала бы терпеть рядом с собой полное ничтожество все эти годы.

— Простите, госпожа, — снова извиняется Мицар. — Просто Эйбис сказал... И я решил...

Леонризес не может удержаться от усмешки. Вейча... Всё вертелось вокруг него... Драки, праздники, глупости. Он шутил почти всегда, он дерзил, хамил, смеялся, он сам был одним сплошным праздником — и при этом неважно было, какие отметки у него были в этот учебный день, подрался ли он с кем-то или нет, что ему наговорили преподаватели, другие ученики, приходили ли ему письма из дома, когда приходили всем... А приходили ли ему эти письма, вообще? Леонризес никогда не обращала на это особого внимания, но теперь ей вдруг показалось, что...

— Вейча — шут, дурак, он может говорить всё, что ему только вздумается, — в голосе княжны помимо резкости появляется ещё и усталость, — а ты, Мицар, паж. Вот и держи свой рот на замке, пока не спрашивают.

Она почти злится на себя за резкость. За капризы... Отец всегда исполнял каждое её желание, каким бы глупым оно не было, приучая её к великодушию, умению прощать и сопереживать. Она и пыталась быть такой, какой её хотели видеть другие. Нежной ли и доброй принцессой из какой-нибудь сказки или жестокой княжной из книжек Патриции Ноубл. Получалось быть и такой, и такой. И Леонризес не сказала бы, что хоть в одном из образов она играла, как разыгрывал своё веселье Вейча.

— Простите... Я...

Снова извиняется... Это надоедает. Он всегда был таким услужливым, виноватым, когда княжне этого хотелось, уступчивым, что девушке снова вспоминается о том обещании,

которое она ему дала во время подготовки к экзаменам. Интересно, что именно он у неё просил? Возможность обучения в Академии кого-то из братьев или сестёр? И были ли у него, вообще, таковые? Какую-то денежную сумму на покупку чего-то? В любом случае, придётся исполнять...

— Хватит извиняться! — резко обрывает его Леонризес. — Принеси мне моё зеркало!

Мицар живо кивает и бросается за зеркалом. Едва находит его на столе среди книг, украшений и разных безделушек, которые наперегонки в шутку дарили ей Эсканор и Вейча. Впрочем, находит он, надо сказать, зеркало весьма быстро. Даже быстрее, чем того ожидала княжна...

— Вот оно, госпожа! — говорит он, протягивая старое бабушкино зеркало Леонризес.

Пожалуй, отец всегда просил быть с этим предметом осторожной. Ей, как старшей из сестёр, оно перешло, так сказать, по наследству. Наверное, одна из немногих вещей, кроме тех платьев, которые ей покупали, которая принадлежала ей безраздельно уже на данный момент... Красивое, старинное, наверное, сделанное во времена эпохи Файндхарт, или, во всяком случае, в этом же стиле... В любом случае, девушке оно всегда нравилось.

В голове вновь всплывает мысль о том, что она должна что-то сделать своему слуге. Она обещала. И она просто обязана сделать это.

— Спасибо, — благодарит княжна. — Не напомнишь мне, что именно я тебе обещала? Уж извини, но из-за экзаменов я этого совсем не помню...

Мицар густо краснеет, вздрагивает, как будто от удара, смотрит затравленно, как загнанный в ловушку раненный зверёк, бормочет, что ничего не нужно, что он уже забыл об этом обещании, быстро кланяется ей и выбегает из комнаты Леонризес. Интересно, что именно с ним такого случилось, что он так поступил?

Впрочем... Не важно...

Княжна пожимает плечами и принимается расплетать длинную косу. Пожалуй, сегодня вечером она сумеет отдохнуть... Полежать в постели, понежиться, почитать что-нибудь из повестей Дэвида Раннольда... Она, в конце концов, заслужила это. Хотя бы тем, что успешно прошла сегодняшний экзамен.

Какое ей дело до странного поведения слуги?

Комментарий к П. I. Глава вторая. Семёрка пик.

* Бывает так, что звёзды падают с небес, и рушатся небеса, и Сильные мира встают на колени.

Бывает так, что весь мир идёт против тебя, и ты остаёшься один на один с самим собой, со своими страхами и потаёнными желаниями.

Бывает так, что рушатся миры. И ты ничего не можешь сделать с этим.

Ты один. Ты беспомощен. И тьма настигает. Тьма и тишина.

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

===== П. I. Глава третья. Трефовая дама. =====

Cum summa innatat lubidine luna in stellatum possumus observet modo.

Vigilate et orate nescitis enim vitae et mortis agunt fake quid mors, et — vita.

Vigilate... et vigilate in frustra in componendis chessboard quae operiebant faciem ejus semper.

Qualiter morte ad vitam vocat saltaret.

Non audeo dicere verba clare.

Hide etiam cupiditates, somnia, perciperetur.

Aeterno gelu os modo observet custodem esse in vacuo in faciem...

IV.

Кажется, в это время все уже давно спали. Впрочем, это было весьма понятно — на улице было уже так темно... Никто в здравом уме не вышел бы сейчас на улицу. Земирлонг из окна наблюдала за танцующем около пруда Эйбисом и смеющейся над этим Эниф. Парень, очевидно, опять рассказывал что-то о представителях других команд, отпускал колкие шуточки по поводу каждому. Что же... Вейча не щадил никого. Даже себя самого. Он был из тех редких людей, которые всегда рады подшутить над собой. Его было просто невозможно обидеть. Он всегда смеялся. Смеялся, обнажая ровные белые зубы, которые, как ни странно, ещё до сих пор не выбил.

Мери Земирлонг всё на свете отдала бы, чтобы иметь право быть настолько же беспечной, честной, отдала всё на свете, только бы снять этот проклятый обет молчания, запрещавший её ранее говорить вообще, а теперь — говорить лишнее. Она отдала бы всё на свете за тот искренний смех, смеяться каковым она уже давно разучилась... Мери Земирлонг было восемнадцать. Она была восемнадцатилетней старушкой, которая уже не могла ни смеяться, ни говорить всё на свете, когда этого только хотела, которая не могла даже быстро ходить... Земирлонг было восемнадцать. Она была довольно красива, как ей казалось, но она не имела права показать кому-либо своё лицо. Обязана была вечно закрывать его алой, как свежая кровь, шалью. Обязана была заплетать косу вокруг головы, и прикрывать её белым платком, поверху обматывая той алой шалью. Обязана была надевать абайю. Не имела права выходить из собственной комнаты без этого. Всё её тело должно было быть полностью сокрыто от посторонних взоров. В Акорле, где она родилась, так ходили все девушки и женщины. Там — в её солнечном и жарком Акорле — всё было родным и привычным для неё, та природа, то солнце, та бескрайняя пустыня... Там — в Акорле — остались её мать, трое сестёр, двое братьев, отец, две тётки, Сёстры Печали... Она сама готовилась стать Сестрой Печали. И только поэтому ей было разрешено выехать из страны, учиться в Академии... Только поэтому вместо традиционных, «женских», предметов, она учила в три раза больше всего. Она имела почти свободу... Свободу передвижения, возможность учить и знать всё на свете, что ей только хотелось учить и знать... Пока... И за это она обязана была поплатиться той лёгкостью походки, которой обладали все её сёстры. После обряда на вступление в Сестричество её ступни постоянно кровоточили. Ей не было тогда и семи, и она постоянно плакала. Сейчас же слёзы высохли, и она почти могла увидеть своё превосходство над собственными сёстрами и матерью. Она была Сестрой Обета уже одиннадцать лет и готовилась через год стать Сестрой Радости. Потом пройдут её самые беспечные два года в Сестричестве... Впрочем, не пройдут — пролетят. И она станет Сестрой Милосердия... Облачится во всё белое без права носить что-то другое. Потеряет право на какую-либо обувь. Бессрочное количество лет посвятит скитаниям по больницам, богадельням, приютам, монастырям. Бессрочное количество лет бескорыстной помощи несчастным и обездоленным. Обучение нищих ребятишек-сирот в школах. Выхаживание раненных воинов и дряхлых стариков и старух. Помощь в разрешении родов. Перепись книг с Пророчествами. Гадания. На огне и на собственной крови. Обет безбрачия. Обет нестяжания. Скитания по разным городам и странам. Без дома, без семьи. В полном одиночестве. Не имея права даже произносить более какого-то количества слов в сутки.

Она завидовала. Завидовала Эниф Монтаганем и Эйбису Вейча, завидовала Нелли Андреас, Клариссе Рогд и Катрине Джонс, завидовала Тигардену Шоу, Кристиану Виланду.

Мире Андреас и Аделинд Эрментрауд, завидовала Юсуфии Нолд, Мицару Клетра, Эрне и Эрбиль Наурре, завидовала даже княжеским отпрыскам — Эсканорам и Леонризес. Завидовала... Ей следовало бы стать Сестрой Зависти, но Сестричество старалось полностью искоренить в сёстрах это чувство. Она завидовала буквально всему, что было у других. Она знала, что именно скрывается за улыбающейся маской Вейча. И она завидовала, потому что он имел право не прятать ото всех своё истинное лицо. Она примерно представляла, как чувствует себя Эсканор, влюблённый в Миру, но не имеющий права открыть эти чувства, обречённый на безответную, безмолвную любовь ради благополучия собственной страны. И она завидовала, потому что он имел право любить хотя бы издали. Его никто не избил бы за эти чувства, пока он не жертвовал в их угоду собственное — а так же, семейное — благополучие. Она прекрасно знала, какие обязательства и ограничения возложила на себя Леонризес, ставя честь семьи выше собственного благополучия. И завидовала, зная, что эти обязательства и ограничения — в общем-то — добровольные. Она видела, как ломает самого себя в поисках запретных знаний Константин. И завидовала, потому что он хотел посвятить самого себя в жертву этим знаниям. Был готов принести себя в жертву... себе самому... И именно поэтому она ему завидовала... Они все были скованны собственными желаниями, пусть и считали эти желания неотвратимой судьбой. Они не заключали магических обетов, не позволяющих им жить.

Они были свободны.

Они просто не осознавали этого в полной мере. Они выдумывали себе ограничения. Они упивались ими. Возводили их на пьедестал. Жили только ими. Думая, что не имеют права ступить за их рамки...

Мери Земирлонг слышит довольно громкий стук в дверь. Она спешно накидывает на голову сначала платок, а потом шаль. Слава богу, она не успела расплести косу. Это бы заняло куда большее время. Все «трефы» уже спят. Сегодня был трудный день. Да, впрочем, каждую ночь кто-то остаётся дежурить. Просто сегодня выпала её очередь. Ничего. Уж это-то она как-нибудь переживёт. Не так уж это и страшно. Быть может, пики и предпочитали выставить магический щит, не пропускающий к ним никого из других мастей, трефы не имели права на такую непозволительную роскошь. Вроде как они должны были выступать посредниками в решении конфликтов между пиками, червами и бубнами. Вообще, последние тоже, как бы, не должны были ни с кем конфликтовать, но... Бубновый и пиковый тузы были как бы... родственниками... Иногда это рождало большее количество противоречий между ними. Иногда заставляло их обоих заступаться друг от друга. В общем — было, пожалуй, даже весело.

На пороге, как, в общем-то, Земирлонг и ожидала, стоит Тедд Раймон — червовая девятка. Невысокий русский парнишка шестнадцати лет с наивными глазами. Что он забыл на факультете практической магии оставалось для Мери Земирлонг загадкой. На факультете, где учили сражаться друг с другом. Где основными предметами считались боевые искусства: фехтование, единоборства, метание кинжалов, стрельба из луков — на выбор, кто что предпочитал — и магия проклятий и отражений, чтение мыслей и тому подобное. Всё для ближнего и дальнего боя. Всё для войны. Тедд же в войне не смыслил ничего. Он настойчиво пытался следовать каким-то идеалам червов, о которых имел очень даже смутное представление. Он испуганно вздрагивал каждый раз на тренировках по боевой магии, когда происходил учебный бой, скажем, между Константином и Эйбисом, победителями которых парни становились попеременно.

Вейча, как ни странно, драться тоже умел. И, думалось Земирлонг, если бы он действительно рассердился бы на Кристиана Виланда — этого несносного идиота, любящего помахать кулаками, — то тому парню было бы несдобровать. Конечно, может быть, от Эйбиса и были только кожа да кости, но он был увёртлив, а так же прекрасно умел видеть слабые места противника. Что он нередко использовал и в своих словесных атаках. Чего стоило только доведение Розы Эсканор до слёз. Её — вечной умницы-разумницы с донельзя позитивными взглядами на жизнь.

— Тут слишком тихо! — заявляет парень, входя в дом. — Вам не скучно так жить?

Мери удивлённо смотрит на него. «Скучно»? Что скучного может быть в тишине? В тишине, которая помогает сосредоточиться, которая обволакивает... Года через три у неё, вообще, не будет возможности насладиться тишиной. Она будет постоянно находиться среди людей, которые кричат, плачут, стонут... Это станет её послушанием... И Мери Земирлонг радовалась, что у неё пока что ещё есть время насладиться тишиной, в которой она сможет привести свои мысли в порядок.

Тишина... Это был символ её одиночества. Того, которое она так любила и лелеяла. Это был символ её временной — и поэтому так старательно охраняемой от внешнего вмешательства — свободы. Это была её отрада. Её смысл жизни. Она отдала бы всё на свете, чтобы никогда не стать Сестрой Милосердия. Только вот отдавать, к сожалению, было почти что нечего. Всё, что она могла бы предложить, у неё уже давно забрали — ещё тогда, когда она только вступала в Сестричество. И теперь... Теперь у неё из наслаждений оставалась только тишина. Единственное подлинное и ценнейшее из всех земных наслаждений. То, которое навсегда отимется у неё через три года.

— Зато у пиков и трэфов, насколько я знаю, отдельные спальни, — усмехается девушка, пожимая плечами. — Да, думаю, у бубнов тоже. Почему же вы, червы, такие отсталые? Ютитесь по три-четыре человека в одной спаленке? Это до сих пор так?

Тедд смотрит на неё своими большими наивными синими глазами, и девушке хочется рассмеяться. Этот парень был младше её всего на два года, но... Какой же он до сих пор ребёнок! На него просто невозможно смотреть без улыбки... Он явно из тех сторонних наблюдателей основных исторических событий, смотрящий удивлённо и восторженно, но имеющий право не скрывать лицо. Историю творят такие, как Райн, Леонризес или Эсканор. Чёрствые, эгоистичные, тщеславные... Константин был чёрств, их эльфийская княжна — эгоистична, а Феликс — тщеславен. Были ещё такие, как Вейча. Подлинно безумные. Пусть Эйбис сам ещё не до конца это осознавал. Такие, как этот парень, тоже творили историю. Свою. Не подчиняющуюся логике и здравому смыслу. Именно они разжигали самые страшные войны.

Потому что им было любопытно...

А Тедд... Тедд был мальчишкой. Обыкновенным восторженным мальчишкой. Не рабом, каким являлся Мицар, нет. Обывателем. Временным фанатиком, которые принимают то одну сторону, то другую сторону, но не из корысти, как это делала, скажем, Мира Андреас — да, именно она, эта ложно благочестивая королева сердец, — а только по незнанию того, чего именно хочет его душа. Тедд был почти ребёнком. Милым. Светлым. Наивным. Пытающимся сражаться за непонятные ему идеалы, выдуманные, как ни странно, им же самим. Пылко защищающим эти выдуманные идеалы. Готовым постоять за них и даже отдать за них свою жизнь. Он был совсем ещё ребёнком...

— Да, но это нам совсем не мешает! — ожидаемо возражает Раймон с его привычным

пылом. — Это только помогает!

Земирлонг чувствует, что улыбается. Он сказал именно то, что она от него ждала. Пожалуй, с ним было скучно спорить. Он всегда приводил очень предсказуемые доводы, которые при желании было очень легко разбить о валуны здравого смысла. Он был наивен, а так же с трудом придумывал новые доводы в защиту своей точки зрения. Не то что Константин. Тот умел изворачиваться, перевирать факты, переворачивать их с ног на голову ради того, чтобы выйти победителем в споре. Для него было важно победить. Мери Земирлонг была уверена, что после окончания Академии — кажется, этому парню, как и ей, оставался только год — он станет черно книжником. Это было бы вполне в его духе.

Черно книжник Константин Райн...

Пожалуй, это даже звучало. Казалось таким правильным и закономерным. Таким логичным... Земирлонг была уверена в том, что трефовый туз через год пополнит ряды черно книжников. Что начнёт колдовать не для людской пользы, а для себя самого, как любили говорить об этой подкатегории волшебников, колдунов и магов учителя. Впрочем, большая часть волшебников, колдунов и магов пользовалась своим даром для самих себя.

Раймон же был совсем другим... Наивным... Честным... Ребёнком... Улыбающимся — не так, как Вейча, а искренне — и милым. Он был из тех людей, которые побуждают других жить в мире, а не в состоянии вечной необъявленной войны. Из тех людей, которые даже во время войны искренне умеют смеяться.

— В чём же, мне интересно? — удивлённо смотрит на него девушка. — Скажи — в чём именно это помогает?

Ей снова думается, что вот они — эти добровольные ограничения, которые она так презирала и которым так завидовала. Всё это было так необязательно, что смотрелось просто глупо... Они могли быть свободны. Могли. И хотели. Но придумывали себе всё новые и новые правила, запреты, которые не смели нарушить, подчиняясь непонятным мотивам. Они придумывали себе кодекс чести. Придумывали себе самим правила этикета. Они были закованы в свою честь, как в броню, и броня эта не столько защищала их от ударов судьбы, сколько мешала им двигаться. Земирлонг завидовала им. Завидовала...

Завидовала и не понимала.

Из всех, кто с ней учился, правила самому себе не придумывал разве что Вейча. Он смеялся в лицо этим правилам. Он был абсолютно сумасшедшим. Не признавал ничего, что было нормой для остальных. Он не воспевал ни аристократизм, ни демократию. Он не пёр напролом против системы, как это делал Кристиан Виланд, он не воспевал систему, как это делали княжна Леонризес и Феликс Эсканор, он не пытался создать систему свою собственную, как пытался сделать Константин Райн, и он не наблюдал, стоя в сторонке, как это делал Тедд Раймон, боящийся выступить против, как Виланд, не сумевший воспеть её, как Эсканор, и неспособный создать что-то своё, как Райн. Вейча был совсем другим... Тем, разум которого Земирлонг бы хотелось постичь.

— Стать дружнее! — почти повышает голос парень, эта червовая девятка. — Быть более хорошей командой! Не быть эгоистами — гнать от себя роскошь и излишества!

Мери Земирлонг смеётся. Возможно, это выглядит странно, так как Раймон вздрагивает и непонимающе смотрит на неё. Девушка идёт к лестнице, не спеша поднимается по ней. Она просто не может ходить быстро. Ноги её были изуродованы во время того ритуала и теперь почти постоянно кровоточат, если она ходит слишком много или слишком быстро. Она — не Леонризес, которая ходит медленно только потому, что считает, что выглядит так

более степенно и важно. И уж тем более, она не Нелли Андреас, которая слишком нерасторопна во всей своей дурацкой старательности.

Константин Райн, узнав однажды, что именно происходит с ногами Мери, выторговал у пиков ковёр, который тут же был постелен на лестницу. Пожалуй, он жалел её. Жалел и понимал хотя бы отчасти. Кажется, парень относился к разряду ведунов — тех обладателей магических способностей, которые умели разговаривать со всем живым, даже с камнями, и которым ничего не стоило прочесть мысли.

Мери Земирлонг была рада, что она попала в эту команду. В команде пиков, ей было бы несколько сложнее. Из-за Эниф, которая взяла на себя обязательства по заботе за остальными представителями команды. Мери ни в коем случае не нужен был человек, который пытался бы о ней заботиться. Хватало молчаливой заботы Константина, который просто старался обеспечить ей как можно более тихую жизнь, не приставая лишней раз с поручениями и вопросами.

— Бубны дружнее вас, — говорит она спустя мгновение после того, как ей удаётся подняться на второй этаж. — Пики лучшая команда, чем вы.

Раймон молчит. И Земирлонг чувствует, что пока она не скажет этому парню всего, он от неё не отвяжется. Мери открывает парню дверь в свою комнату. В комнате её находятся лишь матрас, книжная полка и невысокий столик для занятий. Ничего лишнего. И Мери Земирлонг знала, что примерно такая же обстановка царит в комнатах других членов команды трэф. Пусть она никогда там не была — в других комнатах, — но они были куда меньшими выпендрёжниками, нежели команда пиков.

— И я не думаю, что вы более аскетичны, чем мы, — говорит, наконец, она. — Так в чём же помогают общие спальни? Ну же? Скажи мне!

Раймон замолкает. Смотрит на неё жалобно. Как же предсказуемо! Он всегда смотрит на неё так, когда не может ответить. Словно виновато и обвиняюще одновременно. Он не понимает...

Хм... Всё же, какой же он ещё ребёнок!

Мери Земирлонг была уверена, что никто больше из всех четырёх команд — то есть, из пятидесяти человек, если не считать её и Раймона — не был настолько наивен. Нет, конечно, Мицар был давно безответно — хотя, кто знает — влюблён в Леонризес. Конечно, Феликс свято чтит заветы Империи, в которой он родился. Конечно, Эниф считала, что Эйбису нужна помощь. Нет... Ему помощь нужна не была. Даже поддержка. Каждый раз, заглядывая в глаза Вейча, Земирлонг понимала, что он несколько другой, совсем не такой, как остальные. Что в его глазах есть что-то, что могло бы испугать. Они — глаза — не были полны тайной грусти или обречённости, как это было в случае с Эсканором и Леонризес. Было что-то другое. Что-то, что заставило бы отшатнуться даже самого смелого человека. Сестра Обета ловила себя на мысли, что порой она сама начинает бояться пикового валета.

— Ладно, поставим вопрос по-другому, если ты не можешь ответить на него так... — подумав, продолжает Земирлонг. — К чему вы стремитесь? У тебя три попытки. Не ответишь — выметайся.

Глаза Раймона снова начинают блестеть. Кажется, от радости. Да, вроде как — от радости и от уверенности в том, что он сможет в этот раз её убедить в правильности своих идеалов. Глупый ребёнок. Хотела бы Мери Земирлонг сама быть такой... Хотела бы она не знать того, что на неё свалили из-за принадлежности к Сестринству... Хотела бы она быть похожей на своих сестёр, которые были уже замужем... Она хотела бы быть такой —

беспомощной, но, всё-таки, защищённой хоть от чего-то.

— Мы сражаемся за торжество жизни! — уверенно начинает Тедд.

Уверенно... Это кажется девушке почти смешным. Он был так уверен в своей правоте, что не прислушивался даже к самому себе. Глупое качество. Впрочем... Константин тоже постоянно перевирает факты, но делает он это, всё-таки, куда изящнее. И с головой. Мери ещё ни разу не удавалось его переспорить...

— Ммм... Нет, — качает головой Земирлонг. — Бубны сражаются за это.

Тедд на секунду замирает. Снова распахивает свои большие синие глазища. На его лице отражается тот мыслительный процесс, который, видимо, идёт сейчас в его голове, явно не забитой какими-то тайными знаниями и, вообще, особыми философскими теориями. Разумеется. У него в голове только идеалы, которые он не в состоянии даже сформулировать, не то что объяснить.

— Мы боремся за свободу! — снова пытается спорить парень.

Свобода... Это они то за свободу?! Они — считающие, что только некое гипотетическое «добро» является достойным того, чтобы за него боролись?! Они — яро выступающие против чёрной магии, чернокнижия и прочих магических ответвлений?! Они — перевоспитывавшие каждого из своей команды, кто отступался от их общепринятых ценностей?! И это то была свобода?!

— Ммм... Снова мимо... — замечает Мери. — Какая же свобода в обязательном выборе света? Пики борются за свободу.

Да. Именно пики. Именно они никогда не определяли для себя — какую сторону им принимать. Именно они предоставляли своим членам выбор — быть за добро, зло или не участвовать в этом известном споре. Именно они не делили вовсе людей на добрых и злых, а поступки на чёрные и белые, магию на хорошую и плохую, делили разве что людей на интересных и не очень.

Они были свободны... В высшей степени свободны... Кое-где кое-кто правда накладывал на себя правила и обязательства, «обязательные для любого уважающего себя человека» и «необходимые в светском обществе». Пики, вообще, были очень щепетильны в этих вопросах. Они никогда не позволяли себе ничего лишнего в общении с кем-либо. Не болтали слишком много. Жили в своё удовольствие. Никогда не стремились оправдываться перед кем-то за свои поступки. Считали, что это никого не касалось. Они жили, как казалось Земирлонг, в высшей степени правильно... Так, как должны были жить, вообще, все люди, которые только были.

— Мы идём к высшей цели! — почти зло восклицает Тедд.

Уже злится... Что же... Это только подтверждает, что он — далеко не прав. Только подтверждает, что червы тоже не правы. Что вся их политика с самого начала была неправильной. Что только подтверждали не только метания Тедда, но и то поведение Миры, которая всё не могла определиться между Эсканором и Виландом... Кажется, Райн тоже пытался на что-то претендовать и теперь мстил и Эсканору, и Виланду, и Андреас. Пожалуй, его даже стоило пожалеть... Вот только Раймон — как и все в команде червов — не понимал, что на самом деле набрасываться стоило скорее на Миру, а не на Феликса или Константина... Мери не понимала, насколько нужно быть подлой тварью, чтобы поступать так... И чувствовала, что никогда и не поймёт.

— И ты опять ошибся, — отвечает ему девушка. — Высшая цель, согласно правилу вечности — полное отрицание всех эмоций. И к этому стремимся мы, треды. Вы — червы

для этого слишком... эмоциональны...

Раймон замолкает и виновато опускает глаза. Кажется, он подавлен. Что же — это не её проблемы. Пусть червы сами с ним разбираются. Да, да — пусть! В конце-концов, они сами приняли его в свою команду. Все его разочарования, потрясения и прочее, что может случиться с излишне впечатлительной девяткой червов, забредшей в логово трэфов — их и только их проблемы...

Тедд Раймон поднимает голову и жалобно смотрит на неё.

Жалобно... Что за мерзость! Жалобно! Больше всего на свете она ненавидела жалость и всё, что к этому относилось. Это всё было показателем слабости. Что же... Видать, Сестра Милосердия из неё выйдет не самая хорошая, но это уже только её проблемы. Как и всё, что связано с Сестричеством.

— Я дала тебе три попытки угадать, — говорит после этого неловкого молчания Земирлонг. — А теперь — уходи. Ты не смог угадать.

Тедд снова понуро опускает голову и медленно бредёт к выходу из комнаты. Нехотя. Конечно, он не хотел... Он ведь приходил к ней за чем-то конкретным. Погадать ли? У неё все просили, чтобы она им погадала. В Сестричестве учили Прорицанию, и в Академии она знала об этом поболее многих учителей. Скорее всего — именно так. А что ещё нужно было червам — всем червам, ведь он явно приходил к ней по поручению их туза, короля или королевы — от трэфовой дамы? Порой Земирлонг задумывалась — почему именно Тедда они послали. Хотя... Она знала — почему. Он был из тех очень глупых, но очень милых людей, перед обаянием которых никто не мог устоять, даже она, Сестра Обета Мери Земирлонг.

— Тогда за что сражаемся мы? — удивлённо бормочет Тедд, оборачиваясь в дверях. — Ты можешь это сказать мне? Пожалуйста!

Его рука лежит на дверной ручке, и Земирлонг надеется, что он скоро уйдёт. В конце концов, ей тоже хотелось бы отдохнуть сегодня. В конце концов, она тоже была человеком, тоже уставала, тоже нервничала, тоже совершенно неоправданно переживала за результаты экзаменов... В конце концов, она тоже видела эту драку — впрочем, даже дракой это назвать было затруднительно — между Эйбисом и Кристианом, а после тоже ждала результатов «посиделок» в кабинете директора.

Разумеется, сегодня была её очередь дежурить в домике, отданном в распоряжение команды трэф. В конце-концов, вместо того, чтобы готовиться к экзаменам, прошлую ночь так дежурил Анте. И он не ныл из-за этого. Он послушно дежурил, не смея и слова сказать против.

И Земирлонг понимала это.

Но сегодня она, и так, слишком устала. Кто осудит её за то, что она мысленно была готова проклинать Тедда Раймона, забредшего к ней в такой поздний час, за то, что ей пришлось не снимать эти чёртовы платок и шаль, за то, что ей пришлось не расплестать косу, за то, что ей приходилось ходить — ступать больными ногами, раны на которых ныли из-за плохой погоды этой ночью?

— Если вы сами не знаете за что, — Мери Земирлонг берёт в руки какую-то чашу, — то откуда же это знать мне? Уходи.

Быть может, она была резка сейчас. Но это не её вина. Она просто устала. Она имела право на это. Пусть дежурить раз в тринадцать ночей и было её прямой обязанностью, она имела право сердиться на случайных посетителей вроде Тедда. Потому что по уставу

Академии они, вроде как, не должны были разгуливать ночью по улице.

Да лучше бы разгуливали, как разгуливали сейчас Эйбис и Эниф, только бы не лезли к ней! Лучше бы кричали, громко смеялись, купались в местном пруду, брызгались, шумели — только бы не лезли к ней! Она была готова даже заплатить за это. Если бы у неё только было что-то, чем она могла заплатить...

— Но... Ты ведь даже не спросила — зачем я пришёл! — восклицает Раймон почти обиженно.

Обижается... Что же... Возможно, это даже лучше. Он надоел ей — этот мальчишка, — но никак не хотел этого понимать. Она и сама предпочла бы этого никогда не понимать. Предпочла бы не быть восемнадцатилетней старухой, которая никогда не смогла бы в дальнейшем даже родить ребёнка.

Она отдала бы всё на свете за тот искренний смех, какой слетал с уст Эниф Монтаганем, и смеяться каковым она уже давно разучилась... Мери Земирлонг было восемнадцать. Она была восемнадцатилетней старушкой, которая уже не могла ни смеяться, ни говорить всё на свете, когда этого только хотела, которая не могла даже быстро передвигаться... Земирлонг было восемнадцать. Она была довольно красива, как ей самой иногда казалось, когда она тайком бросала взгляд на зеркало в ванной комнате, но она не имела права показать кому-либо своё лицо. Обязана была вечно закрывать его алой, как свежая кровь, шалью. Шалью, на которой были вышиты три символа, которые постоянно повторялись — главный, самый большой по размеру, расположенный между первыми двумя, состоял из закрашенного большого круга посередине, двенадцати небольших, пустых круга в разных углах и столько же линий, берущих начало из первого — большого — круга и отделявших маленькие друг от друга, а так же двух изогнутых линий, с правой и левой стороны, каждая из которых отделяла три маленьких круга от центрального. Этот символ означал «милосердие» в переводе с языка чориго. Слева от «милосердия» был символ «отречение» — состоявший из трёх жирных линий, которые брали начало из одной точки и были направлены — одна влево, другая вправо, а третья вниз, — двух волнистых линий потоньше, направленных наверх, двух тонких линий — тоже волнистых, — шедших рядом с теми, более толстыми волнистыми линиями, а так же, двенадцати тонких линий, которые вились вокруг трёх жирных линий, пересекали друг друга и казались роящимися змеями в клубке. Справа же символа «милосердие» был символ «нестяжание», похожий на берёзовую ветвь с листьями, рядом с которой были ещё пять точек. Она учила в детстве язык «чориго». Да что там. В Акорле все знали этот язык. На нём говорили.

Она обязана была быть такой — недоступной и строгой. Строгой к себе и снисходительной к другим. Обязана была заплетать косу вокруг головы, и прикрывать её белым платком, поверху обматывая той алой шалью. Обязана была надевать абайю, подол которой тоже был расшит символами из языка чориго. Не имела права выходить из собственной комнаты без этого. Всё её тело должно было быть полностью сокрыто от посторонних взоров. В Акорле, где она родилась, так ходили все девушки и женщины. Там — в её солнечном и жарком Акорле — всё было родным и привычным для неё, та природа, то солнце, та бескрайняя пустыня... Там — в Акорле — остались её мать, трое сестёр, двое братьев, отец, две тёти, Сёстры Печали... Она сама готовилась стать Сестрой Печали. И только поэтому ей было разрешено выехать из страны, учиться в Академии... Только поэтому вместо традиционных, «женских», предметов, она учила в три раза больше всего. Она имела почти свободу... Свободу передвижения, возможность учить и знать всё на свете,

что ей только хотелось учить и знать... Пока... И за это она обязана была поплатиться той лёгкостью походки, которой обладали все её сёстры. После обряда на вступление в Сестричество её ступни постоянно кровоточили. Ей не было тогда и семи, и она постоянно плакала. Сейчас же слёзы высохли, и она почти могла увидеть своё превосходство над собственными сёстрами и матерью. Она была Сестрой Обета уже одиннадцать лет и готовилась через год стать Сестрой Радости...

Какая из неё Сестра Радости?

— Зачем мне это знать, если ты уже уходишь? — спрашивает девушка, отворачиваясь.

Ей хочется побыть в одиночестве. Неужели, это так трудно понять? Ей хочется ни с кем не заговаривать. Сидеть и молчать. Смотреть в окно на веселящихся Эйбиса и Эниф. Точнее, на веселящуюся Эниф и играющего радость и веселье Эйбиса. Он, по крайней мере, знал, что врёт...

Всегда знал...

Мира же считала, что говорит правду. И кто из них после этого был — лжецом, подлой, гадкой змеей? Вейча, по крайней мере, никогда и не пытался казаться благочестивым. Он был своего рода безумцем. Безумцем, которым Земирлонг всегда восхищалась. Смешливым, задорным, остроумным, смелым, живым. Он был тем, кто никогда не сдавался и кто не выдумывал себе правил. Кто был полностью свободен...

— Я желаю вам удачи в охоте, — задумчиво произносит девушка вдруг. — Очень надеюсь, что вам повезёт.

Охота... Как же она могла забыть об этом мероприятии? Охотой называли ту практическую часть экзаменации, самую важную, но к которой, между прочим, большинство учеников относилось несерьёзно. Их скитания по лесам и близлежащим посёлкам и развалинам с целью найти всё, что приготовили им преподаватели. Самая важная часть экзаменации. Самая простая для всех. Для всех, кроме неё. Она уже и забыла про то, как приходится бегать по лесу, перескакивать через кочки и пеньки, а так же скрываться от других команд... Охота сопровождалась своеобразной войнушкой между мастями с использованием мелких боевых заклинаний, с укрытиями в болотах и тому подобным... Два года назад так погибла одна девочка... Кажется, сестра Эрны — Габраяле. Шестнадцатилетняя сильфида... Эрне теперь тоже было шестнадцать.

— Спасибо, — Тедд вдруг протискивается обратно в комнату. — Слушай, может, всё-таки, погадаешь мне?

Погадать, значит... Она, всё-таки, угадала. Именно погадать... Что же... Пожалуй, это было не так уж и трудно. Просто развести ритуальный огонь в чаше, которую она уже взяла в руки. Просто задать несколько вопросов.

Это было нетрудно... Даже несколько приятно. Гадания, как ни странно, отвлекали её от мыслей о том, что будет в будущем у неё самой... Она предсказывала будущее всем, кто у неё этого просил. Предсказывала им и отвлекалась от самой себя. Это сильно помогало. Кому приятно понимать, что, возможно, под конец жизни ты не сможешь ни ходить, ни говорить, ни даже видеть?

— Хорошо, — после минутного раздумья говорит Мери Земирлонг. — Обещай, что уйдёшь сразу же, после того, как я сделаю это.

Глаза Раймона снова начинают блестеть от радости, и Земирлонг едва удерживается от смешка в его сторону. Он был такой забавный... Этот вечно весёлый мальчишка с наивными синими глазами. Его хотелось опекать. Его хотелось радовать. Чтобы он улыбался — не так

как Вейча, а искренне.

Как сама Мери никогда в жизни не улыбнётся...

Впрочем, кому какое дело было бы до её улыбки? Её лицо вечно было закрыто. И она не имела права его открывать, не имела права его показывать. «Милосердие», «отречение» и «нестяжание» — вот что должно было стать основой её жизни. Милосердие — самое странное, какое когда-либо видел свет. Милосердие, позволяющее убить, причинить боль... Милосердие, позволяющее пытаться кого-то... Отречение от самой себя — от семьи, от друзей, от плоти. И нестяжание, не позволяющее что-то иметь, кроме абайи, платка и шали...

— Спасибо... — бормочет себе под нос Тедд; несколько озадаченно, но тем не менее — весьма довольно.

И Земирлонг чувствует, что начинает сердиться на него за эту беспричинную радость. Она чувствовала себя вечно усталой, словно прожила не восемнадцать лет, как было на самом деле, а все сорок. Она чувствовала себя вечно раздражённой. И надеялась, что имела на это право. Хотя бы на это... Обет, к её величайшему сожалению, был магическим и сковывал её по рукам и ногам даже в отношении чувств.

— Замолчи! — резко бросает Мери. — Не смей меня перебивать. Я не буду тебе гадать, если ты ещё раз что-то скажешь без моего разрешения.

Тедд послушно замолкает. Смотрит на неё только своими огромными синими глазами — смотрит виновато и осуждающе одновременно. Хотя, возможно, что на самом деле — только виновато. Что осуждение она сама выдумала. Что его не было и в помине... Возможно, всё было именно так... Что он просто чувствовал себя глупым и виноватым — как оно, в принципе, и было.

В это время Земирлонг разжигает огонь в чаше с помощью магии. Для гадания годится только магический огонь. Другой будет только мешать. И ничего — совсем ничего — не покажет.

— Протяни руку к огню! — настойчиво требует Мери Земирлонг спустя некоторое время, когда огонёк становится больше. — Ну! Делай, что я сказала! Да не бойся ты — не обожжёшься. Я тебе это обещаю.

Раймон тянет руку в пламя. То не обжигает его. Парень с восторгом смотрит на Сестру Обета. Той даже хочется его толкнуть. Обет сковывал её по рукам и ногам. Запрещал чувствовать что-то, кроме вечной усталости и холодного сострадания. Заставлял её ноги кровоточить очень сильно, если она начинала испытывать что-то ещё.

— Думай о том, что ты хотел узнать! — бросает Мери.

Тедд кивает и закрывает глаза, жмурится, старательно пытаясь удержать в голове то, ради чего он сюда пришёл. Земирлонг видит, как сильно он старается, и думает, что, пожалуй, это смотрится даже забавно... Мери ловит себя на мысли, что она исподтишка наблюдает за этим парнем, вглядывается в его лицо, словно пытаясь запомнить каждую чёрточку, каждый изгиб...

Спустя мгновение пламя меняет цвет. Из того почти прозрачного, почти белого, оно становится матовым — чёрным с красно-золотыми прожилками. Оно разрастается до масштабов, которых девушка ещё не разу не наблюдала вживую.

Мери Земирлонг отшатывается. Ей вдруг становится страшно. Разумеется, ей так же больно. Ступни уже давно кровоточат ещё сильнее. Константин обязательно заметит завтра кровавые следы на ковре — ведь ей придётся спуститься, чтобы проводить червовую девятку

и закрыть за этим мальчишкой дверь...

— Это плохо? — спрашивает взволнованно Тедд.

Она смотрит в его глаза. Синие... Почему её так волнует этот факт? Потому что в Акорле почти у всех глаза либо янтарные, либо карие, либо чёрные? Потому что синий — цвет неба и моря?

— Это плохо, — подтверждает Земирлонг. — О чём конкретно ты думал?

Парень краснеет. Это тоже смотрится забавно, но... Мери уже почти не кажется, что это так... Её интересует только пламя — разросшееся и почерневшее... Почему так произошло? Она слышала о чём-то таком ранее, но сейчас она ничего не могла вспомнить. Она волновалась... Сильно волновалась. Зрелище, которое предстало перед её глазами, было не из приятных. И оно пугало. Пламя должно было становиться синим, жёлтым, зелёным, красным или оранжевым во время гадания, но она никогда не видела чёрное пламя. Синий означал печаль, жёлтый — болезнь, зелёный — спокойствие, красный — кровь, а оранжевый — радость... Но что же обозначал чёрный? Смерть?

Чёрный с красно-золотыми прожилками... Смерть с привкусом крови и безумия... От осознания этого становилось ещё страшнее... Мери чувствовала, как с каждой секундой ей всё больше хочется выставить Тедда Раймона за дверь и прокричать ему в след, чтобы он никогда не приходил больше к ней с такими глупыми просьбами... С такими страшными просьбами...

— О Избранной... — говорит червовая девятка, и внутри Мери Земирлонг всё холодеет.

Избранная — это была запретная тема в Сестричестве. После того, как мать-настоятельница однажды нагадала что-то об этой девушке, эта тема в Сестричестве никогда не поднималась. Должно быть, было что-то в этом... страшное... Что-то, о чём даже говорить, даже думать было опасно.

— Что же... — хмыкает трефовая дама. — Это ещё хуже.

Тедд Раймон бледнеет и с надеждой смотрит на девушку. С надеждой... Он, должно быть, был глуп, если смотрел на неё с надеждой. Впрочем... Она сама себе противоречила — она же всегда считала его глупым...

Перед девушкой встаёт выбор — продолжить и узнать или не продолжать, прогнать Тедда и спать после этого спокойно. Ей кажется, что оба варианта являются неправильными... Что она должна поступить неким третьим образом. Что же выбрать? Трудно... Как же трудно... Впрочем, разве не нарушила она уже правила, начав гадать об Избранной? Следовало продолжать...

— Загляни в пламя! — требует Мери. — Думай о глазах. Об её глазах. Да смотри внимательно.

Тедд послушно вглядывается в огонь. Долго не отводит взгляда. И Сестра Обета начинает волноваться. По какому-то преданию — смотреть так долго было нельзя. Вроде как, пламя являлось откликом Бездны, если посмотреть прямо в которую — или долго всматриваться в отклик которой — можно сойти с ума. Стать безумцем... Кто знает — может она сейчас толкала ни в чём неповинного человека в ту самую Бездну. Может, она в данный момент калечила ему жизнь...

Раймон, червовая девятка, всё смотрел и смотрел, словно видел там что-то, на что следовало смотреть, на что следовало обратить внимание... Он смотрел, и девушке его глаза казались уже не синими, какими были раньше, а несколько посветлевшими... Почти небесно-голубыми...

— Видел? — спрашивает его Земирлонг, когда любопытство и волнение, наконец, берут верх над ней. — Ты их смог разглядеть?

Парень кивает. Молча. Это кажется на него отчего-то абсолютно непохожим, и Сестра Обета осторожно ударяет его по плечу. Он поворачивается. Нет... Глаза всё те же — синие... От осознания этого почему-то становится несколько спокойнее. Возможно, всё ещё обойдётся. Возможно, она ещё не искалечила его душу... Возможно, Бездна на него ещё не повлияла, и он останется таким же, каким был прежде...

— Ну? — девушка смотрит на него заинтересованно. — Что именно ты видел? Я гадалка, я могу только толковать символы, но ничего не вижу сама.

Тедд сглатывает и снова смотрит на неё своими синими глазами. С надеждой. С надеждой, что она не даст его в обиду, что всё будет хорошо... Он снова кажется ей маленьким ребёнком... Ребёнком, прибежавшим к маме, чтобы та подула на его разодранную коленку...

Что такого он мог видеть в огне?

— Я видел кровь... — испуганно бормочет парень. — А потом... Потом я видел смеющиеся тёмные глаза...

Он дрожит от ужаса, и Мери чувствует, что его дрожь передаётся и ей самой. Её саму охватывает ничем необъяснимый страх. Это очень плохо. Страх мешает мыслить здраво. А в данной ситуации ей это просто необходимо.

— Боги... — выдыхает Земирлонг, пытаясь взять себя в руки. — Боги...

Её просто трясёт. Как де ей страшно сейчас! Никто, никто не мог представить, насколько уязвимой и беспомощной она чувствовала себя сейчас... Все эти Пророчества, Избранные — она никогда их не любила... Но больше она боялась историй о Танатосе. Историй о властителе, который мог сделать со всеми живущими что угодно. Это было в его силах...

Полностью неуязвимое в плане чувств и привязанностей существо. Чудовище. Человек с самой чёрной душой, которую только можно представить. Который не любил ни мать, ни отца, ни друзей, ни соратников... Полюбивший только раз в жизни и — убивший эту любовь, потому что та ему мешала...

— Что? — голос Раймона дрожит.

Тедд... Что же он за горе такое? Почему именно из-за него это произошло? Всё было бы куда проще, будь на его месте Константин или Феликс — они, по крайней мере, были достаточно решительны и мужественны, чтобы осознать этот факт, чтобы принять его, чтобы придумать хоть что-то... Всё было бы проще, будь на его месте Эйбис — он бы не боялся так. Он словно уже давно знал, что такое Бездна...

— Скажи мне, что ты — дурак! — требует девушка, и в её голосе Раймон чувствует страх. — Скажи мне, что ты, как всегда, подумал о чём-то не о том! Скажи мне... Скажи мне что угодно!

Возможно, она слишком резка... Это не важно... Она чувствовала себя вечно усталой, словно прожила не восемнадцать лет, как было на самом деле, а все сорок. Она чувствовала себя вечно раздражённой... А теперь ещё и — напуганной. И девушка абсолютно не понимала, как ей справиться с этим ужасом. Ей бы выйти на улицу, ей бы прокричаться, прореветься... Ей бы...

— Что? — растерянно спрашивает Тедд.

В голову приходит догадка, которая объясняла бы произошедшее не таким ужасным

образом... Мери обеими руками хватается за эту догадку. Лучше бы всё это было так... Лучше бы... В таком случае, не всё будет так ужасно. В таком случае, только её жизнь будет такой безрадостной и серой.

Точно! Всё так и есть! Это просто наиглупейшее из недоразумений, которые только могли произойти в Академии! Ничего страшного в этом не было и в помине, а Мери просто пора уже лечить нервы. А она... Нафантазировала тут себе невесть что! Распереживалась! А на самом деле, всё, скорее всего, было очень даже в порядке. Ничего из ряда вон выходящего... Ничего, что могло бы на самом деле её напугать. Он — просто обычный идиот, из-за которого не следовало переживать. Всё будет хорошо...

И у неё будет хоть один человек, которому она будет целиком завидовать...

— Ты думал о рождении времени? — спрашивает его трефовая дама. — Ты, что, начитался любимых книжек Эсканора?!

На неё смотрят непонимающе, и девушке думается, что как бы не оказалось, что о рождении времени Тедд даже ничего не слышал. Он был одним из самых худших учеников и на уроках постоянно спал... Боги... Нет, нет, нет... Как бы не оказалось... О, нет... Неужели, тогда получится, что разволновалась она не зря?

— Нет! — восклицает парень раздражённо. — Я не думал об этом!

Нет... Нет! Земирлонг хочется закричать — она чувствует себя опустошённой. Испитой до дна. Силы будто покидают её. Голова начинает сильно кружиться... Ей не хочется даже думать о том, о чём она уже успела подумать благодаря этому недотёпе... Следовало прогнать его сразу... Не следовало продолжать гадание... Не следовало...

Что же она наделала! Нужно остановиться, пока не поздно. Остановиться. Прогнать Тедда прочь... Да, именно... Прогнать... Выпить успокоительного... И никогда больше не возвращаться к этой теме... И тогда всё будет в порядке... Тогда всё будет хорошо... Она выпросит у Райна стирающее память зелье и всё забудет...

Всё же, это было неплохо — то, что Константин смог разобраться, из каких компонентов состоит данное зелье, и как его нужно готовить. Это теперь играло на руку, что пикам, что трефам. Первые — ввиду знатного происхождения как минимум троих представителей данной команды; вторые — ввиду их принадлежности к той же команде, тузом которой был Константин.

— Тогда плохо... — говорит девушка.

На глаза уже почти наворачиваются слёзы. Чёрт! Лишь бы не зареветь. Да ещё в присутствии этого идиота... Какой же это будет позор — разреветься, как ребёнок. Нужно сдерживаться. Она боится. Ужасно боится. Потому что все пророчества Сестёр всегда сбываются. Дело было именно в том огне...

— Что именно плохо? — озадаченно спрашивает её Раймон. — Я не понимаю...

Не понимает... От осознания этого слёзы вмиг просыхают. В груди поднимается непонятная злоба. Непонятная ей самой. Она никогда не была такой — никогда не кричала ни на кого, вела себя скромно и послушно, вела себя как полагается вести себя Сёстрам Обета... А теперь... Теперь в её душе полыхала такая необъяснимая ей злоба. Теперь в её груди просыпалось неизведанное до этого желание — желание как-то навредить, причинить боль... Она не понимала его. И не знала — как с этим бороться. Всё всегда было намного проще.

Надо будет обязательно попросить зелье забвения у Райна. Это ей поможет. Будет хорошо, если она не вспомнит даже этот день. Будет хорошо, если она никогда не узнает

того, что узнала теперь. Потому что она даже не знает, каким образом можно бороться с тем, что когда-то предсказали Пророки. Она никогда не сомневалась в том, что всё, что было написано в тех книгах — правда. Она училась жить с этим с самого рождения. И уж тем более, она никогда не пыталась сопротивляться этому. Пророчества были неотвратимы.

— И не поймёшь! — зло роняет Мери Земирлонг. — Это означает, что Избранная каким-то образом будет связано с Хейденом!

Тедд удивлённо смотрит на неё. Смотрит своими большими синими глазищами, и от этого злоба в её груди только разрастается. Кажется, он даже не знал, кто такой Хейден... Дожили... Она слабо представляла, что такой человек, как Раймон, мог делать в Академии. Да ещё и как-то сдавать эти проклятые экзамены, которые, нужно сказать, были довольно сложными, что сдать их без должной подготовки было просто невозможно.

Но Тедд, кажется, даже не знал, кто такой Хейден. Или... Этот идиот просто не знал, что это то имя, которое было дано Танатосу при вступлении в орден? Оставалось надеяться, что так оно и было на самом деле. Мери Земирлонг не выдержит, если окажется, что он даже не слышал о том человеке.

— С кем? — непонимающе спрашивает парень. — Я не совсем понимаю, кто это такой...

Не понимает... Дурак. Какой же он дурак... И зачем только она с ним связалась? Было бы проще, если бы она не открыла дверь сегодня. В дни, когда Мери выдавалось погадать, она редко жалела об этом, но довольно часто думала, что хорошо быть человеком без этого дара, что хорошо жить настоящим, не уметь заглядывать в будущее... Что хорошо не знать ничего, что тебя ждёт в дальнейшем. Хорошо ловить каждый момент, не ожидая смерти или неудачи, которая ждёт тебя через несколько секунд...

— С Танатосом, идиот! — шипит гадалка. — Это означает, что Избранная каким-то образом будет связано с Танатосом! Тебе напомнить, кто это такой?

Тедд Раймон вздрагивает. Неужели, он настолько слабак, что не может выдержать даже её взгляда? Или она, всё же, переборщила? Ступни ужасно болят, но сейчас Мери не смеет взглянуть на них — если взглянет, не сможет отделаться от мыслей о боли в ногах и о крови на них...

Ей ещё повезло, думается девушке.

Ей ещё повезло. На вступлении в Сестричество её ровесницы Вималы, рука у сестры Идхар — Сестры Безмолвия, которая отвечала за ритуал вступления — дрогнула. Теперь Вимала теперь не могла ходить и вовсе... Каждый раз, когда Мери посещала Монастырь, где жили Старшие Сёстры — Сёстры Справедливости и Сёстры Безмолвия, она думала о том что ей повезло куда больше, чем бедняжке Вимале, которая теперь постоянно жила в Монастыре и не имела возможности даже с кем-то поговорить: что на Сёстрах Справедливости, что на Сёстрах Безмолвия, был Обет Молчания, а первые, к тому же, были ещё и слепы.

Ужасная жизнь в логове молчаливых сестёр — вот, что теперь было уделом Вималы...

Ей повезло. Она была здесь — в Академии. Она общалась со своими сверстниками пусть порой и не понимала их. Она видела их радости и неудачи, она могла хотя бы говорить с ними... Она могла делать практически всё, что ей только заблагорассудится. Она могла ходить. С трудом, но... Она могла это делать... Могла жить в окружении прекрасных людей, пусть и не всегда правых... Пожалуй, ей стоило научиться снисхождению. Нет. Ей определённо стоило сделать это. Подумать только — Вимала жила в куда более худших

условиях, но никогда на это не жаловалась. А она...

— Нет! — вздрагивает Тедд и виновато смотрит на девушку. — Но я не совсем понимаю, как...

Не совсем понимает... Раймон смотрит на неё своими большими наивными синими глазами, и девушке хочется рассмеяться. Этот парень был младше её всего на два года, но... Какой же он до сих пор ребёнок! На него просто невозможно смотреть без улыбки... Он явно из тех сторонних наблюдателей основных исторических событий, смотрящий удивлённо и восторженно, но имеющий право не скрывать лицо... Мальчишка... Ребёнок... На которого так хотелось рассердиться, но на которого невозможно было сердиться долго...

— Как?! — восклицает Земирлонг раздражённо. — Как?!

Тедд ловит себя на мысли, что прижимает голову к плечам, пытается как-то сжаться, стать меньше... Он, и так, не слишком высок, думается Мери. Он, и так, маленький и шупленький... Почти такой же худенький, как Вейча...

— Что ты ещё видишь? — спрашивает девушка, чуть-чуть остыв. — Говори же!

Невысокий русый парнишка шестнадцати лет с наивными синими, как ночное небо, глазами... Что он забыл на факультете практической магии оставалось для Мери Земирлонг загадкой. На факультете, где учили сражаться друг с другом. Где основными предметами считались боевые искусства: фехтование, единоборства, метание кинжалов, стрельба из луков — на выбор, кто что предпочитал — и магия проклятий и отражений, чтение мыслей и тому подобное. Всё для ближнего и дальнего боя. Всё для войны. На факультете, где учеников заставляли сражаться друг с другом — командами и по одиночке...

— Буквы, — кажется, из червовой девятки всё придётся вытягивать, словно щипцами.

Он не хочет говорить, рассказывать всё подробно, как стараются рассказывать бубны или червы обычно, когда обращаются к тому, кто может им погадать. Они обычно рассказывают всё-всё, что только могут рассказать. Они обычно говорят много, хоть и не по существу. Что забыл Тедд Раймон в команде червов? Ей бы хотелось это знать. Как и то, что именно означает то Пророчество, которое они, вероятно, сейчас видели. Точнее, видел которое Раймон, но толковательницей которого являлась именно она — Мери Земирлонг, восемнадцатилетняя Сестра Обета, трефовая дама, дочь акорлского хедифа и просто обычная девушка, которую заставляли жить иначе, нежели жили её сверстницы.

— Какие? — спрашивает гадалка, словно у ребёнка.

Ей хочется знать... Раз уж они полезли в Пророчества — нужно знать всё. Иначе очередное Пророчество не будет стоить и ломанного гроша. Ей нужно знать. Она должна понимать как можно больше. Только тогда они смогут что-то сделать с этим. И, быть может, она всё расскажет сестре Раджни, которая обязательно всполошит всё Сестричество этим случайным Пророчеством, которое было выведено из-за такого дурачка, каким несомненно являлся Тедд Раймон...

Да... Тедд был всего лишь мальчишкой. Обыкновенным восторженным мальчишкой. Не беспрекословным и немым рабом, каким являлся Мицар для Леонризес, нет. Обывателем. Почти. Временным фанатиком, которые принимают то одну сторону, то другую сторону, но не из корысти, как это делала, скажем, Мира Андреас — да, именно она, эта ложно благочестивая королева сердец, — а только по незнанию того, чего именно так страстно жаждет его душа. Тедд был почти ребёнком. Милым. Светлым. Наивным. Пытающимся сражаться за непонятные ему идеалы, выдуманные, как ни странно, им же самим. Пылко защищающим эти выдуманные идеалы. Готовым постоять за них и даже отдать за них свою

жизнь. Он был совсем ещё ребёнком...

— «М» и «Ф»! А теперь — «Дж» и «Б», — говорит парень, стараясь всё внимательнее и внимательнее вглядываться в пламя. — «Дж» и «Б» исчезли, растворились в буквах «Г» и «Х»... А ещё есть буквы «У», «Н», «А», ещё одна «Б», ещё одна «Дж», «Т», какая-то странная буква «Р», постоянно меняющая очертания, ещё одна буква «Ф», буква «К»... Их много, Мери... И многие повторяются.

Девушка молчит. В её голове появляются смутные опасения. Она судорожно пытается вспомнить тех людей, которые как-то относились в Пророчестве, и как-то, во время её поездки в Монастырь, упоминались Сёстрами Печали... И она вспоминает... Вспоминает. Эти имена имели те же инициалы, которые произносил сейчас Раймон.

Значит, всё было более чем серьёзно. А она-то, дура, надеялась... Впрочем, она ещё и лгунья тоже. Она давно уже не надеялась на то, что это окажется какой-нибудь мелочью. Понимала, что то, с чем она совершенно случайно столкнулась этой ночью — то, от чего зависит дальнейшее существование трёх миров. И, быть может, в её силах что-то изменить...

— Убирайся... — неожиданно упавшим голосом произносит трефовая дама. — Я никогда больше не буду тебе гадать...

Тедд Раймон непонимающе смотрит на неё. Молчит. Тянется было за графином с водой, пытается налить воды... Ей не нужно это! Ей не нужна его помощь! Земирлонг сама встаёт, смотрит волком на него... Ей необходимо побыть какое-то время в полном одиночестве. Подумать над тем, что произошло только что...

— Убирайся! — кричит она, когда понимает, что парень не спешит покинуть её комнату. — Я тебе не ясно сказала?!

Раймон подсакивает, смотрит на неё — на этот раз обиженно... Но на этот раз хотя бы уходит... Ей хочется благодарить богов за это... Она просто не выдержала даже ещё минуты его общества сейчас...

Когда дверь, наконец, захлопывается с той стороны, Мери Земирлонг медленно оседает на пол, закрывает лицо руками... По её бледным щекам катятся крупные слёзы. Ей вдруг вспоминается, что в тётиной книге говорилось о чём-то, что её теперь так интересовало. У неё нет сил даже встать и проводить его за пределы дома команды треф, за что ей завтра непременно выскажет Райн. Но... Разве не всё равно, что там может сказать Константин, если она сейчас может узнать...

Она почти подползает — настолько нет сил — к книжной полке, хватая первую попавшуюся книгу, смотрит на неё... Золотые буквы на тёмно-зелёной обложке... Она плохо понимает сначала, что именно написано... Её трясёт... Она почти ничего не видит от страха, переполняющего её, пожирающего сейчас её душу...

«Девятый обрывок недуга» — видит она. Тот самый, который она раньше перечитывала много-много раз. Тот самый, в котором говорилось о безвременной кончине Блудницы. Интересно, кто был Блудницей... И интересно — умерла ли та женщина уже... И если умерла — то как?

Она открывает Книгу Знания — ту часть «Обрывка недуга», в которой тётя записывала имена людей, относившихся к Пророчеству... Открывает. Беспомощно водит пальцем по строчкам, написанным мелким изящным почерком её тёти тупым карандашом, пытается разобрать имена.

— Мария Фаррел, Джордж Блюменстрост, он же Георг Хоффман, Альфонс Браун, Джулия Траонт, Алесия Хайнтс, — бормочет девушка, водя пальцем по карандашным

строчкам. — Но кто такие «Р», «Ф.К.» и «У.Н»?..

V.

Уолтер злорадно следил за тем, как этот мальчишка, этот безмозглый франт, Валентин проигрывал ему всё большую сумму денег. Мальчишка! Дурак! Уолтер злобно смеялся тому, что Валентину даже не приходила в голову мысль о том, что с ним, Уолтером Нойманом, лучше переставать играть в карты более, дабы не проиграть всё отцовское состояние. Вергилий Ланд, отец Валентина, который раз уже проклинал как пристрастие сына к азартным играм, так и Ноймана, как человека, который отчасти и являлся причиной банкротства рода Ланд. Валентин краснел и бледнел, то и дело поглядывая на Ноймана, понимая, что отыграться ему, скорее всего, не удастся. Уолтер вальяжно опрокинулся на спинку кресла. Выигрыш его был настолько велик, а он сам настолько удачлив в сей игре, что... Уолтер и сам не знал «что». Ему было весело сейчас. Игра почти всегда приносила ему выигрыш. Разве этого было не достаточно? В свои двадцать шесть лет Нойман успел прославиться знатным кутилой, гулякой. Кто мог упрекнуть его в том, что он вёл такой образ жизни? Парады, казино, гулянки, сражения, дуэли... Так текла жизнь молодого офицера. Впрочем, так жили многие другие люди. Театры, шумные свидания, забавные похищения знатных девиц прямо из-под носа родителей тех... Что могло быть прекраснее? Великолепные балы, знатные гулянья, весёлые маскарады... Уолтер был готов захохотать, когда Валентин проиграл ему ещё двадцать тысяч сайбрен. Это был знатный выигрыш. Почти сто тысяч! Нойман был готов поклясться, что эта сумма в разы превышала его годовое жалованье! Что же... Уолтеру определённо везло.

Валентин краснел и бледнел, глядя на то, как растёт сумма его долга, но ничего не мог поделать с этим. Сколько денег давал ему отец? Около трёх тысяч. И это была не малая сумма, только юному Ланду, всё равно, не хватало её. Он не мог больше обращаться к отцу за деньгами. Не мог. Это было выше его сил, это было ниже его достоинства. Но поделать ничего было нельзя. Следовало послушаться совета старших офицеров и не садиться играть с Нойманом. Руки юноши дрожали. Он не мог заставить себя успокоиться. Уолтер представлялся Валентину чуть ли не демоном. Руки старшего офицера так же ловко, так же спокойно и быстро метали карты. Так же, Нойман постоянно говорил что-то. Голос офицера был таким же спокойным, таким же весёлым, как и два часа, когда они выходили из театра. Валентина сильно отвлекало это. Каждое слово старшего товарища было пронизано каким-то чувством собственного превосходства. Нойман смеялся так, будто бы на его глазах не происходило ничего. Будто бы не решались сейчас судьбы людей.

Валентин был красивым молодым человеком. Он представлял собой тот идеал красоты, который описывался в некоторых дамских романах. И поведение его было иногда несколько схожим. Воспитывавшая его мать не могла нарадоваться на своё драгоценнейшее чадо. Он нравился женщинам. Его многие любили. С правильными чертами лица, с доброй улыбкой, со своими белокурыми волосами, он был похож скорее на красивую статую, нежели на человека. Уолтера же назвать красивым было нельзя. Лицо его было слишком подвижным, рот слишком большим, губы были тонкими и, из-за привычки мужчины кусать их в приступах гнева или злости, казались несколько ярче, чем следовало бы, в глазах всегда читалось то выражение истинной гордости и дерзости, некоего бравурства, иногда дополняющееся выражением злобы, жестокости... Волосы его были тёмными и жёсткими и никогда не приходили в порядок.

— Ладно уж! Хватит на сегодня! — усмехнулся Уолтер Нойман, выиграв у Валентина

Ланда ещё тысячу.

Снова откинувшись на спинку кресла, стал что-то рассказывать своим компаньонам по игре. Валентин почти не слушал. Ему страшно было слушать. Он мог думать лишь о том, что скажет отец, увидев эту баснословную сумму. Нет! Разве мог он позволить ему узнать об этом?! Разве был выход из этого проклятого лабиринта страстей и долгов?! Валентин был готов рвать на себе волосы от отчаяния и ужаса, переполнявших сейчас его. Но разве было дело этому бесчувственному офицеру до страданий юноши? Разве было дело этому демону до человеческих страданий?! Разве можно было назвать Ноймана человеком? Разве был Нойман человеком? Валентину оставалось только с ненавистью смотреть на того, кому с сегодняшнего дня юноша был должен такую сумму, уплатить которую было почти невозможно. Он никогда не простит себе, если из-за его оплошности, из-за его неслыханной глупости, с отцом или матушкой что-нибудь случится.

Кто-то из офицеров, проходя к выходу, похлопал Валентина по плечу, пытаясь выказать этим жестом свою поддержку. Но юноша не мог думать о чём-либо, кроме своего долга. А Нойман смеялся. Его смех сейчас звучал, как хохот отвернувшейся Фортуны. Валентин Ланд ненавидел этого человека. Он был причиной всех несчастий, случившихся с его семьёй.

Уолтер Нойман проговорил что-то. Не сразу будущий граф Ланд понял, что обращались к нему. Оказывается, офицер говорил, что хотел бы получить все деньги, которые должен ему Валентин, завтра, но, понимая, что за столь короткое время юноша вряд ли сможет найти такую сумму, даёт ему сроку две недели. Две недели... Подумать только! Какое неслыханное благородство со стороны этого человека! Валентин едва мог сдерживать себя из-за обиды и отчаяния. Ему хотелось убить Ноймана. Убить за то, что теперь ему, Валентину, придётся мучиться все эти две недели, соображая, где он сможет взять хотя бы часть этого долга... Разве можно было просить сейчас о снисхождении?

Нойман ушёл. Нужно сказать, что это уже было огромным облегчением для всех, присутствующих в зале. Его не любили. Да и разве можно было любить человека, для многих ставшего причиной разорения или бедствования? Валентин, всё равно, чувствовал себя просто ужасно, хоть уход Уолтера и был для него, так же, как и для всех остальных, спасительным.

— В Лат-Чайхар говаривают, что этот Нойман просто шулер! — крикнул какой-то, изрядно выпивший, офицер.

Валентин сразу узнал его. Это был тот самый вояка, у которого на днях происходила та гулянка, на которой Уолтеру Нойману бросил вызов Джордано Майер. Дуэль должна была произойти послезавтра. И юный граф Ланд поймал себя на мысли, что был бы рад, чтобы этого бретёра, этого ужасного человека, этого шулера убили на этой дуэли. Он был бы сам рад стать секундантом Майера, если бы выпала такая возможность. Приблизить гибель этого человека было бы благородным делом. Даже более, чем просто благородным.

Юноша сам не заметил, как гости, обсудив теорию шулерства Ноймана, обсудив то, что, по их мнению, должно будет произойти на дуэли, потихоньку, стали расходиться. Валентин, всё ещё бледный от мыслей, преследовавших его сейчас, выскочил на улицу.

Город, никогда не спящий, даже в самые спокойные и тихие ночи, встретил его холодным и неприятным ветром. Юноше казалось, что город будто отталкивает его от себя. Будто бы, город, предчувствуя что-то, не хочет больше видеть его своей частью. Стад-де-Хайлиген был городом, которого Валентин никогда не любил. Яркие огни, вечное движение, не прерывающееся ни на минуту, множество спешащих мрачных людей, вечный холод,

вечная сырость... В любом другом городке Рейнской империи было место для любого человека, но не здесь. Столица империи меняла любого, кто пребывал сюда. Она делала его одиноким, чужим, ненужным... Живой город империи... Город всех святых... Каким же было неподходящим это название! Валентин почти бежал по прямой и широкой улице Хайлигена и думал о том, что хорошо было бы снова оказаться дома, в любимом Лат-Чайхаре...

Комментарий к П. I. Глава третья. Трефовая дама.

Когда капризная луна плывёт по небу, остаётся только наблюдать.

Наблюдать за тем фальшивым карнавалом жизни и смерти, когда не знаешь, что есть смерть, а что — жизнь.

Расставлять фигуры на шахматной доске и наблюдать... Наблюдать свысока, вечно закрывая лицо.

Наблюдать, как жизнь приглашает смерть на танец.

Бояться произносить слова вслух.

Прятать свои желания, мечты, фантазии.

Быть только наблюдателем с вечной маской на холодном лице... Быть зрителем в пустоте.

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

===== П. I. Глава четвёртая. Пророчество для пикового короля. =====

A series de conciliis et discidiis persequitur omnis partus.

Ab immemorabili tempore sicut vinculum rumpere extendere non potest — divisa enim...

Accidit pedibus astra cadunt, nec ullum vidi qui velit...

Conciliis et discidiis series potest salvum facere Totum mundum. Et destruere potest. Subalternum. Occidere.

Contingit procidens ad pedes stellae...*

VI.

Одиночество. Оно, пожалуй, всегда сидит внутри человека, иногда — разъедая его личность изнутри, а иногда — спасая его от неизбежных разочарований. Оно может причинять боль и страдания, а может спасти человека от них. Иногда одиночество — всё, что у человека есть, и Альфонсу Брауну казалось, что, возможно, одиночество — всё, что есть у него сейчас... Впрочем, возможно, одиночество было единственным, что было у него всегда. Просто он как-то не замечал этого... С Марией всегда было не до того. Она то и дело придумывала всё новые и новые шалости и приключения, которые им двоим приходилось притворять в жизнь, она то и дело шутила, смеялась, говорила, действовала, не особенно заботясь о том, что в этот момент хочется Альфонсу, что он делает и что чувствует. И он привык за эти годы ставить её желания выше своих. В конце концов — она помогала ему не чувствовать себя чужим и одиноким... Она делала всё для себя, иногда, правда, сильно беспокоясь за Ала, своего лучшего друга, умела растормошить его в любой момент... Её тёмные, почти чёрные, глаза всегда смотрели с вызовом, Ал не знал ни одной вещи, которую бы Мария не сделала, чтобы доказать, что она-то ничего не боится, что она-то всё на свете может, что уж ей-то по плечу всё, что она только может захотеть... Сейчас он каждый день видел этот взгляд тёмных глаз, но только Марии рядом не было... Он видел этот взгляд у Теодора Траонта каждый день. Ему тоже всё было по плечу. Он тоже постоянно что-нибудь выдумывал, смеялся, мастерил, предпринимал что-то, отчего Джулия Траонт заваливала его,

очевидно гневными, письмами. Именно он помогал Альфонсу проводить реформы... Впрочем, реформы проводить было достаточно трудно, да и люди вряд ли понимали, что так лучше будет для них... Может, стоило, вообще, их не проводить? Он уже чувствовал себя до безумия уставшим, а что будет дальше? У королей нет отпусков и выходных... Они работают постоянно... С Алесией тоже было не до того, когда она приезжала. Она смеялась, совсем другим смехом, нежели Мария, она поправляла своё пышное голубое платье с десятком подъюбников и с кучей кружев и лент, она носилась вместе с Алом по коридорам дворца, щебетала, о чём именно — Альфонс не знал, он никогда её не слушал... Она улыбалась, улыбалась своими прекрасными голубыми глазами, к которым он так привязался... Вскакивала, вскидывала длинные тонкие руки, кружилась по комнате... Говорила какие-то глупости... Но почему-то Алу всегда казалось, что эта девушка совсем другая, совсем не такая, какой кажется... Даже с Розой ему было не до этого — девочка всегда была слишком не самостоятельной, ей всегда надо было во всём помогать... Он до сих пор вспоминает, как завязывал ей бантики на первое сентября, когда Мария категорически отказалась это делать. Он утешал плачущую Розу, когда девочки ссорились, и успокаивал рассерженную Марию. Сколько он помнил их — они ссорились всегда. Его подруга не слишком любила младшую сестру, он всегда это знал — она была слишком обижена на мать, чтобы хоть сколько-то любить Розу. Сам Ал, правда, девочку тоже выносил с трудом... Она не раз ябедничала на них с Марией, когда те умудрялись перессориться и подраться. Ему каждый раз хотелось наорать на Розу, сказать ей, что их с Марией ссоры и драки — не её дело. Роза никогда не понимала этого... И Мария сердилась. В последнее время, правда, отношения между сёстрами несколько исправились, стали чуть лучше, что не мешало, правда, Розе хмуриться при каждом действии Марии, а Марии зло усмехаться в сторону, когда Роза начинала делать ей замечания.

Он смеялся над ними тогда...

Леонард — этот мальчишка-герцог — смотрел на него с неподдельным интересом и восхищением. В его мире всё было по-другому, и ему так хотелось понять, что есть там — на Земле. Он восхищался Алом, когда тот начал говорить с Теодором Траонтом об обязательности, как минимум, начального образования для большей части населения Орандора, он восхищался им, когда король решил распустить совет министров — из которых все были знатные лорды, не особенно понимавшие проблемы королевства и занимавшие своё место только потому, что оно досталось им по наследству — и сформировать Сенат и парламент, он восхищался тем, как просто Альфонс мог общаться с Алесией, со слугами и со служанками. За всё то время, которое они здесь пробыли, Ал ко всем относился по-доброму. Даже с той предательницей Каей — он просто выслал её из дворца, хотя, Лео был в этом уверен, даже добрый король Генрих приказал бы казнить эту девчонку немедленно. Альфонс Браун, по мнению Леонарда Кошендблата, был тем символом идеального короля. Он был для Леонарда королём Артуром из Орандора. Справедливым и добрым деятельным человеком, ценящим в людях не только богатство и родословную, но и личностные качества. И Алу совсем не хотелось признаваться, что он совсем не такой... Что он — вовсе не легендарный король Артур Пендрагон из Камелота, что он — самый обычный человек со своими слабостями, недостатками и пороками. Пожалуй, в этом его понимала только Мария. У неё самой недостатков и пороков было предостаточно. Быть может, именно поэтому она всё понимала? Потому что сама могла совершить такое... «Полумальчишка-полуволчонок» — кажется, так писалось в одной из книжек Марии про одну девочку? Книгу он, правда, не

читал, но видел выписанные Марией в тетрадь цитаты. Что же... Альфонсу всегда думалось, что та девочка из неизвестной ему книжки была очень даже похожа на его подругу.

После того приступа, Альфонс почти ни разу не разговаривал с Леонардом. Нет, он конечно же, приходил к нему, когда тот был без сознания, пару раз — после того, как Лео очнулся, но... Все считали, что у Кошендблата переутомление, что ему не стоит слишком долго разговаривать с кем-либо... Все считали, что Леонарду нужно просто отдохнуть, побыть в одиночестве, но Алу думалось, что это не так, что его другу, напротив, ни на минуту не стоит оставаться в одиночестве.

Вероятно, отец Лео считал точно так же. Он хоть и не поверил в то, что с его сыном произошло что-то серьёзное, написал королю, что считает необходимым как можно скорее отправить своего ребёнка в Академию, где с лекарями дело обстоит чуть лучше, чем в Орандоре. Ал очень сильно надеется на это. По правде говоря, парень не думал, что всё будет именно так. Он постоянно замечает, что в последнее время стал другим... Молодому королю казалось, что с его души срывают всё ненужное, отдирают ненужные качества, цели, желания вместе с мясом и кровью, оставляя лишь скелет — то, каким он является на самом деле. И это было почти физически больно. Он постоянно видел лица в зеркале... Своё — изуродованное неведанной болезнью. Марии — зло усмехающееся, с глазами, зрачки которых были алыми. Розы — обожжённое, с чёрными провалами вместо глаз. Того человека, кажется, графа Хоффмана — исковерканное болью и отчаянием. Алесии — с глубокими порезами на щеках и вырезанными глазами. Леонарда — бледное, мёртвенно-бледное. Каи — смотрящей на него с укором. Они все укоряли его. Ему было почти физически больно смотреть на них... Он совершенно не понимал, что ему стоит делать. Королями готовятся становиться с рождения. А Альфонс никогда не думал даже о руководящей должности. Он оказался в совершенно чужом ему мире. Без единой подсказки. Один. Совсем один. Ничего не понимающий. Брошенный. Совершенно не соображающий. А ждали от него слишком многого...

В который раз ему думалось, что будь на его месте кто-то другой, он обязательно справился бы лучше. Обязательно бы понял, что делать, как действовать... Тот же Леонард — он всё понимал, он справился бы со всем этим, если бы оказался на месте Ала. Но королём стал Альфонс Браун — простой мальчишка с Земли, который даже фэнтези литературой, да и вообще, этим жанром никогда не увлекался. Он никогда не думал, что быть королём — так трудно... Труднее, чем быть кем-то другим.

Но нужно было справляться. Нужно было пересилить себя.

Не было больше рядом Марии, готовой придумать всё, что угодно. Будь рядом она, он бы не чувствовал себя так... Нет... Он отчего-то до безумия не хотел, чтобы Фаррел сейчас оказалась рядом... Пришлось бы делиться, — шептал ему внутренний голос постоянно, — если бы рядом была Мария, обязательно пришлось бы делиться с ней этими властью, богатством... Делиться не хотелось совершенно...

Альфонс никогда не считал себя жадным — отец всегда собственным примером показывал, что нужно уметь уступать, дарить, отдавать, жертвовать. Но сейчас словно воспитание сползло с него, как и все те личностные качества, которые он приобрёл, общаясь с Марией, следя за Розой, пытаясь сладить с Бесси, как и то, что он получил в тех драках, в которых участвовал, в разговорах с учителями, взрослыми — со всеми, кто его всегда окружал на Земле.

Его принципы рушились так же легко, как рушатся карточные домики. Он оставался

наедине с тем чудовищем, которым являлся он сам. Раньше Альфонсу казалось, что он ценит человеческую жизнь, а теперь он всё чаще замечал, что готов пожертвовать этой самой жизнью одного человека для достижения того результата, который был нужен, что готов пожертвовать жизнью — да и не одной, — чтобы сохранить то благополучие, которое было и которого было так мало. Власть сдирала с него всё ненужное. Сдирала принципы, чувства, привязанности... Власть коверкала его душу. Меняла его полностью. Заставляла чувствовать себя полностью и всегда уязвимым. Заставляла чувствовать себя ответственным за большую часть того, что происходит в королевстве. Заставляла постоянно находиться в напряжении. Ни на секунду не отвлекаться от мыслей, что в безопасности ты теперь никогда не сможешь быть... Мария когда-то обронила фразу, когда они спорили о королевской власти, что с королей корону обычно снимают вместе с головой... А Альфонс видел, как казнили несчастного Генриха...

Корона обрекала его на одиночество, на невозможность управлять своей собственной судьбой и жизнью. Корона отбирала обычные радости, заменяя их радостью обладания. Забирала почти всё и дарила ничтожную малость, в которой Алу в ближайшее время стоит увидеть все блага вселенной. Иначе его жизнь в королевстве Орандор станет просто невыносимой, тяжкой из-за того бремени, которое на него легло благодаря вмешательству Малуса. Кто его, вообще, просил?! Ах, да... Сам Альфонс... Но парню почему-то казалось что просил он нечто другое, но, очевидно, с демонами нужно было держать ухо востро и формулировать «заказ» чётче — он ведь хотел только найти Марию и убедиться, что с ней всё хорошо, а для этого, как ему казалось, нужно было пробраться в королевский дворец Орандора. Ему казалось, что это — решение той проблемы, которая возникла. Казалось, что Мария где-то в подземельях дворца. Что чуть-чуть — и он поможет ей. Не помог. Та, как всегда, давно уже справилась без него. С Алесией всё вышло по-другому. Она не спаслась. Она была не такой, как Фаррел... Она не вышла сухой из воды, как постоянно делала Мария. Она была уже мертва.

Герцог Кошендблат обещался приехать в этот день, и он приехал. А это означало только одно — Леонард скоро уедет в эту свою проклятую Академию и оставит Ала наедине с теми мрачными мыслями, которые то и дело лезли в голову. Наедине с зеркалами, в которых он то и дело видел искажённые, ужасные лица, каждое из которых было ему укором. Наедине с интриганами-придворными, которые всё всегда видели и слышали, а потом распускали по всему дворцу самые разные сплетни. Наедине с государственными делами, большую часть которых Ал банально не мог понять. Он не мог понять ни законов против контрабандистов, ни закона против необученных магов. Всё это казалось ему странным, ненужным, но отменить эти законы король пока не осмеливался. На Земле, в конце концов, тоже были законы для борьбы с контрабандой. Наверное, они действительно были нужны, и отменять их довольно глупо.

Томас Кошендблат прибыл ровно двадцать минут назад, об этом Альфонсу уже доложил Джим — слуга, которого Теодор Траонт привёз из своего поместья. Почему-то молодому королю от этого хочется засмеяться. В последнее время смех то и дело рвётся из его груди. Алу всё время хочется смеяться. Хохотать. И каждый раз после этого становится так паршиво...

— Герцог и герцогиня Кошендблат просят аудиенции! — гордо объявляет Майкл, тоже, кажется, слуга господина Траонта.

Теодор стоит рядом, недовольным сонным взглядом окидывая всех присутствующих.

Кажется, ночное срочное собрание, которое вдруг взбрело в голову провести Альфонсу Брауну, ему не слишком понравилось... Что, впрочем, было весьма объяснимо. Ал уже сам не понимал, зачем ему посреди ночи понадобилось созвать всех министров в тронный зал. Но почему-то ночью он проснулся именно из-за этой мысли, быстро вскочил с кровати, приказал растормошить сонного Теодора Траонта, который, Браун чувствовал это, ближайшую неделю будет чувствовать себя разбитым и потому ненавидеть нового короля.

— Пусть войдут! — говорит Ал, и Майкл открывает двери, впуская герцога и герцогиню в зал.

Герцог идёт чуть быстрее герцогини. Та едва может поспевать за мужем. Родители Леонарда, впрочем, выглядят примерно так, как Альфонс себе их и представлял — высокий и жилистый герцог с каким-то звериным оскалом вместо улыбки, с густой копной рыжих, тронутых чуть заметной проседью, жёстких волос, очень смуглым, почти бронзовым, лицом, которое пересекал тонкий светлый шрам, и серыми тусклыми, но очень цепкими и зоркими глазами и бледная, тоненькая невысокая герцогиня, очевидно, крайне болезненная и потому крайне бледная, с тусклыми русыми волосами и синими яркими глазами, цеплявшаяся за руку своего мужа и с мольбой смотревшая на короля. Одеты они были — и мужчина и женщина — хорошо, хоть и весьма просто. Вероятно, красный и бордовый цвета были цветами рода Кошендблатов, видимо, поэтому в эти цвета постоянно облачались и Леонард с Хельгой, и их родители.

Герцог здоровается с королём, спрашивает его о здоровье, самочувствии... Ещё пару назад Альфонс постоянно дёргался от этого — раньше о таком его спрашивали разве что отец да Мария, как ни крути, самые родные и близкие ему люди, а теперь это было лишь частью дворцового этикета, обязательного для всех людей «высшего общества», к которому Ал невольно оказался причастен.

— Боюсь, моему сыну нужно закончить образование, Ваше Величество, — говорит герцог, после, ставшего уже привычным, обмена любезностями. — Ему стоит немедленно отправляться в Академию.

Теодор Траонт зевает и облокачивается на трон, из-за чего королю хочется толкнуть его локтём. Тема новоиспечённому герцогу — кажется, до воцарения Альфонса, Траонт был всего лишь графом — совершенно не интересна. Он принимал активное участие в управлении королевством, но всё, что было связано хоть в какой-то с воспитанием, образованием и его племянником, не менее активно игнорировал, если можно было так сказать.

Алу постоянно думается о том, что, всё-таки, Мария в большей мере была на него похожа — своим равнодушием ко всему, что её не касалось или было ей даже в малой степени неприятно, своим показным презрением ко всему, что касалось в случае Теодора к Седрику, а в случае Марии — к Розе. Всё-таки, подруга Альфонса была похожа на отца в большей мере, чем этого хотелось им обоим.

— В Академию? — спрашивает король изумлённо. — Что там такое? Я знаю, что племянник моего советника учился там, но, Ваша Светлость, я до сих пор не понимаю, что это за учебное заведение.

Да. Именно так. Стоит хоть что-то узнать об этом. Кроме самого названия, хотя оно, наверняка, тоже было другим — Академией это учебное заведение скорее всего называли в разговорах. Это было сокращение. И Алу хотелось побольше узнать об этом. Невозможно управлять чем-то, не зная, откуда другие черпают знания. Невозможно что-либо делать, не

зная толком практически ничего. Об Академии часто упоминали Седрик, Хельга, Леонард даже тот же Теодор, но первые трое не понимали — или делали вид, что не понимали — вопроса, когда Ал спрашивал их об этом, а последний просто не хотел ничего говорить. Кроме вечного «место, в которое никто не хочет попасть». Это Ал примерно и сам понимал — на Земле он тоже ненавидел школу, хотя бы потому, что это было ужасно мучительно и скучно, так что, ничего нового Теодор Траонт ему не открывал. А до Джулии сейчас было слишком далеко. Да и общаться с ней лишней раз Ал, ко своему стыду, несколько побаивался.

Томас Кошендблат был единственным шансом узнать про Академию получше. Он явно не был настолько дурно расположен к данному учебному заведению, как был Теодор Траонт, и он не был настолько глуп, чтобы не понять, что король явился сюда из другого мира и ему нужны некоторые объяснения на счёт того королевства, которое ему по милости Малуса, этого рыжего демонического герцога, торжественно вручили, звучно хлопнув большими крыльями и улыбнувшись во весь рот.

— На данный момент — это единственное магическое учебное заведение, Ваше Величество! — говорит мужчина неохотно. — Я слышал, герцогиня Траонт хочет открыть что-то подобное для десятка-другого девочек-сироток, и я полностью её в этом поддерживаю, но на данный момент основание подобного учебного комплекса просто невозможно, во всяком случае, в нашем королевстве. И Лео нужно очень стараться, чтобы закончить Академию. На данный момент он — один из немногих представителей орандорской знати, кто получает настолько хорошее образование.

Да, пожалуй, герцог оправдал все ожидания молодого монарха на свой счёт. Он, действительно, сказал хотя бы что-то основное. Хотя бы про то, что это единственное возможное образование для магов. И достаточно дорогое. Ладно, это было хоть что-то. Нужно, пожалуй, помочь герцогине устроить что-то такое подобное. Это было бы весьма полезно. Всё-таки, земная система образования была на порядок лучше. Пусть, возможно, они получали там не настолько хорошие и обширные знания, как это случалось в Академии, но оно хоть было более-менее доступно для всех. Ну и для особенно жаждущих знаний были всякие там курсы и, в конце концов, интернет.

— Да... К тому же, ему нужно поправить здоровье! — начинает причитать герцогиня. — С Лео не так давно случился приступ. И ему надо скорее уехать в Академию!

«Поправить здоровье» и «школа» в понимании Ала были противоположными понятиями. Обычно он потом за лето еле-еле успевал восстанавливаться после очередного нервного срыва, связанного с экзаменами, к которым он, Альфонс Браун, постоянно оказывался не готов. Слова герцогини Кошендблат кажутся молодому королю очень странными, и он думает, к кому можно обратиться, чтобы ему разъяснили этот вопрос.

Герцог и герцогиня Кошендблат, разумеется, вопрос понять не смогут. Это видно только по выражению их лиц, так что, вряд ли умной мыслью будет обратиться к ним. Альфонс осторожно переводит взгляд на Теодора Траонта, который, кажется, почти уснул, облокотившись на спинку трона. Когда король осторожно пихает его локтём, герцог просыпается, непонимающе смотрит на молодого монарха, потом на Томаса Кошендבלата, который вздыхает, закатывает глаза и, наконец, показывает Траонту что-то жестом. Потом Теодор вздыхает тоже, шепчет что-то про «вот, опять началось» и, наконец, возвращается к своему изначальному положению — опирается на спинку трона.

— В Академии он сможет больше времени проводить на свежем воздухе, — сонно

шепчет Алу Теодор Траонт. — Там было почти здорово... Если бы не эти гадкие учителя...

Гадкие учителя... Как же это было королю знакомо... Пожалуй, не только Мария имела схожие черты характера с Теодором. Он никогда не любил учиться. Хотя бы потому, что вся система образования была в корне неправильной, но об этом, учитывая то, что теперь творилось в Орандоре, можно было даже не говорить. Ну и ещё, потому что Мария всегда училась лучше, и это было весьма обидно. Ал никогда не считал справедливым тот факт, что девочка понимала большую часть школьной программы в то время, как он почти ничего из этой же самой программы не понимал. Хотя оценки у него, всё же, были при этом весьма неплохими.

Впрочем, Альфонс был даже рад, что ему в этой Академии учиться не придётся. Разумеется, выучить историю и законы — хотя бы собственного королевства — ему придётся, но это будет в индивидуальном порядке, а не сидя за партой в душном классе, полном самых разных детей. То, что в Академии уроки преподаются примерно так же, как и на Земле, Ал почти что не сомневался. Был уже сентябрь. И примерно в это время как раз и начинался учебный год. И здесь тоже. Впрочем, у Брауна, что ни говори, «рабочее время», как он раньше называл школу, началось куда раньше. Благодаря всё тому же Малусу, которого Ал теперь едва мог вспомнить в цензурных выражениях.

— Бог с ним — со свежим воздухом! — громогласно объявляет герцог Кошендблат, услышавший эту фразу Траонта. — Леонард — пятнадцатый из моих сыновей. Если он не получит стоящего образования — ему абсолютно ничего не достанется. Образование — единственное, что я могу ему оставить.

Герцогиня тут же бледнеет ещё больше, вопросительно смотрит на мужа. В её глазах застывают слёзы. Герцог тут же чуть заметно морщится. Ал смотрит на них внимательно — всё-таки, нужно примерно понять, как ведут себя здесь знатные люди. Теперь он тоже из их круга и должен вести себя соответствующе. Кажется, так как-то сказала Джулия своему брату во время своего последнего визита?

— Но, Том! — робко возражает жена герцога. В её голосе появляются просящие, заискивающие нотки. — Неужели тебя совершенно не волнует здоровье нашего...

Томас недовольно хмурится. Кажется, слова жены его порядочно разозлили, но он пытается сдерживать эмоции — очевидно, он, всё же, весьма эмоциональный человек — и вести себя так, как «надлежит вести себя знатному лорду», если цитировать Теодора Траонта, который вести себя так категорически не хотел.

— Я тебя очень прошу, Леокардия, — обрывает её герцог резко, хоть и сдержанно, — не нужно этого сейчас.

Женщина тут же замолкает, глядит на мужа почти обиженно, со слезами на глазах, которые вот-вот норовят вырваться наружу. Алу даже жаль её. Его отец никогда так не обращался с его матерью, как бы Альфонсу ни нравились их отношения между собой. Его мать не боялась мужа, это Браун помнил точно. Она сама любила ругаться. Выводила Джошуа из себя своими криками и беспричинными часто капризами. Леокардия Кошендблат же мужа боялась. Быть может, дело было в том, что она родила ему столько детей, которые, очевидно, герцогу были не так уж и нужны.

Томас Кошендблат на некоторое время замолкает. Смотрит напряжённо. Почти волком. Переводит дыхание. Кажется. Их отношения не такие уж и хорошие. Альфонсу почему-то вдруг вспоминается Жан, этот паренёк, который теперь по пятам следовал за Джулией и провожал её влюблёнными глазами. Джулия Траонт была ужасной и прекрасной женщиной

одновременно — величественной, красивой, властной, богатой. Ал на месте Жана никогда не подступился бы к ней. Герцогиня Траонт, как и Мария, сильно подавляла окружающих её людей, заставляла их чувствовать рядом с собой неуютно. Алу было неприятно чувствовать себя вечно подчинённым, но он почему-то всегда молчал, не лез. Что Мария, что Джулия — они, очевидно, не умели жить и общаться иначе, не подчиняя и не подавляя личность того, кто с ними осмеливался общаться. Обе они были слишком яркими и сильными, и поэтому практически каждый, кто становился с ними рядом, казался лишь бледной тенью, а не самостоятельным человеком.

Должно быть, именно поэтому Теодор так старался лишней раз не попадаться сестре на глаза.

Но отношения Джулии и Жана, всё же, при всём их различии, можно было назвать счастливыми. Они были людьми из разных кругов, но, кажется, искренне любили друг друга... Во всяком случае, Жан любил герцогиню, а та тоже пыталась любить. Хотя бы так, как она умела. А Томас и Леокардия Кошендблат казались совершенно несовместимы. Жена была лишь бледной тенью собственного мужа, которая не имела даже права голоса.

— Прошу простить мою жену, — говорит герцог, обращаясь к королю, — она порой слишком беспокоится понапрасну, но не судите её строго, умоляю вас, она, всё же, мать, а матери всегда волнуются слишком сильно.

За эти слова хочется ударить его чем-то тяжёлым, но король, всё же, сдерживается. Хотя бы под взглядом окончательно проснувшегося Теодора. «Не стоит портить отношения с лучшими и, главное, влиятельнейшими и богатейшими людьми королевства, это может стоить слишком дорого» — кажется, именно так всегда шептал Траонт, когда молодой король чувствовал, что едва может сдерживаться, чтобы не обозвать или, хуже того, не ударить какого-нибудь старика-министра.

— Да, конечно! — говорит Альфонс, стараясь сохранять на лице вежливую улыбку. — Я это понимаю. Быть может, герцогине нужно принести стакан воды?

Герцогиня непонимающе смотрит на короля, и тому становится как-то неудобно. Он ничего не знал в этом чужом для него мире. То, что было бы правильным на Земле, здесь не должно было происходить ни за что на свете. То, чего не следовало бы делать на Земле, здесь считалось обязательным для исполнения.

Это совершенно сбивало с толку.

— Ей это не нужно, благодарю вас! — отвечает герцог. — Благодарю вас за беспокойство, Ваше Величество, но это всё абсолютно не имеет смысла.

За этим следует неловкое молчание. Король просто не понимает, что ему говорить — он до сих пор ещё не привык к здешним правилам и обычаям, все они кажутся для него чужими и непонятными. Кое-какие правила местного этикета совпадали с правилами этикета на Земле, и Альфонс хватался за них, как утопающий хватается за соломинку. Но таких правил было не слишком-то много, а Алу слишком нужно было как-то жить в этом мире. И жить настолько близко к образу жизни людей, здесь обитавших, насколько это только было возможно с его происхождением.

— Я не совсем понял, что произошло с Леонардом, — говорит король просто для того, чтобы сказать хоть что-то. — Вы можете объяснить, что это был за приступ?

Герцогиня тихо ахает, ещё более тихо всхлипывает и хватается мужа за рукав своими тоненькими цепкими пальчиками. Тот снова морщится, устало смотрит на жену, но других признаков недовольства пока не выказывает. Думает над вопросом, заданным королём.

Герцогиня что-то шепчет ему на ухо, но он почти не слушает, полагаясь целиком только на свои мысли.

— Нет, — резко говорит герцог после минуты раздумья. — Я не помню, чтобы с Леонардом когда-то случалось что-то подобное прежде.

Его жена кивает и что-то начинает неразборчиво лепетать, отчего Томас снова хмурится, снова недовольно выдыхает, но больше не произносит ни слова. Его бронзовое от загара лицо с пересекающим его шрамом отчего-то кажется Алу неестественным, неправильным. Так и хочется спросить, но... Будет ли это правильно с точки зрения этикета — такой, весьма личный вопрос? Раньше Альфонс мог говорить всё, что угодно, не опасаясь, что это прозвучит как-то не так. А теперь... Теперь всей его жизнью руководили правила этикета, которые для короля были обязательны. Всей его жизнью руководили правила. Нет, наверняка, правила руководят жизнью всех людей — что на Земле, что в Осмальерде, — но жизнью короля и всех, кто имел хоть какое-то отношение к королевскому двору, руководило куда большее количество этих самых правил, законов, норм.

Он был уполномочен распоряжаться жизнями тысяч и сотен тысяч людей. Имел право вмешиваться в жизнь каждого своего подданного, контролировать её — кажется, Орандор жил по понятиям абсолютизма, и власть короля почти ничем не была ограничена, — а его частная, личная жизнь подчинялась своду правил и законов. Ему подчинялись все в этом королевстве. И его же жизнь была расписана по минутам, если не по секундам — приёмы, жалобы, парады, новые и старые законы, попытки распознать их эффективность, попытки поднять Орандор на более высокий, хороший уровень...

Ал не имел права даже присесть или встать лишний раз не по расписанию. Посещение казарм, мастерских алхимиков, ознакомление с разными законотворческими проектами, с новыми изобретениями, обязанность объезжать периодически подвластные ему территории, чтобы знать, как там ведутся дела... Всё это было обязательно, и парень прекрасно это понимал.

Королевство было куда важнее его желаний и мыслей.

Жена Томаса Кошендблата и не думает отпускать из своих цепких тонких пальчиков его рукав. Во второй своей руке она держит чётки, но не с крестом, какие держала тётя Ала, а с каким-то драгоценным камнем, возможно, изумрудом или нефритом, Альфонс никогда не был силен в драгоценных камнях, огранённым в форме ромба.

— Никогда не случалось! — подтверждает слова мужа герцогиня. — У него, конечно, слабенькое здоровье, но такого никогда не было!

Слабенькое здоровье... Интересно — как у Седрика или на самом деле? У Седрика вот была слишком нервная и заботливая мама, что, конечно, было хорошо, но... Не в таком виде, как это получилось у Траонтов. Джулия слишком уж нервничала. А сказать ей какое-либо замечание на этот счёт все боялись. Впрочем, её, наверное, можно было понять — Теодор как-то упоминал, что первый ребёнок герцогини умер от какой-то болезни, о которой Ал толком не знал. Наверное, стоило простить ведьме некоторые её странности хотя бы потому, что Альфонс никогда не сможет узнать — какой она была до смерти своего первого сына.

Герцогине Кошендблат тоже не хочется ничего говорить. Её искренне жаль. Ал уже давно понял, что жизнь всяких герцогов и графов во много раз труднее той жизни, которой он жил до этого. Леокардии Кошендблат хочется только посочувствовать. Возможно, герцог был не таким уж и плохим мужем — среди министров Альфонс увидел и куда худшее отношение к собственным женщинам. Но Леокардия всё равно была лишь слабой, забитой

всеми женщиной, которую нельзя было не пожалеть.

— Да... Небось, нарвался он по глупости на кого-нибудь особенно магически сильного и образованного... — бормочет Теодор себе под нос. — Как бы не оказаться вскоре на его — Лео — похоронах...

Женщина начинает всхлипывать, а Ал думает о том, что неплохо было бы как-нибудь объяснить Траонту, что человеческие чувства тоже нужно иногда учитывать. Во всяком случае, если это как-то относится к жизни чьего-то ребёнка. Теодор на несколько секунд замолкает, потом ойкает себе под нос. Альфонсу думается, что стоит как можно скорее встретиться с графом Хоффманом — тем самым, который спас его и Марию в тот день, когда свергли короля Генриха. Конечно, друг Хоффмана, кажется, Бейнот, обвинял именно Ала в смерти Алесии, но... Это было не так важно. Это было, в конечном счёте, совсем неважно.

— Полно тебе, — произносит Томас Кошендблат через какое-то время, обращаясь к своей жене. — Это может быть обычным переутомлением.

Леокардия Кошендблат всхлипывает ещё раз, как-то уж слишком надтреснуто, а герцог тихо отводит взгляд. Альфонсу в голову приходит мысль, что отцу его друга, пожалуй, почти неприятна собственная жена. А самого герцога уже едва может выдержать сам король. Он уже готов сделать, что угодно, лишь бы Томас Кошендблат поскорее ушёл, лишь бы больше никогда в жизни не видеть этого человека. Он хочет снова оказаться в родной Канаде, проснуться и обнаружить себя дома на диване или даже в комнате Маришки на полу. И в то же время он безумно боится отдать ту власть, которой он обладает сейчас. По милости Малуса.

Демоны исполняют тайные желания, — кажется, именно так как-то сказал Теодор. Так неужели, он всегда желал именно этого? Желал править, обладать? Неужели, он всегда был таким?

Сам Теодор Траонт сейчас молчит. Кажется, корит себя за то, что сказал лишнего. Альфонс в этом с ним согласен — не стоило говорить невесть что, тем более про Леонарда. Младший из сыновей Томаса Кошендבלата в последнее время был единственным человеком, который поддерживал молодого короля. Нет, конечно, Траонт оказал не последнюю услугу в управлении государством. В конце концов, именно он знал об этом так много, старался всё обустроить, ездил по самым невероятным поручениям, исполнял всё, даже будучи не слишком довольным приказами короля — как это было в эту ночь...

— Он чего-то боялся в последнее время, — замечает Ал. — Сильно боялся. Будто бы кто-то преследовал его.

Ведь, правда, боялся... Ведь просил, умолял, кричал, звал на помощь, но... Почему-то ему, Альфонсу, тогда это тоже показалось всего лишь переутомлением. Он тоже не обратил внимания на подозрения и опасения Лео. Он почти позволил совершиться той трагедии, которая произошла с Алесией Хайнтс до этого.

Алесия... Её смерть навеки останется на его совести — в этом её друг Гораций Бейнот был прав. Альфонс будет видеть её изуродованное лицо в самых страшных кошмарах... Он будет винить в её гибели только себя — что стоило ему настоять на том, чтобы она ехала в Орандор, в королевский дворец, а не в Алменскую империю, где её так жестоко убили?

— Да? — удивляется герцог. — На Леонарда это не похоже. Фантазёром всегда был его старший брат Ричард, но это было давно, когда они все были ещё маленькими. Впрочем, не думаю, что что-то серьёзное. Эти дети... Они столько притворяются...

На этот раз Ал едва удерживается от гневного выпада в сторону герцога. Кажется, Теодор явно ожидал этого выпада, и потому смотрит умоляюще, словно упрасивает не ссориться лишней раз с «влиятельными людьми»... Ну да, двух легкомысленных идиотов в правительстве эта страна просто не переживёт. Один — ещё куда ни шло. И то, пожалуй, многовато.

— Впрочем, с этим могут разобраться лекари в Академии, — произносит герцог задумчиво. — Но, всё же, думаю, что это — обычное переутомление.

Переутомление — как же. От этого не происходит то, что произошло с младшим Кошендблатом. Но на слова Томаса Альфонс только кивает и говорит, что он хочет попроситься с Леонардом и пожелать ему удачи. Герцог улыбается и отвечает, что он и его супруга подождут сына на улице, и что они очень рады были увидеть Его Величество. Герцогиня делает реверанс, опираясь на руку Томаса Кошендבלата, грустно улыбается и медленно уходит из зала. Теодор Траонт сообщает королю, что сейчас поможет герцогу и герцогине Кошендблат выйти из дворца, и уходит вслед за ними...

А Ал выбегает из тронного зала, бежит по коридору — он ещё не избавился от привычки суетливо носиться в поисках кого-то. Леонард сидит в цветочной галерее. Сидит, смотрит на какие-то цветы... Он уже одет в какой-то странный, непривычный до сих пор Альфонсу костюм. Вот и всё, думается монарху, совсем скоро он останется в этом проклятом здании один. И не с кем будет поговорить, поболтать о чём угодно... Ал теперь рад был бы увидеть здесь даже Розу...

— Что же... — вздыхает молодой король. — Мне жаль, что тебе уже пора ехать. Надеюсь, в твоей Академии безопаснее, чем здесь.

Младший Кошендблат вздрагивает от неожиданности, оборачивается и, увидев друга, улыбается. Вскрикивает со скамейки, на которой сидел, подбегает к Альфонсу... Подумать только — скоро всё это станет лишь одним из воспоминаний, с которыми придётся коротать зимние вечера...

Алу почему-то думается, что, пожалуй, он будет скучать. Больше, чем по Марии — с той они часто расставались и встречались и раньше, да и чувствовал он себя с ней рядом часто не слишком уютно. В любом случае, Мария — это Мария. Он считал её слишком странной с самого их знакомства. Они были во многом похожи. Они оба совершенно не имели совести, имели схожие идеалы... Даже внешне они были похожи, словно брат с сестрой. Они и были братом и сестрой.

— Мне тоже — жаль... — бормочет Лео неуверенно. — Правда — мне бы хотелось остаться ещё ненадолго.

И Альфонс прекрасно знает, что Мария бы сказала совсем по-другому — сильно ударила бы его по плечу, улыбнулась, сверкнула белыми зубами и сказала бы, что она надеется, что в Академии будет круто, что она сможет повеселиться, что она надеется, что Ал тоже сможет... А Ал ответил бы ей, что он слишком привык к ней, что веселиться ему будет не слишком приятно, на что Фаррел бы лишь рассмеялась, сказав, что Альфонс ошибается — что они оба сумеют прекрасно и интересно провести время. И оказалась бы права. Как это всегда и бывало.

Алесия при прощании тоже вела бы себя совсем иначе — молча обняла бы его, ласково улыбнулась, сказала, что обещает вернуться очень скоро... И соврала бы — она обещала вернуться и тогда, перед поездкой к графу Хоффману, а после в Алменскую империю. Не вернулась... Погибла там...

Бесси бы просто кинулась двоюродному брату на шею, расцеловала, завизжала бы от восторга и радости. Ей было пятнадцать, но на вид ей можно было дать меньше, чем Розе. Почти такая же милая, как Роза Фаррел, и почти такая же независимая и бессовестная, как Мария Фаррел... Подумать только — когда-то Бесси его раздражала. Теперь он был бы рад любому...

Ещё несколько недель назад его пожирала жадность, а теперь, после одного-единственного письма подруги, переданного через Теодора, он чувствовал себя подлецом. И он не знал, какое из ощущений было хуже.

— Что же... — говорит Ал, наконец. — И Лео, я тебя прошу — имей совесть! Пиши мне иногда! Я всегда знал, что совести нет у Марии — поверь, это действительно так, она никогда не отягощала себя ею, — но мне тоже хочется хоть с кем-то пообщаться. Я здесь практически никого до сих пор не знаю.

Отчего-то в памяти всплывает лицо отца, пытающегося как-то помириться — это произошло недели за полторы до того момента, как на Землю явился Седрик Траонт. Быть может, стоило тогда быть чуть гибче? Не так налегать на свои принципы — вот, теперь от них, и вовсе, практически ничего не осталось?

Алу думается, что, пожалуй, один разговор с отцом помог бы ему развеяться. Ему теперь жутко не хватало человека, который бы выслушал его, поговорил бы с ним, не осудил, всё понял... Обычно этим человеком была Мария, придерживавшаяся принципа никогда не осуждать. Потому что «осуждая кого-то, ты лишаешь себя возможности когда-нибудь поступить так же или ещё хуже», как она говорила...

— Да, хорошо! — мигом соглашается Леонард. — Ты тоже мне пиши! Правда, не думаю, что тебе будет так уж скучно...

Скучно... Как могло быть скучно королю с той тучей обязанностей, на него взваленных? Как могло быть скучно человеку, который постоянно должен был находиться в физическом и умственном напряжении? Человеку, вынужденному всё время узнавать что-то новое, как о людях, так и о себе самом? Человеку, который должен был столько времени уделять обязанностям, а не самому себе?

Разве ему было скучно? Нет... Никогда с момента коронации он не обнаруживал себя скучающим. Он не имел даже двух часов свободного времени в день для того, чтобы заскучать. Ему постоянно хотелось спать, хотелось есть, он чувствовал себя уставшим и утомлённым, просиживая целые дни в тронном зале и принимая послов и выслушивая прошения, просиживая ещё больше времени в собственном кабинете над бумагами... Нет, ему за всё это время не было скучно.

— Мне не скучно, — обрывает его Ал. — Мне одиноко.

Да, именно так. Он чувствовал себя чужим, ненужным близким для него людям. Он чувствовал себя полностью опустошённым, будто это он сам погубил кого-то из них... Так и было. Погубил. Хоть и случайно. Не желая того. Желая помочь. И если Леонард немедленно не уедет в Академию, на совести Ала, вероятно, будет ещё одна смерть, которую он никогда не сможет себе простить.

— Но... — бормочет как-то неуверенно Лео.

Отчего-то это раздражает. Это тихое бормотание. Довольно и того, как тихо перешёптывались между собой министры, надеясь, что король не услышит... В тронном зале была какая-то поразительная акустика... Быть может, здесь действовали несколько другие законы физики, нежели на Земле, а быть может, всё дело было в использовании каких-то

заклинаний — магии... Ал толком этого не знал.

Но в последнее время молодой король отдаёт предпочтение чёткой и громкой речи — она кажется ему более правильной, более логичной и правдивой... Ему очень хочется верить, что так есть в действительности, хотя Браун прекрасно знает, что это совсем не так — эффективно соврать можно и громко. Скрыть что-то можно всегда. Обязательно найдётся какая-нибудь лазейка.

— Не перебивай! — пресекает возражения Альфонс, и Кошедблату кажется, что всё-таки, Ал постепенно свыкся со своей ролью. — Я здесь совершенно никого не знаю. Все окружающие меня здесь люди — чужие для меня.

Леонард молчит. Боится что-то сказать... Да... Наверное, Альфонс, действительно, сильно изменился за это время. Стал другим. Стал королём, как сказал бы Теодор Траонт. Алу самому противно это. Он отчаянно хочет стать прежним и... отчаянно хочет остаться таким, каким стал теперь...

Дверь в цветочную галерею открывается, и туда в ходит Томас Кошендблат. Альфонс едва сдерживается, чтобы не нахмуриться так же презрительно, как хмурился отец Леонарда, когда говорила его жена. Этот мужчина отчего-то до жути неприятен королю, не смотря даже на то, что Томас, должно быть, весьма умён, хладнокровен и может сделать для Орандора очень многое.

— Извините меня, Ваше Величество, — произносит герцог. — Лео, оставь нас на минутку! Иди к матери, она вся извелась, ожидая тебя.

Леонард виновато смотрит на короля, но отцу не перечит — откланивается и мигом выбегает из галереи. Альфонсу вдруг снова вспоминаются его собственные отношения с отцом... Когда это он беспрекословно слушался его? Всегда что-то отстаивал, требовал, не подчинялся, сбегал, а Джошуа Браун ничего не мог поделывать, лишь просил Марию приглядывать за его сыном... Семейные отношения Кошендблатов так не похожи на его собственные, что Альфонс просто теряется.

— Вы хотели о чём-то со мной поговорить, Ваша Светлость? — спрашивает Ал. — Говорите же! Я слушаю.

Герцог кивает и делает несколько больших шагов вперёд прежде, чем король жестом останавливает его. Бронзовое лицо мужчины кажется несколько побледневшим, а губы плотно сжаты. Он неприятен молодому монарху, но тот ничего не делает для того, чтобы как-то помешать этому человеку...

Даже Теодор Траонт теперь кажется Алу более хорошим отцом, чем Томас Кошендблат. Тот, по крайней мере, делал всё руководствуясь только тем, что и сам был, в общем-то, ещё избалованным и капризным ребёнком. Джулия Траонт, которая, как оказалось, воспитывала брата, позволяла Седрику порой вести себя ещё хуже. Да и... Алу ли не видеть, как пытается Теодор наладить отношения с дочерью? И Алу ли не знать, что Мария никогда на это не пойдёт...

У неё уже есть отец. Его отец — Джошуа Браун. И она никогда не променяет его ни на кого. Уж Алу ли не знать? Ему — видевшему, как его названная сестра всем сердцем любила его отца? Пожалуй, Джошуа можно было назвать единственным человеком, к которому Мария на самом деле была привязана...

— Ваше Величество, — тихо начинает говорить Томас Кошендблат, — Лео — совсем ребёнок, он постоянно ленится, а это совершенно не допустимо, и мне бы не слишком хотелось, чтобы он распускался ещё больше здесь, в королевском дворце.

Альфонс почему-то чувствует себя оскорблённым этими словами. Уязвлённым. Хочется разорваться, ударить, как-то выместить свой гнев, но Браун прекрасно знает, что не станет этого делать. За время правления он уже понял, что спорить с герцогами — которые его богаче и влиятельнее сейчас — не имеет смысла. Тем более, не имеет смысла вымещать на них гнев.

— Вы не любите его! — зачем-то, всё же, говорит король. — Вы постоянно думаете, что он слабее, чем он есть! Вы... Вы постоянно говорите то, что вы считаете самым важным в его жизни, а не то, что он считает сам!

Томас Кошендблаг грустно усмехается, и Ал почему-то чувствует себя виноватым. Он не должен чувствовать себя виноватым — он просто хочет понять, почему к Леонарду так относится родной отец. Его родители никогда себе подобного не позволяли. Точнее, Джошуа, может и думал иначе, чем Альфонс, пытался что-то советовать, но уже давно оставил эту затею... Он много чего советовал Марии, помогал ей, но с сыном отношения уже давно перестали ладиться...

— Все отцы думают так, если они, конечно, хорошие отцы! — возражает герцог. — А Леонарда я люблю, пожалуй, в десять раз больше, чем люблю его братьев или сестру, но поймите меня тоже! Он и похож то больше на свою мать — на добрую, но наивную женщину. Моя жена именно такая! Она — не Джулия Траонт, за которую и бояться-то глупо, хотя, знаете, её отец ведь тоже за неё боялся... Так вот... Поймите, Леонард — совершенный ребёнок. Он слишком наивен. Он говорит то, что думает, делает, что ему хочется... Я не беспокоюсь так за остальных своих детей — ни за Грегори (он мой старший), ни за Хельгу, ни за Дика, ни за остальных. Я вижу, что они похожи на меня, а не на жену...

И Ал чувствует, что никак не может возразить герцогу — он тоже так считает. И в который раз чувствует укол совести — если у Марии, казалось, совести не было вовсе, то Альфонс периодически ощущал на себе её воздействие и каждый раз жалел, что он не его взбалмошная подруга.

— Поймите, — продолжает герцог, — я уже говорил это, образование — единственное, что я могу оставить ему в наследство. У меня шестнадцать детей. Я выдам дочь замуж, дав ей хорошее приданное, я оставлю старшему сыну всё, что есть у меня, а второму достанется наследство с материнской стороны, но остальным сыновьям я по закону не смогу оставить ничего... Ничего, кроме образования.

Ал, кажется, понимает... Он слышал о законах наследования времён Средневековья на уроках в школе... Это было не так, как на Земле в современное время, где каждый ребёнок, по идее, получал равную часть имущества родителей. И тут же вспоминается, что он-то, Альфонс Браун, теперь не какой-нибудь обедневший граф или герцог, которому не подвластны законы...

— Но короли имеют право дарить земли и... — начинает молодой монарх.

И замолкает под понимающим взглядом герцога. Тот знает о королевстве и о законах куда больше, чем знает об этом Альфонс. Тот родился здесь, вырос, получил образование... Разумеется, он знает куда больше... От этого иногда бывает весьма обидно, хотя тут же приходит осознание, что о Земле в этом королевстве никто не знает больше, чем об этом знает Ал.

— Прошу меня простить, Ваше Величество, но, знаете... — герцог на секунду замолкает. — Вы — действительно король. И вы ведь имеете полную власть не только дарить, но и отнимать, не только возводить на пьедестал, но и спускать с небес... А Леонард

— мальчик глупый и самонадеянный. Кто знает, что он может сотворить? Мне очень не хочется, Ваше Величество, потом видеть своего сына, болтающегося на виселице.

Альфонс молчит. Он понимает, что герцог Кошендблат полностью прав. В голову приходит мысль, что такой человек, как Томас Кошендблат, нужен королевству. Нужен ему, Алу Брауну, мальчишке с Земли, который ничего не знал и не понимал. Неприязнь к герцогу почти полностью проходит, уступая место молчаливому уважению. Нужно обязательно будет предложить ему место в правительстве. Конечно, после того, как Альфонс посоветуется с Теодором.

— Да, я понимаю вас, извините, — говорит король.

Герцог кивает, кланяется и спрашивает, не хочет ли король продолжить прощание с Леонардом, раз уж Томас его так бесцеремонно прервал, желая поговорить с монархом. И Ал соглашается. В конце концов — кто знает, сколько ещё Брауну не удастся увидеть Лео? Может быть, даже несколько лет...

Они с герцогом спускаются в застеклённый сад, потом выходят в парк, проходят ещё чуть-чуть. Там Томаса Кошендבלата уже ждёт карета. Леонард стоит рядом, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, герцогиня сидит в карете, а Теодор Траонт уселся на парковой скамейке. Как только он видит короля, он мгновенно встаёт и отвешивает Алу вежливый поклон.

Ему теперь все постоянно кланялись...

Герцог тоже отвешивает поклон и идёт к жене, перед этим попросив у Лео не задерживаться слишком надолго, чтобы не отвлекать короля от государственных дел, которые были «важнее какого-то мальчишки».

А Ал не удерживается и сжимает Леонарда в объятьях. Как давно же он никого не обнимал на прощание... С отцом отношения были слишком натянутыми, Роза придерживалась правил этикета, которые ей говорила мать, а Мария не любила обниматься. Говорила, что ей не нужно прятать от кого-то лицо, и что Алу это тоже не нужно... А это было нужно... Он так и не обнял Алесию на прощание, как не обнял когда-то и своего дядю, брата своего отца, погибшего в Афганистане четыре года назад — в две тысячи восьмом году... Не хватало ещё потерять и Леонарда вот так... Наверное, так они стоят довольно долго — пока Леонарда тихо не зовёт Томас...

— Поставь охрану! — тихо, но настойчиво советует младший Кошендблат перед тем, как залезть в карету к родителям. — То существо... Оно не остановится, пока не получит желаемого...

Альфонс молча кивает, подходит вместе с Теодором и Леонардом к самой карете, ждёт, пока Лео, наконец, заберётся и устроится поудобнее... Младший Кошендблат садится слева от отца.

— Спроси Дика об этом! — шепчет Алу на ухо Леонард в самый последний момент. — Я уверен — он точно знает!

Это последние слова, которые Альфонс слышит, перед тем, как карета трогается... И Кошендблаты уезжают. В чёртову Академию. Для чёртовой учёбы... И ближайшие несколько месяцев Ал точно останется совсем один. Или даже больше, чем несколько месяцев — он ещё ни разу не видел свою невесту, кто знает, какой она окажется... Хочется закричать от досады от осознания этих мыслей.

Король сухо прощается с Теодором и идёт обратно в цветочную галерею. Кажется, там нет зеркал... Это хорошо... Ему нужно побыть наедине со своими мыслями. Пусть в

будущем он часто сможет проводить время в полном одиночестве, сейчас это было необходимо. Сейчас одиночество было тем, что должно было защитить его.

Парень входит в цветочную галерею и без сил опускается на скамейку. Только спустя некоторое время он видит лежащую рядом с ним игральную карту. Он берёт её в руки и переворачивает. На ней изображён король пик. Какая-то красная линия пересекает его шею, и до Альфонса не сразу доходит смысл этого послания. Пиковый король с отрезанной головой — это он с отрезанной головой...

Комментарий к II. I. Глава четвёртая. Пророчество для пикового короля.

* Черета встреч и расставаний преследует каждого с рождения.

Никак не возможно прервать эту цепь, тянущуюся с незапамятных времён — со времени раскола...

Бывает так, что звёзды падают к ногам, но нет ни единого человека, который увидел бы это...

Черета встреч и расставаний может спасти целый мир. А может уничтожить. Подчинить. Убить.

Бывает и так, что звёзды падают к ногам...

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

===== Бонусная глава. Из хроник Соколиных гор. =====

Над скалистыми хребтами,
Где бывает снег в июле,
Над еловыми лесами,
Что забраться вверх рискнули,
Над замшелым камнем, над ручьем,
Где пылает солнце горячо,
На потоках восходящих,
Словно горный уголь черен,
Черен, словно ночь незрячих,
Видел я, как кружит ворон -
В небесах из синего стекла
Надо мной чернеют два крыла.
Расскажи мне, ворон,
Расскажи, крылатый,
Как найти мне гору,
Что скрывает золото,
У какого бора,
Над какой стремниной
Я погибну скоро
Под камней лавиной.
Скоро год, как я оставил
Грязных городов похмелье,
И свои стопы направил
В эти дикие ущелья.
Не распутать каменный клубок
Тем, кто не был долго одинок.

Я безумен? Ну так что же!
Не безумнее, чем горы.
Поздно! Думать здесь не гоже!
Нынче стану я, как ворон:
В небесах из синего стекла
Будет нынче дважды два крыла.
Помогите, горы,
Мне собрать все силы!
Дай перо мне, ворон,
Для моих для крыльев.
Дай мне сил подняться
Над скалистым склоном,
Дай мне оторваться
От моей погони.
Мне заменит хриплый клекот
То, что раньше было словом.
Мне ответит грозный рокот
Всех вулканов на суровом,
Непонятном раньше для меня
Языке подземного огня.
Отражаясь совершенно
В ледяных озерах боли,
Словно молния, мгновенно
Сердце вырвется на волю.
Кто тогда найдет мои следы
На лазурных зеркалах воды?
Не ищи — не сыщешь
Ни следа на камне!
Слушай — не расслышишь,
Что поет вода мне.
Только над горами,
Над еловым бором,
Надо льдом, снегами
Кружит черный ворон.*

Маленький черноволосый мальчик, которому на вид можно дать лет семь-восемь, бежит по узенькой тропинке и изо всех сил старается не упасть — один неосторожный шаг, и он уже никогда не сможет пробежаться здесь снова. Либо погибнет, разбившись об острые камни, либо никогда не сможет ходить, станет никому не нужным инвалидом. Малыш толком не знает, что хуже — его родители погибли здесь четыре года назад, а его старший брат стал инвалидом. Мальчик прекрасно знает, что теперь единственный близкий ему человек самостоятельно не может даже спуститься и подняться по лестнице — из-за чего ему теперь пришлось переселиться в комнату на первом этаже, которая раньше была комнатой их родителей.

Ребёнку жаль брата — тот ничем не заслужил такой жизни. Жизни, когда нельзя даже выйти за калитку их сада... Эдуард говорил, что ничего страшного, что он не слишком

сильно переживает из-за этого, что рад, что его младший братишка тогда остался цел — тогда, когда произошла та злосчастная катастрофа, четырёхлетний ребёнок выпал из телеги, потянувшись за какой-то бабочкой, в результате чего отделался всего лишь двумя переломами, тогда как Эдуард потерял возможность ходить — и теперь может жить полной жизнью... Мальчик притормаживает, хватается за выступ на скале, за секунду преодолевает слишком узкое место и, медленно пройдя пару шагов, снова начинает бежать по тропинке. Поворот, ещё один, большой камень, лежащий справа от дороги, прямо у скалы, а дальше крутые ступеньки.

Он бежит, торопится, хоть и старается при это исполнить наказ старшего брата и быть аккуратным. В его руке сумка с хлебом и банкой с молоком. Его брат просил купить его побольше — чтобы Эдуарду не пришлось просить лишний раз соседей, чтобы те сходили для него в магазин. Мальчик прекрасно знает, что в их доме достаточно круп, варенья и мёда — должно хватить на ближайшие два с половиной месяца, пока он будет в Академии, а Эдди останется в доме совсем один. Колодец ещё их отец сделал прямо в доме, под крышей, чтобы их с Эдуардом мать не выходила без надобности на улицу зимой или осенью — она всегда была слишком слаба здоровьем. Маленькому мальчику вспоминается, как немолодая вечно усталая женщина очень тихо читала ему сказки, когда он не мог заснуть. Он почти помнит мягкие расслабленные черты её бледного морщинистого лица, её мягкие седые волосы, её тёплые морщинистые руки, вечно измазанные чем-то... Эдди говорил, что она после вторых родов несколько ослабла, почему её и нельзя было лишний раз перегружать заботами и хлопотами.

Теперь это играло братьям на руку — Эдуарду не приходилось лишний раз одеваться, а, следовательно, терзать старые раны, кутаться и выезжать на инвалидной коляске лишний раз на улицу, если того не позволяла погода. А Эдди оказался достаточно умён, чтобы придумать механизм, позволявший ему набирать воду сидя в кресле. Мальчик уже не помнил, что было тогда, когда они жили иначе — в то время, когда были живы их родители, когда Эдуард ещё мог ходить... Ему было, кажется, тогда года четыре — он был ещё совсем крошкой и даже ещё не учился в Академии...

Эдуард привычно сидит в кресле посреди заброшенного маленького садика около их дома, который когда-то был полон, благодаря их матери, самых разных цветов и кустарников. Теперь осталось лишь несколько ягодных кустов и четыре небольших грядки, на которых они с Эдди выращивали морковь, свёклу, горох и картофель. Чтобы не приходилось лишний раз ходить на базар — говорил Эдуард. И его младший брат прекрасно знал, чего двадцати однолетнему молодому человеку стоит просить помощи у соседей — их семья была когда-то достаточно богата и уважаема в их маленьком городке. Эдди стыдился лишний раз что-то просить даже у младшего брата — мальчик прекрасно знал это. Что уж говорить о совершенно чужих им людям? Эдуард всегда страшно бледнел и будто внутренне сжимался, когда осознавал, что придётся обратиться за помощью к тётке Кетти, которая первое время выхаживала их после того несчастного случая, или, тем паче, к кому-нибудь ещё. Восьмилетнему ребёнку всегда казалось это слишком странным, но он старался лишний раз не тревожить брата, которому, и так, было, безусловно, слишком тяжело.

На дворе стояла ранняя осень — листья ещё не думали желтеть, на улице было тепло, почти что жарко... Сегодня был последний день его летнего пребывания в Соколиных горах — через считанные часы он отбудет на три долгих месяца в Академию, откуда сможет разве что писать брату письма раз в неделю. Малыш изо всех сил торопится домой — в конце

концов, он ещё долго не сможет посидеть и вот так пообщаться с Эдуардом, услышать его устало-насмешливый голос, почувствовать себя по-настоящему нужным и любимым, ещё долго не сможет посидеть с ним около горячо растопленного камина с какой-нибудь дурацкой детской книжкой... Оставалось всего лишь несколько часов — и он снова уедет в эту проклятую Академию.

Хотя, по правде говоря, наверное, ему даже нравилось учиться — с блеском решать всё то, что ему говорили решить, учиться магии, целительству, варке зелий, копать в разных механизмах. Ему нравилось чувствовать себя лучшим из них — тех, кто учился вместе с ним... Нравилось осознавать, что, возможно, когда-нибудь он сможет выучиться хорошо настолько, чтобы понять, как исцелить спину Эдуарду — чтобы он снова смог ходить, чтобы с его лица исчезла эта вечно грустная улыбка, от которой становилось как-то не по себе... Наверное, не будь его разлуки с Эдди, которая, к сожалению, была обязательным условием учёбы в Академии, он бы любил это учебное заведение в несколько раз больше, чем любил сейчас. Он бы ожидал учебный год с таким нетерпением, которому бы мог позавидовать любой... Но обучение магии было сопряжено с долгой разлукой с Эдуардом, которая не слишком нравилась ребёнку. Это, пожалуй, было, вообще, худшим, что малыш только мог себе представить.

— Эй, малыш! Осторожнее! — слышит ребёнок знакомый голос, когда подбегает к калитке. — Смотри под ноги, а то расшибёшься!

Мальчик тихонько усмехается, но не отвечает. В конце концов, он же не виноват, что хочет побыть с братом хоть на несколько минут подольше — ближайšie три месяца они, вообще, друг друга не смогут увидеть. Эдуард самый дорогой ребёнку человек, и ему бы следовало это понимать. Нет на свете братьев, которые бы так зависели друг от друга, как они — старший был прикован к постели, а младший был ещё слишком мал. Впрочем, казалось мальчонке, он всегда будет слишком мал для Эдди — в конце концов, тринадцать лет разницы в возрасте делали своё дело. А ещё Эдуард был очень умён — ни у кого на свете нет такого умного старшего брата! И такого доброго — никогда не пытающегося выставить себя умнее и лучше, настолько искренне за него беспокоящегося... Никто на свете не может понять этого — мальчонка видел, какие братья были у его друзей в Академии. У любого из Кошендблатов братьев было столько... Но они ужасно не ладили между собой — дулись друг на друга, постоянно ссорились. И не так, как он ссорился с Эдуардом, а по-настоящему. Казалось, они действительно друг друга ненавидели и презирали... Это было, пожалуй, странно.

Их сад не такой красивый, каким он помнит его из раннего детства — нет столько кустарников, цветов, красивых дорожек... Беседка почти развалилась... Когда он вырастет, он обязательно починит её, и Эдуард сможет летом больше времени проводить там, на свежем воздухе, а не дома. Эдди любит сидеть на свежем воздухе с книгой, но сейчас ему не так удобно это делать...

Ребёнок смотрит на заросшие дорожки и про себя отмечает, что он зря не вырвал эту траву за лето — в конце концов, у него было много возможностей это сделать, а он забыл, поленился... И как теперь Эдуарду выбраться из дома, чтобы что-нибудь купить на еженедельном базаре? Может, стоит сделать это сейчас — пока он не уехал в Академию? Времени оставалось вполне достаточно на это... Смотрит на местами не покрашенный покосившийся невысокий заборик... Он обязательно починит его позже — когда вырастет. Как обязательно почистит канаву, поменяет протекающую крышу у их дома, заменит все

разваливающиеся предметы интерьера...

В голову приходит мысль, что Эдди сейчас ждёт от него ответа... Точно же — его брат всегда говорил, что не отвечать собеседнику очень невежливо. Пожалуй, то, что он не отвечал, могло расстроить Эдуарда, а того желательно было не расстраивать лишний раз. В конце концов, тётка Кетти была права — его брату, и так, уж слишком досталось от жизни, чтобы ещё чем-то пытаться её испортить. Даже если это «что-то» — просто банальная невежливость, на которую не стоило слишком уж обижаться.

Но что ответить — малыш толком не понимает. Эдуард слишком уж беспокоится — это уж точно. Ничего с восьмилетним ребёнком не может случиться у них, в Соколиных горах, самом тихом и безопасном месте во всём Осмальерде. Да и... В Академии часто приходится проходить и не такое... Всё-таки, хорошо, что Эдди не знает, на каком отделении и на каком факультете учится его младший брат — тётя Кетти говорила, что, если он узнает, что младший учится на факультете стихийной — или практической — магии. Говорят, это один из самых сложных и опасных факультетов во всей Академии, и старший точно не будет рад тому, что его братишка подвергает свою жизнь опасности. Даже если это из-за учёбы. Тётя Кетти была права — он только разволнуется. А это значило, что у него снова всю ночь — а может, и не одну ночь — будет страшно болеть спина, что он долго не сможет заснуть и, в итоге, окончательно угробит, и так, загубленное здоровье.

— Не беспокойся! — кричит мальчик в ответ Эдуарду. — Я часто здесь бегаю — не расшибусь!

Старший брат укоризненно — настолько мягко укоризненно, как может только он один — смотрит на мальчика, и тому становится даже стыдно. Стыднее и, как ни странно, страшнее, чем бывает, когда на него кто-то кричит и ругается. Даже, чем когда его кто-то пытается ударить.

Обеспокоенный взгляд родных чёрных глаз заставляет мальчика приумерить свой пыл даже больше, чем слова, сказанные этим человеком. Ребёнок медленно подходит к брату и садится на скамеечку рядом с ним, молча протягивает банку с молоком и хлеб, потом ойкает, вскакивает, бросается в дом, кладёт продукты на стол и возвращается к Эдди — нельзя, чтобы молоко прокисло, а хлеб засох. Что же иначе будет есть его брат ближайшие дни? Подгорелую кашу из гадкой крупы?

Они сидят так довольно долго — просто молчат, ничего друг другу не говорят. Восьмилетний ребёнок уверен, что им и не нужно что-то говорить друг другу для того, чтобы чувствовать себя комфортно — напротив, лучше лишний раз помолчать вот так, полюбоваться природой, ночным небом или огоньком из камина. А ещё лучше — залезть Эдуарду под бок, прижаться, свернуться комочком и заснуть... Честно говоря, мальчик делал бы это почаще, но... Спина Эдди затекает от долгого лежания в одной позе, а пошевелиться он боится, чтобы не разбудить младшего брата...

Они сидят и молчат довольно долго — наверное, уже скоро придётся снова ехать в Академию, встречаться с глупыми одноклассниками, которые возомнили себя его друзьями, снисходительно им улыбаться и про себя мечтать как можно скорее уехать сюда — в Соколиные горы. К вечно всё понимающему брату, к горам, к горным тропинкам, пению пичужек, к холодной речке, в которой Эдуард всегда запрещал ему купаться, и к тихому потрескиванию камина. К вот таким вот безмолвным посиделкам на солнышке, к тихому смеху, чтению вдвоём красочных книжек и, вообще, к той жизни, что у ребёнка всегда ассоциировалась с домом... Он привык к такой тихой размеренной жизни, в которой почти

никогда не было места чему-то новому. Привык к тишине, к уюту, чувствовавшемуся даже в подгоревшей каше и бесформенных свитерах, привык к детским глупым книжкам, которые брат продолжал читать ему несмотря на то, что мальчик уже давно мог читать сам, да и предпочитал куда более серьёзные книги, чем какие-то глупые бессмысленные сказки... Но разве можно отказаться от вечера с чтением какой-нибудь очередной истории о принцах, эльфах, драконах? Ребёнок, правда, куда больше в последнее время любил читать про преступников, пиратов или детективов, но... Иногда казалось, что Эдуард держался на одних этих чудесах из сказок, и расстраивать старшего брата малышу совсем не хотелось... Поистине — у него лучший старший брат на свете. Любой бы из Кошендблатов согласился бы с ним. Ему восемь — и он по-прежнему считает себя самым счастливым человеком во всём Осмальерде.

И пусть у него нет ни папы, ни мамы — из-за чего вечно сокрушается Эдди! И пусть они не ездят вместе с братом на ярмарки, пусть отец не катает младшего сына на плечах, пусть мама не хлопчет о том, чтобы её ребёночку купили самые лучшие игрушки. Эдуард в красках однажды рассказал про эту жизнь тётке Кетти. Зло прокричал, а потом всю ночь тихо плакал в своей постели, то ли от досады из-за того, что потерял лицо перед чересчур добродушной соседкой, то ли от отчаянья из-за того, что его младший брат не познал счастливой жизни, как он назвал тогда то, что описывал. А когда мальчик утром сказал, что он совершенно счастлив, Эдди расстроился ещё больше — побледнел, попытался судорожно улыбнуться и следующую ночь тоже проплакал.

— Ты рад, что скоро уезжаешь? — спрашивает Эдуард немного грустно. — Уверен, у тебя там много друзей...

Вот опять... Какая разница — сколько у него там друзей? По правде говоря — ни одного, но... Разве можно сказать это Эдди? Тот начнёт сокрушаться, переживать, волноваться — а этого ни в коем случае нельзя было допустить! Друзья — что они, вообще, значат? Да они же не нужны даже даром, а уж тем более — если приходится под них подстраиваться, им уступать и так далее. Но Эдуарду этого говорить нельзя — расстроится. Так что же делать? Соврать? Это брат почувствует — он слишком умён — и, в итоге, только расстроится ещё больше.

Тётя Кетти проходит мимо, и Эдди на секунду отвлекается, отводит взгляд от младшего брата — пригибается к скамейке, в надежде, что добросердечная женщина его в этот раз не увидит. Пожалуй, это только сыграет младшему на руку — в такие моменты Эдуард не особенно внимателен, и обмануть его достаточно легко.

Тётка Кетти проходит мимо, и ребёнок машет ей рукой, а Эдди в этот момент смотрит умоляюще, прося не привлекать лишнее внимание их сердобольной соседки. Малыш усмехается и продолжает махать рукой тёте Кетти, которая радостно машет ему в ответ и кричит что-то про то, чтобы он не забыл втереть в спину старшему брату ту мазь, которую она принесла им накануне, на что ребёнок в ответ кричит, что обязательно это сделает, как только Эдди проснётся.

Наконец, соседка уходит, и братья снова остаются одни в саду.

Эдуард смотрит наигранно обиженно и улыбается — улыбается по-настоящему, а не грустно, как он любит. Они смеются вдвоём, а потом Эдди снова повторяет свой вопрос — его невозможно сбить с толку, если он хочет узнать ответ. Он слишком упрям... Наверное, именно поэтому он ещё жив — тётя Кетти как-то сказала малышу, что если бы не упрямство его брата, ребёнку пришлось бы расти среди десятка детишек тётки Кетти. Потому что

Эдуард бы просто не выжил.

— Не так уж и много! — хмурится мальчик, изо всех сил стараясь изобразить недовольство внимательностью брата. — Было бы куда лучше, если бы я мог ходить в такую школу, как ходят дети из нашего города.

Он помнит — Эдуард хочет, чтобы его братишка жил, как все дети, чтобы смеялся, шутил, бегал, дружил, дрался, чтобы, в конце концов, злился на старших за чрезмерную заботу и внимательность, потому что так делают во всех нормальных семьях. Малыш никогда не понимал озабоченности брата этими нормальными семьям. Они живут под одной крышей, едят одну еду, смеются, дурачатся вместе, ладят друг с другом — разве это не нормально? Разве не нормально то, что они могут проводить вместе целые часы и дни, почти не разговаривая, но чувствуя себя в полной безопасности и защищённости? Разве не нормально читать друг другу книги, кидаться подушками, тихо хихикать над тёткой Кетти и другими соседями? Разве не нормально грустить по вечерам, закутавшись в одеяла, сидеть перед камином и пить нечто, похожее на чай? Разве не нормально греться перед тем же камином на зимних каникулах, а потом рисовать пальцами узоры на замёрзших окнах? Разве не нормально жить вот так — искренне любя друг друга и не обращая никакого внимания на мир вокруг, на все те глупые предрассудки, правила, законы, не впуская в свою жизнь дурацкие мнения других людей... Разве это ненормально — жить так, как тебе хочется?

Кажется, его старший брат попался на эту удочку — поверил. И это хорошо. Незачем ему волноваться из-за такой ерунды, как наличие друзей у младшего. Их не было. И скорее всего — их никогда не будет. Так что... Зачем Эдуарду расстраиваться из-за таких пустяков? Ему, и так, приходится не сладко. Младший из братьев никогда бы не расстроил старшего специально. Этот человек ему слишком дорог — он всё, что у него есть. Он единственный, кто является и когда-либо будет являться для своего братишки семьёй — уж в этом-то мальчик был уверен.

— Не говори так, — улыбается Эдди. — Академия магии — лучшая школа на свете. Ни в одном учебном заведении в мире нет такого оборудования, таких лабораторий и таких преподавателей...

Наверное, для его старшего брата это действительно было так — белые стены Академии были для него домом, а красивые витражи и картины... Наверное, Эдуард поэтому так любит детские сказки — он ведь так и не доучился до конца там... Из-за той катастрофы. В голове снова всплывают воспоминания о том годе, когда всё произошло — малыш тогда всячески изводил брата своими капризами потому, что ему было тяжело носить два гипса: на руке и на ноге. Он постоянно кричал, плакал, требовал внимания к себе, требовал, чтобы его забрала мама, потому что он по ней соскучился, просился к отцу... Он ныл из-за каждого неприятного ощущения, тогда ещё совершенно не подозревая о том, что его старшему брату раз в десять больше...

Наверное, он до сих пор чувствовал себя виноватым за то, что произошло четыре года назад — никто бы другой не стал терпеть эти глупые капризы так безропотно. Никто, кроме его старшего брата Эдди, которому пришлось уж точно в несколько десятков раз хуже, чем пришлось тогда ему четырёхлетнему.

Покидать дом не хочется даже ради учёбы. Единственное, что греет его душу — так это надежда на то, что хотя бы годика через два он освоит целительство настолько, чтобы его брат мог пройти хоть несколько шагов... Ради этого мальчишка готов уезжать вновь и вновь. Только ради этого. Говорят, в Академии есть очень хорошие учителя, которые будут

преподавать у него эту науку уже со следующего года. Он выучится. Он, если будет нужно, сам изобретёт какое-нибудь зелье, только для того, чтобы Эдуард снова смог ходить. Он сделает всё, что угодно для этого.

— Это не главное, Эдди, как ты не понимаешь! — восклицает ребёнок почти гневно. — Мне бы куда больше хотелось остаться в Соколиных горах — это мой дом!

Эдуард ожидаемо хмурится. А потом так же ожидаемо расстраивается. Хотя, мальчик уверен, ему, всё же, приятно это слышать — знать, что младший брат его любит, несмотря ни на что, несмотря на так называемое «уродство», как всегда говорил Эдди про свою травму. Что бы там ни было — они самые близкие друг другу люди, и им обоим необходимо знать, что они друг другу нужны. Что они — самые важные люди в жизни друг друга. Что им больше — никто на свете не нужен. Никто. Совершенно никто! А уж тем более — какие-то там друзья!

Они молчат. Молчат долго, погрузившись каждый в свои мысли. И почему-то впервые мальчик чувствует себя неуютно в такой момент — обычно ему становится только хорошо от такого молчания, а сейчас... Сейчас ему кажется, что брат хочет что-то от него скрыть — и это чувство не из приятных. Наверное, Эдди тоже чувствует себя неуютно, когда младший юлит и врёт. Наверное, поэтому так грустно вздыхает в такие моменты.

— Малыш... — говорит Эдуард мягко после некоторого молчания. — Обещай, что не будешь грустить в Академии.

Это невозможно обещать — он ведь знает, правда? Невозможно не скучать и не грустить по единственному дорогому тебе человеку. Невозможно жить без него, без его улыбки и взгляда, желающих тебе доброго утра каждый день, не скучая и не грустя по этому. Это абсолютно невозможно. Ведь Эдуард не может не знать об этом, правда? Тётя Кетти говорит, что его брат очень многое знает и понимает, несмотря на то, что ещё так молод. Это ведь от того, что с ним произошло четыре года назад, да? От того, что он не может жить так, как живут здоровые молодые люди и, по его же словам, «влачит существование дряхлого старикашки из сказки про принцессу роз».

— Ну! — говорит Эдди. — Обещай!

Глаза мальчишки наполняются слезами, он зло бормочет это обещание и убегает в дом, громко хлопнув дверью — видимо, желая показать свою злость, свой гнев... Ему хочется метнуть что-то в Эдуарда, но он сдерживает этот порыв — не хватало ещё ещё больше покалечить брата.

Проходит с полчаса, и мальчишка вновь прошмыгивает в дверь, на этот раз бесшумно — как он давно научился — и проскальзывает в сад. Эдуард по-прежнему сидит в инвалидном кресле и о чём-то думает — впрочем, где ему ещё быть и что ему ещё делать? Наверное, стоит извиниться — мелькает в голове навязчивая мысль — ведь Эдди не виноват в том, что он так волнуется и заботится...

— Лучше ты будешь обижаться на меня, Константин, — слышит мальчик тихий голос брата, когда тот думает, что его никто не слышит, — чем будешь вечно чувствовать себя виноватым — как я всегда чувствовал себя перед нашей матерью...

От этих слов становится как-то до тошноты грустно и тоскливо.

***

Практика должна была начаться со дня на день — только прошли предшествующие этому событию экзамены. Кажется, в Академию вернулся Леонард Кошендблат, бубновый валет, этот вечно радостный и наивный мальчишка без которого, пожалуй, сама Академия не

была Академией. Их таких было, пожалуй, четверо — Леонард, Эйбис, Эниф и Альбирео. Вечно шумный и бесящийся по поводу и без квартет. Милые беспечные ребята. Единственные, на кого он бы никогда не смог злиться... Во всяком случае, злиться по-настоящему. Если только сердиться за слишком громкие звуки на уроках.

Константин прижимается лбом к зеркалу. Это чуть-чуть остужает его пыл, но недостаточно для того, чтобы сегодня не произошло чего-нибудь ужасного. Ему — почти восемнадцать. Он учится в Академии магии на факультете теории стихийной магии, входит в те пятьдесят два талантливых ученика и является тузом трэф. Неплохой послужной список, но... До хорошего ещё далеко. А список этот должен быть безукоризненным. Придётся ещё много — очень много — работать над этим. Но Константин Райн с этим прекрасно справится. В конце концов, это не так уж и трудно — просто трудиться, не жалея сил. Нужно просто не жалеть себя и делать, учить, создавать... И всё будет замечательно. А Райн достаточно силён для того, чтобы справиться со всем этим без жалоб — ему уже давно просто некому на что-то жаловаться.

На тумбочке рядом с зеркалом лежит карандашный рисунок, изображающий какого-то молодого парня лет двадцати-двадцати пяти. Слишком худого, с выступающими острыми скулами и запавшими тёмными глазами. Константин с грустью смотрит на рисунок. К горлу уже не подступают слёзы, как это было раньше. Но какой-то комок всё равно возникает и не даёт нормально дышать.

— Я обещаю, что не буду грустить, Эдди, — говорит парень, бережно беря в руки старый листок с рисунком. — Я обещаю — я отомщу. Отомщу за то, что он с тобой сделал.

От этих слов будто становится немного легче — немного отступает то давящее, щемящее чувство. Оно не уйдёт никогда. Но иногда его затмевает ярость, животная ярость и злоба, постоянно ищущие выход наружу. Никогда неизвестно, когда зверь вырвется наружу и разорвёт всех, кто будет находиться по близости. Никогда неизвестно, как именно — в каких именно муках — погибнут те, кто будет рядом в момент пробуждения этого самого «зверя», который сидит внутри парня.

— Я вырву ему сердце, Эдди! — шепчет он, обращаясь к карандашному портрету. — Просто убить его было бы слишком милосердно. Я заставлю его страдать! Заставлю умирать в агонии, Эдди! В агонии и безграничном отчаянии!..

От этих слов становится легче. Безграничная злоба застилает разум, и от этого становится чуть легче, чем обычно. Чуть-чуть, — постоянно говорит он себе, — осталось совсем чуть-чуть и я расквитаюсь с этим подонком, заставлю его выть от боли, вертеться вокруг себя от того, что будет разрывать его изнутри. Я заставлю его захлебнуться в его собственной крови, — говорит он себе, — я вырву его живое, трепещущее сердце, я вырежу всех, кто ему дорог за то, что он отнял того, кто дорог мне.

— Я знаю, Эдди — ты так добр, что уже давно простил его за то, что он сделал с тобой, — бормочет Константин. — Но я — не ты. Я никогда не смогу простить его за это.

Он постоянно говорит это перед зеркалом, глядя на портрет погибшего старшего брата. И от этого становится несколько легче. Легче жить с той пустотой в груди, которая не даёт ему спать по ночам и жить днём. Он пытается как-то расшевелить себя самого, потому что ни в коем случае нельзя оставаться без движения. Он пытается зажечь свою душу заново и, кто знает, быть может, когда-нибудь он спалит её дотла.

— Он отнял у меня мой дом. Я же отниму его.

Парень абсолютно уверен в этом. Осталось совсем чуть-чуть и он, действительно,

сможет исполнить своё пророчество. Осталось лишь немного потерпеть — он терпел гораздо дольше...

— Райн! — кричит Альбирио, уже полностью поглощённый идеей предстоящей практики, из-за закрытой двери в комнату Константина. — Через пятнадцать минут сбор около фонтана! Поторопись — не хочется тебя ждать!

Альбирио... От мысли о нём хочется усмехнуться. Пожалуй, так кричать могут только четыре человека в Академии. Во всяком случае, лишь четыре из тех пятидесяти двух человек, в число которых входил Константин.

— Да, хорошо, Монтаганем, — отвечает Райн, стараясь снова вернуть своему голосу привычную безэмоциональность. — Я сейчас спущусь. Большое тебе спасибо за напоминание.

Монтаганем уходит, точнее убегает — Константин слышит, как стучат его лакированные туфли по лестнице. Трефовый туз запикивает в рюкзак необходимые ему вещи, бережно кладёт рисунок под стекло, прячет его в тайник под его ковром — это самая ценная вещь, что у него осталась. Он не может пожертвовать ещё и ей.

— Мне не нужна твоя тупая жертвенность, Эдди! — бросает Константин почти зло, перед тем, как выйти из комнаты. — Мне просто нужно, чтобы ты был жив...

Комментарий к Бонусная глава. Из хроник Соколиных гор.

* Мельница — Ворон

Кого с праздником, кого с днём траура — кому как нравится. В общем, поздравляю (или соболезную)

===== II. I. Глава пятая. Королева сердец. =====

Omnes angustiae certi debentur pidationem accessit ad amorem sui generis...

Non quod aliquid fit in mundo, cogitant vis discere sentire.

Respondeo dicendum quod impossibile est fieri matrona nescientes luctus.

Respondeo dicendum quod impossibile est fieri matrona quis vult vitare laborem petit magica nigra.

Veneficus — Non possum qui pro eo quod vendiderit pro facultate animae impassibilitatem.

Omnes angustiae enim scitote intellegentes quod sentire debent...

Propter quod dolorem...*

VII.

Это была, пожалуй, худшая из всех неудачных идей мистера Витолда — вместо привычных четырёх команд по тринадцать человек отправить на ежегодную практику шесть команд по восемь человек. Разумеется, «двойки» оставались на это время в Академии и помогали вести уроки у первого и второго курсов. И, как назло, команды разделили следующим образом: тройки и десятки всех мастей составляли одну команду, четвёрки и девятки — другую, пятёрки и восьмёрки — третью, шестёрки и семёрки — четвёртую, а вот «высшие карты» решили поделить несколько иначе: в одну команду запикинули трёх королев (пиков, трефов и бубнов), бубнового и червового тузов, червового и трефового валетов, а так же пикового короля, а во вторую — пикового и трефового тузов, червового, трефового и бубнового королей, пикового и бубнового валетов, а так же червовую королеву. Второй вариант, куда собственно попала Мира Андреас, был во сто раз хуже первого. По той причине, что совмещал Райна, Эсканора, Вейча и Виланда в одной команде.

Это было чистое безумие — находиться с ними рядом и видеть напряжённые и нахмуренные лица. Впрочем, Вейча не был напряжён... Напротив! Расслаблен в ожидании

очередного спора или очередной драки. Как и всегда. На его лице застыла привычная ухмылка, исчезающая настолько редко, что это, должно быть, видели только несколько людей из команды пиков — те, которым бы Эйбис мог доверять... Впрочем... Эйбис хоть кому-нибудь, всё-таки, доверял. Наверное, это были Феликс и Эниф — туз и десятка пик. Во всяком случае, Мира не могла бы назвать кого-нибудь другого, кто мог бы общаться с Вейча нормально — не распуская рук и не крича на него. Монтаганем и Эсканор в этом плане были поразительно терпеливы. Пожалуй, даже Мире этого было не понять... Виланд и Эсканор, в принципе, были просто обычными людьми — из разных слоёв общества, из разных стран. Они общались со многими, шутили, спорили — по-разному, как кому из них позволяли те своды правил, присущие их обычному кругу общения.

А вот Райн... Константин всегда казался Мире странным. Он почти всегда молчал, хотя знал ответ практически на любой вопрос. Он почти всегда читал или что-то записывал — его невозможно было встретить без привычных книги, блокнота и пера. Он почти никогда не вступал в споры — предпочитал ни с кем не иметь разногласий и избегал поводов для ссоры. Оскорблений, кажется, не терпел — хотя то, что он считал оскорблением Мире было неизвестно. Девушка старалась не задумываться над тем, что должно оскорблять пиков, трэфов или бубнов — их идеалы слишком уж разнились с теми, что были в её команде. Впрочем, понять Райна или хотя бы просто принять его, девушка могла с большим трудом. Райна — этого высокого бледного парня с копной тёмных волос и чёрными волосами, молча и надменно усмехавшегося в лицо Виланду. Райна — человека, которого она единственного из всех учеников Академии ни разу не видела искренне улыбающимся, только зло усмехающимся чему-то, понятному лишь ему одному. Он казался Андреас странным и даже пугающим. Он почти никому из ребят не казался заносчивым и грубым, напротив — всегда, в любой ситуации вежливым и спокойным. Его, быть может, и не особенно любили, но зато уважали. Он, очевидно, считал, что это и есть самое главное.

Мире не нравился Константин Райн.

Он был полной противоположностью Эйбиса — вечно говорящего, смеющегося, насмехающегося, дразнящего остальных. Даже внешне они различались слишком сильно — Вейча был невысоким и почти тощим, с длинными светлыми, чуть рыжеватыми растрёпанными волосами, а Райн был высок, прекрасно сложен, с тёмными очень коротко остриженными волосами... Пожалуй, единственное, что у этих двоих и было общего — так это простота в одежде. Оба не терпели лоска, блеска и всего, что сопровождало обычно, например, Тозеура Гакрукса или Талмэя Рида — пикового короля или червового валета. Оба предпочитали расшитому золотом и жемчугом камзолу простую льняную рубашку, а модной обуви простые сапоги или башмаки, или даже просто ходили босиком, если это им позволяла погода.

Пожалуй, Райн был красив — высокий, хорошо сложенный, с правильными благородными чертами лица. Пожалуй, Райн был обаятелен — всегда вежливый, обходительный, не позволяющий себе слишком многого. Пожалуй, Райн был умён — один из лучших учеников Академии, гроссмейстер, мастер игры не только в классические шахматы, о которых Мира знала довольно много, но и в сёги, в Великие шахматы. Но его красивое, умное лицо носило печать ледяной вежливости. Мёртвой вежливости. Ему было абсолютно всё равно, что происходило вокруг, если он и интересовался этим, то только потому, что так было нужно, принято. Ему было абсолютно всё равно, что ни происходило. Выигрывала ли команда их факультета в каком-либо виде спорта, умирал ли ребёнок от

болезни — Райн с одинаковым, абсолютно равнодушным, выражением лица проходил мимо, без какого-либо восторга или сожаления наблюдая за этим. Его красивое лицо ни на миг не искажала гримаса скорби, ненависти, горя, не озаряли светом радость, счастье или удовольствие — он всегда оставался ужасающе бесстрастен.

Мира не любила его.

Быть может, кто-то считал его красивым, очаровательным — Оделис, Фиера, Оранда или Каролина нередко шептались об этом, как шептались о многих парнях из Академии, — но Мира никогда не думала так. Он был пугающим. В его душе было предостаточно тьмы, и он не стыдился этой тьмы. Его устраивала та жизнь, которой он жил. Он не пытался измениться, преодолевая себя — как пытались и Виланд, и Эсканор. Он даже не пытался любить мир и жизнь — как любили его Земирлонг и Кошендблат. Он прекрасно учился — ему это удавалось легко, без приложения каких-либо усилий, — он прекрасно играл в шахматы — он всецело отдавался игре, разбивая противника в пух и прах, — он умел варить самые разные зелья и даже изобретать их самостоятельно — дар этот был словно врождённый, ему словно бы ровным счётом ничего не стоило всё сделать правильно, безошибочно, тонко, словно самое сложное зелье было для него чем-то таким незначительным... Он сам не делал ошибок и не прощал их другим, на взгляд Миры, слишком жестоко отнесясь к ошибке Джозефа Тайлера — бывшей трефовой четвёрки — и Рехора Синга — бывшей трефовой девятки. Андреас было жалко этих двоих. Они были неплохими ребятами, с которыми всегда можно было хорошо поболтать. Но теперь их уже нет в Академии — на их место пришли четырнадцатилетние ребята, новички, которым исключение Тайлера и Синга весьма помогло попасть в те заветные пятьдесят два человека. Мира не могла относиться к новым ребятам хорошо — постоянно вспоминался тот случай. Всё произошло слишком быстро и стремительно — сначала Джо и Ри провалили какие-то важные тесты, потом следовала ещё одна контрольная, которую, наверняка, из всей их команды сдать смог бы только Райн, ну, может быть, ещё Эсканор с Леонризес, а потом... Потом они украли какие-то бумаги из учительской, которые спасли от обещанного ужаса столько ребят... И Константин не заступился за них перед учителями.

Теперь их — восемь высших карт — запихнули в одну команду на практику. На целые несколько дней или даже недель. А это означало, что придётся постоянно слушать обидные реплики Вейча и потом самой же помогать ему стереть кровь с лица, когда Виланд в очередной раз не сдержится, слушать гневные выпады Эсканора, который в очередной раз возомнит себя последним оплотом справедливости, а потом ещё видеть недовольно ворчащего Райна, забившегося с книгой в каком-нибудь укромном уголку. Ещё не до конца оправившийся от болезни Кошендблат присядет, ожидаемо, всё-таки, поближе к Константину или Феликсу, разумеется — не с Кристианом или Эйбисом же ему садиться рядом. Итан Августин — бубновый король — тоже был не вариантом из-за своей вечной непроходящей радости, чем-то напоминающей вечное насмешливое настроение Вейча. А трефовый король — Альбирео Монтаганем, кузен Эниф — внушал бубновому валету какой-то суеверный ужас. Хотя Мире казалось, что было бы куда логичнее, если бы такой ужас внушал Константин — Альбирео был вспыльчив, зол и несдержан, почти капризен, но его действия, слова, поступки всегда можно было предугадать, он не делал ничего такого, что выбивалось бы из рамок его привычного поведения. Константин же был непредсказуем. Он был хладнокровен и умён, для него не было границ в поведении — его не страшила как участь всеми презираемого фрика, так и участь человека светского.

Порой Мире казалось, что трфовый туз, вообще, ничего не боится — и не может бояться. Это пугало её больше, чем нарциссизм Феликса, безрассудство Кристиана, несдержанность Альбирео, актёрство Эйбиса или нелепость поведения Итана. Леонард же был, пожалуй, единственным человеком, который смог бы ужиться со всеми остальными. Радостный, как и должно быть свойственно бубнам, но не настолько нелепо, как Итан или многие остальные. Старательный, преданный, умный... Происходивший из семьи Кошендблат. Мира видела старшего брата Лео — Дика — и даже общалась с ним несколько раз, пока тот не закончил Академию. Пожалуй, Ричард Кошендблат и Константин Райн были даже чем-то похожи. Только вот если первого она молчаливо презирала и считала человеком, недостойным того дара магии, который ему достался, то второго слишком боялась, чтобы считать хорошим человеком...

Мире казалось, что она вот-вот потеряет те жалкие остатки терпения, которые у неё ещё были. Она чувствовала себя виноватой во всех возможных грехах. Их группа уже прошла большую часть пути, намеченного Феликсом, кажется, Константин даже сумел обнаружить что-то из тех предметов, которые им нужно было найти, но они так ещё и не сумели найти общий язык друг с другом. Вейча что-то напевал своим чуть надтреснутым голосом, заставляя всех остальных затыкать уши и про себя молиться о том, чтобы он заткнулся, Эсканор то и дело ворчал, что всё делают не по его плану, Кошендблат тихонько стонал, когда ему было слишком неудобно поспевать за всеми, а Виланд то и дело срывался и начинал орать на Эйбиса. Это было слишком трудно: слушать их всех, видеть, как они ссорятся, дерутся, как готовы вцепиться друг другу в глотки и ничего — ничего — не иметь возможности сделать...

Она, понимая, что палатки уже расставлены, отходит от лагеря. Ей хочется хоть немного побыть одно — это тяжело сделать особенно в Академии. У «червов» нет отдельных комнат, как у других мастей, и они вынуждены постоянно соприкасаться друг с другом, постоянно пытаюсь найти общий язык друг с другом. Это было очень тяжело, особенно вначале — когда они переселились в их общий домик после огромного здания ученических комнат. Мира до сих пор не смогла привыкнуть, хотя, наверное, стоило привыкнуть к этому уже давно — все же смогли привыкнуть. Чем она была лучше или хуже? Она могла привыкнуть. И в этом был весь факт. Но почему-то — не привыкала...

Мира идёт всё дальше в лес — она и боится, и не боится одновременно. Там должно быть лучше, чем ей сейчас в лагере. Во всяком случае, там должно быть тихо... Мира Андреас редко раньше выходила вот так в лес — отец никогда не отпускал её одну, это Феликс гулял по всем заброшенным храмам, часовням, замкам, дворцам, это Феликс приносил ей разные расписные шкатулочки, коробочки, амулетики, ожерелья, это Феликса отпускали всегда и куда угодно...

Ей было так обидно...

Сейчас она шла по лесу — не по тропинкам, не по протоптанным дорожкам, а по настоящему лесу. Она слышала щебетание птиц, слышала шелест травы, она прикасалась к деревьям... Она словно впервые смогла дышать полной грудью — теперь она понимала, про что говорил Феликс, упоминая то чувство сладкой свежести ощущения полной свободы, теперь понимала... Она перебирается через корни, небольшие холмики, ветки царапают её голые ноги. Пожалуй, из всех девушек, входящих в «Сообщество карт», только трое могли отправиться в лес в платье — Мери Земирлонг, которая, вроде как, не имела права носить другую одежду по уставу той Обители, к которой девушка принадлежала, Нелли Андреас,

кузина Миры, благодаря своему воспитанию придерживавшаяся строжайших законов и правил, касавшихся одежды, и она сама, Мира Андреас, чисто по глупости даже не задумавшаяся над тем, что стоит временно переменить свой гардероб, раз уж их практика пройдёт в скитаниях по лесу. Хотя, быть может, в платье или в юбке на практику отправилась ещё Аделинд. Все остальные — княжна Леонризес, Роза Эсканор, Эрна Хоу, Эниф Монтаганем, Юсуфия Нолд, Оранда Тсори, Катрина Джонс, Кларисса Айстеч, Оделик Каннингем, Фиера Батлер, Каролина Энкарнасьон, Эйлин Лаойнс — уж точно догадались не одеваться в привычные платья, во всяком случае, на практику. Княжна Леонризес, разумеется, была одета в традиционный эльфийский костюм, Роза никогда не стыдилась ходить в мужской одежде, а остальные... Остальные были достаточно умны, чтобы не допустить ту ошибку, которую допустила Мира...

У её сандалий слишком тонкая подошва — идти становится не слишком удобно. Но она идёт. Воздух опьянял её, дурманил её разум, заставлял действовать так, как она ни за что не поступила бы... Она неслась по лесу, начиная идти всё быстрее, её уносило прочь от лагеря, прочь от свор и драк... Её несло в глубины казавшегося бескрайним леса. Она чувствовала себя по-настоящему свободной, живой... Бежала... Цеплялась подолом платья за ветки. Бежала. Впервые чувствовала себя свободной, дышала полной грудью — всё то, о чём рассказывал ей когда-то семилетний Феликс, впервые сбежавший из-под надзора нянек, всё то, что чувствовала, по её же рассказам, Фиера, когда впервые оказалась в землях эльфов — в бескрайних лесах.

Небольшая полянка, полная цветов. Мира от радости кружится, наклоняется к цветам, проводит по ним рукой... Её захлёстывает необъяснимый восторг — она ещё никогда в жизни не была так безоговорочно счастлива, как была счастлива теперь. Фиолетовые — как глаза Феликса, ярко-красные — как волосы Эниф, жёлтые — как платья Розы, бледно-розовые — как кожа Эрны, синие — как глаза Кристиана, белые — как руки её матери, находившейся на смертном одре... Колокольчики, звездочки, аквилегии... Всех названий цветов Мира не знает. Она смотрит на цветы, проводит по ним руками, наклоняется к ним... Ей приятно находиться здесь, чувствовать себя частью этого маленького мира — мира, полного прекрасных ярких цветов, свежего прохладного воздуха... Ей хочется чувствовать себя частью этого мира... Хочется осознавать себя нужной... Хочется... Её называют королевой сердец, но «повелевать сердцами», как смеялся её отец, ей совсем не хочется...

Она нехотя встаёт — придётся, всё-таки, вернуться в лагерь. Нехотя бредёт — уже с каким-то тяжёлым чувством на сердце. Совсем недавно умерла в результате серьёзной болезни её мама, и, наверное, мир для неё слишком поменялся... Изменилось всё — отношение других к ней, отношение её к другим, материальное положение её семьи, ценности её семьи... Она постоянно чувствует себя отверженной, изгоем. Пусть Феликс говорит ей, что угодно — она никогда уже не останется прежней.

Девушка решает пройти немного не той дорогой, которой она вышла на полянку — ей хочется хоть чуть-чуть продлить своё небольшое приключение. Она проходит между двумя высокими елями, проходит мимо огромной сосны, ещё чуть дальше и перед ней предстаёт гладь прекрасного лесного озера.

Мира любит этот озером, идёт ближе к берегу, садится на траву. В её душе снова просыпается то чувство — чувство познания неизвестной доселе свободы. Это сладкое ощущение безграничности этой свободы захлёстывает её душу, заставляет позабыть обо всём на свете — позабыть о смерти собственной матери, о тяжёлом нынешнем положении её

семьи, о спорах Виланда и Вейча... Она ещё никогда в жизни себя так не чувствовала... Всё всегда было иначе. Ей казалось, что разум покидает её, завлакивается чем-то и одновременно становится яснее, чем был всегда.

Девушка подходит чуть ближе, наклоняется, видит отражение в глади озера собственного лица — теперь осунувшегося, бледного, совершенно некрасивого. На ней светло-зелёное ситцевое платье — она почему-то решила, что то чёрное бархатное траурное длинное платье будет совершенно ни к месту здесь, на практике. Её светлые кудрявые волосы и раньше никогда ей не нравились, а теперь... Теперь они отчего-то кажутся ей чем-то кошунственным, неправильным... Она обязательно обрежет их, когда они снова окажутся в Академии. Мира чувствует, как на глаза наворачиваются непрошенные слёзы — всем абсолютно безразлично, что она думает, что она чувствует. Девушка смотрит в недвижимую гладь озера, от этого ей почему-то становится ещё горше, чем было раньше. Мама с самого детства приучила её к этим лёгким летним платьицам, сшитым из ситца, кружевам, атласным ленточкам и бантикам. Теперь это какой-то глухой болью отзывалось в сердце. Неустанно хотелось плакать, но выплакаться было невозможно. Каждая секунда этой сдержанности тяжестью ложилась на её душу. Ей хотелось, чтобы хоть кому-нибудь было не всё равно. Чтобы хоть кто-то поддержал её сейчас...

Никто не мог этого сделать — отцу и самому нужны были помощь и поддержка, Феликс относился к этому слишком легкомысленно, казалось, вообще, не особенно переживая за своих родственников, Фиера была сейчас слишком далеко — приехала она уже после того теста, так как на грант она никогда не претендовала, как и не стояла в очереди на отчисление, а потом началась практика и их разбили по разным командам. Остаётся только дожидаться того момента, как практика закончится. Дотерпеть...

Материнский браслет спадает с её руки — тяжёлый малахитовый браслет, последний подарок её больной матери, теперь являвшийся, возможно, её, Миры, единственным приданным — и падает в воду. Девушка бросается за ним — теперь это единственная память о её покойной маме. Она соскальзывает с берега, уже почти идёт к воде, остаётся всего несколько шагов до того, как она нырнёт в озеро и попытается достать дорогой ей браслет, как чья-то рука хватает её за плечо и удерживает на месте. Она пытается вырваться, пытается ударить этого человека, но он держит слишком крепко. Она почти кричит, чтобы человек отпустил его, приложив огромные усилия, девушка разворачивается, бьёт со всей силы в грудь этого человека. Из глаз вырываются непрошенные слёзы, но она ещё может заставить их не вылиться со всем её горем.

— Сошли с ума, мисс Андреас? — слышит она абсолютно спокойный голос Константина Райна. — Я знаю — ваша мать умерла.

Он не вздыхает тяжело, как вздохнул бы Феликс, он не обнял её крепко-крепко, как сделала бы обязательно Фиера, он не пытался засунуть ей шоколад, как делал Кристиан — он просто сидит и молчит. Смотрит ей в глаза прямым равнодушным взглядом, ему абсолютно нет дела до её чувств и переживаний — он, как и всегда, думает о своём. Ему абсолютно нет разницы — что с ней случилось. Слова о смерти её матери он произносит так равнодушно, что ей хочется ударить его как можно сильнее. Ей ужасно больно. Ей постоянно хочется умереть. Ей постоянно хочется плакать. Ей больно. К горлу постоянно теперь подступает ком, мешающий дышать. Быть может, именно поэтому ей было так хорошо, когда она чувствовала себя частью леса, когда дышала этим ощущением безраздельной полной свободы? Быть может, ей лучше было бы утонуть в этом озере —

навек стать одним из бесплотных, равнодушных ко всему духов воды? Быть может, именно поэтому она так злилась на Константина сейчас — за то, что он был так не кстати? За то, что избавил её от возможности совершить это неосознанное самоубийство? За то, что теперь у неё вряд ли когда-то достанет смелости совершить это самоубийство?

Она зло смотрит на Константина Райна — теперь, кажется девушке, уж теперь-то она его точно не может бояться. Она почти хотела умереть — чего же она теперь может бояться? Не осталось почти ничего такого, что было бы способно её испугать. Не должно было остаться. Она смотрит зло, с вызовом, уже осмелев — или обезумев — и бросая ему вызов, бросить который раньше ни за что на свете не осмелилась бы. Она чувствует, как всё её тело начинает дрожать — то ли от жара, то ли от холода. Она чувствует, как словно бы её душа начинает меняться, как будто всё, что было ей дорого разбивается на атомы...

Видимо, Константин Райн прекрасно понимает — почему девушка сейчас так злится. Он не так глуп, как Виланд, и поэтому замечает хотя бы то, что совершенно очевидно — как, например, причина, по которой Мире сейчас так хочется его ударить. Взгляд парня такой же отстранённый и равнодушный, как и всегда. Он сидит и молчит, смотря на неё. Те его слова, которые он, всё же, произнёс, были так холодны. Они словно причиняли ещё большую боль. Мало было ей того, что случилось с её семьёй? Впрочем, наверное, она была не права, раз так разнылась — но что ей было делать? Мира чувствовала себя одинокой, всеми оставленной. И, наверное, имела полное право на это чувство — любой человек имел бы на это право на её месте.

Ему абсолютно безразлично — что происходит в душах других людей.

Это совершенно неправильно! Ведь так не должно быть — нормальному человеку не должно быть наплевать на чужие беды? Ведь человек должен думать не только о себе, но и о других? Ведь жизнь только для себя самого — изначально пуста и не имеет ровным счётом никакого смысла? Мама Мира — Нина Андреас, в девичестве Холлидей, из семьи, принадлежащей к младшей ветви Кошендблатов — всегда говорила дочери о том, что жизнь без служения на благо других людей — совершенно пуста, что о человеке, который живёт лишь для себя никто не вспомнит после его смерти. Мира была уверена, что такого человека, какой была Нина Андреас, пожалуй, больше никогда не будет. Но девушке хочется думать, что есть в мире люди, способные на ту же бескорыстную любовь, на то же бескорыстное сострадание — впрочем, если любовь или сострадание существуют из-за каких-то корыстных мотивов, то это уже не любовь и не сострадание, — во всяком случае, ей хочется верить, что такие люди действительно существуют. Такие, как её недавно умершая мама...

Мысли девушки снова возвращаются к Константину — к этому холодному представителю команды трэфов. К парню, целые дни и ночи посвящавшему шахматам, алхимии и теоретической части магии. Казалось — ему больше совершенно ничего не было нужно. К человеку, не простившего какой-то ничтожной ошибки двум представителям собственной команды. Она почти не боялась его теперь. Константин Райн не внушал ей больше того ужаса, который внушал ранее.

Он, должно быть, ужасный человек...

Мира не любила таких людей — которых нельзя было назвать ни весёлыми, ни добрыми, ни обаятельными. Райна нельзя было так же назвать и мрачным, злым или неловким — он был, как думала большая часть учеников Академии женского пола, красивым, умным, даже великодушным. По мнению Феликса и Леонризес он, так же, не был лишён чувства юмора. Но... Он ведь прекрасно видел, как Мире сейчас плохо, ведь так?

Разве любой другой человек не поступил бы иначе? Разве тоже с абсолютно равнодушным видом бы смотрел на неё — как он? Почему-то ей слишком обидно. Впрочем, в таком состоянии она обиделась бы на любого, кто сейчас оказался бы рядом — как бы он себя не вёл. А Райн, по крайней мере, хорош хотя бы своим молчанием.

— Но это не повод умирать, мисс Андреас! — говорит трэфовый туз. — Это не повод бросаться в озеро и топиться в нём.

Девушка удивлённо смотрит на него — какое ему было дело до этого? Его, что ли, поставили старостой на это мероприятие? Такое вполне могло быть... Вот почему он пришёл сюда... Мира пытается вырваться, но он всё ещё держит её за плечо. Андреас хочется ударить его как можно сильнее. Она устала объяснять — что с ней произошло. О том, что её мать умерла совсем недавно, должны были знать все из четырёх команд, кто только находился в тот день в Академии. Вряд ли есть хоть кто-нибудь, кто ещё мог об этом не знать. Разве что кто-то вроде Нелли. Или Константина...

Райн, очевидно, и вовсе, не собирался выслушивать то, что она могла бы ему сейчас наговорить — ему было всё равно. Это была одна из тех прописных истин, которые следовало запомнить и уяснить всем, кто пересекался с ним когда-либо. Он никогда не высказывал даже одного слова сочувствия — только смотрел словно сквозь человека и задумывался о чём-то. Мира не раз видела пронзительный взгляд этих чёрных глаз. И ни разу не видела в этом взгляде даже капельки тепла. И каждый раз девушке хотелось убежать, скрыться, больше никогда его не видеть...

Этот человек словно был соткан из льда — с идеальными чертами лица и тела, в которых не было практически ни одного изъяна, очень умный, которому не представляло сложности просчитать множество ходов наперёд, который мог запомнить огромное количество ингредиентов, последовательности действий при варке зелий, даже при изобретении собственных зелий — люди, входившие в «карточные сообщества», только у него брали зелья от мигрени, простуды, гриппа, — всегда по-ледяному спокойный и хладнокровный — даже тогда, когда никто не мог сдержать возгласа и стога Райн продолжал хранить ледяное молчание, сохранял спокойствие и действовал точно так, как действовал бы другой человек в обычной ситуации. Разве был на это способен обычный человек, сделанный из плоти и крови? Разве был на это способен человек, созданный не из камня или льда? И его ледяное великодушие раздражает её ещё больше — кто он такой, чтобы говорить ей, что является поводом для того, чтобы сводить счёты жизни, а что не является? Разве может эта ледяная глыба чувствовать?

— Откуда вы знаете, мистер Райн? — горько усмехается королева сердец. — Вы кого-нибудь теряли? Когда-нибудь были в моём положении?!

Он смотрит на неё тем же холодным пытливым взглядом, которым смотрел до. Но почему-то девушке вдруг начинает казаться, что во взгляде трэфового туза появляется что-то ещё. Он словно думает — отвечать ей или нет. На лице Константина не отражается ни единой эмоции — как и всегда, — но в глазах, в его глазах, она теперь видит ещё что-то. Нежелание говорить. Нежелание вспоминать. Какую-то скулящую тоску. Почти ту же, что теперь чувствует Мира каждый день.

— Был, — кивает Райн, и в его взгляде читается такая боль, которую Мира никогда не могла помыслить в нём. — Я живу в Академии на грант, как победитель шахматных турниров, и получаю небольшое сиротское пособие. У меня нет ни одного родственника, которого можно было бы считать живым.

Девушка отчего-то чувствует, что больше она не может сдерживаться. Плотина словно прорывается — и слёзы начинают литься из её глаз. И она почему-то рассказывает ему всё — начиная от того, что она чувствовала, когда умер её самый близкий человек — её мама — и заканчивая тем, что она сейчас думает о нём самом. Она говорит о своей боли, своём отчаянии в ту минуту, когда получила извещение о смерти, говорит о том, как оттягивала бывший неизбежным конец, как не хотела даже думать о нём лишний раз, говорит о разрывающей её боли в первые часы после получения письма и тупой ноющей боли, которая преследовала её теперь. Говорит, что не знает — какая из боли хуже. Та, которая разорвала бы её или та, которая медленно её убивает. Рассказывает о том, как боится за собственного отца — тот был слишком подавлен после смерти своей жены. Рассказывает, как боится лишиться и его тоже. Она говорит даже о том, что никто — никто во всей Академии — её не понимает и не поймёт.

Он просто слушает — молчит и смотрит на неё почти невидящим взглядом. Снова думает о чём-то. О ком? Это Мире почти неинтересно, хотя — девушка была уверена в этом — было бы интересно, случись их разговор в другом месте и, главное, в другое время. Но «бы» ведь никогда не бывает, так? Это он сидит и терпеливо её выслушивает, а не она его. Хотя вряд ли когда-нибудь он позволил себе вот такое проявление эмоций.

А потом... Потом зачем-то рассказывает о том, что мысли о том, чтобы утопиться, посетили её уже после того, как Райн схватил её за плечо. Она уже вовсю ревет — сдерживаться более незачем. Константин уже видел более, чем достаточно. Что ещё такого может произойти, чтобы опустить её ещё ниже в его глазах? Пожалуй, ей повезло, что сейчас с ней здесь сидит не Эйбис — тот обязательно поднял бы её на смех, как только они оказались бы в лагере.

— Браслет, — говорит Мира, уже захлёбываясь рыданиями, — я уронила в озеро мамин браслет... Тут очень глубоко и я вряд ли смогу достать...

Парень, кажется, всё понимает. Молча кивает, жестом говорит ей сидеть на берегу, довольно быстро сбрасывает свою одежду и ныряет в озеро. Проходит где-то с полминуты с момента его погружения в воду, как он выныривает. Девушка уже начала волноваться. Хотя, по правде говоря, волноваться она начала ещё до того, как он нырнул. Осознание того, что она не сможет ему помочь в случае чего, пугало её. Но вот — он был здесь. Живой. Здоровый. Пытающийся отдышаться. Константин Райн. Трефовый туз. Ей оппонент в спорах на студенческих собраниях о том, какие проступки можно прощать, а какие нет. Человек, который так легко её выслушал. Человек, который просто помог ей. Без всяких слов.

— И стоило плакать? — спрашивает он, отдавая ей мокрый браслет, а потом одеваясь. — Можно было просто сказать про браслет и попросить достать. Чего же реветь? Тебе тяжело, потому что умер твой близкий человек — и тебе всегда будет тяжело, — но ты никак не сможешь помочь себе слезами — только расшатаеть себе нервы, сделаешь себе ещё больнее. Не замыкайся в себе — так ты не сможешь пережить то, что произошло с тобой.

Девушка какое-то время молчит — не может собраться с силами и сказать хоть что-нибудь... В груди снова появляется ноющее чувство вины — она была не права на его счёт. Он помог ей. Они уже идут по тропинке к лагерю. Короткие чёрные волосы Райна теперь мокрые, и Мира чувствует себя виноватой ещё и за это. Он был последним человеком, от которого она могла ожидать помощи. И он помог.

Ему не было всё равно...

Королева сердце задумывается над тем, кто же погиб у него? Кто-то, бесспорно, очень дорогой. Кто-то, кого он любил так же, как она любила свою маму. Кто мог быть этим человеком для Константина Райна — ледяного короля Академии? Он никогда не говорил никому о своей семье. Даже своей команде. Оранда была болтушкой и проницательной — она обязательно бы знала о том человеке и обязательно рассказала бы Мире о нём. Значит, Константин никому не говорил о том, кого потерял.

Мире слишком стыдно — Райн был последним человеком, от которого она ожидала помощи, но он помог ей, а она даже не поинтересовалась у него, кого же он потерял, даже не попыталась ему посочувствовать... Мире было стыдно — она обязательно, как только представится возможность, должна будет поговорить с Константином и чем-то помочь ему. Пусть это будет не просто жалость — просто жалость он никогда от неё не примет.

Слёзы по-прежнему текут по её щекам, а к груди она прижимает массивный малахитовый браслет — подарок её покойной матушки. Девушка очень сильно благодарна Райну, что тот не оставил её в полном одиночестве. Кто знает — возможно, она бы уже лежала на дне этого озера бездыханная? Впрочем... Не «возможно». Так оно бы и было.

— Но ты же пережил? — спрашивает Мира не слишком уверенно, осторожно стирая слёзы со своего лица. — Ты же пережил!

Константин усмехается и оборачивается к ней. Смотрит на девушку, как на маленького бестолкового ребёнка. Хотя, может она именно такая в его глазах — маленькая, бесполезная, беспомощная и бестолковая? Наверное, так и есть... И именно поэтому он пришёл на помощь? Не мог позволить умереть ребёнку?

Быть может, она была неправа на счёт его равнодушия? Впрочем, конечно же она была не права! Ему не было всё равно — просто он никогда не показывал этого. Не убивался, если не мог ничего изменить. Но изменял всё, что было в его силах... Так оно и было — просто Мира не хотела этого замечать. Вот дура... Как она могла относиться к этому человеку так предвзято? Разве имела она право не заметить, как за этой ледяной маской скрывался настолько добрый и великодушный человек?! Разве имела она право относиться к нему с такой тупой неприязнью?! Как же Мира была виновата перед ним этими тупыми подозрениями — она подозревала его боги знают в чём — и постоянными страхами, которые она только не испытывала при виде него. Он был достоин доверия куда более достойного человека, чем Мира. Андреас чувствовала, что должна обязательно заглядить свою вину перед ним как можно скорее?

Правильно всегда говорила Земирлонг — червы сборище самых разных предрассудков... Теперь Мира понимала, почему та девушка всегда так говорила. Её единственную называли «дамой», а не «королевой». Эту странную девушку-гадалку, никогда не показывавшую своего лица. Интересно — хоть кто-нибудь из трюфов когда-нибудь видел её лицо, а не эту странную шаль, которой она всегда обматывалась?

— У тебя есть какие-то увлечения, в которые ты хочешь окунуться с головой? — спрашивает Райн мрачно. — Есть что-то, чему ты можешь и хочешь посвятить себя целиком — полностью и без остатка?

Голос у него ровный — как и всегда — и чистый, но что-то в его интонации заставляет девушку серьёзно задуматься. И ведь и правда — увлечения... Он занимается шахматами и зельями только для того, чтобы как-то отвлечься. Константин заглушает свою боль так — полностью отдавая себя своим увлечениям. И ведь в этом нет ничего — ровным счётом ничего — плохого. Разве мало лекарственных зелий он изобрёл? Куда более простых в

приготовлении и более действенных, чем общеизвестные? Ведь Земирлонг, Эсканор, Монтаганем, да и все остальные, кроме Миры — с удовольствием пользовались именно его зельями, когда речь заходила о каких-то болезнях.

А в шахматах не было ничего плохого и подавно... Шахматы — просто шахматы. Это был куда более хороший способ уйти от собственной боли, чем тот, который хотела попробовать Мира. Райн просто играл — переставлял деревянные фигурки с одного поля на другое. Он никому не делал этим плохо. Он был более сильным и хорошим человеком, чем она всегда его представляла.

Это она была неправа. Это ей следует перед ним как можно скорее извиниться. Но не сейчас — сейчас совсем ничего не хочется говорить. Просто помолчать. Послушать, что он будет говорить ей...

— Не замыкайся в себе, поняла? — говорит парень, когда они добираются до лагеря. — У меня никогда не было друзей — мне некого было терять тогда, когда погиб мой брат. Но у тебя друзья есть. Не отвергай их — они очень тебя любят и очень хотят тебе помочь. Уж поверь на слово.

И он снова оказывается прав, — думается Мире. У неё, действительно, много друзей — те же Феликс или Фиера хотя бы. И они, действительно, за неё беспокоятся, хоть и не могут до конца понять, так как не теряли в жизни никого, кто был бы им так же дорог, как была ей дорога её мама. И они были дороги ей. Она не имела права оставить своих друзей, отвернуться от них — они от неё не отворачивались. И Феликс, и Фиера желали ей добра и всячески пытались её поддерживать, хотя просто не знали как. Да и Мира сама их отталкивала от себя, отворачивалась от них, считая их слишком чёрствыми, легкомысленными или равнодушными...

Девушка с грустью смотрит на те четыре палатки, поставленные посреди полянки. Вот — они пришли. Осталось ещё слишком много времени до того момента, как можно будет лечь спать. А ей так не хочется лишний раз говорить с кем-то — на её душе так спокойно и хорошо... Впервые со смерти её матери...

— Я приготовлю тебе настой из цветов алфеори для успокоения, — говорит Райн, прощаясь с ней.

Парень идёт к себе, оставляя её одну. Но теперь почему-то Мира не чувствует себя такой потерянной. Девушка стирает с лица последние слёзы. Браслет она по-прежнему прижимает к груди. Тяжёлый малахитовый браслет — из сплетённый из трёх нитей, на которые нанизаны крупные камни, вперемешку с бусинами из чистого золота.

Она чувствует, как атомы того, что было ей когда-то дорого, снова складываются во что-то целое...

Комментарий к П. I. Глава пятая. Королева сердец.

*Все беды, наверняка, происходят из-за неумения людей любить себе подобных...

Невозможно как-то изменить то, что происходит в мире, не научившись чувствовать и думать так, как нужно.

Невозможно стать наставником, не познав горе.

Невозможно стать наставником тому, кто готов избежать лишений, прибегнув к чернокнижию.

Чернокнижник — тот, кто не может чувствовать потому, что продал душу за возможность не страдать.

Все беды, наверняка, происходят из-за того, что люди чувствуют...

Из-за того, что им больно чувствовать...

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

===== П. Глава двадцать восьмая. "Тот" человек. =====

По лазоревой степи
Ходит месяц молодой,
С белой гривой до копыт,
С позолоченной уздой.
Монистовый звон
Монгольских стремян —
Ветрами рожден
И ливнями прян.
Из кувшина через край
Льется в небо молоко;
Спи, мой милый, засыпай,
Завтра ехать далеко.
Рассвета искал —
Ушел невредим,
Меня целовал
Не ты ли один?
Как у двери Тамерла-
Новой выросла трава;
Я ли не твоя стрела,
Я ль тебе не тетива?
Ты — сердце огня,
Ты — песня знамен,
Покинешь меня,
Степями пленен.
Кибитками лун —
В дорожный туман,
Небесный табун,
Тяжелый колчан;
Чужая стрела,
Луна — пополам,
Полынь да зола —
Тебе, Тамерлан.
Тревожить ковыль — тебе —
В других берегах,
И золотом стыть — тебе —
В высокий курган.
А мне — вышивать
Оливковый лен,
Слезами ронять
Монистовый звон;
Обручью костра

Навеки верна —

Тебе не сестра,

Тебе не жена. *

Уже холодало. Шла всего лишь третья неделя сентября, но в Ростенне осень шла уже вовсю. По утрам здесь обыкновенно был столь сильный туман, что выйти на улицу. Из окна комнаты графини Хоффман было не видно даже здания, что находилось напротив. Просто ужасная погода! Отвратительная! Сыро! Промозгло! Тоскливо! В Истнорд-холле всё было совсем иначе — там до середины ноября сохранялась тёплая сухая погода, там осень знаменовалась тёплым ветерком и багряными листьями, а не проливными дождями, чахоткой и туманом. Анна хочет уехать. Уехать далеко — к себе в тёплый Истнорд, в Бьёфенд, в страну цветов, огромных каменных изваяний, зелёной травы, змей, большущих бабочек... В страну её детства и юности.

Ей вспоминается, как она в возрасте пяти-шести лет бежала по зелёной траве босиком в одной тоненькой лёгкой рубашке, вспоминает, как быстро вскарабкивалась на какого-то Бьёфендского идола, как вместе с братом прятались в тени развалин древнего храма, какие сказки рассказывала ей старая кочевница Радда... Она вспоминает танец гордой черноокой агратинки Чергэн, вспоминает, как Радда учила её гадать по колоде карт и по руке, вспоминает, как привольно жилось ей там — среди этого свободолобивого народа, среди степей, лесов, под ярким солнцем... Ей вспоминается громкая быстрая музыка, под которую она сама пыталась танцевать... Ей вспоминается, как она бесстрашно ездил верхом по степи наперегонки с братом, Гитой и Мирелой, вспоминает, как хохотала Чергэн, смотря на них... А сама Анна в ту пору совершенно ничего не боялась — убежала из дома, а потом появлялась в городе, пела и танцевала на улице... Вспоминала, как разгневанный отец больно-больно хватал её за руку, как сажал под замок, а она потом всё равно убежала, вспоминала, как плакала мать и настаивала на том, что им нужно как можно скорее отправиться в Анэз, спустившись из окна, вспоминала, каким здоровым смуглым ребёнком она была тогда... Точь-в-точь агратинка! Маленькая, смелая, наглая, задорная, свободная... Ей было абсолютно плевать на приличия — она хохотала, когда ей хотелось хохотать, танцевала, когда хотелось танцевать, купалась нагишом в реке, вскакивала на лошадь, не боялась ничего, чего боятся девочки обычно...

И какой она стала?

«Истиной леди», как говорила мать... В тринадцать лет её отправили ко двору королевы Риделт. Долго же пришлось привыкать к совершенно другому образу жизни! Теперь больше нельзя было ездить верхом — только в карете, кричать, плакать, смеяться — проявлять, вообще, какие-либо эмоции, танцевать приходилось медленно, чинно, в тугом корсете, а не свободных рубахе и нескольких юбках... Это было так тяжело сначала... Это было почти невыполнимо. После той вольной, свободной, почти кочевой, жизни, к которой она так привыкла за время своего детства, быть фрейлиной королевы было очень тяжело. Куда более тяжело, чем кто-то мог бы предположить...

И вот — теперь она уже тоже бледна, тоже до неприличия худа, так же строга и степенна... Теперь она никуда не выходит без корсета — это же так неприлично. Теперь она не позволяет себе порой даже улыбнуться, если шутка кажется ей смешной — если никто больше не улыбнулся. Теперь она не позволяет себе говорить слишком громко — чтобы, не дай бог, кто-то не счёл её невежливой. Она старается не позволять себе даже мечтать о той свободе, которая была у неё когда-то давно — в детстве, когда она жила в Бьёфенде. Ей

теперь самой хочется ворчать на Юту, когда та, завидев Хоффмана, радостно бросается ему на шею, когда буквально визжит от счастья, видя графа... Ей теперь самой хочется сказать, что «настоящие леди так не поступают»...

В кого она себя превратила?

В чопорную леди, превосходно знающую «своё место», умеющую поддержать «приличный разговор»? В человека, который был рабом обстоятельств? Она смотрела на других женщин «своего круга» и убеждалась, что почти все из них — в рабстве у обстоятельств и приличий. За всё время своего вращения в высших кругах она только один раз видела тот взгляд, которым взирала на всех гордая Чергэн, только один раз видела ту улыбку, которой улыбалась черноокая агратинка, только один раз слышала тот смех, которым смеялась прекрасная Чергэн... Теперь она вряд ли когда-нибудь забудет взгляд тех магических зелёных, словно изумруды, глаз. Вряд ли когда забудет то чувство, которое она снова испытала через девять лет после разлуки с Чергэн. Вряд ли забудет то чувство восхищения и зависти, которое вызывала эта необычная женщина...

Кажется, та герцогиня не носила корсета. Это было странным. Анне казалось это почти неприличным. Но, всё же, та женщина выглядела куда лучше остальных дам, украшенных драгоценностями. А ещё она пела... Пела так красиво, так необычно, что графине Хоффман захотелось подойти к ней тогда и поблагодарить за тот небольшой концерт...

Анна убеждает себя в том, что все её страхи и тревоги развеются, как только она выйдет на улицу. Она неторопливо встаёт с постели, зовёт служанку, чтобы та помогла ей затянуть потуже корсет, надеть платье, жакет... Через какое время она уже оказывается на улице? Ей кажется, что не слишком-то много времени прошло. Впрочем, на свежем воздухе ей, действительно, становится немного лучше. Правда — ненадолго. Уже через десять минут графине снова становится тоскливо.

Дома здесь высокие, кирпичные, каменные, на некоторых рельефы со знакомыми ей сюжетами из мифов, мостовые выложены бульжниками, по улицам проносятся редкие экипажи... Ей на пути встречаются и несколько богатых отелей, магазины со стеклянными витринами... Но, по-прежнему, здесь туман. Анна Хоффман никогда не любила туманы. Это навевало тоску.

Эх! Где же был её любимый Истнорд-холл и Бьёфенд?..

Анна проводит на улице достаточно много времени — бредёт по узеньким переулочкам, бредёт по ещё более узеньким парковым дорожкам... Девушка бредёт по набережной, мечтательно смотрит на реку... Как же сейчас безлюдно — за всё время её пребывания на свежем воздухе миссис Хоффман встретилось лишь несколько слуг, спешащих по своим делам... Как хорошо... Все мысли моментально вылетают из её головы, когда её хватают за руку, грубо оттаскивают куда-то в сторону. Молодой графине отчего-то вдруг становится до невозможности жаль Алесию... Ведь её убили примерно так же — просто схватили на улице среди белого дня, привели куда-то и вырезали сердце... Не прошло ещё и месяца с того дня, как мисс Хайнтс похоронили.

Просто поразительно — насколько Анна сейчас хочет жить. Она готова расцарапать лицо этому типу, схватившему её, выцарапать ему глаза. Да — боги — она готова сделать всё, что угодно, лишь бы остаться живой и желательно здоровой! Готова даже убить — если будет такая возможность и необходимость.

— Отпустите! — шипит графиня Хоффман. — Отпустите сейчас же!

Ей не отвечают — она только слышит знакомое хмыканье позади себя. Знакомое...

Вроде, среди её знакомых не было маньяков вроде того, что убил Алесию. Подумать только — что может ожидать королевство Анэз и Алменскую империю в скором будущем! Анна знала, что Георг пару раз ездил туда по дипломатической миссии, но о цели этой миссии девушка уже не спрашивала. Разумеется, это было связано с Алесией. В голову графине вдруг приходит ужасная мысль — что, если она тоже знает того человека, который убил племянницу короля? Они же встречались практически в одних кругах — Анна могла общаться с теми людьми, с которыми общалась Алесия и наоборот. Становится жутко жаль, что Анна не является Чергэн или той властной женщиной, встреченной на одном из приёмов. Те бы не растерялись. Вырвались бы, взвились бы, посмотрели бы на того, кому хватило смелости тронуть их — и тот человек пал бы перед ними ниц. Но Анна Хоффман — урождённая Истнорд — человек совсем другого кроя. Она не такая гордая. И не такая смелая.

У графини получается кое-как вырваться и развернуться лицом к своему обидчику. И она застывает в оцепенении — это тот человек, друг Роя Данла, что схватил её тогда, после похорон Алесии. Вот откуда она слышала его усмешку! Разумеется — ведь ему было так весело тогда — когда он хоронил свою кузину. Анне кажется, что она сейчас просто лишится сил. Её обидчика звали Феликс Кордле. Он, как и Алесия Хайнтс, был племянником короля. В свете о нём ходили разные слухи, один неприятнее другого, но ему, кажется, было на это абсолютно плевать. Он жил только так, как ему нравилось. Делал то, что ему хотелось. Анне было даже завидно — его тоже можно было бы назвать свободным, не будь он рабом своих пороков.

А уж пороков у него было немерено — из всех, что только можно было бы назвать, у него не было разве что тщеславия. Он был непомерно горд, так, что это уже переросло в гордыню, он был до жути ленив, постоянно нарушал всяческие посты, злоупотреблял винными напитками, менял любовниц и — об этом только ходили слухи, хотя Анна не имела этому подтверждения — любовников так часто, забывая о всяких приличиях, он был желчен — а, следовательно, завидовал, к тому же, он был гневлив — хоть и прекрасно старался скрывать это. Он актёрствовал — то есть, вёл распутный образ жизни. Пару раз Анна слышала, что Феликса видели в каком-то кабаре, при этом — на сцене. Миссис Хоффман никак не могла понять этого человека. Наверное, Чергэн поняла бы — посмеялась бы только, легко вскочила бы тоже на сцену и затопала бы своими каблучками часто-часто, закутилась бы, завертелась и — захохотала бы...

У Феликса Кордле светлые волосы и светло-голубые глаза — в этом он, как никто другой, похож с Алесией. Они оба кичливо, вызывающе, кричаще красивы. Оба они поразительно обаятельны — могут встать во главе практически любой компании. Оба они восхитительно умны... Они очень сильно похожи. Не знай Анна об их разнице в возрасте — без малого семь лет, — она сочла бы их близнецами. Он выглядит гораздо младше своих двадцати семи лет — едва ли графиня Хоффман дала бы ему больше двадцати, если они не были бы представлены друг другу. Он кажется невинным, очаровательным — в этом, кажется, какая-то особая магия, что его, что Алесии. Что бы он не сделал — он всегда кажется невиновным в этом. Пусть все уже давно знают о его распутном, разгульном образе жизни — его, всё равно, примут в любом обществе.

Феликс Кордле смеётся. Смеётся, запрокидывая голову назад, показывая свою тонкую шею. Пряди его светло-русых волос спадают ему на лоб, когда он немного успокаивается. Впрочем — Анна видит это — успокаивается он только внешне. В душе этот человек никогда не может быть спокоен.

Должно быть, он безумен.

Вечный блеск в его светлых глазах только подтверждает это. Он никогда не бывает грустен или подавлен — всегда бодр, всегда инициативен, всегда... Когда-то давно он даже нравился Анне. Нравился так сильно, что она вырезала из газет — знала бы её мать о том, что её дочурка притрагивалась к газетам — отрывки, в которых говорилось хоть что-нибудь о Феликсе, что как-то призналась сестре в том, что ей бы хотелось иметь письмо от герцога Кордле. Она призналась тогда сестре в том, в чём никогда, ни за что на свете не призналась бы самому близкому для неё человеку — Леону, её брату. И правильно, наверное, что не призналась. Те чувства давно прошли, а в глазах Лео она теперь не стоила бы и ломаного гроша.

Как же хорошо, что она никому больше, кроме Маргарет про это не рассказала...

Какой же она тогда была дурой!.. Как могла не замечать фальши за этой красивой обложкой?! Как могла думать об этом человеке хорошо?! Как она могла считать, что помимо прекрасной внешности — да, он был весьма хорош собой — в этом человеке есть ещё что-то?! Как могла думать, что у принца есть душа — душа любящая, чувствующая, страдающая?! Как могла не видеть той подлости, той непомерной гордыни, той алчности, той пошлости?! Теперь Феликс Кордле стоит прямо перед ней — он крепко держит её за руки и смотрит, наблюдает за ней, выжидает чего-то. В его почти пустых, блёклых глазах отражается тень интереса.

— Отпустите меня, господин Кордло! — требует Анна, предпринимая ещё одну попытку вырваться. — Отпустите же! Я не ваша содержанка, Ваше Высочество! Я...

От волнения она снова переходит на бьёфендское наречье. Слышала бы её мать — снова бы стала охать и ахать. Отец тоже нахмурился бы. Он всегда хотел оттуда уехать — из её светлого, тёплого, солнечного Бьёфенде! Он никогда не любил ту провинцию, в которой ему пришлось столько прожить.

А Анна любила.

Пожалуй, не было ничего дурного в том, чтобы жить бедно, питаться скудно, а целые дни проводить на свежем воздухе, работая. Пожалуй, не было ничего дурного в общении с агратинами. Тем более не было ничего дурного в той благотворительности, которую приходилось оказывать роду Истнордов кочевым и коренным народам Бьёфенде. Анна с сёстрами и матерью самолично шили им одежду, тётя руководила открытой ею же школой для детей коренного населения... Анне нравилась та жизнь. После переезда из Бьёфенде, отец благотворительностью практически не занимался и детям своим этого делать не позволял. Но теперь, когда Анна официально стала графиней Хоффман, она снова могла это делать. Её муж, Георг, хоть и презрительно морщился, когда разговор заходил о нищих и обездоленных, но, во всяком случае, ничего не говорил против того, чтобы его жена этой самой благотворительностью занималась. К тому же, милосердие жило и в его сердце — Юту он приютил просто так, без всякого корыстного или злого умысла. Девочка не могла ему ничего дать взамен той доброты, которую он проявлял по отношению к ней.

Анне стоило огромных трудов «излечиться» от бьёфендского наречия, а сейчас оно снова проявлялось. Девушке бы хотелось не думать обо всём этом, но... Она просто не может. Графиня Хоффман осторожно переводит взгляд на стену дома, около которого они с Феликсом сейчас стоят. Высокий такой дом, кирпичный, старый, довольно уродливый... Даже с улицы слышно, как громко ревёт какой-то ребёнок, как прикрикивает — очевидно на него — какая-то женщина... Анне хочется поскорее сбежать отсюда. Тут так противно... Ей

кажется, что её вот-вот стошнит...

Феликс стоит в шаге от неё и смотрит на неё с не особенно скрываемым любопытством. Пожалуй, ко всем своим порокам, он ещё и любопытен. Это было ужасно. Впрочем... Анна сама никогда не могла стать полноценной представительницей высшего света. А Феликс Кордле был этим представителем. Он вращался в самых разных кругах, начиная от кабаков и кабаре и заканчивая высшим светом, и везде его принимали, словно своего. Было в нём что-то дьявольское — что позволяло ему быть настолько обаятельным, настолько хорошо ориентироваться в самых разных ситуациях. В нём было что-то тёмное — то, что можно было заметить только долго смотря в его глаза. Можно было найти в его взгляде что-то такое, от чего хотелось поскорее сбежать, скрыться. Анне ужасно не хотелось находиться наедине с этим человеком... Впрочем, человеком ли?

— Какой у вас прелестный южный акцент! Сразу видно, что вы росли в одной из колоний Анэза — вероятно, в Бьёфенде? — медовым голосом произносит мужчина, но тут же вдруг в его голосе появляются нотки стали. — Впрочем, вы, действительно, не моя содержанка. Вы — содержанка графа Хоффмана. Всё верно.

Её руки он, всё же, отпускает. Наверняка, прекрасно понимает, что теперь она не уйдёт от него просто так. Да и смогла бы она уйти сейчас, даже если бы захотела этого очень-очень сильно? Графиня Хоффман была уверена, что как только она сделает хотя бы шаг в сторону, принц снова вцепится в её руку своими тонкими холодными пальцами, снова оттолкнёт к стене, и у Анны не будет ни единого шанса убежать от него. У неё, итак, нет ни единого шанса сбежать. Но если она попытается, не будет даже этой жалкой иллюзии, что она в безопасности.

От жестоких слов принца ей становится немного не по себе. Впрочем, она всегда ждала чего-то подобного от него. В голову, правда, закрадывается мысль, что всё так и есть, что она для Георга, действительно, не больше, чем простая содержанка. Её муж никогда не говорил ей, что это не так. Может, ему в голову и не приходила такая мысль, а, может... Нет. Это не так... Он женился на ней. Женился. Чего ни за что на свете не сделал, если бы относился к ней с тем же презрением, с каким относился Феликс.

— Я — не его содержанка! — выпаливает девушка почти гневаясь на те слова Кордле. — Я — его законная жена! Я...

Принц хохочет, запрокинув голову назад, он обнажает свои белые крепкие зубы в улыбке. Графине Хоффман становится несколько жутко — куда более жутко, чем тогда, когда он мёртвой хваткой стискивал её руки. В том случае она хотя бы была готова ко всему. А теперь... Теперь она совершенно не знает, что от него можно ожидать. Впрочем, знает — всего наихудшего. Но это знание несколько не помогает. Только пугает ещё больше. А Кордле всё хохочет.

Безусловно, он — безумен.

Иначе никак не может быть. Нормальный человек никогда не будет таким. Он всегда будет... Предсказуем, что ли? Анна могла предугадать действия своего мужа — тот был, конечно, умным человеком, но она хотя бы имела представление, какие эмоции он может ощущать. Он умел чувствовать, переживать. На его лице, всякий раз, когда Юта делала что-то, что могло ей повредить, появлялся страх. Он искренне радовался, когда узнал, что Анна беременна... Пусть в нём тоже было предостаточно того, тёмного, но он, по крайней мере, умел чувствовать — пусть не только любить, но и ненавидеть. Он был человеком с простыми человеческими чувствами и эмоциями. Умным, тем, кому разум мешал жить. Но

человеком... В отличие от Феликса Кордле, принца, племянника короля, человека, что сейчас стоял буквально в шаге от неё. Анна поёжилась от всех этих мыслей. Наверное, ей сейчас, вообще, стоит думать только об одном — чтобы не случилось выкидыша. Графиня Хоффман не хочет повторить судьбу Алесии. Не хочет потерять сначала ребёнка, а потом и собственную жизнь...

Девушка хочет скорее оказаться в Бьёфенде... В солнечном, радостном Бьёфенде. Ей хочется танцевать... Но она никогда не сможет этого делать. Нет. Наверное, ей не стоит ехать в Бьёфенде, даже если Георг будет готов отправить её туда. Потому что теперь она другая. Анна теперь никогда не сможет танцевать так же беззаботно, как танцевала в детстве, никогда не сможет вскочить на коня, как вскакивала в детстве, никогда не сможет даже попытаться соревноваться с Чергэн...

Корсет туго затянут на её талии. Она так привыкла к нему, что не может отказаться даже сейчас — когда её муж настаивал на том, что корсет вреден и для неё самой и для ребёнка. Они ссорились с Георгом на этот счёт. Это было единственное, по поводу чего граф позволял себе повышать на неё голос. Он переживал, волновался на счёт их ребёнка. Кажется, ему очень-очень хотелось, чтобы Анна поскорее родила.

А Феликс... Почему нельзя просто плюнуть на него? Он был жалок... Почему же она была обязана так бояться его? Его — подлого, развратного, избалованного. Того, кого даже человеком называть было бы неправильно. И на душе становится как-то... легче... Страх как-то проходит, уступает место презрению. И Анна теперь готова говорить, что угодно, слушать, что угодно — ей хочется просто рассмеяться...

— Столько «я»! — вкрадчиво говорит Феликс. — Слишком много «я» для простой девушки из Бьёфенде?

Графине думается, что ещё несколько минут назад она, услышав эти слова, затряслась бы от ужаса. Но сейчас... Сейчас она не боится... Она чувствует себя свободной... Пусть не так, как это было в Бьёфенде, но... Это было куда лучшее состояние, нежели несколько минут назад.

Она не боится даже ещё раз посмотреть в эти лживые светлые глаза. Не боится увидеть в них что-то. А видит она именно искреннее любопытство, искреннюю заинтересованность... И, как ни странно, это только льстит ей сейчас...

Худенькая невысокая девушка сидит на полу. Разглядывание узора на паркете несколько отвлекает её от невесёлых мыслей о скорой — но, к счастью, пока что не неизбежной — кончине её мира. Девушка вглядывается в изображение виноградных лоз, вглядывается в каждую ягоду...

Она — обычный человек, которому просто не повезло. Ей двадцать лет, и она родилась в королевстве Кайерим. Её зовут Женовева Милтон и она Пророк. По правде говоря, если бы у неё была возможность избежать тех видений, которые преследовали её с самого рождения, она бы обязательно это сделала. Она бы пила какие угодно отвары, лишь бы забыться, но... Всё, что она перепробовала, лишь возводило видения на более высокий уровень. И в итоге она увидела это — смерть собственного мира. Всё, как в тех старых легендах про то, как большой мир загорелся, как треснул и стал тремя мирами — осколками одного, большого... Только, Женовева была уверена в этом, на этот раз всё было куда страшнее, чем тогда.

Зло никогда не сдаётся.

Во главе той группы людей, которая расколется Осмальерд, будет стоять человек, рождения которого Женовеве хотелось бы не допустить... Но... Девушка не знала —

родился ли он уже или нет... Всё, что она видела тогда, в своём видении — это смеющиеся чёрные глаза. Чёрные, словно зола. Чёрные, словно сердце этого человека. И с алым огоньком где-то в глубине. Алым — словно кровь, которая прольётся, когда этот человек сможет осуществить задуманное. Алым — словно огонь, которой этому человеку будет под силу разжечь для того, чтобы спалить мир до тла.

Женовеве очень не хочется гореть... Она очень боится того, что может произойти с её миром. Она бы всё на свете отдала для того, чтобы забыть то, что ей не посчастливилось увидеть. А ведь она видела это в своих видениях — видела, как горели люди, как кричали, когда огонь убивал их, заставлял их страдать, как плакали дети, какой ужасный шум стоял по всему умирающему Осмальерду. А потом она снова и снова возвращалась к тому, как смеялся человек, стоящий на вершине одного из вулканов — стоял, и огонь не трогал его, огонь был в нём самом, шёл от него, уничтожал тех, кто был против него...

Рядом с Женовевой стоял человек, которого она знала и раньше — он часто приходил к ней за гаданием. Но только недавно девушка стала понимать, что он — один из тех, кто был в её снах. Парень уже хочет уйти. Кажется, он уже потерял надежду что-то узнать от неё. Кажется, он решил, что нужно искать кого-то другого...

— Думаешь, к тебе может присоединиться та, которая видела, как её мир умирает? — кричит зачем-то ему в спину девушка. — Думаешь, к тебе может присоединиться Пророк?! К тебе — подлейшему существу на этой планете?!

Зачем она это выкрикнула? Зачем? Не могла промолчать? Не могла посидеть тихо? Не могла подумать о своём будущем? О том, что можно будет обратиться к кому-нибудь за помощью, когда он уйдёт? Женовева видит, как напрягается его худая спина, видит, как резко он разворачивается к ней, как в несколько шагов преодолевает то расстояние, которое между ними было.

— Скажи мне — ты видела его? — мужчина подходит к связанной девушке очень близко. — Скажи мне — как он будет выглядеть? Как я его узнаю?

Он становится прямо позади неё, наклоняется к девушке, одной рукой осторожно, почти нежно, берёт её за подбородок. Девушка вздрагивает от неожиданности. Она никогда бы не подумала, что такое может с ней произойти. Женовева осторожно поворачивает голову, встречается взглядом с этим человеком. Глаза у него светло-голубые, словно лёд. Интересно, у него есть душа? Скорее всего — есть. Он ведь не Танатос. Он должен уметь чувствовать, сострадать... Но он противен ей.

Женовева привыкла, что к ней постоянно кто-нибудь приходит. Привыкла, что к ней обращаются за помощью, пусть и боятся её. Привыкла даже к тому, что какая-то странная девушка берёт у неё настои из трав уже несколько недель подряд, к тому, что иногда ей не платят за снадобья... Но она никогда не сможет привыкнуть к этому своему клиенту. Он приходил к ней каждую неделю-две, щедро платил за гадание, куда больше, чем она за это просила. Он приносил ей дорогие подарки на каждую встречу. Она, как и пристало приличной девушке, разумеется, отказывалась, но он всё равно приносил.

А она отказывалась снова и снова...

Он безмерно раздражал её. Он не мог не раздражать — был слишком настойчив, слишком горделив, слишком надменен... Женовева никогда, даже при большом желании, не смогла бы привыкнуть к его выходкам... Но желания и не было. Говорили, он был принцем. Наверное, этим и можно было объяснить его странности... Привык, что любые его капризы моментально исполняются... Привык повелевать...

— Ну... Дорогая Женовева... — вкрадчиво, почти ласково, шепчет ей на ухо мужчина. — Скажи мне... Пожалуйста, Женовева... Скажи мне — как он будет выглядеть... Или — что будет говорить, делать... Что-нибудь... Хоть общее, хоть не значительное... Женовева... Дорогая... Хорошая... Милая моя Женовева... Будь благоразумна — только ответь мне... Я не прошу от тебя большего...

Девушка презрительно смотрит на него. Ей кажется, что вот-вот она не выдержит — так тяжело чувствовать дыхание этого омерзительного человека на своей шее. Так больше не может продолжаться! Противно! Мерзко! Его губы касаются её шеи, осторожно целуют нежную кожу. Он почти всегда осторожен — в его планах, кажется, нет причинения ей какого-либо вреда. Осознание этого факта заставляет Пророка осмелеть, заставляет плюнуть под ноги её гостю.

Кажется, всё-таки, Женовеве стоило бы быть сдержаннее — стоило подумать перед тем, как сделать такое. Её гость был удивительно терпелив к ней, когда стал пытаться разузнать что-то про того человека, что скоро должен разрушить Осмальерд. Так не стоило злить его! Не стоило!

Мужчина сразу же изменился в лице. В светлых глазах мелькнуло что-то, похожее на гнев. Он не выглядел, как человек, впавший в ярость, но... Что-то Женовеве подсказывало, что ярость в данном случае как раз имела место быть. Что человек, который приходил к ней, был уже готов даже убить её...

— Говори! — заорал он не своим голосом, сжимая тоненькую шейку девушки так, что кажется, что она вот-вот переломится пополам. — Говори! Говори же — я вырву твои глаза, если не скажешь!

Женовева вздрагивает от ужаса. Этот человек никогда раньше не повышал на неё голоса, никогда не угрожал — она и сумела позабыть, что он является одним из её злейших врагов в борьбе за мир сейчас... Всегда предельно вежлив, предельно внимателен — он даже руки связал ей так, чтобы она чувствовала как можно меньше неудобств, насколько это только возможно в такой ситуации... Пророчица никак не ожидала от него такого гнева. Она ожидала такого от кого угодно, но только не от этого её гостя.

— Боишься меня? — снова вкрадчиво, словно и не было этой минутной вспышки ярости, начинает шептать ей на ухо принц, теперь ей кажется наиболее правильным называть его именно так. — Правильно... Меня стоит бояться.

Бойтся. Она впервые понимает, что этого человека стоит бояться. Он слишком непостоянен... От него можно ожидать чего угодно. Он готов на всё. Абсолютно на всё — на убийство, пытки, что-то похуже... Принц мог сделать с ней всё, что придёт ему через несколько минут в голову.

— Так что же на счёт него? Ты скажешь мне — каким он будет? Скажешь ведь?

Она смотрит на него непонимающе. Пожалуй, Женовева уже и позабыла про сам вопрос — её до этого занимал только тот ужас, который она ощутила, когда принц гаркнул на неё. Ей не хотелось думать о чём-то ещё. Её сознание было поглощено мыслями только о том, что она, Пророк, совершенно не знает, чего можно ожидать от человека, который стоит совсем рядом, касается тебя.

— Не «он», — выдыхает девушка то ли растерянно, то ли испуганно. — Это будет «она»... Это всё, что я знаю! Отпустите меня!

Это, действительно, всё, что она знает. Она не раз видела те кошмары. И каждый раз она видела эти смеющиеся чёрные глаза и по-девичьи нежное лицо с застывшим на нём

выражением удовлетворения. Впрочем, Женовева не была толком уверена, что это была именно девушка...

В мозгу снова всплывает то видение, и девушка вздрагивает. Она снова, как наяву, видит огонь, чувствует тот жар, который покрывает Осмальерд, видит бегущих, плачущих людей, видит женщину, держащую на руках одного ребёнка, и за юбку которой цепляются два других — чуть постарше... Видеть это — так ужасно, что Женовева готова на всё, даже на смерть, чтобы перестать быть Пророком.

— Я не хочу видеть её чёрные глаза! — кричит девушка, размазывая связанными руками слёзы по лицу. — Не хочу! Мне страшно! Прошу вас — помогите мне больше никогда не видеть этих видений! Помогите!

Чего и следовало ожидать — её отпускают. Верёвки на её руках тотчас были разрезаны. Принц медленно отходит от неё, оставляет в одиночестве. Молчит. Тишина, которая воцаряется в комнатке Женовевы, пугает её. Уж лучше было, когда он кричал, когда сдавил её шею... Во всяком случае, не было такой гнетущей тишины...

А в голове снова проносятся те мгновения — бегущая с детьми женщина, какая-то девочка, которой можно на вид дать лет десять-тринадцать, тянущая к ней, Женовеве, свои тонкие руки, хохот той девушки... Теперь, Пророчица уверена, что во главе этого безумия стоять будет именно девушка — она слышит этот дьявольский смех... В голове снова пламя, жар, боль и надрывные крики. Она видит, как обрушивается горящий свод какого-то собора. Прямо на прячущихся внутри людей. Она, как наяву, слышит стоны раненых, всхлипывания сирот, вдов, матерей, потерявших своих детей на этом ужасающем своими масштабами празднике зла...

— Тебе повезло, что ты призналась в том, что ты Пророк, — задумчиво говорит Женовеве её гость, остановившись в дверном проёме, — я убил бы тебя, знаешь? Убил бы, если бы ты не оказалась Пророком...

Теперь графиня Хоффман уже не боится этого человека. Она просто презирает его, как только может кого-то презирать женщина её положения, как только может кого-то презирать та, кто ещё полчаса назад так сильно боялась... Девушке до безумия хочется чем-то «уколоть», затронуть как можно более болезненную тему при разговоре. Ей хочется как-то оскорбить его — как бы опасно это ни было. Это всё превращается для девушки в какую-то увлекательную игру, которой ей так не хватало тогда, когда она сидела дома.

— Что вы за человек? — хмуро говорит Анна, когда они оказываются в кондитерской. — Уверена, что вы даже любить — и то, не умеете.

Ей кажется, что это — высшее оскорбление, какое только можно нанести человеку. Она уже ждёт гневного выпада с его стороны — ни на секунду девушка не забывала о том, как гневлив, несдержан, яростен может быть этот человек. Анна ждёт — ждёт его ярости, криков, обвинений, ответных оскорблений, но никак не простой открытой улыбки и тихих слов.

— Не умею! — как-то слишком просто подтверждает Кордле. — А ты — умеешь?

В его голосе нет ни тени гнева. Он улыбается. Отчего-то графине кажется, что принц ожидал от неё именно такого вопроса, когда привёл её в эту кондитерскую. По правде говоря, Феликс неплохо угостил её, но миссис Хоффман рассудила, что стоит купить пирожные для себя самой, а не полагаться на такого непостоянного и опасного человека, каким являлся племянник короля.

Анна не доверяла ему. Она не может себе позволить попасться на какой-то глупости

вроде пирожных. Тем более, теперь девушка отвечает не только за свою жизнь, но и за жизнь их с Георгом будущего ребёнка, которого её муж наотрез отказался называть Дэвидом или Джимом, сказав, что если уж его супруге так уж невтерпёж назвать ребёнка именем кого-то из родителей, то пусть называет в честь своих.

Анна вздрагивает и смотрит на Кордле в каком-то суеверном ужасе. На лице Феликса читается лишь искреннее любопытство. Вероятность того, что он не понимает, чем вызвано замешательство графини, равна практически нулю. Разумеется, принц прекрасно всё понимает — вон как улыбается...

— Не смейте говорить мне «ты»! — восклицает в гневе девушка. — Я графиня Хоффман, Ваше Высочество, а не какая-то служанка!

Это заявление заставляет племянника короля расхохотаться. Анна от досады кусает губу. Ей обидно. До слёз обидно, что она совершенно не понимает, как оскорбить этого человека. В её ссорах с Леоном или Маргарет всё было куда проще... Можно было рассердиться, раскричаться, расплакаться, в конце-концов. А тут... Графиня совершенно не понимала, что ей делать...

— Уверен — детство ты провела среди агратинов! — усмехается Феликс, игнорируя её слова. — Ты похожа на них, знаешь?

Какая из неё агратинка? Она так труслива... Чергэн уже давно вlepила этому человеку оплеуху, да такую, что тот вовек к ней близко бы не подошёл. Радда бы сказала что-то такое, что Кордле больше в жизни бы не заговорил с ней... А Анна? Анна попыталась как-то уязвить его, но это не возымело ровным счётом никакого эффекта.

Когда принц тянет к ней руку, девушка с досады почти готова это стерпеть. Она думает, что готова. Но когда его холодные пальцы касаются её щеки, графиня, сама того от себя не ожидая, мгновенно вскидывается, с перепугу сильно бьёт его по руке, заставляя мужчину отстраниться.

— Ух ты! — восхищённо восклицает Кордле. — Я уж думал — ты мне руку отхватишь!

Анна зло смотрит на него. Было бы неплохо, если бы, действительно, отхватила. Впрочем, Феликс ожидал этого. А, значит, это не доставило бы графине такого удовольствия, как то, которое могло появиться только в том случае, если бы Кордле поразился бы ей, если бы на его лице появилось то бесценное выражение удивления.

— Кстати! — вдруг произносит мужчина. — Ты так и не ответила на мой вопрос. Это, по крайней мере, невежливо — я на ваш ответил. Так что — вы умеете любить? Ответьте мне — это не так уж сложно.

Анна молчит. Отчего-то этот вопрос заставляет её задуматься. Умеет ли? А вдруг, действительно, нет? Вдруг всё то, что она чувствовала к Георгу Хоффману, своему мужу — корысть, желание наживы? Вдруг это так? В таком случае, она сама не стоит ни гроша... Вдруг всё то, что она чувствовала к родному брату Леону — просто желание некой защищённости, какое-то соревнование, удальство?

— Милая Анна! — говорит он почти ласково. — Вы зря меня боитесь — вам я ничего не сделаю.

Даже не делает вида, что понял, почему задумалась девушка. Графиня уверена, что он лжёт. Такая лживая тварь, какой, бесспорно, являлся господин Кордле, просто не могла не лгать. Но тут люди... Он же не сделает с ней ничего такого, пока они в столь людном месте? Он же оставит её живой? Он же не причинит вреда её ребёнку? Миссис Хоффман жутко его боится, что бы она не пыталась ему доказать. И самое страшное было в том, что Феликс

Кордле прекрасно знал об её страхе?

— Так вы умеете любить или нет? — задаёт он вопрос снова.

Анна молчит и хмуро смотрит на своего собеседника. Ей хочется как можно скорее убраться отсюда. Куда угодно — пусть и домой, в скучную и ставшую привычной обстановку. Лишь бы подальше от этого человека.

Комментарий к П. Глава двадцать восьмая. “Тот” человек.

* Мельница — Тамерлан

===== П. Глава двадцать девятая. Урок третий. Путешествия между мирами.

Вместе с запахом выжженных
Солнцем полей,
Тёмной птицею в сердце
Входит новая осень.
Ты плетёшь свой венок
Из траурных лент,
Из увядших цветов
И почерневших колосьев.
Но кто знает, чем обернутся
Холода и потери
Для того, кто умел верить?
И кто знает, когда над водою
Взойдёт голубая звезда
Для того, кто умел ждать?
Тебе больно идти,
Тебе трудно дышать,
У тебя вместо сердца
Открытая рана.
Но ты всё-таки делаешь
Ещё один шаг
Сквозь полынь и терновник
К небесам долгожданным.
И однажды проснутся все ангелы
И откроются двери
Для того, кто умел верить.
И ненастным январским утром
В горах расцветет миндаль
Для того, кто умел ждать.
Гнётся вереск к земле,
Потемнел горизонт,
Облака тяжелеют,
В них все меньше просветов.
Ты сидишь на холме
Неподвижно, безмолвно.
Все слова уже сказаны,
Все песни допеты.

Но я знаю, найдутся ключи
И откроются двери
Для того, кто умел верить.
И над тёмными водами мрака
Взойдёт голубая звезда
Для того, кто умел ждать.
Обречённо скользит
Одинокая лодка
Сквозь холодные воды
Бесконечной печали.
Только небу известно
Всё о нашем сиротстве
И о боли, что связана
Клятвой молчания.
Где-то есть острова утешения
И спасительный берег
Для того, кто умел верить.
Там рождаются новые звёзды
И в горах расцветает миндаль
Для того, кто умел ждать.

Приземление оказалось более-менее мягким. Для Марии, во всяком случае. Она упала на мягкую траву, пусть и довольно сильно замаравшись при этом. Впрочем, последнее девушку волновало... в последнюю очередь. Она довольно быстро поднялась, отряхнула штаны от земли, завязала развязавшиеся шнурки на правом кроссовке и подошла к Мердофу, приземление которого таким мягким не было. Если Фаррел лишь чуть-чуть повредила ногу, когда переносилась из Осмальерда на Землю, то с Айдстечем дело обстояло несколько серьёзнее. Мария беспокоилась — как бы не случилось с ним чего серьёзного. В конце концов, теперь ей несколько затруднительно путешествовать в одиночестве по Земле, а именно через Мердофа она могла связаться с Хоффманом. Впрочем, всё оказалось почти в полном порядке — лишь несколько не слишком глубоких царапин и, кажется, небольшое растяжение. Всё это вещи, конечно, не слишком приятные, но... Пережить их можно. Мердоф присел на стоявший неподалёку камень и посмотрел на небо. Фаррел тоже посмотрела туда — в это высокое голубое небо с плывущими по нему облаками. Девушке сразу вспомнилось, как когда-то в детстве они с Алом играли под вот таким небом, смеялись, шутили, разбивали коленки, набивали шишек... Это высокое спокойное небо совершенно не такое, как её душа. Джошуа всегда говорил, что в душе человека должно быть так чисто, чтобы он чувствовал себя частью бесконечного бескрайнего неба...

Мария никогда этого не достигнет.

Она так и не научилась прощать. А разве может сравниться с небом тот, кто до сих пор не умеет прощать? Тот, кто до сих пор таит в душе злобу на умершего ужасной смертью человека? Тот, кто готов был убить родную сестру? Тот, кто почти радовался её смерти. И не сразу, а осознав эту смерть? Она так и не смогла простить... Простить за то, что Роза просто появилась на свет. Наверное, это было подло... Подло ненавидеть, а потом презирать человека только за то, что тот сумел родиться. Что же... Значит, Мария Фаррел была подлым человеком. В любом случае, она никогда не стыдилась этого. Подлость — что это? Мария

никогда не могла считать подлым человека, который осознавал своё предательство, который предал не по трусости, а за идею... Ей казалось, что она сама была такой — встретиться ей на пути человек, который стал бы пытаться убедить её в том, чтобы кого-то предать, она бы, возможно, легко пошла бы с ним. Девушка никогда не считала себя трусихой, она никогда не боялась чего-то настолько сильно, чтобы можно было списать на это.

Быть может, это было даже хуже — осознанное предательство. Выверенное, тщательно продуманное, выгодное во всех отношениях. И совершённое лишь из скуки — потому что ничего больше такого, что повлекло бы за собой какие-то последствия, сделать было не особенно возможно. Совершённое лишь из смертельной скуки... Сколько Мария себя помнила — ей всегда было ужасно скучно. Бывшей принцессе всегда хотелось чего-то большего. Ей хотелось чего-то грандиозного. И было совершенно плевать — сколько людей может пострадать или, может быть, даже погибнуть.

Мария никогда не попадёт в рай...

Порой девушке казалось, что она часть чего-то великого, чего-то тёмного и огромного, что когда-то имело очень большое значение для всех... Что она часть чего-то, чего всегда боялись... И её нисколько это не пугало и не расстраивало. Она лишь радовалась тому, что может наслаждаться этой жизнью, не думая ни о ком и ни о чём. Ей нравилось бежать по этой жизни, менять друзей, видеть всё на свете, ей нравилось не переживать из-за тех людей, что оставляли её, возможно, навсегда, ей нравилось захлёбываться смехом вместо слёз.

Ей нравилось усмехаться в лицо всем опасностям... Она не боялась... Сердце лишь начинало биться быстрее, когда что-то происходило не так, как задумывалось. Это лишь подстёгивало её к новым действиям и выдумкам. Даже в детстве... Хотя, наверное, сейчас ещё больше, чем тогда... Кассандра Фаррел всегда говорила, что с её старшей дочерью невозможно сладить — проще договориться с кем угодно, но только не с ней... Дядя Джошуа как-то сказал Сандре, думая, что Мария не слышит, что договориться с девочкой возможно, нужно просто уметь договариваться...

Она скучала по этому человеку. Скучала, как не стала бы скучать ни по одному другому — он единственный был дорог ей. Во всяком случае, дорог настолько, чтобы она могла переживать за него. За Ала никогда не следовало волноваться — Мария прекрасно знала, что её друг не пропадёт, где бы он не оказался, что бы с ним не приключилось. За Хоффмана беспокоиться представлялось слишком глупым — он был ей никем, пусть интересным собеседником и почти другом, но девушка была уверена, что мужчина рассердится, если она вдруг начнёт тратить свои нервы на него. Мердоф... С Мердофом они были знакомы даже меньше... Впрочем, наверное, за него как раз и стоило переживать и волноваться. Он был добрым парнем. Хорошим. Заботливым. И до жути наивным. Но... Мария не могла заставить себя беспокоиться за него. Он всегда был рядом теперь, как рядом был Ал, но волноваться за Айдстеча следовало куда больше.

Девушка вглядывалась в проплывавшее над её головой небо. Ей было немного холодно стоять на ветру и смотреть на эти облака... Но... Не мелочь ли это, когда так хочется жить? Не единожды за свои почти семнадцать лет Мария чувствовала это — ей хотелось жить любой ценой. Ценой ли чьей-то жизни — всё равно. Ценой ли чьего-то благополучия — тем более. Порой на всё остальное, кроме себя самой ей было абсолютно всё равно. Она спокойно могла смеяться, когда кому-то было плохо. И она никогда не считала себя виноватой за это.

Впрочем, так же, Мария никогда не считала себя хорошим человеком. Ей всегда было

всё равно. Равнодушные и скука — это то, что досталось её душе. Была ли она виновата в этом? Нет... Этот набор достался ей от рождения. Так стоило ли винить себя? Стоило ли учиться любить, привязываться, калечить эмоциями свои нервы, если, всё равно, не сможешь ничего сделать правильно? Ей досталась мёртвая душа. Так стоило ли изводить себя по этому поводу? Всё равно, ничего нельзя сделать...

Отчего-то вспоминалась Роза. Глупейшее наивнейшее создание, которое всегда изводило её. Которое жутко раздражало. Старшая из сестёр Фаррел подозревала, что девочка умерла в подземельях Хоффмана, возможно, с подачи самого графа, но это несколько не отталкивало её от этого человека. Девушке казалось, не умри Роза в подземельях Георга, она сама бы когда-нибудь убила свою сестру. Убила бы... Это точно. Когда-нибудь, где-нибудь, каким угодно образом...

«Я не могу простить тебя за то, что ты родилась, дорогая сестрёнка!»

Эти мысли отчего-то приходят в голову Марии, пока она смотрит в это безмятежное высокое небо, проплывающее у неё над головой. Роза, наверное, была там — на небе. Была, очевидно, одним из миллионов светлых маленьких ангелов. Девушке хотелось бы, чтобы её сестра видела её, слышала те слова, которые она говорит, мысленно обращаясь к ней. Ей хотелось высказать той то, что не удалось сказать тогда, пока Роза была жива. Стоило выплеснуть это хотя бы сейчас — у Марии теперь начиналась новая жизнь. Жизнь, полная поисков — артефактов, себя, друзей, жизненных ориентиров...

Подумать только — у девушки раньше никогда не было каких-либо жизненных целей... Она всегда руководствовалась только собственными желаниями... А теперь, быть может, стоило выбрать сторону? Впрочем, нет. Сторону Мария никогда не торопилась выбирать — всё всегда может измениться.

Ни мать, ни сестра, ни дед — насколько девушке удалось его узнать — ни за что на свете не поняли бы её. Они были слабы. Слишком дешево ценили свою жизнь и слишком дорого — чужие. А Мария никогда не была такой... В ней было, наверное, слишком мало сострадания, слишком мало души... Фаррел всегда была довольно эмоциональна, но в её сердце никогда не поселялись слишком сильные чувства. Только некоторые привязанности. Как привязанность к Джошуа Брауну, её отцу и наставнику. А так же — злость. Это нельзя было назвать обидой. Именно злость. Злость на тех, кто был слишком назойлив на её взгляд, слишком ненужен... Для Марии ничего не стоило обидеть тех людей...

Наверное, это было основным из того множества пунктов, по которым Мария и Роза так сильно отличались друг от друга. Совершенно непохожие друг на друга внешне — это можно было списать на то, что отцов они имели разных, всё-таки, совершенно разные характеры — это можно было понять, совершенно разные жизненные ценности... Роза была хрупкой, маленькой, наивной, доверчивой, несколько трусливой, но умела сострадать, а Мария отличалась крепким здоровьем, высоким ростом, была довольно лжива, недоверчива к словам других, смела, но совершенно равнодушна...

Что же можно считать большим грехом — трусость, которой обладала младшая из сестёр, или гордыня, которая жила в сердце старшей? Что было более ужасным? Из чего происходило всё остальное? В Библии, кажется, Марии эту книгу цитировала только Роза, говорилось, что первый и самый тяжёлый из грехов — гордыня. В одной же из любимых книг старшей из сестёр Фаррел, говорилось, что все пороки идут от трусости, и потому трусость — самый тяжёлый из них. Впрочем, вряд ли можно понять, что из этого правда. Мария никогда не верила в загробную жизнь. Ей казалось, что всё устроено куда проще и...

сложнее одновременно.

«Так прости же ты меня за ту злобу, с которой я всегда к тебе относилась. Ты всегда была добрее меня, милая Роза!»

Если бы Мария говорила это вслух, её голос показался бы её собеседнику жутко неприятным. Язвительный, желчный тон, которыми в её голове произнесены эти слова заставляют девушку мысленно усмехнуться. Она всегда была такой — язвительной, почти злой, с губ её порой слетали весьма жестокие слова, заставлявшие плакать многих, а в душе не появлялось ни малейшего отклика на многие события. Девушке удалось приучить себя мыслить трезво, контролировать себя, свои желания и инстинкты, но... Остальное...

Её интересовала эта игра, как избавление от скуки — игра людьми и в людей. Пусть Мария ещё не была Игроком, Гроссмейстером, играть людьми она немного научилась. Научилась лгать так, чтобы её не могли поймать на вранье, научилась стравливать тех, кто слишком мешал ей, научилась вызывать симпатию и доверие у людей, которые начинали с ней общаться.

Её любили люди. Заглядывались. Смотрели в рот, когда она говорила что-либо. Слушали. Переживали за неё. Считали «своей»... Только вот она никогда «своей» не была. Была ужасно чужой, далёкой... Её редко что-то волновало. Она умела рассуждать, мыслить логически, многое подмечала, но...

«Я никогда не была доброй, Роза. А ты никогда не была смелой... И умной ты тоже никогда не была...»

Мария не знала — почему именно так сложились её отношения с сестрой. Пожалуй, старшая никогда не хотела думать о младшей. Пожалуй, сама была виновата в том, что отношения как-то... не сложились. Девушка никогда не хотела идти на уступки, на компромиссы, всегда считала правой лишь саму себя. Ал часто говорил ей об этом, пытаясь объяснить подруге её неправоту. А потом сам дулся на Розу из-за очередного происшествия.

Он обижался на младшую сестру Марии, пожалуй, даже ещё более часто, чем сама девушка. Во-первых, из-за того, что в результате её жалоб на них обоих больше всегда доставалось именно Алу. Во-вторых, из-за того, что капризничать перед Марией было просто глупо — та, всё равно, никогда не реагировала на эти капризы, — и Роза, понимая это, всегда доводила своими требованиями именно Альфонса.

Они были разными. Мария и Роза. Как-то мама сказала старшей дочери, что хотела соединить эти два имени, дать их только одному ребёнку, но что-то тогда остановило её. Девушка была благодарна тому слепому случаю за это. Ей никак не подходило это длинное вычурное имя — Мария Роза. Ужасное, нелепое, смешное. И она бы была смешной и нелепой, если бы её так называли. Даже все эти вариации — Анна Мария, Анна Луиза, Марис Елизавета — ей нравились куда больше. Хотя всё это больше походило на имя сказочной принцессы, чем...

Мария как раз и была той самой «сказочной принцессой», стать которой мечтает большинство девчонок, которым ещё не исполнилось десять. А самой Марии до десяти лет хотелось стать то пиратом, то космонавтом, то — смешно вспомнить об этом — терминатором... А Роза мечтала быть как раз той самой принцессой, потом — учительницей, потом — врачом...

«Помиримся ли мы с тобой когда-нибудь?»

Сложный вопрос. Слишком много между ними было такого, что просто нельзя прощать. Быть может, не будь между ними такой огромной пропасти непонимания со стороны Розы и

равнодушия со стороны Марии, сёстры смогли бы найти общий язык и даже привязаться друг к другу... Мысли так и проносятся в голове девушки, пока она смотрит на небо. Она уже заоченела, и Мердоф обеспокоенно теребит её за рукав и даже что-то говорит. Фаррел совершенно не хочется его слушать. Она и не думает слушать — зачем? Но Айтсеч беспокоится, переживает... О ней. А ведь ей даже не было стыдно перед ним за то, что она не волновалась за него. Впрочем, должно ли, вообще, быть стыдно, если просто ничего не чувствуешь?

Наверное, должно.

Если ты не замечаешь чувств другого человека, простительно никак не отвечать на них. Но если ты прекрасно это видишь и понимаешь... Душевная подлость не обращать на это никакого внимания. Подло наносить душевную рану человеку, которому так легко нанести эту рану... Наверное, так же подло, как казалось подлым обидеть уда в «Докторе Кто». Можно сколько угодно не чувствовать, но... Разве можно в этом случае прогонять человека от себя? Как-то судить его? Разве возможно не осознавать свою вину перед ним — пусть не чувствуя эту вину?

Нельзя. Нельзя именно потому, что ты ничего не чувствуешь. И осуждать — тем более нельзя. Потому, что раз ты не чувствуешь, значит именно ты хуже того человека, а не он тебя...

Мария была уверена, что это так. И, смотря в это высокое светлое небо, она только убеждалась в этом. Менять свою жизнь девушка никогда не стала бы просто из-за мук совести — знала ли она, что это такое? Но задуматься над тем, кто она такая, наверное, следовало... Раз уж она уже посмотрела на небо.

Наверное, она была ужасным человеком — ужасной дочерью, ужасной сестрой, ужасным другом... Альфонс как-то выкрикнул это в пылу ссоры. А Мария... согласилась с ним. Согласилась так легко и быстро, что Ал, почти мгновенно осознав то, что он произнёс, стал извиняться. Но... в его словах не было ничего, на что можно было бы обидеться. Он сказал правду. Так стоило ли на неё обижаться? Мария, действительно, была и ужасным человеком, равнодушным к чужим проблемам, и ужасной дочерью, совершенно не ценящей собственную мать, и ужасной сестрой, не питающих к родному человеку никаких тёплых чувств, и ужасным другом, бросившим Ала в чужой стране одного. Всё было правильно. Уж на это точно обижаться не стоило.

Шея немного затекает от неудобной позы, голова начинает немного кружиться, а Мердоф всё пытается теребить девушку за рукав, беспокоясь, что она замёрзнет. Она, и правда, почти ооченела, стоя на таком морозе. Будь у неё шанс сейчас же оказаться в тёплой постели, она обязательно сделала бы это. Впрочем, спать совершенно не хотелось. Хотелось закутаться в одеяло, включить какой-нибудь сериал и сидеть, смотреть его, пить какао и есть шоколадные печенья. Когда они доберутся до места назначения, она обязательно попросит Мердофа сделать ей какао. Или лучше — горячего шоколада...

«Я никогда не хотела этого и не хочу теперь. Я никогда не любила тебя. А ты никогда не сердилась на меня всерьёз...»

Это так. Отчего-то голубое небо заставляет девушку подумать об этом. Роза была чужой девушке. Они были совершенно разными. С самого рождения, но различия в воспитании усиливали тот контраст. Дядя Джошуа учил Марию разбираться в машинах, чертить, выпиливать фигурки, объяснял основы физики, математики ещё тогда, когда девочка не пошла в школу... Он обожал детективы и боевики, и старшая из сестёр Фаррел тоже

полюбила их. Он любил жизнь, все его проявления, умел смеяться и шутить... Обожал рассказывать разные истории о прошлом, которые всегда было так интересно слушать... Мария, пожалуй, любила его. Он был её отцом всё это время, и принять Теодора было бы предательством. Девушка была похожа на своего биологического отца. И внешне, и характером. А Розу воспитывала мать. Согласно глупому своду правил, одевая в кружевные платица, делая странные сложные причёски... Младшая из сестёр Фаррел редкие дни проводила вне дома, почти всегда находилась в своей комнате, либо читала, либо смотрела что-то, изредка выходя на улицу, когда мама говорила о том, что неплохо бы Розе гулять почаще... Вечно спокойная, тихая... Это казалось странным. Ал был несколько спокойнее Марии, но достаточно подвижным ребёнком, который лез туда, куда вовсе не следовало, который придумывал такие шалости, что все взрослые их двора синхронно хватались за голову и охали. Роза была почти невидимой. Она никогда не шалила, никогда не шумела, не кричала. Только плакала. И это раздражало старшую из сестёр ещё больше, потому как нытьё изводило похуже истерик. Совершенно непохожие внешне. Совершенно. Высокая, крепкая старшая сестра со светлыми короткими волосами, вечно торчащими в разные стороны, вечно кое-как, наспех, одетая, нередко — в одежду Ала, потому как не спугнуть между собой их вещи было проблематично, и хрупкая, тоненькая младшая сестра с длинными каштановыми волосами, всё время то заплетёнными в косы, то завитыми, то уложенными ещё как-нибудь, всегда одетая в аккуратные, выглаженные платица с ленточками, рюшами, бантиками и прочей фигнёй. Забавно... Мария не унаследовала от матери ничего, только цвет волос, а Роза унаследовала всё, кроме этого.

«Прости же меня за то, что я никогда не смогу простить тебя...»

Не сможет. Не тот Мария Фаррел человек, который может просто так простить другого. Нет, на кого-то она просто не сердилась. На того же Ала. Впрочем, на него сердиться было бесполезно, они оба это знали, как и на неё. Так что, какие бы серьёзные ссоры не были между этими двумя, они всегда знали, что сердиться друг на друга бесполезно. В конце концов, всегда были виноваты они оба — кто-то из них, конечно, начинал ссору, но второй всегда мог остановиться несколько раньше того момента, когда на лице Ала красовался огромный синяк, а на скуле Марии образовывалась ссадина. Нет, лет с четырнадцати и Фаррел, и Браун стали чуть спокойнее — до синяков и ссадин уже доходило совсем уж редко, а то и не доходило вовсе. Но ссориться они продолжали. Впрочем, их ссоры никогда не нуждались в перемирии после. Никогда не происходило ничего такого, чтобы одному пришлось прощать другого.

С Розой же никогда не было драк. Мария, конечно, могла позволить себе отвесить сестре подзатыльник за что-нибудь, но та начинала слишком уж сильно реветь, жаловалась матери, соседкам, знакомым, так что, старшая из сестёр Фаррел решила, что подзатыльники она оставляет на крайний случай. Когда Роза особенно достанет её.

«Мы с тобой никогда не сможем помириться. И я об этом нисколько не жалею».

Когда Марии было пять, её мать, Кассандра Фаррел впервые отвела дочь к психиатру, заметив, что старшая из её детей слишком агрессивно настроена по отношению к младшей. Врач тогда посмотрел на ребёнка внимательно, задал какие-то вопросы... Потом был ещё один врач, потом третий... А потом Мария поняла, что нужно отвечать, чтобы не было пятого, шестого, десятого... Она и отвечала. Отвечала не так, как считала правильным на самом деле, а так, как было нужно для того, чтобы от неё отстали. И вот, когда девочке было уже семь лет, её матери, наконец, сказали, что её ребёнок абсолютно здоров.

Эти воспоминания заставляют Марию сжать кулаки. Она не любила ходить к этим дядькам, пусть сначала это и представлялось ей забавным. Хорошо, что Ал тогда подсказал ей правильные ответы на вопросы — иначе, ещё заперли бы её в какой-нибудь психушке. И что тогда? Уже тогда, когда Мария была маленькой, чутьё подсказывало ей, что ничего хорошего из этого выйти не может. В общем, когда девочке было семь, врачи сказали её маме, что ребёнок она совершенно психически здоровый, а та агрессия, которая проявлялась по отношению к Розе, была обычной детской реакцией на рождение второго ребёнка.

«А ты бы смогла жалеть, если бы презирала меня столь же сильно, сколь я презираю тебя? Скажи — смогла бы?»

В душе появляется приятное чувство — она высказала всё, что думала о Розе. Даже если никто не слышал то, что девушке хотелось сказать, это было облегчением. Ей удалось выплеснуть те негативные мысли, которые вертелись у неё в голове всё это время. А раз так — можно продолжать двигаться дальше.

Мария поворачивается к Мердофу и усмехается. Интересно, сколько она стояла так — подняв лицо к небу? Полчаса? Час? Больше? Сколько телохранитель ждал её? Девушка была уверена, что будь она на его месте, она бы обязательно уже успела рассердиться, сгрести собеседника в охапку и утащить куда-то или просто уйти, если вариант «сгрести в охапку» не проходил. Бывшая принцесса смеётся, берёт Айстеча за руку и куда-то тащит. Ей почему-то вдруг становится так хорошо, что она не может думать ни о чём, кроме предстоящих поисков сокровищ. Правда. Она всегда мечтала этим заняться, когда была ещё маленькой. Они с Алом обежали всю округу, искали в каждом соседском газоне... Не нашли ничего, кроме дохлой кошки. Но это было несколько... не то, что они пытались найти...

Мердоф и Мария заходят в какой-то магазин на окраине городка, рядом с которым они оказались при приземлении. Девушке думается, что тут неплохое место. Во всяком случае, сейчас. Она немного замёрзла — пришлось даже достать те хогвартские шарфы, которые они с Алом купили ещё до отправления в Осмальерд в каком-то из тех странных магазинчиков, которые нравились им обоим, из рюкзака и обмотать вокруг шеи один из них. Второй из комплекта она отдала Мердофу. В конце концов, неправильно, что он будет мёрзнуть, если уж ей самой было уже... хорошо.

В магазине на них, ожидаемо, никто не обращает внимания. Все заняты своими делами. Продавец сидит за кассой и слушает радио, даже не думая оглянуться на покупателей, покупатели кладут в корзины товары, подходят к кассе, расплачиваются... Бывшей принцессе хочется купить шоколадку, лимонад или что-то такое. Наверное, стоит купить ещё вафли и печенье для Мердофа. Насколько девушка поняла — шоколад он не ест. Именно так Фаррел и поступает — бёрёт корзинку, кладёт туда две плитки шоколада, пачку печенья и бутылку яблочного сока.

«Президент США Уильям Клинтон поддержал законопроект...» — донеслось вдруг из радио, когда Мария подошла к кассе.

Девушка вздрагивает от неожиданности. Уильям Клинтон... В каком году президентом США был Билл Клинтон? Кажется, до две тысячи первого? Или где-то в этом роде. Девушка была ещё маленькой, когда проводились выборы нового президента Америки. Впрочем... Будущее ли это или прошлое — вполне возможно, что Билл Клинтон может снова стать президентом через какое-то время. Бывшая принцесса, расплачиваясь за покупку, знаком показывает своему телохранителю, что им нужно выйти отсюда и где-то поговорить наедине. Она чувствует, как начинает злиться. Почему всё не могло пройти нормально? В

этом, наверное, не было такой уж большой вины Айстеча. Вполне возможно, что о путешествиях между мирами он знал не особенно больше, чем знала она.

— Так... А теперь скажи мне — где мы? — озадаченно спрашивает Мария. — Блин! Как же холодно!

Она одета по-летнему. На ней только джинсы, тонкая рубашка, куртка, спасающая разве что от дождя, и кроссовки. В Осмальерде только начиналась осень. И на Земле, насколько девушка поняла, тоже. А сейчас тут, казалось, был или уже конец октября или самое начало апреля. К тому же — президентом США являлся Билл Клинтон, что означало, что на Земле может быть совсем другое время, нежели то, из которого она пришла в Осмальерд тогда, вместе с недотёпой Седриком Траонтом, противной сестрой Розой и лучшим другом Альфонсом Брауном.

Это заставляет девушку волноваться. Хоффман отдал им не слишком много денег, пусть какие-то Мария уже имела. И от того, какой сейчас год, зависит также то, сможет ли Фаррел получить деньги в банке или нет. Вот что было плохо. А также, плохо было то, что Георг предупредил бывшую принцессу о том, что подзарядить прибор, с помощью которого и осуществлялось передвижение между мирами, на Земле не удастся, а сам он подзарядится через две недели или месяц.

— Мы на Земле! — отвечает ей Мердоф озадаченно. — Мы в твоём мире!

Как будто это ей что-то говорило! Мария прекрасно понимала, что они находятся на Земле, прекрасно понимала даже то, что находятся они в США, а не в Канаде, так как тут было всё несколько иначе, нежели у неё дома. Девушке хотелось домой, но дома у неё никогда и не было. Кассандре Фаррел был родным Осмальерд и королевство Орандор, принцессой которого она являлась, Розе родной была Земля, Канада, Алу родным тоже стал Орандор, королём которого он теперь стал, а у Марии дома не было. Она чувствовала себя чужой и в Канаде, и в Орандоре, и в Анэзе... Ни одно из этих государств не было ей домом. Ей было приятно путешествовать, приятно открывать для себя что-то новое в местах, в которых она бывала, но... дома у неё никогда не было.

Девушка жутко сердится. На себя ли, на Мердофа ли — она толком не понимает сама. Наверное, на них обоих. На него — за то, что имел глупость перепутать координаты места, в которое им нужно было попасть. На себя — за то, что имела глупость довериться ему, не проверив, куда её отправляют. Айстеч ведь мог их и в Средневековье послать. А Фаррел как-то не хотелось умирать на костре или на дыбе... А уж её ведьмой счесть — милое дело. Характер скверный, манеры отвратительные, внешность специфическая... Её бы сожгли в первый же день после их прибытия. Всё же совершенно не стоит доверять кому-то в таком сложном деле, как путешествия между мирами. К тому же, в отличие от Седрика Траонта, которого, всё-таки, обучали этому чуть ли не с рождения, Мердоф Айстеч магом не был и путешествовал так первый раз. Мария путешествовала чуть больше — два раза. Первый — с Седриком — был несколько более удачным, нежели этот, несмотря ни на что.

— Уж это я поняла! — в её голосе появляются какие-то змеиные интонации.

Наверное, это звучало просто противно. Всё равно. Пусть Мердоф думает о ней что угодно — что она глупая истеричка, что она совершенно несносный компаньон, что она абсолютно не умеет общаться с людьми или ещё что. Это неважно. В конце концов, она, действительно, часто закатывает истерики, совершенно не умеет общаться с людьми и является несносным компаньоном. Разве что глупой Мария никогда себя не считала. Но это уже не так важно. Наверное. Но в чём Фаррел была уверена точно — так это в том, что ей

необходимо было сейчас выплеснуть свою злость на кого-либо. Иначе, она просто «взорвётся». Эмоции возьмут верх над ней, над её разумом. И тогда произойдёт то, что происходило обычно в таких случаях — нечто непоправимое. Надо излить своё раздражение на кого-нибудь, чтобы всё стало нормально.

Но вот только на кого?

Обычно под рукой всегда находился Ал, который всегда мог ответить. Не стоял, и не молчал, сверля Марию взглядом обиженных глаз. Мердоф казался маленьким ребёнком, которого несправедливо наказал кто-то из родителей. Его даже стыдить было... стыдно. Он казался почти напуганным. Это раздражало и обезоруживало одновременно. Бывшая принцесса тяжело вздыхает, понимая, что в данный момент, если она хочет получить ответ на свой вопрос, ей стоит быть чуть более терпеливой.

— Мой мир большой, — говорит девушка чуть более спокойно, чем говорила до этого. — Где мы конкретно?

Мердоф смотрит на неё удивлённо, как будто только сейчас задумался об этом. Хотя... Наверное, действительно, только сейчас. Он совершенно не понимал, что такое Земля, совершенно не понимал, что есть что-то столь же сложное, как и Осмальерд, просто с немного другой структурой и историей. Он не понимал. Он прожил всю свою жизнь в Осмальерде, совершенно не думая о том, что где-то есть ещё один мир, имя которому Земля...

— Сент-Пол, тысяча девятьсот девяносто пятый... — пожимает плечами Айстеч. — Именно сюда семнадцать лет назад телепортировалась Кассандра Траонт...

Да... Потрясающая логика... Пожалуй, не зря Мария отдала ему именно гриффиндорский шарфик, когда распределяла, что кому надеть. Фаррел чувствовала себя просто отвратительно. Что может быть хуже, чем застрять с не слишком хорошо знакомым человеком в собственном мире, но совершенно в другом времени. Мария здесь даже ещё не родилась. Родится где-то... Месяцев через восемь-девять. Обидно. Даже на себя мелкую не поглазеть...

— Мердоф, тебе кто-нибудь говорил, что ты идиот? — устало спрашивает бывшая принцесса.

Она, действительно, чувствует себя жутко утомлённой. А кто бы на её месте чувствовал себя иначе? Телепортация ослабила её, выпила большую часть её энергии. Марии хотелось поскорее оказаться дома, увидеть дядю Джошуа, сказать ему, что с Алом и ней самой всё хорошо, как-то успокоить этого мужчину... А теперь она вынуждена находиться в стране, которую не знает, во времени, в котором ещё даже не родилась. Это было просто отвратительно! А всё потому, что её телохранитель не догадался спросить, в какое время ему их обоих отправлять! Ну не знал он — так почему же нельзя было спросить? А раз уж знал, что Кассандра Фаррел отправилась в это время, то неужели так трудно было прибавить семнадцать лет? Пусть была бы Америка — но хотя бы две тысячи двенадцатый!

— Только отец... — растерянно бормочет парень. — При чём тут это?

Смотрит на неё удивлёнными, почти напуганными, глазами. Как же это злит! Мария даже не может нормально накричать на него! Ей почти стыдно — чего не было ни тогда, когда она выкидывала очередную шалость, от которой матери становилось плохо, ни тогда, когда она как-то обижала Розу, от чего та обязательно начинала реветь, ни тогда, когда слишком резко отвечала Алу на, в общем-то, справедливое его замечание... И это раздражает девушку ещё больше. Кем был Айстеч, чтобы смотреть на неё так? Они были

знакомы всего ничего — всего пару месяцев отсылы. Так какое же право Мердоф имел пытаться заставить Марию изменить своё мнение?!

Не имел вовсе!

Айстеч был человеком, с которым было всегда удобно. Удобнее, чем с Алом. Уютнее, что ли? Мердоф заботился о ней, переживал за неё... Альфонс тоже переживал, но заботились друг о друге они своеобразно. Марии подумалось, что, должно быть, Мердоф Айстеч самый светлый человек, которого она встречала на своём жизненном пути. После дяди Джошуа, конечно.

— Кажется, он довольно умный человек... — язвительно замечает Фаррел, впрочем, не в противовес собственным мыслям о Мердофе. — Мне кажется, я с ним полажу.

Наверное, говорить этого не следовало. Нет. Не так. Разумеется, говорить этого не следовало. Но Мария уже сказала. И по глазам телохранителя девушка понимала, что это было очень зря. Его было жаль. Он был тем человеком, которого Марии всегда было бы жаль. Кем бы он не работал на Хоффмана, Мердоф был вовсе не плохим человеком. Лучше её, во всяком случае.

— Почему ты так говоришь? — непонимающе спрашивает её Айстеч.

Это почему-то заставляет её снова рассердиться. Девушка сама не понимает — почему. Как бы они не ругались с Алом, он заставлял её сердиться куда меньше, каким бы глупым и наивным не был Седрик, бывали моменты, когда он не раздражал её вовсе. Но Мердоф... И при этом, с ним было довольно хорошо. Да и раздражал он её только сейчас...

Впрочем, Мария уже не думает. Она чувствует, как начинает «взрываться», как нервы предадут её. Нужно было отправляться сюда с Георгом Хоффманом, будь он на её месте, не пришлось бы так волноваться. Мария Фаррел хочет жить... Это желание никогда её не покидало. Дядя Джошуа как-то говорил, что так хотят жить те, кто однажды оказался на краю между жизнью и смертью, кто заглянул в глаза смерти. Мария ни разу не заглядывала. Хотя... Мердоф же однажды направил на неё пистолет?

Но тогда почему-то бывшей принцессе казалось, что парень не выстрелит, что пожалеет её, что по какой-то причине не спустит курок. «Какая-то причина» появилась. И курок он, действительно, не спустил. Плевать — почему именно. Мария Фаррел была жива до сих пор. Жива. Пусть умерла её мать, Кассандра, пусть умерла её младшая сестра, Роза, пусть умер её дед, Генрих Траонт — Мария была жива. Для неё это было главным.

Пусть это и было эгоистично.

— А ты как думаешь?! Хоффман же сказал — отправиться в моё время! — восклицает девушка рассерженно — А ты нас куда отправил?! Во время, в котором я даже не родилась?! В другую страну?!

Айстеч ответить не успевает. В воздухе проблескивает какая-то вспышка, и Мария, и Мердоф отскакивают в сторону, а на земле вдруг появляется Рогд. Брат Мердофа. Пожалуй, наименее ожидаемый человек в этом месте и в это время. Фаррел никак не думала, что он, вообще, может появиться на Земле, считала, что уж одной-то проблемой у них точно будет меньше. Проблема эта носила имя Рогд Айстеч, ей было почти девятнадцать лет — как и Мердофу, — и имела она на редкость скверный характер. Ну... Не сквернее, конечно, характера Марии, но тоже не слишком приятный. Фаррел боялась, что Мердоф тут же бросится колотить своего брата, что было проблемой хотя бы с той точки зрения, что их обоих могут упечь в полицейский участок. Ну и как их Марии доставать, учитывая то, что документов ни у кого из них не было? Впрочем, Мердоф, вопреки её худшим ожиданиям,

бросаться на брата не стал. А вот Рогд кинул в их — брата и Марии — сторону гневный взгляд. Стоило ожидать, что братья Айстечи сейчас могли наворотить всё, что угодно. И помирить их не представлялось никакой возможности. Что же... Придётся находиться между двумя вулканами. Может быть, это поможет заставить одного из этих двоих думать? Рогд был человеком с достаточно тяжёлым характером, как показалось девушке. Они были чем-то похожи — Рогд и она сама. Только вот Мердоф к ней пока относился лучше.

— Ты что тут делаешь?! — прошипел парень, с трудом поднимаясь на ноги и потирая свою щёку, на которой теперь виднелся яркий след от падения. — Я не понимаю — почему ты должен был оказаться в том же месте, куда переносился я!

Мердоф с надеждой посмотрел на Марию. Совершенно позабыв о том, что несколько минут назад она сердилась на него, обозвала идиотом. Это было... непривычно... Альфонс — снова она сравнивает этих двоих — выдал бы ответную колкость или дулся бы на неё ещё долго, пока не смог бы придумать что-то достойное для того, чтобы ответить. Вот интересно, что сделал бы Хоффман, обзови Мария его идиотом? Да убил бы её на месте! Даже если она оказалась бы права. И Мария Фаррел совершенно и не думала бы обижаться на мужчину за это.

— Хм... Ну что я могу сказать? — пожала плечами девушка. — Привет, Рогд? Добро пожаловать, Рогд, в нашу странную компанию? Уж извини, Мердоф, у меня уже нет сил ссориться с кем-то сегодня... Потерпи его денёк, может, потом прогоним, а?

Мердоф кивает и виновато смотрит на неё. Опять этот взгляд! Марии от него хочется убежать куда-нибудь подальше. Она привыкла к совершенно другому отношению к себе, привыкла к взаимным подколкам и оскорблениям, привыкла к тому, что ей без обиняков в лицо высказывают, что она не права. Нет, они довольно часто беспокоились друг за друга, но... Пожалуй, Альфонса Мария смело могла бы назвать своим старшим братом. Они были достаточно близки в детстве. Они знали друг о друге практически всё. Они были друг другу уже родными людьми. И, наверное, именно поэтому за Ала совершенно не стоило переживать. Мария прекрасно знала, что её друг справится с тем, что на него навалилось. Не мог не справиться.

Рогд смотрит настороженно, словно понимая, что сбежать ему сейчас не дадут. Правильно понимает. Нужно отдать ему должное, этот парень не так глуп. Впрочем, в нём тьмы почти так же много, как и в ней самой. Мария вряд ли сможет дружить с таким человеком. Потому что она прекрасно знает, чего именно от него можно ожидать — все её потаённые желания, все инстинкты, которые она пытается скрыть, могут воплотиться и в этом человеке тоже.

Девушка теребит свой зелёный шарф, думая, как лучше его обмотать, чтобы мёрзнуть ещё меньше. Кажется, они пришли к соглашению... Да, шаткому, но всё же... Сейчас никому из них троих не нужна была та драка, в которую могла перерасти ссора братьев. И поэтому нужно было как-то мириться с существованием друг друга. Мария прекрасно знала это. Потому что сама вынуждена была мириться с существованием Розы. И теперь прекрасно понимала Мердофа, который не слишком тепло относился к родному брату.

Мария вздыхает, оборачивается. Где-то неподалёку, рядом с дорогой стоит девушка, по возрасту примерно её ровесница. Девушка со светлыми длинными волосами, в красивом, очевидно, довольно тёплом лиловом шерстяном платье. Розе или маме обязательно бы понравилось. Выглядит несколько подавленной. Смотрит совершенно наивно на их троицу. Милая девчонка...

Завидев сию шумную компанию, девушка поворачивается к ним, чему-то скованно улыбается и идёт. Идёт прямо по проезжей части — они находятся прямо рядом с дорогой. Девушка, как-то странно покачиваясь, ступает по проезжей части и, похоже, совершенно не видит, что прямо за ней несётся машина. Ну... Не прямо за ней... Расстояние между девчонкой и машиной было порядочное, а между девчонкой и троицей весьма незначительное, но на скорости, на которой ехал автомобиль, избежать столкновения, если это чудо так и продолжит идти по проезжей части, было нереально.

— Эй! — закричала Мария, подбегая к девушке и хватая её за руку, чтобы вытащить на обочину. — Ты, дура, ну нельзя же так! С луны, что ли, свалилась?!

Машина проносится прямо рядом с ними. Девушка смотрит испуганно своими голубыми глазами сначала в сторону проезжавшего автомобиля, потом в сторону Марии. Действительно, свалилась с луны. Амнезия у неё, что ли? Или травма какая-то? Или из психушки сбежала?

— Как тебя зовут хоть? — немного отдышавшись, спросила Фаррел незнакомку, решив, что бесполезно гадать, кто эта девчонка такая. — Раз уж встретились — давай знакомиться...

Одета тепло, не то, что Мария, Рогд и Мердоф. Ну, в принципе, логично. Девчонка то тут жила, и знала, что сейчас довольно холодно. А вот Фаррел совершенно не подозревала, что её могут отправить куда-то помимо родного две тысячи двенадцатого года. Впрочем, не подозревала так же и то, что путешествия между мирами предполагают ещё и путешествия во времени. Знай она про это — обязательно бы попробовала бы взять ситуацию в свои руки.

— Кэсс, — пробормотала девушка, поднимая на Марию полный любопытства и опаски глаз голубых глаз. — А вас как?

Кэсс... Сокращение от Кэссиди, что ли? Или типа того? Впрочем, спрашивать об этом совершенно не хочется. Бывшая принцесса и не спрашивает — зачем? В конце концов, почти всё было неважно, кроме того, как они проживут эти две недели, а то и месяц, на те деньги, которые Хоффман выделил им где-то на неделю.

Впрочем, это же не проблемы этой девчонки? Пусть ни о чём и не знает. Зачем ей что-то знать? Оставить её здесь, что ли? Или привести к родителям, чтобы не теряли больше своё чадо, совершенно не приспособленное к тому, чтобы выжить даже в самых обычных условиях, в которых и выживать то особо и не приходится.

— Меня Марией зовут, того, кто повыше — Мердофом, а того, кто на первый взгляд кажется умнее — Рогдом, — смеётся Фаррел. — Да не пугайся ты так! Мы, при всех наших недостатках, не такие уж и плохие люди!

***

Три часа проходят в поисках подходящей гостиницы. Ещё два — на заказ комнат. Трёх — для Марии и Кэсс двух отдельных и общей для Мердофа и Рогда. Фаррел категорически не захотела арендовать им отдельные. Хоффман дал не слишком много денег им, сказав, что остальное банк должен дать по чеку, который он выписал Марии, после пятнадцатого-семнадцатого сентября. Но... Две тысячи двенадцатого года. Так что, им придётся ждать без малого семнадцать лет. Значит, придётся экономить, пока они вдвоём — ни Кэсс, ни Рогду это не было нужно — не перенесутся обратно в Осмальерд.

В номер Марии проскальзывает Мердоф. Это даже немного раздражает её — что ему было нужно здесь от неё? Впрочем, она старается не говорить ничего такого, что могло бы обидеть его. Она утомлена этим путешествием. Она утомлена тем, что последовало за этим.

Вдобавок, она, вполне возможно, начинает заболеть. Слишком уж долго она стояла на холоде. Это не могло не сказаться на её здоровье.

Книг в её номере оказалось, как ни странно, довольно много, большая часть которых была по народной медицине. Кажется, хозяйка отеля говорила, что увлекается этим. Впрочем, не важно. Это играло Марии на руку. Девушке хотелось найти что-нибудь такое, чем можно было бы вылечить простуду, если уж она заболит. Что-то не слишком дорогое. И что-то, для чего не придётся идти к врачу. Ага. Без страхового полиса. Да и, вообще — без документов.

— Зачем ты это принёс? — как-то устало отмахивается Мария, выползая из-под горы книг, которые она разложила на полу.

На шее Айстеча по-прежнему этот дурацкий красно-жёлтый шарф, и девушка готова почти рассмеяться — она свой серо-зелёный тоже не захотела снимать. Ей почему-то было холодно сейчас. Девушке хочется согреться... Она так устала... Хоффман не говорил ей, что телепортация будет столь неблагоприятно сказываться на её здоровье. Впрочем, даже если бы сказал — отказалась бы она от этого? Нет, конечно. Она обязательно бы захотела появиться здесь. Может быть, даже сильнее.

— Ты не ужинала сегодня, — замечает Мердоф, пожимая плечами. — И я подумал, что стоит принести тебе горячий шоколад. Ты замёрзла сегодня.

Горячий шоколад — то, что нужно... Кажется, Мария даже хотела попросить Айстеча приготовить этот напиток. Но после их небольшой ссоры делать это почему-то расхотелось. Был бы на его месте Ал — ссора не была бы ссорой. Просто обычным разговором двух друзей между собой. Даже если бы состоялась драка между ним и Марией, это был бы самый обычный разговор.

Но Мердоф Айстеч не был Альфонсом Брауном. Фаррел не с ним носилась в детстве по всему городу, не с ним копалась в земле, не с ним пыталась скрыть синяки на лицах обоих, не ему останавливала кровотечение из носа, когда что-то не могла поделить... Не с ним у неё была общая одежда... Девушка совершенно не понимала, как относиться к Мердофу. Тот пытался во всём заменить Ала, но... они были разными. Они не смогли бы заменить друг друга, как бы не старались.

Да, Альфонс тоже принёс бы ей какой-нибудь горячий напиток, заставил бы укутаться в одеяло и даже сходил бы в ближайшую аптеку за лекарствами. Но с ним она так редко ссорилась... Все эти крики, обидные прозвища, подколки не воспринимались ни парнем, ни девушкой как оскорбление. Это было обычное их общение. Ничего странного, выдающегося и чего-то такого. Простое общение. С Мердофом это было иначе. Он не привык к этому. Был одинок. Хоффман говорил это, да Мария и сама видела. Он жаждал иметь друзей, но это ему как-то не удавалось. Он готов был сделать практически всё, что угодно, и это было, пожалуй, неправильно. Человек не должен быть готов сделать всё, что угодно для другого человека.

— Я наорала на тебя сегодня, обозвала идиотом, — замечает Мария задумчиво, беря кружку с шоколадом. — Признайся честно — ты что-то подсыпал туда, чтобы мне отомстить?

Она почему-то усмехается этой мысли. Альфонс обязательно подсыпал ей что-нибудь... В любом случае «перепутал» бы сахар с солью или что-нибудь такое. И сама Мария поступила бы аналогично. Интересно, что сделал бы Айстеч... Оказалось бы интересно, если бы он решил вытворить что-то такое.

— Нет! — почти обиженно восклицает Мердоф. — Как ты могла подумать, что...

Мария усмехается. Что и следовало ожидать. Она устала находиться рядом с Айстечем. Нет, она сможет привыкнуть через какое-то время к его обществу, но до этого будет чувствовать себя неудобно. Очень неудобно. Потому что не привыкла постоянно находиться в обществе человека, столь честно и рьяно выполняющего свои профессиональные обязанности. Мердоф был назначен Хоффманом телохранителем девушки. И он делал всё для того, чтобы с Фаррел всё было хорошо.

— Забудь.

Вполне возможно, что это прозвучало слишком резко. Он смотрит на неё непонимающе. Любой бы смотрел. Она начала что-то говорить и вдруг оборвала, отрезала. Любой бы был не слишком доволен. И сама Мария Фаррел тоже. Либо уж говори, либо молчи вовсе. И тут она сама поступила именно так — прервала разговор.

Но продолжать ей не слишком хотелось. Она устала. Ей хотелось поскорее остаться в одиночестве. Потому что в одиночестве проще всё обдумать и понять. Потому что она привыкла к одиночеству. Её всегда оставляли одну по первому требованию. Точнее, сначала, мать пыталась так её наказывать — запирала в комнате, не давала ни с кем общаться то время, которое было отведено для наказания. И у Марии появилась потребность как можно чаще находится одной. Настолько часто, насколько это только возможно.

— Ал бы подсыпал... — задумчиво бормочет девушка, вертя в руках кружку с горячим напитком.

Она отпивает глоток. Губы обжигает. Девушка застывает на секунду, а потом вдруг начинает смеяться. Напиток был хорошим, не было никакого странного привкуса, который мог бы указывать на то, что Айстеч поступил как-то нечестно. Наверное, это было обидно — когда тебя подозревают в том, чего ты не совершал. Марии, впрочем, нередко, это давало повод для очередной шалости, часто жестокой, очередную идею для всего этого. Алу тоже. Он привык поворачивать ситуацию в свою пользу. Наверное, именно поэтому Фаррел могла назвать Брауна братом... Они были похожи в этом.

— Знаешь, Мердоф... — говорит она, поворачиваясь к своему телохранителю. — Я сейчас обожглась...

Смотрит почти виновато... Это раздражает её и забавляет одновременно. Никто не смел смотреть на неё так. Роза всегда смотрела жалобно-обвиняюще, Ала тоже всё и всегда забавляло, а если что-то и казалось ему серьёзным, обычно за этим следовала некоторая ссора, в результате которой они разбирались, кто из них двоих прав больше.

— Не смотри на меня так, — говорит Мария. — Никогда не смотри. Я хуже тебя. Я с лёгкостью переступлю через любого, кто будет стоять на моём пути. Не обожгись об меня. Мне жаль тебя.

Она отходит к окну. А ей нравится смотреть на небо... Она только сейчас это поняла. Но пасмурное, закрытое облаками, тёмное небо ей нравится больше. Она сама не понимает — почему всё происходит именно так. Почему сейчас рядом с ней находится именно Мердоф, который, между прочим, как-то пытался её убить. Почему встретился на её пути такой замечательный и удивительный человек, как граф Георг Хоффман. Девушка не была уверена, что есть в мире ещё кто-то с подобной трагической судьбой.

— Обещай мне, — вдруг тихо произносит Мария, не отводя взгляд от окна. — Обещай мне, что не пойдёшь слишком далеко в своей дружбе. Лезть в мою жизнь я могла позволить только одному человеку, Мердоф. И ты никогда им не станешь...

Перед глазами всплывает лицо самого лучшего человека в её жизни — Джошуа Брауна.

Человека, которого Мария могла бы считать отцом. И считала. Кого ещё она могла считать папой? Кого, как не человека, столь многому научившему её. Её, маленькую капризную девчонку Марию Фаррел, с которой дружил её сын. Он был лучшим человеком в её жизни. Тем, за кого единственного она всегда волновалась и переживала.

— Это Альфонс, да?! — почему-то обиженно выдаёт Айтсеч. — Это он, да?! Это ему ты могла позволить это?!

Он говорит ещё что-то, смотрит обиженно и выбегает из комнаты Марии. Дверь глухо захлопывается за ним... Это может заставить лишь усмехнуться. Лишь приподнять уголки губ в ухмылке... И снова опустить. Потому что что-то словно заставляет сделать это. Мария Фаррел сама не знает, что...

— Нет... — запоздало отвечает девушка, вглядываясь в грозовую тучу. — Это не Ал. И он никогда не был тем человеком...

Смешно подумать, что это был Альфонс Браун. Ал был прекрасным парнем, прекрасным другом, прекрасным братом, но он не был тем, кому Мария могла позволить лезть в её жизнь. Она никогда не позволила бы ему тоже. И Альфонс прекрасно знал это. Он не лез в её жизнь, она не лезла в его.

— Идиот... — говорит Мария, немного грустно усмехаясь. — Уже ведь обжётся...

Ей нисколько не жаль его — глупость недостойна жалости и сострадания. Да Мария и не умеет сострадать... Так и не научилась за свои почти полные семнадцать лет... А вот виноватой перед Мердофом чувствовать себя придётся. Даже не чувствовать — осознавать себя виноватой. Потому, что он кажется почти ребёнком — с этим обиженным, непонимающим взглядом, с этой вжимающейся в плечи шеи каждый раз, когда Мария отвечает ему резко...

Фаррел вдруг начинает хохотать... Это ей самой напоминает тот день, когда они с Мердофом нашли Хоффмана в том доме, который когда-то принадлежал его семье. Она хохочет... Словно сумасшедшая... Она и есть — сумасшедшая. Будь она нормальной, мать не повела бы её к психиатру тогда.

Чуть-чуть отойдя от окна, боковым зрением бывшая принцесса замечает — человека, который стоит совсем неподалёку и наблюдает за ней. Она тоже наблюдает. Стоит. Не делает ни шага навстречу, не предпринимает попытки убежать. Она не боится того человека — зачем? Впрочем, возможно, она слишком глупа и самонадеянна, раз не боится. Но кому осуждать её за это? В любом случае, если тот человек задумал что-то дурное, Мария погибнет. Так стоит ли трястись от страха? Может быть, лучше — подыграть, самой вступить в эту игру?

— Хотите шоколада, сэр? — смеётся девушка, не оборачиваясь лицом к человеку, который стоит, вероятно, всего в нескольких шагах от неё. — Я почти не пила. Хотите?

Комментарий к II. Глава двадцать девятая. Урок третий. Путешествия между мирами.

* Fleur — Для того, кто умел верить

===== II. Глава тридцатая. Долгожданная сделка. =====

Расскажи мне о смерти,

Мой маленький принц,

Или будем молчать

Всю ночь до утра...

Слушая проколотых

Бабочек крик,

Или глядя с тоской
Мертвым птицам в глаза..
Мы не будем здесь
Вместе никогда...
Ты хочешь отдать все
Но этого — мало...
Тебе так хочется слез,
Но их не осталось...
Тихий шелест колосьев,
Звездная даль...
Фиолетовый бархат
В блесках дождя...
Это самое жестокое слово.
Это — то, что никто
Не хочет принять...
Спрячь меня навеки,
Темная вода...
Ты хочешь отдать все,
Но этого — мало...
Тебе так хочется слез,
А их не осталось...
Расскажи мне о смерти,
Мой маленький принц,
Или будем молчать
Всю ночь до утра...
Слушая проколотых
Бабочек крик,
Или глядя с тоской
Мертвым птицам в глаза...
Мы не будем здесь
Вместе никогда...
Ты хочешь отдать все,
Но этого — мало...
Тебе так хочется слез,
А их не осталось...
Это самое жестокое слово...
Это самое жестокое слово...
Это самое жестокое слово...
Это самое жестокое слово...
Никогда...
Никогда...
Никогда...
Никогда...

Он наблюдает. Смотрит из-за угла. Крайне выгодное положение — можно не опасаться, что кто-то обнаружит твоё присутствие. Удобная позиция — никто не обращает внимания

на тень. Что всем дело до темноты, которая прячется за углом? Люди предпочитают не видеть тьму даже в собственных душах — зачем им видеть её в остальном мире? Райан, пожалуй, считал это самым страшным грехом — полное непонимание того, кем человек является. Но в аду это считали самой обыкновенной глупостью, за которую карали не слишком уж сильно. Этим непониманием можно было оправдать любой грех, смягчить любое наказание... Люди на подсознательном уровне старались не задумываться о том, избежать самого страшного... Райану всегда было противно смотреть на это. Люди — спешащие отделаться от собственной совести, боящиеся признать свой безобразный поступок, стыдящиеся его всей душой, но не стремящиеся как-то исправить — были противны ему настолько, что он готов был бы всех их — людей — передавить, словно мух, испепелить, словно осиное гнездо, утопить — лишь бы не видеть их больше. Их — трусов, дураков и слишком плохих лжецов. Ему всегда было противно наблюдать за людьми. Слишком уж предсказуемы были их действия, слишком уж ярко пытались они отделаться от ощущения, что виноваты в чём-то, что являются плохими людьми... Они предпочитали не знать, не видеть собственные прегрешения, чтобы не признавать то, как сильна в них тёмная сторона. А девчонка, за которой он наблюдал теперь, знала свои грехи и принимала их. Она не боялась их. Видела тьму в себе, не боялась заглянуть внутрь себя, чтобы увидеть своё гниющее нутро.

Все люди гнилые там — внутри... Райан убеждён в этом. Сколько людей оказываются в чистилище? Да. Большинство из них отправляется в забвение — в то место, где царит вечный покой. Но заслуживают ли они покоя — те, кто всю жизнь свою прожил в этом самом покое? Может быть, покоя больше заслуживают те, кто горел и сгорал в течение всей своей жизни, кто падал и поднимался, кто захлёбывался в собственных грехах и добродетелях, кто кричал, кто ненавидел, кто любил — любил той эгоистичной, злой любовью, до синяков, до тошноты, до истеричного смеха, — пусть и не умел любить, кто чувствовал и страдал, постоянно страдал, ежесекундно, кто уничтожил собственную душу — изрезал на тонкие полосы, изорвал в клочья, изломал на части, сжёг, спалил? Может быть, они больше заслуживали покоя — алчущие, жаждущие, страждущие, причиняющие своим ближним вред, но живущие... Живущие для себя или для своих ближних, разрушая жизни, сметая города и сжигая миры на своём пути, танцующие по лезвию ножа изрезанными в кровь ногами, задыхающиеся от слёз с вечной улыбкой на лице, захлёбывающиеся смехом... Они были милы ему — эти пропащие души, которые не принимали ни в раю, ни в чистилище, ни даже в аду, обречённые на вечное перерождение и странствие по всем мирам. Они были милы ему — от них единственных он не испытывал такого чувства презрения, как от остальных... Они казались ему совершенными — тем, во что должна была превратиться душа любого человека. Он готов был служить им, преклоняться перед этими людьми, быть их рабом... Рабом тех, кто был готов рискнуть всем — человеческой моралью, своей — выстраданной и выношенной — любовью, даже собственной личностью — ради того, что считал верным.

Райан не мог не преклоняться перед этими людьми. Трепет, который он испытывал перед ними, нельзя было описать словами. В конце концов, сам Райан не был человеком, значит, и чувства у него были тоже — неподдающиеся описанию кем-то из людей. Девчонка, стоящая у окна, была именно такой — не желающей никому зла, но готовая идти по костям своих врагов, довольно умная, смелая, желающая жить только для себя, только для того, чтобы ей самой не было скучно... Должно быть, люди именно это и считали ужасным в человеке — отсутствие глубоких чувств и привязанностей, желание играть людьми,

совершенно равнодушное отношение к морали... Какая глупость! Человека плохим делает вовсе не это! Слабость — вот что самое худшее. Мария Фаррел вряд ли была слабым человеком. Она нравилась Райану. Нравилась. Сара Эливейт тоже была сильна. Сильна по-другому. Она была гордой. А Марией Фаррел завладела гордыня. Замечательный порок, самый замечательный из всех... Как красивы, как любопытны эти две девушки — разные, словно день и ночь. Сара с пылающей душой и Мария с душою, вмёрзшей в кусок льда. Сара с любовью ко всему живому и Мария с равнодушием к этому же. Сара с любовью к себе и Мария с презрением ко всем другим. Обе своевольны. Сара порой кичлива, Мария же не бывает такой никогда. Сара порой надменна, Мария всегда проста в обращении с другими. Но только вот... Сара может дарить жизнь, Мария же умеет лишь забирать. Сара не может дать ничего, кроме своей любви, своего милосердия, которые она отдаёт в той мере, в какой только может отдать, Мария же может дать всё, но совершенно не желает что-то отдавать. Кажется, Фаррел писала стихи, рисовала, умела придумывать такое, что... А Сара была не слишком образована, не слишком умна... Райану думается, что он может вечно сравнивать этих двух девушек. Одна такая близкая, земная, в чём-то недалёкая и наивная, а вторая умная, возвышенная, но такая далёкая...

Райану нравится наблюдать, стоя в тени. По своей сути, он сам — тень. Это забавляет. Ему нравится смеяться. Пожалуй, именно поэтому он всегда понимал тех людей, которые пытались развлечься всеми возможными ими способами — беспутной ли жизнью, смертями ли других людей, уничтожением ли целых миров. Он понимал их... Потому что сам был таков. Он сам готов жертвовать всем — чем имел и чем не имел права жертвовать — для того, чтобы выйти из состояния скуки... Ему хочется, чтобы миры запылали вновь — чтобы всё стало, как было при Танатосе, человеке, который перестал быть человеком. Ему хочется хаоса, хочется разрушений... Ему хочется, чтобы люди кричали от ужаса, чтобы вспомнили свои глупые жертвы и молитвы им — исчадиям ада. Ему хочется... Мало ли что ему там хочется? Но он был больше, чем уверен, что девчонка, стоящая перед ним сейчас, даст ему всё это...

— Хотите шоколада, сэр? — смеётся девушка, не оборачиваясь и не отходя от окна. — Я почти не пила. Хотите?

Он слышит её тихий смешок. Ему это нравится — нравится её смелость, это пренебрежение собственной жизнью. Райан выходит из своего укрытия — для этого всего-то нужно сделать несколько небольших шагов. А девушка разворачивается, только заслышав шаги, и встречается с ним взглядом. Упрямая... Гордая... Красивая... Её красота именно в гордыне и упрямстве. Красота девушки именно в этом. Или в добродетелях. Многие девушки такого возраста симпатичны, почти все. Но только некоторых можно назвать красивыми. И дело вовсе не в правильности черт лица. Дело — во взгляде. Зажигает ли он своим огнём, успокаивает ли израненную душу, заставляет ли кровь стечь в жилах — и женское лицо красиво. А коль не случается чего-то подобного — обыкновенно. Райан любил наблюдать... Мария подходит к нему, смотрит с любопытством: ей самой интересно наблюдать за демоном. Она несколько не боится. Для неё всё это — игра. Игра, в которой она готова выиграть.

Он смотрит на неё, заглядывает в чёрные глаза, видит любопытство в её взгляде. Они оба стоят. Демон и человек. Почти человек. Только почти человек. Ему нравится тот азарт, с которым Мария Фаррел смотрит на него. Райан никогда не подозревал, как удачно он выбрал эту девчонку. Из неё была плохая Избранная. Из неё был хороший Отступник.

Безразличный к людям, азартный до дрожи, с безумной улыбкой в одних чёрных глазах... Она была так похожа на него... Так похожа...

Азарт... Всё дело было в нём... Райан обожал азартных людей. Было в них что-то... Особенно в тех, кто был помешан на риске — кто рисковал собственной жизнью, прекрасно осознавая её цену, кто делал это только потому, что ему было скучно, что душа хотела снова ожить... Только потому, что мёртвая душа хотела снова ожить... Глупая причина... То, что испепелено, невозможно восстановить. То, что умерло, нельзя снова поднять к жизни. Можно только возродить...

Райану вспоминалась Алесия Хайнтс... Такая красивая... И такая слабая... Беззащитная... Она была так прекрасна в этой своей слабости — в том, что Райан ненавидел всей своей душой — и трепетной наивности, что, будь Райан человеком, он не смог бы убить её быстро и безболезненно. Его рука обязательно бы дрогнула. И та красота была бы испорчена... Каков был страх в её глазах... Как она молила... Но её душа уже была мертва. Её уже было невозможно воскресить. Жизнь с мёртвой душой слишком тяжела... Алесия Хайнтс не должна была испытать то, что в своё время испытали Танатос, Далибор и Драхомир. Она была слишком хороша для этого.

У Марии Фаррел совсем другое лицо. Она почти ребёнок. Нос у неё крупнее, чем у Алесии, а губы тоньше. И вечно искусаны. И взгляд — не испуганно-виноватый, замаскированный под блестящую улыбку, а гордо-обвиняющий, лишь подчёркнутый плотно сомкнутыми губами.

— Ты не боишься? — спрашивает он, любуясь этими прелестными чертами лица девушки. — Не боишься меня?

Взгляда девчонка не отводит. Не отстраняется, когда он осторожно касается её подбородка своими пальцами. Только смотрит — с вызовом, с азартом, с какой-то не поддающейся радостью. Он почти очарован ею. Почти — он же демон... А она обычная девчонка — бывшая принцесса Орандора Мария Фаррел. Девушка, за голову которой, скоро будет назначена такая цена, что ей обязательно понадобится кто-то вроде Райана. Смелая. Неглупая. Захлёстнутая азартом. Как раз та, кого демон так давно искал. Всё было не то... Но она — она подходила прекрасно для той роли, которую Райан подготовил для неё. Она была превосходна... Одинокая, но влюблённая в это своё одиночество. Безразличная, но притягивающая к себе людей. Не слишком сильно выделяющаяся из толпы, но настолько иная... Она была замечательно! Будь Райан человеком — он влюбился бы в неё! Хотя... Будь он человеком — она бы вызывала в его душе суеверный ужас. Он бы бежал от неё, словно от огня, как только бы понял, кто именно перед ним. Она была пламенем... Не тем, что греет и даёт жизнь. Не тем, каким была Сара. Её огонь нёс смерть всякому, кто осмеливался к нему прикоснуться. Райану нужна была именно эта девушка... Он видел в её душе сейчас такое, что... Миры бы вспыхнули в том самом пламени, которым когда-то загорелась душа Драхомира. И миры сгорели бы в этом огне так же, как сгорела когда-то душа Грешника.

Всё зависело лишь от самой девчонки. Только от её одного слова...

Райан в душе потирал руки от предвкушения. Игра уже давно началась. Так стоило начать играть в неё! Стоило бросить всё, над чем он так старался работать — отдать себя в волю эмоциям, спонтанности действий, стихийности происходящего. Стоило начать играть — снова стать первым звеном цепи взлётов, падений, слёз, криков, ненависти. Стоило захлёбываться слезами и криком, осознавать своё бессилие перед той надвигающейся катастрофой, перед тем огромным пожаром... Райан так жаждал этого...

Он всю свою жизнь прожил только ради этого пожара...

Всё, что он совершил за долгое время своего существования — всё было только ради этого грандиозного зрелища, к которому так готовился Сонм Проклятых или, как его ещё называли, Сонм Отречённых. Их было четырнадцать — девять людей по числу смертных грехов, четверо демонов и одно существо, одно из тех, благодаря которым появились миры, существо, наделённое высшей властью — перекраивать души людей и демонов. Райан тоже был там... Пожалуй, он единственный, кому тогда удалось избежать наказания и сбежать... Единственный из Сонма Проклятых, на кого не пала та кара, на которую были осуждены все они — все четырнадцать... Райан до сих пор был готов идти к той цели, к которой когда-то шёл Сонм. Теперь всё зависело лишь от того, что скажет эта проклятая девчонка, от того — ошибся ли он в ней или всё сделал правильно. Ведь если ошибся — ему ещё долго ждать того пожара.

А его время было уже на исходе.

— Нет... — задумчиво отвечает Мария. — Глупо, правда?

Не глупо... Безумно! Но это только нравится. Когда тебя все боятся, ощущение превосходства теряет свой вкус, становится пресным, ощущение власти становится тягучим, ватным, совершенно ненужным. Если ты вечен — твоя жизнь перестаёт отдавать теми сочными красками, которыми обладает человеческая жизнь, такая хрупкая и такая прекрасная... Жизнь демона же становится такой блёклой и скучной уже после второй-третьей сотни лет существования...

Было так чудесно видеть вызов в чьих-либо поступках. И чем безумнее вызов, тем больше Райан чувствовал воспоминания о своей молодости. Тем больше он чувствовал себя живым... Оказывается, демоны тоже могут чувствовать себя живыми... Это было так необычно и так странно, что — расскажи кому-нибудь об этом... вряд ли поверят. Скажут, что это очередная сказка...

— Да, пожалуй, — говорит мужчина, подумав некоторое время. — Тебе ведь рассказывали, что случилось с незабвенной мисс Хайнтс?

На лице не появляется ни тени страха. Только искреннее любопытство. Губы девчонки трогает полуулыбка. Марии Фаррел хочется рассмеяться. Он смотрит на неё — и видит весь Сонм проклятых, всех своих погибших или потерянных друзей в её глазах. Как именно были наказаны они — девять человек, трое демонов и существо — он не знал. Но был уверен, что Арманнея, Аббадон, Малус и Эрриартон придумали нечто совершенно ужасное. И неизвестно, чьё наказание было хуже — девятерых людей, троих демонов или существа... Райан безумно скучал по ним — по самодовольной ухмылке Танатоса, по высокомерному хмыканью Деифилии, по нытью Уенделла, по яростному шёпоту Драхомира, по скучающему презрительному взгляду Хелен... Он скучал по ним всем. И он был обязан им всем, что у него было. Сонм проклятых был его жизнью, смыслом его существования. Это были воспоминания о том времени, когда у него были друзья, была цель...

Райан был так одинок... Их было четырнадцать — Танатос, Хелен, Йохан, Асбьёрн, Уенделл, Деифилия, Саргон, Оллин, Калэйр, Драхомир, Лилит, Изар, Киар и он... Он — трус, которому тогда просто повезло. Трус, не имеющий права даже на собственное имя. Они раскололи мир, свергли небеса, перевернули ад вместе, но он, носящий теперь имя Райан, не был с ними в тот момент, когда Высшие Советы стали судить их. И демон был достаточно наказан за это. Быть может, именно это и было его наказанием? Он никогда больше не увидит Сонма Проклятых. Не увидит своих друзей. У него больше нет цели, кроме

доведения до конца того, что было ими начато когда-то. Это нелегко. Им всем не удалось довести это до конца. Куда уж ему одному? Дорога домой ему теперь заказана. Впрочем... Нет у него больше дома. Всё, что ему остаётся теперь — стоять и наблюдать за людьми. И лишь в их необычности видеть радость, некое удовлетворение.

— Это вы убили её, — не спрашивает, утверждает девушка. — Мне писали об этом случае. Её сердце было буквально вырвано из груди...

Это сказано с таким неподдельным интересом, с совершенно искренним любопытством, что Райан даже удивляется. Давно же он такого не видел... Мария Фаррел — кем она была? Демон видел и её отца, и её мать, и её деда... Они все были другими. Эта девчонка словно отрицала всё человеческое, что в ней было, совершенно спокойно считая саму себя человеком. Странная... Невозможная... Рядом с такими лучше никогда в своей жизни не оказываться, если тебе дорога эта твоя жизнь.

Райан всегда замечал, как сильно тянет к таким людям... Не только его — других людей тоже. Они были подобны Бездне — и знаешь, что, сделав один шаг, погибнешь, навсегда погибнешь без возможности возрождения, но готов шагнуть в эту неизведанную пылающую Бездну. И Мария Фаррел была такой — странной, с виду милой девчонкой, тьмы в душе которой было больше, чем в самом страшном убийце за историю этого мира.

— До сих пор не боишься? — спрашивает демон, пытаясь прочесть её душу.

А она стоит, совершенно не пытается вырваться от него. Усмехается только. Но так, что у демона начинает болеть сердце — именно так всегда улыбался тот, кого он когда-то был готов назвать всем. Тот, кто повёл его тогда за собой. Тот, на чьей совести были судьбы всего Сонма Проклятых.

И смотрит своими чёрными глазами на него. Сколько тьмы в них? Сколько того холодного огня, от которого кровь стынет в жилах? Интересно, за какое время Райану удастся это выяснить? Понять Алесию оказалось легко. Слишком легко. Она была красивой куклой. Марионеткой с израненной душой, которую кукловод всё ещё пытается дёргать за ниточки, не обращая внимания на то, что целой осталось лишь одна нить... Алесия Хайнтс была сломанной куклой. Сломанной ещё до того, как демон взял её в руки. А потом — оборвалась последняя нить. Марионетка стала мёртвой.

И Райан выбросил её, как выбрасывают вещи, которые уже не починить, если эти вещи не слишком дороги хозяину.

Алесию было, пожалуй, даже жаль — ужасная судьба у неё сложилась. Но что же — стало быть, это было предрешено. Но сломанным марионеткам уже, всё равно, нету смысла жить. А без смысла жизнь становится настолько болезненной и мучительной, что Райан считал, что только оказал бедной девушке тот акт милосердия, который только было в его власти совершить.

Но Мария другая... С ней можно будет возиться долго — эта девушка была совершенно не согласна быть чьей-либо марионеткой. А именно такие куклы ломаются труднее всего. Райан ещё сможет вдоволь наиграться ею... Фаррел станет прелестной игрушкой... Даже более прелестной, чем Хайнтс. Её разум, её душа, её воля — всё это будет во власти демона. Стоит только понять, где же у этой девчонки нитки.

— До сих пор не боюсь, — кивает Мария, лишь пожимая плечами. — Я очень глупа, не правда ли?

Демон хищно усмехается. Забавно, что его серые глаза когда-то пугали Алесию... Бывшую же принцессу они, кажется, совершенно не пугают. Как не пугает и хищная

ухмылка. Она стоит прямо, не горбится, не хмурится, не пытается как-то отстраниться. Стоит в том положении, в котором и стояла. Даже нисколько не напряжена. Напротив, вся её расслабленная поза говорит о том, как же спокойно и уютно она чувствует себя в присутствии демона...

Словно то, что они стоят в её комнате, говорит о том, что они находятся на её территории. Впрочем, может быть, это, действительно, так? Стоило затащить её, как Алесию, в трущобы и девчонка бы затряслась, как миленькая! Нет... Элис трясло даже тогда, когда рядом с ними были люди... Хайнтс боялась его постоянно с той самой секунды, как поняла, кто перед ней находится... Всё-таки, что о ней не говори — девица вовсе не была глупа.

Быть может, Мария хотела мести?

— Тогда, стало быть, хочешь отомстить? — спрашивает мужчина, радуясь своей догадке.

Многие люди хотят мести... Асбьёрн вот хотел мстить постоянно, ежесекундно и всем подряд. Без разбору. Этому парню было всё равно — кто ты, что ты ему сделал, где вы находитесь и всё такое. Ас впадал в ярость так легко... И он был так красив в своей ярости... Так прекрасен...

— Не хочу, — качает головой Мария. — Какой мне прок мстить за неё? Я видела её пару раз в жизни!

Равнодушна... Совершенно равнодушна! Она не ублажает его, не пытается задобрить, пытаюсь подобрать нужные слова. Говорит то, что думает. Райан сам слишком лжив, чтобы не замечать чужую ложь. А Мария не лгала. Девушка совершенно не собиралась мстить за смерть Алесии. Впрочем, не Асбьёрном же она была. Хотя... И тот бы не стал портить отношения с Райаном из-за смерти какой-то там девчонки.

Мария улыбается задумчиво. Немного грустно и немного потерянно... Будто пытаюсь что-то вспомнить... Как же больно смотреть на неё! Как же безумно тошно! Как же сильно начинает ранить его в такие моменты его одиночества... В голову почему-то закрадывается идея вложить ей чьи-нибудь воспоминания. Пусть помучается... Зачем она так навязчиво напоминает ему о погибших товарищах? Чужие воспоминания всегда так трудно чувствовать. Так больно... Это разрывает твою душу. И в конце концов, душа разрывается на части — взрывается от той боли, которую чувствует... Ужасное наказание. Малус всегда был изобретателем в плане пыток — изобрести такую никто, кроме него, не смог бы. Райан даже завидовал его фантазии. И он накажет эту девчонку за то, что так сильно ранила его, напомнив ему его друзей... Он накажет её — эту мерзавку, которая вырывала ему его душу сейчас.

Мужчина наклоняется к ней с полной решимостью осуществить задуманное, приближает своё лицо так, что их губы почти касаются. Девчонка ниже его. Пусть не настолько, насколько обычно ниже его женщины. Но ему приходится нависнуть над ней, чтобы было удобнее.

— Хочешь золота? Или, может, любви? — шепчет он ей в самые губы. — Или... Короны? Хочешь править?

Смеётся. Смеётся! Прямо ему в лицо! Какая возмутительная наглость! Какая поразительная наглость...

Снова становится невыносимо. Как могла она делать это — заставлять его чувствовать себя ещё более виноватым? Куда ещё более виноватым? Он безгранично виноват перед

своими друзьями — он постоянно, каждый день, всю свою чёртову вечность шепчет их имена, в надежде когда-нибудь почувствовать себя прощённым. Ему так хочется битв, драк, пылающих миров — потому, что тогда он может хоть на несколько мгновений позабыть свою боль...

Ему так хочется покоя...

Но разве может быть покой у предателя? Разве может достаться ему покой?! Как будто небеса могут помиловать его! Как будто его грех имеет право на прощение! Как будто... Ему хотелось кричать от переполнявшей его боли. Но... Демоны не имеют на это право. Он имеет право лишь тихо усмехаться, пугая тех людей, кто находились рядом с ним. Людей пугает слишком многое... Всё, что они не могут понять. А понять они не могут столь многое...

— Мне не нужно золото. Я не хочу любви, — качает головой Мария, не отводя взгляда от этого человека. — И я не хочу быть коронованной марионеткой.

Марионеткой... Как же забавно... А ведь он хотел сделать эту девчонку именно куклой в своих руках... Вот почему она не боялась — не хотела, чтобы кто-то использовал её страх против неё, чтобы поработил её с помощью его... Милая девочка... Такая любопытная... Такая милая... Такая очаровательная... Подобных он видел редко... Даже Алесия и Сара — его последние «куклы» — были не так прелестны.

— Стало быть, ты хочешь играть? — спрашивает он, почти нежно касаясь холодными пальцами её лба. — Хочешь играть в ту игру — людьми и мирами — за участие в которой многие платили столь высокую цену, что тебе и не снилось?

Распахивает свои тёмные глаза, смотрит несколько заворуженно. Он тоже зачарован ею. Попались оба. Только вот он — куда старше... И он сможет справиться с этим наваждением. В отличие от неё. Никто ещё не справлялся. Кроме Деифилии... Но та была недостижима для него теперь.

Как же он тосковал... Ни один смертный не смог бы этого понять — у смертных всегда есть надежда соединиться после смерти. У него же такого драгоценного шанса не могло быть никогда... Он был наказан, наказан за свою трусость, тогда как вечно смеялся над Оллином с его осторожностью. Он был наказан за свою зависть, тогда как вечно упрекал в ней Саргона, чувствовавшего себя чужим в Сонме Отступников. Он был наказан за свою гордыню, тогда как всегда считал гордецом Танатоса. Он был наказан за своё безумие, тогда как главным безумцем среди них всегда был Драхомир.

— Я... хочу... — Мария смотрит на собеседника очень внимательно, стараясь не упустить ни одного его движения. — Я хочу этого...

Смеётся... Смеётся тем безумным смехом, который он всегда любил, перед которым всегда готов был упасть на колени... Это именно тот человек, которого он так давно искал. Это именно... Нет! Такое никогда не свершится! Небеса просто дразнят его этой девчонкой! Они смеются над ним, видя его отчаяние и беспомощность. Они наказывают его теперь. Сверх той меры наказания, которую он получил бы тогда, оставшись со своими друзьями. Вина... Вечная вина — вот было его наказание. И вечное одиночество, уже без надежды найти кого-нибудь из них...

Он был так слаб духом... Наверное, это была одна из причин, по которой он так ненавидел слабость в людях — когда-то его собственная слабость лишила его смысла, чести, друзей, дома... Лишила всего, чем только можно было жить. Оставив в душе лишь зияющую пустоту, которую ничем нельзя было заполнить. Только той жестокой игрой... Только

бушующей, сносящей голову опасностью... Это было единственное, что помогало ему забыть теперь.

— Я — просто ужасный человек, правда? — смеётся девушка. — Я хочу играть людьми. Я презирала собственную сестру. Я бросила друга одного в чужом мире. Я видела, как умирает моя собственная мать, и мне было всё равно, только не хотелось умереть так же. Я не могу любить человека, который любит меня. И... Мне хорошо!

Райан смотрит в её глаза, и ему думается, что нет... Кому, как не ему знать, что ей никогда не бывало хорошо? Да, быть может, ей никогда и не бывало по-настоящему плохо. Никогда не бывало плохо до тошноты, до дрожи в коленях, до ненависти к жизни и желания умереть. Но, наверное, для людей этого было мало. Людям всегда бывает мало того, что у них есть. Демону нравилась эта их черта. Райан знал и знал прекрасно, что у создания, что стояло сейчас перед ним, была душа — душа страждущая и ищущая, никогда не ведавшая покоя, никогда, ни на одну секунду, не желавшая этого покоя, душа которая никогда не сможет быть упокоена, слишком уж много грехов было совершено ею когда-то... Этой девушке никогда не было хорошо. Разве что... в моменты смертельной опасности, когда сердце было готово вот-вот выпрыгнуть из груди, её душа чувствовала себя живой. Любил Райан, всё-таки, таких людей. Любил их за удальство, за безумие в глазах, особенное безумие, каковым только они обладали. В этих людей невозможно было не влюбиться — в их холодные ясные глаза, в широкую дразнящую улыбку... Их можно было ненавидеть, не понимать, бояться, но не быть ими очарованным было совершенно невозможно. Слишком уж сильно они манили к себе — эти странные люди. Встреча с ними не предвещала ровным счётом ничего хорошего. Но к ним тянуло... Тянуло, словно бабочек к огню...

Райан знал одного такого человека...

Тогда он отказался от всего, чтобы пойти вместе с ним. Ради одной его улыбки... Ради одного смеющегося взгляда... Ради того, за что обычно трудно даже пожать человеку руку. Тогда Райан готов был на всё. Миры пылали. Пути к отступлению были разрушены. Но Райану — его тогда звали совсем иначе — было абсолютно всё равно. Только бы видеть эти глаза почаще, только бы быть другом того человека... Их дружба была бушующей, пылающей, уничтожающей целые миры... Человек прошёл через многое. Но он смеялся. Его глаза смеялись. Ему было весело. Мир пылал вокруг него, но не обжигал его. Человек тот часто смеялся. Часто шутил. А ещё он был силен и смел. Всё было ему по плечу. Всё было безразлично. Он шёл по трупам, не обращая на них никакого внимания, танцевал на костях — прелестно танцевал, хватая за руку Деифилию, заставляя Драхомира жутко ревновать, когда под магическим обстрелом отстукивала она каблуками, не выпуская ту горячую руку из своих длинных тонких пальцев... А Йохан тогда пел... Пел так, как не умел петь никто... Красиво и трогательно, почти трепетно... Он был их бардом, их летописцем — бабник и вечный шутник... И Драхомир обязательно толкал Йохана, заставляя его петь нечто другое, грубо хватал Деифилию за плечи под смех всех остальных и начинал свой танец — понятный ему лишь одному...

— Хочешь — научу убивать? — спрашивает демон, глядя прямо в её чёрные глаза. — Хочешь вершить судьбы?

Девушка смотрит внимательно, заглядывает в его глаза, пытается понять его душу, прочесть её. Он сам пытался сделать это. Не получилось. Она была пока закрыта от него. Эта странная девчонка, так напоминавшая ему о тех прошлых днях... Ни дня не прошло с того самого момента, как Райан предал их, чтобы он не видел их лиц перед собой, чтобы не

слышал звенящие, смеющиеся голоса, пение Йохана...

Мария Фаррел... Кто она была такая, чтобы заставлять Райана переживать это ещё более тяжело? Разве не имел он право хоть на какой-то покой? Ни дня не проходило без того, чтобы он не обвинял сам себя в содеянном. Разве этого было так мало?! Ему было так тяжело... Безгранично тяжело каждую секунду... За что же небеса послали ему ещё и эту девчонку, Марию Фаррел?

— И что вы за это потребуете? — спрашивает она, не отстраняясь, не отшатываясь от него. — Вы научите меня убивать, я почему-то знаю это. Но что вы потребуете взамен? Не слишком ли дорога для меня окажется цена?

Хороший вопрос. Слишком хороший. Слишком логичный. Но он так рад, что она не отказалась. Он научит её убивать. Это она правильно подметила. Он никогда не посмеет нарушить условия сделки. В конце концов, возможность совершать эти сделки была единственным, что у него ещё осталось с тех времён, когда он был счастлив... И он не был готов пока что отказываться от этого...

Если её душу не разорвёт на части слишком быстро, он обязательно спросит её, кто она такая. Ему так интересно... Нет. Он ни за что не будет спрашивать её об этом. Пусть это будет её маленькая тайна. У людей тоже должны быть свои тайны. И Райан никогда не посмеет себе лезть в них. Слишком уж много у него своих тайн. Слишком уж хорошо он понимает, что могут значить для кого-нибудь тайны...

Ведь порой это единственное, что остаётся...

А Марии Фаррел будет жутко больно... Она будет захлёбываться в собственном крике... Она будет каждый день видеть кровавые знаки на собственном теле. Будет чувствовать себя совершенно ужасно. И это одновременно даст ей ту возможность чувствовать, о которой девушка думала... Должно быть, это слишком даже для Райана. Ему не стоит этого делать. Абсолютно точно не стоит. Но он сделает. Потому что иначе просто сойдёт с ума. Он и так почти безумец. Зачем же ускорять сей процесс? Марии Фаррел будет почти так же больно, как больно сейчас ему. Только вот... Почему же душа демона так протестует теперь, заставляет изменить своё решение... Впрочем, он не изменит. Если изменит — это будет крахом...

— Слишком, — кивает мужчина. — Слишком высока. Это будет память.

Девчонка хмурится. Если скажет «нет», Райану будет плевать даже на то, что по идее в таком случае он не имеет права заключать сделку... Он уже достиг того состояния, когда всё становится безразлично. Он — безумен уже давно. Только вот сейчас это снова прорывается наружу. Только вот сейчас это почему-то снова стало важно. Как было важно тогда — когда Деифилия танцевала под пение Йохана, когда Хелен зло смотрела на Драхомира, не позволяя тому совершить очередную глупость, когда Оллин тихо причитал, а Танатос, глядя на это, лишь хохотал... Райану всё становится столь же важным, сколь важным было — тогда... Тогда, когда он ещё не был дважды предателем...

— Я не хочу потерять память, — говорит Мария, ни на секунду не отводя взгляда от этих холодных серых глаз, в них она чувствует что-то неуловимо знакомое, словно именно это она видела каждый раз, смотрясь в зеркале. — Что именно я забуду? Я должна знать, если хочу пойти на эту сделку.

Хочет... У неё просто нет права выбора — либо она говорит «да» и хоть что-то получает или говорит «нет» и умирает довольно быстро и в ещё больших муках, чем может умереть сейчас. Райан не сможет бороться с собой. Он просто разорвёт её на части... Он не

сможет сдерживать себя... Его уже переполняют эмоции. Он едва может говорить, отвечать на вопросы...

Но Райан берёт себя в руки. В конце концов, он сейчас больше всего на свете хочет, чтобы сделка состоялась. Для этого надо говорить всё, что угодно. Отвечать ей. Так, чтобы поверила...

— Не забудешь, — качает головой мужчина. — Напротив — вспомнишь.

Взгляд чёрных глаз снова заставляет демона практически взвыть. Почему девочка напоминала ему их всех — и Танатоса, и Хелен, и Йохана, и остальных? Кем она была? Неужели, она специально была создана, чтобы поймать его в ловушку? Он ведь совершенно не может сопротивляться... Он готов даже стать подопытной крысой Малуса. И сам считает это полностью заслуженным...

— Вспомню? — усмехается Мария недоверчиво. — Что же такого я могу вспомнить, что это будет ценой за то, что я научусь убивать?

Ему хочется зашипеть... Зачем он пришёл сюда? Развлекался бы лучше с Сарой, помогая ей добиваться расположения одного человека, расположение которого её просто убьёт когда-нибудь... Да и... Разве мало кукол можно себе найти из людей? Зачем же он пошёл именно к этой девчонке? Именно к этой — так сильно напоминающей ему о том страшном предательстве, которое он совершил когда-то.

Небеса карали его за то страшное преступление. Нужно было лишь порадоваться, наверное... Быть может, это означало, что его мучения не вечны? Быть может, это означало, что когда-нибудь он сможет искупить свою вину перед ними? Быть может, это означало, что когда-нибудь они простят его?

А пока ему нужно говорить всё, что только приходит в голову. Если он не начнёт обращаться к ней сейчас, словно обращался бы к своим потерянным друзьям, он просто не сможет ничего с собой сделать... Чувства были слишком сильны для него. Он уже давно привык чувствовать вину перед всем Сонмом Проклятых. Но никогда ещё эмоции, переполнявшие его, не были настолько сильны...

— Что-то, что тебе так хотелось забыть, мой властелин, — смеётся человек. — Что-то, из-за чего ты не сможешь больше спать, как человек. Никогда. Не бойся — это тебе больше никогда не будет нужно. Но ты справишься со всем этим. Я — демон, но ты — нечто большее, нечто более страшное, мой господин...

Кажется, он называл её так, как когда-то называл, целуя ей руку, Хелен, на что та всегда усмехалась и целовала его в лоб... А Асбьёрн усмехался и называл их женихом и невестой... А Драхомир говорил, что ни Хелен, ни Райан — он уже позабыл своё настоящее имя — не любят и не умеют любить так, чтобы это было достойно венчания... И Йохан снова запевал что-нибудь о любви, из-за чего Танатос хохотал... Они все были так близки ему когда-то. И так недостижимы теперь...

Мария сглатывает. Райан видит это, и это заставляет его мысленно порадоваться. Он видит, как её заинтересовало то, о чём он говорит ей. Он буквально чувствует это... Это не может не радовать. Ведь это означает только одно — его партия ещё не совсем проиграна. Сделка состоится... Райан очень надеется на это.

— Говоришь — вспомню нечто, что заставит меня кричать, как только мне удастся уснуть? — спрашивает девушка. — Говоришь — справлюсь с этим? Это вся цена, которую мне придётся заплатить?

Это заставляет нахмуриться уже демона. Нахмуриться и усмехнуться. Знала бы

девчонка, что за цену ей придётся заплатить... Не соглашалась бы так наивно... Впрочем, её же счастье, что не знала — Райан уже был не в состоянии отпустить её. Он просто бы не смог это сделать теперь.

— Тебе мало? — удивлённо спрашивает демон, заглядывая в чёрные глаза Марии. — Впрочем, тебе всегда было мало, мой господин...

Он почему-то обращается к ней, как когда-то обращался к нему... Впрочем — не важно. Главное, чтобы только она согласилась. Только бы согласилась. Он готов отдать за это всё, что только может отдать. Впрочем — у него почти ничего и не осталось с того самого дня... Но теперь — после этих слов — он совершенно уверен, что она согласится. Не может быть не уверен. Что-то подсказывало демону это. Он уже сам не мог понять, что именно.

— Так что? — спрашивает Райан, почти полностью уверенный в том, что получит именно тот ответ, который хочет получить. — Ты согласен, мой господин?

Она смотрит на него задумчиво. Словно взвешивает что-то. Явно не принципы. Тут дела совершенно не в них. Дело в том, что именно она считает важнее — свои жизнь и благополучие или возможность повеселиться как следует. Любой другой человек выбрал бы первое.

Но Мария Фаррел не любой человек.

Она совершенно другая. Чужая той семье, в которой родилась, чужая родному миру... А Земле — и подавно. Одинокая. Но любящая своё одиночество, в отличие от Райана. Хотел бы он быть таким, как она... Хотел бы быть равнодушным, хотел бы не чувствовать ни в чём своей вины...

— Да, — кивает бывшая принцесса. — Что мне следует сделать для того, чтобы наша сделка состоялась?

Да. Это то, что ему нужно. Согласие на сделку. Он может быть спокоен теперь — всё будет совершенно законно. Его не найдут другие демоны, выследив по неправильному магическому контракту. Он может спокойно чувствовать себя и дальше в безопасности. А главное — чувствовать в безопасности то право заключать сделки. Это ведь единственное, что у него ещё осталось от прежней жизни...

— Ты считаешь себя в праве распоряжаться чужими жизнями... — зачем-то говорит Райан. — Считаешь, что жизнь — игра, и человеческая жизнь в этой игре ничего не стоит...

Ему нужно поговорить с ней, пока сделка ещё не скреплена... Он почему-то чувствует странную, иррациональную потребность в этом. Даже не просто глупое желание. Райан просто обязан сделать это. Он совершенно не понимает, что может произойти, если он этого не сделает. Как будто бы что-то страшное. Как будто бы с ним ещё может произойти что-то страшное...

— Считаю... — выдыхает девушка. — Считаю. Разве это не так?

Это именно то, что демон так хотел услышать. Этого достаточно. Он уже готов скрепить их сделку, но она хватает его за руку, отстраняя от себя. Райан смотрит непонимающе. Разве девчонка только что не согласилась на совершение этой сделки? Разве что-то было не то? Или дело было в том, что эта юная мисс совершенно не знала, как скрепляются такие сделки? Нет... Конечно, она не знала... Но, возможно, дело было совсем не в этом...

Ей тоже нужно было что-то ему сказать.

Девчонка смотрит с вызовом, смеётся. Совершенно не боится... Ей бы следовало бояться. Но она почему-то этого не делает. Она болезненно напоминает ему их всех — его потерянных друзей... Она не менее упрямая, чем они. Она достаточно сильна. И почти так

же, как Танатос, смеётся...

— Раз уж мне представляется такая возможность... — говорит Мария Фаррел. — Парень, давай сожжём всё дотла! Я же вижу — ты сам жаждешь этого. А меня просто распирает от этого желания!

И девчонка, усмехаясь, отпускает его руку. И он наклоняется к ней, касается её губ. Девчонка смотрит с любопытством... Райан целует её — и все последние сомнения исчезают. Он так мечтал об этом — о том, что это свершится когда-нибудь. Это было единственное, чего он так жаждал... Он целует её, целует крепко, уже стараясь не смотреть в ничего не понимающие чёрные глаза. Он сжимает её плечо очень сильно... И единственное, что он ещё в состоянии запомнить перед тем, как раствориться в воздухе — её взгляд и её тихую усмешку. Победную усмешку. Девчонка проводит рукой по тому месту, где только что стоял демон, и усмехается...

Но теперь Райана это вовсе не беспокоит.

Он — счастлив. Он достиг всего, о чём не мог, не смел даже мечтать. Всё, что он только может сделать — это бессильно переводить дух и благодарить всех, о ком только может вспомнить, за то, что даровали ему этот шанс... Стало быть, миры им уже порядком поднадоели, раз уж они преподносят Райану такую возможность... Мужчина сам не верит в это... Он недостоин того счастья, которое в этот самый миг переполняло его. Но он счастлив. Теперь у Райана есть не только надежда... Комок слёз, таких долгожданных, подступает к его горлу, мешая дышать. Тяжесть того груза вины разбивается на мелкие осколки от переполняющего его чувства радости.

Но старая молитва, всё же, продолжает звучать у него в голове:

Танатос, Хелен, Драхомир, Деифилия...

Да будут вспоминать ваши имена в самых страшных легендах... Я до сих пор вижу ваши взгляды...

Йохан, Асбьёрн, Уенделл, Изар, Саргон...

Да будет вам не слишком тяжела та кара, которая на вас легла... Я до сих пор слышу ваши голоса...

Оллин, Калэйр, Лилит, Киар...

Не осуждайте меня слишком сильно... Я осуждаю себя сильнее... Я до сих пор не могу простить себя за то, что сделал с вами...

Безумнейшие...

Драгоценнейшие...

Прекраснейшие...

Простите меня?

Комментарий к П. Глава тридцатая. Долгожданная сделка.

Fleur — Маленький принц

===== П. П. Глава первая. Бубновая королева. =====

Probabiliter pessimum errorem damnare aliquem...

Non placet aliis — et quod iustum est.

Non important — heros vel proditor. Hunc eximium est ipse homo.

Unum quippe idemque est, quid ibi faciant.

Crudelitas, humilitatem, iracundia — tantum arbitrio hominis.

Non culpa affectus.

Fidelia omnia mandata eius viae, nil praeter voluntatem ipsius hominis immutare.

Quicquid usquam fit — maxime terribilis erroris humani semper convictio...

I.

На улице в это время года всегда тепло. Ещё почти летнее солнце греет. Осень ещё не началась — начнётся лишь через несколько недель. И этих нескольких недель вполне достаточно, чтобы закончить практику и приступить уже к занятиям. Несколько недель на природе, в лесу... Что может быть лучше? Несколько недель походов по лесу, исследований развалин старинных крепостей и зданий — в окрестностях Академии их было предостаточно. Говорят, магическая школа была основана прямо на месте древней крепости Нофграннде — крепости, в которой однажды Йохан из Сонма Проклятых встретил юную Елисавету. Возможно, легенда и была правдива — в Академии никогда не было ни слишком жаркого лета, ни слишком холодной зимы. Как и писалось в легендах — «осень на месте встреч Грешника с пошедшей за ним дочерью первого из Королей каждый раз встречалась лишь с весной, минуя зиму и лето»... Летописи говорили, что Йохану тогда было больше сорока лет, тогда как Елисавете только исполнилось шестнадцать. Странная, должно быть, это была история — странная, как и всё Древнее. И ужасно красивая. История о магии, войне, смерти, любви — разве может быть что-то прекраснее этого? История совершенно неправильной любви, которая оказала такое влияние на судьбу всего мира... Подумать только — Елисавете было всего шестнадцать. Она была юной девочкой, живущей под опекой своих отца и матери, когда в крепость Нофграннде пришёл странствующий певец Йохан... В легендах писалось, что он был всё ещё красив... И уж точно не менее обаятелен, чем когда-то в молодости. А Елисавета была юна, свежа, по-детски очаровательна и наивна. И эта встреча...

Впрочем, Эрне следовало прекратить отвлекаться на всякие сказки. Она придавала этим легендам слишком большое значение. И мама, и сёстры, и подруги — все говорили ей об этом... Девушка жила этими волшебными сказками и легендами, верила в них, чувствовала их чем-то большим, чем просто легендами или сказками. Она словно видела их — кружащихся в страстном танце Деифилию и Драхомира, Танатоса, вонзающего нож в грудь Мириим, Инарда, целующего свою крошечную дочь, Каролину, склоняющуюся над телом мёртвого мужа, убитого ею, Амона, призывающего свой народ восстать против многолетнего ига, Йохана, стоящего на коленях перед Елисавет... Это были чудесные истории — о любви или ненависти, вражде или процветании... Это были чудесные истории, в которые Эрне не могла не верить. Сейчас до сих пор невозможно понять, существовал ли он на самом деле — этот прекрасный и ужасный одновременно в своём величии Сонм Проклятых. Или, быть может, это была всего лишь сказка, которую выдумали лишь для того, чтобы пугать ею маленьких детей? Эрне хотелось верить, что — нет... Что они на самом деле существовали — эти герои и чудовища Древности. Ей бы хотелось увидеть гордого величественного Танатоса, хотелось спросить его о том, что он чувствует, есть ли у него душа. Ей бы хотелось увидеть Хелен, ослеплённую, уничтоженную горем, о котором теперь старались не говорить. Ей хотелось бы увидеть обаятельного Йохана, который бы улыбался ей, хотелось услышать его пение — говорили, он был прекрасным бардом. Ей хотелось бы услышать его историю о Сонме Проклятых...

Но этому не суждено случиться. Мало кто умеет путешествовать во времени. А Эрне бы хотелось... Хотелось танцевать — там. Хотелось петь — там... Хотелось чувствовать себя нужной — там... Наверное, в этом было что-то странное. В том, что Эрне так хотелось попасть в легенды. Нет, она прекрасно понимала, насколько малы её шансы выжить, коль

это случится на самом деле. Но ей... хотелось. Хотелось видеть всё то, что происходило тогда, своими глазами. Хотелось не просто читать — хотя читать Эрна Хоу любила очень сильно, — но и видеть, чувствовать, слышать... Не только представлять... Кто знает — какие они были на самом деле? Кто знает — что они чувствовали? Кто знает — как справлялись со своими эмоциями?

Эрна Хоу была «бубновой королевой» и постоянно «витала в облаках». Обычно это до хорошего не доводило. Она была слишком уж невнимательна. Подумать только — она могла раз по десять переспрашивать учителей, чтобы ей объяснили какую-то тему, и каждый раз отвлекаться на мысли о ком-то вроде Кэссиди или Инарда. Над ней постоянно смеялись по этому поводу другие ученики. Она и сама была готова смеяться над собственной неуклюжестью и невнимательностью. Вот и сейчас, отправляясь на практику, она успела сильно подвернуть ногу, а после этого ещё и упасть на камень, хотя вся команда проделала путь до места их лагеря без особых проблем.

Как только они прибывают на место, Эрне приходится намазать ушибленную лодыжку какой-то странной пахучей мазью и забинтовать ногу. Всё-таки, жаль, что Райн оказался не в их команде. Он, конечно, был заносчив и мрачен, но зато умел варить настолько прекрасные зелья, что можно было простить ему все прегрешения. Уж для кого точно — так это для Эрны и Эйбиса — зелья и настойки Константина были просто манной небесной. С их-то постоянными травмами... К кому же ещё можно было обратиться, кроме Константина Райна — самого талантливого зельевара среди них всех? Нет, можно было обратиться и в Лазарет, но там бы продержали, как минимум, неделю, что было чревато неподготовленностью к экзаменам.

На улице слишком тепло для начала осени. Ещё практически лето. Да что там — ещё лето. Ещё так звонко поют птицы, ещё ветер не стал холодным, ещё листья не начали желтеть, ещё темнеет так поздно... Это просто прекрасное время. Эрна его так любит... Уже не так жарко, как было в июле или августе, но ещё и не так холодно, как будет совсем скоро — в октябре. Это прекрасное время. Тихое, спокойное... И с ежегодной практикой на природе, которая обычно заканчивается дракой Вейча и Виланда под аплодисменты Эсканора и... его единокровной сестры... Тоже Эсканор. Эрна старается не думать лишний раз об этом — всё равно, каждый год повторяется один и тот же сценарий, который ужасно надоел бубновой королеве.

Она сидит на солнышке и ждёт, пока остальные поставят палатки. Хорошо, что Тозеур разрешил ей посидеть спокойно — сейчас она была бы должна ставить палатку именно с ним. Пиковый король всегда был джентльменом. Как и пиковый туз. Про пикового валета этого, к сожалению, сказать было нельзя, но Эйбис был хорош сам по себе этим своим неисчерпаемым весельем, своим неисчерпаемым запасом остроумия, подколов, ужимок, от которых так хотелось смеяться...

А потом девушка охает от боли, когда, наконец, встаёт с камня, чтобы пойти куда-то. Андэль и Леонризес сразу обращают к ней испуганные взгляды. Разумеется, в тот момент, когда начинают распределяться обязанности — куда кому и за чем сходить в лес (за водой, за хворостом, за ягодами) — Эрне сразу же говорят, чтобы она оставалась в лагере и никуда не уходила.

— Не изволь беспокоиться — и без тебя сможем сходить! — усмехается Леонризес, глядя на ушибленную ногу Хоу, а потом добавляет серьёзно. — Не следует тебе отходить от лагеря далеко, а то завтра, и вовсе, не сможешь идти.

Княжна, как и всегда, права. Эльфийка понимает, пожалуй, слишком многое. Пожалуй, из них всех, после Райна, именно Леонризес является лучшим целителем. Впрочем, в любом случае, эта девушка была, пожалуй, одним из самых добрых людей среди всех «карт». А вовсе не Мира, Нелли или Аделинд. Эрна ценила ту сухую заботу, которую оказывала княжна.

Бубновой королеве теперь вспоминаются легенды о прекрасной Хильдегер — наложнице Инарда, — которая когда-то смогла спасти столько невинных жизней своей добротой... Леонризес чем-то была на неё похожа. Нет, эльфийская княжна вовсе не была такой милой, каковой, бесспорно, была Хильдегер. Напротив — эльфийка была очень горда. Даже горделива порой... Княжна любила себя, старалась не замечать чувств Мицара к себе, стремилась во всём и всегда быть лучшей — красивейшей, аккуратнейшей, умнейшей... В этом не было ничего плохого. Эрне всегда было невероятно интересно находиться рядом с Леонризес. Эта девушка была умной, обаятельной, великолепной собеседницей, сама знала много легенд и сказок, которые иногда рассказывала своим мелодичным голосом... Ещё она прелестно пела разные эльфийские песни... Леонризес любила петь... Но редко пела кому-нибудь, кроме Эрны или Феликса. Не все ученики в Академии были способны оценить её способности в пении. А княжна была слишком гордой, чтобы петь для кого-то, кто не смог бы понять её.

Впрочем, нога болит... Ещё бы — так навернуться! Кто бы ещё так сумел?! Разве что Эйбис... Но Эйбиса бы кто-то обязательно толкнул и ещё, вероятнее всего, пнул бы под рёбра. К несчастью Хоу Вейча был в другой команде, и всё внимание доставалось бубновой королеве. Что же... Бывает. Надо было, всё-таки, проследить за тем, чтобы оказаться в той же команде, что и Вейча. Он был интересным парнем. Интересным, любознательным и... смог бы изобразить Йохана или Драхомира специально для неё. Эрне нравилось дружить с ним — впрочем, как и с остальными.

— Да... — добавляет озадаченно Роза, глядя на красное пятно, которое уже на следующий день обещало превратиться в огромный синяк, на лодыжке своей подруги. — Это уж точно... Полежи! Отдохни!

Роза и Феликс Эсканоры очень похожи. Во всём — в мелких привычках, характерами, отношением к проблемам других людей. Они были сводными братом и сестрой, но похожи были словно близнецы Кошендблат. Только разве что не ссорились так постоянно. Напротив. Пусть отношения у двоих Эсканоров были весьма прохладные, друг друга они старались по возможности поддерживать. Да — всевозможными подколками, подковырками, надменными замечаниями они друг друга сильно раздражали. Но как-только случалось что-то серьёзное, сразу бежали друг другу на помощь. В общем — своими родственными связями они не кичились (в отличие от Хельги Кошендблат, учившейся на другом факультете). Так что... Общаться что с Феликсом, что с Розой было приятно. Правда, Эрна — как и большинство учеников в Академии — согласилась бы с тем высказыванием Эйбиса, что Розу нужно было назвать скорее Кактусом или что-то в этом роде. Но это было уже совершенно не важно. Да и... Роза была сильным и решительным человеком, настоящим «тузом», коим она и являлась. С ней редко могло быть скучно. Быстрая, вёрткая, вечно растрёпанная, весёлая — в этом она с братом была удивительно похожа. Феликс тоже был таким — угловатым и подвижным. И удивительно ответственным.

Хорошо, что никто из девчонок их команды не надел по глупости платья. Было бы так неудобно идти... Практика — это практика. Это нечто совершенно бессмысленное и

удивительное, во время чего всегда можно хорошенечко отдохнуть, пока Леонризес, Феликс, Константин и Нелли будут, словно умалишённые, носиться по лесу и сметать на своём пути всё, что может хоть в какой-то мере относиться к заданию. Райн ещё будет собирать нечто, что нужно и понятно лишь ему одному. Даже Земирлонг одела брюки под своё традиционное платье и заметно подкоротила оное.

Это будут весёлые деньки. Точно-точно. Эрна была уверена в этом. Они успеют вдоволь нагуляться и подышать свежим воздухом перед тем, как снова начнётся учёба. Это будет просто прекрасно — побыть на природе. Хоу любила природу... Как возможно было ею — природой — не восхищаться — этими горами, реками, травой, солнцем? Как можно было не считать истинным счастьем возможность любоваться этими чудесными пейзажами? Природа — единственное, что может быть истинно прекрасным...

А ведь — подумать только — во времена Танатоса всё было совсем иначе — в легендах говорили, что в то время стояла вечная зима, что люди замерзали в своих жилищах и умирали с голоду, потому что было слишком мало еды. Тепло стало после — когда Танатос расколол большой общий мир на три части. Тогда магма вылилась на поверхность, погубив множество жизней, но спасая множество других — кто знает, как сложилась бы история, не решишь Отступник расколоть мир на части? Кто знает — быть может, не существовало бы больше людей, если бы Танатосу в голову не пришла та безумная идея... Кто знает — быть может, его следует воспевать в легендах, как спасителя, а не пугать им детей? Возможно, он был истинным героем, которого стоило прославлять? Возможно, его следовало любить?..

Ни один человек во вселенной, пожалуй, не заслуживал осуждения. Разве имеют право люди судить о том, чего не смогли прочувствовать сами? Разве имеют право люди судить о том, что не является их болью? Разве можно осуждать человека за что-то противозаконное или аморальное? У всех всегда есть свои причины на какой-либо поступок. Какими глупыми бы не казались эти причины.

Леонризес сегодня была не слишком довольна тем фактом, что на этот раз ей пришлось заплетать две косы, а не одну, как она это делала обыкновенно. Княжна привыкла к размеренной жизни. Она привыкла, что ничего не меняется годами, а, может, десятилетиями или даже столетиями — ведь именно так привыкли все вампиры и эльфы. А Эрне так хотелось, чтобы в её жизни происходило как можно больше всего — и хорошего, и плохого, — что становилось прямо тошно, особенно — от осознания того, что вряд ли хоть когда-нибудь в её жизни произойдёт нечто хоть сколько-нибудь необычное. У Феликса и Розы Эсканоров — скорее всего. У княжны Леонризис — непременно. У Мери Земирлонг — обязательно. У Константина Райна — гарантировано. У Эбиса Вейча — наверняка. А вот у неё, Эрны Хоу, что жаждет увидеть нечто невероятное — ничего удивительного в жизни так и не произойдёт... Она будет умирать просто от старости. В собственной постели. Около неё будет стоять её сын или дочь. Быть может — кто-то из внуков. И с ней в жизни ни разу не произойдёт чего-нибудь, от чего бы кровь застыла в жилах, от чего захотелось бы жить... Пусть Леонризес говорит и думает, что угодно — но она рождена для перемен, для чего-то совершенно нового, для леденящих душу приключений и происшествий, для танцев на пепелище... Для чего-то жутко страшного. Для чего-то удивительно прекрасного. Для чего-то совершенно невозможного... В отличие от Эрны. Какой-то внутренний голос шептал Хоу, что когда-то она упустила свой шанс прожить удивительную, полную невероятных приключений жизнь.

И теперь она будет вынуждена расплачиваться желанием когда-нибудь вновь получить

возможность на удивительную, невероятную, невозможную жизнь... Кто-то словно наказал её за былые грехи... Что за грехи это были? Ненависть, гордыня, трусость, жадность? За что она была наказана столь сурово?

— Мы и сами сходим! — кивает Земирлонг, жалостливо смотря на свою «коллегую». — Тебе не стоит сейчас перетруждаться, иначе завтра всё опухнет.

Эрне остаётся только кивнуть — Мери тоже права. Так приятно, всё-таки, что о ней заботились. Значит, её судьба небезразлична этим девочкам, что учились с ней в Академии вместе? Это было очень приятно... Впрочем, на их отделении всегда были достаточно тёплые отношения. Пока не появились Кристиан Виланд, Феликс Эсканор и Эйбис Вейча вечно спорящие и враждующие между собой по всякому удобному поводу, но больше, конечно же, без повода вовсе. Впрочем, пожалуй, их стычки лишь привносили в размеренность жизни некоторую нотку совершенного, неистового безумия, без которого становится так тошно жить...

Бубновая королева была благодарна им — особенно Эйбису — за это. За этот сумасшедший танец вражды, в котором теперь кружились все четыре масти. За эту бешеную пляску неистового соревнования. Соревнования до потери пульса и других признаков жизни. Соревнования до крови, до слёз, до боли, до криков и ненависти. За то, что эти трое заставляли Академию дышать. Дышать их непрекращающимися спорами и гонками за первенство. Дышать их бурлящей в венах кровью. Дышать их криками, бранью и потасовками. Дышать всем, что не может дать человеку спокойствие. Пусть Леонризес считала, что угодно, но счастье было именно в этом — в дыхании полной грудью, в обдирании ладоней до крови, в беге по краю пропасти...

Эрна была уверена в этом...

И Эйбис — милый, милый пиковый валет — соглашался с ней в этом. Он сам жил свободно... Если у кого-то в Академии и была свобода — так это у него. У человека, который был готов отказаться от всего, поставить на кон всё, что у него было — а было у него немного. Эрна искренне восхищалась этим парнем. Чтобы про него не говорили — он делал всё для того, чтобы быть счастливым.

Разве не это главное в человеке? Желание собственного счастья... И попытки хоть как-нибудь его осуществить...

— Уж извини, Эрна! — смеётся Леонризес, вплетая золотисто-зелёную атласную ленту в одну из своих роскошных длинных кос. — Вряд ли будет возможность поднять тебя на руки и нести всю оставшуюся дорогу!

Им много чего придётся перенести из леса. Лишняя помощь бы им не помешала. Всё-таки, как-никак — в команде, в которую попала Мира Андреас, были, кроме червовой королевы, одни парни. Пусть и не стоило слишком многое вешать на Леонарда Кошендблата, ещё не оправившегося после болезни, другие из них могли довольно многое. Да Эсканор и Виланд даже одни смогут справиться с этой задачей — решив снова устроить соревнование на предмет того, кто из них сильнее, быстрее, ловчей или ещё мало ли чего. Пусть в одних соревнованиях выигрывал один, а в других — второй, одно в их гонке за первенство оставалось неизменным — разбитый нос довольно улыбающегося Вейча и ревущая Мира Андреас.

Глупая... И что она так переживала? Не убьют же они друг друга — слишком велик риск загреметь в тюрьму. К тому же, Феликс прекрасно себя контролирует, а Виланд банально не так силён магически, чтобы причинить какой-нибудь существенный вред

Эсканору. А из-за разбитого носа Вейча в последнюю очередь переживал как раз его — носа — обладатель. Подумаешь!

— Да!.. — вздыхает Эсканор задумчиво. — Жаль, что Райн не в нашей команде — он бы быстро тебя вылечил!

Райн — да. Он всегда умел хорошо обрабатывать раны. Словно кто-то научил его этому... Интересно, почему он всегда был таким хорошим... хорошей сиделкой... Говорил этот тип всегда мало, так что выудить у него что-либо Хоу не смогла даже при огромном желании сблизиться с этим парнем. А желания как-то не было. Вот с Вейча она бы поболтала. Тот, несмотря на острый язык, был, в общем-то, добрым малым, который всегда был готов прийти на выручку. Предварительно обругав всеми возможными способами, конечно, но он бы пришёл. Да и в мыслях у него никогда не было причинять кому-либо серьёзный вред: подколоть, оскорбить, обескуражить — это да. Но он явно был безобиден, словно ребёнок. А слова... Что слова? Говорить можно всё, что угодно. Это не приносит боли.

Разве что дуракам.

Мира была глупой... Она каждый раз оскорблялась. Как и большинство из червов, бубнов или трефов. Эйбис был неплохим психологом, он всегда знал, что такое можно сказать человеку, чтобы на глаза у того навернулись слёзы. Возможно, не самое хорошее с моральной точки зрения умение. Но Эрне нравилось. Нравилось слушать, что он говорил про неё. И исправляться. Потому что всё, что только мог сказать Эйбис, было правдой. Нужно было только приглядеться. Заглянуть внутрь себя и понять, что Вейча является бесконечно правым. На него просто нельзя было обижаться!

— Спасибо, девочки! — улыбается Эрна. — Я очень благодарна вам за поддержку!

Она, действительно, благодарна. Теперь у неё будет шанс долечить ушибленную ногу несколько скорее, чем если бы она ещё находилась сегодня. Разве это было не хорошо? Правда, приключениям в Древней эпохе Эрна Хоу в любом случае обрадовалась бы куда больше. Но... Этому ведь было не бывать? В таком случае не следовало и расстраиваться по этому поводу. Как там говорилось другими мастями про бубнов — «совершенно чокнутые оптимисты»?

Роза Эсканор была такой... Безудержной в радости и в горе. Но старающаяся во всём видеть лишь счастье и радость. Какова бы не оказалась реальность на самом деле. Умная, ветреная, вечно кружащаяся в танце жизни. Бойкая, в меру вредная и бесшабашная. Вечно куда-то спешащая, бегущая, рвущаяся всё успеть и сделать, со всеми подружиться. Совершенная оптимистка. Верящая в людей и, главное, — людям. Добрая весёлая девчонка, от видения которой всем становилось на душе как-то тепло и хорошо...

Леонард Кошендблат был таким... Добрый, наивный, светлый мальчишка. Один такой во всём своём многочисленном семействе. Тоже бойкий. Когда на него не смотрели его отец, мать, братья и сестра, конечно. Тоже шустрый. Смешливый. Безоговорочно верящий в чудеса и в то, что он — хороший человек. Вечный оптимист. С добрыми смеющимися глазами и располагающей к себе улыбкой. Человек, соскучиться в присутствии которого было просто невозможно.

Итан Августин был таким... Спокойно уверенным в себе и в своих силах. Совсем не надменным. Умным. Готовым прийти на помощь в любое время дня и ночи. Щедрым. Готовым отдать свою последнюю рубашку нуждающемуся в этом. Светлым... Он был спокойным, и это спокойствие и было его оптимизмом. Он был безмятежен. Его душу не

трогали страсти. Находиться рядом с ним всегда было так приятно. Особенно, если что-то по-настоящему беспокоило...

А были ли оптимистами остальные? Нелли Андреас — совершенно точно нет. Филипп Джонс — тоже вряд ли. Эйлин Сюзан Лайонс — возможно. Но это было так непонятно... А остальные? А сама Эрна? Должно быть, её считали такой — чудачка, верящая в древние сказки, просто не может не быть оптимисткой. Но было ли так на самом деле? Хоу не знала, что на это ответить. Совершенно не знала...

— На! — говорит ей Роза, пихая прямо в руки красное крупное яблоко. — Поешь! Хоть как-то силы подкрепишь!

Леонризес немного скованно улыбается, а улыбку Мери Земирлонг, если бы та не закрывала лицо, Эрна совершенно точно увидела бы... Эсканор, и вовсе, после торжественного вручения яблока, вешается подружке на шею и говорит, говорит что-то о том, что они обязательно принесут ей ещё и ягод... Эрна улыбается и отвешивает шутливый поклон. И они уходят в лес. А бубновая королева остаётся в лагере. Она пристраивается под какую-то берёзу, садится и пытается зарисовать в своём блокноте эту природу. В конце-концов, у неё сейчас есть время на это...

Но мысли о природе проходят почти сразу после того, как Хоу видит единственный красный кленовый лист среди множества зелёных. Девушка берёт в руки этот лист и вдруг снова вспоминает ту чудесную легенду про одного из Отступников — Йохана. Так приятно фантазировать о том, что именно в этих местах преступник когда-то скрывался, что именно в этих местах как-то встретил свою любовь — юную Елисавет...

Говорили — Елисавет никогда не была красавицей. Симпатичной тонкой девушкой с пшеничными волосами... И это всё. С совершенно обыкновенным, ничем не выделяющимся лицом. Но почему-то тогда она так понравилась Отступнику... Быть может, виной этому был её голос? Тихий, успокаивающий... Отступнику могло понадобиться это спокойствие... Он страдал слишком много, ему нужно было куда-то прийти, где-то почувствовать себя дома... Говорили — она прямо до этого была свидетельницей страшной гибели своего жениха и постоянно плакала по ночам. Говорили — долго не верила ему. Боялась поверить. Он и сам, как писали, боялся, что она ему поверит.

Говорили — сам Йохан был хром. И грудь его была скована страшной болезнью, от которой не лечат даже сейчас, а тогда не лечили и подавно. Говорили — пусть он оставался красив и страшно обаятелен даже в последние свои годы, его чёрные волосы уже тронула седина. А ещё он был измотан. Измотан — вечными погонями, постоянными сражениями и никогда для него не заканчивающимся голодом. Он едва тогда добрался до крепости Нофграннде — рана на его второй ноге загноилась. Как он дошёл? Цепляясь ли за кусты и землю? Падая ли каждые несколько минут? Что с ним было? Говорили — он из крепости его сначала чуть не прогнали, приняв за попрошайку. Он и был почти попрошайкой тогда — просто бард... Без друзей, семьи, цели в жизни... Всё, что у него оставалось — лишь голос да магия. Да и голос был уже посажен. Он был одинок. По-настоящему одинок.

Наверное, ему хотелось просто выть от этого...

Говорили — на пальце у Йохана был тяжёлый перстень с крупным рубином... Танатос обожал алмазы, Хелен и Йохан — рубины, Деифилия и Драхомир носили изумруды... Об остальных Эрна ничего не знала в этом ракурсе. А Елисавет он подарил прекрасный перстенёк — маленький, тонкий, лёгкий — с каким-то неведомым драгоценным камнем, переливающимся всеми цветами радуги. Говорили — его ни на секунду не отпускали мысли,

что он хуже её во всём. Говорили — он очень сильно любил её... Возможно, нет, скорее всего — это была лишь очередная красивая легенда, в которой всё было совершенно не так, как на самом деле...

И так — думая только об этих легендах, Эрна пропускает момент, когда в лагерь возвращаются Отакар и Рид. А они и не замечают её. Ругаются только. И Хоу старается не шевелиться, чтобы они случайно не заметили её. Впрочем, наверное, можно было обойтись и без этого. Эти двое не услышали бы её сейчас, даже если бы она взорвала что-нибудь. В стиле Вейча и Монтаганем.

— Ты ничего об этом не знаешь! — кричит Андэль, с негодованием смотря на своего лучшего друга — Рида. Возможно бывшего лучшего друга.

Девушка осторожно выглядывает из-за дерево. Так и есть — эти двое пришли, не принеся практически ничего из того, что должны были принести по распределённым обязанностям. Да... Разговор, очевидно, намечался серьёзным. И Эрна просто обязана была его знать. Хотя бы затем, чтобы, если что, вовремя сказать Райну о проклятье, которым эти двое могут наградить друг друга.

Трефовый валет смотрит как-то потеряно — ему явно было не до наблюдения за тем, как Эрна споткнулась и упала. Он думал о чём-то другом в тот момент. И Хоу даже знает о чём — его младшая сестра умерла от туберкулёза несколько дней назад. Примерно в то же время, что умерла и мама Миры. Эрна даже не представляла, насколько это, должно быть, больно — потерять близкого человека...

Андэль, впрочем, пытался справиться. Эрна прекрасно знала это. Сама же видела, как его ревущего где-то за одним из домов, принадлежавшим командам, утешала княжна Леонризес. Да... Именно она — бесстрастная и гордая княжна Леонризес. Именно она прижимала парня к себе и даже шептала что-то... Сначала, Эрна помнила, Отакар был в шоке. Он ходил, словно ничего не осознавая, а потом в один день, когда Роза, Итан и Мери делали кукол для того, чтобы отнести их в детский приют, находящийся не так уж далеко от Академии, вдруг осёкся, сказав, что он бы хотел взять одну из кукол, чтобы подарить его Жанне, а потом побледнел, зажал рот обеими руками и убежал. А потом рыдал, прижимаясь к Леонризес и что-то говоря ей.

— Чёрная магия, как минимум, противозаконна! — шипит на него Толмей.

Это подло, — думается Хоу. Подло говорить это человеку, который является, пожалуй, одним из самых преданных людей в Академии. Подло бить по самому больному. Но Рид, разумеется, даже не задумывается над этим. Он — идиот. Куда уж ему думать? И тем более — куда уж ему думать о людях, точки зрения которых хоть немного не совпадают с его собственными идеалами. Андэль совершенно точно знает о запрещённости чёрной магии. Уж лучше Толмея. Ведь именно Андэль как-то предостерегал от этой же самой чёрной магии Константина Райна. Разве он мог не знать о том, что этот вид волшебства является противозаконным? Он сам это когда-то не уставал повторять...

Разве можно было отвечать так резко? Разве можно было настолько не заботиться о чувствах другого человека? У каждого человека есть свои причины на совершение того или иного поступка. И уж Андэль Отакар уж точно не был исключением из этого правила. Уж точно не он...

— А как максимум — неприятна лично тебе! — огрызается в ответ Отакар. — Конечно — куда уж благороднейшему Толмею Риду дружить с простыми смертными вроде меня?!

Пожалуй, Эрне его жаль... Она заставляла себя, с самого детства учила себя — никогда

и никого не осуждать. Но Толмей сейчас её жутко раздражает. Конечно, с одной стороны, его вполне можно понять — волшебникам с самого детства вбивали ненависть к чёрной магии. Но разве это был повод для того, чтобы оскорблять друга? Эрна никогда не считала это достаточным поводом... Достаточно ведь и того, что ты дружишь с человеком, чтобы простить ему всё на свете — разве не так? И всё, что он сделал кажется настолько мелким и неважным, что просто забываешь об этом...

Дружба — самое важное, что только может быть у людей. Глупо жертвовать ей только потому, что кто-то из друзей преступил закон, сделал что-то ужасное — разве дружба не существует для того, чтобы помогать и поддерживать? Разве не в этом её высший смысл — помощь даже тогда, когда все люди отвернутся от человека?

— Чёрная магия губительна для души! — кричит Рид, очевидно, думая, что в лагере сейчас кроме них никого быть не должно и тоже не вспоминая про случай с Эрной Хоу, когда та смогла так неудачно удариться ногой. — И я не хочу видеть рядом с собой человека, готового связать с этим жизнь!

Андэль смотрит в ответ зло, стоит несколько секунд, словно ошпаренный, а потом разворачивается и убегает куда-то. Андэль всегда был добр к ней и к другим... Пусть он не ладил с Виландом, он был милым парнем и всегда был готов прийти на помощь любому, кто в этой помощи нуждался. Трефы отличались этим — они всегда приходили на помощь. Даже заносчивый Константин.

Андэля было жалко... Эрна даже помнит малышку Жанну, шестилетнюю девочку, столь же тонкую, бледную и обыкновенно молчаливую, как и её старший брат. Худенькая, маленькая девочка, слабенькая и грустная. Её радовали лишь те самодельные игрушки, которые они мастерили вместе с братом... Ведь мать их умерла ещё рожая Жанну, а отец был слишком слаб, чтобы справиться с свалившимся на него горем.

Рид как-то раздражённо фыркает и садится на траву рядом со своей палаткой. Эрне думается, что как раз сейчас ей лучше подойти. Быть может, ей удастся всё объяснить этому упрямцу?

— Ты обидел Отакара... — задумчиво произносит Эрна, садясь рядом с Ридом.

Её только молча одаривают недовольным и одновременно непонимающим взглядом. Всё-таки, не ожидал червовый валет, что Хоу будет находиться где-то по близости. Совсем не ожидал... Девушка сидит теперь на траве рядом с ним. Она не знает, как бы начать этот разговор. По правде говоря, ей больше всего хочется наорать, надавать подзатыльников и тычков — объяснить ситуацию, в общем, с позиции Розы Эсканор, которая не особенно интересовалась мнением враждующих сторон, когда бралась их примирять. И почти всегда она мирила всех успешно. Правда, с Вейча и Виландом вышел просчёт — дело было в чём-то таком, что было Розе явно не по силам...

Но Эрна не будет так делать. Зачем же отбирать работу у Розы? Если та узнает о ссоре Отакара и Рида и решит, что эти двое просто обязаны помириться и это, главное, возможно, а не как в случае Кристиана, Эйбиса и Феликса, то просто столкнёт обоих лбами, проорав что-то о том, что ей совершенно не нужны какие-либо конфликты сейчас... И ведь будет права? Разве нет? А Эрна попробует иначе — попробует поговорить... В конце-концов, это именно тузы и короли привыкли все свои вопросы и разногласия решать при помощи кулаков, парочки проклятий и обязательного выговора со стороны кого-то из преподавателей в Академии...

— Ты зря его обидел, — задумчиво произносит бубновая королева, доставая из кармана

куртки яблоко. — Будешь?

Тот как-то невесело усмехается. Но не отвечает. Это несколько раздражает девушку. В конце-концов, это было невежливо. Он должен было ответить ей хоть что-нибудь. И он же не Эйбис, чтобы просто сидеть и дуться из чистого упрямства. Поэтому Эрна держит яблоко в протянутой рукой достаточно долго, пока ей, наконец, не удаётся хоть чуть-чуть расшевелить червоного валета...

— Нет, спасибо, — бурчит себе под нос Толмей. — Ешь сама...

Это радует бубновую королеву. Радует, что с ней заговорили. Это означает, что она, возможно, сможет его и убедить в чём-либо. Хоть в чём-нибудь. Но наиболее желательно — извиниться перед Андэлем Отакаром. Тому ведь и без этих упрёков, должно быть, препаршиво... И как обидно, должно быть, слышать это от человека, с которым дружил в детстве и хотел продолжать дружить и всю жизнь?

— Ты говоришь, я его обидел, — презрительно замечает Рид. — А разве не он сам виноват в том, что...

Эрна слушает заинтересованно. «Сам виноват» — от этих слов девушке отчего-то хочется рассмеяться и отвесить — как сделала бы Роза — парню неслабый подзатыльник. Человек никогда не бывает виноват «сам». Так всегда говорил девушке её отец. Всегда есть что-то, что толкнуло его на тот или иной поступок. Иногда это что-то слишком хорошее, иногда — что-то слишком ужасное...

— В том, что заинтересовался некромантией потому, что его младшая сестрёнка недавно умерла? — спрашивает Эрна. — Нет, я не считаю, что он виноват.

Снова в голове всплывает образ малышки Жанны, которой теперь нет среди живых... Её было так жаль... Маленькая девчушка с тёмно-рыжими, как и у Андэля, жидкими волосами в простеньком, местами заштопанном и залатанном, но чистом и выглаженном тёмно-синем платье... Бедный ребёнок, который никогда не знал ни материнской, ни отцовской ласки. Её любил один лишь брат — Андэль. Тихая, скромная девочка, не решившаяся тогда взять печенье с подноса. Вкусное шоколадное печенье, которое Леонризес и Роза готовили специально для неё. Эниф тоже пыталась подключиться. Но готовила Монтаганем прескверно, все это прекрасно знали... Девушка и сама это знала. И поэтому лишь скакала около маленькой девочки, пихая ей в руки купленные на какой-то ярмарке разноцветные леденцы...

— Мира не заинтересовалась некромантией только потому, что умерла её мама! — вскидывается Толмей. — Это не причина!

С ним постоянно хочется рассмеяться... Всё-таки, Виланд ей нравился больше — он пусть и совершенно не умеет думать, так и не пытается. Это было во много раз лучше. Кристиан, вообще, был неплохим парнем. Бойким, смелым, обаятельным... И, кажется, так же, как и Феликс Эсканор, по уши влюблённым в Миру. Наверное, именно поэтому они так враждовали.

Интересно, кто из них, всё-таки, победит в этой схватке за сердце Андреас?

Будет смешно, если победит кто-то совершенно посторонний... Тозеур, например. Или Тигарден. Вот тогда Виланд и Эсканор точно заключат «временное перемирие»... Если уж они могли столько цапаться друг с другом, вполне возможно, что вся их нерастратенная энергия перенесётся на того несчастного, в кого влюбится Мира.

— Не причина? — приподнимает бровь Хоу. — Один человек может держать себя в руках, когда умирает кто-то из близких ему людей, а второй буквально сходит с ума от горя.

И, если Андэль не может справиться со своими эмоциями самостоятельно, только твоя вина в том, на что он пошёл.

Она сама обдумывает, что только что сказала. Нет, кажется, верно. Она иногда говорила прежде, чем успевала подумать над своими словами... Но сейчас она совершенно точно сказала всё верно. Не перепутала ничего. А Толмей смотрит на неё поражённо. Нет, у Виланда выражение лица в моменты шока было куда более привлекательным. Его хотелось лишь поцеловать в лоб и расхохотаться, а не врезать посильнее.

— Моя? — удивляется Рид. — Моя вина в том, что ему никто не помог справиться с его чувствами? Разве не туз должен заниматься поддержкой остальных «карт» своей масти в форме?

Туз... Что «туз»? Обязанности туза в той мере, в которой это должно было быть по Кодексу, исполнял лишь Феликс Эсканор. Он вот, действительно, был для пиков человеком, к которому всегда можно было обратиться, который всегда выручит, заступится, поймёт, пожалеет... А Константин был чёрств. Была ли у него душа? Даже если и была — пустая. По какой-либо причине. Вполне возможно, что когда-то он сам изничтожил её, искромсал на мелкие кусочки. Но Рид вряд ли это поймёт. Он, совершенно очевидно, не разбирается в древних легендах, в которых говорится про израненные, уничтоженные людьми души... Разве он поймёт?

Впрочем, когда это Райн — а именно он был тузом трефов — имел что-то против чёрной магии? Это ведь Андэль его постоянно отговаривал... А теперь... Теперь Константин вряд ли попробует сделать это. Ему хорошо хотя бы потому, что ему больше никто не мешает. Что ему ещё надо? Он просто пожмёт плечами и пройдёт мимо, даже если перед ним будет лежать умирающий человек. Что уж тут говорить о живом и, в общем-то, физически здоровом Отакаре? Уж это Рид должен понять — что Константин никогда бы не стал останавливать кого-либо от какого-либо глупого поступка, если это, конечно, не скажется на репутации всей команды? Когда это Райну было небезразлично то, что происходит вокруг него? У этого парня была некая своя цель, к которой он шёл все эти годы, что учился в Академии. И больше его ничто не интересовало...

— Константин не имеет ничего против чёрной магии, если ты не знал, — пожимает плечами Эрн. — Вполне возможно, что именно он и подкинул ту книжку Андэлю. Знаешь ли... Мировосприятие Райана несколько более... прогрессивно, что ли, чем ваше.

Толмей ожидаемо фыркает на эти слова. Ну, конечно — поверить в прогрессивность строгого и консервативного великого и ужасного Константина Райна, который нагонял ужас одним своим присутствием — это выше сил червового валета... Конечно... Как могла Эрн этого не учесть?

— И его «прогрессивность» в том, что он одобряет чёрную магию? — кривится Рид. — Хороша «прогрессивность»! Ничего не скажешь!

Бубновая королева смеётся. Смеётся... Ей почему-то становится в душе так хорошо, так легко, что не рассмеяться — грех. Ей так хорошо, что она готова вскочить, забыв про большую ногу, обнять Толмея и кинуться — куда-нибудь... Броситься — бегать по траве, по цветам, по листьям... Вспорхнуть и — куда-нибудь улететь. Полететь туда — в Древнюю эпоху. Чтобы увидеть легендарный Сонм Проклятых. Чтобы пуститься в пляс вместе с Драхомиром и Деифилией, чтобы услышать хриплый смех Йохана, чтобы увидеть ухмылку Танатоса и прекрасные глаза Хелен... Если бы девушка только могла бы это сделать — она обязательно бы кинулась к ним...

— Ты — непроходимый дурак, Рид... — качает головой Эрна. — Плоха не чёрная магия как таковая. Она совершенно безвредна сама по себе, если ей не начинают пользоваться во зло. Как бы объяснить... Сам по себе нож не является злом, злом он является только в том случае, когда ты хочешь убить им кого-нибудь. Так и магия! Всё совершенно просто... Всегда дело лишь в человеке!

Толмей молчит. Молчит... А бубновая королева старается не отвлекаться на легенды — так она никогда не сможет убедить никого в чём-либо. Всё-таки, Сонм творил столь много всего, что это интересно даже теперь, спустя тысячелетия. Всё-таки, в Сонме были прелестные, необыкновенные люди, с которыми было бы так интересно общаться... Каждый со своей неповторимой историей и судьбой... Люди, сумевшие пронести свою дружбу сквозь века и тысячелетия... Разве они были не восхитительны? Разве ими не стоило восторгаться — этими безумцами, изменившими мир?

Ведь мир меняют только безумцы...

А Сонм Проклятых содержал в себе поистине талантливых и удивительных безумцев, что сумели пройти через столько бед и испытаний вместе, выстоять против всего, что их подстерегало...

— Какой прок в принципах, если для того, чтобы им следовать, нужно лишиться друзей? — спрашивает Эрна. — Какой прок в твоей неприязни к чёрной магии, если ради этого ты готов обидеть лучшего друга, который всегда и во всём тебе помогал? Какой прок в неприязни войны, насилия, смерти — если ради этого нужно отказаться от общения с очень близким тебе человеком?

Действительно — прока в этом нет. Ведь неприязнь насилия, войны, смерти, чёрной магии — всё ради того, чтобы друг был счастлив и спокоен. Зачем же это всё, если нужно отказаться ради дружбы?

— Вы, червы, такие смешные... Все — и ты, и Мира, и Тигарден, и Крис, и Тедди... — Хоу поднимает своё лицо к небу. — Подумать только — какие-то принципы могут быть вам важнее друзей!

Небо такое чистое... Такое свободное и прекрасное... Такое далёкое и высокое... Чудесное... Впрочем, вся природа чудесна... Разве возможно было не любить её? Разве можно чувствовать что-то, помимо бескрайнего и невыразимого восхищения, которое сковывает грудь и одновременно позволяет человеку дышать свободнее...

— Нас разделили на масти, потому что у нас способности к разным областям магии, — говорит она, не отводя взгляда от неба, — а вы считаете себя особенными, уникальными, считаете возможным навязывать нам всем свои глупые принципы...

Тут Толмей вспыхивает. Он, всё-таки, удивительный человек... Впрочем, все люди — удивительны. И Эрна в который раз убеждается в правильности своей позиции — неосуждения. В любой ситуации. При любых обстоятельствах. Человек всегда имеет какие-то причины для своих поступков. А если не имеет — просто глуп. Глуп и очарователен в своей глупости...

— Пики тоже считают себя особенными! — восклицает Рид возмущённо. — Но с ними ты ладишь!

Тут бубновая королева прыскает и снова заливается смехом. Ей так хорошо общаться с ним — так смешно, так забавно и здорово... И почти не жалко, что у неё никогда не будет той невероятной и насыщенной приключениями жизни. Почти не жалко... Кого она, впрочем, в этом пытается убедить?

— Так и с вами я не вражду! — усмехается Хоу. — И лажу я с вами. Зачем преувеличиваешь? Стала бы я иначе заступаться за нашего вспыльчивого друга Виланда?

Толмей снова молчит. Смотрит волчонком. Впрочем — как и обычно, когда что-то в речи собеседника его не устраивает. Это его обычное состояние в таких случаях. Вот Виланд сразу выдыхает что-то вроде: «не понял, а ну объясни», а Мира пожимает плечами и просит закрыть этот разговор.

Говорили — Елисавет всегда знала, кем является её избранник. Даже до того, как тот рассказал ей об этом... И всё равно история сложилась именно так, как сложилась... Быть может, всё дело было лишь в этом — как среагировала Елисавет на его признание в том, кем он на самом деле является...

Впрочем, не следовало отвлекаться на это! Это занимало слишком много мыслей Эрны!

— Не имеет значения, кем человек является — светлым, чёрным магом, некромантом, целителем, эльфом, вампиром, магом, сильфом, — если он дорог для тебя, — говорит бубновая королева.

Ведь правда — не имеет? Ведь всё равно, совершенно всё равно, кем является тот человек, с кем ты дружишь — кто он по расе, кто он по магическим способностям, кто он по национальности? Ведь глупо думать, что что-то одно в человеке решает для него всю судьбу... Глупо отказываться от дружбы только из-за трусости — а это почти всегда трусость... За исключением столь малого числа случаев...

— Ты не имеешь права осуждать человека, кем бы он ни был — предателем ли, вором, убийцей, проституткой, — задумчиво произносит Эрна. — Совершенно неизвестно, кем бы ты стал на их месте...

Легенды о Драхомире всегда заканчивались этими словами. Эрна Хоу относилась к рассказам об этом существе с меньшим благоговением и трепетом, нежели к остальным легендам. Драхомир был демоном. Демоном, неистово влюблённым в Деифилию, что была столь тщеславна, что...

Это были одни из самых страшных легенд. В них не было того света, той чистоты, что были в историях об Йохане и Елисавет. Деифилия была другой женщиной, совершенно другой. Тщеславной, гордой, равнодушной, чёрствой... И с прекрасной улыбкой и завораживающим взглядом... Истинный монстр. Она, а вовсе не Танатос, который таким никогда не был...

— Монстр не всегда хуже героя... — роняет она, вставая и направляясь к своей палатке, не оборачиваясь к Толмею. — Вспомни, пожалуйста, древние легенды о Танатосе, об Инарде, об Амоне, о Кэссиди, об Алхене, о Каролине, о Лукасе или даже историю с королевой Аделаидой...

Да, да — вспомнить о них! Вспомнить о ледяном короле, об великом Отступнике, о Разрушителе, о других таких же существах! Это то, что ей нужно сейчас... Она уже напрочь забывает про Андэля, про его умершую недавно сестру, про ссору Отакара с Ридом... А Толмей сидит и смотрит, смотрит удивлённо и непонимающе. Как только он один, пожалуй умеет смотреть.

— Что ты хочешь этим сказать? — озадаченно бормочет Рид.

Хорошо, если он прочитал хоть половину тех легенд, которые изучались в Академии... Тогда, будет проще объяснить ему всё это... Впрочем — уже не важно. Сейчас ей уже совершенно не хочется его в чём-то убеждать. Ей хочется лишь выговориться, выплеснуть всё, скопившееся в её душе, чтобы почувствовать себя вновь свободной, вновь почувствовать

себя хорошо... Всё равно, она уже начала говорить. Чего уж тут бояться? Нужно просто не прекращать...

— Герои и монстры — что их отличает друг от друга? — пожимает плечами Эрна. — Ты когда-нибудь задумывался над этим, Рид? Это ведь такой простой вопрос — неужели, ты никогда не задавал его себе? Ум? Честь? Смелость? Гордыня? Способность любить? Посмотри — как часто бывшие герои становятся монстрами? Или наоборот? Танатос — сначала его считали освободителем от Древнего ордена. До тех самых пор, когда он не решил полностью перекроить этот мир — «сжечь старый дотла, чтобы построить новый». Инард — он был так нужен магам в то время, что его всячески воспевали в легендах и прославляли. Он был героем, он был нужен... И что теперь — называют монстром наравне с Сонмом Проклятых или даже похуже?! Амон — человек, возглавивший самый кровавый поход на орков, закончившийся полным уничтожением последних. Его тоже воспевали в легендах, Рид. А теперь — считают подлым убийцей и предателем своего народа. Каролина — первая эльфийская царица, убившая своего мужа, чтобы взойти на престол. Её считали монстром, чудовищем, а теперь... Попроси Леонризес — она тебе с радостью споёт балладу о «прекраснейшей». Кэссиди или Алхен — историки до сих пор спорят, кто же эти люди такие. То ли одни из самых ужасных монстров, то ли — одни из самых великих героев. Да возьми в пример хотя бы историю с Аделаидой — в кого она сумела превратиться за считанные десять (или даже меньше) лет! Так что же отличает героя от монстра? Ум? Честь? Смелость? Гордыня? Или способность любить? Что же?

Она останавливается на минуту, чтобы перевести дыхание. Ей кажется, что вот-вот её тело подведёт её, и она упадёт, потеряет сознание, задохнётся. Но этого не случается. И Эрна Хоу продолжает.

— Дело не в качествах характера, Рид... Дело в том, что выгодно думать об этом человеке людям. Поэтому я и считаю, что никто из нас не имеет никакого права осуждать другого.

Толмей Рид ожидаемо молчит. Конечно. Чего ещё от него можно было ожидать? Он никогда не задумывался над этим... Он... Он был совсем ещё ребёнком... Может быть, и не следовало говорить ему всего этого... Но за Андэля было так обидно, что Хоу просто не смогла сдержаться.

— Вот вы всей мастью дружно осуждаете Эйбиса... — задумчиво произносит Эрна. — Он, конечно, желчен, язвителен и бывает редкостной невоспитанной дрянью, но... Вот я шла, хромая, до палатки. Он бы мне помог дойти. А ты, каким бы ты не был честным и благородным — мне не помог.

Рид пытается как-то оправдаться. Бормочет какие-то сбивчивые непонятные извинения, пытается даже подхватить её под руки, но девушка осторожно отстраняется. В любом случае, теперь — ей помощь уже не нужна. Она дошла до палатки. Толмею нужно было думать об этом несколько раньше...

— Не стоит! — смеётся Хоу. — Ты же знаешь — я противник какого-либо осуждения! Но, всё-таки, задумайся над этим, ладно, Рид?

И просто забирается в свою палатку...

О чём ещё можно говорить с этим забавным ребёнком?

П.

В палатке было сухо. Сухо и тепло — артефакт поддерживал в их временном жилище постоянную температуру. А так как артефакт настраивала княжна Леонризес — у них очень

тепло. Эльфийская княжна привыкла к теплу и покою. Эрна бы сделала чуть холодней — ей почти жарко здесь. Но Леонризес будет слишком холодно спать ночью тогда. А слово эльфийской княжны сейчас — абсолютный, не подлежащий попыткам это как-либо оспорить, закон.

Леонризес приподнялась над постелью, опираясь локтем о подушку. Она уже успела переодеться на ночь и оставалась теперь в одной ночной рубашке. Княжна расплела уже свои роскошные тёмные косы и теперь бережно расчёсывала свои волосы... Полусонная, полуодетая — она выглядела настолько невинной и незащищённой... Впрочем, Эрне думалось, что, не владей они магией, им не было бы столь хорошо на природе, как сейчас — тогда нельзя было бы положить в палатку артефакт, что поддерживал бы тепло. И Леонризес не скинула бы с себя столь неудобные брюки из плотной и жёсткой тёмной ткани, из которой раньше шили одежду фальранским военным. И тогда эльфийка бы чувствовала себя совсем не так комфортно. А это было чревато плохим настроением, неустанным ворчанием и постоянным недовольством различными мелочами. Леонризес всегда становилась жутко колючей и раздражительной, когда ей что-то было неприятно, неловко, неудобно. Мицар как-то говорил Эрне, что в этом княжна была очень сильно похожа на своего отца, человека столь же чопорного, педантичного и амбициозного, какой стала и сама Леонризес.

Это было семейное — эта гордая, но не горделивая осанка, это спокойное осознание своего превосходства. Эрна, пожалуй, восхищалась этим. Да и разве можно было не восхищаться? Разве можно было не видеть этой царственной стати, царственной гордости во всём — в каждом движении, каждом жесте, каждом вздохе? Разве можно было не восхищаться этим?

Эльфийка знала много самых разных легенд. Не сказать, что она их сильно любила. Скорее — просто выучивала то, что ей положено было знать. Она пела своим сильным, ровным голосом баллады о эльфийской княгине Ареселис, когда смогла сохранить свой народ, заключив то знаменитое перемирие с Инардом, не позволившее ему двинуться на эльфийские земли, о прекрасной Мериэнеле, из-за которой некогда разгорелась одна из самых страшных и кровопролитных войн, которые только знал эльфийский народ, о вечно молодой и красивой Изэбэль, что была в наказание за свою гордыню превращена в ель, о чудесной доброй старой эльфийке Эркилле, рассказывавшей детям чудные волшебные сказки, но Леонризес не проникалась душой к этим легендам.

— Тебе не стоит так строго относиться к Мицару, как мне кажется... — говорит девушка. — Он очень старается...

Леонризес бросает на неё столь красноречивый взгляд, что Эрне становится стыдно. Леонризес всегда это умела делать прекрасно — стыдить других людей. Вот на Эйбиса это не действовало, да, а остальные потом стояли, потупив взгляд, и тихо извинялись, надеясь на доброту и великодушие эльфийки.

— Мне много чего не следует делать, — отвечает ей княжна задумчиво, — и я знаю это не хуже тебя.

Конечно, эльфийка просто превосходно знала вещи, на которые она имела — или не имела — право. Она безукоризненно знала свои обязанности и с поразительной точностью выполняла их. Она нигде не позволяла себе выйти за рамки дозволенного. Всегда предельно вежливая и обходительная в общении со всеми, никогда не позволявшая себе повисить на кого-то голос, громко рассмеяться и уж тем более отпустить какую-нибудь двусмысленную шуточку — как часто себе позволяла это делать Роза Эсканор. Наверное, именно поэтому

Константин Райн всегда говорил, что он считает Леонризес достойнейшей из девушек, что учились в Академии. Впрочем, умная, всегда предельно собранная, аккуратная, старательная и при этом не лишённая чувства юмора и чувства собственного достоинства эльфийка, пожалуй, не могла не привлекать к себе внимания.

— Ты думаешь — я резка к нему, — говорит девушка устало. — Но пойми и меня — мне бы не хотелось давать ему тщетную надежду... Давай закончим этот разговор, хорошо? Мне он неприятен.

И Эрна кивает, говорит, что она согласна больше никогда не возвращаться к этому разговору, что... Леонризес лишь кивает и задумывается над тем, о чём бы поговорить ещё — на практике княжна всегда очень плохо спит. Говорит, ей несколько мешает то, что в комнате помимо неё кто-то находится. Но устаёт она не меньше, чем и всегда. Уж Хоу теперь знает, что такое мигрени... Эльфийка страдала ими, казалось, с самого детства. И год от года всё становилось лишь хуже.

— Говоришь — на левой руке у Йохана был тяжёлый перстень? — сонно спрашивает Эрну Леонризес, устраиваясь поудобнее.

Пожалуй, именно та тема, которую было бы приятно обсудить перед сном — любовь. Любовь странная, конечно, противозаконная, осуждаемая, но любовь... Елисавет ведь была прелестной девушкой. Во всяком случае Эрне так казалось... Всё просто не могло быть иначе!

Она представляла их — почти живых, осязаемых — танцующих на балконе одного из замков... Прелестно танцующая Елисавет и приволакивающий ногу Йохан. Йохан, на руке которого сверкает тот самый перстень, о котором коворит эльфийская княжна.

— Да... — замороженно отвечает Хоу. — Тяжёлый серебряный перстень с рубином на указательном пальце левой руки... Так, во всяком случае, пишут в легендах...

Леонризес лишь фыркает. Возможно, её не особенно и интересует эта тема. Так — завела лишь для того, чтобы хоть как-то поддержать разговор. А вот Эрне было интересно... Она любила читать эти истории. Теперь — всё чаще появляются авторы, которые переписывали сию старинную легенду. Но Хоу нравилось.

Ей нравилось думать об этом. Об этих двух интереснейших людях, которые, пусть и были осуждаемы обществом и людьми, смогли с этим справиться, смогли доказать, что... Для Эрны это была история о настоящей любви — трогательной, волнительной, безумной, пылкой и быстрой...

Йохан умер от болезни через два с половиной года после своего знакомства с Елисавет.

— Ты говорила, что он играл на инструменте, чем-то похожим на эльфийскую лютню, так? — сонно бормочет княжна.

Эльфийская лютня... Да — в легендах писалось именно так. Правда, Хоу никогда не видела этого музыкального инструмента. Но зато прекрасно помнила, что именно это она прочитала в одном из справочников, ища название того музыкального инструмента, на котором некогда играл Йохан. И там — в справочнике — говорилось, что инструмент этот был страшно похож на современные эльфийские лютни.

— Да... — уже немного непонимающе отвечает ей Эрна. — Он играл на именно таком инструменте, как и большинство бардов его времени...

Леонризес усмехается. Эрне прекрасно знакома эта усмешка. Усмешка превосходства. Она всегда появлялась на устах у Константина Райна, когда он что-то делал. И Хоу она совершенно не нравится. Потому что есть что-то недоброе в этой ухмылке. Но Эрна

потерпит. Всегда терпит. Потому что ей хочется поговорить... Мало кто в современном мире интересуется древними легендами.

— Тогда ему было очень неудобно играть — с таким-то перстнем!.. — уже засыпая шепчет эльфийская княжна.

И засыпает. Спокойно. Странно спокойно. И странно быстро. Впрочем, бубновая королева не особенно думает об этом... Её тревожит перстень... Тот алый перстень на руке у Отступника. Действительно ли это так было? Если даже и существовал на самом деле Сонм Проклятых, совершенно неизвестно, кто из этих людей как выглядел.

Быть может, привычного всем легендарного рубинового кольца на руке Йохана никогда и не было...

Эрне так хочется, чтобы с ней произошло нечто удивительное, невероятное, невозможное... Но этого никогда у неё не будет. У Феликса и Розы Эсканоров — скорее всего. У княжны Леонризис — непременно. У Мери Земирлонг — обязательно. У Константина Райна — гарантировано. У Эбиса Вейча — наверняка. А у неё — никогда...

Каково это — ясно осознавать, что жизни, которой ты жаждешь, у тебя никогда не будет?..

Комментарий к П. П. Глава первая. Бубновая королева.

* Наверное, самой страшной ошибкой человека является осуждение...

Нельзя решать за другого — что правильно, а что нет.

Не важно — герой или предатель. Это выбор только самого человека.

Совершенно всё равно, кто чем может заниматься.

Жестокость, подлость, гнев — выбор только самого человека.

Нельзя осуждать за эмоции.

У всех свой жизненный путь, и ничто не поможет изменить его кроме желания самого человека.

Что бы не случилось — самой страшной ошибкой человека всегда является осуждение...

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

Ах да... Вместо ожидаемых последних пятнадцати глав ко второй части их будет около двадцати...

===== П. П. Глава вторая. Пиковый валет. =====

Cursor — quamquam omnia neglecta populi tribulationes.

Cursor — risum genibus animo tamquam fidibus manum certissimam faucibus comprimitur poenam, sed etiam adhuc surgere et currere incipient.

Currit — nere in aeternum waltz inter vitam et mortem.

Non enim alterum non prohibere...

Prohibere — mortem.

Noli metuere nec quicumque cuiquam — iustus run procurrunt sine intermissione aut respicientem.

Atque etiam, cum perfusum fletu, cum dolore intolerabili fit — currunt.

Etiam volo dare, ne incidat — currunt.

Quia solummodo atrocissimae gentis et vitae.

Reliqua — mortem...

III.

Наверное, больше всего на свете люди ненавидят, когда им говорят правду. Они все

боятся этой правды. И не только правды — всего, что выбивается из рамок его понимания. Боятся сделать что-то выдающееся, что-то запоминающееся, что-то, что выбивается из понятий «мораль» и «закон»... Боятся как-то выделиться из толпы, боятся сделать даже шаг на пути к своему становлению. Боятся менять мир вокруг себя, считая, что подстроить и поменять себя под других людей намного проще. Проще — подстроиться, поддакнуть лишний раз, быть вежливым и тактичным. Проще — стать таким, как все. Проще — остановиться и сдать. Проще, нежели настоять на своём, остаться самим собой и продвигаться вперёд, несмотря ни на что. Проще... Человек же всегда плывёт по течению, правда? Человек же никогда не может пойти против собственной природы ради своих мыслей, чувств и идеалов? Человек же не может преступить мораль только потому, что его что-то в этой морали не устраивает? Человек же просто тупое стадное животное...

Человек даже боится признаться самому себе: «Я — плохой, я не заслуживаю того, чтобы меня любили, пусть и хочу этой любви». Проще заикнуться на собственной любви и не видеть ничего, кроме неё. Как будто нет больше вокруг прекрасного огромного сверкающего мира, как будто нет вокруг тех далёких холодных звёзд, вокруг которых, быть может, существуют целые миры, такие же огромные и прекрасные, как и этот, а, быть может, ещё огромнее и ещё прекраснее, как будто нет вокруг природы — деревьев, птиц, цветов, холодного далёкого неба... Человек слишком заиклен на чувствах и не замечает вокруг ничего, что так прекрасно и величественно. Это неправильно. Мир — нечто большее, нежели чувства. Вселенная — нечто большее. Нельзя жить только одними эмоциями. Иначе слишком велик шанс, что ты всё упустишь. Надо всегда думать... Наверное, это и есть самое изысканное удовольствие — созерцать, мыслить и действовать. Наверное, это и называется — жить...

Эйбис пускается бежать, как только они с Феликсом чуть-чуть отходят от лагеря. И Эсканор едва-едва поспекает за другом и кричит Вейча вслед, что совершенно не хочет за час устать больше, чем остальные устанут за полдня, но всё равно пускается его догонять. Фальранскому князю явно требуется некоторая встряска — слишком уж сильно он заиклен на том, что случилось с мамой Миры Андреас. Зря. Даже Мира заиклена на этом меньше. Стоило ли так много думать об этом Эсканору? Вряд ли Эйбис Вейча мог судить об этом — он и сам часто не знал, как поступить в той или иной ситуации. Он постоянно действовал наугад, без какого-то определённого плана, подчиняясь лишь собственным желаниям. Наверно, это был не самый удобный способ существования в этом мире — подчинение собственным прихотям и желаниям. Но зато это был единственный способ не потерять себя в этой огромной толпе скучных людей с одинаковыми мыслями и чувствами. Это был единственный способ сохранить свою собственную личность.

Они очень быстро пересекают остаток леса и оказываются в поле. Кажется, именно туда они должны были прийти по заданию, чтобы найти нечто полезное для их миссии. Практики всегда были такими глупыми... С этими глупыми непонятными миссиями, в которых нужно было понарошку спасать мир, с этой глупой «командной работой», тогда как намного проще было бы сделать всё одному... Вейча останавливается, чтобы передохнуть только тогда, когда они оказываются почти посреди этого поля. Странно... Эйбис никогда не знал, что там — за пределами леса, окружавшего Академию. Во всяком случае, он никогда не слышал ничего про это поле... Говорили — за лесом находятся города. И с одной стороны точно был город. Потому что именно через него нужно было проехать, чтобы попасть в Академию магии. Большой город. Красивый. Блестящий. Сверкающий. Кажется — потеряться в таком

городе ничего не стоит. Только вот поле, вроде как, должно было показаться ещё нескоро — они должны были пройти какую-то маленькую деревушку, потом — мельницу, потом — небольшой город, похожий на деревню...

— Смотри — как здесь красиво! — кричит Эйбис, задирая голову и останавливая свой взгляд на этом бескрайнем светлом небе, что застлано облаками. — Смотри — как хорошо, что мы не остались в Академии! Там такого не увидишь!

А Феликс смеётся. Смеётся — в первый раз со дня смерти мамы Миры. Вейча рад тому что пиковый туз, наконец, рассмеялся. Вредно держать всё в себе. Если тебе плохо — нужно высказать это, выкрикнуть, объявить на весь мир, заставить всех остальных тоже чувствовать себя плохо... Нельзя молчать. Иначе это молчание будет съедать твою душу. Что может быть важнее души? Важнее этого нет ничего. Перед такой величайшей ценностью, подаренной людям, как душа меркнет всё — целые миры, потому что одна душа может содержать в себе множество таких миров, все материальные ценности человека, все религии, все принципы, вся мораль... Самое глупое решение в жизни — решение стереть — что бывает чаще — или сжечь собственную душу. Сонм Проклятых прекрасно понимал, насколько важна душа — они ведь были Охотниками... Собирали души, использовали их в своих страшных целях... Говорили, в рубиновом кольце Йохана хранилась душа того человека, который согласно пророчеству должен был победить Сонм. И тогда этот отступник убил его — убил и вынул душу, заточив её в алом, словно пролитая Проклятыми кровь, камне, что вставил в свой перстень из белого золота вместо изумруда, который после был подарен Елисавет в виде кулона.

Скверная история была с этими отступниками. Очень скверная. И самая скверная она была в отношении совсем не Танатоса, что был ослеплён своей гордыней, а в отношении Йохана, что слишком хорошо понимал, что именно творит Сонм Отступников, но следуя за этими людьми до самого конца.

Князь Эсканор подбегает совсем близко и тоже заглядывается на это низкое, словно нависающее над ними, бескрайнее небо. Всё на свете таит в себе опасность... Наверное, в этом и есть прелесть этого мира — в совершенном незнании того, что ждёт тебя на твоём пути, что может тебя убить, а что может спасти. Наверное, именно в этой игре и есть сама жизнь... Эйбис Вейча совершенно не знал, к чему он идёт и стремится. Ему нравилось бежать... Нравилось знать, что в мире ещё столько всего, что он не сможет постигнуть даже за сто жизней... Парню нравилось это — нравилось учиться и узнавать, нравилось смеяться, поступать только так, как ему в этот момент хотелось... Ему нравилось чувствовать себя ненужным, совершенно ненужным... Ему нравилось осознавать, насколько огромен этот мир и насколько много существует таких миров — только один их древний мир раскололся на три части, кто знает, что случилось с остальными мирами? Ему нравилось верить, что в огромной Вселенной существуют миллионы миров...

Они носятся по полю в какой-то странной необъяснимой радости, которая захлёстывает и переполняет их обоих. Отчего-то это поле кажется таким... Таким огромным и таким величественным. Сейчас ещё лишь самое начало осени. Скоро уже лес пожелтеет, а потом и вовсе сбросит с себя эту отжившую свой срок листву... Наверное, люди похожи на листья — рождаются, живут, а потом дряхлеют и умирают, не оставляя ни следа, лишь готовя почву для следующих поколений таких же людей. Лишь кто-то из них остаётся — как остаются иголки у хвойных деревьев — и оставляет о себе некоторую память...

Эниф бы это понравилось — эта беготня по полю. Пожалуй, Эниф — самый

жизнерадостный человек, который только есть в этом мире. Она — милейшая девушка. Ей бы влюбиться в кого-то вроде Феликса Эсканора, выйти за него замуж по окончании Академии и прожить счастливую жизнь с шестью-десятью ребятишками в каком-нибудь из, пусть и не сказочно-красивых, но зато легендарно-крепких замков Фальрании... Ей бы жить счастливо, без всяких потрясений и тревог... Ей бы быть той принцессой из сказок, которые так любила сестра Андэля. Феликс — хороший человек. Всегда вежливый и внимательный собеседник, даже тогда, когда ему неинтересно это на самом деле. Эсканор — настоящий фальранский князь. Благородный, честный, воспитанный — до мозга костей. Феликс был бы счастлив той заботе, которую Эниф так любит проявлять. Он и сам испытывает эту постоянную потребность о ком-то заботиться и кого-то опекать. Три года назад мать умерла у Эниф. Эта девочка и до этого нуждалась в защите, а уж теперь. А кто, как не фальранский князь Феликс Эсканор мог обеспечить ей эту защиту?

А Эйбис... Язвительный, острый на язык, склочный — он был не способен защищаться, лишь нападать, жалить своими язвительными замечаниями и жестокими подколками. И уж тем более — он был не способен кого-то защитить. Человек, который желает от жизни только одного — вечного бега без единой остановки — не может никому стать опорой. Да и самому ему опора не нужна. Опора — это слишком больно. Она вколачивает гвозди в твои ноги, она заставляет их кровоточить и ужасно болеть... Эйбису Вейча не нужна жизненная опора. Ему ведь не нужен даже маяк — он и сам совершенно не знает, куда он бежит, знает только — от чего...

Он кружится в какой-то слепой, непонятной для него самой, радости и радуется тому прохладному ветру, тем тучам, что проплывают над ними... Что заставляет его так радоваться? Какое-то необъяснимое предчувствие чего-то настолько хорошего, о чём даже говорить страшно? Что заставляет его забыть на время всю свою язвительность и склочность? Он выбегает на дорогу, которая пересекает поле посередине, он кружится, взбивая пыль. Он смеётся. Ему не нужен маяк, ему не нужен конец пути, ему нужна лишь одна дорога...

Разве может быть что-то прекраснее дороги? Разве есть что-то прекрасней постоянного движения — взлётов, падений, попыток сбежать от кого-то? Разве есть что-то прекрасней того чувства нескончаемого пути? Разве есть на свете маленький ребёнок, который не чувствовал бы себя прекрасно, убегая подальше от своего дома, исследуя траву, лес, близлежащую речку? Разве есть на свете ребёнок, которому не хотелось бы убежать подальше от родного дома, пуститься в кругосветное плавание на старом паруснике, увидеть другие страны и даже другие миры? Разве есть на свете ребёнок, что был бы привязан к тому, что люди обыкновенно называют «домом», так же сильно, как привязываются к обыденности и скуке взрослые? Нет... Детей зовёт это так легко заглушаемое взрослыми желание исследовать, находить, узнавать. Чувство, которое почти в каждом ребёнке потом заглушают, убивают. И без которого жизнь становится такой скучной и правильной, что от этого становится тошно.

— Эйбис! — кричит вдруг Феликс, когда отбегает чуть подальше. — Слушай, мне всегда было это интересно — почему тебя называли так странно?

Вейча вдруг останавливается. К горлу вдруг сразу подступает тошнота, а перед глазами появляются те лица... Ему совершенно не хочется вспоминать это всё. Слишком уж старательно он пытался убежать от тех мыслей. Вся радость моментально слетает с него, как слетают поздней осенью последние листья с деревьев. А душа никогда не бывает

незаполненной. Там всегда что-то есть — боль, отчаяние, ненависть, злоба, раздражительность. Даже пустота — она заполняет. Она оставляет какое-то послевкусие после себя...

— Не твоё дело! — огрызается он. — Всё! Закрыли тему! Я не хочу с тобой об этом разговаривать!

Феликс лишь непонимающе пожимает плечами, но больше тему не поднимает. Фальранский князь слишком вежлив и тактичен для этого. Как же иногда раздражает это его треклятое полное понимание! Как же иногда раздражает его треклятая забота! Эйбис со всем сможет справиться сам. Ему не нужна ничья помощь.

Он может со всем справиться.

Маленький ребёнок — на вид ему лет шесть-семь — бежит по лесу, спотыкается, падает, разбивает коленки, но снова поднимается и снова бежит. Его одежда изодрана, на руках и на ногах ссадины, но он бежит. Старается не останавливаться. Старается не думать о ссадинах и синяках, что появляются на его тонких ногах и руках... Он бежит, хотя и думает, что его ничего теперь уже не сможет спасти. В лесу слишком много кочек, веток, деревьев. Это и затрудняет и облегчает его задачу одновременно — здесь так трудно бежать, но зато легче спрятаться...

Но он бежит... Старается не останавливаться ни на секунду... Он и сам, пожалуй, не знает, что мешает ему сдать в этот самый момент... Ему хочется жить... Как угодно — рабом, нищим, калекой. Но жить... Такое желание, пожалуй, особенно свойственно именно детям, что просто не могут найти в смерти избавление. Жить хочется настолько сильно, что человек готов бороться до самого конца. Только это редко помогает.

За ним гонится какой-то человек. Лица его ребёнок не видел. Он, вообще, ничего не знает о том человеке. Ничего, кроме того, что, когда этот мужчина настигнет его, мальчишка будет обречён на смерть. Впрочем, он уже обречён, наверное. Какая тут есть надежда? Его вот-вот настигнут... Мальчик вдруг перестаёт слышать те тяжёлые шаги, он настораживается, оборачивается и видит, что человек почти настиг его — находится в каких-то считанных пяти или семи метрах...

— Пожалуйста, святая Эвелин, помоги мне, — шепчет ребёнок, закрывая глаза от ужаса.

Бежать он больше не может. Остаётся только вспомнить те молитвы, которым учила его старая монахиня Стефания. Когда смерть уже заглядывает тебе прямо в лицо, остаётся только зажмуриться как можно крепче и шептать, шептать какие-нибудь старые молитвы. Это уже ничего не изменит. Но от этого всегда становится легче. Легче — потому что это означает, что ты сделал всё, что только мог сделать, что уже не осталось на свете ничего, что могло бы удержать тебя в мире живых...

Какой-то тихий, приглушённый шёпот, что заставляет ребёнка распахнуть глаза пошире. Яркая светло-зелёная вспышка — единственное, что он видит в тот момент. А потом — жуткий крик, какой-то хруст, будто ломаются чьи-то кости. И человек, что уже собирался убить ребёнка, замертво падает на землю. Мальчишка отшатывается. Он с ужасом смотрит на тело этого человека. Но какая-то радость вдруг появляется в его душе. Даже если он не спасён, один из тех, кто хотел убить его — убит сам...

Рядом стоит женщина в чёрном плаще, что закрывает её лицо. Мальчик понимает, что именно она убила человека, гнавшегося за ним. Он со страхом смотрит на неё, делает несколько шагов назад, закрывает лицо руками. А ведьма подходит к нему, наклоняется к нему и заглядывает в его глаза. У неё самой глаза зелёные... Яркие-яркие...

— Тихо, тихо... — шепчет женщина, обнимая его. — С тобой больше ничего не случится... Не нужно бояться...

И ребёнок прижимается к ней, шмыгает тихо носом и молча смотрит на труп того человека, что гнался за ним. Ему отчего-то становится так хорошо... Ему тепло в объятиях этой женщины, и он почти не боится её теперь. От неё пахнет мятой. Это очень приятный запах. Мальчишке нравится... Он не помнит своих родителей. Он, вообще, ничего не помнит до того момента, как очнулся в монастыре, когда над ним склонялась монахиня Стефания. Это случилось лишь пару месяцев назад, и ребёнок совершенно не знает, что ему делать и куда идти.

— Всё теперь в порядке... — шепчет женщина, запуская руку в его светлые длинные кудри. — Как тебя зовут, малыш?

Она гладит его по голове, и ему почему-то начинает казаться, что эту женщину совсем не стоит бояться... Нет, стоит. Но не ему и не сейчас. Сейчас она помогает ему. И уж точно ведьма не обидит его сейчас. А, может быть, не обидит и вовсе. Ребёнок несколько не боится её... С ней тепло и хорошо... Он осторожно поворачивается к ведьме, утыкается лицом в рукав её плаща. Он готов назвать ей своё имя. Почему нет? Она — единственное, что спасло его от смерти несколько минут назад...

— Не говори... — шепчет она, нежно целуя его в светлую макушку. — Не говори, если не хочешь говорить... Всё равно — тебе стоит дать новое имя. Потому что те люди, что охотятся за тобой, всегда смогут найти тебя, если ты будешь называть себя твоим настоящим именем, дорогой...

Мальчик смотрит на труп того мужчины и запоздало понимает, что это только за ним погнался один такой человек. А тех людей было куда больше. Он рад, что этот мужчина убит. И теперь он видит, какой страшной смертью он умер — и руки, и ноги у него словно стали бесформенными, словно все кости в них раскрошили. Значит, не послышалось ему это тогда, когда мелькнул в воздухе тот зеленоватый свет. Ребёнок не может сказать, что он испугался этой женщины, когда понял, как именно она убила его преследователя. Наоборот — только какая-то непонятная радость появилась в его сердце. Радость отмщения. Интересно, почему? Мальчишка совсем не любил тех монахинь, которых убили эти люди. Почему же ему казалось, что он отомщён? Он так радовался его гибели... Кем был этот человек? Уже совершенно неважно. Когда его труп найдут — малыш будет уже далеко от этого места, от этого леса и монастыря.

— Они убьют меня, если найдут? — спрашивает ребёнок, прижимаясь к ведьме. — Они убьют меня, да?

Женщина тяжело вздыхает и снова треплет его светлые кудри. Она почему-то совершенно не вызывает страха. Хотя, наверное, должна. Человек, обладающий такой магической силой, не может не вызывать страха. Но она не вызывает. Мальчик смотрит на неё, смотрит в её зелёные глаза...

— Я обязательно буду защищать тебя, — говорит женщина, беря его ладошку в свою руку. — Я обещаю, что всегда буду защищать тебя. Пошли. В месте, что теперь проклято, нет места ребёнку. Меня зовут Джулия Траонт, знаешь ли. И я просто не могу бросить ребёнка одного в таком месте и в такое время.

Феликс больше не поднимал этой темы, и Эйбис был очень ему за это благодарен. В любом случае, парень не может рассказать ему всей истории. И не только потому, что ему было очень страшно и больно тогда. В этом деле слишком многое замешано. Слишком

многое... Вейча просто не может рассказать это. Эта история — только его тайна. И ничья больше. Практически ничья. Уж точно не всепонимающего фальранского семнадцатилетнего князя Феликса Эсканора. Эйбису восемнадцать, он и то никак не может совладать с собой, со своими эмоциями и постараться относиться к людям хотя бы чуточку более снисходительно, чем он к ним относится сейчас. Да, кажется, в документах Вейча писалось, что парень младше на год, чем на самом деле.

Мимо Феликса и Эйбиса — буквально метрах в трёх-четырёх — проезжает карета. И в карете Вейча вдруг замечает её... Он чувствует, как сердце готово почти выпрыгнуть из его груди от радости. Он не ожидал увидеть её здесь... Почему она проезжала мимо Академии? Её сын уже закончил это учебное заведение, и с тех пор женщина никогда больше не появлялась около него. На какую-то секунду Эйбис даже засомневался, что видит её здесь — таким нереальным это показалось.

Но когда он понимает, что он не ошибся, что видел именно её — он пускается бегом за каретой, игнорирую возмущённое ворчание Феликса. А потом карета останавливается, из неё выходит эта женщина, она обнимает его крепко-крепко, снова ворчит по поводу его вечной тонкой рубашки, в которой «этот несносный мальчишка», конечно же, обязательно простудится...

А потом видение исчезает... Эйбис смотрит потерянно на ничего не понимающего друга, который пожимает плечами и спрашивает, что такого могло привидеться пиковому валету, раз тот ничего не слышал и не видел. И тут Вейча видит ту самую карету из видения — с каким-то странным родовым гербом. Не этой женщины. Другим. Но как раз тем, что привиделось валету несколько минут назад — как раз после чего и из-за чего Феликс так строго отчитывал его...

Карета... Побольше той повозки, в которой они ехали, когда эта женщина спасла его, когда он был ещё совсем ребёнком — шестилетним мальчонкой, потерявшим память в ходе какого-то магического эксперимента. Она убила их — убила добрую половину тех людей, которые напали на него. В магии эта женщина была очень сильна. И она учила его тому, что когда-то сама узнала от какой-то старой ведьмы-карги, что обучала её. В видении была именно эта карета. А даже если и нет, и герцогини там нет — какая разница? Эйбис Вейча многое вытворял. И всё ему прощалось. Простится и эта выходка, если она окажется только выходкой.

— О! Мама Джулия! — широко улыбаясь, кричит парень и машет женщине рукой, когда карета проезжает как раз мимо них. — Идите сюда к нам, мама Джулия!

Он не видит её. Но верит, точнее — надеется, что она обязательно там есть. Он уже совсем не обращает внимания на возмущённого Эсканора, что кинулся бежать за ним, опасаясь, как бы не остаться в этом странном месте совершенно одному. И экипаж останавливается. Женщина выныривает из кареты и выходит из неё. А Эйбис уже бежит ей навстречу. Он не особенно задумывается о том, что может делать здесь герцогиня Траонт. Она одета, пожалуй, слишком легко для такой погоды — хотя, наверняка, будет обвинять его в этом же. Она всплёскивает руками и идёт быстрым шагом ему навстречу.

— Мама Джулия! — выдыхает он, когда оказывается рядом, наклоняясь и утыкаясь лицом в её живот. — Я так рад, что вы приехали...

От неё, как и всегда, пахнет мятой. Этим пропитано всё — её тёмно-фиолетовое с чёрными вставками платье, её чёрные прекрасные волосы, её пальцы, перстни, браслеты, даже книги, которые она читает. Она тонкая, хрупкая, но от неё веет такой силой, что

становится просто страшно становиться врагом такой женщины. Эйбис вдыхает её запах — это запах мяты, который он так любит. Ему хочется лишь улыбаться. Не важно — почему они встретились сейчас.

У неё зелёные, совершенно ведьминские глаза... У неё самый скверный и несносный характер, который только может себе позволить иметь герцогиня, дочь и сестра короля. Она редко смеётся, зато когда делает это, делает это искренне. Она очень умна, весьма прозорлива, обладает неплохим чувством юмора и прекрасно знает, что из чёрной магии можно использовать, а с чем лучше повременить.

Но рядом с ней всегда тепло и уютно. Всегда спокойно... Трудно даже представить — как только в этой женщине могут сочетаться столько силы и ярости и столько нежности и спокойствия. Эта женщина сама доброта для тех, кого она любит, но так же она самый справедливый и суровый суд для тех, кого она ненавидит. Умная. Сильная. Красивая. Властная. Эйбис уже привык к её причудам. Такие люди — такие необыкновенные, какой была она — всегда имеют свои причуды. Иначе — они уже бы и не были такими необыкновенными и обаятельными.

Эйбис прижимается к ней крепко-крепко. Пожалуй, только ей он может доверять так безраздельно. Словно она и есть его настоящая мать. Должно быть, это выглядит странно, но Вейча как-то плевать. Даже и странно — разве это чьё-то дело? Плевать на это всё! Стоит меньше внимания обращать на предрассудки.

— Перестань! — смеётся женщина, лишь касаясь его головы, но даже не пытаюсь отстраниться. — Перестань немедленно, несносный мальчишка! Да отцепись ты от меня!

Она треплет своими тонкими нежными пальцами его нечёсанные русые волосы, касается осторожно ворота его тонкой мятой рубашки. Медленно, осторожно, нежно — как умеет только она одна... В ней слишком много магии — она насквозь пропитана ею, как и книгами, свитками, картами и мятой... Когда Эйбис хотел успокоиться и почувствовать себя в безопасности, он всегда жевал листочек мяты... Это помогало вспомнить, как эта ведьма спасла его тогда, когда шестилетний мальчишка из монастырского приюта уже не смел даже надеяться на спасение... Помощь пришла к нему так неожиданно — он никак не мог подумать, что головореза сумеет одолеть какая-то женщина. Да и, впрочем, он и не думал даже, что кто-то стоит там, в тени, рядом с ним... А, может быть, она и не стояла — лишь перенеслась откуда-то, как умеют опытные волшебники.

Она треплет его своими тонкими нежными пальцами за его нечёсанные светло-русые кудри, которые он обрезал после какой-то драки с Виландом, касается осторожно ворота его тоненькой рубашки, гладит по спине... Она недовольна, совершенно недовольна тем, как он одевается...

— В одной рубашке... — качает головой и тяжело вздыхает герцогиня, отвечивая пиковому валету лёгкий подзатыльник. — Что за скверный мальчишка?!

Рубашка, которая на нём, действительно, слишком тонкая... Но ему совсем не холодно. Ни капельки. Да он даже зимой мог бы выйти на улицу только в ней — здесь почти никогда не бывает настоящих морозов. Эрна считала, что это потому, что когда-то в этих местах Йохан встретил Елисавет. Она уже все уши Эйбису проныла про это. Ну, точнее, уши она проныла Леонризес, которая в свою очередь пожаловалась на это Мицару, который пожаловался Эниф, а та уже рассказала Эйбису.

Неважно. Всё — неважно. Ему совершенно всё равно, что там было с Монтаганем, эльфийской выскочкой-княжной и её заикающимся слугой. И уж тем более — ему

абсолютно плевать, что там было с этой вечной мечтательницей. Эта девчонка была даже не из его команды.

А важно было только одно — когда ещё он сможет увидеть герцогиню Траонт? Она была не в своём поместье, а это значило только одно — где-то снова либо начались раскопки каких-то древностей, либо снова началась та охота, из-за которой Вейча двенадцать лет назад чуть не погиб.

— Я — хороший! — смеётся и театрально надувает губы Эйбис. — А в рубашке — потому что жарко!

Женщина хмурится и наклоняется, чтобы поцеловать его в лоб. Словно температуру измеряет! Хочется рассмеяться... Она постоянно волновалась за него. Почти так же, как волновалась за своего родного сына — Седрика Траонта. Наверное, Эйбис совершенно не заслуживал такой заботы... Он был вредным, несговорчивым, язвительным, смешливым... Он совершенно не был тем послушным и ласковым ребёнком, которого определённо заслуживала герцогиня... Он не был её сыном...

— Ну что за ребёнок? — качает головой леди Траонт. — Ты же постоянно, слышишь — постоянно болеешь!

На самой герцогине тоже не слишком тёплое платье. Но за себя она совершенно не переживает, хотя болеет куда чаще, чем болеет Вейча. Да и болеет куда более серьёзно — её брат, Теодор, когда-то, между прочим, в Академии магии занимавший место пикового короля, говорил, что после перенесённых выкидышей, а потом очень тяжёлых родов, при которых эта женщина чуть не умерла, её здоровье очень сильно пошатнулось.

— Я болел всего один раз! — восклицает Эйбис, в шутку оскорбляясь. — И совсем не потому, что простудился!

Наверное, лучше было этого не говорить — она, и так, волновалась за него слишком сильно, а вспомнив о том, что заболел он тогда, и заболел тяжело, потому что кто-то из тех головорезов успел насрать на него проклятье до того, как герцогиня Траонт каким-то совершенно жутким способом убила его, эта женщина могла совсем уж потерять голову от беспокойства.

— А ссадины! — женщина всплеснула руками. — Сколько же у тебя всяких ушибов и порезов?! И кто вас на улицу отпустил?! Да ещё и так далеко от Академии?! Да тем, кто за вами следит, руки оторвать надо! И голову тоже, раз человек ею не пользуется!

Она совершенно такая же, как и всегда... Вспыльчивая, неуступчивая и вечно переживающая по пустякам. Ей вредно было беспокоиться по таким пустякам... Впрочем, Эйбис очень рад, что его слова о том, что он совсем не простудился тогда — в свои шесть лет, когда герцогиня подобрала его. Женщине не стоило переживать по этому поводу. Организм Вейча прекрасно смог справиться с тем проклятьем почти без постороннего вмешательства. Несмотря на внешнюю хрупкость, Эйбис Вейча всегда отличался отменным здоровьем, которым вряд ли мог бы похвастаться кто-либо ещё из Академии — в лазаретах этот парень лежал только из-за тех драк.

— У нас — практика, Ваше Высочество! — замечает Феликс Эсканор осторожно. — Это ежегодное мероприятие.

Герцогиня кривится в презрительной усмешке. Сколько Эйбис помнил, директора Академии магии она не любила. Спорила с ним всегда. И ведь оспаривала его решения. И учителя школы с ней соглашались. Значит — права была, всё-таки, она, а не директор. В общей сумме, она приезжала по разным просьбам довольно часто — то ей писал её сын

Седрик, то Хельга Кошендблат, то брат Хельги — Леонард, то сам Эйбис, то несчастный Андэль, у которого были такие серьёзные проблемы в семье. И к проблемам каждого она относилась с тем же участием и с той же заботой, что и к проблемам своего родного сына.

— Глупое мероприятие! — топает ногой женщина. — Правда, князь Солнман?

Среднего роста мужчина вылезает из кареты и с улыбкой отвечает герцогине Траонт, что он совершенно с ней согласен. Он говорит Феликсу и Эйбису, что не обязательно называть его князем Солнманом, и он согласен на то, если мальчишки будут звать его просто Седриком. От этого заявления Эйбис не может не фыркнуть от смеха, так громко, что герцогиня Джулия отвечает ему ещё один несильный подзатыльник.

— И как вас только отпустить могли так далеко?! — запричитала Джулия, разглядывая обоих мальчишек. — Отпустить в такую даль — в другую страну, в герцогство Иветт — за тысячи миль! Как вас могли отпустить так далеко?

Феликс удивлённо посмотрел на герцогиню. Он одет несколько теплее, нежели его друг, поэтому герцогиня Траонт кивает на это Эйбису, как бы ставя в пример, как нужно одеваться вместо того, чтобы ходить в одной тоненькой рубашечке, когда на дворе уже стоит осень. Джулия именно это и шепчет Вейча. А тот ухмыляется, за что получает ещё один несильный подзатыльник. Джулия Траонт в отличие от Эниф Монтаганем никогда не бьёт его сильно. Даже если сердится довольно серьёзно.

— За тысячи миль? Герцогство Иветт? Что вы хотите сказать этим, Ваше Высочество? — спросил фальранский князь задумчиво. — Мы ещё совсем недавно были в лесу около Академии...

Фальранский князь не понимает... Он не привык к такому. Явно не привык. Точнее — он прекрасно понимает, что это значит, но совершенно не хочет признаваться в этом самому себе. Пиковый туз никогда не делает поспешных выводов. Он будет обдумывать всё это довольно долго — может быть, даже несколько дней. Обдумывать, пока не взвесит все доводы «за» и «против». Наверное, именно поэтому, он вместе с Нелли писал экзаменационный тест лучше всех. Они не бросались на все подряд ответы, не спешили с выводами и делали всё по чётко прописанной уставом и предписаниями инструкции. Но именно поэтому он постоянно опаздывает с ответом в разных командных и индивидуальных играх. Он просто не умеет думать быстро и принимать опрометчивые решения, которые вполне могут оказаться единственно-верными.

— Это что-то вроде бреши в пространстве? — спрашивает Эйбис, вглядываясь в побледневшее лицо герцогини. — И что нам делать? Бреши же не держатся долго, а мы здесь уже давно... Нас потом убьют в Академии за то, что мы не находимся там, где нам положено находиться! Мама Джулия, ну помогите нам, пожалуйста!

Он совершенно точно знает — её не нужно было даже просить. Она всегда готова ему помочь. И она единственный человек в этом мире, от которого он готов принимать любую помощь... Ведьма тогда устроила его в Академию под видом какого-то талантливого мальчика-слуги, родителям которого она сильно обязана.

— Я напишу директору письмо, — вздыхает тяжело женщина, толкая Вейча по направлению к карете, — что забрала вас двоих из одного из прилежащих к школе городков и что к следующим экзаменам верну вас обратно целыми и невредимыми.

Она жестом просит их забраться в карету, и Эйбис с Феликсом не заставляют себя ждать. В карете достаточно темно. Так получается, что князя — Эсканор и Солнман — сидят с одной стороны, а Эйбис и герцогиня Траонт садятся с другой. Князь Седрик —

подумать только — Солнман кричит что-то кучеру, и карета трогается. Они все о чём-то ещё долго разговаривают, кажется, о том, что могло спровоцировать брешь в пространстве, а потом Вейча засыпает, положив голову на плечо герцогини...

На сегодня его бег закончен...

Ему нужно немного отдохнуть — завтра, его душа предвкушает это, будет что-то гораздо более интересное и хлопотное... А сегодняшней день уже скоро подойдёт к концу. Зачем же утомлять самого себя и других? Всё ещё продолжится. Но — завтра...

Всё — завтра...

Комментарий к П. П. Глава вторая. Пиковый валет.

Бежать — несмотря ни на что, не обращая внимания на лишения, невзгоды и людей.

Бежать — смеяться, падать на колени, чувствовать, как на горле сжимается рука неотвратимого наказания, но всё равно вставать и снова начинать бег.

Бежать — кружиться в вечном вальсе между жизнью и смертью.

Ни на секунду не останавливаться...

Остановка — смерть.

Не бояться ничего и никого — только бежать и бежать вперёд, не останавливаясь и не оглядываясь назад.

Даже тогда, когда душат слёзы, даже тогда, когда становится невыносимо больно — бежать.

Даже тогда, когда хочется сдаться, остановиться и упасть — бежать.

Потому что только эта страшная гонка и есть жизнь.

Всё остальное — смерть...

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

===== П. П. Глава третья. Надежда для будущей королевы мечей. =====

Puella...

Parvis fragile, lapides pretiosos princeps...

Ille qui semper a nativitate erant manus illius.

Qui nutritus est omnis caligo muros ad gignendum procreandumque tincidunt.

Qui non scit sensum verborum et malos.

Fragile infantem placido vultu et oculis, quos tantum reflectitur velit...

Puella...

Et ad primogenitam filiam regis — quam præparavit Dominus magnae fortunae cultum.

Clamas — nocet anima viri pretiosam matris miseria.

Vos quaeso — felicia regem patrem suum, quamvis semper putas iniuriam.

Tu fingering rosarium — spe felicitatis tuae nuptiis rex finitimorum reliquas vobis regnum.

Puella...

Sample glauci accidit ocellis nigris oculis vestris.

Ubi sunt miserationes tuae mansueto corde?

Quid facietis ipsam esse consensimus? Quid?..

Si animus pene nihil...

IV.

Королевство Орандор... Королевство к северо-западу от Кайерима, расположенное на трёх больших островах и больше сотни маленьких. Вечные туманы и сильные ветра, бледные, светловолосые в большинстве своём люди и молодой король, что взошёл на

престол в результате государственного переворота. Это была незнакомая страна с суровым климатом и совершенно чужими порядками. Люди здесь говорили на совершенно чужом — хоть и знакомом принцессе с самого детства — языке, жили совершенно иными заботами, одевались иначе, любовались другой природой, слушали иную музыку, знали иную поэзию и литературу...

Это было совершенно другое королевство. Тут было довольно красиво. И в столице тоже. Правда, тут не было столь же величественных громадных каменных соборов, какие были в Священной Алменской империи или Кайериме. Здесь было холоднее и постоянно туманно. Принцесса Мария совершенно не привыкла к этому — здесь всё было таким серым и унылым... Ни в коем случае нельзя произносить это вслух! Это обидит короля этих земель и людей, живущих здесь.

Девушка не смеет даже выглянуть из кареты — она прекрасно понимает, насколько сейчас её родителям важно, чтобы она во всём приглянулась молодому королю Орандора. Он был почти её ровесником — старше на четыре года. Это не такая уж большая разница в возрасте. Мать принцессы, королева Рэйна, говорила, что это хорошо — что разница в возрасте между Марией и её женихом не слишком большая. Наверное, это, действительно, было хорошо. Принцесса Мария ещё толком не могла ничего знать. Она просто оказалась в чужом ей королевстве. Не одна — с подругами, служанками, с другом её матери клиром Ерином, — но от этого совершенно не становилось легче. Скоро — уже совсем скоро — она может оказаться здесь совсем одна. Она дочь короля Кайерима — это могло говорить только о том, что её никто не может убить. И больше ничего. Марии хотелось бы, чтобы её жизнь была здесь спокойной... Не радостной — это вряд ли возможно. Просто спокойной. Без тех унижений, которым часто подвергали короли своих королей, без той ужасной боли, которая бывает при выкидышах, без измен мужа — они так сильно задевали и унижали мать Марии, королеву Рэйну, что девушке кажется, что она никогда не сможет простить своего мужа, если он будет ей изменять. Марии хочется только спокойствия... Возможности молиться, подавать милостыню, заниматься благотворительностью...

Пожалуй, больше всего на свете ей хочется стать королевой, которую бы любили.

Она должна быть такой же сильной для этого, как и её королева-мать. Она должна быть достойной того титула, который станет её по праву крови. Она воспитана самым лучшим образом, значит, и её поведение должно быть образцом для подражания всем остальным. Ей стоит достойно ждать своего часа. Сила женщины — в терпении, понимании и прощении. Так всегда говорила ей мать. Так всегда говорила ей её наставница — леди Фиона Батлер. Должно быть, это, действительно, было так.

В королевском дворце для принцессы Марии и её свиты уже выделены комнаты. Прекрасные комнаты, нужно сказать. Орандор был достаточно гостеприимен. Принцесса позволила себе дотронуться рукой до роскошного балдахина, до прекрасных расшитых золотыми и серебряными нитями занавесок, до узорных подлокотников кресел. Тут было красиво. Впрочем, вряд ли пристрастие к роскоши можно считать добродетелью — мать девушки всегда старалась воспитывать дочь в строгости, без особых излишеств, — а Мария поклялась искоренять в себе всё, что нельзя было бы назвать добродетелью. Она не позволяла себе — и своим служанкам, разумеется, тоже — громко смеяться, заставляла себя и их усердно молиться каждые утро и вечер, ходить на утреню каждый день, а каждую среду и пятницу — и на вечерню тоже. Но клир Ерин всё равно продолжал смотреть на неё с какой-то затаённой грустью. Должно быть, всех стараний Марии было совершенно не

достаточно для того, чтобы оказаться достойной того неба, которое было обещано людям после их смерти... Но принцесса обязательно продолжит стараться и дальше. Мать её была очень набожна. Когда-нибудь Мария тоже сможет стать такой — столь же религиозной и столь же сильной и гордой.

Королевству Орандор суждено стать новым домом для кайеримской принцессы. Наверное, это было даже хорошо — Орандор издавна славился силами своих традиций. Это королевство до сих пор жило по законам Священной Алменской империи. Быть может, здесь было несколько мрачнее, чем в Кайериме, но ведь люди и не должны быть слишком обеспокоены телесным...

Мария переделалась из дорожного платья в своё обыкновенное бархатное чёрное платье. Так она чувствует себя намного привычнее. Привычка дарит спокойствие. А спокойствие — то, что приближает человека к раю. Принцесса садится на краешек стула и берёт в руки книгу — сказания о святой деве Анне. Девушка сама не понимает, зачем ей нужно было это сделать. Но с этой книгой как-то спокойней находиться здесь. Посидев немного так, принцесса Мария встаёт и выходит в комнату, где сейчас должны быть дамы из её свиты. Девушке очень хочется побыть с ними подольше. Пусть — скоро придут в Орандор её родители, пусть — в этот раз её ждёт всего лишь помолвка, пусть — до свадьбы ещё есть время... Мария боится оставаться в этом королевстве одной. Как бы хорошо девушка не знала язык людей, среди которых ей придётся жить, в королевстве Орандор совершенно другие традиции. Кто знает — сможет ли принцесса когда-нибудь привыкнуть к ним. Говорят, её мать, королева Рэйна, долго не могла привыкнуть к традициям Кайерима... Кто знает — сколько не сможет привыкнуть к традициям Орандора Мария?.. Тут даже не было привычных девушке соборов... Как она сможет жить здесь, если не сможет даже молиться так, как привыкла? Девушка выходит в комнату, где сидят дамы из её свиты и присаживается рядом с одной из них. Здесь есть старые придворные дамы из свиты её матери. Королева Рэйна говорила дочери, что ей будет спокойнее, если за девочкой будут приглядывать столь почтенные и благородные женщины. Марии самой было намного спокойней — казалось, будто её мать постоянно была рядом с ней, разве что вышла на несколько минут в другую комнату, разве что сидит за одной из ширм и вышивает или молится...

— Ваше Высочество, — сказала ей одна из тех старых придворных дам, что знала её с самого детства, — будьте осторожны — молодой король горяч и думать будет, скорее всего, только о своих желаниях.

Пожилая дама в пурпурном бархатном платье — милая и добрая женщина, живущая так безукоризненно соблюдая религиозные традиции и обычаи. Быть образцом для подражания во всём — это самое достойное, чего только может добиться в своей жизни человек. Соблюдать старые традиции — даже тогда, когда все на свете начинают считать, что всё, что было создано и выстрадано раньше совершенно бесполезно и не нужно — это самое достойное, что может сделать человек.

Эту даму зовут Эрна Норгтон, кажется, она была в свите ещё покойной королевы Эллен — матери короля Джона, который был отцом Марии. Даме этой уже за шестьдесят. Она достойная жена своего мужа, достойная мать и даже бабушка. Эта леди всегда была примером для подражания маленькой Марии. Всегда безукоризненно почтительная, неплохо образованная, скромная и прилежная — это именно те качества, которые король Джон и королева Рэйна старались воспитать в своей единственной дочери. Девушка очень уважала эту женщину. Разве можно было не уважать её? Очень набожная, очень умная, очень

почтительная и вежливая, воспитавшая восьмерых детей, трое из которых отдали свою жизнь за королевство Кайерим. Разве можно было не уважать старую леди Эрну?

— Да, разумеется, мадам Норгрон, — улыбается Мария как можно более почтительно. — Разумеется, я буду очень осторожна. Я дочь короля. Я прекрасно знаю рамки того, что мне дозволено.

Пожилая женщина устало кивает, и принцесса понимает, что придворной даме сейчас нужно немного отдохнуть — её почтенный возраст сказывался на её самочувствии. Нужно уважать эту леди и дать ей время подремать в кресле, подремать с вязанием в руках... И Мария старается больше не беспокоить леди Норгрон. Принцесса старается как можно более тихо отойти в сторону, чтобы пообщаться с кем-то ещё...

Марии, пожалуй, хочется как можно скорее оказаться дома, в Кайериме, рядом с родителями и никуда не уезжать... Многие принцессы выходят замуж позже. Марии тоже хочется подождать ещё хотя бы несколько лет. Клир Ерин как-то сказал ей, что считает, что для принцессы лучше всего выйти замуж именно сейчас. Девушка не понимает — почему. Но она никогда не позволит себе сомневаться в словах священника. Должно быть, ей, действительно, лучше стать женой именно сейчас. Её отец слишком сильно переживал по поводу отсутствия наследника мужского пола. Быть может, если Мария выйдет замуж, он сможет стать несколько спокойнее?

Помолвка с королём Альфонсом должна состояться очень скоро. Гораздо скорее, чем девушке бы этого хотелось. Она лишь сегодня сможет увидеть этого человека в первый раз в своей жизни. Впрочем, возможно, это, наоборот, лишь лучше — шанса отказаться от брака с Альфонсом Брауном, каким бы человеком он не являлся, у неё всё равно нет. Принцесса Мария не имеет права оспаривать волю своих родителей. Так что, наверное, действительно, лучше всё ускорить — чтобы не ждать чего-то совершенно ужасного и неизбежного. Ожидание почти всегда бывает мучительным. Наверное, именно поэтому терпение считалось добродетелью — оно, как и прочие добродетели, давалось бесконечным трудом. Разве может что-то считаться хорошим, если к нему не приложено усилий. Марии хотелось бы, чтобы всё прошло как можно быстрее. И одновременно ей очень хотелось, чтобы ничего не происходило, чтобы всё оставалось таким же, как и раньше...

— Дорогая, — говорит ей мадам Рауззи, — я знаю, что ты вылитая мать в этом же возрасте — умная и осмотрительная, что тебе совершенно не нужно напоминать о том, что ты должна делать.

Мадам Екатерина Рауззи была подругой королевы Рэйны. Говорили, она прибыла в Кайерим вместе с Рэйной. А ещё она была женой герцога крови Рауззи и крёстной матерью принцессы Марии. Эта женщина была, пожалуй, несколько более импульсивна и порывиста, чем пристало леди, но она была настолько добра, настолько терпелива, настолько щедра, что все её вероятные недостатки были полностью оплачены этим. Леди Екатерине было сорок лет, и она была матерью двух мальчиков — шестнадцати и пяти лет. Мадам Рауззи была бесконечно добра ко всем, кто её окружал. Она была очень светлым человеком. И очень ярким — вечно в жёлтых, ярко-голубых, ярко-розовых платьях, словно молоденькая девушка, а не женщина, не мать. Мария обожала свою крёстную. Та, правда, несколько не подходила под описание той женщины, которой принцесса всегда хотела бы стать, но зато она была самым близким человеком для принцессы после её матери королевы Рэйны. К леди Екатерине всегда можно было обратиться — она никому и никогда не отказывала, эта высокая седая дама с нежным, как у ребёнка лицом, на котором так мало было морщинок.

Постоянно казалось — вот-вот и Екатерина Рауззи вскочит, вспорхнёт и улетит куда-то... Такая она была воздушная и невероятная... В пышном голубом — или синем, или жёлтом, или красном, или розовом, или зелёном — платье, с кучей ожерелий, браслетов, с вечной своей радостной улыбкой...

— Вы точно ваша мать в этом возрасте! — поддакивает мадам Крейер. — Такая же тоненькая, бледная и гордая!

Мадам Луиза Крейер. Дама сорока трёх лет. Жена герцога Леонарда Крейера, брата герцогини Кошендблат. Очень тихая и милая женщина, пусть и не получившая должного образования. Милая и очаровательная несколько полная женщина с вечно испуганным выражением лица... Марии, пожалуй, будет её не хватать даже больше, чем всех остальных... Этой чуть глуповатой женщины, что готова всегда была готова выслушать и поддержать своими непонятными высказываниями и замечаниями. Этой несколько полноватой женщины, что одевалась в цвета королевы Рэйны.

— Да, да! — восклицает мадам Рауззи. — Ваша мать, тогда ещё принцесса, а не королева Рэйна, была столь же прелестна в пятнадцать лет! Я помню её — мы тогда играли в саду дворца её отца и матери!

Девушка тихо улыбается и смотрит на эту уже немолодую женщину. А та подбегает к ней, хватая за руки, присаживается рядом и нежно целует в лоб. В своём ярко-жёлтом платье она выглядит совсем по-детски. Мария никак не может привыкнуть к причудам своей крёстной. Никто не мог привыкнуть. А герцог Рауззи смеялся и лишь говорил о том, что ему куда больше нравится, когда женщины громко смеются, тратят деньги на совершенно глупые наряды, танцуют и придумывают совершенно невозможные шалости и капризы, чем когда постоянно ворчат и чувствуют себя не лучшим образом, «портя по своей давней традиции жизнь всем, кто находится рядом». И мадам Рауззи смеялась, шутила, проворачивала совершенно невероятные сделки, за которые потом приходилось платить астрономические суммы...

— Вы так очаровательны сейчас, принцесса! — говорит мадемуазель Грайнтор. — Вы обязательно понравитесь вашему будущему супругу!

Мадемуазель Грайнтор — некрасивая девица сорока лет, иногда слишком ворчливая и недовольная жизнью. Говорили — она была достаточно богата, но несмотря на это никто не брал её замуж... Она очень увлекалась наукой и политикой и, пожалуй, будь она мужчиной, добилась бы в этом удивительных высот. Строгая и всегда собранная, но иногда словно поддающаяся какому-то непонятному соблазну приласкать кого-нибудь, повздыхать над чем-нибудь...

— Ох, Мэри! — вздыхает дочка одного из самых влиятельных герцогов Кайерима, Аврора, которой позволяли дружить с принцессой почти с самого детства. — Как я тебе завидую! Говорят — король Орандора красив и обаятелен!

Аврора... Милая Аврора... Как же Марии будет её не хватать! Как Аврора терпела столь тяжёлый характер принцессы? Как не роптала? Как не пыталась уехать обратно в поместье своего отца? Аврору все любили — она так же, как и мадам Рауззи, была легка на подъём, постоянно смеялась, шутила, совершала совершенно безумные, абсолютно необдуманные поступки... Она была очаровательна в любой одежде, в любой ситуации, в любом месте... Даже её капризы нисколько не портили её.

Она была лёгкой, воздушной, как и мадам Рауззи, она была милой и очаровательной — сравниться ли с ней зажатой и неуверенной в себе Марии? Она щебетала на многих языках

точно так же легко, как и на своём родном, она порхала вокруг всех с неизменной улыбкой и радостью — вся такая невероятная и невозможная, совершенно не похожая на настоящую леди... Чернокудрая и черноокая красавица Аврора — Марии, пожалуй, хотелось бы быть столь же красивой, какой была и юная герцогиня...

— Интересно, что он за человек, правда? — спрашивает Аврора, устраиваясь поудобнее. — Было бы здорово, если бы он позволил мне остаться при дворе здесь... Тебе не стоит оставаться одной в чужом королевстве хотя бы на первых порах.

Мария слабо улыбается. Уж она это знает в первую очередь — ей совершенно не хочется оставаться одной в неродном королевстве. Хотя бы в первое время. Девушка осторожно поправляет прядь своих тусклых волос, неторопливо встаёт со стула и строго смотрит на фрейлину, отчего та нехотя встаёт с кресла, в котором совсем ещё недавно так удобно устроилась.

Аврора — милая девушка, но ей самой же будет лучше, если она будет вести себя, всё же, так, как положено вести себя приличной леди. И долг принцессы позаботиться о том, чтобы все фрейлины были столь же скромны и добродетельны, как того требует мораль. Аврора очень добра и очаровательна, но она ведёт себя совершенно не так, как это нужно. Это был грех — не соблюдать приличия, которые пристало выполнять девушке в обществе. Клир Ерин, пожалуй, поддержал бы её в стремлении защитить фрейлин от этого — говорили, что при королеве Аделаиде двор был крайне распущенным, позволял себе такие ужасные вещи, что боги наказали их, когда к власти пришёл Георг Траонт...

Глаза почти щиплет от непрошенных слёз — кто знает, сколько ещё ей осталось находиться рядом с этими, такими родными, людьми? Кто знает — быть может, свадьбу решат сыграть сразу после помолвки? Мария хотела бы, чтобы её дальнейшая жизнь была похожа на её детство — светлое, полное любви и тёплого отношения к ней. Только вот что её ждёт в королевстве Орандор? Тут не было даже привычных ей соборов — с витражами, прекрасными иконами... Говорили, Орандор был слишком беден для этого, просто не мог себе позволить такой роскоши... Только какая же это роскошь? Вот дворец — он был роскошен. Огромный, с двумя крытыми галереями, с двумя огромными оранжереями, комнаты которого были отделаны белым, розовым, зелёным и чёрным мрамором, где золотом сверкали барельефы, с роскошными паркетами из махагона, палисандра и других пород дерева — разве это не было роскошью?

— Я очень надеюсь, что он человек добрый и понимающий, — говорит Мария, беря в руки молитвенник. — Я буду очень благодарна ему, если он позволит тебе и ещё кому-нибудь из моей свиты остаться в Орандоре после нашей свадьбы.

Принцесса делает реверанс и уходит. Перед тем, как выйти из комнаты, она бросает последний взгляд на присутствующих здесь и ступает за дверь. Девушка вдруг слышит шорох юбок платья и, со слабой улыбкой, думает о том, что прекрасно знает, кто мог бы это быть — только леди Екатерина... Эта хрупкая женщина в роскошном ярко-жёлтом платье почти подсакивает к девушке.

— Ох, принцесса Мария! — причитает мадам Рауззи. — Вы уж простите меня за такую просьбу, но не могли бы вы принять в свою свиту через год моих племянниц? Одну из девочек зовут Мира, а вторую Нелли — они сейчас учатся в Академии.

Принцесса с удивлением смотрит на женщину — она никогда и не думала, что у этой дамы могут быть племянницы. Седая леди Екатерина с лицом, на котором нет ни одной морщинки, с надеждой смотрит на свою крестницу. Девушка отчего-то чувствует себя

странно обязанной выполнить эту просьбу.

Отчего-то снова вспоминается собор в родном Кайериме, в котором она молилась о том, чтобы её жизнь стала прежней... Отчего-то снова вспоминается герцогиня Рауззи, что плакала в том же соборе семь лет назад, когда её муж отправлялся на войну с которой, как пророчили все, ему было не вернуться. Вымолила, выстрадала — проводя ночи напролёт в госпиталях...

— Если мой будущий супруг позволит это, — замечает Мария, — я обязательно приму в свою свиту ваших племянниц, мадам!

Леди Екатерина понимающе смотрит на неё своими влажными от слёз глазами и, улыбаясь тихо, отходит. А принцессе вдруг приходит в голову, что мадам Рауззи словно бы постоянно плакала — постоянно в её прекрасных добрых глазах виднелись слёзы, как бы ни улыбалась эта женщина при этом.

Мария поджимает губы от безмерной жалости к леди Екатерине — что заставляло её постоянно быть такой? Девушка входит в свою комнату — идти совсем недалеко. Она встаёт на колени перед иконой, которая была привезена ею из Кайерима, и одними губами начинает произносить ту молитву, которой научила её мать. Принцессе даже не нужен молитвенник — она знает эту молитву наизусть. Она просит только о том, чтобы в её родном королевстве всё было хорошо — чтобы не было войны, чтобы отец забыл о той девушке с дьявольскими чёрными глазами, чтобы леди Рауззи когда-нибудь почувствовала себя счастливой и перестала плакать... Только немного погодя девушка вспоминает, что забыла закрыть до конца дверь...

— Велика важность! — слышит она обиженный приглушённый шёпот Авроры. — Принцесса! Ну да ничего, Петра — скоро, глядишь, король Джон её бастардом-то и признает. И кто из нас после этого будет в более зависимом положении?

Петра поддакивает Авроре, а Марии почему-то хочется разрыдаться — неужели, всё, действительно, будет так, как говорит эта девушка? Неужели её отец разведётся с её матерью? Разве церковь даст ему на это право? Разве всё будет именно так? Нет... Нет — ведь этого просто не может быть? Ведь — не может быть?

V.

Солнце заливало кабинет своим светом. Алу это нравится. Он всегда любил солнце. Любил вставать рано-рано, любил начинать работать с самого раннего утра. Это давно стало самой обычной привычкой, от которой отказаться было слишком трудно. Да и зачем отказываться? Привычка была неплохой. Полезной. Бумажной работы теперь на нём было довольно много. Да ещё и все эти приёмы, балы, охоты, советы — они сильно утомляли. Пожалуй, даже больше бумажной работы. Эх!.. Было ещё столько дел — нужно было переделать систему образования, что существовала в этом королевстве, а точнее — создать её с нуля, потому что в Орандоре не было ровным счётом никакой системы образования, нужно было как-нибудь отрегулировать, точнее, опять же создать, систему права, что существовала — не существовала — в этом королевстве. Это был просто ужас. Приходилось постоянно — постоянно — работать. Теодор Траонт сильно помогал молодому монарху, но он тоже, Ал видел это, валился с ног от усталости.

Янжина снова суетится. Носится с бумагами, не теряет ни одной, даже самой маленькой, записочки и всегда полна свежих идей. Она очень старается. Альфонс прекрасно знает это. Единственная дочь обедневшего графа, получившая прекрасное образование, какое в Орандоре мог получить только мальчик из богатой семьи, старательная и

прилежная, а главное — умная. Янжина прекрасно разбиралась в традициях королевства Орандор, довольно неплохо знала, какие законы были при прежних королях. Она совершенно не была похожа на леди. Шестнадцатилетняя графиня Янжина Арон появилась при дворе почти месяц назад, через полтора месяца после смерти своего отца. В залатанном бедном тёмно-бардовом — на чёрное просто не нашлось денег — платье она предстала перед королём и при всех тех алчных старикашках, которые являли собой некое правительство, подобное некому совету старейшин, обвинила одного из них в том, что он присвоил себе даже последнее поместье её отца, которое просто не могли отобрать за долги — всё было выплачено за две недели до смерти графа Арона. Девушка стояла посреди тронного зала и смело, с каким-то вызовом смотрела на короля. Ал тогда спросил у герцога Ивара — по какому праву он посмел присвоить себе поместье графа Арона — и предложил Янжине стать секретарём герцога Теодора Траонта. Пожалуй, в Орандоре их было трое — тех, кто хотел хоть что-то изменить в существующих устоях и порядках. Альфонс Браун, Теодор Траонт и Янжина Арон. Шестнадцатилетняя графиня, которой несколько месяцев назад пришлось похоронить единственного близкого ей человека и которая не сдавалась, несмотря ни на что. Она была умной и сильной. Пожалуй, девушка была куда больше достойна управлять этим государством, чем был достоин этого Ал. Она жила в этом королевстве, жила его нуждами, пусть и хотела полностью перекроить те глупые традиции, которые тогда заставили её решиться на такой шаг, как появление в королевском дворце в тот раз. Она знала, чем живёт это королевство потому, что сама жила этим же.

Она очень упорна. Это тоже нравится Алу в ней — эта девчонка не разревелась тогда, не сдалась, лишь глянула на короля своими ясными глазами и спросила, на самом ли деле монарх предлагает ей это. И он тогда ответил, что совершенно серьёзно. Янжина была готова на многое. Честно говоря, она оказалась на редкость трудолюбивее Альфонса или Теодора. Вот и сейчас — девушка упорно копалась в каких-то бумагах, очевидно, связанных с планировавшимися реформами, тогда как герцог, вероятно, ещё спал, а король просто смотрел в окно, лишь невесело усмехаясь каким-то своим мыслям. Наверное, из них троих именно она больше всего верила в то, что эти действия являются правильными. Она действительно считала, что это необходимо. Именно это и заставляло её браться за дело с таким упорством.

— На счёт реформы образования, — говорит Янжина, что вчера решила сменить своё ветхое платьишко на более удобный мужской костюм, — я думаю, что надо сделать обязательным хотя бы приходское образование — у монастырей достаточно средств для того, чтобы обучать детей из бедных семей.

Ал отвлекается от созерцания природы в окне и поворачивается к графине Арон. Пожалуй, он очень рад тому, что тогда она решила прийти. Девушка была как раз тем человеком, которому в Орандоре, помимо, пожалуй, Теодора Траонта, Браун мог бы доверять. Янжине, пожалуй, привыкнуть к словам, которые были обычными для Земли, было труднее, чем Теодору. Она постоянно хмурилась и обычно отходила в сторону. Она привыкла к совсем другим словам — эта шестнадцатилетняя графиня.

— Думаешь начать именно с этого? — спрашивает Альфонс, чуть лениво придвигая к себе план, согласно которому им теперь, вероятно, придётся работать над реформой образования. — С создания приходских школ?

На Земле тоже когда-то делали так. А потом уже появилось образование в том виде, что было привычно Алу. Но это всё равно кажется каким-то неправильным и совершенно

непривычным. Подумать только — приходские школы! Чистописание, арифметика и Закон Божий... Вроде как ничего больше в приходских школах и не преподавали. Но, наверное, для начала будет достаточно и этого. Ввести всё и сразу не получится. Нет никаких средств для этого. Да и людям так будет намного труднее понять, чего именно от них хочет молодой король.

— Это наименее затратный вариант для нас, — кивает Янжина. — У монастырей очень много денег.

Альфонс кивает. Он прекрасно понимает это. Прекрасно понимает. Мария увлекалась историей. Очень серьёзно увлекалась — могла рассказать всё, что угодно, хоть и злилась на Ала за то, что тот обыкновенно ничего не мог ей ответить. Но он слушал. Альфонс Браун никогда не был слишком талантливым ребёнком и всегда знал об этом. Ал был самым обычным. Это Мария была талантливой. И Яна — он почему-то начинает называть Янжину так — тоже. Графиня Арон тоже очень талантлива. Пусть она и со многим не может справиться. Ал тоже не может. Пожалуй, даже Теодор не может. Они втроём — люди, которые никогда не задумывались о том, что когда-нибудь будут управлять целым государством. Орандор — не слишком большое королевство. Но управлять им адски тяжело. Если бы Альфонс понимал это с самого начала — он бы сбежал. Впрочем, он и понимал это с самого начала. Только вот в первые дни его правления ему не дало сбежать то чувство совершенно глупого беспокойства за эту дуру Фаррел, а потом всё как-то завертелось, закружилось и... Ал, сам от себя этого не ожидая, просто взял и вошёл во вкус.

— Мне нужны такие люди, как ты, Янжина, — говорит он задумчиво. — Нужно сформировать правительство из тех, кто хочет хоть что-то изменить в этом королевстве. Хотя бы человек десять — было бы уже намного проще.

Она сначала, очевидно, хочет фыркнуть. Смотрит удивлённо и почти благодарно. Почти так же, как иногда смотрела на него Мария. Почти благодарно — Фаррел никогда не была благодарна ему, а он ей. Это было нормально. Они знали друг друга слишком давно, чтобы быть благодарными друг другу хоть за что-то. Мария и Ал были братом и сестрой. Разве можно за что-то благодарить брата или сестру? С Янжиной дело, вероятно, было несколько иначе — она была благодарна. Благодарна за то, чего Ал, пожалуй, и не совершал. Скверное чувство. С Марией в этом плане всегда всё было проще. Фаррел была хитрой, изворотливой дрянью с дурным — не делающим никому пощады — чувством юмора и не слишком хорошими манерами. Браун был абсолютно ничем не лучше — вспыльчивый, драчливый, иногда до жути циничный и упрямый, словно осёл.

Отчего-то вновь вспоминается день, когда Янжина вошла в тронный зал. Смелая. Оглянула всех с вызовом и подошла как можно ближе к королю. Он до сих пор помнит тот её взгляд. Ей было нечего терять. Она была готова на всё для того, чтобы справедливость восторжествовала. Альфонс всегда ценил таких людей. Он сам никогда не был таким...

— Пройдитесь по обедневшим домам, — отчего-то несколько взволнованно советует девушка. — Там много людей, которые хотят что-то изменить здесь.

Обедневшие дома... Да, пожалуй, это была неплохая идея — как только она не пришла молодому королю в голову с самого начала? В Орандоре всё было совсем иначе, чем в Канаде, пожалуй. А Ал всю свою жизнь прожил в Канаде. В двадцать первом веке, а не в каком-нибудь ещё. Может быть, родился он в другое время или хотя бы в другой стране, он куда лучше понимал бы, что ему делать с навалившимся на него грузом, который отдать он теперь не мог. Что-то манило его в этой власти. Это была словно драконова болезнь — эта

жадность до власти.

И одновременно молодому королю постоянно хотелось домой. Хотелось в собственную квартиру, хотелось к отцу, которого, как казалось раньше, он терпеть не мог, хотелось заходить каждый день к Марии и слушать её рассказы и идеи, из-за которых очень хотелось смеяться, и получать в бок тычок локтём от недовольной Фаррел... Он жутко уставал здесь. Жутко уставал от жизни, к которой его не готовили, которой он сам от себя никогда не ожидал.

— Я устал чувствовать себя здесь чужим, знаешь? — зачем-то интересуется Альфонс. — Я хочу хоть что-то поменять в этом королевстве. Я хочу хоть в чём-то чувствовать себя — дома...

Он произносит это совершенно искренне. Здесь он как-то странно выучился одновременно куда более изворотливо лгать — раньше с враньём всегда справлялась Мария, фантазия которой была куда более богатой — и куда чаще хотел говорить правду. Сказать здесь правду можно было очень не многим людям. Теодору — пожалуй, Джулии — несомненно, Янжине — иногда... А ведь больше говорить правду было просто-напросто некому...

— Здесь очень многое нужно изменить, — понурив глаза, словно бы виновато, признаёт Янжина. — Это будет очень трудно, Ваше Величество. Будет тяжело справиться с порядками, что есть в Орандоре.

И Ал вдруг чувствует, как какой-то груз словно спадает с его плеч. Он совершенно не понимает, что такого могла сказать графиня Арон. Он совершенно не понимает — почему вдруг ему становится легче. На душе почти всегда было тяжело. Особенно с того дня, как Леонард отправился в свою Академию. С Янжиной, между прочим, этот рыжик-Кошендблат так и не поладил. Смотрели друг на друга почти враждебно и Яна всегда уходила, гордо сомкнув побелевшие губы и прибрав к рукам ещё одну стопку бумаг, от которых у Альфонса уже начинала болеть голова. Всё-таки, было куда проще на Земле — с машинописным шрифтом. А тут... Все писали от руки, у кого-то ещё, к тому же, был совершенно нечитаемый почерк... В глазах уже просто рябило от этого всего.

— Справимся! — улыбается король. — Мы справимся! Нас трое — ты, я и Теодор, — но мы достаточно круты для этого!

И Янжина улыбается ему в ответ. Не хмурится, не отворачивается — лишь смеётся. И Ал рад этому — эта девушка ещё ни разу не смеялась при нём. Пожалуй, этому было объяснение — её отец умер совсем недавно. Интересно, как среагировал бы сам Альфонс, если бы узнал, что Джошуа Брауна больше нет? Наверное, дар речи бы потерял. Не хотелось даже думать о том, что когда-нибудь — а это когда-нибудь в любом случае наступит — Джошуа Браун умрёт. Это было слишком больно. И Янжине Арон, очевидно, было слишком больно. Ещё бы — это был её единственный родной человек.

— Старые порядки изжили себя, — говорит Ал, присаживаясь на подоконник и откидываясь чуть-чуть назад — так, что, если бы ему захотелось, он мог бы дотронуться до внешней стороны стены дворца. — Нам совершенно точно необходимы новые. Ты со мной согласна?

Янжина кивает, продолжая всё так же улыбаться. А в кабинет заходит Траонт. Недовольный, невыспавшийся герцог, брат Джулии Траонт и предыдущего короля. Он всегда такой. Можно не слишком-то удивляться. Теодор отвечает королю поклон и отдаёт тому маленький — с крупную монету — медальон, на котором изображена какая-то девушка.

«Принцесса Мария Кайеримская» — читает Ал золотые буквы с обратной стороны медальона.

— Она — моя невеста? — равнодушно интересуется Альфонс, вглядываясь в портрет девушки, который принёс ему Теодор.

Кажется, принцесса Мария из Кайерима довольно очаровательна. Милая девочка. Сколько ей? Лет тринадцать-четырнадцать? На вид — примерно так. Милый ребёнок, которого родители почему-то готовы так рано выдать замуж. На Земле, вроде, раньше тоже было так. Девочек выдавали замуж сразу, как только они достигали определённого возраста. Мерзко. Как же это мерзко.

Кажется, невесту короля Орандора звали именно так — Мария. Точно так же, как и его сестру. Это было вдвойне смешно от того, что Фаррел тоже некогда была принцессой, но Ал бы никогда в жизни не захотел на ней жениться. Да, впрочем, наверное, на этой Марии тоже. А на Алесии ему никто не позволил бы жениться.

Ал отдаёт медальон обратно в руки Теодора. Тот подцепляет вещицу своими худыми костлявыми пальцами и рассматривает, насколько хорошо она сделана. Его, пожалуй, куда больше интересуется строение цепочки — или как это там можно назвать, — нежели та девушка, которая изображена здесь.

— Да, Ваше Величество, — произносит мужчина, бросая взгляд на портрет и добавляя чуть презрительно. — Если ваша невеста окажется вам столь не мила, вы всегда можете завести фаворитку.

Альфонс лениво сползает с подоконника, вспоминая о том, что сегодня этот треклятый приём принцессы из соседнего королевства. Он выходит из своего кабинета, и Янжина тоже уходит, положив всю кипу неразобранных бумаг на стол — тут все пишут пером и чернилами, привыкнуть к этому Алу было очень тяжело, ему пришлось потратить довольно много времени для того, чтобы выучиться писать так, как писали эти люди. Король запирает дверь на ключ.

С того самого момента, как Леонарду стало плохо, Ал привык запирает дверь на ключ. Даже дверь в свою спальню он теперь запирает на ночь. Раньше никогда такого не было. Раньше он совершенно не боялся спать в открытой комнате, а теперь... Король одёргивает себя и старается сбросить навязчивые воспоминания о том страшном дне.

— А её отец, — усмехается Ал, — не пойдёт на меня войной?

Глупый вопрос. Наверное. Но Альфонсу хотелось бы получить на него ответ. Они идут по направлению к тронному залу — прямо до конца пройти один коридор, потом повернуть налево, пройти второй и оказаться перед тяжёлой дубовой дверью. Алу теперь постоянно приходится ходить туда и обратно. Он уже давно прекрасно знает дорогу. А ведь когда-то, когда ещё жив был король Генрих, парень путался в этих коридорах и залах.

А теперь — он знает, куда ведут большинство коридоров. Сам же и попросил в один из первых дней Теодора провести экскурсию. Нужно же было как-то ориентироваться в собственном доме. Даже если этот дом больше напоминал своими размерами Лувр, Версаль или что-то в этом роде, нежели нормальное обыкновенное человеческое жилище.

— Её отцу, — усмехается в ответ Теодор, — интереснее найти новую фаворитку себе, нежели смотреть на то, как фавориток заводит кто-то другой.

Даже если этот «кто-то другой» муж его дочери. Опять же — мерзко. Вся жизнь Альфонса с момента коронации была такой — грязной, мерзкой, словно бы липкой, неправильной. До смерти Алесии это было, правда, не столь очевидно. Она при всех своих

недостатках как-то продолжала оставаться необычайно чистой... Это, должно быть, было невероятно сложно — Ал уже после нескольких месяцев такой жизни чувствовал себя несколько потерянным и изменившимся, а мисс Хайнтс родилась в этом мире, выросла в такой обстановке и всё равно сумела сохранить эту свою необъяснимую чистоту...

— Нет, — вдруг задумчиво выдаёт Траонт. — Его Величество обязательно пойдёт войной на Ваше Величество, когда сам будет уже не способен удовлетворить женщину.

Альфонс отчего-то вдруг давится смешком. Янжина — тоже. Она лишь улыбается как-то хитро-хитро и начинает вдруг идти несколько быстрее. Впрочем, они уже почти дошли — осталось несколько шагов до желанной дубовой двери. Несколько шагов по багряному ковру — и они окажутся там... Если честно, молодой король предпочёл бы посидеть в своём кабинете.

— Что же! — усмехается Ал перед тем, как войти в тронный зал. — Нам остаётся только надеяться на то, что к этому времени я уже успею обзавестись наследниками!

Альфонс садится на трон с какой-то непонятно откуда появившейся у него важностью. Садится в это обитое красным бархатом довольно широкое кресло из красного дерева, водружает себе на голову корону. Эта вещь достаточно тяжёлая. Мало того, в неё ещё и вставлены какие-то довольно крупные драгоценные камни. Раньше Ал надевал корону покойного Генриха, но Теодор настоял на том, чтобы мастера сделали новую. Другую — со сверкающими алыми камнями. Этих камней ровно пятнадцать штук — Альфонс уже считал.

Уже через несколько минут объявляют о прибытии в Орандор принцессы Марии Кайеримской. В зал входит тоненькая девочка лет пятнадцати, она выглядит чуть-чуть старше, нежели на портрете, смотрит почти растерянно, но пытаясь сохранять достоинство. За ней следуют две девушки чуть более старшего возраста. Все трое одеты в одинаково чёрные платья. Альфонс Браун сразу узнаёт девочку с портрета, правда, она выглядит ещё большим ребёнком. Они с Янжиной совершенно не похожи — графиня Арон выглядит куда крепче. Принцессу Марию Ал бы вряд ли позволил себе загрузить столькими делами. Янжина — сильная девушка. Даже физически сильная. А Мария — тоненькая и худенькая, очень бледная и на вид очень болезненная.

— Я смею надеяться, что ваше путешествие было не слишком утомительным, принцесса Мария? — Альфонс встаёт с трона, отвечает вежливый поклон и повторяет хорошо заученную фразу.

Девушка смущённо, но с достоинством улыбается и склоняется в реверансе. Тоненькая, болезненная, почти бесцветная... Странная... Пожалуй, Алу иногда приходило в голову сравнить их всех — этих девушек из Осмальерда. Ему всегда почему-то хотелось соотнести каждую со своим цветом... Джулию Траонт — с тёмно-зелёным, изумрудным, словно её колдовские глаза, Алесию Хайнтс-с небесно-голубым, словно то впечатление, которое она после себя оставляла, Хельгу Кошендблат — с рыжим или с синим, Марию Фаррел — с чёрным или бардовым, Янжину Арон — с золотым или жёлтым... Кайеримской принцессе он так и не мог выдумать цвет...

— Очень мило с вашей стороны, мой король, беспокоиться о таких мелочах, — произносит она тихо.

Эти слова едва долетают до короля. Слишком тихо. Почти беззвучно. Мария — эта редкостная дрянь Фаррел, а не Кайеримская принцесса — если уж и сказала бы что-то такое, то громко, с нескрываемым сарказмом в голосе, Джулия сказала бы тоже громко, с достоинством, которое было ничем не перебить, Алесия — подскочила бы поближе и

прошелестела бы это, а Янжина... Янжина тоже сказала бы громко. С ложной почтительностью. Такой, на которой сам Ал теперь часто ловил себя.

— Похожа на свою мать, — задумчиво шепчет Теодор Траонт практически на ухо королю. — Будет не слишком хорошо, если она столь же религиозна, как и королева Рэйна.

Янжина предлагала брать деньги на внедрение новых порядков у монастырей. Если принцесса Мария религиозна — это может несколько усложнить выполнение той задачи, которую Альфонс поставил перед собой. Кто знает тогда — как обернется его решение. Ему бы хотелось, чтобы всё, что он запланировал, прошло успешно. Образованные люди никогда не бывают лишними — они могут двигать вперед науку, преуспевать в искусстве... Да та же промышленность, которую нужно было поднять хотя бы до уровня мануфактур — образованные люди всегда пригодятся.

— Религиозна? — спрашивает король. — В Кайериме та же религия, что и в Орандоре?

В Европе, кажется, в четырнадцатом или пятнадцатом веке — Ал не слишком силен был в истории — основная религия раскололась на несколько ветвей. Мартин Лютер, Генрих Восьмой и всё такое. Интересно, что было здесь. Какой тут был примерно век, если переносить на земную историю? В каких-то областях здесь было глубокое Средневековье, в каких-то — что-то отдаленно напоминающее конец девятнадцатого века... Мутное дело.

— Да, вроде — да, — отвечает Траонт озадаченно. — Ваше Величество, я никогда не был силен в религии.

Герцог говорил, что его воспитывала по большей части сестра — Джулия Траонт, — которая, вероятно, была не особенно верующим человеком. В принципе, именно это и ожидалось от этой женщины. Альфонс тоже никогда не был силен в религии. Роза что-то там знала об этом... Вообще, если честно, нужно было попросить приехать сюда Седрика — герцогиня всё равно была в отъезде. Уж семнадцатилетний герцог Траонт вроде как должен был разбираться в этом. Или Хельга хотя бы. Леонард вот разбирался — он был достаточно верующим человеком. Но он сейчас был в Академии.

— Понятно всё с тобой! — усмехается король. — Я надеюсь, королева Рэйна не особенно приобщала своего мужа к своим религиозным взглядам, раз уж принцесса так похожа на мать?

Да, пожалуй, надо будет как-нибудь вызвать короля Джона на откровенный разговор и выведать всё это — он прибывал в Орандор через двое суток вместе со своей супругой королевой Рэйной и, как отшутился кто-то из гвардейцев, не заметив Ала, что проходил мимо, с красивой любовницей, которая имела все шансы заменить Рэйну во всём.

— По всем вопросам, что касаются религии, — замечает Теодор, — следует спрашивать мою сестру — она довольно хорошо осведомлена об этом. Я знаю, что в своё время она посетила многие места, связанные с верой.

Даже так? Алу почему-то казалось, что Джулия не слишком хорошо ориентируется в этом... Ну да ладно — какая ему разница? Но, конечно, надо будет как-нибудь попросить Джулию объяснить ему хотя бы азы принятых здесь норм... Королю, к огромному сожалению, приходится следовать хотя бы некоторым правилам общепринятой морали.

— Долго вы ещё собираетесь трындеть? — из-за спины шипит на них Янжина. — Принцесса, между прочим, на вас сейчас смотрит!

Теодор Траонт насмешливо смотрит на девушку с высоты своего роста, а та, с поистине королевским достоинством, сообщает, что с удовольствием как-нибудь огреет герцога Траонта шваброй по голове. А Ал усмехается и с удовольствием подмечает, что секретарь

Теодора, наконец, немного оттаяла. Она была почти такой же обычной девчонкой, как девочки из его класса в школе на Земле. Она умела смеяться, умела шутить, пусть и была порой слишком уж ответственна. Наверное, это можно было объяснить хотя бы тем, что в Орандоре вряд ли было положено женщинам выполнять ту работу, которую молодой король взвалил на графиню Арон.

Ал еле сдерживается от того, чтобы не фыркнуть от смеха.

— Я очень рад видеть вас здесь, принцесса Мария! — произносит Альфонс как можно более мягко и вежливо. — Надеюсь, вам понравится в Орандоре!

Молодой король с надеждой смотрит на герцога и графиню, надеясь, что хоть кто-то из них ему подскажет, что говорить и как действовать дальше, но оба его привычных «советника» просто сверлят друг друга взглядами, совершенно не обращая внимания на монарха... Что же... Кажется, помощь этих двоих и не требуется — принцесса Мария отвечает ему что-то про то, что королевство Орандор встретило её очень гостеприимно и всё такое прочее. И, когда один из графов Орандора начинает какую-то речь, что была запланирована Теодором Траонтом на этот приём, Альфонс совершенно перестаёт в неё вслушиваться — ему куда больше интересны эти своеобразные «разборки» его двух «советников»...

— Вы — мой секретарь, милая графиня Арон, — елеинным голоском произносит герцог Траонт.

Насколько же это забавно звучит — главное, не расхохотаться прямо здесь, как бы ни с того, ни с сего, в какой-нибудь очень серьёзный и важный момент какого-то графа, которому Теодор доверил эту роль. Альфонс почти чувствует спиной яростный взгляд Яны, почти видит, как сжимаются в кулаки её пальцы... Он прекрасно знает, что девушка сейчас вне себя от гнева. Теодор Траонт добивался именно этого своей язвительностью...

— Я выполняю большую часть вашей работы, дорогой герцог Траонт! — отвечает ему Янжина тем же елеинным тоном.

И Ал чувствует, как его губы расплзаются в усмешке — было весьма любопытно наблюдать за этими двоими... Он переводит взгляд на принцессу Марию, которая с каким-то странным благоговением продолжает слушать речь графа. Этой девочке нет совершенно никакого дела до выражения лица короля, который готов прямо сейчас вскочить с трона, бросить тяжёлую корону на пол и расхохотаться, бросив какое-нибудь колкое замечание в сторону Траонта и Арон...

Альфонс смотрит с каким-то сожалением на это худенькое бледное детское личико и думает о том, что, должно быть, эта принцесса весьма несчастна. А он ведь, если станет её мужем, сделает её ещё более несчастной... Жаль её было, пожалуй... Ни Янжину, ни Джулию, ни Фаррел жаль не было — они были достаточно сильны для того, чтобы справиться с навалившимся на них грузом самостоятельно. Ал был уверен, что ни одна из них не простила бы его за слишком участливое отношение к себе. Алесия нуждалась в поддержке и активно искала её... А Мария Кайеримская? Какой была она? Вряд ли возможно что-то понять по одному лишь приёму — тем более, если они даже не могут пообщаться нормально.

Как они могут стать супругами, если даже не знают друг друга? Голос разума постоянно подсказывал, что девчонка, наверняка, будет несчастна, что бесцветные — почему-то они представлялись именно такими — глаза и вовсе потухнут...

Комментарий к П. П. Глава третья. Надежда для будущей королевы мечей.

Девочка...

Маленькая, хрупкая, драгоценная принцесса...

Та, которую всегда, с самого рождения носили на руках и обожали.

Та, которая воспитывалась за толстыми стенами родительского замка.

Та, которая не знает жизни и даже дурных слов.

Хрупкий ребёнок с нежным лицом и глазами, в которых отразилось столько боли...

Девочка...

Старшая дочь короля — та, которой Господь уготовал великую судьбу.

Ты плачешь — душа у тебя болит о несчастье твоей драгоценной матери.

Ты молишься — о счастье короля, своего отца, хоть и считаешь его вечно неправым.

Ты беребишь чётки — в надежде на собственное счастье в замужестве с королём из соседнего, чужого тебе королевства.

Девочка...

Девочка с озлобленным взглядом тёмно-серых глаз, что с тобой случилось?

Куда подевалось твоё нежное сердечко?

Кем ты сделаешь сама себя? Кем?..

Если в душе почти ничего не осталось...

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

Карточные масти в разных странах имеют разные названия.

Для справки

Мечи — Пики

Монеты — Бубны

Чаши — Червы

Жезлы, Скипетры, Посохи — Трефы

===== П. П. Глава четвёртая. Трефовый туз. =====

Paх animi — Idem facito succedere, quod aequе perficere solet.

Si quis unquam manere frigus — iam victor.

Si quis in faciem servabit etiam fit intolerabiliter affliguntur — fuit victor.

Si quis vult scire se scire secreta animi satis manere tranquillitas — fuit victor.

Concitantus — they intercedi quo minus victoria.

Quid enim faciam cum surrexerit ad iram et dolore — , nulla res alia ab animo reliquerit?

Quid facient cum inspicere dolor pomutnyaet velata oculos et animum?

Quid igitur faciam?

Quid ageret, cum morieris tu semper maxima homini maxime timens amittere?

Quam ut animam tuam, erit?

VI.

Празднование преставления мученицы за веру Янжины Редвайнской — один из самых красочных дней в году. Во всяком случае, здесь — в небольшом городке со странным, едва произносимым названием Ёззишуннен. Толпа радостных, одетых в свою лучшую одежду людей, улыбающиеся счастливые лица, весёлая музыка, под которую так хотелось танцевать, разговоры обо всём на свете — всё это можно было увидеть на этом празднике. Начало сентября, ещё почти жарко — лето ещё не окончательно ушло. На улице почти круглый день светло — даже ночью. Листья на деревьях ещё совсем зелёные, яркие, словно бы в июле или августе. Летом всё ярко, всё красиво, всё ослепляюще... А сегодня — день совершенно

особенный. Женщины пекут вкусное угощение — запах свежее испечённого печенья вряд ли кого-то может оставить равнодушным. Маленькие мальчики и девочки стараются стащить из-под носа своих матерей и бабушек хоть немного сладостей, которые приготовлены на вечер. Люди стараются забыть о своих тревогах и проблемах хотя бы на этот день — наряжаются в свою лучшую одежду, готовят угощение, которое им по карману есть лишь один раз в год, на праздник памяти мученицы Янжины. Все здороваются друг с другом, приветливо улыбаются, кланяются. Весь народ стекается на главную площадь, где уже танцуют и поют бродячие музыканты. Стонали смычки и пели свою тоскливую песню струны, но флейты, гобои, свирели снова начинали играть отчаянно радостную мелодию, от которой так хотелось танцевать... На ярмарке можно было очень многое купить — и шикарные разноцветные ткани, и покрытые глазурью пряники, и острые кинжалы, и другое холодное оружие, с самыми причудливыми рукоятками, из которых Константину Райну больше всего понравился один стилет с клинком восьми-девяти дюймов длиной и с рукояткой в виде змеи, и глиняные свистульки, которые, пожалуй, так понравились бы Вейча и Монтаганем, и фарфоровые куклы в атласных пышных платьицах, одна из которых могла бы, пожалуй, понравиться той же Монтаганем или самой маленькой из команды пиков, четырнадцатилетней Катрине Джонс, и разноцветные моточки ниток для вышивания, которые так понравились Мире...

Стук каблуков, шелест юбок, радостные крики маленьких детей, громкая музыка на площади, страшная давка — вот что такое был Янжинин день. Это был праздник, равных которому в Ёззишуннене не было. Это был единственный день в году, когда городок Ёззиншуннен сверкал яркими красками, словно сошёл с детского рисунка. Торговцы украшали вывески своих лавок цветами — поздними цветами, которые, может, несколько менее яркими, нежели те цветы, которые распускались в июле, но их краски были куда более насыщенными. Тёмно-бардовые, ярко-алые, тёмно-оранжевые, тёмно-синие... Эдуард чтит память святой Янжины, и, когда он был жив, их дом всегда был украшен цветами на день празднования её памяти. Константин никогда не был особенно религиозен. Но он всегда бегал нарвать цветов перед днём празднования памяти святой Янжины. Как бы Эдуард сумел набрать цветов для украшения дома самостоятельно?

Вспоминать брата больно. Всё в нём — его полугрустная, полуласковая улыбка, его растрёпанные волосы, его усталые глаза, смотревшие всегда с таким пониманием — было дорого Константину Райну. Говорят, мёртвых нужно отпускать, иначе они никогда не смогут быть упокоены... Трефовый туз не мог отпустить. Ему страшно, почти необъяснимо страшно хотелось мести — до слёз, сковывающих горло и мешающих произнести даже одно слово, до боли, убивающей доброту, милосердие и сострадание, до ненависти, сжигающей душу и сердце... Эдуард Райн был мёртв. Это та мысль, в которую сначала Константин всё не мог поверить, всё думал, каждый раз, когда случалось что-то, что вот-вот — придёт и расскажет всё старшему брату, а тот усмехнётся мягко и посоветует что-нибудь... Но... Эдуард Райн был мёртв. Теперь это ничто не изменит. Да, месть тоже. Но сострадание и милосердие — и подавно. Константин когда-нибудь обязательно отомстит, и злорадно усмехнётся, не без радости в выжженном сердце наблюдая за тем, как рушится жизнь того, кто посмел забрать у него Эдуарда.

Константин обязательно продумает всё до мелочей. До самой, казалось бы, незначительной детали. Пропишет в голове всё-всё. Он уже придумал практически всё для того, чтобы его месть осуществилась. Смерть того человека не должна быть лёгкой. В конце

концов, Эдуард умирал тяжело — он кричал от боли так сильно, что у Константина разрывалось сердце... Райн почти наяву видел застывшие слёзы на мёртвом лице старшего брата — единственного человека, которому он не был безразличен. И парень ни за что на свете не позволит убийце его брата страдать меньше. Напротив — кару он ему придумал страшную. Таковую, что тот содрогнётся, поняв, что именно его ждёт. Константин чувствует, что не может не улыбнуться... Жажда мести сожгла его душу. Теперь её же предчувствие согревало его, когда огонь в его сердце погас. У него не было ничего, равным счётом ничего — кроме острого ума и жажды мести. Не было ничего — ни любимых людей, ни семьи, ни властолюбия, ни тщеславия, ни сребролюбия. Словом — ничего из того, что поддерживает людей в самые страшные для них минуты — а то и целые годы — их жизни. Только единственная цель — отомстить... Ей одной он жил. Ей одной он не сошёл с ума. Когда-нибудь у него не станет и этой единственной цели в жизни — когда ему удастся отомстить. Но об этом думать было слишком рано...

Наверное, Эдуард не одобрил бы этого.

Он и сам был почти святой — безумно религиозный, невероятно добрый, милосердный, понимающий даже необъяснимое... Братья... Константин и Эдуард были совсем не похожи друг на друга. Старший был человеком жалостливым, готовым понять и простить совершенно всё на свете, почти с самого своего рождения был кроток и послушен, ещё подростком страшно искалечен физически, но душой был необычайно крепок и силён. Младший от рождения был вспыльчив, почти гневлив, в ярости слеп и глух ко всему, что происходило вокруг, к своим восемнадцати годам сделался чёрств душой, почти ворчлив, телом же был совершенно здоров, хотя душа его теперь была совершенно выжжена той болью, которую ему причинила смерть брата. От его сердца осталось лишь пепелище, на котором теперь вряд ли что-то сможет вырасти. В детстве будучи впечатлительным, хоть и совершенно непослушным и неуправляемым, но, в общем-то, добрым ребёнком, к выпускному году в Академии он сделался холоден, мрачен и равнодушен.

Праздник был светлым и шумным, как и каждый год. Люди что-то кричали на площади, и Константин с Мирой пошли туда. Кое-как протиснулись сквозь образовавшуюся перед главной площадью в городке толпу к пристани. Мире, кажется, нравился этот праздник — она счастливо улыбалась и прижимала к груди большую фарфоровую куклу, купленную на ярмарке.

Какая-то черноволосая девушка пела какую-то песню, очевидно, из местного фольклора. Одета в совершенно странную, немыслимую одежду, она улыбалась и всё продолжала петь... Голос у неё был приятный, сильный. Константин смотрел на неё, и ему самому хотелось улыбнуться. Все люди радуются, глядя на эту девушку — душа всегда радуется при взгляде на что-то здоровое, живое, естественно-сильное... Ей хлопают, а она всё продолжает петь... Пожалуй, она была очень красивая — Райн мог поклясться, что ещё никогда не видел девушки, что была бы красивее. А девушка отстукивала каблуками по деревянной сцене какой-то причудливый ритм. На гусях ей играл местный бард, высокий и худой смуглый парень. Какой-то мальчик лет одиннадцати играл ту же мелодию на свирели. Светило солнце. Почти летнее ещё. Яркое. Высокое. Слепляющее.

Трефовый туз знал её, эту девушку, что пела сейчас на сцене — она помогала ему после смерти Эдуарда. Люди, с которыми она в основном общалась, называли её Мирандой, но, кажется, она как-то упоминала, что её настоящее имя другое. Вот её брат, Дамиан, находился совсем неподалёку — срезал кошельки у зазевавшихся прохожих. Вот тот

мальчишка, Джон, делал то же самое. Дамиан, едва завидев Константина, помахал ему рукой и снова нырнул в толпу, растворяясь в ней. Когда Райну довелось путешествовать с этой шайкой неделю, в ней было всего человек шесть или семь — они выступали на площадях мелких городов и деревень в праздники, они устраивали какие-нибудь скандалы в обычные дни и обязательно прихватывали с собой часы, кошельки, браслеты, кольца зазевавшихся прохожих. Иногда последним занимался Дамиан со своим учеником, иногда Миранда, иногда рыжий парень, что не имел имени и которого называли просто Хромым...

Константин был бы рад остаться среди них — в шайке этих мелких воришек было, пожалуй, почти весело. Но Миранда строго посмотрела на него тогда, увлекла в сторону и долго-долго объясняла, что Райну следует окончить Академию — что так будет безопаснее для него, лучше, что он сможет найти нормальную работу, когда закончит это заведение, что, в любом случае, она, Миранда, не позволит в шайке появиться ещё одному ребёнку (Джону, действительно, некуда идти, а Константин ещё может куда-то податься), что... «Лучше тебе, мальчик, не соваться в дела воров и убийц, на твоём веку ещё много будет неприятностей» — кажется, так она тогда сказала...

Райн снова протискивается сквозь толпу, на этот раз, чтобы оказаться в стороне от неё. Встаёт около какой-то старенькой чугунной скамейки, подходит к ограждению, что отделяет это место от реки — там, за чугунной решёткой течёт река Еззин. Пожалуй, ему хочется побыть в одиночестве... Он уже так привык находиться один — один в своей комнате, один в лаборатории, один в библиотеке, один посреди пустой улочки в городе часов в пять утра, — что это становится необходимостью, воздухом, без которого он не сможет дышать.

— Ты когда-нибудь был здесь? — спрашивает Мира, осторожно присаживаясь на скамейку, около которой стоит Константин.

Парень кивает. Да, он был здесь — с Мирандой, её братом Дамианом, её шайкой... Если быть точнее — они помогали ему добраться до этого города и сесть на корабль, что прибывал в Академию. Это было тем летом, когда погиб Эдуард. Тогда, как и следовало ожидать, Ёззишуннен не произвёл на мальчика совершенно никакого впечатления — все его мысли были заняты оплакиванием смерти брата, и на город он не обратил ровным счётом никакого внимания. Ему было совершенно всё равно, какие почти кукольные деревянные домики, что были выкрашены в самые яркие и невозможные цвета, здесь были, какие красивые цветы росли в садах — лучших по всей стране, какая река протекала сквозь весь город... Разве он мог думать о чём-то, кроме Эдуарда, которого буквально разорвало той странной магией?

Константину лишь хотелось поскорее забыться...

Но этого никогда не произойдёт...

Трефовый туз стоит, облокотившись на чугунную решётку, что выкрашена, как и следовало ожидать от Ёззишуннена, в совершенно невероятный для этого и совершенно нелепый жёлтый цвет. Парню кажется, что он снова чувствует себя хорошо — ему нравится в этом городке, пожалуй. Здесь тихо, спокойно в обычное время и бывают самые необыкновенные праздники. А ещё тут временно остановилась Миранда. Эта невообразимая особа, которую боялся даже задира Одрик из её компании. Миранда была очаровательна. Очаровательна своим здоровьем, своей радостной открытой улыбкой, своим вздорным характером, крутым нравом, своей бесконечной добротой... Пожалуй, Константину хотелось бы присоединиться к ней. В конце концов, сейчас-то он точно многое может — он неплохо учился в Академии, он достаточно силён в зельях, в проклятьях, в боевой магии, в магии

разрушения, в магии иллюзий, в магии преобразования: в зельях он был лучшим среди всех учеников Академии, в проклятьях его обходил только Эйбис Вейча, как бы этот парень не пытался это скрыть, Константин был готов признать, что проклятья Вейча снять было практически невозможно, настолько разумно и безукоризненно они были построены, в магии разрушения — только Феликс Эсканор, фальранский князь с кучей прав и привилегий, а так же — с наследственными магическими навыками, в магии иллюзий — только Эниф Монтаганем, эта маленькая врунья, которую, пожалуй, следовало уважать куда больше, чем кого-либо из них всех, в боевой магии — только княжна Леонризес, особа весьма вздорная, хоть и старающаяся «держать лицо» перед всеми, не столько умная, сколько талантливая и старательная, ну а в магии преобразований только Леонард Кошендблат, младший сын герцога Кошендблата, умный, но несколько забитый рыжеволосый паренёк, который ужасно боялся как-либо разозлить своего отца... Это был достаточно неплохой результат, если хорошенько подумать. К тому же, Константин являлся оборотнем, что даёт довольно много очков к боевой магии и магии иллюзий. Трефовому тузу, пожалуй, нравился Ёззишуннен. Ему нравилось находиться здесь, слышать сильный и уверенно-красивый голос Миранды, дышать свежим воздухом и не думать хотя бы десять-пятнадцать минут о своих проблемах. Ему нравилось видеть червовую королеву под боком, нравилось слышать её тихий, дрожащий голос, нравилось ощущать себя частью этого мира, нравилось не чувствовать вокруг себя тот барьер из равнодушия и полной отречённости от остального мира, что был с таким трудом и так кропотливо выстроен им за те шесть лет после смерти Эдуарда. Константину Райну нравилось снова, как в десять лет, ощущать себя полностью свободным... Он бы остался в Ёззишуннене на долгое время — даже, быть может, отказался бы на несколько месяцев или лет от своей мести.

— Ты не слишком любишь легенды... — вздыхает Мира, кутаясь в свою тоненькую вязанную кофточку. — Жаль — они так красивы.

Легенды? Константин усмехается. Какой в них прок? Какой прок в красивых историях? В историях, где герой всегда побеждает? Какой прок в глупых сказках? В сказках, которые можно разве что рассказать маленькому ребёнку, которому нужно во что-то играть? В сказках, в которых нет ровным счётом ни одного правдивого слова? В которых всё, что нужно сделать человеку, чтобы победить — быть добрым? Какая невероятная чушь! Константин усмехается грустно. Эдди вот тоже был добрым — во многом это ему помогло? Во многом ему помогла его доброта, когда пришли те люди — с огнестрельным оружием, с магическими печатями на запястьях, с каким-то ордером, Константин уже никогда не вспомнит точно, как он назывался. Помнит только, как Эдуард схватил его за руку и строго сказал ему уходить из деревни, отправляться в Академию и... Ни за что и никому не признаваться в том, что он оборотень. Потому что это очень опасно. Люди, так уж получилось, не слишком любят тех, кто хоть чем-то отличается от них. Нельзя, ни за что на свете нельзя признаваться... Что бы ни произошло...

И виной людской злобы, людской глупости тоже являются те же самые легенды — разве не в них всё хоть малость странное выставляется опасным? Разве не руководствуясь всё теми же легендами работает инквизиция? Разве не из-за них убили тогда Эдуарда? Разве не по их вине?

Константин Райн ненавидит всё, что связано с этими глупыми историями. Зачем люди когда-то сочиняли их? Разве нечем было больше заняться? Разве нельзя было придумать что-то другое? Константину бы очень хотелось никогда не соприкоснуться с легендами больше.

Но он прекрасно знает, что этого никогда не будет — настанет день и он возьмёт в руки сборник этих историй, чтобы покарать виноватого в смерти Эдди. Трефовому тузу будет ужасно противно это делать, но это принесёт ему то успокоение души, которого он с того самого дня не знает. Константин прекрасно знает — он станет самым страшным ночным кошмаром того человека, который стал самым страшным его ночным кошмаром. Он отомстит, отомстит за те чёртовы годы, которые ему было так тяжело прожить... Говорят, людям из ордена Святой Инквизиции не суждено оказаться в аду после смерти. Что же... Константин сможет устроить тому человеку ад и здесь... Сможет заставить ненавидеть эту проклятую жизнь... Он всё сможет. Справится. Не имеет права не справиться. После смерти Эдуарда — не имеет.

— И глупы, — пожимает плечами Райн, присаживаясь рядом с Мирой. — Девы, которые нуждаются в спасении, рыцари, которые вечно торопятся их спасти — разве есть что-то глупее и смешнее?

Всё дело не в этом. Всё дело не в рыцарях, не в девах — это, действительно, только глупо и смешно. Всё дело в том, что Константин — оборотень. В том, что люди слишком боятся таких, как он. В том, что люди из-за этих легенд готовы убивать всех, кто чем-то отличается от них... Трефовому тузу думается, что он и Вейча несколько похожи. Только Эйбиса тогда спасла та женщина... А вот Эдди спасти было некому. Вся разница лишь в этом. Впрочем, Вейча и не оборотень. Он нечто более страшное. Он даже не маг крови. Куда более опасное существо для людей. Маг душ... Тот, кто может возбуждать в людях либо крайне положительные, либо крайне отрицательные эмоции, кто не может оставлять равнодушным, кто питается чужими страхами, эмоциями, тайнами... Почти демон, почти ловец душ... Существо куда более страшное, нежели даже маг крови... Немудрено, что его хотели убить... Константину бы самому хотелось избавиться поскорее от такого существа... Впрочем, этому виной, возможно, тоже были те же самые легенды. Возможно, именно из-за них он так опасался Эйбиса. Тот, впрочем, вероятно, был весьма безобиден — за годы обучения в Академии тот выбрал весьма разумную тактику для того, чтобы подпитывать свою магию. Он вызывал гнев. Лез к Виланду, к Мире, к Леонризес, к Розе, к Аделинд — к тем, кого больше всего раздражали его выходки. Он заставлял людей сердиться на него так сильно, что те почти ненавидели его теперь. Вейча питал свою магию этой ненавистью. «Чем сильнее эмоции, которые испытывают люди вокруг, тем сильнее маг душ,» — кажется, это говорил мистер Гордон Эйн на своих уроках. Эйбис был достаточно силён, если рассуждать так. Он вызывал в окружающих его людях столько эмоций — хороших или дурных, второе было, впрочем, чаще, — что с лихвой хватило бы на сразу нескольких магов душ. Пожалуй, Константину следовало его опасаться. Маги душ, кажется, особенно остро чувствуют оборотней, магов крови и всех остальных — именно они больше всего по своим способностям приближены к демонам. Но Райн не слишком опасался Вейча — тот был довольно тих да и, возможно, сам не до конца осознавал свои возможности.

Всё дело совсем не в этом... Всё дело лишь в жестокости тех самых легенд. В том, что в них самые миролюбивые народы могли обвиняться в чрезмерной жестокости, что в них самая настоящая жестокость называлась подвигом. Всё дело лишь в этом. Константин ненавидит и презирает легенды за это. Было бы всё иначе — кто знает, как сложилась бы жизнь у него и Эдди? Но теперь уж ничего не возможно изменить. Остаётся только один выход, пожалуй... И этот выход — месть. И никто на свете — ни Эйбис, ни Феликс, ни кто-либо из учителей, ни Миранда — не смогут ему в этом помешать.

Дамиан выскальзывает из толпы, шутливо отдаёт Константину честь и снова растворяется в этом огромном скоплении народа. Дамиан... Миранда... Джон... С ними было тогда почти хорошо — они заботились о нём, опекали. Можно было чувствовать себя почти своим, почти нужным... Возможно, Константину Райну тогда нужно было именно это — находиться среди людей, которым не всё равно. Стоило ему, пожалуй, упросить Миранду тогда взять его с собой. Впрочем, она оставалась бы непреклонной, как бы он её не просил. Константину бы хотелось никогда не учиться в Академии — пусть он и делал неплохие успехи, всё это было сначала ради исцеления Эдуарда, а потом ради мести. Константину бы хотелось, чтобы всё было так, как было когда-то совсем давно — ещё до смерти родителей, когда Эдди был здоров, когда не нужно было учиться ни в какой магической Академии, когда всё было хорошо... Ему не нужны были ни деньги, ни слава, ни власть — только то счастье, которое когда-то царило в его семье. Пожалуй, он устал. Устал постоянно стремиться к тем знаниям, которые были так необходимы ему — устал изучать зелья, одно за другим, от безобидных и даже полезных человеку и до самых страшных ядов, устал придумывать всё новые и новые проклятья, устал смотреть на то, как они действуют на разных животных, устал притворяться самым обычным человеком, устал подавлять свои оборотничьи порывы и инстинкты, устал общаться с опостылевшими ему людьми, устал выдавливать из себя дежурную улыбку, которую, впрочем, к счастью, все расценивали как пожелание всего самого плохого, устал ждать...

Но он подождёт. Константин Райн прекрасно умеет ждать. Он сумел доказать это самому себе. А доказать другим будет куда проще. Самое трудное всегда — убедить самого себя. Убедить, что нельзя действовать сгоряча, что нельзя бросаться в самое пекло тогда, когда даже не знаешь, сможешь ли ты добиться своей цели, что нельзя всегда прислушиваться к своим инстинктам, что нельзя слишком выделяться из толпы... Убедить себя, что любовь к тебе со стороны других людей совершенно невозможна. И верить в это. Верить всем, что ещё осталось от собственного сердца.

— Моя мама говорит... говорила... Говорила, что сказки учат нас тому, как нужно жить, — замечает Мира почти неслышно. — Учат тому, как нужно любить...

Константин совсем забыл, что девчонка находится рядом с ним... Почему-то сейчас вдруг становится её невозможно жалко. Райн прекрасно понимает, что червовая королева чувствует сейчас, после смерти матери. Он и сам через всё это прошёл после гибели Эдуарда. Смешно, что смерть родителей он никогда не воспринимал так тяжело — должно быть, потому, что умерли они слишком рано. Он никогда не воспринимал их смерть так серьёзно, никогда не горевал по ним так сильно, как по старшему брату. Мире было тяжело пережить смерть матери. Константин прекрасно её понимал. Трефовый туз никому бы никогда не пожелал пережить смерти близких людей — он знал, насколько это больно, горько, насколько душа опустошается после этого... Наверное, поэтому ему было так жаль эту Андреас, что он полез тогда в реку за её браслетом, что он оплатил комнату в гостинице и за неё тоже, что он купил ей какую-то странную фарфоровую куклу, которая ей так понравилась... Ему было горько даже думать о том, что кто-то может испытать столь же сильную боль, что и он сам тогда.

Эдуард тоже так говорил... Про легенды... Про то, что они учат любви... Хорошей же любви они учили людей! Константин усмехается как-то тоскливо. Эдди прекрасно бы знал, что сказать в таком случае... Он всё всегда понимал и знал... Эдуард бы прекрасно объяснил те странные эмоции, которые ощущал Константин, глядя на кудрявую Миру. Смог бы

понять... Потому что трфовый туз совершенно не понимал этого.

— Любовь? — вздыхает Райн тяжело. — По мне так, любовь — самое паршивое чувство из всех, что можно придумать.

Только после него на душе так тоскливо и пусто. Только оно приносит столь сильную боль, что кажется, что невозможно её больше терпеть... Только оно заставляет плакать так сильно, уничтожая при этом сердце маленькими кусочками — с каждой каплей, постепенно, неторопливо, почему ещё более болезненно, нежели, если бы это было сделано сразу. Разве можно считать это чувство хорошим? Константин когда-то тоже считал его таковым — добрым, радостным, что приносит счастье. Но... Лучше никогда не любить, никогда не быть любимым — словом, всегда чувствовать себя хорошо и спокойно.

— Почему? — не понимает Мира. — Любовь — самое чудесное, что только есть во всём Осмальерде!

Даже после смерти матери — не понимает... Стало быть, она куда лучший человек, чем Райн. Стало быть... Не слишком важно. Константин, кажется, возненавидел само слово «любовь» почти сразу же после гибели Эдуарда. Ему было так больно... Ему до сих пор больно — он вряд ли когда-нибудь сможет отпустить своего брата... Мире тоже было больно. Она тоже тосковала по умершей матери, ей тоже было ужасно горько и тошно от всего, что происходило вокруг — Константин видел, с каким презрением она смотрела на те склоки Эйбиса, Феликса и Кристиана, а ведь когда-то девушку занимали эти склоки, она пыталась как-то примирить тех троих... Мире было так же больно, как было больно Райну. И она тоже не могла ни с кем этим поделиться, из-за чего, разумеется, чувствовала себя ещё более отвратительно... Интересно, так же себя чувствовал Эдди, когда их с Константином родители погибли? Сам трфовый туз был тогда ещё так мал, что вряд ли мог что-то понять... Что, наверняка, причиняло его брату ещё большие страдания.

Константин улыбается грустно и с каким-то почти восхищением смотрит на светлые кудри Андреас. Он никогда не думал, что бывают такие люди — невероятные... Верящие в лучшее несмотря ни на что. Что есть ещё кто-то такой, помимо Эдуарда... Мира в этом была похожа с Эдди — даже после смерти одного из самых близких для себя людей продолжала верить в сказки, в глупые легенды, продолжала любить их, продолжала радоваться светлому чистому небу, празднику Янжины, шумной толпе, ярмарке... Эта девушка была невероятной... Невероятной в своей обыденности... Рядом с ней было уютно, тепло, хорошо — словом, почти так же, как когда-то было с Эдуардом... Константин усмехается про себя, что почти завидует её будущему мужу. Кому-то повезёт с Мирой... Жаль, что не ему — ему никогда не повезёт в любовном плане. Райну думается, что когда-нибудь его уничтожит его желание отомщения... Когда-нибудь, быть может, уже лет через десять-пятнадцать, он будет умирать и жалеть о том, что жил одной лишь идеей мести. Но это будет тогда... Сейчас он не может думать ни о чём другом. Сейчас его совершенно не интересует собственное счастье... Должно быть, когда-нибудь он будет проклинать себя за это. Но не сейчас. Сейчас Константин не может решиться ни на что другое.

— Смотря как любить... — как-то невесело, непонятно — мрачно или тоскливо, — отзывается Райн.

Должно быть, сам Константин любит просто отвратительно. Слишком уж он эгоист, слишком уж много он думает о себе, о своей боли... Слишком мало он думает о чувствах других... Но разве может он любить хоть сколько-нибудь иначе? И разве имеет право его кто-то за это осуждать? Каждый любит так, как может любить его сердце. И никак иначе. А

у Райна сердце стало чёрствым. Трефовый туз усмехается — если хлеб становится чёрствым, его выбрасывают, а вот что делают с чёрствым сердцем? Разве не стоит сделать то же самое?..

Должно быть, сам Константин никогда не научится любить так, как умел любить Эдуард, как, должно быть, любила Мира — легко, спокойно, светло, не разрывая собственную личность на части, не отдирая от неё по маленькому кусочку с каждой минутой. Райн слишком эгоистичен и замкнут для этого. Он не может любить так же просто и легко, как любил всех Эдди, как любила всех, должно быть, эта глупенькая Андреас... Он не может не сжигать самого себя той любовью, которой умеет любить...

— Любовь всегда любовь! — улыбается Мира ласково. — Какой бы человек не любил — любовь останется любовью! Это слишком светлое и доброе чувство, чтобы оно могло быть чем-то осквернено!

Светлое и доброе чувство, что толкает людей на столь ужасные поступки, на которые не толкнёт никакое презрение, никакое равнодушие... Светлое и доброе чувство, что способно убивать. Светлое и доброе чувство, которое способно сотворить с человеком даже нечто худшее, нежели смерть. Любовь — то, что может превратить некогда обычную человеческую жизнь в такой ад, в который её ничто больше не может превратить. Любовь — то, что заживо сжигает человеческие души. Любовь — то, что заставляет людские души захлебнуться кровью. Светлое и доброе чувство... Да, конечно. Слишком уж оно сильное, чтобы оставаться светлым и чистым. Любовь — это тот вихрь, что заставляет всякого, кто ощутил его, пуститься в жестокую пляску крови, разрушительной, несущей лишь боль и страдания магии и смерти.

Всё всегда зависит от того, кто именно любит. Не каждый человек умеет любить, не принося боль всем, кто его окружает. Не каждый человек может любить естественно, просто, дыша полной грудью... Константин вот не умеет. И многие не умеют на самом деле. Очень многие... Любовь всегда очень разная. Не каждый сумеет сделать из этого чувства что-то нормальное, не каждый сможет отказаться от предмета своей любви тогда, когда будет лучше отпустить... Не каждый сумеет отказаться от любимого человека, отдав его, возможно, другому — потому что так будет лучше, что так будет... безопаснее... И никогда нельзя осуждать... Если философия бубнов и была в чём-то права, так это в том, что никто не имеет права судить человека... У каждого поступка есть своя причина. И кому как не Константину это понимать? Только вот когда-нибудь он присвоит себе право судьи. Тогда, когда до конца продумает свой план мести... Тогда он возьмёт на себя ответственность за последствия своего суда. Пожалуй, именно поэтому он никогда больше не должен позволять себе любить кого-то. Кто бы это ни был. Потому что никто не знает, к каким пагубным последствиям для того человека всё это может привести...

— Любовь — слишком сильное чувство, Мира, — качает головой тремовый туз. — И оно будет столь же светлым или столь же тёмным, как и душа человека, в котором оно зародилось. Никто не знает, что у него в душе, пока это не вырвется наружу — или вовнутрь — и не сожрёт, вероятно, всё на своём пути. Оно сожрёт или испепелит твою душу, если в ней будет достаточно гнева, боли или слишком много счастья. Вот потому я и считаю, что любовь — самое отвратительное из всех человеческих чувств, которые только существуют.

Константину почти хочется усмехнуться — давно же он не говорил так много с кем-то... Нет, ему приходилось отвечать учителям, но это было совершенно не то. Но он уже давно не говорил с кем-то по душам... В последний раз это был лет шесть назад... Да,

именно шесть лет назад — тогда, с Мирандой, после смерти Эдуарда...

Миранда уже не танцует и не поёт — теперь запел её брат Дамиан. А сама девушка теперь будет отдыхать... Если Константин когда-нибудь её увидит снова, попросит спеть какую-нибудь песню о зиме именно для него. Пожалуй, ему это очень, очень сильно нужно. Он бы хотел услышать её голос, послушать ту песню — он прекрасно знает, что за песня это будет... Миранда ему споёт именно то, что поют женщины по ночам своим детям в тех краях, где родился Константин...

— А ненависть? — спрашивает девушка, очень серьёзно смотря на собеседника. — Её ты не считаешь самым отвратительным из человеческих чувств?

Райн поднимает глаза к небу. Какое оно, всё-таки, красивое — высокое, чистое... Забавно — он так редко обращал своё внимание на это красоту, но когда обращал, никогда не мог оторваться... Он вряд ли когда-нибудь попадёт туда — на это высокое, безграничное, прекрасное небо... Туда попал после своей смерти Эдуард, должно быть, туда попала мама Миры, туда попадёт после своей смерти — ведь когда-нибудь, быть может, лет через шестьдесят-семьдесят это случится — и сама Мира Андреас... А Константин Райн не попадёт туда никогда... Он никогда не попадёт на небо. Своими поступками он скоро разгневет богов окончательно — если, конечно, не успел разгневать их до этого своими мыслями... Ему нравится это небо — такое высокое, чистое, синее-синее... Он бы смотрел на него бесконечно...

Этому бескрайнему, бесконечному, чудесному небу совершенно всё равно, какие проблемы внизу, у людей... Должно быть — там сейчас живут все те хорошие люди, которые когда-либо умерли... Стало быть — там сейчас живёт и Эдуард Райн. Быть может — он сейчас смотрит на своего непутёвого младшего братишку сверху и грустно-грустно улыбается. Качает головой, смотрит невесело, тянет к нему свои бледные тонкие руки... Самому Константину никогда не попасть на небо. Впрочем, ему так казалось даже в далёком детстве... Какое-то странное ощущение потерянного дома преследовала его даже тогда. Младшему из братьев Райнов никогда не вернуться на небо.

— Ненависть? — переспрашивает Константин, говорит он почти шёпотом, с каким-то придыханием, словно пробуя данное слово на вкус. — Ненависть — та же любовь. В извращённой форме.

Он медленно встаёт со скамейки и снова не спеша подходит к чугунной решётке моста. За ней — синяя-синяя, как никогда не бывает на далёком севере или на далёком юге, речка. Поистине несправедлива природа — лишать людей, что лишены удобных для жизни условий, ещё и красоты... Впрочем, жизнь в общем — не слишком любит справедливость. Так чего же возмущаться из-за одной-единственной речки? Подумаешь — речка... Есть вещи куда более несправедливые. Константин тяжело вздыхает — снова вспоминается день смерти Эдди... Впрочем, Райн никогда не мог забыть его. Этот день. День, когда его счастливая жизнь окончательно закончилась. За что небеса так карали его? И ладно его — за что они покарали вместе с ним и Эдуарда? Тот, уж точно, не был в чём-либо виноват. Константин не знает и не помнит тот проступок, за который его могли наказать — но он прекрасно знает, что этот проступок где-то имел место. В какой-то из прошлых жизней. Ведь они же были... Наверняка — были!

— Человек не может не любить! — выдыхает Мира. — Я не верю, что в мире есть хотя бы один человек, который бы...

Да, пожалуй... Любить кого-то — в человеческой природе. Любить — чаще всего того,

кто этого меньше всего заслуживает, реже — того, кто заслуживает куда большего, куда более хорошего, светлого... Человек всегда стремится выбрать хоть кого-нибудь предметом своей любви. Кому-то везёт — есть хорошие родители, братья или сёстры, у Константина Райна всё было именно так, кому-то везёт не слишком — и этот человек плюёт на всех остальных и начинает любить только самого себя, кому-то совсем не везёт — и этот человек пускается на поиски того, кто мог бы его полюбить, влюбляется в самого недостойного, набивает шишек и, в лучшем случае, ненавидит потом...

В худшем же случае — любит всю оставшуюся жизнь.

Танатос... Легендарная личность, пожалуй... «Человек без сердца», «Человек без души», «Отступник», «Демон», «Грешник»... Сколько у него было прозвищ? И не считаешь... И все одно другого краше. Танатос... Легендарная личность! Константин бы уважал кого-то такого, если бы в реальной жизни были такие люди. Или Драхомира — «Ренегата», «Предателя», легендарного «Ублюдка» по всем статьям... Так вот, на счёт Танатоса — говорили, что он никогда и никого не любил. Райн тихонько фыркает от смеха — быть может, Мира как раз из тех, кто разделял его точку зрения на счёт этого странного человека из древних сказочек.

Впрочем, плевать...

— Ты же любишь легенды! — усмехается Константин, опираясь на решётку локтями. — Вроде считается, что Танатос никого не любил...

Мира почему-то молчит. Возможно, пример с Грешником ей нравился не слишком. Впрочем... Кого ещё можно было привести в пример? Все любили кого-то. Или что-то. Как Ареселис, что любила свой город. Или как Инард, любивший свой народ. Все кого-то или что-то любили. Только про Танатоса говорили, что он не любил никого. Только про него. А вряд ли Константин знал хоть чей-то жизненный пример этого же...

— Я с этим не согласен, знаешь? — произносит Райн задумчиво через пару минут, понимая, что Андреас продолжает молчать. — Танатос любил самого себя. Это тоже любовь — самолюбие.

Девушка тоже встаёт со скамейки и подходит к нему. С той же самой большой фарфоровой куклой в руках, отчего кажется ещё младше своего возраста — она, и без этого, тоненькая и не слишком высокая, да ещё и со своими забавными кудряшками... Константину жаль её. Искренне жаль. Ему бы хотелось, чтобы никто больше в мире не чувствовал такой боли, которую ощущает он... Ему бы хотелось, чтобы никто больше не чувствовал себя так ужасно... И уж точно не эта забавная девчушка Андреас — кудрявая червовая королева, что выглядела в свои семнадцать лет на тринадцать или максимум на четырнадцать... Райну бы не хотелось, чтобы она чувствовала себя так же ужасно. Она слишком хороша для этого, пожалуй... Добрая, милая, очаровательная — совсем ребёнок. Она очень похожа на Эдуарда — такая же нежная, такая же ласковая... Если бы он только имел право полюбить кого-нибудь — это бы был кто-то вроде Миры Андреас. Кто-то такой же мягкий, кто-то такой же домашний и милый...

— Так ты читал? — удивляется Мира и почти сразу же спрашивает его радостно. — Ты, всё-таки, читал легенды?

Райн усмехается едва видно. Словно чему-то глупому. Девушка смотрит чуть обиженно, и трёфовый туз как-то незаметно для самого себя немного расслабляется. Ему становится как-то совершенно неожиданно хорошо... Пожалуй, если всё будет идти именно так — он полюбит практику...

— Да, конечно, — странно мягко для себя самого соглашается Константин. — Они идут по школьной программе на литературе, а мне бы хотелось закончить Академию с лучшими результатами, на которые я только способен.

Он снова смотрит на небо — вот появляется небольшое белое облачко. Пожалуй, это облачко похоже на Миру — такое же крошечное, воздушное и светлое... А вот то — что зависло над ратушей — похоже, пожалуй, на Эдди... Константин усмехается самому себе — как малый ребёнок, честное слово, стал смотреть на небо и думать на счёт того, на кого именно похожи облака...

— И ты так и не выбрал героя, что был бы тебе по душе? — удивляется Андреас. — Книг и легенд очень много... Я не верю, что можно не иметь любимого персонажа.

Константин оборачивается к ней, смотрит на её осунувшееся за время после смерти матери личико, на светлые кудряшки, на едва заметные веснушки на светлом личике, на красивые глаза, светящиеся любопытством... Все мысли мгновенно вылетают из головы. Не остаётся ни одной — даже самой глупой. Требуется некоторое время для того, чтобы собраться с мыслями снова...

— Я больше люблю читать научную литературу, нежели художественную, — усмехается Райн, надеясь хоть как-нибудь прикрыть насмешливым тоном своё смущение. — Но, если ты настаиваешь...

Константин несколько мгновений думает. Ни одна легенда не приходит ему в голову в данный момент. Хотя парень не может сказать, что знает их слишком мало — напротив, он читал все из тех, что проходились в Академии. Но в голову сейчас не приходит ни одна из них. Через несколько секунд, правда, всплывает одна — легенда о той долгой войне между магами и вампирами... Больше не вспоминается ничего. Константин как можно быстрее старается перебрать всех персонажей той единственной легенды, за которую ему удалось «зацепиться взглядом»...

— Ареселис, пожалуй, — говорит парень, стараясь говорить как можно увереннее — в конце концов, он неплохой актёр, как он сумел выяснить за время учёбы, значит, и Миру обмануть у него сейчас точно получится. — Да, пожалуй, из всех персонажей легенд мне больше всего нравится Ареселис.

Он сам усмехается своей удаче — Ареселис Вирджилисская именно тот человек, о котором, пожалуй, можно было много чего рассказать. Эта эльфийка не раз выручала его на экзаменах по литературе. Спорная личность. Очень спорная. Константин Райн любит спорных личностей. О них всегда есть что рассказать. С самых разных сторон. А эта эльфийская княгиня была именно такой.

— Вирджилисская цитадель... — усмехается Райн как-то задумчиво. — Подумай — насколько она была сильна... Она была очень сильной колдуньей.

Интересно, всё-таки, как к ней относится сама Андреас? Константину, пожалуй, княгиня Ареселис Вирджилисская интересна, он бы очень хотел с ней увидеться, поговорить, быть может, но... Она была слишком сильной женщиной. Как герцогиня Джулия Траонт, что иногда навещала Эйбиса. Поистине — цитадель. Никак не меньше. Не стоило недооценивать Джулию. А, следовательно, не стоило недооценивать и Ареселис. Эти две женщины — легендарная и настоящая — были весьма похожи. Пожалуй, зная такую женщину, какой была герцогиня Траонт, Константин мог бы поверить и в существование княгини Вирджилисской, что была сердцем той цитадели... Бросить вызов фальранскому королю Инарду и устоять — заслуживает уважения.

— Магом крови... — брезгливо морщится Мира. — Она убивала людей.

Вот оно — то же отвращение, то же презрение, тот же страх, который испытывают люди и перед оборотнями... Разве не легенды прививали его людям? Разве не из-за них они так боялись? Андреас тоже боялась. Тем более — не стоит рассказывать ей о том, кто он такой на самом деле. Тем более. Райну не следует лишний раз пугать её. Ради чего? Зачем ей нужно знать всё это? Они ведь даже не друзья...

— Магом крови... — с каким-то восторгом шепчет, соглашаясь, Константин. — Она имела право судить людей, а не просто убивала.

Райн отчего-то смеётся. Он сам не слишком понимает — чему именно. Своим ли неожиданным мыслям о том, что, пожалуй, кто-нибудь вроде него мог понравиться Андреас? Своим ли мыслям о том, что, быть может, после осуществления мести, у него будет жизнь... Он отвешивает червовой королеве шутливый поклон, на несколько минут чувствуя себя Йоханном, что едва сдерживается, чтобы не броситься целовать руки Елисавет...

— И, всё-таки, — шепчет Мира тихо, — я не согласна с тем, что любовь может быть плохой. Любовь — это всегда хорошо. Независимо от того, кто и кого любит.

Константин как-то болезненно усмехается. Он сам не понимает, почему всё выходит именно так — почему ему снова становится так больно. Трефовый туз не привык к этому — ему всегда бывало больно только потому, что шесть лет назад погиб его старший брат Эдуард. Но тут всё было совсем не поэтому.

— Значит, — произносит он задумчиво, — с твоей стороны это и будет так — светлая, чистая, большая любовь...

Он смотрит вдаль — на темнеющие верхушки синих елей, на тот лес, за которым, где-то не слишком уж далеко, находилась Академия магии. Ещё немного — и лес пожелтеет, а потом, и вовсе, сбросит свой наряд, готовясь к зиме... Пожалуй, это будет замечательное время — зима. Константин любит снег, любит холод, любит выходить на улицу в мороз и подолгу сидеть и смотреть на что-нибудь — как Эйбис и Эниф дурачатся и бросают друг в друга снежками, как князь Феликс и княжна Леонризес чинно лепят снеговика во дворе своего дома, как Мери, совсем уж закутанная, пытается перебежать от дома команды трэф до учебного корпуса... Константин очень любит зиму... Пожалуй, это его любимое время года. К счастью, он никогда не мёрзнет, в отличие от многих. Поэтому, можно наслаждаться красотой этих морозных дней всласть...

— Но, поверь мне, глупо надеяться, что остальные люди такие.

Андреас вздрагивает от этих слов, смотрит несколько строго на него... Почти обиженно. Поправляет съехавшие на лицо кудри, заправляет их за ухо и смотрит всё так же любопытно. Как маленький ребёнок. Как смотрел бы Эдуард. Пожалуй, именно поэтому Константину так приятен этот взгляд... Именно поэтому ему, пожалуй, нравится находиться рядом с ней... Он почти не чувствует рядом с червовой королевой той тоски, которая никогда не отпускала его за эти ужасные шесть лет...

— А ты? — спрашивает Мира. — Какой ты?

Станный вопрос, пожалуй. Станный после всего, о чём они сейчас говорили. Впрочем, ещё более странный после того, что именно Константин сейчас думал... Он... вряд ли на этот вопрос можно что-то ответить... Трефовый туз вздыхает тяжело, подхватывает Миру под руки и чуть-чуть приподнимает, смеётся и потом снова опускает на землю.

— Я не знаю, — пожимает плечами Райн, улыбаясь. — Иногда мне кажется, что...

Свою мысль он так и не договаривает. Ни сейчас, ни во время последующей прогулки по городу, ни когда они возвращаются в гостиницу, на две комнаты в которой у Константина кое-как хватило денег. Он не говорит этого. Лишь задумывается сам, сидя в маленькой комнатушке на жёсткой кровати, когда уже нужно спать...

— Что за глупые люди... — усмехается одними губами человек, стоящий под мостом. — Разве не понимают, что любви не существует?..

Он прислоняется к одному из камней, что являют собой основание моста, спиной, делает ещё одну затяжку и выбрасывает окурочек от сигареты куда-то в сторону, поправляя съехавший в сторону длинный красный шарф на своей шее.

Комментарий к П. П. Глава четвёртая. Трефовый туз.

Спокойствие — тот самый залог успеха, которого обычно так хотят добиться.

Если человек может оставаться хладнокровным в любой момент — он уже победитель.

Если человек может сохранить своё лицо даже тогда, когда ему становится невыносимо больно — он уже победитель.

Если человек готов понять самого себя, познать тайны своей души и остаться при этом совершенно спокойным — он уже победитель.

Эмоции — именно они мешают победе.

Но что делать, когда гнев и боль — единственное, что осталось от твоей души?

Что делать, когда боль застилает глаза и помутняет рассудок?

Что делать тогда?

Что делать, когда умирает самый близкий тебе человек, которого ты всегда больше всего на свете боялся потерять?

Как сохранить свою душу тогда?

===== П. П. Глава пятая. Червовая восьмёрка. =====

Voluit volare vellet fugere...

Voluit religionem versari in choro die...

Per singulas noctes lectum suum et respexit per fenestram prospiciens surgentibus astris.

Iactatos aequore singulas noctes lectum divertit, et non poterant adire ad somnum.

Omni nocte ad fenestram sedens clamitabat avis non fuit libera.

Omni nocte illa factus est tea cunctorum admonetur hominum et amisit dies.

Quae uoluit exaltatus fueris ut volare — et terra ambulare...

Voluit religionem versari in choro tempore — et iterum revertimini in fenestra per singulas noctes lectum sedere...

Ipsa vellet...

VII.

В тесной комнатушке душно. Солнце едва-едва проскальзывает в щель между стеной и теми тёмно-бурыми занавесками, которые когда-то, вероятно, были жёлтыми. В этом небольшом помещеньице помещаются лишь кровать да облезлый старый сундук. Старые потускневшие обои в некоторых местах отклеились, а ещё часть обоев покрыта плесенью... Нина стоит у окна в своём потрёпанном жёванном платице и пытается как-то улыбнуться. Не выходит. Да и может ли выйти? У Нины осунувшееся лицо, поредевшие волосы, усталые глаза, а на тонких запястьях несколько синяков — и свежих, тёмно-фиолетовых, и уже старых, пожелтевших. Руки у неё дрожат — то ли от холода, очевидно, то старое платье, которое сейчас на ней, не спасает её от холода, то ли от нервных переживаний, что, конечно, больше смахивает на истину. В тесной комнатушке, в которой теперь живёт Нина, душно и

сыро, и пахнет не слишком приятно. Сама Нина, конечно же, тоже замечает это — как не заметить. И она смотрит сейчас как-то слишком затравленно даже для самой себя. Она кажется слишком уставшей, слишком измождённой...

Сёстры Линдслей не виделись уже более двух лет.

За это время многое произошло, многое изменилось. Оделис уже шестнадцать, она уже не маленькая девочка, ничего не понимающая в жизни и в мире. А Нине двадцать два года, она за время их разлуки сильно похудела, а глаза её заметно потускнели... Они и раньше никогда особенно не ладили — никогда не враждовали, нет, отношения между ними всегда были весьма и весьма ровными, но никогда и не были особенно близки.

Оделис стоит в данный момент посередине этой маленькой комнатки и пытается подобрать слова, чтобы не обидеть неосторожной фразой сестру. Ей хочется лишь пожалеть Нину после всего того, что с ней стало, но, кажется, старшей из сестёр никогда не нужна была жалость... Она смотрит спокойно и почти раздражённо на младшую, устало, но не без чувства собственного достоинства, казалось бы, не слишком уместном в такой ситуации. Нине, наверное, сейчас больше всего на свете хочется, чтобы её младшая сестрица ушла. Но может ли Оделис уйти сейчас? Разумеется, нет. Но и того, как можно продолжить разговор, девушка совершенно не понимает. Быть может, и не следовало приходить? Наверное, всем было бы проще, если бы она не пришла сегодня сюда... Они были единокровными сёстрами, и им, так уж получилось, было не о чем даже поговорить. Они были абсолютно чужими друг другу. И, наверное, старшая сестра червовой восьмёрки чувствовала это куда острее, чем сама девушка.

— Я не вернусь в дом твоей матери, — говорит Нина твёрдо, почти жёстко. — Ты сама знаешь, что это совершенно невозможно. Уж лучше я буду зарабатывать на жизнь тем способом, которым я это делаю, чем вернусь в дом своей мачехи.

Она говорит ещё много чего. Много. И всё так же резко, как и в тот последний день — день похорон их отца — когда оскорблённая Нина выскочила из дома и уехала, сочтя какое-то из замечаний матери Оделис непозволительно грубым по отношению к себе. Старшая из сестёр Линдслей была красавицей — изящной, обаятельной, обворожительной. Такой, какой следовало бы быть дворянке, а не дочери зажиточных, но не богатых купцов. Впрочем, она и сейчас всё та же. Такая же изящная, обаятельная, обворожительная — только утомлённая. И всё такая же гордая. Она не может себе даже представить жизнь в доме мачехи, которая когда-то просто сказала ей грубое слово. Ей лучше жить здесь, в этой крохотной комнатке, в которой едва помещаются кровать и сундук, лучше работать так, как она сейчас работает, но ни в коем случае не возвращаться в постылый дом... И червовая восьмёрка может на это лишь кивнуть, попрощаться с сестрой и выбежать из её комнаты, а после и из большой квартиры, в которой ютились, наверное, девушек десять, таких же, как и Нина. И все они, должно быть, так же несчастны, как и она...

Оделис так и не находит слов для того, чтобы как-то убедить сестру вернуться домой. Та всё так же строго смотрит на неё и снова повторяет, что не желает ничего слушать. И младшая из сестёр Линдслей, как-то слишком уж торопливо попрощавшись, выбегает из этой душевной тесной комнатки, где ютилась Нина, пробегает по узкому грязному коридору, выбегает на лестницу и бежит вниз. На улицу. Её старшая сестра, разумеется, ничего не успевает ей сказать, впрочем, догонять её она тоже совершенно точно не будет. Они никогда не были особенно близки, а после смерти единственного человека, который их связывал — их отца — и вовсе стали чужими друг другу.

— Здравствуйте, сэр, — откланивается Оделис поднимающемуся навверх по узкой заплёванной лестнице мужчине. — Приятного вечера, сэр...

Мужчина не обращает на неё совершенно никакого внимания и продолжает подниматься по лестнице и дальше. А она выбегает на улицу, добегают до старого моста, который находится в самом конце этого переулочка, останавливается, пытается кое-как отдышаться, облакачивается на перила. Её сердце словно кто-то сжимал своей ледяной рукой, словно желая вырвать его из груди...

Линдслей бы хотелось расплакаться прямо сейчас — от того странного и необъяснимого чувства какой-то обиды на Нину, которая своим равнодушием прогнала её... Впрочем, вряд ли она виновата в этом, её старшая сестра... Оделис же видела, насколько тяжело ей было. И в доме мачехи Нине Линдслей тоже было очень тяжело. Вероятно, даже ещё более тяжело — раз она не хотела возвращаться туда. Наверное, Оделис никогда этого не понять... Да, у её матери был не слишком мягкий характер, конечно, она могла накричать в любой момент, в любую секунду могла разразиться ругательствами и даже наподдать, когда ситуация раздражала её слишком сильно... Но Оделис Линдслей не променяла бы свой родной дом ни на что на свете. Уж тем более — не на ту жизнь, которую пришлось выбрать для себя её единокровной сестре Нине.

Линдслей стоит на мосту и думает только о том, что это, должно быть странное место — этот город. На берегу моря. Красивый. Это единственный мост в этом городе — и тот над высохшей некогда рекой. Сейчас здесь совсем сухо. Сегодня, ещё только направляясь к Нине, Оделис успела заметить, что под мостом было абсолютно сухо. Не было ни плесени, ни мха, ничего, что обычно можно заметить под мостами... Девушке было интересно, что это за город такой... Он был необычен — необыкновенно чист, осенью здесь никогда не было неубранных листьев, почти не было пыли... Дома здесь были самые обычные — выкрашенные в белый, розовый или жёлтый цвета, всегда идеально чистые и аккуратные. Но, как оказалось, только снаружи. Дом, в котором жила Нина, тоже был очень чистым снаружи. Но внутри... Внутри там было просто отвратительно. Младшая из сестёр никак не может понять, что в этом городе, что в том доме, в той маленькой душной и сырой комнатке, в той работе, было лучше того, что было в доме вдовы Линдслей...

— Оделис! — слышит она удивлённо-радостный голос Эрны. — Ты тоже здесь?

Эрна — в летних белых шортах и осеннем тёмно-красном свитере — мечтательной, чуть шатающейся походкой ступает по поребрику и чуть не падает, слишком уж замечтавшись. Леонризес — в длинном, подобранном точно-точно по погоде, тёмно-зелёном шёлковом платье с традиционной для её рода вышивкой и шерстяной почти бурой шалью, завязанной каким-то странным, но весьма красивым узлом — то и дело подбирая юбки, шагает уверенно и быстро, почти чеканя шаг. Бубновая и пиковая королева совершенно не похожи! Так, пожалуй, думают все, кто хоть раз видел их рядом друг с другом — самого среднего росточка, чуть пухленькая Эрна с копной самых обыкновенных совсем немного вьющихся тонких растрёпанных волос, с редкими веснушками на светлом лице и с обыкновенными серыми глазами, одетая обыкновенно в какие-то мешковатые кофты и свитера, обязательно в шортах или не слишком длинной юбке, часто в мятой одежде, вечно растерянная, несобранная, но весьма добродушная, умеющая сопереживать и прощать людям всё на свете, вечно самую малость медлительная из-за своей мечтательности, состоящая будто из одних плавных линий и высокая, ниже она была из их отделения только трёх тузов — Константина, Феликса и Тигардена, тонкая Леонризес, высокородная горделивая

красавица с роскошными тёмными волосами, всегда так аккуратно заплетёнными в одну или несколько кос, с эльфийскими фиолетовыми глазами, всегда одетая со вкусом, хоть и не по последней моде, как Юсуфия или Эйлин, безукоризненно аккуратная, собранная, внимательная во всём, за всю свою школьную жизнь не нарушившая даже одного, самого незначительного правила, до ужаса строгая к себе и к другим, резкая в своих суждениях, непоколебимо уверенная в собственной правоте, вечно серьёзная и чуть язвительная и насмешливая, но только настолько, насколько ей позволяло её положение в обществе, почти угловатая в своих хорошо продуманных, отточенных движениях. Они были совершенно разные. Верящая в легенды и в любовь Эрна Хоу и прекрасно осведомлённая обо всём, но не слишком доверчивая эльфийская княжна Леонризес.

Бубновая и пиковая королевы... Вообще, всё в том разделении, которое выдумала для них Академия, было отвратительно неправильным. Наверное, эти мысли приходили в голову каждому ученику... А эта практика? Эти беганья по лесам и городам в поисках каких-то вещей? Эта жизнь в палатках? Она разве была хорошей? Была необходимой? Для практически всех учеников Академии это была просто пустая трата времени. Оделис совершенно ничего не понимала в той системе образования, которая была учреждена. Совершенно ничего. Это всё представлялось девушке настолько глупым и бессмысленным, что она ничего не могла понять...

— Тоже разделились на пары, да? — насмешливо интересуется княжна Леонризес. — Уж не знаю, чья это была идея, но я рада, что была отправлена в этот городок с Эрной, а не с тем же Тигарденом!

Эрна радостно улыбается и бросается навстречу червовой восьмёрке, подбегает к ней и обнимает как можно крепче. Леонризес лишь усмехается и всё тем же шагом, ничуть не убыстряя и не замедляя его, подходит к Оделис, здоровается с ней и смеётся. Так, как смеётся именно она — чуть-чуть усмехаясь, чуть свысока, но при этом как-то странно подоброму. Она необыкновенная... Эта горделивая эльфийская княжна... Оделис ни разу в жизни не видела второго человека с таким характером.

А Эрна? Эта неуклюжая мечтательница? Во всей Академии не было никого похожего! Впрочем, среди тех пятидесяти двух человек, в которые попала и Линдслей, и не было похожих друг на друга людей. Все были совершенно разными. Религиозная Мери Земирлонг, принципиальный и благородный Феликс Эсканор, романтическая Мира Андреас, смешливая и несколько завистливая Эниф Монтаганем, гордая княжна Леонризес, всем сочувствующая Эрна Хоу, мрачный Константин Райн, язвительный Эйбис Вейча, немного глуповатый Тедд Раймон... Все они были абсолютно разными, совершенно не похожими друг на друга...

— Нет, я просто... — бормочет как-то ошарашенно Оделис, совершенно не понимая, что можно ответить...

Эльфийская княжна строго смотрит на неё, кажется, догадываясь о мыслях червовой восьмёрки. Она всегда отличалась этим. Пониманием. Не неосуждением, которое было присуще Эрне, а именно пониманием. Леонризес могла осуждать, могла неодобрять чьё-то поведение, но она всегда смотрела с каким-то ужасным, необъяснимым и от того пугающим пониманием.

Оно сквозило во всём — в каждом незначительном даже разговоре, в каждом выверенном движении, в каждом насмешливом и умном взгляде, в каждой надменной улыбке... Она была красавицей — эта эльфийская княжна. Красавицей, которой, во всяком случае, в Академии, не было равных. Вечное понимание в её глазах почему-то привлекало к

себе, манило... А её голос? Как людям нравился её голос! Она считала себя обязанной быть самым совершенством во всём...

— Итак, о чём мы говорили? — спрашивает Леноризес, несколько сбитая с мысли. — Ах да, о Драхомире и Деифилии, о Йохане и Елисавет, о Грайнтхаре и Джирральдине...

Конечно... О чём ещё могли говорить пиковая и бубновая королевы? Первая очень многие из легенд знала, а вторая любила их. Княжна знала обо всём — очевидно, эльфы были, как и вампиры, особенными почитателями всего, что происходило в древности. Люди были не такими. Половину легенд люди даже пропускали мимо ушей, не считая их слишком полезными для восприятия. Вампиры, эльфы, маги — они воспитывали своих детей этими ужасными рассказами, а люди не считали это необходимым. Легенды были страшными. В них было полно смертей, насилия, войны, сражений — того, что детям знать совершенно необязательно.

Эрна Хоу, насколько Оделис помнила, даже тогда, когда только поступила в Академию, была в восторге от этого всего — она с радостью играла во всех школьных спектаклях, стремилась как-то узнать побольше, от неё даже уставали учителя. Эта восторженная девочка — именно так её запомнила тогда госпожа Матильда Гроллте, старушка из попечительского комитета. Туда ещё входила герцогиня Джулия Траонт, граф Норан Миллберг, великовозрастная княжна Эсканор, тётя Феликса и Розы, лорд Грегори Илнед, герцог Антуан Маликорн, баронесса Августина Шефердин... Их имена учителя заставляли заучивать наизусть... Имена этих людей, которые вкладывали в Академию магии просто огромные деньги для того, чтобы хоть кто-то из детей мог учиться бесплатно... Оделис видела их всех — почти все они приезжали на праздники, говорили какую-то речь. Только герцогиня Джулия Траонт не любила появляться на пышных торжествах... Эрна умудрялась вывести из себя и их тоже. Своими вопросами, своим рвением узнать... Оделис никогда не была такой одержимой какой-то идеей. А бубновая королева жила этим — жила этими часто жестокими сказками о героях старины. Пыталась рисовать их — получалось не слишком хорошо. Ей всегда рисовали Юсуфия или Роза — уж они-то рисовать умели на зависть хорошо...

— Я не слишком люблю Драхомира, — поясняет зачем-то Эрна. — Ты знаешь, я придерживаюсь позиции неосуждения, но... Он был странным.

Драхомир... Странная тёмная личность, про которого было очень много книг. Больше даже, чем про Танатоса. Вероятно, из всего Сонма Проклятых был больше всего дружен с Йоханом — именно тот сочинял всякие баллады и похабные песенки, которые потом вошли в основу легенд об этих людях. По легендам — жестокое чудовище, ничем не уступающее Танатосу. По легендам — воплощение самой Войны. Демон, девизом которого всегда была фраза «И Смерть содрогнулась»...

Оделис улыбается. Даже Эрна — их сострадательная и всем сочувствующая Эрна — его не любила. Тогда что можно говорить об остальных? Леонризес чуть заметно кривит губы в усмешке — знала же, чего добиваться... Линдслей едва сдерживается от того, чтобы не фыркнуть от смеха — пиковая королева всегда умела заставить людей испытывать именно те эмоции, отстаивать ту точку зрения, которые её устраивали в этот момент больше всего. Оделис всегда поражалась её этому умению — манипулировать людьми так, чтобы они этого даже не замечали.

— Он — демон! — усмехается эльфийская княжна, приподнимая полы своего платья и довольно живо перескакивая через лужу. — Ему положено быть странным.

Хоу кивает и добавляет, что она, всё равно, не слишком любит Драхомира и рассказы о нём. Они разговаривают ещё долго — бредут по узким улочкам этого города, обсуждают странные легенды, которые не слишком интересуют кого-то помимо Эрны. Оделис едва поспекает за важной и быстрой поступью Леонризес. А бубновая королева, кажется, привычна к такому темпу ходьбы...

А потом... Потом Лиднслей почему-то вдруг особенно остро испытывает потребность отстать от них, попрощаться, сказать, что ей нужно куда-то... Она и сама не знает — куда. В этом городе она сделала все свои дела, которые только можно было сделать. Лучше было и дальше продолжать идти с горделивой эльфийкой и этой странной мечтательницей. Но Оделис сворачивает на незнакомую ей улочку, пробегает некоторое расстояние и выходит практически на край города.

Там пусто и тихо. И лишь одна одинокая фигура виднеется на холме — тёмная фигура человека словно окидывает все эти просторы свысока, словно что-то, подчинённое ей... Словно некий властелин надвигающейся тьмы стоит он на некотором своём постаменте и оглядывает владения, подчинённые лишь ему одному... Оделис сама не знает, почему ей в голову пришло именно это сравнение — оно скорее должно было бы появиться в голове у зачитавшейся легендами Эрны, утончённой Леонризес, впечатлительной Аделинд или романтической Миры. Но не у Оделис Линдслей. Червовая восьмёрка никогда не верила во всю эту чушь.

Вероятно, всё дело было в том, что она сейчас наговорила об этих проклятых легендах с Леонризес и Эрной. Зря она вступила в этот разговор, всё-таки! И ещё более зря — ушла от них. Почему-то сейчас ей становится очень страшно. Она не знает, кто этот человек, не знает, чего он хочет, зачем находится здесь. А, быть может, дело ещё в том, что прямо по направлению к ним плывёт тёмная грозовая туча. Тёмная одинокая фигура, сильный холодный ветер, неласковое и беспокойное тёмное небо — это всё навевало какие-то дурные предчувствия. Смешно — Линдслей никогда не верила предчувствиям. Те всегда обманывали её.

— Кто вы?! — кричит Оделис, не смея сделать даже шага по направлению к этому неизвестному мужчине. — Кто вы такой, сэр?!

Зачем Линдслей выкрикнула это? Она совершенно не понимает, для чего ей это было нужно. Человек стоит спиной к ней. Стоит, даже не шевелится. Всё так же смотрит на синеющие верхушки деревьев, на небо... И тогда, когда Оделис Линдслей уже кажется, что перед ней лишь фигура, созданная из старой одежды и сухих веток местными ребятишками и предназначенная лишь для того, чтобы пугать людей, случайно вышедших сюда ночью, он оборачивается.

— Подойди! — усмехается мужчина ей в ответ. — Зачем ты боишься меня? Я не сделал тебе ничего дурного!

Она подходит. Ступает медленно, осторожно, как-то не слишком веря словам этого странного человека. Почему-то она его сильно боится. Кто он был такой, раз заставлял её так сильно бояться его? Казалось, он едва держится на ногах — такую слабостью от него веяло. И в то же время — он стоял. Какая-то невероятная, необъяснимая, невозможная, немислимая сила исходила от него. Какая-то тьма чувствовалась в нём.

Линдслей старается хоть как-то отвлечься от своего страха. Она старается получше разглядеть его. Перед ней стоит высокий худой человек, болезненно бледный, с тёмными синяками под глазами, в руке его окурок сигареты — мать всегда говорила Оделис,

насколько курение вредно, девушка никак не может понять тех, кто берёт эту отраву в руки, — указательный палец пересекает тонкий шрам. Одет он в тёмное поношенное пальто, а на его плече...

— У вас на плече — следы ото мха, — замечает девушка тихо. — Откуда? Здесь нигде не растёт мох. Я знаю.

Он кривит губы в усмешке. Не улыбается, не смеётся — именно усмехается. Почему? Это почему-то заставляет Линдслей практически отшатнуться от него. Должно быть, это не слишком вежливо по отношению к этому человеку. Плевать. Она не Леонризес. Она не обязана быть всегда вежливой.

— Вы можете перемещаться очень-очень быстро — мгновенно переноситься из одного места в другое... — бормочет девушка как-то слишком уж осторожно. — Очень мало кто это может, сэр.

Он вздрагивает словно от удара, с какой-то необъяснимой болью смотрит на неё. Словно она причинила ему боль своими словами... Странно — Линдслей не сказала совершенно ничего такого. Она даже была вежлива — ей это удалось, хотя от страха девушка и думала, что скажет что-то довольно грубое... Ей совершенно не за что себя винить в том, что он так болезненно дёрнулся от её слов.

— Я сильнее, чем ты, девочка, — усмехается человек почти грустно. — Я многое могу, девочка... Очень многое...

Она верит в это. Разумеется — верит... Разве возможность перемещаться из одного места в другое за считанные секунды — мох на его плече был ещё совсем свежим, словно он запачкался ещё несколько минут назад, — не была тому подтверждением? А если человек умел делать это, он, конечно же, был способен и на многое другое.

— Подойди ближе! — говорит он почти властно. — Подойди и дотронься до моей руки, маленькая девочка-медиум...

Он засучивает правый рукав — только сейчас Линдслей видит так же то, что кисти обеих его рук сильно обгорели. Странно — когда она смотрела на него, когда заметила мох на его пальто, она не видела этих страшных ожогов... Оделис осторожно, с каким-то почти суеверным ужасом дотрагивается до его искалеченной руки, очень аккуратно касается своими пальцами его худого запястья — той тонкой полоской кожи между обгоревшей кистью и рукавом чёрного пальто...

Червовая восьмёрка довольно легко прорывается в разум этого странного человека — он добровольно впустил её. Она чувствует, как с головой окунается в какой-то бесконечный поток. Поток мыслей и воспоминаний у каждого человека свой, отличный от других — Оделис достаточно лишь прикоснуться к любому человеку рукой, чтобы увидеть и почувствовать это. Одно прикосновение — и она в ворохе его чувств, мыслей, эмоций, воспоминаний. Девушка всегда почти боялась этого — боялась быть совершенно другой, отличной от остальных... Это всегда было необыкновенное ощущение — погружаться в водоворот чужих мыслей. Только мысли. Только воспоминания — она чувствовала всё то, что чувствовал человек, чьи мысли были сейчас ей доступны, она могла буквально коснуться их рукой, буквально увидеть их. Оделис слышала их. Мысли. Каждую незначительную деталь, которую человек помнил, она могла подметить и увидеть. Почти на самом деле прикоснуться к сердцу того человека, которого она в данный момент держала за руку. Не ощущала ничего, что тот человек в тот момент ощущал физически. Только мысли, только эмоции. Пожалуй, это было почти страшно. Звучало страшно во всяком случае. Наверное, в

этом не было ничего такого — раз в несколько десятилетий рождались маги, которые это умели. Умели — проноситься через водоворот мыслей и чувств человека, к которому прикасались. В этом не было ничего такого — рождались же и маги крови, и маги разума, и маги душ, и маги мироздания. Так и это — это был просто странный дар, который был и проклятьем для своего обладателя. Нужно было научиться жить с ним. Научиться делать вид, что ты не замечаешь лжи, фальши в людях — потому что тогда легче общаться с ними. Обычно все, кто каким-то образом узнавал о таких способностях девушки, отшатывались от неё, просили больше никогда не приближаться к ним... Почему же этот человек сам сказал ей дотронуться до него? Что было в его памяти такого, что он хотел бы поведать ей?

Через каких-то несколько секунд она оказывается словно бы в каком-то тёмном, должно быть, сыром, помещении. Кругом лишь холодные камни. Тёмная камера, довольно большая, правда, по размерам. Неприятное, жутко неприятное место. Тёмное, должно быть, сырое и холодное...

Человек, в мыслях которого Оделис сейчас находится, прикован цепями к стене. Линдслей не слишком хорошо понимает, что происходит. Она снова чувствует, как в её душе появляется страх. Должно быть, она труслива. Спорить с этим уже поздно, да и слишком глупо — ей, действительно, страшно.

В камеру — это, очевидно, именно тюремная камера — входит странная девушка в каком-то совершенно неуместном в данной обстановке вечернем длинном светло-сиреневом платье. Она подходит к этому человеку жутко медленно, не торопясь, к тому же — будто бы чуть-чуть пританцовывая. Бесшумно, лёгкой походкой... Это выглядит столь неуместным в этой обстановке, где стены буквально давят на сознание человека, заставляя его чувствовать себя некомфортно, нехорошо...

— И как тебе, Предатель, — усмехается девушка, чьего лица Оделис не может разглядеть — оно сокрыто за какой-то полупрозрачной вуалью, — любить ту, в чьей смерти ты же и повинен?

Человек почти вздрагивает, смотрит на эту девушку зло, почти сходя с ума от невыносимой боли. Что за боль терзала его душу? Оделис не понять это, она чувствовала себя как-то слишком уж неудобно, находясь в сознании этого человека — он не позволял ей видеть и слышать его мысли, только показывал само воспоминание. Насколько же он был силён, раз мог такое? Оделис знала, что Константин, Эйбис и Леонризес могли вытолкнуть её из своего разума, если бы она решила залезть туда, но тут дело было совершенно в другом — этот странный человек позволял ей копаться в его сознании, но только в той его части, которую он мог ей показать.

Девушка в светло-сиреневом платье подходит совсем близко, почти вплотную, она дышит практически в губы этому мужчине, смотрит с каким-то ужасно очевидным и каким-то неправильным и правильным одновременно превосходством, улыбается — Оделис не может этого разглядеть, но она совершенно точно знает, что эта девушка улыбается. Потому что мужчина, к которому она пришла, совершенно точно это знает.

— Каково это, Ренегат, — продолжает она, вонзая ему в рёбра ещё один кинжал, — быть бессмертным — полностью, абсолютно бессмертным, неубиваемым, когда все твои друзья и твоя любовь мертвы?

Боль — страшная, всепоглощающая боль. Это то, что Оделис почти физически ощущает теперь. Нечеловеческая. От этого снова становится жутко страшно. Девушка боится того, что вот-вот произойдёт... Боится увидеть то, что скорее всего сейчас будет. Она никогда не

любила кровь. Всегда боялась её. Всегда была готова завизжать от вида даже нескольких капель...

— Каково это, любимый из сыновей Киндеирна и Гормлэйт? — тихо, неторопливо, почти нараспев произносит девушка в фиалковом платье, подходя совсем близко к нему, заглядывая в самые глаза. — Каково это быть бессмертным? Ты так стремился к вечной жизни... Ты так хотел быть неуязвимым...

Он дёргается. Дёргается изо всех сил. Но цепи держат его крепко. Сковывают его надёжно. Он может шевелиться, может немного двигаться, но не может сделать ничего, что причинило бы вред ему или его палачу. Это, должно быть, ужасная пытка — иметь возможность двигаться, не быть прикованным абсолютно, но чувствовать своё бессилие.

Он дёргается снова. И снова. Но цепи лишь сильнее впиваются в его запястья... А девушка, гаденько улыбнувшись, почти ласково касается его пальцев — и вот человек стискивает от боли зубы, чтобы не закричать. А Оделис видит этот пламень на кончиках пальцев гаденько улыбающейся девушки в сиреневом платье.

— Каково это, брат? — спрашивает палач тихо, словно пытаюсь действительно понять. — Каково это быть сильнее всех нас разом?

Он почти стонет от боли, когда девушка сильно бьёт его в живот каким-то странным предметом, названия которого Оделис даже не знает. Стонет. И хохочет как-то совсем уж безумно... Хохочет — от души, почти весело, с каким-то странным и непонятным в данное время чувством превосходства...

— Думаешь, я собираюсь тебе отвечать, Якобина?! — сплёвывает человек под ноги девушке. — Думаешь, я отвечу на твои вопросы?!

Что происходит в его душе сейчас? Оделис боится даже думать об этом. Она старается не чувствовать — ничего не чувствовать. Ей страшно. Она боится быть сметённой теми эмоциями, которые сейчас испытывает этот человек. Линдслей изо всех сил зажмуривается, не желая чувствовать и видеть сейчас всё это... А девушка, названная Якобиной, мягко ступает по полу темницы.

— Думаю... — она действительно думает несколько секунд, — ответишь.

Он снова сплёвывает ей под ноги и пытается ухмыльнуться. Даже ухмыляется... Он почти безумен, подсказывает внутренний голос Оделис. Нет, не почти, думается вдруг ей, когда она снова слышит его смех, этот человек — поистине безумен. Девушка не может даже пошевелиться от того ужаса, который сковывает её душу. А красивая и, только на вид, весьма нежная Якобина делает ещё несколько шагов, медленных, плавных — словно в каком-то старинном медленно танце...

— Ответишь... — качает она головой. — Ответишь. Когда твоя душа будет разлетаться на кусочки.

Человек, в сознании которого сейчас находится Оделис, хохочет. Весело. С ощущением собственного превосходства. Радостно. Легко. Счастливо... Нет! Червовая восьмёрка одёргивает себя. Не счастливо — счастливые люди так не хохочут. Напротив — так смеются лишь люди, в которых что-то совсем недавно сломалось... Будто что-то ударило по душе сильно-сильно, приложив силу куда более серьёзную, чем это следовало бы сделать — словно кто-то с силой ударил ломом по не слишком толстому льду на реке. От этого обязательно пойдут трещины. Крупные. Основательные. Ступишь в это место или ударишь ещё раз — и лёд разрушится полностью. Треснет, проломится окончательно, и человек погрузится с головой в ледяную воду...

— Моя душа и так уже уничтожена почти полностью, — качает головой мужчина. — Ты не сможешь причинить ей ещё больший вред.

Душа этого человека насквозь пропитана кровью. Девушка чувствует этот противный кисловато-металлический запах, от присутствия которого ей всегда становилось нехорошо. Всё плыло перед глазами. Душа этого человека вся в крови — в своей и в чужой. Она не гниёт — Оделис много видела гнилых душ, но душа этого мужчины не тронута гнилью. Но она изранена, а так же замарана в чужой крови.

Якобина лишь усмехается — зло, жестоко. Её красивое лицо это не портит. Напротив, хоть эта эмоция и кажется странной для него, оно преображается, становится каким-то нечеловечески красивым... Она, действительно, красива, действительно, очаровательна... Оделис ни разу в жизни не видела таких правильных и тонких черт лица, ни разу не видела столь красивой и нежной улыбки. Палач делает ещё несколько шагов — теперь по направлению к выходу из темницы. Видимо, ей надоело мучить этого человека... Оделис думается, что это хорошо — она так скорее сумеет вырваться из этого страшного воспоминания. Вот — тоненькая фигурка Якобины уже почти исчезает...

— Отрекись, — предлагает ему девушка, останавливаясь у двери и оборачиваясь к нему, — от своей любви — и ты будешь свободен, дорогой братец.

Странное предложение. И страшное одновременно. Предложение свободы — того, что выше всего ценится человеческой душой, в обмен на отречение от самого дорогого, что у этой души имеется. Жестокая пытка. Очень жестокая. Оделис совершенно не понимала, зачем это было нужно... Что такого мог совершить этот странный мужчина? Что такое ужасное могло произойти?

— Думаешь, отрекусь? — как-то безумно усмехается человек, чьё воспоминание сейчас Оделис видит. — Думаешь, я смогу отречься от неё после всего того, что я сделал ради неё?! Я предал мать, отца, братьев, тебя — ради неё одной. Я совершал то, что противоречит Кодексу — только ради неё. Думаешь, я смогу предать её после всего этого?! Предать её память?! Якобина, милая, ты действительно настолько глупа, что думаешь, что я смогу убить то, что ещё осталось от моей души, только ради паршивой свободы?!

Он смеётся. Смеётся так безумно, что от жалости и сострадания к нему у Оделис разрывается сердце. Его очень сильно жаль. Вероятно, именно так смеются люди, в жизни которых уже ничего не осталось — ничего, ради чего они пожертвовали всем, что когда-то в их жизни было. И никого. И никто не любит таких людей, никто не жалеет их — их чаще боятся. Человек, отдавший всё, страшен. Страшен в гневе, страшен в ярости, страшен в ненависти, одним словом — страшен в скорби.

Это был страшный человек. С таким опасно встречаться когда-либо. Такие люди подобны урагану, подобны стихии — они сметают на своём пути всё, что появляется на нём... Они готовы уничтожить всё на свете ради того, что их волнует на самом деле. Они неуправляемы. И потому особенно опасны.

— Ты сделаешь это когда-нибудь, — кивает Якобина, она кажется очень спокойной, впрочем, наверняка, она и была абсолютно спокойна сейчас. — Я когда-нибудь обязательно тебя сломаю, мой милый братец.

Она абсолютна спокойна, в её душе, кажется, не появляется ни сострадание, ни жалость к тому человеку, которого она пытается — к её брату. Страшное существо. Ужасно жестокое. И в столь нежном обличье! Если бы Оделис увидела Якобину на улице, в Академии, где-нибудь помимо этой камеры, Линдслей была уверена в этом, она бы подумала о том, что Якобина —

нежнейшее и чистейшее существо...

И жестоко ошиблась бы.

На деле это был совершенный монстр. Не способный на сострадание. Оделис видела душу этого человека — она видела, насколько ему было плохо. И Якобина видела это. По её глазам было понятно это. Она прекрасно осознавала, какую боль причиняет своими жестокими и колкими словами. Прекрасно понимала... И продолжала причинять боль ещё большую... Кто она была такая, эта Якобина, чтобы быть способной на такую невероятную, немыслимую жестокость?

— Ты обязательно сломаешься, Ренегат, — произносит она задумчиво. — Или трусишь. Ты либо сломаешься, либо сбежишь — в любом случае, этим ты только признаешь своё поражение передо мной...

Он смеётся ей в ответ. Просто смеётся. От души. Искренне. Совершенно не веря в такой исход. Оделис становится страшно от того, насколько этот человек ошибается — когда-нибудь он вдруг это поймёт... Линдслей думается, что она когда-то уже видела эти жестокие ясные глаза Якобины...

— Все ломаются, брат, — пожимает девушка плечами. — И ты ничем не сильнее их, если подумать.

Он хохочет. Безумно. Неистово. Содрогаясь всем телом. Оделис думается, что он силён. Но Якобина сейчас явно сильнее. Она в более выгодном положении. Она — палач. А он — лишь жертва. Узник. Заключённый всегда проиграет в силе тому, кто его заточил, кому хватило на это сил. Червовой десятке безумно жаль его — никто не заслуживает такой боли. Ни один преступник. Каким бы тяжёлым преступление не было... Никто не заслуживает кары хуже смерти!

— Думаешь? — усмехается мужчина как-то сипло. — Я очень многое совершил, милая сестрица. Неужели я не сильнее их всех?

Палач пожимает плечами и сдержанно улыбается, довольно долго молча смотрит на него — Оделис не знает, сколько времени проходит после того момента, как голос узника прозвучал в последний раз... Она боится и одновременно с нетерпением ждёт того, что же произойдёт дальше — раз её не выталкивает из его воспоминаний, значит, дальше определённо что-то ещё произойдёт.

— Даже слабее, — вдруг тихо и почти ласково произносит Якобина, качая головой. — Знаешь, в чём твоя проблема, брат? Тебя есть чем пытаться. Очень много чего. Ты весь состоишь из вины. Тебе ужасно больно из-за этого.

Человек снова смеётся. Теперь — как-то обречённо, что ли... Оделис страшно видеть это. Ей бы хотелось отпустить его руку прямо сейчас — и не видеть того, что произойдёт дальше. Вряд ли на это возможно было взглянуть без слёз — кем бы не являлся этот человек, какое бы страшное преступление он не совершил, нельзя осуждать его на что-то настолько ужасное, на то, что для него во много раз хуже смерти. Нельзя осуждать человека на столь страшную кару.

Нужно проявить хоть какое-то милосердие... Хоть какое-то — не нужно слишком много. Просто обречь на смерть того, для кого уже дальнейшей жизни нет и быть не может — что может быть проще? И что может быть милосерднее? Обречь человека на то, чего он сам уже так хочет... Почему нельзя сделать этого? Оделис не понимает, почему...

— А мне... — усмехается Якобина как-то зло, — есть, за что зацепиться...

Оделис отшатывается. Кое-как находит в себе силы отстраниться, отпустить его руку,

практически отскочить в сторону. Линдслей едва может пошевелиться от ужаса, который её переполняет. Люди такого рода, как этот мужчина, что стоит перед ней сейчас, ничего не делают просто так, ничего не делают из чистого каприза — такое поведение уж скорее можно ожидать от ребёнка вроде Эйбиса. Но этот человек был совсем другим — Оделис практически соприкоснулась с его душой. Она могла это утверждать. Такие люди никогда и ничего не делают просто так.

Мужчина стоит перед ней и поправляет своё тёмное пальто. Вот! Это было странно! На улице тепло — Оделис была в одном лёгком сарафане и не замерзала, хотя обыкновенно мёрзла очень сильно и даже тогда, когда всем было ещё жарко. А он стоит в зимнем пальто на солнцепёке, его шея обмотана алым шерстяным шарфом — и он словно не чувствует никакого дискомфорта.

— Чего вы хотите? — спрашивает Оделис почти истерично. — Зачем вы дали мне прочесть ваше воспоминание, сэр?

Она не понимает... Она в ужасе от того, что только что ей довелось увидеть. Быть может, и не стоило воспринимать это настолько близко к самой себе, но... Люди не любят показывать свою душу кому-нибудь. Душа — священна. Она — неприкосновенна. Никто не имеет права прикасаться к чужой душе, если это не в интересах вынесения справедливого приговора за некоторое преступление — которое в этом случае должно быть очень и очень серьёзным. И каждый человек считает свою душу неприкосновенной. Это то, что нельзя доверить никому на свете, а тут... Ей дали прочесть воспоминание. Должно быть, являющееся частью какой-то ужасной череды событий для данного человека. А был ли он человеком вообще? Каждый человек, маг, вампир, эльф или силф боится за свою душу. Каждый. Почему же этот мужчина не боялся?

— Чего я хочу? — усмехается человек невесело. — Ничего не хочу. Уже. Достаточно давно я понял, что мне совершенно ничего не нужно.

А в голове Оделис всплывает лишь одно слово — мести. Этот человек хочет мстить. Всем, кто был так или иначе виновен в его горе, в его боли, что калечила и разрывала его душу на части... Он был, вероятно, весьма умён, в его глазах буквально светился этот живой ум, неплохо образован. Он был хорош собой, почти красив, вероятно, некогда даже обаятелен, возможно — улыбчив... Вероятно, у него когда-то очень красиво, почти завораживающе блестели глаза, когда ему было хорошо, когда он мечтал что-то сделать, что-то совершить... Что-то такое, от чего содрогнулась бы вселенная...

Но он несчастен. И готов мстить за это несчастье. Он не улыбается сейчас, лишь как-то неуверенно кривит губы, пытаясь это сделать. Но не может. Глаза его смотрят устало, сами они практически пусты. В них нет ничего, кроме той боли, которую он чувствует, вероятно, уже очень давно. Оделис заглядывала в его душу, она почти видела его глаза — правда, с другой стороны. И там они были моложе. Сейчас он уже старик, а тогда был ещё так молод...

Этот человек испит кем-то до дна. От него самого практически ничего не осталось.

Он сам — пуст.

Он в ярости.

— Как вас зовут? — испуганно бормочет девушка. — Ваше имя, сэр?

Оделис, кажется, догадывается... Это просто не может быть кто-то ещё. Его глаза... Они нечеловеческие. У людей глаза редко бывают настолько яркими. И Линдслей боится. На самом деле боится — потому что тогда получается, что живой она отсюда уйти уже не

сможет. Разве отпустят её после того, что ей удалось увидеть? Он знает, что она медиум. Знает — и дал прочесть ей свои мысли, своё воспоминание. Разве есть у этого мужчины хоть какая-то причина оставить её в живых после того, что она увидела? Разве есть у неё хоть один-единственный шанс уйти из этого места? Бежать она не сможет. Это просто бесполезно — вот если бы она была оборотнем, у неё был бы некоторый шанс. Но она не оборотень. Она медиум. Просто слабая глупая девчонка, умеющая читать чужие мысли при прикосновении. Тому, кто стоит перед ней, не составит никакого труда догнать её, если она бросится бежать. Хватит нескольких секунд. Может быть — даже меньше. И, всё же, пожалуй, больше всего на свете Оделис Линдслей сейчас хочет сбежать из этого места.

— Ты же сама это очень хорошо понимаешь, — говорит мужчина. — Я видел это в твоих глазах — ты поняла, кто я.

Поняла. Но... Ведь этого не может быть, правда? Это Эрна бы обрадовалась, поняв, кто перед ней стоит, это Эйбис бы всё равно рассмеялся и рассказал что-то невообразимо глупое, как он умеет делать, это Райн пожал бы плечами и сказал, что это не его дело — кто тут ходит, это Леонризес бы безмятежно и, как ей и полагается, безукоризненно вежливо узнала, как у этого человека дела и не нужно ли ему чего-нибудь. Но Оделис Линдслей была не такой, как они. Она не могла радоваться столь ужасному только из-за того, как оно необычайно, не могла отщучиваться, прекрасно понимая, что это не поможет, не могла просто пройти мимо, равнодушно отметив, что это — не её дело, не могла быть доброжелательной к этому человеку... Она боялась его. Боялась потому, что очень хорошо понимала, что больше никто на свете не может стоять перед ней в эту самую минуту. Человек... Он и человеком-то не был...

— Нет, — качает головой Оделис неверяще. — Скажите сами! Скажите сами, как вас зовут, сэр! Пожалуйста, скажите это сами, сэр!

Он лишь пожимает плечами, снова поправляет то и дело съезжающий с шеи тёплый алый шарф, смотрит на неё очень внимательно, словно бы... Словно бы не только ей удалось прочесть его душу, словно в тот момент, когда она видела его воспоминания, чувствовала его мысли, эмоции, он точно так же видел её... Это весьма вероятно, учитывая то, кто он такой. Это более чем вероятно. Оделис просто уверена в том, что её душу тоже прочли. Но зачем? Зачем она понадобилась этому мужчине? Она не была умна, как была умна княжна Леонризес, она не интересовалась так, погрузившись в них с головой, как Эрна, она не была сильна — практически, у неё только и была та сила, чтобы читать души. И, если бы он был человеком, Оделис поняла бы, для чего она нужна, но демонам не нужны медиумы для того, чтобы как-то увеличить своё преимущество перед врагом — они и сами это прекрасно могут сделать.

Никто больше не может стоять перед ней — Оделис прекрасно понимает это. Но девушка ещё надеется. Надеется, что все её разумные доводы окажутся ошибкой, что она потом сможет посмеяться вместе с Эрной и Леонризес над тем, что она, всё-таки, излишне увлеклась идеями Хоу, что перед ней сейчас окажется именно человек, а не демон, что, даже если и демон, то не этот. Кто угодно, кроме него!

Он, очевидно, искалечен — чуть горбится, смотрит безразлично, и руки у него дрожат... Где это видано, чтобы у героя древних преданий дрожали руки? Он бледен, сух, а в каждом его движении присутствует какая-то болезненность. Он болен, он искалечен, он пуст... Но это ведь не отменяет того, что перед Линдслей сейчас стоит один из сильнейших демонов — тот, от кого отвернулись даже его собратья. По легендам он был очень разумен и очень

скрупулёзен, а ещё почти всегда улыбался. Йохан описал его таким — разумным, сильным, излишне тщательным и почти всегда весёлым... Но перед Оделис сейчас стоял совершенно другой человек. Почти сломанный. Почти — в нём ещё оставалась та часть, которая теперь и пугала Линдслей особенно сильно, он был полон той своей силой, которую добился едва-едва в те времена, но... Пятьдесят тысяч лет тюрьмы не могли не сказаться. Ни на ком. Человек бы уже успел умереть. А для демона это не срок. Демоны живут куда дольше людей. Но даже для них это очень много. Пятьдесят тысяч лет... Если перед ней и стоял тот, о ком сейчас Оделис думала, он был совершенно иным, нежели это было описано в легендах. Это бы кого угодно сломало. Тем более, Линдслей думалось, что другие демоны вряд ли оставили бы такие прегрешения своего собрата безнаказанными.

— Драхомир, — усмехается он как-то слишком доброжелательно, — меня зовут Драхомир.

Комментарий к П. П. Глава пятая. Червовая восьмёрка.

Ей хотелось парить, ей хотелось летать...

Ей хотелось кружиться в танце дни напролёт...

Каждую ночь она выглядывала в окно и смотрела на звёзды.

Каждую ночь она ворочалась в кровати, так и не сумев заставить себя заснуть.

Каждую ночь она садилась у окна и плакала о том, что она не вольная птица.

Каждую ночь она заваривала себе чай и грустила об утерянных днях.

Ей хотелось парить, хотелось летать — а приходилось ходить по земле...

Ей хотелось кружиться в танце дни напролёт — а приходилось снова и снова садиться у окна каждую ночь...

Ей хотелось...

Любые исправления латинского перевода данного текста (если вы знаете латынь) только приветствуются, так как это то, что перевёл гугл-переводчик.

===== П. Глава тридцать первая. Сонм проклятий. =====

Каждой ночью без сна,

Поднимаясь со дна,

Кувшинки грустят.

Не узнает луна,

Как глубока глубина,

Кувшинки молчат.

Незаметно в течение вовлечены

Очевидцы и пленники тайн глубины.

Я знаю, что ты знаешь,

Что я знаю, что ты знаешь.

И ты скрываешь то, что я скрываю,

Что ты скрываешь.

Мы наблюдаем, стоя в темной нише.

Чужие сны не делают нас ближе.

Постоянно вдвоём, постоянно идём

Среди минных пустынь.

Каждый в мыслях один, но зато невредим,

Исступлённо молчим.

Стоит только шагнуть, о тропинке забыв,

Будет странных эмоций безудержный взрыв.

Я знаю, что ты знаешь,

Что я знаю, что ты знаешь.

И ты скрываешь то, что я скрываю,

Что ты скрываешь.

Мы наблюдаем, стоя в темной нише.

Чужие сны не делают нас ближе.

Из глаз в глаза, из глаз в глаза,

Без жеста и без слова

Улыбкой сфинксы незаметно

Обменялись снова.

В пустыне оказались мы случайно,

Обязаны хранить чужие тайны.

Так мы втянуты в вечность.

И вместе, и врозь,

Накануне и впредь.

Чтобы лучше секреты хранить, нам пришлось

Окаменеть.

Мы не сможем уснуть, мы не сможем забыть,

Но попробуй у сфинксов о чём-то спросить.

Я знаю, что ты знаешь,

Что я знаю, что ты знаешь.

И ты скрываешь то, что я скрываю,

Что ты скрываешь.

Мы наблюдаем, стоя в темной нише.

Чужие сны не делают нас ближе.

Из глаз в глаза, из глаз в глаза,

Без жеста и без слова

Улыбкой сфинксы незаметно

Обменялись снова.

В пустыне оказались мы случайно,

Обязаны хранить чужие тайны.*

Интересное это ощущение — когда солнце заливает утром комнату. Когда его тонкие нежные лучи пробиваются сквозь полупрозрачную занавеску, когда касаются подушки, заливают всю комнату своим светом — нежным, не слишком ярким... Когда окно закрыто, в комнате чуть душновато, почти жарко... Интересное это ощущение — просыпаться в десять часов утра, когда солнце уже такое яркое, такое настырное, что лезет изо всех щелей...

Интересное и — как ни странно — противное.

Она ненавидит солнце. Совершенно не переносит его. Оно слишком яркое, слишком слепящее, слишком... Всё слишком, пожалуй. Мария не любит солнце, не любит ясную погоду, не любит жару... Её это ужасно раздражает. Впрочем... Она, пожалуй, из той группы людей, которых раздражает практически всё — громкий смех, яркое солнце, благородство, доброта... Это раздражало. Как раздражала эта внимательность Мердофа. Айстеч постоянно ухаживал за ней, приносил еду, помогал приводить в порядок одежду, словно ему нечем было заняться... Это заставляло девушку чувствовать себя виноватой. И из-за чего? Из-за

этой несусветной глупости Мердофа Айтсеча? Ей было почти стыдно перед ним за всё то, что она делала, что говорила...

После сделки с тем человеком — впрочем, человеком ли — каждый раз, стоило ей только сомкнуть глаза, к ней приходили странные видения — люди в странных одеждах, с совершенно незнакомыми ей лицами, но такими знакомыми взглядами... Должно быть, она видела то, что ей, вероятно, не следовало видеть, чувствовала то, чего не следовало чувствовать — парила, летала, смеялась, шутила... Она жила той жизнью из тех снов, что казались воспоминаниями, или воспоминаний, что казались снами... Она видела великие битвы, красочные турниры, пышные торжества, грязные разборки в полуразвалившихся кабаках. И ей это нравилось. Марии Фаррел нравилось видеть кровь в своих снах-воспоминаниях. Она всегда любила кровь... Ей нравилось смотреть на эти ярко-алые капли, видеть ужас в чьих-нибудь глазах — обычно, увидеть таковой она ожидала в глазах своей сестры Розы или своей матери — и понимать, что она этого нисколько не боится. Марии иногда казалось, что её матери было бы куда проще, если бы она тогда не родила её, сделала аборт, сдала в приют или что-то такое... Впрочем, наверное, не только для её матери это было бы неплохо. Но самой Марии, что для неё было главным, было очень даже на руку то, что она выросла в семье Кассандры Фаррел, на Земле, в Канаде. Как бы сложилась её жизнь, если бы её мать выбрала какой-нибудь другой город, какую-нибудь другую страну, какой-нибудь другой мир, Мария не знала и — чего уж кривить душой — знать абсолютно не хотела. После сделки с тем существом, по правде говоря, жизнь девушки изменилась лишь самую малость — сны просто стали немного другими. Лишь самую малость другими. Просто лики тех людей, которые приходили к ней по ночам, стали более чёткими, теперь Мария могла видеть каждую деталь в их лицах, фигурах, могла разглядеть даже самый небольшой недостаток, заметить малейшую небрежность... Она могла видеть и тёмные волосы, и выступающие скулы, и блестящие глаза, и измятую и изорванную тёмную одежду... Мария могла видеть и чувствовать то, чего никогда в жизни раньше не видела и не чувствовала.

И это было так прекрасно, что невозможно было передать словами...

Её зовут Мария Фаррел, ей почти семнадцать, ещё летом — кажется, это было месяца три или четыре назад — она была самым обыкновенным подростком из Канады, как она сама считала, потом ещё где-то с месяца два она была принцессой какого-то сказочного королевства — до смерти короля — и была готова биться головой об стенку из-за безысходности, а теперь она просто застряла на Земле во времени до своего рождения и совершенно не представляла, что будет делать. Нет, понимала, что единственным выходом из сложившейся ситуации, наверное, было веселье — то самое, безудержное, откровенно сумасшедшее, но... Как веселиться в таких странных непонятных случаях девушка ещё не знала. Впрочем, наверное, не понадобится слишком много времени для того, чтобы понять такую простую истину.

Эти сны были меньшим, что тревожило её. Те сновидения, которые приходили к ней каждый раз, стоило ей только закрыть глаза... Они появились после того разговора. Наверное, Марии стоило относиться к ним спокойнее. Впрочем, тот демон... Он вложил их в её голову — а он был почти таким же, как она сама, девушка чувствовала очень много общего с ним. Она сама никогда не сделала бы подобного, если бы не знала, что за этим может что-то последовать... Должно быть, скоро с ней случится что-то совершенно, невысказанно ужасное...

Впрочем, случится и случится. Мария совершенно не боится этого. Подумаешь! Может быть, она погибнет из-за этого — но, в конце концов, никто не вечен. Она всегда это знала. Что поделаешь, если ей суждено помереть из-за такой ничтожной глупости, как поцелуй с тем странным парнем? Ровным счётом — ничего. Девушка всегда знала, что помрёт она как-нибудь... Ужасно глупо. Оставалось надеяться лишь на то, что гибель её будет не только глупой и нелепой, но ещё и хоть самую капельку красивой. Хоть самую ничтожную малость...

Что такого было в этих снах? Да ничего особенного.

Это были совершенно такие же сны, которые приходили к ней по ночам и раньше. Разве что с большим количеством самых разных деталей — от цвета волос или глаз до какого-нибудь мелкого шрама на левой руке. В некоторых из этих воспоминаний у неё был мелкий шрам, словно от небольшого и очень давнего ожога, на левой руке — между большим и указательным пальцами.

Это были совершенно такие же сны, которые снились ей много лет подряд и раньше — с самого детства. Разве что раньше всё в этих снах расплывалось, она не слышала ни имён, ни названий местности, не видела ни лиц, ни обстановки — лишь чувствовала ту атмосферу, ту обстановку. И это казалось ей таким родным, таким нужным... Удивительно родным и нужным! Она не любила так ни Землю, ни тот сказочный мир Осмальерд, не чувствовала их столь же родными и необходимыми — только те места, тех людей, которые были в её странных снах...

Так странно и необъяснимо нужны — словно бы когда-то у неё была совсем другая жизнь, а потом она просто взяла и переродилась, оказалась в этом теле, дочери Теодора Траонта и Кассандры Фаррел... Странное, необъяснимое чувство... И в то же время Мария не имела ни единой причины не верить в это.

Девушка присаживается на подоконник и тяжело вздыхает. Земля несколько не была дорога ей. Это просто был один из тех миров, где она могла путешествовать, но... У неё никогда не было дома. И это, наверное, многие из людей сочтут страшным. Для неё же это страшным никогда не было. У неё просто никогда не было места, куда она бы всегда смогла вернуться. Это место не было уничтожено, с ним совершенно ничего не случилось — его просто никогда не существовало. Мария сама усмехается своим мыслям — должно быть, многим они казались странными, например, Алу эти мысли точно казались странными, о чём он всегда говорил, но для неё это было действительно так. Фаррел опирается спиной на стену и прикрывает глаза, чтобы снова увидеть те странные сны, которые уже казались для неё такими необходимыми...

Всё, что девушка могла увидеть сейчас, когда она закрыла глаза и погрузилась в ставший уже привычным ей сон — это то высокое застланное тучами серое небо... Она, пожалуй, обожала смотреть на это — на нечто холодное, недостижимое, манящее... И скалы — неприступные, огромные, тёмные, словно таинственные великаны, что созданы самой природой... Здесь шумел ветер. Он словно бы врвался в то огромное пространство, в котором она сейчас находилась, словно дикий зверь завывал, бросался, почти кричал... Если бы на её голове был какой-то головной убор, он обязательно бы полетел в сторону... Порывы ветра словно накидывались на неё, будто бы пытаясь чего-то добиться... И скалы — эти темнеющие каменные глыбы — словно злорадствовали.

И это до сумасшествия нравилось ей — это злорадство, эта кичливость... Она чувствовала себя здесь абсолютно, совершенно, невозможно счастливой. Это было именно

то место, которое ей нравилось, даже учитывая то, насколько оно было опасным для неё — вероятно, именно здесь она могла погибнуть... Это было одно из самых невозможных мест во всей вселенной. Наверное, именно это в нём и привлекало Марию...

И было как-то до невозможности тоскливо... и прекрасно. Темнеющие очертания могучих скал, местами тёмное, местами светлое серое небо, упрямый и сильный ветер, порывы которого ужасно мешали дышать... Мария чувствовала под своими ногами тёмные огромные камни, на которые она, вероятно, не так давно забралась — должно быть, это удавалось ей с трудом, она чувствует боль в подвёрнутой ноге, а оцарапанные руки её саднят... Волны бьются о скалы — порой, до неё долетают те капельки воды. Это было прекрасное ощущение — полной свободы, полной власти над самим собой, полного контроля... Накрапывал мелкий дождик, а она всё стояла, всё смотрела вдаль — на это бескрайнее суровое небо, на эти бушующие волны, чувствовала, как порывы ветра бьют в её лицо, как растрепались её волосы... Она чувствовала себя уставшей, измождённой, выпитой досуха, её руки были все исцарапаны и исколоты, её волосы грязными мокрыми прядями прилипали к лицу и шее, одежда была тяжёлой, драной и насквозь промокшей... Уставшие ноги ныли и едва держали её, а губы были разбиты. Она ещё никогда в жизни не чувствовала себя так ужасно, как в этом сне — сне, где болевшее её запястье было перемотано какой-то старой грязной тряпкой... Ветер завывал и бил её в лицо, волны шумели, разбиваясь о темнеющие скалы, а она просто стояла и смотрела на это грозное уставшее небо...

Ей чудилось, что какой-то человек сидел на этих тёмных камнях, с красивым тонким и умным лицом, с чёрными нечёсаными волосами, закутанный в какие-то жалкие тёмные и даже грязные тряпки... Он сидел на одном из этих огромных валунов, смотрел на недружелюбные волны, что бились о скалы совсем недалеко от них, и левой рукой, на безымянном пальце которой сверкал яркий алый, словно капли застывшей крови, перстень, перебирал струны странного музыкального инструмента, отдалённо напоминающего лютню, извлекая необыкновенные, ни на что непохожие мелодии... Она не знала этого человека и не видела его теперь — она не могла отвести глаз от того бескрайнего темнеющего и нависающего над нею неба... Но она совершенно точно знала, что он был излишне худ, что под глазами его залегли глубокие тени, что высокий лоб его пересекали морщины, что он с самого детства был хром на одну ногу, что пальцы его, так искусно извлекавшие мелодии из его странного деревянного музыкального инструмента, так же нередко держали лук, стрелы, меч, что голос у него был хриплый, сорванный, но при этом очень приятный... Она могла, вообще, многое рассказать о нём — о том, как он однажды играл и пел в одном из древних и красивых городов, спасая этим жизни своих друзей, о том, как любил музыку и поэзию, которые считал неразрывно связанными между собой, о том, что предпочитал коротать длинные зимние вечера в обществе легкомысленных девиц... Мария совершенно не могла понять, почему ей сейчас всё это то ли вспоминалось, то ли казалось — она просто смотрела на это прекрасное, необыкновенное небо...

Ей чудился звонкий мелодичный голос красивой девушки с бледным лицом, у которой на голове была сапфировая тиара и которая куталась в меха. Странно — Мария не видела ничего этого... Не видела этой девушки, но знала, что та была на редкость красива, что волосы у неё были иссиня чёрные и очень длинные, что на голове у неё сияла эта сапфировая тиара, что губы у неё были очень тонкие, тёмно-красные, почти всегда искусанные... Она, словно наяву, видела этот упрямый взгляд светлых глаз, эту горделивую осанку, этот насмешливый большой рот... Она видела те яркие букеты из маков и незабудок, которые эта

девушка так часто держала в руках...

Ей чудились крики. Громкие. Яростные. Кто-то словно хотел пробиться сюда — в этот ничтожно маленький мирок... И девушка, которая тихо напевала какой-то похожий то ли на религиозный, то ли на народный мотив, каждый раз дёргалась, оглядывалась и с досадой снова отводила взгляд и принималась петь. А человек, который играл на странном инструменте, похожем на лютню, не обращал ни на что внимания. Он просто сидел и смотрел на небо и на море. А ей самой хотелось расхохотаться — чуть злорадствуя над тем, кто оставался за пределами этого места, кто был свободен, не обречён прозябать, как они втроём, свои последние дни в этой жуткой и прекрасной пустыне, с какими-то жалкими запасами продовольствия и воды... Сколько они протянут с этими жалкими остатками? И в то же время, почему-то, Марии было жутко жаль того, кто кричал там...

Человек, игравший на музыкальном инструменте, оборачивается к ней, смотрит на неё своими впалыми глазами. Он прекращает играть, поднимается на ноги, прихрамывая — как раз на ту ногу, как Фаррел и думала — подходит к ней, поправляет спадающие на глаза пряди тёмных слипшихся волос...

— Сколько мы здесь протянем? — обращается он к Марии устало. — Мы здесь с неделю и до сих пор не смогли ничего придумать.

Она сама так устала... Сколько они втроём прошли до этого? Много, очень много миль... Много миль — по лесу, по степи, по скалистому берегу моря... И ничего — ни единой зацепки. Ни одной, даже самой крошечной надежды на выход... Ни единого шанса выбраться. Хотелось выть, кричать от отчаяния, ломать себе руки, ноги, вывернуть себя наизнанку — но всё было совершенно бесполезно.

Хотелось плакать... Жутко хотелось... Нет! Не плакать — рыдать в голос. Рвать на себе волосы, кусать в кровь губы, разбивать костяшки, срывать голос в тщетной попытке докричаться до того, кто в силах был пробить этот чёртов барьер, кто, действительно, был достаточно силён для этого. Не она... Она была так слаба в этот момент... Так ничтожна... Какой удар по её гордыне — хотелось захохотать! О! Те палачи постарались на славу — она признавала своё поражение! Хотелось им аплодировать — постарались они, действительно, неплохо! Очень даже неплохо! Они молодцы! Но они не знают, кто такая Мария Фаррел. Мария Фаррел всегда найдёт выход. Всегда. В какую бы безвыходную ситуацию она не попала.

Герои никогда не умирают.

Герои всегда уже мертвы.

Для героя мир — важнее их жизни, важнее их друзей, их семьи.

Но она — не герой. И она никогда не станет им. Быть героем — притворяться, что ты лучше, чем есть на самом деле, выставлять напоказ свою светлую сторону и полностью прятать тёмную... Быть ужасно лживым и лицемерным — вот что значит быть героем. А она, быть может, лжива, но совершенно точно не лицемерна. Она презирает это — то корявое притворство, с которым так носились эти герои. Она — точно не герой. Ей чужды честь, благородство, долг — она поступает только так, как ей самой в этот момент хочется. И если для того, чтобы выбраться из этого места, придётся расколоть или сжечь пару миров — она совершенно не против. В конце концов, Мария Фаррел никогда не была героем... И никогда не хотела им стать.

— Придумаем, — отвечает она, и сама же не узнаёт своего голоса. — Всегда же придумывали. Йохан. Мы с тобой знакомы ещё с той поры, когда были совсем ещё детьми...

Мы всегда находили выход.

Та девушка, которая сидела, прислонившись к камню, встаёт, забирается наверх и присаживается на камень. Музыкант по имени Йохан, смотрит на неё с состраданием. Оно и понятно, и непонятно для Марии одновременно. Ей почему-то кажется, что в сострадании сейчас куда больше нуждаются они трое, чем... Чем кто-то, кого в данный момент жалел Йохан.

— Его нет рядом с нами... — как-то слишком бесцветно отвечает девушка. — Что они с ним сделают?

С кем — Мария не знает, кто именно это, но почему-то понимает... Почему-то ей сразу представляются сигаретный дым, алое зарево, кровь, глубокая рана на спине и... забавные букеты из маков и незабудок. Девушке почему-то казалось, что она почти дружила с тем... не человеком. Казалось, что он учил её чему-то очень важному. Казалось, она должна была быть ему очень благодарна за что-то. И она была благодарна. Она умела быть благодарной. Всегда умела. Просто, может быть, не до гроба — как считали нужным многие. Благодарность до гроба может наскучить, может начать угнетать так сильно, что ты просто возненавидишь того человека, который совершил тебе добро. Это не дело. Так нельзя. В таком случае благодарность становится тем ужасом, от которой готовы бежать и тот, кто совершил добро, и тот, кому это добро оказали.

Не легче ли просто не быть благодарным? Не проще ли это — сразу забыть про то, что хорошего для тебя сделали? Не проще ли это для самого человека, который когда-то тебе помог? Не проще ли это для всех? Марии кажется, что так гораздо проще.

Музыкант подходит ближе к той девушке, грустно смотрит на неё, с таким всепоглощающим пониманием... Мария Фаррел, впрочем, тоже, кажется, всё понимает. Но только она никогда не умела быть достаточно сострадательной, достаточно сочувствующей, достаточно мудрой. Она умела лишь понимать. А Йохан — кажется, так звали этого музыканта — не только понимал, он чувствовал, он знал, когда и что нужно было сказать, умел быть настолько понимающим, что было просто удивительно. Он был настолько добрым, что ей никогда этого не удастся понять...

Музыкант вскарабкивается на камень — это удаётся ему с большим трудом из-за его хромоты, а, может быть, и по другой причине, — осторожно касается волос той девушки, гладит её по ним, прижимает к себе. Она мягко отстраняется, качает головой, строго смотрит на него, закутывается получше в свой тёплый плащ и поворачивает голову в сторону моря... Волны бьются о скалы, рассыпаются на тысячи, на сотни тысяч капель, но продолжают бороться с тёмными каменными великанами... Марии кажется, что они сами похожи на эти волны — так же бессмысленно бросаются раз за разом на острые вековые камни... И разбиваются в ничто. Они всё ещё упорно ищут выход из этого места, хотя давно стоило признаться самим себе в том, что выхода просто нет. Они обречены на смерть. На ужасную смерть, на невозможную, на такую, которую нельзя было пожелать самым страшным врагам...

Обречены... Странное слово... Смешное... Хмурые скалы смотрят на них, угрюмо усмехаясь — так, как смеялся один из них... Тот, от кого, постоянно пахло дымом, кто сам был похож на вулкан... Хочется закрыть глаза и представить себе дивный вечер — где-нибудь на тлеющих руинах какой-нибудь разрушенной цитадели, под тёмной луной, рядом с высокими кострами, что обжигали так больно... И лишь песни, игра на лютне и дикий, безумный, невозможный танец...

— Будут пытаться... — вздыхает Йохан. — Уверен, что он думает, что мы — мертвы.

Мертвы... Что же — это не слишком далеко от истины. Сколько отделяет их от этого слова? Совсем немного... Может быть — всего лишь несколько часов. Их совсем недавно было четырнадцать. Один сбежал. Хм... Трус! Смешно, но она его нисколько не осуждает. В той ситуации нужно было бежать. Необходимо. И если ему повезло, никто не имел права винить его за это. Один в тюрьме. Среди тех, кто раньше был готов короновать его, а теперь лишь плевал в спину и ненавидел, презирая... Двое совершенно точно мертвы. Один... Он был так сильно ранен, что не оставалось практически никакой надежды на то, что он выживет... А насчёт остальных она совершенно ничего не знает.

Их всех осудили на смерть. И только от них самих зависит — когда именно эта смерть наступит. У кого-то не наступит никогда... Он сам обрёл себя на самую страшную кару — на бессмертие. На самую тяжёлую кару. Потому что все они будут уже мертвы к тому времени. Ну разве что — исключая того труса, который сбежал сразу же, не дожидаясь начала боя... Мария не осуждала его... Она прекрасно понимала. Им всем было лучше то, что хоть кто-то оставался живой, свободный...

— И он поверил без доказательств? — презрительно усмехается Мария. — Вы уверены, что этот тот самый Драхомир, которого я знаю все эти годы?

Девушка, что кутается в свой меховой тёплый плащ, подходит чуть ближе к краю, зло смотрит на неё. Как же много злобы в этих глазах — хочется расхохотаться. Они трое, всё равно, скорее всего умрут. Какая же разница — почему? Какая разница, по какой конкретно причине они помрут здесь? Уж бедняжку из охотничьей семьи она совершенно не боится. Хотя, наверное, было бы проще умереть сразу — быстро, практически безболезненно, — нежели долго и мучительно умирать от голода, от обезвоживания, от страшной усталости... Быстрая смерть всегда лучше. И Мария почему-то вдруг думает, что ей очень повезло — повезло куда больше, чем тому же Драхомиру — только потому, что она способна умереть, что может погибнуть в любой момент, что жизнь её, как и жизнь любого человека, так хрупка, так невозможно коротка... Чуть посильнее нажмёшь — и жизнь оборвётся...

Это был такой драгоценный дар — возможность умереть...

Ветер воеет... Запеваёт свою похоронную песню, словно прекрасно зная о предстоящей гибели трёх людей, что находятся здесь. Впрочем, наверное, так и есть — это своеобразная панихида по ним. Панихида... По Сонму Проклятых — по тем, кто ещё совсем недавно приводил в ужас одним упоминанием о себе... По ним — по четырнадцати Отречённым. Девяти людям. Четырём демонам. И одному существу.

— Он не бесчувственный, знаешь ли? — шепчет девушка дрожащим голосом. — Он — самый лучший из всех, кого я знала! И он поверит во всё, потому что он сам этого ужасно боится, боится больше всего на свете!

Мария верит и не верит одновременно. Она сама не знает, почему в ответ на слова этой странной девушки ей больше всего на свете сейчас хочется расхохотаться. Впрочем, она не делает этого. Почему-то решает, что в этот раз лучше промолчать, не обратить внимания, ничего не заметить... Просто промолчать, закутаться получше в свои лохмотья, поднять голову и посмотреть на это суровое жестокое небо — такое красивое, такое холодное, такое далёкое...

Туда им теперь нет дороги — на это прекрасное и необыкновенное строгое серое небо, с плывущими по нему тёмными тучами... Солнце пытается пробиться через эти тучи — и не может. И от этого это небо ещё более прекрасно. От этой недостижимости, от этой безумной

высоты... От этого тяжёлого и чистого воздуха, который давит, который мешает дышать, заставляет захлёбываться собой...

Марии иногда кажется, что когда-то она умела летать... Да что там — она и сейчас умела это... И ей бы очень хотелось ощутить это вновь — испытать на себе снова это падение, почувствовать этот холодный обжигающий лёгкий воздух, понять, каково это, иметь почти самые настоящие крылья... Это заставляет напрочь позабыть обо всём — об этом странном Драхомире, об Йохане, о девушке, которая сидела рядом, об Але, который сейчас был королём в чуждом им обоим королевстве, о Мердофе, который так беспокоился за неё, о дяде Джошуа, который был ей отцом, о смерти...

— Что они с ним сделают? — срывающимся от слёз голосом шепчет девушка, с вызовом и отчаяньем смотря на Марию и того Йохана. — Что они там сделают с моим Драхомиром?

Йохан тяжело смотрит на неё. Подходит, целует в лоб, обнимает, шепчет на ухо, что они обязательно выберутся из этого ужасного места, что обязательно найдут Драхомира, что... Ложь. Они никогда отсюда не выберутся. Уж все втроём — точно. Они все прекрасно знают это. Им не выбраться из этого ада. Никогда не выбраться. Они не герои, которые уже мертвы. Они не просто люди, которые ещё живы. Они скорее злодеи, которые всё ещё умирают.

Умирать так страшно, когда ты ещё полон жизни, когда жаждешь спокойствия, благополучия, мирной и хорошей жизни в хорошем миленьком домике в деревне... Так хочется умереть, когда ты думаешь кого-то спасти этим, когда ради долга, ради чести, ради вселенной идёшь на совершенно безумный поступок... Настолько плевать, когда ты снёс так много миров в погоне за весельем, за интересной, красочной, необыкновенной жизнью... Настолько плевать, что хотелось расхохотаться на суде — они обрекли их на смерть. Так разве смерть является наказанием, когда её нисколько не боишься?

— Они обожгут ему руки... — тяжело вздыхает музыкант. — И вырвут крылья. Он — самый страшный преступник для них. А все знают, что значат крылья для демона...

Губы у девушки в меховом плаще дрожат. Но она не плачет. Её глаза совершенно, абсолютно сухие. Как и всегда. Она никогда не плачет. «Эта девчонка, которая в своей жизни не проронила ни одной слезинки», — кажется, так, смеясь, звал её когда-то Драхомир... Лишь плечи, руки и губы её дрожат — так, как было бы, если бы она рыдала... Это было очень на неё похоже...

Похоже на кого? Мария Фаррел не знала эту девушку, не знала этого музыканта Йохана. Она просто видела некоторый весьма странный сон и не смела ему сопротивляться... Она видела их с самого детства — только тогда не могла разглядеть лиц этих людей, услышать их имена, запомнить их голоса... Она слышала музыку — ту тоскливую, наводящую какой-то необыкновенный ужас и какую-то невозможную грусть, от которых хотелось плакать и кричать...

Это было как... воспоминание... Живое воспоминание... Странное, невысказанное воспоминание о том, чего с девушкой никогда не происходило. Интересно, об этом тогда говорил тот демон? Интересно, сойдёт ли она с ума из-за этого? Или — уже сходит? Это настолько неважно...

Мария замирает и снова обращает свой взгляд к небу — к тому, которое она всегда старалась не замечать... Она так давно не видела его — казалось, целую вечность... И совершенно не хочется что-либо говорить... Это лишнее. Совершенно лишнее, ненужное... Она краем глаза видит, как Йохан тяжело вздыхает, как отпускает ту девушку, что-то ещё

говорит ей, как, после какого-то её замечания, отворачивается, спрыгивает с валуна и, хромя, направляется к самому морю. И стоит там очень долго... Словно чувствует себя виноватым в чём-то... Что за бред! Уж Йохан-то точно не был ни в чём виноват. Он был тем, кто всегда был настолько благоразумен, что обвинить его в чём-то было бы сущей неблагодарностью... Фаррел вздыхает и почему-то усмехается. Ей нравилось здесь. Даже учитывая то, что в этом месте ей постоянно виделась её смерть...

— Не вырвут... — очень тихо шепчет та девушка, спрятавшись за самым камнем, думая, что Мария её не видит. — Они не смогут вырвать у него крылья. Он это уже давно сделал сам — ради меня...

Бывшая принцесса лишь неслышно усмехается — она словно совершенно точно знала то, что та девушка обязательно скажет это...

Девушка открывает глаза и снова видит ставшую привычной обычную комнатку в каком-то мотеле. Америка. Ей совершенно не нравится Америка. В Канаде было лучше. В Канаде у неё была хоть какая-то иллюзия дома. А тут... Тут не было ничего... Всё здесь было непривычным, неправильным... Мария была готова перенестись куда угодно, лишь бы не оставаться здесь — ей куда больше нравился Осмальерд, когда она жила в поместье Хоффмана... Хоффман, вообще, был тем человеком, с которым было до жути интересно — он был очень начитан, очень умён, обладал неплохим чувством юмора... Её тянуло к нему — с ним можно было поговорить на абсолютно любую тему, он понимал практически всё. Мария всегда любила таких людей, как он — умных, обаятельных, тех, в ком сильна была та, противоположная солнечной стороне, половина человеческих качеств... Пожалуй, она обязательно в первую очередь, когда им с Мердофом удастся вернуться в Осмальерд, свяжется с графом Хоффманом...

Её зовут Мария Фаррел, ей почти семнадцать и около недели назад она застряла в этом времени без возможности куда-то переместиться. Забавная ситуация, не правда ли? Девушка оборачивается, берёт какую-то книгу, рассматривает её. «Человек, который был Четвергом» Честертона — неплохой выбор, пожалуй... Кажется, дяде Джошуа нравились детективы этого писателя... Может быть, и следует прочитать...

Мария усмехается каким-то своим мыслям и снова закрывает глаза — ей хочется увидеть что-то ещё из тех воспоминаний, которыми наградил её тот демон, которого она, к собственному же удивлению, поцеловала...

Она летала во сне. Совсем не так, как летала когда-то в далёком детстве — паря над облаками и тихо, счастливо улыбаясь. Сейчас же она падала с какой-то башни... Падала — совсем не потому что приходилось выбирать между тем, быть ли застреленной вон теми стражниками или разбиться насмерть, упав с такой высоты. Просто падала.

Ей чудились лёгкие облака и тёмные грозовые тучи — она летела, падала, парила... Ей, пожалуй, всегда больше всего именно это в снах и нравилось — возможность летать... Возможность почувствовать то, что ощущаешь обычно при падении...

А ещё — те дикие пляски костров... Это полыхающее зарево, эти кровавые всполохи зари... Ей нравилось смотреть на них, ей нравилось представлять, как она перескакивает через эти костры, как хохочет какой-то странный, необъяснимо знакомый ей голос — и смеяться самой...

Но она, Мария Фаррел, просто стоит сейчас — на балконе некоего старинного замка, одного из тех, какие обычно изображают на картинках в детских книжках... Ночь дышит ей прямо в лицо — на улице довольно прохладно, но погода при этом стоит довольно-таки

неплохая (или именно потому, что было довольно прохладно). К ней кто-то подходит. Медленно. Бесшумно. Друзья так не ходят. Мария слабо усмехается и откладывает в сторону красивую старинную книгу, которую держала до этого в своих руках.

— Кто ты? — обращается она к человеку, который стоит рядом.

Он молчит какое-то время. А Фаррел снова хочется расхохотаться — в последнее время, пожалуй, она только и делает, что смеётся. Любопытно, что никто другой не счёл бы это хорошим поводом для того, чтобы посмеяться. А она считала. Ей было хорошо... И на душе становилось так легко от всех этих мыслей...

— Думаю — твоя смерть, — произносит он так уверенно, так зло и достаёт из ножен кинжал — длинный, острый, она видит отблески костра, что был разожжён под стенами замка, в этом лезвии...

Мария Фаррел с улыбкой смотрит на кинжал. Она совершенно не боится, хотя примерно представляет, что вскоре произойдёт. Но смысл теперь бояться? Смысл убежать? Смысл прятаться? Его нет. И никогда не было. Никогда — ни сейчас, ни в любое другое время. Это не первый сон, в котором она умирает. Ничего страшного не случится, если это произойдёт ещё раз — да, смерть даже во сне неприятна, но не оставляет никакого другого впечатления или желания после себя, кроме желания рассмеяться, желания презирать, желания смотреть свысока на всё это и улыбаться — ярко-ярко. И искренне. Совершенно искренне. Без грамма фальши. Странно это — она вся насквозь состоит из лжи и так ненавидит всякую фальшь в движениях, мимике... Иногда Мария даже удивляется себе.

— Моя смерть? — усмехается она. — Ты так уверен, что меня можно убить, да?

Она уже давно мертва, пожалуй... Такое впечатление, что умирала она уже когда-то давно... Не произошло ничего такого, из-за чего она бы могла считать себя таковой — в её жизни не умер никто из тех, чью смерть она бы перенесла с трудом, на её долю не выпали слишком тяжёлые, непосильные для неё испытания... Но она была мертва. Она когда-то давно умирала. И чувствовала сейчас это всем своим естеством. И, наверное, поэтому совершенно не боялась сейчас.

— Любого человека можно убить, — пожимает плечами мужчина и рывком бросается к ней, вонзает свой кинжал в её живот...

Боль пронзает её тело. Острая. Сильная. Она делает шаг назад, чуть шатаясь от внезапной слабости в ногах и сильной боли. Небо... Какое же оно невозможное, холодное, далёкое — это небо... Красивое... Она делает ещё несколько шагов по каменному полу балкона, упирается спиной в стену, хватается левой рукой за бортик, беспокойно смотрит вниз — на костёр, на людей, что находятся там, под самой крепостной стеной... Её забавляют эти люди. Она готова почти презирать их — за ту обыденность, за ту обыкновенность... Разве можно желать такой жизни? Спокойной. Размеренной. Правильной. Разве можно её хотеть? Разве им недоставало этой обыденности?

Её восхищает совсем другое... Её восхищают огромные корабли — фрегаты, бриги, шхуны, баркентины... И та печальная, протяжная песня, которую запевали, сидя прямо на песке и траве, цыганки, что казалась особенно таинственной и мистической — под этой большой круглой луной, под этим бескрайним тёмным небом... Её восхищали горящие замки, тлеющие развалины, пылающие костры...

Она смотрит вниз, оглядывает саму себя — с усмешкой, чуть презрительной к самой себе. У неё все руки были измазаны в крови... Ярко-алые капли стекают по её пальцам, капают на белоснежный мраморный пол... Мария лишь смеётся — ей почему-то становится

до невозможности весело, словно и нету этой боли вовсе.

Она медленно и осторожно вытаскивает кинжал, обагрённый её кровью, из своего тела и с усмешкой глядит на него — она видит именно саму себя, не кого-то ещё... Ей — Марии Фаррел — смешно. Она не может глядеть на того человека без хохота. А он смотрит на неё как-то непонимающе и сам пятится назад. Напуган. Растерян. Не понимает. Боится. Чтс же... Это можно считать её маленькой победой сегодня, правда?

Мария снова открывает глаза. И снова оказывается в той же самой комнате, в которой и была до этого. Должно быть — это просто глупости... Эти необыкновенные, яркие, словно живые сны... Но к ним так тянет... Пожалуй, был бы здесь Хоффман, бывшая принцесса с радостью бы обсудила с ним это, но... В дверь чуть слышно стучат, и в комнату проскальзывает Мердоф. С подносом. Фаррел смотрит на него несколько удивлённо, а потом вспоминает, что сегодня они должны были наведаться к одной гадалке... Это не слишком её устраивает, если говорить честно, но... Ничего не поделаешь!

— Мы сегодня должны идти туда? — спрашивает Мария чуть недовольно. — Жаль... Мне бы хотелось ещё чуть-чуть посидеть здесь...

Айстеч кивает и как-то странно смотрит на неё. Бывшая принцесса встаёт с подоконника, подходит к другу... Ей почему-то жаль его. Пожалуй, даже очень. Наверное, ей стоило быть мягче, но... Ей никогда не нужно было делать это раньше. Мердоф же стоит, смотрит на неё как-то чуть ли не виновато, а потом просто молча подаёт ей чашку с какао и тарелку с яичницей. И уходит.

Мария усмехается чуть грустно и присаживается в кресло. Ей приходят в голову разные мысли... Странные мысли... Всего четыре секунды. Убить человека можно всего лишь за четыре секунды — лишь представить его лицо, закрыть глаза и спокойно сосчитать до четырёх. Главное только не дышать в этот момент. И всё. Она усмехается снова, закрывает глаза и представляет то старое, морщинистое лицо, те презрительные карие глаза... Она набирает полную грудь воздуха и...

Раз. Два.

Три... Четыре...

Комментарий к II. Глава тридцать первая. Сонм проклятий.

* Fleur — Я знаю, что ты знаешь

===== Бонусная глава. Рождественская сарабанда =====

В краю средь гор и цветущих долин

Текла река, исчезая вдали.

Прекрасней не было страны,

Где рождались баллады и сны.

В дорогу звал глас таинственных гор.

Три сына там покидали свой дом.

Один был горд, другой — упрямым,

А третий был сердцем смиренным.

Слова Отца были грусти полны:

«В любви моей вы росли, как цветы.

Что ждёт вас там, в чужих краях?..

Да хранит вас молитва моя.»

И звучало в ответ

Эхо горных вершин:

«Сохраните богатство Души
И Любви нескончаемый Свет!»
Прошли года, затерялись вдали.
В краю среди гор и цветущих долин
Встречал отец своих детей
После долгих разлук и скорбей.
И первый сын возвратился домой:
«Гордись, отец, — я великий герой!
Вся власть моя, и в этом суть
На крови я построил свой путь!»
Второй привёз золотые дары:
«Смотри, отец, я могу все миры
Купить, продать и слёзы всех
Превратить в серебро и успех!»
И звучало в ответ
Эхо горных вершин:
«Разменяли богатство Души
Ради славы и блеска монет...»
А третий сын на коленях стоял:
«Прости, отец, я великим не стал.
Смиранным был, врагов прощал».
А отец с теплотой отвечал:
«Душа твоя и добра, и чиста.
И пусть богат ты и знатен не стал,
Но ты хранил любовь мою.
Я тебе свой престол отдаю!»
И звучало в ответ
Эхо горных вершин:
«Кроток сердцем и духом смирён,
Верный сын унаследовал трон!»*

Около года назад...

Морозный вечер. На улице — кругом лишь снег. На фонарях, на тротуарах, на проезжей части, на тонких ветвях деревьев, на подоконниках... Практически ровный белоснежный ковёр... За несколько дней до этого внезапно похолодало — до этого было совершенно тепло, совсем не было снега, а люди что-то ворчали о том, что такой тёплой зимы никогда не было. Забавно — пять или семь лет подряд до этого было куда теплее, и снег не выпадал вовсе, но люди всё равно ворчали. А сейчас они все ворчали из-за того, что стало холодно, скользко, что дети стали бегать по двору, лепили снежные крепости, бросались друг в друга снежками, что выход из дома теперь стоит расчищать...

Пару дней назад во дворце был дан бал по случаю шестьдесят восьмого дня рождения вдовствующей королевы Джейн, матери нынешнего анэзского короля Алана Двенадцатого, а так же, ещё двух сыновей и пятерых дочерей, что были принцами и принцессами крови. Празднество в честь Её Величества вдовствующей королевы Джейн получился достаточно пышным, достаточно роскошным — чего, впрочем, и следовало ожидать от события такого масштаба. Разумеется, герцогиня Алесия Хайнтс тоже присутствовала на этом балу, как и

принц крови Феликс Кордле, как и граф Горацій Бейнот, как и герцог Делюжан, как и... Та странная и весьма амбициозная особа, Анна Истнорд, которая своим упорством искренне восхищала Георга Хоффмана. Эта Анна Истнорд... Пожалуй, стоило обратить на неё своё внимание — прекрасно образованная, весьма умная и начитанная, танцевала просто превосходно, немного пела и самую малость играла на рояле... Был бы её отец чуть богаче — эта девушка не знала бы недостатка в женихах. Но её семья не была богата. Анна, в отличие от двоих своих сестёр, не была красива — чертам её не доставало правильности, движениям — плавности. Она была несдержанна на язык, резка в своих суждениях, излишне самолюбива и слишком много смеялась. Но... Почему-то Хоффман бы вполне мог назвать её прелестной. Пожалуй, Анна Истнорд была... Впрочем, хватит о ней! Это была самая обыкновенная девица из обедневшего дворянского рода, которой несколько не доставало манер, красоты и, главное, денег. Самая обычная слезливая история о каком-нибудь предательстве близкого друга её отца, из-за которого он стал банкротом, не казалась в её случае какой-то сверхъестественной и преувеличенной. Для Анны Истнорд это было самое то — какая-нибудь слезливая история. У всех девушек её положения была какая-нибудь такая история. Георг Хоффман не знал ни одной, у которой такой истории бы не было. Вот даже у Алесии была — у этой бедной девочки, пытавшейся вырваться из своего золотого ада... Разве могло не быть такой истории у самой обыкновенной девицы Анны Истнорд — дочери какого-то бедного посла?

На балу всем было весело, все радостно смеялись, поздравляли королеву Джейн, танцевали друг с другом... По правде говоря, сам граф Хоффман танцевать жутко не любил — учиться этому ему пришлось довольно поздно, лишь в девятнадцать лет, когда его присутствие стало необходимым не только на «скучных для молодёжи» приёмах, как об этом отзывался Делюжан. Танцевал он обычно лишь танец или два, что было необходимо из приличия, и обыкновенно выбирал своей спутницей Алесию Хайнтс — та прекрасно знала, как неуклюж порой Георг в своих движениях, и могла со всем присущим ей тактом как-то это скрыть от остальных. Алесия была очень тактичной, никогда не позволяла себе ничего лишнего в своих суждениях, и потому была для Хоффмана жизненно необходимым человеком. Особенно на балах, которые он едва мог переносить. Но в тот раз всё сложилось несколько иначе — Алесия не смогла танцевать с ним по какой-то причине, он сам её уже помнил очень плохо, и пришлось выбирать из всех тех напомаженных, разукрашенных, разодетых в кружева и ленты кукол. И тогда выбрать пришлось Анну Истнорд — во всяком случае, она не была так отвратительно похожа на всех этих кокетливых девиц, которых Георг едва ли мог спокойно переносить. Во всяком случае, девица Истнорд была достаточно смешлива и достаточно умна, чтобы понять, какие темы можно затрагивать в разговоре с ним. А ещё — она не пыталась флиртовать с ним. Это было её явное преимущество перед всеми остальными девушками, помимо Алесии, на этом балу.

Музыка... Вообще-то, Георг Хоффман любил музыку. Но совершенно не такую. Не помпезную, глупую и бессмысленную, а возвышенную, необыкновенную... По правде говоря, этот вечер он с удовольствием провёл бы дома, в окружении своих книг, мемуаров каких-то государственных деятелей, нот, старинных географических карт, томов с философскими размышлениями каких-нибудь Ройнтербергов, Штайнергов и Макиавелли... Последний, вроде, был земным философом, что не мешало ему, впрочем, быть одним из любимых философов Георга Хоффмана.

За окном падает снег... Снежинки ложатся на землю тем ровным белым ковром...

Когда-то Джордж Блюменштрост считал его верхом совершенства — этот идеально белый снежный ковёр. Эта пора давно прошла — теперь ему уже вовсе не пять и не шесть лет, он не верит в чудеса, считает, их обычной глупостью, которую родители рассказывают своим детям в надежде, что те будут вести себя хорошо. Обычные глупости, которых Георг Хоффман не переносит. Обычные глупости, переносить которые он не видит смысла...

Сегодняшний день был несколько более приятным, нежели предыдущие несколько. Во всяком случае, не было того гама, шума, что заставлял Хоффмана морщиться и, извиняясь, уходить в другую комнату. Во всём его огромном доме — лишь он сам и Алесия Хайнтс. Она — эта забавная девушка, племянница анэзского короля — кружит по комнате в своём светло-оранжевом платье. Как бы Георг не любил яркие краски, яркие тона, Алесия в этом своём наряде смотрелась очаровательно. Она, вообще, была очаровательной и милой. И умной. Чего никто больше не замечал. Она не была настолько резкой в своих суждениях и настолько насмешливой, как была Анна Истнорд, не была столь монументально и величественно властна, как была Джулия Траонт, не была так строга в своих взглядах, как была Моника Эливейт — нет, Алесия Хайнтс была очаровательным, лёгким, воздушным существом. Он привык видеть её в самых разнообразных воздушных платьях — голубых, жёлтых, зелёных, белых, оранжевых, сиреневых... Он привык слышать её звонкий, ни на что не похожий смех — радостный, счастливый, даже если у неё случилось что-то настолько ужасное, даже если ей в этот момент было просто невыносимо тяжело... Он привык смотреть в её ясные умные голубые глаза... Они были словно небо. Странное сравнение, но... Алесия Хайнтс была сама похожа на солнечный день — с ясными голубыми глазами, счастливой улыбкой, золотыми густыми прядями длинных волос, здоровая, крепкая, умная... Георг Хоффман же сам был ужасно худ, бледен, вечно уставшие его глаза были серыми, улыбаться он практически разучился за те десять лет жизни в полном уединении, которые, должно быть, и слепили его характер, с тёмными волосами, в которых уже прослеживалась седина... Он был практически развалиной по сравнению с ней — с этой прекрасной молодой девушкой... Граф признавал это. Георг Хоффман был болен и... Тяжело болен. Достаточно тяжело для того, чтобы уже устать бояться смерти. Но он боялся... Боялся, хотя в этом мире его совершенно ничто не держало — у него не было ни семьи, ни какой-либо ещё цели в жизни, все его друзья были здоровы и счастливы, он устал быть для них обузой. Он был ещё очень молод, но ничто в жизни не приносило ему радости. Должно быть, Алесия была права — ему стоило бы обзавестись семьёй, жениться, увидеть собственного ребёнка, любить его, опекать, воспитывать, стараться стать для него истинным примером благородства, остроты ума и свежести взглядов... Впрочем, было ли у него время на этого ребёнка? По правде говоря, ему очень хотелось увидеть своими глазами это крошечное чудо... Но этого никогда не случится с ним. Граф Георг Хоффман просто не доживёт до рождения собственного ребёнка. Быть может, тогда следовало усыновить кого-нибудь? Но был ли в этом хоть какой-нибудь смысл?

Она выбегает на балкон — как есть, в своём лёгком оранжевом платьице, запрыгивает легко на нижнюю перекладину решётки, смотрит с каким-то безудержным необъяснимым восторгом на падающие снежинки... Она смотрит на всё это совсем иначе — словно маленький ребёнок. Не как Хоффман. Не так строго и серьёзно. Не свысока. А прямо, с радостью, с восторгом, с удивлением... В её жизни тоже было достаточно ужасных вещей и событий. Но Алесия Хайнтс жизнь любила. Любила смеяться, обожала цветы, обожала яркие краски... Она заражала всех вокруг этой неистовой жадной жизни. Даже Георга

Хоффмана это коснулось. Он обожал смеяться её шуткам, обожал гулять с ней по городу, скупать для неё лучшие наряды, дарить ей лучшие подарки, драгоценности, послушно исполнять каждый её каприз... Алесия всегда была достаточно умна, чтобы не просить от него слишком многого — лишь то, что он может ей сделать или то, что можно купить. На что другое тратить свои деньги сам граф иногда и не знал.

Ей был двадцать один год, но никто не смог бы, глядя на неё, дать ей больше семнадцати. Ему ещё не исполнилось двадцати пяти, но он уже выглядел сорокалетним стариком — его чёрные волосы уже были тронуты сединой, а глаза смотрели так устало... Должно быть, всё дело было в его болезни — с чахоткой не слишком-то молодо будешь выглядеть. Да и... Ему совершенно не мешало то, что выглядел он намного старше. Люди воспринимали государственных деятелей тем лучше, чем ближе их возраст был к сорокапятидесяти годам. Молодых министров никто не любит. Их считают недостаточно серьёзными, недостаточно хорошо образованными, недостаточно умными, опытными... Да, пожалуй, это всё было так, но... Хоффман, сам не зная почему, завидовал тем людям, которые выглядели на свой возраст, завидовал их силе, их напору, их энергии... Делюжан говорил, что сам Георг тоже был энергичен, напорист, ужасно упрям, но... это было совсем не то. Ему хотелось быть своим в кругу людей, равных ему — тех, кому было двадцать пять, тех, кто прибыл из какой-то провинции, прожив там всё своё детство... Но люди воспринимали его совершенно иначе — им казалось, что ему около сорока лет, что он всё своё детство провёл в столице, что учился в лучших пансионах страны, а потом поступил в университет, что был самым типичным консерватором, строгим и суровым, не терпящим никаких новшеств и перемен, не особенно разбиравшимся в музыке, литературе, живописи, архитектуре, но по статусу должный увлекаться искусством, что не был способен на влюблённость, бурную и страстную, что был со всеми холоден не потому, что чувствовал какое-то презрение, из юношеской ещё всепоглощающей гордости, а по самому достойному образованию, что его отец был не мелким чиновником в какой-то провинции, а каким-нибудь не слишком богатым, но и не слишком бедным, уважаемым анэзским дворянином, проживающим в столице со своей супругой и единственным сыном...

А он был другим — ему было двадцать пять, он страстно увлекался музыкой, литературой, живописью, философией, читал книги с огромнейшим удовольствием, искал новые течения в искусстве, интересовался наукой, с радостью поддерживал молодых учёных, философов, музыкантов, с такой же радостью разделял их мнение, любил смеяться, любил ходить в театры, в оперу, на балеты, в цирк, был рад новым законопроектам и, даже если они имели существенные недоработки, всегда старался понять, чего именно хотел тот человек, предложивший это решение, обожал рассматривать новые теории в науке, обожал понимать их и, может быть, даже не соглашаться с ними, обожал спорить, не соглашаться, противоречить, был страшно горд, не терпел многих вещей, с которыми уже обычно готов был смириться человек, которому было за сорок, был очень придирчив ко всему, что касалось того, какое впечатление он производит на людей, очень много читал, неплохо играл на фортепиано и ненавидел танцевать, так как не умел делать этого...

— Забавно, что ты решил отмечать этот земной праздник, — произносит девушка с каким-то необъяснимым восторгом.

Хоффман слабо усмехается и присаживается в кресло, в душе надеясь, что Алесия больше не выскочит на улицу, не натворит глупостей... Он устал — после тяжёлого рабочего дня, после отчётов, после связанных с этим миллионом мелочей, о которых каждый

работник только и успевал говорить, после этой жизни... Делюжан не мог бы упрекнуть его в том, что Георг не оправдал его ожиданий — он многого успел добиться за эти девять лет службы у первого министра.

Он тянется за книгой, с интересом разглядывает её обложку... Да, это именно та глупая книжка с картинками, которая была куплена по капризу Хайнтс, впрочем, он не особенно жалел об этом. С ней — с этой потрясающей герцогиней — он просто не успевал о чём-либо жалеть. Разве что о конфетах или платьях, которые он забыл ей купить... Разве что о каких-нибудь мелочах, которые он для неё не сделал. Уж о какой-то нелепой глупой книжке граф Хоффман точно не стал бы жалеть...

— Ты представляешь, Георг, — задумчиво произносит девушка, присаживаясь рядом с ним, — каждый праздник, подобный сегодняшнему, может стать для нас последним...

Он представляет. Представляет очень и очень ярко в своём воображении каждый раз, когда оказывается в полном одиночестве — без книг, без рояля, без записной книжки и карандаша — или в обществе людей, ему полностью противных. И, если честно, Георг Хоффман не знает — что хуже. Быть полностью одиноким или находиться в окружении столь отвратительном, что от этого сводит зубы. Пожалуй... Второе намного хуже. В конце концов, к одиночеству Георг уже успел привыкнуть за своё детство — когда отец запер его в том доме. Одного. И Хоффман смог получить потрясающее образование. В доме было очень много самых разных книг... Кажется, Дэвид Блюменстрост сам обожал когда-то читать, впрочем, наверное, нет — читать любил тот его младший брат, который как-то упоминался отцом в разговоре с матерью.

Иногда ему хотелось его узнать — этого странного дядю Джима, о котором с такой теплотой отзывалась его мать и которого с такой силой презирал его отец. Иногда ему хотелось бросить всё и поехать к этому дяде Джиму, поговорить с ним, узнать, кто он, вообще, такой. И почему к нему так относились Дэвид и Элис Блюменстрост. Георг мог бы многим помочь этому дяде материально — денег у него теперь было предостаточно для того, чтобы совершить такое маленькое вложение. Он будет только рад куда-то потратить свои сбережения — их у него теперь настолько много, что хватило бы на многие десятки лет, даже если бы он жил, как Гораций Бейнот, совершенно их не считая... Забавно. Смешно. Непостижимо смешно. У него настолько много денег, что он просто их не успеет потратить за время, что ему было отмерено. Хотелось расхотаться... Георг столько лет шёл к тому, чтобы их заработать — и у него не оставалось и года для того, чтобы потратить их на что-то стоящее, на что-то, на что ему бы действительно хотелось бы потратить эти деньги...

— Я стараюсь не думать об этом, Элис, — пожимает плечами граф. — Ты же знаешь, что я не слишком долго проживу с моей-то болезнью?

Он долго стоит посередине комнаты и просто смотрит на стену. Он ни о чём не думает, его совершенно ничто не заботит сейчас. Ему очень нравится это состояние — полностью без мыслей. Без мыслей о работе в правительстве, без мыслей о промышленности, без мыслей об Анне Истнорд, которая, почему-то, никак не могла выйти из его головы, без мыслей о неминуемой смерти, неминуемой для всех, но такой скорой для него, без мыслей об Алесии Хайнтс, этой очаровательной девчонки, которая находилась под его своеобразным покровительством, без мыслей об отце, который предал его, без мыслей о матери, которая была настолько труслива и слабовольна, что даже не попыталась защитить от мужа собственных детей, без мыслей о Мари, которая так скоро покинула его, оставила в

полном одиночестве среди всех этих лжецов, лицемеров и тупиц. Последних Георг Хоффман не любил больше всего.

От этих мыслей его отвлекает тихий всхлип, заставляющий его тотчас обернуться. Алесия Хайнтс смотрит на него полными слезами глазами и пытается как-то улыбнуться, заставляя его самого поверить в то, что с ней сейчас всё в порядке. Она всегда была такой — безумно доброй и безумно сильной. И Хоффману всегда становилось её до жути жалко, его сердце сжималось от того, насколько серьёзно ему хотелось лишний раз обнять её, прижать к себе, подхватить на руки и много-много раз повторять, что с ней всё будет хорошо, что она больше никогда не окажется в беде...

Ему всегда было её жаль — эту несчастную девочку, которая чем-то напоминала ему о Мари, разительно отличаясь во всём от его маленькой покойной сестрёнки... Она была столь же беззащитной, столь же нуждающейся в помощи, в его помощи, как и когда-то была Мари. Георгу думается, что он никогда не простит себе, если эта светлая девочка, что кружится около него и что заражает его своими улыбками, погибнет. Кто угодно может умереть. Но не она.

— Почему ты плачешь, Алесия? — как-то совсем грустно улыбается Хоффман. — Тебя ждёт ещё столько всего... Ты знаешь — я могу умереть в любой момент из-за моей грудной болезни, но ты... Ты — ещё такая здоровая и молодая — разве можешь ты умереть?

Её могут убить — подсказывает голос разума... И становится страшно. И хочется раздавить, придушить ту тварь, которая посмеет напасть на его светловолосого ангела-хранителя, что был послан ему судьбой... Глупо звучит... Для Георга Хоффмана — глупо. Для Джорджа Блюменстроста — нисколько. Он уже давно сумел позабыть это детское имя... Он уже никогда не называл себя так. Даже в мыслях — всегда гнал от себя его... Но рядом с племянницей короля он почему-то снова вспоминал его — то имя, которым его звали в детстве. Которым его называла Мари... Ей было шесть... Его маленькой сестрёнке было шесть. И тогда она, а не Алесия, была его ангелом-хранителем. Но она умерла. Умерла. Это давно стоило понять, как бы больно от осознания этого факта ему ни становилось, как бы его сердце не сжималось от заполнявшей его пустоты — с этим фактом стоило просто смириться. Быть может, именно для того, чтобы он смог смириться с её смертью, и была ему послана эта девчонка — Алесия Хайнтс? Быть может, всё было лишь для того, чтобы ему снова было, ради чего жить?..

— Почему ты плачешь, Алесия? — граф подходит к ней близко-близко, присаживается рядом. — Все думают, что ты просто глупая хохотушка герцогиня Алесия Хайнтс... Мне ли не знать, что это совсем не так?

Она прижимается к нему, обнимает его очень крепко — куда крепче, чем позволяют приличия. Ну и к чёрту их — эти приличия, если они не могли понять, что человеку бывает плохо. Алесия хватается за него руками, цепляется за него своими тоненькими пальчиками, что заставляет Георга чувствовать себя в этот момент самым настоящим предателем и гадом, который думал оставить девушку в таком состоянии — когда ей так сильно нужна была его поддержка, помощь...

— Мне иногда кажется, — произносит девушка совсем тихо, — что я проживу совсем недолго...

Он обнимает её в ответ. Иногда Хоффману до ужаса жаль эту несчастную брошенную и осуждаемую всеми принцессу, эту смешливую белобрысую девчонку, которая ещё несколько лет назад, быть может, умела так ярко и счастливо смеяться, умела так искренне и доверчиво

относиться к людям, умела любить всем сердцем и не умела быть циничной, надменной, позлому насмешливой... Он сам никогда не понимал людей — тому, пожалуй, было причиной его одиннадцатилетнее заточение в стенах собственного дома. Кто общался тогда с безумным, замкнутым и мрачным мальчишкой? Лишь несколько людей... Слуги побаивались его после смерти Мари, с психиатрами разговаривать он не слишком любил, Аннэт была мертва, он сам столкнул её с лестницы, Мари тоже была мертва, и тоже из-за него, потому что никто больше не был виноват в том их приключении на развалинах старинного и зловещего замка, отец заезжал лишь несколько раз в год, чтобы только передать деньги на содержание сына экономке, Ерин бывал совсем лишь изредка — хоть и учил его в те редкие часы их встреч игре на фортепиано, чему Джордж всегда был благодарен этому молодому служителю церкви, а мать не заезжала вовсе. Георг Хоффман уже не вспомнит её лица, пусть и Джордж Блюменстрост помнил его так ярко и чётко, пусть он, её маленький сын, ночами так часто и так жалобно звал её, надеялся на то, что она когда-нибудь придёт, когда-нибудь воспротивится своему мужу и полюбит своего ребёнка. Как бы презрительно не относился к матери маленький мальчик Джордж Блюменстрост, как бы не ненавидел её за ту слабость, Георг Хоффман всегда будет ненавидеть и презирать с большей силой. Никто не чувствовал его боль, никто не должен был и догадываться об этой непростительной слабости — о чувствах к родным, которых, по мнению коллег графа, которое он всегда поощрял, никогда и не было и не могло и быть у бездушной счётной машины, которой и являлся Георг Хоффман. А Алесия Хайнтс догадывалась. Более того — она знала.

— Мне иногда кажется, Георг, — усмехается Алесия как-то горько, — что я не доживу до следующего Рождества...

Он касается большим пальцем правой руки её щеки, осторожно стирает тонкий след от слезинки, что скатилась ещё несколько мгновений назад. Его сердце буквально сжимается от странной жалости к ней. Ему совсем не хочется, чтобы она умирала... Ведь не могут небеса быть настолько несправедливы к человеку, чтобы отнять у него всё во второй раз? Он пережил это один раз. Смог пережить. Это многих нервов стоило ему. Многих душевных сил. Второй раз он пережить это вряд ли сможет... Он просто не может отпустить от себя и Алесию...

Мари Блюменстрост больше нет, да. Её давно — нет. Она растворилась, ушла на небо, когда ей было ещё всего шесть лет. И её брат Джордж Блюменстрост долго не мог смириться с этой утратой... Дьявольски долго! Но он сможет с этим справиться — благодаря Алесии Хайнтс, которая стала для него всем... Стала настоящей сестрой, от потери которой ему будет совершенно невозможно оправиться...

— Разве тебе не нравится тот праздник, который я принёс с Земли специально для тебя? — как-то почти грустно спрашивает граф.

Она смеётся сквозь слёзы, обнимает его покрепче, прижимается так близко, что ему самому это уже кажется ужасно неправильным, ужасно странным... А он говорит какую-то чепуху, которая позволяет им обоим как-то невесело рассмеяться и лишь покрепче обнять друг друга... Потеря Алесии Хайнтс для него будет невозможной, он от неё никогда не оправится... И он сможет отомстить. И будет бороться, чтобы никогда не допустить этой потери. Даже если бороться уже бесполезно.

Она переживёт его! Она обязана пережить его!

— Нравится! — вздыхает Алесия. — Ты не представляешь, насколько сильно мне

нравится этот праздник... Но, знаешь, я бы так не хотела умирать!

Он лишь усмехается этим словам. Графу Хоффману самому совершенно не хотелось умирать, ему хотелось жить, дышать полной грудью, хотелось кружиться в танце, непонятном ему самому, хотелось спорить и противоречить, хотелось ненавидеть, хотелось презирать, хотелось смотреть свысока, хотелось любить... Жить... Ему хотелось, чтобы его жизнь продлилась как можно дольше — хотелось жениться, хотелось увидеть взросление собственного ребёнка, хотелось смеяться, шутить, иметь собственное мнение, но иногда никому его не говорить, хотелось рассказывать какие-нибудь глупые анекдоты Делюжану, хотелось смотреть в его глаза и думать о том, что, наверное, он всегда мечтал о таком отце, понимающем всё на свете, умеющим прощать, умеющим шутить, умеющим рассказывать глупые и красивые истории о собственной великой любви, что прошла когда-то давным-давно... Ему хотелось жить — смеяться и кутить вместе с Горацием, который был таким хорошим братом ему, проматывать деньги, спускать их на какие-нибудь немыслимые глупости... Ему хотелось жить с такой же счастливой улыбкой на лице, как Алесия, но он не находил в себе таких сил, смеяться и шутить, как шутила она, оставить в своём сердце место для того капризного и удивительного ребёнка, которым он когда-то был... Ему было всего двадцать пять. В его возрасте жизнь только начинается — жизнь с кутежами, балами, интригами, влюблённостями, новыми знакомствами, добрыми и не очень глупостями, кучей ошибок... В его возрасте жизнь должна только начинаться. А у Георга Хоффмана жизнь уже практически заканчивалась... Ему совсем не хотелось умирать, хоть иногда и казалось, что жить уже и не за чем — ему хотелось жить. Жить! Кружиться в вихре событий и не обращать ни на что внимания, верить в маленькие чудеса и ждать большого чуда, грустить по вечерам не о давно умершей сестре, а о девушке, на которой ему бы хотелось жениться, которую он бы смог полюбить... Эта девушка... Кого он смог бы полюбить? Алесию? Кружащуюся в вечном танце жизни Алесию? Совсем немного легкомысленную и до невозможности добрую? Монику? Строгую и принципиальную Монику? Воспитанную, как и он, в провинции и имевшую строгие моральные принципы и недостижимые идеалы? Джулию Траонт? Далёкую и недостижимую Джулию Траонт? Умеющую по-настоящему любить и так по-настоящему несчастную? Анну? Умную и смешливую девчонку Анну? Трепетную и очаровательную?

— Никто не хочет умирать, — как-то тяжело произносит мужчина, снова вспоминая прогнозы врачей, наперебой заявлявших, что с его лёгкими ему не прожить больше шести-семи месяцев...

Он тоже хочет жить. Казалось бы, зачем графу нужно это? Его сестра, его драгоценная Мари, уже давно мертва... Но зато есть другой человек, ради жизни которого ему ещё стоит постараться, за жизнь которого он ещё должен сразиться и просто обязан приложить все усилия, чтобы она не прервалась... Ему не хочется отпускать от себя Алесию. Она единственный по-настоящему близкий ему человек, единственный, кто понимает его, кто готов приводить его в чувство раз за разом, когда ему до одури сильно хочется прервать свои мучения... Он сам ещё хочет жить... Ему самому хочется ещё раз пройтись с Хайнтс по набережной, подать милостыню какому-нибудь бедному человеку, посмеяться над ним вдоволь, похохотать, скупить половину лавки с нарядами, зайти к ювелиру и заказать что-то немыслимое и безвкусное, чтобы потом Алесия как-нибудь надела это украшение на какой-нибудь очень важный бал... Ему хочется жить... До невозможности хочется жить... Он отдал бы всё за это!

— Но ты и не умрёшь! — смеётся вдруг граф. — Ты молодая, здоровая, красивая... Ты — потрясающая девушка, Алесия Хайнтс! Тебе не стоит плакать из-за такой глупости. Ты проживёшь ещё очень долго, ты ещё успеешь побывать на... побывать на моих похоронах, возложить цветы к моей могиле, Алесия.

Ему осталось недолго. Быть может — лишь пара месяцев. Он болен, тяжело болен, и то, что он до сих пор может подниматься на ноги — лишь ирония жизни. Но она — красавица Алесия Хайнтс — проживёт куда дольше. И это единственное, что греет его душу. Что она — человек куда более достойный, чем он — проживёт намного дольше. Быть может — доживёт до девяноста лет, будет сидеть в окружении внуков длинными зимними вечерами и вспоминать о странном человеке, который умер так рано... Он бы хотел, чтобы она вспоминала его, как некоего доброго чудака, что был готов выполнять все её капризы... Хотел бы, чтобы она его вспоминала...

— Сменим тему? — как-то строго смотрит на него Хайнтс. — Мне бы не слишком хотелось говорить об этом.

Она не хочет говорить об этом — ну и ладно. Он и сам не особенно любит затрагивать эту тему. Ему иногда хочется жить полной жизнью, дышать полной грудью, любить, очень сильно любить, словно смерти и вовсе нет... Смерть всегда была так близка к нему, что он практически свикся с этим ощущением в собственной груди. Быть может, был бы у него нормальный отец, его жизнь сложилась бы совершенно иначе. Да, это было бы так! Но его отцом был Дэвид Блюменстрост, ужасно чёрствый и надменный человек, не видящий ничего дальше собственного носа...

— Давай! — пожимает плечами граф.

По правде говоря, ему совершенно всё равно, о чём говорить с племянницей короля. Впрочем, наверное, она права — смерть слишком тяжёлая тема в такой праздник. Это он привык о мыслях о ней — как тут не смиришься с этими мыслями, если жить тебе осталось столь недолго? Единственное, что графу хочется — чтобы его хоть кто-то потом вспоминал... Делюжану самому не слишком долго осталось — это было ясно. Но Горацій, но Алесия... Быть может, они будут его вспоминать после его смерти? И, быть может, даже добрыми словами...

— Ты танцевал с Анной Истнорд, — говорит Алесия, устроившись поудобнее в кресле. — И как она тебе?

Анна Истнорд... Георг закрывает глаза и представляет её — неправильные черты лица, прекрасные тёмные глаза, дерзко глядящие на него, слишком тонкие руки, слишком тёмные волосы, слишком угловатые, резкие движения, какая-то непонятная гордыня для девушки столь низкого происхождения... Анна Истнорд — очаровательная молодая особа, которая не особенно пыталась завлечь его глупыми разговорами, лишь что-то недовольно буркнула про то, что он мог бы быть и большим джентльменом и хотя бы сделать вид, что ему нравится танцевать с ней. Она была совершенно не похожа на свою сестру, готовую терпеть всё, что угодно, когда угодно и так далее. Анна была вспыльчивой, резкой, яркой — и это, пожалуй, Хоффману нравилось больше, чем глупое кокетство Маргарет Истнорд. Старшая из сестёр Истнорд совершенно не блистала умом... Странно, что Алесия спросила об Анне... Он и сам уже не совсем понимал, почему эта девчонка оставила в его душе какой-то след. Не совсем понимал, почему, закрывая глаза, видит укоризненный взгляд Анны Истнорд, которая совершенно не была довольна танцем с ним.

— Танцует не в пример хуже тебя! — хохочет Хоффман. — Но, пожалуй... Выглядит

чуть более привлекательно на фоне тех фарфоровых кукол!

И они смеются над его словами. Алесия распускает причёску, и светлые пряди падают на её плечи, грудь, спину, она обнимает его, прижимается к нему, кладёт свою голову ему на плечо... Они оба прекрасно знают, что могут означать его слова и оба готовы на время совершенно позабыть об этом... Георг Хоффман именно это и ценит в Алесии Хайнтс — умение забывать... Потому что сам он забывать никогда не умел... Впрочем, может быть, это лишь к лучшему...

Настоящее время...

Георг Хоффман стоял на балконе и с грустью смотрел на проезжающие мимо экипажи. Это Рождество было совсем иным... Пожалуй, он с трудом мог простить сам себя за то, что допустил эту смерть... Даже если от него на самом деле ничего не зависело. Хоффман стоял на балконе, смотрел вниз и курил, чего раньше никогда бы себе не позволил — с его-то лёгкими... Ему вспоминаются лишь по-детски открытое светлое лицо и пряди светло-русых волос... Он хочет когда-нибудь ещё снова их увидеть... Георг почему-то усмехается и думает, что никогда в жизни ему не было ещё так больно, разве что после смерти Мари... Вспоминать об Алесии в гробу — это было выше его сил...

Хоффман докуривает сигару, заходится вдруг хохотом и... Подумав, уходит. Уходит в дом. Ему нужно быть там... По крайней мере, если он ещё хочет отомстить — он должен быть хотя бы просто живым на тот момент. Но ту тварь он найдёт. Обязательно найдёт. Только времени у него маловато. Что не будет помехой. Он привык работать быстро. И на этот раз у него просто нет выбора. Он обязан отомстить за Алесию Хайнтс. Потому что иначе он не сможет простить себе ещё одной вещи.

Граф думает только об одном — когда-нибудь он сможет заставить совершиться возмездие и смоем кровью вину того чудовища, что посмело прикоснуться к его Алесии Хайнтс...

Комментарий к Бонусная глава. Рождественская сарабанда

* Канцлер Ги — Кельтская Сказка

** Название главы взято из названия одного фанфика, очень мною любимого
Thomas Anders — Why Do You Cry (Acoustic Piano Version)

===== II. Глава тридцать вторая. Память. =====

Непредсказуемы пересечения

И разветвления наших дорог.

Мы остаёмся на несколько жизней,

Чтобы однажды столкнуться в холодном метро.

Странствуя между мирами,

Я храню в себе память

О каждом моём воплощении.

И в назначенный час

Я узнаю тебя

По первому прикосновению.

Лишь для одной ослепительной вспышки,

Лишь ради нескольких звёздных мгновений

Мы будем плыть друг другу на встречу

Сквозь бесконечность и океаны забвения.

Странствуя между мирами,

Ты хранишь в себе память
О каждом моём воплощении.
И в назначенный час
Мы узнаем друг друга
По первому прикосновению,
Где бы ты ни был,
Кем бы ты ни был.
Время придёт и мы снова откроем
Книгу на самой последней странице.
И эпилог станет новым прологом,
И мы уйдём, чтобы вновь повториться.
Только бы не разминуться, не заблудиться
В круговороте смертей и рождений.
И в назначенный час вспомним друг друга
По первому прикосновению.
В круговороте смертей и рождений...
В круговороте смертей и рождений...
В круговороте смертей и рождений...
По первому прикосновению...*

Холодный ветер. Боль во всём теле. Ободранные в кровь локти, колени, ладони, синяки, кровоподтёки, какие-то лохмотья вместо нормальной некогда одежды... Забраться на этот уступ было не очень-то легко. То и дело приходилось падать, царапаться об острые камни, цепляться окровавленными оцепеневшими пальцами за практически гладкую скалу... Одежда давно уже изорвана — испорчена настолько сильно, что даже постирать и заштопать удастся с трудом. Руки и ноги довольно сильно болят — ободрал, залезая на этот уступ, с которого, если быть честным, на самом деле открывался прекрасный вид, можно было видеть и охотничий домик, и тропинку, ведущую к скале, и бушующее серое море, и холодно-свежее тёмно-серое небо, которое вот-вот должно было разверзнуться, пролиться ледяным сильным дождём... Ветер забирается под остатки некогда белой рубашки, заставляет обхватить себя руками в тщетной надежде хоть как-то согреться.

Высокие серые скалы, должно быть, выглядят враждебно. Смотрят слишком осуждающе, ничего, ровным счётом ничего, не понимая. Гневаются на глупого мальчишку, потревожившего их вечный покой. Впрочем, ничего вечного, наверное, и нет. Скалы тоже умирают. Медленнее, чем люди. Но умирают. И рождаются тоже. И тоже живут. Не совсем так же, как проживают свой век люди. Скалам, по крайней мере, отмерено времени куда больше. Но тоже живут. И сердятся на тех, кто по своей храброй глупости забирается в них, кто любит их холодной и тёмной красотой... Ветер, вода, солнце — вот их убийцы. И убивают так медленно... словно — наслаждаясь этим. Уничтожают по крошечной песчинке. Постепенно разрушая эти каменные изваяния полностью.

Эйбису Вейча нравится это место — здесь спокойно, хорошо... Пусть ветер и забирается под его одежду, заставляя съёживаться от холода. Ему нравится сидеть настолько высоко, нравится видеть ту прекрасную картину — тёмные тучи, готовые вот-вот пролиться дождём, возможно, отправив его после на больничную койку на некоторое время, светлеющую тоненькую полоску тропинки, по которой он сюда добирался, маленькое кирпичное здание охотничьего домика, где они остановились... Ему нравится дышать этим

сильным ветром, нравится едва не задыхаться от обилия воздуха, нравится не чувствовать пальцев своих рук и ног, нравится почти плакать от того необъяснимого восторга, который его начал охватывать. Он смеётся своим мыслям — какой же он, наверное, глупый. И жестокий. К Эниф и Феликсу. К двум его друзьям. Самым лучшим людям, которых только можно было представить. К рыжей кудрявой девчонке, готовой защищать тех, кого она любит, любой ценой, готовой смеяться даже в тех ситуациях, когда это до слёз, до пожара в сердце больно, готовой любить... К на редкость благородному и умному юноше из знатной — княжеской — семьи, получившему хорошее образование ещё даже до вступления в Академию. К людям, которые были во много раз лучше его самого, Эйбиса, должно быть, совершенно не заслуживавшего дружбу таких потрясающих личностей. Забавно... К самым жутким чудовищам порой тянутся самые светлые и потрясающие души... Что привлекло их двоих в капризном, едком, не умеющем промолчать мальчишке? Что заставляло их так хорошо относиться к нему — к вредному и не умеющему себя вести Эйбису? Что заставляло их заботиться о нём? Сам Вейча никогда не смог бы ужиться с подобным себе человеком. Наверное, врезал бы ему как следует. А лучше — придушил бы во сне... Но Эниф и Феликс покорно терпели все вспышки гнева, все глупые затеи, обрабатывали после его синяки и ссадины, заставляли садиться за уроки перед экзаменами... Вейча вдруг усмехается и усаживается поудобнее — подминает под себя левую ногу, так удержать равновесие труднее, но, почему-то кажется, будто бы так теплее.

Феликс Эсканор и Седрик Солнман — два князя и жутких педанта по мнению Эйбиса — находятся сейчас в том охотничьем домике, который когда-то принадлежал Георгу Траонту — отцу герцогини Джулии — и бы, в общем-то, одним из памятников королевства Орандор, находясь совершенно в другом государстве. Забавно, пожалуй. Здесь, впрочем, всё совершенно не так, как в Академии. Здесь есть место воздуху, ветру, простору — тому, чему нет места среди пяти огромных зданий (трёх учебных корпусов и двух ученических общежитий) и тучи маленьких ровных домиков, что принадлежат ученикам отделений факультета практической стихийной магии, а так же одному из отделений факультета философии и археологии. Там не было места ничему. Лишь пустота. Да и та — не звенящая, не гулкая, а абсолютно тихая и невыразительная. Перемешанная с роем голосов пустота. Глупая. Если уж выбирать из пустоты — Эйбис предпочёл бы звенящую или гулкую. В ней был какой-то смысл. Потаённый, скрытый, неизвестный — тот, который ещё только нужно было найти. В тихой и невыразительной пустоте смысла не было. И терпеть её было крайне тяжело. Особенно, если ты уже понял, что она есть — эта тихая, невыразительная, бессмысленная пустота...

Вейча тяжело вздыхает и решает, что он не будет больше думать об этом. В конце концов, какое-то время он точно сможет провести за пределами стен Академии. Рядом с Джулией Траонт. Рядом с женщиной, которая всегда его спасала. Он решает больше не думать о пустоте — переключиться на своих знакомых, своих немногочисленных друзей, на людей, что его окружали, что были каким-то образом к нему близки. В отличие от Эниф Монтаганем любить людей Эйбис Вейча никогда не умел. Всегда был язвительен — не прощал даже самые мелкие и незначительные человеческие недостатки, высмеивал их настолько это можно было жёстко и обидно. Порой — даже жестоко. Более жестокими со всего их курса умели быть разве что Константин Райн и Роза Эсканор — да, эта милая и общительная Роза, которая была, пожалуй, куда более жестокой, чем её брат, Феликс. Хотя, впрочем, Фальрания была одной из тех стран, где женщина несколько в своих правах не

уступала мужчине. Была равна.

Феликс всегда был вежливым до холодности, строг к себе и другим до чопорности, аккуратен до педантичности... В общем — пиковый туз принадлежал к одной из двух сторон поведения своего сословия. При этом, Эсканор, каким-то неведомым Вейча образом, умудрялся оставаться самым лучшим другом, какого только можно было представить. Феликс не был холоден и чопорен настолько, как была княжна Леонризес — Эйбис всегда язвил или смеялся, добавляя к её имени это «княжна», — готовая соблюдать абсолютно все приличия и совершенно ничего не понимающая в чём-либо помимо этикета и легенд своего народа. Эниф говорила, что всё это от того, что Леонризес была воспитана в аристократической семье, и таковы были традиции и всё такое... Феликс тоже был князем. А Роза — княжной. Среди их компании в пятьдесят два человека был один князь и две княжны — так же, два герцога, четыре графа, одна виконтесса, один барон и, кажется, ещё маркиз и маркиза, но дело было совсем не в этом. Никто из них не был настолько скучным, какой была княжна — Эйбис снова усмехнулся про себя — Леонризес. Она, как и Феликс, была болезненно самолюбива, но практически никогда этого не выказывала — в отличие от Эсканора, который мог при Эйбисе и Эниф разорваться довольно сильно, да и врезать Вейча тоже мог. Леонризес всегда держала себя крайне строго и смотрела на всех свысока. Нет, это Эйбис вполне мог бы простить ей — во взглядах Джулии Траонт — подумать только, его обожаемой Джулии Траонт — тоже читалась эта надменность, а Андэль Отакар — его было жаль даже такой бесчувственной и беспринципной дряни, какой, если говорить честно, и являлся Эйбис Вейча, пиковый валет, неплохой маг и воспитанник герцогини Джулии Траонт — был очень строг в своём поведении и в своих принципах, — но Леонризес была, к тому же, весьма мнительной — пожалуй, даже более мнительной, чем Юсуфия Нолд и Леонард Кошендблат — и нервной — не настолько, насколько были нервными Тедд Раймон и Мицар Клетра, конечно. Нет, Эйбис никогда бы не счёл совокупность всех этих личностных качеств чем-то плохим. Вон — Константин Райн их прекрасно умудрялся сочетать в себе и даже не выглядеть при этом смешно или убого. Вейча всегда старался быть честен с самим собой в отношении тех людей, которых он не любил. Но пиковой даме явно чего-то не хватало. Ну совсем. Даже Эрна Хоу — кажется, единственная подруга эльфийской княжны — была несколько более привлекательной в глазах пикового валета. При всей её истеричности во всём, что касалось её глупых сказочек. Леонризес чего-то явно не хватало. Нет — она была достаточно умна, всегда безукоризненно вежлива, не лишена чувства юмора — порой, достаточно едкого, это было, наверное, единственное, что нравилось Эйбису в княжне... Но в ней всё равно не было чего-то. Вейча, правда, и сам не мог понять — чего именно. Он мало с кем неплохо общался в Академии — только с Монтаганем да с Эсканором. Эйбис мало с кем мог найти общий язык. Виконтесса была слишком плаксива и сентиментальна, маркиз был слишком осторожен и забит, герцоги были слишком скучны. Вейча с огромным удовольствием уже давно покинул бы Академию — там ему было слишком уж скучно. Но герцогиня Траонт почему-то говорила, что делать этого совершенно нельзя. А Эйбис, пожалуй, привык её слушаться.

Она — герцогиня Траонт — поднималась вверх от охотничьего домика по той же тропинке, по которой сюда добирался Эйбис. Джулия одета не так, как обычно одевается перед незнакомыми ей людьми — она не в зелёном, чёрном или фиолетовом платье. В брючном костюме. Впрочем, кому как не Вейча знать, как она обожает брючные костюмы. Сама герцогиня говорит, что привыкла к ним, когда отправилась в то путешествие —

кругосветное, пятилетнее, слишком трудное, должно быть, для столь хрупкой молодой женщины. Она — герцогиня Траонт — никогда не была крепкого здоровья. Старые слуги в её доме — их осталось не слишком уж много, большинству из них Джулия предпочла выплачивать пожизненную пенсию, а не держать рядом с собой — говорили, правда, что она была здоровее своего брата (того самого, что умер в возрасте пятнадцати лет от чахотки)... Но Джулия Траонт не была достаточно здоровой и крепкой — она крайне быстро простужалась, заболела от каждой мелочи... Да и чего стоили её боли каждое утро?! Эйбис вздрагивал каждый раз, когда видел её — всю побелевшую от слабости, с плотно сжатыми посинелыми губами, с болезненно затуманенными глазами.

— Мне кажется, что я растворяюсь здесь — глядя на эти волны, вдыхая этот ветер... — говорит Вейча, когда Джулия подходит достаточно близко для того, чтобы его слышать. — Как думаете — растворюсь ли я когда-нибудь полностью в этом ощущении? Исчезну ли я когда-нибудь? Исчезнут ли мои мысли, мои чувства, моё мнение?..

Она подходит вплотную к скале. Теперь, когда она уже так близко, Эйбису становится не слишком удобно сидеть на уступе, и он решается слезть — это занимает едва ли не больше усилий, чем занял подъём. Вейча не привык кого-либо слушаться. Он своеволен — должно быть, это плохая черта, как все и говорят. Он тот ещё нахал и наглец. Он — глупый мальчишка, не умеющий держать язык за зубами. Всё так. Он всего лишь доставший всех на свете подросток. Не умеющий уживаться с людьми, подмечавший малейшие недостатки в других и, наверное, не слишком обращавший внимание на свои. Глупый. Вздорный. Торопливый. Нередко — ленивый и неряшливый. У Эйбиса было полно этих самых недостатков, которые он с такой беспечностью высмеивал в других людях. Почему-то иногда ему казалось, будто он имеет на это полное право. Иногда ему, действительно, так казалось. Вейча с каким-то непониманием смотрит на герцогиню Траонт — как эта женщина могла терпеть его глупые выходки? Как могла улыбаться его шалостям и шуткам? Как могла прижимать его после этого к себе и целовать в лоб, убирать пряди спутанных светлых волос с его лица? Как могла стискивать его в объятиях и смеяться — так искренне, с такой, едва различимой, но при этом очень сильной, нежностью? Как могла так хорошо к нему относиться? Эйбис подходит к Джулии и прижимается к ней. Он любит её. Любит исходящий от неё запах мяты. Любит тот едва заметный уют, который от неё чувствуется. Любит ледяную снисходительную усмешку. Любит её резкость, её язвительность, её доброту...

Должно быть, Джулия Траонт — самый необыкновенный и потрясающий человек во всём Осмальерде.

Она чего-то боится. Её лицо сейчас белее мела — как бы Эйбис плохо не относился к подобным сравнениям, это действительно было так, — а губы плотно сжаты. Вейча часто — хоть и не настолько, насколько ему этого на самом деле хотелось — видел герцогиню Траонт. Она была его опекуном. Пожалуй, самый лучший вариант из всех, на какие только мог рассчитывать такой ребёнок, каким он был. Так вот — Вейча за все эти годы ни разу не видел, чтобы эта женщина чего-то боялась. Она могла быть сердитой, вздорной, вспыльчивой, весёлой — грусть её всегда выражалась через крайнее раздражение, заставить её тоскующей было практически невозможно. Но напуганной Эйбис никогда раньше её не видел. Джулия нередко была взволнована, особенно, если дело касалось её сына, Седрика, нередко была тороплива, почти до суеты, нередко глаза её каким-то болезненным блеском сверкали на мраморно-белом лице... Но видеть её напуганной? Её — Джулию Траонт, что

не боялась ни големов, ни оборотней, ни бушующего за бортом моря, ни разверзающегося неба, ни разрушающихся мостов в замке Иль-Кроин? Её — эту женщину, которая могла выступить против весьма сильного волшебника в магическом поединке? После того поединка, кстати, как сказал Седрик Солнман, она стала ведьмой Высшей категории. Минуя вторую и первую. Она была храброй. Очень храброй. Эйбис не знал ещё хотя бы одного человека, который мог бы сравниться в ней в этом. Кого угодно Вейча мог бы видеть, боящимся чего-то или кого-то. Но не её. И поэтому ему самому отчего-то становилось очень жутко. Она не должна быть такой. Только не Джулия Траонт. Подойдя к ней ближе, парень старается заставить себя думать о чём-то другом. Ведь можно же думать о чём-то другом, о чём-то, что есть ещё помимо её страха? О том, что она, всё же — красива? Монументально красива — при всей своей худобе, болезненности, она не вызывала в людях ощущения хрупкости, нет, она всегда была достаточно сильной, чтобы не казаться хрупкой... Джулия Траонт была монументальна красива — при всей порывистости и резкости своих движений, при всём внушаемом ею ужасе, достичь которого ей порой удавалось лишь одним взглядом этих колдовских зелёных глаз. Она была живой, но во всём её облике чувствовался тот холод, который исходит от каменных глыб. Черты её лица вовсе не были грубыми, но своей точностью, правильностью она внушала скорее впечатление прекрасной, но вырезанной из льда скульптуры, нежели живой, осязаемой женщины, которая умеет чувствовать, переживать, любить, мыслить... Но она была живой! Куда более живой, чем многие! Куда более доброй... Она сердилась, усмехалась слишком жёстко и почти зло, упрямилась, по каждому вопросу имела собственное мнение, знала, как его объяснить и отстоять, и делала это, знала, как оспорить чужое, страстно любила читать, неплохо писала (Эйбис как-то наткнулся в её поместье на старые её блокноты с заметками, сделанными во время того её путешествия, и рассказами, написанные в некое «другое» время), была достаточно неплохим музыкантом на скромный вкус Эйбиса, ровным счётом ничего в музыке не понимавшего, любила танцевать и танцевала весьма недурно, порой нервничала по самым ничтожным поводам, любила производить впечатление на других людей и признавала эту черту за собой, считая её не собственной слабостью, а обычной стороной её характера, обладала неплохим, хоть порой и слишком жестоким к другим людям, чувством юмора, умела любить — и любить преданно, до боли в сердце, до какой-то неведомой и непонятной для Вейча черты — и могла одновременно не терпеть многих недостатков любимого человека, сердиться на него так сильно, как это было ей свойственно, но всё равно продолжать любить, почти насмехаясь иногда над любимым человеком и над собой, вызывая к себе самые противоречивые чувства, какие только можно представить...

— Не говори глупостей, Эйбис! — улыбается герцогиня, лишь крепче прижимая его к себе. — Конечно, это всё совершенно не так! Человек не растворяется. От его души и после его смерти остаётся лёгкий, невесомый след — в воздухе, на камнях, в воде...

Она боится чего-то. И боится, должно быть, очень сильно. Эйбис Вейча не такой уж и дурак, как о нём, должно быть, думает Константин Райн. Эйбис многое понимает и многое видит. Уж во всяком случае он может понять, когда близкий ему человек из-за чего-то переживает. И чаще всего знает, что делать в этих случаях. Но... не сейчас... Сейчас пиковый валет этого совершенно не понимает. Ему стоило бы это знать. Стоило знать — как растормошить в такой момент Джулию Траонт — женщину, которая всегда приходила ему на помощь, когда он в этой помощи нуждался. Ему стоило иметь хотя бы какие-нибудь идеи для того, чтобы понять, как можно отвлечь сейчас герцогиню от её страха. Страх пагубен.

Пиковый валет давно сумел это усвоить. Нет ничего больше разрушающего и опасного для человека, чем страх.

Злоба, зависть, гнев — всё это не слишком хорошие, должно быть, эмоции — хотя, если признаться честно, многие люди грешат этим, — но страх разрушает гораздо больше. Он сковывает, не даёт ничего сделать, заставляет паниковать, от чего-то отказываться. Страх заставляет убегать. Убегать от самого себя, от других людей, от жизни, от всего на свете только потому, что человек хочет не допустить чего-то. Человек не стремится к чему-то. Он лишь бежит. Или только прячется. Человек не имеет права постоянно оставаться на одном месте. Не имеет...

— Вы любите, когда я говорю глупости! — замечает, смеясь, Эйбис. — Иначе, вам было бы совсем трудно меня терпеть!

Она всегда смеётся, когда он начинает просто болтать. Без особого смысла. Словно бы — без особой цели. Джулии всегда это нравилось — слушать эту пустую болтовню. Кажется, она сильно уставала от всех этих мудрых, научных разговоров, от необходимости вечно держать себя в руках, всегда быть той идеальной во всём, безукоризненной аристократкой... Кому угодно надоел бы этот театр. А уж ей — и подавно...

Вейча обнимает её как можно более осторожно. Подумать только — он ужасно боится каким-либо образом навредить ей, задеть неудачным словом, обидеть, а многие считают её как раз тем человеком, которого стоит бояться, которому невозможно навредить, которого невозможно оскорбить, которого невозможно обидеть... Какой удивительный бред... Даже Эйбис — с его, как многие любили утверждать, неограниченной фантазией на оскорбления и такой же неограниченной тягой эти оскорбления произносить — мог понять, что Джулия была совсем не тем человеком, который был неуязвим в моральном плане.

— Да, — замечает герцогиня Траонт как-то задумчиво. — Очень люблю...

В руках она держит крохотную смятую бумажку, которую парень только сейчас замечает. Эйбис осторожно разжимает пальцы герцогини, чтобы посмотреть, что это. Она почему-то позволяет ему эту безумную наглость, которая, впрочем, всегда была свойственна Вейча. Джулия Траонт смотрит на Эйбиса строго. Впрочем, должно быть, именно так и должна смотреть герцогиня, принцесса на глупого, обнаглевшего безродного мальчишку, что постоянно нуждается в спасении. Строго. Почти зло. Почти презрительно. Почему же она смотрит на него с какой-то скрытой нежностью? Ведь он в действительности — лишь ничтожно мало значащий для него ребёнок, которого она спасла однажды и спасает с того момента постоянно...

Смятая бумажка оказывается старинного вида открыткой, на которой изображены три высокие, тёмные башни. Похожие на те, которые орандорская принцесса рисовала в своих дорожных блокнотах с пометкой «Иль-Кроин». Быть может, это и есть тот город? Назвать то место замком у Эйбиса не поворачивается язык — настолько это место огромно. Тёмное. Мрачное. Грандиозное. Великолепное. Кажется, в своих дневниках Джулия говорила, что свечи гасли там, когда они заходили внутрь, а осветить это место магией было практически невозможно — говорят, там состоялась последняя битва для Сонма Проклятых. Последнее сражение с силами тьмы, в результате которого из четырнадцати представителей Сонма в живых осталось только пятеро — Танатос, Йохан, Деифилия, Драхомир и Рэшн. Со стороны их противников умерло куда больше.

Иль-Кроин — цитадель мрака, в которой Джулии однажды довелось побывать. В своих дневниках она довольно подробно описывала это место. Да, впрочем, даже попыталась

зарисовать его. Описывала толстые, сделанные, очевидно, из картонита или какого-то подобного ему материала, стены, описывала почти уничтоженные временем витражи, остатки которых ещё чудом сохранились, описывала узкие окна, петляющие длинные коридоры, винтовые, чудом сохранившиеся за столько лет, лестницы, подсвечники из неизвестного ныне материала, которые висят через каждые три метра (Джулия писала, что сама отмерила это расстояние из чистого любопытства)... Красивое место. Должно быть — очень красивое. Развалины древних городов всегда невероятно прекрасны.

От них веет той тайной, которой теперь так не хватает.

От них веет жизнью, которой теперь уже нет...

Много ли человек осмелится прийти туда — в это логово пустоты и мрака?

Много ли людей осмелится танцевать в одном из бальных залов — в том, в котором по преданию погибли Саргон, Асбьёрн и Лилит?

Много ли людей осмелится взять для своих исследований небольшой камень с тех развалин?

Много ли людей поймёт, насколько это важно — побывать в цитадели Иль-Кроин, пройти по всем главным залам, протанцевать вальс под изумрудно-рубиновыми сводами?

И есть ли кто ещё, помимо невероятной Джулии Траонт, кто смог бы разгадать тайну сводов иль-кроинской цитадели?

***

Джулия и Эйбис возвращаются только к ужину — весь день они бродят по побережью и по лесу, общаются друг с другом... Герцогиня уже не выглядит такой испуганной — она почти спокойна. Улыбается так же, как и всегда, когда ей хорошо — чуть самоуверенной, чуть снисходительной, чуть высокомерной улыбкой. Как и всегда, когда она себя чувствует лучше, когда ей весело, когда ей радостно — она всегда улыбается так. Очень нежно. И очень по-доброму. Эйбису Вейча иногда становится не по себе от этой её улыбки...

Они приходят только к ужину — Феликс Эсканор и Седрик Солнман бросают на них удивлённые взгляды, но, как того требует от них этикет, ничего не спрашивают и не говорят. Вот что значит — княжеское воспитание... Вейча обязательно бы вставил какое-нибудь нелепейшее предположение, за что ему, разумеется, довольно крепко врезали. Но Феликс и Солнман были людьми благовоспитанными и вежливыми. Они не говорили разные глупости только потому, что в данный момент им этого хотелось. Аристократы так никогда не делают. Какое, всё-таки, счастье, что Эйбис не аристократ... Джулия Траонт насмешливо смотрит на него и проходит в комнату, кидая столь же насмешливые взгляды на Феликса и Седрика — ведь ничего страшного, если Вейча отойдёт от этого набившего оскомину «мистер Солнман»?

Джулия присаживается на диван и жестом просит Эйбиса присесть рядом с ней. Он не отказывает герцогине в этом. Ведьма почти невесомо касается его волос, цепляется пальцами за его кудри и всё так же безмолвно и нежно смеётся. Пожалуй, Вейча очень скучал по ней. Наверное, не будь в комнате сейчас Седрика и Феликса, он прижался бы к ней как можно крепче, обнял бы, снова бы начал болтать всякую ерунду... По правде говоря, дело было совсем не в том, что он чувствовал бы себя неловко, если бы сделал это при князьях. Уж скорее они чувствовали бы себя неловко — Эйбису такое состояние было практически незнакомо. Но герцогиня просила его «вести себя прилично» при посторонних.

Разве мог он пренебречь её желанием?

Джулия осторожно перебирает волосы пикового валета. Ей нравится это делать. Очень

нравится. Как-то она даже, улыбнувшись, посоветовала ему не обрезать кудри слишком коротко. Наверное, он действительно бы остригся, если бы не она. Длинные волосы, впрочем, из всех парней их отделения носили лишь Феликс Эсканор и Константин Райн. Первый был наследником древнего рода и обязан был соблюдать некоторые традиции в отношении своего внешнего вида. Второму просто длинные волосы нравились больше. Или, может, была и ещё какая-нибудь причина, но ей Эйбис никогда не интересовался — с Константином они практически не общались, тот был не слишком приятной личностью (даже по его, Вейча, меркам) — снобом, педантом и эгоцентриком. Эгоцентриком, пожалуй, был и сам Эйбис, но... Он хотя бы не был педантом и снобом. Феликс как-то ему говорил, что именно поэтому он и дружил не с Райном, а с Вейча. И, всё же, Эйбис не стриг волосы слишком коротко. Расстроить герцогиню Траонт, пожалуй, он боялся больше всего на свете.

Феликс лежит на кровати — в охотничьем домике всего лишь две комнаты, хоть и достаточно больших, так что, своеобразным «обеденным залом» служила именно та комната, где пришлось спать Феликсу, Седрику и Эйбису. Князь Эсканор привычно бледен. У него, как и у Леонризес — да, да, этой «маленькой ксандрской княжны», как называл ту отец во время своих визитов в Академию — временами случались приступы гемикрании. По правде говоря, Эйбис никогда бы не посчитал подобную болезнь действительно серьёзной, если бы не знал так хорошо Феликса — тот никогда не стремился как-либо отлынивать от работы, учёбы, каких-либо поручений и тому подобного. Вот Вейча скорее придумал бы себе что-нибудь такое именно для этого. Он, в отличие от своего друга, был крайне ленив. Практически во всём. Эйбис на редкость был привязан к своей тёплой постели, комнатке с камином и куче книг, тетрадей и вещей, разбросанных по полу. Аккуратным Вейча тоже никогда не был. Поэтому обязательная для всех учеников Академии еженедельная уборка в своих комнатах обычно производилась Эниф или Феликсом или же не производилась вовсе. Ему, в принципе, было комфортно и в комнате, в которой было невозможно ступить из-за обилия вещей и отсутствия какой-либо упорядоченности в размещении этих самых вещей.

Эниф, по правде говоря, это всегда раздражало. Не только Эниф, если быть совсем честным — Феликс, Леонризес, Юсуфия, Тозеур, Йохан и Доминик тоже не были в восторге от того бардака, который Эйбис учинял, если уж оставить все преуменьшения и оправдания, не только в своей комнате, но и во всех общих комнатах дома команды пик. Вот Джулия никогда не ругала его за беспорядок... Правда, пожалуй, она зато с большим рвением принималась сама разбирать те завалы, которые были самым обыкновенным явлением в комнатах Эйбиса Вейча.

— Мы отобедаем у графов Рогмерских в этот понедельник, — говорит Солнман, поднимаясь со стула и откладывая какой-то научный трактат в сторону. — Думаю, это будет самый приемлемый вариант для нас — отобедать у графа, моего старинного друга, и его любезной супруги.

Джулия Траонт кивает и продолжает перебирать и расчёсывать — подумать только, почти никогда Вейча не приходилось расчёсываться самому, это всегда за него готовы были сделать Джулия или Эниф — волосы своего воспитанника, продолжает что-то тихонько бормотать себе под нос какие-то слова на одновременно неизвестном и знакомом Эйбису языке. Это успокаивает... Пожалуй, думается Вейча, это очень даже неплохо, что Джулия что-то бормочет. По правде говоря, ему нравится. Конечно, было бы ещё лучше, если бы не было рядом ни Седрика, ни Феликса, но... Так тоже было неплохо. Пиковый валет не знал, когда он ещё смог бы увидеть её. Возможно, прошли бы годы — Джулия могла просто

перечислить деньги на его счёт в банке, и тогда они не увиделись бы много лет. Эта мысль заставляет Вейча в тайне — и даже не совсем в тайне — радоваться той счастливой — или несчастливой, по мнению Феликса — случайности, которая перенесла их обоих к ней — к герцогине Траонт.

Князь Эсканор же, кажется, совсем не желал этой случайности — считал её почти бедствием для себя. Конечно, думалось Эйбису, всё дело было в его драгоценной виконтессе Мире Андреас, червовой королеве с необычайно миловидными личиком и светлыми кудряшками. В кукольной виконтессе Мире Андреас, поведение которой в последнее время вызывало недоумение, раздражение и практически суеверный ужас сразу у двоих её поклонников — у Феликса и Кристиана. Андреас, кажется, чем-то понравился несчастный сноб из команды трэф — Константин Райн. Да, конечно, и для пикового туза, и для червового короля это было огромнейшей проблемой. Кажется — почему-то Эйбису при взгляде на них думалось именно так, — они были даже простить такую неслыханную наглость — влюблённость в Миру — друг другу. Но только не холодно-вежливую улыбку по отношению к ней же от Константина. Константина Эйбис никогда особенно не любил — считал снобом, педантом и эгоцентриком, — но в данной ситуации был даже рад тому, что что-то может, наконец, отвлечь двух влюблённых идиотов от хорошенькой и миленькой дурочки, которой являлась Мира. Райн и Андреас на удивление стоили друг друга — он был человеком, совершенно лишённым сердца, а она была из тех девиц, про которых с пренебрежением говорят, что они абсолютно лишены мозгов.

К сожалению, всё обстояло именно так, и Эйбис, если быть откровенным, был крайне счастлив тому факту, что Феликс Мире был только другом, который, хоть и был незаменим, обречён был навечно остаться только другом. Андреас вовсе не была человеком, которого Феликс был достоин на самом деле. Она была просто глупой, хоть и весьма миловидной, девчонкой, из семьи женщины, на которой и оказалось воспитание маленького князя Эсканора. По, должно быть, субъективному мнению Вейча, Мира была самым раздражающим человеком во всей Академии. И уж своему лучшему другу Эйбис ни за что на свете бы не пожелал связать всю свою дальнейшую жизнь с ней. С этой глупой, сентиментальной барышней, которая вполне была способна на такие невероятные глупости, на которые не был способен даже пиковый валет, то есть, собственно, сам Эйбис Вейча. В общем, пожелать такого «счастья» он мог разве что Виланду или Райну, которых откровенно недолюбливал.

Феликс приподнимается на кровати и тут же со стоном опускается обратно — всё-таки, иногда Эйбису думается, что быть аристократом не так уж и хорошо. Эти приступы гемикрании... Впрочем, что уж врать — он сам никогда не хотел бы быть аристократом. Слишком много ответственности. Слишком много важности. Слишком много всякой ерунды. Вот посмотреть хотя бы на обоих Эсканоров, что учились в их Академии сейчас — Феликса и Розу, — на Кошендблата, Гакрукса, Отакара, Виланда, Августина, Леонризес или на ту же Миру. Все они были настолько скованны всеми этими правилами этикета, традициями, обычаями, что практически не могли нормально дышать из-за них, если выражаться образно. Они не могли порой даже прийти на занятия — или куда ещё — в той одежде, в которой им хотелось, не могли оскорбить человека, которого им хотелось оскорбить, не могли — ну, чисто формально, если судить по Виланду и Эсканорам, да и по остальным тоже — сделать некоторую мелкую пакость, уж во всяком случае — не могли спокойно и открыто, не опасаясь какого-то ужасно неприемлемого для них осуждения со

стороны общества, посмеяться над тем, кому они эту пакость сделали.

Какая невероятная скука!

Эйбис никогда не смог бы жить так... Быть может, его и считали совершенно невозможным человеком, но... Он хотя бы не был скрытным и подлым. Он делал пакости, оскорблял, всячески высмеивал чужие недостатки и был абсолютно невыносим, о чём свидетельствовали его вечные синяки, шишки и ссадины. Точнее способ их появления на его теле. Но он имел неслыханную для аристократов привилегию — быть честным. Ни один князь или герцог не мог себе этого позволить. Ни один король и император. Даже такой невероятный человек, каким была Джулия Траонт. Все они так или иначе лгали. Так или иначе кривили душой. Даже она. Эйбис всегда знал это. И хоть он обычно относился ко лгущим людям со свойственным ему пренебрежением, Джулией пренебрегать он не мог. Она была человеком, который всегда спасал его, человеком, который был всегда честным с ним, женщиной, которая могла бы быть его матерью и которая была тем, кто мать ему заменил. Джулия Траонт не была тем человеком, которым Эйбис имел право пренебрегать. Она была для него всем — жизнью, смыслом этой самой жизни, женщиной, которую он стремился защищать и оберегать, несмотря на все её уверения в том, что это дело совершенно ненужное.

— Всё так же услужлив? — смеётся Джулия. — Признайся, Седрик, ты всё так же услужлив, как и двадцать пять лет назад!

Эйбис чувствует, как особенно нежно ведьма проводит по его волосам, как случайно зацепляется пальцем за клочок нечёсанных светлых волос, как почти невесомо целует его в лоб после этого... Заботится... От осознания этой мысли на душе сразу становится настолько легко и хорошо, что... Вейча не знает, какое слово можно подобрать в этом случае. Он расплывается в улыбке. Пожалуй, он всегда млеет от удовольствия, когда она прижимает его к себе или целует, или перебирает его нечёсанные кудри... Ему всегда настолько невыносимо хорошо в эти моменты, что он иногда забывает, как дышать.

Князь Солнман вежливо улыбается, и Эйбису думается, что, должно быть, Седрик Траонт, сын леди Джулии, чем-то напоминает этого странного мужчину. Впрочем... Лишь самую малость. Только этой безукоризненной, показной вежливостью. Аристократы, что, с едой это впитывают или как? Эйбис так и не смог научиться помалкивать или вежливо улыбаться в те моменты, когда человека хочется скорее задушить, чем пожалеть. Впрочем, кажется, у большинства своих собеседников он сам больше всего вызывал желание придушить, прибить, врезать или чего-то подобного, нежели желание пожалеть, поболтать, дружить или попить вместе чаю.

Вейча осторожно поворачивает голову и смотрит прямо в глаза Седрику. В разноцветные глазки, от взгляда которых большинство людей чувствовала себя не слишком хорошо. От взгляда которых Эйбису хотелось его презирать. Подлая, идеально вежливая, пугающая многих тварь... Если бы только Вейча мог вспомнить, кого ему напоминает этот человек...

Но очевидно, память на данные вещи — а точнее, её отсутствие — была персональным проклятием Эйбиса Вейча, пикового валета... Ведь, если бы только он сумел вспомнить, кем является он сам, кем является Солнман — всё имело бы совсем другой оттенок. Он хотя бы сумел его уловить...

Сколько человек нашли в себе силы противостоять страшной стихии — Сонму Проклятых?

Сколько человек — из всего мира — нашли в себе храбрость бросить Сонму Проклятых вызов?

Сколько человек — из всей вселенной — были столь отчаянно против тех четырнадцати Отступников?

Их всегда было двое. Сердце и Хранитель Вирджилисской цитадели.

Помощь к ним никогда не приходила.

Комментарий к II. Глава тридцать вторая. Память.

* Fleur — Память

Гемикрания — одно из названий такого явления, как мигрень

===== II. Глава тридцать третья. Ложь. =====

По дороге в закат

Есть долина одна,

Где убитые спят,

И больная луна там танцует смешно

Танец, дикий как бред,

Тех, кто умер давно, вызывая на свет

Так приходи же к нам,

По чужим следам,

Выпей — коль с живыми не пьется!

На пороге сна

Сказка лишь одна:

Что живому луна — то мертвому солнце...

Что живому луна — то мертвому солнце...

И, почти из засады,

Навстречу луне

Поднимаются всадники

В тусклой броне.

Их разбиты гербы,

И не видно венцов,

И скользит луч луны

Над толпой мертвецов.

Так приходи же к нам

По чужим следам,

Если жить причин не осталось!

На пороге сна

Песня лишь одна:

Что живому печаль — то мертвому радость...

Что живому печаль — то мертвому радость...

И пронзает луну

Мертвых рыцарей взгляд;

Тихой смерти струну

Они слышат — и спят.

Ветви мертвые гнутся

И стонет вода,

Только им не проснуться,

Увы, никогда.

Так приходи же к нам

По чужим следам,

Прорасти в пути в бесконечность!

На пороге сна

Правда лишь одна:

Что живому обман — то мертвому Вечность!

Что живому обман — то мертвому Вечность!*

В кабаке, как и всегда, достаточно шумно. Это далеко не самое приятное место, но Арлен любит приходить сюда, когда Ерин отпускает его. Кабак — именно то место, где можно услышать очень много нового от пьяных мужиков, что становились после трёх-четырёх бутылок спиртного особенно разговорчивыми. Сюда ходят, в основном, либо горожане, чья жизнь совсем не задалась, либо моряки. От первых вряд ли возможно услышать что-то интересное, а вот вторые... могут поведать восторженно смотрящему на них мальчику очень многое. Арлену одиннадцать, и он на редкость любопытен. Даже для своего возраста.

Он шустрый и тоненький мальчик, которому приходится прислуживать клиру Ерину — человеку, по правде говоря, довольно неплохому, хоть про хозяев и не принято так говорить. Ерин несколько ворчлив, скрупулёзный, но, в принципе, не особенно придирается к маленькому слуге. Впрочем, разве он маленький? Многие дети работают и с более раннего возраста, а Арлену пришлось работать лишь последний год. Клир не слишком придиричив, не слишком строг и, к тому же, по рассказам одной из служанок, лет шесть-семь назад сильно застудил поясницу, из-за далеко не всегда мог догнать начавшего дерзить слугу, чтобы преподать ему достойный урок. И был довольно отходчив — уже через полчаса мог и не вспомнить, за что сердился. Самое серьёзное, что грозило Арлену — несильная затрещина. За последний год его наказывали куда серьёзнее, так что... Мальчишка не мог не сказать, что Ерин был достаточно добрым господином, несмотря даже на то, что являлся клиром — священнослужителем, которые, вроде как, были достаточно строги к своим слугам и даже собственным детям.

По правде говоря, приходить в кабак было не самой лучшей идеей, учитывая то, кем был его работодатель. Священники не одобряли подобных заведений. Здесь, должно быть, действительно, собирались не самые образованные и благовоспитанные люди — многие из них, как знал Арлен, едва умели читать, а кто-то и не умел вовсе, к тому же, практически все здесь сквернословили, распивали крепкие напитки и пели весьма похабные песни, о смысле которых Арлен только сейчас стал догадываться. Но так хотелось послушать рассказы старого Нильса, получить горсть засушенных, а иногда и засахаренных фруктов, посидеть с людьми, не считавшими его — слуги — общество чем-то оскорбительным для себя.

Мальчик осторожно входит в это покосившееся деревянное здание, становится у стены... Да, здесь шумно — как и всегда, когда в порту стоит хотя бы один корабль, а учитывая то, что город, в котором живёт Арлен, считается главным морским центром во всей Алменской империи, в порту редко бывает пусто. Так что, это означает лишь одно — послушать истории о дальних странствиях можно практически всегда. Главное, конечно, чтобы клир — или, что хуже, кто-то из его знакомых священнослужителей — как-нибудь не узнал о том, что мальчишка здесь периодически бывает, иначе, вполне возможно, сюда он больше никогда не сможет зайти. Или лишится работы. Что, возможно, ещё хуже, потому что

Юджин категорически отказывался брать его на свой корабль юнгой, ссылаясь на то, что здоровье у Арлена недостаточно крепкое, характер недостаточно покладистый, а опыта какой-либо физической работы нет вовсе.

По правде говоря, на Юджина Арлен долго обижался. Да и сейчас, если уж быть совсем честным, не мог полностью понять. Да. Арлен был не самым крепким ребёнком своего возраста, достаточно часто болел, но, мальчишка сам видел, как другой капитан брал юнгой на свой корабль Бартоломью, ровесника Арлена, но отличавшегося даже более слабым здоровьем. И ничего — Бартоломью даже стал здоровее за время плаваний! Да и характер у мальчика был не такой уж и скверный — Ерина, конечно, Арлен практически не слушал, но клир сам был в этом виноват. Ну а опыт... Арлен до того, как стал слугой, вообще, никогда не работал! И ничего — со своими обязанностями он постепенно свыкся, разобрался, что и когда должен делать и всё такое...

— Поди сюда! — кричит Арлену Билл — жирный и уродливый старик, который, впрочем, был одним из тех немногих людей, которые относились здесь к мальчишке действительно по-доброму. — А ну поди сюда, паршивец!

Слуга клира осторожно прошмыгивает сквозь толпу, стараясь никого лишней раз не задеть и не разозлить — за время жизни в Алменской империи он успел неплохо тому научиться. Он краем глаза замечает, как Карл что-то говорит Джорджу, из-за чего тот морщится и одним глотком опрокидывает, наверное, с половину бутылки. Джордж часто был благосклонен к Арлену — кажется, по рассказам моряка, дома его ждал сынишка примерно того же возраста, что, наверное, и побуждало мужчину практически всегда заступаться за Арлена, когда его начинали ругать.

Сегодня в кабаке даже более шумно, чем обычно — через пару дней из порта отчаливают сразу два корабля: шхуна «Лигортия» и фрегат «Завет». Арлен иногда боится, что кто-нибудь из тех моряков, что к нему благосклонны, не вернётся из плаванья. Ведь такое тоже может случиться, да? Это было бы крайне грустно. Мальчишка привыкал к этим людям, они становились ему безмерно дороги, как когда-то были дороги покойные ныне отец с матерью да братья.

Джордж и Карл, всё-таки, начинают ссориться. К ним присоединяется ещё и Барри. Арлен даже отсюда слышал глухой голос Джорджа, это гневное «негодяй», которое он произнёс обращаясь к увёртливому подленькому Карлу, что неизвестно каким образом оказался во флоте — всех остальных Арлен, может, и знал, как людей крайне необразованных, часто свирепых, ругающихся самыми последними словами, ужасно гневливых, но, в общем, достаточно честных, прямодушных и, как ни странно это говорить, добрых. Карл был не таков. Он, так же, как и остальные, был малообразован — вроде как, умел читать, немного считать и знал пару псалмов, которые обычно учат в приходских школах, плохо воспитан, но это проявлялось вовсе не в том, что он сквернословил или рукоприкладствовал, а в том, что постоянно подлизывался к любому человеку, которого считал достаточно выгодным для себя, и делал это настолько неумело и противно, что даже Арлену становилось тошно. Пожалуй, большая часть тех моряков, которых знал мальчик — а знал он только тех, кто приходил сюда пить — вела разгульный образ жизни. Но вряд ли кто-то делал это настолько же подло, как умел делать Карл. Ох, бедная Эбби, которой как-то пришлось провести с ним ночь! Эбби была одной из тех шлюх, что есть в портах. Измождённая, уставшая, истасканная — пусть ей и было всего около двадцати пяти лет, она выглядела, наверное, на все сорок. Эбби была грубоватой, могла неплохо наподдать Арлену

ремнём, если тот проворачивал что-то, что её крайне раздражало, но, в общем, была хорошим человеком. Во-первых, она всегда помогала мальчику, когда ему нужна была её помощь. Во-вторых, именно Эбби тогда уговорила Ерина взять Арлена на работу. В-третьих, мальчик не мог не верить в её доброту, учитывая то, что именно она была тем человеком, который знал его тайну и который, что следовало сказать, до сих пор её никому не выдал. В-четвёртых, Эбби, может быть, и била его иногда сама, но никогда не давала ударить кому-либо ещё. Из своих клиентов уж точно. А ведь Карл как-то хотел его проучить как следует... Арлену думается, что было бы неплохо, если бы самого Карла сейчас проучил Джордж!

Наконец, ребёнку удаётся пробраться к столу, за которым сидит Билл. Он снова видит рядом с собой эти жирные красные руки, это толстое, некрасивое лицо, эту почти беззубую улыбку, которая казалась ему настолько противной в их первый разговор — кажется, тогда Билл тоже пришёл к Эбби.

— Арли! — говорит Билл, когда мальчишка оказывается рядом с его столом. — Попроси этого скрягу Гарри принести мне ещё рому!

Арлен кивает и отправляется к Гарри — владельцу кабака, одному из самых неприятных, по мнению большинства посетителей этого питейного заведения, людей, который, впрочем, тоже относящийся к мальчику вполне неплохо и даже благосклонно — Гарри нередко подкармливал Арлена сушёными вишнями и финиками, так что сам маленький слуга клира Ерина относился ко всеми ненавидимому хозяину кабака довольно доброжелательно. За что ему было не любить человека, который почти всегда дарил ему разного рода сладости, который почти всегда был готов напоить мальчишку молоком, которое держал именно для него? За то, что не любил давать людям в долг? За то, что обзывал остолопами и тунеядцами? Ну... Арлена Гарри тоже так иногда называл, но в этом мальчик не видел ничего такого. Подумаешь... Клир Ерин тоже называл мальчишку так. Иногда. Вообще-то, как бы эти слова клиру произносить было не положено по статусу. Так что, в Гарри Арлен не видел ничего, за что этого человека можно было бы ненавидеть.

Вот и в этот раз, этот одноглазый мужчина насыпал Арлену в руки целую горсть сушёных фруктов. Когда-то, мальчик на такого рода сладости и смотреть не хотел — дома было полно куда более изысканных и вкусных угощений. Но в последнее время любая еда кажется ему вкусной. А уж тем более сухофрукты — это практически единственное лакомство, которое мальчик может теперь раздобыть. Конечно, когда у клира Ерина приёмы, всегда можно стащить что-нибудь со стола, но... Приёмы духовные лица проводят не слишком часто. К огромному сожалению Арлена.

— Билл просил тебя... — начинает мальчик, когда присаживается рядом с владельцем кабака.

Он кладёт себе в рот засушенный финик. На самом деле, это достаточно вкусно, несмотря на то, что раньше он ни за что на свете не стал бы это есть. Ещё совсем недавно он жил совсем другой жизнью... Жизнью, где не было места грубости, ругани, побоям, грязной работе, где царили мир, покой, хорошие манеры, красивые платья его старших сестёр и матери. Ещё совсем недавно он бегал по отцовскому дому, смеялся, нарочно портил работу слуг, капризничал, устраивал истерики — ему, младшему ребёнку, любимцу матери и старших сестёр, это было вполне простительно. А теперь... Арлен оказался здесь. И он очень скучал по своим родным.

Но что говорить о них, если Арлен их больше никогда не сможет увидеть? Стоило жить. Стоило бороться, как-то справляться с возникающими трудностями — жизнь не могла

обойтись без них. Кажется, так когда-то говорил и отец. Мальчик тогда не придавал значения этим словам. Да и какой ребёнок бы стал придавать значение столь серьёзным речам в возрасте восьми-десяти лет? Арлен... Мальчик привык к этому имени. Почти привык. Но его звали совсем не так! Он просто назвался так, представляясь клиру Ерину. Это было лишь первое имя, что пришло ему в голову в тот день. Имя одного из его старших братьев. Имя брата, которому он завидовал больше всего...

— Принести ему ещё рома? — смеётся Гарри. — Что же... Передай ему, что принесу — если он заплатит хотя бы за часть своего долга.

Арлен кивает, сидит с минуту понурившись — Билл будет очень сильно недоволен тому, что он принёс не слишком хорошие новости. А потом встаёт и направляется к старику. Едва завидев дерущихся из-за чего-то Адама, Криса и Дэнни, едва слышав презрительное «мразь» со стороны Джорджа, обращённое, наверное, к Карлу, едва поняв, что Грег и Боб вполне способны в данный момент наподдать ему хорошенечко за все те дерзости, высказанные мальчишкой дня два или три назад, ребёнок решает, что неплохой идеей будет обойти всех этих господ, попросту пролезая под столами — то есть, под ногами таких людей, как Бен, Энди, Оскар, Филипп, Сэм, Рой, Освальд, ну и других тоже. До Билла о барной стойки, в принципе, недалеко. Арлен вполне сможет пролезть.

Гарри тоже можно понять — он легко может разориться, если будет потакать каждому желанию — а желаний бывает слишком много, в то время как совести, напротив, излишне мало — своих посетителей, что никогда особенно не отличались здравым смыслом и умением останавливаться в своих требованиях. Так что, наверное, нет ничего такого в том, что он совершенно не хочет наливать моряку рома в долг — ещё неизвестно, вернётся ли он после своего плавания.

Билл, ожидаемо, недоволен известиями о том, что для того, чтобы выпить ещё, придётся оплатить хотя бы часть своих долгов, но, впрочем, лишь полусердито отмахивается, а потом подхватывает мальчишку, усаживает к себе на колени и начинает свой новый рассказ. Он говорит о том, как когда-то давно — быть может, лет тридцать, а то и сорок назад — огибал материк — от королевства Орандор к герцогству Ябра, от герцогства Ябра к герцогству Иветт, от герцогства Иветт к королевству Замирт, от королевства Замирт к республике Визей, от республики Визей к герцогству Превейл, от герцогства Превейл к королевству Анез, от королевства Анез к царству Калиар... Он говорит о том, что на корабле тогда была женщина. И эта женщина — пусть это и дурная примета — прокладывала этот маршрут по записям собственного отца, что был когда-то королём Орандора. Он говорит о том, что женщину эту звали Джулия, что она была весёлой и обаятельной, что очень заразительно смеялась, что почти легкомысленно флиртовала с капитаном судна, что глаза — у неё были очень красивые зелёные глаза — сверкали так ярко, так ослепительно, что все любовались ею, хоть она и была далека от идеала красоты — худая, бледная, черноволосая... Он рассказывал о том, как пришлось провести ему больше месяца на Алимандаре, а потом около двух месяцев у реки Везен в герцогстве Ябра...

Билл рассказывает долго. Арлену очень нравится его слушать, но, если честно, он так устал... Быть может, клир Ерин и не особенно гоняет его, но мальчишка устал, ему очень хочется спать — после того, как он успел немного поесть, это желание стало ещё более явным. Он прижимается к Биллу, кладёт голову на его плечо. А моряк лишь продолжает рассказывать свои истории тягучим низким голосом. И Арлен засыпает под его рассказы...

И последнее, что ему приходит в голову — что зря он тогда так завидовал старшему

брату. В конце концов, тот никогда не слышал ни историй старого Билла, ни бессмысленной пустой болтовни Роя, ни рассказов о безрассудных и бессмысленных похождениях Освальда... Его старший брат был наследным принцем и не знал ничего, что выходило за рамки этикета... К тому же, его старший брат был мёртв.

Мёртв из-за глупой лжи со стороны самого младшего из своих братьев. Того единственного, кто после всего этого остался жив. Как всегда и бывает с предателями.

Насколько сильно может мешать человеку зависть? Зависть ко всем, кто его окружает? Необъяснимая и глупая зависть?

Насколько сильно может человек возненавидеть только потому, что кто-то ему кажется куда более достойным чего-либо?

Насколько сильно человек может зайти из-за того, что это мерзкое чувство обволакивает его целиком?

Насколько сильно может завладеть человеком ужас, когда он начинает завидовать?

Что может человек совершить, когда считает себя достойным куда больше, но не получает желаемого?

***

Он привык быть один.

Пожалуй, в жизни редко встречаются люди, хоть сколько-нибудь заслуживающие доверия и уважения. Одни дураки, лжецы, подлецы и предатели. Неизвестно — что хуже. Подлый человек, конечно, будет всё делать лишь ради своей шкуры, но глупый... Глупый не особенно думает даже о ней. Наверное, последнее куда страшнее. Арнольд Прейер знает, каким образом можно подчинить себе человека, что руководствуется своей выгодой, но подчинить себе человека, который руководствуется лишь минутным порывом, очень сложно даже для такого «знатока человеческих душ».

Впрочем, странно, что его называли знатоком. Знал Арнольд не особенно много. Он лишь сумел понять, каким образом на кого можно надавить, чтобы получить желаемый результат. Да, этого Прейеру всегда было довольно. Большого он не добивался ни от себя, ни от других. Зачем? У него были свои цели, у других людей — свои. Единственное, что ему было необходимо — так это возможность довлеть над теми, кто представлял для него какую-то практическую ценность. Этого было вполне достаточно для того сухого, безэмоционального человека, которым он слыл и, как ни странно, являлся.

За всю свою жизнь, Арнольд Прейер вряд ли встретил хотя бы одного человека, которому имел бы возможность доверять. Он в этом, если честно, никогда и не нуждался. Он привык быть один. Ему никогда не было необходимым общество. Если говорить правдиво, Прейер не особенно понимал, в чём остальные люди видели его прелесть.

Он, наверное, с самого рождения был откровенно некрасив — невысокого роста, склонный к полноте, с одутловатым лицом, которое было не менее некрасиво, чем он сам, с маленькими светло-серыми глазами, которые практически всегда называли стеклянными, рыбьими, с большим асимметричным ртом, а голос был слабым в виду перенесённой некогда в детстве тяжёлой болезни. Но люди сами тянулись к нему. Сами приходили. И сами потом винили себя и его во всех бедах, что с ними приключились. Арнольд не считал себя виноватым. Прейер, вообще, не понимал, что именно выделяло его из толпы — он казался практически бесцветным. Он никогда не был богат или знатен, но получил, в общем, лучшее образование, которое способен был дать ему его покойный дядюшка, что взял мальчика к себе после смерти его родителей. Этого образования было вряд ли достаточно, чтобы войти

в высшее общество, но вполне достаточно, чтобы первое время подрабатывать преподавателем психологии в одном из колледжей города Найрленд на юге королевства Анэз. И, следовательно, не умереть тогда от голода. Так что, своему дядюшке Оскару Арнольд вполне был благодарен за всю ту заботу, которую тот, отец десятерых детей, смог оказать сыну своей покойной сестры. Да, заботы было не так много, но во всяком случае, Арнольд Прейер тогда не оказался в приюте. Это было весьма неплохо. Потому что тогда мужчина не смог бы получить ни даже того образования, которое дал ему дядя Оскар, а, следовательно, жил бы сейчас в каких-нибудь бараках в Пайнерлли. Нет, Арнольд ничего не имел против этого маленького провинциального городка на севере Анэза, но... Свою жизнь мужчина, впрочем, считал весьма удавшейся.

Арнольд Прейер идёт по коридору. Бежевые стены... Кто придумал покрасить их в такой цвет? Нужно будет перекрасить во что-то более яркое, что ли? Арнольду хочется чего-то, что хоть немного отличалось бы от привычной ему гаммы цветов, эмоций, звуков... Он идёт по коридору и думает лишь о том, что, пожалуй, смертельно устал бы жить той жизнью, которую уготовал ему дядя. Жизнью пастора. Обычного. Заурядного. В качестве священника он бы не был особенно талантлив. Ему хочется, правда, чтобы и сейчас раздался какой-нибудь звук, которого Арнольд не может ожидать в данный момент. Ему хочется увидеть лицо, которого бы он не знал.

«Пошёл ты!» — кричит какой-то пленник. Кажется, тот молоденький мальчишка, шпион. Впрочем, не совсем уже и молоденький. Многие попадались на удочку Прейера гораздо раньше. Но, пожалуй, что стоило прибавить к чести того юнца, которого сейчас пытается палач, шпионов было не так много. А уж тем более — тех, кто не засветился практически сразу же. И, с секунду подумав, мужчина заходит в ту комнату, где этого мальчишку пытаются.

Комната хорошо ему знакома. Ещё бы... По правде говоря, в ней он проводит, наверное, с четверть своего времени. Роскошная. С изысканной мебелью. С тучей зеркал. Без окон, правда, но Арнольд не считает это недостатком этого помещения. Красивая комната. Прейеру пришлось долго над ней работать. А потом приглашать Найта для того, чтобы он всё переделал — вкус у Арнольда был развит слабо. Всё-таки, дворянином он не был, образование получил для этого крайне недостаточное, так что... В моде, в искусстве, в магии он разбирался крайне слабо.

Пленник стоит на коленях посередине комнаты. Избитый. Уставший. Измождённый. Прейер смотрит на него и видит порванную некогда белую рубашку, синяки на руках, кровь на лице — кажется, у него разбит нос. Да и губы, наверное, тоже. Взгляд его кажется тяжёлым — ещё бы, в этом Арнольд и не сомневался.

— Думаешь, я тебе хоть что-то скажу? — улыбается окровавленными губами человек. — Ты настолько самоуверен? Не знал...

Он смотрит — с каким-то скрытым почти восхищением — на это бледное лицо. Красивое. Пусть не с правильными чертами. Он смотрит на это воплощённое упрямство. Наверное, впрочем, не самая лучшая черта в человеке. Подумать только — этот мальчишка ещё и позволяет себе улыбаться. Будто бы здесь главный он. Будто бы он командует парадом... Это забавляет. Это заставляет Арнольда Прейера сначала подойти к нему, дотронуться пальцами до расплывающегося синяка на скуле, чуть-чуть надавить в надежде вызвать хотя бы стон. А потом усмехнуться и отойти в сторону, пропуская к мальчишке своего палача.

— А ты — не самоуверен? — усмехается Прейер, присаживаясь в кресло прямо напротив пленника.

Кресло, отчего-то, не кажется столь же удобным, каким было раньше. Напротив. Оно кажется настолько невыносимо жёстким и мягким одновременно, что Арнольду то и дело хочется вскочить. Чего, в прочем, он не делает — это слишком противоречило бы тому впечатлению, которого он хотел добиться. А тем впечатлением, которое он производит на окружающих, Прейер очень сильно дорожит. Много лет он добивался этого. Много лет потратил на то, чтобы не казаться совсем уж чужим в обществе этих самодовольных герцогов, графов и принцесс. И он ни за что на свете не позволит себе утратить то, что было добыто такими колоссальными трудами. Но кресло кажется жутко неудобным. Арнольд обязательно в ближайшее время попросит его заменить.

Мальчишка усмехается. Сколько же ему лет? Мужчина давно забыл это... Арнольду думается, что, вроде, не больше двадцати четырёх. Светловолосый, наглый, насмешливый... Он молод и, наверное, как и все юноши в его возрасте, глуп и несдержан. От долгого общения с ним Прейер бы утомился. Такие люди — ужасные идеалисты! А больше всего на свете Арнольд не любит именно их — этих людей, подвластных какой-то неведомой идее. Идее, о которой они сами ещё часто даже не догадываются. Потому что сам мужчина до сих пор такой же. Пусть и принципиальности в нём заметно поубавилось.

Пленник устал. Это совершенно точно. Арнольд приказал палачу немного допросить его, впрочем, не нанося слишком серьёзных повреждений — калечить мальчишку, по правде говоря, совершенно не хотелось. Но это, впрочем, не делало пытки менее болезненными. Своего верного слугу Прейер знал хорошо. Тот умел доводить людей до почти бессознательного состояния, не нанося ни одного более-менее серьёзного повреждения. Даже руки или ноги никогда не ломал. Были синяки, были ссадины, но ничего слишком серьёзного.

— Ты так уверен, что выдержишь... — медленно, растягивая слова, произносит мужчина. — Тебя пытаются... Нельзя быть столь уверенным в том, что ты не сдашься когда-нибудь.

С этим юнцом, впрочем, палач несколько выходил за привычные им рамки «достаточно лёгких телесных повреждений». Но Арнольд не мог в чём-либо упрекнуть того мужчину — мальчишка был упрям. Упрямство очень раздражает. Прейер не знает практически ничего, что способно раздражать сильнее. Во всяком случае, способно раздражать сильнее его. Палач чуть виновато смотрит на своего хозяина, видимо, извиняется таким образом за пару более серьёзных ран на мальчишке, чем было обычно. Арнольд жестом успокаивает его, говоря, что сам он ничуть не против более решительных мер, чем обычно.

Он с каким-то странным удовольствием замечает, что светлые пряди этих кудрявых волос, слиплись от пота, что кожа на запястьях стёрлась от грубых веревок... Впрочем, вызова во взгляде не поубавилось. Голубые глаза смотрели с тем же укором, с той же наглостью, с той же уверенностью в своей победе. Прейер был бы не прочь стереть эту наглую ухмылку с лица этого нахала. Да и палач, кажется, тоже не прочь.

— А ты так уверен, что твои люди умеют пытать? — сплёвывает пленник кровь на пол.

Его упрямство раздражает. Очень сильно раздражает. И Арнольд поднимается со своего кресла и направляется к мальчишке. Наклоняется к нему. С удовольствием разглядывает кровоподтёки, синяки, ссадины, нанесённые ему. Глупый шпион, решивший вывести Арнольда Прейера на чистую воду. Мало их, что ли, было до этого мальчишки? И все были

либо мертвы, либо примкнули к Прейеру. Забавно, пожалуй.

Ещё более забавным было то, что шпионом стал именно этот мальчишка. Из сотен тысяч человек именно он, почему-то, пришёл сюда. И он более-менее долго продержался, плутая по коридорам замка в поисках тех документов, что хранил в своём столе Арнольд. И даже сумел их достать. А часть и вовсе — сжечь в ближайшем камине.

Арнольд Прейер наклоняется к этому наглецу и грубо хватает его за подбородок, заставляя смотреть себе в глаза. Пленник и не сопротивляется. Лишь усмехается ещё более жёстко и нагло. Словно бы и нет ничего в этой ситуации такого, чего ему следовало бы бояться. Мальчишка словно бы считает, что всё сойдёт ему с рук. Впрочем, возможно, и не считает. Возможно, Прейеру это лишь кажется.

— А ты так уверен, что этого не умею делать я?

Голос его, как и всегда, звучит тихо, приглушённо. Насколько же это в молодости раздражало мужчину — передать трудно. Ему всегда хотелось казаться более крепким, более эффективным, чем он был на самом деле. Впрочем, сейчас ему не раз приходила в голову мысль, что будь он громогласен, впечатляющ и красив, его план бы совершенно невозможно было бы исполнить. Так что, то, что Арнольд Прейер был, в общем-то, человеком самой заурядной внешности, самого заурядного голоса и самого заурядного образования, лишь было ему на руку.

Арнольд заглядывает в глаза пленника. Голубые, а не серые... Яркие, а не тусклые... Наглые, а не словно стеклянные... Он рассматривает это красивое лицо с точёными, пусть и не совсем правильными чертами... Он рассматривает эти светлые густые волосы... И какая-то совершенно нелепая и необъяснимая грусть подкатывает к его горлу.

Этот мальчишка — его абсолютный антипод. Красивый, высокий, наглый, образованный — да, кажется, на его образование было выделено достаточно денег. К тому же, мальчишка был упрям. А Арнольду Прейеру не был присущ данный порок. Прейер, вообще, достаточно легко менял свои мнения и планы. Это было так абсолютно правильно и понятно для него самого, что этого гордого парнишку он никак не мог понять, как бы не пытался. А пытался он, если уж быть честным, очень много раз. Но так и не пришёл ни к какому результату.

— А ты позволишь себе замарать руки? — как-то почти безумно смеётся пленник.

И голос у него — звонкий, сильный. И глаза сияют в каком-то совершенно нелепом торжестве. Что за нелепый ребёнок! Он раздражает Арнольда. Очень сильно раздражает. Пожалуй, мужчина уже очень давно не испытывал столь сильных эмоций, как те, которые он испытывает сейчас...

Прейер хмурится, а потом холодно усмехается и отходит в сторону — садится снова в своё любимое кресло, смотрит на измазанного в крови юношу, обессиленного, уставшего, измотанного, но несломленного. Это раздражало. Жутко раздражало. Как его ничто не должно было раздражать.

— Ударьте его ещё раз, пожалуйста, — улыбается Арнольд мужчине, что работает, так сказать, палачом в его небольшой организации.

Вспомнить бы ещё, как зовут этого самого палача... Всё это очень странно — раньше Арнольд Прейер никогда не забывал чьих-то имён. А теперь... Теперь он забыл. Палач послушно подходит к пленнику.

Упрямый мальчишка вздрагивает от этих слов, смотрит осуждающе, презрительно, а потом снова начинает ухмыляться. Нагло, почти весело. Словно бы и не боится он вовсе

того, что может с ним сделать этот человек. Впрочем, наверное, не особенно он и боится. Вон — как смотрит. С вызовом. С каким-то, очевидно, планируемым безумством.

Глупец.

Палач снова бьёт его по лицу. И Арнольд Прейер видит тоненькую струйку крови, стекающую по губам этого мальчишки. Внутри у Прейера всё переворачивается, но он сидит неподвижно в своём кресле, не в силах дать палачу приказа прекратить всё это. А тот бьёт ещё раз. И ещё раз. И пленник хохочет, снова сплёвывает кровь и смотрит на Арнольда таким безумным взглядом, что тот внутренне содрогается от необъяснимого и ужасно сильного ужаса, что появляется в его душе.

— Человек, что назвал себя бароном, не боится засыпать по ночам в одиночестве?

Звонкий голос звучит почти весело. И Арнольд вздрагивает от этого. Он вскакивает с кресла, быстрыми шагами подходит к пленнику, жестом приказывает палачу прекратить... Прейер дышит чуть более тяжело, чем обычно, пытается взять себя в руки. А в голове лишь раздаются слова этого безумного мальчишки, что сейчас находится перед ним...

Арнольд заглядывает в его глаза. Ярко-голубые, живые, льдистые... Не тускло-серые, почти неживые — как у него... Смотреть в них — глаза этого упрямяца — так больно... Так невыносимо стыдно! И ужасно горько... Быть может, всё потому, что этот пленник — измотанный, избитый, жутко уставший, но всё такой же упрямый — его сын? Мальчишка, которого он пытается сейчас... Обессиленный, измученный, истерзанный — но несломленный. Это почему-то несказанно льстит ему и пугает одновременно. Все ломались в его руках. А этот глупый мальчишка — ещё до сих пор стоит на своём, ещё до сих пор не боится его, бросает ему — человеку, которого столько людей боялось — вызов. А он — не боится... Этот глупый мальчишка с наглыми ясными глазами. Уже не малый ребёнок, которым он — Арнольд — его помнил. Но ещё такой мальчишка...

Он стоит на коленях. Они — все, кого он когда-либо хотел сломать — почти все стоят на коленях. Почти все. Некоторых даже на колени ставить не приходилось. Людвига Баттона, например. Или Горация Бейнота. Или Франка Роджа. Впрочем, были и те, кто не сдавался довольно долго. Теодор Траонт, например. Глупый, упрямый мальчишка. Но образованный. Обученный и этикету, и политике, и магии. Из достаточно влиятельной семьи. Он бы никогда не сумел его отпустить. Теодор Траонт был слишком важен для его планов. Возможно, лишь одна Джулия Траонт, сестра Теодора, знала о древности больше, чем сам граф.

Арнольд Прейер усмехается. Одиночества он когда-то, действительно, боялся — как и многие люди. Но потом... Гордыня вела его всё дальше, заставляя идти по головам, заставляя оставлять людей, что были ему некогда бесконечно дороги. Впрочем... Были ли они ему хоть когда-нибудь дороги, если он был способен забыть о них?

Арнольд Прейер про себя тихонько замечает — он никогда не боялся одиночества так, как боялись остальные. Оно его настораживало, он пытался его избежать, но... Оно всегда следовало за ним по пятам во всех его замыслах, чтобы мужчина смог приучиться его просто не замечать. Потребовались годы. В детстве, потом в юношестве, потом в молодости. И сейчас — в данный момент — он одиночества уже совершенно не боялся...

Он привык быть один.

Во всех мирах нет ни одного человека, что был бы бескорыстно готов прийти ему на помощь.

Разве это не достойная причина для того, чтобы выучиться лгать?

Человек, что назвал себя бароном, привык к одиночеству...

Очень жаль, что этот мальчишка не понимает этой простой истины. И одновременно — ужасно хорошо то, что он не понимает... Арнольд Прейер смотрит на него с какими-то странными чувствами, а потом торопливо выходит из комнаты, жестом что-то объясняя палачу. Мальчишка вряд ли мог понять, что одиночество в случае его отца было совсем не карой. Оно было избавлением.

Гордыня...

На что она может толкнуть?

На что может толкнуть желание неограниченной власти?

Может ли оно заставить человека предать всё, что ему дорого?

Может ли оно заставить человека предать любовь?..

Комментарий к II. Глава тридцать третья. Ложь.

Канцлер Ги — Песня о мертвой долине

===== II. Глава тридцать четвёртая. Жалость. =====

Устав от бесцельных драм,

Скучая бесцветным днем,

Я был так наивно-прямым,

Надумав сыграть с огнем;

Отдав многоцветье тем

Осеннему блеску глаз,

Я думал о том, зачем -

Зачем Бог придумал вас -

Тех, кто сводит с ума

Без улыбок и слов,

Стоя рядом и глядя

В окна небес;

Кто вливает дурман

Без вина и цветов,

Отравляя без яда

Хрупких принцесс.

Сюрпризы осенних дней -

Кровь носом, а дождь стеной.

Дворами, что потемней,

Я тихо иду домой,

И в переплетеньи жил

Ответ не могу найти:

Зачем же господь судил

Стоять на моем пути

Тем, кто сводит с ума

Без объятий и снов,

Кто играючи сносит

Голову с плеч,

Тем, кому ерунда

Потрясенье основ,

Кто не ждет и не просит

Спичек и свеч.
Качаясь в цепях моста,
Смеясь на руинах стен,
В надежде на чудеса
Я вновь получил взамен
Бессонницы легкий люфт,
Угар воспаленных глаз -
И все-таки я люблю,
По правде сказать, лишь вас -
Тех, кто сводит с ума,
Не касаясь души,
Растворяясь в дожде
Под конец сентября;
Кто уходит впотьмах,
Невидим, неслышим,
Оставляя лишь тень
В свете злом фонаря.

Наверное, наиболее легко для человека — быть милосердным, жалостливым, добрым к тем, кто его окружает. Это ведь так мало — просто высказать своё участие... Это ведь так просто — показать, что судьба того, кто находится рядом с тобой, тебе не безразлична. Разве это отнимает так много сил — просто сделать шаг навстречу дорогому тебе человеку, сказать пару самых обычных ласковых слов? Разве это занимает так много времени? Разве это так трудно?

А ведь, пожалуй, моральная поддержка в трудное время крайне важна. Быть может, важна не меньше, чем реальные действия. Иногда не нужно ничем конкретным помогать человеку — либо он справится с тем, что на него навалилось, сам, либо уже совершенно ничего невозможно исправить. Любая помощь в данных ситуациях либо оскорбительна, либо бесполезна. Так почему же не поддержать в этом случае словом — простым, самым обыкновенным?.. Почему же не оказать ту помощь, которая всегда будет тебе по силам? Ведь это так правильно и так необходимо — помогать другим людям... Самому же человеку это совсем не трудно!

Паулу было намного легче, чем раньше: прекратился тот жуткий кровавый кашель, немного спал жар, пропал лихорадочный румянец, а по ночам всё реже стали слышны истошные крики и приглушённые вымученные стоны. Эрик был счастлив этому — его друг явно шёл на поправку. Ещё немного — и Паул снова встанет на ноги, усядется в саду — Эрик обязательно выпихнет его в сад, чтобы хмурый чернокнижник проводил хоть немного времени на свежем воздухе — и будет посмеиваться над своим «впечатлительным другом», да и над собой тоже. Эрик ждал этого уже давно, как ему казалось. С того самого побега из тюрьмы здоровье Паула было далеко не самым лучшим. Оно и сейчас восстановилось не до конца — какой только изверг додумался надеть на чернокнижника антимагические наручники, которые обжигали кожу мага и каким-то образом (Эрик не знал всех этих магических тонкостей) воздействовали на его кости. А после того проклятья, которое было наслано на чёрного мага той женщиной... Паул чуть не погиб. Эрик был в отчаянии! Он не смог бы потерять ещё и его — и это тогда, когда со смерти Милены не прошло даже полугода.

И в том, что чернокнижник не загнулся совсем, Эрик был обязан ей — худенькой рыжей девушке в стареньких шерстяных юбке и кофте. Хрупкой и почти бестелесной. Когда-то Эрик верил в богов. И сейчас он мог поклясться, что Сара была самым настоящим чудом, посланным ему небесами... Пусть Паул и не хочет признавать того, сколь многим он обязан этой девчужке, Эрик признает это. Пусть чернокнижнику совершенно наплевать на свою жизнь, на неё не наплевать Эрику.

Был солнечный день. Один из тех, которые так трудно бывает «поймать» в этой стране. Осенний солнечный денёк... Один из последних ясных и тёплых дней в этом году. Скоро уже начнётся совсем другая пора... Холодная. Сырая. Хмурая. Нужно будет кутаться в тёплую одежду, носить с собой зонт или плащ. А ещё придётся закупить лекарственные средства — Паул после той болезни ослаб, он легко может простудиться. Пусть чернокнижник никогда этого и не признает, но у него никогда не было достаточно хорошего здоровья. А теперь же — после того проклятья, Паулу следует, и вовсе, быть очень осторожным.

Сара сидела на ступеньках лестницы приюта для девочек-сирот. Тоненькая, невысокая, бледная... Кажется, она служила в приюте санитаркой — лечила заболевших девочек, помогала следить за грудными малышами, выхаживать их. Обычно ей приходилось работать в той окрашенной в серый цвет пристройке, больше напоминавшей сарай. Но сегодня... Сегодня она сидела на ступеньках лестницы и болтала с воспитанницами приюта. Девочки жались к ней. Они тоже были благодарны ей за ту её доброту, с которой она к ним относилась.

В лучах этого ослепительного сияющего солнца она казалась Эрику ещё большим ангелом. Ангелом, что спустился в Осмальерд, чтобы спасти его лучшего и единственного друга... Её волосы были рыжими, но в солнечном свете они казались почти золотыми.

Сара Эливейт была сестрой милосердия. Тихая, кроткая, серьёзная, добрая — она как никто другой подходила для этой работы. Эрик всё не уставал удивляться этой девушке — она пришла в тот самый миг, когда Паулу больше всего нужна была помощь. А потом просто ушла, словно растворилась, растаяла...

— Давным-давно в далёкой прекрасной и таинственной стране, что называется Зельтор, жила принцесса... — тихим, завораживающим голосом говорит Сара, глядя девочку, что сидит у неё на коленях, по светлым локонам.

У неё прекрасный голос... Эрик в который раз только убеждается в этом... Волшебный... Тихий, мелодичный, плавный, спокойный... Эрик никогда не думал раньше, что у какой-то девушки может быть столь красивый голос. Даже у Милены голос был резким, ярким — впрочем, что уж говорить о Милене, сестра у Эрика сама была девушкой довольно яркой. А у Сары не было той вопиющей яркости, не было резкости, она была как-то очень по-аристократичному горда. К такой гордой девушке не подступишься. Не говоря уже о том, каким светлым, чистым, небесным существом она являлась... У Эрика никогда бы не нашлось смелости как-либо приблизиться к ней...

Когда-то давно Эрик ходил в церковь... Он уже плохо помнит то ощущение, которое царило в его груди, когда он находился в тех стенах... Но ему почему-то кажется, что Сару он воспринимает, словно некое божество. Чистое. Светлое. Доброе. Она такая воздушная... Такая необыкновенная... По доброте душевной пришла тогда к ним с Паулом в дом, ухаживала за ним, несмотря на всю ту вонь, на всю ту духоту, которые стояли в комнате, даже зная, что вряд ли чем-то на самом деле сможет помочь...

Она, действительно, словно божество — столь тоненькая, столь невесомая, столь воздушная, что, казалось, дотронешься до неё — и она сейчас же рассыпется! Эрик и боится дотрагиваться. Паул вот не боится. Он, вообще, безбожник редкостный. Как его Эрик за это не ругал, а он до сих пор не приучил себя даже относиться к святыням с хоть каким-нибудь уважением. Если честно, Картеру иногда казалось, что та болезнь, что случилась с магом, произошла именно из-за того, что боги перестали терпеть святотатство со стороны тёмного мага! Эрик однажды это даже высказал другу, на что тот лишь рассмеялся.

А Сара... Она словно сама была самой настоящей святыней... Словно хрустальная... Эрик боялся к ней прикоснуться, признавая свою недостойность этого...

— Мисс Эливейт, это жаркая страна? — спрашивает одна из девочек, что сидят рядом с ней.

Зельтор... Эрик так давно учил географию, что вряд ли толком сможет вспомнить, где находится эта страна. Если это, действительно, прекрасная страна, он бы хотел, чтобы Сара жила там — в тёплых краях, где никогда не бывает зимы, в чистом маленьком домике... А ещё ему хочется, чтобы... Нет! Даже мечтать об этом глупо! Паул засмеёт его, если узнает, что Эрик думал об этом.

— Да, Ребекка, — кивает Сара. — Очень жаркая.

Мисс Эливейт рассказывает девочкам ещё много чего, прежде чем случайно натывается взглядом на Картера, что, словно трус, притаился за одним из деревьев. Девушка улыбнулась ему, словно приглашая подойти к себе... И он подходит. Осторожно, медленно — словно боясь спугнуть. Девочки возятся около Сары и совершенно не замечают его. Картер замечает новую тряпичную куклу в руках одной из сироток — куклу, наряд которой сшит из той самой синей кофты Сары. А она лишь продолжает рассказывать сироткам свои сказки. Паулу тогда это помогало — те сказки. Как бы чернокнижник ни закатывал глаза, ему нравилось слушать рассказы мисс Эливейт. Это помогало ему в те дни засыпать.

Девочка — та самая Ребекка, которая спрашивала о том, жаркая ли Зельтор страна — вскакивает и подбегает к одной из младших воспитанниц. Они очень похожи — Ребекка и та малышка. Очевидно, сестрёнки. Младшая радостно смеётся и тычет в Ребекку потрёпанной тряпичной куклой, которая, вполне возможно, тоже сшита Сарой Эливейт.

— Я могу попросить вас оставить мне на некоторое время мисс Сару? — с улыбкой произносит Эрик.

Маленькая девочка, что сидит у Эливейт на коленях, упрямо качает головой и угрожающе шмыгает носом. А Сара тепло улыбается и шепчет ей на ухо несколько слов, из-за которых лицо девочки тоже озаряется улыбкой. Малышка что-то шепчет Саре на ухо, смеётся и отбегает к подругам, с которыми о чём-то шепчется.

А Эрик не может найти слов для того, чтобы хоть как-то выразить Саре Эливейт благодарность за всё то, что она для него и для Паула сделала. Он смотрит на эти длинные светло-рыжие волосы, на эти потрёпанные, выдавшие виды, вязанную кофту и шерстяную юбку... В голове сразу всплывает мысль, что необходимо купить Саре что-нибудь из одежды. В том, что у неё есть, она может замёрзнуть зимой... А одежда Милены ей не подойдёт — больно Сара худенькая и тоненькая, вещи сестры Эрика будут ей ужасно велики.

У Сары Эливейт не самое красивое, должно быть, лицо. Слишком простое. У неё самые обычные глаза, самые обычные губы, самый обычный нос. Даже немного маленькие. И уши у неё немного торчат, когда она зачёсывает за них свои волосы... Она просто уставшая девушка, которая, должно быть, мечтает только об отдыхе. Но Эрику, всё же, кажется, что

она похожа на божество. Или на фею. Картеру она внушает такой трепет, которого он в себе подозревать никогда раньше не мог.

Наверное, молчит Эрик слишком долго. Он просто не находит каких-либо слов, чтобы сказать девушке хоть что-нибудь... Он боится Сару... Не потому, что она что-нибудь может ему сделать. Потому что от её чистоты ему становится не по себе. Потому что он ужасно боится как-либо навредить этому чистому, небесному созданию...

— Как ваш друг, мистер Картер? — своим тихим голосом спрашивает девушка. — Ему ведь уже лучше, правда?

Она смотрит на него с улыбкой, так тепло, так ласково, что ему невольно становится жутко стыдно за то, что минуту назад он думал о том, что она не так красива, как могла бы... Да у неё самые лучшие на свете глаза! Ни одна девушка не смотрела на него столь тепло, столь спокойно... А Сара... Она совсем не боится... Она выше всего этого...

И Эрик совершенно не знает, что ей отвечать. Он слушает её голос, смотрит на неё, видит, как она непонимающе улыбается, видя его замешательство, как думает, что бы у него ещё спросить, чтобы этот разговор удался... Она жалеет его. Ей было жаль тогда его и Паула. Поэтому она пришла — словно спустилась с неба... И Картеру думается, что, будь на его руках хоть немногим меньше крови, он обязательно сделал бы так, чтобы когда-нибудь Сара стояла рядом с ним перед алтарём...

Милосердие — есть красота...

Красота, которую ничто не способно заглушить или запрятать.

Это то, что отличает человека. Это то, на что способен лишь человек.

Это то, на что редкий человек решается.

***

Наверное, наиболее трудно для человека — быть милосердным, жалостливым, добрым к другим людям... Это ведь очень тяжело — высказать своё участие. Почти невыносимо трудно порой показать близкому тебе человеку, что его судьба тебе не безразлична. Почти невозможно перебороть ту душевную боль, которая теснится в груди, сделать шаг навстречу другому человеку — даже самому дорогому — и сказать даже самые простые слова. Когда сердце словно одна сплошная кровоточащая рана — разве есть хоть какое-то дело до слов, которые были произнесены, до поступков, которые были совершены? Разве есть дело до всех этих мелочей?! Как будто это всё так важно... Странно, что люди уделяют всем этим мелочам так много внимания.

Моральная поддержка... Хочется рассмеяться каждый раз, когда кто-то произносит это словосочетание! Как будто бы все эти насквозь фальшивые слова, все эти полностью лживые заверения могут хоть что-нибудь в этой жизни изменить! Так зачем же в таком случае что-то говорить?..

Наверное, это всё ложь — все эти придуманные людьми сказки о том, что такое душа, что такое, вообще, жизнь... Иногда остаётся одна лишь боль. Боль, от которой уже просто невозможно избавиться, которая гложет, которая заставляет человека делать всё, что угодно, лишь бы избавиться от неё... Иногда даже — пойти на преступление. Впрочем, наверное, дело даже не в этом. Герцог Рэйнский ни разу в жизни не совершил преступления — он всегда был чист перед законом. Но была ли так же чиста его совесть перед самим собой? Янжина слышала, что после смерти супруги герцог стал ещё более раздражителен, чем был до этого. Говорили — после смерти своей супруги он стал совсем уж нелюдим. Впрочем, отец Янжины утверждал, что скверный характер у Великого герцога был и до смерти его

жены. А её тётя как-то говорила, что люди не меняются. Стало быть, с герцогом всё было точно так же. Скверный характер вряд ли зависит от тех жизненных обстоятельств, которые могут с человеком случиться.

Гартон Рэйн был одним из восьми Великих герцогов Орандора — одним из тех людей, что занимали по праву рождения место за тронном короля. Их всегда было только восемь. Янжина могла перечислить их всех. Забавно, что первые буквы складывались в слово. Траонт, Рэйн, Илдиан, Энигмен, Сноргме, Унрокстон, Райглд, Истерн. Все люди, носившие этот титул, имели прав больше, чем любой дворянин Орандора. Иногда казалось, что прав они имели больше, чем сам король Орандора. О Великих герцогах времён наместника Илиодора уже ходили легенды. Янжина выросла на этих легендах. Ей нравилось читать легенды о герцоге Фридрихе Траонте, о герцогине Дориме Рэйн, о герцоге Людвиге Илдиане, о герцоге Карле Энигмене, о герцогине Хельге Сноргме, о герцоге Манфриде Унрокстоне, о герцоге Уилльяме Райглде, о герцоге Ричарде Истерне. Ей нравилось читать все эти многочисленные легенды о них. Это были не те сказки о Сонме Проклятых, о которых никогда не знаешь — правда ли всё это или вымысел. Впрочем, Янжина всё это считала вымыслом. Ни один человек на свете не сможет расколоть мир. Кем бы ни был на самом деле Танатос, он бы тоже не смог. А в том, что такой человек мог существовать, Янжина очень сомневалась — не сохранилось ни одного подлинного, а не написанного уже позднее, документа, что мог бы подтверждать существование Хейдена, ни одного украшения, ни одного кинжала или меча. А герцоги существовали на самом деле... Молодой монарх, впрочем, путался в фамилиях даже Великих герцогов, помня лишь одну — Траонт. Янжине это казалось почти странным — разве есть где-то во вселенной человек, не знающих тех, кто относится к Великим Родам?

Король Альфонс был, пожалуй, не самым худшим правителем Орандора. Он был молод, полон сил, идей, грёз о переменах, умел и любил смеяться, готов был перекраивать эту страну... о большем Янжина никогда и не могла мечтать. А уж о том, чтобы иметь возможность как-либо влиять на то, что имеет значение для её государства — не могла даже думать. Молодой король был деятелен. Он был готов что-то в этой стране изменить. Он делал это. На самом деле делал. Общался с людьми, которые знали слабые стороны этого королевства, обязал каждый монастырь открыть бесплатную приходскую школу при церкви, чтобы обучать хотя бы часть населения, издал указ, согласно которому каждый дворянин должен был получить образование, а после служить своей стране, находясь либо на военной, либо на государственной службе, либо в научной академии, которая только-только начала зарождаться. Теодор Траонт от последнего был просто в восторге. Янжина даже представить не могла, что этот — на вид вполне серьёзный и порядочный мужчина — будет разве что не скакать по кабинету короля, говоря какую-то очевидную радостную чепуху. Он был похож на маленького ребёнка, которого долго лишали сладкого — за какой-то проступок или по болезни — и потом разрешили съесть один маленький кусочек... Теодор Траонт был на самом деле так счастлив в тот день... Янжине подумалось, что он — этот самоуверенный и почти изнеженный герцог — был одним из самых верных слуг королевства и короля. Что он — этот франт с чрезвычайно ухоженными руками, с этими тонкими, белыми пальцами, со сверкавшими на них перстнями — так предан своей родине. Янжине было странно понимать это. Она всегда видела в этих высших дворянах лишь избалованных, изнеженных, самовлюблённых, не видящих ничего, кроме самих себя. Она была удивлена, увидев, когда сама оказалась при дворе, что это не всегда так. Она видела нервного и обаятельного

Теодора, искренне любившего родное королевство, видела сильную и властную Джулию Траонт, женщину, стать подобной которой Янжине, пожалуй, очень хотелось, видела Говарда Реджинальда — парнишку, восьмого ребёнка в большой, обедневшей, но жутко знатной семье, который нашёл свой приют во дворце...

И теперь Альфонс Браун хотел переговорить со всеми восьмерыми Великими герцогами. Нужно было, чтобы они признали его власть. Герцогиня Джулия Траонт признала. Оставалось семь герцогов. И Гартон Рэйн был следующим в списке. Потом нужно было навестить герцогиню Флору Илдиан. Впрочем, к герцогине Флоре направился Теодор Траонт, бывший с ней в неплохих отношениях. Это решение — обращение к Великим герцогам — было весьма неплохим. Заручиться поддержкой столь влиятельных и родовитых лиц было просто необходимо Альфонсу, особенно учитывая то, что сам он, по его собственным словам, был безроден, не обладал никакими связями, помимо более-менее дружеских отношений с Теодором Траонтом, а так же на престоле оказался весьма случайно. Янжина понимала, что решение хоть как-то задобрить Великих герцогов было единственно правильным в той ситуации, в которой оказался молодой король. Но скрыть своего предубеждения против герцогов не смогла. Теодор Траонт ещё тогда рассмеялся, мол — не все герцоги так плохи, как о них рассказывают. Сказал, что Великие герцоги Орандорские — не Асталы из Цайрама.

По слухам, Гартон Рэйн — тот герцог, прийти к которому было нужно Янжине — был человеком строгих моральных принципов и не менее строгих привычек. Он был нелюдим. Говорили — мог просидеть в собственной комнате, ни с кем не заговаривая, больше двух месяцев. Слуги боялись его. Соседи-помещики не любили. Да и за что было любить его — нелюдимого, сухого, мрачного, вспыльчивого, а подчас и грубого! Он мало говорил, редко выходил из своих комнат, а смотрел, как говорили, всегда с какой-то едва различимой злобой, которая, впрочем, дико пугала тех, кто смел к нему прийти.

Говорили — он в один год поседел, когда умерла его жена.

Он был вдовцом вот уже семь лет. Говорили, его жена была первой красавицей Орандора... Янжина, кажется, однажды видела её — эта молоденькая и болезненная женщина однажды приезжала в поместье её отца, чтобы помочь. Она была приятной, милой, обходительной... Янжине — маленькой ещё девочке — она очень понравилась. Впрочем, вряд ли сам герцог был так приятен в общении, как некогда была приятна его покойная жена. Герцогиня умерла семь лет назад, родив мёртвого ребёнка. Герцог остался совсем один — у него не было ни одного близкого человека, который мог бы его как-либо поддержать. Впрочем, многие люди едва переносят тех, кто пытается помочь им справиться со своим горем.

Эта боль сводила его с ума.

Янжина должна была увидеть его, по правде говоря, в первый раз в жизни. Раньше лишь слышала об этом человеке от отца. Она слышала, что герцог человек очень образованный — немудрено, впрочем, при доходах его отца, желать дать сыну лучшее образование, которое только может получить человек в Осмальерде. Отец когда-то говорил Янжине, что герцог Рэйн умеет очень многое — и играть на трёх музыкальных инструментах, и говорить — почти свободно — на восьми или девяти языках, не считая древние, прекрасно знал историю мира и своего королевства, рисовал, прекрасно танцевал, был неплохим театральным и литературным критиком, к тому же, был прекрасным врачом. Впрочем, Янжине ли судить об образованности — когда она даже домашнее образование не сумела полностью получить из-

за проблем с деньгами у её отца.

Работать на короля Альфонса девушке нравилось — можно было заниматься чем-то действительно полезным, к её мнению прислушивался хоть кто-нибудь, к тому же, на работе во дворце можно было не носить эти пышные платья с ужасными корсетами — Его Величество почти сразу предложил ей переодеться в более удобный кафтан. Новый король, вообще, был несколько странный. Безусловно — умный. Безусловно — ответственный. Безусловно — обладающий чувством юмора. Безусловно — понимающий, что именно он делает. Но странный. Он многого не знал об Осмальерде. Многого не хотел знать. Хотел построить здесь жизнь, похожую на жизнь в его мире... Янжина плохо понимала, что именно он хочет, но те реформы, которые молодой король старался проводить, девушке вполне нравились. Наверное, о таком правителе она всегда мечтала — умном, решительном, том, кто захочет сделать королевство Орандор хоть чуточку сильнее...

Поместье герцога Рэйна поражает своими масштабами. Огромное здание. Каменное, высокое, старинное. Говорят, выстроено оно здесь было ещё до возникновения даже тех фальранских провинций. Времени первой или второй тысячи после Великого переселения народов. Янжина подходит к этому зданию. Её никто не встречает... Она лишь смотрит на эти стены... Она осторожно касается рукой одного из камней. Девушке кажется, что, прикасаясь к камням, она может увидеть то, что происходило с поместьем в далёком прошлом. Ей страшно... Страшно приобщаться к тому, чего раньше она так боялась, чего раньше она никогда не признавала... Но она ведь сильная, да? Она же справится?.. Конечно справится, ведь выбора-то у неё вроде как и нет.

Войдя в дом, она как-то скованно кланяется мужчине во фраке, очевидно, дворецкому, который приглашает её наверх, в комнату своего хозяина. Янжине почему-то жутко страшно. Ей хочется поскорее отделаться от поручения короля. Девушка поднимается по лестнице, устланной жёлтыми коврами. Изнутри дом даже более поражает своим величием, нежели снаружи. Снаружи — он гранитный монолит. Огромный. Вечный. Но изнутри этот монолит дышит, пусть и веет от него немного могильным холодом... И всё же, всё здесь Янжине жутко любопытно. Она едва удерживается от разглядывания белых и кремовых ваз причудливых форм, от разглядывания цветов, которые уже в это время нигде невозможно найти, от высокого, украшенного лепниной камина, что находится в одной из тех комнат, сквозь которые её проводят. Она всё же не удерживается от того, чтобы посмотреть на потолки — расписанные самым настоящим мастером, знатоком своего дела, не удерживается от того, чтобы взглянуть на старинные родовые гобелены, на роскошные ковры, привезённые из разных уголков Осмальерда, на мраморные полы, на потрясающие скульптуры, изображающие великих людей древности. Одна из скульптур — перед ней Янжина на несколько секунд задерживается — изображает какого-то молодого человека, на губах которого застыла самодовольная усмешка. Он — этот человек — одет крайне бедно, в какое-то почти рваньё, но смотрит с каким-то высокомерием. Янжине почему-то он жутко неприятен. Другая скульптура изображает девушку — молодую, красивую, полную жизни. Статью своею похожую на Джулию Траонт. И эта девушка тоже смеётся, но смеётся более тепло и мягко... Но что объединяет обе эти фигуры — обе они усмеваются победно, уверенно в собственной правоте. Янжина видит вокруг много скульптур на темы самых разнообразных мифов и легенд Осмальерда. Отец как-то упоминал, что Великий герцог буквально грезит этими самыми мифами... Но Янжина никогда не могла бы и подумать, что — так...

Перед одной из дверей — тяжёлой, дубовой — дворецкий останавливается. Мужчина кланяется ей, стучит в дверь, а после отворяет её. Янжина с каким-то странным ужасом следит за всем этим. Она осторожно проскальзывает в комнату, куда её приглашают, смотрит на тёмную фигуру человека, который сидит около окна. Человек этот худощав, очевидно, весьма высок, хоть и кажется почти горбатым. Комната, в которую её пригласили, необычная, круглая. Тяжёлые гардины защищают это место от солнечного света.

У Гартона Рэйна были ужасно тонкие пальцы. Тонкие и длинные. Он и сам был такой — до удивления высокий и худой. Словно бы высушенный. Словно испытый до дна. Янжине страшно смотреть на этого человека... Его волосы совсем не седые — напротив, жутко тёмные. И скулы у него сильно выпирают. А глаза... Чего только стоят его глаза — тёмные, близко и глубоко посаженные. И взгляд этих глаз будто обжигает девушку. Она старается не смотреть на его лицо — мало от неё будет толку, если она будет его так бояться.

Перстни — символ родовитости. На каждом его пальце сиял крупный перстень. Все, должно быть, тяжёлые... Один из перстней по форме очень напоминает перстень на пальце леди Джулии Траонт. Только камень в оправу вставлен другой. У герцогини Траонт камень зелёного цвета, вероятно, изумруд, у Гартона Рэйна же камень ярко-жёлтый. Совсем не сочетается этот цвет с его остальным внешним обликом. Перстень, словно чужой, сидит на его пальце. И зрелище это почему-то жуткое.

Она почти не слушает, о чём он говорит — впрочем, может, он и не говорил слишком много. Янжина всё равно не может слушать. Она думает обо всём на свете, кроме того, что находится в этой комнате. Она думает о короле с его реформами, о любимом, но уже покойном, отце, думает о той участи, которая, возможно, ей уготована, думает о Теодоре Траонте и тех вещах, которыми можно «уколоть» его в разговоре побольнее. У герцогов очень чувствительное самолюбие... В какой-то момент слух будто бы возвращается к девушке. И вот она уже слышит эти слова герцога, которые так задели её...

— Вы знаете, барышня, что означает быть Великим герцогом? — спрашивает с тяжёлой усмешкой Гартон. — Вы знаете, что это означает — быть мной?

Его снисходительно-насмешливый тон — почти презрительный, следует добавить — почти выводит Янжину из себя. Этот человек не имеет никакого права так с ней разговаривать. Теперь она не просто девчонка из провинции, которой ничего не по силам. Она теперь служит королю. Какая из неё барышня. Она решила служить королю на государственном поприще. Работа это вряд ли подходящая для того, чтобы продолжать оставаться барышней.

Её ужасно раздражает этот человек. Человек, не сделавший ровным счётом ничего, чтобы занимать в обществе то положение, которое он занимает. Человек, смеющийся считать себя Великим — не по делам, а по титулу. Янжина никогда не любила таких людей. Быть может, всё дело было в том, что у неё никогда не было ни титула, ни богатства. Она была обычной девушкой. Но она старалась, она делала всё, что было в её силах, даже больше, чтобы как-то изменить свою жизнь. Она изо всех сил пробивала себе дорогу. Почему же кто-то другой мог просто получить — не приложив ровным счётом никаких усилий?.. Это было чертовски обидно...

— У меня жизнь была не менее трудная, сэр! — почти возмущённо говорит Янжина. — Разве я говорю вам об этом?

Она с трудом сводила концы с концами. Она едва смогла решиться на тот безумный шаг, благодаря которому Альфонс взял её во дворец. Девушке думается, что это просто

свинство — говорить человеку, будто твоя жизнь труднее, чем его. У каждого свои проблемы. Вряд ли разумно сравнивать их. Вряд ли разумно сравнивать жизнь тех, кто с самого рождения был в неравных условиях. Жизнь у всех трудная. Незачем это говорить.

Янжина не считала свою жизнь слишком уж тяжёлой. Она получила образование, у неё — совсем ещё недавно — был любящий отец, ей не приходилось целыми днями работать физически, ей редко приходилось голодать... Ей приходилось много работать, ей приходилось перешивать платья за деньги богатым соседкам... Нет, её жизнь не была трудной. Она была такой же, как у множества других девушек. В жизни Янжины были свои трудности, но она не считала их чем-то таким, чего точно не должно было быть.

Больше всего на свете Янжину раздражали те, кто считал себя ущемлённее других.

— Молчать! — грубо обрывает её Гартон. — Не смейте меня перебивать, барышня!

Янжина вздрагивает и замолкает. Почему-то в какой-то момент ей становится ещё более страшно. Она боится этого странного человека. По возможности она больше никогда не войдёт в этот дом. Достаточно девушка натерпелась унижения! Она больше ни за что на свете сюда не приедет! Пусть сам король приходит к этому человеку и улаживает свои вопросы. Или — что лучше — Теодор! Траонт же сам из Великогерцогской династии. Он должен знать, как разговаривать с такими людьми. Он должен лучше знать, чего такие люди ожидают от других. Раболепства? Страха? Поклонения? Одно дело, когда человек требует к себе уважения. Совсем другое дело — когда человек сам в ответ не собирается уважать кого-либо.

Герцог встаёт со своего кресла и быстрыми, но тяжёлыми шагами подходит к окну, немного отодвигает гардины, пропуская в комнату немного солнечного света. Янжина, уже привыкшая к темноте, жмурится. Почему-то в данный момент ей думается о том, что больше всего на свете ей бы сейчас хотелось, чтобы рядом оказался её отец. Пусть тот и был излишне расточителен, пусть тот и был не слишком образован — он был её отцом. И он был единственным человеком, в любви которого Янжина была уверена.

— Кстати, барышня, вы действительно мне об этом сказали, — смеётся герцог.

Она едва сдерживается, чтобы не нагрубить ему. Девушке хочется скорее вырваться из этого ужасного места. Если бы не поручение, доверенное ей королём, она уже давно бы сделала это. Но она просто не может не оправдать надежд Его Величества. Король был дорог ей. Он был тем человеком, которому была небезразлична её судьба. Янжина смотрела в тёмные, близко посаженные глаза герцога и думала, что уродливее человека она в жизни ещё не видела. Она не представляла себе, как та — молоденькая и красивая — женщина могла связать с ним свою жизнь. Герцогиня Рэйнская, как говорили, была очень доброй и милой, нравилась практически всем... Как могла она связать свою судьбу с таким ужасным человеком? Как могла выглядеть такой счастливой?

Выглядеть... Выглядеть? Неужели, правда? Неужели, эта догадка может быть правдой? Янжине становится не по себе. Она пытается припомнить, было ли счастье не только в улыбке, но и в глазах той болезненной женщины, которая когда-то навещала её отца? Она пытается вспомнить... И ничего не вспоминает. Только хрупкую фигурку в скромном платье, которая наклонилась к маленькой Янжине и шептала ей на ухо какие-то глупости... Только добрейшую женщину, которая помогала всем нуждающимся, которая обожала напевать разные народные мелодии своим слабым голосом... Только красавицу, которой приходилось каждый день видеть все уродства своего мужа, за которого её — в этом Янжина уже не питала никаких сомнений — насильно выдали замуж. Ей становится до

безумия жалко покойную герцогиню.

На герцога Рэйна она больше не может смотреть без отвращения.

— Я напишу королю, когда обдумаю его предложение, — замечает герцог хмуро, — но я прошу вас обязательно передать ему, чтобы впредь Его Величество не посылал ко мне служанок, вдобавок, лёгкого поведения. И не слишком хороших манер.

Это оскорбляет её. Ужасно оскорбляет. Она не какая-нибудь служанка. Она — графиня. Она — особа приближённая к королю. Особа, которую король ценил. И не как фаворитку — Янжина ни в коем случае не была фавориткой Альфонса. С чего герцог решил так? В душе девушки вдруг поднимается такая злоба, которой она никогда в себе не могла помыслить. Ей хочется как-то ответить, как-то задеть, как-то проучить этого человека... Это у неё-то — недостаточно хорошие манеры? У неё — да она терпела самодовольство герцога, пока оно не перешло границу.

Девушка довольно резко встаёт и быстро, почти небрежно делает реверанс. Смотрит в тёмные глаза герцога. И чувствует, как гнев берёт верх над её попытками совладать со своими эмоциями. Она ещё старается держать себя в руках, но уже не может этого делать... Она разревётся, как дурочка, прямо на его глазах, если не выскажет ему сейчас всё, что она о нём думает. Она просто не выдержит этой пытки...

— Обязательно передам, сэр! — огрызается Янжина и почти выбегает из кабинета.

Задерживается лишь на несколько секунд. Чтобы успеть резко обернуться перед самой дверью и сказать язвительно: «Со своей женой, сэр, вы тоже так разговаривали? Неудивительно, что она умерла. Любой бы вашего характера не выдержал. Мне уж интересно, не покончила ли она собой, устав от вас?», после чего выбежать из кабинета, пробежать через все те залы, сквозь которые её вели, промчаться мимо старичка-дворецкого, который смотрит на неё с каким-то сочувствием, сбежать по лестнице, покрытой жёлтым ковром, а после — на улицу... И на улице, прислонившись к каменной колонне, зареветь в голос...

Ей безумно не хочется здесь оставаться и минутой дольше, но у неё нет сил, чтобы отцепиться от колонны и уйти. Поэтому она стоит перед самым замком герцога Рэйна и плачет. Янжина ненавидит себя за эту слабость. Но она ничего не может сделать. У неё на душе так безумно горько, что она не может заставить себя сделать и шага... Её тело будто парализовано. Она не может даже пошевелиться... Так и продолжает стоять, прислонившись к колонне, схватившись за неё, будто она — единственное, что не позволяет ей упасть в данный момент...

Она размазывает слёзы по лицу и чувствует, что не может остановиться... И ей уже почти всё равно, что о ней будут думать слуги этого проклятого герцога! Ей просто хочется, чтобы её отец был жив! Она не выбирала для себя эту участь! Она пришла к королю только потому, что больше ей не к кому было идти... И если все люди считают, что она фаворитка Его Величества, которой вдобавок доверяют служить кем-то вроде мальчишки на побегушках, то они очень ошибаются! Ей выпала возможность хоть как-то изменить это королевство, и она честно пытается выполнять свою работу. Разве не это требуется от человека, чтобы сделать лучше мир, в котором он живёт — честно выполнять свою работу?

Она со злостью смотрит на свой кафтан... Впрочем, скоро снова раздражается слезами. Ей почему-то вдруг становится очень жалко себя, хотя раньше такого не случалось... Она хочет к отцу... Хочет, чтобы в мире был хотя бы один человек, которому на неё не наплевать! Девушка с отчаяньем всхлипывает, с ожесточением пытается стереть рукавом

слёзы со своего лица, кое-как отходит от колонны, медленно, не слишком уверенно пытается уйти из этого места...

А потом прислоняется к другой колонне и снова даёт волю слезам, рвущимися, словно, из самого её сердца... Она уже не думает ни о короле, ни о государстве — мысли об этом помогали ей выживать, но сейчас они её полностью покинули... Ей вспоминается только отец — вспоминается его уставшее лицо, его почти полностью седые волосы, его добрые глаза... Она сама толком не может понять, что вызвало в ней это. Впрочем, и не считает нужным понимать...

Она просто размазывает слёзы по своему лицу, в раздражении сдёргивает ленту из своих волос, заставляя их рассыпаться по плечам, прижимает свою руку ко рту, чтобы не закричать от отчаянья и боли. Достаточно уже и того, что она ревет прямо перед замком герцога Рэйна. И всё же... Она просто не может остановиться... Янжина уже ничего не замечает — ни того, как падает на землю шёлковая алая лента, последний подарок её отца, ни того, как подкашиваются ноги и она оседает на землю, всё так же уцепившись за колонну, словно за последний оплот, ни того, как подбегают к ней дворецкий и сам Великий герцог, обеспокоенные тем, что произошло на улице...

Она уже ничего не замечает. Она уже дала боли захлестнуть себя.

Боль...

Что она такое?

Чем отзывается она в человеческих сердцах?

Злостью? Алчностью? Гордыней? Завистью? Безумной горечью? Неутолимой жадой?

Комментарий к II. Глава тридцать четвёртая. Жалость.

Канцлер Ги — Тем, кто сводит с ума

treasure (англ.) — сокровище

===== II. Глава тридцать пятая. Великодушие. =====

Жил на северном море один адмирал

Из породы весёлых да смелых.

От весны до зимы всё в морях пропадал,

Возвращался по сумеркам белым.

Я смотрела вослед из окна своего,

Лёгкий взгляд мимоходом ловила...

Только горные ведьмы любили его

Так, как смертным любить не по силам.

Только горные ведьмы любили его

Так, как смертным любить не по силам.

Адмирал горным ведьмам дарил жемчуга

И плясал с ними в мареве зыбком.

Но не знали они, что в седых берегах

Жемчуг стоит дешевле улыбки.

Адмирал уходил, не сказав ничего,

И, танцуя в ночном звездопаде,

Ведьмы горные жарко ласкали его,

Он смеялся с печалью во взгляде.

Ведьмы горные жарко ласкали его,

Он смеялся с печалью во взгляде.

И когда адмирал уходил на войну,
И корабль распрощался с причалом,
Ведьмы горные, плача, молили луну,
Чтоб дорогу ему освещала.

И враги говорили тоскливо и зло:
«Что за чёрт? Заколдован он что ли?!»

Просто горные ведьмы хранили его
От беды, от печали и боли!

Просто горные ведьмы хранили его
От беды, от печали и боли!

Я ждала, всё ждала на родном берегу,
Сердце билось подстреленной птицей.

Горной ведьмою стать я, увы, не смогу —
Остаётся лишь им поклониться!

Чтоб коварная смерть не таилась средь волн,
Чтоб глаза вдаль смотреть не устали,
Ведьмы горные, впредь берегите его
От воды, от свинца и от стали!

Ведьмы горные, впредь берегите его
От воды, от свинца и от стали!

Чтоб коварная смерть не таилась средь волн,
Чтоб глаза вдаль смотреть не устали,
Ведьмы горные, впредь берегите его
От воды, от свинца и от стали!*

В легендах писали, что со смертью Сонма всё закончилось. Всё то зло, которое они причинили, кануло в бездну — так писалось в легендах. Все те беды, которые произошли по их вине, исчезли, словно их и не было. Что все те злодеяния, совершённые ими, стали просто историей, которую лишь следует вспоминать, чтобы избежать повторения.

Константину думается, что всё совсем не так. Со смертью Сонма всё только началось. Тогда. И не заканчивается по сей день.

В легендах многое преувеличивали. Явно. Константин никогда в них особенно не верил. Верил Эдди. Верила Мира. Верила Эрна. Многие верили. Но ему самому всегда казалось, что всё было совсем не так. Даже если и были те люди — те безумцы и смельчаки, что решились бросить вызов вековым устоям, — разве не были они достойны хоть какого-то уважения? Да и смогли бы они разве сделать всё то, что о них говорили? На это не хватило бы и жизни. Впрочем, плевать. Какое дело Райну до глупых сказочек Эрны? Девчонки могут верить во всё, во что им пожелается. Они по природе своей суеверны и впечатлительны.

Пусть верят во всё, во что только хотят верить. Константину совершенно плевать, что именно это будет. Всё равно всё это — лишь глупые сказки для маленьких детей. Эдуард верил и в богов, и в природу — много ему это помогло? Почему это ему не помогло?! Почему брат Константина — добрый и тихий Эдди — теперь гниёт в могиле, а эта сволочь Луис Вилланд жив?! Почему ни один из его детей не мёртв и не болен?! Почему здорова его жена?! Почему сам он здоров?! Почему Константину каждый месяц, если не чаще, приходится видеть его наглую самоуверенную рожу?! Почему Райну приходится так часто видеть улыбку, что больше похожа на оскал, этого чёртова инквизитора?! Что же... Ничего.

Когда-нибудь Константину удастся стереть эту самоуверенную ухмылку с лица Луиса Вилланда. И парень уже прекрасно знает, как сделает это. Осталось только подождать. Ещё совсем немного. Константин ждал почти шесть лет. Ничего. Ещё один год он вполне способен потерпеть.

Лежать на траве было почти тепло. Светило солнце, на небе были лишь светлые облака, которые неторопливо проплывали мимо... Красота. Сколько Константин себя помнил, это всегда было до одури приятно — валяться прямо в траве и смотреть на яркое небо, жмуриться и смеяться. Только щебет птиц мешал ему сосредоточиться. Но это было ничего. Птиц Константин вполне способен потерпеть. Так хорошо лежать на траве, видеть спокойное красивое лицо Миранды, слышать её размеренное дыхание, каким-то внутренним ощущением понимать, что она усмехается, смеётся над ним. И он вполне готов ей это простить... Ему так хорошо лежать рядом с ней вот так, на траве, под высоким голубым небом, не думая больше ни о чём. Когда-то давно, ещё когда Эдуард был жив, Константин помогал ему в солнечную тёплую погоду выбраться из дома, а потом они вдвоём валялись на траве — Эдди, вечно закутанный в свой плед, и его младший братишка — и смеялись над чем-нибудь. Эдуард любил слушать пение птиц, любоваться природой. Самому Константину созерцание чего-то всегда было чуждо. По своей природе он сам всегда был деятелен. Стать только наблюдателем после смерти Эдди ему было так трудно... Но это было необходимо, он сам прекрасно это понимал. Не хватало ещё, чтобы смерть его старшего брата тогда оказалась напрасной. А Константин справится. Он горд и даже горделив, но наступить на горло собственным гордости и гордыни он вполне способен. Он не взбалмошный Эйбис Вейча, который говорит всё, что ему вздумается, только потому, что находит в этом способ себя развлечь. Константину пришлось стать даже скрытным, хотя до этого скрытным он никогда не был, стать почти отшельником, насколько это только было возможно в Академии. Ему приходилось быть со всеми — с каждым — безукоризненно вежливым и спокойным, пришлось позабыть то, что он, вообще-то, вспыльчив, гневлив до одури... Пришлось позабыть про свой скверный нрав, про свои детские мечты о будущем. Пришлось стать ледяным трефовым тузом — человеком, которого интересует только наука, которого невозможно разжалобить, растрогать... Он стал обычным человеком, который был ко всему, кроме себя самого равнодушен. Он стал тем человеком, которым всегда с самого детства боялся стать. Разве трудно ему теперь переступить через себя, если тогда — ещё шесть лет назад, будучи двенадцатилетним мальчиком — он перевернул, сломал, перевернул, выжег свою душу и самого себя? Разве теперь ему трудно переступить через свою гордыню — остаться безукоризненно вежливым даже после оскорбления, остаться внешне спокойным практически в любой ситуации, обдумывать самую жестокую месть с вежливой и спокойной улыбкой на лице. Он теперь это умеет. И почему-то гордится этим. Константин сам порой не может понять — чем он гордится в этом жизненно необходимом умении. Константину думается, что Миранда вполне способна одобрить это его умение — она тогда и сказала ему ревущему успокоиться. Она тогда помогла ему вытереть слёзы, собраться с мыслями. Она тогда отправила его в Академию... Он так благодарен этой девушке... За всю жизнь у него никогда не получится достойно отблагодарить её...

Константин поворачивает голову к ней, снова любуется её спокойным лицом. Его удивляет это в Миранде — её спокойствие... Сам он никогда не умеет быть спокойным. Его душа постоянно мечется, постоянно что-то ищет, о чём-то жалеет... Он ни минуты не может быть спокойным. Он постоянно чего-то боится, даже прекрасно понимая, что все эти страхи

глупы и ничтожны. Константину порой кажется, что найти столь же трусливого человека, каким является он, весьма трудно. Что же... Да, он, пожалуй, даже труслив порой. Это ничего. Главное — он жив. И когда-нибудь — до этого осталось совсем немного времени — он за всё отомстит.

Миранда поворачивается к нему, смотрит на него какое-то время, а потом смеётся и целует в лоб. Как целуют очаровательного ребёнка, который хочет материнского внимания. Почти снисходительно. И ласково. Этой ночью она целовала его совсем иначе... Она приподнимается на локтях, а потом садится. Снова смеётся. Потягивается и поднимает взгляд наверх — смотрит на это высокое голубое небо... И Константин снова дивится её спокойствию. У него самого никогда не хватало духу быть спокойным.

У Миранды все руки и ноги в синяках, ссадинах, шершавых мозолях. Пальцы рук у неё исколоты, а на костяшках виднеется сеть тонких едва заметных шрамов. На локте расплылось большое фиолетовое пятно. После этой ночи Константин понимает, почему девушка всегда закрывает свои руки, когда танцует. Мало кому приятно видеть синяки, царапины, ссадины, порезы. Мало кому. А Константину нравилось это видеть. Он всегда останавливался во внутреннем дворе их жилой зоны, чтобы лишний раз увидеть кровь и синяки Эйбиса Вейча — этого парня постоянно избивали, а он, кажется, был и не против — и Розы Эсканор — которая, почему-то, среди пятидесяти двух человек, что составляли команды трэф, пик, черв и бубнов, занимала второе место после Эйбиса по количеству царапин, порезов и других мелких повреждений. Ему всегда нравилось наблюдать за тем, как разбивает себе руки в кровь Вейча ночью, когда никто не видит, как рыдает взахлёб, просит срывающимся шёпотом некую Джулию прийти за ним, не оставлять его в одиночестве... Душераздирающие сцены. Вероятно, у Константина не было души, раз он смеялся над этим, тихо стоя в стороне. Ему всегда нравилось видеть, как тихо плачет Эниф Монтаганем над своей неудавшейся любовью, как комкает свои глупые записочки в худеньких пальцах, как прогуливается ночью по саду, что находится почти сразу за теми четырьмя домами, где им всем приходится жить... Ему нравилось видеть, как встаёт на колени, как молится о здоровье своей младшей сестрёнки Андэль... Только бессердечный человек остался бы к этому равнодушен. Вероятно, у Райна не было сердца, раз он спокойно стоял за каким-нибудь домом и слушал...

Он и сейчас был лишь сторонним наблюдателем. Он и сейчас лишь смотрел на смеющуюся танцовщицу Миранду. Не предпринимал ровным счётом никаких действий. Должно быть, это было жестоко — позволять этой девушке жить так, как она жила, с этими вечными погонями, с этой неустанной пляской смерти и пламени. Впрочем, должно быть, глупо даже пытаться как-то повлиять на неё. Она живёт только так, как хочет сама. С их первой встречи Константин сумел это усвоить... Это была одна из тех непреложных истин, которые нужно было знать о Миранде. Первая из них. Константин мог и сейчас их повторить. Она всегда свободна. Она не отдаёт поклоны даже в танце. Она врёт так же легко, как иные дышат. А убивает — ещё легче. Она любит танцевать. Она сентиментальна, её можно заставить посочувствовать. Но себя она жалеть никогда не позволит.

Она совсем не такая, как Мира... Она намного сильнее, умнее, дальновиднее... Она куда опаснее. Её голова не забита старинными песнями, она знает только то, что ей действительно нужно. Пожалуй, она одна из немногих людей, которым Константин позволит над собой насмеяться. Её он просто не может не уважать. Он чувствует, что эта девушка намного умнее его, намного лучше. Миранда... Строптивная танцовщица, что

некогда была аристократкой. Нет... Что аристократка и сейчас. Аристократы бывшими не бывают. В них всегда чувствуются те отголоски, слаще и хрупче которых нет ничего на свете. Эти полные гордости взгляды, полные собственного достоинства слова, эти уверенные движения, эти глаза, гордыни в которых плещется больше, чем во всех остальных людях...

Миранда умеет не только танцевать и петь. В их первую встречу она это доказала. Он был тогда ещё совсем маленьким мальчиком, только потерявшим единственного родного человека. Константин был тогда очень слаб. Ему было всего лишь двенадцать лет. Он бежал от того человека — от Луиса Вилланда. Он бежал, а перед глазами всё ещё стоял испуганный взгляд Эдуарда, сообразившего, для чего пришли те люди в деревню тогда... Сам Константин понял не сразу. Эдди тогда растолкал его, заставил очень быстро одеться, взять с собой какие-то вещи и спровадил через чёрный ход — никто в деревне не знал о том, что дедушка братьев Райнов когда-то давно вырыл не только погреб, но и небольшой ход, через который из дома выйти можно прямо в лес. Константин уже плохо помнил, как ревел, слушая непривычно жёсткий голос брата, уже плохо помнил, как пробирался через чёрный ход, как оказался в лесу... Он помнит только то, что потом он бежал — как и просил его Эдуард. Бежал неизвестно куда, надеясь только на одно — что те люди его не заметят, что те люди поймут, что Эдди оборотнем совсем не является, что оставят их семью в покое.

Те люди убили Эдуарда в ту ночь.

— Скольким людям ты перерезала глотки, Миранда? — как-то приглушённо выдыхает Константин, глядя на сверкающее лезвие в руках девушки, появление которого он, погруженный в свои мысли, не заметил.

Тонкий и узкий клинок в её руке смотрится весьма органично. Не то что, когда оружие в руки приходится брать Эниф — той девчонке только и быть сестрой милосердия в команде пик — или Мире. Или Эрне Хоу. Все трое с каким-либо оружием смотрятся просто нелепо. Иногда Константину хочется фыркнуть от смеха и спросить: эти девчонки хоть примерно представляют, что они будут с этим оружием делать? Эниф и Эрна, пожалуй, гипотетически представляют. Одной приходится постоянно латать раны Эйбиса Вейча, а вторая влюблена в легенды, в которых, если прочитать их, а не краткий пересказ, как поступил весьма сообразительный — как оказалось — Леонард Кошендблат, весьма много сражений, поединков, уличных драк, потасовок... И рыцарские турниры — девчонки же так любят читать о рыцарях. И читают, разумеется, самые глупые и неправдоподобные сказки, которые только возможно найти.

Миранда улыбается. Спокойно. В её позе, в её улыбке столько достоинства, сколько никогда не было и в десятке аристократов Академии. Она замечательная, удивительная, стойкая. Таких людей, как она, встретить слишком сложно.

Она прекрасна сейчас с этим оружием в руках...

У неё есть старший брат. Вечно хмурый, вечно растрёпанный Майкл. Часто подвыпивший. Постоянно шляющийся по борделям. Обычный придурок, которого Константину постоянно хочется придушить. Впрочем, наверное, самой девушке Райн никогда этого не скажет — та брата, кажется, весьма любила, хоть и сердилась порой за какие-то глупые проступки. Миранда порой кричит на него, порой может вlepить ему такую затрещину, что мало не покажется, но терпит все его глупые выходки. Впрочем, наверное, и сам Райн простил бы своему брату всё. И всё же её выдержке Константин поражён.

Эдуарду никогда не нужно было чего-то прощать.

Мира совсем не такая, как Миранда... Слабенькая, хрупкая подружка фальранского

князька... Наивная и милая девушка, которую так легко было бы сломать, переломить пополам... И которую ломать пока совершенно не хотелось. С ней было легко. Было забавно наблюдать за её смущёнными взглядами, за её подрагивающими плечами... Она вся была такая хрупкая, такая невесомая, воздушная, такая тоненькая... Её было жалко. Кажется, совсем недавно у Миры умерла мать.

Константин сам не знал, зачем подарил Андреас куклу. Это было как-то слишком странно для него самого. Ему просто захотелось... Константину казалось, что он способен мыслить весьма рационально, что глупыми эмоциями и желаниями его разум уже не должен руководствоваться. Ему почти обидно из-за той минутной слабости. Впрочем, теперь уже глупо о чём-то жалеть. Подарил и подарил.

— Больше, чем ты думаешь! — смеётся Миранда, выдыхая фразы прямо в его губы. — А перережу в будущем во много раз больше!

Константин смеётся ей в ответ. Почему ему сейчас так странно весело? Когда-то давно — до смерти Эдуарда — он был добрым ребёнком... Отзывчивым, весёлым, готовым помогать людям и любить их. Интересно, стал бы он столь чёрствым, если бы Эдди тогда не был убит? Быть может, всё пошло бы совсем иначе... Быть может, Константин уже закончил Академию и жил в той тихой деревушке, где они с братом жили. Он бы не строил планов мести... Он был бы глупым насмешливым мальчишкой вроде Эйбиса Вейча или забавным, вечно спешащим непонятно куда, вроде Леонарда Кошендблата.

— Трудно представить, что такая тоненькая и изящная девушка может убить любого мужчину!..

Подзадоривать Миранду — это занятие дарит Константину столь сильное эстетическое наслаждение, что он вряд ли когда-нибудь сможет от этого отказаться. Ему нравится видеть, как блестят её тёмные глаза, нравится видеть насмешливую улыбку на её губах, нравится чувствовать её раздражение, не переходящее в гнев, нет — этого бы Константин не пережил. Не потому, что ему было так дорого её хорошее расположение духа. Потому что она сама просто не оставила бы его в живых, если бы рассердилась на него по-настоящему. Он не её брат. Не Майкл, которому Миранда может простить всё, пусть и не всегда сразу. Он не тот человек, который по-настоящему дорог ей. И от этого почему-то Райну становится жутко больно и обидно.

Он слышал о ней с самого детства. Трудно не знать. Сколько было имён у Миранды Эстеллис — вряд ли кто-то знает наверняка. Одно из самых известных — Изольда тер Галлиантор, баронесса Луижсская и Фернольгарская. Кажется, это было её настоящее имя. Она всегда подписывала все важные бумаги именно им. А, может, это имя просто нравилось ей более других. Или с ним было связано что-то важное для этой девушки.

Огонь в глазах Миранды заражает. Она всегда могла заставить другого человека поверить в то, что она в данный момент верит и что чувствует или хочет, чтобы все думали, что она в это верит и чувствует это. Она всегда могла убедить в чём-то, как когда-то убедила и его... Эта девушка бывает странно красноречива тогда, когда ей это нужно. Совсем не такая, какой была Мира Андреас... Почему-то к незадачливой «королеве сердец» юноша стал питать какую-то странную жалость, какую-то необъяснимую симпатию. Она была маленькой обездоленной девочкой, тихой и милой. Совершенно безобидной. Никому в жизни никогда не причинившей вреда. Кроме Феликса Эсканора и Кристана Виланда — те двое дураков были влюблены в неё.

— Было бы трудно представить, если бы я убивала их мечом, — пожимает плечами

Миранда. — Я же знаю толк в ядах и кинжалах.

Он смотрит в её глаза. В её тёмные от азарта глаза. И ему вспоминаются светлые от стоящих в них слёз глаза Миры, когда Константин зачем-то выловил из воды браслет её матери. Чтобы она не хныкала, про себя замечает трёфовый туз. Больше всего на свете Райн не любит хныкающих девушек. Андреас хныкать перестала сразу же — сидела только, как-то шокировано уставившись на него. Червы... Что с них взять? Даже бубны с их пресловутой политикой неосуждения. Даже пики с их попустительством любых грехов со стороны кого угодно из их команды. Даже трёфы с их леденящим душу равнодушием.

— К тому же, и меч-бастард вполне неплох, когда нужно кого-то убить, — задумчиво прибавляет девушка.

Она осторожно проводит пальцем по самому лезвию, не надавливая на него, она кладёт руку Константина на кинжал. Райн с каким-то восторгом и ужасом смотрит на лезвие, на котором лежат сейчас его пальцы... Ему действительно хочется надавить своей рукой на это лезвие, хочется, чтобы на его руке появилась кровь. Его кровь. Константин Райн любит смотреть на кровь, на ссадины, на синяки и порезы. Константин Райн любит видеть страх в чужих глазах. И он действительно не может объяснить своего восторга. Он смотрит на Миранду и думает, что для того, чтобы поранить человека, хватит весьма несильного движения. Совсем лёгкого... Впрочем, взгляд Миранды становится чуть строже и тяжелее. Девушка осторожно убирает пальцы Константина от лезвия.

— Одна царапина, мой дорогой друг, и ты — труп! — смеётся она, отшвыривая кинжал в сторону.

Константин замирает. Ему страшно. И весело. Ему снова вспоминается по-детски испуганное лицо Миры. Вспоминаются её светлые кудряшки, её подрагивающие от волнения губы, вспоминается её взгляд в тот момент, когда он подошёл к ней тогда... Да, должно быть, Феликс был прав — эта девчонка в чём-то жутко похожа на ангела. Какой бред... Ангелов ведь не бывает.

И всё же... Мира похожа на ангела, какими их рисуют художники и иконописцы. Константин никогда особенно не интересовался искусством, но кое-что видеть и запоминать ему приходилось. Иначе ему никогда бы не получить грант. Как бы хорошо он не умел играть в шахматы. Он не мог себе позволить такой беспечности, которую себе позволял Эйбис Вейча. Как же порой Константин ему завидовал! Да, он был жутко завистлив... Не завидовать он мог, пожалуй, лишь Мери Земирлонг — вот кому уж точно пришлось куда сложнее, чем ему. Ещё порой ему становилось жаль Андэля. Он вспоминал его сухие глаза, в которых, должно быть, было столько же боли, если не больше, чем у самого Константина, когда он потерял Эдуарда. Иногда Райну становилось так больно и стыдно смотреть на Андэля — единственное, чем он мог помочь этому парню, было то, из-за чего Андэля могли травить в Академии. Чёрная магия. Во многих государствах это не каралось нисколько, но там, где находилась Академия магии, там, где когда-то находилась деревушка, где жили братья Райны... Там это было противозаконно. Там это каралось смертной казнью.

— Вот скажи мне, Миранда, кем мне лучше стать после окончания Академии? — задумчиво произносит Константин. — Ты умная, понимаешь больше, чем кто-либо.

Она берёт его лицо в свои руки, всматривается пристально... Смотрит своими тёмными глазами... Смотрит внимательно, словно боясь что-то упустить в его душе. Она словно читала его душу, словно видела его насквозь... Миранда снова целует его в лоб и отстраняется. Она качает головой и чуть грустно улыбается.

— Не знаю... — смеётся девушка. — Мне ты только в рясе и видишься!

И Райн тоже смеётся. Священник... Он никогда не смог бы им быть. Константин не способен поверить во что-либо, если он сам этого никогда не видел. Он не умеет верить людям на слово, он жутко презрителен, он привык осуждать всех, кто хоть в чём-то отступает от той модели поведения, к которой он привык. Профессия священника — не для него. Он никогда не смог бы надеть на себя сутану, он никогда не... До Константина вдруг доходит, что Миранда, скорее всего, говорила про рясу, которые носят инквизиторы...

Девушка хохочет и вскакивает на ноги. Ступает босыми ступнями по траве, улыбается... От её улыбки почему-то становится куда теплее на душе. Странно, что Константин столько времени думал, что души у него уже нет. А Миранда начинает кружиться — словно в каком-то необъяснимом и странном танце...

— Знаешь что, Константин? — произносит она мечтательно. — Знаешь, чего я хочу больше всего на свете?

Райн качает головой: откуда ему знать о том, чего больше всего на свете хочется Миранде? Он за себя порой бывает не в состоянии отвечать, куда уж за других. У него нет её проницательности. Он просто старается быть наблюдательным, бесчувственным, бесстрастным, как можно более справедливым. Трефы отвечают за справедливость. Они не пики, которых тузу нужно покрывать.

— Я мечтаю, Константин, о такой глупости, что и подумать страшно! — хохочет она, кружась по поляне. — Я мечтаю о том, чтобы увидеть наяву обожжённые руки того странного человека, что постоянно мне снится...

Почему-то он вздрагивает. Почему-то сердце его наполняется какой-то горечью, злобой, обидой и... скорбью... Почему-то он видит перед собой чьи-то синие глаза, смотрящие с какой-то насмешкой, почти издёвкой. Он вспоминает чьи-то светлые волосы, чей-то задорный взгляд, букеты из маков и незабудок в чьих-то руках... И имя... Девушка из его снов называла того человека Миром. Он словно был для неё всей Вселенной. А она для него была большим.

Константин пытается вспомнить лицо того человека, но может вспомнить лишь детали. Какое-то общее впечатление, что оставлял этот самый Мир... Он помнит глубокие насмешливые синие глаза, что светлели в минуты гнева или страсти, помнит усмешку тонких губ, помнит ровный ряд зубов, выбить пару из которых Райну постоянно так хочется, помнит кровавое пятно на спине того человека. И помнит перстень. Рубиновый тяжёлый перстень на безымянном пальце левой руки.

Время обычно бежит быстро тогда, когда хочется хоть как-нибудь растянуть момент, и тянется, когда хочется «проскочить» через него... Но, если приглядеться, его можно увидеть. Как и все другие вещи. Время можно прочувствовать, его можно коснуться... Оно так же осязаемо, как и всё на свете. Оно такое же, как та шаль, что подарена Деифилии тем странным типом, такое же, как те драные сапоги, что носил Танатос. Время такое же осязаемое, как и всё остальное. Нужно просто знать, как к этому прикасаться. Не хватать всё и сразу грязными руками, а прикасаться осторожно, нежно, ласково, боясь навредить... Ни в коем случае нельзя торопиться — иначе время просто выскользнет из твоих рук, оставляя лишь противный привкус непонятного ощущения.

Запах крови висит в воздухе. Металлический, противный, тягучий... Но такой привычный... Его тоже можно ощутить — он словно течёт сквозь пальцы, обжигая и доставляя странное, ни с чем не сравнимое удовольствие. Асбьёрну нравится осознавать тот

факт, что на его совести уже много жизней. Он искренне не понимает, почему Деифилия и Уенделл сжимаются каждый раз, когда им об этом кто-то напоминает. Йохан бледнеет, но смотреть начинает всегда с вызовом, почти радостно. Почти. Если бы Асбьёрн знал певца похуже, он бы обманулся. Нет, Йохан не испытывал радости от того, что является сильнее кого-то или выносливее, или умнее. Он просто считал это нормальным. И всё. Пожалуй, это не могло не казаться Асбьёрну — и остальным — странным, но, впрочем, странными из них всех были все. Так что... Йохану это было тем более простительно, так как средства на пропитание добывал им именно он.

Оборотень бежит. Пытается пересечь то огромное расстояние, отделяющее его от спасения. Оно, впрочем, не такое огромное, должно быть, как Асбьёрну сейчас кажется. Но даже это — не такое большое — расстояние нужно преодолеть. Нужно быть достаточно ловким, чтобы перепрыгнуть провалы, которых с каждой секундой становится всё больше и больше. Асбьёрн достаточно ловок. Он вполне способен перепрыгнуть через каждый из разломов. Поэтому его и попросили сделать это. Йохан из-за проблем со своими ногами передвигается несколько медленно. Танатос, в принципе, тоже мог достать эту штуку — вот эту, которую Асбьёрн держит в руке, несясь по разваливающемуся на глазах каменному полу. Но этот пройдоха Хейден — да, Асбьёрн будет называть этого придурка так назло, именно потому, что этому парню так не нравится — решил, что его жизнь несколько ценнее жизни оборотня. Что же... Когда-нибудь Асбьёрн припомнит это мерзкому выскочке.

Каменные плиты мелькают под ногами так быстро, что почти невозможно удержаться. Но Асбьёрн бежит. Бежит, стараясь не думать о том, что под ногами у него разверзлась целая пропасть, что сделай он хоть один неосторожный шаг — и его обезображенное мёртвое тело будет лежать где-нибудь там, внизу. Никакой эстетики, как сказал бы Оллин. Не то чтобы Асбьёрна очень беспокоила эстетика. Во всяком случае, эстетика, касающаяся его смерти. Он бы куда больше хотел жить — худо-бедно, но жить, — нежели помирать, даже если смерть его будет весьма красива. Куда лучше уродливая, безобразная жизнь, нежели красивая и — даже потрясающая — смерть.

Эта выходка могла стоить им троим жизни. Она и стоила бы, если бы Танатос вовремя не сообразил, что можно предпринять. Впрочем, вполне возможно, Деифилия, узнав об этой вылазке, прибьёт всех троих за дурость. Но... Танатос точно ей ни о чём не расскажет, даже если ему и жутко захочется похвастаться. Этот паршивец своей жизнью жутко дорожит. Йохан тоже вряд ли расскажет. Пусть ему и не понравились кое-какие действия Асбьёрна и Хейдена, из-за которых эта ситуация с ними произошла, это именно он вытащил их в этот странный склеп. Так что, в случае чего, Танатос и Асбьёрн всегда могут свалить на того большую часть вины. Танатос никогда не против на кого-нибудь что-нибудь свалить. У него всегда было достаточно косяков.

Бывший послушник Чёрного ордена порой бывает удивительно сообразителен. Ещё он нахал, подлец, жадина, себялюбив до одури и всё такое. И всё же, как бы Асбьёрн порой на него не злился, не уважать его мальчишка просто не может. Казалось бы — что такого важного было в Танатосе? Восемнадцатилетний выскочка и наглец, умеющий располагать к себе людей. Двенадцатилетний Асбьёрн никогда не понимал, что в этом паршивце все находили. Хотя... Сам же мальчишка за что-то уважал его... Танатоса можно было презирать, ненавидеть или относиться снисходительно, но какое-то странное уважение к нему проскальзывало у всех. Интересно, за какие такие заслуги. Хотя, наверное, в этой самой наглости и было дело. И в уме. Танатос всегда был необыкновенно умён, хоть и

научился потрясающе это скрывать. Интересно, зачем? Так что, благодаря «чернокнижнику», как его называли за принадлежность к Чёрному ордену и любовь к чтению всяких странных историй и заметок, они втроём доберутся до «лагеря».

Впрочем, именно благодаря своеволию Танатоса они здесь и оказались. Впрочем, как и вредности Асбьёрна. И любопытству Йохана. Деифилия точно этой вылазки не одобрит. Хорошо ещё, если с ней рядом не будет того странного белобрысого субъекта, что смотрит на неё так странно, когда она узнает. Нет, всё же — если она узнает. Надо попытаться всё это скрыть.

Бежать становится чуть легче, и у Асбьёрна от радости едва не начинает кружиться голова. Он, впрочем, старается ни на секунду не останавливаться — промедление может стоить ему жизни. Правда, тогда тот белобрысый субъект, увидев слёзы — если та, конечно, будет плакать о кончине своего младшего непокорного и язвительного братишки — Деифилии, обязательно каким-нибудь зверским способом убьёт Йохана и Танатоса. На это бы Асбьёрн был не против посмотреть. Хотя... Нет. Белобрысого он любил ещё меньше, чем этих двоих.

Добежал. Вот он, тот столб, который точно здесь не рухнет благодаря чарам «чернокнижника». Впрочем, до настоящего чернокнижника Танатосу было так же близко, как тому белобрысому голубоглазому нахалу до взаимности от Деифилии. Это Асбьёрна не могло не радовать. Мальчишка цепляется руками за столб и чувствует восторг, который так давно не посещал его. Йохан смотрит на ребёнка взволнованно, а Танатос лишь посмеивается. Впрочем, Асбьёрну уже всё равно. Он спасён. Спасён. Осталось совсем чуть-чуть — подождать, когда плиты снова восстановятся (подумать только, эта вся гадость периодически восстанавливается), и добежать уже до своих друзей. Мальчишка смотрит вниз и с удовлетворением замечает там чьи-то раздробленные кости. Подумать только — там мог бы лежать сам Асбьёрн, если бы чары не были наложены на этот столб.

— Танатос! — кричит мальчик. — Ты просто гений, хоть иногда и засранец!

И вот — каменные плиты снова появляются. Асбьёрн чуть-чуть медлит — кажется, «чернокнижник» говорил что-то про то, что нужно немножко подождать, прежде чем снова начинать бежать — и снова начинает свой путь. На этот раз он короче. Танатос смотрит на него с каким-то азартом — словно ставки делал на то, что Асбьёрн добежит. Этот «чернокнижник» бывает до жути азартен, хоть и старается лишний раз не просаживать деньги в кабаках. Впрочем, ещё он довольно удачлив. И вполне способен в хорошие дни выиграть деньги, на которые можно купить половину какой-нибудь деревушки. Зато в плохие дни Танатос способен просадить столько, сколько всей их нищей братии никогда не светит. Ну, разве что, когда выиграет эти деньги Танатос. Или когда белобрысый гад принесёт какие-то странные цацки Деифилии.

Ещё шаг — и Асбьёрна подхватывают под локти на удивление сильные руки Йохана. И вот — он уже стоит на твёрдой земле. Йохан хватает его за шиворот, отвечает подзатыльник, а потом обнимает. От Йохана всегда приятно пахнет. Мятой. Вот от Танатоса может пахнуть чем угодно — потом, кровью, едой. Часто от Танатоса пахнет хлебом. Притом — горелым. От Деифилии пахнет какими-то цветами, названия которых Асбьёрн никогда не знал. От белобрысого гада — Мира — пахнет золотом и сталью, властью, кровью и душами. Асбьёрн утыкается носом в плечо Йохану и чувствует, что готов разреветься, как малолетка. Притом — от счастья.

— Я, в первую очередь, засранец, мой дорогой Асбьёрн! — смеётся Танатос, подходя к

ним обоим и легонько щёлкая мальчишку по лбу. — А уже потом — гений!

Асбьёрну хочется лягнуть Танатоса ногой куда-нибудь в колено. И посильнее — этот грязный оборванец смеет ещё и спорить с Асбьёрном тогда, когда тот находит в себе силы как-либо теплее отнестись к Танатосу. Этот... Этот паршивец смеет утверждать, что гений он только потом? Да если Асбьёрн это заметил, это уже совершенно неважно. Музыкант вдруг тоже начинает смеяться и прижимает к себе маленького оборотня покрепче.

Мальчишке вдруг снова вспоминается тот белобрысый субъект. Драхомир, Мир, Драгоценный — как его только не называли. Во гад! Асбьёрну совершенно не нравится то, что этот — как бы его ни называли — околачивался рядом с его сестрой! От него пахнет душами... Этот голубоглазый — охотник на души. Подумать только — насколько это могло быть опасно для Деифилии! У той замечательная душа, пусть она иногда и бывает букой. Девчонки все такие. Но всё же Деифилия лучшая из всех них. Хелен Асбьёрн никогда девчонкой не считал — та была скорее товарищем по играм, которого трудно обозвать девчонкой. Но то, что Деифилия была девчонкой, дела не меняло — душа у неё была самая превосходная! Даже сам Драхомир это признавал — ух, как мальчишке порой хотелось всадить ему кинжальчик промеж глаз!

— Мелкий, ты к его словам прислушайся! — хохочет Йохан. — Гений он в исключительных ситуациях, а засранец он постоянно!

Они смеются. Теперь всё позади. Всё то, ради чего и была совершена эта потрясающая глупость. Как бы этот Мир про всё это не узнал... Асбьёрну тогда крепко от него достанется — за то, что сестра мальчика могла бы переживать из-за исковерканного трупа младшего несносного братишки. И вовсе неправда, что Асбьёрн несносный. Несносный в их братии именно Танатос. Ну и Драхомир — просто невозможный ублюдок. Остальные из них люди вполне так даже ничего. Чаще всего. Иногда... Изредка бывают.

Йохан... Йохан Асбьёрну нравился — спокойный, умный, рассудительный, добрый. Он никогда не приставал к Деифилии. Даже в шутку. Пожалуй, Йохан был самым умным и ответственным из всего «Сонма». Да уж... Глупую шутку Танатоса, разумеется, все оценили. Какой из них — тринадцати — сонм? А уж тем более — Сонм. Сонм — это когда хотя бы тысяча участников. Ну, хотя бы сотня. А не тринадцать. Из которых три инвалида, три девушки и один подросток. Хотя, конечно, да — дел они творили предостаточно. А та глупость была сказана Танатосом в то время, когда им всем пришлось сжигать какую-то деревушку. Из-за чудовищных карточных долгов горе-чернокнижника. Можно было и сонмом назваться. Сонмом саранчи. Кто знает, потянут ли они что-то большее?

Комментарий к II. Глава тридцать пятая. Великодушие.

*Канцлер Ги — Горные ведьмы

===== II. Глава тридцать шестая. Скорбь. =====

Тихо дремлют боги
В духоте безгласной,
Звезды с небосклона
Падают с песок.
А душа в дороге,
В сумерках неясных,
И от предсказаний
Кровь стучит в висок...
И хоть не видно ничего

В дыму и грохоте битв —
Всего один простой исход
Мне ведом:
Что ты оставишь для врагов
Лишь горечь скорбных молитв,
А сам познаешь торжество
Победы.
Не ответят боги,
Просто или сложно
Быть опорой трона —
Ты узнаешь сам.
Власть — удел немногих,
Оттого, возможно,
Так идет корона
К рыжим волосам.
И видеть я тебя готов
В стальном мерцании спиц:
Ты мчишься ветром по чужим
Дорогам.
От моря топких берегов
И до нубийских границ
Ты будешь равно и жрецом
И богом.
Тяжелеют веки
От видений груза:
Может, все приснилось,
А быть может — нет...
Кто бы мне ответил —
Развязал бы узы;
Но молчит Озирис
И смеется Сет.
И ничего не разобрать —
Ни слов, ни числе, ни лиц:
Лишь только ты летишь вперед.
А следом
Мир будет рваться целовать
Следы твоих колесниц,
Что пролетают между Тьмой
И Светом.*

В королевстве Анэз порой случались эпидемии и раньше. И часто они были весьма разрушительны. Лет пятнадцать назад вот так же два крупных города почти целиком «сгорели» из-за оспы. Страшная болезнь, всё-таки. Как и холера. Чумой, к счастью, в королевстве уже давно — несколько столетий — никто не болел. Правда, эта хворь встречалась во многих других королевствах и герцогствах. Наверное, ехать туда даже не во время эпидемии было опасно. Впрочем, Георг Хоффман, этот самодовольный выскочка,

некогда не имевший ни титула, ни денег, ни связей, не раз ездил. И каждый раз возвращался живой, здоровый и ещё более самодовольный. Граф Хоффман раздражал. Многих, по правде говоря, раздражал. Где только Делюжан откопал такого молодца? Кажется, настоящее его имя было Джордж Блюменстрост. В его глазах была та тьма, которую Феликс искал в каждом человеке, что только пересекался с ним. Но что-то с этой тьмой было не так. Георг Хоффман был сильным человеком. И умным. И обаятельным. И что-то в нём было такое, что заставляло даже самого влиятельного человека признавать его равным себе. А то и выше — по всем категориям. Пожалуй, нельзя было не уважать графа за это. И Кордле уважал. Уважал искренне. Но никак не мог заставить себя относиться к казначею лучше.

Феликс чувствовал в этом человеке что-то такое, чего ни за что на свете не желал признавать. Ни в себе. Ни в людях, которые могли бы быть его друзьями. Даже в своих врагах он не хотел бы видеть этой всепоглощающей боли, заставляющей человека сходить с ума, не видеть мира вокруг себя, жить какой-то бесконечной войной с самим собой.

Весь город был охвачен этой напастью, словно пожаром. Хворь. Болезнь, что распространялась так быстро. Многие люди уже заболели. Кто-то болел сейчас. И болел тяжело — в состоянии, когда сознание ещё не покидает, когда разум ещё не смог отделиться от тела. И ровным счётом ничего не помогало. Ни магия, ни лекарства — не помогало ничто. С каждой улицы слышались стоны заболевших. Слабые, жалобные, просящие какой-то милости... Последней милости, наверное.

Сколько людей уже умерло от этой лихорадки? Сколько ещё умрёт? И будет ли среди них племянник короля Анэза — герцог Феликс Кордле? Говорили, кто-то после этой болезни выживал... Но слабость оставалась ещё некоторое время — сколько именно, пока что никто не знал. Прошло слишком мало времени с начала этой эпидемии. Что это была за зараза? Как её было лечить?

Не бойся не выиграть в этой захватывающей игре — жизни...

Уже который день Феликс Кордле не мог найти в себе сил, чтобы просто подняться с постели. Как только он пытался привстать или даже просто лечь поудобнее, тело не слушалось его. Феликс мог говорить что угодно про то, что он чувствует себя не так уж плохо, но любой, кто зашёл бы к нему сейчас, сказал бы, что Кордле просто пытается храбриться.

Жар ни на минуту не отпускает его — подумать только, он готов отдать всё на свете только за минуту покоя... Феликсу хочется только того, чтобы ему стало лучше. Больше никакие мысли его не занимают. Ему хочется лишь облегчения, избавления, если вам так угодно.

Хотя, наверное, всё-таки, есть ещё мысли, которые имеют для него значение сейчас.

Он совершенно один в комнате. Лекарь заходит к нему раз в сутки. Больше никто. Ни мать, ни отец, ни сёстры — на него всем плевать. Он не может лишний раз даже пошевелить рукой. Ему ужасно тяжело лежать просто так в своей постели и чувствовать, как медленно течёт время для него в данный момент. Ему хотелось бы взять в руки книгу или что-то ещё, пусть он и чувствует, что сил прочесть её у него не нашлось бы. Ему хочется, чтобы хоть кто-нибудь сидел рядом с ним в комнате, гладил его по голове и рукам, успокаивал, говорил, что нужно потерпеть ещё совсем немного, прежде чем болезнь отступит, прежде чем наступят покой и выздоровление... Но никого нет рядом. Вряд ли кто-то войдёт в его комнату — он сам до этого часто выгонял своих родственников отсюда.

Когда-то давно он переболел и оспой. Чудо и только, что выжил. Ещё большее чудо —

что на его лице не осталось ни одного следа этой страшной болезни. На руках, на спине, на груди и ногах — где угодно. Но только не на лице. Впрочем, может быть, это была и не оспа вовсе? Феликс видел людей, что переболели ею. Без жалости на них нельзя было взглянуть. Почему же он переболел этой хворью — лекари и мать говорили, что именно ею, а не чем-то другим — и не имел такого количества рубцов? У его сестры Эдит остались жуткие рубцы на лице. Но у Феликса шрамов практически не было — немного на спине, немного на груди, не больше шести-семи на руках и ногах. И ни одного на лице.

Не бойся оказаться чудовищем — беспощадным и глухим к мольбам.

Эдит... Его драгоценная младшая сестрёнка... Даже ей он не был нужен в таком состоянии. Даже она не приходила к нему. Ни разу не пришла. Ни разу — за все пять дней его болезни. Феликс чувствует себя брошенным, он кое-как комкает своими худыми длинными пальцами белую тонкую ткань своей рубашки... Болезнь измотала его. Сделала мнительным, раздражающимся из-за пустяков. Как бы ему хотелось, что бы всё поскорее закончилось.

Он едва видит хрупкую фигурку, появившуюся в двери. Кордле не сразу понимает, кто к нему вошёл — ему думается, что зашла очередная служанка, которой приказано помочь ему улечься на подушках удобнее и проследить, чтобы он выпил ту гадкую микстуру, которой его пичкает доктор Морган. Феликс уже пытается поднять руку, чтобы в последний момент дёрнуться и опрокинуть гадкое лекарство, но вдруг замечает, что у его постели вовсе не служанка. Мать, — думается ему. Он недовольно хмурится. Ему не хочется видеть её сейчас. Не хотелось видеть презрения в этих некогда родных синих глазах. С той поры, как ему исполнилось семнадцать, мало кто смотрел на Феликса Кордле иначе. Ему не обидно. Нет. Ни капли не обидно. Скорее, самому противно. И немного смешно.

Феликс уже готов прогнать из своей комнаты мать... Но это всего лишь Эдит. «Бедняжка Эдит», «дурнушка Эдит» — так её называли. Его милая безобидная сестрёнка. Бедная девочка, лицо которой исковеркано оспой. Бледная, вечно уставшая — на ней держалось большинство домашних хлопот герцогского дома Кордле. И часто ей не давали даже выйти к гостям на приёмах. Оспа сделала из неё дурнушку. И Феликсу было безумно обидно за сестру.

— Эдит... — обессиленно стонет герцог. — За что мне такое наказание?

Он едва может пошевелиться. Его спина, его руки, его ноги жутко болят. Он практически не может как-либо изменить положение своего тела. Он прикован к постели. Только сейчас Феликс сумел понять, что именно означает это выражение. До этого он никак не мог понять его... Герцог пытается протянуть руку, чтобы коснуться пальцев сестры.

В комнате жарко, темно и душно. Если бы Феликс мог сделать хоть что-нибудь — он открыл бы окно. Доктора говорят, что для больных людей полумрак полезен, но уж лучше бы была совсем темнота или слепящее солнце, чем что-то посередине. К тому же, все отчего-то боялись сквозняков. Но любой сквозняк лучше этого спёртого воздуха. Кордле постоянно казалось, что он задохнётся здесь в этой комнате раньше, чем болезнь добьёт его.

Его рубашка пропиталась его потом. Должно быть, Эдит противно даже входить в комнату к брату, не то что подходить близко к нему. Ему самому противно осознавать то, что с ним сейчас происходит. Больше всего Феликсу Кордле не хочется умирать здесь. Но Эдит не показывает виду, что ей противно находиться с братом в одной комнате. Она вздыхает тяжело и берёт его за руку. В последний момент Кордле приходит в голову, что правильнее было бы её одёрнуть — болезнь заразна. Но одёргивать так не хочется — Эдит

единственный человек, кроме врача, который коснулся его за это время.

А ведь она религиозна... Не то, что Феликс. Более того — она набожна. И очень доверчива. Кордле всегда было жаль её. Не имея больше других утешений в жизни, других радостей, она молилась, занималась всеми домашними хлопотами, возилась с племянниками и племянницами... Тихая, незаметная и незаменимая. Феликс никогда не знал, что делал бы без неё.

Не бойся оказаться тем, кого все ненавидят и презирают.

Феликсу ужасно стыдно, что он не выдержал свою руку — она может заболеть. Он никогда не простит себе этого — ни на этом свете, ни на том. Эдит слишком слаба здоровьем и вряд ли сможет перенести всё это. Феликсу ужасно стыдно. Но он прекрасно понимает, что и сейчас бы не смог выдернуть руку. Ему слишком плохо сейчас, и Эдит — его единственная надежда.

Кордле ищет в ней утешение, так необходимое ему сейчас. Он ищет то, чего никогда не найдёт в ком-либо ещё. Он одинок... Во всей вселенной нет больше человека, которому он был бы безразличен. Эдит — единственная. Как когда-то для Йохана единственной была Елисавет.

— За распутную жизнь, Феликс, — произносит девушка и садится рядом. — Совсем плохо?

Он не понимает... Не понимает её доброты. Зачем всё это? Разве не бессмысленно? Разве он не заслуживал всего, что с ним происходило? Разве нужно было его жалеть? Да, для самого Феликса это было почти что жизненно необходимо, но... Разве он заслуживал её доброту? Эдит... Добрая дурнушка Эдит... Почему никто не понимал, что она куда лучше, куда совершеннее всех этих красавиц королевского двора? Почему никто не понимает, что Эдит куда больше заслуживает счастья, чем все те люди? Если бы Феликс имел на это право, он обязательно женился бы на ней.

Но он был просто её никчёмным братом.

Он цепляется за её руку, как цепляется умирающий человек за свою последнюю надежду. Она и есть его последняя надежда. Ему будет ужасно плохо, если Эдит сейчас уйдёт. Феликс так ужасно себя чувствует... Жар... Ему бы забыться. Впрочем, он, видимо, и без того бредит. Кордле никогда в другом состоянии не позволил бы себе этих всех мыслей.

— Ты даже не представляешь, насколько, — стонет Феликс Кордле, опускаясь на подушки.

Представляет... Она представляет. Феликс всегда знал, что его сестра — самое терпеливое существо во всей вселенной. И тогда, в детстве, она переболела оспой. Кому, как не Феликсу помнить, насколько ей было больно.

Она смотрит на него понимающе. И с благодарностью. Тогда, двадцать лет назад, он заразился от неё оспой, когда вот так пробрался к ней в комнату. Тогда... Неужели, она помнит? Неужели, помнит тот день, который он провёл вместе с ней? После этого дня Феликс заболел. А сейчас он надеется, что Эдит не заболеет, заразившись от него.

— Ох... Боги наказывают тебя, Феликс... — с сочувствием произносит Эдит, нежно глядя Феликса по голове. — Это значит, что они тебя любят.

Жалеет. Жалеет его! Его — человека подлого и развратного, которого никто уже на свете не любил. Жалеет... Какая же она добрая... Почему она такая добрая?! Феликса это безумно злит. Он не заслуживал этой доброты! Он куда больше заслуживал того ледящего презрения, с которым к нему относились все остальные. Феликс сжимает пальцы Эдит в

своей руке слишком сильно — девушка едва заметно хмурится и едва сдерживает стон. Только это заставляет Кордле разжать свои пальцы. Причинять ей боль ему совершенно не хочется...

Знаешь, почему?

Эдит тяжело вздыхает и начинает гладить его по голове, перебирать его спутанные, слипшиеся от пота волосы. Понимает... И от её понимания становится ещё более горько. Как ей не противно касаться его сейчас? Он ведь порой был так непростительно жесток к ней — словами, своими насмешками и язвительными замечаниями...

Смеялся не над её внешностью — нет, этого он никогда себе не позволил бы. Смеялся над её набожностью, над её религиозностью. Сам он никогда ни во что не верил. Считал себя выше всего этого. И ужасно гордился этим. Но Эдит верила. Мать как-то говорила, что верит и молится сестра Феликса так истово просто потому, что больше у неё никогда в жизни не будет ничего другого. Эдит вряд ли когда-нибудь выйдет замуж. Вряд ли когда-нибудь родит ребёнка. Она обречена вечно быть приживалкой в доме брата или сестёр.

— Уверю тебя, сестра — им плевать на меня, — пытается рассмеяться герцог. — Вам всем на меня плевать. Я не нужен никому из вас.

У неё лицо всё в рубцах от оспы. Несправедливо, что эта болезнь не пощадила её красоты — в детстве она была необыкновенно красивой девочкой. Несправедливо, что эта болезнь пощадила его лицо. Это он должен был оказаться на её месте. Но всё случилось так, как случилось. И за это Феликс почему-то чувствовал себя жутко виноватым перед ней, хотя вины его ни в чём не было. Он был виноват только в том, что оспа не изуродовала и его тоже.

Мать и отец считали это чудом. Феликс считал чудовищной несправедливостью.

— Не говори так, — ласково бормочет Эдит. — Ты всем нужен, Феликс... Ты мне нужен.

Оба они знают, что правда — лишь последнее. Никто больше не был и не будет к Феликсу Кордле так добр, как была добра его сестра. Всем остальным на него плевать. Он — лишь наследник огромнейшего состояния. И его сестра Розалинда будет лишь счастлива его смерти — если Феликс умрёт, всё состояние достанется её старшему сыну. В семье Кордле нет сыновей, кроме Феликса. Виолетта тоже будет рада смерти брата. Он порядком портил порой ей жизнь. Только Эдит была так добра к нему, что не держала зла за все те гадости, произнесённые Феликсом в её сторону...

Он хватается рукой за рукав её вязанной кофты. Цепляется своими тонкими пальцами. Она — единственный человек, которому он нужен. Наверное, поэтому он всегда так старался проводить с ней больше времени, чем с остальными сёстрами. В детстве Розалинда и Виолетта даже обижались на него. Потом им стало плевать на него.

Обе — красавицы. Обе легко вышли замуж. Им никогда и не нужна была поддержка брата. Сколько Феликс их помнил — они всегда держались вместе. Красивые, язвительные, насмешливые — в этом они всегда были похожи. Феликс сам был точно таким же. А Эдит... Эдит всегда была добрее их всех. И дело было не в её уродстве. В детстве она тоже была добрее их.

Потому что каждый в этом мире — чудовище.

Он тянется к ней рукой, хочет снова сжать в своей ладони её тонкие пальцы. И одновременно боится это сделать. Он — словно капризный ребёнок. Ребёнок, который сердится на то, что ему чего-то не дали. Ребёнок, который устал, которому плохо, который

боится сделать что-то не то. Он почти плачет от жалости к самому себе и от ужасного чувства вины.

А Эдит всё гладит его по голове, всё перебирает его спутанные волосы. И он постепенно забывается... Проваливается в душную темноту своих снов. Феликс надеется на то, что из-за этого ему станет хоть чуточку лучше. Он смутно чувствует, как Эдит осторожно переворачивает его за чем-то набок. Он совершенно не понимает, зачем она это делает.

Странник кутается в свой шерстяной плащ и недовольно смотрит на девчонку, которая следует за ним неотступно. Тьма и холод — вот два явления, что следовали за ним всегда. И рыжую глупую девчонку он в одном ряду с ними видеть не хочет. Он, вообще, не желает видеть рядом с собой людей лишней раз. Все его беды были из-за людей. Все. Из-за их алчности, глупости, непонимания собственного же блага. Странник не любил людей. Впрочем, вряд ли он кого-либо теперь любил. Его раздражало всё на свете. Он порой мог думать только о том, как сильно болят его ноги — с самого детства он мучился из-за этого. Бард едва мог нормально идти. Девчонка, следящая за ним, его жутко раздражала. Он не хотел бы видеть кого-либо рядом с собой, но она зачем-то последовала за ним, зачем-то убежала из своего замка. Бард едва волочит ноги, раны его болят и некоторые гноятся, за что ему такое наказание в виде этого несносного ребёнка?!

Девочка — дочка хозяина той крепости, в которой он пел ещё совсем недавно. Худенькая, бледная, нарядная. Птичка-певунья, которой стоит оставаться в своей золотой клетке, чтобы ястреб не сгрёб её своими острыми когтями. Глупый, глупый ребёнок... Зачем она шла за ним? Шла за бардом, для которого уже давно не осталось ничего святого...

Он старается не оборачиваться и просто идти — девчонка когда-нибудь устанет, замёрзнет и захочет домой. Тогда странник и поможет ей добрести до ближайшей деревеньки или до ближайшего городка, чтобы оттуда она могла потом отправиться в свой замок. Барду совершенно не хочется с ней возиться. У него своих хлопот довольно. Впрочем, пожалуй, его хлопоты для него закончились больше десяти лет назад. Со смерти Деи. До этого у него было много хлопот... Одеть эту шумную братию, накормить их всех, выделить деньги на уплату возмещения ущерба тем, чьё имущество будет снесено буйным Асбьёрном, бард так и не отучился про себя постоянно называть того «маленьким» или «ребёнком», горделивым Танатосом или раздражительным Драхомиром. От остальных таких проблем возникало, пожалуй, в разы меньше. К счастью, проигрывался в карты Танатос не так уж часто, в основном, ему весьма везло. Да и Драхомир играл весьма неплохо. Эх... Да... Вот тогда у странника было полным полно всяких разных хлопот. Но он был счастлив тогда. Те люди были его друзьями. Какие бы проблемы они порой ему не приносили.

За те пятнадцать лет, которые он был совершенно один, бард полностью отвык от того, что рядом с ним может кто-нибудь оказаться больше, чем на несколько дней. Девочка была примерной ровесницей Эмили — его дочери, которую он оставил у своей сестры, когда девочка была ещё совсем крошкой. От своего образа жизни — от постоянного хождения, нищеты, от холода, боли и грязи он никогда не сможет отказаться. Страннику больно даже думать о том, что когда-нибудь он перестанет ходить вот так вот — от одной цитадели к другой, что когда-нибудь перестанет хрипло петь свои «глупые сказки»... Барду куда легче смириться с тем, что у него в жизни нет ни единого человека, которому он был бы хоть сколько-нибудь дорог, нежели с тем, что когда-нибудь эта его полностью ото всего свободная жизнь может закончиться. Разве есть хоть что-нибудь слаще абсолютной свободы? Идтитуда, куда хочется идти, не видеть тех, кого хочется скорее проклинать, чем

относиться доброжелательно... Разве в этом не была вся его жизнь?

Немного подумав, странник останавливается, ожидая, что девчонка подойдёт к нему ближе. Что осмелится на это. Осмелилась же она, в конце концов, убежать из своего замка и отправиться неизвестно куда за странным человеком, что пел пугающие сказки? Для странника эти сказки были жизнью. Настоящей жизнью. Всё, что он рассказывал, так или иначе происходило. В основном — иначе. Бард любил приукрашивать. Танатос говорил, что в этом его небольшая слабость и их общая сила. Потому что их несколько... побаивались. После его-то выдумок. Пожалуй, далеко не все злодеяния их весёлой и шумной братии были на самом деле такими масштабными. Пожалуй, многое он, действительно, сильно преувеличивал. Ребятам это нравилось. Особенно Танатосу. Всем нравились эти глупые сказки, в которые странник давно уже верил сам. Они были красивы, кровавы, блестящи. В них и была вся жизнь искалеченного барда. В них была вся его радость. И в них же было всё его горе.

— Зачем ты делаешь это? Зачем ты идёшь за мной? — хмуро спрашивает мужчина. — Маленьким девочкам стоит оставаться в замке своего отца, а не идти вслед за человеком, не имеющим ни денег, ни имени...

Девчонка недовольно хмурится — про себя странник замечает, что она всё-таки осмелилась подойти к нему достаточно близко. Рыжая, слишком худая и нескладная — ему было почему-то её очень жаль. Глупый ребёнок, что решил идти за ним... Зачем? Сидела бы в своей крепости, болтала бы со своей подругой — той острой на язык высокой темноволосой девушкой, которой было так любопытно, где именно странник был искалечен.

— Вы имеете имя, — пожимает плечами девчонка, Елисавет, кажется, — но почему-то не желаете его произносить вслух.

Имя... Да, когда-то оно у него, пожалуй, было. Нет. Оно точно у него было. Когда-то давно его звали Йохан. Так назвал его отец. Так его звали те четырнадцать лет до той изменившей его судьбу встречи. Под этим именем узнал его Танатос. Под этим именем в четырнадцать лет он стал частью чего-то грандиозного, великого, что только мог выдумать бывший послушник Чёрного ордена. Йохан, Танатос и Хелен — так они начали свой путь. Под этими именами. И сам странник в то время ещё был дорог самому себе... Сейчас уже нет. Сейчас уже его жизнь подходила к своему логическому завершению — в какой-то канаве или просто на голой земле.

Имя... Когда-то давно он любил примерять на себя многие имена. Как он только себя не называл... В одном из трактиров лет двадцать назад он назвал себя Либором. Кажется, тогда он ещё повздорил с Танатосом из-за того, что тот проиграл в карты крупную сумму. Либор... Кажется, это имя в переводе с какого-то там языка — Йохан всё равно знал многие из них — означало «свобода». Как же это, всё-таки, забавно.

Всё это было так давно... Теперь у него нет имени. Ни одного из них. Теперь ему это не нужно. Теперь он просто бард, просто странник, просто нищий певец, просящий подаяния. Он лишился права называть кому-либо своё имя. Лишился права называть себя так. Сейчас он лишь тень того человека, которым был когда-то. Теперь у него постоянно болят ноги. Он почти не может ходить. Но постоянно идёт, наплевав на всё. На всё, кроме памяти, которая у него осталась.

У Йохана худое и обветренное лицо. Должно быть, весьма некрасивое. Он привык ходить почти что постоянно. Он всю свою жизнь провёл, бродя по этим невиданным просторам. Просто когда-то давно Отступник был не один. Одиночество слишком сильной

болью отзывается в его сердце. Режет, словно тупым ножом. Иногда Йохан завидовал Танатосу — тот по природе своей мог быть один. Йохану никогда не подвластен был этот дар. Лица мёртвых друзей проносятся перед его глазами каждый раз, когда он пытается заснуть. Асбьёрн... Этот вздорный мальчишка, что умер первым, убив их самого злейшего врага. Этот гневливый ребёнок никогда не мог не утащить кого-то в Бездну за собою. Потом погиб Оллин. Человек, который всегда казался изнеженным и расслабленным. Он защитил Йохана тогда. Закрыв собою. И был убит. Хелен погибла третьей. Прорвалась. Заколола жреца. Отомстила. Киар и Калэйр погибли почти одновременно. Йохан видел лишь их мёртвые тела. Обезображенные тела. Он был в другом месте в момент их гибели. Уенделл. Он был следующим. До чего же страшная смерть — он заживо сгорел. Йохан до сих пор не может вспоминать его криков без содрогания. Изар и Лилит подорвали себя вместе с той крепостью, в которой находилась в тот момент большая часть их противников. Саргон в той битве погиб последним. Был заколот. Справедливый и честный — он даже подумать не мог, что кто-то посмеет заколоть его из-за спины. Потом сбежал Ратмир. Сбежал... Не дождавшись суда. Йохан уже не винил его — любой поступил бы так же. Просто у самого барда никогда не было такой возможности — он был почти что калекой. Потом был суд. Приговор. Страшный приговор. Для всех них. Сам Йохан, Танатос и Деифилия оказались заперты в «карманной вселенной» — страшном орудии пыток. Драхомир оказался в тюрьме. Якобина фон Фюрст — вот было имя той женщины, что должна была пытать его. И это было вдвойне страшно, ибо что может быть хуже отвергнутой женщины? «Чернокнижник» предпочёл всадить кинжал себе в сердце, когда понял, что втроём они обречены на гибель от голодной смерти. Деифилия умерла позже — случился выкидыш. И лишь в последние минуты своей жизни она призналась, что... Нет, вспоминать об этом слишком больно. Йохан не будет этого делать.

— А смысл его произносить? — вздыхает он — человек, обрекший себя на жалкое существование, — и как-то тяжело смеётся. — Все те, кто мог бы меня называть моим именем, либо мертвы, либо в заточении. Либо предатели. Меня некому называть моим старым именем. Поэтому я предпочту все наименования, которые присущи моему роду занятий.

Да... Так будет вернее. Он всего лишь бард. Лучше будет, если это светлое дитя не будет и знать, что когда-то смело знать и видеть Отступника Йохана. Что бы там ни было — Сонм не совершил ничего, что было бы слишком губительно для их мира. Напротив — они спасли его. Спасли. И оказались совершенно не нужны. Потому что люди ещё были не готовы принять то, что было для них сделано. Тогда это был единственный выход. И не вина Сонма, что не было времени на то, чтобы пытаться кого-то в этом убедить. Они просто сделали — перевернули, разрушили, сожгли. Они зажгли солнце. И хоть кто-нибудь был им за это благодарен? Никто бы не выжил, никто — так разве не даром небес были их попытки расшевелить это всё? Людей осталась лишь небольшая горстка — это не беда. Беда была бы, если бы никого не осталось.

— «Странник»? «Бард»? «Нищий»? — смеётся девчонка, продолжая за ним идти.

«Отступник. Предатель. Проклятый.» Девочка не угадала. Эти три имени шли ему куда больше, чем то, что она озвучила. Нет, он никогда не считал себя нищим. Кое-какие деньги он всегда мог добыть. И добывал. Пел, воровал, подрабатывал в... Не стоит даже вспоминать об этом.

А девчонка красива... Миловидная, улыбчивая, с умными смеющимися глазами. Глаза

— самое важное в человеке. Нет — в любом существе. Вот у Танатоса, Асбьёрна и Хелен в глазах была война. Весёлая, с каким-то безудержным хвастовством и глупым геройством — у Танатоса. Гремящая, кровопролитная, тяжёлая — у Асбьёрна. Кровавая, но какая-то до жути торжественная — у Хелен. У Деифилии в глазах всегда были снега Интагара... У Уенделла и, должно быть, самого Йохана — вечная дорога. Лилит, Изар, Калэйр — в их глазах всегда была непроглядная тьма. У Оллины — высокое синее небо. У Саргона — золото монет и сталь клинка. Он из них всех всегда был истинным королём. Пусть лидером всегда и являлся Танатос. А у Драхомира в глазах отражалось всё. Вся вселенная. Он и был всей вселенной. Для всех них. И для своего отца — тот не свидетельствовал на суде против своего любимого сына. Йохан видел всепоглощающую боль в его глазах. Но он не отрёкся. Мать Драхомира заплакала и отрелась от сына. Отец — нет. Он смотрел на своего ребёнка до последнего и в момент оглашения приговора попросил смягчить участь своего сына. Йохан бы всё отдал за то понимание, которое он увидел в глазах старого Киндеирна.

Зачем девчонка шла за Йоханом? Тот никак не мог этого понять. Вот был бы он красив, как в молодости — понятно. Тогда молодой Отступник купался в любви и внимании женщин. Ему это нравилось. Ему было хорошо... Но сейчас его волосы были тронуты сединой, ходить он мог едва-едва — старик. А ведь ему-то было около сорока пяти лет... Йохан ужасно устал жить. Он почти ждёт того часа, когда сердце его не выдержит или кто-нибудь решит смилостивиться над ним и добить его.

— Вы много чего повидали... — задумчиво говорит Елисавет. — Скажите, какой ритуал на свете самый красивый? Мы с сёстрами об этом часто спорим.

Вот как? Девчонка просто любопытна? Что же... Это Йохан мог понять — он сам был любопытен до ужаса. Не раз из-за этого попадал в неудачные ситуации. И ведь не обвинишь в этом никого — сам виноват в том, что полез. Ей хотелось узнать только это? Или она рассчитывает на то, что бард сумеет поведать ей о многом?

Да... Он видел многое... Он видел — собственными глазами видел — разверзающуюся Бездну в тот день, когда Танатос и Драхомир раскололи этот мир на три части. Он был там. Он помогал своим друзьям убраться поскорее с того места, где «чернокнижник» и демон умудрились поссориться. Он видел — собственными глазами видел — торжество Асбьёрна в день падения Нонтерзалла. Он видел, как умел смеяться Драхомир. Он видел — и почти каждый день видел — красоту Деифилии. Йохан не только видел все те события, которые с таким ужасом и трепетом вспоминались теперь. Он в них участвовал. Он был частью чего-то великого, чего-то невообразимого.

Ритуал... И снова в голове у барда мелькает воспоминание — сад из нескольких тысяч живых цветов и посреди него прекрасная Деифилия в нарядном платье. И стоящий неподалёку Драхомир в ярко-алой рубашке. Этот океан живых цветов... Йохан никогда в жизни не видел ничего прекраснее. Как красивы были они оба — Драхомир и Деифилия. Как счастлив был тогда он — этот Ренегат со светлыми волосами... Теперь, должно быть, волосы у него стали алыми — Якобина фон Фюрст всегда пыталась так. И обожжённые руки. И вырванные крылья. Если когда-нибудь Йохан сумеет найти старого друга, он не уверен, что сможет узнать этого демона.

А тогда... Тогда бард и подумать не мог, что та их жизнь может закончиться... Ему было хорошо. Им всем было хорошо. И весело. Оружие гремело, ветер завывал, а они куда-то всё шли. Им было хорошо. Каждый занимал своё место. Каждый делал что-то, без чего остальные не смогли бы прожить. Каждый был нужен. И какие бы противоречия ни

возникали — вместе они были счастливы. И Йохан тоже был счастлив. Потому что у него были люди, ради которых он мог бы жить. Ради которых он мог бы простить себя и продолжить идти дальше.

С чего девчонка решила, будто Йохану захочется рассказывать свою жизнь кому-то?

— Помолвка у демонов, — нервно вздыхает мужчина, продолжая идти дальше.

И тихое пение. Непонятно чьё. Очень красивое. Очень нежное. И очень трогательное. И улыбка на лице Деифилии. И смеющиеся глаза Драхомира. И хохот Танатоса. И недовольный взгляд Асбьёрна. И какая-то странная грусть на лице Лилит. И какая-то обречённая радость на лице Изара. А кто-то всё пел. Грустно-грустно, тихо-тихо... И Йохан едва не разрыдался тогда — настолько трогательно и почти болезненно горько это тогда было.

Деифилии уже нет. А Драхомир уже никогда не будет прежним. Асбьёрн и Танатос называли демона Миром. Наверное, в этом был свой смысл... Этот демон мог быть целой вселенной для них всех. А для него целой вселенной была Деифилия. Барду было страшно. Страшно, что он когда-нибудь увидит сломленного Драхомира — сломленного лучшего друга. Страшно, что он может никогда его больше не увидеть. Что он и умрёт вот так — в одиночестве. Без своих друзей. Без любви — у него её никогда не было. Он не позволял себе любить, потому что знал, что тогда ему придётся выбирать между любовью и друзьями. Он заранее выбрал друзей. И никогда не жалел об этом.

Он всё бы отдал за возможность всю свою жизнь провести вместе с теми людьми, которых всех вместе гордо величали Сонмом Проклятых.

— Как? — удивляется девочка. — Вы видели такую помолвку?

Она бежит за ним. Боится не поспеть. Не привыкла. Не привыкла ходить так часто и так много. Привыкла сидеть у себя в крепости и вышивать глупые картинки. Куда ей — угнаться за Йоханом? Даже за больным, искалеченным. Он привык ходить быстро. Почти бежать. И пусть он сильно хромает — миловидной Елисавет ни за что за ним не угнаться, если Йохан решит идти достаточно быстро.

— Да. Видел. Это давно было.

Так давно, хочется сказать ему, что та женщина уже давно умерла, а демон в тюрьме. Так давно, что ни осталось в живых ни одного больше, кроме самого Йохана, свидетеля той помолвки. Так давно, что сам Отступник теперь стар, уродлив и болен. А тогда, тогда он был молод, красив и почти что здоров. Он был на самом деле счастлив. А теперь, должно быть, умрёт в совершенном одиночестве. И никто не положит цветов на его могилу, если таковая будет. Никто не будет и знать, где будут покоиться останки одного из героев — или злодеев — прошлого. Никому не будет до этого дела. И, наверное, это хорошо.

— И каково это? — спрашивает Елисавет. — Расскажите! Пожалуйста...

Йохан осторожно касается пальцами перстня. Того — красивого, с ярко-алым рубином. Единственная вещь, которая осталась ему от былых времён. Перстень с руки Драхомира — последнее, что тот успел передать ему перед тем, как приговор вступил в исполнение. Вещь, за которую потом Киндеирн долго сверлил взглядом Йохана. Барду было жаль старого владыку Лантаргарда. Какой бы тяжёлый характер ни был у старого демона — сына он любил.

— Того демона звали Драхомир... — тихо произносит Йохан.

От произнесения этого имени почему-то становится немного легче. Будто бы какой-то страшный груз свалился с его плеч. Будто от того, что какая-то девчонка будет знать его

историю, ему станет легче. Но, почему-то, действительно, становится легче. И он рассказывает всё о той помолвке — о красивом платье Деифилии, о целом океане живых цветов, об улыбающихся глазах Драхомира, о хмуром маленьком Асбьёрне...

Он рассказывает ей то, что когда-то было его жизнью. То, что до сих пор остаётся его жизнью.

Комментарий к II. Глава тридцать шестая. Скорбь.

*Канцлер Ги — Видение Сети I

===== II. Глава тридцать седьмая. Свобода. =====

Суэта отдаляет нас друг от друга,
Оплетая все мысли паутиною липкой,
Оттого порой бывает трудно
Различать меж малым и великим...
Суэта — это клетка для жертв гипноза,
Хотя её двери настежь открыты,
Только мало, кто из нас находит
В себе силы, чтоб ее покинуть.
Превозмогая спазмы и судороги,
Волны отчаяния, вспышки безумия,
Ярываю липкие путы
Ядовитого, скользкого спрута
На пути в мир незыблемых истин,
Где каждый поступок осмыслен,
По ту сторону ада и рая
Я свободна, я начинаю разбег.
Откровения, ждут тебя словно птицы,
Что готовы вспорхнуть с заснеженных веток.
Не спугни их грубою бессмыслицей,
Ведь они боятся суеты.
Мне осталось ещё несколько шагов
В сторону открытых дверей,
Только б вырвать голову из тисков,
Прочь из тесной клетки поскорей!
На просторы полей, на волю,
К безграничному синему морю,
К диким травам, к неистовым волнам,
Над грозною, над вспышками молний,
Быстрее, чем пламя и ветер,
Уже почти со скоростью света,
В направлении лунных приливов
Отрываюсь я от земли-и-и...
Бежать от жестоких симптомов невроза,
От игр без правил, от спектаклей постылых,
От этой утомительнейшей прозы,
Надоевшей мне до тошноты.
Сквозь анфилады бесчисленных комнат,

По коридорам душным и тёмным,
Вдоль шоссе, уходящего в небо,
Через сад, засыпанный снегом,
Парк, пустырь, нет дороги назад,
Дальше — взлётная полоса.

Оттолкнуться и чувствовать пламя
Искры звезд у меня под ногами-и-и...*

Королевский дворец Орандора был огромен. На подземных этажах там размещалось восемь библиотек, четыре полноценных тронных зала, около семнадцати бальных залов, несколько залов с макетами разных зданий столицы Орандора (многих из них уже не было в действительности), несколько весьма обширных лабораторий, пара картинных галерей, нечто, походящее на архив, нечто, походящее на пыточную, с десятков спален, несколько парадных спален, которые раньше Альфонс Браун видел лишь в фильмах, так же, несколько тайных спален, скрывавшихся в коридорах, в которые можно было попасть некими странными способами. А уж о гостиных, кабинетах, столовых, комнатах для детей, комнатах для игры в бильярд или комнат с роялем (Альфонс почему-то отделял их в отдельную категорию комнат) можно было и не говорить. Их было так много, что, даже если бы Алу взбрело в голову составить опись каждого из помещений дворца, он всё равно их всех бы и не упомянул.

Альфонс задумчиво вертит в своей руке фарфоровую статуэтку. Кажется, это была фигурка из той коллекции фарфоровых и бронзовых статуэток, что обнаружилась в старом кабинете короля Георга Траонта. Конкретно эта фигурка была некогда раскрашена, но краска во многих местах слезла. Становится почему-то жутко грустно. Альфонс уже не может бороться с этой всепоглощающей тоской...

Король Генрих искусство не любил. Так что большую часть богатейшей коллекции картин, гравюр, статуэток, бюстов и скульптур пришлось отгрести практически в чуланах. Многие из шедевров — что именно было шедеврами, правда, определял вовсе не король, он не слишком понимал в этом — были в столь плачевном состоянии, что и взглянуть на них было без слёз невозможно. Слезшая и выцветшая краска, сплошные сколы, царапины, неровности — должно быть, до царствования Генриха ничего этого не было.

Ал никогда раньше не считал себя особым любителем всей этой мишуры, этим скорее интересовалась Мария, но от подобного варварского отношения даже ему стало несколько не по себе. Что уж говорить о Теодоре Траонте, который разве что за сердце не хватался, видя сию недалёкость собственного старшего брата. «Сводного старшего брата», как обычно Траонт не упускал возможности учтиво поправить своего короля.

Одна из картин, что стояли в чулане, называлась «Эремина Гайффренская во дворце короля Войцеха». Фигурка самой Эремины — во всяком случае, король думал, что это именно так — в сиренево-жёлтом платье в центре картины Альфонсу не слишком понравилась, а вот угловатая фигура человека в алом и с железной короной, что опирался одной рукой на свой трон весьма понравился. Вид у этого короля Войцеха был грозный. Что надо. Альфонс попытался найти ещё картин по этому сюжету, но нашёл лишь три полотна, что имели названия: «Эремина Гайффренская со своей сестрой Анджреминой», «Эремина Гайффренская просит аудиенции у клира Джованни Майтронченни» и «Эремина Гайффренская восходит на костёр». Что же... Очевидна, эта Эремина была для Осмальерда кем-то вроде Жанны д'Арк. И всё равно она Альфонсу не слишком нравилась. Король

Войцех был куда занимательнее... Альфонс Браун решил, что будет весьма правильно что-нибудь про него прочесть. Хотя бы просто потому, что нужно было хоть частично знать историю мира, в котором он сейчас находился.

Другая картина названия не имела. Одна из горничных — Розалинда, кажется, она часто убирала в комнате короля — сказала, что на ней было изображено противостояние алминеллы Финикс Хезер и огромного чёрного волка, что принадлежал когда-то некому Драхомиру. Кто такая Финикс Хезер Ал более-менее понимал по восторженному взгляду Розалинды, но кто такой Драхомир... Впрочем, нарисовано это было настолько фантастично, что Альфонс не сомневался — персонаж какой-нибудь легенды или сказки. Собирательный образ и всё такое... Наверное, персонаж из тех, с кем не хотелось бы увидеться в реальной жизни — этакий мерзавец. Из таких, каких обычно записывают в легенды. Нет, Альфонс, пожалуй, не сказал бы, что не хотел бы встретиться, скажем, с шерифом из легенд о Робине Гуде.

Ал стоит спиной к окну и думает, что было бы неплохо выбраться на улицу. Уже становилось прохладно. Скоро начнётся зима... Альфонс едва представлял, как сможет пережить это проклятое время года — лекарств тут было не слишком много, кто-то из врачей, вообще, стремился лечить кровопусканием, — к счастью, Теодор запретил кому-либо опробовать этот странный метод на Але. Браун бы не хотел оказаться больным, когда рядом не окажется Траонта. Янжина искренне не понимала вреда такого способа лечения. Ал стоит спиной к окну, вертит в руках статуэтку и думает о том, что ему как можно скорее нужны сильные союзники вроде Великих Герцогов. Порой очень трудно сообразить, что именно хорошо для королевства. А не сообразить нельзя. Замкнутый круг какой-то просто...

— Что хорошего вы можете нам сказать? — спрашивает Альфонс у Теодора и Янжины.

Во дворце теперь всё время звучало фортепиано... Ал играл весьма посредственно — мог наиграть «К Элизе» Бетховена, «Алеманду королевы» Бёрда, «Фантазию» Булла, несколько двухголосных инвенций Баха и что-то в этом роде... Мария играла лучше его. Но заняться порой было нечем, да и хотелось чем-то себя немного развлечь. Во дворце было полно нот — искать их, правда, приходилось в покоях, что королём Генрихом были приготовлены для леди Джулии Траонт, и в чуланах. Ал поймал себя на мысли, что от скуки ему теперь нравится сидеть за музыкальным инструментом и разбирать разные песенки и мелодии танцев.

Наверное, это один из тех редких дней, когда Браун был доволен всем — такого спокойствия и умиротворения он давно не ощущал... Целое королевство постоянно находилось у него за плечами. За то время, которое он уже правил, он успел довольно много прочесть об этом королевстве — к несчастью, изучать всё это приходилось с нуля, и никому из его приближённых и в голову не приходило, что что-то из того, что король сейчас изучал, возможно не знать. Но Ал не знал! Он с огромным трудом стал понимать, кто такие Манфрид Великий, Реджинальд Милосердный, Джарет Добрый — ох, Ал так и вспоминал тот фильм, который Мария так любила пересматривать...

Король тоже может смеяться, шутить, придумывать всё, что угодно... Королю подвластно много, что не подвластно обычному человеку. Стоило только взглянуть на трон с этой стороны, чтобы отдавать его кому-либо не захотелось. И плевать на то, что королю не позволено многое, что позволено обычному человеку. Альфонсу Брауну хотелось бы, чтобы королевство принесло ему то удовлетворение собой, которого он всегда желал. Мария была умнее его во многом, талантливее, более активной, более жизнерадостной, легче находила

общий язык с незнакомцами, какое-то странное обаяние всегда было ей присуще, благодаря нему за самые ужасные её поступки на неё было практически невозможно сердиться долго...

В руках он держит книгу, что была ему принесена из библиотеки какой-то служанкой — имени её он не помнил, раньше он старался запомнить имена всех слуг во дворце, но их было слишком много, вряд ли это было реально. Книга называлась «Монарх» и имела автора, имя которого было просто невозможно выговорить. В ней рассказывалось про время правления короля Войцеха. Пожалуй то, что уже узнал об этом человеке Ал, внушало лишь уважение к этому королю.

— Гэртон Рэйн решил принять ваше предложение... — говорит Янжина как-то немного смущённо.

Альфонс, кажется, слышал, что герцог отличается весьма скверным нравом, но говорили так же, что человеком он был весьма хорошим, несмотря на свои причуды. После смерти жены он стал... грубее, своенравнее... Но, наверное, это можно было понять. Как, в принципе, и нежелание Янжины больше когда-либо ездить к этому человеку.

Но Великие герцоги Орандора были той силой, игнорировать которую королю, пришедшему к власти в результате чистой случайности, было совершенно невозможно. Это королевство полностью зависело от традиций древности. И у Ала пока нет достаточной власти в руках, чтобы вырвать эти традиции с корнем, как того ему хотелось. Придётся Янжине пока что немного потерпеть герцога Рэйна. Когда-нибудь Альфонс придумает, как несколько ослабить влияние Великих герцогов на управление государством.

— Герцогиня Флора... тоже! — самодовольно усмехнулся Теодор, осторожно поправив ворот своей рубашки, чтобы скрыть алый след на своей шее.

Альфонс чуть не давится от смеха уже поднесённым ко рту куском вкусного вишнёвого пирога, испечённого Хельгой Кошендблат. Всё же, как бы Ала не раздражал порой Седрик, их визит во дворец привносил некоторое разнообразие в череду скучных приёмов, обсуждений и заседаний. А присутствие Хельги радовало ещё вкусной выпечкой.

Портреты всех Великих герцогов Орандорских были в галерее второго этажа восточного крыла. Герцогиню Флору Илдиан можно было бы легко не заметить в толпе. Она не обладала той манящей, привлекающей к себе внимание всех окружающих красотой Джулии Траонт, в ней не было резкости, что могла дойти практически до грубости, или наплевательства, как в Марии, она не казалась забавной и очень по-милому ответственной, словно Янжина, она не казалась даже чопорной, словно та принцесса, на которой Альфонсу, вероятнее всего, скоро придётся жениться. Герцогиня Флора, скорее всего, была обыкновенной стареющей кокеткой, каких было немало, живущей игрой в бридж и визитами людей «своего круга». Герцогиня Илдиан была... обычной. У неё не было той безупречности и властности, которые сквозили в каждом шаге леди Джулии Траонт, у неё не было непосредственности и страстности Алесии Хайнтс, в ней не было той выделяющейся простоты, того веселья, которое всегда присутствовало в Марии, в ней не было, казалось, даже той религиозности и принципиальности, которые отличали невесту Ала. Но что-то в герцогине Флоре было такое... странное. Её глаза не заражали энергией, не сверкали, не смеялись, но было в них что-то пугающее. Совсем не такое, как во взгляде Джулии Траонт. Что-то другое. Совсем другое.

Теодор Траонт смеётся тоже и почти театрально поправляет накрахмаленный воротник своей рубашки. Траонт любил следить за собой, делал это с огромным удовольствием. Если безупречная Джулия ещё могла не обратить внимания на лишнюю складку платья или

выбившуюся из причёски прядь волос, то Теодор за этим всем тщательно следил. Порой это выглядело смешно. Впрочем, Ал прекрасно видел, что в этом мире всё было несколько не так, как на Земле. Точнее, несколько не так, как на Земле в двадцать первом веке. Наверное, ещё пару веков назад всё было весьма похоже.

— Вы не особенно напрягались, я смотрю, Траонт! — смеётся король.

Теодор усмехается снова, обнажая ряд ровных крепких зубов. Самодовольно усмехается. Вероятно, ночь, проведённая с герцогиней, весьма льстила его самолюбию... Альфонсу нравится смеяться над самолюбием герцога. Тем более, Траонт никогда не обижается на него за это.

Пожалуй, порой в королевском дворце, среди чужих ему людей, Ал Браун чувствовал себя часто лучше, чем дома. Конечно, с Марией ему всегда было хорошо, пусть далеко не всегда легко. Но Мария любила сама принимать решения, была жутко упряма и самонадеянна. И Ал сам был точно таким же. Странно, что они двое уживались так долго. Немыслимо. Всё же, Мария обладала каким-то непонятным обаянием, которое позволяло ей нравиться людям, не прилагая к этому больших усилий.

Наверное, это было неправильно. Неправильно, что среди совершенно чужих ему людей Альфонс Браун чувствовал себя так хорошо. И неправильно, что он так редко вспоминал своего отца. Тот, наверное, сильно волновался из-за своего сына, а Ал... А Алу важнее были общение с Марией, просмотр вместе с ней фильмов и сериалов, теперь — приёмы, проекты, балы... Он столько времени уделял всему этому... Скорее всего, это всё было ужасно неправильно. И Алу следовало почаще интересоваться, что чувствует его отец, когда он целыми днями пропадает непонятно где.

— Что вы, Ваше Величество! — театрально возмущается Теодор. — Вы бы знали — что это за женщина!

Янжина не сразу понимает, из-за чего они так смеются — удивлённо смотрит то на короля, то на первого советника, а потом, кажется, осознав смысл увиденного и услышанного, почему-то сильно краснеет, как-то поспешно кланяется монарху и выбегает из кабинета. Последнее, что видит Ал, прежде чем дверь захлопывается — её укоряющий взгляд.

Пожалуй, королю даже становится немного стыдно за то, что он заставил так переживать бедную девушку. Впрочем, благодарить за это нужно было Теодора Траонта — это он провёл, вероятно, весьма хорошо своё, стоило заметить, служебное время. Вряд ли за это можно было его упрекать — он выполнил своё задание и заручился поддержкой герцогини Флоры Илдиан. Так не всё ли равно, каким именно способом, если на казне это никак не отражалось? Если для того, чтобы добиться от Флоры Илдиан заветного соглашения, нужно было провести с ней целую ночь — что в этом плохого было для Ала? Пусть хоть женятся, хоть детей заводят — не его дело. Главное, чтобы герцогский род Илдиан поддержал его начинания — без этого могла свершиться ещё одна революция, а такого исхода для себя Альфонсу совсем не хотелось.

— Ну, надеюсь, в любом случае — вы приятно провели время, дорогой Теодор! — улыбается король.

Да, это было весьма забавно. Забавно разговаривать с человеком, что был старше тебя вдвое, как с ровесником. Подшучивать, смеяться над ним, над его привычками в открытую, не боясь показать этого. Забавно, что делает с человеком его положение в обществе — он может перестать видеть ту тонкую грань, которая раньше всегда казалась ему

непреодолимым препятствием. И наоборот. Ал так свободно теперь мог разговаривать с Теодором Траонтом... Раньше они оба себе бы такого не позволили. И оба из гордости.

— О! За это Ваше Величество можете не беспокоиться! — смеётся в ответ герцог Траонт.

Они ещё о чём-то говорят. Смеются. Обсуждают какой-то из тех далеко идущих планов... Планов у них обоих много — Теодор тоже хочет сделать Орандор другим. И Альфонс Браун того тоже хочет. В конце концов, если у него появилась возможность управлять каким-то государством, нужно попробовать справиться с этим. Королевство Орандор было обыкновенным слабым королевством, в котором слишком уж много власти было у титулованного дворянства. Население этого государства было необразованным, а в тех примитивных органах управления царил закон кумовства... Да, пожалуй, это было не лучшим вариантом. А учитывая все эти предрассудки старины, костры там, вилы... тем более.

И Теодор Траонт как-то выскользывает из кабинета. Ал даже не сразу замечает — когда. Впрочем, Теодор не так важен. Как, наверное, почти ничто не важно. Альфонс с какой-то непонятной ему осторожностью проводит по стеклу. Он совершенно не боится, что стекло треснет, разобьётся. Нет — в конце концов, это теперь его дворец. Он может здесь делать всё, что только душе угодно.

— Короля ведь могут назвать великим, не правда ли? — как-то тяжело произносит Альфонс, зная или скорее надеясь, что его никто не слышит. — Я хочу, чтобы меня помнили.

Он закрывает глаза. Снова. Чтобы увидеть те странные видения, которые преследовали его после того покушения. Видения, полные боли и холода, но в которых не было страха. Алу нравится видеть их. Нравится чувствовать себя тем человеком из своих снов. Храбрым, сильным, умным, прекрасно понимающим, как действовать... Альфонс Браун хочет быть им... Хочет стать человеком, который сможет разобраться во всех тонкостях этой треклятой политики. Хочет стать человеком, который станет достоин править этим королевством...

Женщина в золотом одеянии сидит на троне. У неё светлые волосы, заплетённые в косу, а на голове корона. Сами волосы у неё словно бы золотые. А на пальце золотой перстень с жёлтым камнем. Она и сама будто слеплена из янтаря и золота. И в отделке зала тоже преобладает жёлтый цвет. Жёлтые камни, оранжевые камни — сапфиры, бериллы, топазы. Позолота везде, где это только было возможно. Жёлтые, оранжевые, белые ковры, тяжёлые оранжевые занавески. И солнце. Как же много было солнца... Оно лезло сюда из каждого окна, из каждой щели.

В тронном зале здесь всё сверкало. Каждая поверхность, которую только можно было отполировать, была отполирована, каждый предмет, который только можно было позолотить, был позолочен... Солнце отражалось отовсюду. Слепило глаза, заставляло щуриться, закрываться от себя рукой.

Играет весёлая музыка. Но совсем не такая, какая звучала в Имештфорде. Даже в весёлой фальранской музыке то и дело звучали мотивы войны, оружия, страданий. Народ изголодался по войне даже тогда, когда война уже так давно велась... Это было странно, но император старался никогда об этом не думать. В конце концов, не всё ли равно, что там думают люди, если она поддерживают его начинания, признают его своим императором? Нет, совершенно не важно. В Зжане же в музыке нет отголосков идущей войны. Да и откуда им тут взяться? Эльфийский город находился ужасно далеко от империи магов. Они и о войне-то только слышали... В этих песнях нет ничего тяжёлого, ничего трагичного... В

Фальрании даже в самой весёлой песни сквозила эта трагичность. Император привык к тем песням, к тем сказкам... Он родился, когда война была уже в разгаре. И он практически её окончил — лишь несколько королевств ещё не признавали его владычества над землями, что южнее Гайтонберга.

В Фальрании никогда не было столько солнца — около половины года там, вообще, была постоянно ночь, а когда другую половину года был день, солнце никогда не светило так ярко. В Зжане всё иначе. Здесь даже не спрятанный где-то в лесах Вирджилис. Император не привык к солнцу. Он привык к темноте, обжигающему блеску огня и леденящему блеску снегов.

Золото. Золото... Золото! От его обилия уже начинало тошнить. Его было так много, что от него рябило в глазах. Казалось, будто бы ты попал в сокровищницу, а не в тронный зал. Император не привык к золоту. Привык к стали, к серебру, к алмазам, но не к золоту.

Королева Зара как-то слишком приторно улыбается. Но император старается не обращать на это внимания. От её имени его тоже коробит. И он бы, наверное, постарался как можно скорее покинуть это место, если бы не являлся правителем Фальрании. Ему хочется в темнеющий Имештфорд. Ему хочется к Хильдегер... Хочется к рыжеволосой девчонке, которая так хорошо и тепло к нему всегда относилась, хочется услышать её звонкий мелодичный голос, коснуться рукой её огненных волос... Она была единственным золотом Фальрании. Теперь единственным золотом Фальрании является её трёхлетняя дочь Селина. Теперь маленькая дочь является единственным счастьем ледяного императора.

Император привык ко мраку ночи или ослепляющему блеску снегов. Он привык к блеску начищенной стали, к лязгу оружия, к сверкающему великолепию магии. Но золото он раньше видел не так уж часто. В Фальрании его мало. Даже на юге. И не сказать, что правителя магов это слишком расстраивало.

В Фальрании даже тронный зал был более скромным, чем одна из гостевых комнат здесь. В Зжане всё слишком вычурно. Слишком много деталей. Хильдегер бы понравилось, если бы она была ещё жива. Но её уже не было. Уже год прошёл с того дня, как она умерла. Уже три года прошло со смерти той девчонки, которая прокляла её... Эелана, кажется... Император сжёт эту барышню. Приказал отрубить ей руки и ноги и поджечь. А потом несколько раз тушить огонь и снова поджигать. О... Её криками фальранский император сумел вдоволь насладиться... Как она кричала! И ведь не умерла же сразу, не потеряла сознание! Сумела порадовать!

— Рад вас приветствовать, королева, — говорит император тихо.

Ему не хочется называть Зару королевой. Королём Зжана был её муж. А она — никто. Но в данный момент именно она была правительницей этого эльфийского королевства. Забавно... Ведь Зара была человеком... Впрочем, не всё ли равно? Ему же было приятно называть Ариозелира королём. Так в чём же разница? Тот тоже не имел возможности стать правителем.

— Я тоже рада вас видеть, император, — улыбается женщина натянуто.

Она красива, пожалуй. Куда красивее нескладной Хильдегер. У той даже были веснушки на носу. Кажется, это не считалось признаком аристократичности. Но императору нравились её веснушки. А ведь он женился на ней тогда... На рыжеволосой Хильдегер, у которой между передними верхними зубами была весьма большая щель, у которой нос был не совсем ровным... Он — император Фальрании — женился на девушке, которая была его наложницей. Такого прецедента ещё не бывало. На Заре император никогда бы не женился.

Он подходит ближе к трону, старается улыбаться и не замечать того обилия золота, которое так его раздражает. Правителю Фальрании не хочется сорваться сейчас. В конце концов, дипломатом тоже нужно было уметь быть. Фальрании не нужна была сейчас новая затяжная война. Нужно было хоть немного оправиться от предыдущей.

«Убийца» — шепчутся у него за спиной. «Чудовище» — усмеваются где-то позади. «Безбожник» — шепчутся в зале. Безбожник... Императору хочется расхохотаться. Именно так называл его когда-то его дед. Дед, амулет на груди которого светился жёлтым. Тот самый амулет, который на груди императора теперь темнел — совершенно почерневший. Почерневший, словно его душа. Или погасший. Император сам этого толком не знает. Ему всё равно.

Как только о нём не говорили после казни Эеланы! Говорили, что он зверски убил невинную девушку... Император усмехается при мысли об этом. Он не убил бы её, если бы та не прокляла Хильдегер. Ледяное сердце императора Фальрании не умеет любить, но оно умеет привязываться. К Хильдегер он очень привязался. Она была такая мягкая, такая нежная, такая хорошая... И она умерла. Ну тогда хоть и Эелана тоже умирала в муках. Двое её братьев смотрели на эту казнь. Один из них — Михаэль — потерял сознание, когда ей отрубили уже вторую руку. Ариозелир же смотрел практически с улыбкой. Император не слишком хорошо понимал его, но... Хотя, быть может, и понимал. По-своему.

Эелана была тем, кто отнял у него в итоге единственное сокровище в его жизни. Тогда единственное. Разве не имел он права отомстить за это? За муки самого дорогого существа в его жизни. Разве не имел он права убивать Эелану настолько долго и настолько болезненно, как это только было возможно? Император никогда особенно не поддерживал — хоть и не запрещал — кровную месть. Но разве это был такой плохой обычай?

— Надеюсь, у моего дорогого друга, королевы Зары, не возникает проблем? — спрашивает император чуть более холодно, чем нужно. — Если вам что-то нужно, вы всегда можете обратиться ко мне.

Королева натянута, но вежливо улыбается, а вельможи, что стоят рядом с ней, хлопают в ладоши. В Зжаре, пожалуй, фальранского императора встречали несколько более тепло, чем во многих других королевствах. Разве что Вирджилисская цитадель встретила его теплее. С Ареселис уже несколько лет у императора были неплохие отношения. И правитель магов не считал нужным их портить. В конце концов, княжна была далеко не худшим союзником. Даже — одним из лучших. Ареселис он уважал. Зара же... Зара была обычной королевой, из тех, что были противны ему.

Но император хорошо знает одно — его сила заключена в холоде, её же сила в золоте, которое она может предложить. В королевстве убитого ею мужа много золота. Ей его хватит на долгое время. Значит, и ему стоит в который раз за свою жизнь плюнуть на свои принципы.

Разве не это означало — быть императором?

Всё происходит слишком неожиданно. Райан даже не сразу понимает, кто пришёл к нему. Чувствует лишь запах сигаретного дыма и крови. Он даже не сразу понимает, что за запахом дыма и крови скрывается отпечаток чёрного огня, которым пытались отступников... Райан поворачивается, чтобы дать отпор — он думает, что это кто-то из тех демонов, что должны были охотиться за ним. И замирает. Перед ним стоит тот, кого он мог когда-то назвать если не другом, то боевым товарищем.

Ренегат выглядит не так, как выглядел в их последнюю встречу. Какое-то чёрное

потрёпанное пальто, какой-то алый шарф... И потухший взгляд. Райан никогда не видел такого у Драхомира. Он знал, что Ренегат сбежал из тюрьмы, знал, что произошло это уже давно, но он не ожидал увидеть его. Тем более, не ожидал его увидеть таким... Танатос вряд ли сердился на Райана за предательство — будь у него возможность, он сам бы всех предал, таков был этот человек. Хелен вряд ли сердилась на Райана за тот день — ей было и вовсе плевать. Йохан, конечно, сердился. Но это был человек, просто не способный не простить кого-то. Асбьёрн, разумеется, сердился. Но его гнев был постоянным — никогда нельзя было понять, за что именно он сердится. Наверное, сердился Саргон, скорее всего, злилась Деифилия, но... Никто на Райана не был зол так, как был зол на него Драхомир.

Он выглядит... спокойнее? Стоит напротив Райана, выкуривает одну сигарету, не оставляя даже окурка, наклоняется, чтобы взять зажигалку, новую сигарету, чтобы закурить снова... Драхомир, которого Райан помнит, ворвался бы в комнату вихрем и уже успел ударить его... Но Драхомир, которого Райан видит сейчас, не торопится, лишь в его взгляде читается затаённая ненависть — это было страшно, раньше наследник Киндеирна никогда не умел таить свои чувства.

— Драхомир? — удивляется Райан и в испуге делает шаг назад. — Ты должен знать, я не...

Он совсем не такой, каким был прежде... Драхомир всегда смотрел почти зло, но не было в его взгляде такого отчаяния... И от этого взгляда Райану становится страшно. Ему всегда страшно. Он всегда был трусом. Обыкновенным трусом, который не стоил тех людей, к которым присоединился.

Райан боялся всех. Боялся могучего Киндеирна, которого среди демонов величали «вечным», боялся мстительного Малуса, боялся язвительного Златмира, боялся красивой и хладнокровной Якобины, боялся и Драхомира, и Лилит, и Изара... Он и Танатоса боялся — обыкновенного человека. Впрочем, этот обыкновенный человек был намного сильнее демона Ратмира. Во всяком случае, морально. Следовало лишь взглянуть в глаза Танатоса — и он уже вёл тебя за собой. Он был даже легкомыслен, но это не вредило облику великого отступника.

Райан боялся и вспыльчивого Асбьёрна. Молодой оборотень был слишком гневлив. И слишком скор на расправу. А ещё — ненавидел разбираться, что к чему. В отличие от своей сестры, рассудительной умницы Деифилии, Асбьёрн был не слишком хорошо управляем в своей ярости. В моменты гнева он мог творить всё, что угодно.

— Мне плевать, знаешь, Ратмир? — человек с обожжёнными руками подходит всё ближе. — Мне плевать — она погибла из-за тебя!

Ратмир... Это имя болью отзывается в сердце. Кто-то его ещё так называл... Так, как его когда-то называли в Сонме. Драхомир смотрит с такой болью, таким отчаяньем, что Райан даже сопротивляться не может. Наверное, кажется ему, он лишь сейчас понял, сколько боли причинил сыну Киндеирна. Смерть Деифилии слишком сильно сказалась на нём. Райан слышал, что она умерла от преждевременно начавшихся родов, не дойдя до рубежа, перебравшись через который они с Йоханом оба бы выжили, всего два или три километра.

От слов Драхомира хочется съёжиться, сделаться меньше...

Наверное, самое страшное в том, что это — чистая правда. Если бы не трусость Райана, возможно, Деифилия и Танатос смогли бы сбежать с поля боя. Йохан — конечно, нет. Он двигался слишком медленно. Но Танатос бы смог... Или, во всяком случае, обязательно бы

придумал, как исправить ситуацию. Никто лучше Хейдена не мог придумать, как исправлять что-либо. Наверное, потому, что в основном исправлять всем приходилось именно косяки Танатоса.

А Драхомир... Драхомир смотрит с такой болью, что Райан уже не может отвести от него глаза. Безумие, чистое безумие. Этот отступник просто не мог не свихнуться там — в тюрьме. Якобина слишком хороший палач. Киндеирн никогда не учил плохо. На своё же горе. Да и рана на сердце от смерти Деифилии, наверное, была ещё слишком глубока. Впрочем... Она до сих пор глубока. Драхомир — не Танатос. Он просто не смог бы забыть её...

— Она была чистейшим существом... Добрейшим существом!..

Драхомир произносит это с такой грустью, с такой обречённостью, что Райан вздрагивает. Он плохо помнит, как именно между Миром, как дразнили демона Танатос и Асбьёрн, и Деей завязались те отношения. Она не любила Драхомира. Или любила куда слабее, чем он сам её любил. И куда меньше, чем он того заслуживал. Наверное, и она сама это понимала.

Слова же Драхомира снова задевают, словно ножом, ту старую рану, которую кое-как Райан сумел не тербить.

Много ли было прока от её доброты? Танатос никогда не был добр, но для Сонма он сделал куда больше. Деифилия сделала для страданий всего Сонма не меньше, чем сам Райан сделал того. Нет, она — само совершенство — не предавала их, конечно же. Но её принципы были просто отвратительны Ратмиру. Разве они стоили той боли в глазах Драхомира? Разве они стоили той обиды в глазах Асбьёрна? Она и брата не могла любить так, как должно любить хорошей сестре.

Ей были дороги ей принципы. Её клятвы, её обещания. Какой толк был в этом всём? Да, она была умна, да, была безумно красива, но... Нет, наверное, она не была пустой... Нет, она точно не была такой. Но что-то в её поведении не давало думать о том, что её чувства могут быть хоть сколько-то глубоки.

Тщеславная Деифилия...

Стоила ли приобретённая ею слава тех страданий, которые она причинила двоим, что так сильно её любили? Она заставила Драхомира вырвать его крылья... Это было одно из её требований, по которым она: «возможно, смогла бы полюбить демона». Это было даже почти подло с её стороны — просить такое. Разве может любящий человек просить такое? Разве может даже думать о таком?

— Таким чистым и добрым, что заставила тебя ощипать себя, словно курицу?

Слова вырываются сами собой. Райан не сразу понимает, что именно он сказал. Деифилия была и его другом тоже, но... В Сонме было позволено думать и говорить о друзьях всё, что только приходит на ум. Он привык говорить всё подряд. И все привыкли. Танатос был легкомыслен, жесток, слишком самолюбив, Йохан предпочитал в свободное время шляться по борделям, Асбьёрн был слишком кровожаден, Саргон слишком уж заиклен на всякой там «справедливости»...

Это было нормально — говорить всё, что ты только думаешь. И никто не обижался — все знали, что у каждого есть свои недостатки. Наверное, лишь Драхомир и Асбьёрн как-то слишком уж сердились, когда что-то говорили про Деифилию — даже не про них самих. Никто больше никогда и не обижался на язвительные комментарии в чей-либо адрес.

Драхомир бросается к нему столь стремительно, что Райан не успевает даже выдохнуть.

Да, это было уже больше похоже на прежнего Драхомира. Райан едва может дышать — рука демона уже сомкнулась на его шее. Ещё чуть-чуть и... Райан почти хочет этого. Наверное, это будет достаточным наказанием за тот страшный грех, который он совершил из-за своей проклятой трусости.

— Не смей. Иначе убью. Ты в отличие от меня не бессмертен, — шипит сын Киндеирна с такой яростью, какой и Асбьёрн бы мог позавидовать. — Я сам вырвал свои крылья. Она не была виновата в этом.

Синие глаза демона светятся ненавистью. Танатос бы её не боялся. Танатос и за свою жизнь-то боялся мало. А за чужую... Драхомир произносит ту фразу с таким убеждением, что Райану не остаётся ничего, кроме как попытаться кивнуть. Он и сам толком не знает, на что надеется. С того самого дня, когда он совершил тот проступок, он, вообще, ничего не понимает. Чего стоили только убийство той девчонки или помощь какому-то «чернокнижнику». Недоучке проклятому.

Драхомир отпускает его и отталкивает от себя. А Райан-то ещё думал, что впечатался в стену достаточно сильно... Демон отходит от него и снова начинает курить. От Драхомира, и так, всегда пахло огнём, дымом, сражениями. Райан не слишком хорошо понимает, зачем к этому примешивать ещё противный запах сигаретного дыма. Впрочем, он сейчас и думать-то может с трудом — слишком сильно встряхнул его бывший друг... Райан давно отвык от такого...

А Драхомир как-то тяжело опирается на стену и закрывает своё сухое лицо обожжёнными руками...

Комментарий к II. Глава тридцать седьмая. Свобода.

Fleur — Разбег

===== II. Глава тридцать восьмая. Ожидание. =====

Он хотел быть героем далекой страны,

А она — лишь поведать ему свои сны.

Ее кудри как полночь густы и темны,

Ее губы созревшего меда полны.

Он, конечно, вернется

Из дальней дороги,

Отмерены сроки,

Отсчитаны дни.

Оттого и смеется

Она, ожидая,

И вновь зажигает

Под вечер огни.

Он все дальше и дальше,

На грани виденья,

От сна к пробуждению,

От ночи ко дню.

Он вернется не раньше

Последнего срока.

Стирает дорога

Подковы коню.

Он сейчас далеко,

Светлый всадник, покинувший деву когда-то,
За великой рекой,
За туманом седым, за пожаром заката.
Его путь среди косматых фиордов и скал,
Это берег, который он долго искал.
Его руки сжимают холодный металл,
Волны бьются у ног, час героя настал!
В ее доме беспечно
Распахнуты двери,
Затем, что не верить
Не может она.
Он вернется, конечно!
А как же иначе?
Затем и не плачет
Она у окна.
Он все дальше и дальше,
На грани виденья,
От сна к пробуждению,
От ночи ко дню.
Он вернется не раньше
Последнего срока.
Стирает дорога
Подковы коню.
Каждый вечер она
По тропинке заросшей идет его встретить.
За весною весна,
Только эхо шагов ей не сможет ответить.
Ее кудри осыплет метель седины
В ожиданье героя далекой страны.
Синева ее глаз — отголосок весны,
Свет осенней надежды хранят ее сны.
Она верила твердо
И лет не считала,
Она ожидала
И ночью и днем.
Он объехал фиорды
От края до края,
Вот все, что я знаю
О ней и о нем.
Он все дальше и дальше,
На грани виденья,
От сна к пробуждению,
От ночи ко дню.
Он вернется не раньше
Последнего срока.

Стирает дорога

Подковы коню.

И трепещет свеча

На осеннем ветру в фиолетовый вечер.

Он сказал ей: «Прощай!»

А она отвечала: «Конечно! До встречи!»*

Это было забавно — видеть в глазах людей разочарование. Какую-то горькую обиду, почти ненависть. Разочарование... Словно бы она каким-то своим действием предала их. Как будто этих людей не предупреждали о том, что когда-нибудь они обязательно обожгутся? Так чего уж они так обижались? Все обижались, все! Это было смешно и немного противно — хотелось некрасиво скривить губы и холодно усмехнуться. И она это делала. Делала, каждый раз, когда люди уходили от неё. В детстве было немного обидно — казалось бы, если человека предупредили и он сначала остался, он должен оставаться и дальше. Иначе, это смотрится почти что глупо. Хотя, потом, пожалуй, она прекрасно поняла сладость того мига, когда можно было нарушить собственное слово. Нарушить — и ни разу об этом не пожалеть. Лишь усмехнуться презрительно своими тонкими губами, лишь сверкнуть исподлобья своими тёмными глазами. А порой — и расхохотаться с какой-то затаённой злобой. Громко-громко. Так, чтобы все слышали. И боялись. Если боялись, было особенно здорово. Тогда хотелось смеяться ещё больше. И к горлу обязательно подступала та тянущая тяжесть презрения. И губы начинали расплываться в новой усмешке. Врать она любила. Пусть делала это и не настолько хорошо, насколько ей самой этого бы хотелось, люди ей верили. Первое время. Общения ей всегда, пожалуй, хватало — она легко могла познакомиться с кем-либо. И сначала этот человек обязательно буквально обожал её, ловил каждое её пропитанное какой-то едкой злобой слово, каждую слегка самодовольную ухмылку, каждый язвительно-насмешливый взгляд... Чуть позднее человек старался каким-то образом повлиять на неё, заставить измениться. А потом... Потом всё исчезало. И к этому она уже давно успела привыкнуть. К тому, что все те люди, что пытались стать её друзьями, исчезали. Хотя нет... Исчезала в основном она — словно бы растворяясь в воздухе, забывая писать и как-либо давать о себе знать. Забывала — находила в своей жизни новое увлечение, куда более яркое, сочное, забавное. Наверное, вся её жизнь была сплошной погоней за впечатлениями. Лишь бы только не скучать. Из-за скуки могла случиться депрессия. А нет ничего... скучней. Замкнутый круг и всё такое. Поэтому, впечатления должны были сменяться с той быстротой, на которую только можно было рассчитывать. И, пожалуй, они сменялись.

Новые книги, новые фильмы — много и книг, и фильмов, — новые места, новые увлечения, новые хобби, новая музыка, новые люди. Всё, что кружилось, сверкало, кричало — всячески привлекало к себе внимание. Всё, что пряталось где-то на грани реальности и воображения, манило к себе терпкостью чего-то запретного — привлекало к себе внимание. Новые впечатления позволяли на некоторое время обо всём позабыть. Даже о том, что когда-то было важным. Тем более, о том, что когда-то было важным. Не было ничего хуже постоянной скуки. Ну разве что... Нет, всё же, не было. Если только знать, чем себя занять, даже смерть кого-то довольно дорогого для тебя будет не так страшна. Главное, чтобы мозг и руки были заняты. Струной скрипки ли, кисточкой для рисования ли, окровавленным ли кинжалом — всё равно. В конце концов, это не так уж и важно. Скучна лишь постоянность, пожалуй. Если это только не постоянный поиск чего-то. С неудачами, падениями,

разбитыми коленками, расцарапанными локтями, искусанными ногтями... Искать что-либо было интересно. Карабкаться, подниматься, падать, потом снова карабкаться, снова обдирать колени и локти до крови, но всё равно лезть, не обращая никакого внимания на боль.

Это было интересно — делать вещи, от которых другим хотелось на неё сердиться. Было так забавно видеть гнев в их глазах, ярость, а иногда и боль. Боль... словно бы её была вина, что они никогда даже не стремились её как-то понять, услышать её предупреждения. Так что уж было сокрушаться так сильно, смотреть на неё почти затравлено, если предупреждение уже давно успело прозвучать? В конце концов, ничего особенно страшного обычно не происходило. Обычно. А если происходило — разве не было возможности быстренько всё это исправить? Просто не нужно ныть. Нужно для этого что-то делать. Мария Фарелл больше всего на свете не любила тех, кто ноет. Нет, вполне можно было понять, схватив Ала за воротник куртки, когда было больно или тоскливо. Но ныть, когда тебя прекрасно предупреждали о возможных последствиях какого-то действия — уж извольте! Марии было бы стыдно даже думать об этом. Впрочем, признать, что она ошибалась, пожалуй, тоже. Легче было просто делать вид, что ничего не произошло. Так почему же остальные смотрели на неё с таким разочарованием? Разве это была не их вина — что они не поверили ей, когда она честно им в чём-то признавалась?

Это было здорово — быть совсем не такой, какой следовало бы быть. Было здорово делать всё, что только хотелось делать, было здорово бегать по крышам гаражей и сидеть у реки, ходить к которой было категорически запрещено, было здорово читать всё подряд — все книги, которые только можно было найти, при том, чем больше в них было крови, жестокости, насилия разных видов, тем лучше, было здорово декламировать свои собственные стихи вместо сонетов Шекспира на школьных спектаклях, было здорово залезать в кабинет через окно, когда дверь была закрыта, было здорово пролезать под забором, пачкая куртку и джинсы пылью, что была на асфальте, просто потому, что обходить не слишком-то хотелось, пусть и идти пришлось бы не больше двух минут... Во всём этом не было ничего особенного — обычные шалости, но... Матери они жутко не нравились. И поэтому Мария раз за разом повторяла их.

В ней никогда не было ничего красивого — всего было слишком. Слишком высокий рост, слишком хорошо видная худоба, слишком длинные и тощие руки и ноги, слишком острые скулы, слишком тонкие губы, слишком светлые и опять же слишком взъерошенные волосы, слишком, слишком, слишком... Альфонс говорил, что она похожа на тощего цыплёнка. На «злого тощего цыплёнка», если быть точнее. Ах да, ещё были какие-то рассуждения о стальном клюве. Очевидно, протезе. Ну или цыплёнок помимо всего был ещё и мутантом. Ещё Ал говорил, что у неё слишком много упрямства во взгляде. И что это нормального человека явно будет отпугивать. А мать вздыхала и лишь притягивала к себе Розу, которая обещала стать хорошенькой. И ещё это она — Кассандра Фарелл — сказала, что в её старшей дочери всё было слишком. Нет, Марии не было нисколько обидно — она никогда не стремилась к чему-то такому, но... Это вызывало в груди какое-то противное саднящее постоянно чувство. И девушка никак не могла понять — из-за чего именно.

И всё же она, наверное, смогла бы часами смотреться в зеркало, если бы не была такой... Ей с самого детства твердили, что она страдает гиперактивностью.

А теперь?..

Теперь Мария лежит на полу на ковре в комнате в какой-то странной гостинице. Её

волосы совсем уж растрёпаны, а вся одежда, наверное, уже помялась. Впрочем, и то, и другое было не так важно. Она бы, пожалуй, перевернулась на живот, но... Почему-то ей не слишком хочется этого делать. Лень, наверное. Да, это было вдвойне забавно, учитывая то, что она постоянно жаловалась на скуку. Скука и лень — пожалуй, они были двумя большими неприятностями Марии Фарелл. И ни одну из этих напастей порой так не хотелось перебарывать... А порой в теле брались такие силы, что можно было и горы свернуть без особого труда.

У неё всё руки в тонких шрамах. От падений, порезов, царапин. Она часто падала. На локтях эти шрамы даже не такие уж тонкие. На кистях рук шрамы виднеются тоже — мелкие, часто похожие по форме на овалы или что-то такое. Между большим и указательным пальцами правой руки у неё есть след от ожога — тогда она решила как следует напугать Розу и приложила к этому месту ещё дымящуюся сигарету — один из гостей их матери курил. Было больно. Но выражение на лице младшей сестрёнки... Оно было, пожалуй, бесценно. Как бы банально и странно одновременно это не звучало. Роза сильно напугалась. Даже матери не пожаловалась из-за своей трусости. А ещё на левой руке примерно от запястья до почти что самого локтя виднелся почти что белый рубец. Альфонс тогда умудрился в приступе гнева полоснуть её по руке осколком бутылки. Повреждение было не таким уж серьёзным. Крови разве что было многовато — насилу Мария её остановила. Но Ал был настолько сильно напуган, что Фаррел решила никому об этом происшествии не рассказывать — мало ли на что она могла напороться самостоятельно? Но в тот момент, пожалуй, если бы кровь всё же не остановилась, пришлось бы обращаться к врачу. У Марии было шрамов столько, будто бы она была какой-то шизанутой суицидницей. Но, впрочем, зато у девушки не было ни одного шрама от попытки свести счёты с жизнью. Жить она любила. Она была самовлюблённой Марией Фарелл, но, чего уж там говорить, ей это нравилось. Нравилось быть эгоисткой. В конце концов, это было куда более выгодно. Да и всегда, в случае чего, можно было набросить на себя сочувствующий или заинтересованный вид — и дело было уже сделано.

В наушниках играет музыка. Не слишком громко — она никогда не любила включать музыку слишком громко. Так куда проще становится думать — не нужно слишком сильно напрягаться, ходить по комнате или что-нибудь делать. Можно просто лежать и... слушать. Марии Фарелл, пожалуй, нравится песня. Ал скинул ей её ещё давно. И до сих пор эта песня ей нравилась. Она была... странной. И довольно милой. То, что нужно. Определённо.

Порой всё, что человеку нужно — это хорошая песня и одиночество. Во всяком случае, все духовные потребности это решает весьма неплохо. А если есть какая-то интересная книжка, какой-нибудь захватывающий фильм или сериал — что, вообще, ещё может быть нужно? Друзья, что ли? Нет, конечно, от присутствия рядом Альфонса Брауна Мария Фарелл не отказалась бы никогда — они были достаточно близки друг другу, так что можно было совсем не бояться того, что он не поймёт твоих мыслей или осудит как-либо. Они вдвоём привыкли не осуждать друг друга. Вот Алу всегда нужно было быть старостой в классе. Он никогда этого не признавал, но он искренне радовался, когда старостой выбирали именно его. Он старался как можно лучше распределять время, которое школой выделялось на всякого рода классные нужды — вроде классных часов, экскурсий и походов. Пожалуй, ему подходила и та роль, которая ему досталась сейчас — роль короля. Альфонс прекрасно справлялся с ней, Мария это знала. Никто лучше него не справился бы. И уж тем более — она. Кем бы там ни являлся на самом деле её дедушка.

— Если бы можно было сохранить время в бутылке... — тихонько подпекает она тому, что звучит в наушниках.

Почему-то ей смешно. Нет, не то чтобы она совсем не верила в слова Мердофа — даже наоборот. Мария полностью им верила! Пожалуй, она могла бы прибавить к словам Айстеца ещё много чего, но... Он был смешон. Смешон в своём стремлении что-то ей доказать. В конце концов, это было просто бесполезно. Ал прекрасно знал об этом и никогда не лез, когда дело касалось принципиальных вопросов (скорее даже — принципиальных для него вопросов). Он предпочитал просто спокойно упомянуть это и поступить так, как сам считал нужным. Без сцен, истерик и воззваний к совести. В конце концов, вряд ли был смысл звать к тому, чего отродясь никогда не бывало. Во всяком случае, уж Мария точно не видела в этом никакого смысла.

Неоновые вывески, плакаты с изображениями каких-то звёзд, забавная обложка книги «Молчание ягнят» или «Красный дракон»... Всё это было тем, что можно было назвать новыми впечатлениями. Марии нравилось ходить в кино, нравилось искать мемуары людей, которые в жизни совершили что-нибудь хоть капельку ужасное. Пожалуй, то, что они оказались в тысяча девятьсот девяносто пятом, тоже могло сойти за яркие впечатления. Мария уже плохо помнила то, что происходило в конце двадцатого века — она была ещё маленькой девочкой, так что особых воспоминаний, кроме драк в песочнице и на детской площадке с Алом, у неё не осталось. Может быть, ещё отрывочные воспоминания о мороженом, конфетах и её первом психиатре. Первый психиатр, нужно сказать, был вполне неплох — серьёзный высокий седой человек в деловом костюме, который с ней разговаривал... Он был милый и постоянно твердил её маме, что дело скорее в том, что ребёнку нужно внимание. Больше внимания. И нельзя всё своё время уделять лишь малютке Розе. Если бы Мария увидела этого странного дядьку снова, она бы обязательно поблагодарила его. Он ей нравился. Не заставлял рисовать какие-то глупости, не заставлял отвечать на какие-то странные вопросы... Они просто разговаривали... Мария пересказывала ему свои любимые сказки — «Алису в стране чудес», «Снежную королеву», где ей больше всего нравилась сама Снежная королева, «Песочного человека» «Проделки Камприано» и «Легенды о Робине Гуде», где ей больше всего полюбился шериф, которого она сочла милым и забавным. И над ней не смеялись из-за «всех этих глупостей». Напротив, мистер Уард — так его звали — советовал ей всё новые сказки и книжки, советовал её матери купить кое-какие видеокассеты, чтобы посмотреть весьма хорошие детские фильмы. Марии нравился этот мужчина. Он был достаточно участлив. И с ним было весело. А ещё ему можно было рассказать те странные сны, которые преследовали её с самого детства. Жаль, что не сохранилось телефона мистера Уарда — Мария с удовольствием пообщалась бы с ним снова.

Она смотрит в потолок, почти не моргая, пытаясь получше вспомнить те свои сны, которые она считала наиболее потрясающими и удивительными.

Человек из того сна чаще всего смеялся. У него было занятое лицо. Пожалуй, даже красивое. Его губы постоянно кривила усмешка, а в глазах часто отражалась та ещё жестокость. И гнев. Он, кажется, был ужасно гневлив. Сердился по каждому, даже самому пустяковому, поводу. Из-за каждой мелочи. Нет, пожалуй, это всё — из-за чего он сердился — было не совсем мелочью, но... Кому интересно, что какой-то глупый мальчишка при вылазке в логово какого-нибудь покойного горного королька расшибся и на месяц оказался прикован к постели? В конце концов, его никто волоком в это логово не тащил — он сам

навязался! Нечего всем расплачиваться за глупость какого-то невоспитанного мальчишки!

А ещё, человека из того сна звали Мир. И у него на безымянном пальце левой руки сверкал перстень. Тяжёлый перстень из белого золота с рубином. В перстне словно скопилась чья-то кровь. Возможно — самого Мира. Марии нравилось наблюдать за ним, за его попытками что-либо сделать, которые чаще всего даже удавались, за его ночным чтением у костра, за тем, как из найденных камней он делал разные украшения... Перстни, кольца, браслеты, кулоны... Он дарил их всем людям, кто его окружали. Каждому — что-то своё. Марии почему-то всё чудилось, что ей протягивают кольца и перстни из тёмных металлов со вставленными в оправу почти прозрачными камнями. У Мира были ловкие цепкие пальцы, он мог что угодно поймать ими, сделать ими что угодно. Мария, пожалуй, хотела бы иметь такие руки, как у него.

Драгоценности... У этого человека из сна было много драгоценностей. Он сам словно был таковой. И волосы — у него были золотые волосы. И сам он был, пожалуй, красив, а когда девушка по имени Дея улыбалась, смотря на него, он просто светился от счастья. И Мир много чего умел — починить мог практически что угодно, смастерить тоже мог что угодно, умел и сыграть на том инструменте, похожем на лютню, который принадлежал в этом сне кому-то. Марии он нравился, этот Мир. Он был обаятелен, когда ему хотелось быть обаятельным, и был пугающим, когда ему хотелось быть пугающим.

У Мира были крылья. Это было поистине несправедливо — почему кому-то достаются и ловкие руки, что могут сотворить всё на свете, и сильные крылья, которые могут поднять в воздух, а кто-то обречён вечно ходить по земле и с треском проваливать все поручения, которые касаются какой-то хоть сколько-нибудь тонкой работы? Это было поистине несправедливо и потому крайне забавно. Встреть Мария такого друга или товарища в жизни, она обязательно свалила бы большую часть дел на него. И оправдывалась бы тем, что у неё самой руки растут из не совсем пригодного для этого места.

А ещё он со странной любовью смотрел на странную девушку, которую можно было бы назвать ледяной княжной. На девушку, которую звали Дея. По правде говоря, большинство в том сне называло её Деифилией, но Марии почему-то совершенно не хотелось произносить это ужасное длинное имя. Что оно, вообще, означало? «Дочь Бога»? Но у Деи все платья были в заплатках, а она сама скорее походила на некую... Фанатичку своего рода, что ли? Ей всё было не так. Кажется, ей не нравилось то, что он демон. Так же, не нравилось то, чем он занимался — кажется, дело было в работе с душами. Мария бы хотела сама научиться такому — извлекать души из живых существ и запечатывать их в камни или поглощать их. Камни, в которых находились души, несколько светились. Необычным светом. И носить их было приятнее — это как иметь постоянного собеседника, который не может как-либо тебе возразить или что-либо тебе сделать. А ещё эти камни были теплее. Они могли согреть даже в самый лютый мороз. И были куда более красивы. Марии нравилось носить их на шее, на руках... Они были словно живые. Впрочем, они и были живыми. Мир говорил, что когда в чём-то есть душа, оно автоматически становится тёплым, а когда душа исчезает, исчезает и тепло...

Деифилии это, всё же, не нравилось. Она была красива, но недовольные взгляды, холодные усмешки портили её черты. Она не была Драхомиром, которому всё это даже шло ещё больше. У Деифилии было полно своих забот, как она говорила, помимо Мира. Ей приходилось каждый день что-нибудь штопать, вязать из не слишком хорошей пряжи какие-то вещи, шить юбки, штаны, рубашки, плащи, бинтовать покалеченные руки и ноги,

ухаживать, когда раны были несколько серьезнее пары ушибов или переломов... Наблюдать за ней, когда она была занята работой, было интересно. В эти моменты на её лице появлялось такое презабавнейшее выражение — ну да, только Мария могла счесть его забавным, — что было просто не оторваться! А ещё было интересно касаться рукой тех странных крошечных фигурок из дерева у неё на шее. Она постоянно убирала пальцы Марии, когда та дотрагивалась до фигурок, и недовольно смотрела.

Кто-то, кажется, однажды сказал Марии, что у оборотней таким способом принято почитать умерших родственников. Таким образом, оборотень может связаться с тем, кто ему дорог, или подарить ему вечный покой. Фигурок у Деи на шее было ровно двадцать семь, Фарелл посчитала. Это значило, что весь их умерший оборотничий род с начала времён насчитывал двадцать семь представителей? Или это было число убитых близких родственников Деи? Впрочем, Мария не хотела это спрашивать. Это было бы просто странно. Пусть и так же забавно, как всё, что окружало её здесь — и этот Мир, и эта Дея, и глупый мальчишка, который пытался быть медведем.

В конце концов, это были всего лишь чёртовы сны, которые ей нравились. Снами следовало просто наслаждаться и не особенно думать о том, что они означают.

У Деифилии были прекрасные чёрные волосы. Она любила их расчёсывать. И вплетать в них те редкие ленты, которые ей удавалось раздобыть — ленты, что дарил ей Драхомир почему-то вплетать в свои волосы девушка не собиралась. И ещё ей нравились те редкие снежные розы, которые порой дарил ей Мир. В основном, ему нравилось дарить ей маки и незабудки. Маки и незабудки — тёплые цветы. А снежные розы... Они росли в холодных районах, им почти не требовалось солнца, тепла... Они были совсем холодные. Как и сердце Деифилии. Они были красивы... и бесчувственны. Как она сама.

— У нас в деревне росли снежные розы... — говорила Дея задумчиво. — И ещё росла зимняя вишня. Я люблю вишню.

И Мир приносил ей вишню. Целыми пригоршнями, когда было трудно достать хоть одну ягодку. И цветы. И разноцветные ткани, которыегодились бы ей для шитья. И ленты для волос. И перстни, и кольца, и кулоны, и цепочки... И танцевал с ней на этих кострищах — это единственное, что она позволяла ему... Марии почему-то становилось смешно, а мальчик-медведь недовольно хмурился и бормотал, что не потерпит этого ублюдка рядом со своей сестрой.

А некто подыгрывал им на своей лютне и улыбался, искренне желая счастья своим друзьям. Мария, пожалуй, тоже желала счастья этим двоим. Особенно Миру, пожалуй. Дея была, конечно, очаровательной и милой, и к тому же, шила одежду для всей бравой команды из сна, в которую входила и сама Мария. Разумеется, это было её весьма важным достоинством, но... В конце концов, она сама отвергала Драхомира. Почему бы им не найти себе кого-нибудь другого?

Обычно Мария уходила, вытащив из костра себе на память какую-нибудь тонкую и лёгкую кость. Пожалуй, она бы забрала с собой человеческий череп с куда большим удовольствием, но... Черепа бы стало просто некуда складировать. Вот если бы у этой шайки-лейки было что-то вроде собственного замка, в котором они останавливались после каждой более-менее бурной вечеринки, тогда можно было бы устроить целый сад, в котором были бы целые композиции из всяких костей и тому подобного! Хотя, конечно, забрать целый череп было бы куда более круто, чем отковыривать каждый раз крошечную косточку от кисти руки какого-то человека...

Но почему-то в один из снов она довольно долго сидела, наблюдая за танцем Деифилии и Драхомира. Их слаженные движения, их безукоризненность и безупречность — всё это приводило в восторг. Это был танец разгорячённой битвой стали и тонкого, но непреклонно холодного горного хрусталя...

Должно быть, у этой девушки не было сердца. Как не было его и у Марии Фарелл. А Мир... Влюбляются же всегда в бессердечных.

От заново увиденного сна становится смешно. Мария тянется к телефону, чтобы посмотреть время, и замечает, что прошло уже около часа. Она недовольно морщится и думает, что стоит купить в ближайшей аптеке обезболивающего — если она поспит днём, у неё всегда начинает жутко болеть голова. И ведь не пошлешь же никого в аптеку!.. Эх... Это было, пожалуй, единственное, о чём она немножко сожалела. Совсем-совсем чуть-чуть. Потому что... Ей было банально лень отлепить свою тощую задницу от ковра, на котором она разлеглась.

Уже почти два дня, как она осталась здесь совершенно одна. Кэсс они помогли добраться до нужных ей инстанций около двух недель назад, Рогд ушёл около недели назад, а позавчера ушёл и Мердоф. Ушёл, со злостью и обидой смотря на неё и выкрикивая смешные фразы. Ну... Для Марии — смешные. Она давно это прекрасно понимала. Зачем же он так кричал, так смотрел на неё? А тогда был такой хороший день... Было прохладно и солнца почти не было. Мария не любила солнце. Оно было таким ярким и... пожалуй, противным. Девушке совсем не хотелось видеть его лишней раз. А два дня назад как раз была такая прекрасная погода!.. Ну и зачем же Мердоф устроил весь этот театр именно в этот день? Конечно, его слова не помешали Марии с удовольствием прогуляться по городку и почувствовать на своей голой шее прохладный и сильный ветер, но это всё равно было немного не то. Настроение немного было уже испорчено, не настолько, пожалуй, правда, насколько оно должно было быть испорчено.

— Если бы можно было сохранить время в бутылке... — выдыхает она и поворачивается к стене.

На обоях какие-то каракули. Очевидно, здесь до неё жил кто-то с маленьким ребёнком. Это было забавно... Мария приподнимается на локтях, берёт маркер примерно того же цвета, что и на обоях, и чиркает ещё немного. И улыбается. Ей нравится видеть, как под её пальцами эта стена становится ещё более странной.

Девушка удивлённо хмурится, нащупывая под обоями что-то. Подумав немного, она присаживается на ковре, берёт канцелярский нож — она купила его совсем недавно, а тут такой случай им воспользоваться — и разрезает обои так, чтобы при желании можно было потом приклеить их к стене обратно. Она осторожно приподнимает обои, чтобы посмотреть, что таится в этом импровизированном тайнике и восхищённо охает. В этом тайнике спрятано кольцо — то самое кольцо, железное и со странной надписью на внутренней стороне, — которое Хоффман сказал найти. Забавное крохотное колечко, которое Марии даже на мизинец налезет с трудом. И именно то, которое было в том списке. Надпись Фарелл даже заучила наизусть. Так. Из чистого любопытства и упрямства.

Она улыбается, кладёт кольцо в сумку, предназначенную для этих вещичек, берёт список и вычёркивает одну строчку. Что же... На один «артефакт» меньше. Мария в магию верила с трудом. Даже учитывая то, что она была некогда как бы принцессой «сказочного королевства». Кто может поручиться, что это всё её большие фантазии? В конце концов, школьный психолог что-то там говорил про то, что у ребёнка со столь развитым

воображением, может развиться шизофрения. Никто из психиатров в это не поверил, но... Всё же может случиться, не правда ли?

Пожалуй, это чертовски несправедливо — что кольцо нашла она, а не Мердоф. В конце концов, он был куда более достоин первым найти хоть что-нибудь. Но Мария Фарелл всегда была удачлива. Этого у неё не отнять. Айстечу следовало оставаться с ней, если он действительно хочет что-нибудь найти — Ал говорит, что искать чужое она умеет просто превосходно, пусть иногда и не может по три-четыре часа откопать нужную себе вещь в бардаке своей комнаты.

Мария до сих пор слышит свой ответ. Она лишь съязвила ему в ответ и... согласилась со всеми его обвинениями. Он так на неё смотрел... Фарелл коллекционировала чужие взгляды, если бы это было возможно. Ей бы это весьма понравилось — коллекционировать те улыбки, что были предназначены ей, коллекционировать взгляды (когда — восторженные, радостные, счастливые, а когда — тяжёлые, злобные, отчаянные). Второй вариант взглядов Марии нравился больше. В этой почти что ненависти было что-то привлекательное и забавное. И все эти взгляды были совершенно разными! Не было в глазах двух людей одинаковой обиды или одинаковой злости — что-то всегда было различным.

И нет, ей совершенно не было стыдно за подобное. Ей, вообще, редко бывало стыдно. Тем более, если Мария Фарелл была в чём-то виновата. В конце концов, если было весело — почему бы не посчитать какой-то проступок удачей или заслугой? Вот и то кольцо, которое она нашла, было словно наградой ей за то, какой по сути бессердечной дрянью она является.

Забавно.

Девушка слышит, как кто-то поднимается по лестнице, и закрывает глаза. Ей думается, что, пожалуй, было бы интересно увидеть того, кто собирался прийти к ней. Но что-то заставляет её сдерживать улыбку, смех, закрыть глаза и ждать... Это почему-то кажется вполне забавным. Будет интересно подшутить над тем, кто войдёт к ней. Будет забавно услышать хоть что-нибудь от входящего. К тому же, выглядеть это будет весьма... необычно, пожалуй.

Человек стоит перед ним и усмехается. У него жёсткий взгляд и губы изгибаются в усмешке, пожалуй, даже красиво. И всё же, в нём легко узнаётся тот самый весёлый и обаятельный Мир. Эта жёсткость, переходящая в жестокость, была неотделима от образа Драхомира — безжалостного Ренегата, который предал всех и вся. Другой человек просто не смог бы решиться на подобное. А Драхомир решился. И даже выжил. Смог бы он повернуть такое, не будучи жестоким? Наверяд ли. Танатос прекрасно это понимал. И всё же... Когда он просил демона обучить его каким-то основным приёмам, которые знал сам Мир, Тан совсем не собирался оказываться в странного — и даже жутковатого — вида пещерке с весьма высоким сводом. Наедине с Драхомиром. Сколько там демонов перерезал этот псих? Кажется, порядочно. Чего уж ему справиться с каким-то там беглым отступничком их Чёрного ордена?

Танатос, узнав о всех подвигах Мира, с трудом мог себя назвать и отступничком, хотя раньше всегда гордился предательством того ордена, который воспитывал (мучил и унижал) его три года. Оказывается, эту всю эпопею — как казалось ему раньше — и нормально назвать было нельзя, кроме трусливого вихляния от одной деревеньки к другой. Тем более, всё это было не в одиночку. Рядом с Танатосом всегда находились Хелен и Йохан, а потом и Дея с Асбьёрном. Они были просто кучкой мелковозрастных недоучек, которые трусливо прижимались к друг другу и прятались в каком-нибудь овраге от каждого шороха.

А Драхомира Танатос почему-то не боялся. Нет, совсем не потому, что тот был как-то

доброжелателен к ним или что-то такое — напротив, при их первой встрече он попытался вынуть душу из Деифилии. И, если бы он, Танатос, Йохан и Асбьёрн не подоспели вовремя, то это бы точно произошло. И совсем не потому, что Танатос смог бы одержать над Миром победу каким-нибудь не слишком честным способом — порой бывшему послушнику думалось, что его девизом стало бы что-то вроде «не можешь сделать честно, сделай более выгодно», — хотя бы потому, что Драхомир сам не брезговал (как большинство дураков) разными нечестными способами.

— Итак, подумаем над тем, что ты можешь сделать в этой ситуации — впереди тебя пропасть, перебраться через которую ты не можешь, а позади тебя враг, который неминуемо настигнет тебя, если ты не переберёшься на противоположную сторону. Что делать будешь?

Танатос хмурится и медлит. Он совершенно не боится, нет — ему нечего бояться, кроме обыкновенной простуды. Там, в трёх метрах от него не пропасть. Стоит только кинуться туда — и ты по пояс окажешься в ледяной воде. В совершенно ледяной.

В ледяную воду не хотелось. Там, за пределами той пещеры, где они находятся — вечные снега. Вот бы их растопить!.. Вот бы оставить только малую их часть, а остальное!.. Говорят, внутри их мира расплавленное металлическое ядро... Вот бы его расколоть! Тогда оно грело намного лучше! Тоже согревало, а не только это полупогасшее солнце!

Пожалуй, в ледяную воду не хотелось даже больше, чем не хотелось умирать.

По правде говоря, в подобной ситуации Танатос попробовал бы потянуть время, подождать, пока подоспел кто-то из его друзей или враг будет сбит с толку. А что? Такое бывало! Обычно, в тех случаях, когда Танатос всё же попадался на воровстве... А попадался он довольно часто. Сначала — из-за отсутствия должного опыта, а потом — из-за банальной жадности. Да, у него порой проскальзывали моменты, когда он просто не мог пройти мимо красивых (а главное — дорогих) часов, которые можно было весьма выгодно продать в соседней деревни и купить там... телегу... Или, всё же, сначала лошадь. Та же Хелен бы поехала, она у них была той ещё избалованной принцессой (вот что значит — дочь жреца), или Йохан, который был, пожалуй, инвалидом...

— Не думаю, что у меня есть какой-либо выбор.

Танатос как можно более незаметно смотрит вокруг себя, ища хоть какие-то пути к отступлению. Быть может, можно забраться повыше на скалу... Нужно лишь подойти поближе к более узкому месту и перепрыгнуть (а прыгал Тан вполне даже неплохо, особенно, в экстренных ситуациях).

Нет, к сожалению, у Мира за спиной были крылья, ему совершенно ничего не стоит расправить их в любой момент. Или... Если забраться в ту нишу, что не слишком узка и довольно глубока, можно будет не обращать на назойливого нарушителя спокойствия «прекраснейшей леди из Сонма» никакого внимания. Если тот не решит применить магию. Например — испепеляющую... Кажется, Драхомир был не так уж плох в той магии, которая за несколько секунд обращала человека в пепел.

В пепел Танатосу обращаться тоже не слишком хотелось. Незавидная участь... И даже черепа ведь не оставит! И это с его-то превосходной формой головы! Какое неслыханное варварство! Юный чернокнижник нахмурился. Он бы, пожалуй, построил жалобные глазки, если бы Мир на это купился. А что? Даже самый унижительный способ существования — всё же жизнь!

Когда ему было нужно, Драхомир умел быть тем ещё драконом. И в буквальном, и переносном смысле. Это, конечно, не умаляло всех достоинств демона, он всё равно

продолжал нравиться Танатосу, но... Это были весьма и весьма неприятные свойства характера и магической сущности... Но, конечно, они были не так уж существенны. Вот Йохан, например, тоже злился, когда Танатос умудрялся проигрывать все заработанные им (Йоханом, а не Танатосом) деньги в ближайшем трактире. А Деифилия злилась каждый раз, когда на плаще (куртке, рубашке, штанах, сапогах) появлялась очередная дыра, которую нужно было зашивать (что у Танатоса встречалось не так уж часто — всего лишь раз или два в день, изредка — чуть больше). И Танатос всё равно любил их обоих! И задиристого Асбьёрна, который лез куда ни попади, отбирая эту привилегию у юного Черно книжника.

— Выбор есть всегда. Просто ты не видишь, что можно выбрать.

Танатосу хочется что-то проворчать про жестокость и что-то такое, но Драхомир явно не настроен слушать его слишком долго. Он уже надвигается. И уже готовится применить на Танатосе какую-то свою магию. Кажись, не испепеляющую, но тоже какую-то жуткую и не слишком приятную в ощущениях на собственной шкуре.

Какое-то время Танатос стоит, раздумывая над своими будущими действиями. Нет, это занимает не слишком много времени — всего пару секунд. Сначала ему — где-то с секунду — думается, что в воду он не прыгнет ни за что в жизни, особенно учитывая то, что, во-первых, вода ледяная, а, во-вторых, лететь до неё около трёх метров. Потом — вторую секунду — Танатосу постепенно начинает приходить в голову, что ледяная вода — не самое худшее в жизни. В конце концов, у него всегда было хорошее здоровье. И, может быть, купание в ледяной ванне ему не особенно повредит. И, кто знает, может, даже немного оздоровит его...

Нет, всё-таки, умирать не хотелось куда больше. Это осознание приходит в последний момент — когда Мир стоит уже на расстоянии вытянутой руки до Танатоса.

Он прыгает и оказывается по пояс в ледяной воде. А Драхомир наверху хохочет. Танатос кинул бы в него огрызок яблока, если бы таковой у него имелся! Между прочим, во время падения он умудрился серьёзно оцарапать руку (но, конечно, Деифилия будет возмущаться из-за разорванного рукава, а не из-за покалеченного предплечья Танатоса!) и подвернуть ногу!

— Помочь? — всё так же задыхаясь от смеха спрашивает Драхомир, присаживаясь на колени и протягивая Танатосу руку.

Черно книжник кивает и тянет руку в ответ. В его голову уже пришла вполне неплохая идея. Как только он чувствует, что держит руку Мира достаточно крепко, он со всей силы тянет его на себя. И весьма вовремя отпрыгивает, потому что демон падает в эту «пропасть» просто мешком. И даже ледяные брызги не омрачали того веселья, которое чувствовал Танатос.

Она слышит приглушённый вздох и то, как кто-то присаживается рядом с ней. И это явно не Мердоф — тот ступал куда более легко. А от того, кто сел сейчас рядом с ней, вдобавок, пахнет кровью. От Мердофа кровью не пахло никогда. И гарью тоже не пахло. От него, вообще, ничем и никогда не пахло. Марии вспоминается тот демон, с которым она не так давно заключила контракт.

Фарелл открывает глаза и довольно усмехается — это был именно он. Видимо, с определением принадлежности человека у неё было порой не так уж плохо. Она с интересом смотрит на Райана, который выглядит чуть-чуть не так, как выглядел в их предыдущую встречу. Сейчас он выглядит более... слабым. И подавленным.

— Ты одна? — спрашивает Марию Райан.

Голос у него слишком тихий... Даже странно немного. Он словно бы неживой. Нет, он не похож на оживший труп или что-то такое, хотя, кто их, демонов, знает. Фарелл немного этостораживает, хоть она и не стремится подавать вида. В конце концов, Райан был не так уж плох — он предложил весьма интересную сделку (хотя, возможно, и не совсем честную).

Девушка кивает и садится. Проводит пальцами по ворсу ковра. Ей нравится этот мягкий ковёр. Пожалуй, это было одно из неоспоримых достоинств того номера, который она сняла в этой маленькой гостинице. Ещё одним преимуществом — тоже неоспоримым — было наличие маленького железного колечка в дырке в стене, что была заклеена разрисованными обоями.

Мария, со вздохом, выключает музыку на своём телефоне и вынимает из ушей наушники. Почему-то ей не слишком приятно продолжать слушать музыку прямо при Райане. Ал всегда говорил, что это её плохая привычка — будто бы это сразу показывало, что Мария была недовольна разговором и показывала этим, что её отвлекли от крайне важного дела.

— Что это с тобой? — хмуро кивает она на темнеющую неглубокую рану на его шее.

Словно бы от когтей, думается Марии. Или нет?.. Похоже на то, что его кто-то цапнул. И... вряд ли животное. Ну не человек же! Хотя... Кто этих демонов знает... Может, выбивал очередную сделку, ну а жертва строптивая несколько попалась. Совсем чуточку...

Мария с сожалением глядит на свои короткие обгрызанные ногти. Эх... А ведь она бы тоже могла его хорошенько цапнуть. И посмотреть, как бы он на это среагировал. Непростая, пожалуй, была у этих работёнка... И ведь никогда не знаешь, что за человек тебе попадётся! А вдруг — какой-нибудь псих?

— Почему ушёл тот парень, который был с тобой? — спрашивает демон.

Марии кажется, что она снова видит, как смотрит на неё Мердоф, как убегает, не взяв даже каких-то денег — ему здесь они явно пригодились бы, особенно, учитывая то, что документов у них обоих нет. Но у Марии Фаррел хотя бы есть какие-то знания и скромные средства, поставленные Георгом Хоффманом. Мердоф... Какой же он был всё же наивный... А она ведь — дрянь такая — ему ни про деньги, ни про фальшивые документы и не напомнила...

— Я обидела его, он ушёл, — пожимает плечами бывшая принцесса. — А тебе-то какая разница?

Демон смотрит на неё с каким-то сочувствием. Это, пожалуй, раздражает. Он смотрит так, как будто думает, что что-то понимает. Только вот... Ни черта он не понимает. Потому что он нормальный. Потому что ему было бы стыдно за подобное поведение. А Марии — не стыдно. И не жаль. И порой от этого было так паршиво, что жить не хотелось.

— Тебе тяжело без него? — сочувственно бормочет Райан.

У него серые глаза... Светлые-светлые... Марии нравится их разглядывать. Пожалуй, она бы сейчас решилась на что-нибудь вопиюще наглое, если бы не чувствовала себя такой усталой. Например, поцеловала бы его в губы. Или схватила бы тот маркер, которым она рисовала на обоях, и пририсовала бы Райану усы. А что? Смотрелось бы вполне забавно. И она уже почти тянется к маркеру, как вспоминает о том, что демон её о чём-то спросил.

— Мне? — удивляется Мария. — А мне-то что? Это он ушёл. Не я.

Он впивается в неё взглядом своих холодных серых глаз. Не понимает. Удивлён. И смотрит опять с каким-то уже ставшим для неё привычным восхищением. Это удивительно и

замечательно, что люди обладают свойством не понимать друг друга. Люди и не должны понимать, что творится в голове человека, который находится рядом с ним. Иначе, жить будет не так интересно. Должно быть всё. И обман, и предательство. Только так жизнь ощущается полностью.

— Ты даже не стала останавливать его?

«Как будто тебя, не мучает совесть» — эти не произнесённые слова словно бы повисают в воздухе. Совесть... Какое глупое слово... Как будто у девчонки по имени Мария Фарелл она была? Ох... Это же был самый настоящий атавизм — то, что, должно быть, и должно было существовать и проявляться у людей в Средние века или чуть попозже, но в современном мире бы просто мешало!

— Скажи мне — зачем мне делать это? — спрашивает принцесса. — Да, я считаю себя в чём-то виноватой, но это не значит, что я буду его останавливать.

Мария тянется к нему рукой, касается рукой темнеющей раны на его шее, проводит пальцами по образовавшейся корке, смотрит на появившееся вокруг раны воспаление. Если бы разговор шёл об её ране или царапине, она не задумываясь бы сковырнула бы эту корку. Ей нравится чувствовать эту рану под своей рукой. Она и сама не знает толком — из-за чего. Но это доставляет какое-то странное удовольствие.

— Лучше объясни мне, кто это тебя так расцарапал! — смеётся девушка.

Он не отвечает... Отводит взгляд и только как-то что-то растеряно бормочет. Словно на его совести был какой-то груз, который Мария вряд ли смогла бы понять или испытать на себе. Она не совсем понимала его. И, пожалуй, это было потрясающе — что они оба не могли понять друг друга полностью.

Люди и не должны понимать друг друга. И демонов это тоже касается.

На душе куда спокойнее, когда не знаешь, что в голове другого. Подумать только — быть может, он в деталях обдумывает способ, которым будет долго и мучительно тебя убивать! Он никогда не решится на такое, но ты будешь от него шарахаться! Это не самый лучший вариант! Далеко не самый лучший! Так разве не знать того, что думает твой сосед по парте, сосед по комнате или просто знакомый, не проще?

— У тебя все руки в шрамах... — шепчет Райан. — Из-за чего это?

Он осторожно проводит своим огрубевшим пальцем по тому шраму — от бутылки. Девушка задумчиво следит за его действиями. Порой ей кажется, что если надавить достаточно сильно, шрам разойдётся. Но Райан не надавливает. Лишь проводит как-то слишком уж осторожно, словно бы она принцесса какая! Ах, точно... Она же вроде как и есть принцесса. Бывшая. Ну да всё равно — не сахарная. Не рассыпется.

— А это твоё дело? — Мария осторожно выдёргивает руку из его хватки и усмехается.

Она смеётся, но смотрит с вызовом. Совершенно не боится его. Райана это заводило. Он не мог отойти и на шаг от этой девчонки — что-то заставляло его смотреть на неё почти постоянно. И видеть Танатоса. Видеть смеющегося живого Танатоса, который совершенно не держал на него зла — просто жил, как жил и всегда. Чернокнижник не особенно любил на кого-то сердиться. В основном, он был как-то потрясающе смешлив и мрачен, участлив и равнодушен одновременно. А ещё — азартен. Кто, как не Драхомир, Танатос и Асбьёрн, мог быть так азартен?

Райан выводит её на улицу. Что-то говорит о том, что нужно сделать. А она идёт, не слишком-то и сопротивляясь. Напротив — с каким-то азартом в глазах, которого демон почти что боится. За столь большой промежуток времени он уже успел отвыкнуть от той

мысли, что его могут не бояться. И что его не собираются бояться. Даже смелая крошка Сара его боялась. Что уж говорить об Алесии, которая была испугана настолько, что не могла и пошевелиться? А Мария почему-то страха не чувствовала вовсе.

— Ладно, чего уж там — погнали, Райан! — улыбается девушка, усаживаясь на мотоцикл.

Он тяжело вздыхает и что-то снова бормочет. Марии приходится обернуться и удивлённо на него посмотреть, чтобы расслышать его бормотание. Увидев её несколько недовольный взгляд, демон и вовсе виновато опускает глаза. И Фарелл думается, что, пожалуй, она ничего не понимает в этой жизни. Пусть в этом открытии и не было ничего нового или необычного.

— Я думаю, тебе стоит знать, что меня на самом деле зовут Ратмир... — бормочет он, присаживаясь за её спиной.

И девушка чувствует на своей талии его руки. Чувствует, как он цепляется за её куртку и свитер. И ей думается, что, если она разгонится достаточно сильно, его это мало спасёт. А вот её любимые вещи он порвёт. И она будет на него очень сильно злиться.

— О! Да мне плевать! — хохочет Мария. — Но если хочешь, буду звать тебя Ратмиром. Но не Миром. На Мира ты не тянешь, не обижайся!

Он потрясённо выдыхает. И обхватывает её ещё сильнее. Девчонка недовольно морщится, но ничего не говорит. Лишь как-то насмешливо хмыкает. Но не произносит ничего, что могло бы выдать её недовольство. Молчит. И, Ратмир уверен в этом, улыбается. Насмешливо. Зло. Смеясь над ним, таким дураком. А ведь он уже не так молод даже для демона...

Это Танатос, думается ему. Это не может быть кто-то иной, кроме Танатоса. Кроме его господина Танатоса. Определённо, эта смешливая упрямая девчонка — реинкарнация не менее смешливого и не менее упрямого Танатоса. В этом уже не может быть каких-либо сомнений. И Ратмиру думается, что именно поэтому рядом с девчонкой Марией Фарелл он чувствует себя таким же счастливым, каким был когда-то.

Что ни говори — находиться вечно в состоянии ожидания очень трудно.

Куда легче как-либо действовать — смело, открыто, бесстрашно.

Куда легче оказаться лицом к лицу с опасностью, одному идти против миллионов...

В ожидании тяжело находиться даже неделю.

Что уж говорить о пятидесяти тысяч лет, каждый год из которых наполнен тоской и болью по ушедшему?

Что уж говорить о пятидесяти тысяч лет — и о каждом миге, что лежал между концом прошлого и началом будущего?

Пожалуй, вечное ожидание — вот расплата за трусость.

Комментарий к II. Глава тридцать восьмая. Ожидание.

* Йовин — Он и Она

Песня, которую слушала Мария:

Jim Croce — Time In A Bottle

===== II. Глава тридцать девятая. Право рождения. =====

Я повидала мир,

Добилась всего, заполучила свой кусочек счастья.

Алмазы, бриллианты и Бель-Эйр 1

Жаркие летние ночи в середине июля,

Когда мы оба бесконечно теряли над собой контроль,
Сумасшедшие дни, городские огни,
Ты играл со мной, как с ребенком.
Будешь ли ты все так же любить меня,
Когда я перестану быть юной и прекрасной?
Будешь ли ты любить меня,
Когда у меня не останется ничего, кроме истерзанной души?
Я знаю, что будешь. Я знаю, что будешь.
Я уверена, что ты все ещё будешь.
Будешь ли ты любить меня как прежде,
Когда моя красота померкнет?
Я видела мир, разукрасила его огнями, как свою сцену.
Направляю ангелов, теперь наступила новая эра.
Жаркие летние деньки, рок-н-ролл
Ты играешь на своих концертах для меня одной,
И я до конца познала
Твое красивое лицо и наэлектризованную душу.
Будешь ли ты все так же любить меня,
Когда я перестану быть юной и прекрасной?
Будешь ли ты любить меня,
Когда у меня не останется ничего, кроме истерзанной души?
Я знаю, что будешь. Я знаю, что будешь.
Я уверена, что ты все ещё будешь.
Будешь ли ты любить меня как прежде,
Когда моя красота померкнет?
Господи, когда я попаду в рай,
Позволь мне забрать с собой своего мужчину.
Когда он будет здесь, скажи мне, что ты разрешаешь.
Отец, скажи мне это, если можешь.
О, это изящество. О, это тело.
О, при виде его лица, я хочу веселиться.
Он — мое солнце, и я сияю ярко как бриллиант.
Будешь ли ты все так же любить меня,
Когда я перестану быть юной и прекрасной?
Будешь ли ты любить меня,
Когда у меня не останется ничего, кроме истерзанной души?
Я знаю, что будешь. Я знаю, что будешь.
Я уверена, что ты все ещё будешь.
Будешь ли ты любить меня как прежде,
Когда от моей красоты не останется и следа?
Будешь ли ты любить меня как прежде,
Когда от моей красоты не останется и следа?
Будешь ли ты любить меня,
Если я не буду юной и прекрасной?*

Около хрустальных скал было прохладно, если не сказать промозгло. Здесь всё почти

насквозь продувалось холодным морским ветром. Погода постепенно ухудшалась — было уже начало ноября. Люди старались как можно реже высовывать свои носы из дому, словно боялись их отморозить. А уж в этих-то краях!.. Хрустальные скалы были одной из достопримечательностей королевства Грисиаль, но в основном сюда приезжали летом или зимой — осенью здесь постоянно были ветра, ну а весна, и вовсе, далеко не самое приятное время года. А зимой хрустальные скалы пели... Сверкали, покрытые белоснежным покровом, в лучах зимнего солнца и издавали звуки, которые могли бы сойти за пение... Тут было весьма красиво. Пожалуй, даже больше, чем просто красиво. Иногда здесь бывало лучше, чем где-либо на всём белом свете. Всё же, именно за этим зрелищем приезжали люди в королевство Грисиаль. А в ноябре здесь было что-то даже более забавное и любопытное, чем обычно. Здесь было совершенно пусто — никого, по всему правому берегу реки Нрольгавы, ни одного гостевого домика, где кто-то бы жил. Только четыре человека, которые прибыли сюда, удивив владельца того гостевого домика тем, что прибыли они явно не слишком-то вовремя, а так же, своей щедростью. Ему заплатили даже больше, чем он просил. К счастью, и условия проживания в том домике были весьма хороши — нужное количество комнат, в которых можно было топить, небольшая — не слишком, правда, подходящая для неё — библиотека, завтраки, обеды и ужины, которые каждый день приносила хозяйская дочка или племянница. А хрустальные скалы были хороши и в это время года. Пусть они не сияли теперь на солнце — солнца теперь почти не было — и не пели, но они были прекрасны даже теперь, такие, почти прозрачные и неприступные. Та магматическая порода, что образовала скалы, вовсе не была хрусталём. Точнее, именно она и была настоящим хрусталём, это потом люди стали называть те странные камушки хрусталём. А это был он — прочнейший эльфийский хрусталь, который было невозможно разрушить ничем, кроме какого-то поразительного изобретения алхимиков Фальрании — оно разъедало этот камень...

Джулия Траонт зябко куталась в свою меховую накидку от холода. Пожалуй, ей и вовсе не стоило здесь находиться. Ветер здесь был наиболее сильным. Да и забираться на скалы было, пожалуй, весьма трудно. До хрустальных скал нужно было идти около часа от их дома по узкой тропинке, а потом ещё где-то минут двадцать идти по тому, что и тропинкой было совестно назвать. Нужно было опираться рукой на выступы в скале, чтобы забраться повыше — туда, откуда можно было увидеть и оба берега Нрольгавы, и устье реки Доиринн, впадавшей в Нефритовое море... Если идти по берегу реки Доиринн достаточно долго (через тот лес, через который она протекает), можно добраться до старинной эльфийской крепости Вирджилис. Крепость практически разрушена теперь, и вряд ли хоть кто-нибудь там бывает, если только дети — люди этих мест не слишком много думают над философскими проблемами, историей, сказками и легендами, они живут теми бытовыми мелочами, без которых невозможно посеять рожь, пшеницу, посадить яблони, груши, вишни... Им совершенно безразлична история. Многим из них. Джулия уже некогда бывала здесь... Они тогда остановились здесь с Денебом... Ему было некуда, а ей просто не хотелось возвращаться. Где-то около полутора месяцев пробыли они здесь — ходили и к крепости Вирджилис, Джулия тогда любовалась величием разрушенной цитадели, а он декламировал стихи какого-то поэта из своего королевства. А потом она ещё почти простудилась, постояв вот так на скале около трёх часов в одной ночной рубашке, просто потому, что ей было весело. И хотелось подумать. Леди Траонт улыбается и вспоминает горячие руки принца Денеба на своих плечах. Пожалуй, это было очень приятно — обнимать его в ответ и

смеяться по какому-то существу пустяку. И ещё было приятно чувствовать, как он заплетал ей косу... И тогда им обоим казалось, что они не принц и принцесса (пусть к тому времени она и была уже скорее герцогиней), а обычные люди, которым позволено прожить свою жизнь так, как им хочется... Он оказался очень нужен ей в тот момент. И герцогиня Джулия всю жизнь будет благодарна своему принцу Денебу за то, что он не ушёл тогда... За то, что позволял целовать себя, брать своё лицо в руки, перебирать свои волосы, шутливо щёлкать по носу... О тех днях у леди Траонт остались одни воспоминания. Но какие это были воспоминания! Никто из высшего круга Орандора не счёл бы их приличными. Но те воспоминания были чудесными! Совершенно прекрасными, яркими и замечательными! Никогда в жизни до или после того путешествия она не ощущала себя такой счастливой... И герцогине Траонт снова кажется, что она чувствует губы принца на своей шее, на своих плечах, на своей груди... Ей нравится эта деревня. Хотя бы потому, что она потворствует её этим *reu carrice*. Орандор не потворствовал. Её родное королевство часто было слишком скучным и однообразным. Конечно, с приходом молодого короля многое изменилось, но, всё же, недостаточно многое. Многие герцоги, графы, бароны или баронеты так и остались скучнейшими по сути людьми, не видящими ничего дальше морали. Как будто от того, соблюдает ли все моральные нормы человек, зависит, насколько счастлив он окажется в своей жизни. Джулия же всегда считала, что дело совсем не в этом... Ей куда более приятно вспоминать о днях, когда она совершала безумства, глупости, которым вряд ли нашлось бы оправдания, когда она кричала, закатывала истерики, а потом хохотала, когда они с Денебом зашли по пояс в озеро Эитн, будучи в одних тонких сорочках, через которые так легко можно почувствовать тепло чужого тела, ей куда более приятно вспоминать, как легко рвётся ткань этих самых сорочек, чем о том, что она выглядела приличной и достойной молодой особой. Ей куда больше удовольствия — того удовольствия, что плавно поднимается в душе и переворачивает всё мировоззрение в один миг — доставляет воспоминание о том звуке, с каким разорвалось её жемчужное кольцо, с каким упали на пол драгоценные камни... Ей куда больше удовольствия доставляют мысли о том, насколько это всё было безумно. И волшебно. Хоть и совершенно аморально. Губы Джулии Траонт расплываются в улыбке.

Герцогиня зябко кутается в свою меховую накидку и думает о том, как сладко и прекрасно было бы повторить всё, что происходило около тридцати лет назад здесь... Она улыбается и убирает прядь волос со своего лица. Подумать только — ей уже столько лет, а они по-прежнему такие же чёрные. Волосы Денеба уж давно поседели — Джулия видела его несколько раз после того, как они расстались. Видела его жену, его детей... Видела и умирающего несчастного Якова, и останки погибших так скоро Лирты и Миланы... Джулия вздыхает. Как бы ей не хотелось того, чтобы те воспоминания снова захлестнули её, она никогда в жизни не позволит себе как-либо просить Денеба о чём-либо. У него была своя жизнь, у него было своё горе. И Джулии Траонт не было больше места в истории его жизни. Так что уж было мозолить ему глаза своим присутствием? Герцогиня улыбается и достаёт из кармана накидки берилловый перстень. Ей нравится думать, что эту вещь некогда она незаметно стащила с пальца Денеба, когда тот ничего не видел... Ей нравится думать, что всё то, что было у неё в прошлом, никогда уже не повторится. И ей было страшно думать об этом. В этом, пожалуй, было особое удовольствие — в этом страхе.

Было здорово чего-то бояться.

У неё была своя жизнь. С братом, с сыном. Даже с Жаном, с милым мальчиком из капеллы, который так ей понравился... Но воспоминания о том времени, когда она

путешествовала вместе с людьми, которые стали ей так дороги, постоянно преследовали её. Джулия просто не могла от них отказаться. Даже ради своего сына. Ей хочется думать, что она — не просто герцогиня. Что у неё была своя жизнь. Странная, неправильная и бесконечно увлекательная. Что поделатъ — всю свою жизнь она потратила на поиск удовольствий. Свои маленькие прихоти она любит слишком сильно. Она никогда не смогла бы от них отказаться. Это бы было для неё практически равносильно смерти — потеря положения, денег, титулов... Потому что это бы означало крах всего, чего она добилась.

У неё была своя жизнь. В королевстве, которым некогда правил её отец. В королевстве, в котором она родилась и выросла. В поместье, в садах которого каждую весну цвели вишни. Их сок был похож на кровь. По цвету, во всяком случае. Да и по ощущениям тоже. Забавная аналогия. Вишня — самое кровавое дерево, пожалуй, которое только возможно представить. И одно из самых удивительных растений. Джулия многое повидала — она имела возможность ощутить на себе всю несказанную прелесть этого мира, — но порой замечала самые удивительные вещи в том, что никто не считал удивительным или хотя бы прекрасным. Каждый миг, прожитый герцогиней Траонт, вряд ли можно было назвать прожитым уж точно не зря. Были ошибки, было чудовищное самолюбие, мешавшее ей слишком сильно любить людей или хотя бы доверять им так, как они того заслуживали. Она не слишком хорошо умела быть мягкой или нежной. То и дело прорывался её скверный норов, как все говорили... Ни с кем она не была почтительна или покладиста должным образом. Наверное, именно поэтому в её судьбе всё складывалось так — тяжело, со скрипом, невыносимо и... чудовищно прекрасно. Пусть далеко не каждый миг в её жизни был полезен, но почти что каждый был бесподобен, волнителен, ослепителен... Разве это было не потрясающе? Это безумное хвастовство и удалъ, эти завораживающие, сбивающие с толку взгляды, эти ехидные и бесконечно бесподобные улыбки, эта непозволительная вседозволенность, во всяком случае, иллюзия вседозволенности, красивая и безупречная иллюзия, и это целиком и полностью бессмысленное зубоскальство, и всё это без малейшей ноты неприличия. Наверное, именно поэтому, так развратно и бесстыдно это смотрелось. И Джулия не променяла бы свою бессмысленную и глупую погоню за удовольствиями ни на какую другую судьбу, пусть и такую, которая принесла бы куда больше доброго мнения в глазах других. Да и что было оно — это доброе мнение? Разве было в свете хоть что-нибудь более бесполезное? Бесстыдство было куда более заманчиво. Непристойность, развратность — они были лишь одним из тех удовольствий, которые так мало себе позволяют. Они были тем, что позволяло порой чувствовать себя живым.

Забавно было то, что для того, чтобы выглядеть *outrageusement*, неподобающим образом, нужно было совсем немного... А чтобы слыть праведником, порой можно было делать всё, что угодно. Достаточно лишь одного чуть более сокровенного, тайного, личного, долгого, нежели подобает, касания пальцами чьих-то скул — и во всех светских салонах будут долго говорить об этом.

Джулия Траонт стояла практически на скале и любовалась открывшемся ей видом, кутаясь в свою меховую накидку от холодного ветра. Ей думалось о том, как однажды она уже здесь бывала... Как проплывали они на лодке по этой реке, как спустились к озеру... И от того, насколько близкими, насколько важными кажутся эти воспоминания, становится так хорошо и спокойно на душе... И думать ни о чём больше уже не хочется.

Пальцы зарываются в густой мех. Сложно описать, насколько это оказывается приятным. После этой треклятой погони просто валяться на шкурах было даром небес. Двое

суток длилась та охота. Не счесть убитых. Не счесть павших. И всё же он выжил. И его конь перепрыгнул тогда через тот овраг. Подумать только — он мог бы лежать в этой канаве со свёрнутой шеей. Крайне неприятное зрелище. Юноша не раз видел тех, кому сворачивало шею. И это было безобразно.

Всё его тело ужасно болит. Невозможно даже пошевелиться. Он просто лежит на шкурах и старается не слишком двигаться. Неглубокая рана на его шее ноет и пульсирует. И он бы с радостью сделал бы всё, что угодно, чтобы это прошло. Каждая такая охота на несколько дней выбивала его из привычной колеи. На следующий день он обычно не мог встать ещё и из-за ужасной головной боли... Ещё несколько дней он будет чувствовать себя просто отвратительно — совершенно разбитым и опустошённым.

Была б его воля — устраивал бы такие охоты каждую неделю...

Впрочем, пожалуй, основной причиной его усталости был тот приём, который устроил отец сразу, как только они воротились с охоты. Юный эльфийский князь ненавидел приёмы и знатные ужины. Во-первых, на них было ужасно скучно, из-за чего постоянно клонило в сон, а во-вторых, нельзя было даже пошевелиться лишней раз, чтобы не заслужить очередного укоризненного взгляда, а то и язвительного замечания. Ох, как же это всё порой раздражало! И особенно — это умение Мастемы всё и всегда портить! Юный князь вздыхает и кое-как переворачивается на спину. Лежать так несколько удобнее.

Дверь в его комнату тихонько скрипит. Кто-то тихо проскальзывает в его покои. Тихонько. Неслышно. Бесшумно. Очевидно — идёт по мягкому ковру, который занимает большую часть пола. И юному эльфийскому князю думается, что нужно бы приподняться на постели и посмотреть на того наглеца, который посмел прийти к нему сейчас, когда он так устал, но на это нет никаких сил. Да что там — не хочется даже голову поворачивать... Кто-то берёт в свою руку его пальцы. Эльфийский князь думает, что, пожалуй, это даже весьма забавно — когда кто-то так осторожно касается его рук. Словно боясь ему как-то навредить своими прикосновениями... А потом... Потом он почти удивлённо вздрагивает, когда понимает, что его пальцев, его перстней теперь касаются чьи-то губы. Он кое-как приподнимается на постели — осторожно, чтобы случайно не ударить человека, пришедшего к нему — и отводит свою руку назад, убирая её от губ целовавшего.

Он улыбается и касается нежно тёмных волос той, что стоит сейчас перед ним на коленях, пытается целовать его руки и тоже улыбается. Нет — смеётся. Хохочет. Вот же... Он заглядывает в эти лучащиеся радостью глаза и понимает, что, пожалуй, вот за это он готов высидеть сколько угодно скучных приёмов. А девчонка всё ещё хохочет и снова хватается за руку, и снова подносит её к своим губам. И наследному эльфийскому князю думается, что это просто издевательство — иначе и назвать нельзя. И он снова пытается убрать руку от её лица. И снова — безуспешно.

— Сабаот... — смеётся юноша. — Сабаот, тебе незачем делать это! Вот же глупая девчонка! Сабаот!..

Ему смешно от осознания того, как нелепо они выглядят в данный момент. Он пытается чуть приподняться на постели, но ему не дают этого сделать. Наглая девчонка быстро опрокидывает его обратно и усаживается ему на бёдра, упиравшись локтями в грудь, не давая больше подняться. Она берёт его пальцы в свои и тоже смеётся. И ему кажется, что в таком виде — растрёпанная, улыбающаяся так возмутительно странно, со сверкающими неким сокровенным — только для него одного — блеском зелёными глазами — его маленькая Сабаот особенно прекрасна. Его удивительная Сабаот... Потрясающая... Замечательная...

Она без всякого стеснения проводит своими тоненькими белыми пальчиками по его скуле, спускается по шее, небожно щипает плечо. А потом задерживается недолго на той не слишком глубокой ране — всего лишь царапине, хоть отец и запретил ему некоторое время охотиться или участвовать в битвах — с другой стороны его шеи. Она улыбается так бесстыдно открыто и спокойно, что у него пересыхает горло. Юноша чувствовал, что практически задыхается от того невыносимого восторга, в котором сейчас находился. Он пытается рукой дотянуться до её мягких чёрных волос, но ему не дают этого сделать. Нахальная девчонка перехватывает его руку и подносит к своему лицу, долго смотрит на перстни на его пальцах... Ему смешно и совсем чуть-чуть страшно от мысли, что кто-нибудь может войти в его покои — хуже всего, если то будет отец. Он не поймёт... А Сабаот касается своими пальцами рукава его шёлковой рубашки и почти хихикает. Проводит осторожно по ярко-алому узору, что был вышит матушкой. Задевает подушечками белых пальцев старый рубец на его запястье. Это почти больно. Лишь чуть-чуть. Недостаточно сильно, чтобы сердиться на эту безрассудную и глупую девчонку. А он продолжает лежать, даже не думая о том, чтобы сбросить её со своих бёдер. Хотя... Наверное — думая. Он бы хотел её сбросить на ковёр, нависнуть над ней и начать щекотать. И Сабаот снова толкает его в грудь, заставляя опрокинуться на подушки.

— Ты же целуешь мои руки, Абалим, — улыбается девушка, поднося к своим губам его пальцы. — Почему же я не могу поступать так же?

Расшитый серебром и жемчугом сарафан был подарен ей на именины «дядюшкой Григори», как его называли все сёстры Абалима. Сам юноша никогда не любил его, этого слащавого старикашку, что пытался подкупить своими глупыми подарками Сабаот, Бефору и Эмпириан, а так же их отца... И всё же, Абалим не может не признать, что на его Сабаот сарафан смотрится чудесно. Она кажется такой хрупкой в этой одежде, что ему страшно даже обнять её — кажется, что она рассыпется от одного его прикосновения. Но она сидит прямо на его бёдрах, смотрит с вызовом и смеётся. А он совершенно не сопротивляется этому (ну, почти), улыбается и гладит свободной рукой её спину. Словно бы так и должно быть, думается Абалиму.

Нет, пожалуй, именно так и должно быть — они должны быть постоянно рядом, чувствовать друг друга, прикасаться к коже, держаться за руки, чувствовать тепло друг друга... Они ведь близнецы, думается юному эльфийскому князю. Они имеют право быть друг другу более близкими, чем этого позволяют приличия. Они — одно существо. Как они могут ночевать в разных комнатах, проводить время по-разному? И как им могут не позволить находиться рядом в одной комнате, как им могут не позволить быть слишком близкими друг другу? Да и как они, вообще, могут быть слишком близки? Как? Разве могут близнецы не быть одним существом, как это было у них? Разве могут они выдержать всё это — все эти глупые правила, которые касались братско-сестринских отношений? Разве такое возможно? Разве они не созданы богами, как одно целое? У Сабаот руки становятся холодными, когда Абалим их не согревает слишком долго, а у Абалима темперамент слишком горячий, должен же хоть кто-нибудь это остужать... Ему иногда кажется, что он совершенно не способен остановиться вовремя. Впрочем, пожалуй, не кажется. Он никогда не умел делать это. В лучшем случае приходила его умница-сестра и, обняв его, уводила в другую комнату, заставляя кое-как «остудиться», прийти в себя и несколько осознать то, что он обычно успевал повернуть на «горячую голову».

Немного подумав, юноша кое-как отстраняет от себя Сабаот и подходит к двери, после

чего запирает её. Совершенно ни к чему, чтобы кто угодно мог войти к ним в такой момент. И так, слишком часто уж мать одёргивает их обоих, чтобы вели себя «более прилично». Но как она не может понять, что просто не в состоянии Сабаот не кинуться брату на шею, когда тот приезжает после похода или охоты? Как она не понимает, что ему просто необходимо подхватить сестру на руки, уткнуться носом в её шею и фыркнуть от смеха, потому, что её волосы щекочут его шею? Разве не она сама их выносила? Почему же она не хотела понимать, что это не просто блажь, когда они обнимают друг друга, когда Сабаот мечтательно прижимается к его плечу и шепчет что-то из тех вещей, которые она так любит... Почему мать не хотела этого понять? В подобных отношениях между близнецами нет ничего постыдного или плохого. Они просто одно существо. Каждому же человеку время от времени нужно обхватить себя руками и побыть наедине с самим собой... Почему же им двоим не позволяли этого делать?

— Я твой брат... Я и должен так делать, — произносит Абалим серьёзно. И почему-то даже не думает смотреть в эти смеющиеся зелёные глаза. В такие родные ему глаза. Нет — в свои собственные...

Кто-то же должен целовать твои руки, хочется сказать ему. Кто-то же должен... И кто-то обязательно должен подхватывать тебя на руки, хочется сказать Абалиму. Ещё хочется добавить, что он ни за что на свете не спускал бы её со своих рук, если бы она ему это позволила.

Сабаот этого заслуживает. Заслуживает того, чтобы её любили так же, как её любит её брат. Она заслуживает, чтобы все её так любили. И Абалим искренне удивлён, что мало кто видит ту красоту, которую он способен в ней разглядеть. Она ведь совершенно другое, не то, что о ней говорят. Не холодная вовсе, не ледяная, не каменная... Она — его насмешливая младшая сестрёнка Сабаот, которую нужно носить на руках и постоянно целовать. Даже тогда, когда она бывает ужасной врединой. Ужасной несговорчивой врединой... Даже тогда она заслуживала всего самого прекрасного и чудесного. Но почему-то никто особенно этого не понимал. Тот человек, которого отец прочил ей в женихи, кажется, делал вид, что понимает. Абалим не выдержал тогда и спустил этого лицемерного типа с дворцовой лестницы. Кажется, этот ужасный человек чуть не свернул себе шею. А Абалим потом едва отошёл от той взбучки, которую задал ему отец. Сабаот втихаря потом приходила каждый день, наверное, целый месяц и удивительно терпеливо мазала ему спину и... то, что ниже. Впрочем, что говорить о том, что случилось после с самим Абалимом, если тот тип, всё-таки, уехал и отказался брать в жёны Сабаот? Она была ещё слишком мала, чтобы выходить замуж. И пусть Сабаот младше его всего на час, она всё равно слишком мала! И пусть им обоим уже по семнадцать лет...

Абалим улыбается почти радостно и осторожно целует сестру в шею.

Девушка чуть недовольно хмыкает, а потом забирается своими холодными руками ему под рубашку. Проводит по груди, потом по животу, потом опускается ниже. Он вздрагивает от каждого её прикосновения. Слишком холодно, слишком щекотно, слишком приятно и слишком радостно... Трудно передать, какой восторг он испытывает, когда чувствует её руки на своей коже.

— Сабаот! — охает он. — Ну зачем ты это делаешь? Я боюсь щекотки, ты же знаешь!

А наглая девчонка лишь смеётся и продолжает его щекотать. И гладить. И даже щипать! Вот скверная девчонка! Абалим даже пошевелиться не может от её прикосновений, чего, видимо, сестра и добивалась. Эльфийский князь успевает почувствовать лишь то, как его

снова толкают на кровать...

Эйбис Вейча, увидев утром, что она вышла из дома и направляется к скалам, решил последовать за ней. По правде говоря, к скалам был ещё один путь — Эйбису его показали соседские мальчишки, — и путь этот был намного короче, пусть и несколько опаснее. Он спешит настолько, насколько только способен спешить. Он ведь не может позволить ей оставаться на таком холоде совершенно одной! Пусть леди Джулия его не увидит — хорошо было бы, чтобы не увидела, — но в одиночестве он её никогда не оставит.

Эйбису думается, что в этом вся она — хрупкая, болезненно хрупкая, чрезвычайно тонкая и ранимая... И удивительно смелая и сильная. Вейча никогда не мог понять, почему никто не видел в этом той красоты, которую видел он? Она ведь была совершенством... Настоящим совершенством — не фарфоровым, не ледяным, не каменным. Живым. С таким же трепещущим сердцем, которое может быть у самого чуткого и замечательного человека, которого только можно представить.

Когда Эйбис приходит, она стоит около самых скал, касаясь эльфийского хрустала рукой... И он почему-то улыбается. Пожалуй, Вейча вряд ли кому-либо смог бы объяснить — почему именно. Ему просто нравилось наблюдать за ней, нравилось смотреть за тем, как она сама мечтательно улыбается... Джулия Траонт редко улыбалась мечтательно. Всё чаще — холодно, с вызовом. Те улыбки тоже шли её лицу, с ними она совсем не становилась ужасной или даже хотя бы просто менее красивой... Герцогиня Джулия была прекрасна всегда. Не было вещи или эмоции, которые могли бы испортить её. Уж в глазах Эйбиса точно. Она была совершенством, к которому страшно даже прикоснуться, не то что зажать в руке и держать. Леди Траонт... Вейча бредил ею почти что с того самого дня, когда она спасла его. И, пожалуй, это было несколько странно, хоть и совершенно естественно.

Она оборачивается, почувствовав чьё-то присутствие рядом с собой. Поворачивается, смотрит удивлённо и недоумевающе. Словно бы совершенно не ожидая того, что за ней может кто-то вот так подло шпионить, когда она думает о чём-то слишком личном, о том, что она не хотела бы показывать кому-либо другому.

— Глупый мальчишка!.. Опять — в одной рубашке!.. — вздыхает она, глядя на него с укором. — Ты же простудишься!

Вейча расплывается в улыбке, смотря в её зелёные глаза, слыша этот её мягкий упрёк... Пожалуй, не было ничего лучше этого — находиться рядом с ней, видеть её улыбку, смешинки во взгляде... Она была тем самым человеком, что когда-то спасла его... Разве это было не естественно — что он чувствовал себя обязанным ей? Разве это было не естественно — его тяга к ней, та необходимость, которую он испытывал? А она постоянно была так добра к нему, что он просто не мог не тянуться к ней ещё больше! Ей было не всё равно. От этой мысли становилось радостно и даже весело — впрочем, в Академии любой мог сказать, что веселился Вейча по любому поводу, даже не стоящему должного внимания. Но это было другое...

— Не простужусь, не простужусь! — смеётся Эйбис. — У меня весьма крепкое здоровье!

Ему хочется добавить, что у неё здоровье, в отличие от него самого, далеко не лучшее, что ей бы лучше укрыться от этого пронизывающего ветра. Но он молчит. Знает, что говорить ей что-либо сейчас — бесполезно. Как и ему самому. И поэтому он молчит, только подбегает к ней и обнимает её. Так, во всяком случае, намного теплее.

А она начинает перебирать его волосы... Как-то она говорила, что это её несколько

успокаивает. Эйбис не знал толком — почему. Но отказывать ей в этой маленькой прихоти было бы сущей неблагодарностью. Но разве можно позволить себе неблагодарность по отношению к леди Траонт? К ней, к той женщине, которая всегда приходила ему на помощь в трудную минуту. Разве можно было позволить себе быть таким эгоистом? Тем более, если ему самому это весьма нравилось.

— Где-то здесь неподалёку находилась цитадель Вирджилис... — произносит Джулия задумчиво. — Было бы неплохо увидеть её, да, Эйбис?

Цитадель... Его никогда особенно не интересовали все эти легенды... Больше всего ими увлекалась Эрна. Вот она бы точно очень обрадовалась возможности увидеть это здание — Вейча был уверен, что цитадель окажется обычными развалинами, на которые и смотреть-то будет не слишком интересно. Он однажды видел развалины какого-то древнего города, хоть и не помнил точно — какого именно. И помнил, что это не произвело на него никакого впечатления. Впрочем, он был мал. И к тому же, его постоянно перевозили с места на место, чтобы скрыть его магический дар от тех охотников, которые могли за ним прийти. Вот у Кристиана Виланда отец был таким охотником. И, честно говоря, Эйбис порой весьма побаивался, что мистер Виланд как-нибудь нагрянет в Академию в полном обмундировании и с проверкой. Ему тогда будет не слишком хорошо... Но, в конце концов, ведь вполне реально убежать от охотников, ведь так? Да и если Вейча столкнётся с одним из них, он сможет применить то заклинание, которому его научила леди Траонт. То самое, каким она убила тех людей тогда. Но на всех его не хватит. Эйбис не настолько одарённый маг, чтобы суметь сделать это разом со многими охотниками.

Цитадель... У него в отличие от Эрны нет такого страстного желания увидеть своими глазами нечто старинное. В конце концов, разве не приходилось ему в детстве порой жить в этих самых старинных подвалах. И эти подвалы были обычными. Разве что холодно в них было ещё больше.

— Только если вы этого хотите! — пожимает плечами мальчишка.

Ему ведь совершенно всё равно, пойдут ли они сейчас в эту самую цитадель. Вирджилис — говорили, с древних времён сердце и хранитель цитадели охраняют покой тех, кто ушёл, к тому же, поддерживают в мире ту хрупкую иллюзию равновесия. Эрна постоянно говорила об этом. И Вейча уже едва мог слушать. Ему не хотелось знать ни о цитадели, ни о сердце цитадели (как, вообще, у цитадели может быть сердце?), ни о хранителе цитадели. Это были глупые легенды. Или не менее глупые обряды. В них и верить-то не особо хотелось — такая это была несусветная чушь. Хотя, быть может, и красивая чушь. Джулия Траонт всегда любила красоту.

— Пойдём! — улыбается герцогиня, хватая Вейча за рукав. — Обязательно пойдём! Я хочу побывать в этой цитадели!

И почему-то Эйбису думается, что в данный момент она в чём-то похожа на девчонку — насмешливую, озорную, хрупкую. И что она просто превосходно выглядит, когда ведёт себя так. Что бы там ни говорила зануда Леонризес о том, как следует себя вести благородной леди, Джулии эти правила вряд ли могли касаться.

А она всё улыбается и ведёт его за собой по узенькой тропинке, по которой Эйбис за всё время их пребывания здесь ни разу ещё не ходил. Она уже знает дорогу к Вирджилисской цитадели. Она уже была здесь... С тем же Солнманом. Это так, к примеру. От той мысли, что она могла бывать здесь ранее с ним становится немного не по себе. Седрик Солнман жутко не нравился Вейча. Всё в его глазах, в его жестах — всё говорило о крайней

недоброжелательности и той неуловимой опасности, которую многие женщины старались никогда не замечать. И Эйбису почти страшно постоянно за неё, когда она находится наедине с ним. С этим странным человеком с разноцветными глазами.

Стоило спросить как-нибудь у леди Джулии Траонт историю её знакомства с князем Солнманом.

Но это потом. А пока что нужно дойти до цитадели. По этой узкой тропинке, через лес... Эйбису хочется увидеть лес, в котором всё это происходило. Говорили, он кишит разными тварями, происходящими ещё из той древней эпохи... Большая часть из этих тварей весьма безобидна, но вид у них пугающий. Феликс показывал картинки из своих книжек. Красота... Эти твари — единственное, что Вейча было бы интересно увидеть в цитадели. Нет, пожалуй, ему даже нравится её идея пойти туда сейчас... И когда леди Джулия отпускает его рукав, Эйбис сам осторожно хватается её за руку.

Пусть думает, что он боится или не знает дороги.

Девушка стоит на самом верху сторожевой башни крепости и с грустной улыбкой озирается вокруг. словно вор — приходит ей в голову. Ей нравилось, пожалуй, стоять вот так вот — думая о своих проблемах, неудачах и... о том, как бы сильно ей хотелось вырваться из этого места, увидеть хоть что-нибудь ещё, помимо этих стен. Ей нравится смотреть на скалы, которые можно увидеть отсюда, нравится смотреть на реки... Отец запрещал ей выходить за пределы цитадели. И девушка ужасно завидовала своим братьям...

Почему им разрешалось?

Это было ужасно нечестно! Ей хотелось побывать хотя бы в близлежащем леске, но... Даже этого ей не разрешали делать. И даже Абалим — брат, которого она так любила, с которым была так близка — не слишком стремился вывести её отсюда. А Сабаот порой так хотелось... Хотелось, чтобы он отвёл её к реке, хотелось, чтобы они окунулись в ледяное озеро, чтобы после прижимались к друг другу, греясь около костра... Ей хотелось бы, чтобы всё было иначе. Хотелось бы не быть совершенной княжной, которая всё на свете умеет делать превосходно. Хотелось бы не быть дочерью своего отца, сестрой своих братьев и сестёр. Ей хотелось бы ездить верхом каждый день. И куда угодно. И побывать во всех странах света, в которых только захочется побывать! И не трястись по дороге в паршивой телеге, а плыть на прекрасном паруснике... Должно быть, тогда она была бы счастлива. По-настоящему счастлива, а не просто делала вид, не желая беспокоить свою семью. Но она никогда на свете не будет счастлива, пока все её прихоти не будут исполнены. И пусть после этого она будет считаться самой капризной и избалованной девчонкой на свете, Сабаот это не изменит. Ей нравится быть капризной. Это удобно. Во всяком случае, с таким братом, как Абалим, другой и быть-то не слишком получается.

Она чувствует, как кто-то накидывает шаль ей на плечи. Немного поворачивает голову и замечает — ту самую шаль, её любимую, перламутровую, с которой она так не любила расставаться на всяких церемониях. Та шаль, которую привёз ей Абалим из Рочрвайноза. Та самая шаль... Им было тогда по одиннадцать, и это был первый раз, когда его взяли куда-то дальше окружавшего цитадель леса. Сабаот и в лесу была бы рада побывать. Ей немного завидно. И хочется уткнуться носом в плечо брату и заплакать — она прекрасно знает, что это именно он. Но она никогда себе этого не позволит. В конце концов, Сабаот уже не четыре года, чтобы она ещё могла показывать свои эмоции так открыто. Ей уже шестнадцать. Она совсем взрослая. И теперь должна вести себя соответственно, если не хочет оказаться смешной. А теперь дело совсем не в том, что она не хочет оказаться

смешной — порой очень хочет, ужасно хочет. Дело в том, что теперь она просто не может оказаться смешной. И Сабаот теперь отдала бы всё на свете, чтобы ей снова было десять, чтобы снова она была позором всей семьи — после слишком шустрого Абалима, разумеется. Чтобы не быть больше той ледяной куклой, которую она сама из себя слепила.

— Эта цитадель душит тебя, вытягивает из тебя силы, — хмуро произносит юноша. — Давай уедем отсюда.

Он приобнимает её за плечи. Так осторожно, что и в самом деле хочется разрыдаться. Княжна никак не может понять, почему он был так добр к ней. И ей ужасно грустно от этого. И от того, что он чувствует себя вечно виноватым перед ней, она чувствует себя ужасным человеком. Пусть часто он и был виноват. Это ничего не меняло. Её брат был чудесным. Чутким. Понимающим. Преданным. И от этого на душе появлялось отвратительное ощущение того, что она-то его и недостойна. Какой бы ни казалась идеальной. Пусть Абалим никогда ни о чём не думал. Пусть совершал вещи, от которых волосы на голове становились дыбом (как тот раз, когда он разозлившись плеснул в своего учителя фехтования кипящим маслом). Пусть в этом и была его вина, он не должен был чувствовать себя виноватым перед ней. Ведь во многих его поступках была её вина.

— Давай уйдём, Сабаот! — говорит Абалим, хватая её за руку. — Давай уйдём?

И ей неожиданно становится горько — он ведь чувствует... Прекрасно чувствует, как тошно ей здесь... И поэтому готов решиться на поступок, который ему никогда на свете не простят ни отец, ни мать — никто. Кроме Сабаот. Хотя бы потому, что она просто не имеет права ему этого не простить. Того, что он раз за разом совершал ради неё. Как в тот раз, когда она расплакалась по вине его учителя фехтования...

И Сабаот как-то слишком резко обнимает брата. Благодарно. Отчаянно. Потому что никто больше не поймёт того, что понимает он. И она почти что со слезами на глазах вспоминает то, как её будущий муж — отец уже предложил человека, который должен будет им стать — пытается делать то, что всегда для Сабаот делал Абалим. Ей становится противно от того, каким жалким сразу же представляется ей её жених... Храбрый, честный, смелый — какими бы его заслуги ни оказались на самом деле, он никогда не станет для неё роднее её брата. И от его заслуг становится ещё противнее. Был бы лыс, стар и глуп — куда проще было бы простить ему его ничтожество. Но её жених молод... Молод, красив, смел — любая из её сестёр с радостью бы выскочила за него замуж. Но отец уготовал эту участь ей, самой красивой из его дочерей. Забавнейшая ирония. Сабаот думается, что именно такой ужасной участи, возможно, она и достойна...

— Я не хочу выходить за него замуж... — выдыхает девушка, прижимаясь к брату. — Не хочу. Я его и видеть не могу... Сделай что-нибудь!

И тот шепчет ей что-то успокаивающее... Сабаот думается, что, должно быть, на этот раз её брат не поступит так, как привык поступать. Ей казалось, что её жених ему вполне симпатичен. Она утыкается носом ему в плечо и из последних сил старается сдержать слёзы. А он просто стоит. Молча. И неподвижно. И девушке ужасно обидно из-за того, что брат способен её не понять...

Рана на её ноге выглядит совершенно не так ужасно, как ему показалось там — около скалы. По правде говоря, не слишком сильный это, пожалуй, и ушиб, чему Вейча крайне рад — во всяком случае, это несколько помогает его совести оправдываться перед самой собой за то, как он обрадовался этой возможности подхватить её на руки и отнести до коттеджа. Ему почти что стыдно за то, что он не только перепугался из-за того, что с ней произошло,

но и ужасно обрадовался. Потому что это позволяло ему те действия, о которых он, пожалуй, и мечтать-то не мог. Но всё же, это было отвратительно по отношению к леди Джулии. Всё-таки, хорошо, что с ней всё в порядке — за неделю всё должно зажить. Или за чуть больший срок. Если не повезёт.

Недолго думая, Эйбис наклоняется и прикасается губами к кровоподтёку. Старается прикасаться настолько нежно и осторожно, насколько это только возможно — чтобы не повредить ей ещё больше. Пожалуй, он слишком напуган той мыслью, что с его безупречной герцогиней могло что-нибудь случиться. Он бы никогда не простил себе той радости, которую ощутил тогда, когда ему пришлось подхватить её к себе на руки.

— Что ты делаешь? — охает Джулия и рукой пытается отстранить его.

Она почти отталкивает его от себя. Почти. Пожалуй, именно это заставляет Эйбиса чуть ли не задохнуться от восторга — у него часто такое случается, когда он находится рядом с леди Траонт. Он чувствует, как она цепляется своими пальцами за его светлые кудри, чувствует — он толком не знает, почему именно всегда знает это — все эмоции, которые отражаются на её лице, даже если не видит их... И это слишком странно, чтобы как-либо поддаваться объяснению. Это удивительно. И немного пугающе. Совсем немного.

— Вам не нравится? — Вейча обеспокоенно и хитро одновременно смотрит на неё.

А леди Джулия вздыхает. И почему-то Эйбис слышит в этом вздохе одобрение. И принятие того, что он делает. Это просто не может не радовать. И он целует её руки... Целует изумрудный герцогский перстень — тот самый, который она носила постоянно. И ещё — тот пурпурный, который она обещала своему отцу никогда не снимать. И Вейча сам никак не может понять, почему это приносит ему столько радости. Будь на месте Джулии Эниф, Леонризес, Эрна — да кто угодно, — он никогда не ощущал бы себя таким счастливым. Даже если бы они могли ему позволить что-то большее... А Джулия Траонт... Она была истинным совершенством — хрупким и тонким изделием, созданным из самого прочного камня, который только можно представить... Из эльфийского хрусталя. Тонкая статуэтка, до которой и дотронуться — святотатство. А Эйбис, пожалуй, тот ещё безбожник, раз смеет делать это.

— Зачем ты делаешь это? — спрашивает герцогиня Траонт немного грустно. — Зачем, Эйбис?

Вейча никак не может понять этой грусти в её голосе. Разве она сама не чувствовала себя достойной этого или... эта мысль заставляет сердце Эйбиса трепетать от ужаса... Быть может, леди Джулия не желала того, чтобы кто-то осквернял её своими прикосновениями? Он почти испуганно поднимает на неё глаза. Нет, в её взгляде никакого недовольства или раздражения нет. Лишь какая-то усталость... Но если она устала — ведь нужно просто помочь ей расслабиться, ведь так? Это больше, чем его обязанность. Это его долг перед ней — помогать ей любыми способами, которые могут пригодиться.

— Кто-то же должен это делать... — шепчет Эйбис, улыбаясь.

Кто-то же должен целовать ваши руки, ваши ноги, ваши пальцы, хочется сказать ему...

И всё же, он ничего не говорит.

Комментарий к II. Глава тридцать девятая. Право рождения.

Lana Del Rey — Young and Beautiful

peu caprice — маленькие прихоти

outrageusement — возмутительно

Какая-то очень странная глава, но ладно

В вечернем эфире вчера показали твой фильм
О людях, попавших в шторм,
О чувствах, лишённых глаз.
Друзья и соседи смеялись и плакали сильно,
И думали, это про них,
Не зная, что это про нас.
Я так удивилась, когда ты сказал в интервью,
Что книгу мою прочитал,
И так ею был потрясён,
Что взял за основу сценария книгу мою.
Жаль не ты её написал,
Ведь видел такой же сон.
Так вышло, бестселлером стал мой мучительный труд,
Хотя есть много других,
Не менее странных книг.
В моих персонажах все люди себя узнают,
Хотя я писала про нас,
Все думают, это про них.
Приходится мне иногда отвечать на вопрос:
Откуда такие мысли,
Столько странных сюжетных линий?
Всегда отвечаю, что всё банально и просто
В моей монотонной жизни,
Но я люблю смотреть фильмы.
Я спрячу твой образ, вытерев пыль,
Поглубже, подальше,
За фотоальбомами, письмами, книгами.
За чёрно-белым пейзажем,
Где деревья, туманы и льдины
Вплетены в паутину мостов.
Отношения эти как нить паутины,
Язык — ни жестов ни слов.
А ведь каждый из нас мог нормальным бы быть человеком.
Хорошо, что не вышло так,
И что мы такие как есть.
Сегодня купила кассету с одним саундтреком,
И весь вечер в наушниках
Слушала песни
О людях, попавших в шторм,
Связанных в лодке бумажной,
О волосах, не любивших шпилек,
О слабости злой и бесстрашной.
О чувствах, лишённых глаз
И выживать принуждённых,

О городах, о пустынях,
О нас, иступлением измождённых.
Я спрячу твой образ, вытерев пыль,
Поглубже, подальше,
За фотоальбомами, письмами, книгами.
За чёрно-белым пейзажем,
Где деревья, туманы и льдины
Вплетены в паутину мостов.
Отношения эти как нить паутины,
Язык — ни жестов ни слов.

Погода в это время года стояла отвратительная. Постоянно было холодно, сыро, промозгло. На улицу выходить совершенно не хотелось. Да и вряд ли это было возможно. В городе, пожалуй, непогода ощущалась бы менее явно. Хотя бы потому, что в городе были друзья, её милые друзья, которых в этой проклятой деревне ей так не хватало. Здесь совершенно никого не было! И стояла такая ужасная погода! Из-за неё она лишилась даже единственного своего развлечения здесь — прогулок по саду и парку из-за того, что все дорожки были размыты. Из-за затянувшегося ненастья постоянно было скучно. Можно было только сидеть в библиотеке и читать уже порядком наскучившие книги. Перечитывать то, что уже давным-давно было прочитано. Или сидеть у окна и смотреть на это затянутое тучами небо. И дождь. Постоянно идущий дождь. Все дорожки в парке и в саду были затоплены. Девушке и раньше было бы трудно по ним пройти в таком виде, но сейчас, когда все её движения были скованы...

Это всё было ужасно скучно! Не с кем было даже поговорить — разве что с вечно занятым доктором, выписанным из Алменской империи. Это было просто отвратительно, что её муж приезжал к ней так редко — лишь на выходные. Ещё более отвратительным было то, что брат и отец не приезжали к ней вовсе за эти два месяца, которые она была заперта в Миртилле. О матери и сёстрах Анна старалась не думать вовсе — по правде говоря, их она и сама видеть не особенно хотела. Как бы графине хотелось поскорее уехать отсюда в столицу, но... До этого дня пройдёт, пожалуй, ещё немало времени. Анна и сама уже была не рада своей беременности. Как бы ей хотелось поскорей уже родить, оставить ребёнка на попечение кормилице и нянюшкам и переехать снова в столицу! В город, где она чувствовала себя так хорошо! Куда угодно, впрочем — лишь бы уехать из Миртилле. Из этого ужасного поместья, где она чувствовала себя так отвратительно. Уехать не важно куда, но, наверное, Анне хотелось бы повидать легендарное эрцгерцогство Цайрам или прекрасное царство Ксандр, или снова посетить республику Визей, или поговорить с монахами острова Гакрукс... Почему Георг купил именно это поместье? Почему с его деньгами он не выбрал что-нибудь более... подходящее для ожидания того, когда его жена родит. Место хоть несколько менее скучное и спокойное. Вот если бы здесь хоть что-нибудь происходило!.. Анна была бы даже готова терпеть каких-нибудь соседок-сплетниц, судачащих о том, как кто из их подруг вышел замуж. Анна сейчас сама с удовольствием обсудила бы с кем-нибудь, какое у кого платье, кто чей родственник и почему свадьба должна состояться непременно в субботу, а не в какой-нибудь другой день. Да она бы даже раздарила все свои шёлковые и атласные платья тем, кто помог бы ей справиться с этой скукой! Графиня Хоффман тяжело вздыхает и подходит к окну, стремясь на этот раз увидеть хоть что-то новое. Больше всего на свете ей хочется именно этого — чтобы было что-то такое, чего она ещё ни разу до этого не

видела, чтобы ей стало интересно... Чтобы было нечто захватывающее, потрясающее — как из тех сказок о фальранской принцессе Ермине, одной из дочерей Леофана. Нечто волнующее, заставляющее просыпаться по утрам... Ей хочется, чтобы её жизнь стала хоть немного более захватывающей и интересной теперь. Ей хочется... И почему-то больше, чем когда-либо, Анна желает, чтобы все её сиюминутные прихоти удовлетворялись. И побывать где-нибудь, где не так скучно, как в Миртилле — единственное её желание, которое остаётся неизменным.

Многие женщины умирают родами. Кто знает, может — это её последние осень и зима.

От окна дует. Это довольно неприятно. Анна тяжело вздыхает и зябко пожимает плечами, стараясь получше закутаться в тёплый плед. Она смотрит в окно, с каким-то неестественным интересом глядит на опавшую грязно-бурую листву и недовольно поджимает губы, видя, как рабочие, едва закрытые от дождя, что-то мастерят там — где должно будет скоро появиться западное крыло дома графа и графини Хоффманов. Вид работающих — так спокойно и вдумчиво — людей вводит её в такое раздражение, что девушка резко задёргивает шторы и быстрым шагом отходит от окна.

В имении полным ходом шли преобразования, которые, по правде говоря, не приносили хозяйке поместья никакого удовольствия. Напротив — лишь одно раздражение. Анна толком не понимала, для чего это было так необходимо — до той поры, когда их с Георгом ребёнку это понадобится, пройдёт несколько лет. Так зачем начинать эти преобразования сейчас — когда у неё так расстроены нервы? Разве нельзя было перенести всё это хотя бы до родов? До того момента, как она придёт в себя и будет чувствовать себя хоть немного лучше. Или до той поры, как её и вовсе не станет. От этой мысли Анна как-то жалобно всхлипывает и с какой-то непонятной ненавистью глядит на их с Георгом свадебный портрет. Она с удовольствием распорол бы его ножом, если бы только ей оставили нож. Она с удовольствием стёрла бы эту горделивую ухмылку с лица своего мужа. Анна смотрит на портрет с какой-то почти жалкой злобой. Обессиленная. Уставшая. Измотанная. Беременность её проходила не так легко, как всегда проходили у матери. Тяжесть, отёчность в руках и ногах сводили Анну с ума. Она почти не могла передвигаться. И это почти что убивало её.

В поместье Миртилле преобладают светлые тона. Нет той яркости, той роскоши, того света, к которым Анна привыкла за время жизни при дворе королевы Риделт, нет той мрачности, холодности, к которым Анна привыкла в столице королевства Анэз. Нет. Здесь светло и... должно быть, большинство людей решит, что здесь крайне уютно. Но нет, Анне было безумно противно и почти что страшно оставаться здесь надолго. В первую неделю по прибытии сюда девушке здесь даже нравилось. Не было той суеты, к которой она привыкла в столице. И Анну тогда это так радовало... Глупая! Могла ли она предположить, что вскоре возненавидит это спокойствие?!

Графиня тяжело вздыхает и выходит из комнаты. Спуститься из комнаты она сейчас едва ли в состоянии, поэтому все те помещения, в которых она должна и может заходить, находятся на втором этаже. Включая столовую и две малые гостиные. Анна с какой-то злостью думает о том, что муж не позволяет ей даже пройти по лестнице лишний раз, что её просто выводит из себя.

Её муж сидит в столовой и равнодушно ковыряется вилкой в том завтраке, который ему принесла Ребекка — эту служанку, впрочем, давно следовало уволить за нерадение. Анна со злостью смотрит на эту светловолосую хрупкую девушку в простеньком льняном платье.

Ребекка улыбается и тотчас кланяется графине. Впрочем, Анне это совершенно безразлично. Ребекка раздражала её. Хрупкая, чересчур миловидная, чересчур вежливая и послушная. Единственное — вместо работы порой занималась сущими глупостями. Не раз Анна заставляла её за книжкой в библиотеке. Тогда как девчонке следовало протирать пыль или подавать на стол. Анна сама когда-то исполняла обязанности почти что служанки при дворе королевы Риделт. Ей никогда не позволили бы такой вольности — читать в то время, когда она должна выполнять свои обязанности. А Ребекка... Ребекке её муж позволял столько, что... Анна непонимающе хмурится, а потом довольно быстро подходит к столу, чтобы высказать этому ужасному, отвратительному человеку всё, что только она способна о нём думать в своём невыносимо тяжёлом положении, которого никто не хотел понять. Она идёт настолько быстро, насколько только способна идти.

Порой графине кажется, что её лечащий врач чего-то недоговаривает.

Шёлковые длинные юбки её платья слишком шуршат, чтобы Анна могла как следует сосредоточиться. Но шелест юбок отчего-то ей нравится. Нравится, что её присутствие можно заметить... И ей нравится цвет этого платья — ярко-сиреневый. Она бы обустроила всё поместье в своих любимых цветах — сиреневом и голубом. Вот только муж «не позволяет ей перетруждать себя». Анна чувствовала бы себя куда лучше, если бы Георг не отправил Юту в женский пансион. В конце концов, можно было нанять ей гувернантку. Девочка была достаточно талантлива и достаточно покладиста, чтобы учиться дома. Даже в то время, когда Анна ждала ребёнка. Юта была милой. И заботы о ней отвлекли бы графиню от того невыносимого ожидания, в которое она была погружена.

— Почему поднялась слишком рано? — спрашивает Георг равнодушно за завтраком, с таким же безразличием глядя на неё, как и на подгоревшую немного яичницу в своей тарелке.

Он, как и всегда, холоден к ней. Старается быть равнодушным. Но что проку от его стараний. Будто бы они хоть как-то облегчают её участь. Анна уже успела смириться с тем, что её муж — сухой, чёрствый человек, но... Можно было привыкнуть к его замкнутому образу жизни, к его тяжёлому характеру, который, впрочем, он старался не проявлять при ней, к его постоянной холодности, к его равнодушию. Можно. И Анна почти привыкла ко всему этому. Девушке нельзя было жаловаться ни на что из этого списка — в конце концов, замуж за графа Хоффмана она вышла только из-за его огромных денег. Но было в нём что-то такое, чего она не могла понять и, следовательно, не могла и простить.

Порой, когда они всё же спали ночью в одной постели, что теперь бывало крайне редко, он шептал во сне имя. Не её. Он звал к себе некую Марию и почти что рыдал. И самое отвратительное, что Анне стало жаль его. Да видит небо — она спокойнее приняла бы новость о том, что у её мужа есть любовница, если бы могла не испытывать к нему жалость за это. Но ему было плохо. И Анне было ужасно жаль его. И, пожалуй, именно потому графине порой казалось, что она просто ненавидит собственного мужа.

И её не раздражала бы и не ранила его холодность так сильно, если бы она не знала, что он умеет быть равнодушным к тем, кто ему на самом деле дорог.

И порой графине хочется, чтобы он не убивал её ещё и этим своим великодушием, которое в нём теперь так противно стало ей. Что угодно лучше этого снисходительного отношения к её слабостям, капризам, прихотям. Что угодно. Даже самая жгучая ненависть. Даже самое леденящее равнодушие. Что угодно. Но Анне тяжело постоянно чувствовать, что она должна быть благодарна ему за его доброту. За его беспокойство, которого он,

разумеется, не чувствовал на самом деле, но которое всегда показывал. За его внимание, которое было ей оказано.

Анна хочет ответить хоть что-нибудь на его приветствие, но её муж целует её в лоб и выходит из столовой прежде, чем она успевает что-то сказать. Ей думается, что это чудовищно несправедливо — что она в таком положении чувствует себя так ужасно — отвратительно — одиноко! Ей хочется высказать всё Георгу — абсолютно всё. И про то, что она уже прекрасно знает про его любовницу, и про то, что ей хочется, чтобы он забрал Юту из пансиона миссис Кройн (или как звали эту ужасную женщину), и про то, что она хочет самовольно сесть в карету и уехать в столицу. Но она не успевает. Георг слишком редко появляется в Миртилле. А когда появляется — слишком редко заговаривает с ней, да и то, всегда выходит из комнаты прежде, чем Анна успевает ему что-нибудь ответить.

— Тебе стоит меньше утруждать себя, mon cher, — холодно произносит Хоффман уже вечером, в гостиной, не отвлекаясь от чтения книги, которой раньше она никогда не видела в его библиотеке, — это может дурно сказаться на ребёнке.

Она не слышит никакого участия в голосе своего мужа. Лишь эта совершенно отвратительная сухая забота, которая так противна была ей в нём. Ох! Если бы она только знала, что он за человек до своей свадьбы с ним!.. Чёрствый, равнодушный, холодный! А ей — в её-то положении — хотелось ласки, любви, внимания! Почему он был так жесток к ней? Лучше бы он кричал, ненавидел!.. Всё лучше этого снисходительного равнодушия к ней. Всё лучше того презрения, которое он к ней испытывал — а он испытывал, графиня в этом нисколько не сомневалась.

Потому что она обычная слабая и жалкая женщина, которых он презирал, как признался ей однажды до свадьбы.

Анна кривит презрительно губы. Ей думается, что она смогла бы простить ему его нелюбовь к ней, если бы он не умел любить вовсе. Но он умеет. И он любит. Некую Мари, которую он зовёт к себе в своём каждом сне. Анна вполне могла простить Георгу его равнодушие к ней, если бы он не любил никого. Но всё дело было в том, что в том, как он звал ту девушку, было столько боли, столько какого-то душевного трепета, что графине становилось ужасно больно из-за того, что она никогда не будет такого удостоена. Ей не остаётся ничего, кроме того как кривиться от злости. Или делать вид, что всё в полном порядке. Да, пожалуй, второе лучше — так хотя бы она не выгорит в его глазах такой жалкой и слабой.

— Мне нисколько это не в тягость, — старается улыбаться Анна.

Так, пожалуй, легче. Легче — притворяться, что всё в полном порядке, что она нисколько не обижается на него, что ей не за что на него злиться. И Георг не будет так видеть всех её страданий из-за её собственной глупости. Это будет легче. В конце концов, её муж не был никогда близок ей настолько, насколько был близок Леон. Тот всегда знал, когда Анне плохо. И никогда не отстал бы от неё, не выяснив, из-за чего она переживает. Наверное, именно поэтому с братом было так... легко. Даже тогда, когда он упрявился, когда вытворял невозможные, сумасшедшие вещи.

С Георгом всё — совершенно — иначе.

Она ждёт, что муж что-нибудь ответит ей на это, но он лишь кивает и снова с головой погружается в чтение тех документов, которые привёз из столицы. Анна хмурится и понимает, что, пожалуй, всё её горе было в том, что даже те одинаковые и скучные бумаги графу дороже, чем она.

— Я тебе здесь совсем не нужна, — вздыхает графиня, подходя к окну. — Я тебе, кажется, и вовсе не нужна.

Анна чувствует себя так одиноко, как никогда ещё в жизни себя не чувствовала. Она снова смотрит в окно и снова видит рабочих, что строят новое крыло к их дому. И это всё графине кажется настолько бессмысленным, настолько ненужным, что она уже едва способна терпеть этих людей. Миссис Хоффман страстно желает этого — чтобы строители уже убрались из Миртилле. Если бы их не было, ничего уже так сильно не раздражало бы её. Даже муж со своими редкими визитами и утренними газетами. Даже неряха Ребекка читающая втихаря в библиотеке книжки про принцесс (книжки эти были с картинками, Георг покупал их для Юты, Анна знала это).

Графиня Хоффман чувствует горячие руки на своих голых плечах — пусть её муж и был против корсетов, открытые плечи она сумела отстоять в своём гардеробе даже несмотря на весьма прохладную осень. Анна чувствует, что её мягко, но крепко прижимают к себе, что целуют осторожно и даже почти что нежно в макушку. Графиня оборачивается к нему, пытаясь понять, что именно Георг хочет ей этим сказать.

— Что же ты говоришь такое, mon cher? — спрашивает её муж, улыбаясь одними краешками губ.

Смешно... Ему смешно! Анна чувствует себя совершенно несчастной в Миртильском его имении, чувствует себя в полной мере одинокой — одна, совершенно одна, без своих друзей, без сестёр, без братьев, без Леона, без отца... Да что там говорить, часто — и без мужа тоже. Миртилле — провинция, в которой не найти ни одного достаточно образованного человека, в которой не сыщется хотя бы сносной замены её столичным друзьям. И он уезжал! Бросал её — ожидающую ребёнка — совершенно одну в этом незнакомом, чужом для неё месте!

Анна выворачивается из его объятий и отходит от него к камину. В этой комнате уже топили утром. А сейчас здесь довольно прохладно. Анна думает, что теперь уж точно — обязательно уволит эту лентяйку Ребекку, которая не затопила камин. И пусть Георг хоть что-нибудь скажет ей на это!

— Я хочу к моим друзьям, — говорит она капризно. — Я хочу, чтобы приехал брат.

Графиня и сама понимает, насколько жалко и смешно, должно быть, сейчас выглядит. С этими капризно надутыми губами, со слезами в глазах. И ей ужасно стыдно за эту слабость. Анне она сама противна в эти моменты, когда ничего даже сказать толкового от обиды не может.

Она скучает по ним. По всем тем, кого она оставила в Саторхейме. Даже по тому придурку Феликсу Кордле, который так пугал её в столице. В конце концов, Кордле не был так уж страшен. Он скорее хотел производить пугающее впечатление, нежели был пугающим на самом деле. По сути, он был самым обычным жалким герцогом. Из тех, что проматывают отцовское состояние и остаются без крова. Где-нибудь в лечебнице. Брошенные совершенно всеми. Никому не нужные.

— Я приглашу к нам в имение Леона на ближайшие выходные, — равнодушно пожимает плечами Георг.

Ему ничего не стоит сделать это — пригласить её отца, друзей, брата... Ему, вообще, ничего не стоит. У Хоффмана вполне достаточно денег для того, чтобы делать всё, что только пожелает его душа. И уж пригласить Леона в Миртилле он точно может. И из-за этого Анне становится так горько... Её брат... Её милый брат... Она могла увидеть его

гораздо раньше. Если бы настояла на своём. Ей стоило только быть чуть упрямее... И её брат уже давно был бы здесь.

Анна кивает мужу и отворачивается от него. Ей ужасно противно, что он не додумался предложить ей этого раньше. Графиня чувствует, как кружится её голова от всех этих мыслей. Она не обращает на это никакого внимания. В конце концов, теперь у неё часто кружилась голова. И это было почти что нормально.

Графиня Хоффман и заметить не успевает, как её сознание покидает её.

Когда именно это происходит, никто из них толком не успевает заметить последствия вовремя. Слишком быстро всё происходит. Даже четыре виновника происшествия не сразу всё понимают. А когда понимают — последствий уже не избежать. Пожалуй, в итоге, конечно, всё более-менее обошлось, но... Во всяком случае, Уенделл, Оллин и Ратмир свои нервные срывы успешно получили. У Оллина даже прядь волос седой стала. Нет, это было, конечно, нечто — выкрасть из цитадели Скорби кристалл Ненависти, ещё недели две прятать его ото всех (очевидно, прятал подключившийся к затее троих «любопытных» друзей Драхомир, потому как иначе Деифилия обязательно бы обнаружила этот кристалл), а потом воспользоваться им в самой неподходящей ситуации, какую только можно было вообразить! И так воспользоваться... Цитадель, в которой был применён кристалл, рассыпалась, словно была сделана из песка. Ничего не осталось. Ни единого камешка. И как были поражены магистры из той цитадели (Хелен по привычке называла тех людей так) — те из них, что остались после разрушения их крепости в живых, — когда Танатос и Асбьёрн с любопытством на них уставились! Нет, конечно, эта компания была непобедима! Шайка непобедимых придурков. Которым совершенно всё равно, что за них могут волноваться. Мальчишки, бредящие кто сказками о героях, кто наживой — что с них можно взять? И всё же это было не дело — так подставлять остальных своей глупой выходкой. Кристалл, конечно, был хорош — сверкающий, словно луна или звёзды, переливающийся всеми оттенками всевозможных цветов, с ярко-алой сердцевиной внутри. И действие его было весьма и весьма впечатляющим — как рухнула та цитадель, Хелен до сих пор снилось это по ночам. Но нужно было посвятить в свою затею хоть кого-нибудь ещё. Во всяком случае — девочка это знала — ни Лилит, ни Саргон, ни сама Хелен не отказали бы им в этом. Напротив — сумели бы ещё помочь.

Проблема была, в прочем, вовсе не в разрушенной цитадели, что Деифилии — редкой ценительницы архитектуры (а попросту — всяких красивых зданий) — уже было ужасно неприятно. Проблема была даже не в том, что Асбьёрн и Йохан чуть не погибли под завалами другой разрушенной с помощью кристалла цитадели, когда кое-что пошло не так. И даже не в том, что Танатос впопыхах забыл вырубить действие кристалла после того, как они решили убегать (из-за этого, между прочим, Лилит теперь ходила с повязками на животе и на руке и жаловалась на самочувствие). Нет! Это всё — лишь мелочи! Но то, что теперь им откажут в приюте (ага — кристалл врубал ещё трансляцию их милостивых лиц при зажатии одного магического механизма) в любых деревнях, цитаделях, храмах, городах — вот это было нехорошо... Особенно учитывая то, что среди них были раненные. Нет, конечно, Изар кое-как смог уладить ту проблему в виде жителей деревушки Миннед и рыцарей цитадели Хроном, что гнались за ними с вилами, копьями и другим колюще-режущим оружием вплоть до проклятого леса (который, вообще-то, на картах отца Хелен назывался Дреймивьеройским), но в более-менее приличных местах (а не тех тавернах для наёмников, где обычно играл в кости Танатос) им теперь не место. И это при том тщеславии Деифилии,

которое не позволяло ей появляться на слишком зашарпанных постоянных дворах! Какой ужас! Ох! Хелен, конечно, была привычна к некому комфорту, но не так, чтобы быть настолько капризной... Что же Деифилия была настолько привередлива, словно принцесса какая? Нет, конечно то, что натворили эти четверо полудурков было плохо, ужасно плохо, просто отвратительно (для всей их братии), но ведь не произошло ничего слишком страшного. Просто... Они развлеклись, заодно испытали весьма любопытное оружие (а так же — награбили даже больше, чем были способны унести далеко, из-за чего теперь в проклятом лесу Драхомир, Калэйр, Танатос, Киар, Изар и Оллин работали над тем, чтобы построить для их шайки что-то вроде дома, где они смогут и отдохнуть, и спрятать награбленное), пусть и несколько увлеклись в процессе и забылись. Не стоило так на них сердиться. Хотя наказанный сестрой Асбьёрн был куда более милым, нежели обычно. А вот Танатос был почти несносен. Нет, он был куда лучше в своём обычном состоянии — грубоватый, ничего не желающий слушать, упрямый и своевольный. И без весёлых песен Йохана тоже было скучно. Как и без баек Драхомира о своей прошлой жизни. Это было даже грустно, что Деифилия так сердилась на этих четверых. Вот Хелен ни за что не сердилась бы так сильно! Её скорее злило то, что они не стали обращаться к ней за помощью (ей бы весьма хотелось помочь им в этом деле). По правде говоря, это было даже немного подло — сделать всё втихаря, никому ничего не объяснив. Разве сама Хелен так часто поступала? Почему же нужно было так нечестно поступать с ней? А вот она бы, может, и смогла помочь Танатосу справиться с последствиями одного из побочных действий кристалла. Отец кое-чему успел её научить до того, как ей пришлось бежать из ордена. И Хелен обязательно бы — обязательно — помогла им. Только вот они не попросили. Так что... Она и не стала помогать. Пусть сами разбираются с тем, что именно они наворотили. Ах, да... Драхомир же ещё вытащил у девятнадцати магистров души! Их снежная княжна была просто в ужасе — как она холодно на него смотрела из-за этого! Будто бы реально — самая настоящая княжна. Или герцогиня. Кто её разберёт. Вот сам Драхомир был герцогом. Это называлось, правда, несколько иначе, но... Одна хрень. Не так уж важно, как именно это называлось у демонов. Важно то, что Драхомир принадлежал к этому, а не то, как это всё в итоге звалось.

Теперь, после произошедшего, Деифилия бледна, словно снег, Йохан ходит с таким виноватым видом, что на него больно смотреть, Драхомир делает подарков куда больше обычного, Асбьёрн дуется на всех и больше всего на сестру, которая неплохо его отшлёпала за этот проступок, а Танатос как-то странно учтив и вежлив со всеми, а так же — не в меру угодлив, хотя вины своей в произошедшем не признаёт.

— Это глупость, — выдыхает недовольно Саргон. — Не понимаю, как он, вообще, мог решиться на подобное! Нет, я понимаю — придурки вроде Тана, Бьёрна или Мира, но от Йохана я такого не ожидал!..

Да, пожалуй, действительно — от тихони-барда этого никто не ожидал. Впрочем, Хелен всегда подозревала, что он не так прост. Связался же он с ними — на свою голову, — когда она и Танатос сбегали из храма в Гайденхарде. И ничего. Помогал им изо всех сил, заботился о ней, когда она болела, учил Танатоса стрелять из лука (это было единственное помимо игры на найтре, что Йохан тогда умел), был так терпелив и любезен, что даже Хелен искренне сумела его полюбить. Вот от остальных... От остальных такого поступка вполне можно было ждать. И они периодически доказывали всем, что ждут от них этих подвигов во имя глупости и бесстрашия совсем не зря.

Гримаса удивления и почти презрения искажает его красивое лицо. Почти красивое.

Саргон всегда был таким — только почти красивым. Сколько Хелен его помнила, его лицо всегда пересекал этот жуткий шрам. Уродливый и длинный шрам, который всегда её так удивлял. Ещё больше шрам удивлял и интересовал Асбьёрна, который, пожалуй, единственный, хотел видеть что-нибудь такое на собственном лице. Ох, эти мальчишки! Хелен никак не могла их понять! Бьёрну было всего двенадцать лет, он был на два года её младше, но уже он доставлял столько хлопот, сколько ни сама Хелен, ни сестра Бьёрна Деифилия, ни Лилит никому не доставляли. А Танатос? Этот белобрысый пройдоха, который умудрялся к тому же оставаться всегда безнаказанным! А Драхомир — светловолосый красавец Драхомир с его «герцогским» самомнением? Да даже тот же Йохан, этот музыкант-тихоня, который всё же предпочитал устраивать грандиозные подставы вместе со своим лучшим другом Миром. Ох... Всё было бы куда проще, не будь их вместе с Хелен! Впрочем, возможно, она бы и не выжила без них.

— За-а-авидно... — издевательски улыбается слишком легко одетая Лилит и с наслаждением кусает апельсин.

Хелен хочется спросить, откуда девушка взяла это редкое лакомство здесь, посреди зимы... Наверное, у Драхомира. Нет, точно у Драхомира. У того, кажется, был отец... Хелен крайне завидовала ему в этом. У Драхомира был отец, который постоянно о нём заботился, пусть и каким-то очень странным способом. И иногда посылал апельсины, лимоны и гранаты. В виде лекарства. Потому что их Миру крайне нужны некие «витамины», чтобы восстанавливаться быстрее после сражений. Это ему-то — тому, кто был здоровее их всех вместе взятых, какие бы тяжёлые ранения не получал! Хелен порой думалось, что лучше было бы, если бы Киндеирн — кажется, отца Мира звали так — посылал разные заморские фрукты ей, Деифилии или Лилит. В конце концов, девушкам это нужно было куда больше, чем Драхомиру, который, разумеется, почти всё раздавал Танатосу и Асбьёрну, которые до фруктов были большие охотники.

Саргон равнодушно пожимает плечами. Пожалуй, по правде говоря, ему ни капельки не завидно. Во всяком случае, здесь. Саргон любит сражаться за то, что он считает справедливым... Ему не интересны всякие там кристаллы Ненависти. Вообще-то, он предпочитает сражаться без всяких там магических средств. Считает это более честным и правильным.

— Разумеется, — улыбается Хелен, стремясь чуть-чуть поддеть друга, — он же среди нас самый завистливый. Не знала?

Парень лишь улыбается. Кажется, ему совершенно всё равно, что именно о нём судачат. В этом плане он выгодно отличается от остальных парней в их Сонме (не говоря уже о мальчишке Асбьёрне, которому явно не хватало хороших манер, которых не могла ему привить даже строгая сестрица Деифилия). Саргон совершенно не обижается на все эти дружеские шутки. Нет, среди них есть те, кто тоже не обижаются. Но Саргон не стремится поддеть за шутку в ответ, так как считает это не слишком благородным. Он даже предлагает Хелен лакомство, которое она всегда любила и любит до сих пор.

Девочка с удовольствием откусывает кусок от сушёного яблока, предложенного ей Саргоном.

Пожалуй — за что уж точно следовало любить этого зануду, так это за вечные сушёные яблоки-пряники в карманах. Саргон носил их постоянно. И постоянно угощал ими Хелен, Асбьёрна и Танатоса. Первых двоих — по праву сравнительно маленького возраста. Ну а последнего — по его беспримечной наглости. Хелен даже рада тому, что Саргон появился в

их команде. Он был крайне милым и хорошим. Не совсем так, как был хорошим Йохан, но... Он был милым. И тёплым. И мягким.

Пожалуй — за что уж и можно было уважать завистника Саргона, так это за ту безупречную и постоянную честность. Не потому, что складывалась такая ситуация, что врать было категорически нельзя. Нет, в таких ситуациях честным не становился разве что Танатос, которому врать крайне нравилось. Кажется, он врал даже в тех случаях, когда ему могли снести голову за враньё.

— А ты самая жадная! — смеётся Лилит, отвечивая Хелен шутливый подзатыльник.

И достаёт из кармана своей куртки второй апельсин, чтобы сунуть в руки девочке. То самое лакомство, которое присылал Драхомиру отец. Апельсины были сладкими и сочными. И есть их удавалось весьма редко. Не то что яблоки, которыми Сонму порой целыми неделями приходилось питаться за неимением другой еды.

— Знаю! — пожимает плечами Хелен. — Это у меня с самого детства. А ты у нас что?

Эти распределения того, кто кем на самом деле является, девочку весьма забавляли. Они уже давно определили, что самым горделивым и лживым является Танатос, самым вспыльчивым и гневливым — малютка Асбьёрн, самым выдержанным в плане всех эмоций, кроме чувств к Деифилии — Драхомир, самым осторожным и внимательным — Уенделл, самой тщеславной — Деифилия, самым любопытным — Йохан... Это было почти весело — находить в каждом свой изъян. Своеобразная тренировка для мозгов при отсутствии свитков, которые можно было бы читать.

— Я?... — деланно удивляется Лилит. — Ну я... Самая язвительная!

Лилит вот всегда нравилось брать на себя чей-нибудь другой изъян (или достоинство — кому как больше нравилось). Нравилось брать чужую личину. Но Хелен не знала, изъян это или что-нибудь другое. Возможно, это стоило отнести к лживости, возможно — к чему-то другому. Был даже вариант, что это и вовсе никаким образом не могло относиться к тому, что Хелен называла «изъянами».

— Нет! — смеётся Хелен. — Самый язвительный у нас Асбьёрн, а вовсе не ты!

А потом она визжит от того, что Лилит щекочет её. Девочке никак не отделаться от неё. Как бы она не ёрзала и не пыталась вывернуться. Хелен размахивает руками, в попытках отбиться от девушки, которая, кажется, стремилась хорошенько наказать её за то неверие к способности Лилит язвить, которое Хелен только что проявила. А Саргон хохочет, наблюдая за этой сценой. И почему-то и самой Хелен становится безумно весело от того, что сейчас происходит.

Весь дом перевёрнут с ног на голову.

Обморок Анны взволновал Георга куда больше, чем ему самому того хотелось бы. В какой-то момент ему подумалось, что он готов сделать для того, чтобы она поправилась, что угодно. Он так перепугался за неё, когда она упала. Георг и не думал, что способен за кого-то так перепугаться. Почти так же, как когда-то мальчик по имени Джордж Блюменстрост пугался за свою младшую сестру Мари. Это было, конечно, не совсем то, но... Хоффман с каким-то недоумением заметил, что ходит взад-вперёд, пока в комнате лежащей без сознания Анны находится врач.

Сейчас графиня Хоффман находится в своей спальне. Доктор прибыл к ней почти сразу же после того, как случился обморок. Пожалуй, было хорошо то, что она не находилась в момент приступа одна в своей комнате — тогда, возможно, выкидыша не удалось бы избежать. Георг Хоффман не знает, что случилось бы с ним в том случае, если бы Анна

выкинула ребёнка. Тем более, он не знает, что случилось бы с ним, если несчастье случилось и с самой Анной. Потерять обоих... Это было бы тяжело даже для такого сухаря и государственного деятеля, каким он, Георг тешил себя этой мыслью, безусловно являлся на самом деле.

И всё же, немного врач его успокоил — когда сказал, что с Анной и ребёнком на данный момент всё в порядке. И Хоффману совершенно безразлично, с каким укором смотрел на него лекарь, когда говорил это. Да, Анне необходим был покой, но небеса знают, как трудно этот покой было ей обеспечивать. Георг понимал — прекрасно понимал, — что в её положении слишком трудно не принимать всё близко к сердцу. Но это было мучительно и для него тоже — ему тоже было плохо, когда её мучила бессонница, когда она хмурилась, нервничала, переживала... Порой, Хоффману думалось, что следует попадаться жене на глаза как можно реже, раз именно его присутствие провоцирует её на волнение. Он старался не говорить ей ничего лишнего раз. Молчать и послушно выполнять её требования и капризы, раз именно это нужно для её нервной системы.

— Вашей жене, граф, нужен покой, — говорит седой доктор, когда Георг встречает его у двери в спальню Анны. — Никаких потрясений, ничего слишком волнующего...

Эти требования выполнить не так легко, как кажется на первый взгляд, — какие бы условия не обеспечивал своей жене граф, она всё равно волнуется, переживает... И Хоффман никак не может понять, из-за чего именно. С той же Моникой всё было гораздо проще. У этой девушки всё на лице было написано — что именно она думает, чего боится, о чём переживает. И Хоффман, видя это, даже навестил её родной город и отдал деньги на лечение её отца. Тихо и анонимно. Как пожертвование или что-то в этом роде. До Елишиила было всего пару часов езды от Реондейма, где находились все заводы Георга. От Саторхейма — столицы — поездка занимала чуть больше времени. Пусть и совсем ненамного. С той же Алесией было сложнее, нежели с Моникой, но Хоффман и с ней всегда прекрасно знал, как нужно себя вести. С Марией Фарелл — той бывшей принцессой из Орандора всё было ещё проще. Она не требовала решать свои проблемы, не взваливала их на него. Пусть и сама порой была источником многих неудач, девушка была довольно неутомимой и за всё бралась с энтузиазмом.

С Анной всё было сложнее. Анна была куда более хрупкой, чем Мария, куда более невинной, чем Алесия, куда более нежной и утончённой, нежели Моника. Она, словно ребёнок, нуждалась в заботе и попечении. Во всяком случае — теперь. И её чёрные глаза внушали ему вовсе не ненависть и раздражение. Нет! Её слёзы заставляли Георга постоянно жалеть её — ту бедную девушку, которая по глупости за него вышла. И ему непрестанно было стыдно за то, что он — Георг Хоффман — никогда не сможет стать для неё тем мужем, которого Анна хотела бы видеть рядом с собой.

— Да, сэр, я понял, спасибо вам, — со вздохом отвечает доктору граф.

Не нужно объяснять ему возможных последствий. Их ребёнок слишком важен ему, чтобы он сумел понять всё с первого раза. С того раза, как Анна впервые упала в обморок. После этого и был выписан опытный и дипломированный доктор из Алменской империи — тот самый, который некогда принимал роды у герцогини Арлшанской, сестры самого короля. И Георг был готов выслушивать все рекомендации доктора и выполнять их настолько чётко и хорошо, насколько только был способен выполнять чьи-то инструкции. Но Анна на поправку не шла. Её нервы всё так же были расшатаны.

Сначала Георгу казалось, что всё дело было в поведении старшего брата его жены —

Леона Истнорда, что был знатным кутилой и повесой на его взгляд. Графу думалось, что именно Леон заставлял Анну так волноваться. Этот глупый франт и упрямец, который так раздражал Георга. И Хоффман считал, что, когда Анна окажется вдали от своего непутёвого родственника, её нервы станут куда крепче. Но, возможно, дело было, всё-таки, не в этом.

Георг с грустью смотрит в окно, наблюдая за тем, как медленно строится западное крыло этого дома в Миртилле. Ему хотелось бы, чтобы здание построили уже к рождению его ребёнка, а строители всё не укладывались в срок. Графу хочется, чтобы можно было перевести Юту на домашнее обучение — если западное крыло будет готово, можно будет нанять девочке гувернантку, учителей музыки, рисования, танцев и древних языков. Этого будет вполне достаточно для молодой девушки, которой Юта когда-нибудь станет. Но сейчас девочку учить просто негде. Для этого совершенно не хватает комнат. Вот когда будет достроено западное крыло...

Граф вздыхает и тихо стучится в дверь, а потом медленно проходит в спальню жены. Ему кажется, что он идёт на казнь. И ему становится почти дурно, когда он видит её бледное измождённое лицо. Дурно от той мысли, что могло и не обойтись. Что она могла даже умереть, если бы он тогда не успел подхватить её. Что она могла бы расшибиться об камин, если бы Георг не оказался в это время рядом...

— Я слышала, Хуан Астал был равнодушен ко своей жене... — шепчет Анна и с каким-то горем и отчаянием глядит на мужа. — Ты не любишь меня.

Её голос кажется таким тихим, что ему становится почти до боли жаль её — эту несчастную, измученную женщину, что ожидала в скором времени разрешения от своего бремени. И Хоффману почти стыдно за то, что это он сделал это с ней. Что это его вина, что она лежит так на своей кровати и почти плачет от боли и тех своих душевных переживаний, которыми она никак не хочется поделиться с ним.

Историю о Хуане Астале граф прекрасно слышал. И он боится сказать, что, пожалуй, уважает этого, по сути, весьма несчастного человека. И что ему крайне жаль того, что брат Хуана и убил его тогда. История эта была, пожалуй, даже грустная. Пусть и трактовали все её совсем не так. Пусть и проклинали этого повесу и развратника, известного во всей Фальрании. Хоффман слышал, что один только эрцгерцог Арго Астал жалел сына и принимал его гуляния и глупости с терпением, которым позавидовал бы любой. И Георгу было жаль вовсе не Изабель Ахортон. Пусть она и была просто несчастной юной девушкой, которую почти что насильно выдали замуж. Пусть она и умерла при вторых своих родах, оставленная всеми и в первую очередь — своим мужем, уехавшим по приказу отца в цитадель Вирджилис налаживать отношения со знаменитой княжной Ареселис...

Георг ничего не отвечает Анне. Можно даже сказать, что у него просто не хватает сил что-либо ей ответить на её слова. Лишь садится у её постели и прижимает пальцы её руки к своим губам. Граф не может сказать ей всю правду сейчас. Не должен говорить. Это может убить её сейчас. Поэтому он лишь крепче целует её пальцы. В надежде, что Анна немногo отгадет, что ей станет хоть чуть-чуть легче благодаря этому.

— Ты не любишь меня... — с отчаянием и какой-то всколыхнувшейся в ней непонятной злобой произносит Анна. — У тебя есть другая женщина.

Её голос дрожит. Кажется, она действительно верит в это. В то, что у него есть любовница. И у Георга Хоффмана когда-то они на самом деле были. Но не сейчас. Сейчас у него с этой треклятой экономической ситуацией в стране и беременностью жены совершенно не хватало ни на что такое времени. Он только работал и ездил в Миртилле. Ни

на что другое у него и сил бы не хватило.

Но почему-то Анна думала обратное. Быть может, именно это и послужило толчком к началу этих обмороков, участившихся в последнее время? Граф не знал этого наверняка и это его крайне угнетало. Вот бы уже поскорее Анна родила! Тогда, наконец, этот кошмар закончится. Анна перестанет нервничать, можно будет нанять няню и взять Юту из пансиона, в который она была отправлена. Хоффман с трудом может заставить себя поднять на Анну глаза, хотя прекрасно знает, что ни в чём не виноват.

— У меня никого нет, — терпеливо отвечает ей Георг.

У него даже нет на это времени. Граф постоянно находится с головой в своей работе. До девушек ли ему? Разве хватит на что-то ещё сил, помимо этих постоянных бумаг, которые засасывают его, поглощают всё его время — свободное и рабочее? Разве хватит на что-нибудь ещё сил? Делюжан требует всё больше и больше. Да и сам премьер работает так, что Моника даже боится, как бы у него не случился удар. Георг постоянно бегает по предприятиям — своим и чужим. Проверяет исправность оборудования, то, насколько регулярно платятся налоги...

Он едва читать успевает что-либо, помимо тех документов, которые Делюжан даёт ему на дом.

— Конечно... — как-то слишком просто соглашается Анна и тут же выплёвывает со злобой. — У тебя нет на это времени.

Она отворачивается от него, выдёргивает свою руку из его пальцев и как-то отчаянно-зло всхлипывает.

Комментарий к II. Глава сороковая. Боль.

Fleur — Люди, попавшие в шторм

mon cher (фр.) — моя дорогая

===== II. Глава сорок первая. Любовь. =====

Твои волосы пахнут ветром

И горячей дорожной пылью,

Мои пальцы измучены сталью

И блужданием по ладам.

Мы когда-то знали друг друга,

Но за долгой войной забыли,

Но сегодня я тебе память

С белоснежным венком отдам.

Сила древних легенд

Как вино бродит в нашей крови.

Полнолуние, вереск в цвету

И немного любви...

Это время, когда всем рифмам

И словам предпочту молчание.

Если хочешь нарушить тайну,

Я легко прочту по глазам.

Тишина от чужих укроет —

Будем слушать её звучание.

Я позволю себе забвение

И в ресницах замрёт слеза.

Боги свой приговор
На руке начертили — живи.
Полнолуние, соль на губах
И немного любви...
Слышишь, травы поют нам песни
О забытом нездешнем мире?
Помнишь тропы чудным узором
И костёр на исходе дня?
Оберегом железный перстень
С тёмной руною на сапфире
Дар твой странный, что в светлых землях
От напастей хранил меня.
Если призрак зимы
Потревожит тебя — позови.
Ветку вереска я принесу
И немного любви.
Сколько дней мы пробудем рядом
Знает только прядущий судьбы.
Сколько снов мы увидим вместе
Мы не станем считать сейчас.
Нам бы наши зрячие души
От неверия и льда укрыть бы,
Пока в чаше сплетённых пальцев
На ветру трепещет свеча.
Капли терпкой росы
Нам с соцветий губами ловить.
Перемирие — время забыться
И просто любить...

Пронизывающий ветер едва не заставляет его закричать от боли и усталости. И раздражения. Почти злости. Нет, пожалуй, всё-таки, злости в первую очередь. Получить рану из-за такой глупости — что ещё может раздражать сильнее? Впрочем, пожалуй, то, что после этого он едва мог двигаться. Уж для его работы это весьма нехорошо. Не стоило нарываться на драку, в которой он не может победить даже теоретически. Не стоило вообще нарываться на драку. Госпоже Горской это никогда не нравилось. В конце концов — могут ли белоснежной ледяной красотке нравиться эти грязные и кровавые бои? Госпожа Элина больше всего на свете не любит грязь и кровь — уж он-то, столько лет прослуживший при ней, прекрасно это понимал. «Чистота и порядок» — вот что на самом деле должно было являться её девизом, этой ледяной бездушной мымры. Может быть, ещё что-то вроде чести, чувства собственного достоинства или равнодушия. «Белый генерал» — гордое звание. Весьма гордое. И, возможно, строгая госпожа Элина вполне ему соответствовала. Как и тому прозвищу, которое у неё было. Эта ледяная кикимора совершенно не выносила какого-либо шума. И сердилась из-за каждого промаха своих подопечных.

Но всё же — в этой драке Андреа Сонг был виноват сам.

И угораздило же его потребовать у старого Киндеирна объяснений! Следовало понимать, что Киндеирн хоть и считался старым, но по силе не уступает ни одному высшему

демону, а большинства из них куда опытнее и напористей. Следовало понимать хотя бы то, что Киндеирн не зря считался одним из сильнейших демонов. А может быть — и сильнейшим. Кто его знает... От этого старика никогда не следовало ожидать чего-либо хорошего. Во-первых, он был склонен преуменьшать недостатки своих детей и преувеличивать их достоинства. Во-вторых, с теми, кто не был с ним согласен по поводу его детей, старый Киндеирн поступал настолько жестоко, насколько у него хватало фантазии. А уж у Кровавого солнца ада фантазия на пытки была развита весьма неплохо! Уж в этом-то можно было не сомневаться! Особенно — после того случая на пиру у Цветимира Найртума когда расплавленное золото лилось рекой, а генерал Киндеирн сидел на балконе и наблюдал за этим. Нет, конечно, возражать этому противному старику было далеко не самой удачной идеей. Пожалуй, то, что произошло далее — после того, как Киндеирн разозлился — могло послужить Сонгу уроком. Потому как в следующий раз он будет достаточно осторожен для того, чтобы не допустить чего-то подобного. Одного раза вполне достаточно.

Должно быть, рана у него на боку выглядит просто ужасно. Широкая, с подпалинами по краям, едва ли ещё не гноящаяся, да и весьма глубокая к тому же. Будь Андреа человеком, давно свалился бы. И вряд ли хоть когда-нибудь смог бы подняться. Люди были слишком хрупки, слишком тонки, чтобы получать подобные ранения. Они умирали и от куда меньших потерь. Андреа было в чём-то их жаль — этих странных невесомых существ, у которых никогда не было крыльев. Они ничего не могли выдержать, совершенно ничего! И тем не менее, Сонг чувствовал себя просто отвратительно. Он пытался опираться на стволы деревьев и кое-как идти, но силы то и дело покидали его. Андреа Сонг цеплялся окровавленными пальцами — стоило только попробовать немного прижать рану, чтобы руки были запачканы кровью — за деревья и едва шёл. Демону думается, что было бы неплохо добраться до какого-нибудь жилья. А там — Андреа сумеет уговорить принять его со всем радушием. На его беду — в Осмальерде Сонг бывал раньше крайне редко, и едва ли мог знать, где может находиться ближайшее жильё. Сонг вздыхает и пытается идти дальше. Хоть куда-нибудь. Его здоровье должно это выдержать — не первый раз достаётся ему от старика Киндеирна. Раньше же Сонг всегда выживал. Иначе просто не смог бы сейчас, едва передвигая ноги, философствовать о том, чего не нужно делать. А он стоит — морщится от боли, но всё же стоит. И даже почти идёт, что даже несколько странно. Пусть и еле волочит по земле ноги. И думать может только о том, чтобы под ногами не оказалось чего такого, за что он может зацепиться и запнуться — вот этого Сонг вполне может не пережить, если он сейчас умудрится упасть, если после этого его засыплет листьями, а после по нему кто-нибудь пройдёт или пробежится. Ну уж нет! Андреа изо всех сил хватается руками за тоненький ствол рябины. Странно, что он, вообще думает, что деревце способно удержать его. Странно, что считает, что хоть что-нибудь в данный момент способно его спасти. Будто мальчишка, ещё ни разу не бывший в сражении.

Андреа Сонг останавливается и с трудом опирается на ближайшее дерево — кажется, клён, в прочем, это было уже не так важно. Он закрывает глаза в надежде на то, что снова открывать их больше не придётся. Пожалуй, Сонг смертельно устал от всего этого — от генералов, от Киндеирна, от Малуса, а больше всего от госпожи Горской. А больше всего вообще — от самого себя, от собственной глупости, от воспоминаний о забавной солнечной первосвященнице Мел. Когда-нибудь эти воспоминания убьют его, ей-богу! Когда-нибудь. Не сейчас. Сегодня он должен справиться.

— Вам помочь, сэр? — обеспокоенно спрашивает закутанная в шаль, словно в кокон,

девчонка лет семнадцати, подбегая к нему.

Сонг вздрагивает и про себя отмечает, что ему уже давно пора на покой, раз он не заметил подбегающей к нему фигурке. Наверное, на девчонку он смотрит слишком зло и раздражённо, так как она вздрагивает и как-то слишком резко останавливается. Глупый ребёнок. Будто было дело Сонгу до неё. Нет, он злился на самого себя за то, что не сумел заметить подходящего к нему человека. Раньше с ним такого никогда не случалось — а случилось бы, он уже давно был бы мёртв. Такие ошибки были непростительны для того, кто занимал весьма хорошую должность при генерале Элине Горской. За такие ошибки приходилось расплачиваться. Порой даже — головой.

Девчонка едва не падает, поскользнувшись на этом ворохе давно опавших листьев, и Андреа по привычке подскакивает к ней. Забыв про рану, которая тут же начинает болеть с удвоенной силой. Сонг морщится от боли, а девчонка вздрагивает и как-то уж слишком виновато смотрит на него. Так виновато, что хочется закричать, что он справлялся с ситуациями куда более плачевными, что не стоит жалеть того, кто в Интариофе служил палачом.

Он ведь отвык от этого — от человеческого отношения, от сострадания... По правде говоря, мало кто из того их состава заслуживал жалости или пресловутого сострадания. В Интариофе сострадания не было. Зато царил порядок. И уровень Ойром — «Защита закона» — был тому подтверждением. Уж на Ойроме точно не было никого и ничего лишнего. Фемида Гроуйи не допустила бы этого. Уж Андреа с ней хорошо был знаком. Среди этих бетонных постоянно перемещающихся чёрно-белых блоков вряд ли могло найтись хоть что-нибудь, что не соответствовало содержимому или внешнему облику. Гроуйи — такая стерва, что табуретку на свой уровень не даст поставить, если она не вписывается в её представление о том, что должно быть. На Сзерелеме было не особенно лучше. Что уж говорить о Кальмии или Рахабе? Или Джурвасаге, Харке, Зорне, Уеслэне — словом, с генеральских уровней. Андреа Сонг был на каждом из этих уровней. Более того — на каждом из них он не один год проработал. Крепости и тюрьмы — и ничего более. Может ещё — какие-то научные лаборатории, в которых над заключёнными тюрем проводились опыты. Сонг из-за своей опостылевшей ему уже давно работы едва ли мог вспомнить наверняка, что такое чувство сострадания к другому человеку.

В последний раз ему предлагали помощь давно. Впрочем, по его меркам — не так уж и давно. Это была та девчонка — Мелани Найрд, монахиня из Койвкаларской первосвященнической цитадели. Хорошая девчонка. Нет — замечательная. Беспомощная маленькая девочка во взрослом тёмно-красном платье из кружев. Она смотрелась, пожалуй, даже красиво в этом. Нет — совершенно, безупречно. Но, в прочем, не так обычно и в то же время очаровательно, как в ярко-жёлтых простых ситцевых платьишках. Сонг прекрасно помнил её светлые растрепавшиеся длинные косички, испуганный взгляд светло-карих глаз и распахнутый рот. Мелани Найрд... Девчонка из Койвкаларской цитадели... Как же давно Андреа в последний раз был там — человеку и не понять. И всё же — девочка, человек из Койвкаларской цитадели... Что она забыла в том сборище лжецов, насмешников, убийц и воров? Ей не место было среди них, как бы высоко она не поднималась. Уж Андреа-то мог знать, что не место. Алиса Вейзел была его родной сестрой. У ж по ней-то одной он мог понять, каковы все эти заместники цитадели? Ещё бы на пустынном холодном Сваарде её заперли!

Хорошей девочкой была эта Мелани Найрд... Хорошая, хоть и глупая — влюбляться в

мужчину, настолько старше её было крайне глупо. Это понимал даже Андреа. А Вейзел тогда и вовсе была готова чуть ли не уничтожить эту влюблённость своей подопечной. Не хотел бы Сонг оказаться на его месте. По-своему её было жаль. Смелая ведь, хоть и робела каждый раз, когда её подхватывали на руки. И чистая, хоть и варила в Ковкаларской цитадели, среди всех этих лицемеров, двуличных тварей и ублюдков. Впрочем... Сонгу ли не знать, что ублюдок существовал только один. Имя его означало «драгоценный мир» и к первосвященническим цитаделям никакого отношения иметь он не мог. Разве что брат его — Шиай Роутэг занимал весьма видное положение среди первосвященников. Но разве мало у Киндеирна было сыновей?

— Не стоит, миледи, — сдержанно улыбается мужчина. — Я могу узнать, как ваше имя?

Если бы ему не было так больно, он расхохотался бы. Ситуация его вполне забавляла. Платок на голове девушки немного сполз, открывая взгляду Сонга светлые кудри. И вовсе не девочка находилась перед ним. Даже почти что девушка уже. Почти взрослая. Не такая, как солнечная Мел, что никогда не покинет его воспоминаний. Девушке, что решила помочь Андреа, должно быть, уже лет восемнадцать. Мелани было всего четырнадцать при их первой встрече. И она была выше.

А новая знакомая...

Она смотрит на него чуть настороженно, а потом расплывается в улыбке. Её лицо — не слишком-то красивое, как кажется Сонгу — эта улыбка нисколько не красит. Впрочем, и не уродует нисколько тоже. Уну Тсори улыбка вот уродовала. Андреа пару раз видел, насколько неприглядным становилось это красивое лицо, когда улыбка трогала его. Девушка, впрочем, скоро перестает улыбаться. Но взгляд её до сих пор приветлив, как будто Андреа Сонг вовсе не окровавленный оборванец странного вида, обладающий оружием и возможностью в любой момент ударить или даже убить.

И Сонгу думается, что Мелани смотрела на него вот так же — только ещё хохотала, когда он щекотал её. Бедное дитя. Что же с ней стало... Не стоит демону когда-либо соприкоснуться с существом столь чистым. Даже самое трепетное отношение не способно смыть кровь с рук. Но всё же, Андреа прекрасно знает это, если бы она не желала с ним соприкоснуться, он бы не сумел сдержать себя, убил бы её, искалечил, сжёл — всё, что угодно сделал бы, лишь бы его изломанная под кодекс душа перестала ныть.

— Меня зовут Эрна, сэр, — говорит девушка. — А вас как?

Его имени не было в легендах. Ни в одной из них. Обычно называли лишь его работу — палач. И не сказать, что Сонга это хоть немного расстраивало. Палач, так палач. В конце концов, работу свою исполнял Андреа весьма хорошо. И даже почти что с милосердием, которое как бы от него требовалось госпожой Элиной Горской.

Эрна смотрит на него с любопытством. Ей интересно. Даже несмотря на кровь, которой пропиталась его куртка. Даже несмотря на кастет на его почти что здоровой руке. Даже несмотря на то «пугающее впечатление» по мнению Алисы, которым Андреа всегда гордился.

Да, чем-то они были похожи — Мел и эта Эрна. Смелые, пожалуй, девочки. И ужасно горько было оттого, насколько не везёт в жизни хорошим людям. Сонг никогда не был хорошим. И поэтому ему везло. Везло довольно часто. Не так часто, как Киндеирну или Мейеру, но куда чаще, чем тому же Гарольду Анкраминне. Впрочем, Анкраминне был идиотом. И чурбаном. Так что, в том, насколько сильно ему не везло, была только его вина. Ну, может, ещё тех двух людей, которых Анкраминне считал своими лучшими друзьями.

Андреа едва удерживается на ногах — воспоминания об Анкраминне и, следовательно, о Драхомире, едва ли могут способствовать скорейшему выздоровлению.

— Зови меня Андреа Сонгом, хорошо? — старается улыбаться он.

Девушка кивает и очень осторожно и даже почти нежно кладёт руку Сонгу на поясницу, придерживая его так, чтобы он не упал. Было бы неплохо, если Эрна поможет Андреа дойти до какого-нибудь жилища. Сам он вряд ли разберётся во всём в Осмальерде — слишком уж незнаком ему этот мир.

Идут они долго — кажется, проходит с полчаса, а они до сих пор не дошли до какого-нибудь строения. А ведь Андреа был бы рад даже покосившейся избушке, где он сможет, наконец, прилечь. А лучше всего — заснуть хотя бы на пару часов. Впрочем, возможно это — непозволительная роскошь.

Эрна, чтобы как-то поддержать его, начинает рассказывать какие-то сказки, о происхождении которых Андреа догадывается далеко не сразу. Девушка говорит о... Девушка? Нет... Девочка... Совсем ещё ребёнок. Эрна пытается рассказать Сонгу о Сонме — об этих самоубийцах, которые полезли переворачивать мир только потому, что одному из них было скучно. Девочка с каким-то восторгом начинает говорить о том, что именно воротил тогда Танатос. Что же... Андреа усмехается — ему ли не знать обо всём этом. О короле без королевства он тоже прекрасно знает — в конце концов, в ловушку Сонм загнать получилось именно через Саргона. Он знает о них всех — о Хелен, об Оллине, об Уенделле, о Киаре, о Калэйре, об Изаре, о Лилит... Он знает и Абалима, и Сабаот — тех двоих, чьи бросили Сонму вызов. Знает и то, что именно Сабаот послужила причиной смерти Абалима и Асбьёрна. Андреа и сам когда-то был знаком с сердцем Вирджилисской цитадели. И иначе, как стервой окрестить эту девушку он не мог при всём желании. Что она, что Деифилия, что Хелен, что Якобина — вот кто был основной причиной тех бед, что случились тогда. И пусть творили больше всего другие, основным злом являлись именно эти четыре девушки. А Эрна начинает говорить о камнях. О тех драгоценных камнях, что являлись чьим-то символами. Андреа почти хочет сказать, что считает, что камнями Сабаот можно назвать морион — этот чёрный хрусталь, — тогда как камнями Деифилии является именно горный хрусталь, когда слышит то, что заставляет его скривиться от отвращения.

— Рубины — камни Ренегата Драхомира, а не нищего Йохана! — резко обрывает мужчину свою почти что спасительницу. — Было бы забавно, если бы у этого оборвыша хватило денег на тот рубин...

Ему вспоминается этот проклятый попрошайка. Нищий! Пройдоха! Шлюха! Как вообще, такой ничтожный человек мог стоять рядом с Ренегатом, которого боялись, уважали, который был любимым сыном старика Киндеирна — ведь и это чего-то да стоило! Андреа Сонг не понимал этого. Пытался понять, много раз пытался, но так и не сумел. Чем хорош был этот Йохан? Чем он заслужил дружбу демона? Тот же Танатос был хитёр, горделив и самонадеян, к тому же — если не силён, то уж точно крепок. Тот же Асбьёрн создавал потрясающие зелья, одна бутылка которых могла разрушать целые цитадели. Тот мальчишка был так умён, что мало кто смог бы сравниться с ним в этом. Саргон был благороден, Деифилия красива, Калэйр обаятелен — да все они заслуживали дружбы Драхомира больше, чем этот нищий безголосый бард!

Девочка непонимающе смотрит на него. Конечно! В тех глупых книжках, которые читают глупые маленькие девочки, всё извращают до невозможности. Перевирают всё, что только можно перевернуть, придумывают что-то новое и недоговаривают того, что было на

самом деле. Конечно! Зачем говорить правду? Она ведь не слишком интересна — не так важно знать, что тот рубиновый перстень принадлежал некогда кровавому солнцу всего Интариофа, Киндеирну, что был когда-то подарен алым генералом своему любимому сыну, своему первенцу, Драхомиру. Это куда менее интересно, чем то, что нищий бард сумел завладеть этим перстнем, что носил на пальце, словно свою собственность. На безымянном пальце левой руки. Как и Драхомир. Йохан не имел права делать этого. И именно за это и поплатился в итоге, получив худшее наказание, которое только мог выдумать для него мстительный Киндеирн — неопределённость, постоянное незнание того, реинкарнировала ли его любовь.

— Но разве в легендах не пишут, что...

Мало ли что пишут в легендах, — хочется сказать ему. Ведь написать можно всё, что только пожелает душа. Только правдой это никогда не будет. Рубины — камни Драхомира, Киндеирна и всех их семьи. Но уж точно не хромого Йохана. Этого нищего барда, который себе и куртки нормальной не мог купить. В легендах можно написать всё, что угодно. Как Танатос когда-то в шутку назвал тот сброд Сонмом проклятых — и все поверили ему, хоть на тот момент их было всего шестнадцать, и двое из них довольно быстро умерли, так и не сумев стать частью легенд, которые о них складывали.

В легендах пишут многое, хочется сказать Сонгу. Когда-то в детстве, когда они оба были ещё совсем детьми, Драхомир любил придумывать разные истории. Весёлые, грустные и страшные одновременно. Андреа всегда любил слушать эти истории, когда они вдвоём, прячась от Гарольда Анкраминне, их наставника, сидели на холодном чердаке, накрывшись старым, принесённым специально для этих историй, одеялом. Смешно вспомнить то, что выдумывал когда-то одиннадцатилетний Мир. Сам Драхомир позднее стал героем историй куда более страшных и захватывающих. А те сказки, которые он сочинял в детстве... Они были просто сказками. В них не было правды. Да, пожалуй, и в легендах её тоже не было. Нет, кое-что происходило на самом деле, но... Всё было совсем не так. Достаточно было увидеть Танатоса один раз в жизни, чтобы понять, что на что-то слишком уж торжественное и пафосное у него просто не хватило бы выдержки. Танатос был смелым, смешливым, решительным, но уж точно не собранным и серьёзным. Этих достоинств в списке преимуществ Чернокнижника уж точно не было.

Слишком ли обеспокоенная словами Сонга или просто устав почти тащить его на себе — девчонка спотыкается и падает. Странно, что Андреа не падает вместе с ней. Об этом он, правда, думает уже секунду после того, как Эрна сидит на земле. Теперь она куда больше напоминает того ребёнка, каким являлась. С растрёпанными волосами, немножко испуганная... Это было именно то, что Сонг ожидал увидеть в ней. Недолго думая, он протягивает девчонке руку.

— Два лучших друга рассорились и убили друг друга — стоило ли это той славы, которую приобрели они после смерти, дитя? — мужчина помогает Эрне подняться на ноги, хотя сам едва держится. — Из-за своей гордыни мужчина лишился любимой девушки и ребёнка, которого она могла бы ему подарить. А после — ему сожгли руки. И стоило ли это того ужаса, который он наводит на всех? А девушка? Самая красивая девушка в мире, которой стоило только улыбнуться или кивнуть для того, чтобы ей поднесли на блюдечку всю вселенную? Разве стоило её тщеславие трёх поломанных судеб? А дочь жреца, что из мести готова была выжечь всех и себя саму дотла? Все эти люди могли бы жить вечно — жить в довольстве, в достатке, даже в богатстве... Но они пошли против судьбы, изломали

себя, извратили суть самой вселенной... Думаешь, всё это стоило тех легенд, которые ты сейчас о них читаешь? Их поломанные судьбы, их выжженные или вымороженные души?..

О да... Андреа Сонгу приходилось видеть то, как Асбьёрн и Абалим вцепились друг другу в плотки тогда, в их последней битве. Он видел ту ярость, с которой они — когда-то лучшие друзья — пытались убить друг друга. По правде говоря, им самим и выжить едва ли хотелось, если бы это утянуло второго из них в бездну. И всё из-за женщины. Из-за сестры Абалима — покойной уже к тому времени Сабаот. И ведь — какой бы идеальной, какой бы замечательной и смелой она не была, людей погубила, пожалуй, больше, чем её психованный братец или гневливый любовник. От тех, хотя бы, не стоило и ожидать чего-нибудь другого. А Сабаот... Сердце Вирджилисской цитадели... Должно быть, она была самой образованной девушкой своего времени. И ведь совсем не была она такой чистой и непорочной, какой выставлял её Абалим. И девочкой её назвать было тем более трудно. Сонг разговаривал с ней незадолго до её гибели, глядел в её знаменитые изумрудные глаза... Только убедился, что девочкой её назвать мог только её брат. Сабаот не была ни наивной, ни глупой — едва ли она имела возможность быть такою. Сабаот была умна. И прекрасно осознавала, что идёт на верную смерть. К тому же — что именно повлечёт за собой её безвременная кончина девушка тоже прекрасно осознавала. И, пожалуй, именно это в ней так и раздражало Сонга. И Мейера, и Малуса, и Киндеирна — всех. Это прекрасное знание всех последствий.

Девочка смотрит на него почти что жалобно. И Андреа становится стыдно за то, что он пытается забить всем этим кровавым бредом голову этого наивного ребёнка. Это не должно было быть известно настолько сильно. Эти дразги первых времён, когда большая часть из них была так глупа и наивна, что сейчас за те поступки становится жутко стыдно. Достаточно и того, что выжившие представители той эпохи прекрасно видят последствия своих действий. А Эрне не следует знать всего. Пусть лучше читает свои сказки и верит в них. В то, что Танатос был мрачен и горд, тогда как Чернокнижник был смешлив и почти до смешного горделив, в то, что Асбьёрн был великим рыцарем, тогда как был он скорее взбалмошным мальчишкой, в то, что Абалим был благородным лордом, тогда как братец Сабаот был жесток и капризен... Пусть верит... На то и сочиняются все эти легенды, чтобы кто-то им верил, считал их правдой... Эрна молчит, думая о чём-то, и лишь крепче сжимает его руку.

— Мне кажется, что стоило, сэр... — тихо произносит девочка, помогая ему идти.

Оставшуюся дорогу девчонка молчит — а проходят они примерно столько же, сколько прошли до этого. А Андреа всё старается думать над её словами. Станный это был ребёнок, очень странный... Впрочем, будто много Сонг видел детей! Мелани да вот эта девчонка! Лори — его коллега — даже в четырнадцать лет едва тянула на такой титул. Андреа улыбается. Пожалуй, стоило разозлить Киндеирна хотя бы для того, чтобы познакомиться с этой самой Эрной. Она была даже забавная...

По правде говоря, погоду такого толка Асбьёрн просто ненавидел. Даже больше, чем опостылевшие снега. Ему порой было даже немного странно оттого, что Деифилия очень любила эти бескрайние белоснежные пустыни. Бьёрну куда больше по душе были скалы, по которым они с Танатосом карабкались и холодные песчаные степи, которые были так привычны Миру. Это Дее всегда мила была снежная пурга. И порой парень совершенно её не понимал. Хотя, казалось бы, они-то уж должны были всегда понимать друг друга — ведь на всём свете нет для них хоть одного родного человека. И порой Бьёрну казалось даже, что

Мир — этот выжженный ублюдок с рубиновым перстнем — понимал его куда лучше, чем родная сестра! Это так сильно его раздражало, что всем неудачным играм в кости Танатоса, когда чернокнижник умудрялся оставлять весь Сонм без еды и средств к существованию, с этим не сравниться! Впрочем, стоило отдать Драхомиру должное — сражался он неплохо, лучше всех них. Да и рассказчиком был несравненным. И в азартных играх понимал поболее Танатоса. Да и человеком он был вполне даже неплохим — если бы Мир не имел видов на Деифилию, Асбьёрн вполне смог бы с ним поладить. Но Драхомиру нравилась старшая сестрица Бьёрна, а потому мальчик не мог относиться к демону с тем радушием и безмерным восхищением, которое испытывал первый год после появления в их шайке Мира. Но теперь уж об этом не могло быть и речи. И это было почти грустно.

Асбьёрн прячется в пещере от этого пронизывающего сырого ветра. Тут, по крайней мере, не так холодно. Возможно, из-за того, что совершенно не дует. И к тому же, ничто не льётся прямо на твою голову. До их шайки далеко. Дея — ох, хорошо, что она не знает, что он называет её так даже мысленно, все сокращения её имени жутко её сердили — сейчас находится в «цитадели» — том маленьком деревянном домике, который служил их шайке хранилищем награбленного и иногда ночлегом. Бьёрн немного обеспокоенно вздыхает — он ведь так и не сумел узнать, кто именно находится сейчас вместе с его сестрой в «цитадели». Её ведь не могли оставить там совсем одну, правда? Деифилия не была достаточно хорошо вооружена для этого. Впрочем, Мир вряд ли был способен оставить её одну в таких обстоятельствах. Бьёрн не слишком хорошо понимал — злит его это или радует.

Жертвенный алтарь — багровый и потрёпанный — вполне сгодился для того, чтобы лечь прямо на него и смотреть на своды пещеры с тем любопытством и затаённым почти восторгом. Пещера ему нравилась. Будь его воля — сделал бы «цитаделью» их Сонма не крошечный деревянный домик, а просторную пещеру вроде тех, что раньше — ещё до Великой зимы — служили для людей храмами. Дея любила читать о том, что было до Великой зимы. Асбьёрн порой, вообще, сомневался, что было что-то до зимы. В конце концов, уже не одно поколение людей видело лишь эти проклятые снега вокруг себя. Ну или вечные дожди в южных землях. Сестре Бьёрн, вообще, верит довольно редко — девушки часто склонны всё преувеличивать. Особенно — Дея. Пусть паренёк и ненавидел Драхомира, но чаще всего, когда Деифилии что-то в том не нравилось, это был какой-то сущий пустяк, на который и внимание обращать должно было быть стыдно. Должно быть, до зимы было лишь немного теплее. Не настолько, чтобы вспоминать это с каким-то странным и совершенно непонятным трепетом, как вспоминает Дея. Мир говорил, что в том времени не было ровным счётом ничего интересного. И Бьёрн не имел никаких причин не верить демону. Нет, причины были, разумеется, но в том, что именно эти его слова были правдивы, сомневаться совсем не хотелось.

Шорох почти заставляет Асбьёрна вздрогнуть. Едва слышный. Человек бы и не сумел заметить такого. Но Бьёрн не человек. Оборотень — вроде так люди бы его назвали, если бы знали, на что он способен. Не вздрагивает Асбьёрн только потому, что хорошо помнит один урок от Калэйра — кого бы ты внезапно не увидел, кто бы не оказался рядом с тобой, ни в коем случае нельзя как-то показывать свой страх или своё удивление.

Почувствовав чужое присутствие, парень приподнимается на алтаре. В другом углу пещеры он замечает худенькую фигурку. Асбьёрн недоверчиво смотрит на девушку. Его губы тут же трогает самодовольная и почти что противная — Деифилия всегда говорила ему, что в моменты особой ярости или плохого настроения он просто уродлив — усмешка.

В роскошном шёлковом сарафане, с нарядными лентами, вплетёнными в волосы, эта девушка совсем отличалась от тех девушек, которых Бьёрну приходилось видеть ранее — в частности, от его строгой сестры Деифилии, от мальчишки-Хель, которая носилась раньше вместе с ним по лесу, от весьма эффектной Лилит. Она была красива, но совсем не так, как была красива ледяная Дея. В ней было что-то... Тёплое, что ли?

А ещё она кого-то отдалённо напоминала. Асбьёрн не мог толком понять — кого именно. Но определённо она кого-то напоминала. Тоненькая, черноволосая, с худым длинным лицом, на котором была видна печать усталости. Похожая на маленького и сердитого заблудившегося волчонка. Почти что похожая на Магна. На это глупое животное, которое почему-то ласкалось к Драхомиру, хотя тот был, между прочим, убийцей, предателем, редкостным ублюдком... Магну было месяца четыре. Он был ещё совершенно глупым, весёлым и надоедливым. Это был чёрный волк, обещавший вырасти довольно внушительных размеров, с подпалиной на левом боку. Какие-то изверги мучили бедное животное только за то, что, дескать, его мамаша нападала на деревню и перегрызла с десяток людей. Подумаешь! Волчонок, которому едва месяц исполнился, в чём был виноват?

Асбьёрн внимательно смотрит на неожиданную гостью. Та его совсем не замечает. Немудрено — алтарь находился в таком месте, что его и не было видно. Да и девчонка слишком замёрзла и устала, чтобы обращать внимания на тихую возню так далеко от себя. И это с её стороны довольно глупо. Во всяком случае, Бьёрн думает именно так — он осторожно поднимается на ноги и прыжком оказывается почти что рядом с гостьей.

— Ближе подойдёшь — горло перегрызу, — предупредил он девушку и спрятал фолиант под свою одежду. — Кто такая?

Да... Глупое требование, учитывая то, что он к ней уже подскочил. Впрочем, Деифилия и Йохан не зря бранили Бьёрна за те необдуманные поступки, которые он совершал. Драхомир обычно не бранил — он отвешивал подзатыльники и смеялся над промахами Асбьёрна. Танатос просто ржал. Без всяких подзатыльников и ругательств. Его забавляло, что кто-то совершал столь же досадные ошибки, что и он. Да и... В чём Танатос Асбьёрну, всё же, нравился, так это в том, что он никогда ни к чему не придирался. Творил ерунду, конечно, скучал и совершал от этого такие вещи, о которых без дрожи и подумать невозможно, но на чужие оплошности внимания не обращал. Точнее — обращал столь мало внимания, что это не стоило совершенно ничего. Танатос мог поржать над опрометчивостью Асбьёрна, Асбьёрн мог поржать над погрешностью в плане Танатоса. И всё было вполне даже честно. Даже учитывая скверный характер обоих. Но... Пожалуй, в данном случае оплошность Бьёрна ничего не стоила. Не та ситуация, чтобы на его слова слишком уж явно огрызались. И тем более — не та, чтобы ему за его слова отвесили оплеуху.

Девушка в испуге шарахнулась подальше от внезапно возникшего перед ней парня и едва слышно стала шептать какую-то молитву. Она смотрела на Асбьёрна своими зелёными глазами, словно пытаясь околдовать, убедить в чём-то. И Бьёрну хочется расхохотаться и сказать, что чары ведьмы на него действовать не будут — из-за того, что отчасти парень как бы медведь.

— Я лишь хочу спрятаться от дождя. Прошу вас — не убивайте меня, — это первые слова, которые он от неё слышит.

Посиневшие от холода губы девушки едва шевелятся, но голос полон металла. Не льда, как у Деи. Но лёд можно растопить легко, а чтобы расплавить металл понадобится огня куда больше. И гореть он должен куда жарче, тогда как лёд можно просто сжать в руке, чтобы он

превратился в воду. Драхомир в чём-то подтверждал опасения Асбьёрна, если честно. Пусть сестра и не признавала этого — а демон был слишком влюблён и погружён в мысли о том, насколько он сам любви недостоин, чтобы это замечать, — но рядом с Миром Дея становилась куда мягче. И улыбалась намного чаще. И ей нравилось, как улыбался Драхомир — открыто, смело, совсем не так, как было позволено в оборотничьем семействе, которого Асбьёрн уже почти не помнил, но по которому Деифилия так сильно скучала. Так вот, Дее нравилось, как улыбался Драхомир. Нравилось, как хорошо он умел танцевать, как подхватывал её на руки и кружил, как рассказывал ей дурацкие истории про какие-то там рода в своём родном Интариофе. Особенно Мир любил рассказывать истории об отцовском уровне — Бьёрн до сих пор плохо понимал, из чего состоял Интариоф и почему составляющие назывались «уровнями» — Сваарде. Сваард, пожалуй, оборотню бы понравился. Пустынный, скалистый, тёмно-красный, с багровым небом, на котором сияли два солнца, полный крепостей, цитаделей и рудников... Самый богатый полезными ископаемыми уровень. И холодный. «Один из самых холодных уровней Интариофа».

В голосе странной девчки весьма ощутим страх. Во всяком случае, Асбьёрн слышит этот страх. Он недовольно смотрит на незваную гостью пещеры и хмурится. Совсем уж пугать эту слишком уж разряженную принцессу он совсем не хотел. Дея бы очень сердилась на него, если бы узнала о его поведении. Но Деи здесь нет. Значит, вести себя можно совершенно любым образом. Но зелёные глаза девушки смотрят на Асбьёрна так пристально и внимательно, что совершенно не хочется думать о чём-то, что может этой девчке навредить. Как есть — ведьма. И даже не пытается этого скрыть. Во — какими глазами смотрит. Запугать его, небось, хочет. Не получится. Он её даже запугать не против.

— Да прячься от дождя сколько тебе угодно, ко мне только не подходи — я бешеный, — улыбается Асбьёрн, обнажив ряд острых зубов. — Так сестра мне говорит. И она права.

Бьёрн снова усаживается — правда, на этот раз, прямо на землю, так как до алтаря идти слишком лень, — и закутывается в сшитую своей старшей сестрой куртку. Он смотрит на сарафан девчки и те лохмотья, которые она набросила поверх своего платица, и усмехается. Деифилия никогда не позволила бы своему младшему брату ходить в подобном тряпье. И сама ни за что не ходила бы в подобном. Асбьёрн как можно более незаметно касается синяка на своей спине. Драхомир хорошо тогда ему поддал. Весьма больно. Бьёрну было так обидно, так стыдно и горько из-за этого, что он едва не разревелся. А Танатосу нисколько не досталось! Было даже немного обидно из-за этого... Впрочем, что было уже неплохо — Мир ни слова не сказал Дее. Точнее, ни слова не сказал Дее о том, что сделал это Бьёрн. Взял вину на себя. Что же... Пожалуй, Мир и был обязан это сделать — один раз Асбьёрн уже защищал его. И тогда ему досталось так сильно, что... Так что, Мир обязан был покрывать Бьёрна. До конца жизней их обоих. И не ворчать из-за тех передрыг, в которые юный оборотень постоянно впутывался.

— А ты что — заболеть так хочешь, раз ходишь почти голая? Думаешь, пара тряпок тебя спасут от холода?

Злой взгляд ярко-зелёных глаз служит ему ответом. Таких ярких, что Бьёрну хочется захохотать во весь голос и крикнуть девчке, что она ведьма. Но порыв он сдерживает. Едва-едва, но... Она пытается кутаться в свой тонкий шёлковый сарафан. Эх!.. Деифилия была бы вполне рада увидеть такой, а уж тем более — надеть! Бьёрну думается, что неплохо было бы сорвать этот сарафан с девчки. Жаль только, что кровавые пятна отстирываются не слишком хорошо. А Дея никогда не наденет что-то, где будет пятно. А зачем ему что-то

провоочивать, если сестра рада всё равно не будет?..

Может, убить девчонку, сорвать сарафан и подарить этот предмет гардероба Хелен?

А что? Это был не самый плохой вариант — эта мелкая бестия (да, она была старше Асбьёрна на целых три года) вполне будет рада обновке, даже с кровавыми пятнами, что было огромным преимуществом. Всё-таки, при всём своём скверном характере (да, Танатос непременно бы хихикнул — «кто бы говорил о скверном характере»), Хелен была вполне милой девушкой, заслуживавшей красивых платьев и сарафанов, чего ей, разумеется, обеспечить никто не мог. И вообще, Хелен была такой же сиротой, как он и Дея. Так, может быть, Бьёрну стоит хотя бы раз в жизни её порадовать? А у гостыи, кажется, весьма тонкая шея и...

— Не твоё дело! — фыркнула девушка. — Сам же сказал — к тебе не подходить!

Бьёрн подпрыгивает совсем близко к ней, а она даже не отшатывается, лишь впивается в него своими изумрудными злыми глазами. Впивается, будто её загнали в угол, будто бы её тут убивать собираются... Ну... Может, и собираются, Бьёрн это толком так и не смог решить.

Асбьёрн всматривается в черты её лица и тщетно пытается понять, кого именно эта девушка ему напоминает. Ну не Магна же! Нет, волка тоже, но... Был же кто-то ещё, кого почти с таким же лицом Бьёрн уже когда-то видел. Но девушек в своей жизни вряд ли он видел так уж много — тех, кто жил в деревнях, в которых Йохан... кхм... неважно... Нет, те девушки были совсем другими!

Зелёные глаза смотрят на Бьёрна с вызовом. Так, будто бы девчонка, если захочет, сможет одолеть его в рукопашной схватке. Словно бы она... Как минимум у одного человека — не считая весь их Сонм и того странного парня, который периодически дрался с Драхомиром — он уже однажды видел подобный взгляд. И увенчалась их схватка... Новой дружбой. Тот парень оказался даже... славным. Да, Деифилия крайне не любила слово «славный», считая его слишком неприличным, хотя никто больше это слово таковым не находил. Впрочем, неважно, что думала Дея по поводу этого слова. Абалим, действительно, был именно что славным. И другого слова было не подобрать.

Абалим... Абалим! Вот кого ему напоминает эта гордая девчонка! Именно его! Такая же гордая, к тому же — совершенно так же улыбается. Лицо Абалима, правда, было привычнее, Асбьёрн видел его куда больше. Зато лицо девчонки была тоньше. И глаза у неё были... умнее.

Должно быть, эта девчонка и была той сестрой Абалима, о которой тот так много рассказывал! Только вот на «истинное совершенство» по мнению Бьёрна это худенькое и хрупкое существо вряд ли тянуло.

Рыжие волосы Хельги словно светятся — кажутся почти что золотыми. Леонард стоит на смотровой площадке учебной башни и смотрит в подзорную трубу, одолженную ему Константином Райном. Хельга и родители едут к Академии в карете. Отец что-то говорит сестре Леонарда, и та счастливо улыбается. Это видно даже отсюда — с учебной башни. И Лео думается, что тоже счастлив, раз счастлива его семья.

Леонард улыбается. По правде говоря, по своей несносной сестрице он скучал. Пусть Хельга порой и вела себя крайне скверно, была раздражительна, упряма, не обладала чувством юмора, она была его дорогой сестрицей. Она была единственной дочерью Томаса и Леокардии Кошендблатов, единственной сестрой Лео, тогда как братьев у него было вполне достаточно. И Леонард совсем не ожидал, что родители и Хельга навестят его в Академии

так скоро.

До их приезда, пожалуй, остаётся ещё около часа — всё же, хорошо, что Райн позволил Лео воспользоваться его подзорной трубой, что теперь юный герцог Кошендблат видит их издалека...

Леонард тяжело вздыхает — ждать придётся ещё целый час. И откуда только у Константина всегда берётся столько терпения, что он может ждать чего-то годами? Лео никогда не смог бы так... Впрочем, возможно, у Райна была некая тайна, помогавшая ему сохранять самообладание и терпение даже в тех ситуациях, когда кто угодно другой это терпение уже терял.

— Леонард! — слышит Кошендблат откуда-то с нижних этажей голос Эрны Хоу. — Ты здесь? Помоги мне, пожалуйста!

По правде говоря, то, что Хоу просит его о помощи сразу кажется герцогу странным — обычно Эрна считала, что из-за своей болезни Леонард не должен быть вовлечён в какие-либо слишком сложные задания. Роза Эсканор тоже считала именно так, и потому Леонард не исполнял ничего из «заданий масти», а только учился.

Недолго думая, Леонард спускается по лестнице с учебной башни на первый этаж, где и стоит Эрна, помогая держаться на ногах какому-то странному мужчине, которому меньше тридцати дать очень сложно. Куртка этого человека насквозь пропитана кровью в районе живота, а сам он едва ли не теряет сознание. Очень странно то, что до сих пор его ноги не подкосились. Кошендблат почти что подбигает к Эрне, чтобы помочь дотащить этого мужчину до ближайшего дивана.

Хоу говорит, что этого человека зовут Андреа Сонг, что она обнаружила его, когда искала обещанные Константину Райну за одну услугу травы, что очень испугалась, когда увидела рану на боку у Сонга, что нёс он какую-то ерунду, должно быть, из-за поднявшегося жара... Говорит Эрна много и очень быстро, что на неё не слишком-то похоже. Похоже, она действительно очень напугана. И Леонарду тоже передаётся её страх — он даже забывает о том, что скоро к нему должны будут приехать отец, мать и Хельга. Он бежит на кухню, ищет аптечку, бинты — словом, всё, что попросила его найти Эрна. Он помогает снять с того человека оружие, пропитанные кровью куртку и рубашку, помогает промыть раны... Ему страшно. Страшно, что кто-то может умереть в их спокойной и тихой Академии, где всё всегда было хорошо. Страшно, потому что Эрна слишком напугана, а никого больше из бубнов рядом нет. И эта ситуация не кажется ему хоть сколько-нибудь странной — лишь пугающей, волнительной...

Это уже потом герцогу думается, что это было очень странно — какой-то тяжело раненный мужчина, по виду скорее напоминающий головореза, в окрестностях Академии. Это потом уже Леонард поймёт, что что-то в этой ситуации было не так — никто не мог пробраться на территорию Академии со стороны леса, потому что там стоял слишком сильный магический барьер. А если бы пробрался — директор уже давно поднял бы тревогу...

Комментарий к II. Глава сорок первая. Любовь.

Тэм Гринхилл — Твои волосы пахнут ветром

===== II. Глава сорок вторая. Гнев. =====

Божественный Цезарь, создание Луны,

Вы бредите странными снами:

Что все Рубиконы перейдены,

Все жребии брошены вами,
И каждый использовал право свое
Сказать триумфатору гадость...
Сражений поля зарастают быльем,
А вам ничего не осталось.
И вы год от года
Вините погоду —
Дожди, мол, задрали в июле —
Отбросьте личину!
Не в том ли причина:
Вам нечего больше желать,
Божественный Юлий?
С небесного круга стекает вода,
Чихает домашний ваш гений,
А ваша супруга, конечно, всегда
Превыше любых подозрений.
Куда вы идете — не спросит она,
Поскольку привыкла к изменам...
Дождь тихо шуршит, и бросает луна
Унылые блики на стены.
Печальны и гулки
В ночи переулки,
Вы прочь от Субуры свернули —
Пускай ловят слухи
Матроны и шлюхи,
Вам некого больше хотеть,
Божественный Юлий.
Но вам среди зыбких ночных миражей
Увидеть придется когда-то
И солнечный отблеск на гранях ножей,
И кровь на ступенях сената,
И то, как сорвется последний вопрос
С немеющих губ в изумленье...
Пока все спокойно среди пиний и роз
В дождя неживом обрамленье.
Виденья проверьте
Улыбкою смерти —
Ведь вы ей в глаза заглянули!
И мысли в полете,
Но вы не умрете,
Ведь боги бессмертны...
Ведь так,
Божественный Юлий?
Около пятисот лет назад...
И всё же, Сонг мог поклясться, что этот день был крайне странным. Начиная с

заплаканных глаз Лори — их медика — и заканчивая тем, что Андреа стоял в камере Драхомира и думал, как помочь ему сбежать. В первом было удивительным то, что Лори вообще могла плакать, впрочем, возможно, это были какие-то глупые капризы. Вроде того раза, когда она сбежала в падишахи к Чёрному князю. Во втором случае удивительным было то, что Андреа вообще додумался до такого безумия. В конце концов, Драхомир заслужил ту боль, которая его теперь не покидала. Он был братоубийцей, ренегатом, ублюдком, полукровкой, герцогским палачом и... Вообще-то, Драхомир был хорошим другом. Вот не повезло же ему — влюбиться в эту девчонку из оборотней. И он не был своим отцом, чтобы заставить весь Интариоф принять эту девушку к себе. Сонг знал, что настоящей матерью Драхомира была осмальердская ведьма. Женщина крайне неприятная, пусть и довольно симпатичная. Она была третьей женой Киндеирна и получила бессмертие взамен на сына, которого довольно быстро отдала мужу. Однажды Сонг её видел. И, пожалуй, не мог не признать, что во многом Мир походил на неё — хотя бы своим постоянным враньём. Без лжи он никогда не мог прожить больше, чем пару часов. Его мать тоже всегда была такой. А ещё — наглой, безудержной, злой. И весёлой. И Андреа жутко скучал по тому времени, когда и Драхомир был таким. Тогда не случилась ещё вся та история с предательством и Сонмом. Тогда ещё всё было вполне хорошо.

Сейчас они оба находятся в подземных камерах уровня Раджнор. В тюрьме Интариофа, предназначенной для худших преступников. В тюрьме, которая имела далеко не самую лучшую репутацию (как, должно быть, это странно звучит). Правда, Драхомир здесь узник, тогда как Сонг — тюремщик. И Андреа признаётся сам себе, что, пожалуй, заслуживает тюрьмы не меньше. Он творил зла не меньше, предавал не меньше, убивал не меньше — просто был более осторожен. И лжив. Несмотря на то, что лживостью из них двоих всегда отличался Мир. Лживостью и скрытностью. О Сонме в Интариофе узнали уже тогда, когда Драхомира не оправдал бы даже Киндеирн. О цитаделях холода и Фальрании в Интариофе узнали лишь тогда, когда Драхомир несколько сотен лет пробыл в тюрьме. А о том, что Деифилия на момент смерти носила под сердцем ребёнка, не знал уже и сам Мир. Сонгу думается, что если бы ренегат узнал об этом, никакие стены бы его не удержали здесь. Во всяком случае — тогда. Драхомир всегда был достаточно умён и находчив, чтобы выбираться из любых переделок. И если бы только он знал о Дее... Андре не был уверен, что в таком случае Малус был бы жив сейчас. Впрочем, и сам Сонг вряд ли бы выжил, если бы Драхомир гневался на него. Тогда. Сейчас Мир был в не самом лучшем состоянии, чтобы суметь перехитрить их всех. Впрочем, недооценивать его было бы последней ошибкой, которую Сонг успел совершить в своей жизни.

Андреа задумчиво смотрит на руки своего бывшего лучшего друга. Ожоги не проходят. Впрочем, даже если бы это был бы не тот огонь — Якобина повторяла эту пытку почти что каждый день. Да что там говорить — Сонг порой и сам не мог удержаться от того, чтобы не испытать эту дрянь на Драхомире. Ожоги от того огня не заживали даже на Мире. И ни на ком другом. Эту дрянь называли «огнём Киндеирна», потому что алый генерал наиболее часто её использовал в сражениях. Это было и изобретением старого демона. Андреа и Мир, когда были ещё детьми, не раз видели в лабораториях Киндеирна котлы и склянки с этим жутким варевом. И не раз пробирались туда, несмотря на строгий запрет. Впрочем, как порой Сонгу казалось, запретов для Мира просто не существовало — Киндеирн был весьма строг, но своего старшего сына он любил слишком сильно, чтобы серьёзно на него сердиться. Андреа не раз замечал это. И не раз пользовался в детстве тем, что за шалости с

Драхомиром могли и не наказывать вовсе, если Киндеирну нравилась проделка. Это было весьма полезно. Во всяком случае тогда, когда Сонг чувствовал себя таким одиноким...

И всё же, задуманное стоило осуществить. Помочь Миру сбежать — это единственное, что Андреа может сделать для того, чтобы вселенная перестала трещать по швам. Драхомир был тем, кто постоянно подвергал опасности все миры, которые существовали. Но вселенная любила его. Каким бы ублюдком не был Мир — вселенная умирала без него. И он умирал без вселенной. И Сонг должен был сделать хоть что-нибудь, что было в его силах, чтобы остановить этот ужасный процесс. Но Малус не понимал. Госпожа Элина Горская не понимала — эта старая снежная дура, слишком пафосная и чопорная, чтобы хоть что-нибудь понимать. Никто не понимал. И Андреа становилось почти что горько от мысли, что вся его карьера может пойти прахом из-за этого выжженного придурка, а никто даже не поймёт, почему он это сделал. А сам придурок, ради которого приходится идти на такие жертвы, будет чертовски неблагодарным и ещё, возможно, хорошенько врежет своему спасителю. «За все прошлые прегрешения». Ещё ведь припомнит даже то, что Сонг вряд ли сможет вспомнить — что-то вроде тех детских обид, когда Андреа прятался за спину своего лучшего друга. И Миру будет совершенно плевать на то, что изначально они были не в равных ситуациях. Впрочем, зачем понимать это сыну великого Киндеирна?

Драхомир даже не открывает глаза, когда Сонг входит в тюремную камеру. И совсем не шевелится — не дёргается, не раскачивается на цепях, не шипит что-нибудь зло, даже не усмехается. И Андреа спрашивает сам себя — не подох ли этот «несчастный» пленник от дурного с ним обращения со стороны дражайшей Якобины. И усмехается — это было весьма забавной шуткой. Сонг подходит к ренегату ближе, но и тогда тот никак не выдаёт своё внимание. Будто бы заснул. И Андреа прекрасно знает, что все были бы не против, если — вечным сном. Драхомир совершенно никак не реагирует даже тогда, когда Сонг снимает с бывшего друга оковы. Даже не морщится, когда грубый металл касается его обожжённой кожи. А ведь это, должно быть, больно — впрочем, Сонг никогда не пробовал чего-то такого по отношению к самому себе. Госпожа Элина называла подобную осторожность своего падишаха нарциссизмом, он же считал это обыкновенным здравым смыслом, который должен присутствовать у любого. У госпожи Горской этот здравый смысл тоже, между прочим, присутствовал. У Мира, разумеется, нет, хотя и его отец, и его мать здравым смыслом обладали. Какая генетическая осечка вышла с Драхомиром Сонг никак не мог понять.

До смены Якобины остаётся не так уж много времени — основной палач она, а вовсе не Андреа. Сонг довольно грубо хватает Драхомира под руку, дёргает на себя, заставляя открыть глаза. Якобина фон Фюрст — обычная обиженная на несостоявшегося любовника женщина. Она не пощадит того, кто пренебрёг её чувствами. И в таком случае Мира остаётся только жалеть. И Андреа прекрасно знает, что Якобина сердилась бы вовсе не так сильно, если бы в жизни Драхомира не было бы Деифилии. Если бы Мир по глупости не влюбился в эту девчонку из оборотней. Астарны любят всего один раз, ведь так? И из-за этого Якобина сердится тоже. Уж Сонг примерно это знает — сколько раз ему приходилось пить с ней из-за её несчастной любви и своих косяков. И каждый раз она жаловалась на одно и то же — у Андреа хоть косяки периодически менялись. Якобина же просто не умела переключаться на что-то другое. И Сонг ужасно уставал из-за её постоянных жалоб. Впрочем, собутыльницей она была неплохой, пить умела даже лучше Андреа Сонга, так что глупо было на что-то жаловаться. Порой бывало так, что падишах Элины Горской засыпал прежде, чем Якобина

успевала что-нибудь начать рассказывать — первые несколько часов их бесед она обыкновенно бывала не слишком разговорчива. И это было ужасно глупо с её стороны — ей нужно было быть более... Торопливой.

— Отвяжись от меня, — шипит Драхомир, когда они оказываются в одном из ведущих к выходу коридоров.

«И это всё?» — хочется спросить Сонгу. И никакой благодарности за чудесное спасение от пыток озлобленной Якобины? Никакой благодарности за то, что на свободе можно было делать куда больше, чем в тюрьме? За то, что Андреа рисковал своей карьерой — на самом деле, — что подвергал опасности свою жизнь? Да хотя бы просто за то, что через столько десятков тысяч лет Мир мог хотя бы пройтись нормально по тюремному коридору, а не по собственной опостылевшей камере? Разве этого было мало для того, чтобы сказать хотя бы простое «спасибо»? Впрочем, вряд ли можно было ожидать чего-то другого от Драхомира. Андреа и раньше ничего хорошего не ждал от друга — даже тогда, когда тот этим самым другом являлся.

Правда, тогда Мир был вечно весёлым парнем, вечным подростком, которого не смущали никакие трудности. Ужасно умным, чертовски привлекательным и зажигательным — тогда Андреа завидовал всем этим качествам. Впрочем, много ли счастья принесли ему все эти его достоинства? Сонг не был и вполнину столь умным, привлекательным или обаятельным, но он был на свободе, его не мучила совесть, его душа не разрывалась от боли из-за смерти кого-то. Андреа Сонг никогда не был особенно счастливым, но и несчастным он тоже никогда не был. Он не был особенно хорошим учеником — ни талантливым, как Драхомир, ни особенно старательным, как Гарольд Анкраминне, один из старших учеников, который стал их наставником и довольно близким другом в чуть более поздние годы. Он никогда не придерживался слишком радикальных точек зрения — не ратовал так за соблюдение законов, как Анкраминне, и не стремился их нарушать с такими жуткими последствиями, как Астарн. Он был вполне законопослушным, хоть законы и не особенно ему нравились. А вот Мир... Он был импульсивен, злопамятен, скрытен. Он врал через слово, постоянно всё скрывал. И никогда не бывал благодарен за оказанные услуги — уж слишком легко ему давались те уступки, на которые все шли в разговоре с ним.

Андреа Сонг просто не мог не злиться на Мира. За его неблагодарность — в первую очередь, за его глупость — во вторую очередь. Всей этой ситуации с тюрьмой можно было бы избежать — приди Драхомир вовремя к Киндеирну. Ну разве кровавое солнце всего Интариофа не отмазал бы от тюрьмы свою кровиночку, если бы та немножечко с ним поделилась своими планами? Планы могли быть любыми. Киндеирну по большей части было плевать и на мораль, и на закон. Он сам был своего рода законом на своих уровнях, где пользовался поистине безграничной властью. Худшее, что грозило бы Драхомиру в случае неодобрения Киндеирном деятельности «своей деточки» — домашний арест на каком-нибудь из отцовских уровней. Со всеми условиями, которые Мир мог бы пожелать — да Киндеирн мог бы весь Сонм запихнуть на этот уровень, лишь бы его сыну было комфортно. Старый демон был весьма богат и влиятелен, чтобы суметь всё это обустроить. И как бы там не возражали Керберос Мейер или Элина Горская — Киндеирн Астарн сделал бы для своего ребёнка всё. И никто бы не посмел оспорить это решение. Драхомиру стоило только понять, как сильно любит его отец. Вовремя понять. А не на суде императрицы, на который он радостно припёрся — «берите меня, я сам к вам пришёл!» И не было бы пыток, не было бы Якобины фон Фюрст с её мстительностью! Да может быть — и Деифилия осталась бы жива

со своим ублюдком. Сонгу думается, что не стоит сейчас говорить Миру о том, что его невеста была беременна на момент своей смерти. Это только выведет его из себя. В конце концов, Драхомир и сам вполне сможет узнать все подробности, интересующие его, позже — после сей замечательной экскурсии по коридорам тюрьмы в поисках хоть какого-нибудь не слишком охраняемого выхода. И Андреа Сонг очень сильно надеется, что чёртова астарнская вспыльчивость сработает у Драхомира чуть позднее, когда они уже окажутся за пределами тюрьмы. Ох! Лучше бы Керберос Мейер — этот безмозглый шахтёр, ставший генералом — отбил себе право содержания таких преступников на Ойроме! Там Сонг хотя бы подкупил всю охрану!

Западный коридор они минуют довольно быстро — и это хорошо, потому что именно там в основном находятся посты охраны, которую по счастливой случайности они вдвоём не замечают. Точнее, которой не попадают на глаза. Сонг бы не хотел быть замеченным. Нет, вывести Драхомира из этой дыры он всё равно сможет, а вот собственную репутацию ему будет уже не спасти. Хорошо ещё, если за него вступится Киндеирн — это был один из запасных вариантов, которые были продуманы демоном. Когда совершаешь что-то подобное, обязательно нужно иметь в запасе несколько дополнительных вариантов развития событий. Особенно в том случае, если совершаешь что-то подобное для неблагодарного ублюдка вроде Драхомира.

Раджнор — огромный уровень. И если знать его достаточно хорошо — никто и никогда не сможет найти тебя. А Андреа знает уровень достаточно хорошо, чтобы не наткнуться на посты стражи. Всё-таки, Драхомир — весьма опасный преступник. И его достаточно хорошо охраняли. Хотя бы от таких людей, как Сонг. От тех, кто мог ради своих странных — весьма непроверенных — догадок о том, что Драхомир был просто необходим этой вселенной, вытащить этого психа из тюрьмы.

Андреа Сонг доводит бывшего друга до заброшенного крыла. Там на некоторое время они будут в безопасности. Совсем недолго. И если Драхомир не выкинет какой-нибудь очередной безумной глупости в своём стиле — вон как у него сверкают глаза. Ещё совсем немного — и Мир обязательно Сонгу врежет. А Андреа оказался столь глуп, что уже успел снять с бывшего лучшего друга наручники. Впрочем, не стоило себя обманывать — тот и со связанными руками нашёл бы способ врезать бывшему товарищу по играм в детстве и безумствам в юности.

— Лучше злись на себя, — усмехается жёстко Сонг. — Разве не ты один виноват во всём, что произошло с ней?

Это оказывает именно то действие, которого Андреа ожидал — Драхомир начинает смотреть скорее затравленно, нежели зло. А это означает лишь одно — ближайшие пару часов можно не опасаться, что он будет вести себя слишком буйно. В случае их побега — самое нужное, что только можно представить.

Впрочем, это, должно быть, было ужасно подло — таким образом напоминать бывшему лучшему другу о совершенно жуткой девушке, в которую тот по какой-то неведомой причине был влюблён. Но это самый быстрый способ, каким только можно вывести Драхомира из состояния равновесия — да, крайне подло, крайне низко, но... Что поделать? Андреа Сонг не собирался испытывать какие-либо угрызения совести — которой у него не было — по этому ничтожному поводу. В конце концов, какая разница из-за чего конкретно Миру будет плохо? Да ему постоянно теперь паршиво! А Сонгу переживать из-за того, что Астарну стало плохо именно из-за него, что ли? Да его состояние, вообще, было не слишком важным в той

ситуации, в которой они очутились. Нужно было выбраться с Раджнора. Куда-нибудь — хоть в Осмальерд. Это был вполне неплохой вариант, между прочим — там было тихо, спокойно... Кроме севера мира, где шла война магов с вампирами. Впрочем... Андреа Сонг три дня думал над тем, куда можно сплавить Драхомира после побега. Вирджилисская цитадель была вполне неплохим местом. Пусть и о многом демону напоминала. Когда-то давно ведь Хелен убила сердце этой цитадели — девушку по имени Сабаот. А брат этой девушки и поспособствовал в дальнейшем поимке всего Сонма. Андреа усмехается и думает о том, что Абалим иногда умел быть злопамятным — когда ему это было нужно достаточно сильно. Пусть Абалим и не был тем, кто убивал ради собственной выгоды, как Саргон, тем, кто убивал ради веселья, как Танатос, или тем, кто убивал просто так, как Асбьёрн.

Деифилия... Девушку звали Деифилия... Андреа прекрасно помнил её — с того первого знакомства на Эннуи, когда уставший и безответственный Драхомир задремал, они друг другу не понравились. Деифилия была самой настоящей стервой. Эдакой ледяной красоткой. Наверное, именно это в ней Сонгу так не нравилось — слишком уж она напоминала ему этим госпожу Элину... Холодная, умная... От такой бежать нужно было сразу, как только ты её видел. Принципиальные барышни и дамы, вообще, люди весьма скверные. Кто угодно их лучше. Да тот же Танатос намного лучше — он, может, и двуличная дрянь, но... Он это хотя бы признавал.

— Ты болен, Драхомир, — смеётся Сонг, произнося имя демона нараспев. — С чего ты решил, что тебя когда-нибудь отсюда выпустили бы, если не я?

Драхомир смотрит на Андреа зло. Нет, даже — безумно. Впрочем, разве не безумец он, коль выбрал себе такую судьбу, когда было столько различных возможностей? Когда можно было делать всё, что только душе угодно — выбрать вместо всего этого девушку-оборотня из Осмальерда? Нет... Андреа Сонг решительно этого не понимал...

Он чувствует, как бывший друг вырывается из его рук, как решительно отходит в сторону. Почти так же, как было до тюрьмы. С невозможной злобой в глазах смотрит на него... Да... Драхомир был всё тот же — невозможный, неистовый... Пожалуй, именно поэтому он и снискал такую славу, которую имел по всей вселенной. Потому что мало кто мог сравниться с ним в этой злобе. И даже на то, что после всех пыток Якобины Мир ослаб настолько, чтобы не справиться с Андреа, лучше было не рассчитывать. В конце концов, у Сонга никогда не было таких хороших учителей и наставников, каких выбирал своим сыновьям старый Киндеирн.

Нет... Андреа достаточно умён, чтобы не поддаваться на провокацию, чтобы не сдать сейчас страже их обоих. Кто-то же из них двоих должен быть умным. И Мир в своём полубезумном состоянии на эту роль категорически не годился. Он, вообще, в таком состоянии годился... Разве что с голыми руками против кого-то в бой бросаться. И, зная его, вполне возможно, что Мир бы в этой схватке победил. Но, Впрочем, Андреа Сонг совсем не собирався испытывать судьбу. Не тот сегодня был день. Вовсе не тот.

— Ты мразь, Сонг, — выплёвывает Драхомир.

Весьма ожидаемо. Нет, правда — это Андреа Сонгу говорил каждый второй собеседник при каждой второй встрече. Остальные обращались на «вы». Но каждый день Сонг слышал это обращение к себе — так или иначе. Кто-то говорил прямо, вот так же, как сейчас говорил Драхомир, кто-то шептался за спиной... Впрочем, это вряд ли так уж важно, чтобы слишком много внимания обращать на это.

Это очень даже ожидаемо. Андреа Сонг даже надеялся, что Мир сможет придумать что-

нибудь... Более оригинальное. А не то, что Сонгу говорили на каждом углу. Все, кому было не лень. Что уж тут говорить об этой белобрысой катастрофе Лори — второй любимице Киндеирна, — которая дразнилась постоянно. Кажется, привыкла всё время дразнить своих братьев. И как только её терпели? Порой падишаху Горской казалось, что будь он её братом, придушил бы её на следующий день. И плевать ему бы было на то, разозлится ли на него за это Киндеирн. Но на беду все братья Лори — на самом деле, её звали Лукрецией, но почему-то она хотела, чтобы все называли её именно Лори — были весьма терпеливы. И младших — ну или старших, младшие братья у неё тоже имелись в наличии — сестёр душить не были намерены.

— А ты — ублюдок и ренегат, мой дорогой, — смеётся Андреа. — Так что замолкни и попробуй принять с благодарностью то, что тебя вызволяют из заточения.

Драхомир больше с ним не говорит. Сонг и не пытается как-то его расшевелить — он достаточно хорошо знает бывшего друга для того, чтобы понять, что лезть к Миру, когда он в таком состоянии, не только бессмысленно, но и опасно. И они, пожалуй, около часа бредут по коридорам заброшенного здания в поисках выхода. Обследуя чуть ли не каждый уголок. И выход находится — что-то вроде бреши в пространстве, позволяющей перемещаться между мирами без применения особых заклинаний и приспособлений. Сонг показывает Драхомиру на эту брешь и разворачивается, чтобы уйти — лучше оказаться на своём рабочем месте в тот момент, когда исчезновение Мира будет обнаружено.

— Спасибо, — доносится до слуха Андреа.

Скорее всего, ему послышалось это. Мало ли что могло показаться в такой странный день? В конце концов, он с самого начала был безумен — этот день, когда Андреа Сонг вытащил Драхомира Фольмара из тюрьмы, в которую этого демона едва-едва удалось посадить несколько десятков тысяч лет назад. Да и шёпот, дошедший до него, был слишком тихим. Скорее всего, действительно — просто показалось.

Драхомир никогда никого не благодарил.

Пробраться на Эннуи было тем ещё безумием. На своих уровнях — их было всего четыре — императрица никого особенно не жаловала, кроме министров, генералов и падишахов в определённые часы, в которое они имели право появляться на её уровнях. На Эннуи обычно заседало правительство Интариофа. И это был самый безветренный уровень, что уже говорило в его пользу. Тут всегда было тихо и по мнению многих — очень красиво. Пусть Драхомир и выбрал бы что-нибудь другое. Что-нибудь более красочное, увлекательное, захватывающее — можно было показать Калм, именованный «Ненастьем», Кронтогрес, получивший описание «Хрустальное безумие», Беспрут, названный «Раем тщеславия», можно было показать знаменитый Джурвасаг, чарующий Аймент, бесподобный Панторхейлем... Можно было даже побывать на мрачном и вечно пасмурном Эрескульде!.. Но Деифилия просила что-то тихое, безветренное и утончённое. Если бы она не пожелала побывать на месте вроде Эннуи, Драхомир ни за что на свете сюда её бы не повёл. Да скорее уж на Калм... Калм по крайней мере был прекрасен своими белоснежными, как сама императрица, льдами. Но там было слишком много ветра — императрица любила ветер. И холод. Деифилия тоже любила холод. Да что там — и сам Драхомир его любил. Но Калм был не тем местом, с которого стоило начинать знакомство с Интариофом. Впрочем, Эннуи тоже вряд ли можно было назвать таким местом. Но Деифилии нравилось здесь. Она с интересом рассматривала местные красоты. И Драхомиру думается, что надо обязательно показать ей местные озёра. Они были прекрасны — ледяные, чистые, сверкающие... Отец

говорил, что они чем-то напоминают тот хрусталь из коллекции императрицы. Когда-нибудь Драхомир обязательно подарит что-нибудь такое Дее. Что-нибудь, что она обязательно запомнит.

Впрочем, их прогулка по Эннуи вполне могла тоже ей запомниться — здесь было именно так, как Деифилии и хотелось. Словно бы уровень был создан именно для неё. Почти так же, как Сваард для Киндеирна. Безмолвный Эннуи подходил Деифилии. Прекрасный Эннуи — с его ледяным молчанием, чистейшими озёрами, цветущей вишней... Вишня цвела здесь постоянно, хоть Мир и не знал из-за чего. И эти белые цветы, символ смерти на Интариофе, эта гнетущая тишина, когда не было ни привычно завывающего ветра, ни детского лепета, ни стального голоса Киндеирна...

Почему-то это внушало ужас.

Порой оказаться в месте, где ничего не происходит — самое страшное проклятие. Слишком много мыслей сразу пронесётся в голове. И мыслей совершенно ненужных. Тех, которым в голове совершенно не место. Язвительная Лори обычно в это время шутила, что Мир просто не способен думать вообще — и именно поэтому он себя так ужасно чувствует, когда вокруг него не пронесётся что-нибудь со свистом и грохотом. Когда вокруг — гнетущая ледяная тишина...

На Биннеланде было совсем по-другому. «Вечная погоня» — так назывался уровень, что был выхлопотан для Драхомира его отцом. Там постоянно был ветер и никогда не выглядывало солнце. Там было всегда шумно. А Драхомир с самого детства привык к шуму — он старший среди законных детей Киндеирна. И ему хочется надеяться, что он один из любимых детей своего отца. Драхомир привык к шуму — к детскому шёпоту, к грохоту колесниц, к громкому смеху своего отца — на Сваарде и других уровнях, которые контролировал Киндеирн, — к язвительным комментариям Лори в адрес каждого, кто ей нравился не слишком сильно, к постоянному свисту, постоянным крикам и разговорам, к музыке... На Сваарде музыка звучала редко, потому что уровень считался военной крепостью, но на Щезринне, на уровне, где жила большая часть Астарнов... Драхомир не помнил и дня, когда музыка там не звучала. Даже в день смерти жены его дяди, тихой и безответной женщины, которую замучили постоянные капризы всех детей из семьи Астарнов, музыка звучала. А ещё — танцы. Танцевали на Щезринне тоже постоянно. Да, если подумать, и за время его дружбы с Сонмом мало было по-настоящему тихих дней.

А Деифилию шум раздражал. Ей хотелось побыть где-нибудь в полной тишине. Хотелось не слышать вечных споров Танатоса, Изара и Асбьёрна — этих гениев, которые постоянно пытались что-нибудь изобретать. Очевидно, хотелось не слышать хриплого пения Йохана, который просто не мог не петь, шушуканий по углам Лилит и Хелен, хихиканий Уенделла и Оллина, пафосных речей Саргона... И, пожалуй, именно поэтому она просила у Драхомира показать ей уровень вроде Эннуи. Когда у неё будет такое настроение, он покажет ей что-нибудь ещё. Интариоф был многоликим.

Они сидят в беседке, что находится неподалёку с корпусом, что обычно выделялся для министерства. И Деифилия умиротворённо рассматривает белые лепестки вишни, которые осыпаются прямо ей на волосы. Она улыбается. Мягко и спокойно. Так, как не улыбался никто на свете — ни приёмная мать Драхомира, ни, уж тем более, настоящая, ни Лори, ни Ариадна, ни Хелен, ни Лилит... Такой улыбки Мир не видел ни у кого больше. Деифилия была совершенно особенной. Удивительной. Безупречной хрустальной девой, которой чудовище вроде него было так недостойно. И Миру кажется, что её имя подходит ей так, как

никому не подходит то имя, которое носится этим человеком.

Кажется, Деифилии нравится на Эннуи. Ей нравятся фонтаны, которые есть в парке, нравятся ледяные статуи... Ей нравится то безмолвие, которое царит здесь. Эннуи выгодно выделяется на фоне той землянки, в которой им порой приходилось жить. Пусть Дея и очень следила за тем, чтобы в их жилище было очень чисто и опрятно. В этом была вся она — безукоризненно аккуратная и опрятная даже на поле боя. Деифилия очень сильно отличалась от своего брата, Асбьёрна, всегда растрёпанного и вымазанного в крови и грязи. Да даже от Танатоса, которого интересовали только вопросы его здоровья, а вовсе не эстетические. Драхомир никогда не уставал удивляться тому, насколько чистыми были её руки, насколько аккуратной — её одежда. Деифилия была словно бы другой, не такой, как все остальные в Сонме. Её выдержке любой бы мог позавидовать.

Всё же, неплохой идеей было оставить Танатоса и Асбьёрна одних на Сваарде. И этим двоим весело, и у отца достаточно хлопот, чтобы он чувствовал себя счастливым, вылавливая незаконно проникнувших на его уровень, и рекомендательное письмо у Бьёрна и Тана имеется на случай, если они слишком медлительны, чтобы убежать от Киндеирна, и Лори под рукой, если письмо будет обнаружено уже при осмотре практически трупов, и у Йохана деньги никто отбирать не будет, и Драхомиру с Деифилией никто не будет мешать. К тому же, Сваард был весьма красив, если не быть предубеждённым против степей, пустынь и каменных огромных крепостей. Да и разгуляться там было где... Единственное — там было многовато заброшенных шахт, где Бьёрн и Тан вполне могли сгинуть. Но Драхомир всё же надеялся на благоприятный исход дела.

Порой оказаться в месте, где ничего не происходит — самый ценный дар. Во всяком случае, все так говорили. Все стремились к тому, чтобы вокруг была эта тишина, но... Драхомир бы точно не смог жить в таком безмолвии. Он бы с ума давно сошёл! В абсолютной тишине ему бы постоянно что-нибудь чудилось. Мир не был своим отцом. Пусть и пытался — в далёкие детские годы — стать таким же солнцем, каким был Киндеирн для всего Интариофа. Но он не был своим отцом. Он не имел столько обаяния, заставлявшего людей подчиняться ему, даже тогда, когда они не имели никакой веры в тебя... Он не имел столько выдержки, позволявшей оставаться спокойным почти во всех необычных ситуациях. Драхомир был совершенно другим... Беспокойным, легкомысленным, подвижным, насмешливым... Мир был просто не способен оставаться долго на одном месте.

— Ты знаешь, что тут недалеко есть озеро? — говорит он первое, что приходит в голову.

Откуда ей знать? Деифилия впервые на Эннуи. Да и в Интариофе тоже впервые. Здесь она не знает ни озёр, ни гор — ровным счётом ничего. И она вовсе не Танатос, который умел находить всё интересное в первый же момент после своего прибытия. И не всезнающий — непонятно откуда — Йохан. Драхомир немного сердится на себя за свой глупый вопрос, но на душе у него так хорошо, так спокойно и радостно, что все ошибки разом перестают иметь своё влияние на него.

Он хватает её за руку и почти тащит к этому самому озеру, о котором только что говорил. Пожалуй, в будущем он обязательно выяснит у Лори, как этот водоём называется. Нужно будет запомнить это название. Озеро не слишком глубокое — всего метров пять или шесть в глубину. И совершенно прозрачное. Возможно увидеть каждый камень на его дне... Каждый из этих полупрозрачных светлых камушков, которыми здесь были выложены дороги.

На самом деле это озеро можно назвать прелестным. Во всяком случае, Деифилия говорит именно это — как когда-то давно говорила и маленькая восьмилетняя Якобина, с

которой шестнадцатилетнему Миру приходилось возиться. Якобина была весьма непоседливой и крайне самостоятельной. Но вовсе не такой вредной, как Лори. Впрочем, у Драхомира было полным-полно сестёр, которые не были вредными — Роксана, Агата, Паулина... А без Лори было бы крайне скучно.

На дне озера блестит какая-то причудливая раковина. Тут, впрочем, достаточно много ракушек — кажется, покойный муж императрицы любил что-то такое. И Дея, кажется, тоже любит. Он не раз замечал, с каким вниманием она слушала рассказы остальных ребят из Сонма о море. Ей хотелось чего-то такого... К сожалению, в тех местах, откуда Деифилия была родом, были только реки. Ну и болота. Даже обычные озёра встречались редко — что уж говорить о море? Дея подходит почти вплотную к воде и опускается на колени, чтобы было проще разглядывать то, что находится в озере.

Деифилия с таким любопытством — почти детским — смотрит на ту ракушку, что Драхомир не может придумать ничего лучше, как скинуть с себя куртку и нырнуть за этой безделицей в озеро. Должно быть, Дея приглушённо охает и резко поднимается на ноги — она всегда делает так, когда случается что-нибудь, что ей не слишком-то приятно. Во всяком случае, когда Мир поднимается — уже с ракушкой в руке — на поверхность, она уже стоит на ногах и сердито на него смотрит. Впрочем, можно ли было ожидать чего-то другого? Деифилия никогда не любила, когда кто-то рядом с ней творил глупости.

А он вылезает из воды и набрасывает на себя куртку. Да, пожалуй, это немного глупо — куртка тоже промокнет, но... Едва ли на отцовском Сваарде было теплее. А он никогда не заболел там, даже тогда, когда Лори или Линтамер заставляли его что-нибудь делать в ливень.

Драхомир не придумывает ничего лучше, чем схватить Деифилию за руку и оттащить подальше от этого озера. Пожалуй, у него всегда было плохо с фантазией, что там не говорил отец. Но на Эннуи, кажется, купаться запрещено. Ну... Не то что бы — действительно запрещено. Просто, как кажется Миру, больше таких наглецов, как он, едва ли можно найти. Даже Танатос не полез бы в воду просто из-за ракушки. Ох... Киндеирн обязательно назвал бы сына балбесом, если бы узнал об этом происшествии (а он обязательно узнает, хотя бы потому, что на Эннуи ничего не оставалось незамеченным).

Они с Деей останавливаются около одного из деревьев вишни. И Драхомир плюхается на землю рядом с деревом. Прямо на этот белоснежный ковёр лепестков. Он ложится прямо на землю и смеётся. Всё же, пожалуй, это было забавно — искупаться в озере прямо в саду императрицы только для того, чтобы достать какую-то ракушку. Отец обязательно расхохотался, если бы узнал о такой проступке. А уж Асбьёрн или Танатос точно подняли бы его на смех.

— Ты дурак, Драхомир... — вздыхает Деифилия и ложится рядом. — С чего ты такой дурак? Почему ты такой глупый?

Она вертит в руках ракушку и улыбается. Ту самую, которую вытаскил для неё из озера Мир — сияющую, отливающую голубым и сиреневым. Эта вещица понравилась ей ещё тогда, когда была в озере, а сейчас, когда можно было потрогать её своими руками... А потом осторожно кладёт её в карман собственной вязаной кофты. И лежит совсем рядом. И смотрит немного иначе — более тепло, что ли... Она редко смотрела на Драхомира так. Впрочем, пожалуй, у неё всегда было слишком много работы, чтобы смотреть на кого-нибудь — даже на собственного брата.

— Отец всегда говорил мне, что из меня ничего не выйдет! А ещё — что я сдохну в

какой-нибудь канаве из-за того, что совершу очередную глупость! — смеётся Мир. — Я всегда любил его за то, что он в меня верит!

Деифилия отвечает ему лёгкий подзатыльник и смеётся. Обнимает его крепко-крепко, касается своими пальцами его волос... Драхомир едва сдерживает удивлённый возглас, когда это происходит. Он редко видел, чтобы она смеялась — чаще всего она была совсем иной, серьёзной, безупречной, но... Никогда она не была ещё так прекрасна, как сейчас — весёлая, с растрёпанными тёмными волосами... Мир улыбается и думает, что ради такого момента можно было сотворить всё, что угодно. Не только провести Дею на уровень Эннуи и достать какую-то там ракушку со дна озера. И страшно даже подумать о том, что это может когда-нибудь закончиться.

Нет, всё-таки Драхомир крайне надеется на то, что Танатос успеет всунуть Киндеирну рекомендательное письмо. До того момента, как вспыльчивого Асбьёрна прибьёт отцовская стража.

Около двух недель назад..

Ратмир никогда не умел делать что-либо хорошо. На самом деле он очень сильно старался — особенно для Танатоса, которым восхищался с первого дня знакомства (о да, Тан был весьма впечатляющим тогда, когда Ратмир впервые увидел Сонм). Он старался и для остальных — для Уенделла с Оллином, с которыми предпочитал дружить, для Лилит и Саргона, для Хелен, Бьёрна и Деифилии... Он старался и для Драхомира, которого боялся почти что смертельно... Но Ратмир никогда ничего не делал так, как нужно. Когда нужно было снять пару комнат для ночлега, он обязательно выбирал самые неудачные варианты, он не умел воровать, не умел играть в карты, убивал слишком кровавыми ритуальными способами (и ужасно долгими), которые требовали слишком много сил. Он ничего не мог нормально пришить, вырезать, починить. Да даже сломать что-нибудь нормально, когда представлялась необходимость, он не мог (к чести Танатоса, он хотя бы ломать умел всё, что угодно). Драхомир порой не понимал, как Ратмира вообще можно было терпеть. Этот гадёныш был трусливым, жалким... Да если бы не Сонм — о нём бы никто никогда и не услышал. Мир прекрасно знал, что об остальных вполне могли услышать. Даже о робком Оллине. А уж об остальных... Драхомир был уверен, что если бы тогда они не встретились, его жизнь пошла бы совершенно иначе. Впрочем, скорее всего, он стал бы куда большим чудовищем — Деифилия была единственной причиной, сдерживавшей его. Деифилия была чудом, которое удерживало его на том месте, на котором он находился. И когда её не стало... Те инициалы — те чёртовы инициалы стали тем, кем он стал. И больше не было ничего.

D.F.L. — именно так его называли все те годы, пока он шлялся на Пайрофендрике, Леджвике, Щравонтеере или Таджхреопе. Это были его инициалы — его имя, фамилия его биологической матери и фамилия первой жены отца, женщины, которая его воспитывала. Это было то, чем он являлся до того момента, пока не напал на шестнадцатилетнего наглого альбиноса. Который в дальнейшем стал достаточно близким другом, чтобы запомнить его на всю жизнь.

А Ратмир... Даже понять трудно, за что Танатос его заметил. Впрочем, Тан был весьма талантлив в плане подбора людей, опасаться конкуренции которых ему не следовало. Он любил выгодно выделяться на фоне других. И Драхомира когда-то это довольно сильно смешило.

И отель, который был подобран Ратмиром для жилья на этой планете... Драхомир бы

едва ли смог найти более неподходящее место для него сейчас. Техас. Эль-Пасо. Должно быть, это был вполне неплохой городок, но... Мир не мог выносить его сейчас. Тут было слишком сухо. Всё время вспоминался родной отцовский Сваард. А ещё — солнце. Это яркое палящее солнце. Жаркое, жалящее... Из-за этого было почти что паршиво — оно приносило боль глазам и, пожалуй, душе тоже. Драхомиру бы больше хотелось поселиться в месте, где будет намного меньше солнца. Возможно, он согласился бы поселиться в Фальрании в Осмальерде — там было даже хорошо, в этих заснеженных крепостях, которые так напоминали по своей планировке крепости отца Мира — Киндеирна. Возможно, его бы устроил остров вроде Вела или Резе. Но не странно солнечное место, которое растревляло старые раны. Можно ли было забыть то, какая именно битва стала последней для Сонма? Забыть — где именно они потерпели поражение, где погибли?..

С тех пор, как вселенная отняла у него Деифилию, Драхомир всей своей выжженной дотла душой ненавидел солнце.

Оно просто не имело права светить так ярко, когда она была мертва! Только Киндеирн имел право быть солнцем после того, как... И Драхомиру думается, что, должно быть, если он придёт к отцу, если расскажет ему всё, что чувствует сейчас, ему станет легче. Но прийти к отцу слишком стыдно. Настолько стыдно, что Мир никак не может заставить себя сделать это.

— Неужто ты не понимаешь, Драхомир? — шепчет Ратмир отчаянно, как всегда пытаюсь в чём-то убедить. — Нам суждено встретиться снова. Всем вместе. Суждено встать спиной к спине. Как раньше. Как было раньше.

Демон смотрит сердито. Нет — зло. А этот трус пытается спрятаться за этим хлипким щитом, которым служит дверца шкафа, которую Ратмир зачем-то открыл. Всякий умный человек способен понять, что ничего в жизни не происходит дважды — ни любовь, ни дружба, ни счастье. Всё это появляется лишь один раз. И лишь один раз исчезает. Было бы глупо надеяться на то, что всё то, что происходило когда-то давно с Сонмом, может повториться.

— Ничего не будет так, как раньше! — шипит Драхомир.

Он чувствует, что скоро потеряет контроль над собой. Что — скорее всего — убьёт единственного представителя Сонма, что остался живых после той битвы. Что убьёт единственное, что ещё связывает его с Деифилией. Ему хочется верить — дьявольски хочется верить, — что догадки его бывшего боевого товарища верны. Хочется верить, что он сможет снова стать прежним — тем белобрысым насмешником, а не просто ублюдком, которого даже родной отец едва способен вытерпеть. Впрочем, Мир был безумно благодарен отцу за то, что тот не отвернулся от него на суде.

— Или ты так глуп, что не способен этого понять?! — он срывается на крик.

Правильнее сказать — не способен понять того, что Драхомир просто не сумеет пережить того, если надежда, данная ему Ратмиром, окажется ложной. А если Мир сойдёт с ума — вряд ли он не утащит в могилу и Ратмира. Этого предателя и без того было не слишком-то жалко. Пусть Танатос лучше его жалеет! В конце концов, это была вина Тана — что в их маленьком отряде завёлся такой трус! Драхомиру кажется, что лучше придушить Ратмира прямо сейчас, пока надежда ещё не поселилась в сердце... Но тот отчаянно вырывается и пытается как-то увеличить расстояние между ними. Чувствует свою смерть, дрянь. Такую змею нужно было убить в первый же день, когда он познакомился с Миром.

— Пожалуйста, поверь мне — быть может, ещё всё возможно исправить! — в отчаянии

бормочет Ратмир. — Эта девчонка — Танатос! Ей-богу — Танатос! И ты же знаешь, что кому, как не Черно книжнику может удастся собрать нас вместе! Её зовут Мария Фаррелл, ей почти семнадцать лет, и она очень сильно его напоминает всем своим поведением!

И всё же, даже если эта девчонка была тем самым человеком, которого они так хорошо знали, это не означало, что весь Сонм окажется рядом. Танатос был везунчиком. Он выживал даже в самых ужасных условиях. Ему везло настолько сильно, что никто не мог бы быть уверенным на сто процентов, что он помер. А ещё — Танатос был рядом с Драхомиром и Асбьёрном во время проведения того ритуала. И это означало одно — следовало искать реинкарнации остальных, а не этих двоих, чтобы надежда не оказалась беспочвенной.

Но это мог быть и не Танатос. Есть люди, которые выводят других людей из себя. И это вполне нормально. Им не обязательно быть черно книжниками или беглецами из всяких там религиозных сект. Это просто качества характера. Как будто, у Драхомира он идеален. И можно было привести множество примеров, когда человек с крайне скверным характером Танатосом вовсе не являлся.

— Я хочу убедиться, — хмуро замечает Драхомир. — Если она — это наш Тан, я смогу это сделать.

Был один способ — один-единственный, — чтобы проверить это. Но он был весьма надёжен. Пусть и девчонка обязательно погибнет, если не является тем, кем её считает Ратмир. Но Драхомир просто не способен считать это чем-то важным. Это было уже несущественной мелочью по сравнению с тем, что могло случиться со вселенной, если девчонка действительно окажется реинкарнацией Танатоса.

— А если нет? Если ты ошибёшься? — Ратмир хватая бывшего друга за руку. — Если девчонка погибнет?

Вполне возможно, что девчонка погибнет. Нет, скорее всего она погибнет. Ратмир всегда был слишком глуп, чтобы сделать хорошо хоть что-нибудь. Но, всё же, некоторый шанс имелся... И Мир собирался его использовать. В конце концов, что есть жизнь этой Марии Фаррелл по сравнению с тем, что творил Сонм когда-то?

— Если это на самом деле Танатос, она не погибнет, — мрачно произносит демон. — А если нет — не плевать ли на то, останется ли она жива?

И Драхомиру думается, что, должно быть, перемена, случившаяся с ним, Ратмира удивляет и, пожалуй, тревожит. Когда-то давно маленький Мир не был столь жестоким — он был несдержанным, вспыльчивым, вредным, но жестокости в нём ещё не было. Она появилась потом... Чуть позже... Уже после обучения. А сейчас... После тюрьмы он стал действительно жестоким. И, должно быть, ему должно было становиться за это стыдно. Хотя бы самую малость.

Комментарий к II. Глава сорок вторая. Гнев.

Канцлер Ги — Юлий Цезарь

===== II. Глава сорок третья. Одиночество. =====

Тоска, одиночество, боль, дыхание Ночи...

Это конечно совсем не то, что ты хочешь.

А я становлюсь все злей и упорней.

Я каждый раз вырываюсь с корнем,

Оставляя глубокие раны, ужасные шрамы,

И лечу, все равно, траекторией той же самой.

Становясь от этого злей и упорней,

Снова и снова вырываясь с корнем...

Милый, имя тебе легион.

Ты одержим, поэтому я не беру телефон,

Соблюдаю постельный режим...

Но, в зеркале ты,

Из крана твой смех,

Ты не можешь меня отпустить,

А я не могу вас всех.

Ты за каждым углом:

В крыльях бабочек, в кронах деревьях,

И дело тут вовсе не в знаках заклęcia, зельях.

Демоны ищут тепла и участия.

Придаюсь огню, разрываюсь на части,

Оставляю ожоги и ноющие порезы.

Все равно ты ранишь сильнее, чем стекло и железо.

Демоны ищут тепла и участия,

Придаюсь огню, разрываюсь на части...

Милый, имя тебе легион.

Ты одержим, поэтому я не беру телефон,

Соблюдаю постельный режим...

Но, в зеркале ты,

Из крана твой смех,

Ты не можешь меня отпустить,

А я не могу вас всех.

Я попала во все ловушки и черные дыры,

Я гуляла над бездной по краю реального мира.

И ушла чуть раньше, чем слишком поздно.

Закрываю глаза — исчезают звезды...

Милый, имя тебе легион.

Ты одержим, поэтому я не беру телефон,

Соблюдаю постельный режим...

Но, в зеркале ты,

Из крана твой смех,

Ты не можешь меня отпустить,

А я не могу вас всех...*

Перед глазами всё плывёт. Должно быть, увидев его, люди подумали бы о том, что он пьян. И напиться бы было, пожалуй, здорово. Только вот никак не получалось. То, что когда-то казалось просто даром... сейчас мешало. Когда-то давно он даже хвастался этим — что никогда не пьянел, никогда не чувствовал того, как нечто вязкое и туманное обволакивает разум... Порой хочется забыться. Не чувствовать ничего, что так изводило его. И ни о чём не думать. Забыть обо всём, что только происходило в жизни — о погонях, посиделках у костра, сражениях... Забыть и больше никогда-никогда не вспоминать — так жить было бы гораздо проще. Картины замечательного прошлого не стояли бы у него перед глазами постоянно, как болезненное напоминание о том, что всего этого он лишился.

Боль после смерти Деифилии ни за что не оставляла его. Даже на минуту. Хотя бы на

минуту. Впрочем... Он бы это посчитал даром небес, если бы хоть некоторое время ему было бы не так больно, как теперь... Если бы только была возможность всё позабыть, начать жизнь заново, не зная никого из тех людей, что были ему дороги... Драхомир сделал бы это. И ни секунды бы не колебался, принимая это решение. Он обязательно стёр бы себе память, будь у него такая возможность...

Драхомир усмехается и ложится на кровать. Опрокидывается на спину и смотрит в потолок. На отваливавшуюся штукатурку в дрянной гостинице, подобранной Ратмиром. Деифилия ни за что на свете не согласилась бы остановиться в такой. Или заставила бы Асбьёрна приводить номер в порядок. Танатос бы недовольно морщил лоб, всем своим видом выражая презрение к данному месту ночлега, а Хелен кривила тонкие губы. А будь на месте Драхомира сейчас Киндеирн... Мир знал, что сделал бы в этом случае отец — схватил бы кого-нибудь из персонала за шиворот и заставил бы всё здесь привести в порядок. Отец мог вполне спокойно относиться к пыли — на Сваарде часто был ветер, а отец ненавидел закрывать окна, — но осыпающаяся штукатурка Киндеирна бы раздражала сильно. А что делает Драхомир?.. Валяется на кровати, любит потолок и разглагольствует о том, как среагировали бы на данную комнату остальные?

Мир недовольно фыркает и приподнимается на кровати. Он жмурится при виде того яркого солнца за окном. Хорошо ещё, что здесь нет стольких скал, как на Сваарде. Иначе, он бы просто не выдержал. Он и так стыдится того, как поступил с собственным отцом. И лишние напоминания ему ни к чему. Пусть Киндеирн и легко сумел простить его, сам Драхомир сумеет простить себя ещё нескоро. Каждое предательство болью отзывается в душе, если только эта душа имеется. К горю Драхомира, душа у него всё ещё была. И из-за этого было ужасно больно. Лучше бы он был бездушной тварью наподобие любовничка Элины Горской — покойного, кстати, любовничка. Намного лучше, чем быть тем, кто никак не может помереть, как не пытается. Так что... Разве не лучше было бы перестать пялиться в потолок и перейти пялиться, скажем... на небо? Небо куда более красиво, чем покрытое штукатуркой дерево.

Когда-то давно мать — та женщина, которая была ему матерью вместо той, что родила его на самом деле — сказала ему, что небо одинаково везде. Что на Сваарде оно точно такое же, как и на Эрескульде, Мортене или Сзерелеме. Что на Биннеланде, Рахабе и Амадире небо неизменно. И первое время Драхомир пытался найти что-то общее в этих уровнях — нет, можно было найти похожие камни, похожие замки, дворцы, цитадели, но... Небо везде было разным. Нет, всё было разным! Во вселенной вряд ли возможно найти что-нибудь одинаковое, будь то люди или места. Может быть, вообще, нет ничего такого, что существует в двух вариантах. Она не была права. Ни в коем случае не права. Леди Мария была умной женщиной, многое понимающей, но... Она слишком привыкла к Эрескульду — к этой цитадели мрака и готических замков и соборов. Леди Мария любит всё утончённое и необычное. И слишком уж обыденное и безыскусное её ужасно раздражает. А в доме отца Драхомира, Киндеирна, всё слишком уж обыденное и безыскусное. Простые и прочные вещи были везде — добротный дубовый стол в отцовском кабинете, старинные уже, хоть и весьма ещё крепкие стулья и кресла, в которых маленький Мир так любил сидеть длинными зимними вечерами, когда отец брал его к себе на Сваард, высокие шкафы, в которых отец хранил столько книг, что ни один из изящных шкафов леди Марии не смог бы выдержать такого веса... Мать не выдерживала такого — она постоянно сердилась на Киндеирна и уходила от него, разворачиваясь и замолкая. Леди Мария едва ли могла терпеть своего мужа.

Впрочем, она никогда и не терпела — накидывалась, повышала голос, сердилась из-за каждой мелочи. А в ответ видела лишь самодовольную усмешку. И больше ничего. Драхомир всегда замечал, что над леди Марией его отец постоянно смеётся. Даже больше, чем над леди Катриной. Отец, сколько Мир помнил те его споры с матерью, всегда держал себя очень спокойно и даже холодно. Это леди Мария кричала. И плакала. И уходила, убегала в свою часть дворца...

Драхомир вспоминает отца — его величественную строгую фигуру, которая никогда не покидала его в кошмарах. Через две ночи на третью Миру снилось, как седовласый Киндеирн отрекается от него. Это было больно и страшно. И особенно то, что Драхомир прекрасно понимал, что такого просто не может произойти. Он каждый раз теперь содрогается от мысли, что предал того, кто всегда был за него. Он каждый раз вспоминает отца — таким, каким он помнит его из детства. Златовласым, улыбающимся, красивым. Демоны не могут стареть физически, но после смерти леди Иоанны отец Драхомира постарел — померкли золотые кудри, потух взгляд умных и зорких зелёных глаз, величественная стать, которой Киндеирн так гордился, стала мрачно-торжественной, постоянно напоминающей о том, какой хрупкой была кроткая Иоанна. Отцу было не менее плохо, чем Драхомиру. Но Киндеирн был куда сильнее. И великодушнее. Он умел прощать своих обидчиков, тогда как Драхомир уже не мог заставить себя это сделать. Нет, Мир был в этом совершенно уверен — старый демон прекрасно помнил каждую свою обиду. Да и обидеть его отца, должно быть, было намного сложнее. Выдержка... Отец всегда был очень спокоен и даже холоден со всеми. И резок. Очень холодно резок — до равнодушия, до наплевательства... Драхомир ни разу не видел, чтобы Киндеирн выходил из себя на каком-нибудь приёме. В любой ситуации его отец был образцом хладнокровия — на похоронах леди Марии, на казни леди Маргариты, на похоронах леди Иоанны... Каждый раз отец был спокоен и молчалив. Мало кто мог бы заподозрить в нём любящего мужа или отца в такие моменты. Только вот после похорон леди Иоанны Киндеирн поседел — буквально за ночь. И осунулся, и под глазами появились синяки, и смеха отцовского Драхомир больше никогда не слышал. А так же Киндеирн стал строже. Исчезли с Рейчмирра и других уровней шумные пиры — отцу стала нужна тишина. И одиночество. Отец стал нуждаться в одиночестве, чего не было никогда. После смерти леди Иоанны Киндеирн всё больше стал проводить на Сваарде — холодном и безмолвном Сваарде, где вокруг на много километров от цитаделей простирались бескрайние пустыни и степи. На Сваарде едва ли найдётся что-то помимо песков, скал, крепостей и шахт — больше ничего отцу и не было нужно на своём личном уровне... Миру думается, что он и сам привык к этому унылому — как скажут многие — пейзажу. И всё же... Для отца не было ничего прекраснее Сваарда. Киндеирн мог проводить там десятки лет, не особенно нуждаясь в смене обстановки. Драхомир так не мог. Он отчаянно нуждался во всякого рода переменах. Любых. И в самом большом количестве, какое только было возможно.

Стук в дверь заставляет Астарна отвлечься от своих мыслей. Он недовольно усмехается и смотрит на незваного гостя. Гостьей оказывается девочка-подросток лет шестнадцати. Драхомир усмехается и думает о том, что слишком хрупкой она не выглядит. Она выглядит... наглой? Насмешливой и наглой — она усмехается, словно бы чувствует своё превосходство. Впрочем, вполне возможно, что чувствует — у Драхомира все руки в ожогах. Кто будет бояться калеку? Пусть даже этот калека вполне может спокойно убить тебя, даже не моргнув. Легко и быстро. Или медленно и мучительно — как захочется. Драхомир уже

давно привык руководствоваться сиюминутными желаниями. Если ты бессмертен и беспринципен — не существует ничего, кроме этих самых сиюминутных желаний. Не существует ни законов, ни страха смерти, ни какой-либо хрупкой мечты — ты бессмертен, всё, цель твоего существования достигнута. И всё, о чём ты мечтаешь, о чём просишь небеса — всё это не слышат там. Ты больше не имеешь права на глупые надежды. Хотя имеют все — даже самые безнадежные люди...

Девчонка входит к Драхомиру, словно даже и думать не хочет о том, что он может её убить. Она приветливо ему улыбается — так, как прилично улыбаться лишь очень давнему и хорошему знакомому. Впрочем, возможно, это Мир стал стар и ворчлив — быть может, новые нравы более наплевательски относились к личному пространству. Впрочем, не важно. Если девчонка разозлит его — он убьёт её. И не будет чувствовать ровным счётом никаких угрызений совести. Потому что и совести-то у Драхомира, чай, нет. Так что... Не плевать ли на наглую девчонку, что припёрлась к нему?

— Ну что же... Сказать «привет» будет очень большой глупостью с моей стороны? — улыбается она и присаживается рядом.

Девчонка совершенно не выглядит испуганной. Она смотрит на него с таким искренним любопытством, что Драхомир сам почти верит рассказам Ратмира про Танатоса и возможное возрождение. Если бы это было возможно... Малус бы придумал другое наказание для всех них. А если наказание и было тем самым — разве позволено было бы им встретиться? Нет — Малус бы следил за этим так строго, что никто и никогда бы не увидел бы кого-нибудь из них. И не узнал бы. Ведь целью тех, кто ловил их, было недопущение повторения всей той ситуации, ведь так?

Очевидно, это и есть она — та, о ком говорил Ратмир. Девочке лет шестнадцать-семнадцать, и она только начинает жить, ещё упивается свежей прелестью жизни, но Драхомир жить уже слишком устал. В конце концов, ему больше семи миллионов лет — чего он ещё не получил от жизни? Разве что заключительного удара в спину. Впрочем... На такое судьба уже не расщедрится — смерть была для Драхомира слишком уж простым вариантом.

— Это не будет большой глупостью, — отвечает ей демон. — Это будет большой наглостью.

Отец часто говорил ему это. Говорил, по-доброму усмехаясь и взъерошивая сыну волосы. Такие же золотые, как и его собственные. А потом легко, словно котёнка, подхватывал на руки и усаживал к себе на колени. И Мир смеялся, потому что ему было смешно и щекотно. А ещё потому, что отец прижимал его к себе крепко-крепко, потому что от этого было тепло и хорошо. Это, пожалуй, была именно та пора, которую можно назвать счастливым детством. И сам Киндеирн тоже смеялся. Он любил всех своих детей. И порой едва ли мог отказать себе в удовольствии посидеть с ними вот так... А ещё отец умел рассказывать — нет, не сказки, которые могла рассказать ему прекрасная в своём спокойствии леди Салинор, не те притчи, которые каждый день читала ему леди Мария, не те поучения, которые почти каждый день он слышал от леди Катрины. Отец рассказывал истории, которые происходили на самом деле. С ним — на Сваарде, Зорне, Рахабе, Кальмии, других уровнях, принадлежащих Киндеирну... Отец рассказывал то, что происходило с ним в жизни. И это было куда интереснее сказок, притч и проповедей. Киндеирн умел рассказывать. И умел рассказывать так, что маленький непоседа Мир слушал, на время рассказа замирая и почти что не шевелясь. Он задерживал дыхание, боясь пропустить какую-

нибудь подробность из рассказов отца. И каждый раз мечтал стать таким же незаходимым солнцем для всего Интариофа, каким являлся и Киндеирн Астарн...

Алый генерал рассказывал сыну о том, как в сражении на уровне Тривенберр под рекой Щертелле были разгромлены войска Авигдора Венренского и обретён амулет безвременья — тот яркий камень, что заставлял время дрожать и трепетать, и изменяться, подчиняясь воле того, кто владел амулетом. Драхомир часто-часто видел этот камень — пылающий, алый, огранённый в виде вытянутого восьмиугольника, с холодной чёрной сердцевиной. А Киндеирн любил повторять, что любой рубин при правильном использовании может послужить амулетом безвременья. Только надо знать, как обращаться со столь холодным и капризным камнем, чтобы он запылал, заискрился, чтобы в камне забилась живой огонь... И Драхомир прекрасно помнил отцовский золотой перстень, в который был вставлен довольно крупный рубин. Подобный перстень был подарен и самому Миру отцом на шестнадцатилетие. И это был один из самых ценных подарков — ценнее Биннеланда, что был выпрошен Киндеирном у императрицы для сына. Перстень был дорог Драхомиру. Очень дорог. И не только в качестве памяти. И теперь, когда перстня не было... Впрочем, Сонг говорил, что знает человека, у которого теперь находится эта вещь. Перстень был не только хранилищем воспоминаний. Он был и оружием и... «почётным знаком» Ренегата. Знаком предательства Драхомира. Как Киндеирн и не пытался отучить сына от этой пагубной привычки. Мир был упрям. Он ведь этим в отца пошёл — чудовищным упрямством, раздражавшим всех вокруг, тем, за которое леди Мария так гневалась на него (его спина до сих пор хранит несколько шрамов, что связаны с её гневом), тем, что так не нравилось Деифилии, тем, из-за чего так сокрушалась леди Иоанна, тем, что так восхищало Йохана и Асбьёрна и так смешило столь же упрямого Танатоса. Драхомир улыбается, вспоминая это... И думает, что во многом его всегда подталкивали к безумным выходкам рассказы собственного отца — рассказы о жизни, что была насыщена событиями, головокружительными победами, в которой не было унижительных поражений, которая всегда была великолепной, торжественной и прекрасной — несмотря ни на что. Такой, какую всегда желал иметь Драхомир. Но у кого, в отличие от отца, бывали и унижительнейшие поражения. Как то, когда его схватили перед судом, когда погиб весь их Сонм... Да и побед, если подумать, у Драхомира было не слишком-то много. И все они меркли перед блеском отцовского торжественного величия. Что значит победа над какой-то Вирджилисской цитаделью, когда отец захватывал целые уровни, командовал целыми армиями демонов, по праву считался солнцем и некоронованным королём? Что значат те жалкие потуги стать хоть сколько-нибудь похожим на Киндеирна?

Драхомир тяжело вздыхает. Пожалуй, стоило вспомнить и рассказы отца об Елизавете Алексеевне — той женщине, которая и являлась настоящей матерью Мира. Он и сам видел эту женщину несколько раз — она была крайне красива и, пожалуй, очаровательна. Отец всегда говорил, что был околдован ей — этой белокурой насмешницей Лизкой. Этой наглой девчонкой, которая бросилась Киндеирну на шею и начала болтать всякую чепуху. Все говорили Миру, что наглостью он пошёл в мать. Впрочем, пожалуй, и тем, что Ренегат — тоже. Отец никогда не был предателем. Киндеирн был великодушным, смелым и хорошим. Пусть это никто и не хотел понимать. Даже леди Мария — прекрасная и добрая первая жена отца, которая взяла на воспитание его, маленького мальчонку, оставшегося без попечения безответственной матери. Даже леди Мария ничего не понимала. Что уж говорить про Лизку? Про ту самую Елизавету Алексеевну из знаменитого кабаре Города Пороков? Про ту

самую мать Драхомира, о которой он в детстве слышал лишь изредка — от отца, который сразу замолкал, видя, что Мир это слушает. Леди Катрина была чопорной и строгой. Куда более чопорной и куда более строгой, чем леди Мария. К тому же, леди Катрина была слишком уж ворчлива и маленького Мира очень не любила — ей куда больше по душе был собственный сын, спокойный и безответный Говард. Леди Салинор старалась замечать в собственном муже как можно меньше всего, леди Наидия была выдана замуж по воле скорее своего дяди, а леди Иоанна не думала ни о чём. Она просто любила.

— Тогда всё в полном порядке! Я всегда была наглой! — смеётся незваная гостья. — Это куда более весело, чем быть приличной паинькой!

Драхомиру ли не знать, что это так. Сколько проблем он доставлял отцу, будучи ребёнком! Правда, едва ли меньше, чем теперь. Скорее всего — даже больше. Теперь не стало тех невинных детских шалостей, вроде подложенных в туфли кнопок или в сумку крысы, которые он устраивал леди Катрине. Нет... Теперь всё было совершенно иначе. С какого-то момента игра стала принимать всё больший оборот, а потом... Потом он совершил нечто такое, после чего в Интариофе стало лучше не показываться.

Миру думается, что наглость, пожалуй, хоть и является часто тем, что спасает от многих бед, привлекает к себе не меньше проблем, чем глупость. Во всяком случае, ему самому наглость принесла немало бед. А гордость не давала признавать собственных ошибок. Драхомир всегда и во всём считал себя правым, считал, что каждым своим действием он делает лишь лучше.

Всё, что случилось тогда с Сонмом — случилось из-за него! Если бы только Драхомир обратил тогда внимание на странный белеющий огонёк — всё было бы иначе. Не встретились бы в тот день Асбьёрн и Абалим, не убили бы друг друга, не погибли бы Оллин, Хелен, Саргон... Саргон умер последним из них. Если бы только Драхомир понял тогда, что им приготовлена ловушка — всё обошлось бы. Кто знает — сколько бы лет ещё все они жили... Ему порой кажется, что и года было бы достаточно — для того, чтобы успеть побыть рядом друг с другом. Чтобы хоть немного свыкнуться с мыслью о том, что кого-то из них может не стать...

Впрочем... Не так важно. Теперь не важно — все они были мертвы. Все те, кто был так важен... Это они могли хоть как-то помочь Драхомиру вырваться из того гнетущего состояния. Но не какая-то нахалка, что так беспардонно вторгалась в его личное пространство.

— Меня зовут, Мария, кстати, — дружелюбно толкает его в плечо эта самая нахалка, которая разве что не жуёт при нём жвачку — эта отвратительная привычка Драхомира всё ещё выводит из себя, как долго он не пробыл на Земле.

Мария. Мария... Ма-риш-ка... Драхомиру думается щёлкнуть её по лбу и заметить, что для «Марии» она ещё не доросла. Почему он этого не делает — хороший вопрос. Впрочем, ему больших усилий стоило не дотронуться до её лба рукой. Девчонка даже не обратит на это внимания — должно быть многие с ней так поступают. А вот Мир... Кто знает, не сойдёт ли он с ума, почувствовав в этой девчонке надежду, которой у него никогда не было. И если окажется, что надежды нет и на этот раз... Лучше не смотреть на эту девчонку. Лучше выгнать её прочь, пока ещё не поздно.

Он в надежде смотрит на дверь, надеясь, что Ратмир стоит там — предатель слишком боится его, чтобы не выполнить какого-то приказа. А Астарн хотел приказать вышвырнуть эту девчонку прочь — куда-нибудь, не так важно, куда именно. Главное, чтобы

подальше от Драхомира. Главное, чтобы она не заставляла всем своим видом Ренегата раскаиваться в совершенных некогда поступках. Да кто она была ему?! Ни Лори, ни отец не заставляли его раскаиваться в совершенных поступках. На это могли рассчитывать лишь двое — леди Мария и Деифилия. А девчонка, которую звали Маришкой — разве могла она претендовать на это? В конце концов — она была просто девочкой. Обыкновенным подростком, что жаждал приключений. На своё же горе.

Жуткая головная боль пронзает виски — ещё одно приобретение из тюрьмы. Якобина много терзала его. И после тех совершенно жутких проекций чистая случайность, что он не сошёл с ума. Впрочем, возможно, было бы куда лучше, если бы сошёл — не было бы той гнетущей пустоты в душе. Из-за той воды, которую он взял в логове того дружка императрицы Интариофа, голова у него болит достаточно часто, чтобы не давать ему жить, но недостаточно сильно, чтобы свести с ума.

— Думаю, моё имя ты уже знаешь, — отвечает ей хмуро Драхомир.

Каждое слово отзывается болью. Что-то в этой нахалке было такое... Знакомое. И привычное. Мир вполне нормально смог бы с ней водиться, если бы обстоятельства не сложились так глупо. Драхомиру думается, что он обязательно что-нибудь должен предпринять. Если будут силы. И он прекрасно знает, что силы он всегда готов найти — выдерет, вытащит из себя, если понадобится. Через сопротивление, через боль вытолкнет их наружу — кто он, в конце концов, чтобы позволять себе так расклеиваться?

Ратмир просто не мог не назвать ей его имени — он любил называть их всех теми именами, под которыми они знали друг друга. А не просто Чернокнижник, Змея, Ренегат, Ведьма или Иллюзионист. И, пожалуй... Это было неплохо. То, что у них были имена. Те, которыми их всё реже называли люди.

У Деифилии вот не было никакого прозвища. И Драхомир считал это правильным — такая, как она не должна была войти в историю под какой-то глупой кличкой. Пусть большинство из Сонма — включая самого Мира — считало, что их прозвище — их титул, их звание. Деифилия не должна была быть такой. Она была выше и чище каждого из них, включая собственного брата. Впрочем, Асбьёрн был единственным из Сонма, крови на руках которого было вряд ли меньше, чем у Драхомира. А ещё, Асбьёрн лучше всех них понимал в ядах. За что, пожалуй, и прозвали его Змеёй.

— Да, знаю! — бодро отвечает девчонка. — И мне, правда, очень интересно знать, что именно вы намерены делать.

Драхомир усмехается как-то... по-доброму. Так, как он уже давно не усмехался. Из головы миглом вылетают все те мысли, что так терзали его. Девчонка не сказала ничего такого, что могло бы вывести его из равновесия. Впрочем — что было для него теперь этим самым «равновесием»? Боль, озлобленность, одержимость... Он постоянно на всех сердился. И всех ненавидел. Себя — в первую очередь.

Эта юная девочка, которую он почему-то про себя называл Маришкой... Душа у неё была странно похожей... Действительно похожей на душу Танатоса. Только вот... Чего-то не хватало — явно чего-то не хватало. Будто бы душу разломали на две части и вложили в два тела... Это ведь очень больно — когда душу разрывают на части и выбрасывают, словно вещь какую-то. А ведь, если это Танатос... Ведь тогда, возможно, точно так же поступили и с остальными... И Драхомир прекрасно представляет, насколько это было больно — всё-таки, годы практики работы с душами не прошли даром, всё-таки, Киндеирн был потрясающим учителем, когда хотел кого-то научить всем тонкостям своей работы, а

Драхомир был не таким уж плохим учеником, если материал ему нравился. И душа девчонки кажется... расчленённой. Разорванной. Мало кто способен остаться в здравом уме после такого. А со здоровой психикой...

Тошно! Ужасно тошно и больно от этих мыслей!

Драхомир отшатывается от девчонки, как от чумной. Он просто не может себе позволить, чтобы все эти мысли завладевали им — не сейчас. Не тогда, когда он уже почти может спокойно относиться к проекциям, что порой всплывают в поле его зрения. Не тогда, когда он изо всех сил старается сдерживать себя. Не ради... Не ради того, чтобы его перестали называть Ренегатом. Ради отца. Тому бы хотелось, чтобы сын хоть ненадолго пришёл в норму.

Рука сама тянется к пачке сигарет. Ещё одна пагубная привычка, от которой он едва ли теперь может отделаться. Хорошо ещё что... Хорошо, что Драхомир не пристрастился к опиуму, как Хуан. Сигареты были меньшим зол из этих двух. Да и... Мир усмехается как-то невесело при мысли, что ему уж ничто теперь не поможет — тогда, когда он обрёл бессмертие. Ему теперь ничто не способно помочь... А ведь он сам некогда так желал того, что теперь стало его проклятьем.

— Эй! Ну почему ты такой злой?! — капризно тянет девчонка, снова подскакивая к нему. — Ну нельзя же всю жизнь быть таким букой!

Потому что в его бесконечной жизни нет смысла. Нет того, что заставляло бы его просыпаться по утрам, того, что дало бы возможность почувствовать себя счастливым — и совсем не нужно, чтобы навсегда, но хотя бы на полсекунды в день. Потому что он убийца и преступник. Потому что он Ренегат, чёрт возьми! Как будто человек, на совести которого так много крови и пламени, может не быть злым...

Она строит до того забавную рожицу, что Драхомиру хочется засмеяться грустно и сказать, что таким он был далеко не всегда... Но... Какое ей дело до этого, чёрт возьми? Она — просто незнакомая девчонка. Обыкновенная девчонка шестнадцати лет — глупая и весёлая. Какое ей дело до того, какие ужасные муки совести чувствует демон каждый раз, когда видит, что кто-то улыбается?

— Отпусти моего друга, — вдруг серьёзно говорит она. — Если отпустишь, я сделаю всё, что тебе нужно. Отпусти его. Он неплохой парень, пусть и порой бывает занудой.

Драхомиру думается, что правильнее было бы разозлиться на девчонку и послать её куда подальше — ей же лучше будет. Впрочем, когда это Драхомир Астарн что-либо делал «правильно»? Он всегда был тем, кто нарушал правила, кто переворачивал вселенную вверх дном. Без какой-то особенной причины — просто потому, что ему хотелось веселья. Потому что без этого жить было слишком скучно. И теперь... Теперь совесть терзала его. За все необдуманные поступки, за всю ту боль, которую чувствовала Дея рядом с ним.

— Ты можешь умереть, знаешь? — усмехается Драхомир. — Я попрошу тебя сделать то, что скорее всего будет стоить тебе жизни.

Мария пожимает плечами. Так просто. словно бы это что-то настолько незначительное, безобидное... Возможно, она просто не понимает того, что её ждёт. Впрочем... Смерть должна быть довольно быстрой в случае... В случае, если она не окажется реинкарнацией Танатоса. А то, что она не окажется... В этом уже были хоть какие-то сомнения — раньше Драхомир и думать не хотел о том, что может случиться нечто подобное. Но девчонка на самом деле отдалённо напоминала Танатоса. Драхомир был бы круглым дураком, если бы не заметил этого. Даже Ратмир сумел подметить — эта трусливая тварь, которая отличалась

той ещё неосторожностью.

— Я вполне согласна это сделать, — говорит она.

Мария выглядит так, как будто согласилась на какое-нибудь очень незначительное действие. Она стоит и улыбается. С интересом разглядывает Драхомира — своего нового знакомого... И совершенно не думает о том, что ей что-то грозит. Будто бы это совершенно не имеет для неё значения. Для Танатоса тоже порой не имело. Когда ему хотелось отдохнуть, когда ему было скучно...

Драхомир зажигает вторую сигарету. И думает о том, что как-нибудь обязательно зайвится в Фальранию. Именно там оставались останки Танатоса. В одном из вечных ледников — Мир даже примерно знает, какой именно. И он обязательно как-нибудь заглянет туда. Это будет весело. Во всех смыслах.

— В конце концов, тебе стоит пожалеть меня — мне так скучно...

Её тон кажется даже забавным. Девчонка плюхается на кровать и улыбается. И смеётся. Драхомир тоже когда-то так смеялся... Давно это было... Он прекрасно помнит подобный шуточный тон, когда они шли грабить одну из крепостей в Лефидии... И помнит, как сам тогда пошутил, что тогда, когда становится скучно, Чернокнижник обязательно делает так, чтобы скучно не было никому...

Драхомир почему-то вздрагивает. И тут же, злясь на себя, выплёвывает согласие на то, что Маришка будет делать то, что он скажет. Хоть и прекрасно знает, насколько сильно будет винить себя после за принятое решение. Но теперь он просто обязан проверить. Если это Танатос, тогда... Тогда всё снова будет хорошо — чёртов Чернокнижник всегда умел придумать что-нибудь для собственной забавы и для того, чтобы спасти свою шкуру и, заодно, шкуры всех своих товарищей.

А если она не Танатос — не плевать ли на неё, в конце концов?

Девчонку зовут Мелани Найрд. Она выглядит слишком хрупкой для своего возраста. И слишком наивной, хотя, наверное, не стоит слишком верить своим глазам. Она первосвященница из одной первосвященнической цитадели. Уровень, на котором она выросла, всё время вылетает из головы. Хотя, быть может, она выросла в Осмальерде? Она очень похожа на девушек оттуда. Те, что из Интариофа, посмелее будут. И куда язвительнее. Вспомнить хотя бы Алису Вейзел. Назвать Алиску девушкой робкого десятка — подобной ерунды никогда в Интариофе не слыхали! Алиса была улыбчивой и открытой, а так же умела убеждать окружающих в своей правоте. Мелани же улыбалась куда реже. И, когда улыбалась, становилась похожей на ребёнка. Впрочем, должно быть, она и была ребёнком. Сколько ей было? Лет семнадцать?

У неё почти что прозрачные запястья — худенькие-худенькие и с очень тонкой кожей. Таковую можно повредить, если просто ногтем по ней проведёшь. И даже сжать эти руки в своих нельзя — слишком велик шанс сломать. И пальцем-то не будешь касаться этой нежной кожи... И, пожалуй, осквернить такую чистоту страшно — девочка кажется настолько хрупкой, что Мир боится к ней даже приблизиться. Впрочем... Ему ли уже бояться? Столько ужасных дел было у него на совести — что будет стоять ещё одно? И всё же... Драхомир не подходит к ней. Всё так же стоит в стороне — у самого входа, словно не решаясь пройти. На самом деле, причина скорее в том, что ему больно. И в том, что он жутко устал. Не хватает сил даже руку поднять, чтобы позвать кого-то хотя бы жестом. Поэтому, он просто стоит, стараясь опереться на колонну. Чтобы не рухнуть от усталости и боли. Чтобы не дать всему этому сброду нищих, бродяг и разбойников повода смеяться над ним. Сил на то, чтобы

даться с ними, у него нет. Хочется прилечь, отдохнуть... И он так давно не ел... Странно, что в его состоянии, вообще, нужна пища.

Её светлые волосы едва ли достигают лопаток. И очень тонкие. Они пухом разлетаются по плечам. Совсем не такие, как у Лори. Когда Мелани улыбается, она похожа на цыплёнка. С Лори так никогда не было. Даже когда ей было четыре года. Даже когда она клянчила нужную ей игрушку у отца — всё было совсем не так. Лори была любимой сестрёнкой Драхомира, пусть и была порой до невозможности капризна. Да и отец любил её больше, чем кого-либо из своих дочерей. Потому что Лори всегда была лучше всех своих сестёр. Да и многих братьев, если уж про то говорить. Она по праву была любимицей отца. А вот Драхомир положение любимого сына ничем не заслужил.

Мелани Найрд не спрашивает Драхомира о том, нужна ли ему помощь. Она просто подходит, задирает ему рукава его рубашки и начинает обрабатывать его раны. И смотрит. Жалостливо. Настолько, что тому становится тошно. Впрочем, Мелани на всех смотрит жалостливо. Она, вообще, всех жалеет. И никого не боится. Глупая маленькая девочка. Смелая, честная, открытая — вряд ли хоть что-нибудь из этого ей поможет. Никому это не помогает. Не эти качества. И Мир считает своей самой большой ошибкой ту открытость, какая была ему присуща до тюрьмы.

— Надо перевязать ваши раны, — говорит Мелани Драхомиру, — иначе, они могут воспалиться и загноиться.

Как будто его раны могут загноиться. О!.. Это было бы ему избавлением. На нём всё заживало слишком уж легко. Вода из озерца, что принадлежало той твари с ледяными серыми глазами помогала. Она ускоряла его регенерацию — он мог заживать худшие из ран буквально за сутки. А бессмертие — бессмертие давало ему эти самые сутки. Хотя уже давно хотелось умереть...

У неё тихий голос, но совсем не тусклый, как у леди Катрины. И ран на руках Драхомира она касается более осторожно и нежно, нежели Лори. У Лукреции Астарн были руки скорее кузнеца, нежели леди. Впрочем, Лори была неплохим медиком. И в самых серьёзных ситуациях всё равно стоило обращаться к ней, а не к кому-либо другому. К тому же... Лори любила своих братьев. По-своему, но любила. И она готова была помогать. Пусть её помощь всегда была не слишком-то нежной. Лори, вообще, всегда была лишена способности проявлять ласковое и нежное участие — нет, она помогала, но... Лори не была бы Лори, если бы в дело постоянно не включался её скверный характер.

Мир смотрит на неё насмешливо и кивает. Будет он сопротивляться тому, что его руки кто-то перевязывает — в конце концов, Якобина постаралась на славу. И теперь Драхомир на всю жизнь останется калекой. Поэтому — ему ли сопротивляться тому, что девочка по имени Мелани Найрд хочет помочь ему? Она была просто девчонкой, которую все близкие ей люди звали куда короче — и немудрено, девчонка была совсем ещё ребёнком. Кто она такая, чтобы называть её «госпожа Мелани Найрд». Ну не Элина же Горская она, в конце концов. Да и Элину так звать порой надоедало.

— Я могу называть тебя Мел, дитя? — спрашивает он, стараясь сдержать смех.

Девочка кивает. Мира это безумно смешит — каждый её жест, каждое её слово. Она кажется настолько маленькой и хрупкой, что... Ей не место здесь. Не место в первосвященнической боевой цитадели — если так хотелось послать девчонку куда-то, лучше бы послали в госпиталь, ей-богу. Она бы там оказалась более полезна. Да и... Безопаснее бы это было. А здесь... Что было здесь — в этом жутком месте — делать

девочке, что грезила с открытыми глазами?

Драхомир усмехается. Она забавная — эта девочка. Андреа говорил, что она была влюблена в одного типа... Занятный, должно быть, из него вышел бы собеседник. И, если получилось бы — и собутыльник тоже. Хотя... Ему не могло везти настолько — либо собеседник был занятым, либо он был собутыльником. Чаще — второе. Но... Вряд ли такая чистенькая девочка, как Мелани Сонг, могла влюбиться в того, кто способен был быть только собутыльником.

Сонга она раздражает. Жутко раздражает. Своим неизменным спокойствием. Своим открытым взглядом. И превосходством. Девчонка словно всем своим видом хочет доказать Сонгу, что она во всём лучше его. Возможно, эти мысли никогда и не посещали её чудную головку. Впрочем, возможно, и посещали. Сонгу это совершенно безразлично. И Драхомир это знает. Как знает и то, что маленькая первосвященница нравится Андреа. И именно поэтому он нагибается к ней и целует в щёку.

Девчонка приглушённо охает, распахивает свои глазища, а потом спешно извиняется и выбегает из зала. И Драхомир едва удерживается от того, чтобы не захохотать — во весь голос. Так же, как хохочет отец иногда. Хохотал. До смерти леди Иоанны. До того самого дня, когда на Астарнском главном уровне провезли гроб с телом десятой жены Киндеирна. Всё же... После её смерти отец Драхомира сильно изменился.

И Сонг — Драхомир прекрасно знает, что тот стоит за одной из колонн и делает вид, что общается со своей сестрой Алисой — смотрит на Мира почти злобно. И всё же — шутливо. Понимает, зараза, что именно хочет сказать ему друг... Всё понимает... Андреа Сонг вовсе не был таким тупым, каким часто прикидывался... В конце концов, многие знали, что памяти падишаха Элины Горской трудно было не позавидовать. Андреа запоминал всё, что только видел, слышал или чувствовал когда-либо. И анализировать ситуацию Сонг тоже умеет — не продержала бы госпожа Горская рядом с собой человека, который был бы настолько ей бесполезен.

Мария толком не помнит, что происходит после того, как дымящий демон всё-таки сменяет гнев на милость и снимает то заклинание с Мердофа. Должно быть... Опять закрепление сделки с поцелуем? Нет... Вряд ли... Тогда она бы чувствовала привкус дыма на своих губах. Драхомир — кажется, так его зовут — дымит не хуже, чем паровозы в прошлом веке. Закрепление сделки кровью? Ратмир говорил, что такой вариант вполне возможен. Но нет — руки Марии чистые, да и боли она нигде не чувствует. Она знает только то, что Драхомир согласился. Только это важно.

Он одинок, думается ей. Этот странный тип в бардовом свитере, чёрном пальто и с сигаретой в зубах. Он одинок. И не всегда был одинок. И именно из-за этого ему так паршиво теперь — он похож на наркомана в период ломки, думается Марии. Хотя она ни разу не видела наркомана и почему-то совершенно уверена, что Мир — она зовёт его в мыслях только так — наркотиков не принимал. И он терзает себя. Совершенно ненужным чувством вины. И ответственностью. В Ратмире — Райане или как его там — такого не было. Ратмир стыдился. Но Драхомиру нечего было стыдиться. Ратмир был трус и чувство стыда за предательство не покидало его ни на минуту. Драхомира же называли Ренегатом — она где-то это слышала, — но он совершенно не был похож на труса. У него явно было много плохого за плечами. Но трусом он не был. Хотя и был предателем. И это было странно. И интересно. Марии было крайне интересно смотреть на Драхомира. Как и на Хоффмана. Нет, всё же больше. Хоффман был человеком — умным, с тёмным прошлым, но человеком. Но их

обоих что-то терзало. Там — где-то далеко-далеко в душе, в самом сокровенном её уголку, там, куда ни один из них никого не способен был пустить.

В любом случае — одинок Драхомир или нет, — в себя приходит она на улице. Посреди дороги. И сразу же видит поток автомобилей, несущихся прямо на неё. И едва успевает отскочить. И скатывается куда-то на обочину. С окровавленными локтями. И усмехается — нет, это явно была лишь маленькая «месть» Мира, который и сам прятал руки за перчатками. А руки прячут лишь воры и те, кто искалечен. Значит, Драхомир был искалечен? Он как-то странно держал сигарету... А ещё, соглашаясь отпустить Мердофа, почему-то назвал её «Маришкой». Не Марией, как её называли обычно. Ободранные локти саднят и Фаррел думается, что неплохо было бы иметь кого-нибудь, кто держит при себе йод или зелёнку. Ну или хотя бы чистую воду. Обочина девушке как-то мало нравится — слишком уж здесь грязно. Рогд Айстеч обычно всегда таскал с собой всё это — в отличие от своего брата он был слишком уж чистоплотным и ещё более занудным.

Кстати, о Мердофе... Мария оглядывается по сторонам в поисках его и Ратмира — кажется, Драхомир говорил, что они окажутся где-то рядом. И натывается взглядом и на того, и на другого. Оба стоят и как-то взволнованно и рассеяно на неё смотрят. Рядом. Очень даже рядом — всего в пятнадцати метрах.

А потом... Потом она слышит поток извинений Айстеча. Да уж... Не нужно было его спасать. Лучше бы он на неё дулся. Нет, реально было лучше, когда он на неё дулся! Тогда он хотя бы не смотрел на неё так... странно. Словно она хорошая или что-то такое в этом же духе. Ал бы ни за что на неё так не смотрел бы — всё же, он знал её получше. Или просто был намного умнее. Да, скорее второе. В свои пять лет Ал тоже не считал её хорошей. Так или иначе, она всегда была врединой, гадиной или оторвой. И, в общем-то, для всех своих знакомых. И почему Мердоф так наивно стремился стать исключением из правила, Мария никак не могла понять.

— Со мной всё нормально, — как-то вяло бормочет Маришка — да, ей это прозвище от Драхомира пришлось весьма по душе. — Мердоф, отвали!

Тут же её начинают обнимать. Да так крепко, что Марии кажется, что она вот-вот задохнётся. Она пытается отпихнуть Айстеча от себя, судорожно припоминая, не желал ли Драхомир её прикончить с помощью удушения — подсунув накачанного каким-нибудь волшебным зельем Мердофа. Это была бы самая глупая смерть, на которую только Мария Фарелл когда-либо могла рассчитывать.

Комментарий к II. Глава сорок третья. Одиночество.

* Fleur — Легион

===== II. Глава сорок четвёртая. Раскаяние. =====

Странная штука: ты смотришь в небо

И видишь свою звезду.

Но она слепа и глуха к тому,

Кто переступил черту.

Брось свой камень с моста — и тут же

По воде разойдутся круги.

Если б ты помнил об этом всегда,

Вставая не с той ноги.

У тебя, безусловно, были причины

Выиграть первый бой.

Но вряд ли ты потрудишься представить,
Все, что это повлечет за собой.

Твой самолет, готовый взорваться,
Уже набирал высоту.

Вряд ли ты думал об этом, когда
Переступил черту.

Черта.

Нарисована мелом.

Ее не видно на белом.

За нею дверь в никуда.

Черта.

Нарисована мелом.

Ее не видно на белом.

За нею дверь в никуда.

Ты сам ничего такого не делал,

Ты бросил камень с моста,

Сказал: покажи мне того, кто знает,

Где она эта черта.

Эхо заблудилось в ущелье и как раненый зверь

Кричит в пустоту.

А ты сидишь и ждешь Воскресенья,

Переступивший черту.

Изменился вкус у вина и хлеба,

А воздух прокис, как клей.

Все чаще тебя посещают виденья

С лицами мертвых людей.

А в общем и в целом ты славный парень,

Ты любишь деревья в цвету.

И никто никогда не узнает, что ты

Переступил черту.

Черта.

Теперь от тебя ничего не зависит,

Теперь — круги по воде.

Теперь беда спешит за бедою,

Цепляясь бедой к беде.

Теперь ты носишь цветы к могилам

И тянешь руки к кресту.

Ты очень давно начал эту войну,

Переступив черту.

Черта.

Нарисована мелом.

Ее не видно на белом.

За нею дверь...

Вьюга, вьюга, вьюга... Летящий в глаза ослепительно белый снег. Красивый, холодный, бесполезный... Сверкающий и ненужный никому снег. В нём не было никакого — ровным

счётом никакого — прока. Пусть себе несётся в вихре. Только бы не попадал за ворот старого пальто. Да и то... Какая разница? Каким бы ни был сильным ветер — всё равно придётся выйти на улицу и дойти до опостылевшего здания, что теперь было единственным домом для него.

Разве что-то могло быть более подходящим жилищем для такого безразличного старика, как он, нежели эти серые каменные своды? В здании, которое было закреплено за ним одним, было больше полутысячи комнат. Из них — пять его личных приёмных, четыре кабинета, из которых он пользовался только одним, семь прекрасных залов, из тех, что освещаются доброй тысячей свечей за один вечер... И сад прямо под окнами. Прекрасный сад, который летом переливался множеством цветов — маленькая Лирта любила цветы, и он, когда она была совсем ещё крошкой, распорядился высадить прямо перед окнами его кабинета множество сортов роз, нарциссов и лилий, чтобы она не убегала гулять в парк, когда ему приходилось брать её с собой на работу. Теперь уже сад был не таким прекрасным, как при её жизни — Милана куда лучше понимала в цветах, чем он. А он... Что он может сделать с этим цветником, если названий половины из растений не знает?

Но сейчас сада почти не видно — и дело не только в том, что всё покрыто снегом. В такое раннее утро в городе ещё очень темно. Почти что ночь. Пусть министр сегодня и пришёл несколько позже, чем обычно. Всю ночь ему снился Яков. Он то улыбался, то слёзно умолял о чём-то. Впрочем, Яков снился Делюжану исправно — около двух-трёх раз в неделю. И сердце разрывалось от боли каждый раз, когда он видел это живое лицо, на котором будто бы читалась печать здоровья и силы — совсем не такое, какое ему приходилось видеть в те страшные несколько дней, когда Яков так мучительно умирал. Порой ему казалось, что сын зовёт его за собой. Порой — казалось, что строго смотрит на него и качает головой каждый раз, когда руки сами собой тянулись к заветному револьверу или к такому желанному пузырьку с ядом. И это нельзя было назвать странностью. Станным было то, что ни Милана, ни Лирта ему никогда не снились.

Министр с какой-то неживой усмешкой касается пальцами чугунной решётки, которая преграждает путь в сад. Седрик Солнман как-то заметил, что у Делюжана лицо живого мертвеца. Должно быть это было правдой. Скорее всего — разве был у жизни какой-либо смысл, когда все любимые тобой люди либо мертвы, либо не желают с тобой знаться. Разве не станешь тут живым мертвецом? Разве что не из тех детских страховок, которых в огромном количестве знал Хоффман. Моника всегда их пугалась, а Алесия... Алесия как-то странно бледнела, поднималась и непривычно строго просила не шутить с этим. Кажется, она была весьма суеверна — эта белокурая красотка, обрекшая себя на ад, которому нет в мире равных. Ад жемчугов, быстрых танцев и сияющей позолоты. Самый равнодушный и самый отталкивающий из всех, которые только можно представить. Ад, что не пускал тебя в самое прекрасное, что только есть в твоей жизни — почти такой же, как эта металлическая решётка. Красивая, искусно сделанная, но совершенно равнодушная к тебе.

Когда-то давно он мог бы увидеть каждую пылинку, каждую царапину на этой чугунной ограде. Теперь же зрение то и дело подводило его, пусть и не так сильно, как большинство его ровесников. Но ему теперь зрение и не нужно было так сильно — всё, что было необходимо ему для работы, он уже давно приучил себя сразу заучивать наизусть, многие детали он запоминал. А после — приучил себя их додумывать. Понимать, даже не глядя, не слыша, не касаясь... Касательно этой ограды — Делюжан помнит каждую царапину на ней, хотя бы потому, что виновником большинства царапин был Яков.

Его жизнь уже давно была пуста. Лишена какого-либо смысла. В ней нет ни малейшей нужды. В королевстве Анэз все уже давно ненавидели его. А родного его королевства уже давно не существовало. Эта глупая девчонка... Ох, если бы только она не стала той, кем в итоге оказалась. Впрочем, он не сердился на неё теперь. Разве что усмехался грустно и с каким-то превосходством — он, изгнанный принц Денеб, был первым министром в другом королевстве, самым важным человеком, а она... Она умерла нищей. И Делюжан совершенно не был готов как-либо помогать ей. Как оказалось — он был весьма злопамятен. Пусть и пытался изжить это долгие годы.

Теперь же хотелось послать все свои старания к чёрту.

Весь мир для него переворачивался с ног на голову. Не было ничего правильного, ничего нормального... С самого детства. С самого детства его жизнь летела в Бездну и была столь ненормальной, что он порой удивляется, как не сошёл с ума. Всё в его существовании было настолько странным и неправильным, что когда он был помоложе, от этого хотелось закричать.

Сейчас уже ничего не хотелось. Разве что — чтобы его жизнь поскорее уже закончилась. Он давно уже приучил себя ждать — власти, любви, счастья... Первое принёс ему Ричард Брекстейн, предыдущий глава правительства королевства Анэз, второе дала ему Джулия Траонт, эта надменная красавица-принцесса из Орандора, а третье подарила ему Милана Пайверс, скромная девушка из королевства Кайерим, которую он взял в жёны. Не было разве что короны. Но разве нужна она была с тем положением, которое он занимал? Пожалуй, в его случае корона только мешала бы ему... Золото — тяжёлый металл. Он способен мешать в битвах. Как в тех, в которых принимали в древности участие рыцари, полностью закованные в доспехи, так и в тех, в которых принимали участие многие люди теперь — в битве политического влияния, которое теперь больше зависело от умения убеждать, нежели от умения выигрывать турниры.

Пожалуй, Делюжан мог с уверенностью заключить — он был еретиком. Сейчас такими взглядами, как у него, уже трудно кого-либо удивить — полно всех этих молодёжных течений, отрицающих всё на свете. А ещё он никогда не верил в какой-либо из этих непререкаемых авторитетов, о которых все всегда всё знают. В конце концов, репутация — дело весьма относительное. Нельзя смотреть на монету только с одной стороны. Нельзя видеть только хорошее или только плохое. Нельзя считать виноватой только одну сторону. Если монета погнута — погнута она с обоих краёв. Если монета сломана — ни одна из её сторон не будет целой. В жизни не существует ничего, что могло бы похвастаться — и похвастаться ли — односторонностью. Во всяком случае, Делюжан не знал ничего, что могло славиться таким качеством. Обычно подобными мыслями развлекали себя люди помоложе — Яков мог бы, но он отчего-то придерживался более консервативных взглядов. Быть может, именно поэтому они так не ладили, когда Яков был жив? Из-за того, что в чём-то поменялись ролями?

Когда-то давно он спасался от крамольных мыслей, придя домой и обняв свою жену. Милана никогда не понимала его полностью. Но всегда помогала ему. Как могла. И Лирта никогда не понимала. Да и могла ли она понять — эта маленькая хорошенькая девочка? А вот Яков понимал... И Делюжан понимал сына. Должно быть, в этом и была вся причина тех постоянных споров и ссор. В его голове тоже достаточно было того, что никогда не следовало произносить вслух. И горьким опытом наученный, он уже и не произносил этого вслух — приучил себя говорить только то, что от него желали услышать.

И всё же, порой, в редкие вечера Делюжану казалось — он не такой уж плохой человек. И пусть о нём говорят, что угодно. В конце концов, кто с его жизнью не стал бы столь же ворчливым или безразличным? Вполне возможно, что тот, кто при таких же обстоятельствах сделался бы яростным и жестоким. В конце концов, он имел право на то, чтобы сделаться обособленным ото всех после того злосчастного дня. В конце концов, он имел право ненавидеть многих людей из королевства Анэз. Но он не ненавидел их. Точнее — ненавидел далеко не всех.

Разве можно было назвать его ужасным или жестоким просто за то, что он хорошо выполняет свою работу? Если бы каждый человек в королевстве тратил хотя бы половину его усилий, все смогли бы жить лучше. Если бы каждый человек тратил на свою работу все свои силы, ни на что другое просто бы не оставалось времени. Когда была ещё жива его семья, Делюжану ужасно это не нравилось — что эти лорды в парламенте и кипа бумаг в кабинете отнимают у него часы, которые можно было бы провести в домашнем кругу, слушая щебет Лирты, спокойный и мягкий голос Миланы или громкий смех Якова. Но теперь... Теперь ему так было намного проще.

Было совершенно неправильным то, что несколько месяцев назад умерла Алесия — эта двадцатилетняя девчушка, глупая и капризная. Эта девчонка в платьях, что по цвету так напоминали небо, на которое министр так и не мог заставить себя посмотреть. После смерти его семьи весь мир казался ему бессмысленным и пустым — бесплодным, ледяным, чужим... Была бы рядом Джулия — не та Джулия, которой она стала, а та какой была когда-то: капризной девчонкой, знавшей всё на свете и бывшей маяком для него столько лет. Нет, сейчас она была всё та же — насмешливая, изящная, безукоризненно вежливая и своенравная. Но он уже столько лет её не видел... Столько лет её нежные руки не касались его волос так нежно, будто это было самое величайшее сокровище в мире, столько лет он не видел её алых губ, совсем не красивых, изгибающихся в усмешке. Она была само совершенство — и тогда, когда смеялась, и тогда, когда гневалась, и тогда, когда плакала. Делюжан когда-то пытался посягнуть на то, чтобы это совершенство стало его. Но Джулия Траонт была неприступной крепостью. Порой Делюжан смеялся, что она так же неприступна, как была в древности Вирджилисская цитадель. И так же своевольна и прихотлива.

Пожалуй, уже давно следовало передать все дела в руки этому мальчику — Георгу Хоффману. Он был достаточно умён. И достаточно энергичен, чтобы всё сделать правильно. Он был чудным мальчишкой — этот Джордж Блюменстрост. Недаром Делюжан заметил его тогда. И Якова он поразительно напоминал. Глаза у него были похожие. Смотрели с вечным недоверием и желанием противоречить, бороться... Ох... Принц Денеб тоже был таким — когда ему самому было всего лишь двадцать пять, когда в его груди билось то сильное пламя жизни, которое, как казалось тогда, ничем нельзя загасить. Это позднее уже он узнал, что пламя жизни возможно погасить водой точно так же, как и обычный огонь. И водой той были слёзы. Какой бы ни была сильной утрата, её можно перенести, пока ты молод, пока всё у тебя ещё впереди. Но как перенести это тогда, когда ты не знаешь, сколько именно тебе осталось?..

Пожалуй, и молодых-то многих ему было жаль. Этого холодного и равнодушного Джорджа — мальчишку со страшной грудной болезнью... Когда она сведёт его в могилу? Рано или поздно... И пусть пока он почти не кашляет кровью — во всяком случае, ни разу не кашлял при Делюжане. В конце концов, его жена уже должна была скоро родить — повезёт,

если он успеет увидеть своего ребёнка. Пожалуй, действительно, это была не лучшая идея — бросать на этого человека целое королевство. Вполне возможно, что если что-то случится внезапно, это будет не самый худший вариант. Хоффман энергичен, даже несмотря на свою болезнь, сообразителен, имеет опыт работы с лордами из Парламента, знает большинство тонкостей, которым Денебу на момент его вступления в должность регента только предстояло обучиться.

А бедная маленькая Моника, что работала секретарём? Ей приходилось содержать всю свою семью. Немудрено, что она злилась на свою младшую сестру — кажется, ту звали Сарой, — которая убежала из дому и вольна была теперь распоряжаться собой так, как сама считала нужным. Впрочем, можно ли было осуждать Сару за то, что она предпочла быть сестрой милосердия, а не уборщицей в каком-нибудь богатом доме?

А Алесия, которую кто-то убил в подворотне? По правде говоря, он не слишком-то любил эту девочку, когда она была жива — слишком уж сильно она своими безрассудными выходками напоминала ему о том, насколько сильно он одинок. Но её кончина была столь неожиданной, столь шокирующей, что Делюжан просто не мог выкинуть это из головы. Можно ли было назвать её гибель странной? Да, все так и называли её смерть. Можно ли было назвать такой исход закономерным? Само собой. Пожалуй, во всём королевстве не было человека, который не был бы уверен, что конец мисс Хайнтс будет именно таким.

Делюжан с каким-то сожалением замечает, что уже находится в своём кабинете — весь путь от дома до рабочего стола уже пройден. Ему думается, что, должно быть, совсем не такой жизни он для себя хотел в прошлом. Тогда ему хотелось путешествовать, узнавать те тайны давно минувшего прошлого, тогда ему хотелось жить, хотелось видеть и снега Фальрании, и пылающие пески легендарного Сваарда.

Его привлекали те легенды — о могущественном Киндеирне. Тогда как Джулия просто бредила Драхомиром. Ох, это было бы просто чудесно — увидеть не только Осмальерд, к которому уже можно было привыкнуть настолько, что становилось тоскливо, но и величественный Интариоф. Увидеть бы те места, которые были запечатлены в сказаниях о Расколе, увидеть бы то, что было описано в легендах Йохана... Делюжан видел тот перстень собственными глазами — перстень с алым рубином. И он был уверен, что это был именно тот перстень, а вовсе не подобный. И мисс Траонт — о боги, он привык называть её так, хотя сейчас такое обращение казалось почти нелепым — это казалось забавным. Кажется, она относилась к этим легендам и предметам из них с почти смехом. Ей почти всё в них казалось почти что нелепым.

Джулия смеялась — смеялась над леди Марией, что была первой супругой Киндеирна, смеялась над бесподобной Деифилией, смеялась над воинственной Лилит. И не чувствовала каких-либо угрызений совести. Смеялась так, как смеются над старинными друзьями. Подобному, легко и весело, с присущим только ей задором. И её красивое, словно высеченное из камня лицо, становилось поистине прекрасным. Взгляд становился намного мягче, и правильные линии теряли свою каменность. Когда Джулия смеялась или плакала, или жалела кого-то, она становилась женщиной. Не той холодной герцогиней, которую знали во многих королевствах, а живой женщиной, из плоти и крови. Женщиной, которой Денебу никогда не суждено было добиться.

И всё же — те места, в которых они тогда бывали, ждали её. Вовсе не принца Денеба. Они ждали не гостя, который в благоговении встанет перед ними на колени. Они ждали старого друга. Они ждали принцессу Джулию Траонт, не ту эксцентричную девочку,

которой её считали в родном королевстве. Нет — они ждали ту, кто чувствовал каждое слово в любой из легенд. Они ждали понимающую женщину, которая сможет простить им ту долгую разлуку, на которую они обрекли её...

Должно быть, принцесса Джулия понимала в том, что было написано в этих легендах, гораздо лучше принца Денеба.

Должно быть, женщины лучше понимают в том, что касается нематериального.

Тот перстень долго ему снился. Массивный, тяжёлый... Джулия говорит, что скорее всего перстень принадлежал сначала Драхомиру и только потом Йохану. Откуда столько денег у бродячего музыканта? Только вот... Сны об этом уже давно перестали преследовать его. Был только Яков. Его бедный мальчик, что так страшно умирал несколько лет назад. Да и могло ли в его снах быть хоть что-то другое? Он не мог и представить, чтобы было нечто иное, нежели его дорогой ребёнок.

Делюжан старается не смотреть на одну из старых фотографий на своём рабочем столе. Там изображено то озеро, которое после их с Джулией купания, при возвращении в лагерь, принц Денеб приказал запечатлеть этому скользкому гадёнышу Солнману. Нужно заметить, что мисс Траонт после одного случая стала относиться к Седрику с куда меньшим недоверием и пренебрежением, нежели ранее. О, эти женщины! Эти создания, которые способны пожалеть сущее ничтожество.

Делюжан тяжело вздыхает и отвлекается от своих документов. Как-то непонимающе смотрит перед собой, а потом медленно разворачивается к окну. Обычно время пролетало не так быстро. Совсем не так быстро. Должно быть, это от того, что он слишком долго не вспоминал её — свою леди Траонт, в которую влюбился после того странного дня. Должно быть, это из-за того, что он слишком плохо спал этой ночью.

День среди бумаг — на сегодня не было назначено никаких приёмов — проходит слишком быстро. Делюжан даже не замечает того, как на улице снова стало темно. Обычно всегда замечал. И ему думается — сегодня он слишком невнимателен. Стоит пересилить себя, заставить сосредоточиться, но накатывает такая усталость, такая тоска, что делать и вовсе ничего не хочется.

Худший кошмар его детства — снова и снова оказываться в полном одиночестве в одной из комнат, в которой кто-либо умер. В этом кабинете умер от сердечного приступа один из предыдущих первых министров — Фредерик Верджон. И он совершенно никак не обеспокоен этим фактом. Тот глупый детский страх уже давно прошёл. Мало ли мертвецов на своём веку он видел! Хотя бы того взять, которого видел принц Денеб на полу в одном из залов Вирджилисской цитадели.

Он с трудом заставляет себя подняться с кресла и уйти из этого места. Домой возвращаться совершенно не хочется. Разве есть хоть один человек, который ждал бы его там? Возвращаться же в пустоту... Это было слишком даже для него, пусть Денеб уже давно приучил себя к мысли, что одиночество будет всегда преследовать его. Даже тогда, когда Милана была жива — он не ценил этого. Тогда Денеб едва ли мог думать хоть о чём-нибудь помимо того перстня. Правду говорила Джулия — в перстне хранятся души человеческие.

Наверное, именно он так привлекал к себе, манил...

Жизнь Делюжана бессмысленна. Он твердит это себе каждый день. Каждый день, когда его взгляд только падает на ту фотографию... Его мать, сестра, жена и дети мертвы, а той женщине, которую он любил всю свою жизнь, вряд ли есть до него дело. Разве стоит его жизнь хоть чего-нибудь? Совершенно не стоит. И порой это казалось Делюжану почти

забавным — у него и у его врагов была почти что одна и та же цель. Дать ему умереть как можно быстрее. Пожалуй, от немедленного выстрела себе в голову бывшего принца останавливает лишь то, что Милана слишком плохо относилась к самоубийцам. Делюжан же их понимал. Хоть и всегда считал жалкими.

Выходя из здания, он торопливо прощается с Джеком — молодым парнем, что постоянно носит бумаги из одного кабинета в другой. На подпись и печать. Джек удивлённо смотрит на министра, как-то сбивчиво с ним прощается и продолжает кутаться в своё серое тонкое пальтишко и шарф. Делюжану думается, что эта одежда вряд ли спасёт Джека от холода в этот вечер.

— До свидания, господин Делюжан, — говорит молодой человек.

Министр отвечает сухим кивком и выходит из здания. До Джека ли ему, когда есть столько дел? Должно быть, стоит пересмотреть то дело о снятии запрета на въезд в королевство Анэз для графа Ричвелла. Делюжан не может понять, чем конкретно руководствовался король, когда разрешал этому проходимцу находиться в королевстве. Впрочем, граф Ричвелл был весьма опасным противником, если дело касалось дискуссий. Едва ли возможно было найти лучшего спорщика, нежели он. Стоило отдать ему должное.

Министр несколько равнодушно усмехается и идёт дальше. В конце концов, не стоит слишком много внимания уделять людям, что подобны Джеку. Пусть Джулии, скорее всего, и стало бы невыносимо жалко его. Делюжан не считал нужным позволять себе жалеть кого-либо. Разве жалость приводит к чему-то хорошему? И пусть женщины могут позволить себе это — они называют подобную свою прихоть «сочувствием». Но... На то они и женщины, чтобы давать время от времени волю некоторым из своих капризов. И то, что годится для них...

Когда он проходит под аркой, кто-то трогает его за руку. Делюжан вздрагивает от неожиданности и оборачивается. Человека, что держит его за руку, мужчина разглядеть не может. В такой темноте сложно разглядеть даже силуэт. Но Делюжан точно знает, что это не может быть никто из тех людей, с кем он был так или иначе близок — он знает, как жмёт ему ладонь каждый из тех людей. И сейчас... Пальцы у неизвестного довольно цепкие, но совсем не огрубевшие, как у Моники, и тёплые.

Почему-то он совершенно не боится смерти в этот момент. Впрочем, если быть честным, пожалуй, он уже давно перестал её бояться. И стал с нетерпением ждать. Хотя, возможно, для его возраста это малый промежуток времени. Будь он хотя бы на пятнадцать лет моложе... Впрочем, тогда ещё вся жизнь была впереди. Тогда он ещё грезил тем, что его карьера ещё больше пойдёт в гору, что его сын добьётся невиданных успехов в политике, как и он сам, что Лирту удастся выдать удачно замуж — за человека, который бы заслуживал быть мужем его дочери...

Ни одному из этих планов не суждено было сбыться.

— Вам что-то нужно? — спрашивает Делюжан безразлично. — Если хотите меня убить — можете сделать это. Я безоружен.

У него при себе нет ничего, чем он мог бы отбиваться в тёмной подворотне. И пусть место, где они сейчас находятся, не слишком похоже на те места, где некогда мог прогуливаться принц Денеб, Делюжан не видит никакой опасности в той угрозе, которая, как ему кажется, повисла в воздухе. Ему уже давно ничего не нужно. Какой смысл носить с собой оружие, если ты хочешь умереть? Принц Денеб когда-то обязательно носил с собой пару кинжалов, чтобы было, чем отбиться. Но теперь... Теперь всё это стало таким

ненужным. В одночасье. Просто сначала он ещё носил — по своей старой привычке.

— Я не хочу вас убивать! — слышится звонкий мальчишеский голос. — Просто она попросила меня вас привести!

Голос такой чистый, такой сильный, что Делюжан невольно завидует этому ребёнку. И жалеет — откуда ему знать, что может выпасть на долю этого мальчика, что почти смеялся ему сейчас в лицо. Принц Денеб когда-то тоже говорил чисто и звонко, не боясь, что его неправильно поймут. Это уже потом, после всех тех бед, что выпали на его долю, после изгнания, он стал разговаривать не иначе, как шёпотом. Возможно, этому ребёнку когда-нибудь тоже придётся выучиться такому. Возможно, куда скорее, чем кажется на первый взгляд.

Делюжану хочется самому рассмеяться. Над собственной глупостью. Как он мог принять этого ребёнка за убийцу? Ему почему-то думается, что, должно быть, в свои семнадцать-восемнадцать лет уже не был ребёнком. И никогда — очаровательным или милым. Скорее — хмурым и замкнутым. Тем ребёнком, каких никто не любит.

О! Будь он хоть вполовину очаровательным, как большинство других детей — многих несчастий с ним не случилось бы. Будь он хотя бы скромным или безответным — вполне возможно, его «некрасивость» и «скованность» сошла бы ему с рук. Но он был ещё и до ужаса упрям. Делюжан до сих пор не знал ничего, с чем он точно соглашался с первого раза. Чаще всего, он начинал спорить всякий раз, когда дело касалось вещи хоть немного серьёзной. Да и не слишком серьёзной — тоже. Он слишком привык спорить и возражать, чтобы отказываться от этого странного удовольствия. Пожалуй, можно было сказать, что раньше это было единственное удовольствие, которое он мог получить.

— Кто — она? — спрашивает министр почти удивлённо.

Он, пожалуй, не знал на свете ни одной женщины, что могла бы им командовать. Даже Милана не командовала им. Направляла, упрашивала — пожалуй. И он соглашался с ней. Но чтобы приказывать... Она никогда ему не перечила, никогда не спорила... Милана делала всё тихо и незаметно, а Делюжан потом соглашался с ней. Возможно, именно так ей и следовало делать. Милана всегда была умной. Очень умной, какой бы простушкой её не пытались выставить. Если она чувствовала, что слёзы помогут лучше — она плакала, если понимала, что любое слово выведет её вспыльчивого супруга из себя — молчала, если знала, что стоит просто подождать — ждала. Она никогда не настаивала. Слишком хорошо понимала, на что может наткнуться. Лирте же просто не было нужды командовать — она была очаровательной маленькой девочкой, которая никогда ни с кем не спорила. Её было легко убедить в чём угодно. А другие... Стал бы он их слушать, даже если бы пытались спорить с ним? Что Моника, что Алесия...

Разве что...

Ему снова вспоминается эта самонадеянная усмешка, что была первым, что он увидел в той женщине. Усмешка, которая не могла считаться подобающей для истинной леди, которой себя в то время мнила эта девушка. Он сам тогда не сдержался и фыркнул от смеха. И сердитый взгляд зелёных глаз послужил ему упрёком. И всё же — она была настоящей леди. Пусть и не в том смысле, который понимали многие. В ней была какая-то странная сила, заставляющая её собеседника покоряться ей. Даже тогда, когда её капризы заходили слишком далеко. Даже тогда, когда они были бессмысленными, глупыми, безрассудными — она какой-то неведомой для всех силой заставляла всех подчиняться её словам и желаниям.

Ему вспоминается, как она, обидевшись на него за какую-то грубость, заперлась в своей

каюте и была категорически не согласна разговаривать с ним больше — хотя спокойно общалась даже с самыми обыкновенными матросами. Даже с этим пьяницей Биллом, к которому даже за версту было противно подходить. Должно быть, это было показное — она общалась со всеми, кроме капитана Денеба, которым он тогда являлся. Делюжан едва ли может понять, почему тогда это подействовало на него. Но почему-то ещё во время путешествия от герцогства Ябра до герцогства Иветт всё стало иначе. А в царстве Калиар... В царстве Калиар было очень тепло. И люди там были совсем другие. Делюжан хотел бы навсегда остаться там — в этом тихом местечке, где верили в странных богов и почитали совсем иных героев. Кожа и глаза у людей в царстве Калиар были темнее, а души намного светлее. Их не испортила ещё та жуткая машина, которую люди красиво величают цивилизацией. Люди в Калиаре не боялись носить яркую одежду — эти броские цвета до сих пор стоят у него перед глазами. А их песни... Никогда в жизни Делюжан более не слышал столь прекрасной музыки. Их девушки украшали свои волосы цветами, а женщины покрывали свои головы цветными покрывалами. Там было так жарко и влажно, что Джулия разболелась. Наверное, это было единственной причиной того, что они пробыли в царстве Калиар так недолго.

— Она — истинная принцесса, не так ли? — спрашивает он с какой-то тихой и, как ему самому кажется, безнадёжной усмешкой. — И до сих пор — настоящая красавица?

Сколько он её помнит — она всегда была именно такой. И пусть многие считали её личностью весьма скандальной, Джулия никогда не переставала из-за этих скандалов быть принцессой. Нежной и хрупкой. Что бы там не шептали за её спиной злые языки. И что бы она сама о себе не мнила. Она не нуждалась в том, чтобы ей кто-то в чём-то помогал — сколько Делюжан помнил их знакомство, Джулия была слишком самостоятельной для этого. Но ей нужно было внимание, тепло... И она требовала этого. Требовала настойчиво и даже упрямо.

Джулия Траонт была дочерью короля, хоть её отец узурпировал власть тогда, когда она была уже в достаточно сознательном возрасте, а он, Делюжан, по рождению и праву имеющего все шансы взойти на престол, был блёклой тенью на её фоне. Роль серого кардинала — вот роль, которая принадлежала ему по его талантам. Он не был ни хорошим оратором, ни даже просто обаятельным человеком. Он мог понять, что как делается, но... Отношения с людьми никогда не складывались ни сначала у принца Денеба, ни потом у министра Делюжана.

Он никогда не мог быть кем-то другим. Как ни старался. А ей, Джулии Траонт, шли все роли — каждая, которую ей взбрело в голову сыграть. Она могла быть почти что легкомысленной и даже капризной принцессой, могла быть безукоризненной герцогиней, могла быть ведьмой, взбалмошной и злой, могла быть любящей матерью и заботливой сестрой... Да только ли эти роли были ей подвластны?..

— Она много лучше! — как-то ревниво возражает мальчик, и Делюжану от его тона хочется захохотать в голос.

Она много лучше. Разумеется, он не может не согласиться с этим ребёнком. Джулия была тем человеком, которого просто невозможно описать словами. И пусть она была намного более своенравной, порой до грубости упрямой, слишком чувствительной и обидчивой, нежели следовало, она была лучше тех нарисованных образов, которые считались идеальными — образами послушных белокурых красавиц, не умеющих возражать и сердиться.

Он усмехается, думая о том, что лет сорок назад воскликнул бы не менее ревниво и пылко на такие слова. Но сейчас... Разве есть у него право это делать? Теперь он лишь улыбается и почти что покорно ожидает того, что будет дальше.

***

Граф Варан был тем человеком, что почти на каждом углу говорил о том, насколько сильно королевству Орандор необходима реформация церкви, о том, что промышленность в этом королевстве слишком сильно отстаёт от промышленности других, более развитых государств, что королевство Орандор до сих пор живёт по большей части за счёт сельского хозяйства, тогда как близлежащие страны — такие, как герцогство Ябра или королевство Анэз уже давно вступили на индустриальный путь развития экономики. То, что именно граф считает основной причиной всех бед, никак не уточнялось. Впрочем, можно было предположить, что причиной всех бед было именно то, что церковь находилась под влиянием Алменской империи.

Варан принадлежал к некому достаточно древнему, но уже давно обедневшему роду. Кажется, кто-то из его предков служил ещё фальранскому императору Инарду, а прабабушка была статс-дамой у королевы Марианны Линермадской. По правде говоря, было совершенно непонятно, что именно послужило постепенному обеднению рода Варан. Было бы куда проще предположить, что дед или отец Александра Варана проиграл часть состояния в карты, или что мать Александра, достопочтенная графиня Вероинка Варан потратила много денег на наряды и украшения. Но Ричард и Джозеф Вараны были весьма здравомыслящими людьми, что никогда не опустились бы до такого глупого развлечения, как азартные игры, а леди Вероинка была столь скромной и почтенной дамой, что никогда не спустила бы фамильного состояния своего мужа на туалеты.

Янжина плохо знала всю историю графа Александра — её он никогда особенно раньше не интересовал. По правде говоря, девушка всегда его считала еретиком и смутьяном, не заслуживающим внимания. И вот — теперь граф стоял прямо перед ней. Точнее — перед королём.

— Я слышал, вы не так давно убеждали на площади толпу, что нашей стране следует идти по несколько другому пути, — говорит Альфонс.

Янжина думает, что с каждым днём он становится всё больше и больше похож на истинного короля. И голос у него стал теперь именно такой, какой надо — даже Теодор невольно вздрагивает от столь холодного тона. А взгляд... Теперь, когда Ал кого-нибудь принимает, взгляд у него становится совсем жёсткий, в нём нет ни бывшего веселья, ни былой растерянности. Молодой король теперь кажется совсем другим. Словно бы он и был рождён для этого. Словно бы готовился всю свою жизнь к этим приёмам.

Граф Варан и вовсе кажется растерянным. Должно быть, если ему и приходилось раньше беседовать с королём Орандора, то это был слабовольный Генрих, который порой даже заикаться начинал от волнения. Но Альфонс не был таким. У него был сильный и ровный голос, который хотелось слушать, он смотрел не затравлено, а прямо и спокойно, а в жестах его не было какой-либо поспешности или, напротив, медлительности.

Теперь Альфонс выглядит самым настоящим королём. И он даже почти умеет говорить по алменски. Теодор учит короля этому. И хочет после того, как Его Величество овладеет алменским языком, приступить к изучению кайеримского. Янжина смотрит на графа и думает, что тот совсем не ожидал этой встречи с Его Величеством. Впрочем, вполне возможно, он не ожидал того, что кто-то откликнется на его слова.

Гартон Рэйн сидит рядом с королём, а Теодор Траонт стоит у окна и тихо смеётся. И если светло-серые глаза Гартона смотрят прямо на графа, смотрят сурово и строго, то тёмные глаза Теодора смотрят куда-то в окно. И сам Траонт едва сдерживается от того, чтобы не захохотать в голос. Янжина не понимает его веселья. Она, вообще, вряд ли что-то может понять. Потому и старается ловить каждое слово, что произносится в этом зале. Поэтому и старается ничего не пропустить.

— Я не хотел ничего дурного, Ваше Величество, — говорит Варан несколько смущённо. — Я просто говорил то, что видят мои глаза и... Я не думал, что...

Он замолкает. Янжине думается, что голос его кажется ей не таким неприятным, как она представляла раньше. Ей даже становится жаль графа — он кажется ей почти потерянным, почти напуганным... Янжина старается не особенно думать об этом — всё же, пусть Ал и был в чём-то жесток или строг, он изо всех сил старался оставаться справедливым.

Янжина Арон чувствует себя самой необразованной из всех, кто находится в этом зале. Пожалуй, так и есть на самом деле — герцоги получили лучшее образование, на которое только можно рассчитывать, граф тоже умел и знал достаточно много, а король учился на Земле. И пусть он не знал историю и древних языков, он быстро учился и знал много такого, о чём в Осмальерде даже не догадывались.

А Янжина? Она была графиней Арон, это да, но... Много ли она от этого знала и умела? Да, с одной стороны — побольше многих других девушек из знатных семейств. С другой же стороны — она не умела играть ни на скрипке, ни на фортепиано, её голос совершенно не звучал, когда она пыталась петь... Зато она умела неплохо танцевать. Но что это её умение стоит? Отец многому научил её, но этого было недостаточно. И пусть она прекрасно ездит верхом, пусть немного умеет фехтовать и знает основы других наук, этого совершенно недостаточно для того положения, которое она теперь занимает.

— Вы ничего не думали, граф Варан! — строго говорит герцог Рэйн. — Вы безответственный и недалёкий человек! Думаете, ваших выступлений на площади достаточно для того, чтобы все беды, о которых вы говорили, исчезли сами собой?

Голос Гартона Рэйна звенит своим холодом. Янжине думается, что она до сих пор не может привыкнуть к этой привычке герцога — к этим громогласным восклицаниям, когда он сердится. Вообще, герцог Рэйнский кажется ей очень тяжёлым человеком. Порой даже — невыносимым. Но из всех великих герцогских домов он один действительно приехал тогда, когда Ал приглашал их всех. Не считая, конечно, герцогини Джулии Траонт, но то было совсем другое.

Гартон Рэйн — суровый человек. И непоколебимый. У него были определённые принципы, отступать от которых он был не намерен. И никто его не мог переубедить, если он утверждался в какой-то мысли. И всё же, Янжина с удивлением думает об этом, он извинился. Извинился тогда, когда понял, что не является правым. И он не боялся быть неправым. Но сейчас ей почти жаль Варана. Потому что в этом случае герцог Рэйнский вряд ли поменяет своё мнение.

Усмешка Теодора подсказывает Янжине, что графу не стоит ждать ничего хорошего в данный день. Траонт ничего не говорит, но Янжина Арон знает, что если скажет, в его голосе не будет того холода, что присущ Гартону Рэйнскому. В голосе Теодора Траонта будет слышаться яд. Теодор совсем другой. Он более живой, более смешливый, но и более жестокий. Одни боги знают, что может прийти ему в голову.

— Надеюсь, вы, граф, знаете пути решения тех проблем, о которых говорите? — спрашивает король. — Мало заметить проблему. Нужно понять, как она решается.

Ал пытался решить все те проблемы, о которых Варан говорил. Пытался. Янжина прекрасно знает это — король порой несколько ночей подряд не спал, чтобы разработать хороший, эффективный план действий. И девушке думается, что куда легче убеждать толпу в том, что это проблема существует, нежели попытаться её решить.

Но Янжина ничего не говорит. Она продолжает молчать, как молчала сегодня весь день.

Она не слишком хорошо понимает в том, о чём говорят в данный момент. Она бы куда лучше поняла, если бы дело шло о том плане, который Альфонс разрабатывал. И она совсем пугается в тех словах, которые произносит граф Варан, чтобы объясниться. И уж тем более — в тех, которыми герцог Рэйнский графу возражает.

Комментарий к II. Глава сорок четвёртая. Раскаяние.

Зоя Ященко и группа “Белая Гвардия” — Черта

===== II. Глава сорок пятая. Прощальный вальс. =====

Легенда забыта старинная та,
Ведь страшный урок забывают всегда.
Любовь несовместное соединяет,
Любовь открывает любые врата.
Однажды волшебник, служивший луне,
Прекрасную деву увидел во сне.
Она обещала любить его вечно,
Она умоляла: «Приди же ко мне!»
Забыв, что за гранью скрывается враг,
Идет на закланье влюбленный дурак.
Но вместо восторга возвышенной страсти,
Его поглотил торжествующий мрак.
Думал он познать вечное блаженство
И открыл врата. Это было глупо.
Что же было дальше, знаем мы с детства -
Черная луна поглотила утро!
Поэты говорят, что мир спасется любовью.
Но нам с тобой иной пример известен пока.
Мир, залитый кровью, сожженный войной,
Из-за любви дурака.
Заклятье надежное маги нашли,
Но мелочь одну мудрецы не учли.
Пока существуют прекрасные девы,
Нет силы на свете опасней любви.
Я деву увлек, чтоб врата отпереть
И ей, а не мне предстоит умереть.
Я с ней предпочел поменяться ролями,
Поскольку к несчастью любовь — это смерть.
Да я полюбил! Я не отрицаю.
Но моя любовь — это только средство!
Ты была полезна, теперь мешаешь.

Мне придется вырвать тебя из сердца.

Поэты говорят, что мир спасется любовью

Но нас с тобой иная встретит судьба.

За право быть богом, расплата любовью -

Цена невысока.

Должно быть, жизнь слишком хороша, чтобы отдавать её взамен на что-либо. На власть ли, на любовь ли — всё равно. Жизнь сама по себе стоит жизни, каждого из мгновений. Даже если в ней нет ничего, кроме этих мгновений. Не стоит гнаться за тем, что всё равно не будет принадлежать тебе в полной мере. Какая разница — попытался ты это сделать или нет? Не лучше ли насладиться каждым миготом в полной мере — не обращая внимания на все эти пустяки?

Должно же в этой жизни быть хоть что-нибудь, что не пытается читать мораль! Что-нибудь такое, что не пыталось бы что-то изменить, что-то переделать... В конце концов, в жизни должно быть место наслаждениям, а не только той скучной рутине, которую многие почему-то считают необходимой. Если бы это было правдой на самом деле, ни у кого и мысли бы не возникло путешествовать, открывать что-то новое...

Мария просыпается тогда, когда они с Драхомиром уже почти на месте. Впрочем, назвать это пробуждением весьма трудно — она словно приходит в себя. Как-то слишком внезапно это всё происходит. Девчонка недоуменно смотрит на демона, что сидит напротив. А потом заходится смехом. Ни Мердофа, ни Ратмира рядом нет, но это Марию несколько не волнует — напротив, ей бы совершенно не хотелось, чтобы кто-нибудь из этих двоих сейчас оказался неподалёку от неё. Видеть страх на лице Айтеча и непонимание на лице демона было бы просто ужасно! Нет, Марии это зрелище представляется даже забавным, но отчего-то ей совершенно не хочется хохотать сейчас. И дело вовсе не в том, что вскорости Фаррел может лишиться своей жизни. В конце концов, разве в первый раз Мария думает, что дела обстоят так прискорбно? В конце концов, разве не приходилось Алу выручать её и из более опасных ситуаций?

Только вот Ала рядом нет. Не сказать, что Фаррел так уж сильно разочарована данным фактом — Альфонсу всегда следовало заниматься более важными делами, нежели общение со слишком навязчивой соседской девчонкой. Браун стал — или станет в скором будущем — просто замечательным королём. У него для этого есть всё, кроме опыта, пожалуй — смекалка, храбрость, сила воли, куда более серьёзный, чем у Марии, характер. Так что... Ал достоин быть королём. И это просто замечательно, что из-за исчезновения тогда из Орандора Маришки так всё сложилось. Альфонс заслуживал самого лучшего, что может предоставить ему судьба — короны, власти, а в дальнейшем, любящей жены и кучи ребятишек. На что он мог рассчитывать, слоняясь по мирам с чокнутой девчонкой! На что он может рассчитывать, будучи властителем целого королевства...

Должно быть, стоило поинтересоваться, куда они приехали. Почти полностью заброшенный город, ни одного человека на улицах, даже ни одного животного — это должно было её насторожить. Но, если уж говорить честно, Марии совершенно плевать, где они сейчас находятся. Должно быть, стоило испугаться, постараться убедить Драхомира в том, что она хорошая, что может быть ему полезна... Что может вылечить. Мария совершенно точно уверена, что Мир тяжело болен. И, быть может, она знает что-то такое, что могло бы ему помочь. Должно быть, стоило постараться его перехитрить — незаметно улизнуть и куда-нибудь сбежать. Например, к Хоффману. Граф достаточно хитёр, чтобы придумать что-

либо, что могло бы спасти Маришку Фаррел от разгневанного Драхомира. Должно быть, стоило попробовать убить демона и, опять-таки, попытаться сбежать. Ратмир однажды сказал, что сердце у демонов находится чуточку правее, чем у людей — в самом центре груди. И у Марии Фаррел рядом лежит заговорённый кинжал — подарок всё того же Ратмира, который из-за чего-то слишком за неё переживает. Стоит только взять кинжал и ударить Драхомира им прямо в грудь, когда тот снова заглядится в окно с самым скорбным видом, который можно ожидать от такого типа, как он. Должно быть, Избранная так бы и сделала. Но Мария была совершенно не такой. И дело тут было совершенно не в доброте или в трусости. Если подумать, Маришка вполне бы могла схватить кинжал и ударить Драхомира. И она не особенно-то боялась, что он внезапно это поймёт и как-либо помешает ей. Конечно, возможно, есть какие-то нюансы в обращении с демонами, но... Если уж Марии хочется отомстить или что-то в этом роде — не лучше ли оставить Драхомира доживать? Мир слишком измучен, чтобы радоваться хоть чему-нибудь. Жизнь для него уже давно стала проклятьем. Пожалуй, именно поэтому убивать Драхомира каким-либо способом Фаррел совершенно не хочется. Она не Ал. Она не считает смерть самым страшным наказанием.

Драхомир довольно грубо хватает Марию за руку и буквально выволакивает её из... того транспорта, на котором они сюда приехали. Маришка с удовольствием ухмыляется той мысли, что Роза, если бы она оказалась на её месте, уже давно разревелась бы, а соседская девчонка Рейчел покрыла бы Мира таким бурным потоком нелитературной речи, что демон бы просто растерялся. Но Фаррел спокойно смотрит на Мира и так же спокойно идёт за ним. В конце концов, глупо же бояться, если что-нибудь уже давно решил. Тот смотрит на неё некоторое время, а потом всё же начинает куда-то вести. Быстро. Словно они куда-то очень сильно торопятся. А ещё Мария чувствует, как дрожат пальцы Драхомира. И почему-то ей становится не по себе от этого.

Полуразрушенное здание, мимо которого они проходят в такой спешке, — возможно, там некогда находился театр или концертный зал, — не кажется слишком древним. Фаррелл с огромным удовольствием посидела бы там часок — должно быть, это могло бы пробудить целый ворох воспоминаний, из тех, что подарил ей Ратмир.

И это не на Земле, думается Марии — небо здесь совсем странное. И воздух — девушка совершенно точно чувствует, что воздух здесь совсем другой. Ей интересно, что это за место, но почему-то она не спрашивает об этом Драхомира — тот кажется ей слишком погруженным в собственные мысли. Маришке думается, что Мир ей даже не ответит сейчас, если она его о чём-то спросит.

Они поднимаются по лестнице. Поднимаются долго, если быть честным. Марии даже хочется ударить Мира по ноге или по руке, чтобы тот шёл помедленнее. Я устала — эти слова ей произнести хочется больше всего на свете. Но Фаррел молчит. Не произносит ни слова, пока они идут. В конце концов, ей самой лучше будет подумать над тем, что она будет делать дальше. В конце концов, спрашивать что-либо теперь уже просто глупо — всё равно они уже на месте. Так какая же разница, куда именно они приехали?

Останавливаются они уже на крыше. Мария обессиленно опирается на одно из ограждений. Драхомир остаётся стоять. Он словно совсем не утомлён этим долгим подъёмом, а ещё... Перемещением сюда. Фаррел только сейчас понимает, что это именно то, из-за чего она себя в данный момент чувствует такой уставшей. Марии хочется поговорить. И рядом нет никого, кроме Мира. И этот демон до сих пор держит её за руку. И

Мария совершенно уверена, что если она доживёт до завтра, у неё будут синяки.

— Драхомир, скажи — из-за чего ты такой хмурый? — как-то лениво протягивает Фаррел.

Безумный блеск этих глаз должен был отпугнуть её. Любого нормального человека это отпугнуло бы. Мир смотрит так, как, должно быть, смотрел бы раненный зверь. Ему больно, ему страшно, он чувствует себя абсолютно беспомощным, но ни за что на свете не признается самому себе в этом. Драхомир смотрит на неё слишком тяжело и зло. Но в этой злости больше того отчаянного, болезненного раздражения, нежели презрения или ненависти конкретно к ней.

Ему страшно больно. И поэтому он ненавидит всех на свете.

Но Мария совершенно не боится. Должно быть, она и в самом деле сумасшедшая — в конце концов, не зря же её столько лет водили по психиатрам. Ей забавно наблюдать за ним — забавно смотреть в его глаза, в которых слишком много боли для человека. И как он ещё не свихнулся? Впрочем, Фаррел смешно. Смешно... И она не чувствует ровным счётом никакой жалости к этому изломавшему самого себя демону.

— Не твоё собачье дело! — шипит на неё Мир, всё так же не выпуская её запястья.

Он почти до боли сжимает её руку. И Мария обязательно закричала бы, попыталась вырваться, но почему-то ей хочется скорее смеяться над ним, чем сердиться, вырваться и шипеть. Но она лишь беззвучно смеётся, глядя ему прямо в глаза. И Драхомир отталкивает её от себя.

Когда демон отпускает её Мария заходится смехом и начинает кружиться по крыше, словно ничего плохого с ней не происходит. Фаррел не боится его, совсем не боится, абсолютно не боится — и ей хочется показать ему это. Ей весело, смешно, интересно... Ей хочется улыбаться и... танцевать. Ал немного учил её танцевать вальс. И Мария хватает Драхомира за руку и заставляет сделать пару кругов. Ей смешно. Смешно от того, насколько жалким кажется ей демон сейчас. Про себя Мария старается не сбиться со счёта — танцует она прескверно. Когда она на секунду останавливается, Драхомир тут же отходит от неё. И Фаррел совершенно странно видеть его ссутуленную спину.

— У тебя ведь есть какая-то тайна, правда, Мир? — смеётся девчонка, совершенно не думая о том, как среагирует её собеседник. — Или не тайна... Что-нибудь, из-за чего ты на самом деле такой бука!

Драхомир со вздохом садится на один из старых деревянных ящиков, что находятся здесь, и достаёт из кармана сигарету. Он выглядит слишком подавленным. И если бы Мария была бы хоть сколько-нибудь более тактичной, она ни за что не пыталась его разговорить сейчас. Но... Когда Фаррел от её любопытства или желаний удерживало состояние другого человека? Когда ей было дело до того, больно ли кому-нибудь?

Ал всегда говорил ей, что она, по сути, сама бесчувственная девчонка, которую можно вообразить. И самая бессовестная. И Мария не может с ним не согласиться в этом — Ал достаточно долго с ней общался, чтобы иметь право говорить всё, что угодно. Так что... Обижаться не приходилось. Но Драхомир был совсем другим человеком. В отличие от Альфонса, он не был так терпелив. В отличие от Ала, он не был так близок Марии, чтобы быть привычным к её манере поведения.

— Да сколько можно курить! Ты так себе лёгкие посадишь! — театрально важно говорит Мария, подходя к демону. — А можешь дать мне сигаретку тоже?

Драхомир немного холодно усмехается, но сигарету не протягивает, всем своим видом

говоря, что Мария ещё слишком маленькая. Это первое, что он говорит ей нормально — не пытаясь её оттолкнуть от себя. Это первое, что он говорит скорее насмешливо, чем раздражённо. И по правде говоря, Мария считает это успехов. Пожалуй, ей бы хотелось узнать, что он из себя представляет прежде, чем он её убьёт.

Фаррел улыбается, видя под его ожогом на руке старый шрам. Она не сумела заметить его раньше. Должно быть, Джулия Траонт — та темноволосая колдунья — захотела бы излечить Мира от этого. Должно быть, у неё даже получилось бы это. Впрочем, Мария не может знать наверняка. Она может только предположить. Должно быть, Роза бы даже не заметила этого шрама, будучи слишком напуганной, чтобы что-либо замечать. Должно быть, Хельга Кошендблат всплеснула бы руками, но боясь навредить, ничего бы не сделала. Ал всегда говорил Марии, что не заметить что-то, бояться навредить или просто равнодушно смотреть — разные вещи.

— Расскажи, Мир, — требовательно говорит она. — Расскажи.

Девушка присаживается напротив Драхомира. Тот смотрит на неё раздражённо, но ничего не произносит. Сколько проходит времени, пока они так сидят, Мария Фаррел не в курсе. Впрочем, о времени ли сейчас думать? По правде говоря, о времени Мария думала только тогда, когда сидела на неинтересном уроке в школе. Но сейчас... Сейчас ей слишком интересно, чтобы думать о времени.

Она с любопытством разглядывает его. Отчего-то ей очень интересно понять, кто же он такой на самом деле. Разглядывает ожоги на его руках, красные, а местами бурые волосы, синие глаза и... Мария с каким-то удивлением смотрит на его светлые брови. Девчонке хочется подойти к Миру ближе и коснуться пальцами его волос. Потрогать их и посмотреть поближе. Ей отчего-то ужасно любопытно, что она увидит, если это сделает. И почти смешно. Самое забавное, что Драхомир наверняка ничего не расскажет ей, как она его не проси.

— Её звали Деифилия...

Эти слова врываются в тишину стоном, грустной песней, что срывается с уст. Это имя произносится демоном с таким трепетом, что невольно хочется улыбнуться. Должно быть, эта девушка действительно была дорога Драхомиру. Мария ловит его полный отчаяния взгляд. И ей почти хочется обнять его и сказать какую-нибудь глупость, чтобы он не смел так жалобно на неё смотреть.

Драхомир оказывается на редкость разговорчивым. И скоро Мария знает почти всё о той девушке. Знает, что Деифилия родилась в знатной оборотничьей семье на окраине Ферин-Тервелла, что была вторым ребёнком из шести, что помимо неё в семье оборотней было три девочки и два мальчика, один из которых, Асбьёрн, вошёл в историю как один из самых жестоких Отступников. Драхомир рассказывает о том, что Деифилия была очень терпелива и начитанна, что куда больше его понимала в проклятьях и законах, что, когда улыбалась, на левой щеке у неё была ямочка, а на правой не было, что в той нищете, в которой жил Сонм, Деифилия всегда находила время для того, чтобы постирать и заштопать какую-либо одежду — просто потому, что ей было неприятно ходить в том тряпье, в котором спокойно ходили Танатос, Йохан и Хелен... Мир рассказывает о том, как хорошо она танцевала... И как сам Драхомир злился, если танцевала с кем-то помимо него. И о том, что Деифилия едва могла выносить Киндеирна, а тот её...

А Драхомир говорит, говорит... Про какую-то Вирджилисскую цитадель, которой Деифилия так любовалась, о том, что он возил её однажды на Калм, а ещё — на Эннуи. Мир

рассказывает о том, что когда-то он по чистой случайности убил лучшую подругу Деифилии — Нив. И о том, что Асбьёрн тогда взял вину на себя. А так же — что для Деифилии эта потеря была очень тяжела. Слова льются из Драхомира так, словно он никогда не говорил об этом. Ни с кем. В то время, когда для него выговориться было самой настоящей необходимостью.

Драхомир рассказывает о том, что из-за его неосмотрительности в день сражения, их сумели взять в плен. И что в бою убили друг друга Асбьёрн и Абалим — два кровных врага, что некогда были друзьями. И что вероломная прелестница Нохеми была причиной гибели Йохана через несколько лет после того сражения. Драхомир рассказывает о том, что насмешник Хейден предпочёл умереть, вонзив себе кинжал в грудь, а не от голода. О том, что Деифилия умерла, из-за того, что потеряла своего ребёнка там — от кровопотери и боли. А Драхомира не было рядом. Он был в тюрьме. Он никак не мог помочь. Хотя должен был. Должен был любой ценой вырваться, перенестись туда...

А потом Мир начинает говорить о том, что ему нет дороги на Сваард — в замки, что посреди песчаных пустынь. В родные края, где повелевал его отец — могучий Киндеирн, перед которым Драхомир Астарн был безумно виноват. Демон судорожно шепчет, что родной отец никогда не простит его за те прегрешения, которые он совершил. За то, что расколол старый мир на три части, за то, что почти перевернул вселенную... За то, что совершил столько преступлений, что ни один суд его бы не оправдал. За то, что выкрал из подвалов замка Имиштфор Кристалл Жизни и Смерти — самую ценную из всех реликвий Интариофа. И Фаррел думает — насколько сильна была любовь Мира к Деифилии, раз он натворил столько всего?

Ратмир немного рассказывал Марии о той девушке. О Деифилии. Совсем не то, что сейчас говорит ей Драхомир. Лишь какие-то общие сведения — когда родилась, кем была, какие наиболее выдающиеся поступки совершила. Это было совершенно не интересно — как в какой-то летописи или некрологе виз дешёвой газеты.

— Это я был виноват во всём, что тогда случилось, — говорит Драхомир. — Я один и никто больше.

Его голос звучит так глухо, что если бы Мария Фаррел не была Марией Фаррел, она перепугалась бы за него. Или пожалела бы. Джулия Траонт непременно пожалела бы. Она была доброй, эта строгого вида герцогиня. Пусть и не совсем обычной. Но это было, пожалуй, даже лучше. Эта женщина приходилась тётёй матери Марии, но в ней было куда больше молодости, силы... Джулия Траонт совершенно не была похожа на Кассандру Фаррел. И, наверное, поэтому она Марии даже нравилась. Но в любом случае, девчонка не была похожа на эту ведьму. Поэтому Мария просто сидит напротив Драхомира и разглядывает его так, будто видит в первый раз.

Впрочем, таким она его и правда видит впервые. Пожалуй, он всегда казался Марии скорее несчастным, чем пугающим, но именно в данный момент девушка понимает, что это действительно так. И ей думается, что, пожалуй, она никогда в жизни не хотела бы оказаться на его месте.

— А они с тобой в этом были бы согласны — в том, что виноват только ты? — задумчиво произносит Мария. — Я бы разозлилась, если бы мои поступки — даже самые плохие из них — приписывали другому человеку. Потому что это только мои поступки. И никому я их отдавать не собираюсь.

Драхомир улыбается почти робко. Слишком неуверенно. Фаррел считает, что это ему

совершенно не к лицу — эта нерешительность. Впрочем, это совершенно не её дело. Ей думается, что Мердоф мог бы куда меньше переживать, когда они прощались. И Ратмир тоже. Подумаешь — если Драхомир и убьёт её, то... Но Мир совершенно не пытался её убить. До сих пор он не предпринял ни единой попытки.

По правде говоря, демон мог убить её уже давно. Но он чего-то ждал. И зачем-то привёл её сюда — на крышу, — хотя мог найти куда более удобное место для расправы. Про себя Мария судорожно пытается вспомнить, сколько они поднимались в это место. И всё понимает. Почти сразу после того, как успеваешь подсчитать, сколько этажей ей нужно будет лететь вниз, если... В таком случае смерть неминуема. Даже последний дурак понял бы это. А Мария Фаррел считала себя далеко не последней душой.

Что же — Фаррел всегда хотелось узнать, каково это. Каково это — прыгнуть откуда-нибудь и лететь. Лететь... Ей всегда нравилось стоять на краю чего-нибудь высокого и смотреть вниз, представляя себя летящей вниз. Значит, сегодня ей предстоит испытать это на самом деле. Что же — такова судьба. Бывшая принцесса сама не может толком понять, почему этот факт её несколько не пугает.

— Я должна прыгнуть? — спрашивает Мария.

Ответ она уже знает. Мир привёл её сюда для того, чтобы она прыгнула с крыши. Что же... В конце концов, примерно этого Фаррел и ожидала от него, когда соглашалась на сделку, разве нет? Мария с самого начала знала, к чему приведёт её общение с демоном. Так что, винить было некого. Да и не хотелось кого-либо винить. Разве девушке не было интересно то, что предложил ей Мир? Разве не хотелось ей избавиться от проклятой скуки?

Драхомир ожидаемо кивает. И достаёт ещё одну сигарету. Не торопясь. Уверенно. Будто бы это не он несколько минут назад робко улыбался ей. Будто бы не его голос звучал так хрипло и так отчаянно не больше, чем полчаса назад, когда он говорил о Деифилии. Будто бы не он подыгрывал ей, кружась вместе с ней по крыше в танце, отдалённо напоминающем вальс. Впрочем, Мария всё равно этого ожидала.

Сколько метров до земли ей лететь? Девушка подходит к самому краю, чтобы посмотреть. Пожалуй, только такой сумасшедшей дуре, как она, было бы интересно смотреть вниз. Смотреть на крыши других домов — кажется, они находятся на самом высоком здании в этом месте. Но дышится здесь совершенно свободно. Возможно, дело как раз в том, что сейчас они не на Земле. Возможно и такое, что она не умрёт. Или что, напротив, умрёт слишком быстро или слишком медленно. Мария не знает этого мира — ей даже кажется, что это не Осмальерд. Не тот мир, где она некоторое время была. Вполне возможно. Если есть один параллельный мир — почему бы не быть ещё одному? И ещё, и ещё — и так до бесконечности.

— Боишься? — кривятся в холодной усмешке губы Драхомира.

Вид, что открывается ей, завораживает. Восхищает. Слишком уж он прекрасен — поистине прекрасен. Мария в жизни не видела ничего более потрясающего. Это было просто невероятно! Фаррел с удовольствием бы забралась на какую-нибудь столь же высокую башню и раньше, но как-то не сложилось.

— Не дождёшься... — шепчет Мария одними губами. — Можешь не волноваться, Мир. Я прыгну.

Она ещё некоторое время стоит так — любит вид. Драхомир стоит позади Фаррел. Девушка уверена, что если она не сможет решиться прыгнуть — он просто столкнёт её. Не раздумывая долго, она перелезает через ограждение. Так легче. Намного легче. И намного

забавнее. Должно быть, она сошла с ума. Должно быть — уже давно. Но что уж теперь говорить об этом? В голове бьётся мысль только о том, что это, должно быть, ужасно интересно — сейчас шагнуть. И упасть. Разбиться насмерть. И от смерти её не спасёт даже та «избранность», о которой пытался ей рассказать Седрик.

И Мария шагает вперёд. Скорее всего — слишком неожиданно и быстро. Потому что в последний момент ей кажется, что Драхомир пытается ухватиться за её рукав. Но в любом случае — поделаться уже ничего нельзя.

***

Утро проходит совершенно так же, как и обычно. Анна сверлит мужа взглядом и ничего не ест. Словно назло ему. Георг совершенно не понимает, что именно ему стоит сделать для того, чтобы всё снова пошло хорошо. Граф никогда раньше подумать не мог, что его жизнь так изменится. В конце концов, ему совершенно не хотелось, чтобы всё было так. Не хотелось погружаться в эту отвратительную правду жизни, от которой он всегда так стремился убежать. Ему никогда не хотелось становиться таким человеком, каким был его отец, Дэвид. Дэвид Блюменстрост. Георг никогда не хотел быть таким же ужасным мужем, каким был его отец. Но вспоминая свою безвольную слабую мать, её всегда тусклые и безжизненные глаза, её вечно сиплый голос и тёмные волосы сейчас, когда Анна носит под сердцем ребёнка, Георг отчего-то чувствует, что не может осуждать отца за его грубость. Хуже того — он понимает его. Хоффман с ужасом ждёт того момента, когда сумеет до конца понять своего отца. И это вселяет в него такой страх, какого он в жизни никогда не испытывал. Понять Дэвида для Георга означает нечто гораздо более пугающее, нежели смерть. Понять Дэвида — это сойти с ума, отступить от всего, что Георг с таким трудом выстраивал вокруг себя долгие годы. Понять Дэвида — это предать память Мари. И это гораздо хуже, чем смерть или все пытки мира. Предать память той маленькой милой девочки, которая была его сестрой, единственной радостью его жизни! Джордж Блюменстрост даже подумать не мог о таком! Георг Хоффман с ужасом думает, что многие страхи его детства давно сбылись. Но он не может смотреть на Анну с такими же трепетом и любовью, с которыми он когда-то смотрел на Мари, он не может даже смотреть на неё с теми же лаской и теплотой, с которыми он до сих пор смотрит на малышку Юту. Ему постоянно кажется, что тогда он сделал неправильный выбор — следовало предложить стать его женой Монике или Алесии. Должно быть, они были бы несколько другими. Хотя... Чего уж говорить — такому человеку, как Георг Хоффман гораздо правильнее во всех отношениях было бы оставаться холостяком до конца его дней.

Леон сидит рядом с Анной и лениво ковыряется в овсянке, которую подали этим утром по приказу графини Хоффман. По его лицу Георг видит, что тот тоже совершенно не рад тем изменениям, которые произошли в его сестре. Этот безумец и повеса даже не пытается сделать для Анны вид, что его устраивает холодная овсянка, которую совершенно невозможно есть, если ты ел хоть что-нибудь другое в этой жизни. Он не терпит, не делает вид, что всё нормально — нет, Леон кривится от отвращения, зачерпывая эту липкую вязкую массу, которую Анна по недоразумению считает едой. Георг даже усмехается. Что же... Он давно не смеялся. С тех самых пор, как...

Анна встаёт и выходит из-за стола. Она обиженно смотрит на брата, но ничего ему не говорит. Хоффман уверен — несчастный Леон Истнорд получит свою долю упрёков, как только Георг уедет в правительство. Графиня сердится на то, что раньше она спокойно бы приняла. С каждым днём беременности она становится всё более и более раздражительной.

Словно бы это не она ещё несколько месяцев назад была сияющей, полной здоровья женщиной...

Хоффман старается не думать о том, что его приступы снова участились. Что грудь всё чаще болит, что он готов выплюнуть собственные лёгкие... Что тот страшный голос снова звучит в его голове. Он старается не думать, что смерть подступает к нему ближе и ближе. Что с каждым днём шансы проснуться — всё меньше. Он слишком устал, чтобы выслушивать претензии Анны. В конце концов — он, возможно, умрёт через пару месяцев! Разве не имеет он права дожить эти месяцы в полном спокойствии?

— Анна вот-вот родит, так что я не думаю, что в данное время у вас много радостей... как бы сказать... Близости. Так что, граф, я могу вам дать адресок одного заведения в столице! — улыбается Леон. — Знаете, там весьма расслабляющая обстановка и...

Георгу противно даже думать о таком. Он хмурится, вспоминая, что даже его отец не позволял себе такой низости. Леон весь словно сжимается. Ему вспоминается бледное лицо матери, которую он презирал до такой степени, до какой только может сын презирать мать. Ему вспоминается суровое лицо Дэвида, которое до сих пор вызывает в нём дрожь ярости и злости каждый раз, когда всплывает в памяти.

Георгу страшно представить, что когда-нибудь он станет таким же, как его отец. Ему кажется, что он сойдёт с ума, если почувствует, что начинает походить на этого человека. На того, кто своими равнодушием и жестокостью убил малышку Мари. Пусть и... Хоффман тяжело вздыхает и отходит к окну, чтобы отдышаться. Кашель душит его. Должно быть, осталось совсем немного до той поры, когда его тело будет лежать в гробу. В красивом, должно быть, гробу — таком же, в каком лежала Алесия.

— Я умоляю вас, Леон, избавьте меня от подробностей! — кривится граф. — Уверяю вас — я не имею ни малейшего желания это знать.

Георгу противно даже слушать то, что говорит этот несчастный Истнорд. Но отчего-то он смеётся. Не потому ли, что теперь Леон стал для него тем человеком, которому можно доверить Анну и не особенно мучиться из-за постоянно пробуждающейся совести? Не потому ли, что теперь Георг Хоффман мог куда больше времени проводить в правительстве и на своём заводе, а не рядом с Анной? Она стала такой капризной, такой болезненно обидчивой сейчас, что находиться рядом с ней для графа кажется просто невыносимым. Когда Мари болела, она была совсем другой. Она покорно переносила всё. Пусть и плакала слишком часто. Георг не привык слишком много говорить о своих чувствах. Ему всегда проще было что-то сделать...

Но Анна хотела, чтобы он ещё и говорил. Говорил постоянно. Каждый день, каждое утро, каждую ночь — постоянно. Она требовала от него то, что он вряд ли хоть кому-нибудь мог предложить. И Хоффмана это жутко раздражало, пусть он и пытался не показывать вида, дабы не обидеть её. В конце концов, он имеет право на отдых. Имеет право не находиться ежесекундно рядом с женой — он провёл рядом с ней целых три дня, но теперь он просто обязан возвращаться в столицу.

Перед тем, как вскочить в карету, Хоффман сухо прощается с женой, чуть более тепло — с её братом. Он старается не слишком много думать о том, что Анна уже давно стала противна ему до глубины души. Потому что это просто отвратительно — признаться себе в таком. Потому что умом Георг понимает — Анна ни в чём не виновата. Потому что поведение графини объяснимо — она ждёт ребёнка, она слишком напугана, чтобы рассуждать здраво. Разве можно было сердиться на неё за те маленькие капризы, которые

Хоффману каждый день приходилось выполнять? Но он так устал... Ему так плохо, что выслушивать её требования совершенно не хочется. Георг даже думает, что пригласить в поместье одну из сестёр Анны — не такая уж плохая мысль, как казалось ему в самом начале её беременности.

Хочется думать о чём-нибудь более приятном.

Исчезновение Делюжана всех застаёт врасплох. Вряд ли кто мог ожидать, что случится нечто подобное. Министр всегда был до ужаса пунктуален и строг — он не опаздывал ни на минуту. Никогда. Ни при каких обстоятельствах. Реверд говорил как-то, что даже смерть жены и детей не заставила его опоздать. Что даже тогда, когда Делюжан тяжело болел, он просыпался всё в то же время и дома начинал заниматься делами в тот час, когда обычно приходил на работу.

Георг доезжает до столицы в полудрёме — этой ночью ему так и не удалось заснуть из-за той сцены, что закатила ему Анна. И уже там выскакивает из кареты и вбегает в здание, где обычно работал Денеб Делюжан. Вбегает по мраморной лестнице, покрытой ковром, не замечая служанку, которую, кажется, если Георгу не изменяет память, Алесия называла Элодией. По имени персонажа из детской сказки.

Георг почти бежит по коридору, ведущему в кабинет, так же торопливо открывает дверь кабинета — ему просто необходимо взять здесь некоторые бумаги. Граф врывается в кабинет, быстрым шагом подходит к сейфу и набирает пароль. Три пароля — для трёх дверей, за которыми хранятся бумаги. «ЯковД». «6Июль». «10204». Те ценные бумаги, за которыми граф пришёл сюда, хранятся на месте. Хоффман берёт их и кладёт на стол, а потом закрывает сейф. Стук в дверь отвлекает его. Граф едва успевает спрятать документы в один из ящиков стола.

— Проходите, — говорит Георг немного взволнованно. — Проходите!

Дверь открывается и в кабинет несколько неуверенно проскальзывает человек. Человек, которого он видит перед собой, худ и бледен. Он кажется измождённым. Возможно, он даже болен. Той же болезнью, которой болен сам Хоффман. Но этот человек явно беден и вряд ли имеет те же возможности для лечения и поддержания здоровья, как и Георг. Но в этом человеке что-то не так. Помимо здоровья.

Должно быть, это глаза — словно бы воспалённые, смотрящие слишком цепко, слишком уверенно. Не так, как должен смотреть человек такого вида. Слишком уж решительно. Хоффман почти съёживается от нехорошего предчувствия. Надо было остаться сегодня в своём кабинете! Бумаги бы подождали...

А человек молчит. Стоит прямо напротив Георга и молчит. И смотрит. Нет — сверлит взглядом. И Хоффман уверен, не работай он до этого столько лет на старого пройдоху, его охватила бы паника. Слишком уж очевидно недобрые намерения у этого человека. А ещё — Георг отчего-то уверен, что однажды уже видел это лицо. Только вот — где? Где он видел эти глаза? Ведь видел же...

— Для чего вы пришли, сударь? — спрашивает граф, стараясь выглядеть как можно более спокойным.

Человек молчит. Словно пытается прожечь его взглядом. Хоффман тоже старается молчать. И наблюдать — за каждым действием, за каждым движением рук или ног, за каждой ужимкой на словно каменном лице. Этот человек словно бы изваяние, а не живое существо — на его лице не отражается ни единой эмоции. Ни единого волнения. Георгу даже кажется, что этот мужчина даже не мигает.

Это графа почти пугает. Пусть он и старается видом этого никак не подать. Но такое впечатление, что этому человеку совершенно безразлично, как ведёт себя граф. Такое впечатление, что незнакомец даже не видит Георга Хоффмана, хотя стоит прямо перед ним — в каких-то пяти шагах.

— Я позову охрану, сударь! — как-то не совсем уверенно говорит граф. — Уходите отсюда! Немедленно!

Мужчина не вздрагивает. Он даже не даёт своим видом как-либо понять, что слышал слова графа. Незванный гость смотрит на Хоффмана слишком пристально, чтобы он не сумел заметить какой-то стеклянности его взгляда. Георг приглушённо охает, когда видит револьвер в руках этого человека.

Выстрел раздаётся слишком внезапно. Георг Хоффман даже не сразу успевает понять, что алое пятно расплывается по его мундиру. Граф отшатывается от этого мужчины и старается опереться на что-то рукой. Уже запоздало он вспоминает, что этого человека зовут Джек, что он работал при Делюжане кем-то вроде секретаря.

Хоффман всеми силами старается дотянуться до звонка, чтобы в кабинет вошёл хоть кто-нибудь, но Джек подходит к нему и отпихивает куда-то в сторону. Граф почти шипит от боли сквозь зубы. Он зажимает рану рукой и медленно оседает на пол, всё время думая о том, что только такой идиот, каким он был, мог забыть револьвер дома, когда собирался ехать в столицу. Георг старается сесть как можно удобнее, чтобы пулю потом проще было вытащить. Всё же, граф Хоффман никогда не думал, что умрёт он вот так — на полу в кабинете своего начальника. Возможно — уже давно мёртвого начальника.

Перед тем, как потерять сознание, он видит, что Джек перерывает ящики стола Делюжана, а потом находит те самые документы, хватает их и стреляет в Хоффмана ещё раз перед тем, как выйти из комнаты.

***

Должно быть, падает она с удивительной скоростью. Мария готова поклясться, что успевает видеть отдельные потоки воздуха. Дышать слишком трудно, так что Фаррел изо всех сил старается вдыхать как можно реже. Но задерживать дыхание получается тоже с трудом. Она падает слишком быстро. И девушка уверена, что испытывает она совсем не то, что испытывала бы, прыгая с парашютом.

Должно быть, ей стоит испугаться — вот-вот её жизнь завершится, так толком и не начавшись, если уж хорошенько подумать. Но Мария не боится. Ей смешно. Ей хочется хохотать. Хохотать от того переполняющего душу восторга — она ведь летит. Пусть и жизнь оборвётся через пару секунд. Просто падать — такая скука, что девушка старается думать о том, что ей сегодня рассказали. Думать о Деифилии, Асбьёрне, Киндеирне — о тех, кто жил когда-то давно до неё. Думать о Ратмире. И о Хоффмане, для которого она должна была найти некоторые артефакты. И о Кристалле Жизни и Смерти, который был украден Драхомиром. Что это была за вещь? Какой силой она обладала, что её так берегли? И почему Мир так сильно сожалеет о том, что сделал это?

Фаррел слышит какие-то голоса в своей голове, говорящие ей о вечности. И о безумии. Но она старается не слишком их слушать — какая ей разница до всего этого, если она уже двумя ногами в могиле. Если, конечно, это не какая-нибудь иллюзия от Драхомира, в чём девушка очень сомневается.

Ну не похож Мир на человека, балующегося всем этим — человека вроде Паула. По Драхомиру сразу видно — демон он весьма серьёзный. Это вам не Ратмир, от которого, если

что, можно хотя бы сбежать. Драхомир, должно быть, куда более мстителен. И куда более силён, что просто нельзя не учитывать. Если ты, конечно, не достиг уровня хотя бы вполовину меньшего, чем Мир. Мария с удивлением обнаруживает, что думает она, должно быть, уже слишком долго — ей бы уже где-то с минуту, как упасть. Шмякнуться и разбиться. Уже давно. Если тут, конечно, сила тяжести такая же, как и на Земле. Но... Даже если не такая — не настолько же, чтобы Мария падала минут пять или шесть? Здания здесь не такие высокие для этого.

Девушка едва понимает, почему уже так долго не падает на землю. Она старается присмотреться и понимает, что пейзаж не движется. Нисколько не движется. И движения воздуха больше нет. Фаррел старается оглядеться вокруг себя. Всё тоже самое. Картинка не движется. Будто бы застыла во времени. Сначала, бывшая принцесса на это и думает, пока не видит, как качаются ветви дерева, единственного дерева, что здесь есть.

Мария осознаёт, что зависла в воздухе. Она и сама не может понять — из-за чего оказывается буквально в двух метрах от земли. Ей смешно от этого — знал ли о том, что она вот так зависнет, Драхомир? И если не знал — заставил бы её прыгнуть, если бы знал? И... Что это вообще такое?

Висит в воздухе она не слишком долго — через несколько минут Фаррел падает прямо на землю под громкий хохот Мира, когда она говорит, что не прочь так прыгнуть ещё разок-другой.

Комментарий к II. Глава сорок пятая. Прощальный вальс.

Айрэ и Саруман — Легенда чародея

Статус фанфика — временно закончен. Почему временно — потому что будут ещё главы. Почему закончен — потому что завершена вторая смысловая часть.

===== Бонусная глава. Пепелище под Реанартом. =====

Нет ничего слаще триумфа! Слаще и приятнее этого головокружительного, блестящего успеха, этих минут всепоглощающего восторга! Нет ничего прекраснее этого пьянящего чувства победы, чувства собственного превосходства... Этого осознания того, что никто не может помешать... Триумф — эта торжественная победа... Как же здорово бы было хоть раз в жизни испытать это чувство.

Киндеирн Астарн, должно быть, понимал это куда лучше многих. Уж кому, а ему точно было знакомо это леденящее восторгом душу чувство. Сколько побед он одержал за свою жизнь — Асбьёрну, пожалуй, это даже представить трудно. Впрочем, Бьёрну всего лишь восемнадцать, а Киндеирн почти старик даже по меркам демонов, которым является. Кто знает — если бы оборотню удалось прожить столько же, сколько родоначальнику Астарнов, возможно, он совершил бы не меньше. Но Асбьёрн не уверен, что доживёт хотя бы до тридцати. Впрочем, он порой — с их-то весёлой оравой — не уверен, что до завтрашнего дня сумеет дожить. И не сказать, что он никогда не бывает виноват в своих волнениях на этот счёт. Напротив — Асбьёрн как раз из той породы людей, что умеет нарываться на всяческие неприятности и с радостью перекладывать их на головы своих товарищей. И да, товарищи его были из той же породы людей, так что стыдиться этого своего недостатка — о том, что это качество именно недостаток, твердила сестра Бьёрна, Деифилия — было просто бессмысленно. Если Дее что-то не нравится, она всегда может выбрать ту, другую жизнь — их тётка выжила после всей той кровавой резни, учинённой трусливыми людьми. Деифилия хочет чести, долга, праведной жизни? Ну что же... Туда ей и дорога... Хелен хочет мести. Кровавой и жестокой — за все те унижения и страх, которые были ей испытаны. Йохан

хочет быть в центре событий — не для славы, не для почестей, не для мести, а чтобы записать каждое из произошедших деяний. Саргон хочет дружбы. Хочет быть кому-то нужным, необходимым. И, пожалуй, ему это удаётся — он достаточно хорошо образован и много знает. Асбьёрн же хочет славы. Славы и доблести. Больше ничего его душе не нужно...

Впрочем, размышлять о триумфе, славе и ужасе, охватывающем всех честных — и не очень — феодалов, горожан и деревенских, просыпаясь от холода на мокрой траве, накрытым только собственным плащом, глупо. Тут уж скорее следует думать о том, как бы развести костёр пожарче и поджарить на нём какую-нибудь украденную вчера у кого-нибудь из деревенских курицу. И почему вчера вечером нельзя было развести костёр? Нет, понятно, что всем было лень сходить в лес за хворостом, да и слишком темно было, но... В конце концов, у Йохана существуют вещи, которые вполне можно сжечь, пусть тот и постоянно говорит о некой «культурной ценности» этих своих песенок и легенд, написанных на бумаге. Ну и пусть Йохан и Дея в один голос твердят, что это всё важно — разве важно оно будет, если кто-то из их шайки замёрзнет ночью насмерть? Лилит как-то шутила про это. И Бьёрн с ней, пожалуй, согласен.

Как это было уже не раз, их шайка остановилась в чистом поле. Далеко от замков и деревень. Там, где их никто не мог потревожить. Здесь было холодно. Почему нельзя было найти какой-нибудь заброшенный домик — как это было на севере. И поле было ещё не самым плохим вариантом — однажды пришлось останавливаться на болотах, и Танатос едва не утонул. А ещё хуже было тогда, когда они случайно остановились в лесу как раз в тот самый момент, когда местный князь затеял там охоту на кабана. Бедное животное! Асбьёрн еле успел остановить княжеского отпрыска от убийства этого самого кабана! А Драхомир тогда ещё оттащил его за уши! И где же здесь справедливость? Асбьёрн спас невинное животное, пусть и ценой жизни этого несчастного князька, а за это Мир ему ещё и наподдал, пусть и не рассказал ничего Деифилии. О... Та сильно рассердилась бы на него, узнай она об этом случае. Всё же, хорошо, что Драхомир никогда не выдавал его — что бы ни случилось. Даже если это было то, за что потом сильнее всего доставалось именно Миру. Он не говорил ничего. Молчал. Делал вид, что ничего не произошло, что ничего не знает. Хотя знал.

Впрочем, не в том ли было дело, что и сам Драхомир вполне был с этим согласен? Танатосу всегда и на всё было плевать, но Мир был совсем другим. Если от Хейдена можно было ждать всё, что угодно, то от Деифилии ожидать всегда приходилось одного и того же. И опять схлопотать от Мира за пару синяков и ссадину на скуле Деи Асбьёрн совершенно не хочет. И Драхомир тоже не хочет, чтобы разозлившийся Бьёрн снова ударил сестру, когда она снова начнёт пытаться его наказать.

Здесь неподалёку находится лес, а где-то в лесу расположена известная многим Вирджилисская цитадель — прекрасная крепость, в которой живёт некий князь со своим многочисленным семейством, из которого Асбьёрн знает всего двоих человек, близняшек Абалима и Сабаот. И в крепости тепло и сухо. И всегда много разной еды — Абалим как-то угощал Бьёрна пряниками, и это были совсем другие пряники, нежели те, которые молодому оборотню удавалось до этого попробовать на базаре. Эти пряники были намного мягче, с начинкой из какого-то варенья, покрытые сладким белым слоем, который назывался как-то странно... А ещё, в Вирджилисской цитадели подавали изумительного вкуса блюдо — запечённого гуся с яблоками. И там чай всегда пили с мёдом или с вареньем. Да и вообще — там пили чай, а не какую-то странную водичку из фляжки Драхомира или воду из

ближайшей речки. Конечно, Йохан пару раз приносил вина, а вино пьют везде, даже в Вирджилисской цитадели, но даже вино то было другое. После вина из крепости Асбьёрну не хотелось даже брать в рот ту кислятину, которую приносил им бард.

Абалим был хорошим другом. Честным, преданным, открытым. Он умел быть и весёлым, и серьёзным, не был мрачным или лживым. Драхомира, Танатоса или Йохана Бьёрн знал с детства, все трое были ему дороги, но Абалим был другим. Он выбивался из той жизни, к которой молодой оборотень привык за свою жизнь. Он был совсем другим. И сестра его тоже была совершенно другой.

— Эй! Ратмир, ты же не думаешь, что всё будет так просто? — голос Киара слишком резок, и Бьёрн морщится от него.

Асбьёрн лениво потягивается и переворачивается на другой бок. Не хватало ещё, чтобы кто-то ему мешал. Пусть Бьёрн всё равно не сможет заснуть теперь. Но уж видеть ругающихся Киара и Ратмира — выше его сил. Эти двое... Как кошка с собакой. Никогда не делают ничего полезного другим, а только ссорятся. Впрочем, Танатос тоже ничего полезного кому-либо кроме себя самого не делает. Но он хотя бы честно признаётся, что живёт для себя, для потакания собственным желаниям и достижения всевозможных благ и удовольствий. От чернокнижника никогда не знаешь, что ожидать, но он и сам порой этого не знает. А ещё — он весел. Почти всегда, почти в любое время — он смеётся в лицо этой жизни, потому что понимает, что не слишком уж важно, кто прав, а кто нет. Важно, что именно ты сам думаешь о своём поступке. Или — чего не думаешь. Танатос обычно о своих поступках как раз не думал. И Асбьёрн прекрасно его понимал. Разве это так важно — честь, долг, семья, любовь? Разве настолько важно, чтобы губить самого себя раскаянием и чувством вины? Драхомир думает о большинстве своих действий — много ему это помогает? Напротив — всем хорошо, а он мучается. Мучает самого себя. И это просто глупо. Глупо изводить себя, тогда как всё, что необходимо для хорошей жизни у тебя и так есть — деньги, титул, сила, воинская слава. Что ещё Миру было нужно от этой жизни?

Сегодня был праздник. Вообще, до того, как их компания встретила Драхомира, они и праздников-то почти не отмечали — только те, которые праздновали в деревнях и городах, в которых они останавливались. А теперь... Теперь в году было столько праздников — удивительно, что один только Драхомир знал столько праздников, сколько не знали все остальные.

Хелен заплетает Лилит кучу мелких косичек, и Асбьёрн фыркает от этого зрелища — вот, девчонки! Им всегда нужно что-нибудь придумать. У самой Хелен тоже красуется на голове какой-то странный узел из множества кос. Ох... Деифилия такими глупостями никогда не страдала! И что они постоянно о чём-то перешёптываются? Словно заняться больше нечем, честное слово! Да они этим всем мешают! Ладно, только Бьёрну — думать о славе и доблести. Как тут будешь думать о великом, когда прямо у тебя под носом девчонки расчёсывают свои волосы, плетут косички и сплетничают о всяких глупостях? Впрочем, вряд ли Хелен и Лилит говорили о таких уж глупостях — это Асбьёрн понял, когда однажды их шайка провела целый месяц в замке одного лорда. Вот там местные девицы о таких глупостях говорили, что Бьёрну стыдно было даже слушать их, а слушать пришлось, так как они с этим придурком Танатосом не могли выйти, не обнаружив того, что они воры.

Саргон рассказывает Оллину очередную занимательную историю, из тех, которые он всегда всем рассказывает. Что-то из того, как он жил в Ливенерском замке — на северо-западе Миртавлии. Что-то из того, как он учился — у нормальных наставников, а не у таких

же нищих, которыми были и они, ребята из Сонма. Асбьёрн как-то видел этот замок — Деифилии тогда он очень понравился. Ливенерра — огромный город, который населён множеством разных людей. Он не такой же вор и нищий, как все они здесь — даже Мир казался менее дворянином, хотя именно он из всей их шайки дворянином как раз и являлся. О Деифилии говорить было глупо. Она держала себя, как настоящая княжна, но уж Асбьёрн-то знал, какая она стерва на самом деле. И пусть тот факт, что за его сестрой ухаживает самый настоящий демон, оборотню не нравился, парень понимал, что вряд ли кто-то другой решится ухаживать за Деефилией, какой бы редкостной красавицей и умницей та не была. Вот Бьёрн бы не решился.

Кстати, о демонах и сестрицыных ухажёров. Танатос и Драхомир куда-то словно испарились. Должно быть, снова решили что-то украсть или разнести, или дать знать о всей их шайке какой-нибудь близлежащей деревне (а то и крепости какой). И Асбьёрн был бы этому даже рад, если бы эта парочка позвала в этот поход и его тоже. Правда, для этого пришлось бы встать раньше, но зато можно было бы хоть как-то развлечься — а разве не для этого куда-то выбираются? Впрочем... Возможно, это было даже неплохо, что Танатос и Мир его не разбудили — уж тогда пришлось бы снова выполнять все приказы этого самовлюблённого демона, ухаживающего за сестрой Бьёрна. Хотя... Неизвестно что хуже — слушаться наглого Астарна или валяться на траве и не знать, чем себя занять.

Скука! Ну и почему нельзя было остановиться в деревне? Там бы молодому оборотню ничего не стоило найти себе хоть какое-нибудь занятие. Во всяком случае, можно было бы сходить на базар или на ярмарку. Или, в крайнем случае, занять разговорами какого-нибудь кузнеца, а потом упросить выковать меч или кинжал... А что делать здесь? Тут даже воды нигде нет чистой, чтобы умыться. Что уж говорить о еде? До ближайшей деревни — несколько миль. До ближайшего замка — полтора часа ходьбы по грязному и мокрому лесу. И по болоту, в которое лучше не заходить, если не знаешь мест.

Асбьёрн нехотя встаёт и направляется к Йохану. Тот сейчас перечисляет Изару нужные продукты. О, неужели, сегодня они, наконец, сумеют нормально поесть! Судя по лицу стоящего неподалёку Уенделла — смогут. Если уж даже он изголодался настолько, чтобы согласиться помочь Изару и Калэйру украсть пару куриц, с три десятка яиц и две-три морковки. Обычно их праздничный ужин делается из примерно такого запаса продуктов. Ну... Ещё — то кислое вино, которое добывает Йохан, пара пирогов и хлеб. Не особенно богато, пожалуй. Впрочем, мало кто из них на это жаловался — что было, и то неплохо. Особенно учитывая то, что обычно поесть удавалось либо после выступлений Йохана, либо после выигрышей Драхомира — Танатос своими выигрышами не делился никогда, а отобрать их у него было практически невозможно. Впрочем, выбираться куда-либо с Изаром, Калэйром и Уенделлом категорически не хочется. Опять придётся бегать, прятаться, а то и вообще — драться. Так что, Асбьёрн незаметно отходит подальше от Йохана. Чтобы его не заметили и не заставили работать.

— Сходи в лес, набери сухих веток для костра, пожалуйста, — холодно говорит Дея, не отвлекаясь от шитья, когда он проходит мимо неё, и Бьёрн едва удерживается от презрительной гримасы.

В её руках — какая-то странная ярко-синяя юбка, которая кажется Асбьёрну ужасно смешной. Эту юбку Деифилия зачем-то расшивает мелким бисером, купленным, кажется, недели две назад на последней из ярмарок, которые они посетили. А рядом лежат ещё какие-то ткани. И обе ужасно броские и яркие на взгляд Асбьёрна. Впрочем, кто поймёт этих

девчонок? Впрочем, Деифилия всегда пеклась о том, чтобы их шайка выглядела «прилично». Хоть Драхомир и Танатос её никогда в этом не давались, а у Йохана был «сценический образ», согласно которому перед всеми он предстал в виде почти что оборванца. Остальных Деифилия одевала в те вещи, которые шила сама.

И всё же, при виде сестры Асбьёрн едва удерживается от того, чтобы наругать её. Хотя, пожалуй, его ничто не должно останавливать сейчас — Мир невесть где, вернётся под вечер, немного раненный, немного уставший, да и сестра себе никогда не позволит жаловаться. Гордынька не позволит! Нашлась, блин, княжна... Липовая. Хелен вон дочь какого-то ужасно важного жреца, но никогда не позволяет себе кем-либо командовать, а Деифилия... Да и Лилит — никогда от неё не слышал ничего, помимо всяких насмешек обо всём и обо всех. Но не командует же она никем!

Асбьёрн любит свою сестру. Правда — любит. Но сейчас его раздражает в ней всё — от взгляда, до тона, которым она произносит свои слова. И то, что она придирается к каждой мелочи, и то, что пытается заставить его «быть человеком». И Бьёрну хочется выплюнуть ей в лицо всё, что накопилось внутри, всё, что так раздражало его все эти годы — с его шестилетнего возраста и до сих пор.

— Правильно говорить «набери хворосту, братец», милая сестрица! — язвительно отмечает Асбьёрн. — И раз уж ты вспомнила об этом, сходи и набери сама! Твой единственный белобрысый раб сейчас шляется где-то с нашим красноглазым товарищем.

Деифилия хмурится и собирается что-то сделать, но Бьёрн дальше её не слушает. Он отходит подальше от неё. А потом, заметив испытывающий взгляд Йохана, пускается бегом — пусть это и не слишком честно по отношению к хрому барду, который уж точно не сумеет его догнать. Йохан и бегать-то нормально не может со своими изуродованными, большими ногами.

Асбьёрн убегает в лес — там, во всяком случае, не придётся видеть эти недовольно изогнутые губы сестры. И Йохан туда тоже не пойдёт. Зато где-то неподалёку находится цитадель Вирджилис. А там почти всегда можно пообщаться с Абалимом. К тому же, в крепости, должно быть, есть что-то любопытное. Небось — Хелен или Танатос были бы рады побывать в замке.

И тут, Бьёрна словно осенило.

Абалим в походе, как и его братья, отец и довольно большая часть княжеских дружинников. А это значит, что никто не сумеет помешать ему уговорить Сабаот пойти на тот праздник, который устраивает их бравая команда. Самой княжне понравится. Асбьёрн в этом уверен даже больше, чем в том, что Мир что-нибудь притащит подарить Дее. Сабаот хочется вырваться из своей золотой клетки, ей хочется увидеть что-то новое — хочется увидеть весь мир. А её не пускают. Её заперли здесь и никуда не выпускают.

Цитадель называется Вирджилис. В честь одного из камней, лежащего в её основании. Так говорил Абалим. А Драхомир ещё как-то упоминал, что Вирджи — это камень из тех, из которых строятся крепости Киндеирна. Да, того самого Киндеирна, что однажды словил их с Танатосом посреди своей пустыни. А потом вкусно накормил. Асбьёрн никогда в жизни так хорошо не питался! Да и Танатос, наверное, тоже. Пустыня, в которую их отправил Драхомир, называлась Сваардом, и там было холодно и темно. А ещё были стражники Киндеирна, которые за ними гонялись. И это было очень весело. Потом. Когда уже выяснилось, что убивать их никто не собирается. Ну а сначала... Сначала они побегали по всему Сваарду, думая, что стражники убьют их в ту же секунду, как настигнут — столь

свирепо эти самые стражники выглядели. Нужно было как-то отомстить Драхомиру за это.

В этом лесу, которым Асбьёрн крадётся до цитадели, много ягод. И пару из них он даже срывает, хотя, знай кто из Сонма, что он пошёл в лес и рвёт там ягоды, заставил бы собирать их — тем более, сегодня был праздник. Бьёрну в голову приходит почти что гениальная идея — а, может быть, и действительно гениальная. Что там больше всего из еды не любит Драхомир? Бруснику? А что из еды больше всего любит и лучше всего готовит Деифилия? Брусничный пирог? Да за то зрелище, как будет давиться, но есть этот пирог Драхомир, Асбьёрн многое готов отдать! Так что, в следующий раз можно будет выбратся в лес с корзинкой, набрать побольше брусники и принести это всё Дее — «в качестве извинений за перепады настроения».

Да, решено! В следующий раз, когда они останутся около леса, Драхомира будет поджидать очень-очень вкусный брусничный пирог с самой брусничной начинкой, которую только Мир видел за свою жизнь. И Асбьёрн очень надеялся, что эта маленькая подлость останется без внимания демона — в конце концов, оборотень всегда может сказать, что таким образом он пытался извиниться перед сестрой за своё плохое поведение. К счастью, учитывая характер Бьёрна, всяких поводов, подтверждающих его слова, найдётся не так уж мало.

Что там из еды не любит Танатос?..

Кое-как оборотень всё же добирается до самой Вирджилисской цитадели — да, это занимает примерно часа полтора, как он и рассуждал об этом, лёжа в поле и думая, чем себя занять. Окно Сабаот высоко, он, правда, ни разу там не был, но зато девушка сама как-то ему всё рассказывала и даже указала пальцем на окно, но стены у крепости неровные, забраться по ним не составит большого труда. К тому же, Абалим уже когда-то показывал, на какие из камней становиться лучше всего, а на какие нельзя. Абалим всегда был хорошим другом. Пусть пока и не понимает, в каких именно целях Бьёрн будет использовать полученную информацию.

Асбьёрн перелезает через забор, а потом начинает карабкаться по стене. Кажется — третье слева окно на шестом этаже. Главное, не ошибиться. Иначе, его выпроводят — и это в лучшем случае. Ещё чуть-чуть, повыше, и будет окно Сабаот. Нет, кажется, это не то окно. Там какая-то горница. И явно там живёт не Сабаот. Бьёрн ползёт по стене чуть-чуть левее, а потом заглядывает и в это окно.

Сначала он пытается окно открыть тем способом, который ему как-то показывал довольно ловкий Оллин. Не получается. Тогда Асбьёрн решает проверить давно проверенный метод — выломать ставни. Окно не поддаётся. Снаружи его не открыть. Недолго думая, Асбьёрн стучит в окно, стараясь привлечь внимание к себе. И осторожно отползает немного в сторону, чтобы его не задело ставнями, когда ему будут открывать.

Сабаот подбегает к окну и открывает его, впуская внутрь. Она выглядит удивлённой и очень весёлой. Её длинные косы растрёпаны, а из-под сарафана торчат шаровары. В её глазах пляшут смешинки. Видеть её улыбающееся лицо куда приятнее, чем холодное и равнодушное — Деифилии.

На ней яркий голубой сарафан, расшитый серебристыми нитками. Ещё более красивый и богатый, чем тот, который на ней видел Асбьёрн в их первую встречу. Да и сама она выглядит намного лучше — уже не такая испуганная. Да и более радостная. И очень похожая на Абалима. Конечно, они близнецы, но Асбьёрн, всё-таки, не ожидал такого сходства.

— Сумасшедший! — смеётся она. — Зачем ты полез в окно? А если бы тебя кто-нибудь

увидел?

Она помогает ему забраться в комнату, а потом снова закрывает ставни. Комната у неё довольно большая, и, Бьёрну не хочется в этом признаваться, но он отдал бы многое, чтобы недельки две-три пожить в таком роскошном месте. Даже если учесть то, что учитывая количество человек в их шайке, ночевать ему придётся в одной комнате с Миром — ибо Танатос скорее предпочтёт себе в соседи по комнате скромного и тихого Йохана, а не вспыльчивого и весьма шумного Асбьёрна, а первый даже не посмеет Танатосу возразить, ни с кем больше Бьёрн особенно не дружит, а Деифилия просто никого к себе не пустит: ни Драхомира, ни брата. На одном из сундуков лежит раскрытая книга — видимо, Сабаот читала её, когда оборотень постучался в окно.

В комнате довольно светло — несколько громадных подсвечников прикреплены прямо к стенам, — а в углу топится печка. Бьёрн оглядывается вокруг — здесь красиво и уютно. И много книг, которые пришлись бы по душе Йохану. Разные легенды... Должно быть, ей так хотелось бы увидеть хоть что-нибудь из тех событий своими глазами!.. А оборотню и его друзьям приходилось часто видеть такое, что... вполне можно было бы записать в виде легенды. Хотя, пожалуй, именно этим и занимался их собственный бард Йохан.

— Подумали бы, что вор, — невозмутимо отвечает Асбьёрн.

Сабаот смотрит на него с почти детским восторгом. И это тешит самолюбие оборотня — ещё бы, в Сонме никто на него не смотрел с восторгом. Тем более — с детским восторгом. С таким чувством смотрели на Драхомира. Или, в крайнем случае, на Деифилию. Лилит, Танатоса, Йохана, Саргона... Не на Асбьёрна. Асбьёрн считался ребёнком. И не без оснований — он был младше всех своих боевых товарищей. Но это было даже обидно — понимать, что все относятся к тебе только как к младшему брату, что означало изрядную долю снисхождения. А снисхождение далеко не такое приятное чувство, как кажется тому, который его испытывает. И порой... Так хочется, чтобы тобой восхищались, чтобы уважали, а... В итоге, Драхомир вытаскивает его за шиворот из всех неприятностей и недоразумений и треплет за уши, Танатос насмешливо фыркает и говорит подрасти, хотя Асбьёрн уже на полголовы выше его, Йохан требует завязать шарф и нормально позавтракать, Лилит смотрит всегда настолько насмешливо, что хочется провалиться под землю из-за стыда, а Деифилия чуть ли не за каждый проступок норовит дать подзатыльник, а то и того хуже.

Он улыбается. Его выходка почти что удалась — осталось только придумать, как незаметно для жителей Вирджилисской цитадели вытащить Сабаот на пустошь, где расположились его товарищи. То, что уговаривать девушку не придётся, парень уверен. Девушке хочется вырваться из-под родительского контроля, из-под гнёта этих холодных и мрачных стен, в которых нет совершенно ничего привлекательного, как ей, должно быть, кажется. Асбьёрну бы вполне понравились эти стены, если бы ему давали периодически жить здесь. Нет, не постоянно. Постоянно он бы просто не выдержал. А вот пожить в таком месте где-то месяц в год было бы просто чудесно!

— Пойдёшь смотреть, как Мир и Дея танцуют? — спрашивает Бьёрн, не сомневаясь в ответе. — Я как-то обещал, что покажу тебе.

Сабаот улыбается. Не холодно, не высокомерно, как Деифилия — она улыбается тепло и ласково. И в её зелёных глазах нет того невыносимого осознания собственного превосходства. Но это превосходство хочется признать. И не придушить за это, как часто бывало с Деей. Она выглядит счастливой в отличие от сестры. Асбьёрну порой казалось, что ему жаль Драхомира — такой важной «княжне», какой была Деифилия, никогда не угодишь.

Что ни сделай — всё плохо. Даже если себя в жертву принесёшь — всё равно будет плохо. Всё равно она будет несчастна, недовольна или даже «праведно разгневана» — нужно следует подчеркнуть.

Сабаот не была такой. И Бьёрн ловит себя на мысли, что завидует Абалиму — тот хотя бы не выслушивал от человека, который по идее должен быть ему самым близким и дорогим, кучу претензий за день: «набери сухих веток для костра», будто бы никому больше этим нельзя заняться, «постирай бельё в реке», как будто нельзя попросить об этом Йохана, которому всё равно нечем заняться, «сделай куриный бульон заболевшему Саргону», как будто Асбьёрн вообще знает, как варить этот самый бульон и знает, где достать для этого курицу, которой у них, разумеется, нет, «принеси Драхомиру рубашку, чтобы тот носил её», как будто это так легко, уговорить Драхомира надеть другую рубашку, «купи мне ткани в горошек», как будто Бьёрн понимает, какая именно ткань в горошек ей нужна, и, наконец, «я говорила тебе купить мне ткани в мелкий цветочек, а не в горошек», тогда, когда Асбьёрн с горем пополам уже успел ограбить торговца тканями и принёс ей всевозможные ткани, кроме желаемой. Как вообще можно было жить с таким человеком рядом и не свихнуться? Сабаот была довольно милой и нежной. И не говорила так много, что хотелось дёрнуть её за волосы.

— Сабаот! Ты пойдёшь на праздник? — слышится из-за двери звонкий голос.

Голос, надо сказать, не слишком приятный — примерно так его всегда звала Деифилия, когда сердилась, а когда она сердилась, лучше было ей на глаза не показываться. Впрочем, от наказания это редко спасало — это Драхомир на следующий день мог забыть все обиды. Да, в чём было хорошее свойство характера Мира — обиды он долго помнить мог, а вот о том, что кого-нибудь надо наказать, он забывал уже через полчаса, если его как следует отвлечь. Демону всегда было легко заговорить зубы. И на жалость надавить тоже было довольно легко. Жаль, что сестрица — а девчонка за дверью была, очевидно, именно сестрой — Сабаот не обладает таким полезным свойством. Девушка вздрагивает и судорожно оглядывается по сторонам. Кажется, она порядком взволнована. И Бьёрн вполне её понимает — на самом деле, он не очень бы хотел оказаться сейчас прямо перед её отцом (а нужно понимать, что если о его визите узнают её сёстры, отец тоже обязательно узнает).

— Спрячься под кровать, быстрее... — шепчет княжна, толкая его к своей покрытой какими-то шкурами постели. — Если она тебя увидит, будет плохо...

Асбьёрн послушно заползает под кровать. В конце концов, он не Абалим, чтобы иметь право безнаказанно находиться в комнате вирджилисской княжны. Ох... Будь у него такая возможность, он лучше бы спал здесь — в теплом сухом помещении, пусть и не на самой кровати. Да здесь даже плащом накрываться для того, чтобы согреться, не имело особого смысла!

Какая-то девочка заходит в комнату. Бьёрну из-под кровати видны только её ноги. Она такая же босая, как и сестра. И тоже носит шаровары — только не голубые, как Сабаот, а оранжевые.

— Ты что-то хотела? — спрашивает Сабаот как можно более спокойно. — Я себя чувствую не слишком хорошо и хотела бы сегодня не спускаться в зал.

Асбьёрну хочется начать щекотать её голые пятки, но он не делает этого, помня, что она боится щекотки, и этим он просто выдаст своё присутствие. Ему в который раз за день становится немного досадно, что он не Абалим. Тому было бы позволительно прятаться под кроватью сестры, а так это выглядит, будто... Будто Асбьёрн любовник Сабаот. И за это ему

обязательно бы влетело. И ладно бы было за что, но за ещё не совершённый поступок получать нагоняй было бы попросту обидно!

— Матушка зовёт тебя, — говорит девчонка. — А Рахиль случайно распоролла одно из твоих платьев на платья своим куклам.

Сабаот отвечает что-то — кажется, что несколько не сердится на Рахиль из-за платья и обязательно спустится к матери, сказать ей лично, что не слишком хорошо себя чувствует. Вот это — нормальная семья! А не... Деифилия, Танатос, Йохан, Драхомир — и прочие воспитатели...

Когда назойливая гостья уходит, Асбьёрн всё-таки вылезает из-под кровати, но вирджилисская княжна просит залезть его обратно, чтобы его никто не заметил, пока она сбегает на кухню и попросит у кухарки своей любимой еды — чтобы никто ничего не подозревал. А ещё — сходит к матери, чтобы узнать, что именно той было нужно. Это занимает довольно много времени. Но Сабаот всё-таки справляется с этими делами, пока Асбьёрн в обе щеки уплетает принесённую ей еду. И да, ей приходится переодеться в одежду брата, которая несколько великовата ей в плечах и по росту, а так же обернуть свои косы вокруг головы.

Выбираться из комнаты приходится через окно — других способов просто не найти. Но Сабаот не против. Она даже почти не боится. Лишь крепко держится за руку Асбьёрна, но ступает по камням довольно спокойно. Даже более уверенно, чем сам оборотень. Ещё бы — хочется сказать ему — небось, в детстве они с Абалимом здесь всё облазали. Сабаот не похожа на тех девчонок, что будут сидеть в комнате и играть с куклами, когда можно слезть вниз по почти отвесной стене.

Вирджилисская княжна не выглядит трусихой. И, окажись она в Сонме, Асбьёрн уверен, что она была бы храбрее многих. И она не такая зануда, как Деифилия, хотя внешне они очень похожи. Сабаот говорит и говорит про то, что она всегда хотела побывать за пределами крепости — как можно дальше от неё. И она счастлива была бы видеть его в замке чаще — в Вирджилисской цитадели мало гостей. Но Асбьёрн теперь вполне может решиться на такой подвиг — в крепости просто замечательно кормят, да и девушка там почти постоянно, в отличие от брата, который запросто может оказаться в походе как раз в тот момент, когда Бьёрн явится к нему в гости.

В лесу уже темно. Всякие шорохи и даже обычный ветер пугают княжну, но Асбьёрн даже не сердится на неё. Девушка изо всех сил старается держаться храбро. И у неё почти вышло бы, если бы она не боялась диких зверей и темноты. Но, впрочем, она не бьётся в истерику, не просится обратно, а послушно идёт за ним.

— Долго ещё идти? — спрашивает Сабаот, испуганно хватая Бьёрна за руку.

Говорить о том, что, вполне возможно, они заблудились, так как Асбьёрн смутно помнит дорогу, которой шёл до цитадели, парень не решается.

Когда они доходят до нужного места, костры уже пылают. Стало быть, за хворостом кто-то да сходил и без Бьёрна, что было очень и очень хорошо. Это, правда, так же означало, что праздновать они решили без него, но... Да и ладно. Не велика важность! Асбьёрн помогает Сабаот дойти до места их стоянки и усаживает её на одно из лежащих брёвен, которые будут служить их шайке скамейками, когда начнётся их скромный пир.

Какой-то звук не даёт оборотню покоя — какой-то незнакомый, резкий, пронзительный... Парень едва успевает сообразить, что это, когда видит и причину своего недопонимания. Что же... Асбьёрн привык, что из их шайки поёт только Йохан. Ну —

иногда ещё что-то напевает Деифилия, а Драхомир поёт свои серенады, но это пение совершенно другое.

Танатос поёт. Не так хрипло и тяжело, как обыкновенно поёт Йохан — нет, чисто, звонко, во весь голос. Хорошо поёт. Асбьёрн никогда раньше ничего подобного не слышал. А чернокнижник заливается, словно соловей. И смеётся. Смеётся всему миру в лицо и поёт. И голос его звучит... Если бы только Бьёрн не знал совершенно точно, что его предложение будет встречено насмешкой, он предложил бы чернокнижнику выступать на базарах с балладами вместо их барда.

Йохан играет на своём почти сгнившем корыте, умудряясь извлекать из этой рухляди вполне удобоваримые звуки. Странно, что всем так это нравится. Даже Сабаот, которая, должно быть, слышала в своей жизни что получше. Она смеётся и просто светится — словно в жизни не видела и не слышала ничего прекраснее. Её косы растрепались. И они больше уже не лежат вокруг головы — скатились по её плечам.

Драхомир держит Деифилию за руку и улыбается. И сегодня, пожалуй, не ревнует. О... Какой бы сейчас был скандал, если бы Мир сейчас стал ревновать — у Астарна слишком горячая кровь, а Деифилия с досады и из природной вредности могла бы сделать вид, что подозрения демона не были беспочвенными, а уж тогда... Тогда и представить страшно, что началось бы! Впрочем, Мир сейчас ничего не говорит — он улыбается и как замороженный смотрит на сестру оборотня. Драхомир в какое-то мгновение оказывается с другой стороны от Деифилии. Асбьёрн даже не успевает следить за их движениями — вот, его рука оказывается на её талии, вот, сестрица поворачивается к демону и хватается себя за край юбки...

На Дее множество украшений — самых разных, от самого настоящего жемчуга до каких-то деревянных бус, доставшихся ей от мамы — и длинная ярко-синяя юбка. Та самая, которую она шила сегодня утром. И отблески костра словно остаются на этой её юбке. И это не кажется столь смешным, как утром. А волосы — в её длинные тёмные волосы ей Хелен с Лилит вплели цветы. Ромашки и незабудки — в волосах Деифилии это смотрится так необычно и даже почти трогательно. Ей бы в волосы самую настоящую корону да из самых настоящих самоцветов — и то не была бы красивее!

Вся жизнь Сонма словно сосредоточена в этом танце! И Асбьёрн почти не сердится на Драхомира, смотря на них двоих. Прыжки вокруг костра, прыжки через один из костров — и всё босиком... И ленты с цветами в волосах Деифилии, и белоснежная рубашка Драхомира, и перстень с рубином, в котором тоже будто бы отражается костёр...

— Почему никто больше не танцует? — спрашивает Сабаот.

Асбьёрн хочет огрызнуться, сказать что-нибудь о том, что танцы — это очередная глупость холённых жителей замков. Что таким потрёпанным жизнью бродягам никакие танцы не нужны. А Мир и Дея просто так развлекают их всех, воображая себя какими-нибудь лордом и леди, танцующими в своём замке. Впрочем, Драхомир и Деифилия не «какие-нибудь лорд и леди». И танцуют они, Бьёрн в этом уверен, куда лучше. Попробовали бы эти всякие жители замков поскакать через костры! Да под пронзительное пение Танатоса, да под музыку Йохана! Молодой оборотень с удовольствием посмотрел бы на то, как им это всё удалось!

Но Сабаот смотрит на Бьёрна так доверчиво и удивлённо, что тот раздумывает на неё сердиться. В конце концов, она просто спросила... Она же в жизни ничего, кроме своего собственного замка и не видела! Её стоило пожалеть! Оборотень смотрит на неё задумчиво и

думает, что именно ответить, когда ответ вырывается сам по себе. Без всякого на то желания со стороны Асбьёрна.

— Так никто больше и не умеет...

Впрочем, кажется, он не совсем прав — Хелен умеет. Впрочем, дочь жреца танцевать не слишком любит. Вон — расселась там, в сторонке. Пусть и смеётся, радуется точно так же, как и остальные. А почему бы и не порадоваться этому ослепительному празднику жизни, празднику свободы...

Пожалуй, этот танец Мира и Деи нравится всем — даже тем, кто видел подобное уже не один раз. Даже Бьёрну, которого это, по идее, должно дико раздражать. Всем — и играющему на лютне Йохану, и надрывающемуся Танатосу, и странно задумчивому Саргону... Всем. И Сабаот тоже. Пожалуй, Асбьёрн даже не ожидал, что она так впечатлится. Абалим никогда не говорил, что его сестра на всё реагирует так чутко и остро.

— А хочешь — я тебя научу?

Это прозвучало так... Так странно, необычно, что сначала Бьёрн просто не знает, что именно ответить. Сначала ему хочется отказаться. И отказаться как можно более грубо — где это видано, чтобы он учился всяким там глупостям! Да ещё и — у какой-то там девчонки, что всю жизнь провела в замке!

Асбьёрн не знает, почему именно у него из груди вырвалось это «хочу». Как будто раньше Драхомир не предлагал ему обучиться танцевать тоже. Как будто Йохан не просил его научиться — чтобы отплясывать на базарах. Он хочет сразу же отказаться от своих слов и отказаться как можно более грубо, но улыбка Сабаот будто гипнотизирует его, будто лишает дара речи. И Асбьёрн ничего не говорит больше. Она мягко кладёт свои руки ему на плечи и заставляет встать.

Движения, которые она шепчет ему на ухо, оказываются довольно простыми — для Бьёрна нет ничего трудного в том, чтобы их воспроизвести. Он повторяет некоторые движения за ней, некоторые за Драхомиром и... Асбьёрн даже не замечает, что часть его товарищей смотрит уже вовсе не на его сестру.

— Это было просто потрясающе! — улыбается Сабаот после их танца. — Я никогда не чувствовала ничего подобного — в замке все праздники такие скучные!

И Асбьёрн тоже улыбается. Смеётся. Пожалуй, ему до этого никогда не было так весело на празднике. Наверное, всё дело в танцах — Драхомир всегда становился капельку счастливее после них, а Деифилия капельку мягче. Должно быть, всё дело было в том, что это немного расслабляло. Без особого ущерба для окружающих. Во всяком случае, это было нечто совершенно особенное. И когда Сабаот начинает смеяться, Бьёрн тоже смеётся. Ему хорошо. И оборотню думается, что ещё много праздников он хотел провести точно так же, как этот — праздник на Пепелище под Реанартом, как прозвали это поле за одно давно забытое сражение.

===== Легенда о войне. Часть первая. Падение Реонхейма. =====

I.

Природа начинала готовиться к долгому сну. К зиме, которая в этом году обещала быть суровой. Когда выпадет снег? Когда смоет он те реки крови, которые принёс год? Когда земля напьётся воды, стараясь забыть этот ужасный вкус крови? Птицы уже улетали на юг. Туда, где было безопаснее — в земли сильфов и сильфид, что не вступали в войну — и теплее. Природа начинала уставать от постоянного кровопролития, от стонов раненных, от лязга мечей и копий, от свиста стрел, от ударов набата. От войны устали все. И люди, и

эльфы, и маги, и вампиры. Никто не хотел умирать. Никто не хотел браться за оружие. Но война, всё равно, продолжалась. За золото, за алмазы, за земли. Исчезали целые города, страны, погибали люди, уничтожалось всё, что было возведено таким трудом. Маги пришли с севера, оттуда, где царила вечная зима, им были не страшны морозы, одежда их была теплее, они шли напролом, пытаясь подчинить себе более богатые земли востока, запада и юга. Вампиры жили на западе, в землях наиболее богатых драгоценными камнями и золотом, их традиции и обычаи были сильны, ничего нового они не хотели. Поселения эльфов находились на востоке, в местах тёплых и щедрых на природные дары, в местах, где всегда царили порядок и умиротворение. Сильфы и сильфиды жили на юге, в землях, где никогда не бывало холодно, их жизнь протекала ещё более спокойно. Они никогда не ввязывались в войны. Их религия не позволяла им этого. В землях, где царил изобилие, война и не была нужна. А магам хотелось тепла и золота. На вечно холодном севере было невозможно жить так хорошо, как им бы хотелось. Там царил мрак. Не хватало света и тепла. Еды. Когда-то маги жили в богатых землях запада. Когда-то они не знали нужды в золоте, тепле и еде. Когда-то ими были возведены лучшие и красивейшие храмы запада. Но об этом давно все забыли. Теперь эти земли принадлежали вампирам. Только им. И вампиры не собирались делиться этими землями и природными богатствами. Когда началась война? Когда король Роланд потребовал у совета старших вампиров часть того золота, которое когда-то принадлежало магам. И когда совет старших вампиров отказал Роланду. За попорченную гордость королей всегда расплачиваются простые люди. Когда короли ведут войну между собой, всегда расплачиваются простые люди. Именно они гибнут, именно они нищают, именно их жизнь становится невыносимой. Но слово короля — закон. Любой его каприз — закон. И за золото, невыплаченное Роланду, погибло столько людей, сколько никому никогда и не снилось.

Листья опадали с деревьев, ложились на землю жёлто-красным ковром. Ложились одеялом на тела нехоронённых. Воинов, что погибли, сражаясь за свою землю, за свой народ. Их не хоронили, они должны были лежать на том самом месте, где вражеский клинок поразил их. Умереть за своих предком считалось почётным. Но стать нехоронённым... Это было страшно. И для вампиров, и для магов. Что принесла им эта война? Богатство? Новые земли? Власть? Или сотни тысяч погибших? Десятки тысяч нехоронённых? Людей, которые теперь не могли переродиться, попасть в новое тело, или, хотя бы, отправиться в царство умерших... Они навечно застряли между тремя мирами. И даже боги не смогут их вытащить из этого ада. Вот что называлось адом — застрять между живыми и мёртвыми. Эти люди не могли стать даже призраками. Они просто оставались. Их тела гнили, дикие животные обгладывали их кости, вороны выклёвывали их глаза... Смотреть на эти гниющие трупы было невыносимо, подходить к ним считалось делом опасным: боги проклинали тех, кто приближался к нехоронённым. Эти люди теперь навсегда останутся здесь, на месте своей гибели, будут привязаны к нему. Теперь они будут переживать этот день снова и снова. И так целую вечность. Обречённые вечно умирать. Что могло быть хуже?

Листья опадали. Это означало, что вскоре живым людям придётся несладко, куда хуже, чем мёртвым. Эта война... Разве можно было придумать что-то глупее, бессмысленнее? Две сильнейшие расы соревновались за место под солнцем. А ещё одна просто ждала в сторонке, когда эти две расы уничтожат друг друга. Когда-то богатые земли стали совсем бедны. Бесконечные сражения истощали казну, уничтожали прекрасные сооружения Древней эпохи. Они уничтожали и сами народы. Мир поделился на три части. И каждый стремился

оторвать себе кусок пожирнее и побольше. И каждый стремился найти для себя выгоду в беде остальных. И каждый хотел выжить и жить комфортнее, чем когда-то прежде.

В когда-то богатых землях Линдейма теперь царил голод. На ступеньках развалин храма в честь Хериан, известной так же под именем Хелен, сидели нищие. Они протягивали свои руки к ней, просили её помочь, кто-то из них пытался прорваться сквозь охрану, что отец к ней приставил. Капли дождя даже не капали, а будто тоже падали вниз тяжёлой россыпью, как драгоценные камни из отцовской казны. Камней было ещё так много, красные, синие, зелёные, почти все блестящие, прозрачные, но они были так бесполезны, лучше бы было столько же бронзы, стали или продовольствия. Её отец, король Реонаш, был богат, король Инард, с которым они воевали, был хорошо вооружён, и это давало ему огромное преимущество перед первым. К тому же, Инард был молод, мстителен, хладнокровен. У него не было детей. Не было близких. Его отец, принц Еймозд, погиб двадцать шесть лет назад. Его дед, король Леофан, умер семь лет назад. Король Реонаш был стар, имел шестнадцать детей, пятнадцать сыновей и одну дочь, и семеро из его сыновей давно уже погибли, сражаясь за своего короля, за свой народ. Физически вампиры были сильнее магов, но у магов были пушки, доспехи, магические свитки, мало того, даже обычного оружия было куда больше. А ещё они отличались таким упорством, которое вампирам и не снилось. Они проигрывали раз за разом, но всё равно шли дальше. И продвигались. И скоро уже вампиры стали раз за разом проигрывать, склоняться перед захватчиками. Сколько лет шла уже эта война?! Отец говорил, что, когда правил его отец, война уже шла, и когда правил дед, война тоже шла, и когда правил прадед война тоже уже была. Маги нападали всё чаще. Они были настырны, могли отступить, но только для того, чтобы напасть снова, уже с новыми силами. Откуда, откуда брались эти новые силы?! И почему нападавшие были всё более и более жестокими? Эльфы прятались в лесах и горах, уже сотню лет о них ничего не было слышно, они не приходили ни на зов людей, ни на зов вампиров. Они просто выжидали. Прятались от опасности, словно трусы. Их раса и была трусливой. Вампиры часто помогали им, так отчего же они не приходили к ним на помощь?

Гибли все — мужчины, женщины, старики, дети. Погибали в страшных муках и больше не имели права на загробную жизнь. А орда магов надвигалась неумолимо. Инард был жесток, более жесток, чем его дед, и сбежать от него было невозможно. Он надвигался. Постоянно надвигался, нависал Дамокловым мечом над каждым городом на своём пути. Куда он шёл? И почему шёл так стремительно?

— Миледи! — слышала девушка душераздирающие вопли. — Миледи! Миледи! Помилуйте, миледи!

Элана с грустью смотрела на это. Ей было невыносимо больно и страшно смотреть в глаза всем тем, кто в результате войны потерял всё: близких людей, имущество, даже здоровье... Девушка никак не могла помочь им. Её украшения — бессмысленны теперь. Даже дешевле медной грошовой монеты, которая могла пойти на переплавку. Элана чувствовала себя ужасно. Зачем только отец позвал её? Рыночная площадь, через которую нужно было пройти, была огромной, и именно там скопились все те, кто больше всего пострадал от войны. Матери рыдали по своим сыновьям, дети плакали от голода и страха, женщины молили о том, чтобы им дали хоть какую-то еду, чтобы просто накормить их детей...

Ей это долго будет теперь сниться в самых страшных кошмарах. Эти протянутые к ней руки, эти глаза, в которых скопилось столько боли и отчаянья, эти гниющие дурно пахнущие

раны, которые причиняли столько страданий, та женщина, схватившая принцессу за подол зелёного платья и которую оттащили стражники. Она кричала. Плакала. Умоляла дать ей поговорить с дочерью короля. Никто не стал слушать ту несчастную. Эелана чувствовала себя виноватой. Она просто не могла ничем помочь. Всё произошло после последнего набега магов. Вампиры смогли отстоять город, но какой ценой? Пятеро старших братьев принцессы погибли, а сколько погибло остальных? А маги стреляли. Они находились совсем близко к крепостной стене. Все дома, что находились за её пределами, были сожжены до тла, от них не осталось ничего, люди, которые смогли укрыться за стеной, потеряли всё, что у них было. В городе не было воды. Водопровод был завален камнями. Брат же воду из реки было небезопасно. От остальных городов пограничный городок Реонхейм был отрезан. Именно там в настоящее время находился король вампиров, и, наверное, именно поэтому город был выбран Инардом. Иногда, Эелане казалось, что в прошлый раз войска короля магов не преследовали цель взять город сразу. Да и где находились сейчас эти войска? Где?! Где был этот убийца?! И почему он не уничтожил всех сразу, хотя мог это сделать? На эти вопросы девушка ответа не знала. В городе находились её отец и двое старших братьев. Остальные были в столице. На их счастье.

Те люди надеялись на неё, на принцессу и на всю королевскую семью. Они верили, что их можно спасти, во всяком случае, хотели в это верить. От этого было страшно. Эелана не хотела не оправдать возложенных на неё ожиданий. Она не хотела не оправдать ожиданий снова.

Отец звал её к себе. Он никогда не звал её прежде. Она родилась девочкой и страшно разочаровала этим родителей. Почему? У неё было пятнадцать старших братьев. Все воины. Но нужны были ещё люди. Чем больше, тем лучше. И рождение Эеланы никак не входило в планы короля и королевы вампиров. Быть может, родись она в мирное время, её бы обожали, но она родилась в то время, когда война ломала людям жизни. Отец звал её к себе сейчас. Если это, действительно так, а ошибки быть не могло, произошло что-то очень ужасное, если не считать, конечно, то, что происходило в городе сейчас, чем-то очень ужасным.

— Здравствуй, дочь! — услышала она строгий голос. — Надеюсь, ты понимаешь, что я позвал тебя не просто так.

Конечно, она понимает. Он никогда, никогда в жизни, не хотел её видеть. Девушка, пытаясь справиться с волнением, теревит бахрому на платке, что покрывает её плечи. На платке вышит лотос — герб её семьи. Эелана так часто вышивала его, сидя во дворце, что знает каждую линию. Отец хочет ещё что-то сказать, но не успевает — колокол снова начинает звонить. Маги снова рядом со стенами города. И на этот раз их уже ничего не остановит. Эелана знала это. Инард любил брать уже разрушенные города. А Реонхейм был уже разрушен. Отец испуган, девушка чувствует это, её сильный отец напуган, ей тем более следует испугаться. И Эелана от ужаса едва может вымолвить и слово. А король вскакивает с трона, быстрым шагом, насколько только ему позволяет раненная нога, направляется к двери. Что он хотел сказать ей? Теперь, об этом можно только гадать. Вряд ли отец сейчас вспомнит про это. Важно ли это, вообще, сейчас?

Она просыпалась каждую ночь только от мысли о том, что маги могут снова напасть, и вот, самый худший её кошмар сбился — они нападали снова. Почему отец отвёз её и семерых её братьев в этот город? Шестеро её других братьев остались вместе с матерью в столице. Девушка завидовала им. Было глупо отправляться в Реонхейм. А ведь сначала Эелана была рада тому, что, наконец, покинет пределы столицы. В Уриолане, столице

Линдейма, было безопасно. Отец говорил, что это самое безопасное место на Земле. Стены этого города были высокими и толстыми, даже такой опасный противник, каким являлся Инард, не смог бы взять их. Измором Уриолан тоже было не взять. Это было невозможно. Почему же Эелана была так рада покинуть столицу? В Реонхейме было опасно, как не было опасно никогда — противник был у стен города. Города, который уже был готов сдаться. Днём вампиры были более слабы, чем ночью, и король магов никогда не ждал ночи. Нападал сзади, подло, брал измором, не оставлял в живых никого. Города были сожжены до тла после его набегов. И теперь среди погибших будет и Эелана. Она принцессой, красивой девушкой, умела предсказывать будущее... Быть может, поэтому её позвал отец? Ему нужно было узнать, когда Инард нападёт снова. Лучше бы этот проклятый король, и вовсе, не появился на свет, сколько бы это событие спасло жизней? Все, кого он когда-то убил, были бы живы. Братья Эеланы были бы живы... Артур. Реон. Оливер. Шенирдон. Самалиэнд Норхок. Ликард. Эти имена повторяла девушка каждое утро и каждый вечер, когда стояла перед домашним алтарём. Они погибли воинами, сражаясь. Все они были нехоронёнными. О них даже нельзя было молиться в храме, только дома, перед бронзовой фигуркой Элеандры, богини дома и семьи.

Колокол продолжал звонить. Этот тяжёлый низкий звук давно считался проклятым. Колокол звонил только во время набегов, никогда перед службами, никогда на коронациях, никогда там, где звонил раньше. Из предвестника праздника этот звук стал означением смерти. Сколько их было — захватчиков, пришедших уничтожить и этот город? Эелана не знала. И боялась узнать.

Ерин вошёл в тронный зал, где находилась сейчас девушка с отцом. Брат был бледен. Побелевшими губами он едва смог сообщить королю и своему отцу о том, что произошло. В этом не было необходимости. Король Реонаш и сам прекрасно всё понимал. Приближался день его расплаты за все свои прижизненные прегрешения, Инард не оставит в живых никого. Как и всегда. «Король, оставляющий за собой горы мёртвых, реки крови и пепел», — кажется, так прозвали его.

— Сколько их? — упавшим голосом спрашивает король. — Сколько человек привёл с собой этот безумец?!

Ерин вздрагивает, словно от удара. Михаэль, самый младший из братьев Эеланы протискивается в дверь и испуганно смотрит на отца. Руки у Ерина трясутся, хоть он и пытается сдерживаться. Ему страшно. Страшно, как не было страшно никогда в жизни. Линдейм всегда был слабым королевством. Самым слабым из всех королевств вампиров. Если и не всегда, то через несколько сотен лет после начала войны — точно. Королевство, где правил Реонаш, находилось на границе с королевством магов, и поэтому, принимало на себя больше всего ударов. И никто не приходил Линдейму на помощь. Сначала пало королевство Аорден, только руины остались от места, когда-то благословлённого богами. Ратуша, королевский дворец, храм богини Мериады, даже каменная статуя Фемиды — всё было разрушено. Потом пал Реозит. Крепость, которая открыла Инарду вид на все королевства вампиров. Теперь, видимо, пришла очередь Линдейма. Михаэль испуганно смотрит на отца, потом на Ерина, когда он, наконец, поднимает глаза на Эелану, он пытается взять себя в руки.

— Много, — выдыхает Ерин. — Десятки тысяч. И все хорошо вооружены. Нам не выстоять, отец!

Реонаш зло смотрит на сына. И брат Эеланы внутренне сжимается от страха. Михаэль

выжидающе смотрит на отца. Он старше Эеланы всего на год. Ему всего шестнадцать. Девушке страшно за него больше всего, больше, чем за отца, больше, чем за Ерина, больше, чем было страшно за Самалиэнда, Норхока, Ликарда, Шенирдона и Оливера. Михаэль играл с ней в детстве, он был единственным, кому она, казалось, была нужна. Он был важен для неё больше всех. Даже за себя она боялась меньше.

Инард не пощадит никого, он не Леофан, он убьёт даже женщин и детей. Испепелит. Существа, которых он призывал с помощью магии, были ужасны — огромные, из камня и глины, они рушили стены, давали возможность воинам короля магов пройти, добраться до самих жителей. Говорили, этот мужчина продал душу Танатосу за возможность стать настолько сильным. Эелана была уверена в этом. Для этого чудовища не было ничего святого, он не умел любить, чувствовать, не был способен на сочувствие. Он был бездушной тварью, которая теперь уничтожала всех, кто смел ему сопротивляться. Попытки людей сражаться, будто забавляли его, делали только сильнее. Откуда он брал столько сил, если не от самого Танатоса?!

— Думаешь, я этого не понимаю, Ерин?! — кричит отец на старшего принца. — Думаешь, я настолько глуп и самонадеян, чтобы не понять этого?! Но мы просто не можем не сражаться. Инард, всё равно, убьёт нас. Так пусть лучше мы погибнем, сражаясь! Собери всех мужчин, которые остались. Мы должны дать отпор.

Молчание, повисшее в зале, кажется невыносимым. Сколько прошло минут после того, как зазвонил колокол? Этот предвестник гибели всему живому. Не больше, чем пятнадцать. Эелана боялась. Сколько минут осталось ей до её гибели? Сколько? Через сколько минут воины Инарда прорвутся через стены и небольшую горстку последних защитников города, среди которых будут её отец и два брата, и через сколько они доберутся до неё?

— Отец! — спрашивает девушка просто потому, что чувствует какую-то необходимость сказать хоть что-то. — Что делать мне? Я могу как-то помочь?

Взгляд отца, обратившего внимание на неё, страшен. Эелана делает шаг назад, просто потому, что злить своего отца и короля ей сейчас совсем не хочется. Реонаш, и так, слишком сильно взволнован, если только можно было применить такое слово по отношению к нему сейчас. Девушке просто хочется сказать хоть что-то, поддержать хоть как-то. Она не может сделать ничего. С этим, пожалуй, уже давно следовало бы смириться. Что она может кроме пустых слов? Ничего. Она может просто сидеть и прятаться, когда другие будут сражаться. Эелана не хочет прятаться. Но ничего другого ей не остаётся.

— Молись, — произносит отец мрачно. — За меня, братьев, что находятся здесь, за себя и всех защитников города. Молись о братьях и матери, оставшихся в столице. Нам уже не помогут даже боги. Пусть же боги помогут им.

Ерин вздрагивает снова и отвечает Реонашу поклон, когда король быстро, на сколько это только возможно с его ранением, выходит из зала. Эелана с братьями пока остаётся там. Девушка дрожит от ужаса, переполняющего её. Михаэль, что подошёл к ней как только отец покинул зал, обнимает её за плечи, пытаясь хоть как-то успокоить. Он и сам дрожит от страха. Сам не может сопротивляться этому ужасному чувству, переполняющему его сейчас. Ерин с грустью смотрит на них. Потом вдруг вздрагивает ещё раз, будто от пришедшей в голову мысли. Михаэль смотрит на брата с надеждой. Он ещё надеется выжить. Эелана чувствует это. И от мысли о том, что надежде этой не суждено сбыться, ей становится только больнее.

— Михаэль, — обращается старший принц к младшему брату, — бери Эелану и

спускайся вниз. Там есть храм богини правды и победы. Переоденьтесь в белое и ждите там. Молитесь, как сказал отец. И ни за что не выходите оттуда.

Принцесса ничего не успевает сказать, Михаэль берёт её за руку и ведёт вниз. Туда, куда сказал им идти Ерин. Зачем? Инард, всё равно, не пощадит их. Жрецов победы и правды в городе Реонхейм нет уже с месяц. С того самого дня, как умер старик. Жрецы справедливости, как их ещё называли, носили белую одежду, они приносили удачу, молясь богам, и тот город, в котором их не было, как считалось, был обречён на гибель, как сейчас был обречён на гибель Реонхейм.

Ужасный грохот заставил Элану вздрогнуть и обернуться. Она уже успела облачиться в белое. И Михаэль тоже. На сердце девушки было беспокойно. Она находилась сейчас в храме, в самом низу дворца, под землёй, когда жители города гибли там, наверху. Принцессе было стыдно за то, что она прячется от смерти, когда как другие вынуждены умирать. Ей хотелось уйти, но Михаэль не позволил ей этого.

Что происходило там, снаружи? Грохот, лязг, крики, стоны... Женщины пытались укрыть своих детей от всадников, мчавшихся по улицам когда-то богатого города, мужчины пытались защитить их, но захватчиков было больше. В чёрных доспехах, с копьями и мечами, они ворвались в город, их не останавливали те жалкие оборонительные сооружения, их не останавливали последние оставшиеся в живых защитники города. Захватчиков было много. Они налетали словно рой диких пчёл, заглядывали в каждый дом, убивали всех, кто находился внутри — детей, женщин, стариков...

— Пощадите! Пожалуйста, пощадите! — кричали женщины, матери, которые пытались хоть как-то защитить своих детей. — Пощадите! Не убивайте!

Их не слушали. Всадники неслись по улицам города, заглядывали в каждый переулок, в каждый дом, вырезали всех, всех до одного. Не щадили они ни женщин, ни детей, ни раненых. Только плач и стоны были слышны в городе в этот день. Люди бежали от надвигавшейся на них грозы, бежали, спотыкались, падали, поднимались и снова бежали. Плач, крики, топот копыт, взмахи меча... Всё смешалось в один сплошной гул. Гул, который нёс разрушение и смерть всему живому. Все звуки потонули в нём. И плач, и крики, и стоны, и лязг оружия — всё это стало единым.

Маги наступали быстро. Они осаждали этот город второй раз, и теперь разрушить поселение полностью не представляло для них труда. Девушка, такая же нищенка с недавнего времени, как и многие горожане, бежала по улице и тащила за собой брата. В лохмотьях, уставшие, напуганные — им было некуда идти, им было негде спрятаться, негде укрыться от этих, несущих смерть, всадников. Девушка бежит и почти волочит за собой обессиленного брата. Сколько дней они не ели? Завернув в небольшой закуток, девушка вскрикнула — на дороге лежал человек с отрубленной головой. Ещё не запёкшаяся кровь, открытые мёртвые глаза — это казалось просто ужасным. Она когда-то знала его. Это был местный булочник. Девушка ещё недавно покупала у него пирожки. Младший брат прижимается к ней, зажмуривается от страха. Сестра разворачивается, и они бегут обратно. Дорогу им преграждает всадник, одетый в чёрное. Девушка не успевает даже закричать — её голова вскоре катится по камням, а тело падает рядом. Мальчик пятится назад. Всадник не убирает свой окровавленный меч в ножны. Он медленно приближается к перепуганному ребёнку. Этому воину хватит и секунды, чтобы оборвалась и вторая жизнь. Малыш продолжает пятиться. Зацепившись взглядом за лежащий неподалёку камень, ребёнок пытается приблизиться к нему. Лица всадника не видно, забрало закрывает его, но, почему-

то, мальчику кажется, что он усмехается. Отнять слабую жизнь — не стоит ничего.

— Не делай глупостей! — предостерегает ребёнка убийца его сестры. — Поглядим, может, и жив останешься!

Мальш продолжает пятиться. Он страшно боится этого человека. А всадник слезает с лошади, подходит к нему и грубо подхватывает под руки, ещё более грубо что-то говорит, но мальчик этого не слышит. Он почти оглох и ослеп от страха. Он не видит, не слышит и не чувствует ничего, кроме этого ужаса, который вселился в него как только зазвонил сигнальный колокол.

— Сиди да помалкивай! Ты меня понял?! — прикрикивает на него всадник, когда сажает его рядом с собой. — Твоя жалкая жизнь теперь в моих руках! И только попробуй кому-нибудь рассказать, что ты из этого жалкого местечка!

Ребёнок ничего не смеет сказать. Этот странный человек сохранил ему жизнь сейчас. Но спас ли? Тело сестры мальчика лежало рядом. Вид её крови требовал отмщения. Но отомстить сейчас возможности не было — он был ещё так слаб, так беспомощен, что не оставалось ничего, кроме как подчиниться этому человеку. Его сестра будет отомщена позже. Когда он сможет стать сильнее.

Обитателям дворца приходилось не слаще, чем горожанам. Десятки обезумевших от страха жителей города хлынули во дворец. Они кричали, били окна, лезли на стены. Они просто хотели спастись. Стражники пытались лишь защитить всё, что осталось от этого города. Сами они не знали, как правильнее поступить. Король сражался вместе с ними. И очень скоро погиб, когда один из всадников, осаждавших этот городок, отрубил ему голову.

Элана вскрикивает от страха, когда на территорию дворцового храма, ставшего сейчас её с братом убежищем, входит человек. Она не знала его. Скорее всего, это был один из воинов Инарда. Именно они носили чёрные доспехи и скрывали свои лица. Никто из вампиров не делал этого. Потому что им нечего было стыдиться или скрывать — так говорил ей отец, поэтому, вампиры никогда не прятали своих лиц. Михаэль выходит вперёд, пытаясь спрятать её за собой. Человек, который вошёл на территорию храма, медлит. Он словно упивается своим превосходством. У Михаэля сейчас нет оружия, никакого, даже кинжала — Ерин отобрал его, а у Эланы оружия никогда и не было.

— Где карта? — спрашивает мужчина.

Михаэль молчит. Элана стоит за ним и пытается судорожно сообразить, что им нужно делать. Им не выжить. Это понятно. Но, может быть, можно сделать смерть наиболее безболезненной. Девушка дрожит от страха. Она хотела бы проснуться в своей постели дома, в Уриолане, там, где её мама и шесть братьев. И ещё она хочет узнать, что отец и не увозил их из столицы. Ни её, ни её семерых братьев. Они продолжают жить там, и все они живы. Лучше бы это, действительно, было так. В Уриолане было безопасно. Даже такое чудовище, как Инард не сможет взять его. Этот город называли «твердыней твердынь», и хоть народ Линдейма был слаб, этот город он отстоять сможет. Ни один враг не знал потайных входов и выходов в Уриолан. Именно поэтому никто и никогда не сможет сломить его.

Михаэль молчит. Он не знает, что можно сказать. Он готов сделать всё, только бы этот человек оставил его в живых. Принц думает о том, что он мог бы сделать, чтобы выбраться отсюда на своих двоих и с целой головой. Он готов на всё. Парень почти набирает в грудь воздуха, чтобы что-то ответить этому человеку, как замолкает, даже не начав говорить. Элана прижимается к брату, ей очень страшно, и она надеется, что её смерть будет быстрой. Она зажмуривает глаза, уже представляя свою смерть.

— Отойди от них, чудовище! — слышит девушка вдруг крик старшего брата.

Почему он оказался здесь? Он должен быть рядом с отцом. Вовсе не здесь... Незнакомец медленно оборачивается и выжидающе смотрит на принца Линдейма. Ерин достаёт меч, нападает на человека в чёрных доспехах, тот, впрочем, тоже вынимает из ножен меч. Эелана слышит тихую усмешку незнакомца. Михаэль не даёт ей подойти ближе. Девушка видит, как подкашиваются ноги Ерина, когда человек из вражеского войска, ранит его. Но, кажется, её старший брат ещё совсем не собирается сдаваться. Незнакомец снова усмехается, и вот уже меч принца летит на пол. Ерин пытается подняться, даже поднимается. Уклоняется от нескольких выпадов со стороны противника. Но рыцарь в чёрном сильнее и, создаётся такое впечатление, куда опытнее. Эелана не может пошевелиться от страха, когда человек в чёрных доспехах пронзает мечом грудь кронпринца.

— Так вот, — произносит рыцарь, смеясь, когда тело Ерина остаётся лежать около дверей в храм. — На чём мы остановились? Ах, да... Где тут карта Линдейма? Я хочу знать, как можно добраться до Уриолана.

Эелана не может вдохнуть от ужаса, пережитого ей за это мгновенье. Брат. Ерин. Пусть они не всегда ладили, он продолжал оставаться её братом. И его смерть была потрясением. Пусть она прекрасно знала, что он умрёт сегодня, смириться с этим было трудно. Она не хотела видеть его смерть. Лучше бы она умерла первой. Не видя этих смертей. Кого убьёт этот человек теперь? Михаэля или её? Эелана не хотела бы умереть второй. Увидеть ещё и его смерть было слишком страшно.

— Такой карты нет, — твёрдо произносит Михаэль. — Но я мог бы показать тебе, как подобраться к городу, если оставишь меня и мою сестру в живых.

Эелана с ужасом смотрит на брата. Тот бросает на неё строгий взгляд, но не произносит ни слова. Незнакомец усмехается снова. Девушке хочется оттолкнуть от себя Михаэля, но она, почему-то, не смеет этого сделать. Брат кажется уверенным в своей правоте. Принцессе хочется узнать, что он задумал. Неужели, он знает, как можно обмануть магов? Или хочет оттянуть время? Скорее всего, именно так и есть. Михаэль всегда был умным. Эелана прекрасно знает это. Что же он задумал на этот раз? Он всегда вляпывался в странные и трудноразрешимые ситуации, сколько себя помнила девушка, это было так. Так что же он собирается делать в этот раз?

— Что же! — смеётся рыцарь в чёрных доспехах. — Отведу вас к королю. Он решит, что с вами делать дальше.

II.

Вьюга завывает. В Арионме снег всегда выпадает рано. Пограничная крепость. Подумать только — в городке Реонхейм, находящемся не так далеко отсюда, только начали опадать листья, а здесь уже идёт снег! Молодой мужчина стоял на балконе и смотрел вдаль. Когда-то мать пела ему колыбельную, где говорилось о снежной крепости Изенберг, где закончил свою жизнь легендарный Танатос, герой и злодей в одном лице. Пожалуй, он хотел бы быть похожим на Танатоса. Быть таким же сильным. Стать легендой... Стёкол в окнах северной башни Арионма не было вовсе, и поэтому в башнях было жутко холодно зимой, когда злой ветер дул в эти окна, завывал, проходя сквозь них. Инард вырос на севере. Куда севернее Арионма. Там, где снег не таял никогда. Была лишь белая пустыня, пройти которую удавалось не каждому. Куда севернее был его город этих земель, где приходилось теперь воевать, куда севернее была его родина, места, в которых он вырос, укреп... Куда севернее был Иместфорд, где он родился, где его мать узнала о смерти его отца... Инард вырос в той

огромной снежной пустыне, она была его домом, а герои легенд Фальрании были его героями. Танатос, Хелен, Роланд, Мирион... Они были теми, на рассказах о которых он вырос. Уже семь лет минуло с той поры, как он стал королём. Семь лет прошло со смерти его деда, великого короля Леофана, которого признавали великим не только маги, но и вампиры, эльфы, люди... Отец Инарда трона не увидел. Сколько было нынешнему королю, когда его отец, наследный принц Еймозд погиб, сражаясь с вампирами? Вроде, год. Мать часто рассказывала мальчику об отце, говорила, что он был человеком благородным, тем, кто мог бы защитить её и сына от, часто несправедливого, гнева деда. Леофан был вспыльчив и обиды, даже самые мелкие, не прощал никогда. Инарду до сих пор это напоминает шрам на правом плече. Тогда он был всего лишь подростком, решившим бросить вызов королю. И Леофан отшвырнул его тогда от себя, как котёнка. Годы спустя Инард, уже будучи королём, понял, что этим дед оказал ему неоценимую услугу, показав двору, что он всего лишь глупый ребёнок, не достойный смерти за измену, коим являлось непризнание власти короля. И молодой король не знает, как он бы среагировал на подобную дерзость. Дед был гневлив и ворчлив, но он был куда добрее самого мужчины. Быть может, голова обидчика давно украшала бы одну из пик на подступах к Именштфорду. То был прекрасный город, укреплённый так, как никому не снилось, и красивый, до ужаса красивый, где хотелось как родиться, так и умереть.

Впрочем, о смерти думать было ещё слишком рано. Народ Фальрании надеялся на него, надеялся на его силу, власть и честолюбие. О! Инард был честолюбив! Он был спокоен, равнодушен почти ко всему, но честолюбив до жути. Двадцать лет своей жизни он провёл, находясь под властью деда, и теперь молодое сердце, хоть и почти остывшее и окаменевшее, требовало власти и признания. Про него говорили, что он жесток, но он скорее был равнодушен, нежели жесток. Ему было просто безразлично, что становилось с теми, кого завоёвывали его солдаты. Истреблять всех было, конечно, не нужно, но некоторые города следовало снести с лица Земли, чтобы никто и никогда больше не посмел бросить ему вызов. И Линдейм был тем государством, которое следовало уничтожить, словно гниющую язву на теле планеты. Этот нарыв следовало вырезать полностью. Именно они были тем народом, который последовал религии правды. Белые храмы. Это нельзя было оставлять так. Именно они уничтожали всё магическое население Аордэна и Реозита, тех двух государств, которые были взяты Инардом.

Вьюга воет, словно плачет. Инарду даже хочется пожалеть её. Из всех воинов, окружавших его, северянами была лишь половина. Ещё половина произошла из средних земель, что лежали около границы между королевством Фальрания и королевствами вампиров. Граница с эльфами находилась южнее. Между магами и эльфам лежали болота и горы, пересечь которые было практически невозможно. Магов становилось слишком много для неплодородных земель севера, нужны были ещё земли. И чем больше, тем лучше. Средние земли не были плодородны, но зато были богаты залежами металлов. Это давало магам преимущество в войне. Войну когда-то развязал король Роланд, великий король севера, человек жутко честный, принципиальный и вспыльчивый. Как и Леофан. Инард был принципиален и честен с теми, кто, по его мнению, заслуживал этого, но вспыльчивостью он не отличался. Кристалл на шее молодого правителя блестит и светится, кажется холодным, да и свечение у него синее, тёмное, а не как у деда — ярко-жёлтое, светлое, тёплое. Кристалл считался символом королевской власти, но был ли он настолько важен, как артефакт? Вряд ли. Он был просто символом, красивой безделушкой, которой

короновали всех правителей Фальрании. Но сущность владельца он отражал. Именно поэтому, наверное, кристалл всегда прятали под одежду — не за чем кому-нибудь знать истинную сущность короля. Видели кристалл только представители королевского семейства и особенно преданные слуги.

— Скажи, мой милый город, что в той стране чужой, — тихо, почти неслышно напевает он песню, которую когда-то слышал от матери, — Скажи, что там, далёко? Что ждёт меня зимой?

Каменный свод вторит ему. Инард усмехается. Что ждёт его этой зимой? Победы? Поражения? Король любил холод, любил снег. Зима словно очищала. Её было трудно пережить, но она давала чувство какой-то удивительной силы. Он не обменял бы это чувство на всё золото мира. Именно оно давало людям надежду, становилось потребностью бороться и сражаться.

Инард смотрел вдаль. Северная башня Арионма была высокой, но на севере никогда ничего не происходило — лишь белая пустыня простиралась до самого горизонта. Когда-то мать пела маленькому принцу о том, что Хелен, бесстрашная воительница, что помогала Танатосу, жила на западе, в землях вампиров, и правила там. Что её имя отпечаталось в самых древних рукописях вампиров... Дед говорил, что это всё сказки да бредни обезумевшей от горя женщины, но мама не была безумной. Она знала множество легенд и сказок. Именно они помогали побеждать Инарду сейчас. Много можно было почерпнуть из легенд. Дед никогда бы о таком не додумался. Он, вообще, во многом был глупее. Наверное, потому что в глубине души Леофан всегда был мягок, даже в отношении тех вампиров, которых он пощадил.

Сейчас воины Фальрании брали Реонхейм, сам король не отправился с ними, впервые, за долгое время. Он всегда считал себя обязанным сражаться, но сегодня, почему-то, он решил остаться здесь, в крепости Арионм. Интуиция никогда не подводила его. Быть может, сегодня ему, действительно, стоило остаться в крепости. И Зилбер просил его об этом. Зилбер был опытным старым солдатом, обучившим тогда ещё принца Инарда военному ремеслу. Он никогда не ошибался. Король доверял ему больше, чем самому себе. Реонхейм был мелким пограничным городком. Взять его не составило бы труда. Куда труднее будет взять Уриолан. Легендарный город. Если Инард возьмёт этот город, падёт не только королевство Линдейм, но и многие из тех, что примыкают к нему. Король Реонаш был слаб и стар. Он не был вождём, не был полководцем. Просто старик, который был ни на что не годен. Не такой старик, как Леофан, ещё умный и сильный, даже в свой последний день, а другой, ослабший, погрязший в собственном горе.

Из окна крепости король видит, как подъезжают к воротам крепости закрытые сани. Кто в них сидит? Стражники обязательно проверят это. Но правитель Фальрании сам прекрасно знает, кто находится в них. Инард едва может сдержать улыбку. Хильдегер... Его Хильдегер была здесь. Он полгода назад велел ей оставаться в северных крепостях Фальрании, а точнее, в Имештфорде, но она была из средних земель. Ей было трудно жить там, на далёком севере, где царили метель и вьюга. Но она должна была находиться там. Он был готов провозгласить эту девушку королевой, жениться на ней, но короли Фальрании никогда не имели жён. Наложниц, любовниц — да, но жён... Женились рядовые маги, король же на это право не имел. Ни Роланд, ни Леафан — никто. И Инард не имеет права нарушать этот обычай.

Хильдегер выходит из саней, вся закутанная, ей холодно даже здесь, в пограничной

крепости Арионм. Инард позволяет себе улыбнуться. Из-под тёплого платка не видно даже огненно-рыжих волос болтушки Хильдегер, которые больше всего, пожалуй, нравились Инарду. Наверное, именно их он заметил тогда, когда они впервые встретились. Девушка была южанкой, как называли жителей средних земель фальранцы, она была свободнее, веселее, чем самая весёлая девушка севера. Она была из предсказателей будущего, сбежала из их обители, случайно оказалась среди наложниц Инарда. Ещё она любила цветы, к которым всегда был равнодушен король. Цветы. Глупые разноцветные травы, которые не приносят ничего, кроме минутного удовольствия. Впрочем, многие южане любили цветы. Так же, как северяне любили снег, вой метели и ту тишину, которая была в безветренную погоду.

— Ваше Величество, можно? — слышит он звонкий мелодичный голос.

Инард кивает. На неподвижном лице не отражается ни одной эмоции. Он всегда старался сохранять спокойствие. Это было и несложно. Нужно было просто оставаться равнодушным. Равнодушным ко всему. Это было несложно. Даже скорее легко. Просто не обращать внимания на страдания других, просто меньше обращать внимания на собственные переживания и эмоции. Хильдегер подходит сзади и обнимает его. Инард осторожно, чтобы случайно не оттолкнуть девушку, поворачивается к ней. Девушка всё так же закутана. Не сняла она даже варежки со смешным рисунком, вышитым на них. Сколько ей было? Лет двадцать, не больше.

— Почему ты приехала? — спрашивает мужчина холодно. — Тебе следовало оставаться в Имештфорде. Там безопаснее.

Он знает ответ — в Имештфорде холодно и одиноко. Нужно быть таким, как он, чтобы не грустить и не скучать там, а Хильдегер нужно общение, воздух, тепло... Девушка фыркает от смеха, когда король поворачивается к ней полностью. В серых глазах Хильдегер плещется веселье. Сама она воплощает собой радость и счастье. Она лучше Инарда как человек, куда лучше. Глупое, счастливое создание, которое одним своим присутствием могло приносить людям радость — так можно было назвать её. Только так. Никакое другое определение ей не подходило.

— Тут ты, — пожимает плечами девушка. — Мне безопаснее рядом с тобой, разве нет?

Инард пожимает плечами. Хильдегер кажется почти разочарованной, грустной, похожей на маленького ребёнка. Король едва слышно усмехается и помогает девушке спуститься по ступенькам, ведущим в северную башню. Она идёт с трудом, и Инарду приходится помогать ей, придерживать её, чтобы она не упала.

— Тебе не стоило этого делать, правда! — восклицает Хильдегер, когда они уже спустились вниз, — Но мне было очень приятно!

Король улыбается ей. Она всегда заставляла его улыбаться. Наверное, именно поэтому он выбрал именно её из всех этих девушек.

===== Легенда о войне. Часть вторая. Предатель. =====

III.

На улице уже холодно. Природа уже преподносит магам неслыханный подарок — они жили на севере, и морозы были им не страшны. Впрочем, даже они кутаются в свои тёплые шерстяные плащи, не желая ощущать на себе порывы холодного, негостеприимного ветра. У вампиров же шерстяной одежды, столь же плотной и тёплой, как у магов или у людей, почти нет. Зимы в их краях редко бывают суровыми. Даже снег у них выпадает редко. А если и выпадет — завтра же растает. Из снега обычно маленькие дети пытаются слепить снеговика,

дети постарше — кидаются им в друг друга. Сейчас ведь ещё осень... Маги одеты тепло, впрочем, для них это обычная одежда. Если бы сейчас было лето, солнечное и жаркое лето, эти ведьмаки и колдуны ни за что бы не победили! Впрочем, северяне никогда не нападали летом без особой надобности. Жару они совсем не любили, она мучила их, сводила их с ума. Порой вампиры задавали себе вопрос — для чего вышли эти служители Танатоса из своих ледяных крепостей и пещер и двинулись в путь далеко на юг. Что двигало ими? Жажда наживы, которая была понятна и вампирам, и эльфам, и, в особенности — людям? Или другое? Быть может, это была жажда крови, столь присущая последователям Танатоса Лорзолтана? Влекло ли их золото. Золото — было ли оно достаточной причиной для этой страшной войны? Или, может быть, причиной было совсем не это? Тогда что? Злаки, овощи, фрукты, которых так не хватало северянам? Территории? Тепло? Было ли всё это достойной платой за все те жизни, которые никогда теперь не будут упокоены? Видимо, захватчики считали, что было. Но ведь, к тому же, маги всегда ненавидели тепло... Они, привыкшие к вечному холоду, который, по легендам, которые рассказывали эльфы и вампиры своим детям, исходил от гробницы Владыки мира теней, не могли привыкнуть к ласковому солнцу, к тёплой земле, на которой росло что-то, кроме мха и редких кустарников. Они привыкли к снегу, скалам и вечному морозу. В их душах не было места теплу, состраданию, человечности. Хорошие воины — это всё, что можно было сказать про северян. Про каждого из них. Их воспитывали для войны. Для войны, которая не была нужна никому, кроме них, кроме них, этих ужасных и жестоких захватчиков, не щадивших никого — ни женщин, ни детей. Но сейчас они кутались в свои плотные тёплые плащи, пытались спрятаться от пронизывающего и холодного ветра. Эти храбрые воины, эти ужасные и жестокие люди спасались от ветра. От ветра, который пришёл из их же земель. Зачем, зачем пришли они сюда? Зачем заставили королевства вампиров содрогаться от ужаса и рыдать от горя? Зачем пришли они? Зачем умыли кровью золотые поля? Зачем убивали на своём пути женщин и детей? Зачем, зачем они пришли в богатые земли вампиров?! Эльфы собирали пожитки и уходили в леса, уходили на юг, бросая насиженные места. Люди поступали так же, забирая с собой самое ценное, уходили в горы, уходили туда, куда маги пока не добирались. Почему так не делали вампиры? Вряд ли кто из них ответил бы на этот вопрос. Хотя... Кочевая жизнь была не для них. За те долгие тысячи лет, когда после Великого разлома народы пытались обустроиться на земле, которая была им чужой, вампиры возненавидели всякое кочевничество. Они тогда так устали от него... Тогда только маги никуда не уходили, остались на своих местах, там, на севере. Тогда ещё не было ни, собственно, магов, эльфов, вампиров, сильфид, тогда они все ещё были людьми, это уже потом в мире стало пять рас. Кочевая жизнь так опостылела и надоела вампирам, что смерть и даже плен были для них хуже переселения в места им неизвестные. А зима потихоньку подкрадывалась, чтобы однажды застать обороняющихся врасплох, чтобы окончательно лишить их душевных сил и надежды на победу. Мерный стук колёс телег и копыт лошадей отвлекал от самых ужасных мыслей — мыслей о том, что твои родные места были преданы тобой из-за минутной трусости, слабости...

Родные места. А были ли они родными? Были ли родными те люди, которые постоянно твердили о том, что ты слаб, что ты ни на что не годен? Маленькому Михаэлю когда-то хотелось стать героем. Ему постоянно указывали на то, что такие, как он, героями не становятся. Теперь, Михаэль знал, что это действительно так. Такие, как он героями не становятся. Смешно даже думать о том, что когда-то в детстве он серьёзно этого желал.

Младший из пятнадцати принцев Линдейма теперь тоже считал так, как когда-то считали все взрослые и умные люди. Самому младшему из его братьев было десять лет, когда он родился. Конечно, это не такая уж большая разница в возрасте, тем более, для вампиров, но Ариозелир, всё равно, умудрялся постоянно задирать нос, гордясь тем фактом, что он, всё-таки, не самый младший сын в их семье. Ариозелир. Михаэль думал, что, пожалуй, они были даже похожи. Только вот брат всегда считал себя лучше его, хотя, пожалуй, младший принц был в этом уверен, Ари, точно так же при первой возможности предал бы своих. Михаэлю хотелось верить в это. Он даже сам не понимал — почему. Может, чтобы не чувствовать себя таким уж предателем? Эелана не предала бы. Умерла сама, но не предала. Она была такой глупой ещё, такой маленькой и беззащитной, её так хотелось защищать ото всех... Вот только Михаэль вряд ли тот человек, который может кого-то защитить.

— Лети быстрее в край далёкий! — то ли кричит, то ли поёт кто-то. — Лети быстреей, покуда я живой!

Принц удивлённо поднимает голову. Что это была за песня? И почему они пели? Неужели, им не было плохо в этой войне? Неужели, им даже нравилось всё это? Эелана тоже поднимает голову и тоже удивлённо смотрит на брата. Что заставляло магов петь сейчас? Казалось, они тоже устали от войны, от этих бесконечных сражений... Но что заставляло их петь?

— Через бескрайние просторы, сквозь стены снежных городов! — продолжает кто-то другой. — Через пустыни и долины, через леса и чрез дома..

Михаэль задумывается — не в этом ли была сила магов, не в том ли, что они, несмотря на все жизненные обстоятельства, пытались сохранить способность мыслить здраво, не предаваться унынию и отчаянию? Не в этом ли была проблема вампиров? Не в том ли, что они, когда маги наступали на их города, деревни, просто сжимались от страха, даже не пытаясь дать достойный отпор? Может, всё дело было в том, что вампиры никогда и не пытались на самом деле что-то сделать для того, чтобы не позволить магам? Михаэль слушал, как пели сейчас их враги, и понимал, что, пожалуй, вампирам никогда не понять этого. Может быть, дело было в том, что маги воевали с самых древних времён? В том, что они, не смотря на все эти года битв и сражений, не смогли привыкнуть к войнам, в том, что их сердца тоже жаждали прекрасного — песен, картин, скульптур? Точно так же, как и сердца вампиров, эльфов, сильфид... Михаэль ловил себя на мысли, что, пожалуй, мог бы понять своих врагов. Во всяком случае, он был готов их понять. Принц не знает, сейчас ему можно было бы согреться. Эелана почему-то не хочет прижиматься к брату, хотя, пожалуй, так было бы теплее им обоим. Михаэль пытается обнять сестру, та не отстраняется, но вся как-то моментально сжимается, будто не хочет чувствовать прикосновений брата. Михаэлю даже становится как-то обидно от этого. Он всё делал для неё. Всегда. С самого рождения. Он всегда защищал её перед родителями, если предоставлялась возможность. Он никогда не давал братьям смеяться над ней. И ему всегда так доставалось от Ариозелира из-за этого... Почему она отталкивала его? Из-за предательства? Он предал не только ради себя, ради неё тоже. Почему она не хотела, чтобы он к ней прикасался?

— Как ты себя чувствуешь? — спрашивает парень. — Ты сильно замёрзла?

Эелана качает головой. Губы её побелели, а сама она кажется такой бледной... Михаэль понимает, что она врёт. Понимает, но не знает, как он может помочь. Сестра всегда старалась быть великодушной, благородной, её пугало всё — страдания других, голод, она так плакала там, в Реонхейме из-за того, что увидела, как плохо становится людям...

Михаэлю всегда это было безразлично. Он всегда думал о себе. Может, ещё о матери и Эелане. Не о братьях. Не об отце. Ерин погиб, защищая его. Теперь, младший принц думал ещё и о нём. Михаэлю не хотелось думать о них. Ему теперь казалось, что он предатель. Пожалуй, так оно и было. Но никто из тех, кого он предал, не помог бы ему, более того, в такой же ситуации, скорее всего, поступил бы так же.

— Надеюсь, там, куда нас везут, будет теплее, — продолжает принц. — И, надеюсь, там нас накормят...

Эелана не отвечает. Ей это не интересно. Её волнует совсем не это. Кашгановые волосы принцессы вампиров были растрёпаны, но она, до сих пор, была так же неотразима, как и во дворце. Может, даже ещё более неотразима. Михаэль ловит себя на мысли, что любит её. Любоваться сестрой — непозволительно, нехорошо, ужасно... Но он любит её. Смотрит на бледное лицо Эеланы, по-прежнему бесстрастное и отстранённое, смотрит на побелевшие губы, на прикрытые глаза...

Эелана не отвечает. Она горда. Она не будет отвечать на слова брата. Как бы обидно тому не было. Он — предатель для неё. И девушка не будет брать во внимание даже то, что спасти он пытался именно её. Обидно. Михаэль никогда не скажет ей, насколько ему обидно. Никогда. Потому что он не хочет окончательно потерять её. А Эелана слишком горда, чтобы прощать даже то, что в прощении совсем не нуждается. Как бы брат не поддерживал её, не помогал ей, честь семьи, королевской семьи, будет ей важнее всего остального.

Маги кутаются в свои плащи, в тёплые шерстяные плащи, за который бы теперь принц отдал бы всё, если бы имел что-то для того, чтобы отдать. Во дворце было так тепло, куда теплее, чем здесь... Быть может, следовало попросить Роймана предоставить ему и Эелане тёплую одежду? У магов было много тёплой одежды. Они ведь жили далеко на севере...

Какой-то всадник держит на руках ребёнка, лет шести-семи. Совсем маленького. Ребёнок прижимается к нему. Мальчик так устал... Кажется, он спит. Михаэль бы хотел оказаться на месте этого ребёнка. Пожалуй, этому мальчику было куда лучше, чем, скажем, ему или Эелане.

Обоз двигался медленно. Слишком медленно. Люди были так утомлены этой войной... Усталые, пожелтевшие лица, почти пустые глаза... Все почти спали на ходу, думали о чём-то своём. Обожжённое лицо одного из солдат заставляет Михаэля вздрогнуть. Слишком уж оно пугает. Интересно, что именно произошло с тем человеком? Впрочем... Идёт война. Мало ли что может произойти. Всё кажется Михаэлю таким унылым, он сам, как кажется принцу, смертельно устал, хотя не успел сделать ещё ничего для того, чтобы иметь право быть уставшим...

Странная песня магов до сих пор звучит. Они поют её, даже кричат, а не поют, возможно, им становится немного легче от этого пения. Песня заунывная, медленная, несколько жалобная. Младший вампирский принц не вслушивается в слова более. Какая разница — о чём именно они поют.

Было уже холодно. Листья опадали с деревьев и ложились на землю красно-бурым, грязным ковром. Не тем нарядным жёлто-красным, который был в саду. Ветер не давал им упасть сразу, пытался кружить в танце, который, учитывая обстоятельства, воспринимался путниками, как дикая пляска смерти. Пленников, помимо Эеланы и Михаэля, больше не было. Брат и сестра сидели в телеге и мёрзли, ноги у обоих были стёрты в кровь — их обувь была так неудобна, она не годилась для столь тяжёлых переходов, к тому же, только после

того, как принцесса в пятый раз упала от усталости и изнеможения, Михаэлю удалось выпросить у генерала Роймана поездку в телеге. Одежда знатных вампиров обычно шилась из шёлка. Тонкая, она почти не грела. Как же сейчас жалели об этом принц и принцесса! Если бы только у них была хотя бы одежда вампиров-крестьян... Платье Эеланы, воздушное, белое, лёгкое, почти превратилось в лохмотья, хотя прошли они, по сравнению с тем, что ещё предстояло пройти, всего ничего. Тонкая рубашка и столь же тонкие штаны Михаэля тоже были изодраны. Девушка прижималась к брату и тихо плакала. Ерин ведь погиб из-за них. Их добрый брат Ерин... Эелана всхлипнула снова, уткнувшись носом в плечо Михаэля. Тот тяжело вздохнул и снова погрузился в свои мысли. Принцесса молилась за своих погибших братьев и отца, молилась о них, почти забыв о том, что молиться теперь ей придётся и о себе. Тихие молитвы слетали с её губ, порой, молясь обо всех тех, кто нынче их уж покинул, она забывала о том, как самой ей холодно и плохо. Её было так жалко! Бедная девушка, за что это всё досталось ей? Зачем отец повёз её в Реонхейм? Сидела бы она себе в Уриолане и... Михаэль замер. Он бы предал Линдейм, даже если бы с ним рядом не было сестры. Ему было шестнадцать, ему так хотелось жить. Жить... Это слово билось у него в голове так давно — наверное, лет с шести, когда он впервые увидел воина-мага. Юноша тяжело вздыхает. Ему, пожалуй, совсем не хотелось прослыть предателем и трусом, но умирать хотелось ещё меньше. Михаэль не молился. На душе было так тяжело и гнусно, что слова просто застревали в горле. Он завидовал сестре, её вере, её надежде. Он не мог молиться за погибших старших братьев и отца, зная, что в любой момент могут убить его, зная, что если его не убьют, он навсегда останется в памяти своего народа, как предатель и подлец. Предатель. Да, он предавал. Но никто из вампиров, кроме его брата Ерина, и пальцем не пошевелил ради него. Да, они сражались против магов. Но не проще было бы сдать город врагам? Неужели сообразительный и тщеславный Ройман убил бы всех его жителей просто по прихоти, если бы город был сдан? А теперь от Реонхейма не осталось камня на камне.

— Не бойся, дорогая! — звучит начало уже другой песни. — Когда вернусь домой...

Песня куда менее заунывная, нежели предыдущая. В ней есть надежда. Впрочем, надежда была и в той. Но эта казалась более лёгкой, более весёлой.

Михаэлю хочется спать. Пожалуй, было бы неплохо заснуть сейчас и никогда больше не проснуться... В таком случае, ему не будет больно в момент смерти. Он просто заснёт. Просто заснёт, чтобы никогда больше не просыпаться. Не увидит ни короля Инарда, ни гибели Линдейма. Ничего. Только вот братья ни за что не примут его там, в мире мёртвых. Обязательно оттолкнут от себя, прогонят. Даже там. Но так хочется побыстрее закончить этот путь! Так хочется поскорее оказаться в тёплом доме, в тёплой постели, под тёплым одеялом... Принц замёрз. Эелана тоже замёрзла, но, почему-то, ничего про это не говорит. Не хочет жаловаться. Как и всегда. Как и в детстве. Михаэль всегда удивлялся ей. Как она могла молиться сейчас? Боги никогда не слышат... Или слышат? Просто не слышат его? Эта мысль больно бьёт по самолюбию, которое, как ни странно, ещё осталось.

Хелен не поможет им. Кесседи не поможет им. Ройдхолд не поможет им. Мериада не поможет им. Даже Фемида, богиня справедливости Фемида, не станет помогать им. Во всём нужно надеяться лишь на себя, иначе, гибель неотвратима. Михаэль вздыхает. Когда ему было четыре, он как-то услышал разговор своей няньки со служанкой Самалиэнда, тогда его нянька произнесла: «Мальчик не должен родиться в семье пятнадцатым, как девочка — седьмой, это принесёт и ребёнку, и семье несчастья. Проще убить младшего принца сейчас». Тогда Михаэль вздрогнул от ужаса и убежал, не дослушав разговор. Впрочем, всё, что ему

было надо, он услышал. До сих пор эти слова звучали у него в голове, как приговор. Он не должен был родиться. Пожалуй, именно это и объясняло то, что именно эта беременность была для его матери такой тяжёлой, именно это и объясняло все те несчастья, посыпавшиеся на его семью после его рождения. Михаэль не хотел быть обузой для своих родных. Но и умирать он совсем не хотел. Жить ему хотелось всегда. Пожалуй, даже больше, чем жить достойно. Эелана молилась, но её брату казалось, что смысла в этом не было. Из-за него произошло всё это. А проклятому ребёнку не поможет никто. Принцесса молилась даже не за них, а за их умерших братьев. Зачем? Младший принц не понимал этого. Сейчас им была помощь куда больше, чем кому-либо из тех, кто умер.

Обоз остановился. Телега, в которой сидели представители одной из вампирских королевских семей, покачнулась, и принц едва не вылетел на землю. Девушка же сильно ударилась носом, не успев зацепиться за что-либо. Пошла кровь. Михаэль едва сумел подняться, помог подняться сестре и... замер от внезапно осенившей его догадки. Они были пленниками Роймана. Не Инарда даже, а Роймана. Этого старого и угрюмого вояки, который не щадил ни себя, ни своих солдат, и который, это уж точно, не пощадит и двух пленников. Быть может, Инард и был великодушен, как шепнул один из офицеров пленному принцу, и встречи с ним не стоило так бояться, но назвать великодушным Роймана язык не поворачивался. Этот старый вояка великодушным не был. Он был мелочен, зол и груб. Михаэль осторожно слезает с телеги, морщится, когда израненные ступни соприкасаются с землёй, и подходит к ближайшему всаднику, спрашивает, что произошло, тот грубо отвечает — привал. Принц ковыляет обратно к телеге, сообщает об этом Эелане. Та вздыхает, прикрывает глаза и продолжает увлечённо шептать свои молитвы. Брат почти сердится на неё за это — почти, потому что сердиться не хватает ни сил, ни желания. Его сестра, и так, довольно натерпелась от этих проклятых магов, не хватало ещё и того, чтобы Михаэль как-то обидел её. Младший сын короля Линдейма вздыхает и пытается снова погрузиться в свои мысли, чтобы хоть как-то отвлечься от холода. Как же хорошо было бы оказаться сейчас дома, в Уриолане, узнать, что ни его, ни Эелану отец не взял в Реонхейм... Так хочется скорее оказаться хотя бы на месте, перед королём Инардом. Быть может, тот не захочет слушать Михаэля, но он может хотя бы просто накормить их. Михаэль хотел жить. Он уже обдумывал, что будет делать, если колдовской король решит казнить его и его сестру.

А что он, собственно, сможет сделать? Быть может, лучше было умереть там, в Реонхейме? Легко, быстро, от меча... Один взмах — и нет жизни. Без боли. Без страданий. Быстро и легко. Быть может, не следовало предлагать Ройману свою помощь? К тому же, он вошёл бы в историю, как герой. Герой, защищавший город. А не предатель, что предал погибших братьев, отца, деда и прадеда. Его бы оплакивали. Как оплакивают сейчас отца и его восьмерых братьев. Его же, если его тело достанется вампирам, бросят на растерзание псам. И он один виноват в этом. Молиться ему нельзя. Боги не принимают молитв предателей. Тем более, не примут молитв предавшего семью пятнадцатого сына. Он, и так, считался проклятым. А теперь...

— Эй, ты! Принц без королевства и сапог! — кричит какой-то солдат и смеётся, и юноша, неожиданно для себя самого, оборачивается, хотя ещё недавно думал, что постарается не реагировать на подобные провокации. — Да, ты! Больше принцев здесь нет, знаешь ли! Возьми у Лорка табака для меня, это вон тот старик в плаще с красной застёжкой. Да пошевеливайся давай!

Остальные подхватывают его смех. Кто-то даже повторяет прозвище Михаэля, данное

тем, окликнувшим юношу, мужиком — «принц без королевства и сапог». Потом эта толпа повторяет его снова и снова, продолжает хохотать, потешаться. Отчего-то молодой вампир совсем не обижается на них, лишь на душе становится как-то горько. Ему снова приказывают идти за табаком к тому старику. На этот раз парень кивает и соглашается. А что ему остаётся? Вряд ли он имеет право спорить с ними со всеми. Теперь Михаэль даже не принц. Если в Линдейме узнают о его предательстве, его лишат всех привилегий и казнят. Спорить же с магами, от которых сейчас зависит его жизнь, младший из королевских сыновей не решается. Парень снова слезает с телеги, снова морщится, когда ногами достаёт до земли, спрашивает, сколько табака нужно взять и идёт за ним, предварительно шепнув сестре о том, что попробует отыскать какие-нибудь тёплые вещи. Эелана тихо кивает и снова продолжает молиться.

Лицо сестры спокойно, бесстрастно, хоть она и мелко дрожит от холода. Она до сих пор принцесса. До сих пор королевской крови. В отличие от Михаэля. Он уже не имеет никаких привилегий. И никаких прав называться принцем. Парень сам уже знает это. Он сам решил это для себя. Сестра чище его. Лучше его. И она до сих пор принцесса. В отличие от него. Эелана всегда останется принцессой — она гордая и больше боится бесчестия, нежели смерти. И её стоит защищать, как принцессу. До сих пор. Даже здесь. Тем более, здесь.

Листья легли на землю своим грязно-бурым ковром. Прошёл дождь и стало довольно скользко. Вампирский принц пару раз едва не падает, поскользнувшись. На него никто не обращает внимания. Все заняты своими делами: кто-то курит, кто-то ест, кто-то разговаривает, а кто-то, и вовсе, просто думает о чём-то своём. Это даже как-то радует. И в тоже время немного угнетает. Никому нет дела до них. Зачем здесь кому-то принц и принцесса из вампирского королевства? Они просто обуза, лишний груз, который хочется поскорее сбросить. Михаэль кое-как доходит до того самого Лорка, на редкость неопрятного старика, в отличие от большинства присутствующих здесь, не бреющего бороду. От него пахло чем-то неприятным, и принц едва заставляя себя подойти к нему.

Табак Лорк не даёт, вдобавок, отталкивает от себя мальчишку, когда тот начинает просить снова. Михаэль не знает, что ему делать, он пытается как-то снова упрямить этого старика, но его отталкивают. Да так, что юноша падает. Раздаются смешки. Как же неприятно!

— Принц без королевства и сапог не может даже удержаться на ногах? — усмехается кто-то. — Какой же из него воин тогда?! А вы, друзья, всё спрашиваете — страшны ли нам вампиры!

Михаэль чувствует, как краснеет. Слышать эти разговоры больше он не может. Принц бежит обратно, к сестре... и замирает, когда подходит достаточно близко. Кто-то пристаёт к Эелане. Девушка пытается оттолкнуть от себя обидчика, но тот не отступает. Принцесса цепляется руками за телегу, когда её пытаются стащить вниз, что-то шепчет, но почему-то не кричит. Незнакомый мужчина, всё-таки, кое-как заставляя Эелану оказаться на земле, потом приобнимает её, что-то шепчет. Девушка отчаянно вырывается. Плачет...

Слёзы катятся по её щекам, она не всхлипывает, она плачет от обиды, из-за попорченной гордости. Михаэль не имеет права сейчас предать её. Сестра не переживёт, если с ней случится то, что задумал этот солдат. Не переживёт. И брат должен помочь ей. Должен. Не важно, что сделают за это с ним. Каштановые кудри сестры рассыпаются по её плечам, солдат пытается как-то коснуться их, но Эелана пытается как-то отстраниться. Слёзы катятся по её щекам, и смотреть на это младший сын короля Реонаша не может. Он не имеет

права смотреть на слёзы сестры. Не имеет. Когда няня читала ему Правила*, он часто слышал фразу: «И не имеет права брат смотреть на неотомщенные слёзы сестры своей».

— Отпусти её! — шепчет принц, когда подбегает к сестре. — Пожалуйста, отпусти её! Она же ни в чём не виновата!

Его грубо отпихивают, и он снова падает. Снова в грязь. Наверное, сейчас он кажется смешным — некогда белые храмовые одежды теперь грязные, длинные волосы принца всклокочены, сам он трясётся от холода и страха... Наверное, он был сейчас смешон и жалок, во всяком случае, так казалось ему. Да, наверное, так кажется и всем, кто находится рядом с ним. Разве он достоин представитель своей семьи, если не может даже защитить свою семью? Даже не семью — Эелану. И это после того, как он предал всех остальных. Он же предал ради неё — напоминает ему совесть. Или то, что от этой совести осталось. Если он не поможет ей, получится, что он предал всех только ради своей паршивой шкуры.

На секунду принц замирает. Он совсем не понимает, что ему делать. По мнению отца, младший сын всегда был слишком слаб. Видимо, не так уж он был и неправ... Молящие, испуганные глаза сестры заставляют Михаэля снова подняться и снова броситься к тому человеку. Чтобы, на этот раз, получить по лицу. Нос кажется опухшим, идёт кровь... Нос ужасно болит. Кажется, будто вся кровь идёт внутрь, будто именно её глотает Михаэль. Всё тело болит — какой раз за день он падает? Его никогда не били раньше. Разве что братья. Но те, всё равно, старались всё сделать осторожно, так, чтобы родители не заметили этого. К тому же, у них редко появлялась такая возможность. Михаэль всегда старался находиться как можно ближе к матери. Та никогда не дала бы его в обиду. Маг же осторожностью явно не отличался. Вряд ли он беспокоился о том, останутся ли на лице и теле принца следы. Но всё это, пожалуй, не зря. Насильник отвлекается от Эеланы, и у той появляется возможность отползти в сторону. Михаэль так рад этому. Сестра не должна страдать. И тем более, не должна страдать так, как хотел её заставить страдать этот человек.

— Совсем обнаглел, щенок?! — взвыл мужчина. — Совсем страх потерял?!

Михаэлю остаётся лишь в ужасе попытаться отползти в сторону. Но его за шиворот резко поднимают на ноги. Принц молчит. Он слишком напуган, чтобы что-то ответить этому человеку. Он осторожно смотрит в сторону — Эелана смогла спрятаться за телегой. Девушка мелко дрожит, по щекам её катятся слёзы... Михаэль не плачет. Боль кажется ему невыносимой, слишком сильной. Но он почему-то не плачет. Всегда плакал, когда кому-нибудь из братьев удавалось толкнуть его или ударить. Почему же не плачет сейчас? Он, пожалуй, почти не чувствует боль. Ему слишком страшно, чтобы могло быть слишком больно. Принц боится даже дышать. А о том, чтобы заплакать или крикнуть — и говорить не приходится.

Эелана не смотрит на него. Почему? Что он сделал не так снова? Разве не он спас её сейчас? Михаэль не знал, почему снова чувствует себя оскорблённым. Даже не этим громкой, а сестрой. Разве принцесса не могла подарить ему хоть один благодарный взгляд? Этого было бы вполне достаточно. Больше ему и не нужно было... Эелана не смотрит. Может быть, ей просто слишком плохо сейчас?

— Как ты посмел?! — кричит тот, кто хотел надругаться над вампирской принцессой. — Как ты посмел мешать мне?!

Михаэль ужасно боится. Он не знает, чего больше — что его вот-вот убьют или что на его сестру могут снова напасть. Фиолетовые глаза незнакомца смотрят так зло, что, в конце концов, принцу становится просто противно. Он сам не понимает, как такое пришло ему в

голову и как он решился на это, когда плюет в лицо магу. Лицо того перекашивается от ярости. Он отшвыривает от себя Михаэля, как котёнка. Удар ногой под рёбра застаёт младшего королевского сына врасплох. Юноше кажется, что он не может дышать. А маг продолжает бить. И уже в тот миг, когда принц про себя успевае́т попроситься с жизнью, удара не следует.

— Остановись, Гарольд, — слышит он незнакомый голос. — Что сделал бы ты, если бы хотели обесчестить твою сестру? Разница лишь в том, что габаритами мальчишка тебе уступает.

Михаэль от неожиданности распахивает глаза. Человек, который остановил этого самого Гарольда, тоже меньше этого солдата раза в два. По росту он, должно быть, даже ниже пятнадцатого вампирского принца. Человек этот не то чтобы стар, но, всё же, кажется, даже старше Роймана. И он абсолютно спокоен. На морщинистом лице не отражается ни одной эмоции. Ни страха. Ни какого-то сожаления или сострадания. Гарольд же кажется даже немного виноватым, впрочем, солдат слишком разъярён, чтобы быть виноватым.

— Так почему же ты не подошёл, когда я приставал к этой девчонке, коль тебе её так жалко?!

Незнакомый старик усмехается. Этот человек будто чувствует своё превосходство. Может быть, он, и правда, превосходил всех присутствующих здесь? Одет он был совсем иначе, нежели солдаты. И даже не так, как Ройман. Мундир его не чёрный, как у генерала, а алый, а вышивка на нём не серебристого цвета, а золотого, да и вышито на мундире совсем другое. Другие символы. Кажется, это была надпись на герогиосте, древнем языке магов. Они так чтити своих предков... Всех до одного... Пожалуй, вампирам следовало перенять это у них.

— А смысл мне её защищать, Гарольд? Она — его сестра, — говорит неизвестный старик в красном мундире. — А мальчишку, всё же, оставь в покое. Он не трус, а стало быть, достоин быть нам и братом. А разве можно убить брата?

Гарольд отступает, послушно уходит куда-то, а старик помогает Михаэлю встать, утирает кровь с его лица платком. Юноша морщится, когда ткань соприкасается с его кожей. Когда кровь, наконец стёрта с лица, принц начинает удивлённо рассматривать этого человека. Он кажется ему странным. Почему такой верзила, как Гарольд, мог отступить, словно испугаться этого тщедушного человечка, уже немолодого?

— Зилбер! — слышит Михаэль недовольный голос Роймана. — Почему ты не дал Гарри прикончить этого вампирёныша?! Он — враг! Его и его сестру я взял в плен для того, чтобы...

Зилбер, видимо, так звали этого старика, даже не поворачивается к Ройману, выражая этим крайнее презрение к нему. В серых глазах человека в красном мундире — Михаэль находился сейчас слишком близко к нему и, из любопытства, заметил, что глаза у мага серые, а это, после фиолетовых глаз Гарольда и почти белых Роймана, казалось необычным — промелькнул какой-то нехороший блеск.

Зилбер неторопливо поворачивает к генералу голову. Михаэль замечает, как вытянулся тот под недовольным взглядом этого, спасшего вампирского принца от Гарольда, человека.

— Мальчик мой, — обратился он к Ройману, — тебе стоит напомнить, кто из нас решает кого и для чего брать в плен?

Ройман качает головой, извиняется и уходит. Точно так же, как ушёл и Гарольд. Он слушается этого старика. Михаэль немного удивлён этим, впрочем, про себя думает, что

порядки магов в этот раз спасли его жизнь, и их стоит принять любыми. Принц хотел бы продолжить жизнь здесь. Кажется, не все маги были настроены так враждебно к нему... Эелана продолжает прятаться где-то за телегой даже тогда, когда Зилбер подзывает её к себе. Михаэль тоже зовёт её, сестра, наконец, встаёт из-за укрытия и подходит к брату и этому странному мужчине.

Платье девушки помято, к тому же, всё в грязи — когда она отползала от Гарольда, думается пятнадцатому принцу, ей было не до того, чтобы остаться чистой. Лицо принцессы совсем бледное. Она была напугана. Впрочем, несмотря на катящиеся по лицу слёзы, ни одной эмоции на лице Эеланы почему-то не видно. Будто бы просто вода это катится по щекам, будто бы не слёзы...

Зилбер внимательно смотрит на девушку. Будто бы видит насквозь то, что другому человеку никогда в жизни не понять. Будто бы знает что-то. Принцесса Линдейма смотрит гордо. Она не смогла бы сделать ничего в той ситуации. И она бы не бросилась спасать кого-либо так, как сделал это её брат. Но взгляд её был куда более гордым, чем у Михаэля. Она чувствовала себя принцессой. Будто бы ничего не произошло. Будто бы не её только что хотел изнасиловать один из приближённых Роймана.

— Путь вы продолжите в моей карете, — говорит, наконец, этот старик в странном красном мундире. — Думаю, вас обоих стоит довести до короля в целостности и сохранности. Инард будет очень заинтересован вам.

Принц и принцесса кое-как забираются в карету Зиобера. Там намного теплее. Не дует. Сиденья там мягче... К тому же, там можно накрыться пледом, можно даже укутаться в него, как и поступает Михаэль. Эелана сидит неподвижно. Девушка мелко дрожит от холода. Или от страха? Немудрено — ведь в каком положении она могла оказаться всего около часа назад, если бы не подоспел Михаэль! Когда юноша, чувствуя угрызения совести, пытается накрыть сестру вторым пледом, которыми им разрешил пользоваться этот Зилбер, девушка, по лицу которой до сих пор катятся слёзы, лишь всхлипывает и, почему-то, отворачивается от брата. Она не смотрит на него всю дальнейшую дорогу. И тем более не говорит с ним.

За всю дальнейшую дорогу она не проронила ни слова. Как не проронила ни слова и ранее.

IV.

Уриолан. Легенда. Тот, что был задуман, как нечто непреступное... Столица королевства Линдейм. Что же происходило за стенами этого величественного и странного города? А за стенами города были люди. Такие же люди, как и везде. Они что-то покупали, продавали. Они что-то ели. Они что-то рассказывали. Людей было не мало. Ещё бы — самый населённый город в этом вампирском королевстве. После падения Реонхейма тысячи вампиров устремились туда. На Роффельской улице продавали пироги. Очень вкусные. Пирожник на Роффельской улице давно прославился своими творениями. Как-то раз, его пироги даже подавали в самом королевском дворце! Никто не знал, правда ли это, но, во всяком случае, так все говорили. Не могут же люди говорить чепуху?! Олли с неудовольствием брела по мощённым улочкам Уриолана. Она могла сегодня спокойно погулять, не беспокоясь о младшей сестре — к ним приехала бабушка. В чём же была причина неудовольствия девочки? Мать никогда не любила покупать ей сладости... Почему? Они же такие вкусные! Олли хотела бы попробовать засахаренное яблоко или ещё что-то в этом роде. Девочка брела по мощённым улочкам Уриолана. Видела многих своих знакомых, здоровалась с ними — поздоровалась даже с забиякой Гансом (пусть ему будет стыдно после

этого за свою вредность) и с подлизой Клэрриче (надутой душой всегда одетой в чистенькое нарядное платье). Впрочем. Олли с куда большим удовольствием зашла бы в лавку пекаря на Роффельской улице... Может быть, стоило потратить деньги, данные ей матерью, на какой-нибудь вкусный пряник? Эх! Мать обязательно начнёт так сильно ругаться, что лучше даже не пробовать.

Олли зашагала быстрее. Она хотела бы побыстрее увидаться с отцом. Он уехал воевать. Воевать с этими злыми дяденьками-магами. Зачем была эта война? Взрослые всегда ругают детей, если они дерутся. Так почему же теперь дерутся сами взрослые? Вспомнив про то, как папа обещал ей сводить её на речку, когда вернётся, Олли улыбнулась. Девочка так хотела поскорее его увидеть! Не может же её папа не победить этих злых магов, нападающих на Линдейм? Олли хотелось как можно скорее отправиться с ним на рыбалку. Вдвоём. Без сестры, конечно. Кесси было всего три годика, и она уже была такой вредной и похожей на Клэрриче... И без мамы. Мама всегда всё портила. Девочка зашагала бодрее. Нужно было пойти к доктору. А доктору жил в третьем доме на Зоршельдской улице, что находилась почти сразу за Роффельской улицей. Олли подумалось, что странно, что мама послала её к господину Йонеска, ведь все были здоровы, но, немного поразмыслив, девочка решила, что не стоит задавать лишних вопросов, а лучше будет попробовать упросить мистера Йонеску разрешить ей взять один медячок из материнских денег себе. Пряник у пекаря стоил где-то пять или шесть медяков, но, быть может, она сумеет как-нибудь накопить себе столько денег?

Думая об этом, она не заметила, как уже почти добралась до места: вот уже Олли прошла Роффельскую улицу и оказалась на Зоршельдской. Вот первый дом. Вот второй. А вот и третий. Девочка стучит в дверь, ей открывает мальчик её лет. Роберт. Вот бы кинуть в него что-то... Белобрысый мальчик свысока смотрит на неё. Олли показывает ему язык. Роберт отвечает ей тем же и... Скрип ставен немного отвлекает детей от их интереснейшего занятия.

— Пап! — кричит Роберт. — Пап! Олли из Тироширферов пришла!

Мальчик убегает, и в дверях появляется седой господин. По правде говоря, он был ещё молод. Так почему же волосы у него уже поседели? Девочка здоровается с мистером Йонеской и спрашивает у него, почему мама послала сегодня её к нему. Господин Велиор Йонеска поморщился и сказал Олли, чтобы она не задавала лишних вопросов, а лучше слушалась маму...

То происходило в одном из бедных районов Уриолана. Там, где жили ремесленники, небогатые купцы, самые разные лавочники и прочий сброд. Что же происходило дальше? В самом центре города? Там, где находился королевский дворец... Что же... Королевский дворец Уриолана считался одной из главных достопримечательностей Линдейма. Когда ещё не началась война, посмотреть на дворец, хотя бы издалека, стекались толпы народу. Дворец был большим и, если смотреть на него сверху, по форме напоминал спираль. Один из путешественников как-то сказал, что дворец Уриолана напоминает по форме большую ракушку. Пожалуй, это сравнение тогда многим понравилось. Он, и правда, был похож на ракушку — закрученный спиралью, бежевого цвета, с кучей лепнины... Кто только не был изображён на барельефах! Тут были и религиозные сюжеты, и светские... И касающиеся нынешней войны... Огромные окна, украшенные витражами... Маги никогда не понимали, почему вампиры так любили эти разноцветные стёклышки.

В покоях королевы сегодня было на редкость тихо. Обычно, Её Величество королева

Эрлена любила развлекаться. Вообще, эта женщина любила жить хорошо, громко, ярко, весело... Но сегодня — когда ей было донесено о падении Реонхейма — веселиться совсем не хотелось. Реонаш, Артур, Реон, Оливер, Шенирдон, Самалиэнд, Норхок, Ликард, Ерин Михаэль, Элана — муж и десять её детей были мертвы. Женщина не понимала — за что ей всё это. Она была послушной дочерью своих родителей, она была послушной женой своему мужу, она была добродетельной и строгой матерью своим детям... Боги наказывают за непослушание. За что же они наказали её? За что отняли даже Элану с Михаэлем?

За что отдали жизни близкие ей люди?

В спальне королевы было тихо. Совсем тихо. Эта тишина давила на неё, заставляла её сердце сжиматься от горя. Эрлене совсем не хотелось жить теперь. Глаза её опухли от слёз... Сколько она проплакала? Женщине хотелось бы знать это... Но она сама не помнила, когда зашла к себе. Она просто попросила выйти всех служанок и фрейлин. Королеве хотелось побыть одной. Она считала, что имеет право на это. В конце концов, королева Линдейма была ещё и женщиной, дочерью, женой, матерью... В конце концов, она имела право поплакать хоть немного. Лечь лицом вниз на огромную кровать с золотым балдахинном и зареветь, зареветь от собственного бессилия, от осознания того, что всё уже произошло, и изменить это невозможно. Не смотреть в зеркало, где будет отражаться её покрасневшее и опухшее от слёз лицо. Не смотреть в окно, за которым собрались тысячи таких же жертв войны, как она.

Эрлена не понимала. Женщина в ней, мать, не понимала, почему десять из её шестнадцати детей мертвы. Почему мёртв её муж. Королева понимала, что она просто не имеет права горевать и плакать. Потому что ей нужно возвести на трон старшего сына из оставшихся ей шестерых сыновей. Она — королева. И она просто не имеет права на слёзы.

Но так хотелось плакать...

Ариозелир, четырнадцатый её мальчик, стоял у неё в покоях. Эрлена с ужасом думала о том, что, пожалуй, из всех своих детей, меньше всего она любила его, этого нескладного, худого и не по годам сообразительного мальчишку. Сейчас он был уже взрослым человеком. Очень молодым для вампира, но уже взрослым. Ему было двадцать шесть лет. Он так и остался нескладным. Он так и остался сообразительным. Самым умным из всех её детей. Ариозелир не был безрассудно смел, как предписывал образ Героя во многих вампирских легендах, не был слишком уж милосерден или истинно справедлив. Принц не был и жесток. Эрлена с ужасом думала, что этого своего ребёнка она никогда не любила так же, как остальных своих детей. Будто он был ей чужой... Четырнадцатые роды были так сложны для королевы, что она два года только и могла делать, что отдыхать и восстанавливаться после них. Она почти не видела Ариозелира эти два года. Она не чувствовала его своим. Ари стоял у неё в покоях и смотрел куда-то вдаль. Было ли ему жаль своих братьев и сестру? Он, казалось, никогда не любил их... Королева столько раз защищала Михаэля от Ари, что... А Элана никогда не любила проводить со старшим братом время, хотя всех остальных из братьев очень любила... Теперь королева, пожалуй, и вовсе, прозевала то время, когда она могла как-то влиять на сына. Он уже совсем другой, не такой, каким был в детстве, — и пусть он не позволит себе возразить ей — мысли в его голову вложить уже невозможно.

А ещё женщина понимает, что она и сейчас не слишком любит Ариозелира. Он был ей чужим, она не чувствовала к нему ничего... Не то, чтобы она не хотела его видеть, но... Королева была бы куда менее несчастна — эта мысль заставляет её вздрогнуть — если бы погиб он, а не Элана. Она хотела бы видеть рядом с собой дочь. Пусть Реонаш не был

доволен её рождением, но она, Эрлена, была больше, чем счастлива.

— Зачем ты пришёл? — недовольно спрашивает королева сына. — Зачем ты пришёл ко мне? Позови Тешера!

Ариозелир молчит, стоит так же спокойно, как стоял до этого. Серо-зелёные глаза сына внимательно смотрят на Эрлену, а та тяжело вздыхает и переводит взгляд на платок, который ещё совсем недавно вышивала Эелана... Эелана... Эеланочка! Почему ты покинула мамушку? Ведь могла ты упросить отца не брать тебя с собой, ведь в войне девочка не могла оказать никакую помощь... Почему Реонаш забрал её с собой? Лучше бы забрал всех-всех сыновей. Только бы оставил Эрлене Эелану...

Королева смотрит в зеркало — на кого она стала похожа за эти несколько дней! Каштановые волосы были растрёпаны, всё лицо опухло от слёз, а платье — подумать только — не передевалось несколько дней. Эрлене следовало срочно привести себя в порядок. Ей следовало снова стать королевой. Забыть о том, что она, вообще-то, мать.

— Я хочу попросить у вас одну вещь, мамушка! — отвечает Арио совершенно спокойно. — Я очень устал за эти три дня — вы знаете, Тешер попросил меня узнать природу магического огня... Я бы хотел попросить вас о том, чтобы вы попросили братьев не беспокоить меня сутки-другие. Мне бы хотелось поспать, мамушка.

Слова эти принц произносит совершенно равнодушно, будто бы привычно. Эрлене не хочется лишней раз думать об этом. Реонаш любил Ариозелира. Во всяком случае, ему нравился этот ребёнок своим безукоризненным послушанием. Ариозелир не возражал ему никогда. Делал всё так, как приказывал отец. Королева всегда удивлялась этому. Быть может, ей стоило обеспокоиться послушанием своего ребёнка, как сделала её камергер-дама Розалинда, но ей было как-то не до этого. Эрлена считала про себя, что была хорошей матерью.

— Зачем ты спрашиваешь меня об этом? — удивляется королева. — Иди — отдыхай.

Произнеся эту фразу, женщина про себя замечает, что в её голосе нет тепла, с которым она относилась к остальным своим детям. Пожалуй, Эрлене самой стыдно за это, но она ничего не может с этим поделать. Отчего-то, королева начинает рассматривать плащ, который набросил на свои плечи принц. Женщина не любила такие вещи. Тусклые. Арио смотрелся в этом плаще неплохо, и, пожалуй, несколько бы не затерялся в толпе, но... Эрлене не были привычны такие вещи. Ариозелир, почему-то, постоянно кутался. Лет с тринадцати. Ему будто постоянно было холодно. Никто из её детей не одевался так тепло, как он. Расшитая золотом куртка под плащом... Она, наверное, тоже была тёплой. Тут, во дворце, во всяком случае, когда не было всех этих лишних людей, можно было одеться во что-то неофициальное и лёгкое. Тут было тепло. Почему же Ариозелир так кутался?

— Отец требовал, чтобы я просил у него разрешения на это, если хочу уйти к себе, — произносит принц так же спокойно и безразлично, как и ранее.

Королева с таким же безразличием, передавшимся и ей, слушает сына. Она не отпустила бы Михаэля, Ерина, Эелану или ещё кого-нибудь из своих детей, если бы те сейчас стояли перед ней. Она бы кинулась к ним, схватила бы за руку, за рукав, топнула бы ногой, уговорила бы остаться... Арио никогда не требовал к себе внимания в детстве. Это был самый послушный из её детей. Послушнее даже Эеланы. Та иногда капризничала. Ариозелир никогда не возражал родителям, не топал ногами, не катался по полу в истерике, не получив какую-то игрушку. Он был безразличен к братьям и сестре. Был даже несколько жесток с Михаэлем...

— Иди же! — нетерпеливо требует Эрлена. — Я разрешаю...

Принц склоняется в вежливом поклоне. Мать даже не встаёт. Молодой человек выходит из покоев королевы настолько быстро, насколько только может. Ему не хочется лишний раз там находиться. Он не любил эту женщину. Пожалуй, он уважал её, как следовало уважать старших. Пожалуй, он уважал её, как следовало уважать королеву. Но любить он её не мог.

Принц шёл к своим комнатам быстрым шагом, едва удерживая себя от того, чтобы не начать озираться по сторонам, будто бы он вор, в собственном доме. Ари хотелось побыстрее оказаться у себя. Там не было ни любопытных взглядов, ни голосов, обсуждающих его жизнь, его образ жизни... Там не было ничего из того, что он так ненавидел. Не было даже братьев, которые никогда не любили его. Он тоже не любил их. Особенно младшего — Михаэля. Но Михаэля теперь не было и во дворце.

Принц заходит в комнату, принадлежащую ему, запирает двери. Потом подходит к окнам и зашторивает их. В комнате воцаряется полумрак, кажется, приятный Ариозелиру. Он тяжело вздыхает, шепчет что-то. Арио подходит к двери в спальню. Дверь закрыта. Ари вздыхает. Потом молодой человек подходит к книжному шкафу, достаёт, кажется, пятнадцатую книгу слева на шестой полке, открывает её, выковыривает из-под обложки какой-то кристалл... С кристаллом Арио подходит к двери в свою спальню, для чего-то оглядывается вокруг, ещё раз проверяет, закрыты ли двери, зашторены ли окна. Только после этого принц вставляет в глубокую трещинку в двери кристалл, тяжело вздыхает и... открывает дверь.

В комнате, куда он зашёл, темно. И довольно жарко. Арио осторожно, чтобы не запнуться обо что-нибудь и не упасть, идёт по этой тёмной комнате. А ещё здесь тихо. Кажется, никого нет...

— Что же! Ты пришёл! — вдруг слышит Ариозелир знакомый, немного насмешливый голос. — Я рад этому!

===== Легенда о войне. Часть третья. Король. Спасённый. =====

V.

Арионм — пограничная крепость Фальрании. За последние семь лет она выросла почти вдвое. Старый король был тяжело болен под конец жизни, да и не слишком любил воевать, особенно после смерти сыновей, старшего, погибшего сражаясь за пограничные земли магов, и младшего, погибшего в землях эльфов. Природа начинала готовиться ко сну. Зима в этом году обещала быть суровой — на радость магам. В крепости топится так жарко, что находиться в помещении почти невозможно, но сегодня невозможно находиться и за пределами этих высоких стен. Вампиры слишком слабы, чтобы показаться здесь, у них даже нет достаточно тёплой одежды. Впрочем, и маги не любят этот суровый ветер, заставляющий их бросать все свои дела и прятаться в домах. В крепости жарко... Для магов жара непривычна. Она даже губительна порой для них. Именно поэтому они без надобности никогда не покидают пределов Фальрании летом, в те дни, когда солнце находится высоко в небе, когда воздух становится горячим и сухим, одним словом — неприятным, когда на деревьях появляются листья... Но зимой, холодной зимой, маги топят печи в своих жилищах так жарко, что воздух в их домах становится таким же горячим, как бывает в землях вампиров летом, только разве что не сухим, как там, а тяжёлым, влажным. В Арионме куда не так холодно, как в северных замках Фальрании, но всё же, когда за окном свирепствует вьюга, редкий человек посмеет выйти из дома... За последние годы в Фальрании становится всё холоднее. Если всё будет идти так же — скоро в самых северных землях будет

невозможно жить. Именно поэтому нужны смешанные земли, за которые вампиры так держатся. За последние семь лет Арионм разросся, превратился из небольшого каменного замочка в настоящий форт, теперь не в Арионм не войти без ведома стражи и, следовательно, короля. Инард часто бывал здесь. Впрочем, это выражение было не совсем верно. Инард жил здесь теперь. Пусть в столице остаётся Хильдегер, в Имештфорде сейчас куда безопаснее, эта девушка скоро должна будет родить ему, королю Инарду ребёнка. Дочь или сына всё равно — ребёнок любого пола будет только способствовать укреплению власти своего отца. Инард ещё очень молод, чтобы переживать о наследниках. Стены Арионма стали раз в пять толще и во столько же раз выше с момента пришествия на трон молодого мага. Дед не любил это место. Говорили, именно удерживая этот город, когда-то погиб его старший сын — принц Раймон, старший брат отца Инарда, погибшего четырьмя годами позже. А за пределами крепости простирается снежная пустыня... Король встаёт с кровати и подходит к зеркалу, висящему на стене его спальни, смотрит на своё покрасневшее от жары лицо, на лёгкую рубашку, которую и то хочется поскорее снять, только бы избавиться от этого проклятого ощущения. Иногда ему кажется, что, когда так сильно топят печи, он может растаять, как тает снег, приносимый в тёплый дом. В спальне молодого короля не слишком много мебели — широкая кровать, горячо растопленный камин, зеркало, висящее на стене и старый стул, который когда-то принадлежал его отцу, привезённый шесть лет назад из покоев его, Инарда, покойной матери. Маг никогда не любил излишества. Вся эта роскошь, так необходимая его деду, была ему ни к чему. Надевать сапоги в такую жару кажется безумием — по полу можно ходить и босиком. Только вот в других помещениях, кроме своей собственной спальни, мужчина не может себе этого позволить. Король не имеет права показывать, что он такой же, как и остальные.

Инард вглядывается в своё покрасневшее от жары лицо, смотрит на свои длинные, почти белые волосы, смотрит на такой же тёмно-синий, как и обычно, королевский амулет на своей груди... Находиться в замке ему не слишком хочется. Было бы куда лучше оказаться по ту сторону стены, возможно даже в землях вампиров... Вместе с Зилбером и своими войсками. Насколько знал король из посланного ему письма — Реондейм был взят, а старый вампирский король — убит. Ройман обещал привезти его отрубленную голову. Что же... Это будет неплохой подарок. Хорошо знать, что твой враг убит, но ещё лучше видеть это своими глазами. Вьюга за стенами Арионма воеет, словно мать, потерявшая своего единственного ребёнка — надрываясь, плача, кляня тех, кто равнодушен к её горю. Инарду близко это сравнение — он ещё помнил крики и слёзы своей матери, когда его, пятилетнего ребёнка забирали от неё. В последнее время его дела шли как нельзя лучше — несколько королевств вампиров было уничтожено, вот и Линдейм скоро должен был пасть... Королю до невозможности порой становилось жалко свою убитую горем мать и ещё сильнее становилось жаль того маленького себя, который ничего не мог поделать. У принца Еймозда было ещё две дочери, на два и на четыре года старше молодого короля. Они остались с матерью тогда. Инард давно не видел сестёр. Впрочем, он и не особенно хотел их видеть.

Король садится на кровать, забирается на неё, ложится, смотрит на каменный потолок своей спальни. Пожалуй это минимальное количество вещей в комнате помогало ему отвлечься от мыслей о том, кем бы он стал, не погибни двадцать пять лет назад его отец, принц Еймозд. Тогда, он остался бы жить в отцовском доме, воспитываться матерью вместе со старшими сёстрами, может быть, у него появились бы ещё сёстры, а может быть, даже братья... Вряд ли бы он тогда стал таким, каким был сейчас. А Инарду нравился тот он,

каким он был сейчас. Порой королю и не хотелось той, возможно ставшей бы счастливой жизни. Он не был готов пожертвовать властью ради неё. Инард смотрел на серый каменный потолок и думал о том, что ему, пожалуй, хотелось бы сейчас посетить родной Именшфорд, хотелось бы снова увидеть Хильдегер, понять, что у неё всё хорошо... Маги — смелый народ, не привыкший отступать или сгибаться под тяжестью навалившихся событий, пожалуй, это было тем, что король считал даром, посланным ему из чертогов земли. Он любил свой народ и готов был вести его, куда угодно. Мужчине отчего-то снова вспомнилась Хильдегер — эта рыжая девчонка, со слезами на глазах умолявшая его не уезжать из Именшфорда, уговаривавшая его вести такую же политику невмешательства, какую вёл в конце своей жизни его дед... Пожалуй, она была достаточно милой для того, чтобы стать наложницей, матерью его ребёнка... Король ждал того момента, когда она, наконец, родит. Пожалуй, ему следовало увидеть его сестёр. Лея недавно писала ему, что хочет увидеться... Только вот он не хотел. Сёстры были ему чужими — он даже не видел их ни разу со дня своего пятилетия — и он не хотел становиться им братом, братом в том смысле этого слова, которое понималось магами. Инард не чувствовал себя их родственником, не чувствовал ответственности перед ними, за них, не чувствовал боли или даже сожаления, когда на войне погиб муж Леи... Он даже не знал этого человека, не знал так хорошо, как знает Зилбера, Роймана или кого ещё из своих военачальников... Должно быть, когда-то в детстве с ним играла именно Лея, а не Инара, всё-таки, последняя была чуть больше, чем на четыре года старше, и чувствовала себя образцовой старшей сестрой, которой не позволено играть с несмышлёным младшим братцем, каковым тогда и был Инард. Лея, вроде, была более живой, подвижной, смешной... Только вот король уже плохо помнил то время. Помнил, пожалуй, только вечные слёзы матери, которые теперь казались ему слабостью, невозможной и глупой слабостью, от которой Леофан спас своего внука тогда. Лея... Инард пытался вспомнить её, должно быть, худенькую хрупкую фигурку в сером или синем платье — такие цвета часто использовались для платьев маленьких девочек в Фальрании, бегающую вместе с ним по коридорам материнской, тогда ещё довольно скудно украшенной — это после дед, словно извиняясь перед невесткой за внука, стал дарить ей дорогие, поистине королевские подарки, части дворца, пытался вспомнить, должно быть, весёлый и звонкий смех, когда они кидались чем-то в друг друга, пытался вспомнить самого себя, должно быть, радостного и увлечённо игрой, в те дни и... чувствовал, что вспомнить не может. Будто что-то заставляло его в тот же миг отвлекаться от этих мыслей, будто что-то заставляло его уходить от этой темы и на какое-то время забывать даже само ощущение попыток вспомнить...

Маг встал с кровати и подошёл к небольшому, запёртому, залепленному с другой стороны снегом, окну. Так и быть — ничего он увидеть не сможет. А жаль... Король снова садится, правда уже на стул, снова поднимает голову и смотрит на потолок своей спальни. Отчего-то ему кажется, что так он сможет вспомнить хоть что-то из той жизни, которая окружала его более двадцати лет назад. Отчего-то ему вдруг показалось, что так должно быть чуть менее больно, чем бывает обычно. Ему хотелось верить в это, хотелось думать, что на этот раз всё пройдёт лучше, чем проходит обычно. Почему всегда было больно, когда он пытался что-то вспомнить? Почему словно тысяча игл сразу вонзалась ему в голову? Почему это происходило каждый раз? Король вдруг думает, что это не первый раз, когда он стал задавать самому себе такой вопрос... Пожалуй, стоит узнать, что это такое. Инард тянется за листом бумаги, но в его голове тут же всплывает мысль, что ни бумаги, ни чернил в его

спальные нет — дед не разрешал ему брать что-либо за пределы учебных комнат, и эта привычка осталась с ним. Боясь того, что он снова может забыть об этих мыслях, как забывал всегда, он прижимает лезвие кинжала к ладони, надавливая...

Вьюга завывает. В Арионме снег всегда выпадает рано. Пограничная крепость. Подумать только — в городке Реонхейм, находящемся не так далеко отсюда, только начали опадать листья, а здесь уже идёт снег! Когда-то мать пела ему колыбельную, где говорилось о снежной крепости Изенберг, где закончил свою жизнь легендарный Танатос, герой и злодей в одном лице. Пожалуй, он хотел бы быть похожим на Танатоса. Быть таким же сильным. Стать легендой... Теперь он жил одной этой мыслью, целью, ведущей его вперёд сквозь все препятствия и трудности. Стать легендой... Как же хотелось этого Инарду, хотелось так, что он бы отдал за миг славы, за пару восхищённых слов людей будущего всё, что у него было. Инард жил мыслями о славе, о величии... Возможно, это было результатом того детства, которое он провёл у деда, король не знал, но одно он понимал точно — желания иметь близких и родных людей у него как-то не было. Может, дело было в Леофане, не совсем понимавшему, что именно он хочет от внука, и от этого бывавшем то слишком заботливым, то слишком равнодушным. Может, дело было в постоянных слезах матери, в её вечном нескончаемом плаче после смерти отца. Может, дело было в нём самом, как человеку. Быть может, он сам не был способен любить и чувствовать от рождения. Правитель королевства магов пытался вспомнить сестёр — он не видел их со своего пятилетия, дед запрещал ему общаться почти со всеми, кроме двух-трёх слуг, бывших намного его старше, и учителей из которых только Зилбер стал по-настоящему близким другом принца. Впрочем нет, Инару Инарду удалось увидеть не так уж давно — ещё до его отбытия в Арионм этой осенью (король старался не бывать в южной крепости летом — там было слишком жарко). Эта женщина поразила его своим кротким видом и странной одеждой, молитвенником в руках, скромной манерой держаться... Инара всегда была такой, скорее всего. Тихой, набожной, скромной. Инард всегда считался довольно спокойным ребёнком, но тихим он не был, а набожным и скромным он не был и паче. Король ведь тогда даже не поговорил с ней... Впрочем, нужно ли это было? Нужны ли были все эти бессмысленные разговоры, полные фальшивого сожаления о том, чего не было и чего никогда не могло быть? Молодой правитель помнил, как Зилбер часто говорил ему, что никогда не бывает «бы». Король редко грустил о том, чего никогда не было. И думать об этом казалось ему вещью бесполезной и глупой, а уж тем более — грустить. Порой так хотелось вспомнить то, что было когда-то очень давно, когда он ещё не попал под влияние деда. Порой так хотелось той, обычной жизни... Жизни, не скованной обетами, не скованной всевозможными ограничениями, постоянными занятиями, приёмами, манерами. В конце концов, жизни, в которой не было бы места голоду и войне. Ему очень хотелось такой жизни. Хотелось не быть вечно запертым в крепостях, но не хотелось и вечно сражаться, хотелось спокойной жизни, которую он сможет целиком посвятить благоустройству Фальрании, строительству в этой стране городов, тех городов, которые имели место быть в королевствах вампиров и эльфов, даже людей... Ему не хотелось видеть магов в домах Скорби, без ног или без рук. Инард чувствовал, что ему совсем не хотелось того, чего хотел в своё время от жизни его дед Леофан. Всё чаще король задумывался о том, что и войну то он ведёт только для того, чтобы скорее победить в ней, чтобы потом, потом — в тех плодородных землях — у его народа всё было хорошо, чтобы больше не приходилось голодать или тратить такое огромное количество золота и драгоценных камней, покупая еду

у вампиров или эльфов, которые, ввиду уже произошедших событий, могли и не продать это.

В комнате молодого владыки магов было две двери, одна из которых никогда не открывалась. Пожалуй, этой двери следовало быть воротами в каком-нибудь посёлке, а не просто дверью в спальне короля. Инард с интересом смотрит на неё, смотрит на сияющий камень, вложенный им, как только он вошёл сюда, в небольшую нишу в одной из каменных глыб, из которых сложен замок. Король смотрит на камень, усмехается. Кто-то слуг рассказал королю, что в Арионме говорили, когда-то эта комната, отданная лет двенадцать назад Леофаном наследному принцу, была спальней короля Нариды, по легенде влюблённого в то ли принцессу, то ли королеву, являющуюся вампиром. Инард никогда не пытался выяснить это. Такие легенды его точно никогда не интересовали. Это были не сказания о великих походах Танатоса, не сказания о страшных деяниях Хелен... Это были странные истории о невозможной любви, так любимые Хильдегер, но так презираемые Инардом. Король садится обратно на кровать, смотрит в потолок, думает о том, что происходит вокруг. Спать ему совсем не хочется, а делать в замке больше нечего. Пожалуй, права была Хильдегер, говоря, что в Арионме всегда очень скучно. Впрочем, скучно девушке было и в Имештфорде, славящемся своими библиотеками, даже театром, единственным профессиональным театром в Фальрании, открытом когда-то по настоянию покойной матери Инарда.

Вьюга за этими толстыми стенами воет, словно плачет. Инарду даже хочется пожалеть её. Из всех воинов, окружавших его, северянами была лишь половина. Ещё половина произошла из средних земель, что лежали около границы между королевством Фальрания и королевствами вампиров. Граница с эльфами находилась южнее. Между магами и эльфам лежали болота и горы, пересечь которые было практически невозможно. Магов становилось слишком много для неплодородных земель севера, нужны были ещё земли. И чем больше, тем лучше. Средние земли не были плодородны, но зато были богаты залежами металлов. Это давало магам преимущество в войне. Войну когда-то развязал король Роланд, великий король севера, человек жутко честный, принципиальный и вспыльчивый. Как и Леофан. Инард был принципиален и честен с теми, кто, по его мнению, заслуживал этого, но вспыльчивостью он не отличался. Кристалл на шее молодого правителя блестит и светится, кажется холодным, да и свечение у него синее, тёмное, а не как у деда — ярко-жёлтое, светлое, тёплое. Что это означало? По легендам — цвет сияния говорил, что творилось в душе у человека, носившего кристалл. Дед как-то говорил, что у Роланда сияние было красным, словно свежая кровь... Король снимает с груди цепочку с камнем и бросает её рядом с собой на кровать. Камень тот час становится прозрачным. Владыка магов усмехается и начинает думать о том, что ведь отец его трона так и не увидел. Сколько было нынешнему королю, когда его отец, наследный принц Еймозд погиб, сражаясь с вампирами? Вроде, год. Мать часто рассказывала мальчику об отце, говорила, что он был человеком благородным, тем, кто мог бы защитить её и сына от, часто несправедливого, гнева деда. Инард никогда не был привязан к деду, впрочем, к матери тоже. Они оба не были теми людьми, которых он готов был бы уважать. Отца король не помнил, видя его только на портретах и зная о нём только по слухам и рассказам, владыка магов не мог понять, каким тот был человеком. Порой ему хотелось увидеть Еймозда, задать какие-то вопросы, но король тут же отметал от себя эти мысли, старался отбросить их в сторону. Порой королю так хотелось думать о том, что он, будь жив отец, не был бы ещё во главе этой страны, что, может быть, был бы свободен... Свободен... Это слово казалось королю порой таким

далёким и странным, что он иногда и не знал — хочет ли этого в самом деле или всё это просто минутная блажь, которая, стоит только забыть о ней на непродолжительное время, сейчас же пройдёт. Стоит только подумать о другом — о долге, о своём положении, о желании быть первым, лучшим в любом деле... Стоит только подумать о ласковой улыбке Хильдегер, о вечно понимающем взгляде Зилбера, о собственном отражении в зеркале... О том, как порой хочется не видеть собственных глаз, как порой не хочется видеть себя... Зачем в его спальне было оно? Впрочем, когда Инард впервые оказался в этой комнате, мебель была расставлена точно так же, как и сейчас.

Думать о смерти, о возможном не приходе на трон ещё слишком рано. Война с вампирами ещё не закончена, да и наследников у Инарда пока нет. Стоит подождать. Не делать всё слишком рано, не совершать необдуманных поступков... Этим и плохо было положение монарха — он не имел права совершить даже самую крохотную ошибку, потому как это могло привести к необратимым последствиям. Король не имеет права. Король должен. Король не может поступать недостойно. Эти фразы Инард слышал постоянно, почти с самого своего рождения. Он всегда должен был быть лучшим. Обязан.

Материнские чётки выпадают из руки владыки магов и падают на пол.

Дверь, ведущая в пустоту, вдруг со страшным скрипом отворяется. Инард молчит. Он прекрасно знает, кто именно пришёл к нему. Этот человек нередко приходил к нему. Они общались. Пожалуй, он не был похож на тех, кто обычно окружал короля. Этот человек был, пожалуй, ровесником Инарда. Они были похожи... Да, пожалуй, это, действительно, было так. Этот частый гость был неплохим собеседником — с ним не приходилось быть королём, можно было говорить без излишних церемоний, без всех этих глупых обращений... Можно было говорить об искусстве, о культуре, о том, что отличалось от общепринятых понятий этих слов, шутить, говорить то, что было не положено говорить в «приличном обществе», а можно было и просто молчать, отвернувшись от посетителя. В общем — вести себя так, как ни в коем случае не должен вести себя монарх.

— Что же! Ты пришёл! — усмехается король, когда незнакомец подходит на достаточное расстояние. — Я рад этому!

Инард поднимается с кровати снова, смотрит на гостя и ухмыляется. Пожалуй, именно этого человека ему не хватало, когда он воспитывался у деда. Впрочем, пожалуй, ему не хватало сверстников в целом — Леофан запрещал ему общаться почти со всеми. Возможно, именно это, в конце концов, к двадцати шести годам сделало Инарда нелюдимым и замкнутым...

Именно поэтому, пожалуй, Хильдегер так трудно ужиться с молодым королём — она привыкла к вольной жизни, к песням, к танцам, к неустанному общению, а монарх любил тишину, покой, книги и молчание, да и, казалось, даже тогда, когда был, казалось бы, весел и общителен, интересы их не совпадали. Пожалуй, это было действительно так. Инард признавался себе в том, что он никогда не любил эту рыжую девочку. Она была наиболее приятна ему из тех, которых ему предлагали в качестве возможных спутниц жизни, но он не любил её. Впрочем, нельзя сказать, что король плохо относился к ней — отнюдь! Хильдегер была настолько светлым и радостным существом, что обидеть её маг никогда бы не решился! Он бы хотел иметь такую сестру, как Хильдегер — добрую, ласковую, всегда милую, но королевой он её не видел. На роль владычицы Фальрании куда больше подошла бы самолюбивая Рения, но никак не Хильдегер, которую, казалось, так легко было обидеть или расстроить. Но королевского ребёнка сейчас ждала совсем не Рения, а стало быть, не ей

сейчас занимать первое место среди наложниц короля. Видеть наивный взгляд Хильдегер было порой так утомительно... Король отдал бы многое, чтобы никогда не увидеть эту девушку — слишком уж она была странной и чужой в том мире, в котором рос и воспитывался и рос «ледяной» король. Слишком уж Хильде заставляла его внутренне сжиматься, чувствовать себя неловко рядом с собой.

Инард с редкими людьми мог просто поговорить. Даже Зилбер после коронации стал приходить только по важным делам и избегать других встреч. Зато сёстры, ни разу даже не навестившие его при жизни деда, стали пытаться заставить молодого короля чувствовать себя обязанным им, чувствовать себя неудобно перед ними только потому, что он родился позже. Каких-то два и четыре года — и всё могло бы сложиться иначе. Лея и Инара пытались оказывать на молодого владыку своё влияние, постоянно писали ему о матери... А ведь он ни разу не общался с ними по-настоящему с того самого дня...

Больше всего на свете маг не любил чувствовать себя обязанным. Наверное, именно поэтому его отношения с сёстрами так и не сложились. Пожалуй, не стоило винить в этом двух слабых, воспитанных вечно нервной матерью, а, следовательно, живущих в постоянном страхе женщин, пытавшихся получить какую-то власть при дворе. Стоило просто промолчать, снисходительно улыбнуться и пройти мимо, не замечая чопорную Инару и настырную Лею. Стоило просто не замечать всего, что было недостойно правителя... Стоило не думать лишний раз о том, какая жизнь могла бы сложиться, если бы всё было по-другому. Инард всегда поступал именно так. Редко говорил то, что он на самом деле думал о том, что не касалось его лично или королевства.

— Тем лучше! — смеётся гость в ответ. — Но, если честно, мне надоело каждый раз бояться разбить себе нос, когда я прихожу пообщаться! Тут так темно!

Король пожимает плечами и с помощью магии делает так, чтобы в комнате было светло. Теперь Инард может увидеть худое и бледное лицо пришедшего к нему. Магу тяжело привыкнуть к свету в своей комнате, но он, пожалуй, раз в несколько месяцев может и потерпеть, он редко с кем-либо может пообщаться на равных, ради этого можно стерпеть и несколько часов неприятных ощущений от этого слишком яркого света. В Фальрании редко было светло — земли Танатоса славились этим издавна. Порой королю думалось, что лучше королевства, действительно, не найти в мире. Маг иногда был готов удивляться храбрости собственных подданных. Иногда был готов удивляться, с какой радостью они шли в бой с его именем на устах, удивляться тому, как достойно они погибали, превращались в нехоронённых... А ещё понимал, что именно поэтому он, король, в один день обратился к жрецам с приказом сжечь свитки о нехоронённых, переписать священные книги только для того, чтобы тех людей, павших в бою, можно было похоронить, чтобы о них можно было молиться. Инард никогда не верил в богов. Зато он помнил мать, помнил деда, рыдающих о его отце. И понимал, насколько может быть важным для простых людей это небольшое нововведение в свод церковных правил.

Жрецы согласились. Как они соглашались королю предпочитал уже не вспоминать. Предпочитал не вспоминать крики, многократно сказанное “нет, многочисленные казни, костры, повешенных, четвертованных, их лица, искажённые злобой. Предпочитал не вспоминать свои слова о том, что его, короля, власть должна быть и будет первой в решении вопросов всех видов. Политики. Экономии. Морали. Потому что иначе невозможно избежать раскола. Леофан давал жрецам слишком много воли, и они стали придумывать то, чего никогда не было, переписывать своды законов. Впрочем, не он один давал тем людям

слишком много воли. Чего только стоит тот свод законов о не захороненных? Свод законов и традиций, совершенно ненужный и бесполезный, не существовавший ни в годы владычества Танатоса, ни много лет после. Придуманный жрецами уже после, тогда, когда население Осмальерда разделилось на пять рас.

Жрецы согласились. После трёх лет непрерывных казней. После трёх лет хлещущей крови. После трёх лет костров. После трёх лет исцеляющего всё огня. Потому что не согласиться они не имели права. Теперь не имели права.

Жрецы согласились...

Теперь всё стало иначе. Инард считал, что его заслуга тоже была в этом. Ему хотелось видеть своё королевство самым сильным и могущественным, хотелось хорошей жизни для своих подданных. Иногда мужчине даже казалось, что он — хороший король. Этого никак не могло быть... Правда? Ведь маг всегда знал одно: он — ужасный человек.

Потому что человек, состоящий сплошь из обетов, соблюдаемых так безукоризненно строго, что даже самый придирчивый человек не смог бы упрекнуть молодого монарха, чистого холодного разума, льда и звенящей стали, априори не может быть хорошим. Потому что такой человек всегда будет холоден, равнодушен, жесток. Потому что такой человек никогда не станет уделять чужим проблемам слишком много внимания, слишком много переживать из-за смерти каждого, кто погиб по его вине... Потому что такой человек не способен на любовь.

Инард часто бывал за пределами своего королевства. Там было всё иначе. Большие высокие деревья, жаркое, неприятное солнце, не такой колючий ветер, яркие цветы, которые так нравились Хильдегер... За пределами снежного королевства всё было по-другому. Вампиры, эльфы, люди, сильфиды, очевидно, жили в более ярком мире, словно совсем другим, нежели тот, к которому относилась Фальрания. В мире, который многим нравился куда больше...

— Мой отец погиб недавно, — проговорил задумчиво гость. — Думаю, ты знаешь об этом.

Король кивает. Разумеется, он уже знает о смерти Реонаша. Впрочем, он не особенно радовался этому — старый вампирский король был слаб, кто знает, не окажется ли силён один из его сыновей. Инарду ни в коем случае не нужен сильный король Линдейма. Ему, вообще, не нужен сильный король какого-нибудь из враждебных королевств.

Нужно победить. Победить как можно скорее. Довольно рыцарства! Инард никогда не был излишне благороден. В управлении государством всякие излишества лишь мешают. И говорить можно не только о благородстве. О уме, о чувствительности, о эмоциональности. Обо всех человеческих качествах, вообще. Эти человеческие качества слишком мешают — не дают сосредоточиться на общих, более важных, проблемах, заставляют чувствовать чужую боль, чужие страдания, сбивают с пути... Леофан умел чувствовать чужую боль. Разве это сильно помогло ему в управлении Фальранией? В конце своей жизни он стал таким тираном, какого королевство раньше и не видывало.

Человеческие качества шептали Инарду о том, что неплохо было бы, если бы королём Линдейма стал Ариозелир — он, пожалуй, был более чем достойным противником. Но он тут же отметал эту мысль — с таким скользким типом, как четырнадцатый принц, быстрой победы магам не видать. Инарду совсем не хочется продолжения войны, ему хочется забыть всё это поскорее... Как-то однажды Зилбер говорил ему, что принц от своих сверстников отличается тем, что кровь у него в жилах никогда не кипит, остаётся такой же ледяной, как у

эльфов. Леофан был самым обычным магом — вспыльчивым, громогласным, сильным, умным, властным, а каковым был Инард? Спокойным, вечно отчуждённым, безукоризненно вежливым, хоть королю вежливость и не требовалась... Человеку, имеющему власть над всеми, вежливость ведь не требуется, так? Впрочем, не стоило забывать и о тех, кто мог свергать королей, когда те забывали о существовании остальных, когда переставали видеть опасность в окружавших их людях...

Когда начинали считать себя богами...

— И кто теперь займёт трон Линдейма? — усмехается маг. — Какой ты там сын Реонаша — четырнадцатый?

Ариозелир кивает. Он садится на стул, стоящий в комнате короля магов, только тогда, когда тот жестом предлагает ему это. Ариозелир всегда был таким... Глупо думать об этом. Четырнадцатый принц Линдейма был неплохим собеседником, но другом Инарду он никогда не был. У них у обоих не было друзей, не было семьи в том понимании этого слова, которое придают ему многие... Принц вампиров был опасным человеком, куда более опасным, чем Инард. Хотя бы потому, что никто этой опасности увидеть не мог.

Тихий, спокойный, вежливый, всегда готовый помочь, исполняющий всё, чтобы ему не приказали... Вряд ли кто-нибудь бы подумал, что он смог подставить своего отца, девятерых братьев и сестру... Вряд ли кто-то заподозрил бы его в такой чудовищной подлости... Он казался настолько безобидным на фоне своих раздражительных братьев, что его никогда не брали в расчёт, когда случалась какая-то шалость во дворце.

— Тещер, он самый старший из выживших моего отца! — задумчиво начинает Ари. — Если он поедет в пограничный город вместе с кем-нибудь из моих братьев, мне это рассказать тебе?

Инард кривится в ухмылке — вот как раз то, что он ожидал от этого вампира! Он отправил отца, братьев и сестру на верную и мучительную смерть несколько месяцев назад, а теперь он готов погубить своих, оставшихся в живых, братьев. И подвести Эрлену, свою мать, к могиле. Бедная женщина уже смотрит туда...

Инард всегда рад подаркам судьбы, таким, которые подносит ему теперь Ариозелир, в виде «поднесённой на блюдечке» головы врага, он нисколько не щепетилен, особенно в отношении своих врагов, врагов своего королевства, но даже ему иногда становится противно от той подлой радости, с которой к нему пришёл Арио.

— Я — ужасный король! — смеётся маг вдруг. — Принимаю эти твои «подарки»...

Он сам не знает, для чего это сказал. Быть может, эти слова вырвались из его уст из-за проснувшихся в нём остатков совести, шепчущей ему о том, что он сам ничуть не лучше Ариозелира из-за того, что принимает его подлые услуги. Быть может, ему просто хочется выговориться. Такое иногда случалось с королём. Не часто, разумеется, но иногда случалось.

— Нет... — подумав, качает головой вампирский принц. — Ты — ужасный человек. Это не одно и то же.

Они смотрят друг на друга, какое-то время молчат, а потом, всё же, продолжают разговор, переводят его на другую тему — теперь лучше говорить об искусстве, в частности, о том, сколько всего ещё стоит магам добиться, того, чего вампиры и эльфы уже давно достигли... В любом случае, пока лучше не говорить о политике. О войне. Эта тема вдруг стала неудобна им обоим. Теперь, наверное, они оба станут избегать её в своих разговорах. До тех самых пор, пока Инарду не понадобится помощь Ариозелира в том, чтобы убрать очередного короля Линдейма, а тому не понадобится помощь владыки магов для того же,

но... как бы с обратной стороны.

— Ты более ужасный человек, чем я... — думается Инарду, когда смотрит на Ариозелира. — Хотя бы потому, что я не предавал...

VI.

Ребёнок лет шести кутается в солдатский плащ, так щедро предоставленный ему его спасителем. Человеком, который убил его сестру... Мальчик до сих пор не понимает, чего именно он хочет теперь — отомстить за смерть сестры, булочника, соседской девчонки, убитых магами, или отогреться, стать своим, найти новую семью... Единственное, что ребёнок теперь знает — это то, что он хочет жить, как не хотел никогда.

Люди, забравшие его с собой, хорошо кормили. Еда у них была хорошая, сытная, вкусная, а, главное, её было так много, что хватало даже ему, оборвышу, которого, видимо, из жалости прихватил с собой один из воинов. А ещё было довольно тепло, даже несмотря на стоявшую в это время года на улице погоду. В этом плаще мальчик мог не бояться замёрзнуть. Пожалуй, ещё и в этом он должен был быть благодарен таинственному всаднику, спасшему его.

Сейчас привал... Снова горячая еда, снова можно сесть на повозку и немного отдохнуть. Хотя ребёнку хочется как можно скорее добраться до того места, куда их везут. Нежданный спаситель садится рядом с мальчиком и протягивает тому тарелку с кашей. Ребёнок почти набрасывается на еду. Да, конечно, здесь кормили сытно, но ведь и до первой осады Реонхейма в его семье всегда были хорошие обеды и ужины... До того времени, когда их с Катринер родители умерли. А потом умерла и малышка Роузи... Её мать ещё кормила грудью, а ни он, ни Катринер этого сделать не могли. Впрочем, почему-то, мальчику казалось, что Роузи умерла по какой-то другой причине, по той, которую Катринер ему не объяснила...

— Как тебя зовут? — спрашивает воин ребёнка. — Да не торопись ты так — никто у тебя еду не отнимет!

Мальчик смотрит на своего спасителя, но пока медлит. Зачем этому магу было его имя? Разве он хочет его сделать не слугой? У слуг никогда нет имени... Тем, кто убирается в конюшнях, на кухне, в сараях, имена не нужны. Во всяком случае, именно так всегда говорил ему отец... Так почему же это пытался узнать странный маг? У этого человека было доброе лицо. Впрочем... Насколько добрым может быть лицо убийцы? Убийцы Катринер...

— Аарон... — бормочет ребёнок недоверчиво. — Зачем вы спасли меня?

Маленькому вампиру вспоминается тот день, когда он вдруг оказался вдали от родного Реонхейма, когда вдруг оказался спасён тем, от кого меньше всего на свете ожидал помощи... Он не может верить этому магу. Потому что ни в коем случае нельзя верить человеку, способному убить такого светлого человека, как Катринер.

Малыш не мог поверить этому человеку и не мог простить гибели сестры, хотя был больше, чем просто благодарен за своё спасение. Аарон не знает, каких чувств в нём больше сейчас — страха, ненависти, благодарности, уважения? Хотя, пожалуй, всё-таки, страха. Потому что он не может не бояться, находясь среди убийц... Убийц, которые пока его не трогали... Но это ведь — пока... К тому же, Джек — мальчик, живший в Реонхейме по соседству с Аароном — рассказывал, что маги едят своих пленников... Это показалось ребёнку странным, но он промолчал — Джек был хорошим рассказчиком и в его истории о пиратах верили все...

Маги наступали быстро. Они осаждали этот город второй раз, и теперь разрушить

поселение полностью не представляло для них труда... Изголодавшие, обессиленные люди не могли оказать захватчикам сопротивления. Они просто умирали, моля о пощаде... Те, кто не умер до этого. Катринер бежит, всё ещё надеясь уйти от безжалостных магов, и почти волочит за собой обессиленного брата. Сколько дней они не ели? Дня три точно, если не больше. Да и до этого еда была настолько скудной и худой, что насытиться было никак нельзя. Завернув в небольшой закуток, девушка вскрикнула — на дороге лежал человек с отрубленной головой. Ещё не застывшая кровь, открытые мёртвые глаза — эти глаза её брат, кажется, запомнит навсегда. Этот мёртвый взгляд, полный почти животного ужаса. Они когда-то знали его. Это был местный булочник. Девушка ещё недавно покупала у него пирожки. Ещё до осады. Младший брат прижимается к ней, зажмуривается от страха.

А потом... Потом они видят этого страшного всадника в чёрном. Катринер не успевает даже закричать — её голова вскоре катится по камням, а тело падает рядом. Аарон в ужасе пятится назад. Он не может поделать ничего. Он так сильно боится, что вряд ли способен сейчас сделать что-то... Мальчик видит камень, лежащий неподалёку... Как же ему хочется кинуть этот камень в убийцу Катринер, но он... просто боится. Всадник не убирает свой окровавленный меч в ножны. Он медленно приближается к перепуганному ребёнку. Этому воину хватит и секунды, чтобы оборвалась и вторая жизнь. Малыш продолжает пятиться. Зацепившись взглядом за тот, лежащий неподалёку, камень, ребёнок пытается приблизиться к нему. Лица всадника не видно, забрало закрывает его, но, почему-то, Аарону кажется, что он усмехается.

— Не делай глупостей! — грубо говорит маг мальчишке, отчего тому становится ещё более страшно, чем до этого. — Поглядим, может, и жив останешься!

Малыш продолжает пятиться. Он страшно боится этого человека. Хотя бы потому, что смерть Катринер, бедной Катринер, на руках этого безжалостного мага... А всадник слезает с лошади, подходит к нему и грубо подхватывает под руки, ещё более грубо что-то говорит, но мальчик этого не слышит. Он почти оглох и ослеп от страха. Он не видит, не слышит и не чувствует ничего, кроме этого ужаса, который вселился в него как только зазвонил сигнальный колокол. Если этот человек так легко убил Нирре, то Аарона ему уж точно не составит труда убить...

— Ты ведь боишься меня, так? — спрашивает спаситель. — Не бойся. Я не причиню тебе вреда. Я с детьми не воюю.

Ребёнок настороженно всматривается в лицо мага. Тот совсем не кажется таким страшным, как в тот момент, когда они только встретились. Мальчику, пожалуй, хочется верить... Хочется — хотя бы потому, что больше верить ему теперь некому. Катринер, Роузи, мама, папа — все они были мертвы теперь... Теперь мальчику просто некому верить. Совсем некому.

Ему так хочется хоть кому-то верить... Нельзя! Нельзя! Ни в коем случае нельзя верить магу, так просто убившему беззащитную девушку на глазах у маленького ребёнка! Ни в коем случае нельзя думать, что этот человек может быть хоть сколько то благороден! Нельзя... Как бы не хотелось поверить — нельзя. Потому что такой человек убьёт Аарона сразу же, как тот посмеет поверить в эту наглуемую ложь...

Стоит только вспомнить бледное лицо сестры каждый раз, когда речь заходила о магах, стоит только вспомнить мёртвого отца и мёртвую мать, мёртвую малышку Роузи — кто-кто, а она уж точно не была виновата в чём-либо — или окровавленное тело Катринер, его бедной старшей сестрицы, до конца пытавшейся защитить его...

— Вы лжёте! — готов почти закричать Аарон, но от страха, заполняющего его снова, говорит почти шёпотом. — Вы убили Нирре...

Маг смотрит на ребёнка удивлённо, потом всё же понимает, о ком именно идёт речь. Он пытается погладить маленького вампира по голове, тянет руку, но мальчик в ужасе отшатывается. Подумать только — Аарон сам никогда не мог представить, что ему может быть настолько страшно...

— Я не мог оставить её в живых, — говорит солдат. — Среди нас есть люди, имеющие сыновей или совсем маленьких оруженосцев, но здесь нет девушек. Твоя сестра была обречена.

Маленький вампир пытается различить, есть ли в этих словах ложь. Ему, вообще, порой кажется, что всё, что произносится среди этих воинов — ложь. Он не может поверить им. Очень сильно боится. Да и перед глазами до сих пор стоят картины окровавленных обезображенных тел, отсечённых человеческих голов, а в ушах до сих пор звенит от криков и лязга оружия... Аарон боится верить. Потому что он видел, на что способны те люди, которые теперь его окружали.

— Я вам не верю... — шепчет ребёнок. — Я вас боюсь...

Маг понимающе кивает, всё-таки, гладит вампира по голове, встаёт и уходит. И мальчик чувствует, что очень боится, что тот, спасший его человек, больше никогда не придёт, что он бросит его здесь...

Он совсем ещё ребёнок. И ни за что не выживет, находясь вдалеке от людей, от селений. А в том, что ближайшее поселение находилось очень далеко, сомневаться не приходилось.

===== Легенда о войне. Часть четвёртая. Вирджилис. =====

VII.

Княжество Вирджилис — небольшое эльфийское поселение на севере их земель. Одни леса простираются вокруг. Дома на деревьях, пение птиц, вечнозелёные леса, ледяная река, что может выйти из берегов... Приветливые и общительные жители, готовые всегда прийти на помощь... Весёлые народные пляски и гуляния. Громкий смех. Счастливые лица. И сверкающий на солнце шпиль дворца. Платья свободного покроя, ленты в волосах... Так было когда-то давно. Это уже давно в прошлом. Княжество Вирджилис — огромная цитадель, что стоит на пути войск фальранского короля к царству эльфов. Крепость с мощными и толстыми стенами, которые практически невозможно разрушить... Но стены не были так высоки, как этого хотелось бы, а за стенами города было слишком много людей, чтобы возможно было прокормиться теми запасами продовольствия, которые были в городе. Княжество Вирджилис — прекрасный город с древней историей. Сияющий по ночам каким-то необъяснимым тёплым светом город, стены которого были сделаны из очень прочного, но полупрозрачного камня, что мог быть практически любого цвета... Город, через который протекала широкая река Доиринн, которая брала своё начало в холодном озере Эитн... Это была преграда на пути к Кербхоллану — прекрасной и величественной эльфийской столице... Это была цитадель, стены которой ещё никому не доводилось разрушить. Об этих местах слагались легенды — о царе Макдаре, что заложил первый камень в этом городе, о царице Файн, на чьё золото был выстроен огромный храмовый комплекс... Здесь всё, возможно, было несколько иначе, нежели в других эльфийских поселениях. Здесь было несколько холоднее, чем в других городах, что принадлежали эльфам, это место со всех четырёх сторон было окружено лесом, а вокруг не было ни одного поселения, которое могло бы напасть или прийти на помощь. Не докричаться. Не дозваться. И нет никого и ничего, что

сможет помочь. В вечном одиночестве и мраке — это была участь княжества Вирджилис. Огромной цитадели. Цитадели, у которой отбирали право на будущее, право на выбор... Ведь у легенд никогда не может быть права что-то выбирать. Легенды должны оставаться легендами... Давно умолкли глупые песни, давно перестали люди танцевать. В месте, которое призвано воевать, не может быть песен и плясок, не может быть радости и счастья. Люди здесь обязаны становиться воинами, а не бардами, обязаны учиться сражаться с самого детства, а вовсе не петь или танцевать, обязаны перестать верить в любовь и счастье — только сражаться, сражаться, сражаться... И подозревать всех в том, что они собираются напасть. Вечность сражений, боли и гнетущего, пожирающего душу одиночества... За что так строго боги наказали этот город? Почему больше ни одна птица не поёт здесь? Стены Вирджилиса так толсты... Но, впрочем, недостаточно высоки — маги взмоют в небо, если им потребуется. Они готовы на всё ради своей победы. Наверное, это хорошо. Это правильно. Но эльфам война не нужна. Им нужно процветание, им нужен мир — но уж точно не те жертвы, которые могут приготовить им боги за эти сражения...

Сколько ещё продержится эта крепость? Несколько дней? И продержится ли? Пожалуй, в княжестве Вирджилис куда теплее, нежели в Линдейме, Реозите, Аордене или в других королевствах, что смела армия Инарда, желая вырваться из вечного белоснежного холода Фальрании. Большинство эльфов думало, что Вирджилис продержится ещё долго — чего только не выдерживали эти стены ранее. Наверное, было разумно надеяться на эти толстые стены из столь прочного камня... Наверное... Аресе почему-то не могла на это надеяться... Что-то тревожило её. Что-то заставляло постоянно бояться... За стенами крепости было безопасно — так твердили ей все. За стенами цитадели нечего бояться — так говорили и сёстры, и отец, и мать, и телохранители, и стражники... Но цитадель не вечна — это всегда хотелось сказать ей. Сколько крепость сможет выдержать натиск врагов? Эльфы не хотели этой войны, а маги живут только ею... И они смогут прорваться сквозь эти стены. Взорвут их. Возьмут город измором. Сожгут крепость при осаде. Вариантов слишком много.

Когда Аресе была маленькой, она верила в легенды про неуязвимость и неприступность этих, таких родных, стен. Она верила, что Вирджилис — самое безопасное место в мире. Верила, что война будет там — в землях магов и вампиров. Что до эльфов сражения не дойдут... Маленькая эльфийская княжна... Как наивна она была тогда! Аресе смотрит в зеркало и не узнаёт сама себя — какая-то слишком бледная, слишком худая девушка смотрит на неё оттуда. Не слишком красивая. Обыкновенная. Разве что глаза у неё те же — зелёные, яркие, встречаясь со взглядом которых её мать вечно вздыхала и говорила, что не должно эльфийке смотреть столь вызывающе.

Маги стоят у самых стен города, и отец говорит, что именно это заставило его дочь так сильно осунуться, так похудеть... А ещё он постоянно говорит о том, что Вирджилис — не Имештфорд. Магам придётся хорошенько постараться для того, чтобы взять его штурмом — Вирджилис имеет не одни внешние стены. Есть шесть городов — как и шесть стен. Магам придётся преодолеть все шесть стен, чтобы добраться до сердца Вирджилиса. Это не такая простая задача, как смести на своём пути вампирский Реонхейм. У вампиров стены куда тоньше, да и запасов провизии и оружия — тоже. Эльфы воевали куда чаще них. И штурмов они пережили куда больше. Отец говорил Аресе, что сам он командовал парой осад до рождения своей второй дочери. И он постоянно успокаивал её тем, что уж эту осаду Вирджилис выдержит — много цитаделей переживало и худшее. А Вирджилис — необыкновенная цитадель. Второй такой мир не видывал. Крепость выдержит натиск врагов.

Выдержит. Справится с магами. И когда те явятся сюда во второй раз — рядом будет и эльфийское войско. И они сразятся. И победят. У Инарда не слишком много шансов выиграть ту битву — основные силы магов брошены на уничтожение вампиров... Вирджилис — необыкновенная цитадель. Она сможет устоять под натиском немногочисленных отрядов магов. Выдержала же натиск их же армады несколько десятков лет назад — ещё до рождения Аресе...

Но Древние разрушали куда более величественные и неприступные крепости, нежели та, которой был Вирджилис. И достаточно легко — один Сонм Отречённых чего стоил! Ареселис любила легенды о них... Легенды о людях, которым удалось всё перевернуть — пусть и таким кровавым путём, который они избрали для достижения своих целей. Легенды о силе человеческой воли — воли Танатоса, воли Йохана, воли Асбьёрна... Легенды о силе человеческого ума — ума Хелен, ума Деифилии, ума Драхомира... Легенды о силе человеческой ненависти — ненависти Изара, ненависти Саргона, ненависти Оллин... Легенды о силе любви — пусть и не правильной, пусть и кровавой, но безумно красивой и яркой. Любви, что вспыхнула на одно мгновение — и сожгла весь мир... Что воплотилась в том вечном танце страсти, боли и радости... Деифилия и Драхомир — человек и демон. Два разных мира. Танец любви ловца душ и той, что должна была быть против... Сонм Проклятых — вот, что можно считать доказательством того, что Вирджилис может быть в любой момент разрушен. Эти грешники, что прошли по миру, испепелив его почти полностью по дороге. Разве, зная это, не стоило бояться того, что Инард окажется столь же упорен, как и они, столь же упрям, столь же умён? Разве не следовало опасаться того, что маги могут победить? Разве не следовало бояться того, что кто-нибудь из них окажется вторым Изаром по жестокости? Что по магической силе кто-нибудь может оказаться не слабее Драхомира? Что кто-то равнодушием и хладнокровностью может сравниться с Танатосом? Ведь Древние тоже недооценили этих людей... Их было всего лишь четырнадцать. Но они смогли расколоть мир на три куска, смогли перевернуть всё восприятие вселенной, смогли дать пробудиться Древней магии, смогли укротить её, подчинить себе... Отец говорил, они сожгли весь мир и смеялись, стоя на пепелище. Но ведь они не только сожгли мир — они помогли пробудиться магии, помогли растаять вечному льду...

Мир до сих пор не может забыть их кровавых танцев на пепелище, их весёлых песен на костях поверженных ими.

Интересно, что стало с ними после их смерти? Как наказали их за те преступления, что они совершили на пути к своей свободе? Аресе было чем-то жаль их — прежде всего, они были обыкновенными людьми со своими характерами, жизненными трудностями... Людьми, что смогли пойти против всех ради того, чтобы остаться собой — теми, кто не захотел подстраиваться под остальной мир. И теми, кто спас мир от гибели, пусть и изрядно покалечив...

Они — доказательство того, что Вирджилис тоже может пасть. Всё зависит только от силы противника. А маги были достаточно сильны, чтобы смести целые вампирские королевства, когда решили выбраться из льдов Фальрании. Вампиры не устояли, дрогнули. А разве эльфы смогут выстоять? Разве они воевали больше закалённых в ледяных пустынях Фальрании магов? Аресе не слишком верит в то, что Вирджилису удастся выстоять. Ей кажется, это маловероятно, что в цитадель не войдут враги...

И девушка оказывается права.

В ту ночь она просыпается от нестерпимой боли в спине. Вскрикивает. Как только к боли удаётся хоть немного привыкнуть — вскакивает с постели, сбрасывает с себя ночную рубашку и бросается одеваться. Скорее. Скорее — лишь бы успеть. Что-то заставляет её торопиться. Она выскакивает из своей спальни. Вокруг тишина. Звенящая тишина. А у неё ужасно болит спина. Будто какой-то из позвонков раздроблен... Девушка не понимает — как она умудрилась пройти эти несколько шагов... Она оглядывается вокруг — никого. Совершенно никого...

Пусто.

Аресе никогда не задумывалась раньше над тем, что когда-нибудь ей понадобится помощь, но никого рядом не окажется... Она подбирает юбки своего платья, делает несколько шагов, хватается руками за колонну и тихонько всхлипывает. Больно. Спина горит, словно в огне. И ни телохранителей, ни родителей, ни сестёр, ни братьев — никого поблизости. Эльфийка делает глубокий — насколько это только возможно в её положении — вдох и, отпустив мраморную колонну, делает несколько шагов — ровно для того, чтобы ухватиться тонкими пальцами за вторую. Страх и боль душат её, но она старается как-то справляться — не время сейчас просто упасть и зарыдать где-то здесь. Кто знает — что такого могло случиться, что рядом не оказалось никого. Рядом с ней всегда кто-то был... Эльфийская княжна осторожно делает ещё несколько шагов, доходит практически до выхода из своих покоев — и тут её накрывает новая волна боли. Девушка вскрикивает от неожиданности, вцепляется пальцами за ручку двери, а потом толкает ту со всех оставшихся сил.

У самой двери стоит бледный взъерошенный Гаспар — один из её телохранителей. Не слишком умный и сообразительный молодой мужчина, который жутко раздражал Аресе — безответный, тихий, покорный... Но то, что он стоит здесь, безмерно радует её сейчас. Она рада увидеть хоть кого-нибудь... Ещё одна вспышка боли. Аресе ещё крепче вцепляется своими тонкими пальцами в дверную ручку, снова вскрикивает, зажмуривается от боли. Гаспар смотрит на неё с каким-то ужасом... Тянет к ней свои руки, но словно боится прикоснуться к эльфийской княжне. Впрочем, он действительно боится. Смотрит своими широко распахнутыми серыми глазами прямо на неё. Дурак. Это, пожалуй, всё, что княжна может сказать про него.

— У вас кровь... — испуганно выдыхает её телохранитель спустя несколько минут, после ещё одного вскрика девушки. — Княжна, у вас...

Эльфийская княжна тянет руку к лицу, касается своей щеки, чувствует, как по пальцам течёт что-то влажное. Прикоснуться к лицу больно. Очень больно. Всё саднит и щиплет. Кто мог её так ранить? Не слишком важно. Что с отцом, что с матерью, что с сёстрами, что с братьями, что с крепостью — это волнует её сейчас куда больше. Ещё одна вспышка боли. Аресе уже не кричит — лишь бесшумно открывает рот, потом закрывает и тихонько всхлипывает... Ей больно. Больно и страшно. Когда уже это всё закончится? Что происходит?

В какой-то странной догадке девушка запускает руку за ворот платья, касается чего-то жутко саднящего на своей спине. И когда она достаёт руку — на пальцах её кровь. Словно кто-то ударил её... Странно. Если бы в крепость забрался кто-то, кто мог бы отхлестать её чем-то по спине... Платье бы тоже порвалось, раз это нечто оставляло на её спине такие следы... Быть может, магия? Гаспар смотрит на неё с каким-то, свойственным, пожалуй, ему одному, ужасом...

— У меня — кровь! — шипит раздражённо Аресе. — Я не глухая! Мне не нужно это повторять!

Она спрашивает телохранителя о том, что произошло. Её отец никогда не отослал бы от неё остальных телохранителей, если бы не случилось что-то совершенно ужасное. Мать никогда бы не позволила этому случиться. Её-то мать — считавшая её совершенно неспособной быть леди — не позволила бы дочери надолго оставаться наедине с самой собой...

Аресе стоит босиком на холодном полу, но это её несколько не беспокоит. Напротив — ей так даже как-то легче терпеть ту боль, что пронзила её этой ночью. Она смотрит в бледное лицо Гаспара. Этого недотёпы, который оказался во дворце только благодаря ходатайству своего дядюшки. Она смотрит в его испуганные серые глаза. Полные какой-то странной для него решимости. А потом мужчина хватается за руку и утаскивает обратно в её покои.

Княжна пугается этого, отталкивает его со всех сил, что только остались в ней. Это помогает. Гаспар почти падает, не удержав равновесия, а Аресе отскакивает от него и бежит в другой конец зала, что входил в её покои. Она жутко боится его. Этого странного человека. Этого слуги, который всегда был молчалив и тих, а сейчас словно взбесился — схватил её за руку, позволил себе куда-то оттащить... Эльфийка хватается первую вещь, что попадает ей под руку — какой-то старенький, не слишком большой подсвечник, вероятно, входивший в маменькино приданное. Она старается не отрывать взгляда от Гаспара. Он слишком сильно пугает её... А Гаспар встаёт, делает несколько шагов по направлению к ней и... говорит эльфийской княжне о том, что осада началась с новой силой, что магам удалось проделать несколько брешей в внешней стене, что её — Аресе — отец приказал большинству телохранителей своих детей подняться на башни, чтобы обстреливать слишком настырных магов... А потом вдруг говорит, что княжне не стоит бояться — он, Гаспар, может честно выполнить свою работу в случае опасности.

Аресе усмехается как-то слишком... слишком неправильно для себя. Вдруг просит телохранителя почти ласково, чтобы тот повторил свои последние слова... А тот имеет глупость повторить это... Аресе презрительно фыркает и кидает подсвечник в его сторону — телохранитель едва успевает отшатнуться. Подсвечник разбивает одно из зеркал в этом зале. Осколки со звоном обрушиваются на пол. Гаспар вздрагивает и смотрит непонимающе на княжну. А та смеётся. Пожалуй, теперь-то она точно имеет это право — смеяться... Возможно, осталось всего несколько часов — и крепость падёт... Когда у неё ещё будет время?

А Гаспар молчит — терпит. Как и всегда. Просто молчит. Смотрит как-то виновато и слушает, что говорит ему княжна. А говорит она довольно много — ей хочется высказаться сейчас. Впрочем, она никогда не была достаточно вежливой и обходительной для того, чтобы её матери нравилось её поведение. Наверное, её сегодняшнее поведение ничем не отличалось от того, как она вела себя обычно.

— Думаешь, этого достаточно?! — вдруг срывается на крик девушка. — Думаешь, можешь просто прийти, встать за спиной — и это поможет?!

А Гаспар молчит — терпит. Как и всегда. Просто молчит. Смотрит как-то виновато и слушает, что говорит ему княжна. А говорит она довольно много — ей хочется высказаться сейчас. Впрочем, она никогда не была достаточно вежливой и обходительной для того, чтобы её матери нравилось её поведение. Наверное, её сегодняшнее поведение ничем не

отличалось от того, как она вела себя обычно.

— Думаешь, этого достаточно?! — вдруг срывается на крик девушка. — Думаешь, можешь просто прийти, встать за спиной — и это поможет?!

И Гаспар вздрагивает и отшатывается от неё. Смотрит почти виновато. Дурак. Аресе почему-то чувствует, что злится на него. Она постоянно сердится на этого недотёпу, что по недоразумению оказался рыцарем. Эльфийку невероятно раздражает этот человек — он слишком глуп и слишком доверчив. Как только отец допустил его до должности телохранителя? Впрочем, он, пожалуй, был весьма прилежен и старателен — этот нервный бледный рыцарь.

Маги, вероятно, собирались снести стены Вирджилиса. Аресе почему-то казалось именно так. Она жмурится от боли. Ей страшно. Очень страшно. Что будет с ней? Что будет с крепостью? Что такое случилось с маленькой эльфийской княжной? Почему она чувствует, что будто бы связана с крепостью? Если это так, Аресе обречена — маги не оставят от Вирджилиса и камня.

— О, боги! — кричит она, слёзы катятся по её светлому лицу, но она даже не замечает этого. — Боги! Пощадите меня!

Снова вспышка боли. Аресе почти привыкла к ним, почти привыкла к тому, что она сейчас чувствует. Нет, ей от этого несколько не легче — только ещё более страшно, ещё более боязно. Что будет с крепостью? Падёт ли Вирджилис? Маги настырны... Маги упорны... Маги сильны... А эльфы к этому сражению не готовы. Они просто жили, просто работали в поле, собирали в лесу мёд, а в реках ловили рыбу. Они просто жили. Просто танцевали и пели каждый год на большом празднике, который Аресе так любила... В цитадели не так много народу, чтобы суметь продержаться хотя бы до прихода эльфийских войск. Даже если они придут скоро. Аресе сомневалась в этом. Столице куда проще пожертвовать цитаделью, нежели выслать на её защиту несколько тысяч солдат. Глупцы. Маги дойдут и до них когда-нибудь. Нужно только немного времени. Инард не остановится после падения одной из эльфийских крепостей — ему захочется куда большего, нежели небольшой Вирджилис... Он испьёт вдоволь крови. И дойдёт до эльфийской столицы. Через год, два или даже десять. Но дойдёт. Аресе не верит, что они справятся с несокрушимой фальранской армадой. Девушка прекрасно понимает, что против фальранцев вирджилийцы долго не продержатся. Несколько дней — в лучшем случае. А потом маги пробьют стены цитадели и прорвутся внутрь.

Эльфийская княжна стоит посреди зала, что примыкает к её спальне. Одета наспех. С кровотокащими щекой и спиной. Напуганная. Слишком напуганная, чтобы как-то действовать. А рядом с ней стоит один из самых нелепых рыцарей на свете. Гаспар. Молодой племянник какого-то военачальника. Внебрачный сын. Ребёнок, которого, должно быть, презирали в детстве. И по нелепой случайности — единственный человек, что сейчас находится рядом с Аресе.

— Мы справимся, княжна... — произносит мужчина с какой-то непонятной верой в собственные слова.

Спину обжигает огнём. Снова. А у девушки сил остаётся только на то, чтобы фыркнуть от смеха, когда она слышит слова Гаспара. Дурак. Какой же он дурак! Даже думать о нём смешно! Он, пожалуй, был весьма забавным... Только вот... Сейчас эльфийской княжне совсем не это нужно.

— Много ты понимаешь! — жёстко усмехается Аресе. — Ты хоть знаешь, насколько

дрянная эта ситуация?!

Виски пронзает болью. Тупой, но сильной и резкой. Аресе вскрикивает и зажмуривается на мгновение. Первое, что она видит, когда решается их снова открыть — горящую занавеску в её покоях, пробитую крышу и небо, что появилось в осколке... Ей жутко больно. Больно и страшно. Она растерянно смотрит на подскочившего ближе Гаспара, не слишком хорошо что-то понимая.

— Уходим, княжна! — кричит он, хватая её за руку.

Аресе не сразу понимает, что происходит — ей всё кажется, что это просто дурной сон, что вот-вот она проснётся в своей постели и все окажется на своих местах. Она удивлённо смотрит на свои родные стены. Аресе с ужасом думает, что, возможно, пройдёт ещё несколько дней — и от стен родного ей Вирджилиса ничего не останется. Она едва может поспевать за мужчиной — спина её горит огнём, а теперь ещё и голова болит так сильно, что нету сил пошевелинуться.

— Мы прорвёмся, княжна! — говорит Гаспар с какой-то болью в голосе. — Прорвёмся!

Он уводит девушку вниз по лестнице — туда, в город. Аресе едва может идти за ним. Ей жутко больно. Но она послушно бредёт туда, куда он ведёт её. Почему-то — доверяет. Впрочем, сопротивляться сейчас совсем нету сил. Ей хочется лишь оказаться в каком-нибудь тихом, спокойном месте — в безопасности... Какой-то отчаянный вскрик, полный боли и отчаяния заставляет девушку остановиться и прислушаться. Кричит одна из её сестёр — Сарита. Кричит настолько громко и отчаянно, что юной эльфийке становится не по себе...

Она слышит только одно слово в тех вскриках, которые повторяются. Сарита раз за разом повторяет имя их младшего брата... Девушка вздрагивает от этих звуков, смотрит на Гаспара, который, очевидно, решил вывести её из здания любой ценой... Эльфийка не обращает внимания даже на очередную вспышку боли. Все её мысли о сестре и брате, которые находятся в комнате наверху. Все мысли о том, что неплохо было бы оказаться в спокойном, безопасном месте вылетают из головы.

— Отпусти! — вырывается Аресе. — Отпусти меня немедленно! Там... Мы не можем их бросить!

И в какой-то момент эльфийке удаётся вырваться. Она бежит наверх по ступенькам лестницы, уже совершенно позабыв о боли. Бежит на крик собственной сестры. Гаспар бежит за ней. И, в какой-то момент, вдруг начинает оседать на пол, хватается за стену пальцами, дышит тяжело... Алое пятно расплзается по его белой рубашке, он прикрывает рану пальцами и потерянно смотрит на княжну, улыбается слабо, а потом и вовсе падает. Как-то не слишком удачно, завалившись на бок... Аресе зажимает рот рукой и бежит обратно, вниз... Сбегает по ступенькам быстро-быстро, стараясь не думать о мёртвом теле Гаспара там — на лестнице, стараясь не думать ни о чём — ни о боли, ни о страхе. Просто бежит.

Вирджилису, наверное, не суждено выстоять в этой битве с магами.

VIII.

Она сама не ожидает от себя этой смелости. Этой силы... Девушка совершенно не знает, что двигает ею, когда она врывается в тронный зал, где, должно быть, сейчас находятся те двое — из специального отряда Инарда, который тот посылал лишь на зачистки. Аресе никогда не поступила бы так. Девушка одёргивает себя. Ареселис — совсем другое дело. Аресе была маленькой дурочкой, что верила в то, что ей смогут помочь. Ареселис — уже неспособна верить. Аресе всегда думала, что жизнь полна радости и

счастья, что всегда найдутся люди, которые будут тебя любить. Она ещё не видела смерти... Она была юркой, озорной девчонкой шестнадцати лет, которая только и умела, что бегать по дворцу и дразнить своих телохранителей. Ареселис — другая. Уж смерть-то она видела. А ещё — она прекрасно осознаёт разрушительность собственной магии. То, что эльфы никогда не смогут в ней принять. Но она сама приняла это в себе. Пожалуй, это — главное. Но привыкнуть к Ареселис пока трудно. Ещё пару месяцев назад было невозможно даже подумать о том, что Аресе когда-нибудь исчезнет. Но Аресе больше не было. Не было той девочки, которая играла в этом дворце, которая бегала по ступенькам, убегая от телохранителей — Гаспара или Нойра, или Винсента, или Валенсио — или от сестёр, матери и нянек. Не было той девочки, которая ещё месяц назад орала на слишком беспокойного и нервного Гаспара, которая пару месяцев назад отобрала и сломала лук у своего младшего брата, что не поделил с ней какую-то ничтожную безделушку, которая любила заглянуть в библиотеку тайком, ночью и читать там до тех пор, пока не начнёт светать... Того ребёнка больше не было. Ареселис была другой. Наверное — куда более плохим человеком, нежели Аресе. Более жестоким. Маленькая эльфийская княжна не умела ненавидеть — умела злиться, капризничать, обижаться, устраивать сцены, от которых мать и придворные дамы синхронно качали головой, дёргать за длинные косы сестёр, но не ненавидеть... Её детская, чистая душа ещё не знала этого слова... Ареселис же знает... Более того — она ненавидит...

Эльфам нужно это мирное соглашение. А оно возможно только в том случае, если Инард сам приедет сюда — его слуги алчны, жестоки, кровожадны.

Магия крови — страшное оружие в руках того, кто может ей овладеть. Запретное оружие, которое ни один эльф не позволит себе использовать. Магия крови — та магия, что легко способна убить, что легко способна завладеть, пусть и не сознанием противника, но его телом. Пусть это и не самый честный способ — впрочем, кто в наше время является честным, — но это было единственное, что могло заставить магов привести сюда своего короля.

Среди магов больше всего тёмных колдунов — тех, кто обладает поистине разрушительной силой, тех, кто может смести всё на своём пути, тех, кто может сжечь свой мир. Это обусловлено тем, где маги живут — на далёком севере, там, где постоянно холодно. У эльфов всё не так. Эльфы — за мир и процветание. Эльфы — против насилия и использования магии, которая может навредить. У эльфов больше всего целителей, а светлых магов больше всего у вампиров и сильфид. Но даже среди этого миролюбивого народа найдутся тёмные — Ареселис одна из них. Смешно само это разделение. Любая магия может причинить вред, любая магия может спасти жизнь... К чему же разделение?

Эльфы — миролюбивый народ, который не хочет вмешиваться в войны, который не хочет сражаться. Пусть они и не сильфы и сильфиды, но им совершенно не нужна эта война с магами. Их жизнь — леса, реки и синее небо. Их жизнь — поток свежего воздуха, танцы и песни. Их жизнь — радость от самого существования. Их жизнь — красивые легенды. Их жизнь — множество историй, что записаны в свитках и книгах.

А она?.. Маленькая княжна Аресе Вирджилисская? Маленькая девочка, которая случайно оказалась на этой войне. Ребёнок, которого лишили отца, сестры, брата. Ребёнок, который бы хотел всё это вернуть. Или хотя бы отомстить за ту чудовищную несправедливость, что была допущена по отношению к ней.

Наверное, от неё отрекётся. Не так важно. Совсем не важно.

Эльфийка врывается в тронный зал своего отца — нет, своего народа — и сталкивается лицом к лицу с двумя магами, очевидно, как раз теми, про кого Инард писал её отцу, предупреждая об этом вторжении. Ареселис почему-то совершенно не чувствует страха сейчас — тот человек запретил ей бояться. Сказал, что она сможет, что справится с той задачей, которую перед собой поставила. Девушка почти поверила ему тогда. И совсем поверила ему сейчас — когда стоит прямо перед двумя магами.

Это двое довольно рослых и крепких мужчин. Светловолосых, как и многие маги. И наглых, как все фальранцы. Самоуверенных. Убеждённых в собственной правоте. Конечно — когда твоя точка зрения навязывается с позиции силы, легко увериться в правильности своего решения, легко стать убеждённым в том, что все неправы, кроме тебя. Подумать только — ещё неделю назад Ареселис боялась их. Нет, — поправляет она сама себя. То была не Ареселис. То была маленькая княжна Аресе.

— Уходи, девочка! — ухмыляется один из боевых магов, едва завидев её. — Мы можем убить тебя — мы, всё равно, убьём тебя, — но, на самом деле, будет куда интереснее, если ты будешь бежать...

Княжна смотрит ему прямо в глаза. Она — маг крови. Она — самое ужасное чудовище, что только могло родиться у эльфов. Маг, которому свыше позволено судить людей и приговаривать их к смерти. Маг, которому свыше разрешено стать палачом для всех несогласных с мнением богов. Страшное существо, которое ни одному народу не хочется породить. Чистильщик. Она напоминает это сама себе. Быть может, когда-нибудь настанет время, когда княжна не сможет простить себе принадлежность к той категории магии, что стала её с самого рождения. Не стоит большого труда вспомнить то, чему научил её за столь короткое время тот мужчина. Доля секунды — и Ареселис удаётся заполучить контроль над его телом. Руки девушки заметно трясутся. Она волнуется. Жутко волнуется. Она никогда раньше не причиняла вред живому существу. Кроме того человека, который стал учить её недели полторы назад. И который научил её быть магом крови. Который показал ей то, чему эльфы бы ни за что не стали учить свою маленькую княжну.

Её довольно сильно трясёт, но Ареселис старается ничем не выдать этого своего волнения. Не слишком трудно это сделать. Совсем не трудно. Стоит только забыть о том, чему её учили родители. И вспомнить то, чему обучал тот странный человек. Княжне кажется, что ей холодно. Словно кровь застывает в её жилах. Словно бы её бьёт озноб. И единственная мысль, что сейчас бьётся в её голове — «смотри им прямо в глаза, как бы тебе этого не хотелось, ни на секунду не отводи взгляда, и тогда ты справишься».

— Твои глаза... — почти рычит второй из боевых магов, когда магия крови заставляет его подчиниться эльфийке.

У неё зелёные глаза. Красивые. Она всегда любила смотреться в зеркало и встречаться взглядом с собой... У неё совершенно не эльфийские глаза... Такие бы подошли какой-нибудь ведьме из Имештфорда, что жила практически на стыке владений магов и вампиров, но никак не эльфийской княжне... Сёстры всегда смеялись над ней из-за этих глаз, а сама Аресе иногда боялась сама себя из-за них... Но теперь — она уже не боится. У неё не так много всего осталось в жизни, чтобы бояться чего-то. К тому же, кто, если не она сама может всё изменить? Всё вернуть?..

Она видела однажды человека. Молодого. Ему можно было дать двадцать пять или двадцать шесть лет на вид. Молодого человека с очень старыми синими глазами. В тёмной потёртой старой одежде. С тёмными кругами под глазами. С сигаретой в костлявых пальцах.

С необыкновенно яркими алыми волосами... Он стоял, прислонившись спиной к колонне. Посреди дворца. Курил. Медленно-медленно. Совершенно неторопливо. Словно не замечая пробегающих туда-сюда стражников. Словно не замечая плача какой-то матери, у которой убили сына, или какой-то жены, что осталась вдовой — возможно, с маленьким ребёнком или даже детьми. Он стоял и курил, не обращая ни на кого внимания. Аресе подошла к нему тогда. Он не сразу обратил внимание на неё. Лишь когда она закашлялась, вдохнув этот едкий, неприятный дым. Тогда он усмехнулся одними губами — в глазах его словно было пусто, если бы не его зрачки, Аресе вполне могла подумать, что он слеп — и удивительно снисходительно поздоровался с эльфийской княжной. А Аресе зацепилась взглядом за его вязанный шарф — ярко-красный, как и его волосы, словно кровь... А голос у него был жутко сиплый — словно он давно не говорил не с кем.

Тот человек... Он запретил ей бояться. Сказал, что считает, что она со многим сможет справиться, что помощь ей не слишком нужна... Посмотрел на неё с жестокой усмешкой и сказал, что, если она сама не может остановить ту череду смертей близких ей, то, значит, она сама не заслуживает быть счастливой. Закурил и выдохнул, что у юной эльфийки поистине колдовские глаза... А колдовские глаза — такая редкость... Нельзя не воспользоваться этим. Глупо. Крайне глупо.

А ещё он сказал, что научит её пользоваться той силой, которая досталась ей. Сказал, что, если она хочет, чтобы близкие ей люди жили — она станет учиться у него. И Аресе — тогда это была ещё Аресе — согласилась. Что ей было ещё делать? Гаспар был мёртв. Он умер прямо у неё на глазах. Её старшая сестра и младший брат были мертвы — тот голос принадлежал именно её сестре. Её отец был убит фальранской стрелой. Всё в один день. Аресе не хотелось, чтобы кто-то ещё умирал. Девочке хотелось лишь вернуть тот Вирджилис, в котором она жила когда-то. А тот человек... Он объяснил эльфийке, как это можно сделать. Более того — он научил.

— Колдовские? — спрашивает Ареселис с усмешкой превосходства, что, как ей казалось ранее, было совершенно ей не свойственно. — Я знаю.

Эльфийка чувствует, как ей становится спокойно, как ей становится хорошо, когда с помощью магии крови ей удаётся заставить кричать одного из боевых магов. Второй из них с ужасом смотрит на неё. Должно быть — так они смотрели на своего короля. С ужасом, с суеверным ужасом, который заставлял их идти за ним, идти войной на любого, кого Инард не любил, кого хотел уничтожить. Говорили — он тоже маг крови. И маг разума. Забавно. Ареселис кажется это невероятно забавным. Она улыбается. Улыбается, глядя на побледневшее лицо мага. Огромных усилий стоит немного отпустить его, дать возможность дышать... Огромных усилий стоит отказаться от желания свернуть ему шею прямо сейчас...

— Я хочу говорить лично с Инардом! — на весь зал гремит голос эльфийской княжны. — Я хочу говорить с Фальранским владыкой, а не с его слугами!

Они смотрят на неё... А Ареселис думается, что ещё совсем недавно она и не предполагала в себе такой силы... Наверное, именно поэтому всех более-менее способных к тёмной магии фальранцы обучают на воинов — эта магия затрачивает не слишком много усилий от владельца при обучении, а оружием является достаточно мощным. Княжна делает несколько шагов по направлению к трону.

Когда-то тут заседал со своими советниками её отец. И хоть теперь всё это по закону должно перейти её оставшемуся в живых брату — Ареселис не позволит. Ей нравится это место. Ей жутко нравится ощущать собственную власть — над магами, над этим местом, над

всей цитаделью Вирджилис. Ей нравится ощущать собственную силу — магия крови предоставляет её достаточно для того, чтобы почувствовать себя по-настоящему сильной. Тот человек был прав — магия крови это именно то, что убьёт её страх, что сделает её достойной этого места, этой цитадели...

— Я — вирджилисская княжна, — говорит она с таким достоинством, какого сама в себе не ожидала. — Я — эльфийка. Я — третья дочь покойного вирджилисского князя Силвестре. Я не позволю Инарду так унижать меня.

Ещё недели полторы назад она тряслась от страха, поднявшись посреди ночи и узнав о том, что маги штурмуют крепость. Ещё полторы недели назад она оплакивала отца, брата, сестру и даже телохранителя... А теперь — теперь девушка стоит посреди тронного зала своего отца и чувствует себя главной, чувствует себя достаточно уверенной в себе для того, чтобы справиться с двумя посланниками Инарда. Полторы недели назад эльфийская княжна даже помыслить этого не могла. Она жутко боялась. А теперь... Пусть боятся её.

Девушка удовлетворённо улыбается, думая об этом... Магия крови теперь требует от неё даже меньше сил, чем казалось раньше — удерживать на месте двоих магов оказывается совершенно не так трудно, как Ареселис считала до этого. Ей нужно просто держать свои глаза открытыми и не позволять себе зажмуриться даже если придётся смотреть на ужасную смерть от собственной магии. Всё, что она должна делать — просто не закрывать глаза и думать о том, что она хочет сотворить. Тот человек, что обучал её этому, говорил, что девушка может придумать любую казнь для своего противника, которую только захочет — может переломать все кости, может осушить кровь во всём его теле, может проклясть так сильно, насколько только хватит фантазии. Стоит только осознать, что именно ты делаешь.

— Пусть явится сам — я буду говорить с ним! — эльфийка смотрит в глаза одного из магов, с каким-то странным удовольствием отмечая страх, плескающийся в их глубине.

Ей, пожалуй, должно быть страшно от осознания того факта, в кого она превратилась за эти дни... Но ей совершенно не страшно. Смешно только. Забавно было видеть страх тех, кто ещё совсем недавно вызывал страх в тебе. Забавно было осознавать свою силу, которую ещё совсем недавно девушка считала своим проклятьем. Смешно — да и только. Ареселис ещё никогда не чувствовала себя настолько хорошо, как чувствовала сейчас...

Тот человек сказал ей, что девушка является сердцем Вирджилисской цитадели, что именно поэтому она является и магом крови тоже. А ещё, усмехнувшись, сказал, что сердце любой крепости и цитадели будет кровоточить. Сказал, что любое сооружение, любое оружие, что предназначено для того, чтобы убивать, пусть и сохраняя жизни, имеет обливающееся кровью сердце. Сказал, что когда-нибудь эльфийская княжна поймёт значение его слов и поблагодарит или проклянёт его. Что ему это совершенно неважно. Лишь усмехнулся, заметив, что возможен только один способ спасения крепости Вирджилис и её жителей. И что он обязательно научит этому «несносную девчонку»...

— Ему не нужна война на два фронта, — Ареселис ступает неторопливо босыми ступнями по ковру, постеленному в тронном зале, — а эльфам война, и вовсе, не нужна.

В этот момент она чувствует себя владычицей этих мест. Впрочем, возможно — так оно и было. Быть может, тот человек прав, и маленькая княжна Аресе, действительно, является сердцем крепости? Только вот Ареселис уже совсем другая... Она жестокая. Она озлобленная. Она ненавидит.

— Мой отец пролил довольно эльфийской крови, — княжна садится на краешек трона и с вызовом глядит в сторону поверженных военачальников, — я же не имею права проливать

её.

Она чувствует себя совсем хорошо. Ей нечего бояться. Кроме гнева собственных родственников, когда они узнают, каким образом ей удалось прогнать магов из крепости. Но это уже совсем не страшно. Ареселис справится с поставленной задачей. Она сможет вернуть мир землям эльфов, сможет защитить собственный дом. Ей достаточно лишь использовать ту магию, которой её наделила природа. Зря, что ли, девушка была сердцем Вирджилисской цитадели, если тот мужчина сказал правду?

Магия крови была серьёзным преимуществом. Очень серьёзным. Говорят — в одном поколении рождается только до пяти магов крови. И Ареселис одна из этих пяти. Вторым является король Фальрании Инард, тот человек, которого, пожалуй, боялись и боготворили все маги. Тот, кому когда-нибудь удастся вывести свой народ из ледяных пустынь. Эльфийской княжне отчего-то хотелось верить в это. Ей, пожалуй, даже хотелось поддержать этого человека в его начинаниях. Пожалуй, девушке хотелось бы даже быть его другом... Если бы он не напал на её народ, она смогла бы относиться к нему по-настоящему тепло. А пока... Пока она могла только уважать фальранского владыку — было за что.

— Уходите! — вскакивает она с трона. — Убирайтесь прочь! У меня достаточно магии, чтобы убить вас всех!

Всё чаще девушка замечает, как резко её настроение меняется. Ей странно это, пожалуй. Раньше такого не было. Даже тогда — когда она злилась на Гаспара. Подумать только — теперь он мёртв. Мёртв, потому что хотел любой ценой защитить эльфийскую княжну от захватчиков. Мёртв, потому что был верен ей и её отцу. А она ещё так жестоко смеялась над этим человеком... Пожалуй, это было несправедливо по отношению к нему. Пожалуй, стоило относиться к этому телохранителю иначе. Уважать его. Хоть насколько-то.

Ареселис вспоминается мёртвое тело Гаспара, его остекленевшие глаза. Ей вспоминаются крики её сестры, которая звала их младшего брата. Говорят, маги наслали туда какое-то проклятье, которое поразило Сариту и Каetano и смертельно ранило Гаспара. Что остановило её от того, чтобы не побежать наверх, туда, откуда доносились крики? Страх... Слабость... То, что спасло ей тогда, полторы недели назад, жизнь.

— Я не делаю этого только из моей милости, — Ареселис сжимает кулаки от гнева, которому она не может позволить одержать верх над собой сейчас, — но знайте — любая, самая ничтожная ваша ошибка может мгновенно изменить это.

Эльфам необходим этот мир. Как бы больно ей не было — нельзя поддаваться эмоциям. Каждый эльф в Вирджилисе и столице хочет, чтобы война его не коснулась. Ареселис война уже обожгла. И она не позволит своим чувствам взять верх над собой. Она должна спасти свой народ. А уже потом стоит думать о том, как война исковеркала её сердце. В первую очередь — те люди, которые находятся сейчас в городе. А потом уже — её мысли и чувства.

Нельзя всё испортить...

Ареселис слишком много стоил этот шанс спасти её народ, чтобы она имела право думать о смерти своего отца, брата, сестры, телохранителя. И она ни на секунду не засомневается сейчас в правильности своего решения. Быть может, когда-нибудь она раскается в этом. Но не сейчас. Сейчас она поступит так, как всегда должна была поступить. Не зря тот человек научил её этой магии. Эльфийка ни секунды не жалела об этом с того самого дня, когда мужчина стал её учить. Прошло-то совсем ничего — но теперь эльфийская княжна сможет надеяться на то, что всё закончится для её семьи хорошо.

— Передайте своему королю — я буду говорить с ним, — каждое слово девушка с каким-то едва понятным ей удовольствием словно бы выделяет, произносит слишком чётко — куда больше, чем это следует делать, — но любого, кого он пошлёт ко мне вместо себя — я уничтожу.

Ей ничего это не стоит — она достаточно сильна. Ей ничего не стоит свернуть шею кому-нибудь из них. Ей ничего не стоит убить их. Или пытать — так жестоко, насколько только хватит злобы. А злобы у неё сейчас хватит на очень многое. Она злится. Ей жутко больно. А боль всегда превращается в злобу, когда её становится слишком много, когда появляется хоть какая-то сила...

— Не верите? — как-то слишком жёстко для себя самой усмехается Ареселис.

Ей ничего это не стоит. Магия крови не слишком трудна в использовании — нужно просто иметь дар. А у неё этот дар имеется. И эльфийская княжна с радостью воспользуется им. Она слишком зла на магов сейчас. И она сумеет отомстить за ту боль, которую они ей причинили. Сумеет потребовать полную чашу их страданий за это. И сумеет её испить. Ни на секунду не помилует их. Ни на секунду не сжалится ни над кем из них. Ареселис — маг крови. А все они безжалостны.

Инарду ли не знать об этом.

— Так — проверьте! — почти шипит она. — Давайте! Прямо сейчас! Я покажу вам, на что способна!

У неё едва хватает сил на то, чтобы отпустить обоих магов. Те едва держатся на ногах. Бедные... Хочется спросить их язвительно о том, как они чувствовали себя, когда эльфийской княжне — девчонке шестнадцати лет — удалось заставить их слушаться себя с помощью магии крови. Понравилось ли им это? Хочется расхохотаться... Расхохотаться так, чтобы они до конца поняли — она сумасшедшая, а это значит, что не стоит становиться у неё на пути, если они хотят выжить... Ареселис чувствует, как её губы расплываются в довольной усмешке...

— Убирайтесь! — выдыхает девушка почти устало. — Убирайтесь вон... И не смейте возвращаться без вашего короля!

Пожалуй, именно об этом говорил тот человек, рассказывая эльфийской княжне о том, что магия крови — мощное оружие ещё и потому, что оно пожирает душу человека, питается его эмоциями, самыми сокровенными переживаниями. И чем переживаний, чем боли больше — тем сильнее маг.

Ареселис провожает взглядом торопливо выбежавших из тронного зала магов и усмехается довольно. Она справилась. Она спасла свой народ. Даже если эти люди вернутся снова с большим количеством солдат, у эльфов будет время перевезти женщин и детей в безопасное место. В столицу. Княжество Вирджилис — цитадель на севере эльфийских земель. Это не самое лучшее место для жизни. Но Ареселис вряд ли согласилась бы куда-то переезжать отсюда. Даже сейчас — после смерти самых близких ей людей. Тем более — сейчас...

— Как же я их презираю... — шепчет княжна устало, опускаясь на колени. — Как же я их ненавижу...

Княжество Вирджилис — цитадель на севере эльфийских земель, что не даёт Инарду прорваться вглубь эльфийского царства. А Ареселис — сердце этой цитадели. И она сумеет защитить это место. Любой ценой. Она навсегда останется здесь. Кровоточащее сердце крепости... Если нужно — она станет им. Как и сказал тот человек. Девушка станет тем, в

ком нуждаются близкие ей люди. Сердцем Вирджилисской цитадели. Тем, кто будет охранять границу эльфийских земель ценой потери чистоты собственной души.

===== Легенда о войне. Часть пятая. Сбежавшая. =====

IX.

В лесу было холодно. Так сильно, что принцесса Эелана уже не чувствовала ни рук, ни ног. Ей хотелось бы, чтобы нашлась хотя бы шаль, которую она могла бы накинуть на плечи. Матушка любила шали, и если бы только Эелане представилась возможность тогда, когда маги штурмовали Реонхейм, она обязательно тогда надела на себя что-то тёплое. Хотя, пожалуй, вряд ли принцесса могла хоть о чём-нибудь думать в тот день. В лесу столь холодно, как никогда не бывало даже в Реонхейме — северном городке её королевства. Впрочем, ближе к Фальрании везде холодно, хотя далеко не везде лежит снег. У них только осень... Фальранцы считают такую погоду тёплой... Да и им ли говорить об этом, если у каждого из воинов есть тёплая одежда?.. Но принцу и принцессе вампиров ничего не дали. Они были врагами, а врагов не принято жалеть. Тем более, фальранцы всегда были варварами. Они пришли из земель вечного холода. Они привыкли к своим белоснежным пустыням и морозу, от которого кровь застывала в жилах. Они привыкли к зиме. Привыкли к бесконечному снегу и жуткому холоду, который вампирам никогда не понять. Жилищ магов за пределами крепостей практически не было, а стены самих крепостей были высокими и очень толстыми, окон практически не было, а все комнаты между собой связывала сложная система отопления, о которой вампиры могли только читать, и, к тому же, практически в каждом помещении была печь. Крепости маги строили поистине огромные. Они заменяли им целые города — в каждой цитадели жило по меньшей мере пять-шесть тысяч человек. Их оружие считалось лучшим во всём Осмальерде. Не только мечи, копья и луки, но и множество магических вещей, которые вампирами до сих пор едва ли были изучены. Сначала вампиры, эльфы и люди были сильнее фальранцев практически во всём — те едва ли могли рассчитывать на что-нибудь в своих ледяных пустынях. Но теперь... С каждым годом Инард старался улучшать снаряжение, строить дороги, по которым можно было доставлять продовольствие и тяжёлое вооружение вроде пушек, которые магами использовались всё чаще и чаще. Порой, когда маги встречали сопротивление, они связывали ядра с друг другом цепями и стреляли. Ариозелир как-то с усмешкой сказал, что ядра разрезают ряд солдат так же легко, как нож разрезает масло. Ариозелир говорил, что магов следует уважать — не имея ничего, они добились столь многого. И всё-таки, несмотря на все технические и военные достижения фальранцев, принцесса Эелана вряд ли могла относиться к ним хоть немного лучше. Эелана видела, как маги убивали её народ, видела, как горел Реонхейм, знала, что множество городов сожгли фальранцы, прежде чем добраться до королевства её отца, до её королевства. Маги уничтожили весь тот мир, в котором принцессе вампиров было так хорошо. Они без всякого сожаления разрушили всё, что было дорого столь многим вампирам, что создавалось веками, тяжким трудом и великим терпением... Маги не любили ждать, они всё брали быстро, с боем, выхватывали кусок хлеба, знания, земли из рук тех, кто заслуживал их куда больше — они были похожи на саранчу. Они проносились через города, убивая всех на своём пути, разрушая святилища, опустошая продовольственные склады и сжигая всё, что оставалось. Маги были тёмным пятном на сияющем лице Осмальерда. Жестокие, алчные, беспощадные... Ничего не могло быть хуже этих существ. Эелана ненавидела их, как только возможно было ненавидеть. Она бы прокляла их, если знала бы как это сделать. Прокляла бы и с удовольствием наблюдала за

тем, как Инард медленно теряет всех тех, кто ему дорог, а потом сам захлёбывается в собственной крови... Эелана страстно желает научиться этому перед тем, как она умрёт. Девушке очень хочется отнять у фальранского короля то, что он сам отнял у неё. Семью, страну и даже честь — ибо разве может принцесса без собственного королевства хоть что-нибудь говорить о своей чести?.. Эелане безумно хочется отнять у Инарда всё, чем он дорожит — его страну, его семью, его гордость... Эелане хочется думать, что у неё есть возможность как-нибудь всё устроить. Принцесса надеется лишь на то, что боги пощадят её сегодня, что дадут ей хотя бы один шанс отомстить — а как это сделать, она уже как-нибудь придумает. Если только выживет.

Маги были вечными врагами вампиров, и это было трудно изменить. Так сложилось столь давно, что не Эелане было это менять. Девушка может лишь надеяться на то, что холод убьёт её прежде, чем кто-то из магов хватится её исчезновения. Девушка может лишь надеяться, что дикие звери — они же должны быть в лесу — доберутся до неё раньше, чем смерть от холода. Эелана не хочет жить и не хочет умирать. Она не знает, чего именно ей не хочется больше. Остаётся только бежать и надеяться на то, что какая-нибудь нелепая случайность решит её судьбу. Только бы маги не хватились её раньше!.. Её братец оказался подлецом и трусом, каких мало, и девушка очень надеется на то, что пока один из командиров армии магов общается с её братом, о ней забыли. Ещё немного... Ещё чуть-чуть... Эелана как-то слышала от Ариозелира, что где-то неподалёку должен находиться храм. Там она и спрячется. Укроется на некоторое время от ветра, возможно, найдёт какую-нибудь одежду или какие-нибудь тряпки, чтобы закутаться в них... Эелана спрячется. Возможно даже ей придётся провести там несколько дней, но она спрячется. Она выживет. Обязательно выживет. Ради своего отца. Ради своей матери. Ради своего королевства. Выживет и покажет всему миру, насколько страшной может быть месть.

Маги были вечными врагами вампиров, и Эелана искренне ненавидела их за все те беды, которые они принесли её народу. Нельзя сказать, что она не привыкла к этому чувству — все годы её отец внушал ей его. Но разве он не оказался прав? Разве это не маги пришли в её королевство, разрушив до того столь многие из государств, что были севернее Линдейма? Разве не о их жестокости слагались легенды? Разве не они сделали жизнь вампирских королевств просто невыносимой — жизнь в постоянном ожидании нападения. Они сделали жизнь вампиров полной постоянного страха. Страх за свою жизнь, за жизнь своих детей и друзей. Страх за будущее своего народа — который вот-вот мог прекратить своё существование. Маги ведь очень многих убивали...

По фальранским легендам перед тем, как закончится Великая Зима, должно было что-то произойти. Что-то из того, что было сделано много тысяч лет назад. Они поклонялись Сонму Отречённых — Эелана знала это. Они поклонялись Танатосу, которого обыкновенно называли Хейденом, и Хелен, которую называли Хериан, великому оборотню Асбьёрну Ярвинену и ледяной королеве Деифилии Ярвинен, сыну солнца Драхомиру Астарну и благородному рыцарю Саргону, барду Йохану, у которого было сто имён, и ночной звезде Лилит... Они верили в то, что другие ужасно хотели забыть — в людей, которым удалось перевернуть эту вселенную. Они верили в то, что человек всегда может изменить то, что ему видеть и осознавать не хочется. Они считали, что мир необходимо постоянно менять, постоянно совершенствовать, они совсем не ценили того хрупкого звенящего спокойствия, которое было дорого вампирам. Для магов не существовало ничего святого — они грабили и убивали всех без разбора. Им было плевать на жрецов, на служителей закона — они убивали

всех. А их глаза... Эелана видела их глаза — в них не было никакого сострадания, никакого благоговения перед древностью. Маги считали древние легенды реальными, но не старались особенно оберегать их. Кажется, няня как-то сказала принцессе, что фальранци считают, что тот, кто должен выжить в этом бою, никогда не умрёт. Небо не позволит стреле пронзить его сердце, а мечу — срубить его голову. Няня говорила, что маги не считали необходимым беречь воспоминания о старине, спрятанные в статуэтках, украшениях и древних крепостях. Няня говорила, что маги старались всё это использовать. Лишь за редким исключением, когда древние крепости становились гробницами. Как это было с Изенбергом, где по легендам покоился Танатос. Изенберг был единственным местом, которое охранялось в неприкосновенности. А ведь у Танатоса даже гроба не было — его хоронили завёрнутым в чей-то плащ. Легенды не сохранили имён. Легенды о многом забывают. И о том, что в первую очередь следует помнить — в первую очередь. Эелане хотелось бы знать — о чём умолчали предания. Ужасно хотелось бы знать.

По болоту нельзя было идти слишком быстро. Эелана боялась увязнуть в трясине, боялась погибнуть. Эелана была готова цепляться за все кусты разом. За траву — за всё, что только может ей помочь. Ей хочется убежать подальше от магов. Подальше от тех, кто захватил её в плен.

Эелане кажется, что жизнь вот-вот закончится для неё. Оборвётся, как тонкая нить. Ей кажется, что она уже видит лицо отца и братьев перед своими глазами. Ей кажется, что смерть всё приближается к ней. И осознание этого заставляет девушку торопиться. Пробираться быстрее. Маги настигнут её. Настигнут, если она будет медлить. Настигнут, будут пытаться и убьют.

Эелана чувствует, как страх захлёстывает её, накрывает с головой. Ей хочется поскорее умереть. Или поскорее осознать, что эту ночь она пережила. Поскорее осознать, что она находится далеко от вампиров — что может передохнуть и успокоиться. И подумать, что ей делать дальше. Теперь она не может рассчитывать на братьев. Просто не может — если уж один оказался трусом, то и остальные могут оказаться такими же. И на мать не может. Мать сделает всё, что угодно, чтобы сохранить жизнь себе и своим сыновьям — ей будет плевать на Линдейм. Ей будет важно только то — пощадит ли Инард её семью или нет. Мать не будет мстить Инарду, если тот решит оставить жизнь ей и её сыновьям. А уж если Инард решит выбрать одного наместником в Линдейме — и подавно. Для матери не так уж важна фамильная честь. Эелана прекрасно это понимает. И прекрасно знает, что не может позволить своему королевству сдаться на милость врага. Уж лучше умереть... Но умереть с честью, с гордо поднятой головой, а не унижать себя мольбами о пощаде. Эелана не будет этого делать. Уж лучше она погибнет. Найти бы только кинжал или что-то, чем можно обороняться в том случае, если кто-то из магов её найдёт.

Эелана уверена, что это мало поможет ей, если маг нападёт на неё. Но сдаваться без боя она не хочет. Она не хочет умирать просто так, не хочет исчезать бесследно. Пусть даже её следом будут лишь пара царапин на теле мага. Лишь бы у неё был с собой кинжал... Но во время побега девушка совсем не думала об оружии. Она даже в том, что этот побег ей удастся, не была уверена полностью. Она просто поддалась тому минутному порыву, просто воспользовалась ситуацией...

Платье жутко мешает. Должно быть, мужчинам бежать удобнее, чем женщинам. И почему только Эелана не родилась мальчиком?.. Тогда она погибла бы вместе с отцом. Стала бы нехоронённым... Даже это лучше той жалкой участи, которая ей была уготована в

плену. К тому же, Эелана толком и не знает, что ей делать в том случае, если её не убьют. Что ей делать дальше? Что, если сегодня она выживет? И завтра, и послезавтра — тоже? Пару дней она продержится без еды и без сна — а что дальше? Что ей делать в этом случае?

Хорошо бы наткнуться на какой-нибудь заброшенный храм... Там можно было бы развести огонь в очаге и немного согреться. И подумать. Хорошенько подумать над собственным будущим. Что ей делать, куда ей идти... В Линдейм — исключено. В Фальранию она не пойдёт ни за что на свете. Куда? В эльфийские княжества и царства? В Фальранскую колонию Цайрам, владыка которой получил своё имя в честь отца одного из отступников — великого солнца? Нет... Ей никуда нельзя пойти... Для вампиров она мертва, для магов она преступница, а эльфы решат прогнать её, чтобы не допустить вражды с Фальранией — они не из тех, кто будет терпеть даже малейшие неприятности от чужака. Свой народ им всегда важнее любой войны. Они посмеют выступить против Инарда лишь в том случае, если он нападёт на них. Но никогда ранее. Эльфы — плохие союзники. Даже хуже совершенно беспомощных сильфид. Эльфы сами за себя.

Девушка бежала по лесу, то и дело оглядываясь и прислушиваясь к каждому звуку, то и дело спотыкаясь и почти падая. Разодранными в кровь ногами ступала она по корням деревьев, но бежать не переставала. Сердце её колотилось, готовое выпрыгнуть из груди. Больно. Ужасно больно. Холодно. Ноги едва держат. И только страх — тот животный страх, которым от природы наделены все люди — не позволял ей остановиться, упасть и больше не вставать. Ей не хотелось умирать, не хотелось сдаваться. Только бы убежать подальше от них от всех — от армии этого гнусного подлеца Инарда, от предателя-брatца... Куда-нибудь... Домой ей уже никогда не вернуться, но убежать она ещё в состоянии. Бежать — покуда ещё держат ноги. Пока жизнь бьётся в её груди. Сдаться кажется ей слишком большим позором. Эелана бежала. Старалась не останавливаться, хоть это едва ли ей удавалось. Она никогда раньше не бежала столь долго — для принцессы подобное занятие считалось неприличным. И то, что ноги её ещё до сих пор держат, Эелана может объяснить лишь страхом, который она чувствует.

Наконец, показалась небольшая полянка, и девушка обессиленно упала на землю. Она больше не может. Не может. Эта мысль бьётся в её голове. Она не сможет больше встать. Не сможет продолжить бежать. Всё. Она едва может даже пошевелиться. Она устала, продрогла и хочет есть. Она не хочет куда-то стремиться теперь. Хочет лишь заснуть, забыться беспокойным сном, пробуждение от которого никогда не наступит. Она едва может дышать. Эелане кажется, что её лёгкие горят от холодного воздуха. Эелане кажется, что конец близок. Ближе, чем она даже может себе представить. Ей кажется, что она сейчас потеряет сознание от боли. Эелане хочется закричать, но ни на что не хватает сил. Ей хочется уснуть, но сознание не собирается покидать её. Судьба не желает быть благосклонной к линдеймской принцессе. Судьбе приятнее видеть её страдания, а не помогать ей. А принцесса устала и замёрзла до полусмерти. Она готова умереть, но судьба отказывает ей и в этой милости.

Эелана сделала бы всё, что угодно, чтобы снова оказаться в Линдейме. Чтобы оказаться дома и никогда не покидать родного королевства. Жить и умереть там. На родной земле, а не неизвестно где, в проклятом лесу, богов и духов которого Эелана не знает. Как задобрить ей этих бестелесных созданий здесь, если она даже не знает их имён? Как попасть ей в загробный мир, если она не знает ни одного духа этого леса по имени. Возможно, маги и не считали духов этого и загробного миров стоящими своего внимания, но вампиры-то верили,

что не всё так просто.

Эелана готова была проклинать магов. Проклинать от всего сердца за то, что они сделали с ней и с её семьёй. Но больше всего она ненавидела его — Инарда, этого короля, считавшего всех остальных ниже себя. Знать бы хоть одно проклятье — принцесса рада была бы сейчас знать даже как наслать обыкновенную простуду. Это уже было бы хоть что-то. Видеть эту жестокую бездарность страдающим — вот то, чего принцесса Эелана желает больше всего на свете. Видеть в его глазах такое же отчаяние, которое видела она в глазах своего отца в тот день. И знать, что это случилось только по её вине. Знать, что она не совсем бессильна, что может на что-то повлиять.

Белоснежное некогда платье теперь стало грязно-серым. Руки и ноги девушки, которых раньше едва ли можно было найти нежнее, все в ссадинах и синяках. Волосы её растрепались, а на лице появилась печать страдания. Она почти ползёт, цепляясь руками за землю и за корни деревьев. Нет никаких сил. Эелана прекрасно понимает, что подняться скорее всего не сможет. Но нужно попытаться продолжить двигаться дальше — фальранцы, скорее всего, уже ищут беглянку. И если только принцесса не поторопится, они обязательно её найдут.

Какой-то камень из Древних преграждает ей путь. Эелана пытается приподняться, чтобы получше разглядеть камень — кто знает, быть может на нём написано, как добраться до ближайшего храма, некоторые такие камни ставили около святилищ. И принцесса оказывается права — на этом камне что-то высечено. Только вот разглядеть, что именно, девушка уже не успевает — силы и сознание покидают её.

Х.

Эелана приходит в себя потому, что ногу её пронзает столь страшной болью, что становится просто невозможно и дальше находиться в забытии. Приходит в себя, потому что ей становится слишком жарко, слишком неудобно, слишком тошно... Ей хочется закричать, но горло будто сковано невидимой магической цепью — у Эеланы совсем нет сил кричать. У неё нет сил даже поднять голову. Она приходит в себя и уже хочет разрыдаться от боли и от несправедливости мироздания. Только бы не оказаться снова в плену у магов, только бы не оказаться снова бесправной пленницей!.. Эелана совсем не хочет стать игрушкой в руках Инарда.

Приходит в себя она в тёплом, но довольно тёмном помещении, в мягкой постели... Девушка слышит, как неподалёку трещат дрова в камине. Она осторожно поворачивает голову, пытаясь получше разглядеть окружающую её обстановку, и видит только ветхие стулья, столы и грубо сколоченный сундук. Камин не видно из-за занавески, закрывающей Эелане обзор. Кое-как, с большим трудом принцесса приподнимается на постели и отодвигает занавеску, чтобы разглядеть, что происходит за ней. Всё тело у неё болит, словно её били тяжёлой палкой. Но принцесса изо всех сил старается не плакать.

Девушка, кажется, ровесница Эеланы, сидит рядом с камином, склонившись над книгой. И первое, что бросается принцессе в глаза — её огненно-рыжие волосы. У вампиров редко бывают такие — большинство вампиров имеют тёмные волосы, а маги в большинстве своём светловолосы. Эльфов же Эелана не видела ни разу в жизни. И ничего не слышала об их цвете волос. Зато слышала об их одежде — ни одна эльфийка не надела бы что-то сшитое из столь грубой ткани. Принцесса как-то носила платье, присланное в дар одним из эльфийских царств. Платье было совсем другое по ткани, однако сам крой был весьма похож. Должно быть, это преддверие эльфийских земель — богатого плодородными

землями и золотыми реками края. В преддверии фальранских земель люди обычно носили одежду такую же, как у фальранцев, только сшитую на порядок проще.

Девушка, сидящая у камина, кажется, замечает, что Эелана очнулась. Она встаёт, откладывает книгу в сторону и медленно подходит к кровати принцессы. И только тогда Эелана может разглядеть несколько белых шрамов на её лице. На щеке, на лбу, под нижней губой... Некрасивых белых шрамов, которые делали миловидное в остальном лицо девушки почти уродливым. Походка у девушки быстрая и резкая, не такая, как у благородных барышень, которых с детства учат ходить важно, плавно и медленно, плыть, словно лебедь по водной глади... Но девушка двигается быстро и легко, как двигались обыкновенно молоденькие служанки в доме короля Реонаша, над которыми так любили подшучивать братья Эеланы. Она не кажется линдейской принцессе голодной. Она кажется... Обычной... Довольной своей непростой жизнью, погруженной в повседневные заботы, которым, должно быть, нет числа, в целом очень здоровой и крепкой, несмотря на, возможно, некоторую внешнюю хрупкость, которая улавливалась в чертах лица. Если бы не шрамы, девушка показалась бы Эелане самой обыкновенной служанкой на свете, которых всегда было полно во дворце — кухаркой или горничной...

— Меня зовут Рахэль Херитедж, и я советую тебе оставаться в постели ещё некоторое время! — говорит девушка, мягко улыбаясь.

Что-то в этом Эелане жутко не нравится. То ли в словах, то ли... Девушка не может понять, что именно ей не нравится. О, если бы только была возможность оказаться дома!.. О, если бы только она могла вместе с братьями заниматься магией — тогда всё было бы намного проще! Сейчас Эелана знала бы куда больше, и куда лучше представляла бы, что ей следует делать дальше. Она бы обладала необходимыми познаниями в плане проклятий, примерно представляла бы, что ей стоит учить в первую очередь, чтобы заставить пожалеть Инарда обо всех его злодеяниях. И уж во всяком случае, ей проще было бы сейчас понять, что подозрительного в этой Рахэль Херитедж.

Должно быть, стоит подметить все детали, которые издалека не кажутся важными. Нужно перечислить всё, что кажется важным, думается Эелане. Всё, что кажется важным в этой комнате, в этой девушке... Всё, что кажется Эелане странным сейчас, в этот момент. Начиная от шрамов на лице Рахэль и заканчивая тем, как она очутилась в этой тёплой комнате, тогда как последнее из её воспоминаний — камень с надписью, холодный почти зимний лес и кровоточащие ссадины на ногах...

Комната, в которой Эелана находится сейчас, явно когда-то принадлежала монастырю или крепости. Линдейская принцесса видит это, когда присматривается к стенам. Однако, сейчас здесь не монастырь. И вряд ли крепость. Это жилое помещение, в которой люди живут уже не одно поколение. Довольно бедные люди, у которых вряд ли есть возможность обновить мебель. И нет возможности позволить себе шёлковые или атласные занавески. В Линдейме везде были шёлк и атлас. А тут — нет.

Эелана видит, что девушка одета в яркий красно-оранжевый балахон, а её рыжие вьющиеся волосы узлом сложены на затылке, однако две пряди выбиваются из этой причёски и спадают Рахэль на грудь. Девушка одета очень опрятно, но довольно бедно и просто. Одежда её сшита довольно грубо. И из самого простого материала — принцесса убеждена, что если прикоснуться к этой ткани, можно пальцами почувствовать каждое волокно. Это не эльфийская одежда, так как ткань слишком простая и грубая, однако сам покрой платья Рахэль похож на те, которые носят эльфийки.

Эта самая Рахэль не похожа на мага. Но она и не вампир. И не эльф. Она не похожа ни на человека, ни на сильфиду... словно бы из какого-то религиозного направления — отец говорил, что одно из них было довольно распространённым на этой земле. И эти шрамы на её лице... тонкие, но ровные... Такие не получаются, если пораниться случайно. Чтобы раны вышли столь ровными, нужно приложить для этого много усилий. Возможно, это действительно говорит о том, что Рахэль принадлежит какой-то общине, которая проводит подобные ритуалы. А возможно, кто-то поиздевался над ней. Маги делали вещи куда более отвратительные и ужасные, нежели подобное варварство. Они могли сделать это с Рахэль. Поиздеваться. Посмотреть на то, как кто-то кричит от боли — такое было вполне нормальным для мага.

— Что произошло? — спрашивает принцесса тихо. — Где я?

Рахэль подходит к ней и начинает кормить какой-то похлёбкой. Похлёбка, должно быть, ещё пару дней назад показалась бы Эелане просто отвратительной по вкусу, но сейчас принцессе так сильно хочется есть, что она не обращает на вкус никакого внимания. Она жадно ест, забыв про все манеры, привитые ей матушкой.

Только сейчас Эелана по-настоящему понимает насколько голодна.

Маги почти не кормили их с братом. Брат... Это слово казалось неподходящим. Маги почти не кормили её и предателя её народа. И, должно быть, уже давно убили Михаэля. Но осознание этого нисколько не трогает принцессу. Её брат был предателем, а значит не стоит жалеть о его смерти. Предатель не достоин жизни. Он должен умереть. И даже лучше, если его убьют маги — в таком случае, можно представить, что он искупил свою вину или попросту не предавал. В таком случае, можно представить, что его убили там — в Реонхейме. Вместе с Ерином и отцом.

Эелана сама прекрасно знает ответ на свой вопрос — произошла война. Не будь её, она бы до сих пор сидела в своём Линдейме и вышивала бы себе приданное. Не будь войны, Эелана была бы самой счастливой девочкой, которую только можно представить — принцессой, красавицей, единственной дочерью, младшей сестрой... Её жизнь была бы самой лучшей из всех, что только можно вообразить.

— Мы увидели тебя в лесу, — улыбается Рахэль. — Ты была без сознания, и мы перенесли тебя к нам.

Принцессе не нравится эта девушка. Разве может человек всё время улыбаться? Разве может почти смеяться, зная, что происходит вокруг?.. Зная, что маги безжалостно расправляются со всеми городами и деревнями на своём пути? Зная, что Фальрания — эта кровоточащая зловонная язва на теле Осмальерда — существует? Разве можно было радоваться жизни, когда всем вокруг было так плохо?.. Разве можно было так открыто и просто улыбаться, видя чьи-то страдания?..

Рахэль кажется радостной. Вот что было не так. Король Реонаш говорил дочери, что люди теперь совсем перестали смеяться или улыбаться. Эелана всегда старалась запоминать каждое его слово. Однако Рахэль чему-то радуется. И видимых причин тому нет. Или Эелана об этих причинах совсем ничего не знает.

Рахэль Херитедж не похожа на девочку, которая совершенно ничего не знает о войне. Она не кажется совсем наивной или глупенькой. Рахэль похожа на тех девочек, которые жили в королевском дворце в Линдейме. И даже не на служанок, этих созданий, всегда готовых солгать и угодить человеку побогаче и повлиятельнее. Рахэль кажется вполне похожей на дочку какой-нибудь придворной дамы матери Эеланы. У королевы Эрлены

некогда было очень много придворных дам. Эелана знала их всех по именам, а они души не чаяли в маленькой принцессе — считали её очаровательным маленьким созданием, которое было куда более послушным, нежели её старшие братья. Она и была более послушной. Даже Михаэля... Тот, впрочем, был столь труслив, столь стеснителен, столь робок, что его никогда не воспринимали всерьёз... В отличие от Ариозелира — четырнадцатого ребёнка Реонаша и Эрлены. Ариозелир был упрям, однако никогда не шёл напролом, всегда был вежлив и спокоен. Он был умным. Эелана знала это, он был — или считался — самым умным из принцев. И возможно, и самым послушным из них... Возможно, даже послушнее Эеланы. Он никогда не возражал. И никогда не делал ничего предосудительного. Разве что был иногда весьма жесток к Михаэлю — мог резко говорить с ним, забрать что-то из игрушек и даже шлёпнуть. Однако он был равнодушен ко всем остальным. Братья не слишком любили его, однако не стремились как-то обидеть, он и сам редко кого обижал. Просто сидел в стороне и занимался своим делом. Эелана никогда не видела его играющим с кем-то из старших братьев — к Михаэлю или самой Эелане он и вовсе старался не подходить без необходимости.

У Эеланы было пятнадцать братьев, восемь из которых были мертвы, а об одном из них даже вспоминать не хотелось, столь было мерзко. Девушке так хотелось к матери, та, должно быть, была убита горем — она-то считала десятерых своих детей погибшими. И мужа, горячо любимого мужа... Девушке было очень её жаль. Как, должно быть, тяжело королеве Эрлене сейчас... Возможно, даже тяжелее, чем самой принцессе, которой нужно придумывать, как выживать. Мысли же королевы вряд ли может занять что-то подобное.

— Кто вы такие? — спрашивает Эелана настороженно.

Кто все эти люди? Зачем они спасли её? Принцесса почти умерла. Она потеряла сознание и, бесспорно, проведи ещё несколько часов на холоде, обязательно умерла бы. Однако они спасли её. И некоторое время заботились о ней. Зачем? Какой в этом был смысл? Её королевство было далеко, её отец и многие из братьев были мертвы, а маги были столь близко...

Зачем? Что им было нужно от неё? Эелана вряд ли могла что-то подарить им, кроме собственной жизни. У неё не было ничего. Все дорогие вещи остались там — в обозе, в котором их везли. Один из стражников заставил Эелану снять все украшения. Или, быть может, им была нужна её жизнь? Возможно, всё было именно так. Иначе принцесса просто не видела во всём смысла.

— Мой народ живёт в стенах этого монастыря уже почти пятьдесят лет, — всё с той же улыбкой говорит Рахэль. — Можешь не беспокоиться — магам столь жалкие создания, как мы, совершенно не нужны, так что здесь ты в безопасности.

Кто они — твой народ, хочется спросить Эелане, но она не осмеливается. Должно быть, она и без того задала сегодня слишком много вопросов. Любопытство может переполнить чашу терпения и самого спокойного человека. Нет... Лучше лечь спать, выспаться, отдохнуть, а уже завтра приставать с вопросами.

Рахэль скоро отходит. Возвращает отодвинутую принцессой занавеску на место и, улыбаясь, говорит, что будет неподалёку, если что-то понадобится. Вообще-то, это и её комната тоже, говорит Рахэль. Так что, теперь они будут делить комнату втроём. Кто будет ещё — Эелана спросить уже не успевает. Она может лишь надеяться, что этот человек примет её так же радушно, как эта девушка.

И принцесса вампиров почти проваливается в сон. Она вспоминает своего отца,

доблестного короля Линдейма, Реонаша... Она перечисляет имена всех погибших братьев — Артур, Реон, Оливер, Шенирдон, Самалиэнд, Норхок, Ликард, Ерин... Вспоминает эти юношей, которыми она их помнила... Вспоминает их красивые лица, их насмешливые и снисходительные взгляды... Она вспоминает маму, свою красивую и добрую маму, королеву Эрлину... И девушке хочется плакать. Матушка всегда выделяла её из своих детей — она была девочкой, к тому же самой младшей...

Элана почти спит. Только почти. Она чувствует себя до безумия уставшей. И очень несчастной. Ей хочется плакать, но слёз нет. Принцесса лежит с открытыми глазами и едва соображает, что происходит. Она пытается слушать тишину вокруг себя. Пытается различить в ней хоть что-нибудь, что могло бы ей помочь разобраться в том, что происходит вокруг, кто все эти люди, что спасли её... Она просто лежит на спине и слушает, ничего не говорит, старается дышать как можно более спокойно. Не шевелиться и ничего не чувствовать. Не чувствовать боли во всём теле.

— Магов мы не слишком жалуем, Рахэль, — уже засыпая, сквозь сон слышит Элана чей-то голос, — но мы с ними не воюем. И воевать не собираемся. Они сильны, а мы нет. У нас нечего брать. Им незачем враждовать с нами.

Элане кажется смутно знакомым этот женский голос. Она определённо где-то слышала его ранее. Но вот только где? Кто говорил с ней — или при ней — с такой интонацией? Впрочем, обо всём она подумает завтра. Сейчас она уснёт, а когда проснётся завтра, сумеет решить, какой из вопросов в её голове наиболее важен.

XI.

— Умри! — шепчет девушка одними губами. — Умри ты. И вся твоя семья. Пусть будет уничтожено всё, что тебе так дорого, пусть твои надежды и мечты обратятся в пыль... Умри. Ребёнок в твоём чреве не должен жить. Умри. Умри.

Девушка твердила свои проклятья, а Хильдегер лишь вздрагивала от ужаса и силилась проснуться. Наложница фальранского короля боялась, что это окажется правдой — жестокой правдой, в которую совершенно не хотелось верить. Она вскакивает с постели так быстро, как только может в своём состоянии. Никого нет рядом... Инард обычно всегда задерживается допоздна на своих советах, а потом уже идёт спать в свои покои, минуя комнаты Хильдегер, а служанок она отпустила, не слишком доверяя им. Девушке казалось, что кто-то из служанок был нанят матерью Инарда, а та не слишком любила её.

Хильдегер дрожала. Ей было холодно и страшно. Она чувствовала себя настолько слабой, настолько уязвимой, что начинала бояться ещё больше. Она едва была в состоянии сделать что-либо. И от этого становилось страшнее с каждой минутой. Живот мешал ей, сильно мешал. Хильдегер едва может справиться со своей одеждой. Она кое-как надевает на себя одно из платьев, самое простое и самое тёплое, которое обыкновенно надевалось в дорогу под другие платья. А надевать сапоги кажется Хильдегер просто пыткой... С горем пополам она справляется с этой задачей.

Кто была та девушка? Кто была та злая девушка, которая проклинала её?.. Хильдегер не смогла разглядеть лица... Хильдегер не смотрела на лицо той девушки, она слышала лишь её злые слова. Лицо, кажется, было прикрыто вампирской вуалью — белой, едва прозрачной, как те, которые носят богатые девушки из вампиров на похоронах очень близких родственников.

Хильдегер не помнит себя от ужаса. Она ведь никогда не считала себя трусихой... Но в этот раз ей почему-то страшно. Она всегда считала себя довольно смелой. Она не боялась

метели. Почти не боялась крови и сражений... Она могла бы стать королю Инарду хорошей женой, если бы он этого захотел.

Она приходит в себя уже в кресле перед камином. Её ещё бьёт дрожь, но она чувствует, как сильные руки Инарда обнимают её. И Хильдегер кажется, что часть страхов покидает её. Они больше не сковывают цепью её сознание. Девушка осторожно касается пальцами плотной шерсти рукава, чтобы убедиться, что руки её короля — не продолжение того сна. Хильдегер понимает, что это глупость. Должно быть. Ни матушка, ни сёстры Инарда не позволили бы себе такой вольности — теревить короля за рукав. Ни одна из наложниц фальранского владыки не позволила бы себе такой вольности. А Хильдегер позволяла. И, что самое важное, позволяли ей.

— Зачем ты вышла на мороз? — спросил её Инард.

Голос короля необыкновенно мягок. Он кажется всерьёз обеспокоенным произошедшим. Взволнованным... Но Хильдегер вряд ли может ответить что-то вразумительное на этот вопрос. Она и сама толком не знает, зачем выбежала на балкон. Там было холодно. И темно. И ещё более страшно. Зачем она выбежала? Какой злой дух овладел ей в тот момент? Хильдегер до сих пор дрожала. От страха и от холода. И фигура той девушки, лицо которой было закрыто вампирской вуалью, всё ещё встают перед её глазами.

Конец Великой Зимы нужно заслужить. Конец Великой Зимы невозможно выпросить у неба — небо останется глухо к мольбам, если сам человек не будет ничего делать. Но если человек только постарается сделать что-то, что в его силах, если он сделает это — зима наконец отступит. Маги шли на юг — туда, где были плодородные земли... Вампиры уже давно не хотели даже торговать с Фальранией — задолго до того, как началась эта война. Но Хильдегер уверена, что это одна из причин этого затянувшегося кровопролития — то, что вампирские королевства перестали торговать с Фальранией.

Хильдегер совсем не хочется говорить, что ей приснилось, как какая-то девушка желала смерти ей, её королю, всем его будущим детям, всей Фальрании... Хильдегер совсем не хочется признаваться, что она испугалась какого-то дурацкого сна. Инард лишь пошутит, что кошмары снятся ей так часто потому, что у неё нет покровителя. У всех северных фальранцев есть покровители — люди из древних, которых им выбирали при рождении. Обычно выбирали кого-то из тех, кто прославился в битвах или другими славными делами. Обычно выбирали древних героев. Вроде Наримана, Саргона, Аваре или Неруса. Тех, кто особенно почитался магами.

Девушка хотела бы уехать из Арионма. Уехать навсегда, без оглядки. И жить в одном из замков на самом севере. И радоваться первым шагам своих детей. Даже если родится девочка, Хильдегер здорова и сможет родить ещё. И ещё, и ещё — пока не родится мальчик, достойный наследник королю Инарду. Она обязательно родит Инарду мальчика. И даже не одного. Хильдегер уверена в этом. Король будет счастлив рядом с ней...

Где-то на груди у Инарда кулон в виде знака Хейдена — схематического изображения кинжала, молнии и кошеля, из чёрного металла. Его Величество как-то говорил ей, что его дед выбрал покровителя своему внуку из Сонма Проклятых. Хильдегер слышала, что у самого Леафана покровитель был тоже из Сонма. Вроде как — Саргон. Девушка не слишком понимала причин, побудивших Леафана выбрать для внука именно Хейдена. Инард совсем не был на него похож. И Хейден не был героем или воином. Чернокнижник был обыкновенным хитрецом, который делал всё для сохранения собственной жизни. Нет, шепчет Хильдегер внутренний голос. В том-то и дело, что необыкновенным... Если бы

Танатос был обыкновенным, он никогда не смог зажечь солнце, благодаря которому существовало уже много поколений людей. Должно быть, в этом и было всё дело. Однако, пожалуй, сама Хильдегер в покровители Инарду выбрала бы короля Роланда.

— Я боюсь... — шепчет Хильдегер, прижимаясь к нему, — я очень боюсь, мой король...

Её губы не слушаются. Девушка кажется совсем замёрзшей. Или до смерти напуганной. Одно из двух. Или всё вместе — её тело сотрясает дрожь, а губы так бледны, что мужчина может заподозрить что угодно. Вплоть до измены, которой не было и которой быть не могло. Но Инард не слишком ревнив, и в этом его достоинство.

Инард редко совершает необдуманные поступки. И он уверен в себе. Во всяком случае, сейчас. Иногда Хильдегер кажется, что король не умеет ревновать, однако проверять это девушке совершенно не хочется — это было бы просто предательством. А ещё рядом с Инардом Хильдегер чувствует себя намного спокойнее. Он сможет что-нибудь придумать, она верит в это. Сможет защитить её и, главное, их ребёнка. Он сильный, смелый и очень умный. А ещё он не скован по рукам и ногам, как сама Хильдегер.

— Не бойся! — смеётся Инард. — Что с тобой может случиться, если рядом с тобой лучшие воины и лучшие лекари во всей Фальрании?!

Он редко смеётся, и обычно, если только Хильдегер видела его улыбку, ей самой хотелось смеяться, но сейчас... Сейчас она не может думать ни о чём, кроме того страшного проклятья, что приснилось ей. В другое время Хильдегер поцеловала бы его, если бы только увидела, что он улыбается. Она любила Инарда всем своим сердцем, пусть его мать и сёстры и считали это неправдой.

У Хильдегер едва складываются отношения с семьёй короля. Конечно... Кто она такая, чтобы претендовать на место в его сердце? Кто она такая, чтобы рассчитывать на его любовь или хотя бы расположение? Обыкновенная наглая девчонка, южанка для них, чужачка, практически враг... Будь жив старик Леафан — она даже близко не смогла подойти к его внуку... Старый король всегда относился к её народу с недоверием, хотя они и были уже давно частью Фальрании.

— Она проклинала меня, — говорит Хильдегер, почти всхлипывая. — Она проклинала меня, нашего ребёнка и... и всю Фальранию!

Девушка прижимается к Инарду и плачет. Слёзы сами текут по её лицу, а она всё говорит и говорит. И кажется, даже не замечает того, что перешла на свой родной язык, которого Инард уже не понимает... Она всегда срывается на родную речь, когда волнуется. Начинает торопиться, говорить глупости... А говорить глупости всё-таки куда легче на родном языке, он кажется более для этого приспособленным.

Её родной язык более певучий, нежели фальранским. В том слова кажутся отрывистыми, жёсткими, грубоватыми, резкими, а её язык плавный и красивый. Хильдегер куда больше его любит. На фальранском можно говорить только быстро, чётко, почти отрывисто. Во всяком случае, она может только так. Сами фальранцы даже поют на нём. И поют очень красиво. Хильдегер хотелось бы слышать их пение чаще.

— Какого цвета были её глаза? Зелёные? — Инард кажется нетерпеливым. Непривычно нетерпеливым. Обычно он всегда спокоен и хладнокровен.

Через пару часов Хильдегер покажется это странным, но в этот момент она не обращает на волнение Инарда никакого внимания. В этот момент всё, всё, кроме того кошмара кажется ей маловажным. Она думает только о той девушке, только о её словах и о том, есть

ли способы избежать смерти её ребёнка.

Она пытается вспомнить, пытается вернуть то видение. Через прорезь в вампирской вуали на неё смотрели глаза той девушки. Но они уж точно не были зелёными, они были почти красными. Какие обычно бывают у вампиров. Разве могут быть у вампиров зелёные глаза? Эта мысль кажется Хильдегер сущей глупостью! Возможно — серыми, фиолетовыми, карими... Ну в крайнем случае — голубыми. Но не жёлтыми и не зелёными точно.

— Нет... — качает головой Хильдегер. — Нет, глаза у неё были...

Лицо Инарда снова становится спокойным. Из взгляда почти мгновенно исчезает волнение. Хильдегер не слишком понимает, с чего бы это. Она вообще ничего не понимает, если говорить правду. Почему он перестал нервничать сразу, как только услышал, что глаза у той девчонки не зелёного цвета?

Он снова становится тем ледяным королём, которым его привыкли видеть. Бесстрастным и почти равнодушным. Спокойным... Он всегда старается держать равнодушный вид, если не взволнован настолько сильно, что сил на выдержку не остаётся. И сейчас он сумел вернуть себе самообладание.

— Это просто сон, — перебивает её король. — Всем снятся страшные сны. И мало у кого они сбываются.

Только не у меня, хочется сказать Хильдегер. «У меня все сны — вещие...» Только не у меня, хочется сказать Хильдегер, но она молчит, понимая, что Инард, как бы сильно он её не любил, посчитает это обычной причудой женщины, которая скоро должна стать матерью. Он не верит в пророков. Он верит только в то, что может потрогать, почувствовать, но никогда не поверит во что-то иное, что-то, недоступное разуму. Король должен верить только тому, что он может понять, опираться на факты, говорил ей как-то Инард. Иначе горе тому королевству, которым он правит.

— Куда ты едешь? — спрашивает она так тихо, что Инарду сначала кажется, что ему просто послышалось.

Девушка боится, что, если она скажет эти слова хотя бы чуточку громче, она снова расплачется. Ей совсем не хочется плакать снова. Ей так хорошо в объятиях Инарда, что она очень боится испортить это хрупкое ощущение покоя и счастья. Жизнь короля никогда не бывает спокойной. Жизнь королевы или наложницы короля — тем более.

Хильдегер осторожно расстёгивает его плащ. Тяжёлый плащ из грубой шерсти, очень тёплый, под который девушка так любит забираться... Хильдегер снимает с Инарда плащ, после чего снимает и рубашку — он явно уже собирался отправляться ко сну, когда бросился на мороз, чтобы привести её обратно домой и усадить у камина. Инард умеет быть заботливым, когда считает заботу необходимой. Или просто важной. Хильдегер улыбается этой мысли. Она была важна ему.

Девушка совсем не хочет, чтобы король куда-то уезжал. Лучше бы ему остаться здесь, в Арионме... Зачем ему ехать куда-то? Он — король. Он — единственный законный претендент на престол Фальрании. Без него королевство погибнет. Хильдегер ещё даже не родила. Зачем ему ехать куда-то далеко?.. Хильдегер совершенно этого не понимает.

— В Вирджилисскую цитадель. Возникли непредвиденные обстоятельства. Кажется, у цитадели снова есть Сердце.

Хильдегер прижимается к нему и почти невесомо проводит пальцами по давнему шраму на груди своего короля — кажется, Инард говорил, что получил его лет в четырнадцать-пятнадцать, когда был слишком неосторожен в драке с одним мальчишкой. Она касается

того амулета Хейдена, который всегда остаётся горячим... Она касается амулета, который переходил в правящей семье Фальрании от отца к сыну, тому амулету, который в её руках начинал светиться зелёным, а в руке у Инарда был тёмно-синим...

— Уриолан скоро падёт, — шепчет Хильдегер Инард, мягко перехватывая её запястье. — Скоро мы сделаем Линдейм нашей провинцией... Там теплее. Возможно, ты будешь лучше себя чувствовать там... Не один принц, так второй покажет мне дорогу туда.

Больше книг на сайте — Knigolub.net